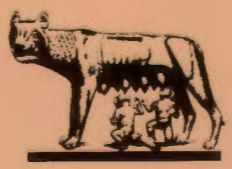
Muzeul Național de Istorie a Moldovei

Tyragetia

Arheologie
Istorie Antică

SERIE NOUĂ

Vol. VIII [XXIII] nr. 1



2014

Tyragetia

Arheologie
Istorie Antică

SERIE NOUĂ

Vol. VIII [XXIII] nr. 1

Chişinău
2014

ISSN 1857-0240 Categoria B

MUZEUL NAȚIONAL DE ISTORIE A MOLDOVEI

TYRAGETIA

Colegiul de redacție

Redactor responsabil: dr. hab. Eugen Sava
Secretar de redacție: dr. Aurel Zanoci
Redactori: Vlad Pohilă, Mariana Balan

Membri: dr. Marius Alexianu (Iaşi); dr. Ana Boldureanu (Chişinău); dr. Nikolaus Boroffka (Berlin); dr. Maria Danilov (Chişinău); dr. hab. Ion Eremia (Chişinău); dr. hab. Alexander Falileyev (Aberystwyth University Ceredigion); dr. Elke Kaiser (Berlin); dr. Maia Kašuba (Chişinău); dr. Igor Manzura (Chişinău); dr. Eugen Nicolae (Bucureşti); dr. hab. Ion Niculiță (Chişinău); dr. Virgil Nițulescu (Bucureşti); dr. hab. Elena Ploșniță (Chişinău); dr. Elena Postică (Chişinău); dr. hab. Gheorghe Postică (Chişinău); dr. Ion Tentiuc (Chişinău); dr. hab. Valentin Tomuleț (Chişinău); dr. Victor Trifonov (Sankt Petersburg); dr. Lilia Zabolotnaia (Chişinău).

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialişti în domeniu.
All the papers to be published are reviewed by experts.

Revista „Tyragetia” apare de două ori pe an.
Journal „Tyragetia” appears twice a year.

Manuscrisele, cărțile şi revistele pentru schimb, precum şi orice corespondență se vor trimite pe adresa Colegiului de redacție al „Tyragetiei”: *Muzeul Național de Istorie a Moldovei, str. 31 August 1989 nr. 121 ”A”, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova*. Tel. (0373+22) 238279, e-mail: tyragetia@starnet.md

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the „Tyragetia”: *Muzeul Național de Istorie a Moldovei, str. 31 August 1989 nr. 121 ”A”, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova*. Tel. (0373+22) 238279, e-mail: tyragetia@starnet.md

Design: Ivan Litsuk, Mihai Sava

© Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei

Verum ab Histro oppida Cremniscoe, Aepolium, montes Macrocremni, clarus amnis Tyra, oppido nomen inponens ubi antea Ophiusa dicebatur. In eodem insulam spatiosam incolunt **Tyragetae**; abest a Pseudostomo Histri ostio CXXX.

Plinii Secundi, *Naturalis Historia*, IV, 12 (26), 82

Iar de la Istru înainte se află oraşele Cremniscoe, Aepolium, munţii Macrocremni, vestitul fluviu Tyras, care dă numele şi oraşului, numit odinioară Ophiusa. Tot acolo este o insulă întinsă, locuită de **tirageţi**, la o depărtare de o sută treizeci de mii de paşi de braţul Pseudostomon al Istrului.

Pliniu cel Bătrân, *Istoria naturală*, IV, 12 (26), 82

CUPRINS
(Contents)

I. Studii (Researches)

Денис Топал
Акинаки на западных рубежах Скифии. Находки скифских мечей и кинжалов с территории Республики Молдова (Akinakai on the western frontiers of Scythia. Scythian swords and daggers from the territory of the Republic of Moldova) 7

Gheorghe Postică, Ion Tentiuc
Amulete-călăreţi din bronz din perioada medievală timpurie în spaţiul carpato-nistrean (Early medieval bronze amulets representing horsemen from the Carpathian-Dniester region) 45

II. Materiale şi cercetări (Papers and surveys)

Дмитрий Киосак, Игорь Бруяко, Владимир Денисюк
Комплекс археологических памятников «Каменное-Завалье» в Среднем Побужье: работы 2011-2012 гг. (The complex of archaeological sites "Kamyane-Zavallia" in the Middle Bug River valley: investigations in 2011-2012) 73

Robin Brigand, Andrei Asăndulesei, Ionuţ Nicu Cristi
Autour de la station éponyme de Cucuteni: paysage et peuplement (Valea Oii, Iaşi, Roumanie) (Peisaj şi aşezări în jurul staţiunii eponime a culturii Cucuteni (Valea Oii, Iaşi, România) 89

Михаил Видейко, Джон Чапмен, Наталья Бурдо, Биссерка Гейдарская, Стоилка Игнатова, Светлана Иванова, Виталий Рудь
Исследования по проекту «Ранняя урбанизация в праисторической Европе?: трипольские мегапоселения» в 2013 году (Research project "Early urbanism in prehistoric Europe: the case of the Trypillian mega-sites" in 2013) 107

Nicolae Ursulescu
Some observations on the Cucuteni-Tripolye stone figurines (Unele observaţii privind figurinele de piatră ale culturii Cucuteni-Tripolie) 145

Stanislav Țerna
Aşezarea tripoliană tardivă de lângă satul Voloviţa (raionul Soroca, Republica Moldova) (Late Tripolian settlement near the village of Voloviţa (Soroca District, Republic of Moldova) 155

Vasile Diaconu
Simboluri sociale în epoca bronzului. Sceptre de corn şi os (Social symbols in the Bronze Age. Antler and bone scepters) 173

Mariana Sîrbu
Piese de bronz descoperite în aşezările de tip Noua-Sabatinovka din spaţiul Prut-Nistru (Bronze objects found in the settlements of Noua-Sabatinovka type in the Prut-Dniester area) 185

Serghei Agulnikov, Eugen Mistreanu, Sergiu Popovici
Tumulii de la Brînzenii Noi şi Rogojeni (cercetări arheologice de salvare 2013) (Tumuli (kurgans) from Brînzenii Noi and Rogojeni (Rescue Archaeological Research 2013) 203

Сергей Фидельский
Жилые сооружения чернолесской культуры Днестровско-Днепровского лесостепного междуречья (анализ, типология, сравнительная характеристика) (Dwellings of the Chernoles culture in the forest-steppe between the Dniester and Dnieper Rivers (analysis, typology and comparative analysis) 217

Ion Niculiţă, Aurel Zanoci, Mihail Băţ
Cercetări geospaţiale şi arheologice în microzona Horodişte-Ţipova (raionul Rezina, Republica Moldova) (Geospatial and archaeological research in the micro-zone of Horodişte-Tipova) 235

Станислав Задников
Комплекс античных амфор первой половины VI в. до н.э. из ямы 11 зольника 13 Западного Бельского городища (Complex of antique amphorae of the 1st half of the 6th century BC from the pit no. 11 of the "ashpit" no. 13 of the Western Bilsk Fortification) 253

Natalia Mateevici, Mihai Ionescu
Un lot nou de ştampile greceşti descoperite in centrul vechiului Callatis (New collection of ceramic amphora stamps from the center of the ancient Callatis) 267

Andrei Corobcean
Vestigiile secolelor V-III a. Chr. din spaţiul carpato-nistrean ca sursă a interpretării etnice. Aspecte istoriografice (Archaeological vestiges of the 5th-3rd centuries BC in the Carpathian-Dniester region as a source of ethnic interpretation. Historiographical issues) 275

Николай Тельнов, Виталий Синика
Миски из скифских погребальных памятников конца IV-II в. до н.э. на левобережье Нижнего Днестра (Bowls from the scythian burial monuments of the end of IV-II century BC on the left bank of the Lower Dniester) 287

Aydogdy Kurbanov
The Hephthalites: iconographical materials (Eftaliţii. Materiale iconografice)..... 317

Octavian Munteanu, Ion Tetntiuc
O locuinţă din secolul al XV-lea cercetată în incinta fortificaţiei getice de la Horodca Mică (A house of the 15th century explored in the fortified settlement of Horodca Mică)..... 335

Gheorghe Postică
Perla cu portretele miniaturale în mozaic ale împăraţilor romani Constantin cel Mare, Constantinus II si Constanţius II descoperită la Bursuceni, Republica Moldova (Die Perlenmosaik mit Miniaturporträts des römischen Kaisers Konstantin der Große, Constantinus II und Constantius II aus Bursuceni, Republik Moldau) 347

Ana Boldureanu
Cronica descoperirilor monetare (VIII) (Chronicle of monetary findings (VIII)..... 363

III. Recenzii şi prezentări de carte (Paper and book review)

Ion Tentiuc, Contribuţii la istoria şi arheologia spaţiului pruto-nistrean. Siturile de la Durleşti şi Moleşti, Chişinău, 2012, 288 p. ISBN 978-9975-80-667-1 *(Vitalie Josanu)*..... 371

Lia Bătrâna, Adrian Bătrâna, Biserica „Sfântul Nicolae" din Rădăuţi. Cercetări arheologice şi interpretări istorice asupra începuturilor Ţării Moldovei, Editor: Gheorghe Dumitroaia, Piatra Neamţ: Editura Constantin Matasă, 2012, 518 p. ISBN 978-973-7777-22-5 *(Ion Eremia)* 375

IV. Omagieri (Homage)

Profesorul, savantul şi omul de cultură Gheorghe Postică la 60 de ani *(Ion Tentiuc)* 385

Lista abrevierilor (List of abbreviation) 389

Condiţiile de publicare în revista „Tyragetia"..... 392

The following conditions for publishing in the „Tyragetia" journal..... 393

Условия для публикации в журнале «Tyragetia» 394

АКИНАКИ НА ЗАПАДНЫХ РУБЕЖАХ СКИФИИ. НАХОДКИ СКИФСКИХ МЕЧЕЙ И КИНЖАЛОВ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

Денис Топал

Опыт показывает, что работы, посвященные типологии отдельных категорий материальной культуры, нуждаются в тесном взаимодействии с исследованием региональных особенностей. К тому же, смена исследовательской оптики способна оказать благотворное влияние на процесс изучения общих тенденций в материале, если этот процесс тесно связан с фундаментом любых типологических построений – пространственными и временными отношениями. Поэтому, кроме публикации новых данных и частичной републикации уже известных, в задачи данной работы входит проверка отдельных типологических наблюдений такой специфической категории скифской материальной культуры, как клинковое оружие Карпато-Днестровского региона.

Известно, что первые открытия в скифской археологии относятся еще к XVIII в. (раскопки 1763 г. по поручению генерал-губернатора Новороссийского края А.П. Мельгунова) (Тункина 1998, 12-21; Тункина 2006, 135-137) и первой половине XIX в. (раскопки аристократических курганов Куль-Оба, Кекуватского в Крыму в 1830 г. и Александропольского в 1852 г.) (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, 7). Возможно, именно эти яркие открытия помешали свернуть изучение античности в период «николаевской реакции»: так, после раскопок Куль-обы начинается погоня за эффектными находками, хотя археологией занимаются чиновники, часто без специальной научной подготовки (Формозов 1961, 54). Тем не менее, именно в начале XIX в. формируются первые археологические музеи России и появляются первые археологи-профессионалы (Формозов 1961, 43; Лебедев 1992, 61). В 1846 г. было основано Императорское русское археологическое общество, но в течение первых 25 лет своего существовании раскопки им осуществлялись редко, не систематически и без определенного плана (Веселовский 1900, 207). Поэтому первые планомерные публикации предметов скифского вооружения относятся ко времени не позднее 70-х гг. XIX в.[1] и связаны, в основном, с деятельностью научного центра Российской империи – Императорской археологической комиссии[2] (основанной в 1859 г.) и изучением комплексов курганов Острая Томаковская могила в 1861 г. и Чертомлык в 1862-1863 гг. (ДГС 1872, 59, 74).

Однако вторая половина XIX в. – это время первых открытий и на западных рубежах Скифии. В 1871 г. было раскопано погребение у с. Аркита в Трансильвании[3], содержавшее по крайней мере один акинак (Goos 1876, Taf. 4, 1-5), а в 1882 г. – знаменитый комплекс золотых изделий из Феттерсфельде (совр. – Виташково, Польша) (Furtwaengler 1883, 4). В 1876 г. издан каталог преисторической коллекции Будапештского музея, в который вошли скифские мечи и кинжалы из Арданово, Нограда и Пилинь (Hampel 1876, 23, fig. 7; 49, fig. 34; 129, fig. 127), на территории Венгрии было раскопано известное погребение 1907 г. у Дьёндьёша (Marton 1908) и обнаружен кинжал скифского типа у Сирмабешеньё (Reinecke 1897, áb. 10; Lehoczky 1912, áb. VII). К тому же времени относится находка единственного кинжала с территории Сербии — из Вршаца (рум. Выр-

[1] Систематическое изучение оружия античности началось немногим раньше, с 60-х гг. XIX в. (Coussin 1926, VII). Правда, исследования античного вооружения ограничивались компилятивными сводками из письменных источников, в стороне оставалась эволюция оружия, оно представлялось застывшим, неизменным на протяжении 10-12 веков (Сокольский 1954, 124).

[2] Исключение составляет монументальный свод «Древности Босфора Киммерийского», выпущенный в 1854 г. (и переизданный в 1892 г. на французском – Antiquités 1892) , в который вошли два меча из раскопок А.Б. Ашика – из Куль-обы и кургана Кекуватского (ДБК 1854, табл. XXVI/2, XXVII/9, 10).

[3] В 1880-90-е гг. были опубликованы погребения с мечами и отдельные находки из Трансильвании – Доболий де Жос (венг. Альдобой) (Nagy 1886), Брашова (Gusbeth 1890), Аюда (Нагиенид), Мирэслэу (венг. Миришло), Беника (венг. Бенедек) (Hereréy 1897; Hampel 1897).

шец) (Milleker 1898, áb. 1; Pârvan 1926, fig. 249). Что касается территории современной Республики Молдова, в 1925-1930 гг. бессарабским антропологом А. Доничем был исследован разрушенный курганный могильник у с. Нэвырнец[4] на Среднем Пруту (совр. Фалештский район), в результате чего были обнаружены два кинжала-акинака с антенным навершием и сердцевидным перекрестьем (Donici 1928, 323, fig. 1, 2).

В дальнейшем этот материал привлекался для составления первых крупных сводов скифского клинкового оружия – В. Гинтерса (1928) и А.И. Мелюковой (1964). В. Гинтерс собрал практически все имеющиеся на тот момент сведения о скифском и сарматском клинковом оружии, причем с территории не только Южной России, но и Центральной Европы[5]. По словам самого Гинтерса, несмотря на то, что меч можно рассматривать с различных точек зрения (искусствоведческой, технико-оружиеведческой), в этой работе он ограничился «формальным анализом выделенных морфологических групп, их развития и взаимодействия» (Ginters 1928, 5). Отделив исходя из формы перекрестья, скифские мечи и кинжалы с сердцевидным перекрестьем от сарматских – с прямым, В. Гинтерс выделил несколько групп скифских мечей по форме навершия – мечи с *овальным и стержневидным навершием* (mit ovalem und querstabartigem Knauf), *плоским овальным* (mit flachovalem Knauf) и *антенновидным* (mit Antennenknauf)[6]. Этому классификационному делению, правда, предшествуют главы, посвященные описанию парадных мечей архаической Скифии (как отдельной морфологической группы) и персидских акинаков (главным образом по письменным источникам и изображениям) (Ginters 1928, 7, 21-23). Отдельно рассматриваются также и специфические формы из Подунавья (с территории Венгрии и Румынии), в том числе и однолезвийные акинаки из Альфёльда и Трансильвании; один из подразделов посвящен ножнам мечей и способу ношения. В целом, можно сказать, что В. Гинтерс рассматривал перекрестье («сердцевидное» с небольшими вариациями) всех учтенных им акинаков как единый типообразующий феномен. Морфологические (а следовательно, и хронологические) различия, по его мнению, исходили из разнообразия в оформлении навершия. Вопрос о происхождении акинака В. Гинтерс оставляет открытым, что можно объяснить состоянием источников на тот момент (Литвинский 2001, 49). Действительно, тогда поиск прототипа вряд ли мог быть обречен на успех, поэтому В. Гинтерс заключает, что «на территорию Южной России акинак приходит уже в сложившемся виде» (Ginters 1928, 88), хотя и указывает на иранский Восток в качестве отправной точки, поскольку он встречается «только в иранских или иранизированных областях» (Ginters 1928, 89). Справедливости ради стоит отметить, что работа В. Гинтерса оставалась главным источником по истории развития клинкового вооружения скифо-сарматского периода до середины 60-х годов (Vulpe 1990, 2), вплоть до выхода «Вооружения скифов» А. И. Мелюковой.

К моменту издания монографии в 1964 г.[7] А.И. Мелюковой было известно около 100 экземпляров[8] из коллекций Эрмитажа, Государственного исторического музея, Киевского исторического музея и по отдельным изданиям (Мелюкова 1964, 47). Исследование предметов скифского вооружения предваря-

[4] К сожалению, информация об этих раскопках и, в частности, о находках данных кинжалов долгое время оставалась невостребованной широкой научной аудиторией, хотя отдельные упоминания о них в литературе и появлялись (Arnăut 2003, 238; Popovici 2012, 359).

[5] По всей видимости, В. Гинтерс оперировал выборкой скифских мечей, состоящей более чем из 60 экземпляров, с территории современных России, Украины, Германии, Польши, Венгрии, Сербии и Румынии.

[6] В какой-то мере, на В. Гинтерса в вопросе выбора именно таких критериев для классификации оказали влияние наблюдения М.И. Ростовцева (Ginters 1928, 5).

[7] В 1950 г. на кафедре археологии МГУ А.И. Мелюкова защищает диссертацию «Вооружение, войско и военное искусство скифов», и, несмотря на то, что монография на ее основе будет издана спустя почти полтора десятилетия, эта работа практически сразу стала оказывать влияние на специалистов. Так, один из оппонентов – В.Д. Блаватский пророчески заявил, что «будущая книга станет настольной не только для него самого, но и для всех исследователей археологии железного века» (Петренко, Яценко 2006, 11). И это утверждение, надо отметить, справедливо до сих пор. Признаки, выделенные А.И. Мелюковой для классификации скифских мечей, легли в основу типологической схемы К.Ф. Смирнова для савроматского вооружения еще до выхода знаменитой монографии «Вооружение скифов» в 1964 г. (Смирнов 1961, 9).

[8] Основным источником для исследования Мелюковой по всем видам скифского вооружения были известные на тот момент около 500 курганных погребений из Северного Причерноморья и прилегающих территорий. Автор, правда, признает существовавшую тогда диспропорцию, связанную с неравномерностью изучения территории, отмечая при этом, наибольшее количество комплексов с оружием в Среднем Приднепровье (Мелюкова 1964, 7).

ет небольшой обзор предскифского оружия. Однако, поскольку случаев совстречаемости с раннескифским клинковым вооружением неизвестно, делается вывод о том, что скифские акинаки не связаны по происхождению с предскифскими типами, в частности – кинжалами кабардино-пятигорского типа (Мелюкова 1964, 13). А.И. Мелюкова определяет морфологические критерии, по которым отделяются мечи от кинжалов: на основании изучения целых форм, она предлагает считать кинжалами образцы длиной 17-40 см, мечами – свыше 50 см (Мелюкова 1964, 46). Критерии классификации, принятые в данной монографии, вероятно, не слишком отличаются от изложенных в диссертационной работе и сводятся к следующему. Мечи и кинжалы составляют два отдела по форме навершия – с прямым (брусковидным или овальным) и антенным (простым или зооморфным). Первый отдел делится на пять типов – «мечи с брусковидным навершием и почковидным перекрестьем» (Мелюкова 1964, 47), «мечи и кинжалы с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестьем» (49), «мечи с навершием в виде уплощенного овала» (51), «акинаки с прямым брусковидным навершием и прямоугольным перекрестьем со слегка скругленными углами» (52) и «акинаки с перекрестьем в виде сегмента, повернутого округлой стороной к клинку» (53). Второй, в свою очередь, делится на два подотдела – «мечи и кинжалы с простым антенным навершием» и «мечи и кинжалы с антенными навершиями, трактованными в зверином стиле». Первый подотдел разделен на три типа по форме перекрестья – с «почковидным» (Мелюкова 1964, 53), «бабочковидным» (54) и «сегментовидным» (55), второй – на два, с «бабочковидным» и «ложнотреугольным» (56). Таким образом, отделы выделены А.И. Мелюковой на основании формы навершия, тогда как типы внутри отделов определяются формой перекрестья. В самостоятельную группу выделена серия однолезвийных мечей, появившихся в Северном Причерноморье, по мнению Мелюковой, не только под влиянием греческой махайры, но и в результате контактов с фракийцами. Специальный раздел посвящен способу ношения акинака и ножнам, которые исследовательница делит на две группы – с расширением на конце и без него. Ножны с расширением на конце и выступом сверху и сбоку (бутеролью) А.И. Мелюкова определяет как ножны «иранского типа», тогда как ножны второй группы, по ее мнению, местные по происхождению. И те, и другие существовали в Скифии без изменений на протяжении всего изучаемого периода, однако, судя по количеству изображений на каменных изваяниях, ножны без расширения на конце можно считать господствующей формой (Мелюкова 1964, 62-63).

Что касается генезиса акинака, А.И. Мелюкова разделяет мнение М.И. Ростовцева о его иранском, переднеазиатском происхождении (Ростовцев 1918, 50-54)[9] (при этом, не распространяя эту гипотезу на остальные виды вооружения, считая местными (т. е. сформировавшимися в европейских степях) типы наконечников стрел и копий) (Мелюкова 1964, 5, 79). Исходя из выделенных трех периодов[10] в истории скифского вооружения, исследовательница рассматривает эволюцию скифских мечей и кинжалов – наиболее ранними она считает экземпляры с брусковидным навершием и массивным перекрестьем (почковидным, бабочковидным или сердцевидным), затем появляются акинаки с антенным (чаще с зооморфным, нежели простым) навершием и, в основном, с бабочковидным перекрестьем. Заключительный период характеризуется появлением такой инновации, как ложнотреугольное перекрестье, которое является следующей ступенью развития бабочковидного. Навершия у акинаков третьего периода – когтевидные или в форме уплощенного овала; эволюционирует и форма клинков – от клинков с параллельными лезвиями к треугольным. На основании этого делается вывод о развитии наступательного оружия по пути увеличения эффективности, т.е. в случае с клинковым вооружением это связано с усилением его колющей функции (Мелюкова 1964, 81).

Присутствию образцов скифского клинкового вооружения, влиянию фракийских масте-

[9] В своей более поздней работе А.И. Мелюкова высказывается еще более осторожно, указывая лишь на «возможную связь с переднеазиатскими прототипами» скифского акинака (Мелюкова 1979, 197).

[10] I период охватывает конец VII - середину или третью четверть VI в. до н.э., II - конец VI - первую половину или третью четверть V в. до н.э. и III - последнюю четверть V-III вв. до н.э. (Мелюкова 1964, 80).

ров на их оформление, появлению гибридных форм посвящены и последующие работы А.И. Мелюковой (1976, 107; 1979, 196-200). Обзору скифских мечей в ареале лужицкой культуры (на тот момент их было известно 6) посвящен раздел монографии З. Буковского (1977, 184-187). Проблемам скифского вооружения в Центральной Европе, клинкового в частности, посвящена серия работ С.А. Скорого – серии мечей с лучковидным перекрестьем (Скорый 1982) и акинакам без наверший (Махортих, Скорий 1986). Так, мечи с лучковидным навершием, по мнению С.А. Скорого – характерная особенность исключительно Карпато-Дунайского региона VI-V вв. до н.э. (Скорый 1982, 85). Хронологическому рассмотрению подверглись немногочисленные находки мечей и кинжалов в ареале культуры Векерзуг, которым посвящен небольшой раздел монографии Я. Хохоровского (Chochorowski 1985, 103-105).

В 1976 г. К. Буздуган предложил классификационную схему для акинаков, найденных на территории Румынии (Buzdugan 1976). Обобщив данные о 73 находках из 52 пунктов, он разделил их на три основных типа: А – кинжалы с прямоугольной рукоятью, сердцевидным перекрестьем и округлым навершием[11]; В – с прямоугольным навершием; С – с антенновидным навершием (Buzdugan 1976, 254). Сознательно отказавшись от термина акинак, автор заменил его на более уместный, по его мнению, «не противоречащий археологической ситуации термин «позднегальштатские кинжалы» (Buzdugan 1976, 265-266; Buzdugan 1980, 624), что неоднократно критиковалось (Vasiliev 1978, 101; Бруяко 2005, 153-154). Так, по мнению К. Буздугана, термин кинжал-акинак, употребляемый В. Васильевым, кроме того, что подчеркивает импортный характер данных изделий, является плеоназмом, т.к. «акинак» и так по своей природе является кинжалом. Также, вероятно, именно этот терминологический казус подтолкнул К. Буздугана к курьезным аналогиям данному виду вооружения, относящихся к предскифскому времени – из Суворово, Березок и Гербино (Buzdugan 1976, 253). В. Васильев в монографии, посвященной группе Чумбруд, предложил свою классификацию мечей и кинжалов скифского времени Трансильвании, опираясь на типологические принципы А.И. Мелюковой. Так, он разделил все изделия на два типа – с прямым навершием (А) и антенновидным (В), выделив для них по 4 и 5 вариантов, соответственно (Vasiliev 1980, 83-84).

Современный этап исследования клинкового вооружения на западных границах Скифии открывается большим сводом оружия раннего железного века Румынии, значительную часть которого составляют скифские акинаки, – монографией А. Вулпе «Короткие мечи, кинжалы и боевые ножи гальштатского времени Румынии», изданной в 1990 г.[12] в серии «Prähistoriche Bronzefunde» (PBF) (Vulpe 1990). Вообще, в поле зрения авторов PBF оружие ранних кочевников эпизодически попадало и до, и после выхода работы Вулпе – на материалах Польши (Gedl 1980, Taf. 7, 47-50) и Венгрии (Kemenczei 1991, Taf. 62-63), однако именно А. Вулпе попытался разработать локальную типологическую схему для скифского оружия на на основе изделий отдельно взятого региона с привлечением широкого круга аналогий с территории Европейской Скифии. Это неудивительно, поскольку на территории Румынии обнаружено около 10% скифских кинжалов, известных на данный момент, а со времени публикации монографии А. Вулпе источниковая база акинаков Румынии выросла ненамного. Из 218 учтенных А. Вулпе предметов, 108 составляют акинаки и их производные (98 акинаков и 10 однолезвийных боевых ножей в форме акинака) (Vulpe 1990, 6). Типологическая схема А. Вулпе основана на эпонимическом принципе (т.е. название типа определяется наиболее характерным экземпляром). При этом он разделил весь массив акинаков на пять морфологических групп (Formengruppe): I – с прямым навершием, ребристой рукоятью и полусердцевидным перекрестьем (типы Посмуш, Фериджиле-Лэчень и Делений); II – с прямоугольным навершием, сердцевидным перекрестьем и утолщенным по краям стержнем рукояти (типы Орбяска, Сусень-Мэчишень, Пилинь); III – с

[11] В отношении навершия К. Буздуган употребил термин «măciulie» (головка, набалдашник), подразумевая, по всей видимости, именно овальную форму в отличие от плоского прямоугольного навершия (bara transversală), характерного для другого типа (Buzdugan 1976, 254).

[12] Материал для этого свода собирался в 1983-1984 гг., затем, по словам автора, был серьезно переработан в 1986-1988 гг.

овальным навершием, плоской рукоятью и «профилированным»[13] перекрестьем (тип Козия и отдельная находка из Тигвень); IV – с простым антенновидным навершием (типы Фрата, Бырсешть, Нэнешть) и V – с зооморфным навершием (тип Гэичана и отдельная находка из Доболий де Жос). Однолезвийные акинаки А. Вулпе рассматривает отдельно и среди них выделяет несколько типов – Тисадоб, Чепарь, Рэдень (Vulpe 1990, 92-96). Т. Кеменцеи во втором томе своей монографии по мечам Венгрии выделяет два типа мечей и кинжалов гальштатского периода: тип А (двулезвийные акинаки) и тип В (однолезвийные мечи), которые в свою очередь делит на различные варианты (Kemenczei 1991, 70-76). Этого же деления на типы он придерживается и позднее, в описании скифских памятников Альфёльда (Kemenczei 2009, 35-37).

Яркой попыткой выхода на культурные типы скифских мечей и кинжалов может считаться работа А.Ю. Алексеева[14] (Алексеев 1991а). Будучи одним из участников Археологического семинара Л.С. Клейна в Ленинградском университете, А.Ю. Алексеев (наряду с другими «семинаристами») взял на себя труд по иллюстрации ряда положений Л.С. Клейна на материале скифского клинкового вооружения (Клейн 1991, 244). Одним из главных положений стала идея о связи культурного контекста с типологическими характеристиками и о необходимости поиска группировок вещей, осознаваемых их носителями (Алексеев 1991а, 272), а выделение таких групп без изучения контекста невозможно (Клейн 1979, 69). А.Ю. Алексеев располагал выборкой в 265 предметов из шести культурно-территориальных зон, и наряду с «сакскими», «савроматскими», «ананьинскими», «кавказско-мидийскими», собственно «скифскими», он рассмотрел и «западные» акинаки. В дальнейшем, на основе корреляции выделенных 54 «черт»-признаков, А.Ю. Алексеев выявил пять устойчивых групп, которые, по его мнению, отражают культурные типы. Основным признаком, который отражает эволюционное развитие акинака и, соответственно, представлений, связанных с этим видом вооружения, исследователь связывает с оформлением перекрестья. Так, он выделяет «мечи с почковидным перекрестьем» (1-й тип), «широким бабочковидным перекрестьем» (2-й тип), «овальным навершием и ложнотреугольным перекрестьем» (3-й тип), «антенным навершием и узким бабочковидным перекрестьем» (4-й тип) и отдельную группу «бронзовых или биметаллических акинаков с сердцевидным перекрестьем» (5-й тип) (Алексеев 1991а, 276). Эволюционный ряд А.Ю. Алексеев выстраивает в соответствии с собственной теорией о последовательном разрушении фаллической символики в оформлении акинака[15] (Алексеев 1991а, 276-279) от «исконного» почковидного перекрестья к «абстрактному» узкому бабочковидному.

Отдельно древности т. н. «молдавской группы» рассматривала и польская исследовательница А. Гавлик, отмечая при этом необоснованность употребления данного термина (Gawlik 1998, с. 73). Она же разделила древности, связанные со скифской культурой на территории Запрутской Молдовы и Бессарабии, на две хронологические группы: VII - начала VI в. до н.э. и второй половины VI - IV-III вв. до н.э. (Gawlik 1998, с. 53-54, 72-73). Для хронологического анализа ранней группы в отдельной работе ею были рассмотрены акинаки типа Посмуш, выделенные еще А. Вулпе, и их типологическая связь с кавказскими экземплярами (Gawlik 1998a). Также отдельно рассматривал группу позднегальштатских памятников Центральной молдавской возвышенности и прилегающих территорий М. Игнат, предложивший для данной группы новый термин: группа Хушь-Суручень (Ignat 2004, 5). Наряду с детальным анализом хронологии и типологических особенностей скифских древностей Карпато-Поднестровья И.В. Бруяко был продемонстрирован оригинальный подход к крайне специфической категории материальной культуры региона ранне- и среднескифского периода. Случайные (или плохо задокументированные) находки клинкового вооружения Карпато-Днестровского регио-

[13] Очевидно, под «профилированным перекрестьем» (profiliert abschließendem Heft) имеется в виду устоявшийся в русскоязычной литературе термин «бабочковидное перекрестье».

[14] По всей видимости, эта публикация была подготовлена на основе дипломной работы А.Ю. Алексеева «Акинаки. Мечи и кинжалы скифского времени с территории Восточной и Центральной Европы», защищенной в 1977 г. на кафедре археологии исторического факультета Ленинградского университета.

[15] Подробный критический разбор данной гипотезы содержится в недавней статье А.В. Шелеханя (Шелехань 2013).

на исследователь предлагает рассматривать в качестве своеобразного «мегакомплекса», позволяющего решать не только хронологические, но и этнокультурные задачи (Бруяко 2005, 153-154, рис. 42).

В последние годы постоянно поступает информация о новых находках скифского клинкового оружия с территории Республики Молдова. Однако, прежде чем приступить к их описанию, необходимо сделать обзор уже известных экземпляров, тем более, что некоторые из них нуждаются в более детальном рассмотрении. С территории Молдовы происходит, как минимум, пять погребальных комплексов с мечами скифских типов. К ним примыкают два кинжала, обнаруженные А. Доничем в 1920-е гг. в Среднем Попрутье, предположительно, на поверхности разрушенных курганов могильника у с. **Нэвырнец** (Фалештский район). К сожалению, на сегодняшний момент неизвестно, где могут содержаться эти материалы. Поэтому особенно важно повторно привести информацию о данных находках, которые долгое время фактически не были известны широкому кругу специалистов[16]. Первый из них был длиной 35 см с плоской «рамчатой» рукоятью, сердцевидным перекрестьем и антенным навершием (рис. 3/1, 10/13). Длина второго – 32 см, его рукоять, овальная в сечении, утончается к сердцевидному перекрестью и увенчана перекладиной (рис. 3/2, 10/17). Для обоих экземпляров характерно наличие продольной нервюры на перекрестье (Donici 1928, 323, fig. 1, 2; Donici 1935, 336). Наиболее близкие аналогии данным экземплярам, насколько о них можно судить по иллюстрациям А. Донича, находятся среди кинжалов, объединенных А. Вулпе в тип Сусень-Мэчишень первой половины VI в. до н.э. (Vulpe 1990, 38-42) и тип Нэнешть второй половины VI в. до н.э. (56-57). По всей видимости, предварительная датировка акинаков из могильника Нэвырнец пока не может быть определена у́же, чем в рамках VI в. до н.э.

Кроме того, следует обратиться к тем находкам, что хранятся в экспозиции и фондах Национального музея истории Молдовы (далее – НМИМ)[17]. Так, в 1954 г. на склоне холма между селами **Тудора (Тудорово)**[18] **и Паланка** в Нижнем Поднестровье (район Штефан-Водэ) были обнаружены остатки трупосожжения, среди погребального инвентаря которого, кроме наконечника копья, медных браслетов стеклянных и пастовых бус, раковин каури и двух больших сосудов, был и железный кинжал (рис. 1/5, 13/5) хорошей сохранности (Сергеев 1960, 262, рис. 1). На поверхности металла – следы огня, общая длина кинжала – 36,2 см. Наибольшая ширина клинка, расширяющегося в средней части, 3,6 см, толщина достигает 0,5 см. Длина рукояти подовальной формы от верхнего края перекрестья до нижнего края навершия – 7,8 см, ширина – 2,4 см, толщина – 0,6 см. Ширина перекрестья 4,1 см, высота – 2,3 см, его крылья округлены. Навершие «клювовидной» формы с загнутыми вверх концами четырехгранное в сечении, его длина – 6,5 см, высота – 1,1 см, толщина – 1,1 см. Концы навершия украшены насечками, обрамляющими «клювы», в основании выбито круглым штампом четыре «глазка» и углубления в виде четырех точек между ними. Г.П. Сергеев даже предположил, что эти углубления были заполнены пастой, следы которой, правда, не сохранились (Сергеев 1960, 263). Первоначально этот кинжал датировали по сумме аналогий вещам из погребения — наконечникам копий, гетским лепным сосудам с ручками-упорами IV - начала III в. до н.э. (Сергеев 1960, 265). Исходя из особенностей погребения и самого кинжала, его можно отнести ко времени «не позднее середины V в. до н.э.» (Бруяко 2005, 163-164), т.е. к первой половине V в. до н.э.

В грунтовом погребении у с. **Пыржолтень (Пыржолтены)** (Каларашский район) в Центральной Бессарабии был обнаружен меч с антенновидным навершием (рис. 1/3, 10/8), концы которого обломаны. У его основания прослеживаются два выпуклых кружка, на рукояти и клинке – продольные желобки (Лапушнян 1979, 116, рис. 4/6). Максималь-

[16] Т. Арнэут включил сведения об этом могильнике в каталог памятников VII-III вв. к востоку от Карпат (Arnăut 2003, 117, 238), вероятно, располагая лишь упоминаниями об этих исследованиях (к примеру, в работе Д. Берчу). Поэтому приношу сердечную благодарность сотруднику НМИМ М. Василаке за возможность знакомства с работами А. Донича, изданными в Швейцарии.

[17] Пользуясь случаем, хочу поблагодарить руководство НМИМ в лице директора Е.Н. Савы и сотрудников Е.Н. Абызову и В.Г. Бубулича за неоценимую помощь в работе с музейными коллекциями и консультации.

[18] Здесь и далее – в скобках приводится название населенного пункта, который был ранее закреплен в историографии за той или иной находкой.

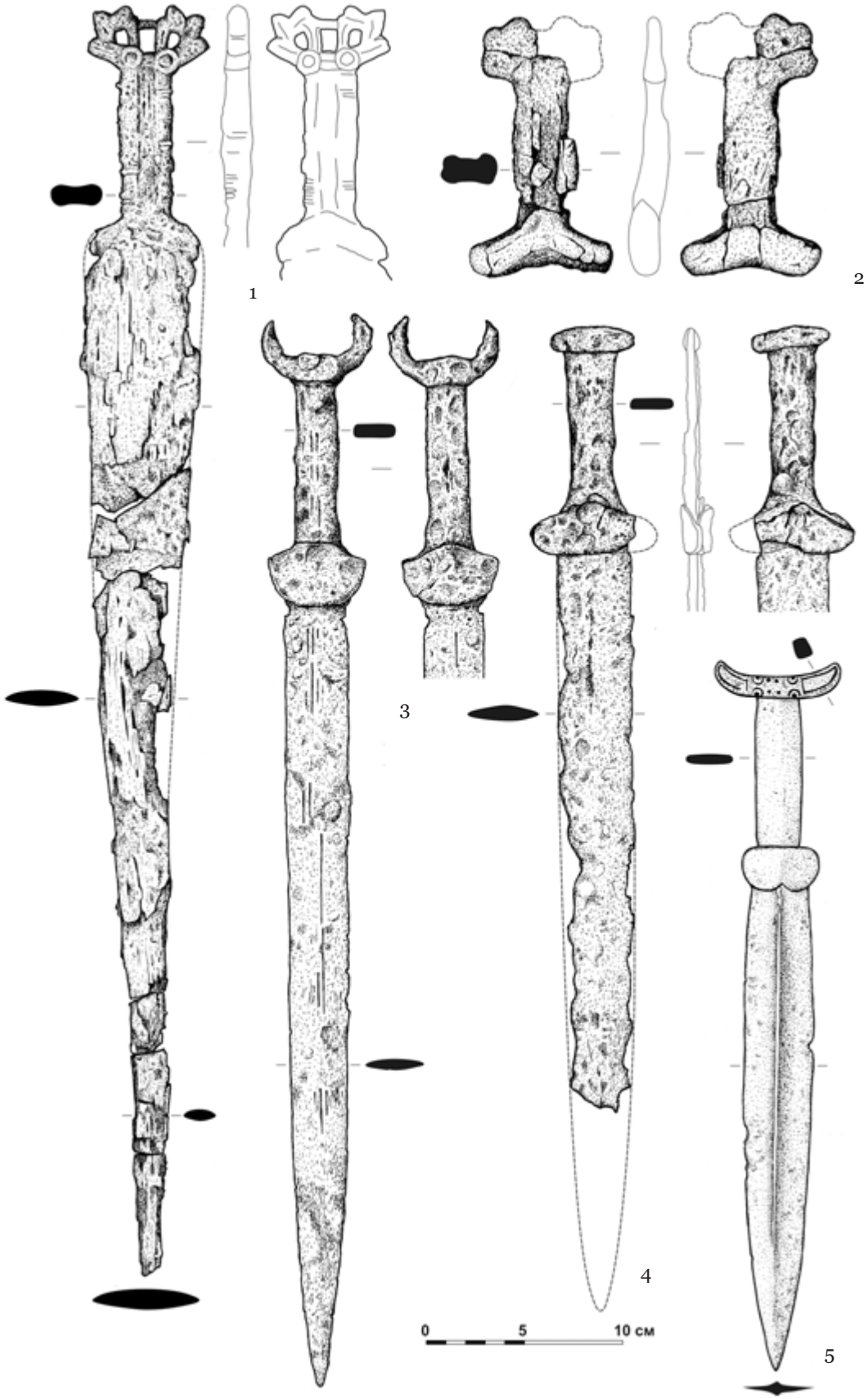


Рис. 1. Скифские мечи и кинжалы из комплексов Днестровско-Прутского междуречья (коллекция НМИМ): 1 - Пуркарь, к. 7, п. 3; 2 - Талмаза, к. 9, п. 1; 3 - Пыржолтень; 4 - Суручень; 5 - Олонештский район (Тудора-Паланка).

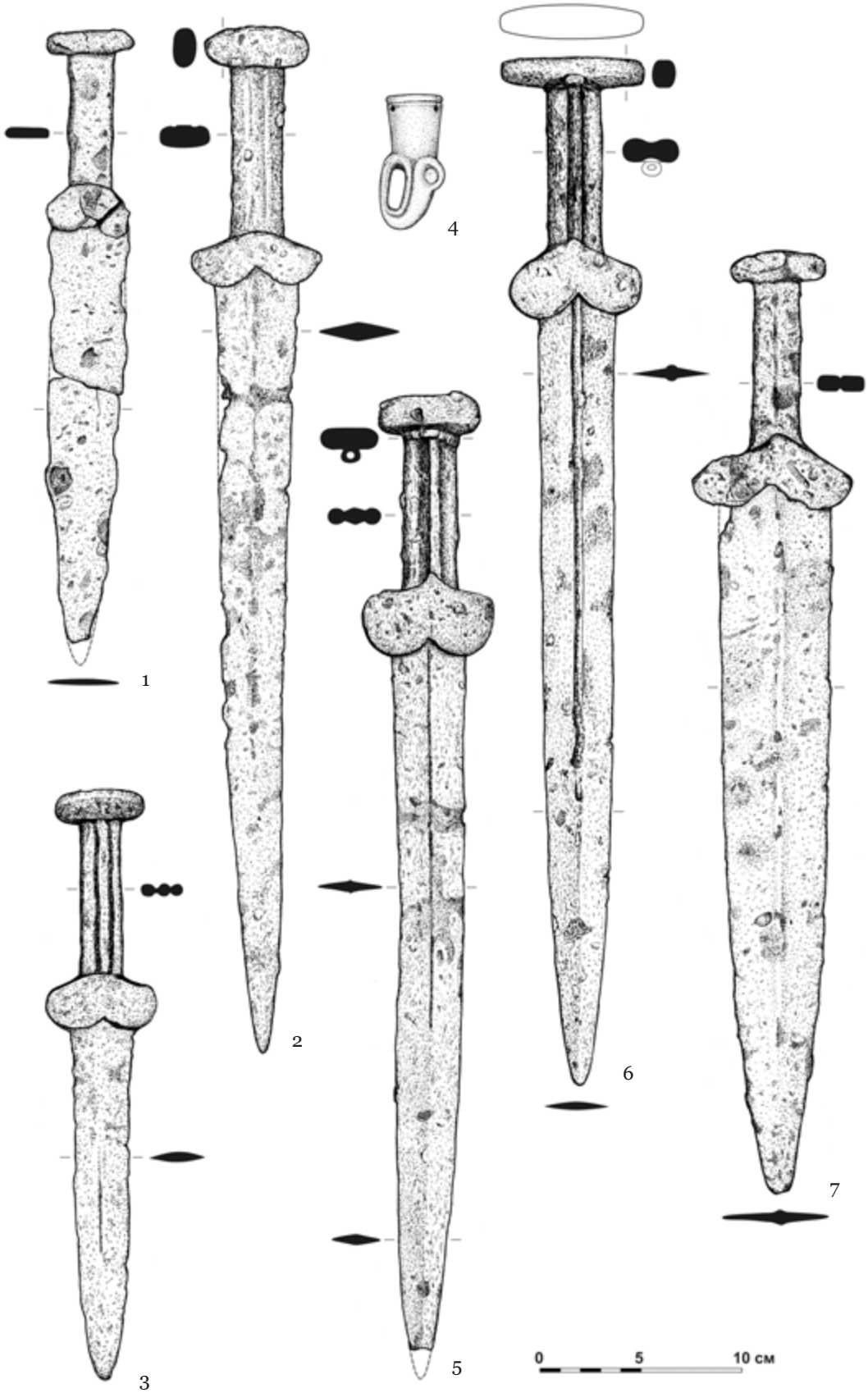


Рис. 2. Случайные находки акинаков в Днестровско-Прутском междуречье: 1 - Ханска; 2 - Липник; 3 - Лэргуца; 4 - Ниспоренский район; 5 - Ватич; 6 - Суслень; 7 - Володень.

ная общая длина этого меча – 54,7 см, длина клинка – 39,7 см, ширина – 3,2 см, толщина – около 0,5 см. Длина плоской рукояти от верхнего края перекрестья до нижнего края навершия – 8,2 см, ширина – 2,1 см, толщина – 0,7 см. Ширина перекрестья 5 см, высота – 3,3 см, Навершие состоит из двух «антенн», завершающихся подобием головок хищных птиц или когтей, основание навершия расковано, ширина навершия – 5,7 см, высота – 3,5 см. Несмотря на первоначальную датировку комплекса из Пыржолтен VI в. до н.э.[19] (Лапушнян 1979, 119), большинство исследователей по совокупности инвентаря относят его к первой половине V в. до н.э. (Gawlik 1998, 66; Arnăut 2003, 245; Бруяко 2005, 163) или даже к началу столетия[20] (Мелюкова 1979: 142).

В 1954 г. акинак был обнаружен в грунтовом погребении неподалеку от г. Кишинева, у с. **Суручень (Суручены)** Яловенского района (рис. 1/4, 11/22). Кроме железного акинака (Сергеев 1961, рис. 2)[21], в разрушенном погребении были отдельные фрагменты лепной посуды, остатки деревянного колчана и бронзовые наконечники стрел (Сергеев 1961, 137, рис. 1). Меч плохой сохранности, сильно поврежден коррозией, в результате чего пострадала часть лезвия и конец клинка, одно из крыльев перекрестья. Длина сохранившейся части – 39,5 см. Предположительно, общая длина данного экземпляра была около 45-50 см, клинка – 33-38 см, ширина клинка – 3,7 см. Длина рукояти от верхнего края перекрестья до нижнего края навершия – 9 см, ширина – 2,7 см, толщина –

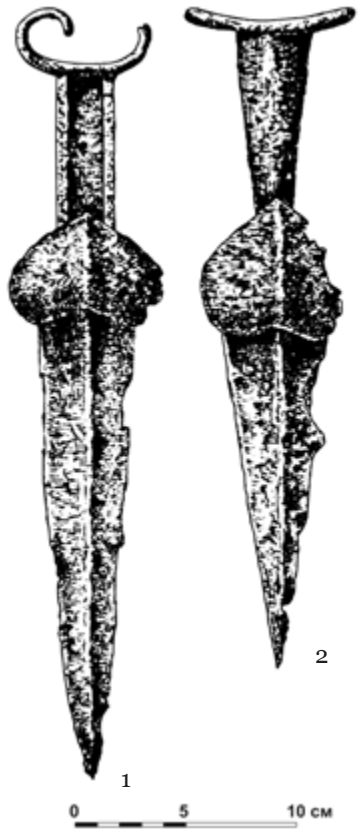


Рис. 3. Находки акинаков из разрушенных курганов могильника у с. Нэвырнец (по Donici 1928).

0,9 см. Перекрестье приварено с двух сторон, с одной – бабочковидное, с другой — подовальной формы с невыраженным разрезом в части, примыкающей к клинку[22]. Ширина реконструируемого перекрестья – 6,3 см, высота – 2,7 см. Навершие овальной формы, выковано вместе с рукоятью и клинком, ширина – 4,3 см, высота – 1,3 см. Г.П. Сергеев отнес комплекс из Суручен ко времени не раньше V в. до н.э., а, скорее всего, по его мнению, он датируется второй половиной IV - началом III в. до н.э. (Сергеев 1961, 140). Сейчас эта датировка представляется слишком завышенной, для погребения из Суручен наиболее вероятный хронологический диапазон – вторая половина VI - начало V вв. до н.э. (Бруяко 2005, 160).

Среди нижнеднестровских курганов известен комплекс с фрагментом меча с ажурной руко-

[19] Концом VI в. до н.э. ограничил датировку данного комплекса и А.Н. Левинский, связав его со временем «скифского» похода Дария 514/512 г. до н.э. (Левинский 2009, 173; Левинский 2010, 85). Однако отсутствие убедительного хронологического обоснования данной точки зрения уже вызвало справедливую критику (Тельнов, Синика 2013, 303-304).

[20] Д. Мэндеску, основываясь на собственном корреляционном анализе погребальных комплексов, отнес погребение из Пыржолтен (наряду с захоронениями поздней фазы могильника Бырсешть, могильником Страхотин и погребением из Речи) ко второй половине V в. до н.э. (Măndescu 2010, 70).

[21] Не будет лишним заметить, что в публикацию Г.П. Сергеева вкралась ошибка. Так, в статье перепутаны местами подписи к рисункам мечей из погребения у Суручен и случайной находки из Лукашевки. Несмотря на то, что данное упущение было внесено в список замеченных опечаток в конце сборника, оно продолжает тиражироваться до сих пор (напр.: Лапушнян 1979, рис. 42; Мелюкова 1979, рис. 33/5; Степи 1989, рис. 27/33; Бруяко 2005, рис. 37/11; рис. 43/1).

[22] Перекрестье суручeнского меча, оформленное поразному с различных сторон – не уникально. Такое перекрестье отмечено, например, для акинака из с. Спасское-Чириково (Клоков 1996, рис. 5/9) и экземпляра из погребения 100 у х. Рассвет (Новичихин 2006, 54/5).

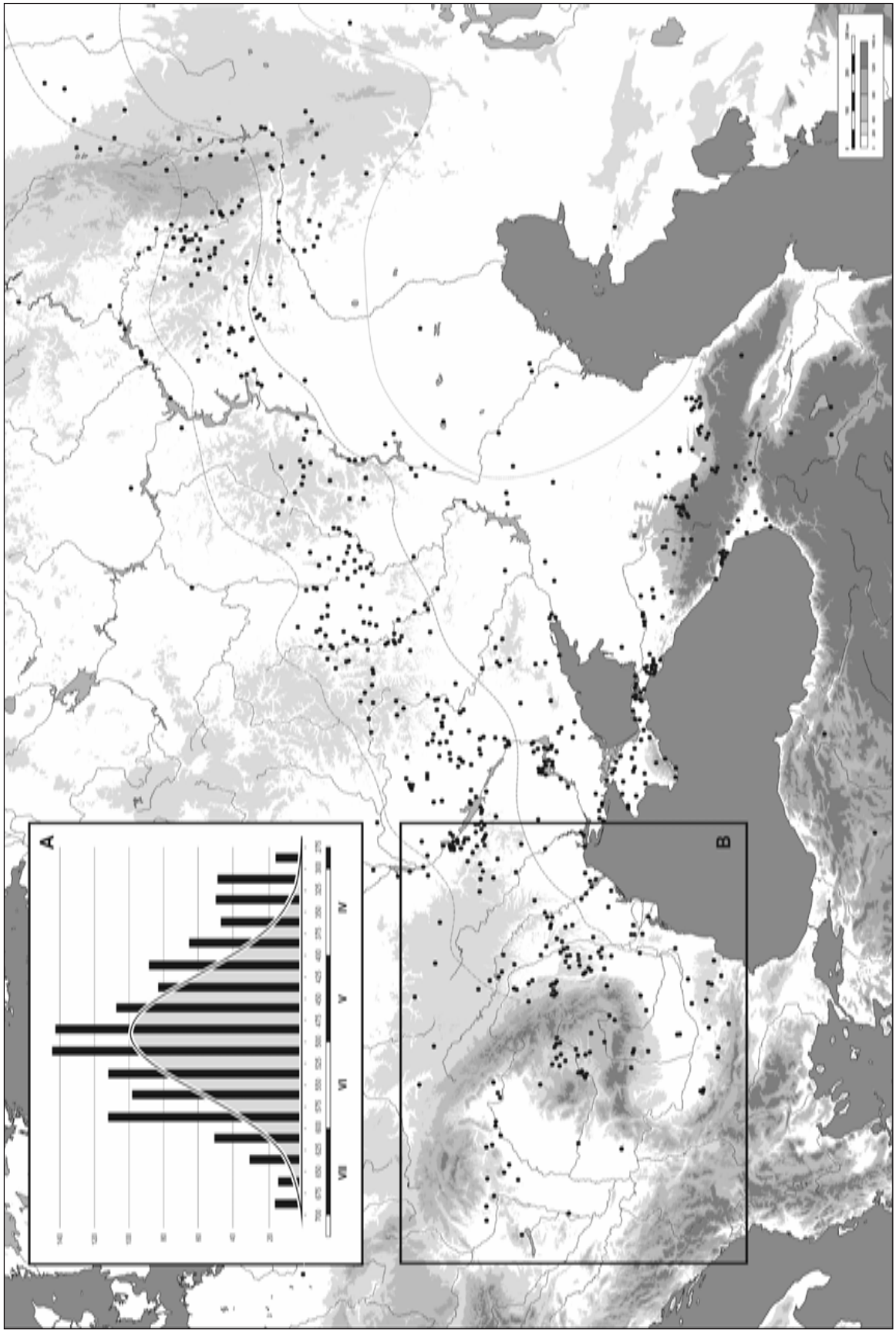


Рис. 4. Распространение скифских акинаков в Восточной Европе: А - хронологическое распределение скифских акинаков; В - акинаки Карпато-Днестровского региона.

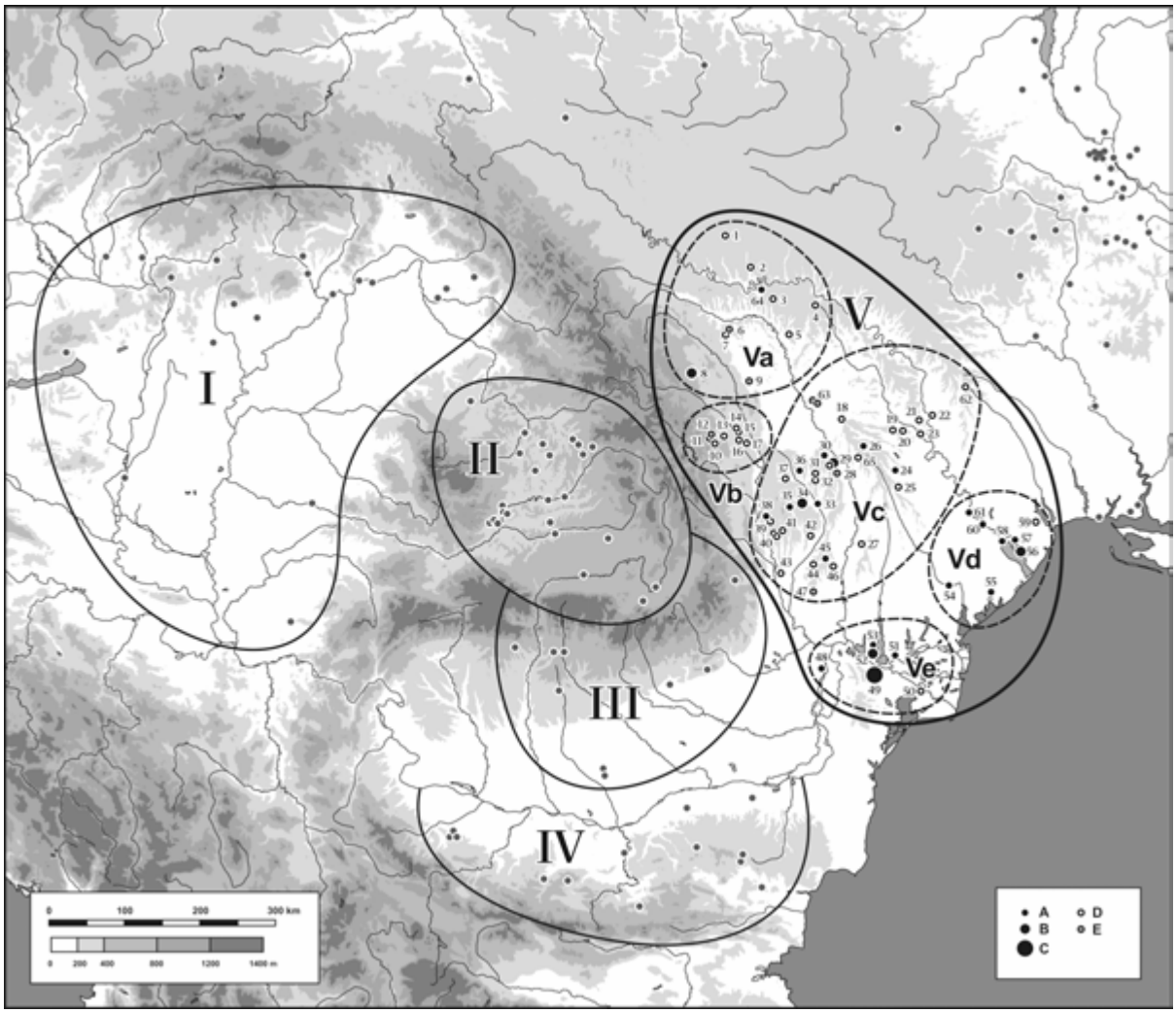


Рис. 5. Распространение скифских акинаков в Карпато-Днестровском регионе. Территориальные группы: *I - венгерская (альфёльдская); II - трансильванская; III - южнокарпатская; IV - болгарская; V - Карпато-Днестровская (Va - Среднеднестровская (буковинская); Vb - Восточно-карпатская (нямецкая); Vc - Сирето-Днестровская (молдавская); Vd - Нижнеднестровская; Ve - Нижнедунайская).* 1 - Сокиринцы; 2 - Русские Фольварки (Каменец-Подольский); 3 - Нелиповцы; 4 - Липник; 5 - Володень; 6 - Кристинешть; 7 - Ибэнешть; 8 - Кажвана; 9 - Зэйчешть; 10 - Гиндэоань; 11 - Вэратек (Филиоара); 12 - Агапия; 13 - Петрикань; 14 - Моцка; 15 - Боурень; 16 - Мирословешть; 17 - Мунчелу-де-Сус; 18 - Тешкурень; 19 - Ватич; 20 - Лукашеука; 21 - Суслень; 22 - Михайловка; 23 - Требужень; 24 - Суручень; 25 - Ханска; 26 - Пыржолтень; 27 - Лэргуца; 28 - Мошна; 29 - Козия; 30 - Комарна; 31 - Мирчешть; 32 - Дэнешть; 33 - Васлуй; 34 - Поенешть; 35 - Рэдень; 36 - Быку; 37 - Думешть; 38 - Милештий-де-Сус; 39 - Нэнешть; 40 - Гэичана; 41 - Ликитишень; 42 - Сусень; 43 - Бучумень; 44 - Бэлэбэнешть; 45 - Мынзэтешть; 46 - Гэнешть; 47 - Мэчишень; 48 - Кискань; 49 - Челик-Дере; 50 - Муригиол; 51 - Измаил; 52 - Чауш; 53 - Плавни; 54 - Арциз; 55 - Дивизия; 56 - Николаевка; 57 - Маяки; 58 - Тудора-Паланка; 59 - Дачное (Гниляково); 60 - Пуркарь; 61 - Талмаза; 62 - Котовск; 63 - Нэвырнец; 64 - Ленковцы; 65 - Ниспорень. *(A-C - погребения (A - 1 экз., B - 2 экз., C - 3 экз. и более); D - случайные находки; E - предположительно, погребения).*

ятью – погребение 1 кургана 9 у с. **Талмаза** на правобережье Нижнего Днестра (район Штефан-Водэ) (Синика 2007, 171, рис. 1, 6). Это погребение датировано автором публикации по наконечникам стрел концом V - началом IV в. до н.э. (Синика 2007, 178). Его можно отнести к типу Солоха[23], несмотря на противоречивое описание (тип данного акинака определен как

[23] Хронологический анализ комплексов с мечами типа Солоха V-IV вв. до н.э. показал, что время их наибольшего распространения – конец V - первая четверть IV вв. до н.э. (Агульников и др. 2013, 274-276; Топал 2014, 389).

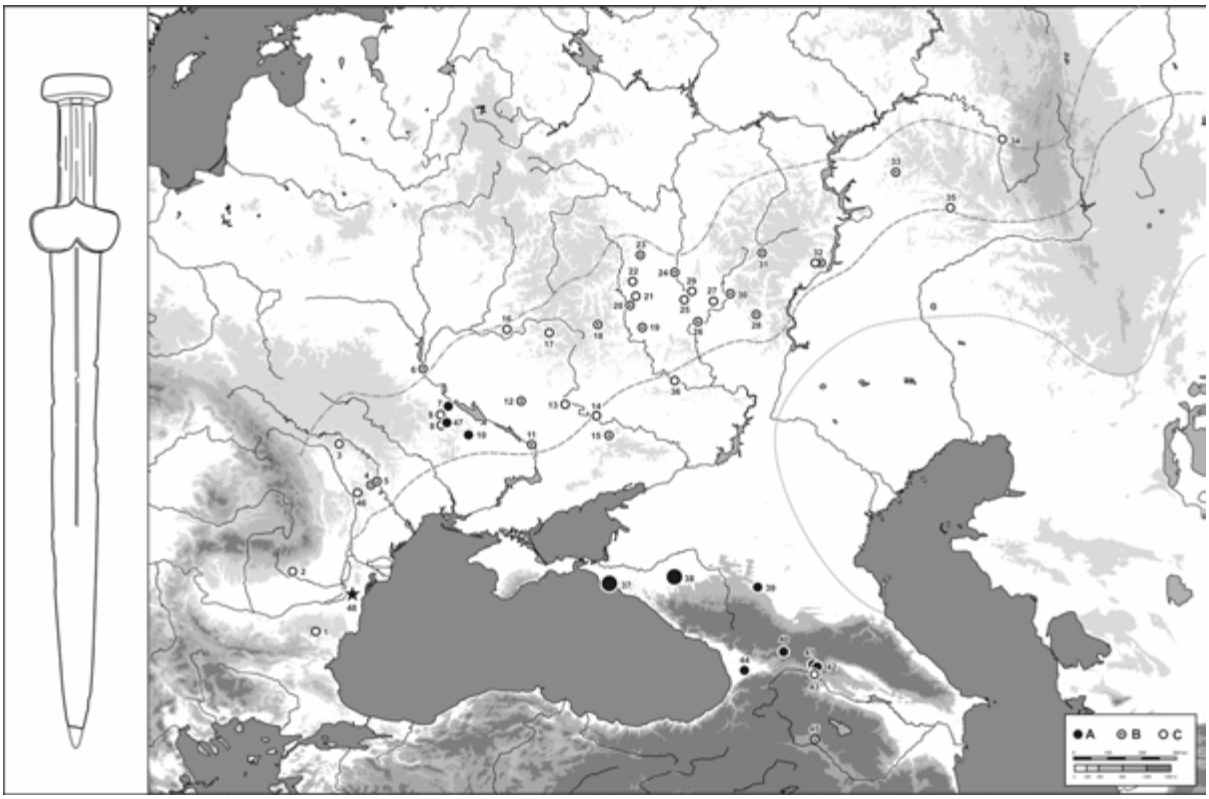


Рис. 6. Распространение акинаков раннескифской культуры. Тип Келермес.

гибридный) и неинформативный рисунок. В результате личного ознакомления с данным предметом в фондах НМИМ форма предмета прояснилась, более того, обнаружились следы горизонтальной перемычки между фигурными частями навершия (рис. 1/2, 13/2). Длина сохранившейся части рукояти с перекрестьем и фрагментами навершия – 13,8 см, толщина – 1,4 см. Навершие фигурное, состоит из двух волют с сильным изломом, ближайшая аналогия которому – навершия мечей типа Солоха, представляющие собой стилизованные изображения голов хищных птиц или грифонов. Однако, в отличие от большинства мечей типа Солоха, навершие меча из Талмаза – без сквозных отверстий и гравировки (которая, возможно, просто не сохранилась). Реконструируемая ширина навершия – около 6,5 см, высота 3,5 см. Ширина перекрестья – 7 см, высота от 2,6 до 3,5 см.

В 2011 г. у с. **Пуркарь** на правобережье Нижнего Днестра (район Штефан-Водэ) был исследован скифский комплекс (погребение 3 кургана 7) с длинным мечом плохой сохранности со сложным когтевидным навершием типа Солоха (Агульников и др. 2013, 271, рис. 6/7; 7/3). Лезвие меча подтреугольной формы, сужающееся к острию, в сечении овальное. Рукоять подовальной формы с утолщениями по краям, с выемкой посередине. По центру рукояти имелись три продольные бороздки. Навершие меча антенновидное, схематическое, с волютами по краям, оформленными в виде стилизованных головок хищных птиц (грифонов?), соединенных перемычкой. Перекрестье отсутствовало, но в основании рукояти имелось утолщение лунообразной формы, край рукояти был украшен имитацией проволочной обмотки (рис. 1/1, 13/6). Размеры: длина (общая) – 64,5 см, длина клинка 52 см, ширина у основания 6 см, по центру 4,5 см, у острия 1 см. Длина рукояти 12 см. Размеры навершия – 5,9×3,1 см. Ширина рукояти (в сечении 2,6-3,0 см), к клинку расширяется до 5,5 см (рис. 6/7; 7/3). По всей поверхности клинка просматривался древесный тлен, который возможно, указывает на то, что меч на момент погребения был в деревянных ножнах. На основании клеймёной гераклейской амфоры погребение было отнесено к концу V в. до н.э. (Агульников и др. 2013, 279).

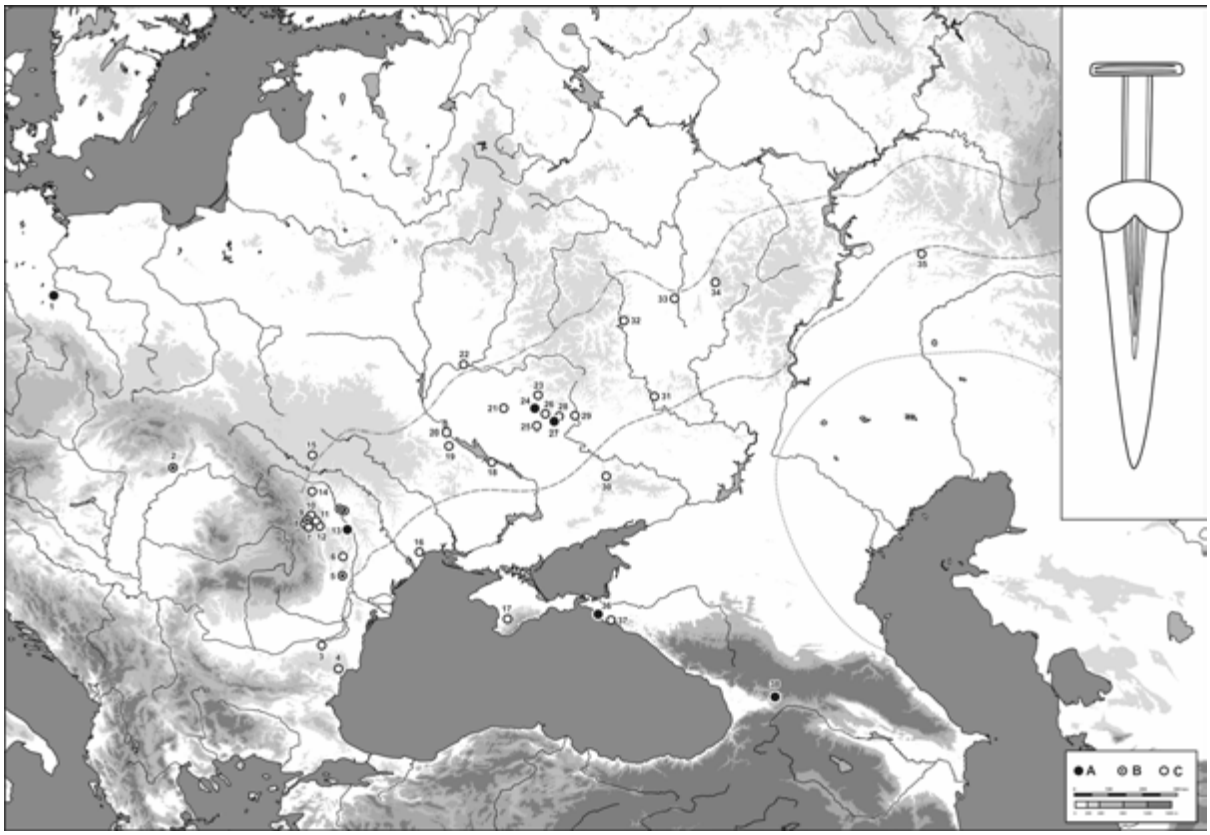


Рис. 7. Распространение акинаков среднескифской культуры. Тип Феттерсфельде.

Случайных находок акинаков в Пруто-Днестровском регионе куда больше, чем обнаруженных в комплексах. В качестве аналогии мечу из суруценского погребения, Г.П. Сергеевым в 1961 г. была опубликована случайная находка 1958 г. у с. **Лукашеука (Лукашевка)**[24] (Оргеевского района) в Центральной Бессарабии (Сергеев 1961, 138, рис. 3). Этот меч гораздо лучшей сохранности, нежели суруценский (рис. 11/26): общая длина – 40,5 см, длина рукояти от верхнего края перекрестья до нижнего края навершия – 9,6 см, ширина рукояти – 2,7 см, толщина – 0,9 см. Ширина бабочковидного перекрестья, выкованного из двух пластин – 6,2 см, высота – 2,2 см. Клинок, рукоять и навершие выковано из одной полосы железа, ширина овального навершия – 5 см, толщина – 1,4 см. Близкие мечу из Лукашевки экземпляры относятся к типу Козия конца VI–V в. до н.э., выделенного А. Вулпе (Vulpe 1990, 43-49).

В 1998 г. был опубликован акинак из Музея истории и этнографии[25] г. Унгены, обнаруженный близ с. **Тешкурень** Унгенского района (рис. 11/39) на левобережье Среднего Прута (Haheu, Bikbaev 1998, 160, fig. 1). Общая длина меча 43,5 см. Сечение клинка – в форме вытянутого ромба, лезвия клинка параллельны. Длина клинка 29,5 см, ширина 3,0-4,3 см, толщина достигает 0,5 см. Длина рукояти, выкованной вместе с навершием – 10 см, ширина – 2,2-2,4 см, толщина – 1,1 см. Ширина перекрестья – 6,7 см, высота – 4 см, толщина 0,7 см. Навершие овальной формой, его ширина – 4,7 см, высота – 1,8 см. По сумме аналогий авторы публикации датировали данный экземпляр временем не позднее V в. до н.э. (Haheu, Bikbaev 1998, 161). Действительно, архаическое массивное перекрестье в сочетании с окру-

[24] По данным Г.П. Сергеева, данный акинак хранился в Археологическом музее Молдавского филиала АН СССР, коллекции которого, вероятно, вошли в состав НМИМ. Тем не менее, обнаружить данный предмет в фондах НМИМ не удалось.

[25] Из личного сообщения В.М. Бикбаева стало известно, что в фондах этого музея данный экспонат отсутствует (был похищен).

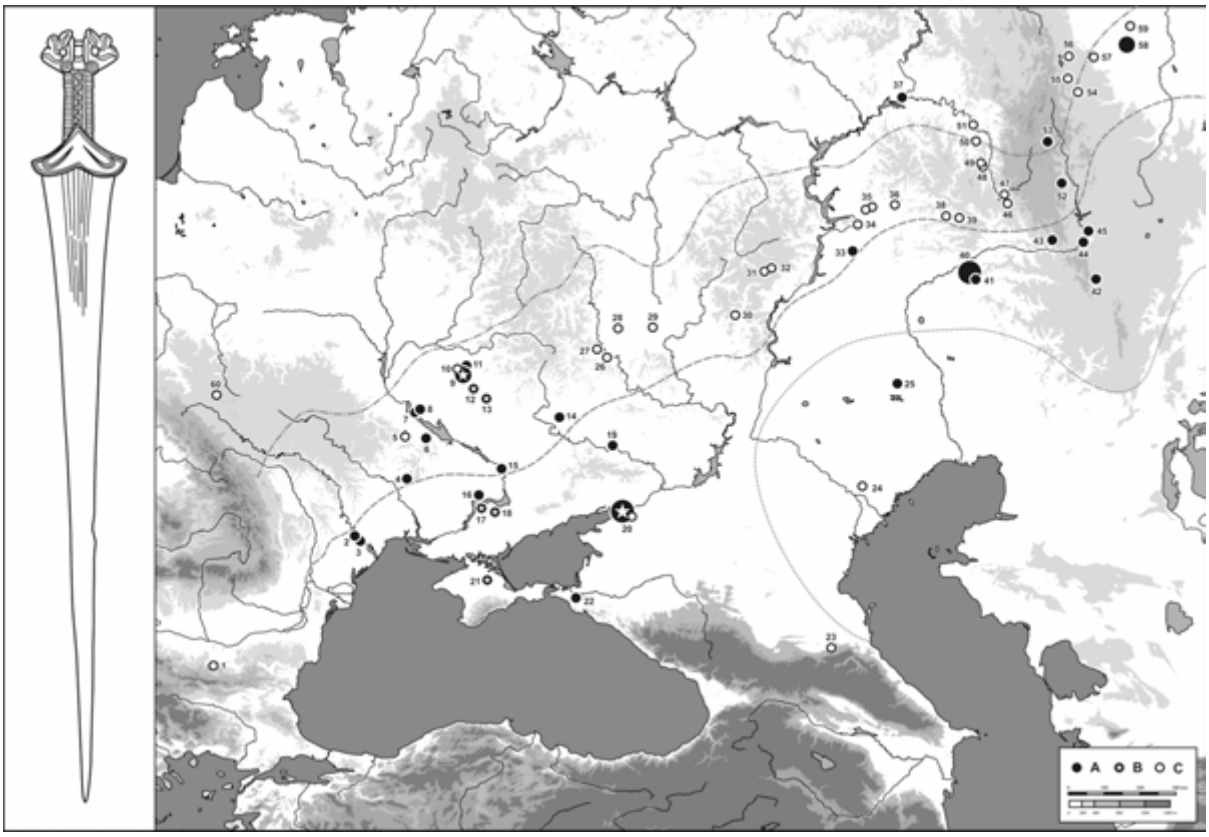


Рис. 8. Распространение акинаков классической скифской культуры. Тип Солоха.

глым навершием и клинком с параллельными лезвиями позволяет определить дату меча из Тешкурень в рамках VI в. до н.э., не ранее.

В коллекции Национального музея истории Украины находится железный меч, обнаруженный в 1891 г. у бывшего с. Михалёвка Балтского уезда Подольской губернии (совр. **Михайловка** Рыбницкого района на левобережье Среднего Днестра) и переданный в музей в 1902 г. (рис. 11/21). В результате реставрации этого и семи других мечей и кинжалов из коллекции музея, после удаления коррозионного покрытия «проявились» неизвестные ранее изображения на хорошо известных предметах, что и получило отражение в специальной работе (Махортых, Иевлев 2001). Так, на рукояти меча из Михайловки были замечены неглубокие бороздки в центре рукояти, заполненные елочным орнаментом. Длина меча – 61,5 см, ширина перекрестья – 5,8 см. У клинка форма вытянутого треугольника, перекрестье бабочковидное, навершие, к сожалению, не сохранилось. Авторы публикации данного меча датировали его VI-V в. до н.э. (Махортых, Иевлев 2001, рис. 3/2).

Железный меч-акинак относительно хорошей сохранности был обнаружен в 2011 г. в лесу недалеко от с. **Ватич** Оргеевского района (рис. 2/5, 10/1) в Центральной Бессарабии и опубликован в специальной работе (Топал, Бруяко 2012, 134-135, рис. 1/2). Общая длина меча около 49 см (длина сохранившейся части 47,5 см). Клинок ромбовидный в сечении, с параллельными лезвиями и двусторонней нервюрой длиной чуть более 20 см. Длина клинка, скорее всего, составляла 39 см, ширина варьирует от 4 см (у перекрестья) до 3,5 см (в центральной части). Рукоять трехваликовая, центральный валик ромбовидный, длина рукояти от перекрестья до начала навершия – 8,5 см, ширина – 3 см, толщина – 1 см. Ширина бабочковидного перекрестья – 7 см, высота – 4,8 см. Навершие массивное, брусковидное подовальной формы, ширина – 5,5 см, высота – 2 см. Под навершием на рукояти располагается железная петля, внешний диаметр которой – около 1 см. Данный экземпляр относится к келермесскому типу, датировка которого определяется в рамках второй половины VII в. до н.э.

Весьма своеобразен другой экземпляр акинака келермесского типа, происходящий также из Оргеевского района, найденный неподалеку от с. **Суслень** (рис. 2/6, 10/2). Несмотря на наличие петли под навершием, у этого меча есть ряд принципиальных отличий от акинака из Ватича. Так, например, навершие более вытянуто, а рукоять не трехчастная, а лишь обрамлена двумя крупными валиками по краям. Перекрестье скорее сердцевидное, т.е. крылья более округлой формы и сильнее опущены вниз. Сохранность меча превосходная (что вообще характерно для раннескифских акинаков), общая длина меча – 51 см. Клинок ромбовидный в сечении, с параллельными лезвиями и крупной двусторонней нервюрой на две трети клинка, длиной около 25 см. Длина клинка 38 см, лезвия практически параллельны, ширина варьирует от 3,7 см у перекрестья до 3,3 см в центральной части. Длина рукояти от крыльев перекрестья до навершия – 8 см, ширина 2,7 см, толщина валиков – около 1 см. Ширина перекрестья 6,5 см, высота – 3,9 см. Навершие стержневидное, подовальное в плане, ширина – 7 см, высота – 1,5 см, толщина – 1,2 см. Под навершием прикреплена железная обоймица с петлей, диаметр которой 0,8 см, а толщина 0,5 см. Это уже четвертая случайная находка скифского клинкового оружия из Оргеевского района после меча из Лукашевки (Сергеев 1961, рис. 3), фрагмента рукояти с клинком из Бутученского городища[26] (Никулицэ 1977, рис. VIII/4) и меча из Ватича (Топал, Бруяко 2012, рис. 1/2). Данный меч также принадлежит числу случайных находок келермесского типа второй половины VII в. до н.э.

В 2013 г. стало известно о раннескифском кинжале в фондах НМИМ, обнаруженном в 1970-е гг. у с. **Липник**[27] Окницкого района на севере Республики Молдова (рис. 2/2, 9/1). Сохранность кинжала удовлетворительная, общая длина 29 см. У клинка параллельные лезвия, длина его 17 см, ширина 2,7 см. Клинок линзовидный в сечении, толщиной 0,5 см, возможно, слегка подгранен, на одной из сторон просматриваются остатки нервюры. Рукоять трехчастная из трех валиков примерно одинакового размера, длина рукояти от перекрестья до навершия 7,6 см, ширина 2 см, толщина валиков 0,6 см. Навершие массивное, брусковидное, овальной формы, шириной 4,5 см, высотой 1,5 см, толщиной 1,4 см. Перекрестье бабочковидной формы высотой 2,9 см и шириной 5,5 см. Кинжал, найденный у с. Липник, несмотря на отсутствие петли под навершием, по ряду основных признаков можно причислить к келермесскому типу второй половины VII в. до н.э.

Характерные особенности келермесского типа (рис. 6), кроме наличия петли под навершием, – сочетание оформления перекрестья, навершия и клинка (Ворошилов 2009, 40; Ворошилов 2011, 157; Ворошилов 2013, 91; Топал, Бруяко 2012, 134-141; Денисов 2012, 66-67; Шелехань 2013а, 137-138). Хронологические рамки акинаков типа Келермес определяются на основе серии кавказских и поднепровских комплексов. Особого внимания с хронологической точки зрения заслуживает эпонимный памятник – парадный меч из погребения в кургане 1 у станицы Келермесской, раскопанного в 1903 г. Г.Д. Шульцем, и стилистически близкий к нему меч из Литого (Мельгуновского) кургана (неподалеку от совр. г. Кировоград), раскопанного в 1763 г. А.П. Мельгуновым (Придик 1911, 1-2). Датировка келермесского комплекса, а вместе с ним и мельгуновского, «не позже середины - третьей четверти VII в. до н. э.» (Иванчик 2001, 282) кажется наиболее приемлемой. Недавно стали известны мечи келермесского типа из Владимировского могильника близ г. Новороссийска – из погребений 28 и 135 (Шишлов и др. 2007, рис. 3, 5-6). Оба экземпляра отличает характерное трехчленное сечение рукояти, брусковидное навершие, массивное бабочковидное перекрестье и петля под навершием. К сожалению, материал данных погребений опубликован выборочно, к тому же, могильник суммарно датирован авторами концом VII - началом V в. до н.э. Однако, железный трехпетельчатый

[26] Хотя существуют вполне определенные сомнения в точности привязки этого экземпляра. Дело в том, что в монографии В.Л. Лапушняна он фигурирует как «случайная находка у с. Требужены» (Лапушнян 1979, 115, рис. 43), поэтому связь данного предмета с Бутученским городищем IV-III вв. до н.э. неочевидна. А его архаичный облик и сам факт отсутствия скифских мечей и кинжалов на гетских городищах делают подобную привязку и вовсе преждевременной.

[27] Ранее он хранился в Музее г. Атаки и был определен как «средневековый кинжал» времени Стефана III Великого, вероятно, из-за близости с местом, где проходило сражение при Липнике в 1470 (1469) г.

псалий из погребения 28 находит многочисленные аналогии в древнейших Келермесских курганах середины - третьей четверти VII в. до н.э.[28] (Галанина 1997, 120, рис. 33/16-17, 53-54, 83). Железные удила из п. 135 (Шишлов и др. 2007, рис. 4/2) являются почти точной копией удил из кургана 41 могильника Фарс, синхронного старшей Келермесской группе середины VII в. до н.э. (Лесков, Эрлих 1999, 74, рис. 39/7). Также с территории Кавказа, из Тлийского могильника, происходит комплекс (погребение 164) с акинаком с петлей под брусковидным навершием (Техов 1980, рис. 12/2). Следует упомянуть длинный меч раннескифского облика с петлей под навершием (Пиотровский 1959, 177, рис. 6; Kossack 1987, 67, Abb. 25/1), обнаруженный в слоях цитадели Кармир-Блура, погибшей не позднее середины VII в. до н. э. (Иванчик 2001, 59-61). К кавказской серии можно отнести еще один предмет – меч из погребения №4 1952 г. у Минеральных Вод (Егоров 1955, рис. 20/1), с выступом под навершием, который, вероятно, также можно трактовать как остатки петли. С территории Грузии происходят два комплекса с мечами келермесского типа – погребение 102 у с. Базалети (Georgien 2001, Kat. 383; Mehnert 2008, 119, Taf. 53/13) и погребение 110 у с. Варсимаанткари (Georgien 2001, Kat. 382; Mehnert 2008, 156, Taf. 85/7). Точная датировка данных комплексов неизвестна, в каталоге выставки 2001-2002 гг. «Грузия: сокровища страны Золотого руна» меч из Базалети датирован VII в. до н. э., а меч из Варсимаанаткари – VI-V вв. до н.э[29]. Меч с петлей под навершием был обнаружен в погребении 1 кургана 6 у с. Яснозорье Черкасского района Черкасской области (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1994, 53, 55, рис. 6/1). По мнению авторов раскопок, большая часть предметов инвентаря погребения находит аналогии среди вещей второй половины VII в. до н. э. – двухлопастные наконечники стрел с лавролистной головкой (келермесского типа), удила со стремечковидным окончанием, бронзовые цилиндрические пронизи. На основании этого делается вывод о датировке погребения у Яснозорья не ранее середины VII в. до н. э., т.е. второй половиной VII в. до н.э. (Скорый 2003, 35). Вероятно, эту дату следует перенести и на случайные находки акинаков келермесского типа из Днестровско-Прутского междуречья. Правда, экземпляр из Суслен не в пример оригинален. Очертания перекрестья, вытянутое навершие не столь характерны для акинаков келермесского типа, сколько для некоторых биметаллических экземпляров, например, из кургана у хутора Степного (Виноградов 1974, 259), погребения 85 Тлийского могильника (Техов 1980, 223, рис. 3/7) или Орбяскиде-Сус (Vulpe 1990, 36, Taf. 5/25). Возможно, близостью к раннескифским биметаллическим мечам можно объяснить необычное для келермесских акинаков сечение стержня рукояти, которое будто имитирует рамочную бронзовую рукоять. Тем более что подобные примеры технологического переосмысления кавказских идей на западе уже отмечались для предскифского периода, в том числе и для клинкового оружия (Топал, Бруяко 2012, 134).

Из Яловенского района, из окрестностей с. **Ханска** (рис. 2/1, 11/23) к югу от г. Кишинева происходит железный кинжал[30]. Сохранность металла удовлетворительная, хотя немного пострадало от коррозии перекрестье, клинок был сломан в средней части, отколот кончик клинка. Общая длина сохранившейся части – 30,5 см, в древности кинжал, вероятно, был длиной около 31,5 см, с плоским клинком длиной 21,5 см и шириной 3,6 см, толщина – 0,3 см. Длина плоской рукояти от нижнего края навершия до верхнего края перекрестья – 6,5 см, ширина – 2,2 см, толщина – 0,6 см. Навершие прямое со слегка закругленными краями, его ширина 4,4 см, высота – 1,2 см. Перекрестье почковидное, его ширина была около 4,3 см, высота – 2,3 см. О датировке кинжала из с. Ханска можно судить на основе отдаленных аналогий из погребальных комплексов Поволжья и Нижнего Дона – к примеру, из погребения 1 кургана 25 у с. Хапры первой половины VI в. до н.э. (Максименко 1983, рис.

[28] Железные трехпетельчатые псалии являются одним из самых популярных типов в раннескифское время на Кавказе (известно 130 экземпляров). Согласно анализу С.В. Махортыха, хронологический диапазон можно определить как «середина VII - первые десятилетия VI в. до н.э. (Махортых 2013, 275).

[29] Этих датировок, кажется, придерживается и Г. Менерт, считающая, правда, что для меча из Базалети дата «основана на устаревшей типологии Мелюковой» (Mehnert 2008, 69, 82).

[30] Искренне благодарю кишиневского коллекционера М. Чокану за предоставленную информацию и фотографии данного меча.

63/1), погребения 3 кургана 3 у с. Аксай второй половины VI в. до н.э. (Дьяченко и др. 1999, 108) и погребения 2 кургана 1 могильника Березки I, датированного V в. до н.э. (Мышкин, Скарбовенко, Хохлов 2000, рис. 1/2). По всей видимости, и данный кинжал можно датировать VI-V в. до н.э.

Недавно поступила информация о случайной находке скифского меча у с. **Володень** Единецкого района (рис. 2/7, 9/8) на севере Республики Молдова. Сохранность меча неплохая, однако перекрестье было обнаружено отдельно и можно только предполагать, каким образом оно было закреплено на мече. Общая длина – 46,7 см, длина клинка – 34 см, ширина – 5,5 см, толщина – 0,8 см, по центру клинка проходит нервюра. В центре плоской рукояти – небольшой желобок, делящий рукоять на два валика, длина рукояти от нижнего края навершия до верхнего края перекрестья, вероятно, около 8 см, ширина – 2,4 см, толщина – 0,8 см. Навершие небольшое, вытянутое, слегка овальное, его ширина – 1,5 см, высота – 4,7 см. Перекрестье бабочковидное, ширина – 8 см, высота – 3,8 см. Сложно сказать, какой именно стороной оно было закреплено – вероятно, так же, как и на большинстве скифских акинаков – выступом ближе к рукояти, хотя иногда встречаются экземпляры, у которых перекрестье приварено противоположным образом. Перекрестье прикреплено лопастями «вверх», например у акинака из погребения 7 у с. Бэица (Vasiliev 1976, pl. 21/1; Vulpe 1990, Taf. 14/72), погребения могильника Челик-Дере (Simion 2000, fig. 9/1) и у случайных находок у с. Красный Лиман в Донецкой области (Кравец, Швецов 1987, рис. 1) и Шум-речки у с. Гай-Кодзор близ Анапы (Новичихин 1997, рис. 2/1), причем экземпляр из Челик-Дере по своей морфологии чрезвычайно близок мечу из Володень. Аналогичные мечи известны в хорошо датированных комплексах – погребении 1 кургана 8 у с. Дальнее и погребении 7 кургана 19 у с. Крыловка в Крыму (Ольховский 2004, 87, рис. 5/2, 5). Данные погребения датируются на основании колчанного набора: Крыловка – последними десятилетиям VI - началом V в. до н.э. (Колтухов 2012, 67, 78, 79; Колтухов 2012а, 87-88, прим. 63), а Дальнее – первой половиной V в. до н.э. (Колтухов 2012а, 87). Скорее всего, и данный экземпляр можно датировать концом VI - началом V в. до н.э.

Уже в 2014 г. стало известно о случайной находке акинака из окрестностей села **Ларгуца** Кантемирского района (рис. 2/3, 11/36) на юге Бессарабии, в зоне Тигечских кодр. По словам владельца предмета, меч длиной 51 см был обнаружен пастухами во время рытья ямы для строительства шалаша. Клинок треугольной формы, в сечении ромбический, его длина – 38 см, максимальная ширина – 4,2 см, толщина до 0,9 см. На рукояти просматриваются два продольных желобка, длина рукояти от нижнего края навершия до верхнего края перекрестья – 8,5 см, ширина – 2,6 см, толщина – 1,1 см. Навершие овальной формы, его ширина – 5,2 см, высота – 2 см, толщина – 1,2 см. Перекрестье бабочковидной формы, его ширина – 6,5 см, высота – 2,7 см. Экземпляр из Ларгуцы также находит аналогии среди акинаков типа Козия конца VI-V в. до н.э. (Vulpe 1990, 43-49), причем ряд признаков, таких как подтреугольная форма клинка, овальное сечение рукояти и навершия свидетельствуют о более поздней датировке, не выходящей, правда, за рамки V в. до н.э.

Кроме того, среди случайных находок следует отметить найденный в **Ниспоренском районе** бронзовый наконечник ножен (рис. 2/4, 10/5) – пока единственную находку такого рода в междуречье Днестра и Прута. Бутероль отлита в виде стилизованной головки хищной птицы, глаз передан овальной выпуклостью, а клюв сильно изогнут, образуя отверстие. Вдоль верхнего края бутероли проходит рельефное утолщение, под которым проделано два круглых отверстия около 0,3 см в диаметре. Общая длина наконечника – 6,7 см, диаметр верхней части – 2,8 см, размеры овального отверстия, образованного клювом – 2,0×0,7 см. Надо сказать, данный наконечник ножен является почти полной копией бутероли кинжала из гробницы 2 Репяховатой могилы (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, 41-42, рис. 11/6, 7; 12/2; Scythian gold 1999, 110, cat. 8) – опорного памятника раннескифской культуры. Первоначально дата второй гробницы была определена по «фрагментам расписного кувшина и фасосской амфоры» в рамках второй половины VI в. до н.э. (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, 63). Однако

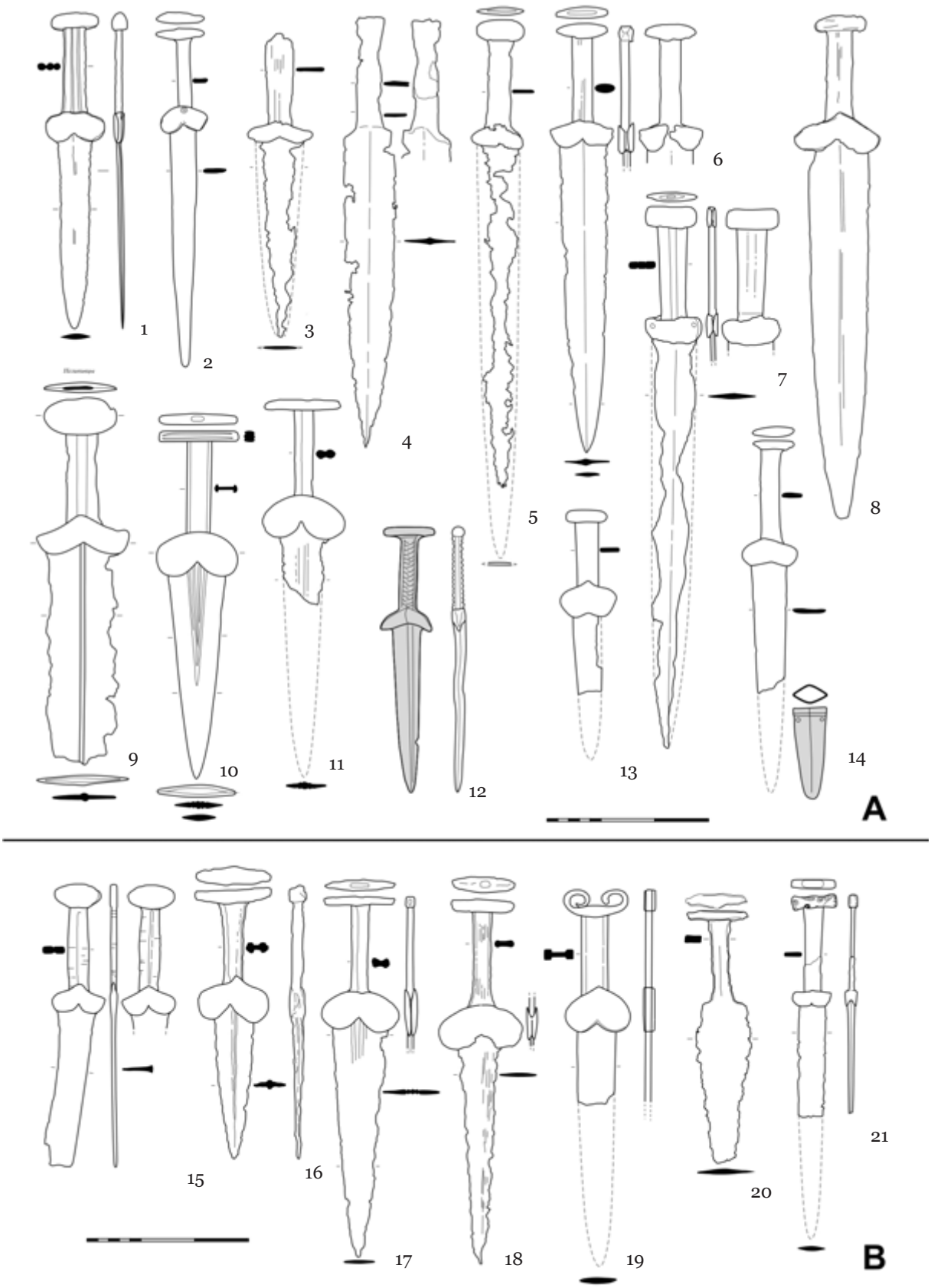


Рис. 9. Акинаки Среднестровской (буковинской) (А, 1-14) и Восточно-карпатской (нямецкой) (В, 15-21) групп. 1 - Липник; 2 - Кажвана, к. 3, п. 1; 3, 6, 7 - Зэйчешть, п.?; 4, 5 - Кристинешть; 8 - Володень; 9 - Нелиповцы; 10 - Сокиринцы; 11 - Ибэнешть; 12 - Русские Фольварки (Каменец-Подольский); 13 - Ленковцы, к. 1; 14 - Кажвана, к. 7; 15 - Мунчелу-де-Сус; 16 - Боурень; 17 - Вэратек (Филиоара); 18 - Гиндэоань; 19 - Мирословешть; 20 - Моцка; 21 - Петрикань.

после серьезного пересмотра хронологии Келермесских курганов такая датировка стала вступать в противоречие со вновь полученными данными. В результате, на основе той же амфоры (которая была определена как милетская) датировка была понижена до конца VII - начала VI в. до н.э. (Полін 1987, 77), а Г. Коссак вообще предложил датировать данный комплекс второй половиной - концом VII в. до н.э. (Kossack 1987, 75), что вызвало оживленные дискуссии[31]. Основным хронологическим индикатором данного комплекса, несмотря на привлечение других категорий (Дараган 2010, 191-194) в качестве датирующих, остается античный импорт, нижняя граница которого для Северного Причерноморья вряд ли может быть определяющей и способна дать разве что *terminus post quem* совершения погребения (Бруяко 2005, 233-234). Пока же кувшин с волнистым орнаментом датируется концом VII - началом VI в. до н.э. (Kossack 1987, 75), «милетская амфора» – первой половиной VI в. до н.э. (Монахов 1999, 47). Последнее вызвало возражения М.Н. Дараган, которая на основе стратиграфических позиций аналогичных амфор в Милете, Эфесе и Истрии, а также отсутствия их на античных памятниках Северного Причерноморья VI в. сделала вывод о невозможности датировки амфоры из Репяховатой могилы временем позднее конца VII в. до н.э.[32] (Дараган 2010, 186). Не вдаваясь в детали данной дискуссии, отмечу лишь, что мнение М.Н. Дараган о том, что мечи с трехчастным сечением рукояти укладываются лишь в первую половину - середину VII в. до н.э. (Дараган 2010, 192), пока несколько преждевременно. Вероятнее всего, что для мечей келермесского типа, для которых основным признаком является трехчастная рукоять и ряд других особенностей, основной период бытования определяется в рамках второй половины VII в. до н.э. (Ворошилов 2011, 165-166; Ворошилов 2013, 92; Топал, Бруяко 2012, 135-139). Кроме того, есть основания полагать, что такой способ оформления рукояти доживает до рубежа VII-VI вв. до н.э. или даже позже (Topal 2014). По всей видимости, именно в это время публикуемая бутероль и попадает в Днестровско-Прутское междуречье.

Исходя из наблюдений за концентрацией мечей и кинжалов скифского облика в Карпато-Дунайском регионе, можно выделить пять основных территориальных групп: **I – венгерскую** (альфёльдскую), связанную преимущественно с памятниками культуры Векерзуг; **II – трансильванскую**, связанную с группой Чумбруд; **III – южнокарпатскую**, которую можно связать с памятниками типа Фериджиле-Бырсешть; **IV – болгарскую** и **V – Карпато-Днестровскую** (рис. 4, 5). В свою очередь, Карпато-Поднестровье с точки зрения распространения клинкового оружия скифского типа также не выглядит однородным. Поэтому для него предлагается следующее деление на подгруппы по географическому принципу: Среднеднестровскую (буковинскую), Восточно-карпатскую (нямецкую)[33], Сирето-Днестровскую (молдавскую), Нижнеднестровскую и Нижнедунайскую.

Хронологически акинаки Карпато-Поднестровья можно разделить на три довольно неравномерные группы. Периоды в развитии скифского вооружения наметила еще А.И. Мелюкова (1964, 80). С некоторыми корректировками для рассматриваемого в статье региона (Бруяко 2005, 149) эта периодизация представляется следующей: ***раннескифский период*** (VII - первая половина VI в. до н.э.), ***среднескифский*** (середина VI - середина V в. до н.э.) и ***классический скифский***[34] (конец V - начало III в. до н.э.). К первому периоду относятся раннескифские комплексы курганов могильника Кажвана (курганы 3 и 7), кургана у с. Ленковцы, погребение 2 сектора II могильника Челик-дере (рис. 12/16) и серия случайных находок, укладывающиеся во вторую половину VII - начало VI в. до н.э. Курган у с. Ленковцы, по всей видимости, является

[31] Подробнее об историографии вопроса см. Дараган 2010, 175-179.

[32] В свою очередь и такой подход к датировке античного импорта, и выводы относительно датировки впускного погребения Репяховатой могилы были подвергнуты детальной критике Д.С. Гречко (2012, 77-79). Наиболее вероятной датой этого комплекса, по-видимому, следует считать конец VII - первые десятилетия VI в. до н.э.

[33] На концентрацию преимущественно случайных находок в районе Нямецкой низменности в разное время обращали внимание многие исследователи, связывающие ее со следами проникновения скифов в Трансильванию (Mihăilescu-Bîrliba, Untaru 1971, 450; Irimia 2007, 383; Iconomu 2010, 120; Топал, Бруяко 2012, 142; Diaconu 2012, 119-120).

[34] Здесь впору согласиться с И.В. Бруяко в том, что термин «классическая скифская культура» куда более уместен, чем «позднескифская» (Бруяко 2005, 149).

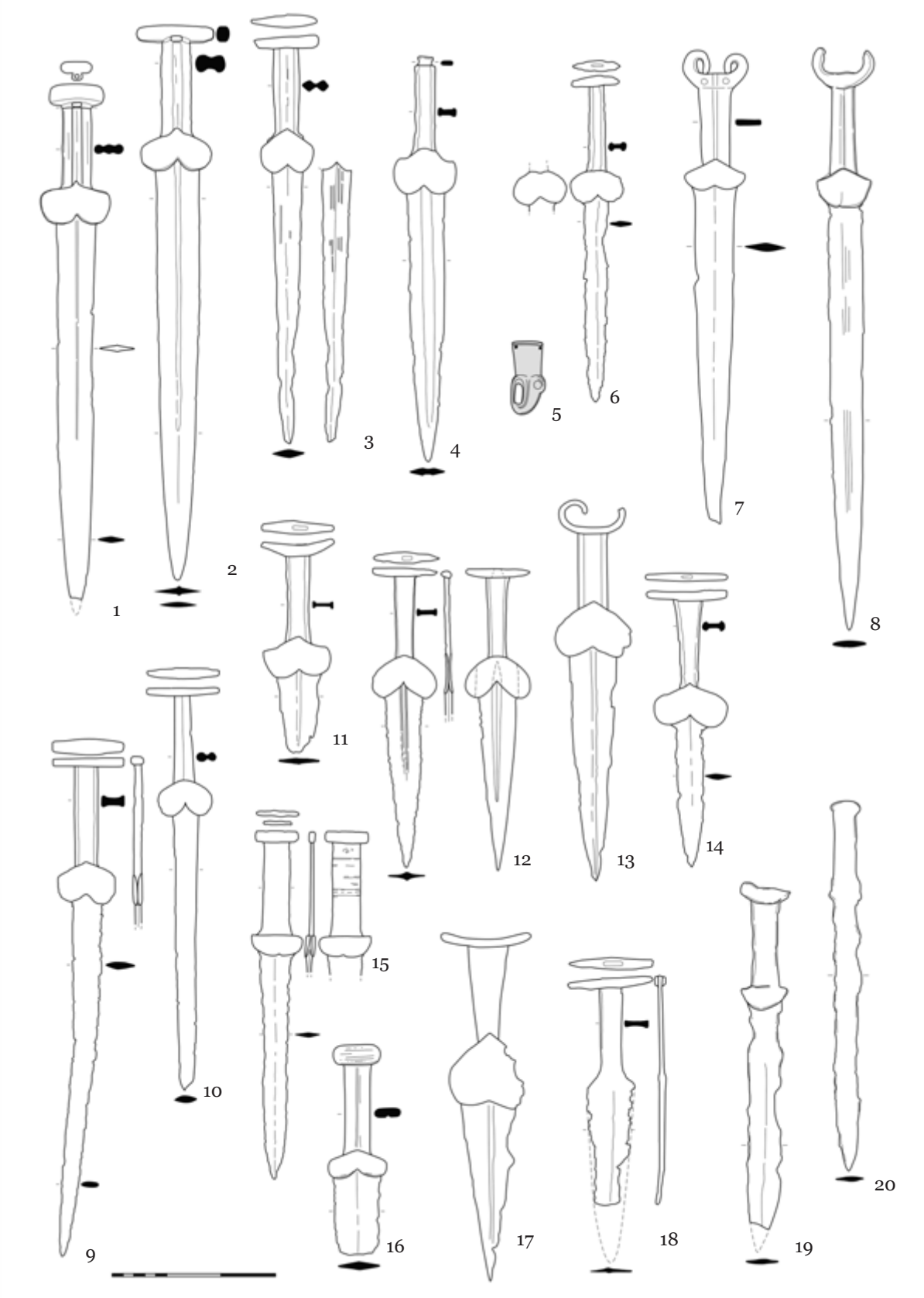


Рис. 10. Акинаки Сирето-Днестровской (молдавской) группы (начало): 1 - Ватич; 2 - Суслень; 3 - Быку, п.; 4 - Мошна, п.?; 5 - Ниспоренский район; 6 - Думешть; 7 - Котовск; 8 - Пыржолтень, п.; 9 - Гэнешть; 10 - Бэлэбэнешть; 11 - Комарна, п.?; 12 - Мэчишень; 13, 17 - Нэвырнец, к.?; 14 - Сусень; 15 - Дэнешть; 16 - Требужень; 18 - Агапия, п.?; 19, 20 - Козия «Волоакэ микэ», п.?

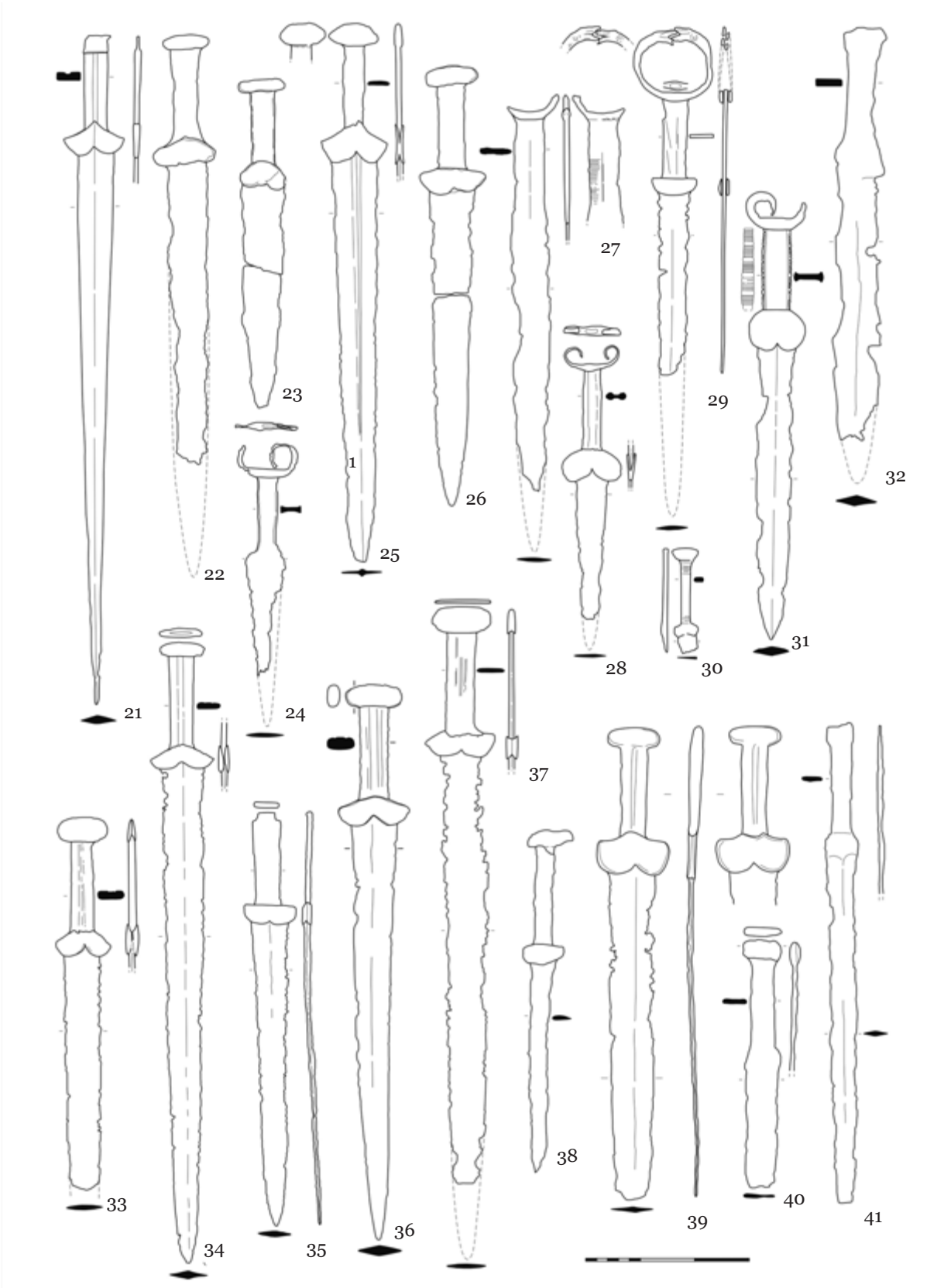


Рис. 11. Акинаки Сирето-Днестровской (молдавской) группы (продолжение): 21 - Михайловка; 22 - Суручень, п.; 23 - Ханска; 24 - Милештий-де-Сус, п. 2; 25, 31, 38 - Козия; 26 - Лукашеука; 27 - Мынзэтешть; 28 - Нэнешть; 29, 34 - Гэичана; 30 - Рэдень; 32 - Васлуй, п. 1973 г.; 33 - Бучумень; 35 - Мирчешть; 36 - Лэргуца; 37 - Ликитишень; 39 - Тешкурень; 40, 41 - Поенешть, п.

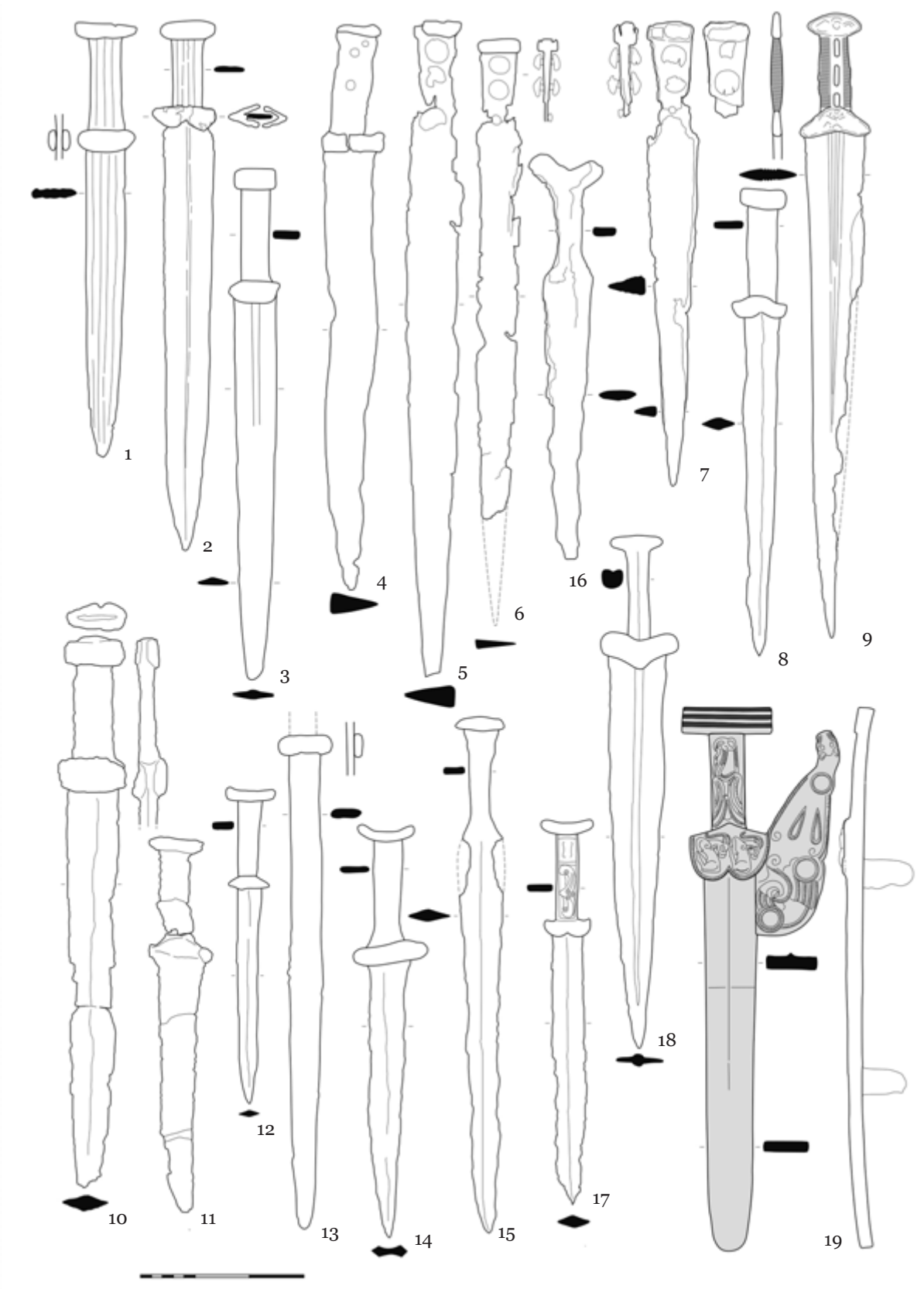


Рис. 12. Акинаки Нижнедунайской группы: 1 - Челик-Дере, к. 10а; 2 - Челик-Дере, к. 11; 3 - Челик-Дере, к. 44, п. 1; 4 - Чауш, к. 12, п. 1; 5 - Чауш, к. 15, п. 1; 6 - Чауш, к. 22; 7 - Плавни, к. 24, п. 1; 8, 12-15, 17, 18 - Челик-Дере; 9 - Измаил (Пойдовка), к.; 10 - Муригиол; 11 - Кискань, п.; 16 - Челик-Дере, с. II, к. 2; 1 9 - Меджидия.

наиболее ранним из них и маркирует время появления скифов на Среднем Днестре около середины VII в. до н.э. (Смирнова 1993, 105; Бруяко 2005, 149). Помимо железных однокольчатых удил, аналогичных келермесским, он содержал также фрагментированный кинжал (рис. 9/13) (Мелюкова 1953, 64, рис. 29/1). Второй половиной VII - началом VI в. до н.э. были датированы курганы могильника у с. Кажвана (рис. 9/2, 14) на основании предметов вооружения, среди которых двухлопастные наконечники стрел с шипом и топоры (Ignat 2006, 80-81, pl. XI, XV). К ранней группе можно отнести и погребение 2 сектора II могильника Челик-дере (Simion 1992: fig. 1), которое А.И. Мелюкова считает одновременным погребению из Сабанджии и относит ко второй половине - концу VII в. до н.э. (Мелюкова 2001, 22). Одной из самых ранних случайных находок можно считать бронзовый кинжал из Русских Фольварок (рис. 9/12) (район г. Каменец-Подольского), происхождение которого связывается с кинжалами тагарской культуры (Гавлик 2004, 166, рис. 1/1), а датировка вряд ли выходит за пределы VII в. до н.э. Кроме этого, однозначно VII в. до н.э. датируются случайные находки из Центральной Бессарабии – Ватича (рис. 2/5, 10/1) и Суслен (рис. 2/6, 10/2), которые относятся к келермесскому типу (рис. 6). К раннескифскому периоду относится тесно связанная с келермесским типом уникальная находка из Подунавья. Речь идет об известной модели акинака из Румынии, обнаруженной в 1955 г. в окрестностях г. Меджидия (Берчу 1958, 94-102, рис. 1-2; Berciu 1959, 9-18, pl. I-II). Данное изделие было отлито из высококачественной бронзы в простой одностворчатой форме и с одной стороны богато украшено рельефами и резным орнаментом, с другой – необработано и оснащено двумя шипами для крепления (рис. 12/19). Д. Берчу предположил, что данный предмет является «эмблемой» – украшением погребальной камеры или, вероятнее, скифской антропоморфной скульптуры (Berciu 1959, 18), которая с VI в. до н.э. хорошо известна в румынской Добрудже (Ольховский, Евдокимов 1994, 16). Отсутствие аналогий данному предмету, а также следов использования не позволяет с уверенностью определить его назначение, однако следует учесть, что акинак является одним из самых популярных элементов скифской антропоморфной скульптуры и встречается на более чем 40% изваяний (Ольховский, Евдокимов 1994, табл. 15; Топал 2005, 29). Кроме того, на одном из дунайских изваяний (предположительно, с территории Добруджи) под линией, обозначающей пояс, нанесены углубления, которые и могли служить для крепления[35] подобной «эмблемы» (Alexandrescu 1958, 292, fig. 3-4). Вне зависимости от определения времени изготовления самой эмблемы из Меджидии, существенным представляется решение вопроса, какой тип акинака на ней представлен. Такие признаки, как параллельные лезвия клинка, форма перекрестья и навершия, позволили еще автору первой публикации сопоставить данную находку с мечами из Мельгуновского и Келермесского курганов (Берчу 1958, 105). Кроме этого, обращают на себя внимание такие детали, как орнаментация навершия горизонтальными полосами[36] (как, например, на акинаках из Туголуково, Никольского и Плоешть) и нервюра, занимающая верхние две трети клинка – признаки, характерные для мечей именно келермесского типа. Особенности изображений животных, в частности фигур сидящих козлов (ближайшая аналогия – перекрестье мельгуновского меча), оформление стержня рукояти хищной птицей, вероятно, свидетельствуют о творческом переосмыслении переднеазиатского наследия парадных форм келермесских мечей. Скорее всего, это указывает на более позднее время изготовления меджидийской эмблемы (по сравнению с мельгуновским мечом). И, вероятно, изготовление эмблемы из Меджидии совпадает со временем появления мечей келермесского типа за Прутом на западе и скифских изваяний за Дунаем на юге в конце VII - начале VI вв. до н.э. .

Что касается других случайных находок (к примеру – из Мирчешть (рис. 11/35) и Дэнешть (рис. 10/15)), согласиться с их атрибуцией и датировкой в рамках VII в. до н.э.[37]

[35] Расстояние между двумя этими углублениями близко к расстоянию между шипами меджидийской эмблемы и составляет около 20 см.

[36] Интересно, что навершия и мельгуновского меча, и келермесского, орнаментированы горизонтальными поясками: мельгуновский – растительным, келермесский – косыми параллельными штрихами (рис. 3, 7а, 9а).

[37] Тем более что А. Вулпе не распространяет датировку типа Посмуш на весь VII в., а лишь на вторую половину VII - первую половину VI в. до н.э. (Vulpe 1990, 27-28). Между тем, даже кавказские аналогии инвентарю погребений с акинаками типа Посмуш не дают оснований для датировки данного типа временем ранее середины VII в. до н.э. (Козубова, Скаков 2012, 199-200).

(Gawlik 1998, 56-57; Бруяко 2005, 154) пока не представляется возможным. Определение их А. Вулпе как «вероятно, связанных с типом Посмуш» (wohl nahestehend) (Vulpe 1990, 25) демонстрирует определенную долю сомнений исследователя. И, надо сказать, небеспочвенных, т.к. единственное, что могло бы «связать» данные экземпляры с акинаками типа Посмуш – оригинальное перекрестье, «лучковидное» по С.А. Скорому (1982, 85). Важнейшие конструктивные признаки, такие как продольные желобки на рукояти, подовальная (закругленная по краям) форма навершия, нервюра по центру клинка, на экземплярах из Мирчешть и Дэнешть отсутствуют. Более того, плоская в сечении рукоять (покрытая у меча из Мирчешть поперечными насечками), сечение клинка и форма перекрестья, близкая к сегментовидному, сближает эти изделия с мечами типа Гэичана[38] (Vulpe 1990, 57-61, cat. 74-75), датированному А. Вулпе концом VI в. до н.э. (этим временем датируется курган 5 у с. Чепарь).

Также нельзя безоговорочно согласиться с датировкой VII в. до н.э. группы кинжалов с Т-образной рамочной рукоятью, треугольным клинком с нервюрой, сердцевидным или почковидным перекрестьем (Vulpe 1990, 38-42). Конечно, «мечи – не самый четкий хроноиндикатор» (Бруяко 2005, 154), однако некоторые тенденции в датировании этого типа более-менее ясны. К примеру, датировки случайных находок от региона к региону немного разнятся – так, более западные находки с территории Румынии, датируются, как правило, древнее причерноморских (Бабенко 2009, 25). На этот тип в качестве самостоятельной единицы обратил внимание А. Вулпе – во второй морфологической группе (Formengruppe II) он выделяет тип Сусень-Мэчишень, состоящий из кинжалов с прямым навершием, более или менее профилированной рукоятью и массивным перекрестьем. Тип представлен двумя вариантами, отличающимися оформлением перекрестья: Сусень – с сердцевидным, и Мэчишень – с почковидным (Vulpe 1990, 38). Позже, в процессе сбора аналогий трахтемировскому кинжалу группу схожих по форме кинжалов заметили Е.Е. Фиалко и Ю.В. Болтрик (Фіалко, Болтрик 2003, 46). И.В. Бруяко обратился к этому материалу для поиска свидетельств скифского проникновения в запрутскую Молдову (Бруяко 2005, 154). Л. И. Бабенко, в публикации компактной группы харьковских экземпляров, пользуется термином «короткие кинжалы с Т-образной рукоятью»[39] (Бабенко 2009, 26).

Данный тип представлен, в основном, случайными находками (рис. 7), однако известны и комплексы, например два лесостепных скифских погребения – у с. Кириковка и в Люботинском могильнике. В погребении кургана 13 у с. Кириковка Харьковской губернии (сейчас – Сумской области) на тазовых костях погребенного наискосок лежал кинжал с широким перекрестьем и треугольным клинком (Мельник 1902, 686, рис. 131; Либеров 1962). Кроме этого, упоминается еще один небольшой кинжал того же типа, лежавший под вышеупомянутым (Мельник 1902а, 715). Погребение датируется временем не позже VI в. до н.э., т.к. в составе погребения обнаружена костяная колчанная застежка второго типа по Е.В. Черненко (Черненко 1981, 39-40). Также из погребения (правда, разрушенного) происходит кинжал, связанный с курганом Люботинского могильника (Бабенко 2009, 21, рис. 1/4). В 1882 г. на севере Нижней Силезии, в 10 км от Губина, у Феттерсфельде (совр. Виташково, Польша) был открыт знаменитый комплекс, содержавший богато украшенные предметы в скифском зверином стиле, в том числе и парадное вооружение, вероятно, вышедшие из

[38] Мечи типа Гэичана отличает антенное навершие, однако случаи, когда в рамках одного типа акинаков встречаются экземпляры с по-разному оформленным навершием – нередкое явление. Так, известно, по меньшей мере, три акинака келермесского типа с антенным навершием – из Борисоглебского музея (Мулкиджанян, 1983, 137-139), из собрания А.А. Бобринского (Мелюкова 1964, рис. 20/1) и южной Башкирии, из окрестностей с. Берлячево (Смирнов 1961, 20, рис. 3/7). Известны два акинака марычевского типа с антенным навершием – из Петровского района Тамбовской области и с. Тынково (Клоков, Моисеев 1999, рис. 11/1, 2).

[39] Данный термин нельзя признать удачным, т.к. Т-образное оформление рукояти является одним из самых распространенных у скифских мечей и кинжалов. Тип же Сусень-Мэчишень, выделенный А. Вулпе, определен слишком широко и, на мой взгляд, не отражает главных конструктивных признаков этой группы – широкого и массивного почковидного (или сердцевидного) перекрестья, узкого длинного навершия и широкого в верхней части треугольного клинка. Если, вслед за А. Вулпе, продолжать следовать эпонимическому принципу, в качестве определенного компромисса предлагаю термин – ***тип Феттерсфельде*** (рис. 7), по названию одной из самых известных находок кинжалов этого облика.

причерноморских мастерских (Furtwaengler 1883, 4-11). Не углубляясь в проблематику происхождения[40] обкладки кинжала из Феттерсфельде, можно отметить относительное единодушие исследователей по поводу ее датировки – большинство ученых склоняется к дате «рубеж VI-V вв. до н.э. (Ростовцев 1925, 399, 410; Schefold 1938, 8, 14, 36, 62; Онайко 1966, 160). З. Буковски также датировал комплекс VI-V вв. до н. э., однако типологические особенности акинака позволили ему сузить датировку до конца VI - начала V в. до н.э. (Bukowski 1977, 197-198). С этим будто бы согласен А.Ю. Алексеев, сначала предложивший в качестве верхней границы вторую четверть V в. до н.э. (Алексеев 1991, 47), а затем опустивший и нижнюю до последней четверти VI в. до н.э. (Алексеев 2003, 198). Аналогичные кинжалы есть в Прикубанье и на Кавказе. В Прикубанье, среди материалов Владимировского могильника у Новороссийска, обнаружен кинжал типа Феттерсфельде из погребения 179 (Шишлов и др. 2007, рис. 3/3). Могильник суммарно датирован концом VII - началом V в. до н.э., однако, пока нет публикаций, рассматривающих каждый комплекс по отдельности, судить о хронологических особенностях данного экземпляра не представляется возможным. Схожий кинжал (его, правда, отличает «келермесская»[41] трехчастная рукоять) обнаружен в погребении 4 могильника Модинахе в Грузии, общая датировка которого – VII-VI вв. до н.э. (Mehnert 2008, 61, Taf. 33/5; Apakidze 2009, 440, Taf. 259/3). Таким образом, несмотря на определенную вероятность появления данного типа кинжалов в VII в. (по всей видимости, ближе к концу столетия), основной период его бытования относится к середине - второй половине VI в. до н.э., т.е. уже к среднескифскому периоду.

[40] А. Фуртвенглер и В. Гинтерс настаивали на ионийском происхождении обкладки из Феттерсфельде (Furtwaengler 1883, 32; Ginters 1928, 18), Иессен считал местом производства Ольвию или Тиру (Иессен 1947, 84). Проведенный при помощи техники микролазерного изображения анализ показал, что все предметы клада были изготовлены в одной мастерской, которую локализовать точнее, чем «в районе Черного моря», пока не представляется возможным (Redfern 2000, 417). Кроме того, на предметах отсутствуют следы употребления в быту (что не исключает использования в обрядовых целях), а сам клад был упакован в деревянный ящик, который горел.

[41] Так же оформлена рукоять и кинжала из Сирмабешеньё (Kemenczei 2008, 317, fig. 14), и, вполне вероятно, что этот архаичный признак свидетельствует о более ранней датировке данных предметов.

Что касается среднескифского периода, к нему можно причислить практически все известные погребальные комплексы с клинковым оружием Сирето-Днестровской (молдавской) группы. К наиболее ранним относятся погребения у Мынзэтешть, Милештий-де-Сус, Быку, Козия «Волоакэ-Микэ» и Суручен. Первой половиной VI в. до н.э. и позже, возможно, датируется погребение из Агапии (рис. 10/18) (Mihăilescu-Bîrliba, Untaru 1971, 441, fig. 1-2; Mihăilescu-Bîrliba 1976, 115). Погребение 2 у с. Милештий-де-Сус помимо акинака с антенным навершием (рис. 11/24) содержало пропеллеровидные пронизи-подвески, раковины-каури и колчанный набор (Mitrea 1983; Mitrea 1983a), на основании которого его можно отнести ко второй половине VI - началу V вв. до н.э. (Бруяко 2005, 158; Mândescu 2010, 110, cat. 421). К этому же времени относится и погребение из Мынзэтешть (рис. 11/27), содержавшее акинак с фрагментированным антенным навершием и трехлопастные базисные наконечники стрел (Palade, Ciucă 1972, 285-290). Предположительно из погребения второй половины VI в. до н.э. - начала V в. до н.э. происходит акинак, найденный у с. Быку (рис. 10/3) (Niţu 1953, 6-7, fig. 2). Два акинака, найденные у с. Козия «Волоакэ-Микэ» также связываются с разрушенными погребениями второй половины VI - первой половины V вв. до н.э. (рис. 10/19, 20) (Iconomu 2010, 115-116, fig. 2). Второй половиной VI - началом V вв. до н.э. датируется погребение у Суручен (рис. 1/4, 11/22) (Бруяко 2005, 160). Не раньше начала V в. до н.э. датируются погребения из Поенешть (рис. 11/40, 41) и у Васлуй 1973 г. (рис. 11/32) на основании опорновтульчатых наконечников (Vulpe 1990, 48). Якобы из погребения V в. до н.э. происходит кинжал, найденный на территории могильника с. Комарна (Niţu 1953, 8-9, fig. 3). К первой половине V в. до н.э. относятся погребения из Пыржолтен (рис. 1/3, 10/8) (Gawlik 1998, 66; Arnăut 2003, 245; Бруяко 2005, 163). Кроме этого, один из комплексов буковинской группы – предполагаемое погребение из Зэйчешть, с которым связывают три акинака (рис. 9/3, 6, 7), также можно отнести ко второй половине VI - первой половине V вв. до н.э. (Махортих, Скорий 1986, 74).

К поздним комплексам среднескифского периода можно отнести по меньшей мере несколько нижнеднестровских комплексов, к примеру,

сравнительно недавно опубликованное погребение Г2 у с. Маяки (рис. 13/8), датированное по колчанному набору с базисными опорновтульчатыми наконечниками началом - первой половиной V в. до н.э. (Носова 2011, 159). Также к позднейшей группе среднескифских погребений принадлежит погребение 13 в кургане у г. Арциз (рис. 13/1), которое, правда, авторы публикации датировали второй половиной - концом V в. до н.э. (Алексеева, Охотников, Редина 1997, 53), основываясь на характерных для этого времени наконечниках стрел с зауженными гранями. По мнению И. В. Бруяко, их появление в колчанном наборе арцизского погребения фиксирует лишь ранний период бытования, а в целом набор, состоящий из базисных опорновтульчатых наконечников, относится к середине V в. до н.э., и сам комплекс относится к т.н. «всаднической» группе (Бруяко 2005, 160-161). А.Ю. Алексеев считает, что такая характерная деталь, как бляха в виде кисти руки, скорее, указывает на вторую четверть или вторую-третью четверть V в. до н.э. (Алексеев 1991, 50; Алексеев 2003, 201). К первой половине V в. до н.э. относится и погребение из Олонештского района, между селами Тудорово и Паланка (Бруяко 2005, 163-164).

Погребальные комплексы с акинаками, которые можно отнести к классической скифской культуре, немногочисленны, и связаны они, в основном, с территорией Нижнеднестровской и Нижнедунайской групп, т.е. с исключительно степной зоной. По данным В.С. Синики, мечи и кинжалы входили в состав погребального инвентаря всего 30 комплексов – 5,7% погребений скифской эпохи Днестровско-Прутско-Дунайских степей (Синика 2007а, 18). Из них в данной статье учтено около десятка, остальные – либо представлены невыразительными фрагментами[42], либо опубликованы недостаточно информативно. Наиболее ранние погребальные комплексы с клинковым вооружением располагаются в Добрудже – курганы 10а, 11 (Simion 1992, fig. 3, 5), а также недавно раскопанный курган 44 (Sîrbu et al. 2013) могильника Челик-Дере. Погребение в кургане 10а (рис. 12/1) Г. Симион датировал третьей четвертью V в. до н.э. по «фасосской» амфоре (Simion 1992, 104); позже эта амфора была определена как «самосская» и датирована концом V в. до н.э. (Teleagă 2008, 49, fig. 192, 10-11; Sîrbu et al. 2013, 350), однако есть все основания считать, что и эта датировка сильно занижена[43]. Третьей четвертью V в. до н.э. Г. Симион датировал и погребение 11 (рис. 12/2), на основании трех амфор и бронзового топора-скипетра, уложенных рядом с погребенным, однако, ввиду отсутствия иллюстраций и описания амфоры, эта датировка пока остается под сомнением[44]. Курган 44 (рис. 12/3) датирован, по мнению авторов раскопок, второй половиной V в. (или даже самым концом) (Sîrbu et al. 2013, 356), хотя колчанный набор, состоящий из базисных опорновтульчатых наконечников стрел (Sîrbu et al. 2013, fig. 10d), указывает на более раннюю дату, верхняя граница которой, вероятно, может заходить и в середину V в. до н.э.

Концом V в. - самым началом IV в. до н.э. датируются два нижнеднестровских комплекса – погребение 1 кургана 9 у с. Талмаза (рис. 1/2, 13/2) (Синика 2007, 178) и погребение 3 кургана 7 у с. Пуркарь (рис. 1/1, 13/6) (Агульников и др. 2013, 279). Мечи из этих погребений являются на сегодняшний момент самыми западными экземплярами акинаков типа Солоха (рис. 8) (Топал 2014), не считая случайной

[42] Среди них можно отметить фрагменты клинка двулезвийных мечей из погребения 1 кургана 8 у с. Красное, погребения 1 кургана 4 у с. Парканы (Манзура, Ларина, Савва 1992, 187, рис. 3, 4), однолезвийного – из погребения 2 кургана 13 у с. Буторы-I (Синика, Разумов, Тельнов 2013, рис. 52/4). В Подунавье – фрагмент клинка двулезвийного меча из погребения 1 кургана 15 и фрагмент рукояти из погребения 1 кургана 22 могильника Плавни-I (Суничук, Фокеев 1984, рис. 2, 24, 26). Не вполне убедительна, на мой взгляд, интерпретация фрагментов из погребения 2 кургана 2 у с. Никольское (Агульников, Сава 2004) как остатков клинкового оружия (кинжала или махайры, по мнению авторов публикации), поскольку данный предмет нуждается в детальном рассмотрении, прежде всего со стороны специалистов по реставрации железа.

[43] М.В. Иващенко полагает, что верхняя часть тулова принадлежит, по всей видимости, мендейской амфоре, с оттиснутым на ручке рельефным клеймом в виде литеры Δ. Оттиски такого типа зафиксированы в кургане №9 у с. Малая Лепетиха (Монахов 1999, 324-326, табл. 138/4) и в колодце под гончарной печью №9 из Херсонеса, раскопанном в 1960 г. В. Н. Даниленко. Данные оттиски датируются В.И. Кацем второй третьей четвертью IV в. до н.э. (Кац 2007, 201). Однако, судя по материалам вышеназванных комплексов, верхняя их датировка не заходит за конец 60-х - начало 50-х гг. IV в. до н.э. (Иващенко 2015). Пользуясь случаем, приношу М.В. Иващенко искреннюю благодарность за консультацию.

[44] В любом случае, Г. Симион уверенно отнес и курган 10а, и курган 11 к заключительной фазе могильника третьей четверти (конца V в. до н.э.) - начала III в. до н.э. (Simion 1992, 104).

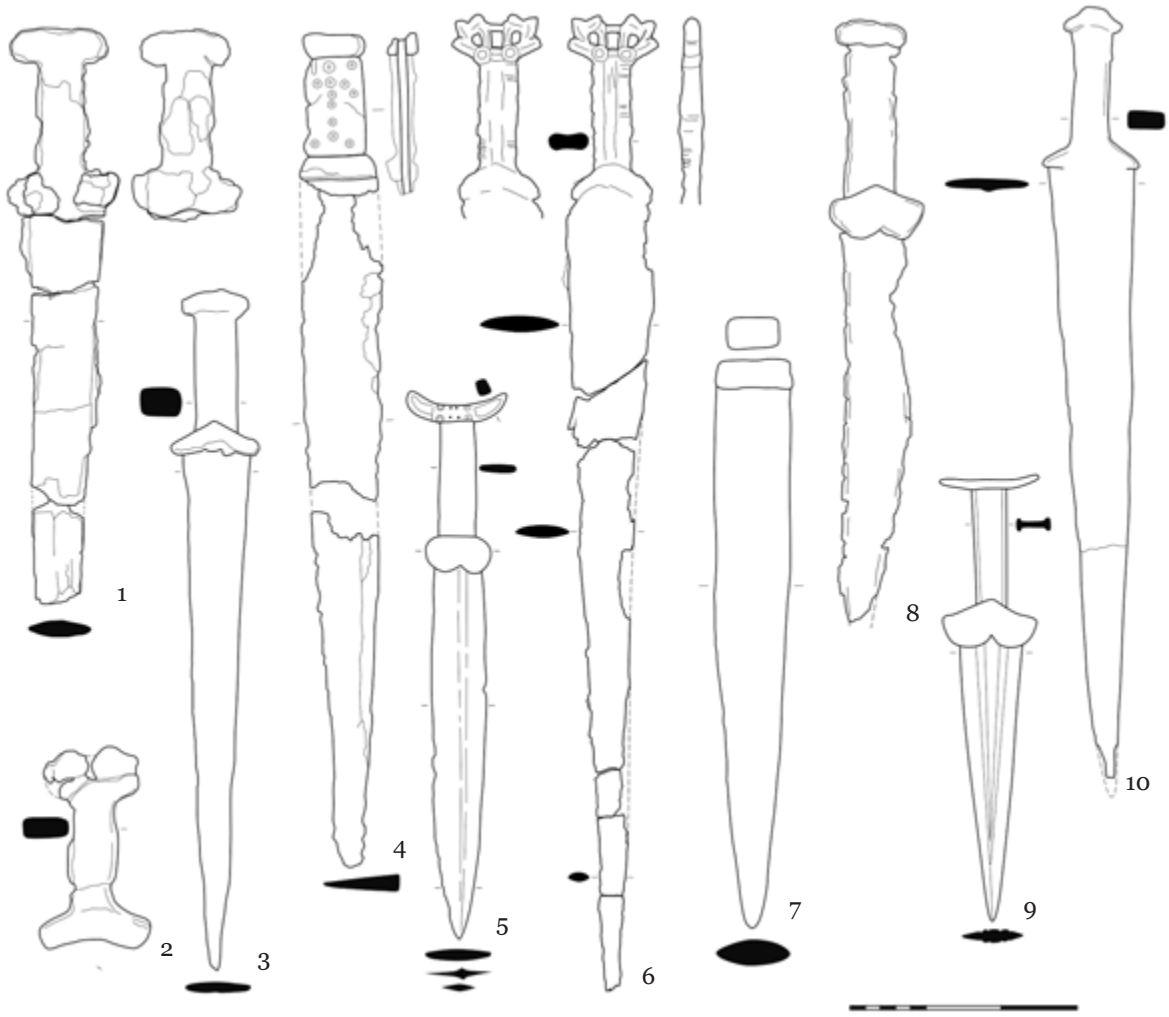


Рис. 13. Акинаки Нижнеднестровской группы: 1 - Арциз, к. 1, п. 13; 2 - Талмаза, к. 9, п. 1; 3 - Николаевка II, п. 8; 4 - Николаевка I, п. 3; 5 - Тудора-Паланка, п.; 6 - Пуркарь, к. 7, п. 3; 7 - Дивизия, к. 20, п. 6; 8 - Маяки, п. Г2; 9 - Дачное (Гниляково); 10 - Николаевка II, п. 7.

находки из Болгарии, найденную у с. Агатово (Милчев, Ковачев 1962, 40, рис. 2; Gold 1987, 167, cat. 245). В грунтовом могильнике Николаевка II акинаки были обнаружены в двух комплексах – погребении 7 и 8 (рис. 13/3, 10) (Мелюкова 1975, рис. 56/7, 8). Погребение 7 А.И. Мелюкова датировала по чернолаковому килику серединой - третьей четвертью IV в. до н.э. (Мелюкова 1971, 50, рис. 6/1, 2; Мелюкова 1975, 162, рис. 44/1), однако аналогии с Афинской агоры свидетельствуют скорее о начале IV в., вплоть до 80-х гг. столетия (Sparkes, Talcott 1970, 111-112, 280, pl. 27, fig. 6, cat. 621-623). Кроме килика, в погребении была помещена гераклейская амфора с клеймом фабриканта ΗΡΙΣ и именем магистрата ΚΕΡΚΙΝΟΣ (с предлогом ΕΠΙ), который относится ко 2-й магистратской группе (далее - МГ) 80-70-х гг. IV в. до н.э. (Монахов 2003, 125; Кац 2007, 429); вероятно, в рамках второй четверти IV в. до н.э. и следует датировать данный комплекс. Меч из погребения 8 (рис. 13/3) также можно отнести к этому времени, т.к. комплекс, в котором он был найден, также содержал амфору с аналогичным клеймом[45]. Ко второй половине IV в. до н.э. можно отнести и погребение с однолезвийным акинаком грунтового могильни-

[45] В связи с этим не совсем ясна ситуация с чернолаковым аттическим канфаром из погребения 8. А.И. Мелюкова датировала его второй половиной IV в. до н.э. (Мелюкова 1975, 160), а на основе аналогий с Афинской агоры этот тип можно отнести даже к последней четверти IV в. до н.э. (Sparkes, Talcott 1970, 122, 287, pl. 29, fig. 6, cat. 712-714).

ка Николаевка I (рис. 13/4), обнаруженного в 1964 г. (Дзис-Райко 1965, 63-64, рис. 4/4). Ров кургана 20 у с. Дивизия, в погребении 6 которого был обнаружен клинок меча с брусковидным перекрестьем (рис. 13/7)[46] (Субботин и др. 1992, 19-20; рис. 17/1), содержал богатый амфорный материал, в том числе клейма Гераклеи Понтийской. Первоначально авторы одной из первых публикаций о памятнике датировали этот курган второй четвертью IV в. до н.э. (Андрух, Оанча 1992, 91), однако, по мнению Н. Матеевич, амфорный материал принадлежит двум хронологическим периодам: пять клейм раннефабрикантской группы (далее - РФГ) с именем ΑΡΙΣΤΩΝΟΣ с символом «палица» относятся к концу V - началу IV в. Два других, магистратских, с именем ΣΑΤΥΡΟΣ и эпонимным предлогом ΕΠΙ (в одном случае – в сочетании с именем фабриканта ΑΠΟΛΛΩΝΙΟΣ и символом «копье», в другом – с именем ΗΡΑΚΛΕΙΔΗΣ и символом «посох»), исследовательница датировала серединой 50-х гг. IV в. до н.э.[47] (Mateevici 2007, 75).

В разрушенном кургане в г. Измаиле (Пойдовка) был обнаружен меч с прорезями и имитацией обмотки на рукояти, овальным орнаментированным навершием (рис. 12/9). По клейму гераклейской амфоры курган датирован началом 60-х гг. IV в. до н. э. (Паламарчук, Синика 2014, 296). Такие мечи с прорезными рукоятями, в основном, относятся к более ранним комплексам первой половины IV в. до н.э., тяготея к началу столетия. На это указывают и другие архаичные признаки, такие как имитация проволочной или веревочной обмотки на рукояти и орнаментация верхней части клинка продольными желобками. Серия оригинальных однолезвийных мечей происходит из скифских могильников Нижнего Дуная. Семь экземпляров происходит из курганов могильника Чауш, из которых поддаются реконструкции лишь три – из кургана 12, 15 и 22 (рис. 12/4-6), датированные Е.Ф. Рединой третьей четвертью IV в. до н.э. (Суничук 1985, 44, рис. 2/16, 17; Редина 1999, 223-226, рис. 1/2, 3; 2/1-3). В кургане 24 могильника Плавни I был обнаружен аналогичный меч (рис. 12/7). В целом, могильник считается одновременным чаушскому и датирован серединой - третьей четвертью IV в. до н.э. (Суничук, Фокеев 1984, 117; Редина 1999, 223). Погребение с мечом[48] (рис. 12/11), обнаруженное в 1958 г. на разрушенном могильнике у с. Кискань (Harţuche, Anastasiu 1968, 52-57, pl. 65-71; Harţuche, Anastasiu 1976, 197-198, 209, cat. 400-405, 422), содержало амфору, датированную В. Сырбу временем после 340-х гг. до н.э. (Sîrbu 1982, 101). К классическому периоду также можно отнести случайную находку меча[49] из могильника Муригиол (рис. 12/10), который датируют концом IV - началом III вв. до н.э. (Бужор 1958, рис. 8/1; Vulpe 1990, 67, Taf. 17/80).

Тем не менее, в Днестровско-Карпатском регионе пока не известно погребений с мечами или кинжалами, которые бы достоверно датировались именно III в. до н.э. Кроме того, красноречиво выглядит факт полного отсутствия мечей и кинжалов в скифском могильнике конца IV - середины II вв. до н.э. у с. Глиное (хотя другие категории вооружения широко представлены) (Синика, Тельнов 2014, 358). По всей видимости, данный вид вооружения исчезает на рубеже IV-III вв. до н.э. не только в Поднестровье, но и в Подунавье, где еще в третьей четверти IV в. до н.э. традиционный скифский акинак сменяется однолезвийными мечами гибридного типа. Действительно, если построить гистограмму развития во времени такой категории скифской культуры, как акинак, становится понятно, что это случай т. н. нормального или Гауссового распределения, представленного в виде – симметричной колоколообразной кривой с количественным максимумом в промежутке между последней

[46] Несмотря на то, что в публикациях С.И. Андрух этот меч был отнесен к однолезвийным (Андрух, Оанча 1992, 89; Андрух 1995, 38-40, рис. 4/24), в другой публикации он назван «обоюдоострым» (Субботин и др. 1992, 20, рис. 17/1). К тому же, в свою сводку однолезвийных мечей Днестровско-Дунайского региона Е.Ф. Редина его не включила (Редина 1999).

[47] В своей работе 2003 г. В. И. Кац датировал 3-ю МГ концом 70-х - серединой 50-х гг. IV в. до н.э. (Katz 2003, 267), в более поздней – 60-50-ми гг. IV в. до н.э. (Кац 2007, 429). С.Ю. Монахов отнес магистрата Сатира к 4-й МГ, функционировавшей с середины 50-х до середины 30-х гг. IV в. до н.э. (Монахов 2003, 125, 134).

[48] Довольно странно, что рисунок меча из Кискань, приведенный в монографии А. Вулпе (Vulpe 1990, Taf. 17/85), столь сильно отличается от иллюстраций других авторов (Андрух 1995, рис. 4/25; Mândescu 2010, pl. 85/22).

[49] Этот меч был ошибочно причислен И.Т. Никулицэ к закрытому комплексу с трехлопастными стрелами, чернофигурной керамикой, амфорами и даже монетой Филиппа II (Никулицэ 1977, 97).

четвертью V и первой четвертью IV вв. до н.э. (рис. 4/А). Таким образом, скифский акинак представляет собой единую традицию, непрерывно существующую с VII по IV в. до н.э., т.е. акинак появляется после возвращения из ближневосточных походов и растворяется как вид вооружения вместе с гибелью «Великой Скифии». А какие процессы стояли за возникновением и исчезновением этой технической инновации, с одной стороны, иконографической традиции, с другой, и элемента культа, с третьей, предстоит еще выяснить.

Библиография

Агульников, Сава 2004: С.М. Агульников, Е.Н. Савва, Исследование курганов на Левобережье Днестра (Кишинев 2004).

Агульников и др. 2013: С.М. Агульников, С.С. Попович, С.В. Церна, Д.А. Топал, Скифский курган №7 у с. Пуркарь на Нижнем Днестре. Stratum plus 3, 2013, 257-284.

Алексеев 1991: А.Ю. Алексеев, Хронология и хронография Причерноморской Скифии V в. до н.э. АСГЭ 31, 1991, 43-56.

Алексеев 1991а: А.Ю. Алексеев, Этюд об акинаках. В: Л.С. Клейн, Археологическая типология (Ленинград 1991), 271-280.

Алексеев 2003: А.Ю. Алексеев, Хронография Европейской Скифии VII-IV веков до н.э. (Санкт-Петербург 2003).

Алексеев, Мурзин, Ролле 1991: А.Ю. Алексеев, В.Ю. Мурзин, Р. Ролле, Чертомлык (Киев 1991).

Алексеева, Охотников, Редина 1997: И.Л. Алексеева, С.Б. Охотников, Е.Ф. Редина, Скифское погребение у г. Арциз. В сб.: (Отв. ред. Е.В. Яровой) Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимодействия античной и варварских культур (IV в. до н.э. - IV в. н.э.). Материалы полевого семинара (Тирасполь 1997), 48-55.

Андрух, Оанча 1992: С.І. Андрух, О.С. Оанча, Скіфський могильник IV-III ст. до н.е. поблизу с. Дивізія. В сб.: (Отв. ред. В.Н. Станко) Археологія південного заходу України (Київ 1992), 89-92.

Андрух 1995: С.И. Андрух, Нижнедунайская Скифия в VI - начале I в. до н. э. (этно-политический аспект) (Запорожье 1995).

Бабенко 2009: Л.И. Бабенко, Новые находки скифских кинжалов на Харьковщине. В сб: Эпоха раннего железа. Сборник научных трудов к 60-летию С.А. Скорого. (Киев-Полтава 2009), 19-29.

Берчу 1958: Д. Берчу, Фрако-скифский меч-эмблема из Меджидии (Добруджа). Dacia N.S. II, 1958, 93-124.

Бруяко 2005: И.В. Бруяко, Ранние кочевники в Европе X-V вв. до Р.Х. (Кишинев 2005).

Бужор 1958: Э. Бужор, О гето-дакийской культуре в Муригиоле. Dacia N.S. II, 1958, 125-142.

Веселовский 1900: Н.И. Веселовский, История Императорского русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования (1846-1896) (Санкт-Петербург 1900).

Виноградов 1974: В.Б. Виноградов, Новые находки предметов скифо-сибирского звериного стиля в Чечено-Ингушетии. СА 4, 1974, 258-263.

Ворошилов 2009: А.Н. Ворошилов, О серии акинаков келермесского типа. В сб.: (Отв. ред. А. В. Балахванцев) Древность: историческое знание и специфика источника. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Э.А. Грантовского и Д.С. Раевского 14-16 декабря 2009 года. Вып. IV (Москва 2009), 40-42.

Ворошилов 2011: А.Н. Ворошилов, Акинаки келермесского типа в Донской лесостепи. В сб.: Восточноевропейские древности скифской эпохи (Воронеж 2011), 156-168.

Ворошилов 2013: А.Н. Ворошилов, Об одном типе клинкового оружия ранних скифов. В сб.: (Отв. ред. В.Е. Родинкова, А.Н. Федорина) Новые материалы и методы археологического исследования. Материалы II Международной конференции молодых ученых (Москва 2013), 91-92.

Гавлик 2004: А. Гавлик, Бронзовый кинжал из Русских Фольварков, р-н Каменец-Подольский. В сб.: (Ed. J. Chochorowski) Kimmerowie. Scytowie. Sarmaci (Kraków 2004), 161-168.

Галанина 1997: Л.К. Галанина, Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. Степные народы Евразии. Т. 1 (Москва 1997).

Гречко 2012: Д.С. Гречко, О возможных «просветах» в «темное» время (VI в. до н.э.) скифской истории. Stratum plus 3, 2012, 75-106.

Дараган 2010: М.Н. Дараган, О датировке амфоры из погребения №2 Репяховатой могилы. В сб.: (Отв. ред С.Ю. Монахов) Античный мир и археология (Саратов 2010), 175-202.

ДБК 1854: Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в Императорском музее Эрмитаж (Санкт-Петербург 1854).

ДГС 1872: Древности Геродотовой Скифии. Сборник археологических раскопок и находок в Черноморских степях. Вып. II (Санкт-Петербург 1872).

Денисов 2012: А.В. Денисов, Меч келермесского типа с территории Самарской области. Вестник МГОУ 3, 2012, 65-67.

Дзис-Райко 1965: Д.А. Дзис-Райко, Раскопки могильника в с. Николаевка на Днестровском лимане. В: Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского государственного археологического музея за 1963 г. (Одесса 1965), 62-66.

Дьяченко и др. 1999: А. Н. Дьяченко, Э. Мейб, А.С. Скрипкин, В.М. Клепиков, Археологические исследования в Волго-Донском междуречье. НАВ 2, 1999, 93-126.

Егоров 1955: Н.М. Егоров, Могильник скифского времени близ г. Минеральные Воды. КСИА 58, 1955, 53-62.

Иессен 1947: А.А. Иессен, Греческая колонизация Северного Причерноморья. Ее предпосылки и особенности (Ленинград 1947).

Иванчик 2001: А.И. Иванчик, Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. Степные народы Евразии. Т. 2 (Москва 2001).

Иващенко 2015 (в печати): В.М. Иващенко, Комплекс керамических клейм из колодца под печью № 9 гончарных мастерских Херсонеса. В: Античный мир и археология (Саратов 2015).

Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980: В.А. Ильинская, Б.Н. Мозолевский, А.И. Тереножкин, Курганы VI в. до н.э. у с. Матусов. В сб.: (Отв. ред. А.И. Тереножкин) Скифия и Кавказ (Киев 1980), 31-63.

Кац 2007: В.И. Кац, Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Боспорские исследования, XVIII. (Симферополь-Керчь 2007).

Клейн 1979: Л.С. Клейн, Понятие типа в современной археологии. В сб.: (Ред. Л.С. Клейн) Типы в культуре. Методологические проблемы классификации, типологии и систематики (Ленинград 1979), 50-74.

Клейн 1991: Л.С. Клейн, Археологическая типология (Ленинград 1991).

Клоков 1996: А.Ю. Клоков, Находки скифских мечей и кинжалов в бассейне Верхнего Дона. В: (Отв. ред. А.Н. Бессуднов) Археологические памятники лесостепного Придонья (Липецк 1996), 122-132.

Клоков, Моисеев 1999: А.Ю. Клоков, Н.Б. Моисеев, Находки скифских мечей и кинжалов в лесостепи. В: Записки Липецкого областного краеведческого общества. Вып. 2 (Липецк 1999), 26-42.

Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1994: Г.Т. Ковпаненко, С.С. Бессонова, С.А. Скорый, Новые погребения раннего железного века в Поросье. В сб: (Отв. ред. Е. В.Черненко) Древности скифов (Киев 1994), 41-63.

Козубова, Скаков 2012: А. Козубова, А.Ю. Скаков, К вопросу о датировке акинаков типа Posmuş на основании кавказских параллелей. В сб.: Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения (Махачкала 2012), 198-200.

Колтухов 2012: С.Г. Колтухов, Скифы Крымского Присивашья в VII-IV вв. до н.э. Погребальные памятники. Материалы к археологической карте Крыма, X (Симферополь 2012).

Колтухов 2012a: С.Г. Колтухов, Скифы Северо-Западного Крыма в VII-IV вв. до н.э. (погребальные памятники). Археологический альманах, 27 (Донецк 2012).

Кравец, Швецов 1987: Д.П. Кравец, М.Л. Швецов, Скифский кинжал из Донбасса. СА 2, 1987, 253-254.

Лапушнян 1979: В.Л. Лапушнян, Ранние фракийцы X - начала IV в. до н. э. в лесостепной Молдавии (Кишинев 1979).

Лебедев 1992: Г.С. Лебедев, История отечественной археологии. 1700-1917 гг. (Санкт-Петербург 1992).

Левинский 2009: А.Н. Левинский, К вопросу о погребальном обряде и обрядности и у гетов Днестровско-Прутского междуречья (VI-IV вв. до н.э.). Stratum plus 3, 2009, 162-175.

Левинский 2010: А.Н. Левинский, История гетов в Лесостепи Юго-Восточной Европы (конец VI - вторая половина IV в. до н.э.). Stratum plus 3, 2010, 15-127.

Лесков, Эрлих 1999: А.М. Лесков, В.Р. Эрлих, Могильник Фарс/Клады (Москва 1999).

Либеров 1962: П.Д. Либеров, Памятники скифского времени бассейна Северного Донца. В: Лесостепные культуры скифского времени. МИА 113, 1962, 5-85.

Литвинский 2001: Б.А. Литвинский, К проблеме происхождения акинака. Мит, изкуство, фолклор 7, 2001, 48-60.

Максименко 1983: В.Е. Максименко, Савроматы и сарматы на Нижнем Дону (Ростов-на-Дону 1983).

Манзура, Ларина, Савва 1992: И.В. Манзура, О.В. Ларина, Е.Н. Савва, Исследование курганов у с. Паркань. В сб.: АИМ в 1986 г. (Кишинев 1992), 171-189.

Махортих, Скорий 1986: С.В. Махортих, С.А. Скорий, Мечі та кинджали скіфського часу без навершів. Археологія 56, 1986, 72-78.

Махортых, Иевлев 2001: С.В. Махортых, С.М. Иевлев, Скифские мечи и кинжалы из собрания Национального музея истории Украины. Древности Северского Донца 5, Луганск, 2001, 100-107.

Махортых 2013: С.В. Махортых, Раннескифские псалии Северного Кавказа. В сб.: VI-я Международная Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции (Краснодар 2013), 274-277.

Мельник 1902: Е.Н. Мельник, Раскопки курганов в Харьковской губернии. Труды Археологического съезда XII, 1902, 673-702.

Мельник 1902а: Е.Н. Мельник, Курганы близ Кириковки. Труды Археологического съезда XII, 1902, 703-743.

Мелюкова 1953: А.И. Мелюкова, Памятники скифского времени на Среднем Днестре. КСИИМК 51, 1953, 60-73.

Мелюкова 1964: А.И. Мелюкова, Вооружение скифов. САИ Д1-4 (Москва 1964).

Мелюкова 1971: А.И. Мелюкова. Население Нижнего Поднестровья в IV-III вв. до н.э. В сб.: (Отв. ред. П.Д. Либеров, В.И. Гуляев) Проблемы скифской археологии. МИА 177, 1971, 39-54.

Мелюкова 1975: А.И. Мелюкова, Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка (Москва 1975).

Мелюкова 1976: А.И. Мелюкова, К вопросу о взаимосвязях скифского и фракийского искусства. В сб.: (Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова) Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии (Москва 1976), 106-127.

Мелюкова 1979: А.И. Мелюкова, Скифия и фракийский мир (Москва 1979).

Мелюкова 2001: А.И. Мелюкова, Новые данные о скифах в Добрудже (к вопросу о «Старой Скифии» Геродота). РА 4, 2001, 20-32.

Милчев, Ковачев 1967: А. Милчев, Н. Ковачев, Необнародвани паметници от Севлиевско. Археология 2, 1967, 39-46.

Монахов 1999: С.Ю. Монахов, Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII-II веков до н.э. (Саратов 1999).

Монахов 2003: С.Ю. Монахов, Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель (Москва-Саратов 2003).

Мулкиджанян 1983: Я.П. Мулкиджанян, Новые находки мечей скифо-сарматского времени в лесостенном Подонье. В сб.: Археологические намятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н.э. (Воронеж 1983), 137-142.

Мышкин, Скарбовенко, Хохлов 2000: В.Н. Мышкин, В.А. Скарбовенко, А.А. Хохлов, Кочевники Самарского Поволжья во второй половине I тысячелетия до н.э. В сб.: (Отв. ред. В.Н. Мышкин) Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. I (Самара 2000), 71-84.

Никулицэ 1977: И.Т. Никулицэ, Геты IV-III вв. до н.э. в Днестровско-Карпатских землях (Кишинев 1977).

Новичихин 1997: А.М. Новичихин, Находки предметов раннего железа на Шум-речке. МИАР 1. Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы, 1997, 81-84.

Новичихин 2006: А.М. Новичихин, Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н.э. (по материалам погребальных памятников) (Анапа 2006).

Носова 2011: Л.В. Носова, «Греческое» и «варварское» в Северо-Западном Причерноморье в «переходный период» (в связи с исследованием погребений конца VI - первой половины V в. до н.э. у с. Маяки). МАСП 12, 2011, 150-191.

Ольховский, Евдокимов 1994: В.С. Ольховский, Г.Л. Евдокимов, Скифские изваяния VII-III вв. до н.э. (Москва 1994).

Ольховский 2004: В.С. Ольховский, Хозяйство и материальная культура скифов Крыма (кон. VII-IV вв. до н.э.). В сб.: (Ред. С.Г. Колтухов, С.Б. Ланцов, А.Е. Пуздровский) У Понта Эвксинского (памяти П.Н. Шульца) (Симферополь 2004), 79-99.

Онайко 1966: Н.А. Онайко, О центрах производства золотых обкладок ножен и рукояток ранних скифских мечей, найденных в Приднепровье. В сб.: (Отв. ред. А.И. Болтунова) Культура античного мира (Москва 1966), 159-176.

Паламарчук, Синика 2014: С. В. Паламарчук, В.С. Синика, Скифские захоронения из курганов в г. Измаил и у с. Камышовка. Stratum plus 3, 2014, 291—302.

Петренко, Яценко 2001: В.Г. Петренко, И.В. Яценко, К юбилею Анны Ивановны Мелюковой. РА 4, 2001, 5-12.

Пиотровский 1959: Б.Б. Пиотровский, Город бога Тейшебы (Кармир-Блур). СА 2, 1959, 169-186.

Полін 1987: С.В. Полін, Хронологія ранньоскіфських пам'яток. Археологія 59, 1987, 17-36.

Придик 1911: Е. Придик, Мельгуновский клад 1763 года. Материалы по археологии России, 31 (Санкт-Петербург 1911).

Редина 1999: Е.Ф. Редина, К вопросу о фрако-скифских культурных взаимоотношениях (скифское однолезвийное оружие). В: Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (Запорожье 1999), 222-227.

Ростовцев 1918: М.И. Ростовцев, Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. Материалы по археологии России, 37 (Петроград 1918).

Ростовцев 1925: М.И. Ростовцев, Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. (Ленинград 1925).

Сергеев 1960: Г.П. Сергеев, Скифский кинжал из Олонештского района Молдавской ССР. ЗОАО, т. I (34) (Одесса 1960), 262-265.

Сергеев 1961: Г.П. Сергеев, Погребение скифского воина. В: Государственный историко-краеведческий музей, Труды (за 1960 г.) (Кишинев 1961), 137-140.

Синика 2007: В.С. Синика. Скифский курганный могильник у пгт Суворово на правобережье нижнего Днестра. РА 4, 2007, 170-179.

Синика 2007а: В.С. Синика, Погребальные памятники скифской культуры VII - начала III в. до н.э. на территории Днестро-Прутско-Дунайских степей. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. (Москва 2007).

Синика, Разумов, Тельнов 2013: В.С. Синика, С.Н. Разумов, Н.П. Тельнов, Курганы у села Буторы (Тирасполь 2013).

Синика, Тельнов 2014: В.С. Синика, Н.П. Тельнов, Комплекс вооружения и предметов воинского снаряжения из скифского могильника конца IV-II вв. до н. э. у с. Глиное в Нижнем Поднестровье. В сб.: (Отв. ред . С. И. Лукьяшко) Война и военное дело в скифо-сарматском мире. (Ростов на-Дону 2014), 345—366.

Скорый 1982: С.А. Скорый, «Скифские» мечи с лучковидным перекрестьем. В сб.: (Отв. ред. Д.Я. Телегин) Материалы по хронологии археологических памятников Украины (Киев 1982), 83-86.

Скорый 2003: С.А. Скорый, Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента) (Киев 2003).

Смирнов 1961: К.Ф. Смирнов, Вооружение савроматов. МИА 101, 1961.

Смирнова 1993: Г.И. Смирнова, Памятники Среднего Поднестровья в хронологической схеме раннескифской культуры. РА 2, 1993, 101-118.

Сокольский 1954: Н.И. Сокольский, Боспорские мечи. В сб.: (Отв. ред. М.М. Кобылина) Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. II. МИА 33, 1954, 123-196.

Степи 1989: Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР (Москва 1989).

Субботин и др. 1992: Л.В. Субботин, А.С. Островерхов, С.Б.Охотников, Е.Ф. Редина, Скифские древности Днестро-Дунайского междуречья (Киев 1992).

Суничук 1985: Е.Ф. Суничук, Скифский могильник Чауш в низовьях Дуная. В сб.: (Отв. ред. В.П. Ванчугов, Г.А. Дзис-Райко) Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья (Киев 1985), 38-45.

Суничук, Фокеев 1984: Е.Ф. Суничук, М.М. Фокеев, Скифский могильник Плавни I в низовьях Дуная. В сб.: (Отв. ред. И.Т. Черняков) Ранний железный век в Северо-Западном Причерноморье (Киев 1984), 103-120.

Тельнов, Синика 2013: Н.П. Тельнов, В.С. Синика, Гетское погребение на левобережье Днестра и некоторые проблемы фракийского погребального обряда. Tyragetia s.n. VII/1, 2013, 297-309.

Техов 1980: Б.В. Техов, Скифы и материальная культура Центрального Кавказа в VII-VI вв. до н.э. (по материалам Тлийского могильника). В сб.: (Отв. ред. А.И. Тереножкин) Скифия и Кавказ (Киев 1980), 219-258.

Топал 2005: Д.А. Топал, Скифские акинаки: функциональное разделение и контекст обнаружения. В: (Отв. ред. Е.Ю. Зверев) Антропологические исследования в Молдове (Кишинев 2005), 19-32.

Топал, Бруяко 2012: Д.А. Топал, И.В. Бруяко, Находки клинкового оружия ранних кочевников из Оргеевского района. Stratum plus 3, 2012, 133-144.

Топал 2014: Д. А. Топал, Акинаки классической Скифии: тип Солоха. В сб.: (Отв. ред. С. И. Лукьяшко С. И.) Война и военное дело в скифо-сарматском мире. (Ростов на-Дону 2014), 380-406.

Тункина 1998: И.В. Тункина, Первый исследователь скифских курганов. К биографии А.П. Мельгунова (1722-1788). В сб.: (Сост. А.А. Формозов) Очерки истории отечественной археологии. Вып. II (Москва 1998), 12-26.

Тункина 2006: И.В. Тункина, Сокровища Литого кургана и академик Г.Ф. Миллер. ВДИ 3, 2006, 135-155.

Фіалко, Болтрик 2003: О.Є. Фіалко, Ю.В. Болтрик, Напад скіфів на Трахтемирівське городище (Київ 2003).

Формозов 1961: А.А. Формозов, Очерки по истории русской археологии (Москва 1961).

Черненко 1981: Е.В. Черненко, Скифские лучники (Киев 1981).

Шелехань 2013: О.В. Шелехань, До питання про форму перехрестя клинкової зброї скіфського часу. Археологія 4, 2013, 41-54.

Шелехань 2013a: А.В. Шелехань, Кинжал келермесского типа из собрания Днепропетровского Государственного музея. В: VIII Международная конференция студентов и аспирантов «Проблемы ахеологии Восточной Европы». Материалы конференции (Ростов-на Дону 2013), 136-141.

Шишлов и др. 2007: А.В. Шишлов, Н.В. Федоренко, А.В. Колпакова, А.П. Кононенко, Материальная культура Владимировского могильника. Исторические записки 5 (Новороссийск 2007), 4-19.

Alexandrescu 1958: A.D. Alexandrescu, Două statui traco-scitice din Dobrogea. SCIV IX/2, 1958, 291-302.

Antiquités 1892: Antiquités du Bosphore Cimmérien (1854); réédités avec un commentaire nouveau et un index général des comptes rendus par S. Reinach (Paris 1892).

Apakidze 2009: J. Apakidze, Die Spätbronze- und Früheisenzeit in West- und Zentralkaukasien. Chronologische Studien zur Kolchis-Kultur 1600-700 v. Chr. PAS 24 (Rahden/Westf. 2009).

Arnăut 2003: T. Arnăut, Vestigii ale sec. VII-III a. Chr. în spaţiul de la răsărit de Carpaţi (Chişinău 2003).

Berciu 1959: D. Berciu, O descoperire traco-scitică din Dobrogea şi problema scitică la Dunărea de Jos. SCIV X/1, 1959, 7-48.

Bukowski 1977: Z. Bukowski, The Scythian influence in the area of Lusatian culture (Wrocław 1977).

Buzdugan 1976: C. Buzdugan, Pumnale hallstattiene tîrzii pe teritoriul României. CA II, 1976, 239-273.

Buzdugan 1980: C. Buzdugan, Pumnale hallstattiene tîrzii sau pumnale akinakes. SCIVA 31 (4), 1980, 623-629.

Chochorowski 1985: J. Chochorowski, Die Vekerzug-Kultur. Charakteristik der Funde. Prace Archeologiczne 36 (Warszawa-Kraków 1985).

Coussin 1926: P. Coussin, Les armes romaines (Paris 1926).

Diaconu 2012: V. Diaconu, Depresiunea Neamţ. Contribuţii arheologice. Bibliotheca Memoriae Antiquitatis, XXVIII (Piatra Neamţ 2012).

Donici 1928: A. Donici, Contribution á l'étude antropologique des Scythes. Archives suisses d'Anthropologie générale 1 (V), 1928, 321-327.

Donici 1935: A. Donici, Crania Scythica: Contribution à l'étude anthropologique du crâne scythe et essai relatif àl'origine géographique des scythes. Memoriile secţiunii ştiinţifice 1934/35 (3), T. X, 1935, 289-339.

Furtwaengler 1883: A. Furtwaengler, Der Goldfund von Vettersfelde. Winckelmannsfeste der archæologischen Gesellschaft zu Berlin, Program 43 (Berlin 1883).

Gawlik 1998: A. Gawlik, Znaleziska scytyjskie na Wyżynie Mołdawskiej i Besarabskiej. Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego XIX, 1998, 53-77.

Gawlik 1998a: A. Gawlik, Zur Genese der skythischen Dolche vom Posmuş-Typ aus Siebenburgen. AAC XXXIV, 1997-1998, 25-37.

Gedl 1980: M. Gedl, Die Dolche und Stabdolche in Polen. PBF, Ab. VI, Bd. 4 (München 1980).

Georgien 2001: Georgien. Schätze aus dem Land des Goldenen Vlies. Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museums Bochum in Verbindung mit dem Zentrum für Archäologische Forschungen der Georgischen Akademie der Wissenschaften Tbilissi vom 28. Oktober 2001 bis 19. Mai 2002 (Bochum 2001).

Ginters 1928: W. Ginters, Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland (Berlin: W. de Gruyter 1928).

Gold 1987: Gold of the Thracian horsemen: treasures from Bulgaria (Montreal 1987).

Goos 1876: C. Goos, Chronik der archäologischen Funde Siebenbürgens. Archiv des Vereins für siebenbürgische Landeskunde N.F. XIII, 1876, 203-238.

Gusbeth 1890: E. Gusbeth, Archäologisches aus Kronstadt [Knochenfunde] Korrespondenzblatt des Vereins für siebenbürgische Landeskunde 13 (Kronstadt 1890).

Haheu, Bikbaev 1998: V. Haheu, V. Bikbaev, Akinakesul din r-nul Ungheni. Revista arheologică 2, 1998, 160-162.

Hampel 1876: J. Hampel, Catalogue de l'Exposition Préhistorique des Musées de Province et des collections particulières de la Hongrie: arrangée a l'occasion de la VIIIème Session du Congrès International d'Archéologie et d'Anthropologie Préhistoriques a Budapest (Budapest 1876).

Hampel 1897: J. Hampel, A Nemzeti Múzeum régiségtár 1897. Évi gyarapodása. Archaeologiai Értesítő 17, 1897, 449-451.

Harţuche, Anastasiu 1968: N. Harţuche, F. Anastasiu, Brăiliţa (Brăila 1968).

Harţuche, Anastasiu 1976: N. Harţuche, F. Anastasiu, Catalogul selectiv al colecţiei de arheologie a Muzeului Brăilei (Brăila 1976).

Herepey 1897: K. Herepey, A Nagy-enyedi Múzeum némely régiségeiről. Archaeologiai Értesítő 17, 1897, 63-68.

Iconomu 2010: C. Iconomu, Două akinakai descoperite la Cozia, judeţul Iaşi. ArhMold 33, 2010, 115-123.

Ignat 2004: M. Ignat, Un aspect particulier du Hallstatt récent a l'Est des Carpathes. In: Thracians and Circumpontic world, II. Proceedings of the 9th International Congress of Thracology (Chişinău 2004), 5-12.

Ignat 2006: M. Ignat, Necropolele tumulare din zona Rădăuţi în cadrul lumii traco-getice (sec. VII-V a. Ch.) (Târgovişte 2006).

Irimia 2007: M. Irimia, Unele aspecte privind raporturile dintre sciţi, traco-geţi şi greci în zona vest- şi nord-vest pontică. Memoria Antiqvitatis XXIV, 2007, 371-418.

Kemenczei 1991: T. Kemenczei, Die Schwerter in Ungarn II (Vollgriffschwerter). PBF, Ab. IV, Bd. 9 (Stuttgart 1991).

Kemenczei 2008: T. Kemenczei, Denkmäler skythisch geprägter Eliten im Donau-Theiss-Gebiet. In: (Hrsg. H. Parzinger) Im Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen (München, Berlin, London, New York 2008), 310-317.

Kemenczei 2009: T. Kemenczei, Studien zu den Denkmälern skythisch Geprägter Alföld Gruppe. Inventaria Praehistorica Hungariae XII (Budapest 2009).

Kossack 1987: G. Kossack, Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstil. In: Skythika (München 1987), 24-86.

Lehoczky 1912: T. Lehoczky, Adatok hazánk archaeologiájához, különös tekintettel Beregmegyére s környékére. II kötet. Az ős kortól a Magyarok bejöveteléig (Munkács 1912).

Mărndescu 2010: D. Mărndescu, Cronologia perioadei timpurii a celei de-a doua epoci a fierului (sec. V-III a. Chr.) între Carpaţi, Nistru şi Balcani (Brăila 2010).

Márton 1908: L. Marton, Szkíta sírleletek Győngyősőn. Archaeologiai Értesítő 28, 1908, 37-54.

Mateevici 2007: N. Mateevici. Amforele greceşti în mediul barbar din nord-vestul Pontului Euxin în sec. VI - începutul sec. II a. Chr. (Chişinău 2007).

Mehnert 2008: G. Mehnert, Skythika in Transkaukasien. Reiternomadische Sachkultur im archäologischen Fundkontext. Nomaden und Sesshafte, Bd. 10 (Wiesbaden 2008).

Mihăilescu-Bîrliba, Untaru 1971: V. Mihăilescu-Bîrliba, I. Untaru, Notă despre un nou "akinakes" găsit de la Agapia. Memoria Antiqvitatis III, 1971, 441-454.

Mihăilescu-Bîrliba 1976: V. Mihăilescu-Bîrliba, Akinakai from Moldavia. A new discovery. Thraco-Dacica, 1976, 109-116.

Milleker 1898: B. Milleker, A Versecsi Múseum régiségeiről. Archaeologiai Értesítő 18, 1898, 407-415.

Mitrea 1983: I. Mitrea, Două morminte din sec.VI-V î.e.n. descoperite la Mileştii de Sus. judeţul Bacău. SAA 1, 1983, 59-64.

Mitrea 1983a: I. Mitrea, Deux tombes des VIe-Ve siècles de a.n.è. découvertes à Mileştii de Sus, department de Bacău. Carpica XV, 1983, 117-124.

Nagy 1886: G. Nagy. Az aldobolyi kardról. Egy képes táblával. Archaeologiai Értesítő VI, 1886, 234-238.

Niţu 1953: A. Niţu. Despre unele urme scitice în Moldova. MCA I, 1953, 1-11.

Palade, Ciucă 1972: V. Palade, N. Ciucă, Noi descoperiri scitice în judeţul Vaslui. SCIV 23/2, 1972, 285-293.

Pârvan 1926: V. Pârvan, Getica: o protoistorie a Daciei (Bucureşti 1926).

Popovici 2012: S. Popovici, Antropologul basarabean Alexandru N. Donici. Revista arheologică s.n. VIII/1-2, 2012, 359-362.

Redfern 2000: D.V. Redfern, A technical examination of the Scythian gold hoard from Vettersfelde/Witaszkowo. EA 6, 2000, 405-418.

Reinecke 1897: P. Reinecke, Magyarországi szkíta régiségek. Archaeologiai Értesítő 17, 1897, 1-27.

Schefold 1938: K. Schefold, Der skythische Tierstil in Südrussland. Eurasia Septentrionalis Antiqua XII, 1938, 1-78.

Scythian gold 1999: (Ed. E.D. Reeder) Scythian gold. Treasures of ancient Ukraine (New York 1999).

Simion 1992: G. Simion, Geţii şi sciţii dinspre gurile Dunării. Carpica XXIII/1, 1992, 95-105.

Simion 2000: G. Simion, Tombes tumulaires dans la nécropole de Celic-Déré. In: Tombes tumulaires de l'Âge du Fer dans le Sud-Est de l'Europe (Tulcea 2000), 69-82.

Sîrbu 1982: V. Sîrbu, Importuri greceşti în Câmpia Brăilei (sec. V-I î. e. n.). Pontica 15, 1982, 99-124.

Sîrbu et al. 2013: V. Sîrbu, M.-M. Ştefan, D. Ştefan, G. Jugănaru, T. Bochnak, The necropolis from Teliţa-Celic Dere (6th-3rd c. BC), Tulcea county, Romania. The study case of tumulus T44. In: (Ed. V. Sîrbu, R. Ştefănescu) The Thracians and their neighbours in the Bronze and Iron ages. Proceedings of the 12th International congress of Thracology. Vol. II (Braşov 2013), 347-372.

Sparkes, Talcott 1970: B.A. Sparkes, L. Talcott, Black and plain pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B.C. The Athenian Agora, V. XII (Princeton-New Jersey 1970).

Teleagă 2008: E. Teleagă, Griechische Importe in den Nekropolen an der unteren Donau 6. Jh. - Anfang des 3. Jhs. v. Chr. (Rahden 2008).

Topal 2014 (to appear): D. Topal, Akinakai of Kelermes type: New discoveries in Central Bessarabia. Marisia, 2014.

Vasiliev 1976: V. Vasiliev, Necropola de la Băiţa şi problema tracizării enclavei scitice din Transilvania. Marisia VI, 1976, 49-84.

Vasiliev 1978: V. Vasiliev, Despre interpretarea pumnalelor akinakes descoperite pe teritoriul României. ActaMN XV, 1978, 101-106.

Vasiliev 1980: V. Vasiliev, Sciţii agatîrşi pe teritoriul României (Cluj-Napoca 1980).

Vulpe 1990: A. Vulpe, Die Kurzschwerter, Dolche und Streitmesser der Hallstattzeit in Rumänien. PBF, Ab. VI, Bd. 9 (München 1990).

Akinakai la hotarele vestice ale Sciţiei. Descoperiri de săbii şi pumnale scitice de pe teritoriul Republicii Moldova

Rezumat

Un rol aparte în studiile consacrate tipologiei unor categorii speciale ale culturii materiale îl joacă examinarea atentă a particularităţilor regionale, iar modificarea opticii de cercetare este capabilă de a influenţa pozitiv studierea tendinţelor generale, caracteristice materialului respectiv atunci când acest proces este strâns legat de fundamentul oricăror consideraţii de ordin tipologic – relaţiile spaţiale şi cronologice. Pe lângă publicarea unor noi date (descoperiri fortuite) şi republicarea parţială a unor piese mai vechi (din complexe), unul dintre scopurile prezentului studiu este verificarea câtorva dintre consideraţiile privind tipologia unei categorii destul de specifice a culturii materiale scitice – armamentul cu tăiş – în baza materialelor dintre Carpaţi şi Nistru. Este propusă următoarea divizare a pieselor de tip akinakai în subgrupe, urmând principiul geografic: ***Nistreană Mijlocie*** (Bucovineană), ***Est-Carpatică*** (Nemţeană), ***Sireto-Nistreană*** (subgrupa Moldovei), ***Nistreană Inferioară*** şi ***Danubiană Inferioară***. Cronologic, piesele de tip akinakai din regiunea Carpato-Nistreană pot fi divizate în trei grupuri neuniforme: scitice timpurii (sec. VII - prima jumătate a sec. VI a. Chr.), scitice mijlocii (jumătatea sec. VI - jumătatea sec. V a. Chr.) şi clasice (sfârşitul sec. V - începutul sec. III a. Chr.). La acest capitol, pot fi semnalate următoarele tendinţe: akinakai scitice timpurii sunt caracteristici pentru complexele grupei bucovinene şi unele descoperiri fortuite din cadrul grupei Moldovei, piesele scitice mijlocii – pentru complexele din grupa Moldovei, iar complexele cu akinakai de tip clasic sunt prezente exclusiv în cadrul subgrupelor Danubiană şi Nistreană Inferioară.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Spade şi pumnale scitice din complexe funerare din regiunea Prut-Nistru (colecţia MNIM): 1 - Purcari, t. 7, m. 3; 2 - Talmaza, t. 9, m. 1; 3 - Pârjolteni, m.; 4 - Suruceni, m.; 5 - raionul Olăneşti, m. (între s. Tudora şi Palanca).

Fig. 2. Descoperiri fortuite de akinakai din regiunea Pruto-nistreană: 1 - Hansca; 2 - Lipnic; 3 - Lărguţa; 4 - raionul Nisporeni; 5 - Vatici; 6 - Susleni; 7 - Volodeni.

Fig. 3. Pumnale akinakai din necropolă tumulară distrusă lângă s. Năvârneţ (după Donici 1928).

Fig. 4. Răspândirea teritorială şi cronologică a akinakai în Europa de Est: A - distribuirea cronologică; B - akinakai din regiunea Carpato-Nistreană.

Fig. 5. Distribuirea a akinakai scitice între Carpaţi şi Nistru. *Divizarea teritorială: I - subgrupa Ungariei; II - subgrupa Transilvaniei; III - subgrupa Carpaţilor de Sud; IV - subgrupă Bulgariei; V* - Carpato-Nistreană *(Va - Nistreană Mijlocie (Bucovineană); Vb - Est-Carpatică (Nemţeană); Vc - Sireto-Nistreană (subgrupa Moldovei); Vd - Nistreană Inferioară; Ve - Danubiană Inferioară).* 1 - Sokirinţi; 2 - Ruskie Folvarki (Kameaneţ-Podilskîi); 3 - Nelipivţi; 4 - Lipnic; 5 - Volodeni; 6 - Cristineşti; 7 - Ibăneşti; 8 - Cajvana;

9 - Zăiceşti; 10 - Ghindăoani; 11 - Văratec (s. Filioara); 12 - Agapia; 13 - Petricani; 14 - Moţca; 15 - Boureni; 16 - Miroslovești; 17 - Muncelu de Sus; 18 - Teşcureni; 19 - Vatici; 20 - Lucăşeuca; 21 - Susleni; 22 - Mihailovca; 23 - Trebujeni; 24 - Suruceni; 25 - Hansca; 26 - Pârjolteni; 27 - Lărguţa; 28 - Moşna; 29 - Cozia; 30 - Comarna; 31 - Mirceşti; 32 - Dăneşti; 33 - Vaslui; 34 - Poieneşti; 35 - Rădeni; 36 - Bâcu; 37 - Dumeşti; 38 - Mileştii de Sus; 39 - Năneşti; 40 - Găiceana; 41 - Lichitişeni; 42 - Suseni; 43 - Buciumeni; 44 - Bălăbăneşti; 45 - Mânzăteşti; 46 - Găneşti; 47 - Măcişeni; 48 - Chiscani; 49 - Celic-Dere; 50 - Murighiol; 51 - Ismail; 52 - Ceauş; 53 - Plavni; 54 - Arţiz; 55 - Divizia; 56 - Nikolaevka; 57 - Maiaki; 58 - Tudora-Palanca; 59 - Dacinoe (Gnileakovo); 60 - Purcari; 61 - Talmaza; 62 - Kotovsk; 63 - Năvârneţ; 64 - Lenkivţi; 65 - Nisporeni. *(A-C - complexe funerare (A - 1 ex., B - 2 ex., C - 3 ex.); D - descoperiri fortuite; E - complexe funerare posibile).*

Fig. 6. Distribuirea akinakai scitice timpurii. Tipul Kelermes.

Fig. 7. Distribuirea akinakai scitice mijlocii. Tipul Vettersfelde.

Fig. 8. Distribuirea akinakai scitice clasice. Tipul Soloha.

Fig. 9. Akinakai din grupa Nistreană Mijlocie (Bucovineană) (A, 1-14) şi Est-Carpatică (Nemţeană) (B, 15-21). 1 - Lipnic; 2 - Cajvana, t. 3, m. 1; 3, 6, 7 - Zăiceşti, m.?; 4, 5 - Cristineşti; 8 - Volodeni; 9 - Nelipivţi; 10 - Sokirinţi; 11 - Ibăneşti; 12 - Ruskie Folvarki (Kameaneţ-Podilskîi); 13 - Lenkivţi, t. 1; 14 - Cajvana, t. 7; 15 - Muncelu de Sus; 16 - Boureni; 17 - Văratec (s. Filioara); 18 - Ghindăoani; 19 - Miroslovești; 20 - Moţca; 21 - Petricani.

Fig. 10. Akinakai din grupa Sireto-Nistreană (subgrupa Moldovei) (începutul): 1 - Vatici; 2 - Susleni; 3 - Bâcu, m.; 4 - Moşna, m.?; 5 - raionul Nisporeni; 6 - Dumeşti; 7 - Kotovsk; 8 - Pârjolteni, m.; 9 - Găneşti; 10 - Bălăbăneşti; 11 - Comarna, m.?; 12 - Măcişeni; 13, 17 - Năvârneţ, t.?; 14 - Suseni; 15 - Dăneşti; 16 - Trebujeni; 18 - Agapia, m.?; 19, 20 - Cozia, „Voloacă Mică", m.?

Fig. 11. Akinakai din grupa Sireto-Nistreană (subgrupa Moldovei) (continuare): 21 - Mihailovka; 22 - Suruceni, m.; 23 - Hansca; 24 - Mileştii de Sus, m. 2; 25, 31, 38 - Cozia; 26 - Lucăşeuca; 27 - Mânzăteşti; 28 - Năneşti; 29, 34 - Găiceana; 30 - Rădeni; 32 - Vaslui, m. 1973 г.; 33 - Buciumeni; 35 - Mirceşti; 36 - Lărguţa; 37 - Lichitişeni; 39 - Teşcureni; 40, 41 - Poieneşti, m.

Fig. 12. Akinakai din grupa Danubiană Inferioară: 1 - Celic-Dere, t. 10a; 2 - Celic-Dere, t. 11; 3 - Celic-Dere, t. 44, m. 1; 4 - Ceauş, t. 12, m. 1; 5 - Ceauş, t. 15, m. 1; 6 - Ceauş, t. 22; 7 - Plavni, t. 24, m. 1; 8, 12-15, 17, 18 - Celic-Dere e; 9 - Ismail (Poidovka), t.; 10 - Murighiol; 11 - Chiscani, m.; 16 - Celic-Dere, s. II, t. 2; 19 - Medgidia.

Fig. 13. Akinakai din grupa Nistreană Inferioară: 1 - Arţiz, t. 1, m. 13; 2 - Talmaza, t. 9, m. 1; 3 - Nikolaevka II, m. 8; 4 - Nikolaevka I, m. 3; 5 - Tudora-Palanca, m.; 6 - Purcari, t. 7, m. 3; 7 - Divizia, t. 20, m. 6; 8 - Maiaki, m. G2; 9 - Dacinoe (Gnileakovo); 10 - Nikolaevka II, m. 7.

Akinakai on the western frontiers of Scythia. Scythian swords and daggers from the territory of the Republic of Moldova

Abstract

Papers devoted to the typology of certain categories of the material culture need the close cooperation with the local schemes. A change of researching "optics" is likely to have a positive effect on the process of studiing the general trends in the material, if this process of research is closely linked with the base of any typological constructions – with the spatial and chronological relations analysis. Besides the publication of new stray finds and partial republication of already known finds from the burial complexes, the main goal of this work is the checking of certain typological tendentions of such category of Scythian culture as *akinakai* (Scythian swords and daggers) of the Carpathian-Dniester region. A geographical division of Carpathian-Dniester region is proposed: ***Middle Dniester*** (Bukovinian) group, ***Eastern Carpathian*** (Neamţ) group, ***Siret-Dniester*** (Moldavian) group, ***Lower Dniester*** and ***Lower Danube*** groups. Chronologically, the massive of akinakai of Carpathian-Dniester region could be divided into three groups: Early Scythian (650-550 BC), Middle Scythian (550-450 BC) and Classic Scythian (450-300 BC). The following trends connected with Scythian swords and daggers were noticed: Early Scythian burials with akinakai concentrate in Bukovina and stray finds in Moldova, Middle Scythian burials – are grouping in Moldavian and the stray finds – in Neamţ group, and the Classical Scythian burials with akinakai are presented only in Lower Dnister and Lower Danube groups.

List of illustrations:

Fig. 1. Scythian swords and daggers from burials of Dniester-Prut region (National Museum of History of Moldova): 1 - Purcari, t. 7, gr. 3; 2 - Talmaza, t. 9, gr. 1; 3 - Pârjolteni; 4 - Suruceni; 5 - Olaneşti region (Tudorovo-Palanka).

Fig. 2. Stray finds of akinakai from Dniester-Prut region: 1 - Hansca; 2 - Lipnik; 3 - Larguţa; 4 - Nisporeni region; 5 - Vatici; 6 - Susleni; 7 - Volodeni.

Fig. 3. Akinakai from destroyed tumuli of Navyrnets cemetery (after Donici 1928).

Fig. 4. Distribution of akinakai in Eastern Europe: A - chronological distribution of Scythian akinakai; B - akinakai of Carpathian-Dniester region.

Fig. 5. Distribution of akinakai in Carpathian-Dniester region. *Local groups: I - Hungarian; II - Transilvanian; III - South-Carpathian; IV - Bulgarian; V - Carpathian-Dniester (Va - Middle Dniester (Bukovinian) group; Vb - Eastern Carpathian (Neamţ) group; Vc - Siret-Dniester (Moldavian) group; Vd - Lower Dniester group; Ve - Lower Danube group).* 1 - Sokirintsy; 2 - Russkie Fol'varki (Kamenets-Podol'skiy); 3 - Nelipovtsy; 4 - Lipnic; 5 - Volodeni; 6 - Cristineşti; 7 - Ibăneşti; 8 - Cajvana; 9 - Zăiceşti; 10 - Ghindăoani; 11 - Văratec (Filioara); 12 - Agapia; 13 - Petricani; 14 - Moţca; 15 - Boureni; 16 - Miroslovеşti; 17 - Muncelu de Sus; 18 - Teşcureni; 19 - Vatici; 20 - Lucăşeuca; 21 - Susleni; 22 - Mikhaylovka; 23 - Trebujeni; 24 - Suruceni; 25 - Hansca; 26 - Pârjolteni; 27 - Larguţa; 28 - Moşna; 29 - Cozia; 30 - Comarna; 31 - Mirceşti; 32 - Dăneşti; 33 - Vaslui; 34 - Poieneşti; 35 - Rădeni; 36 - Bâcu; 37 - Dumeşti; 38 - Mileştii de Sus; 39 - Năneşti; 40 - Găiceana; 41 - Lichitişeni; 42 - Suseni; 43 - Buciumeni; 44 - Bălăbăneşti; 45 - Mânzăteşti; 46 - Găneşti; 47 - Măcişeni; 48 - Chiscani; 49 - Celic-Dere; 50 - Murighiol; 51 - Ismail; 52 - Čaush; 53 - Plavni; 54 - Artsiz; 55 - Diviziya; 56 - Nikolaevka; 57 - Mayaki; 58 - Tudorovo-Palanka; 59 - Dachnoe (Gnilyakovo); 60 - Purcari; 61 - Talmaza; 62 - Kotovsk; 63 - Năvârneţ; 64 - Lenkovtsy; 65 - Nisporeni. *(A-C - graves (A - 1 ex., B - 2 ex., C - 3 ex. and more); D - stray finds; E - possible graves).*

Fig. 6. Distribution of akinakai of Early Scythian culture. Kelermes type.

Fig. 7. Distribution of akinakai of Middle Scythian culture. Vettersfelde type.

Fig. 8. Distribution of akinakai of Classic Scythian culture. Solokha type.

Fig. 9. Akinakai of Middle Dniester (Bukovinian) (A, 1-14) and Eastern Carpathian (Neamţ) (B, 15-21) group. 1 - Lipnic; 2 - Cajvana, t. 3, gr. 1; 3, 6, 7 - Zăiceşti, gr.?; 4, 5 - Cristineşti; 8 - Volodeni; 9 - Nelipovtsy; 10 - Sokirintsy; 11 - Ibăneşti; 12 - Russkie Fol'varki (Kamenets-Podol'skiy); 13 - Lenkovtsy, t. 1; 14 - Cajvana, t.7; 15 - Muncelu de Sus; 16 - Boureni; 17 - Văratec (Filioara); 18 - Ghindăoani; 19 - Miroslovеşti; 20 - Moţca; 21 - Petricani.

Fig. 10. Akinakai of Siret-Dniester (Moldavian) group (beginning): 1 - Vatici; 2 - Susleni; 3 - Bâcu, gr.; 4 - Moşna, gr.?; 5 - Nisporeni region; 6 - Dumeşti; 7 - Kotovsk; 8 - Pârjolteni, gr.; 9 - Găneşti; 10 - Bălăbăneşti; 11 - Comarna, gr.?; 12 - Măcişeni; 13, 17 - Năvârneţ, t.?; 14 - Suseni; 15 - Dăneşti; 16 - Trebujeni; 18 - Agapia, gr.?; 19, 20 - Cozia „Voloacă Mică", gr.?.

Fig. 11. Akinakai of Siret-Dniester (Moldavian) group (ending): 21 - Mikhaylovka; 22 - Suruceni, gr.; 23 - Hansca; 24 - Mileştii de Sus, gr.; 25, 31, 38 - Cozia; 26 - Lucăşeuca; 27 - Mânzăteşti; 28 - Năneşti; 29, 34 - Găiceana; 30 - Rădeni; 32 - Vaslui, gr. 1973 r.; 33 - Buciumeni; 35 - Mirceşti; 36 - Larguţa; 37 - Lichitişeni; 39 - Teşcureni; 40, 41 - Poieneşti, gr.

Fig. 12. Akinakai of Lower Danube group: 1 - Celic-Dere, t. 10a; 2 - Celic-Dere, t. 11; 3 - Celic-Dere, t. 44, gr. 1; 4 - Čaush, t. 12, gr. 1; 5 - Čaush, t. 15, gr. 1; 6 - Čaush, t. 22; 7 - Plavni, t. 24, gr. 1; 8, 12-15, 17, 18 - Celic-Dere; 9 - Ismail (Poydovka), t.; 10 - Murighiol; 11 - Chiscani, gr.; 16 - Celic-Dere, s. II, t. 2; 19 - Medgidia.

Fig. 13. Akinakai of Lower Dniester group: 1 - Artsiz, t.1, gr. 13; 2 - Talmaza, t. 9, gr. 1; 3 - Nikolaevka II, gr. 8; 4 - Nikolaevka I, gr. 3; 5 - Tudorovo-Palanka, gr.; 6 - Purcari, t. 7, gr. 3; 7 - Divizia, t. 20, gr. 6; 8 - Mayaki, gr. G2; 9 - Dachnoe (Gnilyakovo); 10 - Nikolaevka II, gr. 7.

31.03.2014

Денис Топал, Университет Высшая антропологическая школа, ул. Зимбрулуй, 10а, MD-2024 Кишинев, Республика Молдова, e-mail: denis.topal@gmail.com

AMULETE-CĂLĂREŢI DE BRONZ DIN PERIOADA MEDIEVALĂ TIMPURIE ÎN SPAŢIUL CARPATO-NISTREAN

Gheorghe Postică
Ion Tentiuc

1. Generalităţi

În regiunea est-carpatică, dar în special, în spaţiul pruto-nistrean, sunt documentate mai multe piese din perioada medievală timpurie, cunoscute în literatura de specialitate drept amulete sau pandantive din bronz reprezentând călăreţi, denumite şi amulete-călăreţi sau pandantive-călăreţi. Aria de răspândire a acestei categorii de obiecte cuprinde spaţii întinse de la Volga şi nordul Caucazului în est, până în Peninsula Balcanică şi Europa Centrală, în vest. Cele mai multe dintre acestea au fost descoperite în Rusia, Ucraina şi Bulgaria, fiind atestate şi în Macedonia, Serbia şi Ungaria.

În spaţiul pruto-nistrean (Republica Moldova şi Ucraina) sunt cunoscute 24 amulete-călăreţi din bronz (fig. 1) Acestea au fost identificate la Hansca (raionul Ialoveni) – trei piese, Păhărniceni (2 piese), Lucaşeuca şi Furceni (raionul Orhei), Briceni (2 piese) şi Caracuşenii Noi (raionul Briceni), Ocniţa (raionul Ocniţa), Popeştii de Sus (raionul Drochia), Tătărăuca Veche (2 piese), Balinţi şi Inundeni (raionul Soroca), Tarasova (raionul Rezina), Rezeni (raionul Ialoveni), Porumbrei şi Schinoşica (raionul Cimişlia), Enichioi (raionul Cantemir), Dezghingea (raionul Cahul) şi Capaclia (raionul Cantemir), Bolgrad (reg. Odesa, Ucraina). Din spaţiul pruto-nistrean ar putea proveni încă şapte piese amulete-călăreţi, scoase la vânzare la Casa de licitaţie Viority[1] din Kiev (fig. 4/9-14).

La vest de râul Prut, este cunoscută o singură piesă de tipul amuletă-călăreţ, aceasta fiind descoperită la Stăvărăşti (com. Balta Albă, Buzău, România) (Ioniţă 2008, 453-458).

La sud de Carpaţi, până la etapa actuală, nu sunt atestate descoperiri de amulete-călăreţi, excepţie făcând o piesă de tip *amuletă-căluţ cu cap uman*, tipică pentru regiunea sud-dunăreană în secolele VIII-IX, aceasta provenind dintr-o localitate necunoscută (Pârvan 1926, 31, fig. 24; Teodor 1993, 285-289, fig. 2).

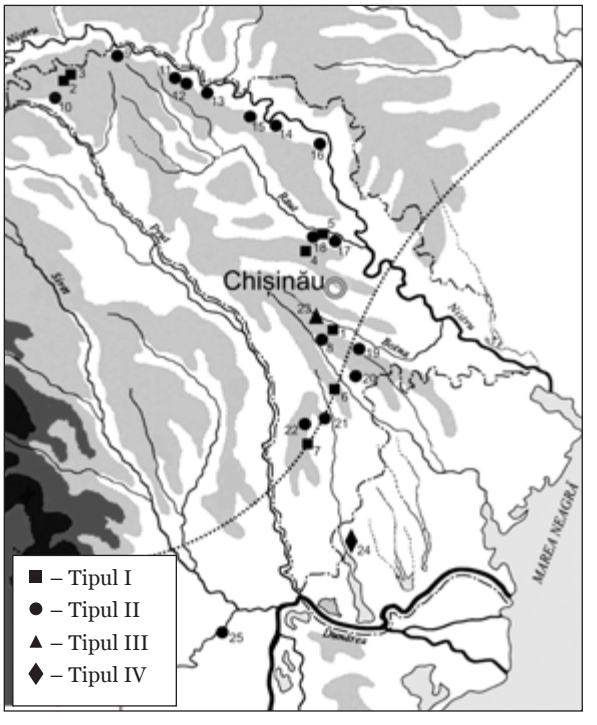


Fig. 1. Harta răspândirii amuletelor-călăreţi din bronz în spaţiul est-carpatic. **Tipul I:** 1 - Hansca; 2, 3 - Briceni; 4 - Lucăşeuca; 5 - Păhărniceni; 6 - Schinoşica; 7 - Enichioi. **Tipul II:** 8 - Hansca; 9 - Ocniţa; 10 - Caracuşenii Noi; 11, 12 - Tătărăuca Veche; 13 - Balinţi; 14 - Inundeni; 15 - Popeştii de Sus; 16 - Tarasova; 17 - Furceni; 18 - Păhărniceni; 19 - Rezeni; 20 - Porumbrei; 21 - Dezghingea; 22 - Capaclia; 25 - Stăvărăşti. **Tipul III:** 23 - Hansca. **Tipul IV:** 24 - Bolgrad.

Unele dintre piesele menţionate, într-o formă sau alta, au fost incluse în circuitul ştiinţific (Хынку 1975, 448-449; Teodor 1993, 285-289; Corman 1998, 53; Musteaţă 2007, 114-115, Postică 2007, 212; Рябцева, Чокану 2009, 164-198), incitând

[1] Prin la Casa de licitaţie Viority din Kiev (= C.L. Viority) în anul 2013 au fost scoase la vânzare şapte amulete-călăreţi, cinci dintre care sunt foarte apropiate, din punct de vedere morfologic, de amuletele descoperite în spaţiul pruto-nistrean.

discuţii controversate atât privitor la purtători şi funcţionalitate, cât şi la datarea lor (Tentiuc 2010, 225-233).

În majoritatea cazurilor, piesele au fost găsite în afara complexelor arheologice, în contexte culturale incerte. Această particularitate a condiţiilor de descoperire a făcut ca cele mai multe dintre pandantivele de bronz, reprezentând călăreţi, să fie interpretate în mod cu totul contradictoriu. Încadrările cronologice sunt şi ele diferite, variind, de la cercetător la cercetător, între secolele VI-VIII (Teodor 1999, 77-78; Corman 1998, 55); VIII-XI (Musteaţă 2007, 15), secolele X-XI (Tentiuc 2010, 228-229), secolele X-XII (Хынку 1975, 477-478) sau IX-XII (Postică 2007, 212).

De asemenea, există problema legată de funcţionalitatea amuletelor-călăreţi, dar şi cea a populaţiei în legătură cu care pot fi puse aceste piese. Printre purtătorii lor au fost menţionate comunităţile *protobulgarilor* (Аладжов 1983, 277; Рашев 1984, Teodor 1999, 78-79; Musteaţă 2005, 115; Stanilov 2006, 254; Рябцева 2013, 171-183), *pecenegilor* (Йотов 2004, 75; Ioniţă 2008, 453-458) sau ale *alanilor* (Афанасьев 1973, 36-38; Ковалевская 1978, 118-119; Corman 1998, 53; Tentiuc 2009, 227).

Este de menţionat că analiza aspectelor tipologice, a cadrului cronologic şi a problemei funcţionalităţii pandantivelor din bronz, reprezentând cai şi călăreţi, poate aduce mai multă lumină atât cât priveşte realităţile demografice din spaţiul est-carpatic de la sfârşitul mileniului I - începutul mileniului II, cât şi asupra contactelor şi interferenţelor populaţiei romanice sedentare cu grupurile de nomazi şi războinici, a căror prezenţă în spaţiul est-carpatic este atestată atât de sursele scrise ale vremii (Кулаковский 1899), cât şi de toponimia locală (Raevschi 1964, 56-59).

2. Tipologia amuletelor-călăreţi din bronz din spaţiul carpato-nistrean

Prima încadrare tipologică a amuletelor-călăreţi din bronz din perioada evului mediu timpuriu a fost realizată de către cercetătorul rus G. Afanasiev pentru spaţiul nord-caucazian, care a supus analizei comparate mai multe materiale descoperite în necropolele alanilor din această regiune (Афанасьев 1973, 36-39). Autorul a evidenţiat trei grupe de amulete de bronz reprezentând cai şi călăreţi. În prima grupă au fost incluse piesele în care calul şi călăreţul merg spre dreapta; în cea de-a doua, calul şi călăreţul sunt îndreptaţi spre stânga; iar cea de-a treia include amuletele cuprinse într-un pandantiv circular[2]. Această clasificare a fost preluată, cu foarte puţine modificări, de majoritatea cercetătorilor preocupaţi de perioada evului mediu timpuriu (Ковалевская 1978, 111-120; Субботин, Черняков 1982, 160-168; Corman 1998, 53; Musteaţă 2005, 114-115; Ioniţă 2008, 453-457; Албегова, Ковалевская 2011, 277-295).

Analiza morfologică a pieselor descoperite în spaţiul pruto-nistrean arată că acestea, după parametrii generali, cu o singură excepţie, se încadrează în grupa a II-a, după clasificarea lui G. Afanasiev şi, respectiv, în taxonul 4.4., după recenta clasificare realizată de Z.H. Albegova şi V.B. Kovalevskaja. O singură piesă, de la Bolgrad, se încadrează în grupa I, respectiv, taxonul 3.1. al clasificărilor nominalizate. Cu toate acestea, după cum se va demonstra mai jos, amuletele-călăreţi din spaţiul pruto-nistrean se deosebesc net de amuletele-călăreţi din nordul Caucazului, constituind tipuri specifice, proprii regiunii cercetate de noi, care nu-şi găsesc analogii directe în regiunea nord-caucaziană.

Pornind de la principiile tipologice de bază formulate în literatura de specialitate (orientarea călăreţului, poziţia călăreţului în şa şi particularităţile echipamentului călăreţului), în spaţiul pruto-nistrean pot fi evidenţiate patru tipuri de amulete-călăreţi.

Este de remarcat că primele trei tipuri de amulete sunt specifice aşezării Hansca din regiunea centrală a spaţiului pruto-nistrean, unde au şi fost descoperite pentru prima dată; cel de-al patrulea tip este datorat descoperirii singulare de la Bolgard. Aceste particularităţi, ne permit să definim amuletele de tipul I, II şi III drept amulete-călăreţi de tipul Hansca (I, II şi III), iar amuletele de tipul IV drept amulete de tipul Bolgrad (IV).

Tipul I (tipul Hansca I). Este reprezentat prin şapte piese, provenite din toate zonele geografice ale spaţiului pruto-nistrean: a) Zona de Centru – Hansca (Ialoveni) (Хынку 1975, 449; Хынку 1976, 477-478); Marchevici 1985, 142, 156, fig. 188 (fig. 2/1; 3/1), Păhărniceni-Petruha (Orhei) (Postică, Cavruc 1989, 58-59) (fig. 3/3),

[2] Chiar dacă la baza evidenţierii tipurilor stau categorii taxonomice diferite (vezi tipul III), această clasificare poate fi acceptată ca atare.

Lucaşeuca (fig. 3/2) şi Schinoşica; b) Zona de Nord – Briceni (2 piese) (fig. 3/4, 7) şi c) Zona de Sud – Enichioi (fig. 3/5). Încă o piesă, nelocalizată, dar care ar putea fi de origine din spaţiul pruto-nistrean, este documentată la C.L. Viority din Kiev (fig. 3/6).

Cinci piese (Hansca, Lucaşeuca, Briceni, Enichioi, C.L. Viority) s-au păstrat integral, în stare foarte bună, alte două piese (Păhărniceni-Petruha şi Briceni) având câte o mică frântură în partea superioară, în zona urechiuşei de care se prindea piesa, în rest starea lor este una foarte bună (fig. 3/1-5, 7). Amuletele sunt confecţionate din bronz prin metoda turnării în forme monovalve.

Aceste piese, ca dimensiuni, sunt scurte şi relativ înalte, cu proporţiile 1:1,33 (Lucaşeuca), 1:1,30 (Hansca), 1:1,29 (Enichioi), 1:1,17 (C.L.Viority), 1:1,03 (Păhărniceni-Petruha), 1:1,03 (Briceni), 1:1,27 (Briceni), cu lungimea 2,85-3,25 cm, înălţimea 3,2-3,95 cm şi grosimea – 0,15 cm.

Asemănarea dintre piesele acestui tip este uimitoare până la mici detalii. Ele reprezintă figurina stilizată a călăreţului mergând spre stânga. Calul este de talie mică, are corp relativ scurt cu proporţiile de 1,13-1,34:1, este imaginat în galop, în maniera pseudo-realistă, cu picioarele din faţă uşor înaintate, iar cele din urmă întinse în direcţia mişcării calului, constituind astfel, punctul de sprijin de bază al călăreţului.

Gâtul curbat al calului, întins graţios, dispune de o coamă netedă, bine conturată. Capul calului prezentat relativ detaliat, este masiv şi întins, are botul, ochiul şi urechile bine profilate. Totodată, pe majoritatea pieselor este foarte bine evidenţiată coada cabalinei (Briceni, Lucaşeuca, Păhărniceni-Petruha, Enichioi, C.L. Viority) şi doar pe cea de la Hansca acest element lipseşte.

Corpul calului este echipat cu accesorii de harnaşament. Pe spate, în toate cazurile, este profilată distinct şaua. În lungul gâtului, pe diagonală, este conturat căpăstrul, iar pe partea din faţă a corpului se evidenţiază hamurile. Cel mai evident aceste detalii pot fi observate pe piesele de la Enichioi şi Lucaşeuca, fără a lipsi însă, pe alte pandantive de acest tip.

În şaua calului, este aşezat, în profil, un călăreţ, corpul căruia este uşor înclinat în direcţia mişcării cabalinei, spre stânga. Capul călăreţului este întors uşor de la dreapta spre stânga, fiind reprezentat un sfert *en face* cu o uşoară deviere (un sfert) spre stânga. Este masiv, acoperit cu un coif neted semisferic, uşor înălţat, înzestrat cu element de protecţie în zona nazală. Regiunea feţei, la toate piesele, este străpunsă de o gaură pentru prinderea piesei cu un şnur, care desemnează, în acelaşi timp, ochiul călăreţului.

1

2

Fig. 2. Amulete-călăreţi din bronz de tipul I (Scara 3:1): 1 - Hansca; 2 - Briceni.

Braţul drept al călăreţului este plasat pe coama calului, ţinând căpăstrul, iar stângul, uşor rotunjit în partea superioară, este îndoit în cot şi lipit

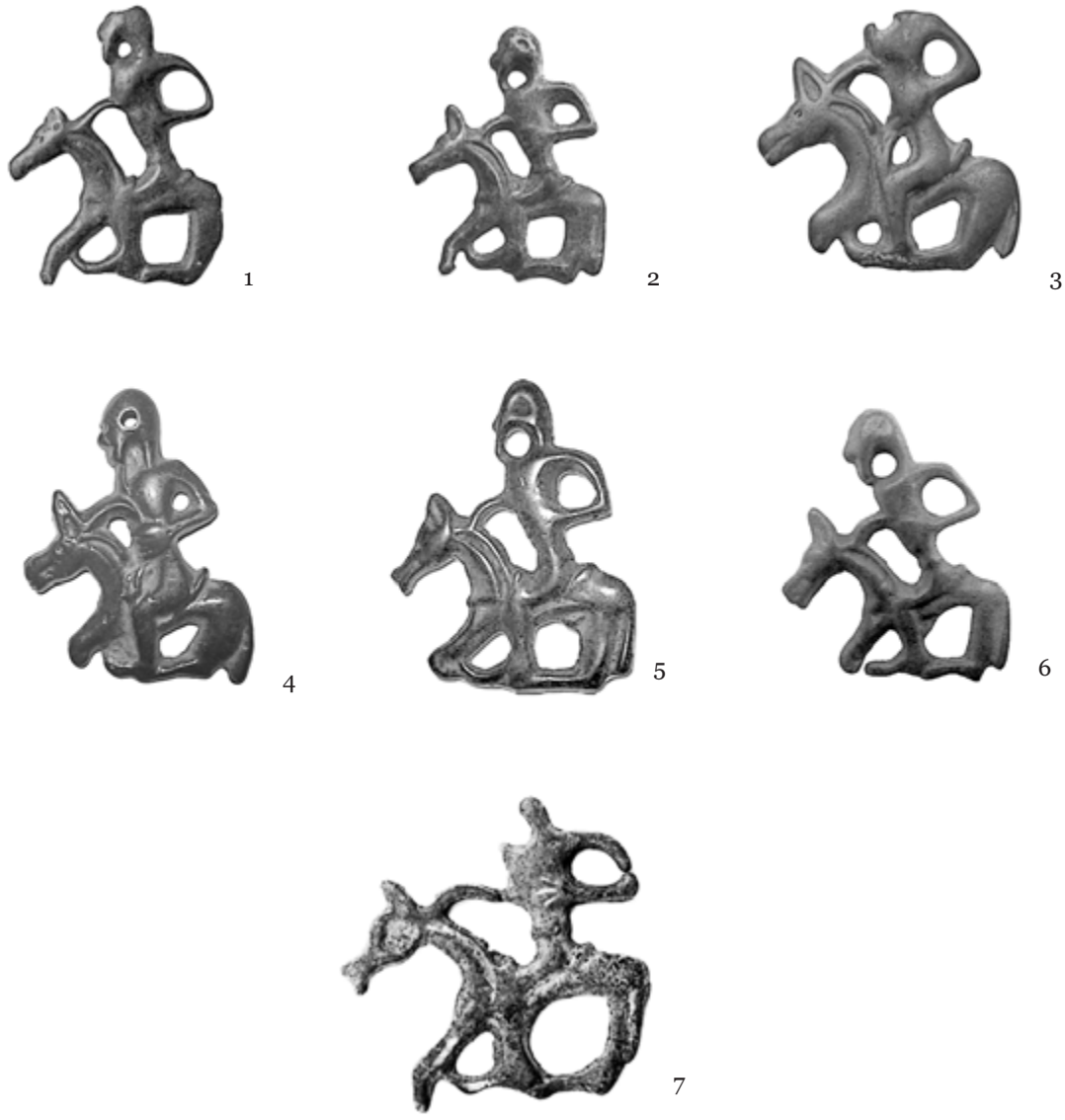


Fig. 3. Amulete-călăreţi din bronz de tipul I (Scara 1:1): 1 - Hansca; 2 - Lucaşeuca; 3 - Păhărniceni; 4, 7 - Briceni; 5 - Enichioi; 6 - CL Viority.

cu palma de mijlocul pieptului. Sub palma acestui braţ este imaginat un pumnal scurt (Hansca, Lucaşeuca, Enichioi, C.L. Viority) sau relativ lung (Briceni, Păhărniceni-Petruha), dispus vertical, prins cu teaca/tăişul sub centura călăreţului. Cel mai lung pumnal este atestat pe exemplarul de la Briceni, unde se disting bine degetele mâinii stângi, cu care ţine pumnalul, partea superioară a căruia depăşeşte nivelul umărului drept al călăreţului, iar partea inferioară se sprijină pe şaua calului.

Partea superioară a corpului călăreţului, de obicei netedă, este prinsă pe talie cu o centură bine profilată. În cazul piesei de la Hansca pe corpul călăreţului este profilată o „flanelă" netedă cu mânecile lungi, prinsă pe talie cu ajutorul centurii, sub aceasta din urmă aflându-se marginea cloşată a hainei amintite.

Picioarele călăreţului sunt îndoite, având partea superioară îndreptată în direcţia mişcării calului, iar partea inferioară poziţionată vertical. Talpa este aşezată orizontal şi, cu o singură excepţie (C.L. Viority), este alipită cu vârful încălţămintei de la piciorul din faţă al calului, iar cu călcâiul, de copita din urmă a cabalinei.

Picioarele îndoite ale călăreţului conduc spre presupunerea că şaua, reprezentată distinct pe toate piesele printr-o proeminenţă bine conturată de la spatele călăreţului, era înzestrată cu scăriţe. În-

călţămintea călăreţului este de tipul ciubotelor cu bot lung şi ascuţit, având vârful întors în sus, şi doar într-un caz (C.L. Viority) are botul drept.

Încadrarea cronologică a amuletelor acestui tip se ciocneşte de insuficienţa datelor necesare în acest sens. Doar două piese de acest tip au fost descoperite în context arheologic veritabil (Hansca şi Păhărniceni-Petruha), altele cinci fiind descoperiri întâmplătoare în medii necunoscute (Lucaşeuca, Briceni (2 piese), Enichioi, C.L. Viority).

În aşezarea de la Păhărniceni-Petruha amuleta a fost descoperită în stratul cultural medieval timpuriu, datat cu perioada secolelor X-XIII (Postică, Cavruc 1989, 58-59). Pe de altă parte, piesa de la Hansca a fost descoperită în umplutura unei locuinţe (nr. 43-A), datată în secolul al XI-lea (Хынку 1975, 448). Ţinând cont de aceste circumstanţe, cronologia relativă a amuletelor-călăreţi de tipul I poate fi stabilită în limitele secolelor X-XIII, iar ce-a absolută în secolele X-XI.

Analizând aria de răspândire a amuletelor-călăreţi de tipul Hansca I, se poate constata că aceste piese se concentrează doar în zona spaţiului pruto-nistrean, lipsind cu desăvârşire în zona Caucazului de Nord şi nordul Peninsulei Balcanice. În acelaşi timp, nu este documentată nici o descoperire veridică de acest tip în zona nord-pontică, la est de râul Nistru[3].

Aşa dar, aceste piese, datate în secolele X-XI, sunt caracteristice spaţiului pruto-nistrean, în cadrul căruia sunt răspândite omogen, cuprinzând toate zonele geografice de aici (Nord, Centru şi Sud), formând un grup compact, tipic pentru aceste teritorii, fapt care conduce la concluzia că amuletele-călăreţi de tipul Hansca I reprezintă o inovaţie originală a unui grup de populaţie din spaţiul respectiv.

Tipul II (tipul Hansca II). Este cunoscut prin 15 piese, descoperite la Hansca (Ialoveni) (fig. 5/1), Caracuşenii Noi (Briceni) (fig. 5/2), Popeştii de Sus (Drochia) (fig. 4/1; 5/4), Tătărăuca Veche (2 piese) (fig. 5/5, 11), Balinţi (fig. 5/12) şi Inundeni (Soroca) (fig. 5/10), Tarasova (Rezina), Păhărniceni-Petruha (fig. 5/7), Furceni (Orhei) (fig. 5/8), Rezeni (Ialoveni), Porumbreni (Cimişlia), Ocniţa (fig. 5/9), Capaclia (fig. 4/2; 5/3) şi Dezghingea (Comrat) (fig. 5/6)[4]. În cadrul acestui tip pot fi cuprinse şi şase piese înregistrate la C.L.Viority (fig. 6/1-6).

1

2

Fig. 4. Amulete-călăreţi din bronz de tipul II (Scara 2:1): 1 - Popeştii de Sus; 2 - Capaclia.

Nouă piese din cele descoperite în Republica Moldova (Hansca, Caracuşenii Noi, Ocniţa, Tătărăuca Veche, Păhărniceni-Petruha, Furceni, Rezeni, Porumbrei şi Capaclia) s-au păstrat integral, în stare foarte bună, altele două (Popeştii de Sus şi Dezghingea), uşor deteriorate, la fel sunt în stare bună; două piese (Inundeni şi Tarasova) s-a păstrat în proporţie de circa 50%, iar alte două pan-

[3] O excepţie ar fi pandantivul de la C.L. Viority din Kiev care ar putea proveni dintr-o regiune a Ucrainei, inclusiv, cel mai probabil, din sudul spaţiului pruto-nistrean.

[4] Numărul amuletelor de tipul II se completează cu şase amulete-călăreţi vândute la C.L. Viority din Kiev, care ar putea fi de provenienţă din spaţiul pruto-nistrean (v. fig. 6/1-6).

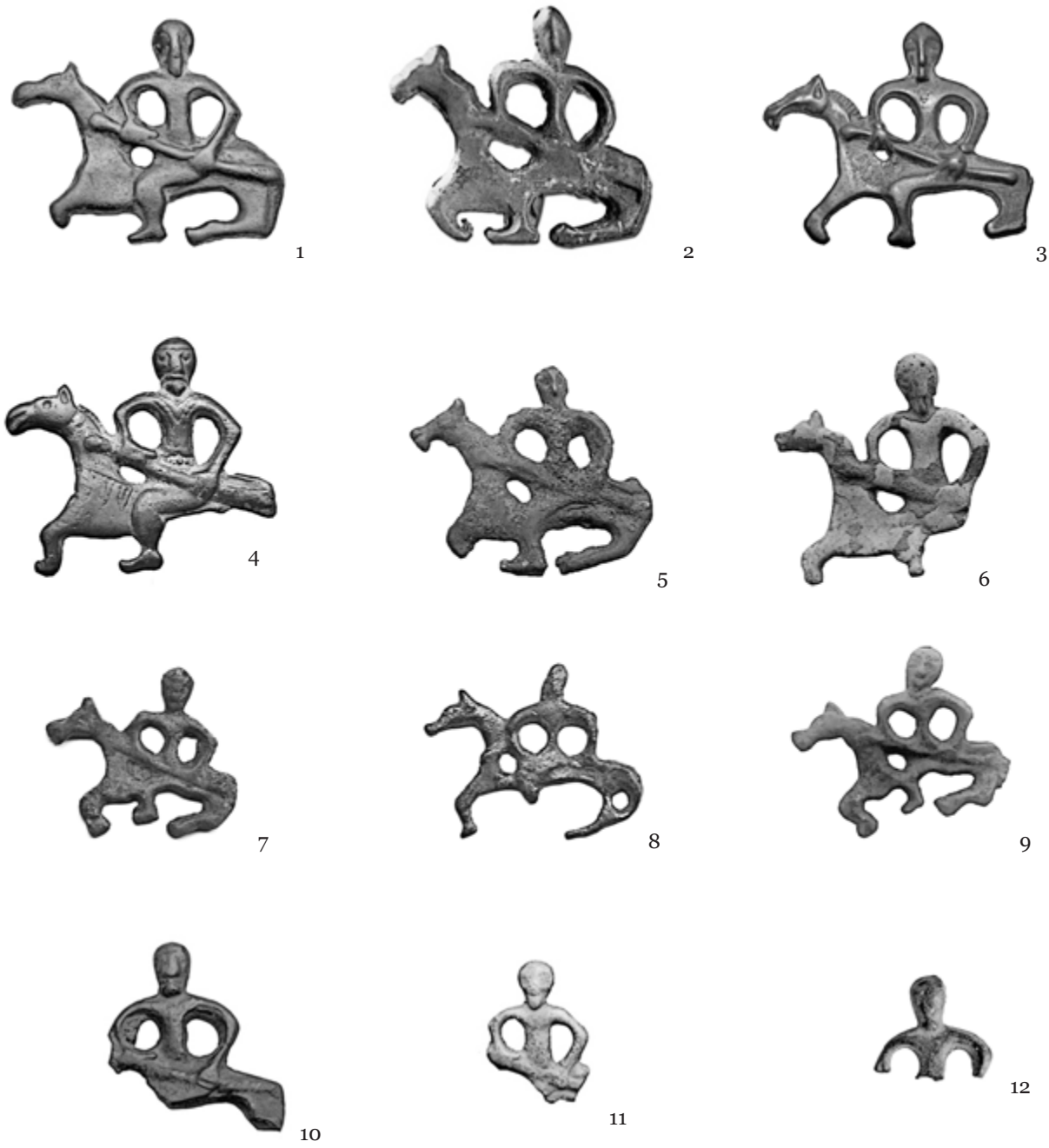


Fig. 5. Amulete-călăreţi din bronz de tipul II (Scara 1:1):
1 - Hansca; 2 - Caracuşenii Noi; 3 - Capaclia; 4 - Popeştii de Sus; 5, 11 - Tătărăuca Veche;
6 - Dezghingea; 7 - Păhărniceni; 8 - Furceni; 9 - Ocniţa; 10 - Inundeni; 12 - Balinţi;

dantive (Tătărăuca Veche şi Balinţi) – de circa 25%.

Spre deosebire de amuletele relativ scurte, dar înalte, de tipul I, amuletele de tipul II sunt alungite şi relativ joase, cu proporţiile 1,08:1 (Caracuşenii Noi), 1,11:1 (Păhărniceni-Peruha), 1,14:1 (Ocniţa), 1,15:1 (Popeştii de Sus), 1,2:1 (Hansca, Capaclia), 1,24:1 (Furceni) şi 1,31:1 (Tătărăuca Veche). Lungimea pieselor este de 2,9-4,2 cm, înălţimea de 2,6-3,7 cm şi grosimea de 0,10-0,15 cm[5].

Aceste amulete reprezintă figurina stilizată a călăreţului confecţionată din bronz, prin metoda turnării, în forme monovalve. Spre deosebire de

[5] La Pliska (Bulgaria) sunt cunoscute două amulete de acest tip, având dimensiunile 3,7×2,4 cm, 3,5×2,6 cm, respectiv cu proporţiile 1,54:1 şi 1,35:1).

piesele de tipul I, unde călăreţul este reprezentat firesc, privind în direcţia mersului cabalinei, fiind reprezentat în profil cu o uşoară deviere spre stânga, pe cele de tipul II, corpul călăreţului este întors spre stânga, astfel, că este imaginat în poziţia *en face*.

Calul, pe acest tip de pandantive este de talie mare, are corpul graţios şi alungit cu proporţiile de 1.31-1,60:1, având picioare relativ scurte. Cabalina este imaginată în galop, cu picioarele îndoite, punctul de greutate fiind plasat pe membrele din spate, care sunt îndreptate în direcţia mişcării cabalinei. Capul calului este întins înainte, are dimensiuni mijlocii (Hansca, Popeştii de Sus, Dezghingea) sau mici (Caracuşenii Noi). De regulă, botul, ochiul şi urechile sunt redate schematic, excepţie făcând piesele de la Popeştii de Sus (fig. 4/1; 5/4) şi C.L. Viority (fig.6/5), unde elementele amintite, inclusiv gura calului, sunt bine profilate şi evidenţiate destul de detaliat. Gâtul cabalinei este lung şi graţios, iar coama, de regulă, este slab evidenţiată. În cazul piesei de la Popeştii de Sus avem prezentă o coamă împletită frumos şi bine conturată. Picioarele cailor sunt relativ scurte, iar coada bine profilată. Pe corpul cabalinelor, de regulă, lipsesc urmele de echipament şi de harnaşament. Excepţie face piesa de la Popeştii de Sus, unde, pe pieptul cabalinei sunt prezente hamuri înzestrate cu aplice circulare alcătuite din două fâşii orizontale şi accesorii intermediare verticale (fig. 4/1).

În toate cazurile, pe acest tip de pandantive, caii sunt imaginaţi fără şa. Călăreţul încălecat, este înarmat cu sabie, având corpul poziţionat *en face*, întors de la dreapta spre stânga. Capul călăreţului este relativ mare, cu partea superioară netedă, reprezentând imaginea coifului semisferic (Popeştii de Sus) sau ascuţit (Capaclia), cu apărătoare nazală (fig. 4/1,2). Faţa este alungită şi, de regulă, puternic stilizată, cu ochi slab evidenţiaţi, având nasul alungit sau ascuţit şi bărbie mai mult sau mai puţin conturată. În cazul pieselor de la Popeştii de Sus şi Capaclia, faţa şi ochii sunt relativ bine conturaţi, nasul masiv este turtit[6], gura bine evidenţiată, sunt prezente mustăţi relativ bogate şi barbă triunghiulară tunsă scurt şi bine îngrijită.

Corpul călăreţului, de regulă, este poziţionat vertical, în unele cazuri cu talie bine profilată (Caracuşenii Noi, Capaclia, Ocniţa). Mâinile uşor ridicate în coate, sunt deschise lateral, cu palmele lăsate în jos, ţinând o sabie prevăzută cu mâner profilat şi teacă, de dimensiuni mari, dispusă pe diagonală în lungul corpului calului. Sabia, de regulă, este aproape dreaptă. Doar în unele cazuri aceasta este uşor curbată (Hansca, Popeştii de Sus).

Călăreţul are picioarele îndoite din genunchi, partea lor superioară fiind îndreptată în direcţia mişcării calului, iar cea inferioară fiind în poziţie verticală liberă. Acest fapt ar putea sugera, după cum consideră unii autori (Албегова, Ковалевская 2011, 280-281), că picioarele s-ar sprijini pe scăriţe de şa. În acest context este de menţionat că, în condiţiile lipsei unor indicii clare ai prezenţei scăriţelor, dar şi a lipsei unor elemente ce ar reprezenta şeile pe caii respectivi, este foarte dificil să acceptăm aserţiunea propusă.

Detaliile vestimentaţiei cel mai bine sunt profilate pe pandantivul de la Popeştii de Sus, unde călăreţul este îmbrăcat în flanea deschisă unghiular la gât, cu mâneci lungi, bine întinsă pe corp, ornamentată cu aplici de formă circulară, purtând o centură prinsă mai jos de talie înzestrată cu cataramă circulară şi aplici mai mici prinse de ea. În cazul piesei de la Dezghingea, dar şi a celor de la Hansca, Inundeni şi Caracuşenii Noi, corpul călăreţului, probabil, este îmbrăcat într-o cămaşă de zale, iar în cazul piesei de la Tarasova, călăreţul poartă un caftan sau o haină lungă. Pantalonii călăreţilor sunt largi, bine profilaţi, de tip *şaravar*, fiind strânşi în partea de jos. Pe partea laterală, în cazul piesei de la Popeştii de Sus, pantalonii sunt ornamentaţi cu motive liniare de tip „zigzag". Călăreţii poartă ciubote joase, cu talpa orizontală şi botul drept sau cu vârful uşor rotunjit. În cazul piesei de la Popeştii de Sus călăreţul poartă bocanci cu talpa uşor arcuită, cu toc slab pronunţat şi botul drept. Pe una din piese (Capaclia), pe partea centrală a pieptului călăreţului, se poate distinge un pandantiv, de tip cruciuliţă, atârnat pe sfoara prinsă la gât (fig. 4/2).

Amuletelor-călăreţ de tipul II le sunt caracteristice următoarele trăsături generale: caii şi călăreţii sunt orientaţi spre stânga, piesele au proporţii alungite şi relativ joase, corpul călăreţului este plasat în poziţie *en face*, cu mâinile arcuite lăsate în jos în care strânge, cu putere, o sabie.

[6] Este posibil ca în acest caz să fie imaginată o apărătoare pentru nas, cu care ar fi fost înzestrat coiful, şi nu un element antropologic.

În cadrul amuletelor de tipul II putem evidenţia trei variante de bază:

Varianta 1. Amuletele au suprafaţa netedă şi trăsături schematice ale calului şi călăreţului. Piese de acest fel au fost descoperite la Hansca, Caracuşenii Noi, Tătărăuca Veche (2 piese), Ocniţa, Balinţi, Inundeni, Tarasova, Capaclia şi Dezghingea. Piese similare au fost atestate la Stăvărăşti, România (1 piesă), Bulgaria (6 piese) şi C.L. Viority (3 piese).

Varianta 2. Amulete cu trăsături pseudo-realiste, bine profilate, ale calului şi călăreţului, având accesorii de harnaşament pe corpul cabalinei dar şi vestimentaţie frumos imaginată şi bine conturată pe corpul călăreţului. În spaţiul pruto-nistrean acestea sunt reprezentate prin piesa descoperită la Popeştii de Sus (fig. 4/1, 5/4). Două piese similare au fost documentate în colecţia de la C.L. Viority.

Varianta 3. Amulete la care trăsăturile calului şi călăreţului puternic stilizate. O piesă de acest fel a fost identificată la Furceni (fig. 5/8), alta este fiind atestată la CL Viority (6/6).

În Europa de Sud-Est amulete de tipul II sunt cunoscute în număr de 32 de piese, inclusiv în spaţiul pruto-nistrean – 15 piese; la sud-est de Carpaţi – o piesă (Stăvărăşti); nord-estul Bulgariei – nouă piese: Odercy (2 piese) (Дончева-Петкова 1993, 111-113; Дончева-Петкова 2005, 93-94, рис. 5/XXVI), Ţar Asen (Рашев 2008, таб. LXXXIX/11), Skala (Йотов, Атанасов 1998, 305, таб. CVI, 362), Vratza (Рябцева 2013, рис. 2, 14), Pliska (2 piese) (Аладжов 1984, 276-282, рис. 1, 2), Novi Pazar (2 piese) (Аладжов 2003, 129-132); Serbia – o piesă (Donya Kamenica) (Петровиh 1997, 126, рис. 15) şi la C.L. Viority din Kiev – şase piese[7].

În zona Caucazului piese aparţinând acestui tip lipsesc cu desăvârşire. În acest context, este de menţionat, că amuletele-călăreţi, orientate spre stânga, în general, sunt răspândite mai larg, inclusiv în nordul Caucazului, însă, în cazul din urmă, pe aceste amulete lipseşte elementul-cheie – sabia. Mâinile călăreţilor pe piesele din Caucaz sunt dispuse în mod cu totul diferit: dreapta este plasată pe coamă, iar stânga – pe crupa calului (vezi: Албегова, Ковалевская 2011, рис. 1/17-19; 6/7; 8/2, 8).

Este de remarcat că majoritatea amuletelor de tipul II, adică 22 din 32 de piese (68,7 %) sunt descoperite la nordul Dunării de Jos, preponderent în spaţiul pruto-nistrean, unde sunt documentate până în prezent, 15 pandantive din bronz. Totodată este necesar să menţionăm că deosebit de însemnată este şi cota acestui tip de amulete şi în nord-estul Bulgariei, unde au fost incluse în circuitul ştiinţific, prin publicare, nouă pandantive.

Ţinând cont de particularităţile specifice ale amuletelor-călăreţi de tipul II, putem considera că aceste piese, cu siguranţă, reprezintă o inovaţie originală a comunităţilor din regiunea carpato-nistreano-balcanică. Aceste observaţii se înscriu perfect în aprecierea făcută de unii autori, potrivit căreia amuletele în care călăreţii sunt înarmaţi cu sabie, orientate spre stânga, sunt de origine vestică, respectiv din Europa de Sud-Est (Албегова, Ковалевская 2010, 281).

Încadrarea cronologică a amuletelor-călăreţi de tipul II este la fel de dificilă, dat fiind lipsa datelor expres în acest sens. Or, din cele 15 descoperiri realizate din spaţiul pruto-nistrean, doar două piese (de la Hansca şi Caracuşenii Noi) provin din context arheologic concludent, altele fiind fără acoperire metodică. Astfel, piesa descoperită în aşezarea de la Hansca, provine din stratul cultural medieval timpuriu datat cu secolele X-XI. Pe de altă parte, amuleta-călăreţ descoperită în timpul săpăturilor arheologice din aşezarea Caracuşenii Noi, se afla într-un context comun cu fragmente de ceramică tipice secolelor X-XII, lucrate la roată, de culoare gălbuie-roşiatică deschisă, cu scoică în pastă şi ornamentată cu incizii orizontale pe suprafaţă exterioară[8]. În baza acestor date de ordin arheologic, coroborate cu materiale ale surselor documentare scrise, cronologia relativă a amuletelor de tipul II poate fi stabilită în secolele X-XII, iar cea absolută în secolele X-XI.

Este necesar să menţionăm că pentru stabilirea cronologiei amuletelor de tipul II un interes deosebit îl prezintă descoperirile arheologice din Bulgaria. Astfel, în mormântul nr. 348 din necropola de la Odercy a fost descoperit un pandantiv iden-

[7] http://archive.viority.com/podveska-kr-vsadnik-449850; http://archive.viority.com/amulet-vsadnik-na-kone-168916; http://archive.viority.com/amulet-vsadnik-na-kone-1039450; http://archive.viority.com/lot-kr-vsadniki-548208; http://archive.viority.com/amulet-vsadnik-1279345;

[8] Descoperirea amuletei de la Caracuşenii Noi a fost realizată nemijlocit de către Gheorghe Postică, în cadrul şantierului arheologic condus de E.A. Rikman în septembrie 1977.

tic celor analizate de noi pentru spaţiul pruto-nistrean, care a fost încadrat cronologic în secolul al XI-lea (Дончева-Петкова 2005, 93-94, рис. 5/XXVI). Pe de altă parte, o altă amuletă de bronz, de la Plisca, descoperită *in situ* într-o locuinţă împreună cu o monedă de la Constantin X Ducas şi Eudochia (1059-1067), a fost datată de către cercetători în a doua jumătate a secolului al XI-lea (Станилов 1992, 240; Дончева-Петкова 2005, 111). Un al doilea pandantiv de acelaşi tip, descoperit tot la Plisca, în baza contextului arheologic, a fost atribuit cronologic sfârşitului secolului al X-lea - începutului secolului al XI-lea (Аладжов 1983, 276-281). Alte două amulete-călăreţi de tipul II, descoperite la Novi Pazar, sunt şi ele datate în secolele X-XI (Аладжов 1983, 276-281).

Astfel, pornind de la reperele prezentate, cronologia amuletelor-călăreţi, de tipul II, poate fi stabilită în limitele secolele X-XI sau poate chiar începutul secolului al XII-lea.

Tipul III (tipul Hansca III). Este cunoscut printr-un singur exemplar, descoperit în aşezarea Hansca (Хынку 1976, 477; Marchevici 1985, 142, 156, fig. 186) (fig. 2/3). Piesa este turnată din bronz în formă monovalvă. Reprezintă un călăreţ pe calul în galop, orientat spre stânga, cu picioarele puternic îndoite în genunchi. Proporţiile figurinei sunt de 1,35:1. Calul are un corpul alungit, robust, cu proporţiile 1,55:1, este bine profilat, are capul relativ masiv, cu botul, ochii, urechii şi coama bine conturate. Gâtul cabalinei este relativ scurt, copitele sunt masive, iar coada slab profilată. Pe şoldul piciorului din faţă al calului este reprezentată o rozetă cu cinci petale care, schematic, aminteşte de un chip uman *en face*. Pe şoldul piciorului din urmă al calului este imaginată o tamga în formă de picătură cu ornament de tip spirală în interior.

Călăreţul, stilizat, este modelat în poziţia *en face*, capul are formă romboidală, acoperit cu coif (?), mâinile relativ scurte sunt arcuite şi ridicate din coate până la nivelul capului, dreapta este sprijinită pe coama calului, iar stânga este liberă.

Corpul călăreţului este reprezentat stilizat în forma unei săbii curbe, cu mâner bine profilat, care imită pieptul uman, iar lama acoperă restul corpului, fiind întoarsă, cu capătul curb în direcţia opusă mişcării cabalinei, spre piciorul din urmă al acesteia, de care este alipit.

Analogii directe pentru pandantivul de tipul III de la Hansca nu sunt cunoscute.

Tipul IV (Tipul Bolgrad). Este cunoscut prin exemplarul descoperit la Bolgrad (reg. Odesa) (Субботин, Черняков 1982, 60-62) (fig. 2/4). Piesa este lucrată prin metoda aplicativă, realizată din bronz în formă monovalvă. Proporţiile figurinei sunt de 1,11:1. Calul are corpul robust, bine conturat, cu proporţiile de 1,35:1, capul relativ mic, botul prins în căpăstru, urechile uşor conturate, ochii şi coama nu sunt profilate. Gâtul calului este relativ scurt, uşor arcuit, coada cabalinei este bine conturată.

Călăreţul, stilizat, este modelat în profil, fiind evidenţiată doar partea superioară a corpului uman, cu faţa în direcţia mişcării cabalinei, capul bine conturat, fără particularităţi faciale, este acoperit de un coif ascuţit. Mâna stângă a călăreţului este plasată pe căpăstru, iar dreapta este aşezată cu cotul pe crupa calului, fiind orientată cu palma în sus. În palma mâinii drepte călăreţul ţine o figură, iniţial, interpretată de cercetători drept arc reflex (Субботин, Черняков 1982, 60-62). Mai nou a fost acreditată ideea potrivit căreia aceasta ar reprezenta imaginea stilizată a unui vultur, care îl reprezintă pe zeul cerului şi al soarelui Tangr/Tengri (Рябцева 2013, 175-176).

Analogii directe pentru pandantivul de tipul IV nu sunt cunoscute.

3. Analiza comparată a amuletelor

Analiza comparată a amuletelor-călăreţi din bronz, descoperite în spaţiul pruto-nistrean, permite să evidenţiem o serie de trăsături şi particularităţi specifice pentru aceste regiuni.

Prima observaţie, care se impune în legătură cu pandantivele analizate este omogenitatea lor din punctul de vedere al tipului prezent în arealul discutat, acestea fiind în exclusivitate „amulete-călăreţi", printre care predomină (97%) piesele imaginând mersul calului spre stânga. Pe de altă parte, se remarcă o anumită diversitate tipologică a pieselor din regiune, reprezentate de patru tipuri bine diferenţiate. Astfel, două dintre tipurile de amulete-călăreţi din spaţiul pruto-nistrean (tipurile III şi IV), sunt piese de unicat în general, fără a putea identifica analogii apropiate, alte două tipuri (I şi II), reprezintă fondul de bază al descoperirilor de acest gen (95%). Amuletele-călăreţ de tipul I sunt caracteristice exclusiv pentru zona pruto-nistreană (100%), în timp ce piesele încadrate în tipul II sunt răspândite într-o zonă mai largă, extinsă până în nord-estul Bulgariei şi

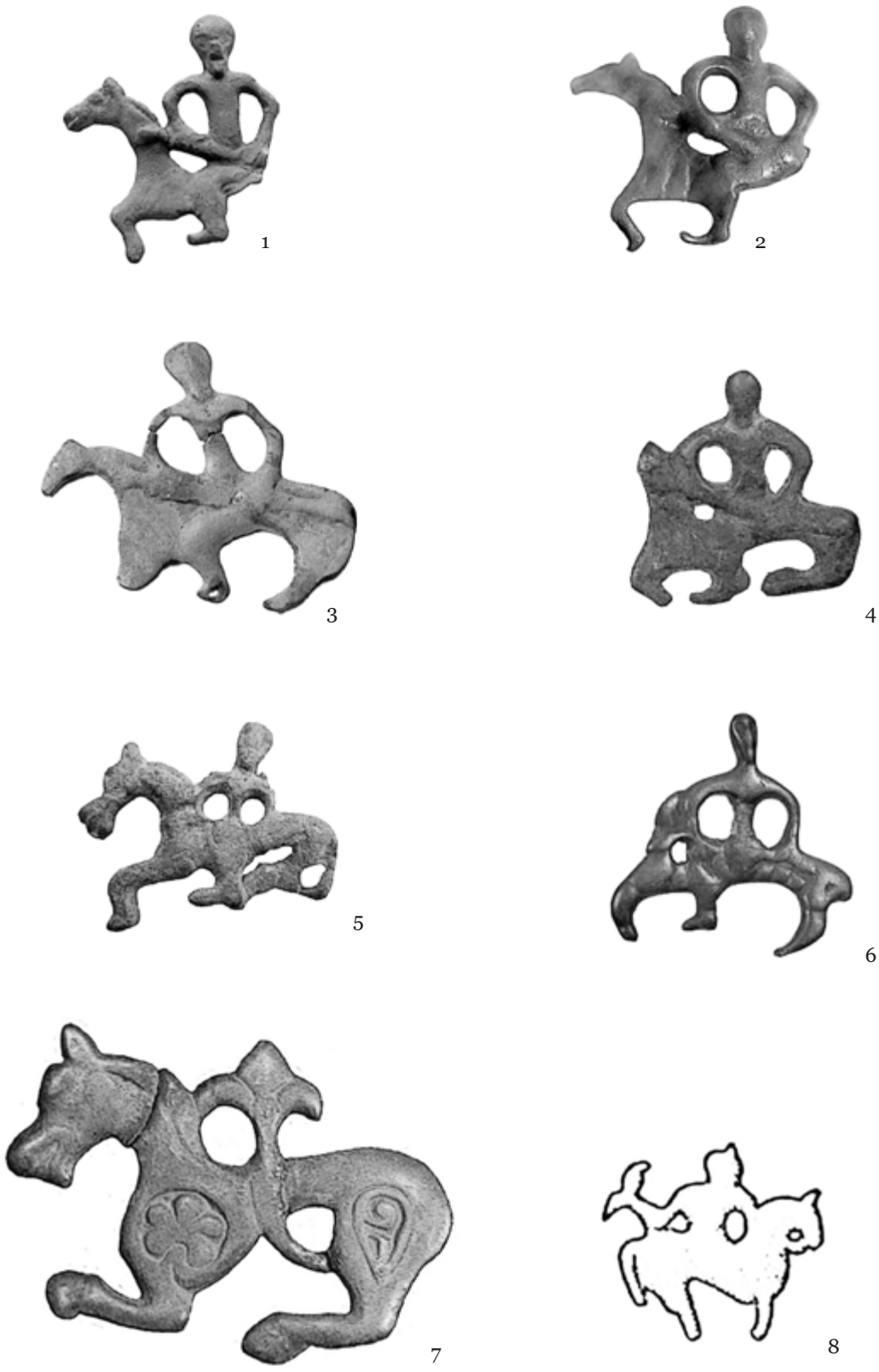


Fig. 6. Amulete-călăreţi din bronz de tipul II (1-6), tipul III (7) şi tipul IV (8) (Scara 1:1): 1-6 - CL Viority; 7 - Hansca; 8 - Bolgrad.

Serbia. Majoritatea amuletelor de tipul II provin din zona nord-pontică (68,7 %), la sud de Dunăre fiind atestate 31,3% de piese de acest fel. În acelaşi timp, majoritatea absolută a descoperirilor localizate sigur din regiunea nord-pontică, provin din spaţiul pruto-nistrean.

Se remarcă diferenţa netă a pieselor de tipul I şi II, din punctul de vedere al formei, proporţiilor şi al echipamentului cabalinei, pe de o parte şi, pe de altă parte, din punctul de vedere al poziţionării călăreţului şi al armamentului acestuia.

În comparaţie cu amuletele de tipul I, care se caracterizează prin proporţii, fiind poziţionate/întinse pe verticală, piesele de tipul II au proporţii cu totul diferite, acestea sunt întinse pe orizontală, fapt care ar putea indica asupra utilizării diferitor rase de cai în calitate de prototip pentru imaginile de pe amulete. În primul caz, ar putea fi vorba despre o rasă de cai robuşti, tradiţionali pentru zona nord-pontică şi carpato-balcanică[9], iar în cel de-al doilea este reprezentată o rasă de cai graţioşi, posibil de rasă ahalketină[10]. Pe de altă parte, ar fi probabil ca aceste pandantive, de tipuri diferite, să fi aparţinut unor comunităţi umane distincte sau unităţi diferite de războinici.

Este de remarcat faptul că, în cazul pieselor de tipul I, cabalina este echipată cu piese de harnaşament distincte, inclusiv căpăstru, şa şi hamuri, în timp ce, în cazul pieselor de tipul II, cu excepţia variantei de la Popeştii de Sus, calul este lipsit de echipament şi de harnaşament.

Pe de altă parte, amuletele de tipul I reprezintă un călăreţ dispus în profil, înarmat cu un pumnal, iar pe cele de tipul II călăreţul este dispus în poziţie *en face*, fiind echipat cu o sabie lungă. În ambele cazuri, călăreţul poartă pe cap un coif. Particularitatea din urmă, în asociere cu sabia şi pumnalul, indică asupra faptului că imaginea călăreţului de pe aceste piese reprezintă, în fapt, chipul unui militar, care, posibil, îl reprezenta pe ocrotitorul purtătorilor pandantivelor de bronz[11].

[9] Proporţiile călăreţului de tipul I îşi regăsesc analogii în imaginile cavalerului trac.

[10] O opinie în acest sens a fost exprimată de B. Kovalevskaja (Ковалевская 1978, 116).

[11] Analiza semantică a pandantivelor de călăreţi din bronz a permis lui V.A. Kuznetzov să avanseze o ipoteză interesantă prin care amuletele pot fi puse în legătură cu o zeitate a alanilor, preluată în procesul de creştinare a comunităţilor alane (secolele VII-VIII) cu numele de *Uaskerghi*, unde *„Uas”* este tradus drept *„sfânt”*, iar *„Kerghi”* ca *„Gheorghe”* (vezi: Кузнецов 1992, 293-294). Este posibil ca acest sfânt militar (Sfântul Gheorghe) să fi fost preluat şi perpetuat de comunităţile alane şi în spaţiul est-carpatic.

4. Interpretări

Evidenţierea unor tipuri distincte de amulete de călăreţi din bronz, descoperite în răsăritul Europei, Nordul Caucazului şi pe Volga (1 – mergând spre dreapta; 2 – mergând spre stânga şi 3 – reprezentaţi într-un medalion circular), a fost pusă de cercetători în legătură cu diferite perioade de apariţie şi de utilizare ale acestora (Афанасьев 1973, 36-37; Ковалевская 1978, 115-116). S-a acreditat ideea că ele, prin imaginea reprezentată, evidenţiază apartenenţa de rudenie sau locul individului în ierarhia socială sau militară (războinică) (Ковалевская 1981, 87). A fost expusă, de asemenea, ideea potrivit căreia călăreţii reprezentau cavaleria hanului din flancul stâng, drept sau din centru (Станилов 1992). În regiunile de răsărit ale Europei pandantivele din bronz reprezentând cai şi călăreţi au fost încadrate cronologic în limitele secolului al VIII-lea - începutul secolului al IX-lea (Афанасьев 1973, 38).

În calitate de exemplu putem aducem inventarul necropolei de la Dmitrievsk, din arealul culturii saltovo-majaţk, unde au fost descoperite mai multe amulete de cai şi călăreţi din bronz. S.A. Pletneva a atribuit piesele perioadei de la sfârşitul secolului al VIII-lea - mijlocul secolului al IX-lea (Плетнева 1967, 142). Pornind de la această premiză G. Afanasiev a ajuns la concluzia că diferenţa de datare poate fi legată de strămutarea alanilor nord-caucazieni în regiunea Doneţului de Nord, de numele cărora şi este legată apariţia şi vehicularea pandantivelor din bronz.

Pe de altă parte, piesele descoperite în Europa Centrală şi de Sud-Est (România, Bulgaria, Macedonia, Serbia, Ungaria) au fost încadrate de cercetători în două perioade cronologice distincte, în care unele aparţin secolelor VIII-IX, iar altele – secolelor X-XI (Ioniţă 2008, 454).

După cum am menţionat, majoritatea pieselor, atât cele identificate în spaţiul pruto-nistrean cât şi cele din Peninsula Balcanică, au fost descoperite în contexte arheologice incerte sau chiar în localităţi neprecizate. Aceasta face dificilă datarea exactă a perioadei lor de circulaţie. Spre exemplu, Katia Melamed, analizând 14 figurine cu agăţătoare la cap, descoperite în Peninsula Balcanică, le ancorează cronologic în secolul al IX-lea (Melamed 1991, 221). Dan Gh. Teodor, precizând cadrul cronologic al unei piese provenite într-un loc neprecizat din Muntenia, publicată în anul 1926

de către V. Pârvan, care imaginează un călăreţ în care personajul este sugerat doar printr-un cap uman cu agăţătoare, a atribuit-o secolului al VIII-lea, fără a exclude posibilitatea utilizării lor şi în secolul următor (Teodor 1993, 286).

Pe de alta parte, piesa de la Hansca, apropiată ca tip celor din Bulgaria, cu agăţătoare asemănătoare, dar cu personajul imaginat integral, cu o mână pe pumnal şi cu alta ţinând frâul, a fost descoperită în interiorul unei locuinţe adâncite, cu materiale din secolele X-XI (Хынку 1975, 449). Credem că acesta este intervalul de timp în care au fost confecţionate şi utilizate pandantivele de tip Hansca, reprezentând cai şi călăreţi în spaţiul pruto-nistrean.

Este posibil ca piesele aparţinând tipului II din spaţiul pruto-nistrean, care îşi găsesc analogii în Balcani, să fie încadrate în limitele secolelor X-XI sau poate chiar începutul secolului al XII-lea. Pe de altă parte, nu excludem posibilitatea ca ele să fi apărut într-o perioadă mai timpurie, în secolul al IX-lea - începutul sau chiar mijlocul celui următor şi să fi fost vehiculate până către secolul al XII-lea.

5. Purtătorii şi funcţionalitatea

Descoperite în spaţii culturale şi în condiţii arheologice diverse, piesele de bronz reprezentând cai şi călăreţi, au generat discuţii aprinse, atât despre mediile culturale sau sociale în care au circulat, cât şi despre valoarea lor taxonomică. În general, majoritatea arheologilor au căzut de acord cu ideea că amuletele de bronz reprezentând cai şi călăreţi făceau parte din echipamentul/inventarul unor bărbaţi (Афанасьев 1973, 38; Ковалевская 1978, 118). Se pare însă că unele categorii de pandantive (tipul III după Afanasiev) ar fi putut aparţine şi unor femei (Албегова 2001, 95).

Analiza pieselor demonstrează că pe unele pandantive din bronz a fost imaginată foarte distinct cureaua/cingătoarea călăreţului. Cureaua este o piesă indispensabilă şi este legată de echipamentul „războinicului". Pandantivele puteau servi, conform opiniei unor cercetători, pentru identificarea individului în cadrul comunităţii fratriale (Ковалевская 1984, 168) sau pentru determinarea ierarhiei sale sociale. Pe de altă parte, această categorie de piese a fost pusă în legătură cu rangul sau apartenenţa militarului la drujina unui demnitar (Плетнева 1967, 161; Афанасьев 1973, 38) servind, pentru purtător, în calitate de emblemă a unităţii de elită sau a gărzii regale (Ковалевская 1978, 112-120) din care acesta făcea parte.

Observaţiile făcute în timpul cercetării necropolei Lunacearskij, de lângă Kislovodsk, au permis să se constate că pandantivele, de cele mai multe ori, au fost descoperite pe oasele toracelui în mormintele unor bărbaţi. Având în vedere acest fapt, s-a acreditat ideea că piesele ar face parte din atributica hainelor bărbăteşti şi erau agăţate la gât sau prinse de haină, la piept (Рунич 1968, 210-213). Această ipoteză este susţinută de G. Afanasiev şi de V.B. Kovalevskaja, cu precizarea că ultima cercetătoare admite că unele pandantive, considerate de către aceasta „solare", reprezentând cai şi călăreţi încadraţi într-un cerc de bronz (tipul III), fac parte din inventarul mormintelor aparţinând unor femei (Ковалевская 1978, 114). Z.H. Albegova a susţinut ipoteza precum că amuletele în formă de cai şi călăreţi ar face parte din inventarul funerar al unor morminte de femei, specificând că ele ar reprezenta detalii ale costumului unor preotese, utilizate în calitate de piese apotropaice (Албегова 2001, 95).

Ipoteza că amuletele ar aparţine (protobulgarilor) bulgarilor lui Asparuch, pusă în legătură cu pătrunderea lor spre Balcani în jurul anului 680 (Аладжов 1983, 277; Рашев 1984; Teodor 1999, 78-79; Musteaţă 2005, 115; Stanilov 2006, 254), nu este confirmată prin materiale care ar susţine cadrul cronologic menţionat. Este puţin probabilă şi presupunerea, exprimată de unii cercetători, că piesele ar fi pătruns împreună cu pecenegii[12], fiind preluate de aceştia în urma contactelor cu alanii (Ioniţă 2008, 455). Am putea admite această supoziţie doar în cazul când grupurile de alani războinici i-ar fi însoţit pe pecenegi în înaintarea lor spre vest, aşa cum presupune şi Adrian Ioniţă.

Trebuie să menţionăm că absoluta majoritate a pieselor reprezentând cai şi călăreţi, descoperite în Europa Răsăriteană, atât în Caucazul de Nord, cât şi regiunea Doneţului de Nord, a Oskolului şi a Donului, provin din complexe şi medii culturale aparţinând alanilor, constituind una din particularităţile culturii materiale a acestor comunităţi (Плетнева 1967, 161; Афанасьев 1973, 36; Ковалевская 1984, 161). Pe de altă parte, grupuri

[12] În nici unul din mormintele de nomazi turanici, atribuite pecenegilor, cercetate în spaţiul est-carpatic sau nord-dunărean, nu au fost descoperite piese aparţinând acestei categorii de pandantive.

de alani s-au stabilit, în diferite perioade istorice, în spaţiul est-carpatic (Brătianu 1988, I, 215-219; Ciocâltan 1995, 935-955; Postică 1994, 115; Tentiuc 2008, 105-119).

În urma analizei materialelor complexelor funerare din cimitirele de la Hansca-Căprăria şi Hansca-Limbari, ancorate cronologic în secolele X-XIV, arheologul Ion Hâncu a evidenţiat aici două categorii de morminte, aparţinând unor populaţii distincte: romanicilor băştinaşi care îşi înmormântau defuncţii utilizând ritul creştin şi unei populaţii alogene, care îşi îngropau decedaţii într-o zonă periferică a cimitirului, gropile funerare ale acestora având orientare meridională. În opinia reputatului medievist, această populaţie a pătruns în regiune după mijlocul secolului al X-lea (Хынку 1970, 64-66; Хынку 1973, 58-62; Hâncu 1999, 5-7).

La concluzii asemănătoare ajunge şi Gheorghe Postică care, în urma studierii materialelor arheologice din aşezarea eponimă, menţionează că „în secolul X, judecând după materialele de la Hansca, în regiunea centrală a Moldovei are loc infiltrarea unor grupuri izolate de migratori din stepele nord-pontice" (Postică 1994, 113). Tot el presupune că într-o perioadă ulterioară, în secolul al XI-lea în aşezarea Hansca „a apărut un grup nu prea mare alcătuit din alani, care s-a aşezat cu traiul la marginea de nord-est a aşezării" (Postică 1994, 115).

Spre deosebire de pecenegi, uzi sau cumani, aflaţi într-o fază „pasionară" şi care apar frecvent pe paginile cronicilor din secolele X-XIII, alanii sunt menţionaţi doar episodic. Iu. Kulakovskij considera credibilă informaţia din scrisoarea patriarhului de Constantinopol Nicolae Misticul, adresată ţarului Simeon al Bulgariei în anul 922, în care încearcă de a-l abate pe acesta de la război împotriva Bizanţului. Vorbind despre coaliţia pe care o pregăteşte împăratul bizantin, patriarhul enumără printre ei ruşii, pecenegii, turcii din Occident (ungurii) şi *alanii* (Nicolaus Misticus, 23, 13-21 (col. 149D). Prezenţa alanilor, alături de seminţiile enumerate, pare a indica, în opinia cercetătorilor, aflarea lor în imediata apropiere, poate chiar în teritoriile de la nord de gurile Dunării (Кулаковский 1899, 54).

Mânuind cu desăvârşire armele şi arta militară, alanii s-au remarcat în special prin calităţile combative şi cele de mercenari. Misionarul franciscan Ioan de Marignolli susţinea că mongolii au cucerit China cu ajutorul alanilor (Ciocâltan 1995, 935), iar Georgios Pachymeres, vorbind despre cei de la nordul Dunării de Jos, considera că aceştia „erau tovarăşi de luptă ai lui Nogai şi cei prin care acela dobândise izbânzi" (Georgios Pachymeres, II, IV, 16).

Analiza materialelor obţinute în urma investigaţiilor arheologice şi coroborarea lor cu informaţiile din documentele scrise a permis cercetătorilor să evidenţieze câteva valuri succesive de pătrundere şi, respectiv, perioade cronologice, când alanii sau manifestat plenar în spaţiul est-carpatic şi la nordul gurilor Dunării (Tentiuc 2008, 105-119).

Chiar dacă alanii nu au reuşit, după cum s-a atras atenţia, să organizeze vreodată în regiunile est-carpatice, în toată perioada Evului Mediu, o formaţiune politico-statală proprie (Spinei 1994, 231) totuşi, unii autori, pornind de la apariţia repetată, în sursele documentare scrise, a menţiunii *„Alania"*, *„ţara alanilor"*, *„domnia alană"*, *„ţara asilor"* referitoare la regiuni de la nordul Dunării de Jos şi a Mării Negre (Тизенгаузен 1884, I, 116-117; Кулаковский 1899, 23-26, 54-55, 66-69) evocă prezenţa în zonă a unei „mărci alane de frontieră" fondată de Nogai şi reorganizată de Tokta (Ciocâltan 1995, 940; Chirtoagă 1999, 55-56). Este posibil ca această structură prestatală să fi apărut la nordul gurilor Dunării şi la est de Carpaţi la sfârşitul secolului al XIII-lea şi la începutul celui următor, fiind antrenată în războiul fratricid mongol[13].

Persistenţa comunităţilor alane în regiunile de la nordul gurilor Dunării şi în unele zone din partea de sud, dar şi de nord a teritoriului est-carpatic, unde se impun ca forţă militară, în special în perioada de până la formarea statului feudal moldovenesc, este cel mai bine documentată în cronicile vremii însă, totodată, este şi una dintre cele mai controversate. Având în vedere prezenţa alanilor pe teritoriul Moldovei medievale, Gheorghe I. Brătianu se exprima, la un moment dat, foarte sugestiv: „Dacă la sfârşitul evului mediu alanii au ocupat multă vreme Moldova actuală,

[13] Unii autori leagă de prezenţa alanilor în spaţiul est-carpatic (regiunile dintre Carpaţi şi Prut) şi aşa-numita *ceramică roşiatico-gălbuie* sau de *Hoarda de Aur*, descoperită în număr mare la Baia (Neamţu, Neamţu, Cheptea 1980, I, 102; Neamţu, Neamţu, Cheptea 1984, II, 160-164), dar şi la Rădăuţi (Bătrână, Bătrâna 2012, 41) şi Suceava (Matei 1978, 547-548), care ar fi fost vehiculată de aceştia în spaţiul moldav prestatal (Căprăroiu 2014, 163).

avem motive să ne întrebăm dacă un anume tip de ţăran moldovean, ce a fost luat mult timp drept o îndepărtată supravieţuire a celţilor emigranţi în această regiune, din cauza ochilor albaştri şi a părului bălai sau roşcat, nu este mai plauzibil un descendent al alanilor care au lăsat de altfel urme fără echivoc în toponimia ţării" (Brătianu 1988, I, 217)[14].

Pentru regiunile cercetate în legătură cu prezenţa alanilor medievali poate fi menţionată persistenţa mai multor toponime din spaţiul est-carpatic, printre care şi numele marelui centru urban medieval Iaşii, capitala de mai târziu a Ţării Moldovei, ipoteză susţinută de unii istorici şi negată categoric de alţii (Giurescu 1967, 242-248; Mohlenkamp 1984, 62-65; Ciocâltan 1995, 940, 945; Bădărău, Caproşu 2007, 26-27).

La sfârşitul secolului XIX cercetătorii F. Brun şi Iu. Kulakovski nu puneau la îndoială prin nimic originea toponimului viitoarei capitale şi metropole moldovene şi legătura numelui de prezenţa asilor (=alanilor) (Брун 1879, 356; Кулаковский 1899, 66). În legătură cu aceştia ei pun şi toponimul Iasca, existent până în prezent la Nistrul de Jos, situat vis-a-vis de satul Olăneşti (r-nul Ştefan Vodă)[15]. De aceeaşi părere este şi Gh. I. Brătianu care considera că aceste toponime păstrează amintirea şederii alanilor în partea răsăriteană a viitoarei Moldova (Brătianu 1988, I, 168).

Investigaţiile din ultimii ani aduc noi argumente în ceea ce priveşte pătrunderea şi staţionarea în spaţiul est-carpatic şi la nord de gurile Dunării a alanilor (Teodor 1999, 71-90; Tentiuc 2007, 98-102; Tentiuc 2009, 439-454). Războinici prin excelenţă, ei, independent sau în cadrul unor organisme social-politice ale pecenegilor sau cumanilor, dar şi ale tătarilor, spre deosebire de aceştia, nu au lăsat evidente urme materiale (în aşezări sau necropole) în spaţiul de la Est de Carpaţii Orientali. Este posibil ca, în calitate de auxiliari ai tătaro-mongolilor, aceştia ar fi avut în sarcină supravegherea şi controlul drumurilor comerciale internaţionale care legau centrele de la Marea Neagră, Dunăre şi Nistru de Europa Centrală şi de Nord (Ciocâltan 1995, 944; Căprăroiu, 2014, 163-164, 173-174).

Astfel, anumite categorii ceramice răspândite la sud şi la est de Carpaţi în unele aşezări rurale din secolele VIII-IX (Comşa 1978, 103; Comşa 1979, 151-156; Tentiuc 1999, 44-50), IX-X (Comşa 1967, 223) şi X-XI (Postică 1994, 52-54), sau preurbane şi urbane datând în secolele XIII-XIV (Matei 1978, 547-548; Neamţu, Neamţu, Cheptea 1980, I, 102; Neamțu, Neamțu, Cheptea 1984, II, 160-164; Spinei 1992, 238; Bătrână, Bătrâna 2012, 41), unele morminte din necropole plane sau tumulare, aparţinând secolelor X-XIII, din partea centrală şi de sud a Moldovei (Хынку 1973, 58-62; Hâncu 1999, 5-7; Postică, Sava 2006, 63-69; Tentiuc 2008, 90; Tentiuc 2012, 214-218), par să fi aparţinut şi alanilor. Tot în legătură cu prezenţa alanilor în această regiune, în opinia noastră, sunt şi reprezentările de cai şi călăreţi, realizate în bronz, cu o semnificaţie aparte, atribuite de noi tipului Hansca.

6. Repertoriul amuletelor-călăreţi din spaţiul carpato-nistrean

Tipul I

1. Briceni (Republica Moldova). Descoperire întâmplătoare, păstrată în colecţie particulară (fig. 3/7). Înregistrată de Ion Tentiuc în anul 2009. La momentul descoperirii piesa era uşor deteriorată în partea superioară, fiind ruptă urechiuşa de prindere a piesei, în rest este în stare bună.

Amuleta este turnată din bronz, în formă monovalvă. Lungimea – 3,2 cm, înălţimea – 3,2 cm. Reprezintă figurina stilizată a unui călăreţ orientat spre stânga. Proporţiile figurinei sunt de 1:1. Calul, de talie robustă, cu corp relativ scurt cu proporţiile de 1,31:1, este realizat în galop, având picioarele din faţă uşor înaintate, iar cele din urmă îndoite în direcţia mişcării calului. Capul calului este masiv, alungit, botul şi urechile sunt bine profilate, având ochii de mărime exagerată. Are gât lung şi graţios, coamă şi coadă bine evidenţiate.

Pe spatele calului se profilează foarte expresiv şaua, iar în lungul gâtului calului, pe linia coamei, este conturat căpăstrul. Pe partea din faţă a pieptului calului sunt evidenţiate hamurile.

[14] Vezi aici şi nota editorului (Victor Spinei), sub vocea 21, în care se specifică precum că prezenţa alană în Evul Mediu în spaţiul carpato-nistrean nu a fost nici numeroasă şi nici de lungă durată pentru a influenţa tipul somatic al populaţiei romanizate de la răsărit de Carpaţii Orientali.

[15] În legătură cu ultimul toponim, Olăneşti, la un moment dat s-a acreditat ideea că numele corect al satului ar fi *Alaneşti*, deci, conţinând radicalul *alan*. Vezi: Кулаковский 1899, 69 şi nota 2.

În şaua calului este imaginat călăreţul poziţionat în profil, înclinat în direcţia mişcării cabalinei, care merge spre stânga. Partea superioară a capului călăreţului nu s-a păstrat, fiind eruptă până la momentul descoperirii. S-au păstrat doar urme ale găurii, realizată în partea centrală a feţei, probabil, utilizată pentru prinderea piesei pe şnur.

Braţul drept al călăreţului, întins înainte şi uşor arcuit, este plasat pe coama calului, ţinând căpăstrul calului. Braţul stâng este arcuit în cot (având aici un mic defect) şi alipit cu palma şi degetele, bine reliefate, de mijlocul pieptului. Cu palma acestui braţ călăreţul ţine un pumnal relativ lung, prins sub centură, dispus aproape vertical, având mânerul uşor profilat, care depăşeşte nivelul umărului de dreapta al călăreţului, iar capătul inferior ajunge până la şauă. Suprafaţa corpului călăreţului este netedă, fără a fi evidenţiate particularităţi ale vestimentaţiei. Talia călăreţului este bine profilată, fiind prinsă cu centură lată, bine conturată, sub care este prins pumnalul. Piciorul călăreţului, în partea superioară, este îndreptat în direcţia mişcării calului, iar partea inferioară este imaginată în poziţie verticală, cu talpa în şedere orizontală. Încălţămintea călăreţului este de tipul ciubotelor cu botul lung, uşor întors în sus. Aceasta de la urmă este lipită cu vârful de copita din faţă a calului, iar cu călcâiul de piciorul din urmă al cabalinei.

Literatura: Tentiuc 2010, 225-233, fig. 1/2.

2. Briceni (Republica Moldova). Descoperire întâmplătoare, păstrată în colecţie particulară (fig. 3/4). Înregistrată de Gheorghe Postică în anul 2014. Piesa este în stare excelentă.

Amuleta este turnată din bronz, în formă monovalvă. Lungimea – 3,1 cm, înălţimea – 3,95 cm. Reprezintă figurina stilizată a unui călăreţ orientat spre stânga. Proporţiile figurinei sunt de 1:1,27. Calul, de talie robustă, cu corp relativ scurt, cu proporţiile de 1,19:1, este realizat în galop, având picioarele din faţă uşor înaintate, iar cele din urmă îndoite în direcţia mişcării calului. Capul calului este masiv, alungit, botul şi urechile sunt bine profilate, având ochii slab profilaţi. Are gât relativ lung şi graţios, coamă slab reliefată şi coadă bine evidenţiată.

Pe spatele calului se profilează foarte expresiv şaua, iar în lungul gâtului calului, pe linia coamei, este conturat căpăstrul. Pe partea din faţă a pieptului calului sunt evidenţiate hamurile.

În şauă este imaginat călăreţul poziţionat în profil, înclinat în direcţia mişcării cabalinei, care merge spre stânga. Capul călăreţului este relativ mare, acoperit cu un coif neted, semisferic uşor ascuţit, cu apărătoare nazală. În partea centrală coiful este străpuns de o gaură pentru prinderea piesei cu şnur. Faţa călăreţului este uşor întoarsă spre stânga.

Braţul drept al călăreţului, întins înainte, este plasat pe coama calului. Braţul stâng este arcuit în cot şi alipit cu palma şi degetele masive, frumos reliefate, de mijlocul pieptului. Cu palma acestui braţ călăreţul ţine căpăstrul calului şi, posibil, o pungă (?). Suprafaţa corpului călăreţului este netedă, fără a fi evidenţiate particularităţi ale vestimentaţiei. Talia călăreţului este bine profilată, fiind prinsă cu centură bine conturată. Piciorul călăreţului, în partea superioară, este îndreptat în direcţia mişcării calului, iar partea inferioară este imaginată în poziţie verticală, cu talpa în şedere orizontală. Încălţămintea călăreţului este de tipul ciubotelor cu botul lung, având capătul uşor întors în sus. Aceasta de la urmă este apropiată cu vârful de copita din faţă a calului, iar cu călcâiul este lipită de piciorul din urmă al cabalinei.

Literatura: Inedită.

3. Enichioi (r-nul Cantemir, Republica Moldova). Descoperire întâmplătoare, păstrată în colecţie particulară (fig. 3/5). Înregistrată de Ion Tentiuc în anul 2009. Piesa este în stare foarte bună.

Amuleta este turnată din bronz, în formă monovalvă. Datele dimensionale lipsesc. Reprezintă un călăreţ orientat spre stânga. Proporţiile figurinei sunt de 1:1,29. Calul, de talie robustă, cu corp relativ scurt, cu proporţiile de 1,21:1, este realizat în galop, cu picioarele din faţă uşor înaintate, iar cele din urmă îndoite în direcţia mişcării calului. Capul calului este masiv, alungit, având botul, ochiul şi urechile bine profilate. Cabalina are gâtul lung, coamă şi coadă bine evidenţiate.

Pe spatele calului se profilează foarte expresiv şaua, iar în lungul gâtului calului, pe linia coamei, la fel de distinct, este conturat căpăstrul; pe partea din faţă a pieptului cabalinei sunt evidenţiate foarte expresiv hamurile.

În şa este aşezat un călăreţ imaginat în profil, înclinat în direcţia mişcării cabalinei care merge spre stânga. Capul călăreţului este relativ mare,

acoperit cu un coif neted, semisferic şi ascuţit în partea de sus, iar sectorul feţei este străpuns de o gaură pentru prinderea piesei cu şnur.

Braţul drept al călăreţului este întins diagonal, uşor arcuit, fiind plasat pe coama calului, posibil, ţinând calul de căpăstru. Braţul stâng, arcuit în partea superioară, este îndoit din cot şi alipit cu palma pe mijlocul pieptului. În palma acestui braţ călăreţul ţine un pumnal scurt, cu mâner profilat, capătul inferior al căruia este prins sub centura călăreţului. Suprafaţa corpului călăreţului este netedă, fără a putea evidenţia particularităţi ale îmbrăcămintei. În schimb, este bine profilată talia călăreţului, prinsă cu centură bine conturată. Piciorul călăreţului în partea superioară este îndreptat în direcţia mişcării calului, iar partea inferioară este imaginată în poziţie verticală, având talpa poziţionată orizontal. Încălţămintea călăreţului este de tipul ciubotelor cu bot lung, având capătul uşor întors în sus. Aceasta de la urmă este alipită cu vârful de piciorul din faţă al calului, iar cu călcâiul de piciorul din urmă al acesteia.

Literatura: Tentiuc 2010, 225-233, fig. 1/3.

4. Hansca (r-nul Ialoveni, Republica Moldova). Amuleta a fost descoperită în anul 1974 în locuinţa nr. 43-B din aşezarea Hansca, cercetată sub conducerea lui Ion Hâncu (fig. 2/1; 3/1). La momentul descoperirii piesa era integrală, în stare foarte bună. Actualmente piesa este păstrată în colecţiile Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei de la Chişinău (fond: FB 28768-6).

Piesa este turnată din bronz, într-o formă monovalvă; are lungimea 2,9 cm, înălţimea 3,8 cm şi grosimea 0,15 cm. Calul este imaginat mergând de la dreapta spre stânga. Proporţiile figurinei sunt de 1:1,31. Cabalina cu un corp relativ scurt cu proporţiile de 1,18:1, picioarele dispuse în galop, cu membrele din faţă uşor înaintate, iar cele din urmă îndoite în direcţia mişcării. Capul calului este masiv, alungit, cu botul şi urechile bine profilate. Calul are gâtul lung, coamă netedă, bine evidenţiată, iar coada nu este conturată.

Pe spatele calului se profilează distinct şaua, iar în lungul gâtului calului, pe linia coamei, este conturat căpăstrul. Pe partea din faţă a pieptului cabalinei sunt evidenţiate hamurile.

În şaua calului este imaginat un călăreţ, orientat cu faţa în direcţia mişcării cabalinei, spre stânga. Călăreţul este reprezentat în profil, capul este relativ masiv, fiind acoperit cu un coif semisferic, neted; faţa este uşor profilată, fără a avea trăsături individualizate. Pe partea centrală feţei piesa este străpunsă de o gaură pentru şnur.

Braţul drept al călăreţului este plasat pe coama calului, posibil, ţinând mâna pe căpăstru. Braţul stâng, uşor arcuit în partea superioară, este îndoit în cot şi lipit cu palma de mijlocul pieptului. În palma acestui braţ se află un pumnal cu mânerul bine profilat şi capătul inferior prins sub centura călăreţului. Partea superioară a corpului călăreţului este îmbrăcată într-o „flanelă" netedă, cu mânecile lungi, prinsă pe talie cu o centură lată, sub aceasta profilându-se marginea cloşată a îmbrăcămintei. Piciorul călăreţului în partea superioară este îndreptat în direcţia mişcării calului, iar partea inferioară este imaginată vertical, având talpa în poziţie orizontală. Încălţămintea călăreţului este de tipul ciubotelor cu bot lung şi ascuţit, având capătul întors în sus. Aceasta din urmă este lipită cu vârful de piciorul din faţă al calului.

Literatura: Хынку 1975, 448; Marchevici 1985, 142, 156, foto 188; Hîncu 1990, 83; Tentiuc 2010, 225-233, fig. 1/3.

5. Lucaşeuca (r-nul Orhei, Republica Moldova). Descoperire întâmplătoare, păstrată în colecţie privată (fig. 3/2). Înregistrată de Gheorghe Postică în anul 2014. Piesa este păstrată integral, în stare foarte bună.

Amuleta este turnată din bronz, într-o formă monovalvă, are lungimea 2,95 cm, înălţimea 3,95 cm şi grosimea 0,15 cm. Calul este imaginat mergând de la dreapta spre stânga. Proporţiile figurinei sunt de 1:1,33. Cabalina cu un corp relativ scurt cu proporţiile de 1,13:1, picioarele dispuse în galop, cu membrele din faţă uşor înaintate, iar cele din urmă îndoite în direcţia mişcării. Capul calului este masiv, alungit, cu botul şi urechile bine profilate. Calul are gâtul lung, coamă netedă bine evidenţiată şi coadă lungă mătăsoasă.

Pe spatele calului se profilează distinct şaua, iar în lungul gâtului calului, pe linia coamei, este conturat căpăstrul. Pe partea din faţă a pieptului cabalinei sunt evidenţiate hamurile.

În şauă este imaginat un călăreţ, orientat cu faţa în direcţia mişcării cabalinei, spre stânga, dar uşor întoarsă spre stânga. Călăreţul este reprezentat în profil, capul este relativ masiv, fiind acoperit cu un coif semisferic, neted, cu apărătoare

pentru partea nazală; faţa nu este individualizată. Pe partea centrală a feţei piesa este străpunsă de o gaură pentru şnur.

Braţul drept al călăreţului este plasat pe coama calului, posibil, ţinând mâna de căpăstru. Braţul stâng, uşor arcuit în partea superioară, este îndoit în cot şi lipit cu palma de mijlocul pieptului. În palma acestui braţ se află un pumnal cu capătul inferior prins sub centura călăreţului. Partea superioară a corpului călăreţului este îmbrăcată într-o „flanelă" netedă, cu mânecile lungi, prinsă pe talie cu o centură relativ îngustă. Piciorul călăreţului în partea superioară este îndreptat în direcţia mişcării calului, iar partea inferioară este imaginată vertical, având talpa în poziţie orizontală. Încălţămintea călăreţului este de tipul ciubotelor cu bot lung şi ascuţit, având capătul întors în sus. Aceasta de la urmă este lipită cu vârful de piciorul din faţă al calului, iar cu tocul de copita din urmă.

Literatura: Inedită.

6. Păhărniceni (r-nul Orhei, Republica Moldova), aşezarea „Petruha". Amuleta a fost descoperită în timpul săpăturilor arheologice din anul 1988, în stratul medieval de cultură (fig. 3/3). La momentul descoperirii piesa era uşor deteriorată în partea superioară, în rest fiind în stare foarte bună. Actualmente este păstrată în colecţiile Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei (Nr. inv. 19512-115).

Pandantivul este turnat din bronz, într-o formă monovalvă, are lungimea de 3,25 cm, înălţimea în starea păstrată de 3,2 cm (înălţimea completă 3,35 cm) şi grosimea de 0,15 cm. Calul este imaginat mergând de la dreapta spre stânga. Proporţiile figurinei sunt de 1:1,03. Cabalina are corpul relativ scurt cu proporţiile de 1,22:1, picioarele dispuse în galop, membrele din faţă fiind uşor înaintate, iar cele din urmă îndoite în direcţia mişcării. Capul calului este masiv şi alungit, are botul, ochiul şi urechile bine profilate. Cabalina are gâtul lung, coama şi coada sunt clar evidenţiate.

Pe spatele calului se profilează distinct şaua, iar în lungul gâtului calului, pe linia coamei, este conturat căpăstrul. Pe şa este aşezat călăreţul, corpul căruia este uşor înclinat şi orientat cu faţa în direcţia mişcării cabalinei, spre stânga. Călăreţul este reprezentat în profil, cu un cap relativ mic, străpuns la mijloc de o gaură, partea superioară a piesei fiind deteriorată.

Braţul drept al călăreţului este plasat pe coama calului, posibil, ţinând în mână căpăstrul. Braţul stâng, cu partea superioară înclinată pe diagonală, este uşor arcuit în cot şi alipit cu palma de mijlocul pieptului. În palma acestui braţ călăreţul ţine un pumnal cu mâner bine profilat, care este prins sub centură, capătul inferior al căruia era alipit de gâtul calului. Partea superioară a corpului călăreţului este netedă, elementele îmbrăcămintei nu sunt evidenţiate. Pe talie se profilează, abia sesizabil, o centură. Piciorul călăreţului, în partea superioară, este îndreptat în direcţia mişcării calului, iar partea lui inferioară fiind imaginată vertical; cu talpa în poziţie orizontală. Încălţămintea călăreţului este de tipul ciubotelor cu bot lung ascuţit, având capătul întors în sus. Aceasta de la urmă este alipită cu vârful de piciorul din faţă al calului, iar cu călcâiul de piciorul din urmă al cabalinei.

Literatura: Postică, Cavruc 1988, 58-59, fig. 29/1; Corman 1998, 53; Tentiuc 2010, 225-233, fig. 1/1.

7. Schinoşica (r-nul Cimişlia, Republica Moldova). Amuletă descoperită întâmplător. Se păstrează în colecţie particulară. Este turnată din bronz, în formă monovalvă. Calul este orientat mergând spre stânga, are corpul relativ scurt, cu şa, călăreţul fiind reprezentat în profil, înclinat în direcţia mişcării cabalinei.

Literatura: Informaţie Mihai Ciocanu.

8. C.L. Viority (Descoperire nelocalizată). Amuleta a fost descoperită întâmplător (fig. 3/6). Se află în colecţie particulară. A fost documentată de către Gheorghe Postică în anul 2013, în baza informaţiilor oferite de site-ul Casei de Licitaţie Viority din Kiev. Piesa este păstrată în stare foarte bună.

Pandantivul este turnat din bronz, în formă monovalvă, are lungimea 2,9 cm, înălţimea 3,4 cm şi grosimea 0,15 cm. Calul este orientat mergând spre stânga. Proporţiile figurinei sunt de 1:1,17. Calul are corpul relativ scurt cu proporţiile de 1,34:1, picioarele dispuse în galop, membrele din faţă fiind în poziţie verticală înaintată, iar cele din urmă îndoite în direcţia mişcării. Capul calului este masiv, alungit, are botul, ochiul şi urechile bine profilate. Cabalina are gâtul lung, coama şi coada fiind bine evidenţiate.

Pe spatele calului se profilează distinct şaua, iar în lungul gâtului calului şi în lungul coamei, este

conturat căpăstrul. Pe partea din faţă a pieptului calului sunt evidenţiate, abia sesizabil, hamurile.

În şaua calului este imaginat, în profil, călăreţul, corpul căruia este înclinat în direcţia mişcării cabalinei, spre stânga. Are capul relativ mare, acoperit cu un coif semisferic şi neted. Sectorul feţei este străpuns de o gaură pentru prinderea piesei cu şnur.

Braţul drept al călăreţului este întins diagonal, plasat pe coama calului, posibil, ţinând căpăstrul. Braţul stâng este arcuit în partea superioară şi îndoit în cot, fiind lipit cu palma de mijlocul pieptului. În palma acestui braţ călăreţul ţine un pumnal relativ scurt, cu mânerul bine profilat, având capătul inferior acoperit de centura călăreţului, sub care era prins. Îmbrăcămintea călăreţului nu este evidenţiată. În schimb, este bine profilată talia călăreţului, prinsă cu centură. Piciorul călăreţului în partea superioară este îndreptat în direcţia mişcării calului, iar partea inferioară este imaginată în poziţionare verticală, cu talpa în poziţie orizontală. Încălţămintea călăreţului este de tipul ciubotelor cu bot lung şi drept. Aceasta de la urmă este lipită cu călcâiul de piciorul din urmă al calului, în acelaşi timp vârful bocancilor este în stare liberă.

Literatura: http://archive.violity.com/amulet-vsadnik-na-kone-skify-799241 (accesat 2013).

Tipul II

1. Balinţi (r-nul Soroca, Republica Moldova). A fost descoperită întâmplător pe suprafaţa unei aşezări medievale. Se află în colecţie particulară. Piesa a fost înregistrată de către Ion Tentiuc în anul 2009. S-a păstrat doar partea superioară a călăreţului, de la cap până la mijlocul pieptului şi partea superioară a mâinilor (fig. 5/12).

Piesa este lucrată din bronz prin metoda turnării în formă monovalvă. Figura călăreţului este reprezentată *en face*. Capul uman este masiv, dintr-o bucată, are suprafaţa netedă, în partea superioară imitând un coif semisferic. Călăreţul are ochii slab conturaţi, nasul ascuţit şi barbă uşor evidenţiată. Corpul şi mâinile sunt netede, cu talia uşor profilată, fără urme de centură. Mâinile ridicate în coate sunt arcuite. Calul şi partea inferioară a călăreţului nu s-au păstrat.

Literatura: Inedită.

2. Capaclia (r-nul Cantemir, Republica Moldova). Piesă descoperită întâmplător. Se păstrează în colecţie particulară. Documentată de către Gheorghe Postică în anul 2014 (fig. 4/2; 5/3).

Piesa s-a păstrat integral, în stare foarte bună. Este lucrată din bronz prin metoda turnării în formă monovalvă. Are lungimea 3,9 cm, înălţimea 3,25 cm şi grosimea 0,15 cm. Proporţiile figurinei sunt de 1,2:1.

Pandantivul înfăţişează un cal cu corpul graţios alungit, cu proporţiile de 1,57:1, având picioarele dispuse în galop, mergând spre stânga. Partea inferioară a picioarelor din faţă sunt îndoite în sensul mişcării, iar a celor din urmă în direcţia mişcării cabalinei. Capul calului este alungit, bine profilat, cu botul masiv, cu nările profilate, ochiul practic neobservat şi urechile bine conturate. Gâtul cabalinei este lung şi graţios, coama este bine evidenţiată, picioarele din faţă uşor alungite, cele din urmă relativ scurte, coada nefiind profilată. Pe corpul cabalinei nu sunt sesizate urme de echipament, harnaşament sau de la şa.

Calul este încălecat de un călăreţ cu sabie, orientat în direcţia mişcării, având corpul poziţionat *en face*, întors de la dreapta spre stânga. Călăreţul are faţa alungită, stilizată, cu ochi bine evidenţiaţi, cu nas alungit şi bărbie bine pronunţată. Pieptul călăreţului nu indică particularităţi ale îmbrăcămintei, însă talia este frumos profilată. Mâinile uşor ridicate în coate sunt deschise lateral, cu palmele lăsate în jos, ţinând o sabie de dimensiuni mari, uşor curbată, prevăzută cu mâner bine profilat, dispusă diagonal în lungul corpului calului. Partea superioară a picioarelor călăreţului este îndreptată în direcţia mişcării calului, iar partea inferioară se află în poziţie verticală liberă. Călăreţul este îmbrăcat cu o flanea cu mâneci lungi, bine întinsă pe corp şi pe braţe. Poartă pantaloni largi, prinşi în bocanci cu toc. În partea centrală a pieptului călăreţului se distinge clar un pandantiv, de tip cruciuliţă, atârnat pe sfoara prinsă la gât.

Literatura: Inedită.

3. Caracuşenii-Noi (r-nul Briceni, Republica Moldova). Amuleta (fig. 5/2) a fost descoperită în anul 1977, în stratul cultural al unei aşezări antice târzii şi medievale timpurii, fiind însoţită de 13 fragmente de ceramică cu incizii orizontale şi scoică pisată în pastă, tipică secolelor X-XII[16].

[16] Amuleta a fost descoperită de către Gheorghe Postică, în cadrul şantierului arheologic Caracuşenii Noi, condus de E. Rikman, în septembrie 1977.

Obiectul se păstrează în colecţiile Muzeului Naţional de Istorie din Chişinău.

Pandantivul păstrat integral este în stare foarte bună. Piesa este lucrată din bronz prin metoda turnării, în formă monovalvă. Are lungimea – 4,0 cm, înălţimea – 3,7 cm şi grosimea – 0,15 cm. Proporţiile figurinei sunt de 1,08:1.

Este imaginată o cabalină cu corpul alungit cu proporţiile de 1,31:1, cu picioare scurte, dispuse în galop, partea inferioară a cărora, dar şi copitele, sunt puternic îndoite. Capul calului este relativ mic, botul slab profilat, gura şi ochiul neconturate, urechile relativ mici şi slab evidenţiate. Gâtul este foarte lung şi graţios, coama şi coada fiind slab profilate. Pe corpul cabalinei lipsesc urme de echipament, harnaşament şi de şa.

Calul este încălecat de un călăreţ înarmat cu sabie, având corpul poziţionat *en face,* întors de la dreapta spre stânga. Faţa călăreţului este alungită, puternic stilizată, cu ochii abia conturaţi, nasul alungit şi turtit, gura şi bărbia ascuţită sunt slab evidenţiate. Capul neted şi uşor ascuţit, posibil poartă un coif.

Corpul călăreţului este neted, cu talia profilată. Mai jos de talie este conturată catarama circulară de la centură. Mâinile călăreţului, uşor ridicate în coate, sunt deschise lateral, ţinând în palme o sabie de dimensiuni mari, dreaptă, cu mâner bine profilat, prinsă în teacă, dispusă diagonal în lungul corpului calului, de la coamă spre coada calului. Picioarele călăreţului sunt îmbrăcate în cizme alungite cu talpa dreaptă, botul ascuţit, întors în sus.

Literatura: Рикман 1977, 7-8, 19, рис. 2/1; Tentiuc 2010, 225-233, fig. 1/5.

4. Dezgingea (r-nul Comrat, Republica Moldova). Piesa a fost descoperită întâmplător, în condiţii necunoscute. Se păstrează la Muzeul de Istorie şi Etnografie din or. Comrat. A fost documentată de către Ion Tentiuc în anul 2010 (fig. 5/6).

Amuleta este în stare bună, cu excepţia părţii posterioare a calului, care la momentul descoperii era frântă. Obiectul este lucrat din bronz prin metoda turnării în formă monovalvă.

Calul are corp graţios şi alungit, este imaginat cu picioarele scurte dispuse în galop, partea inferioară a cărora este îndoită. Capul calului este alungit, bine profilat, cu botul şi urechile relativ bine conturate, gura şi ochiul slab evidenţiate. Gâtul cabalinei este lung şi graţios, coama practic nu este evidenţiată. Pe corpul cabalinei lipsesc urme de echipament, harnaşament şi de şea.

Calul este încălecat de un călăreţ cu sabie, având corpul poziţionat *en face*, întors de la dreapta spre stânga. Capul călăreţului este masiv, în partea superioară fiind acoperit de un coif semicircular; are faţa alungită, puternic stilizată, cu ochii, nasul şi bărbia foarte slab conturate. Pieptul călăreţului este drept, talia nu este profilată. Partea superioară a picioarelor este îndoită în direcţia mişcării calului, iar partea inferioară se află în poziţie verticală liberă. Mâinile uşor ridicate în coate sunt deschise lateral, cu palmele lăsate în jos, cu care ţine o sabie de dimensiuni mari, prevăzută cu mâner şi teacă, dispusă diagonal în lungul corpului cabalinei.

Călăreţul este îmbrăcat într-o cămaşă, probabil, de zale, bine întinsă pe corp şi pe braţe. Pantalonii largi, sunt îngustaţi în partea inferioară. Despre partea inferioară a picioarelor nu dispunem de date.

Literatura: Inedită.

5. Furceni (r-nul Orhei, Republica Moldova). Descoperire întâmplătoare, păstrată în colecţie particulară. Înregistrată de Gheorghe Postică în anul 2014. Piesa s-a păstrat integral, în stare foarte bună (fig. 5/8). Este lucrată din bronz prin metoda turnării, în formă monovalvă. Are lungimea de 3,3 cm, înălţimea de 2,66 cm şi grosimea de 0,15 cm. Proporţiile figurinei sunt de 1,24:1.

Calul are corpul graţios şi alungit, cu proporţiile de 1,47:1, cu picioarele dispuse în galop, cu partea inferioară a cărora este îndoită, punctul de greutate fiind plasat pe membrele din urmă, care sunt îndoite în direcţia mişcării cabalinei. Capul cabalinei este alungit, bine profilat, cu botul şi urechile bine conturate; ochiul nu este evidenţiat. Gâtul cabalinei este lung şi graţios, coama nu este evidenţiată, picioarele relativ scurte, coadă nu este profilată. Pe corpul cabalinei lipsesc urme de echipament sau de şa. Pe pieptul din faţă se observă urme de hamuri.

Calul este încălecat de un călăreţ cu o sabie slab evidenţiată, având corpul poziţionat *en face*, întors de la dreapta spre stânga. Faţa călăreţului este stilizată, fără a fi evidenţiate trăsături parti-

culare. Pieptul călăreţului, la fel, nu indică particularităţi ale îmbrăcămintei; talia este profilată. Mâinile uşor ridicate în coate sunt deschise lateral, cu palmele lăsate în jos, ţinând o sabie de dimensiuni mari, dispusă în lungul corpului calului. Picioarele sunt marcate doar în partea superioară. Detalii ale vestimentaţiei nu se observată.

Literatura: Inedită.

6. Inundeni (r-nul Soroca, Republica Moldova). S-a păstrat un fragment, descoperit întâmplător în condiţii incerte. Se păstrează în colecţie particulară. A fost documentat în anul 2010 de către Ion Tentiuc. Este cunoscută partea superioară a piesei, respectiv jumătate din corpului calului şi al călăreţului (fig. 5/10). Piesa este lucrată din bronz prin metoda turnării în formă monovalvă.

Calul cu un corp alungit, fără şa, este încălecat de un călăreţ cu sabie, având corpul poziţionat *en face*, întors de la dreapta spre stânga. Suprafaţa capului călăreţului este netedă, imitând un coif semisferic, faţa este alungită, puternic stilizată, cu ochi slab evidenţiaţi, are nasul ascuţit, relativ scurt şi cu bărbia conturată circular. Pieptul călăreţului este drept, talia nu este profilată.

Pe suprafaţa corpului călăreţului se profilează abia sesizabil o flanelă deschisă unghiular spre gât, cu mâneci lungi, bine întinsă. Mâinile uşor ridicate în coate sunt deschise lateral în formă de arc, palmele, cu unele degete bine profilate, sunt lăsate în jos. În palme călăreţul ţine o sabie cu capătul uşor arcuit, de dimensiuni mari, prevăzută cu mâner profilat şi teacă, dispusă diagonal în lungul corpului calului. Despre partea inferioară a călăreţului şi a calului, distrusă, nu dispunem de date.

Literatura: Inedită.

7. Hansca (r-nul Ialoveni, Republica Moldova). Amuleta a fost descoperită în anul 1976 în stratul de cultură al aşezării Hansca, în cercetările realizate sub conducerea lui Ion Hâncu. Piesa s-a păstrat integral, în stare foarte bună. Se află în colecţiile Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei din Chişinău (nr. inv. 27830-27) (fig. 5/1). Este lucrată din bronz prin metoda turnării, în formă monovalvă. Are lungimea de 4,2 cm, înălţimea de 3,5 cm şi grosimea de 0,15 cm. Proporţiile figurinei sunt de 1,2:1.

Calul are corpul graţios şi alungit, cu proporţiile de 1,45:1, cu picioarele dispuse în galop, partea inferioară a cărora este îndoită, punctul de greutate fiind plasat pe membrele din spate, care sunt îndoite în direcţia mişcării cabalinei. Capul cabalinei este alungit, bine profilat, cu botul şi urechile bine conturate, iar ochii slab evidenţiaţi. Gâtul cabalinei este lung şi graţios, coama şi ochiul slab evidenţiate, picioare relativ scurte şi coadă stufoasă bine profilată. Pe corpul cabalinei lipsesc urme de echipament, harnaşament şi de şa.

Calul este încălecat de un călăreţ cu sabie, având corpul poziţionat *en face*, întors de la dreapta spre stânga. Faţa călăreţului este alungită, puternic stilizată, cu ochi slab evidenţiaţi, are nasul alungit şi bărbia triunghiulară bine pronunţată. Pieptul călăreţului nu indică particularităţi ale îmbrăcămintei; talia nu este profilată. Mâinile uşor ridicate în coate sunt deschise lateral, cu palmele lăsate în jos, ţinând o sabie de dimensiuni mari, prevăzută cu mâner profilat şi teacă, dispusă diagonal în lungul corpului calului. Partea superioară a picioarelor este îndreptată în direcţia mişcării calului, iar partea inferioară se află în poziţie verticală liberă. Călăreţul este îmbrăcat cu o flanelă cu mâneci lungi, bine întinsă pe corp şi pe braţe. Este îmbrăcat în pantalonii largi, care în partea de jos sunt prinşi în cizme relativ scurte, cu botul drept sau cu capătul rotunjit.

Literatura: Hîncu 1990 (coperta); Postică 1995, 68, fig. 13; Postică 2007, 2012; Tentiuc 2009; Tentiuc 2010, 225-233, fig. 1/6.

8. Ocniţa (r-nul Ocniţa, Republica Moldova). Piesă descoperită întâmplător. Se păstrează în colecţie particulară. Documentată de către Gheorghe Postică în anul 2014 (fig. 5/9).

Piesa s-a păstrat integral, în stare foarte bună. Este lucrată din bronz prin metoda turnării în formă monovalvă. Are lungimea 3,3 cm, înălţimea 2,9 cm şi grosimea 0,15 cm. Proporţiile figurinei sunt de 1,14:1.

Pandantivul imaginează un cal cu corpul graţios alungit cu proporţiile de 1,60:1, cu picioarele dispuse în galop. Partea inferioară a picioarelor din faţă este îndoită în sensul mişcării, iar a celor din urmă în direcţia mişcării cabalinei. Capul calului este alungit, bine profilat, cu botul masiv, ochiul şi urechile bine conturate. Gâtul cabalinei este lung şi graţios, coama nu este profilată, picioarele din faţă alungite, cele din urmă relativ scurte, coada slab profilată. Pe corpul cabalinei nu sunt sesizate urme de echipament sau de harnaşament.

Calul, încălecat de un călăreţ cu sabie, este orientat în direcţia mişcării, având corpul poziţionat *en face*, întors de la dreapta spre stânga. Călăreţul are faţa alungită, stilizată, cu ochi bine evidenţiaţi, cu nas alungit şi bărbie bine pronunţată. Pieptul călăreţului nu indică particularităţi, talia este frumos profilată. Mâinile uşor ridicate în coate sunt deschise lateral, cu palmele lăsate în jos, ţinând o sabie de dimensiuni mari, uşor îndoită, prevăzută cu mâner bine profilat şi dispusă diagonal în lungul corpului calului. Partea superioară a picioarelor călăreţului este îndreptată în direcţia mişcării calului, iar partea inferioară se află în poziţie verticală liberă.

Literatura: Informaţie Mihai Ciocanu.

9. Păhărniceni (r-nul Orhei, Republica Moldova), aşezarea „Petruha". Descoperire întâmplătoare, păstrată în colecţie particulară. Înregistrată de Gheorghe Postică în anul 2014. Piesa s-a păstrat integral, în stare foarte bună (fig. 5/7). Este lucrată din bronz prin metoda turnării, în formă monovalvă. Are lungimea de 2,9 cm, înălţimea de 2,6 cm şi grosimea de 0,15 cm. Proporţiile figurinei sunt de 1,11:1.

Calul are corpul graţios şi alungit, cu proporţiile de 1,32:1, cu picioarele dispuse în galop, partea inferioară a cărora este îndoită, punctul de greutate fiind plasat pe membrele din spate, care sunt îndoite în direcţia mişcării cabalinei. Capul cabalinei este alungit, bine profilat, cu botul şi urechile bine conturate, iar ochiul slab evidenţiat. Gâtul cabalinei este lung şi graţios, coama nu este evidenţiată, are picioarele relativ scurte, coada nu este profilată. Pe corpul cabalinei lipsesc urme de echipament, harnaşament sau de şa.

Calul este încălecat de un călăreţ cu sabie, având corpul poziţionat *en face*, întors de la dreapta spre stânga. Faţa călăreţului este stilizată, fără a fi evidenţiate trăsături particulare. Pieptul călăreţului, la fel, nu indică particularităţi ale îmbrăcămintei; talia este profilată. Mâinile uşor ridicate în coate sunt deschise lateral, cu palmele lăsate în jos, ţinând o sabie de dimensiuni mari, dispusă diagonal în lungul corpului calului. Partea superioară a picioarelor este îndreptată în direcţia mişcării calului, iar partea inferioară se află în poziţie verticală liberă. Detalii ale vestimentaţiei nu sunt profilate.

Literatura: Inedită.

10. Popeştii de Sus (r-nul Drochia, Republica Moldova). Amuleta a fost descoperită întâmplător. A fost recuperată de către Gheorghe Postică şi transmisă în colecţiile Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei din Chişinău în anul 2014. Piesa este în stare foarte bună, excepţie făcând doar piciorul din urmă al calului, care la momentul descoperii era frânt (fig. 4/1; 5/4). Din punctul de vedere al realizării este o piesă de excepţie. Este turnată din bronz în formă monovalvă. Are lungimea de 4,2 cm, înălţimea de 3,6 cm şi grosimea 0,15 cm. Proporţiile figurinei sunt de 1,15:1.

Cabalina imaginată are corpul alungit, graţios cu proporţiile de 1,44:1. cu picioarele din faţă dispuse în galop, partea inferioară a cărora este realizată în poziţie verticală, cu copitele bine evidenţiate. Are capul alungit şi graţios, de dimensiuni echilibrate, cu botul, gura, ochiul şi urechile bine profilate. Impresionează gâtul lung cu coama frumos împletită, dar şi reprezentările de pe coşul pieptului cabalinei, unde sunt evidenţiate hamuri înzestrate cu aplice circulare, alcătuite din două fâşii orizontale şi accesorii intermediare verticale.

Calul este încălecat de un călăreţ înarmat cu sabie, având corpul poziţionat *en face*, întors de la dreapta spre stânga. Capul călăreţului acoperit de un coif neted, semisferic, este bine profilat şi individualizat. Faţa este alungită, are ochii relativ mari bine conturaţi, nasul masiv, turtit, gură bine evidenţiată, mustăţi relativ bogate şi barbă triunghiulară, tunsă scurt şi bine îngrijită.

Mâinile călăreţului sunt uşor ridicate în coate, deschise lateral, ţinând în palmele cu degetele bine conturate o sabie de dimensiuni mari, prevăzută cu mâner bine profilat şi teacă, cu vârful uşor arcuit, dispusă diagonal în lungul corpului cabalinei.

Călăreţul este îmbrăcat în flanea deschisă unghiular la gât, cu mâneci lungi, bine întinsă pe corp. Pe marginea deschiderii la gât pe haină sunt reprezentate aplice circulare în două rânduri simetrice a câte trei accesorii. Talia călăreţului nu este profilată, însă este încinsă cu o centură acoperită cu cataramă circulară şi aplice mai mici. Pantalonii largi, bine profilaţi, de tip şaravar, în partea de jos sunt strânşi. În partea superioară, pe laterală, pantalonii sunt ornamentaţi cu motive de tipul liniilor „în zigzag". Picioarele poartă bocanci cu talpa uşor arcuită, cu toc slab pronunţat şi botul drept.

Literatura: Postică 2007; Postică 2012.

11. Porumbrei (r-nul Cimişlia, Republica Moldova). Piesă descoperită întâmplător. Se păstrează în colecţie particulară. Este lucrată din bronz prin metoda turnării în formă monovalvă. Calul este orientat spre stânga, iar călăreţul cu sabie orientat spre stânga, are corpul poziţionat *en face*, întors de la dreapta spre stânga.

Literatura: Informaţie Mihai Ciocanu.

12. Rezeni (r-nul Ialoveni, Republica Moldova). Piesă descoperită întâmplător. Se păstrează în colecţie particulară. Este lucrată din bronz prin metoda turnării, în formă monovalvă. Calul este încălecat de un călăreţ cu sabie, având corpul poziţionat *en face*, întors de la dreapta spre stânga.

Literatura: Informaţie Mihai Ciocanu.

13. Tărasova (r-nul Rezina, Republica Moldova). Piesă descoperită întâmplător. Se păstrează în colecţie particulară. Este în stare fragmentară, lucrată din bronz prin metoda turnării, în formă monovalvă. Calul este orientat spre stânga, iar călăreţul cu sabie are corpul poziţionat *en face*, întors de la dreapta spre stânga.

Literatura: Рябцева, Чокану 2009, 168-169; fig. 1/7; Рябцева 2013, 171-183.

14. Tătărăuca Veche (r-nul Soroca, Republica Moldova). Piesa a fost descoperită întâmplător în condiţii necunoscute, se păstrează în colecţie particulară. A fost documentată de către Ion Tentiuc în anul 2013 (fig. 5/5).

Piesa s-a păstrat integral, în stare bună. Este lucrată din bronz prin metoda turnării, în formă monovalvă. Are lungimea 3,45 cm, înălţimea 3,05 cm şi grosimea 0,15 cm. Proporţiile figurinei sunt de 1,31:1.

Pandantivul imaginează un cal cu corpul graţios alungit cu proporţiile de 1,37:1, cu picioarele dispuse în galop. Partea inferioară a picioarelor din faţă este îndoită în sensului mişcării, iar a celor din urmă în direcţia mişcării cabalinei. Capul calului este alungit, bine profilat, cu botul, ochiul şi urechile bine conturate. Gâtul cabalinei este lung şi graţios, coama nu este evidenţiată, picioarele din faţă sunt relativ scurte, cele din urmă alungite, coada nefiind profilată. Pe corpul cabalinei nu sunt sesizate urme de echipament, harnaşament şi de şa.

Calul este încălecat de un călăreţ cu sabie, orientat în direcţia mişcării, având corpul poziţionat *en face*, întors de la dreapta spre stânga. Călăreţul are faţa alungită, stilizată, cu ochi bine evidenţiaţi, cu nasul alungit şi bărbia triunghiulară, bine pronunţată. Pieptul călăreţului nu indică particularităţi, talia este frumos profilată. Mâinile uşor ridicate în coate sunt deschise lateral, cu palmele lăsate în jos, ţinând o sabie de dimensiuni mari, scoasă din teacă (?), prevăzută cu mâner bine profilat şi dispusă diagonal în lungul corpului calului. Teaca de la sabie, la fel de bine profilată, este plasată paralel cu sabia. Partea superioară a picioarelor călăreţului este îndreptată în direcţia mişcării calului, iar partea inferioară se află în poziţie verticală liberă. Călăreţul este îmbrăcat cu o flanelă cu mâneci lungi, bine întinsă pe corp şi pe braţe. Poartă pantaloni largi care sunt prinşi în bocanci cu toc alungit şi botul drept.

Literatura: Inedită.

15. Tătărăuca Veche (r-nul Soroca, Republica Moldova). Piesa a fost descoperită întâmplător, împreună cu piesa descrisă mai sus, de la Tătărăuca Veche. Se păstrează în colecţie particulară. A fost documentată de către Ion Tentiuc în anul 2013 (fig. 5/11).

Piesa s-a păstrat în stare fragmentară. Este cunoscută partea superioară a piesei, respectiv marginea superioară a spatelui cabalinei şi, respectiv, partea superioară a corpului călăreţului. Pandantivul este lucrat din bronz prin metoda turnării în formă monovalvă.

Calul este încălecat de un călăreţ cu sabie, având corpul poziţionat *en face*, întors de la dreapta spre stânga. Partea superioară a capului călăreţului este neted, imitând un coif semisferic, are faţa alungită, puternic stilizată, cu ochi şi nas slab evidenţiaţi, cu barbă triunghiulară, bine profilată şi îngrijită. Pieptul călăreţului este drept, talia nu este profilată.

Mâinile uşor ridicate în coate sunt deschise lateral sub formă de arc, palmele cu degetele bine profilate lăsate în jos, ţin o sabie, de dimensiuni mari, dispusă diagonal în lungul corpului calului. Despre partea inferioară a călăreţului şi a calului nu dispunem de date.

Literatura: Inedită.

Tipul III

1. Hansca (r-nul Ialoveni, Republica Moldova). Amuleta a fost descoperită în stratul cultural al aşezării Hansca, cercetată sub conducerea lui Ion Hâncu. S-a păstrat în stare foarte bună, fiind frânt la mijloc, a fost întregită (fig. 6/7). Piesa se păstrează în colecţiile Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei. Este turnată din bronz în formă monovalvă. Are lungimea 5,2 cm, înălţimea 3,8 cm, grosimea 0,2 cm. Proporţiile figurinei sunt de 1,35:1.

Reprezintă un călăreţ în galop, orientat spre stânga, cu picioarele îndoite în genunchi. Calul are un corp alungit, bine profilat, cu proporţiile 1,55:1,0, având capul relativ masiv, cu botul, ochii, urechile şi coama bine conturate. Gâtul calului este relativ scurt, copitele masive, iar coada slab profilată. Pe şoldul piciorului din faţă al cabalinei este reprezentată o rozetă cu cinci petale, care schematic aminteşte de un chip uman *en face*. Pe şoldul piciorului din spate al calului este reprezentată o tamga în formă de picătură, cu ornament de tip spirală în interior.

Călăreţul stilizat, este modelat în poziţia *en face*, capul având formă romboidală, mâinile relativ scurte arcuite, ridicate în coate până la nivelul capului, dreapta este sprijinită pe coama calului, iar stânga fiind liberă.

Corpul călăreţului este reprezentat stilizat sub forma unei săbii curbe, cu mâner bine profilat, care imită pieptul uman, iar lama imaginează restul corpului, fiind întoarsă cu capătul curbat în direcţia opusă mişcării cabalinei, spre piciorul din urmă al acesteia, de care este alipit.

Literatura: Хынку 1976, 477-478; Marchevici 1985, 142, 156, foto 186; Postică 1995, 78, fig. 16.

Tipul IV

1. Bolgrad (r-nul Ismail, Ucraina). Amuleta a fost descoperită întâmplător în anul 1970, la marginea or. Bolgrad. Piesa s-a păstrat în stare bună (fig. 6/8). Este lucrată prin metoda aplicativă din bronz în formă monovalvă. Suprafaţa este acoperită cu patină de culoare verde. Are lungimea 3,2 cm, înălţimea 2,7 cm, grosimea 0,2 cm. Proporţiile figurinei sunt de 1,11:1.

Reprezintă un călăreţ în poziţie statică, orientat spre dreapta, în care cabalina are piciorul din faţă uşor tras în urmă, iar cel de la spate îndreptat în direcţia mişcării. Calul are un corp robust, bine conturat, cu proporţiile de 1,35:1, are capul relativ mic, botul este prins în căpăstru; urechile sunt uşor conturate, fără a fi profilaţi ochii şi coama. Gâtul calului este relativ scurt, uşor arcuit, coada bine conturată.

Călăreţul, imaginat stilizat, este modelat *en face*, fiind evidenţiată doar partea superioară a corpului (picioarele nu sunt profilate), are faţa îndreptată în direcţia mişcării cabalinei, capul este conturat fără particularităţi faciale şi acoperit cu un coif ascuţit[17]; mâna stângă este plasată pe căpăstru, iar în dreapta, plasată cu cotul pe crupa calului, ţine în palmă un vultur[18].

Piesa a fost inclusă în circuitul ştiinţific de I.T. Černjakov şi L.L. Subbotin în anul 1982, care au datat-o în secolele VIII-IX.

Literatura: Субботин, Черняков 1982, 160, рис. 1/1.

Bibliografie

Andronic 1986: Al. Andronic, Iaşii până la mijlocul secolului al XVII-lea (Iaşi 1986).

Batariuc 2010: P.-V. Batariuc, Din nou despre ceramica „Hoardei de Aur" din teritoriul dintre Carpaţi şi Prut. ArhMold XXXIII, 2010, 243-253.

Bădărău, Caproşu 2007: D. Bădărău, I. Caproşu, Iaşii vechilor zidiri până la 1821, Ed. a II-a, revăzută (Iaşi 2007).

Bătrâna, Bătrâna 2012: L. Bătrâna, A. Bătrâna, Biserica „Sfântul Bicolae" din Rădăuţi. Cercetări arheologice şi interpretări istorice asupra începuturilor Ţării Moldovei (Piatra Neamţ 2012).

Brătianu 1988: Gh. I. Brătianu, Marea Neagră de la origini până la cucerirea otomană. Ed. îngrijită, studiu introductiv, note şi bibliografie de V. Spinei, vol. I (Bucureşti 1988).

Căprăroiu 2014: D. Căprăroiu, Oraşul medieval în spaţiul românesc extracarpatic (secolele X-XIV). O încercare de tipologizare a procesului genezei urbane (Târgovişte 2014).

[17] În opinia lui I.T. Černjakov şi L.L. Subbotin, capul călăreţului este acoperit cu un başlâc.
[18] În opinia descoperitorilor figura din mâna dreaptă reprezintă un arc.

Chirtoagă 1999: I. Chirtoagă, Din istoria Moldovei de sud-est până în anii 30 ai secolului al XIX-lea (Chişinău 1999).

Ciocâltan 1995: V. Ciocâltan, Alanii şi începutul statelor româneşti. Revista istorică VI/11-12, 1995, 935-955.

Ciocâltan 1998: V. Ciocâltan, Mongolii şi Marea Neagră în secolele XIII-XIV. Contribuţia cinghizhanizilor la transformarea bazinului pontic în placă turnantă a comerţului euro-asiatic (Bucureşti 1998).

Comşa 1967: M. Comşa, Ceramica locală. In: Dinogetia, I, aşezarea feudală timpurie de la bisericuţa Garvăn (Bucureşti 1967), 134-229.

Comşa 1979: M. Comşa, Ceramica alanică din secolul al VIII-lea descoperită în centrul Dobrogei. Pontica XII, 1979, 151-156.

Corman 1998: I. Corman, Contribuţii la istoria spaţiului pruto-nistrian în epoca evului mediu timpuriu (sec. V-VII d. Chr.) (Chişinău 1998).

Giurescu 1967: C.C. Giurescu, Tîrguri sau oraşe şi cetăţi moldovene din secolul al X-lea până la mijlocul secolului al XVI-lea (Bucureşti 1967).

Hîncu 1990: I. Hîncu, Vestigii strămoşeşti (Chişinău 1990).

Hîncu 1999: I. Hîncu, Semnificaţia culturală şi istorică a obiceiurilor de înmormântare folosite în evul mediu timpuriu de către locuitorii din Moldova. Revista de Istorie a Moldovei 3-4, 1999, 5-7.

Ioniţă 2008: A. Ioniţă, O figură stilizată de călăreţ provenind din zona lacului Amara (jud. Buzău). In: Vocaţia istoriei. Prinos prof. Şerban Papacostea (Brăila 2008), 453-458.

Istoria 1980: Istoria oraşului Iaşi (Iaşi 1980).

Marchevici 1985: V.I. Marchevici, Mărturii ale trecutului - Далекое близкое - These remote near ages (Chişinău 1985).

Matei 1978: M.D. Matei, Nivelul premuşatin de la Curtea Domnească din Suceava. SCIVA 29/4, 1978, 541-554.

Musteaţă 2005: S. Musteaţă, Populaţia spaţiului pruto-nistrian în secolele VIII-IX (Chişinău 2005).

Mohlenkamp 1984: R. Mohlenkamp, Contribuţii la istoria oraşului Iaşi în secolele XIV-XV. In: Anuarul Institutului de Istorie şi Arheologie „A.D. Xenopol", 21, 1984, 62-65.

Neamţu 1993: V. Neamţu, Baia în contextul relaţiilor comerciale din sud-estul Europei la sfârşitul secolului XIII şi în prima jumătate a secolului XIV (contribuţii). Analele Brăilei I, 1993, 237-243.

Neamţu, Neamţu, Cheptea 1980: E. Neamţu, V. Neamţu, S. Cheptea, Oraşul medieval Baia în secolele XIV-XVII. Cercetările arheologice din anii 1967-1976, I (Iaşi 1980).

Neamţu, Neamţu, Cheptea 1984: E. Neamţu, V. Neamţu, S. Cheptea, Oraşul medieval Baia în secolele XIV-XVII. Cercetările arheologice din anii 1967-1976, II (Iaşi 1984.)

Pachimeres 1975: G. Pachimeres, Istorii compuse. In: FHDR, III (Bucureşti 1975).

Postică, Cavruc 1989: Gh. Postică, V. Cavruc, Investigaţii arheologice a aşezării Petruha din anul 1988 (Chişinău 1989). In: Arhiva MNIM, nr. inv. 291a.

Postică 1994: Gh. Postică, Românii din codrii Moldovei în evul mediu timpuriu. Studiu arheologic pe baza ceramicii din aşezarea Hansca (Chişinău 1994).

Postică 1995: Gh. Postică, Civilizaţia veche românească din Moldova (Chişinău 1995).

Postică 2007: Gh. Postică, Civilizaţia medievală timpurie din spaţiul pruto-nistrean (secolele V-XIII) (Bucureşti 2007).

Postică, Sava 2006: Gh. Postică, E. Sava, Complexe funerare ale nomazilor medievali de lângă satul Balabani, raionul Taraclia, Republica Moldova. SCIVA 47/1, 2006, 63-69.

Raevschii 1964: N. Raevschii, Toponime de origine iranică şi turcică. Limba şi literatura moldovenească 1, 1964, 56-60.

Simion 1998: G. Simion, O locuinţă cu ceramică de factură tătărească descoperită în nordul Dobrogei. ArhMold XXI, 1998, 231-238.

Spinei 1994: V. Spinei, Moldova în secolele XI-XIV (Chişinău 1994).

Spinei 2003: V. Spinei, The Great Migrations in the East and South East of Europe from the Ninth to Thirteenth Century (Cluj-Napoca 2003).

Spinei 2003: V. Spinei, The Great Migrations in the East and South East of Europe from the Ninth to Thirteenth Century (Cluj-Napoca 2003).

Tentiuc 1998: I. Tentiuc, Plastica miniaturala de lut din perioada evului mediu timpuriu din Moldova. Tyragetia VI-VII, 1998, 115-128.

Tentiuc 1999: I. Tentiuc, Unele observaţii privind siturile medievale timpurii din zona lacurilor dunărene. Destin românesc. Revistă de istorie şi cultură 2, 1999, 44-50.

Tentiuc 2008: I. Tentiuc, Unele observaţii privind populaţia alanică din spaţiul est-carpatic în perioada evului mediu timpuriu. In: History & Politics. Revistă de istorie şi politică I/1-2, 2008, 81-96.

Tentiuc 2009: I. Tentiuc, Des considerations sur la presence de quelques groupes des alans a l"ouest des Carpates Orientaux pendant le Haut Moyea Age. In: (ed. D. Aparaschivei) Studia Antiqua et Medievalia. Miscellanea in honorem annos LXXV peragentis Professoris Dan Gh. Teodor oblata (Bucureşti 2009), 439-454.

Tentiuc 2010: I. Tentiuc, Despre pandantivele de călăreţi din perioda medievală timpurie în spaţiul pruto-nistrean. Tyragetia s.n. IV/1, 2010, 225-233.

Tentiuc 2012: I. Tentiuc, Contribuţii la istoria şi arheologia spaţiului pruto-nistrean. Siturile de la Durleşti şi Moleşti (Chişinău 2012).

Teodor 1993: D.Gh. Teodor, Precizări cronologice şi culturale privind două piese feudale timpurii din câmpia Munteniei. ArhMold XVI, 1993, 285-287.

Teodor 1999: D.Gh. Teodor, Elemente nomade din secolele VI-VIII d. Hr. în regiunile de la est şi sud de Carpaţi. Mousaios V, 1999, 71-90.

Teodor 2007: D.Gh. Teodor, Anţii şi alanii în spaţiul carpato-dunăreano-pontic (secolele VI-VIII). Zargidava. Revistă de istorie VI, 2007, 42-48.

Албегова 1995: З.Х. Албегова, К вопросу о религии алан (по материалам амулетов салтово-маяцкой культуры). В сб.: Базы данных в археологии. Компьютер в археологических исследованиях (Москва 1995).

Албегова 2001: З.Х. Албегова, Палеосоциология аланской религии VII-IX вв. (по материалам амулетов из катакомбных Северного Кавказа и Среднего Дона). РА 2, 2001, 83-96.

Албегова (Царикаева), Ковалевская 2011: З.Х. Албегова (Царикаева), В.Б. Ковалевская, Амулеты в виде коней и всадников в памятниках Суверного Кавказа и Среднего Дона. В сб.: Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа (Грозный-Москва 2011), 277-295.

Аладжов 1983: Ж. Аладжов, Култови фигурки от района на Плиска. Преслав 3, 1983, 277-278.

Аладжов 2003: Ж. Аладжов, Амулетите-кончета от Нови Пазар и лявото крило на прабългарската войско. В сб.: Плиска-Преслав, 9 (Сборник в памет на проф. П. Тивчев), 2003, 129-132.

Афанасьев 1973: Г.В. Афанасьев, Бронзовые фигурки всадников из аланских погребений Северного Кавказа. В сб.: Труды Государственного Эрмитажа, вып. 36, 1973, 36-38.

Брун 1879: Ф. Брун, Черноморье, I (Одесса 1879).

Георгиев 2012: П. Георгиев, Каталог на паметници с антропоморфни изображения от ранното българско средновековие. www.archeologybd.com/index.php. Postat pe 12 februarie 2012. Accesat la 22 septembrie 2013.

Добролюбский 1986: А.О. Добролюбский, Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья (Киев 1986).

Дончева-Петкова 1993: Л. Дончева-Петкова, Отново за бронзовите кончета-амулети. ГНАМ IX, 1993, 111-114.

Дончева-Петкова 2005: Л. Дончева-Петкова, Одърци, Т. 2. Некрополи от XI век (София 2005).

Иванов 1990: П. Иванов, Амулети-кончета от Северозападна България. Векове 1, 1990.

Йотов 2004: В. Йотов, Въоръжението и снаряжението от българското средновековие (VII-XI век) (Варна 2004).

Йотов, Атанасов 1998: В. Йотов, Г. Атанасов, Скала. Крепост от X-XI в. до с. Кладенци, Тервелско (София 1998).

Ковалевская 1978: В.Б. Ковалевская, Изображение коня и всадника на средневековых амулетах Северного Кавказа. В сб.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы (Москва 1978), 111-120.

Ковалевская 1981: В.Б. Ковалевская, Центральное Предкавказье. В: Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР (Москва 1981), 83-90.

Ковалевская 1983: В.Б. Ковалевская, Антропоморфные амулеты VI-IX вв. на Северном Кавказе. КСИА 176, 1983, 43-50.

Ковалевская 1984: В.Б. Ковалевская, Кавказ и аланы. Века и народы (Москва 1984).

Кузнецов 1971: В.А. Кузнецов, Алания в X-XIII вв. (Орджоникидзе 1971).

Кузнецов 1992: В.А. Кузнецов, Очерки истории алан (Владивосток 1992).

Кулаковский 1897: Ю. Кулаковский, Где находилась Вичинская епархия константинопольского патриархата. Византийский временник 3, 1897 (extras).

Кулаковский 1898: Ю. Кулаковский, Христианство у алан. Византийский временник 1, 1898 (extras).

Кулаковский 1899: Ю. Кулаковский, Аланы по сведениям классических и византийских Писателей. В сб.: Чтения в историческом обществе Нестора-летописца, Отд. II (Киев 1899), 1-73.

Машов 1974: С. Машов, Амулети-кончета във Врачанские музей. В сб.: Музеи и памятници на Културата, том. 14, 2-3 (София 1974), 65-67.

Меламед 1991: К. Меламед, Амулети-коне, яздени от мъжка глава. В сб.: Проблеми на прабългарската история и култура, том 2 (София 1991), 219-232.

Нестеров 1990: С.П. Нестеров, Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья (Новосибирск 1990).

Петровић, Јовановић 1997: П. Петровић, С. Јовановић, Културно благо Кнажевачког краја, Археологија (Београд 1997).

Плетньов 2001: В. Плетньов, Ранносредновековни амулети-конници от Североизточна България. В сб.: България, българите и техните съседи през вековете. Сборник в памет на доц. Хр. Коларов (Велико Търново 2001), 327-338.

Плетнева 1967: С.А. Плетнева, От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. В: МИА 142 (Москва 1967).

Рашев 2008: Р. Рашев, Българската езическа култура VII-IX век (София 2008).

Рябцева 2013: С. Рябцева, О балканских связях населения пруто-днестровского региона. По материалам находок предметов цветной металообработки. В сб.: Преслав, т. VII (Велико Търново 2013), 171-183.

Рябцева, Чокану 2009: С. Рябцева, М. Чокану, Находки средневекового времени с поселения Тарасова в Молдове (по материалам частной коллекции). Stratum plus, 2005-2009, 2009, 164-198.

Станилов 1992: С. Станилов, Старобългарските амулети-кончета. В сб.: Плиска-Преслав, 5 (Шумен 1992), 239-245.

Стоянова 2001: Хр. Стоянова, Новооткрити ранносредновековни бронзови амулети-кончета. В сб.: България, българите и техните съседи през вековете. Сборник в памет на доц. Хр. Коларов (Велико Търново 2001), 339-347.

Субботин, Черняков 1982: Л.В., Субботин, И.Т. Черняков, Бронзовые амулеты салтово-маяцкой культуры из левобережья Нижнего Дуная. В сб.: Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье (Киев 1982), 160-162.

Сырбу, Тентюк 1990: В. Сырбу, И. Тентюк, Зооморфная пластика: мировозрение и представление. В сб.: Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. - V век н.э.). Материалы международной конференции, Кишинев, 10-14 декабря 1990 (Киев 1991), 243.

Тентюк 1990: И. Тентюк, Мелкая глиняная пластика и некоторые аспекты идеологических воззрений раннесредневекового населения Молдовы. In: Buletinul Academiei de Ştiinţe a RSS Moldova, seria Ştiinţe Sociale, 3 (95) (Chişinău 1990), 55-66.

Тентюк 2007: И. Тентюк, Pax Chazarica и регионы к востоку от Карпат в VIII-X вв. В сб.: Международные отношения в бассейне Черного Моря в древности и средние века. Материалы XII международной научной конференции (26-31 мая 2007 г.) (Ростов на Дону 2007), 98-101.

Тизенгаузен 1884: В. Тизенгаузен, Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды, т. I (Санкт Петербург 1884).

Хынку 1970: И.Г. Хынку, Лимбарь – средневековый могильник XII-XIV веков в Молдавии (Кишинев 1970).

Хынку 1970а: И.Г. Хынку, Раскопки средневекового селища Ханска. В сб.: АО 1975 года (Москва 1976), 477-478.

Хынку 1973: И.Г. Хынку, Кэпрэрия – памятник культуры X-II вв. (Кишинев 1973).

Хынку 1975: И.Г. Хынку, Исследование селища Ханска (X-XIV вв.). В сб.: АО 1974 года (Москва 1975) 448-449.

Early medieval bronze amulets representing horsemen from the Carpathian-Dniester region

Abstract

Among the materials related to the early Middle Ages in the Carpathian-Dniester region, which have been discovered during archaeological excavations and reconnaissance, as well as among chance finds there are bronze amulets depicting a rider on a horse. The area of distribution of these bronze figures of riders includes extensive regions, starting from the North Caucasus and the middle reaches of the Don in the East to Central and South-Eastern Europe in the West. Most of the finds were discovered in the south of Russia, in Ukraine, Romania, Bulgaria, Macedonia, Serbia and Hungary.

On the territory of the Prut-Dniester region (Republic of Moldova and Ukraine) it was found 24 bronze figures of riders (see fig. 1) belonging to different typological models. They were found in the following settlements: Hansca (Ialoveni District) – 3 figures, Păhărniceni-Petruha – 2 objects, Lucăşeuca and Furceni (Orhei District), Ocniţa (Ocniţa district), Briceni – 2 objects, Caracuşenii Noi (Briceni District), Popeştii de Sus (Drochia District), Tătărăuca Veche – 2 objects, Balinţi and Inundeni (Soroca District), Tarasova (Rezina District), Rezeni (Ialoveni District), Porumbrei and Schinoşica (Cimişlia District), Enichioi (Cantemir District), Dezghingea and Capaclia (Gagauzia) and Bolgrad (Odessa region) (see fig. 1). Seven bronze figures, presented at «Viollity» Auction & Antiques in Kiev, may also be originated from the Prut-Dniester region (see fig. 6/1-6).

Analysis of bronze figures from this region allowed us to identify four types of objects. The first type, or the Hansca I type, includes 7 amulets (see fig. 2/1-2; 3/1-5, 7). All figures, but one, were found in the Prut-Dniester interfluve. They depict a rider sitting on a small horse saddled, turning to the left. The rider is depicted in profile. The position of his feet indicates the presence of stirrups. Rider is shod in boots (?) with an upturned toe; his legs touch the front and hind legs of the horse. In his right hand he holds the reins, and in the left hand, strongly bent at the elbow and pressed against his chest, he holds a short knife or dagger. The upper part of the figure (a horseman's head) has a through hole for hanging. In our opinion, the relative chronology of this type of bronze figures of horsemen (Hansca I type), which have no analogues in other regions, may cover a period of the 10th - 13th centuries, and absolute dating is the 10th - 11th centuries.

The second type (the Hansca II type) includes 15 riders' figures (see fig. 4/1-2; 5/1-12). They depict a horse and rider. The rider's body is turned to the left; he is shown from the front. His both hands are holding a long, slightly curved saber. The rider is shod in short shoes, which does not touch the horse's legs, as in the figures of the first type. Amulets of this type have analogies in Bulgaria, Romania, Serbia and other countries. They belong to the 10th - 11th centuries and, quite possibly, to the beginning of the 12th century.

The last two types of bronze figures (the Hansca III and Bolgrad IV types) are unique in style. The figure relating to the Hansca III type (fig. 6/7) shows a rider turned to the left; it is a schematic image. At the front of the horse there is a tamga in the form of a petal and at the back of the horse there is the same tamga in the form of a drop (?). The bronze figure found in Bolgrad (the Bolgrad IV type) (fig. 6/8) depicts a rider turned to the right. In his left hand he holds the reins and in his right hand he holds perhaps hunting eagle. These bronze figures have no direct analogies.

The authors attribute the appearance of these categories of objects in the regions east of the Carpathians to the penetration of various groups of the Alanian population in the 2nd half of the 1st millennium and the first centuries of the 2nd millennium AD. Their presence north of the mouth of the Lower Danube is evidenced by written sources and place names.

List of illustrations:

Fig. 1. Map of the spread of bronze amulets representing horsemen in the East Carpathian region. **Type I:** 1 - Hansca; 2, 3 - Briceni; 4 - Lucăşeuca; 5 - Păhărniceni-Petruha; 6 - Schinoşica; 7 - Enichioi. **Type II:** 8 - Hansca; 9 - Ocniţa; 10 - Caracuşenii Noi; 11, 12 - Tătărăuca Veche; 13 - Balinţi; 14 - Inundeni; 15 - Popeştii de Sus; 16 - Tarasova; 17 - Furceni; 18 - Păhărniceni; 19 - Rezeni; 20 - Porumbrei; 21 - Dezghingea; 22 - Capaclia; 25 - Stăvărăşti. **Type III:** 23 - Hansca. **Type IV:** 24 - Bolgrad.

Fig. 2. Bronze amulets representing horsemen of the Hansca I type: 1 - Hansca; 2 - Briceni.

Fig. 3. Bronze amulets representing horsemen of the Hansca I type: 1 - Hansca; 2 - Lucăşeuca; 3 - Păhărniceni-Petruha; 4, 7 - Briceni; 5 - Enichioi; 6 - «Viollity» Auction & Antiques, Kiev.

Fig. 4. Bronze amulets representing horsemen of the Hansca II type: 1 - Popeştii de Sus; 2 - Capaclia.

Fig. 5. Bronze amulets representing horsemen of the Hansca II type: 1 - Hansca; 2 - Caracuşenii Noi; 3 - Capaclia; 4 - Popeştii de Sus; 5, 11 - Tătărăuca Veche; 6 - Dezghingea; 7 - Păhărniceni; 8 - Furceni; 9 - Ocniţa; 10 - Inundeni; 12 - Balinţi.

Fig. 6. Bronze amulets representing horsemen of the II type (1-6), III type (7) and IV type (8): 1-6 - «Viollity» Auction & Antiques, Kiev; 7 - Hansca; 8 - Bolgrad.

Раннесредневековые бронзовые амулеты-всадники из Карпато-Днестровского региона

Резюме

Среди материалов, относящихся к периоду раннего средневековья Карпато-Днестровского региона, обнаруженных в процессе археологических раскопок и разведок, а также среди случайных находок, выделяются бронзовые амулеты, изображающие всадника на лошади. Ареал распространения подобных бронзовых фигурок всадников включает обширные регионы, начиная с Северного Кавказа и Среднего Дона на Востоке до Центральной и Юго-Восточной Европы на Западе. Больше всего находок обнаружено на юге России, на территории Украины, Румынии, Болгарии, Македонии, Сербии и Венгрии.

На территории Пруто-Днестровского региона (Республика Молдова и Украина) обнаружено 24 бронзовых фигурок всадников (рис. 1), относящихся к разным типологическим моделям. Они были найдены на следующих поселениях: Ханска (р-н Яловень) – 3 фигурки, Пэхэрничень-Петруха - 2 фигурки, Лукашеука и Фурчень (р-н Орхей), Окница (р-н Окница), Бричень – 2 фигурки, Каракушений Ной (р-н Бричень), Попештий де Сус (р-н Дрокия), Тэтэрэука Веке – 2 предмета, Балинць и Инундень (р-н Сорока), Тарасова (р-н Резина), Резень (р-н Яловень), Порумбрей и Скиношика (р-н Чимишлия), Еникьой (р-н Кантемир), Капаклия и Дезгинжя (Гагаузия) и Болград (Одесская обл.) (рис. 1). Из Пруто-Днестровского региона могут происходить и семь бронзовых фигурок, представленных на аукционе антиквариата «Виолити» в Киеве (рис. 6/1-6).

Анализ бронзовых фигурок исследованного нами региона позволил выделить четыре типа предметов. К первому типу, или типу Ханска I, относятся 7 амулетов (рис. 2/1-2; 3/1-5, 7). Все, кроме одного, выявлены в Пруто-Днестровском междуречье. Они изображают всадника, сидящего на небольшой оседланной лошади, повернутые влево. Всадник изображен в профиль. Положение его ног свидетельствует о наличии стремян. Всадник обут в сапожки (?) с загнутым вверх носком, его ноги слиты с передними и задними ногами лошади. В правой руке всадник держит поводья, а в левой, сильно согнутой в локте и прижатой к груди, – короткий нож или кинжал. В верхней части фигурки имеется сквозное отверстие для подвешивания. По нашему мнению, относительная хронология этого типа бронзовых фигурок всадников (тип Ханска I), не имеющего аналогий в других регионах, может охватывать период X-XIII веков, а абсолютная датировка – X-XI века.

Ко второму типу (тип Ханска II) относятся 15 фигурок всадников (рис. 4/1-2; 5/1-12). Они изображают лошадь и всадника направленные влево. Всадник повернут туловищем влево, изображен в фас. Обеими руками держит длинную, слегка изогнутую саблю. Всадник обут в короткую обувь, которая не касается ног лошади, как на фигурках первого типа. Амулеты этого типа имеют аналогии в Болгарии, Румынии, Сербии и других странах. Они относятся к X-XI векам и, вполне возможно, к началу XII века.

Последние два типа бронзовых фигурок (типы Ханска III и Болград IV) являются уникальными по стилю изображения. Фигурка, относящаяся к типу Ханска III (рис. 6/7), изображает развернутого влево всадника, отличается схематизмом. На передней части лошади изображена тамга в виде лепестка, а на задней такая же тамга имеет каплевидную (?) форму. Бронзовая фигурка, найденная у Болграда (тип Болград IV) (рис. 6/8), изображает всадника, повернутого вправо. В левой руке всадник держит поводья, а в правой, вполне возможно, охотничьего орла. Прямых аналогий для этих бронзовых фигурок нет.

Авторы связывают появление этих категорий предметов в регионах к востоку от Карпат с проникновением сюда во второй половине I и в первые века II тысячелетия различных групп аланского населения. Их присутствие к северу от устьев Нижнего Дуная засвидетельствовано как письменными источниками, так и топонимикой.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Карта распространения бронзовых амулетов-всадников в восточно-карпатском регионе. **Тип I:** 1 - Ханска; 2, 3 - Бричень; 4 - Лукэшеука; 5 - Пэхэрничень-Петруха; 6 - Скиношика; 7 - Еникьой. **Тип II:** 8 - Ханска; 9 - Окница; 10 - Каракушений Ной; 11, 12 - Тэтэрэука Веке; 13 - Балинць; 14 - Инундень; 15 – Попештий де Сус; 16 - Тарасова; 17 - Фурчень; 18 - Пэхэрничень-Петруха; 19 - Резень; 20 - Порумбрей; 21 - Дезгинжя; 22 - Караслия; 25 - Стэвэрэшть. **Тип III:** 23 - Ханска. **Тип IV:** 24 - Болград.

Рис. 2. Бронзовые амулеты-всадники, тип Ханска I: 1 - Ханска; 2 - Бричень.

Рис. 3. Бронзовые амулеты-всадники, тип Ханска I: 1 - Ханска; 2 - Лукэшеука; 3 - Пэхэрничень-Петруха; 4, 7 - Бричень; 5 - Еникьой; 6 - аукцион «Виолити», Киев.

Рис. 4. Бронзовые амулеты-всадники, тип Ханска II: 1 - Попештий де Сус; 2 - Капаклия.

Рис. 5. Бронзовые амулеты-всадники, тип Ханска II. 1 - Ханска; 2 - Каракушений Ной; 3 - Капаклия; 4 - Попештий-де-Сус; 5, 11 - Тэтэрэука Веке; 6 - Дезгинжя; 7 - Пэхэрничень-Петруха; 8 - Фурчень; 9 - Окница; 10 - Инундень; 12 - Балинцы.

Рис. 6. Бронзовые амулеты-всадники, тип II (1-6), тип III (7) и тип IV (8): 1-6 - аукцион «Виолити», Киев; 7 - Ханска; 8 - Болград.

20.06.2014

Dr. hab. Gheorghe Postică, Universitatea Liberă Internațională din Moldova, str. Vlaicu-Pârcălab 52, MD-2012 Chișinău, Republica Moldova, e-mail: gpostica@gmail.com

Dr. Ion Tentiuc, Muzeul Național de Istorie a Moldovei, str. 31 August, 121-A, MD-2012 Chișinău, Republica Moldova, e-mail: ion_tentiuc@yahoo.com

КОМПЛЕКС АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ «КАМЕННОЕ-ЗАВАЛЬЕ» В СРЕДНЕМ ПОБУЖЬЕ: РАБОТЫ 2011-2012 гг.

Дмитрий Киосак
Игорь Бруяко
Владимир Денисюк

Отдельные участки местности имели особое значение, как в хозяйственных системах, так и в ритуальных практиках древнего населения. Каждая популяция, которая осваивала земли Северо-Западного Причерноморья, приносила с собой не только свои оригинальные предметы материальной культуры, но и оригинальную «ментальную карту» окружающего мира, в которой важным был свой характерный именно для них набор местностей (Aston 2002). Часто такие карты разных обществ частично пересекались. Иногда полное или частичное совпадение таких «карт» в различные исторические периоды приводило к многоразовым посещениям определенного места, что, в свою очередь, способствовало формированию комплексов археологических памятников, которые совмещают в себе остатки разного возраста и нуждаются в особенной охране и интеграции усилий специалистов многих областей знаний для их исследования. Одному из таких комплексов посвящена данная работа.

История изучения

Впервые археологические памятники против с. Завалье на правом берегу р. Южный Буг были обнаружены разведкой Одесского государственного университета (ОГУ) им. И.И. Мечникова под руководством В.Н. Станко в 1974 г. Тогда речь шла о трех археологических объектах: пункте находок каменного века, черняховском и трипольском поселениях (Станко, Смольянинова 1974; Смольянинова, Станко 1976; Станко, Зиньковская 1976; Смольянинова 1989; Смольянинова 1990).

Первый из них описан так: «на мысах крутого правого берега Южного Буга в 1 км юго-восточнее шоссейного моста через реку в с. Завалье собраны единичные кремневые орудия труда: округлый скребок, двойной резец и несколько отщепов. Четкой локализации находки не имели» (Станко, Смольянинова 1974).

Черняховское поселение, обозначенное как Завалье, располагалось на распаханной поверхности холмистого склона правого берега Южного Буга в 500 м к югу от шоссейного моста, на площади, которая примыкает к опоре ЛЭП (союзного значения). Юго-восточная часть поселения была разрушена гранитным карьером. Трипольское поселение располагалось в 300 м от описанного черняховского поселения на мысу крутого правого берега Южного Буга, ограниченном двумя глубокими оврагами (Станко, Зиньковская 1976).

С того времени и вплоть до начала XXI в. археологические работы на указанном участке не проводились. Лишь местным краеведом, учителем истории общеобразовательной школы п.г.т. Завалье А.С. Пересунчаком проводились разведки в 1998-2008 гг. Им локализовано трипольское поселение (Каменное-Завалье 1) – на так называемом «первом мысе» в «1 км от моста через Буг, который ведет в п.г.т. Завалье». Указано, что поселение, скорее всего, датируется этапом B1 Трипилля (Пересунчак 2012, 150). Также богатый подъемный материал, по большей части римского времени, был собран на поселении черняховской культуры Каменное-Завалье (Пересунчак 2012, 151-152).

В 2011 году разведочный отряд Подольско-Причерноморской экспедиции собрал определенное количество столовой посуды позднеолитической культуры линейно-ленточной керамики (КЛЛК) на поселении Каменное-Завалье (Бруяко и др. 2012). Именно этот факт вызвал необходимость стационарных исследований куста поселений против п.г.т. Завалье, которые были проведены в 2011-2012 гг. Подольско-Причерноморской экспедицией ОАМ НАН Украины.

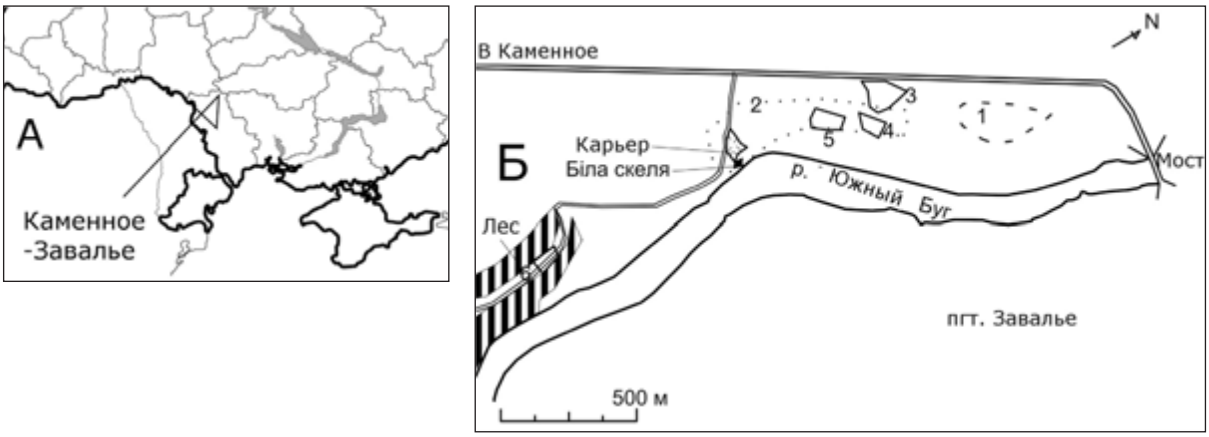


Рис. 1. А - расположение комплекса археологических памятников «Каменное-Завалье» на карте Украины; Б - план расположения археологических памятников на правом (западном) берегу р. Южный Буг: 1 - поселение Каменное-Завалье 1; 2 - зона распространения подъемного материала черняховской культуры Каменное-Завалье; 3 - местонахождения культуры линейно ленточной керамики Каменное-Завалье, III мыс - центр; 4 - местонахождения культуры линейно ленточной керамики Каменное-Завалье, III мыс - юг; 5 - местонахождение культуры линейно ленточной керамики Каменное-Завалье, IV мыс; 6 - Шамраи.

Пространственная структура комплекса памятников

Первый этап исследований заключался в систематическом сборе подъемного материала с фиксацией находок по секторам и локусам, а выразительных вещей и отдельно – с помощью GPS.

В результате выяснилось:

– материалы трипольской культуры встречаются исключительно на высоком, наклонном мысе с юго-восточной экспозицией – первом существенном возвышении в 500 м к югу от шоссейного моста, названном «первый мыс» (рис. 1Б/1); он отделяется от поселения Каменное-Завалье глубокой лощиной (также распаханной) и зоной почти без находок шириной в 200 м, обозначенной как «второй мыс»;
– материалы черняховской культуры в большом количестве встречаются на наклонном, широком возвышении, вытянутом в направлении запад-восток («третий мыс») в приречной части, в немного меньшем количестве – в ровной глубинной части, ближе к дороге; ими фактически усеяна высокая холмовидная возвышенность («четвертый мыс»), отделенная неглубокой западиной с пологими склонами от «третьего мыса» и достаточно глубокой лощиной от высокого крутого склона плато на правом берегу р. Южный Буг («пятый мыс»); в большом количестве артефакты упомянутой культуры присутствуют и собственно на последнем, в том числе вокруг большого карьера, выхода «белого гранита» («Била Скеля») и опор ЛЭП, которые расположены на «пятом мысе»; если на третьем и пятом мысах находки римского времени, хотя и достаточно многочисленные, не образовывали очевидных концентраций, то на четвертом мысе, на достаточно ограниченной площади, обломки гончарной сероглиняной и шероховатой керамики, куски глиняной обмазки, расколотые кости животных залегали компактно, вынуждая допустить, что здесь пахотой нарушен хозяйственно-бытовой комплекс; в целом, материалы черняховской культуры встречаются на площади 500×150 м (рис. 1Б/2);
– фрагменты характерной керамики нового и новейшего времени встречались фактически на всей исследованной площади, однако особенно многочисленными они были в глубинной придорожной части поля за четвертым мысом и в углублении между ним и третьим мысом;
– характерная керамика времени неолита встречалась в приречной части четвертого и третьего мысов вместе с изделиями рим-

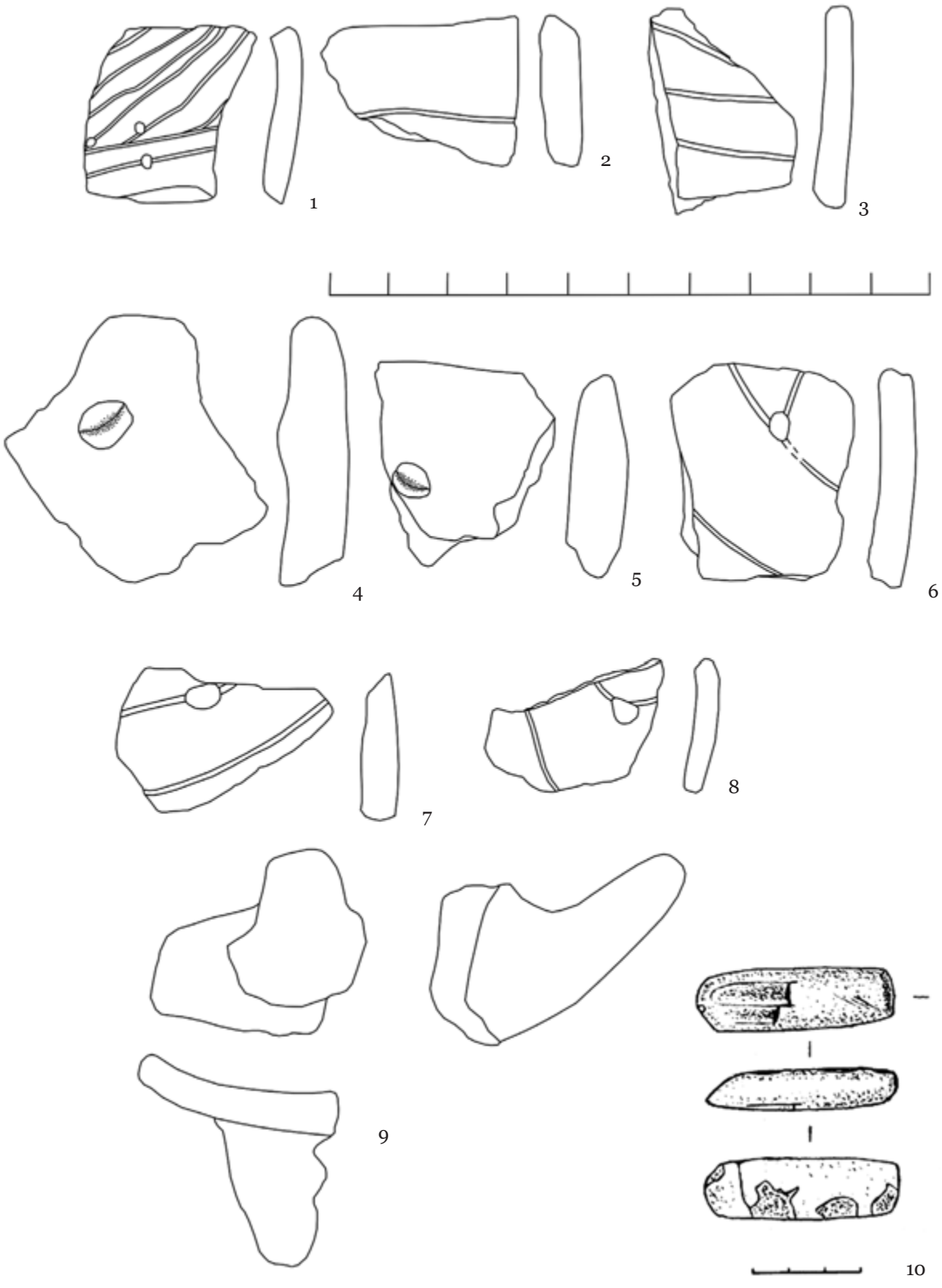


Рис. 2. Каменное-Завалье, III мыс и IV мыс. Керамические находки. Подъемный материал.

ского времени; достаточно много фрагментов неолитической посуды были отмечены на верхушке четвертого мыса (рис. 1/5); в глубинной ровной части третьего мыса, прилегающей к дороге с твердым покрытием Каменное-Завалье, они встречались почти без поздних примесей фактически по всему полю; относительно большее их количество фиксировалось в двух локусах – «третий мыс - центр» и «третий мыс - южный склон» (рис. 1/3-4); учитывая относительно небольшие размеры поселений времени позднего неолита, вероятным является предположение о необходимости трактовки этих локусов сбора подъемного материала как отдельных хозяйственно-бытовых комплексов неолитического времени; они получили названия: Каменное-Завалье, четвертый мыс (КЗ-IV мыс), Каменное-Завалье, третий мыс - центр (КЗ-III мыс - центр) и Каменное-Завалье, третий мыс - южный склон (Кз-III мыс - Юг); пятый мыс и площадь вокруг Белой Скалы и карьера не дали выразительных находок фрагментов неолитической столовой посуды, однако здесь присутствуют достаточно характерные кремневые артефакты; следовательно, отдельное обитание времени неолита, возможно, следует выделить и здесь, на склоне плато и собственно на плато, на правом берегу р. Южный Буг.

Диахронная структура комплекса памятников

Материалы культуры линейно-ленточной керамики

Каменное-Завалье, четвертый мыс. Подъемный материал времени неолита включает свыше 40 фрагментов лепной посуды. Представлена как столовая тонкостенная, часто лощеная или орнаментированная прочерченными линиями и ямками-«нотами» посуда, так и более грубая кухонная. Один из обломков толстостенной посуды с грубой минеральной примесью украшен сосковидным налепом (рис. 5/3). На поверхности обнаружен также фрагмент венчика небольшого цедильника со следами четырех сквозных отверстий. Артефакты из расщепленного камня представлены 21 экземпляром: чешуйка, 8 отщепов, 2 проксимальных части пластинок, 3 отщепа с ретушью, пластины с прямо- и косоусеченными концами, пластина с выемкой, 2 скребка, резец на отщепе и трапеция (рис. 6/5-6).

В месте относительного увеличения количества подъемного материала был заложен шурф, длинной осью на север, размером 2×1 м. Материком служит желтый лессовидный суглинок, который открылся на глубине 99-100 см. Археологические находки встречались во всей толще отложений, но особенно многочисленными были во втором условном горизонте и в целом на глубине 40-75 см (в низах серой подпочвы).

Керамика новейшего времени имеется в пахотном слое. Позднеримское время представлено мелкими обломками «шероховатой» посуды. Неолитические находки относительно немногочисленны – около 10 фрагментов керамики. По большей части это тонкостенная столовая посуда из хорошо отмученного, очень тонкоструктурного теста с равномерным серым пропалом, иногда орнаментированная прочеркнутым орнаментом и отдельными ямками-«нотами». К этой группе принадлежит фрагмент венчика закрытого сосуда диаметром 6-7 см. Внешняя поверхность сосуда была ангобирована, внутренняя – хорошо заглажена (более темного цвета и со следами заглаживания до блеска). В 2 см под венчиком – две неглубоких и узких прочеркнутых линии. Также присутствует меньший фрагмент похожего венчика, орнаментированного одной прочеркнутой линией (рис. 5/1-2). В шурфе обнаружен также концевой скребок на части пластинки.

Следовательно, шурфом открыт слабо насыщенный горизонт находок культуры линейно-ленточной керамики, наряду с эфемерными следами черняховской культуры. Четкой стратиграфической картины залегания разнокультурного материала не отмечено. Единственная определенная фаунистическая находка из шурфа – клык кабана[1].

Каменное-Завалье, третий мыс - центр

Именно здесь в ходе разведки в 2011 г. были собраны самые выразительные находки неолитического времени – артефакты из кремня,

[1] Здесь и далее определения фаунистических остатков были выполнены к.и.н. Е.П. Секерской, за что авторы ей глубоко признательны.

обломки характерной керамики, тесло типа *Schuleistenkeil*. Здесь был заложен шурф 2×1 м, длинной осью на север. Шурф открыл следующую последовательность отложений:

1. чернозем А из двух горизонтов: 1а - пахотный слой, более темный, с корнями растений; 1б - темно серый;
2. светло-серый гумусированный горизонт с многочисленными растительными ходами и кротовинами; выделяется его нижний горизонт (2б) – заметно более светлый;
3. серо-желтый переходный слой с белыми карбонатными включениями и кротовинами;
4. желтый лессовидный суглинок.

Шурф открыл культурный слой позднего неолита на глубине 70-110 см, насыщенный фрагментами характерной лепной посуды и раздробленными костями животных. В шурфе (не считая материалов объекта) обнаружено свыше 100 обломков керамической посуды (рис. 3-4). Лишь несколько с определенностью относятся к римскому времени. Все они залегают в верхних горизонтах шурфа. Это донышко гончарного сероглиняного сосуда и несколько обломков стенок. Подавляющее большинство находок принадлежат культуре линейно-ленточной керамики.

Столовая посуда представлена обломками 10-11 сосудов (по венчикам). Характерные фрагменты стенок посуды вынуждают допустить наличие еще 4-5 сосудов, не представленных венчиками. Интересен обломок венчика небольшого закрытого сосуда диаметром 10 см с хорошо лощенными серыми поверхностями и угловатой, небрежно прочерченной композицией (рис. 4/1). Чаще всего верхние части сосудов украшены одной или несколькими горизонтальными линиями в сочетании с ямками-«нотками» на них (рис. 3/3; 4/3, 7). Представлены как «угловатые» композиции (рис. 4/2, 5), так и «волютовый» орнамент (рис. 4/4, 6). Все сосуды имеют похожую форму – подсферического закрытого сосуда с диаметром по венчику 10-17 см. Безусловно, речь идет о типе I типологической схемы О.В. Лариной (Ларина 1983; Ларина 1999). В наличии есть разнообразные типы выполнения орнамента – едва прочерченные, небрежные, волнистые линии и хорошо прорезанные линии, подокруглые в сечении. Также различаются и ямки-«нотки» – как по форме, так и по тщательности выполнения. По большей части «нотки» расположены именно на прочеркнутых линиях, что, по О.В. Лариной, является достаточно ранним признаком в пределах культуры линейно-ленточной керамики региона (Ларина 1999; Ларина 2006).

Кухонная посуда представлена меньшим количеством черепков и сосудов (6-7, по венчикам). Посуда толстостенная с разнообразным составом теста. Представлены группы посуды с преобладанием органической примеси, с преимущественно мелкой минеральной примесью и с грубой минеральной примесью. Обжиг равномерный, поверхности заглажены, серые и светло-серые, излом серый. Посуда орнаментирована ногтевыми и пальцевыми вдавлениями (рис. 3/1, 4), рядом пальцевых защипов (рис. 4/8), налепами (рис. 3/2). Тогда, когда реконструируется форма, речь идет о закрытой усеченно-сферической посуде, диаметром 14-15 см, того же типа 1 по О.В. Лариной. Есть и немногочисленные исключения. Так, налепом украшена небольшая (5 см в диаметре) посудинка с округлым, прямо поставленным венчиком (рис. 3/2).

Кремневый инвентарь шурфа 2 представлен 15 изделиями: чешуйкой, 4 отщепами, 2 ретушированными отщепами, 3 фрагментами

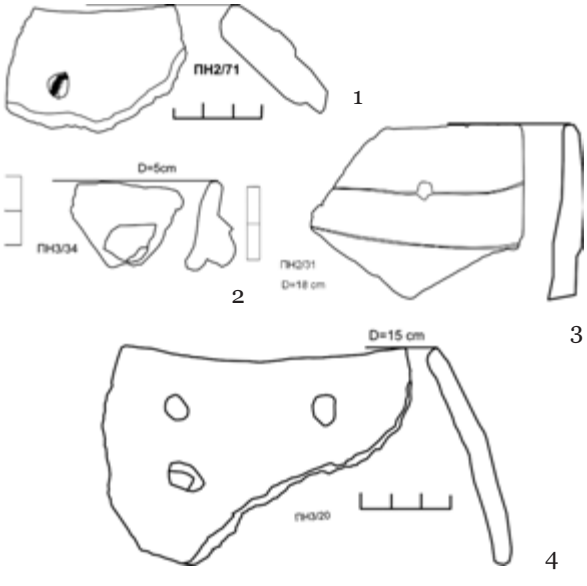


Рис. 3. Каменное-Завалье, III мыс - центр. Шурф 2 и прирезка. Фрагменты кухонной посуды.

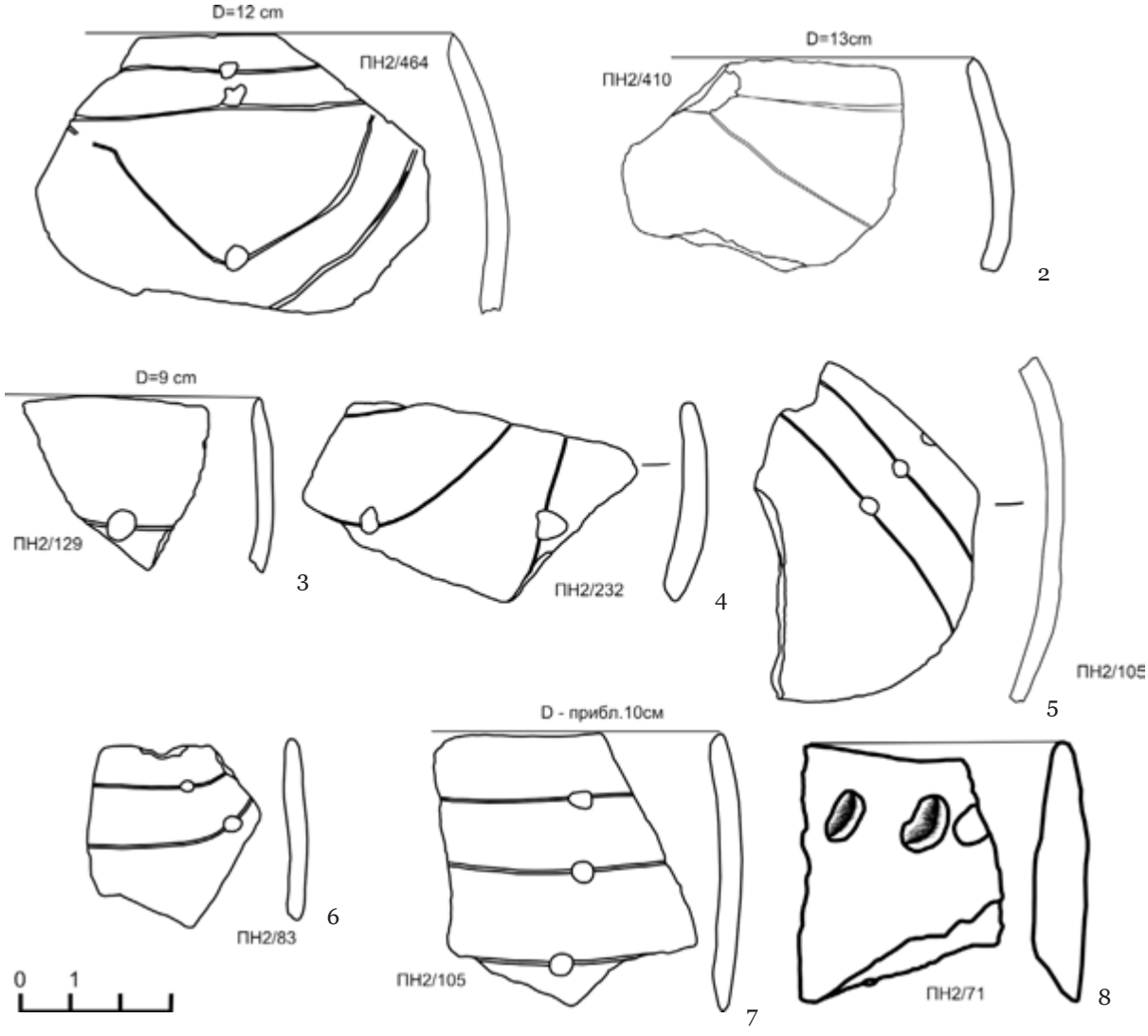


Рис. 4. Каменное-Завалье, III мыс - центр. Шурф 2 и прирезка. Керамические находки.

пластин, 1 ретушированной пластиной, 3 концевыми скребками на отщепах, трапецией (рис. 6).

В юго-восточном углу шурфа, ниже культурного слоя (отметки – 110-130 см), в углублении, заполненном темно-серой блестящей гумусированной почвой, плотно залегали многочисленные обломки костей животных и несколько больших обломков лепной посуды КЛЛК, фрагменты обмазки. Контуры углубления не фиксировались. Скопление (условно названо объектом) выделялось, прежде всего, по заполнению (более темному, чем выше- и нижележащие породы) и концентрации находок. Здесь отмечено залегание нескольких групп костей в анатомическом порядке (трубчатых костей и не приросших к ним эпифизов, позвонков и так далее). В южной стенке шурфа было зафиксировано стратиграфическое положение объекта.

Для исследования объекта к шурфу 2 с южной стороны была сделана прирезка, в восточной части которой было открыто продолжение скопления. Оно было зачищено и разбиралось по трем секторам. Всего объект открыт на площади 130×30 см. Исследовать его полностью не удалось из-за его значительных размеров и требований хозяина поля, который хотел начать посев зерновых. Объект уходит в восточную стенку шурфа и нуждается в дальнейшем исследовании.

В скоплении костей (объекте) найдено несколько черепков лепной посуды. В южной части скопления обнаружен достаточно тол-

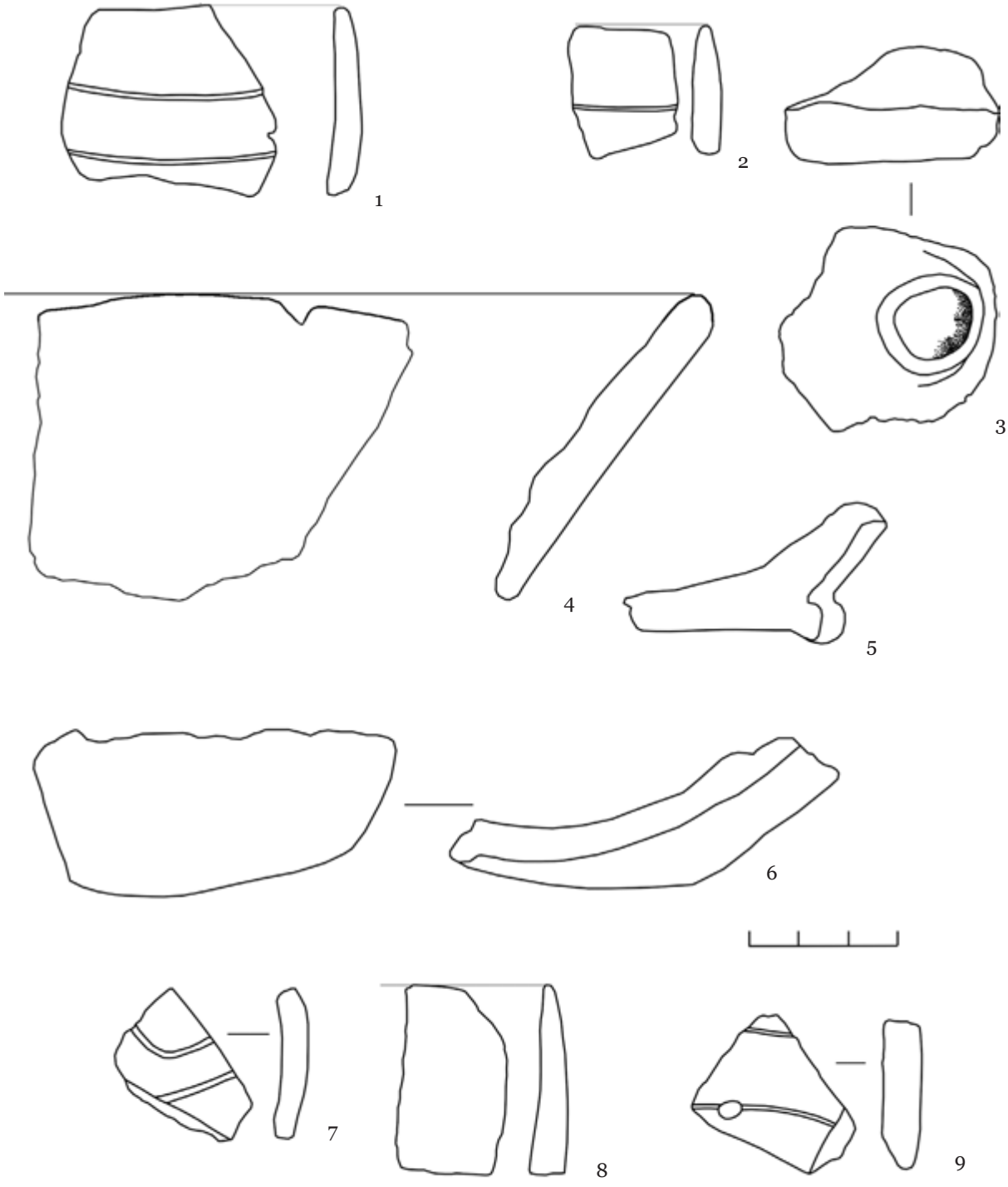


Рис. 5. Каменное-Завалье, III мыс - южный склон и IV мыс. Шурф 1 и шурф 4. Керамические находки.

стостенный (8 мм) черепок с косой прочерченной линией, полукруглой в разрезе, на которой находится достаточно большая «нотка» (6 мм диаметром) (рис. 7/1). Внутренняя поверхность с черным лощением, внешняя – шероховатая. Примесь к тесту – мелкие (1,0-1,5 мм) частицы кварца, песок и выгоревшая мелкая органическая примесь. Другой обломок – толстостенный (15 мм), с грубой крупной минеральной примесью (до 7,5 мм), песком и мелкой выгоревшей примесью. Похожий по составу теста черепок с толщиной стенки 16 мм происходит из северной части объекта и имеет старательно заглаженные внешнюю

(светло-желтую) и внутреннюю (серо-черную) поверхность. Также здесь обнаружен фрагмент верхней части закрытого сосуда, неорнаментированного, по форме близкого сферическому, с растительной примесью в тесте (рис. 7/2). Стратиграфическое положение и сопутствующий материал позволяют допустить, что объект относится к культуре линейно-ленточной керамики, хотя его точную природу (хозяйственная яма, естественное углубление и т. д.(?)) установить не удалось.

По определению Е.П. Секерской, из шурфа и скопления происходят кости кабана (морфологически сложно отличить дикую форму от домашней), благородного оленя и косули.

Каменное-Завалье, третий мыс - южный склон

Эта локализация материала времени неолита расположена в 60 м юго-западнее рассмотренной выше и имела площадь 40×80 м (рис. 1/4). Здесь был заложен шурф 4 размером 2×1 м, длинной осью на север. Стратиграфическая последовательность похожа на описанную выше, за исключением того, что слой желтого лессовидного суглинка оказался тоньше и была прослежена подстилающая его порода – белая, песчанистая супесь.

В пахотном слое здесь обнаружено несколько обломков керамики нового и новейшего времени. Материалы из шурфа 4 представлены как артефактами времени позднего неолита, так и вещами черняховской культуры. При этом по глубине залегания они мало отличаются. Фрагменты посуды позднеримского времени найдены на глубинах от 32 до 133 см, а обломки керамики КЛЛК – от 41 до 131 см. Если предметы более поздней культуры рассредоточены по профилю достаточно равномерно, то находки КЛЛК (5 из 8) собраны в условном горизонте 40-60 см.

Среди черняховского вещественного комплекса – обломки стенок гончарной сероглиняной лощеной посуды и шероховатой керамики. Один из фрагментов донышка принадлежит шероховатому сосуду на кольцевом поддоне (с диаметром около 15 см), другой – подобному сосуду на плоском дне (диаметром 12-15 см) (рис. 5/4, 5). Керамика КЛЛК представлена фрагментами тонкостенной лепной посуды из хорошо отмученной глины (рис. 5/7), обломком нижней части лепного сосуда с дном, которое плавно переходит в стенки (рис. 5/6). Обломок верхней части сосуда с прямым венчиком имеет светлое лощение снаружи и черное, со следами заглаживания, изнутри (рис. 5/8). Стенка плавно утончается к краю несколько вогнутого венчика. Артефакты из расщепленного кремня – три отщепа и проксимальная часть пластинки.

Несколько фрагментированных керамических изделий сложно отнести к тому или иному времени. Это касается стенок грубой толстостенной лепной керамики с крупной минеральной примесью в тесте, с заглаженной внешней поверхностью. Верхняя часть сосуда похожего теста и обработки поверхностей принадлежала открытому банковидному сосуду диаметром около 26-27 см. Также представлен мелкий обломок биконического пряслица.

Из шурфа происходят многочисленные куски глиняной, плохо обожженной обмазки и расколотые кости животных.

Подъемный материал третьего мыса. По объективным причинам подъемный материал на третьем мысу большей частью был собран без деления на локализации. Собственно в ходе его сбора и были выделены места относительной концентрации – локализации. Поэтому дадим его суммарную характеристику. Поздненеолитические материалы представлены обломками лепной посуды и изделиями из расщепленного кремня.

Лепная посуда распределяется на несколько групп по тесту, текстуре и обжигу. К первой группе (столовая посуда) отнесены тонкостенные (4-8 мм) фрагменты посуды ровного обжига, иногда с лощением и хорошим заглаживанием поверхностей, без видимых невооруженным глазом примесей в тесте. Они орнаментированы прочерченными линиями, иногда достаточно заметными, в 1,0-1,5 мм шириной, иногда едва процарапанными, и ямками-нотками подокруглой и подтреугольной формы. Вторая группа представлена обломками более толстых стенок (8-12 мм), комковатого теста, с многочисленными пустотами от выгоревшей органической примеси. Обжиг хороший, поверхности серые или свет-

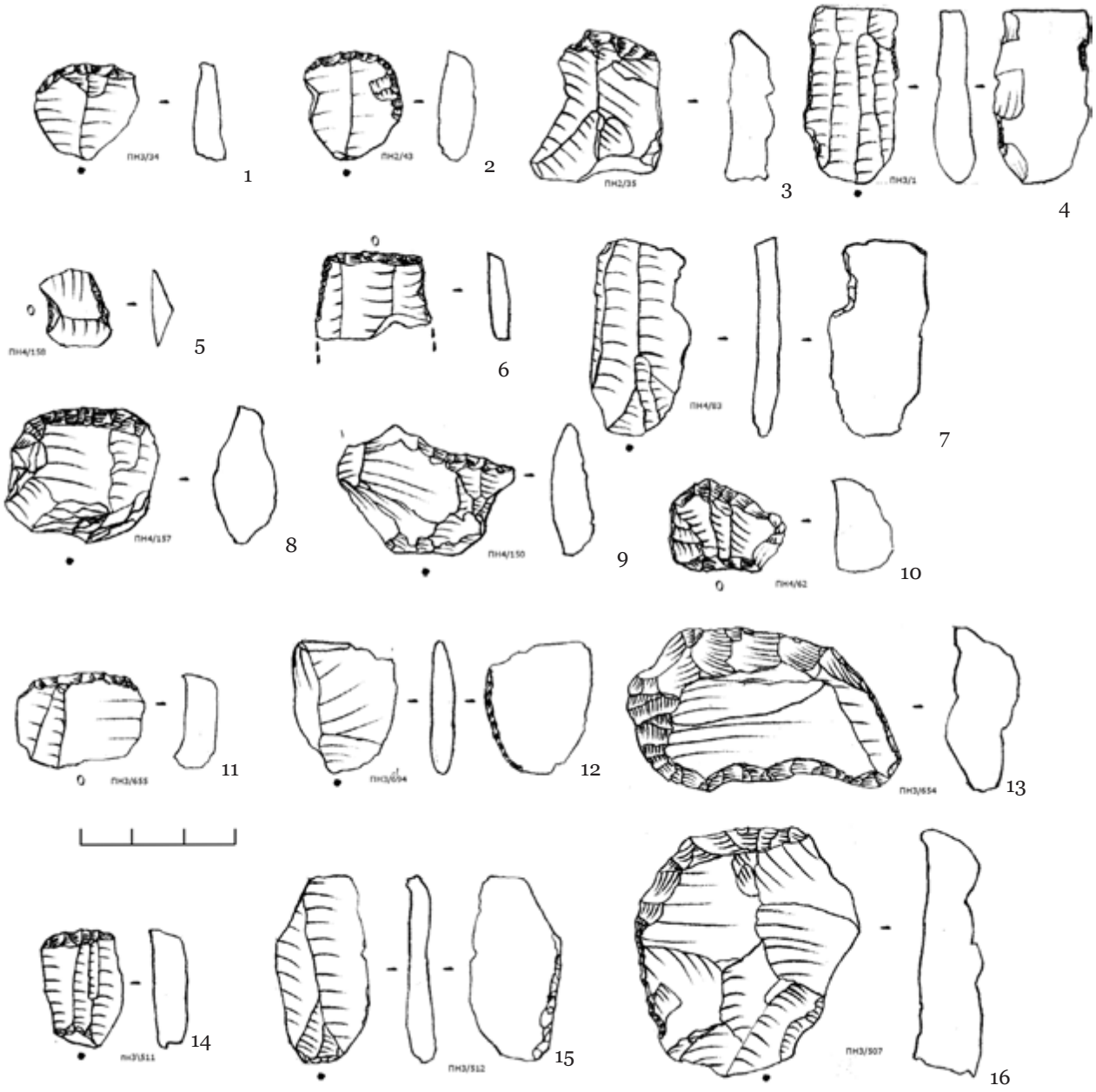


Рис. 6. Каменное-Завалье. Кремневый инвентарь.

ло-желтые, излом серый. Как сопутствующая примесь встречается крупный черный песок и графит. Третья группа также толстостенная (8-15 см). Черепок плотный, тесто с примесями песка, дресвы и графита. Поверхности хорошо заглажены, серые, как изнутри, так и снаружи. Четвертая группа представлена посудой со значительной примесью дресвы и, иногда, шамота. Обжиг неровный – двух-, трехцветный.

Если первая группа хорошо соответствует столовой посуде культуры линейно-ленточной керамики, то кухонная посуда достаточно разнообразна. Керамика второй и третьей группы вероятнее всего также относится к поздненеолитическому времени.

Формы посуды реконструируются плохо из-за значительной фрагментированности обломков (рис. 2). Один обломок верхней части сосуда, орнаментированного волнистой прочерченной линией, принадлежит сосуду закрытого типа диаметром 6-8 см. Другой, с хорошо заглаженными поверхностями, орнаментирован ногтевыми вдавлениями. Такой же декор

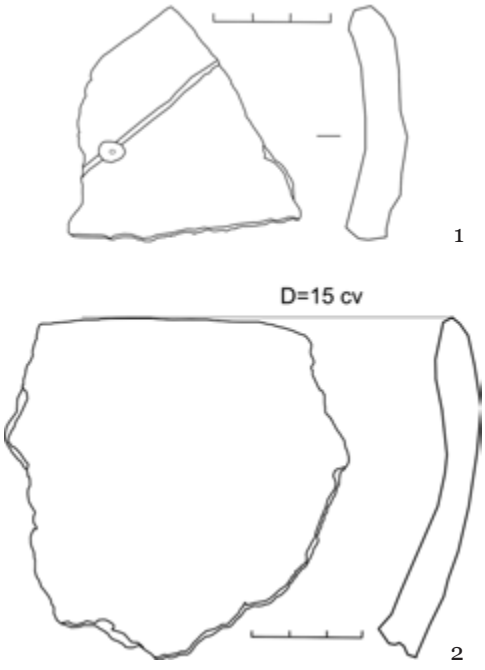


Рис. 7. Керамические находки из объекта (углубление). Каменное-Завалье, III мыс - центр.

присутствует и на фрагменте верхней части кухонного сосуда с примесью слюды, дресвы и песка. Донышки небольшие, с плавным переходом в стенки; одно из них (третьей группы) имеет диаметр 5 см. Орнаментальные схемы столовой посуды включают, в той мере, в которой это поддается реконструкции, горизонтальные прямые и волнистые прочерченные линии, «волютовый» орнамент с «нотами» на местах перегиба дуг и угловатые композиции с «нотами» в углах. Интересен обломок стенки лепного сосуда, сточенный по кругу.

Кремневый инвентарь (50 экз.) изготовлен из сырья четырех групп. Первая, самая распространенная, – это светло-серый прозрачный высококачественный кремень без видимых включений, с гладкой и блестящей меловой коркой. Вторая – светло-серый, прозрачный в тонких сколах кремень с многочисленными белыми включениями. Часто он частично патинирован. Третья разновидность – «молочный» крупнозернистый кремень. Четвертая представлена желто-коричневым непрозрачным сырьем. Третья и четвертая группы представлены единичными изделиями. Отдельные экземпляры патинированы и обожжены.

О форме предметов расщепления можно догадываться исключительно на основании поперечного скола рабочей поверхности призматического нуклеуса для снятия пластинок с широкой, регулярной, уплощенной рабочей поверхностью. Пластины и пластинка имеют частичную или нерегулярную ретушь. Скребки – концевые на медиальных частях пластин (2 шт.), концевой и двойной на отщепах и стрельчатый на патинированном отщепе с высокой ступенчатой ретушью, которая покрывает фактически весь периметр изделия, за исключением пятки. Скребло с выпуклым лезвием оформлено на массивном отщепе ступенчатой ретушью. Также присутствуют два обломка лезвий скребков. Ретушеры изготовлены на сколах (2 шт.) и на обломке гальки (1 шт.) Одиночными экземплярами представлены 2 пластины с выемками, угловой резец на пластине и небрежно оформленный перфоратор на отщепе (рис. 6).

Пятый мыс. Характерный неолитический материал мало представлен в этой части черняховского поселения. Здесь собрано несколько кремневых артефактов, изготовленных в той же технике и из того же сырья, что и изделия из других локализаций позднего неолита. Они представлены скреблом на отщепе, 3 отщепами, 2 ретушерами на отщепах, скребком с лезвием на 2/3 периметра и ретушированной частью пластины с люстром по неретушированному краю.

Материалы черняховской культуры

Подъемный материал сконцентрирован на мысоподобных возвышенностях правого берега р. Южный Буг, значительно фрагментирован в результате многолетней пахоты, что, вместе с присутствием керамики Нового времени, создает определенные проблемы при его интерпретации; кроме того, его многочисленность свидетельствует о значительном разрушении культурного слоя.

Чуть менее 40% от общего количества находок составляет шероховатая керамика. Она представлена венчиками, стенками толщиной 0,5-1,3 см, а также доньями, большинство из которых на плитчатом поддоне, и лишь некоторые – на кольцеобразном. Столовая керамика составляет более 30% от общего количества находок. Это венчики, ручки уплощенные и круглые в сечении, стенки толщиной 0,4-1,2 см, донья, из которых половина на плитча-

том поддоне, некоторые на кольцеобразном. Менее 25% от общего количества находок составляют фрагменты сероглиняной лощеной керамики. Это венчики, ручки, стенки толщиной 0,4-1 см, среди них есть орнаментированные, а также обожженные в атмосфере с искусственным добавлением углерода. Из фрагментов днищ только 1 – на плоском поддоне, остальные – на кольцеобразном. Несколькими фрагментами (около 2%) представлена красноглиняная керамика.

К керамической таре принадлежит фрагмент верхней части зерновика (рис. 8/6), а из импортной керамики присутствуют несколько фрагментов стенок красноглиняных амфор и 2 фрагмента горла светлоглиняных амфор.

К изделиям из стекла принадлежат фрагмент венчика кубка и ножки кубка (рис. 8/1, 3); еще 2 фрагмента оконного стекла, возможно, относятся к античному времени (рис. 8/2, 4)[2]. Найден фрагмент точильного камня (оселка), а также биконическое пряслице (рис. 8/5). К отходам производства принадлежат многочисленные куски шлаков неопределенного происхождения.

Иные археологические периоды

Пункт находок каменного века у п.г.т. Завалье упоминался в обобщающих работах по палеолиту и мезолиту Побужья (Смольянинова 1989; Смольянинова 1990). Большая часть собранного на поверхности комплекса археологических памятников Каменное-Завалье расщепленного кремня, безусловно, принадлежит поздненеолитической культуре линейно-ленточной керамики. Все же отдельные изделия, изготовленные из редких групп сырья, покрытые глубокой белой и серой патиной, могут относиться и к более ранним периодам каменного века.

Многочисленные материалы трипольской культуры с первого мыса описаны в отдельной работе (Пересунчак 2012; Кіосак, Пересунчак, Литвинчук 2013).

В подъемном материале встречаются и отдельные черепки керамики с двух-, трехцветным изломом, с характерной обработкой поверхности. Возможно, это следы посещения

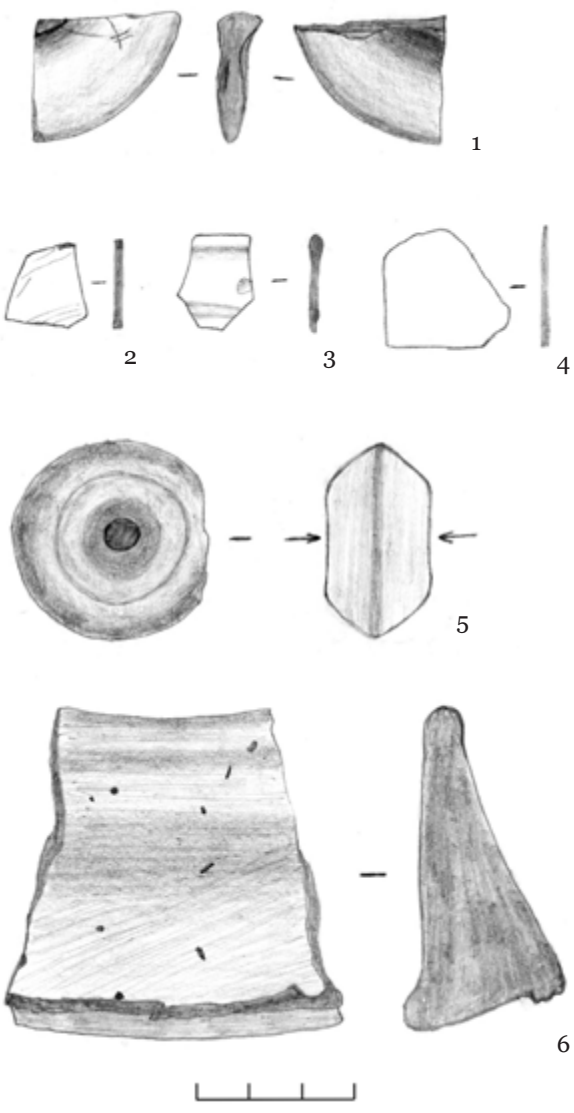


Рис. 8. Каменное-Завалье. Материалы черняховской культуры.

площади комплекса памятников в период позднего бронзового века.

В 2011 году на поверхности был обнаружен фрагмент зеркальца из белого металла (биллона?). По морфологии и простому рельефному декору зеркальце может быть отнесено к XIII-XIV вв. (Руденко 2004), что свидетельствует о существовании средневекового эпизода использования удобного участка правого берега р. Южный Буг[3].

Материалы Нового и Новейшего времени, скорее всего, связаны с функционированием

[2] Определение сотрудника ОАМ НАНУ А.Н. Колесниченко.

[3] Определение А.Н. Колесниченко.

группы хозяйственных построек (скотного двора – кошары?), зафиксированной на трехверстовой карте Шуберта (1860-1880-х гг.), в глубинной части поля, в плоской и широкой лощине за «четвертым мысом». Именно здесь собрано и максимальное количество керамических остатков этого периода.

Выводы

1. Явление многократного использования отдельных участков местности хорошо известно в археологии (Kuna 2004; Neustupný 2007). Иногда археологические следы такого использования необходимо обозначать термином «комплекс памятников». Понятие «многослойного поселения» может оказаться недостаточным. Модель последнего как ряда разновременных слоев, залегающих в стратиграфической последовательности на значительной по горизонтальному профилю площади, не в полной мере отражает реалии таких объектов, как Каменное-Завалье.

Отдельные обитания могут не приводить к формированию культурного слоя, все же оставаясь археологически видимыми («средневековый эпизод» на Каменном-Завалье). Зоны распространения разновременных горизонтов находок могут совпадать лишь частично. Так, на Каменном-Завалье материалы КЛЛК встречаются не на всей площади сборов вещей черняховской культуры. В свою очередь, в локусе КЛЛК III-й мыс-центр артефакты последней встречаются лишь спорадически. Несколько обособленных хозяйственно-бытовых комплексов одного времени могут располагаться на площади одного целостного поселения иного археологического периода. Судя по всему, подобная картина наблюдается и в вышеописанном случае: скопления изделий КЛЛК отделены друг от друга достаточно значительными полосами с немногочисленными находками позднего неолита, при этом все они полностью или частично находятся в границах единой зоны распространения подъемного материала черняховской культуры.

Наконец, на изолированных участках памятника культурные отложения могут сохраняться в разной степени. Если в локусе III-й мыс-центр выделен насыщенный культурный слой КЛЛК, то в локусе III-й мыс-Юг находки черняховской культуры и КЛЛК встречались вперемешку на всю глубину почвы и подпочвы.

Итак, несмотря на то, что обитания разного времени достаточно выразительно зафиксированы на площади поселения Каменное-Завалье, понятие «многослойное поселение» представляется малоприменимым к изученным археологическим объектам. Более релевантным кажется концепт «комплекса археологических памятников».

2. На комплексе археологических памятников Каменное-Завалье в результате сбора подъемного материала и шурфовки добыты выразительные археологические материалы, прежде всего, культуры линейно-ленточной керамики и черняховской культуры. Если последние являются типичными и широко известны на Одесщине, то первые вызывают значительный научный интерес. Появляются возможности изучения этой поздненеолитической культуры в классическом ареале местного буго-днестровского неолита. В дополнительном изучении нуждается объект, заполненный костями, обломками обмазки и фрагментами керамики, на участке Каменное-Завалье III мыс-центр. Выявленные тут керамические материалы позволяют отнести обитание позднего неолита здесь к нотной фазе КЛЛК. Аналогичные вещевые комплексы датируются в Западной Украине и Молдове 5400-4700 г. до н.э. (Безусько, Котова 1997; Сапожников, Сапожникова 2005; Ковалюх, Котова Охрименко 2007).

3. Культура линейно-ленточной керамики представляет собой первый неолит для большей части Центральной Европы. Она распространена от Северной Франции до Поднепровья (Lüning 1982; Гаскевич 1997). Фактически нет сомнений, что установление «неолитического образа жизни» в Средней и Западной Европе по большей части состоялось благодаря носителям КЛЛК (Pyzel 2009). По радиоуглеродной хронологии она датируется 5700-4900 гг. до н.э. (Dolukhanov, Shukurov 2004; Dolukhanov et al. 2005). В Украине ее памятники относятся к позднему неолиту (Котова 2002; Охріменко 2009; Ленартович 2013).

Культура линейно-ленточной керамики давно и хорошо известна на территории Укра-

ины. А вот в долине Южного Буга ранее ее материалы встречались лишь в виде отдельных находок на инокультурных поселениях – буго-днестровской неолитической культуры (Даниленко 1969; Гаскевич 2008). В 1973 году С.А. Дворянинов открыл поселение КЛЛК Майнова Балка на одноименном притоке р. Кодыма – правом притоке р. Южный Буг. Поселение принесло выразительную коллекцию столовой и кухонной посуды времени неолита (Дворянінов 1982). В 1989 году Буго-Днестровская экспедиция ИА АН УССР провела шурфовку памятника. В траншее 10×1 м было обнаружено углубление с темным заполнением (Петренко, Дворянинов 1991; Петренко, Сапожников 1993; Ларина, Петренко, Сапожников 1999). В том же году отдельные обломки керамики, по качеству теста похожие на посуду КЛЛК, были собраны неподалеку от вышеописанного поселения (Майнова Балка III) (Петренко, Полищук, Сапожников 1993).

На сегодня существуют весомые свидетельства в пользу наличия нескольких (Майнова Балка, Майнова Балка III, Каменное-Завалье) поселений КЛЛК на территории буго-днестровской культуры. Многочисленный материал КЛЛК позволяет уверенно говорить, что речь идет не об «импорте», а именно об обитании носителей этой культуры в долине Южного Буга и его притоков. Ранее предполагалось, что КЛЛК появляется в ареале буго-днестровской культуры несколько позже последней (Дворянінов 1982; Larina 1994). С другой стороны, известны многочисленные взаимные импорты на поселениях обеих культур (Даниленко 1969; Ларина 1999; Ларина, Петренко, Сапожников 1999; Ларина 2006). Радиоуглеродная хронология может быть интерпретирована неоднозначно (Товкайло 2004; Товкайло 2010). В случае же доказательства синхронности (хотя бы в широком смысле слова) части поздних буго-днестровских памятников и КЛЛК, наличие контактов и взаимоотношений нуждается в отдельной аргументации. Ведь теоретически возможно и длительное параллельное существование разнокультурного населения на определенной территории без видимых следов контактов. Причины этого могут быть разными – от табуирования межкультурного взаимодействия до экономической нецелесообразности отношений (использование разных экологических ниш).

Таким образом, исследование комплекса археологических памятников «Каменное-Завалье» принесло многочисленные и научно значимые археологические материалы. В первую очередь, следует отметить материалы КЛЛК, которые позволили по-новому взглянуть на неолит региона. Видимо, можно ставить вопрос о вхождении Южного Побужья в ареал КЛЛК. Признание этого тезиса вызывает потребность переосмыслить хронологические и содержательные аспекты возможного взаимодействия КЛЛК и буго-днестровской культуры в бассейне р. Южный Буг.

Библиография

Безусько, Котова 1997: Л.Г. Безусько, Н.С. Котова, Культура линейно-ленточной керамики на Украине и ее природное окружение. В сб.: (Отв. ред. С. А. Булатович) Археология и этнология Восточной Европы. Материалы и исследования (Одесса 1997), 140-152.

Бруяко и др. 2012: І. В. Бруяко, Д. В. Кіосак, В.Л. Денисюк, Поселення культури лінійно-стрічкової кераміки на Південному Бузі. В сб.: (Відп. ред. О.П. Тригуб) Матеріали II -ї міжнародної науково-практичної конференції. Аркасівські читання (Миколаїв 2012), 41-42.

Гаскевич 1997: Д.Л. Гаскевич, Віта-Поштова-2 - найсхідніше поселення з матеріалами дунайської неолітичної культури. Археологічні відкриття в Україні 1997-1998 рр., 1997, 11-13.

Гаскевич 2008: Д.Л. Гаскевич, Кераміка «самчинського» типу та проблеми періодизації буго-дністровської неолітичної культури. Кам'яна доба України 11, 2008, 157-187.

Даниленко 1969: В.Н. Даниленко, Неолит Украины: Главы древнейшей истории Юго-Восточной Европы (Київ 1969).

Дворянінов 1982: С.О. Дворянінов, Поселення культури лінійно-стрічкової кераміки Майнова Балка на Одещині. Археологія 38, 1982, 93-95.

Кіосак, Пересунчак, Литвинчук 2013: Д.В. Кіосак, О.С. Пересунчак, Ю. Литвинчук, Кам'яне-Завалля 1 - трипільське поселення етапу В1 на півночі Одещини. В сб.: (Отв. ред. И.В. Немченко) Древнее Причерноморье (Одесса 2013), 295-299.

Ковалюх, Котова Охрименко 2007: Н.Н. Ковалюх, Н.С. Котова, Г.В. Охрименко, Новые данные о хронологии неолитических памятников Волыни. Матеріали та досліження з археології Східної України. Від неоліту до кіммерійців 7, 2007, 3-7.

Котова 2002: Н.С. Котова, Неолитизация Украины (Луганск 2002).

Ларина 2006: О. Ларина, Неолитическая керамика поселения Тэтэрэука Ноуэ XV. Revista arheologică 2/1-2, 2006, 35-55.

Ларина 1983: О.В. Ларина, Керамика культуры линейно-ленточной керамики Данчены I. В сб.: (Отв. ред. Н.А. Кетрару) Первобытные древности Молдавии (Кишинёв 1983), 88-110.

Ларина 1999: О.В. Ларина, Культура линейно-ленточной керамики Пруто-Днестровского региона. Stratum plus 2, 1999, 10-140.

Ларина, Петренко Сапожников 1999: О.В. Ларина, В.Г. Петренко, И.В. Сапожников, Культура линейно-ленточной керамики в Днестро-Бугском междуречье (по материалам поселения Майнова Балка). Старожитності Північного Причорномор'я і Криму 7, 1999, 10-21.

Ленартович 2013: О.В. Ленартович, Культура лінійно-стрічкової кераміки у басейні верхнього та середнього Дністра і Західного Бугу (Київ 2013).

Охріменко 2009: Г.В. Охріменко, Кам'яна доба на території Північно-Західної України (XII-III тис. до н.е.) (Луцьк 2009).

Пересунчак 2012: С.О. Пересунчак, Нові трипільські поселення на Південному Бузі. В сб.: (Отв. ред. В.В. Отрощенко) Земледельцы и скотоводы Древней Европы. Проблемы, новые открытия, гипотезы (дополненное издание) (Киев-Санкт Петербург 2012), 149-159.

Петренко, Дворянинов 1991: В.Г. Петренко, С.А. Дворянинов, Новые данные о неолитическом поселении Майнова Балка. В сб.: (Отв. ред. Е.В. Яровой) Материалы международной конференции «Древнейшие общности змеледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.е. - V в. н.е.)» (Кишинев, 1990) (Кишинев 1991), 14-15.

Петренко, Полищук, Сапожников 1993: В.Г. Петренко, Л.Ю. Полищук, И.В. Сапожников, Новые археологические памятники в северных районах Одесской области (эпоха камня и медный век). В сб.: (Отв. ред. В.П. Ванчугов) Древности Причерноморских степей (Киев 1993), 103-114.

Петренко, Сапожников 1993: В.Г. Петренко, І.В. Сапожников, Дослідження поселення Майнова Балка. В сб.: (Відп. ред. Д.Н. Козак) Археологічні дослідження в Україні 1991 року (Луцьк 1993), 92-93.

Руденко 2004: К.А. Руденко, Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан. Татарская археология 1/2, 2004, 111-156.

Сапожников, Сапожникова 2005: І.В. Сапожников, Г.В. Сапожникова, Хронологія поселень та культурна послідовність мезоліту та неоліту Північно-Західного Причорномор'я. Кам'яна доба України 7, 2005, 87-95.

Смольянинова 1989: С.П. Смольянинова, Карта памятников каменного века степного Побужья. В кн.: В.Н. Станко, Г.В. Григорьева, Т.Н. Швайко, Позднепалеолитическое поселение Анетовка II (Киев 1989), 113-126.

Смольянинова 1990: С.П. Смольянинова, Палеолит и мезолит Степного Побужья (Киев 1990).

Смольянинова, Станко 1976: С.П. Смольянинова, В.Н. Станко, Разведки памятников каменного века на севере Одесской области. В сб.: (Отв. ред З.В. Першина) Археологические и археографические исследования на территории Южной Украины (Киев-Одесса 1976), 112-126.

Станко, Зиньковская 1976: В.Н. Станко, Н.Б. Зиньковская, Разведки памятников эпохи энеолита в северных районах Одесской области. В сб.: (Ред. З.В. Першина) Археологические и археографические исследование на территории Южной Украины (Киев-Одесса 1976), 130-150.

Станко, Смольянинова 1974: В.Н. Станко, С.П. Смольянинова, Разведки в Савранском и Любашовском районах Одесской области в 1974 г., Архив ОАМ НАНУ.

Товкайло 2004: М.Т. Товкайло, До проблеми датування буго-дністровського неоліту. Кам'яна доба України 5, 2004, 236-246.

Товкайло 2010: М.Т. Товкайло, Ранньонеолітичний горизонт поселення Гард і проблема неолітизації Північно-Західного Надчорномор'я та Побужжя. Кам'яна доба України 13, 2010, 208-228.

Aston 2002: M. Aston, Interpreting the Landscape: Landscape Archaeology, Local History (London- New York 2002).

Dolukhanov, Shukurov 2004: P. Dolukhanov, A. Shukurov, Modelling Neolithic dispersal in northern Eurasia. Documenta Praehistorica 31, 2004, 35-47.

Dolukhanov et al. 2005: P. Dolukhanov, A. Shukurov et al., The chronology of Neolithic dispersal in Central , Eastern Europe. Journal of Archaeological Science 32, 2005, 1441-1458.

Kuna 2004: M. Kuna, Prostorová archeologie. In: (Ed. M. Kuna) Nedestruktivní archeologie. Teorie, metody a cíle (Praha 2004).

Larina 1994: O.V. Larina, Neoliticul pe teritoriul Republicii Moldova. Thraco-Dacica XV, 1994, 41-66.

Lüning 1982: J. Lüning, Forschungen zur bandkeramischen Besiedlung der Aldenhovener Platte im Rheinland. In: (Ed. I. Pavlu) Siedlungen der Kultur mit Linearkeramik in Europa. Nove Vozokany 17 20 November 1981 (Nitra 1982), 125-156.

Neustupný 2007: E. Neustupný, Metoda archeologie (Plzeň 2007).

Pyzel 2009: J. Pyzel, Settlement history of the Linear Band Pottery culture in Kuyavia. In: (Eds. D. Hofmann, P. Bickle) Creating Communities. New Advances in Central European Neolithic Research (Oxford-Oakville 2009), 71-79.

Complexul de monumente arheologice „Kamyane-Zavallia" din regiunea Bugului Mijlociu: investigaţiile din anii 2011-2012

Rezumat

În lucrare sunt publicate rezultatele investigaţiilor recente, efectuate la complexul monumentelor arheologice „Kamyane-Zavallia" din nordul regiunii Odesa. Materialele recuperate sunt atribuite culturii ceramicii band-liniare din perioada neolitică şi culturii Černjahov din primele secole ale erei noastre. Identificarea unei aşezări a culturii ceramicii band-liniare în regiunea Bugului de Sud impune o nouă tratare a raporturilor dintre această cultură şi cea Bugo-Nistreană.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. A - amplasarea complexului monumentelor arheologice „Kamyane-Zavallia" pe harta Ucrainei; Б – amplasarea siturilor arheologice pe malul de vest al Bugului de Sud: 1 - aşezarea Kamyane-Zavallia 1; 2 - spaţiul de răspândire a vestigiilor culturii Černjahov în zona Kamyane-Zavallia; 3 - descoperiri ale culturii ceramicii band-liniare în zona Kamyane-Zavallia, promontoriul III - centru; 4 - descoperiri ale culturii ceramicii band-liniare în zona Kamyane-Zavallia, promontoriul III - sud; 5 - descoperiri ale culturii ceramicii band-liniare în zona Kamyane-Zavallia, promontoriul IV; 6 - aşezarea Shamrai.

Fig. 2. Kamyane-Zavallia, promontoriul III şi promontoriul IV. Materiale ceramice descoperite la suprafaţa solului.

Fig. 3. Kamyane-Zavallia, promontoriul III - centru. Sondajul 2 şi anexa. Materiale ceramice.

Fig. 4. Kamyane-Zavallia, promontoriul III - centru. Sondajul 2 şi anexa. Materiale ceramice.

Fig. 5. Kamyane-Zavallia, promontoriul III - panta de sud şi promontoriul IV. Sondajul 1 şi sondajul 4. Materiale ceramice.

Fig. 6. Kamyane-Zavallia. Inventar litic.

Fig. 7. Descoperiri ceramice de la Kamyane-Zavallia, promontoriul III - centru.

Fig. 8. Kamyane-Zavallia. Materiale ale culturii Černjahov.

The complex of archaeological sites "Kamyane-Zavallia" in the Middle Bug River valley: investigations in 2011-2012

Abstract

The paper treats the finds from recent investigations of a group of archaeological sites in the north of Odessa region. There were mostly materials of the Neolithic Linear Pottery culture and the Chernyakhov culture. The first Linear Pottery culture site was revealed in the Southern Bug River valley. It makes possible to re-estimate the relations between Linear Pottery culture and the local Bug-Dniester Neolithic.

List of illustrations:

Fig. 1. A - situation of Kamyane-Zavallia archaeological sites' complex in Ukraine, B - situation of archaeological sites on the western bank of the Southern Bug River: 1 - settlement Kamyane-Zavallia 1; 2 - surface finds' area of Chernyakhov culture at Kamyane-Zavallia; 3 - locus of Linear Pottery culture at Kamyane-Zavallia, III promontory - centre; 4 - locus of Linear Pottery culture at Kamyane-Zavallia, III promontory - south; 5 - locus of Linear Pottery culture at Kamyane-Zavallia, IV promontory; 6 - settlement Shamrai.

Fig. 2. Kamyane-Zavallia, III and IV promontories. Pottery. Surface material.

Fig. 3. Kamyane-Zavallia, III promontory - centre. Test-trench 2 and addition. Coarse ware.

Fig. 4. Kamyane-Zavallia, III promontory - centre. Test-trench 2 and addition. Pottery.

Fig. 5. Kamyane-Zavallia, III promontory - south and IV promontory. Test-trenches 1 and 4. Pottery.

Fig. 6. Kamyane-Zavallia. Lithics.

Fig. 7. Potsherds from the object (pit) Kamyane-Zavallia, III promontory - centre.

Fig. 8. Kamyane-Zavallia. Chernyakhov culture finds.

31.03.2014

Др. Дмитрий Киосак, Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова, ул. Елисаветинская 12, 65000-Одесса, Украина, e-mail: dkiosak@ukr.net

Др. Игорь Бруяко, Одесский археологический музей Национальной академии наук Украины, ул. Ланжероновская 4, 65023-Одесса, Украина

Владимир Денисюк, Одесский археологический музей Национальной академии наук Украины, ул. Ланжероновская 4, 65023-Одесса, Украина

AUTOUR DE LA STATION EPONYME DE CUCUTENI: PAYSAGE ET PEUPLEMENT (VALEA OII, IASI, ROUMANIE)

Robin Brigand
Andrei Asăndulesei
Ionuţ Cristi Nicu

En périphérie des Carpates orientales, la qualité, l'abondance et la relative disponibilité des ressources minérales comme agro-pastorales ont été de puissants vecteurs de peuplement, tout particulièrement en Moldavie où le complexe culturel de Cucuteni-Tripolje signe, dès le milieu du Vème millénaire avant J.-C., l'épanouissement des économies de production. Ces dernières se caractériseront alors par un peuplement plus dense, plus diversifié mais aussi par une intensification de l'exploitation spécialisée des ressources parallèlement à l'extension des réseaux d'échange. Cet accroissement de la production agricole et pastorale effectuée dans le cadre d'une complexification sociale croissante, se répercute sur l'organisation des territoires et sur les formes d'appropriation des ressources naturelles.

La mobilisation des outils de géotraitement des données à référence spatiale – géographiques ou archéologiques – permet de mieux maîtriser les paramètres temporels et spatiaux tout en offrant l'opportunité de mettre en œuvre une approche croisée associant archéologie, environnement et statistiques. De par la qualité des informations archéologiques dont nous disposons et surtout en raison de l'exhaustivité des recherches qui y ont été menées, la Valea Oii dans le département de Iaşi (fig. 1) s'avère être un laboratoire particulièrement intéressant.

Il ne s'agira pas ici de proposer une énième contribution à cette vallée bien connue des préhistoriens depuis la découverte il y a 130 ans, de la station éponyme de la culture de Cucuteni (Cucuteni-*Cetăţuie*, com. Cucuteni), mais bien plutôt de présenter une approche méthodologique des peuplements et des paysages. Cette problématique prend son sens à partir des dynamiques nouvelles qui s'expriment peu à peu en Europe orientale par les ponts et passerelles entre disciplines géographiques et archéologiques. A Iaşi, la plateforme Arheoinvest contribue à l'étude interdisciplinaire des objets de l'archéologie, sensible par le soutien apporté à plusieurs recherches orientées sur la Valea Oii à travers des approches croisées issues de l'archéologie spatialiste (Asăndulesei 2012; Brigand et al. 2012) et de la géoarchéologie (Nicu 2013).

En France, les recherches diachroniques sur la dynamique des peuplements et des paysages sont en plein essor depuis une quinzaine d'années. Font date la naissance du réseau ISA (Information Spatiale et Archéologie) et les programmes fondateurs *ArcheoMedes* (Durand-Dastès et al. 1998; van der Leeuw et al. 2003) et *ArchaeDyn I* et *II* (Gandini et al. 2012). En Roumanie, ces problématiques sont peu abordées et il faut attendre les études précurseurs autour des sources salées de l'arc externe des Carpates orientales (Weller, Nuninger 2005; Weller et al. 2011), pour que la modélisation des formes d'approvisionnement et de contrôle des ressources soit intégrée aux thématiques de recherche de la communauté scientifique moldave.

Cette contribution poursuit ces dynamiques de recherche et présente une étude intégrée des paysages et des peuplements Précucuteni et Cucuteni (c. 5000-3500 BC) de la Valea Oii. Un outil puissant comme les Systèmes d'Information Géographique (SIG) est mobilisé et complète l'approche archéologique de terrain.

I. Le corpus de données

Entre 2011 et 2013, deux recherches doctorales (Andrei Asăndulesei, Ionuţ Cristi Nicu) et une post-doctorale (Robin Brigand), sous la coordination scientifique de Vasile Cotiugă (Université de Iaşi, Plateforme Arheoinvest) et d'Olivier Weller (UMR CNRS 8215, Paris), se sont intéressées à la

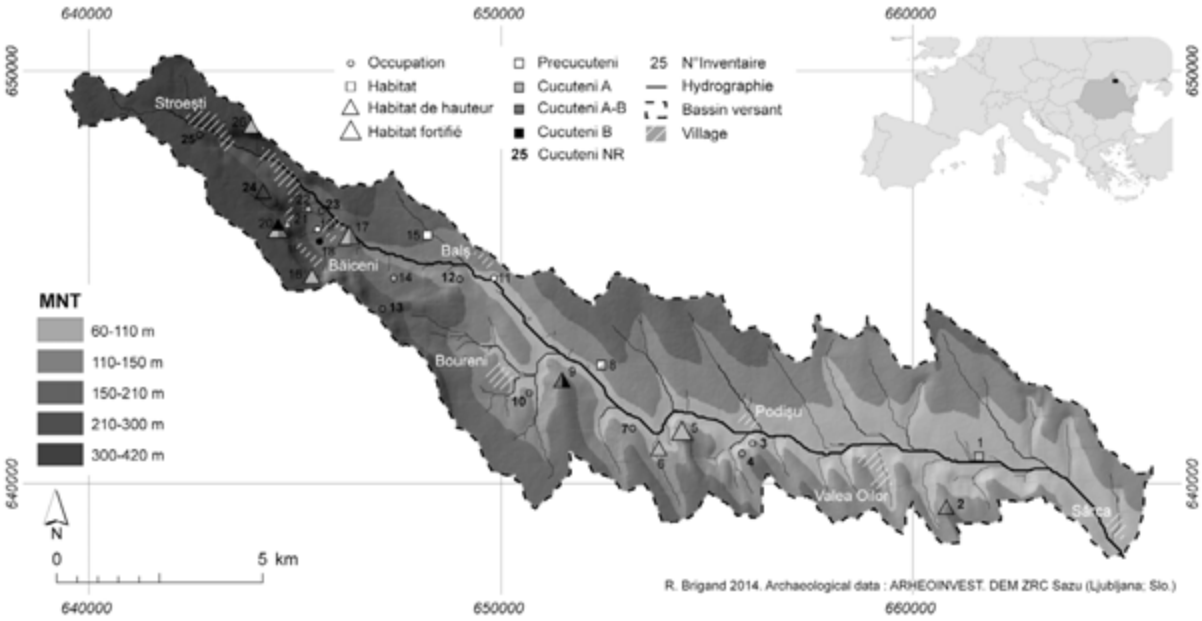


Fig. 1. Carte archéologique de la Valea Oii du Précucuteni au Cucuteni B.

Valea Oii. Dans ce cadre, un inventaire complet avec un recensement des informations bibliographiques essentielles et des principaux résultats de terrain anciens ou plus récents a été réalisé. Publié en l'état par l'un d'entre nous (Nicu 2013, 106-118), nous rappelons simplement les découvertes inédites et orientons le lecteur vers le tableau récapitulatif (tab. 1) et les travaux de référence exploités pour la constitution du corpus de données archéologiques (Petrescu-Dîmboviţa 1966; Zaharia, Petrescu-Dîmboviţa, Zaharia 1970; Chirica, Tanasachi 1984-1985; Monah, Cucoş 1985; Popovici 2000; Văleanu 2003; Petrescu-Dîmboviţa, Văleanu 2004; Boghian 2004).

Dans cette vallée d'une superficie de 95 km² environ, du Précucuteni au Cucuteni B, près de 26 sites sont documentés et géoréférencés dans les SIG utilisés (ArcMap 10.1, QGIS 2.0.1, SAGA GIS): 15 sont relevés par GPS, 11 sont des pointages manuels précis. La part des sites par période suit l'évolution constatée à l'échelle régionale (fig. 2), sauf pour le Cucuteni B où le pourcentage de sites du Cucuteni B est en deçà de celle régionale. Le nombre de sites mal calibrés dans le Cucuteni (Cucuteni NR – Non Renseigné) est, dans la Valea Oii, sensiblement plus haut que la valeur régionale.

Une première classification selon la nature de l'habitat a été effectuée (fig. 1). Elle est arbitraire

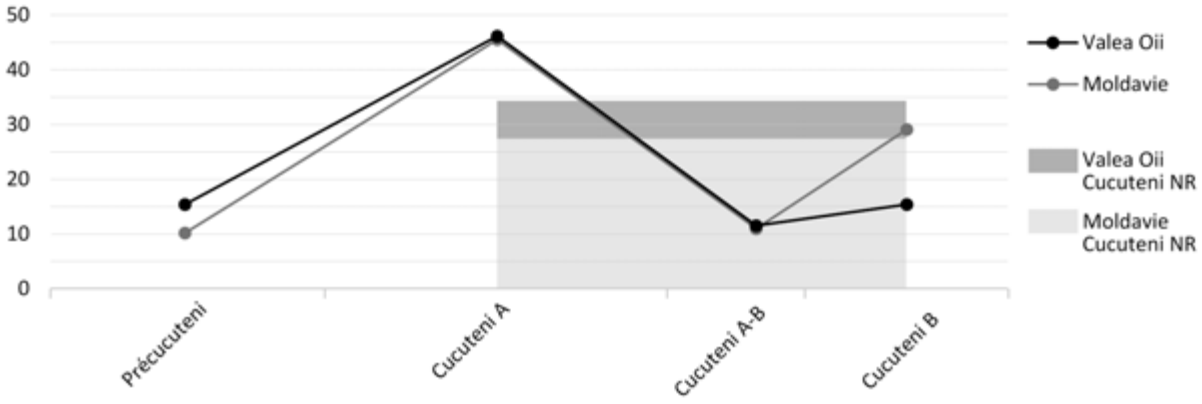


Fig. 2. Valea Oii et Moldavie roumaine: nombre de site par période (%). Cucuteni NR = Non Renseigné.

Tab. 1.

Tableau récapitulatif des données archéologiques. La superficie du champ de vision et la valeur de l'indice topographique (normé) sont indiquées à titre informatif. Les coordonnées géographiques en gras ont été relevées par GPS

Num.	Nom du site	Village	DAT.	X (S70)	Y (S70)	ALT. (m)	VISIB. (km²)	IND. TOP.
1	Dealul Mândra	Bălţaţi	CuA (A3?)	**661687**	**640636**	72,3	3,3	-1,0
2	Movila Hârtopeanu	Bălţaţi	CuNR	**660815**	**639438**	152,3	30,8	0,8
3	Tarlaua Pădure	Podişu	CuNR	**656162**	**640958**	124,3	18,3	1,7
4	Dealul Boghiului	Podişu	CuNR	**655904**	**640707**	140,8	15,2	1,4
5	Dealul Mare	Filiaşi	CuA3	**654469**	**641161**	169,6	36,6	1,9
6	Sud-Vest Dealul Boghiu	Filiaşi	CuA	**653899**	**640781**	115,8	8,8	1,0
7	Vest Dealul Boghiu	Filiaşi	CuNR	**653238**	**641325**	122,1	11,8	0,6
8	Bejeneasa	Boureni	Precu, CuA	652501	642859	130,3	16,1	-0,4
9	Dealul Hârtopului	Boureni	CuA-B, B	**651521**	**642520**	160,9	30,3	1,0
10	Hârtochi, Dealul Hârtop	Boureni	CuNR	**650727**	**642181**	113,1	6,1	-0,7
11	Bejeneasa, La Brigadă II	Balş	Precu	649857	644961	105,4	7,7	-1,1
12	Mamelon	Balş	CuNR	649025	644927	145,3	23,5	0,3
13	Ismiceanu	Cucuteni	CuNR	647144	644213	242,7	33,4	-0,4
14	Târla Luncanului	Cucuteni	CuA	647421	644954	184,0	18,3	-0,6
15	Valea Părului III	Balş	PrecuII, III	648244	646022	151,8	12,0	-0,8
16	Dealul Mănăstirii, la Dobrin	Băiceni	CuA3	**645442**	**644971**	305,4	25,7	0,5
17	Dâmbul Morii	Băiceni	CuA2, A-B1, A-B2	**646364**	**646030**	157,8	6,8	-1,5
18	Gostat, La Bazin	Băiceni	CuB	**645615**	**645848**	192,3	9,7	-1,0
19	Lânga Pod	Băiceni	Precu	645566	646187	186,3	9,1	-0,7
20	Cetăţuie	Cucuteni	CuA2, A3, A-B2, B1, B2.	**644772**	**646121**	301,7	33,3	1,7
21	Hurez	Băiceni	CuA	**644828**	**646246**	278,7	23,0	-1,5
22	Dâmbul lui Pletosu	Băiceni	CuA	645349	646634	196,4	8,7	-0,7
23	Silişte	Băiceni	CuNR	645660	646575	179,3	6,8	-0,5
24	Platoul de la VSV	Băiceni	CuNR	644246	646985	327,4	23,0	0,4
25	Bârghici	Stroeşti	CuNR	642697	648458	347,4	6,3	0,4
26	Pietrarie	Stroeşti	CuA, CuB (?)	**643894**	**648666**	348,6	8,6	-0,6

car elle dépend de prospections de terrain souvent inégales comme des conditions de conservation ou de recouvrement des gisements archéologiques. On distingue:

– les occupations caractérisées par un faible nombre d'artefacts céramiques, généralement de facture modeste;
– les habitats éventuellement perchés où, à côté d'abondants vestiges céramiques ou lithiques, ont été observés de nombreux restes architecturaux;
– les habitats fortifiés.

Dans cette base de données, six sites sont inédits (n°2, n°3, n°4, n°6, n°7, n°9). Ils concernent la moyenne et basse vallée.

N°2. Bălţaţi-*Movila Hârtopeanu*. Ce site est situé à environ 1,5 km SE de Bălţaţi-*Dealul Mândra* (n°1) et à moins de 1 km N de Bălţaţi. Disposé sur le sommet de la colline homonyme, le secteur a été prospecté par A.A., I.C.N. et R.B. (2011) puis accompagné de V. Cotiugă (2012). A ces occasions de nombreux vestiges céramiques (Cucuteni NR) et architecturaux ainsi qu'un fragment de hache polie ont été identifiés.

N°3. Podişu-*Tarlaua Pădure/Dealul Boghiului/ Crescătorie 1*. Peu après Valea Oilor, en vis-à-vis et à 500 m au sud de Podişu (ancien village de Făcuţi) et sur un promontoire fortement érodé au nord et qui prolonge la colline Boghiului, ce site a été prospecté à deux reprises (2011) par A.A, N. Ursulescu et V. Cotiugă puis accompagnés de I.C.N. et R.B. Le peu de matériel découvert va dans le sens d'une calibration incertaine dans le Cucuteni. Le site homonyme renseigné dans le corpus bibliographique (Zaharia, Petrescu-Dîmboviţa, Zaharia 1970, 193; Chirica, Tanasachi 1984, 48; Monah, Cucoş 1985, 130; Popovici 2000, 107; Boghian 2004, 181) semble plutôt correspondre à Filiaşi-*Dealul Mare* (n°5).

N°4. Podişu-*Dealul Boghiului, Dealul Oilor, Crescatorie 2*. Ce site se trouve à moins de 400 m du n°3 et à environ 800 m SSO de Podişu, sur la partie ouest du promontoire limité à l'ouest par la Valea Oiilor. Ce lieu n'a livré que peu de matériel céramique, malgré les deux prospections réalisées d'abord par A.A., N. Ursulescu et V. Cotiugă puis accompagnés de I.C.N. et R.B. (2011). Ce site est très affecté par les activités érosives de versant d'où une dégradation avancée.

N°6. Filiaşi-*Sud-Vest Dealul Boghiu*. En vis-à-vis de Filiaşi-*Dealul Mare* (n°5) et à environ 700 m SO, l'habitat se situe sur une basse terrasse légèrement inclinée vers le NO (fig. 3). Découvert en 2011 par V. Cotiugă, A.A., I.C.N. et R.B., il est caractérisé par de très nombreux fragments céramiques et lithiques Cucuteni A. Des éléments architecturaux peu nombreux ont été identifiés sur près de 1,3 ha. Une levée de terre de facture anthropique délimite l'extension maximale de l'établissement même s'il est en l'état actuel des recherches, impossible d'affirmer l'existence d'un habitat fortifié.

N°7. Filiaşi-*Dealul Harbuzăriei/La vest de Dealul Boghiu*. Au printemps 2012, R.B. et F. Picard ont mis en évidence une occupation modeste située à environ 1,5 km O de Filiaşi-*Dealul* Mare (n°5) et à 250 m SSV du barrage de l'étang de Filiaşi (Brigand et al. 2012, 26). Caractérisé par un matériel peu abondant, de facture grossière et peu étendu, ce site est calibré dans le Cucuteni NR (fig. 3). Une prospection réalisée par R.B. à l'automne 2013 n'a pas permis de préciser la chronologie.

N°9. Boureni-*Dealul Hârtopului*. Un riche établissement a été identifié en 2012 par R.B. et F. Picard, au sud de l'étang Lipovanului, au nord de la colline Bejeneasa et à environ 1,4 km E de Boureni. Sur cet établissement important qui domine la confluence des ruisseaux de Băiceni et de Boureni, au moins trois maisons distribuées sur une superficie de plus de 2500 m² ont pu être remarquées. Le matériel archéologique y est abondant: céramique fine et grossière, parfois peinte, artefacts lithiques et très nombreux fragments de torchis. Le matériel récolté permet en l'état actuel des recherches, une datation dans le Cucuteni A-B et/ou B (fig. 4). D'autres prospections sont indispensables, notamment en raison de l'érosion importante dont ce site fait l'objet vers le nord et l'est. Sommairement décrit dans Brigand et al. (2012, 26), cet habitat semble bien distinct de l'occupation homonyme de Boureni-*Dealul Hârtop/Hartochi* (n°10) découverte par D. Boghian en 1987 (Boghian 2004, 206), datée du Cucuteni NR et prospecté par A.A., I.C.N. et R.B. en 2011,

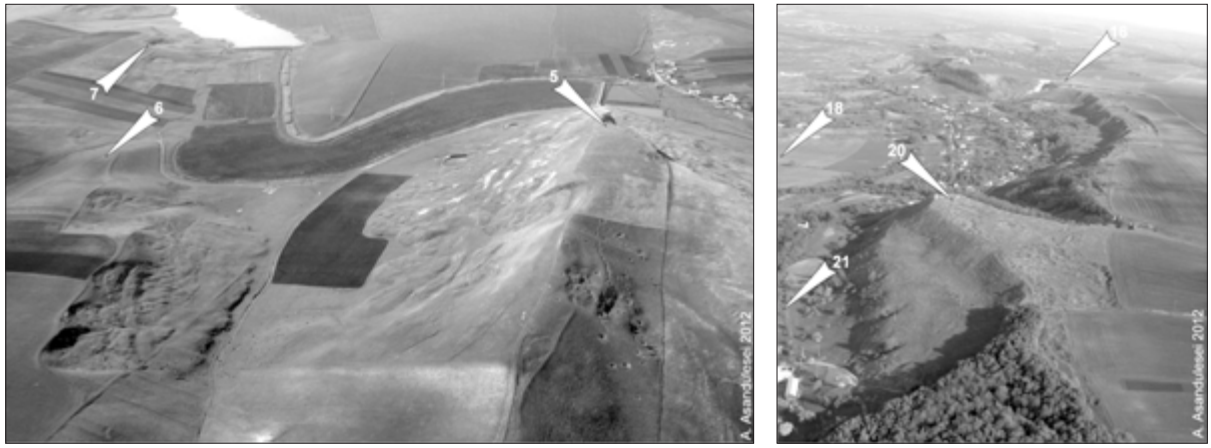


Fig. 3. Vues aériennes obliques de Filiaşi-*Dealul Mare* (n°5) et de Cucuteni-*Cetăţuie* (n°20).

Fig. 4. Céramiques collectées sur le site de Boureni-*Dealul Hârtopului* (n°9).

sans que puissent être apportés d'éléments nouveaux permettant d'affiner la chronologie.

En regard des données archéologiques dont les plus récentes viennent d'être décrites, les données topographiques sont prises en compte dans le cadre d'une démarche qui vise à décrire les environnements et paysages de la Valea Oii.

II. Les unités de paysage

II.1. Les composants topographiques

Seule la variable topographique est exploitée. D'autres descripteurs environnementaux importants – tout particulièrement ceux pédologiques et agronomiques – n'ont pas été mobilisés ici. Gageons qu'une future contribution permettra d'intégrer la variable «sol», même si elle n'est pas sans poser un certain nombre de questions sur la dynamique de la pédogénèse. En revanche, on reconnaît la variable topographique globalement stable dans la durée, même sil'importance des activités érosive de versant peut localement influer sur la morphologie de la vallée.

Notre étude repose sur un Modèle Numérique de Terrain (MNT) à haute résolution (20 m) réalisé par les collègues de l'Université de Ljubljana (Slovénie) sur des images radar ERS acquises dans le cadre du projet CNRS «Eau, Environnement, Société» (2003-2005, dir. O. Weller).

Un certain nombre de traitements permettant de contrôler plusieurs processus naturels est exploité dans cette contribution. La méthodologie a largement été illustrée dans la littérature de spécialité et les méthodes de calcul y sont notamment décrites (Burrough, McDonnell 1998; Wilson, Gallant 2000; Conolly, Lake 2006). Les données produites, en sus des deux dérivées premières du MNT – l'angle de pente (gradient) et l'orientation (direction) – sont précisées ci-dessous.

– Le *rayonnement solaire global* est un calcul de l'insolation théorique selon la latitude du secteur considéré. La pente et l'orientation contribuent essentiellement à déterminer la valeur de l'ensoleillement. Il prend également en compte les effets atmosphériques et ceux d'ombre créés par la topographie.
– L'*ouverture du paysage* est une analyse morphométrique classique qui permet d'avoir une vue valable sur les principaux modelés (Yokoama et al. 2002). Elle repose sur la prise en compte, pour chaque pixel, de la ligne de visibilité sur 8 azimuts (r = 10 000 m) et d'une mesure de l'angle de convexité et de concavité. Cette variable peut être redondante avec la visibilité totale – le calcul de la visibilité de chaque pixel du MNT.
– L'*indice topographique* (TPI) est quant à lui une comparaison de l'élévation de chaque cellule avec la moyenne d'un voisinage donné (r = 100); un indice négatif représente des lieux plus bas que leur environnement (vallée, thalweg) alors qu'une valeur donnée positive cor-

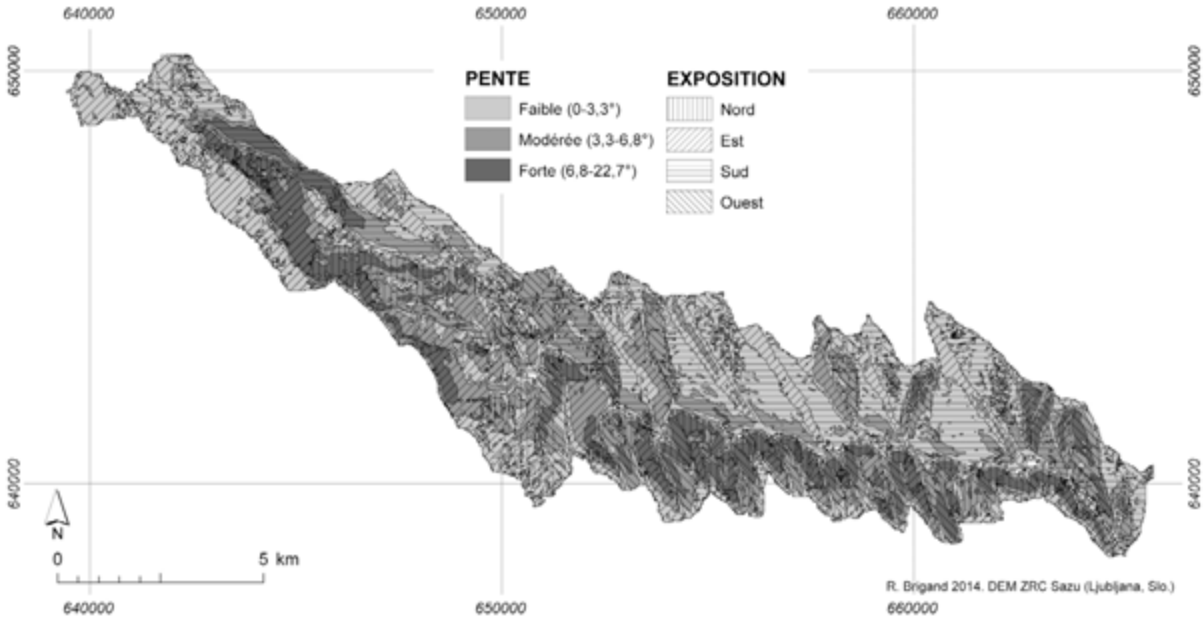


Fig. 5. Analyse multicritère (pente et orientation).

respond à un emplacement plus haut que le voisinage (crête).

– *Hydrographie*. L'hydrographie et le bassin versant sont également modélisés, l'objectif étant de disposer d'une carte des écoulements naturels au-delà des aménagements hydrauliques modernes.

Mise à part l'hydrographie, ces variables sont mobilisées afin de caractériser le paysage de la Valea Oii. Deux exemples sont donnés. Le premier, rudimentaire, relève d'une analyse multicritère; le second est une exploration statistique.

II.2. Typologie du paysage (1)

Nous avons vus qu'avec les deux composés d'une pente, à savoir le gradient et la direction, on dispose d'une première caractérisation valable du paysage. Ces deux variables sont intégrées à l'étude multicritère (fig. 5).

Cette méthode consiste en une combinaison arithmétique de ces deux dérivés du MNT. Le gradient de pente est d'abord structuré en 3 classes par une discrétisation selon les seuils naturels afin d'optimiser les différences interclasses (0-3,3°; 3,3-6,8°; 6,8-22,7°). Le document est en-

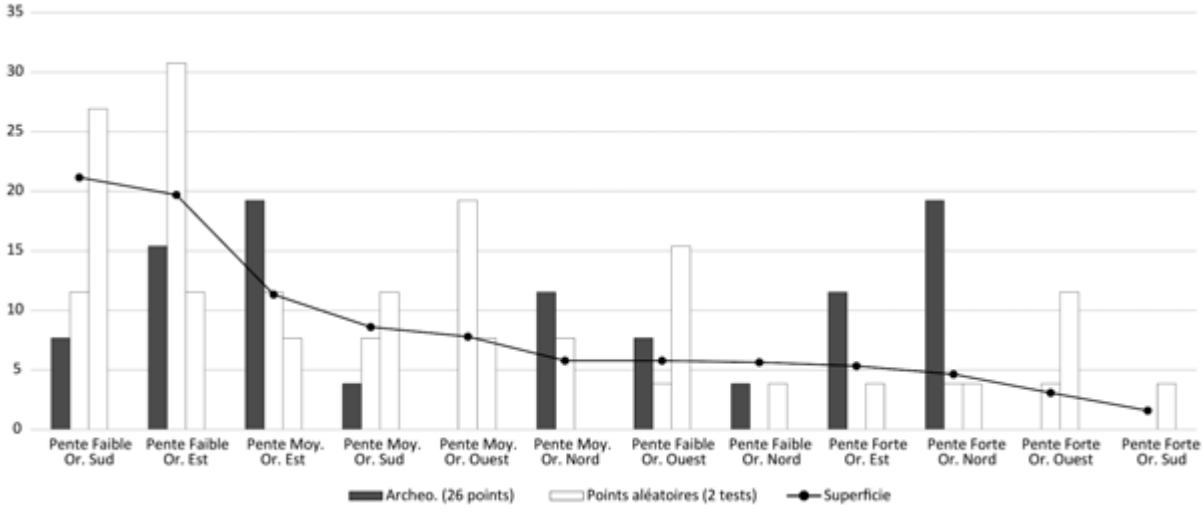


Fig. 6. Unités de paysage et contexte d'établissement (1).

suite lissé par un filtre passe-bas afin de réduire la variation locale comme les valeurs extrêmes en utilisant la moyenne du voisinage. La direction de la pente est organisée en 4 classes de 90° (nord, est, sud et ouest).

La combinaison arithmétique de ces deux expressions de la pente donne 12 classes (fig. 5, fig. 6). Le calcul de superficie de chacune des classes, exprimé en pourcentage et représenté dans un diagramme permet d'obtenir une information rapide sur la part de ces unités dans la configuration de la Valea Oii.

Sur ce document, le nombre de sites chalcolithiques à l'emplacement de chaque unité de paysage est précisé (en %). Afin de montrer que la distribution archéologique répond bien à des choix territoriaux spécifiques, nous avons comparé ce résultat avec deux semis de points aléatoires.

II.2. Typologie du paysage (2)

A travers une exploration statistique des données dérivées de la topographie, il va s'agir de proposer des unités de paysage définies par des configurations spatiales similaires en termes de pente, d'exposition, d'ouverture, de rayonnement global et de modelés topographiques. A la différence du traitement multicritère qui repose sur une classification préalable des variables – respectivement en 3 et 4 classes – il s'agit ici d'identifier des unités de paysage cohérentes et homogènes à partir des variables continues.

La méthodologie suivie dans la Valea Oii prévoit un ré-échantillonnage du MNT à 50 m. Le document qui en résulte prend donc en compte la valeur des cellules continues. Les analyses statistiques sont réalisées sur une base de plus de 237 000 individus, chacun étant décrit par cinq variables (*pentes*, *exposition*, *ensoleillement*, *ouverture* et *indice topographique*).

Afin d'explorer la structure des données, une Analyse en Composante Principale (ACP) est retenue. Dans la situation présente, le calcul n'est pas automatisé dans le SIG sous forme *raster* mais passe par un format vectoriel qui est ensuite intégré au logiciel de *data mining* (Tanagra 1.4).

L'ACP est la méthode de statistique exploratoire probablement la plus utilisée actuellement. Elle propose une représentation dans un espace de dimension réduite qui met en évidence d'éventuelles relations au sein des données et l'existence de groupes d'individus. Dans la mesure où les variables sont de différentes grandeurs, l'ACP est normée: les variables ont été transformées (centrées puis réduites) afin de privilégier la structure de l'information (Lebart et al. 2006, 61-130).

L'histogramme des valeurs propres avec le pourcentage d'inertie expliquée suggère de ne retenir que les deux premier axes pour l'analyse, le premier contenant presque la moitié des informations initiales (44%) et le second un peu moins d'un quart (24%). Alors que le premier est carac-

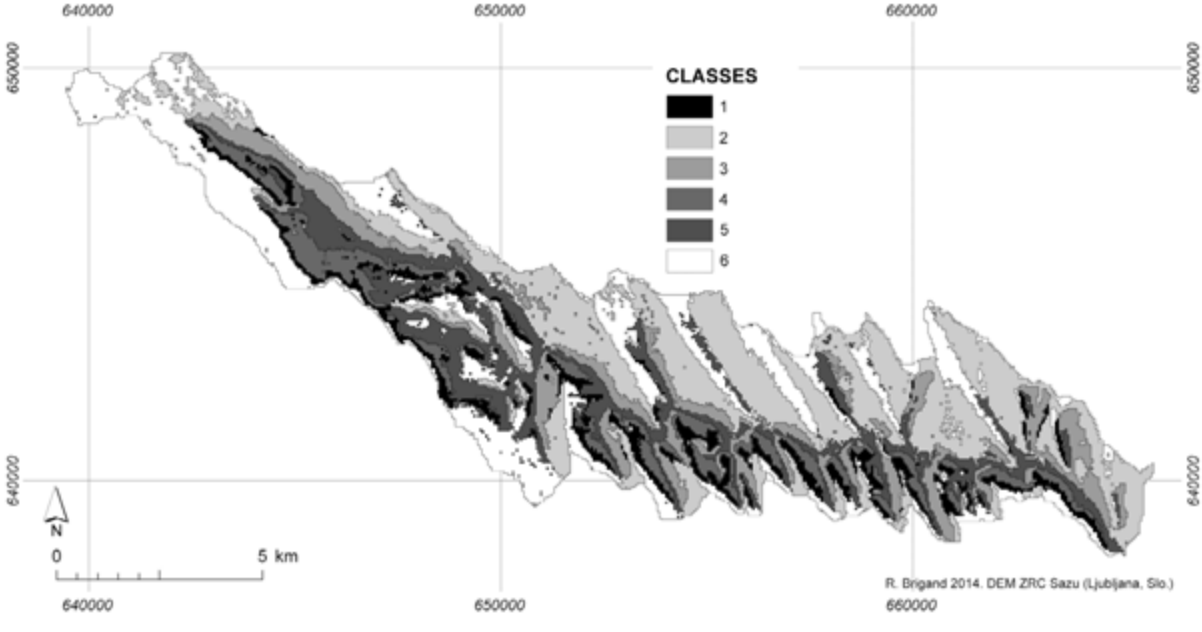


Fig. 7. Analyse multivariée.

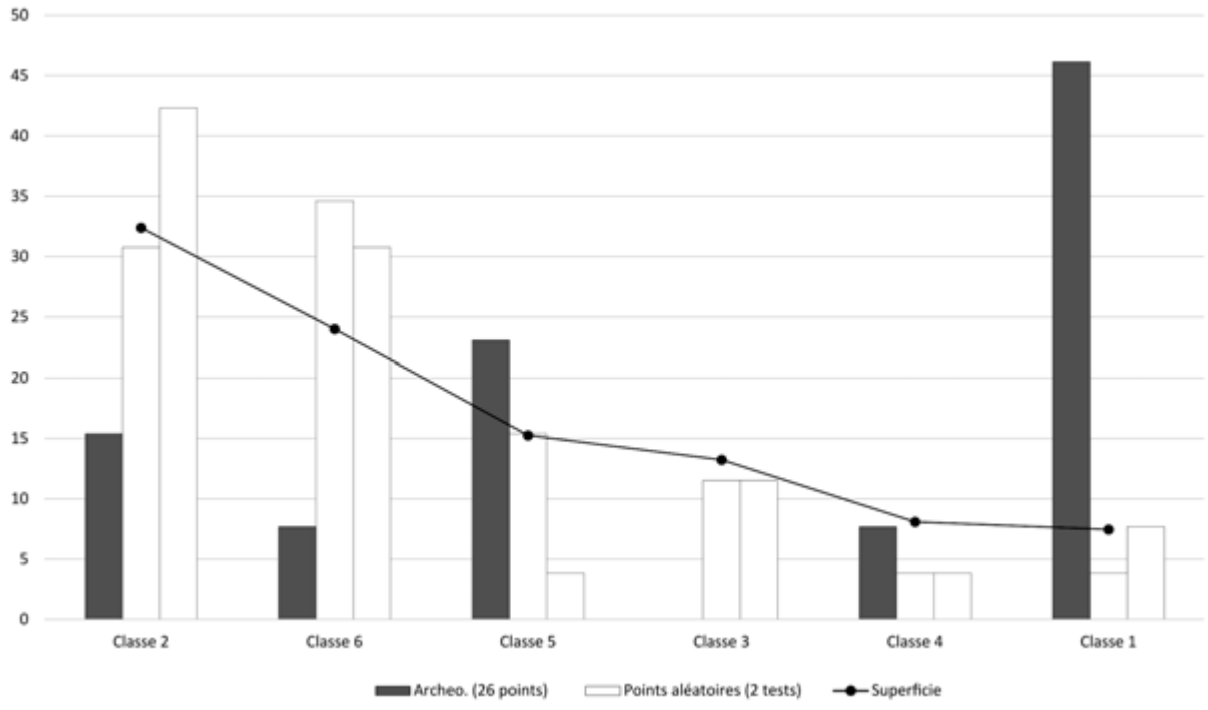


Fig. 8. Unités de paysage et contexte d'établissement (2).

térisé par l'ouverture, la pente et le rayonnement global, le second l'est par l'exposition et l'indice topographique.

La matrice des corrélations brutes et partielles – cette dernière indique les relations entre les variables en contrôlant l'impact de toutes les autres – montre que ces variables présentent des corrélations deux à deux assez importantes. La pente est fortement et négativement liée à l'ouverture (-0,78) mais positivement à l'indice topographique (0,58). De même, l'ouverture est dépendante de l'indice topographique (0,7). Le rayonnement global est, d'une manière générale, assez moyennement corrélé, sauf peut-être avec l'exposition (0,40).

Pour progresser, une méthode d'agrégation classique dite des *k-means* a été exploitée afin d'élaborer une partition pertinente en plusieurs classes (6) (fig. 7). Comme pour le traitement multicritère, la superficie de chaque classe, le nombre de sites archéologiques par classe et une comparaison avec les deux jeux de points aléatoires sont proposés (fig. 8).

La classe 1 (7,6% des observations), qui est aussi la plus réduite en terme de superficie (env. 7 km²) mais qui concentre presque la moitié des établissements (46%), est déterminée par un indice topographique très élevé (crêtes étroites) et par une pente moyenne.

La classe 2 (31,8% des observations, 32 km²), rassemble près de 15% des sites archéologiques. Elle est caractérisée par les premières dérivées du MNT (gradient de pente et exposition) et regroupe les secteurs identifiés par des pentes faibles à nulles orientées globalement au sud, un indice topographique extrêmement réduit mais, en revanche, une exposition solaire et une ouverture très haute.

La classe 3 (13,7% des informations, env. 13 km²) est composée par les pentes moyennes orientées à l'est et au sud-est. Il s'agit d'une classe intermédiaire qui englobe les ruptures de pentes en bas de versant et les fonds de vallée, d'où une fermeture nette du paysage et un indice topographique très bas. Cette classe est assez similaire à la classe 4 (8,2% des observations, env. 8 km²) exception faite que cette dernière correspond à des pentes importantes orientées au nord et au nord-est. Là aussi, l'indice topographique comme l'ouverture du paysage est singulièrement bas.

La classe 5 (15,5% des observations, 15 km²), comporte un nombre important de sites archéologiques (23%). Elle est définie avant tout par des pentes moyennes, un rayonnement et une ouverture comme un indice topographique très réduits.

Quant à la classe 6, qui rassemble 23,2% des observations pour une superficie d'environ 14,5 km², elle concerne des milieux très ouverts avec un rayonnement solaire important, un indice topographique et une pente moyens ainsi qu'une orientation vers l'est, le sud et le sud-est.

Suite à cette caractérisation des ensembles paysagers de la Valea Oii, une typologie de l'habitat chalcolithique de la Valea Oii est proposée selon les variables topographiques. L'exploration statistique accompagnera ensuite une réflexion sur une proposition d'étude des réseaux de visibilité.

III. Classification et réseau d'habitat

III.1. Les variables et la structure des données

L'objectif est de définir pour chaque établissement, une série de descripteurs autant archéologiques, de situation et sitologiques c'est-à-dire se référant au contexte environnemental (Durand-Dastès et al. 1998, 157-161). L'exemple précédent a montré la pertinence des études statistiques pour décrire un paysage et évaluer les choix d'implantation humaine dans la Valea Oii. Pour progresser une ACP est proposée, ici aussi, afin de dresser une typologie des habitats selon leur contexte topographique. Pour la construction de l'espace factoriel, il va s'agir de distinguer des variables actives des variables illustratives qui n'influencent pas l'analyse mais aident à l'interprétation des groupes réalisés suite à une Classification Ascendante Hiérarchique (CAH).

Les variables actives retenues sont les suivantes: *pente*, *ensoleillement*, *ouverture*, *indice topographique*. La majorité des établissements se situant selon une orientation similaire, surtout sur des versants disposés au nord et à l'est, la variable *exposition* n'est pas retenue. Un calcul de visibilité simple est effectué pour chaque établissement (r = 8 000 m, h = 1,7 m). Pour l'élaboration de la variable *visibilité*, le champ de vision n'est pas limité au bassin versant afin de ne pas sous-représenter les domaines visibles de la partie supérieure dudit bassin.

A travers une représentation dans un espace de dimension réduite, l'ACP met en évidence les relations au sein des données au même titre que l'existence de groupes d'individus (fig. 9). Elle est normée puisque les variables sont ramenées dans le même référentiel.

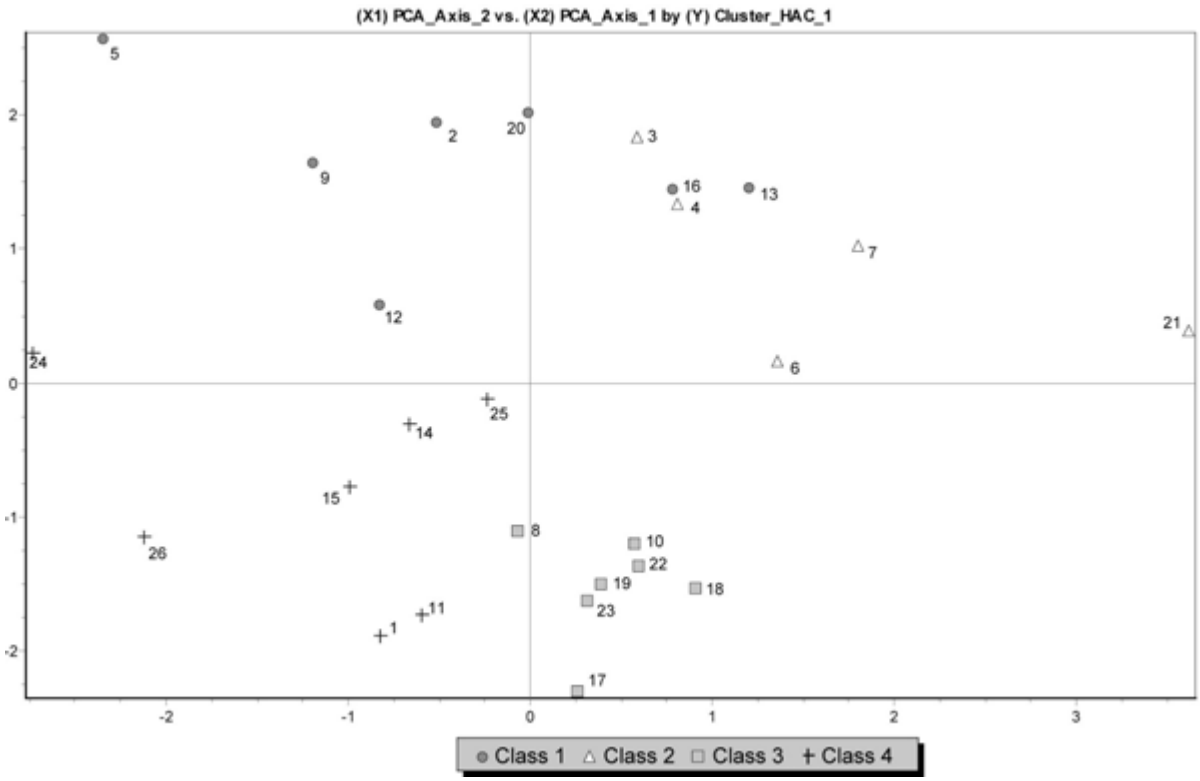


Fig. 9. Projection des 26 individus sur le plan factoriel.

Les descripteurs de situation, qui décrivent les relations et voisinage sont des variables illustratives, c'est-à-dire qu'elles ne contribuent pas à la construction factorielle. Un premier d'entre eux repose sur le nombre de *connexions d'intervisibilité* entre des sites contemporains. Un second s'appuie sur une *distance minimale* inter-sites. Dans le cas d'un site dont la durée est moyenne et qui s'étend sur au moins deux périodes, ces deux descripteurs sont en fait une moyenne des scores obtenus pour chaque période[1]. Les variables archéologiques sont qualitatives. Nous en distinguons quatre types: *qualité* et *quantité* des artefacts découverts (très riche, riche, pauvre, non renseigné); *durée* ou *pérennité* du site (courte, moyenne ou non renseignée); *fouille* ou *sondage* (oui/non); *habitat fortifié* (oui/non).

L'ACP est réalisée sur tous les individus et seulement sur les variables actives. Les deux premières dimensions contiennent plus de 76% de l'inertie totale ; nous aurons là une bonne représentation de l'information. Le premier axe est construit par la variable visuelle et l'indice topographique. Il oppose les sites surélevés et donc de bonne visibilité à ceux de fond de vallée et dont le champ de vision est réduit. De fait, la visibilité est corrélée à l'indice topographique (0,56), même si moyennement, et assez peu à l'ouverture du paysage (0,44) – plus un point est sur une forme surélevée (et convexe), plus il voit. Le deuxième axe est construit par la pente, le rayonnement et l'ouverture du paysage. La pente est moyennement et de façon négative corrélée au rayonnement solaire (-0,56). Ainsi, plus l'environnement d'un site est pentu, moins il reçoit d'ensoleillement.

De fait, le graphe des individus (fig. 9) peut être divisé en quatre parties: les sites de hauteur avec un champ de vision important et une bonne ouverture; les sites de hauteur situés dans un environnement très pentu, peu ensoleillé et ouvert; les sites avec un environnement visuel très ouvert, peu pentu, bien ensoleillé mais avec une visibilité réduite; les sites de vallée avec une visibilité réduite, peu pentu et dans un paysage peu ouvert. On retrouve dans cette partition les principaux groupes produits par la CAH qu'il s'agit maintenant de décrire suite à la visualisation des variables illustratives.

III.2. La constitution des groupes

Si l'ACP est une méthode de visualisation de la structure des données, la CAH permet d'agréger les individus en groupes homogènes de contexte d'établissement (fig. 9, fig. 10). La lecture du dendrogramme nous orient sur 4 classes.

La classe 1 rassemble 7 individus (26,9%) caractérisés par des domaines visibles importants, un indice topographique élevé (crêtes et promontoires) et un paysage environnant ouvert. Ce groupe est composé à 42,9% des sites très riches (50% des sites très riches s'y trouvent) et à 28,6% de sites riches (66,7% des sites riches y sont comptabilisées). Il s'agit d'établissements très bien connectés en termes de visibilité; 25% des sites fouillés se situent dans cette classe.

Les établissements importants de Cucuteni-*Cetăţuie* (n°20), de Băiceni-*Dealul Mănăstirii* (n°16) et de Filiaşi-*Dealul Mare* (n°5) sont regroupés ici. D'autres sites, généralement moins biens prospectés ou plus dégradés comme Boureni-*Dealul Hârtopului* (n°9) ou Bălţaţi-*Movila Hârtopeanu* (n°2) sont également regroupés.

La projection des individus sur le plan factoriel et l'étiquetage selon leur groupe d'appartenance (fig. 9) montre un certain étalement de ce groupe ainsi qu'une superposition de deux individus – Cucuteni-*Ismiceanu* (n°13), Băiceni-*Dealul Mănăstirii* (n°16) – avec deux autres de la classe 2 – Podişu-*Tarlaua Pădure* (n°3), Podişu-*Dealul Boghiului* (n°4).

La classe 2 rassemble 5 individus (19,2%). Elle est composée avant tout de sites souvent de hauteur mais disposés dans un environnement pentu. La visibilité et l'ouverture sont néanmoins réduites et le degré d'insertion visuelle de ces établissements est très bas. Ce groupe est composé à hauteur de 60% de sites pauvres en termes de matériel archéologique (20% de sites riches) qui ont presque en totalité fait l'objet de prospection pédestre (80%), 1 seul ayant été sondé (Băiceni-*Hurez*, n°21). Ce sont des sites en position secondaire ou en base de versant à l'image du site de Filiaşi-*Sud-Vest Dealul Boghiu* (n°6).

La classe 3 (7 individus, 26,9%) est bien distinguée. Elle est composée des sites situés dans un

[1] Dans le cadre du programme *Archaeomedes* les sites dont la chronologie est incertaine (10% du corpus), ne sont pas documentés par les descripteurs de situation. Dans la Valea Oii, les établissements Cucuteni NR forment près de 35% du corpus; à cette échelle, les évincer reviendrait à appauvrir singulièrement les analyses et limiter la recherche des formes de complémentarité et d'association des habitats. Ils sont ici associés à chaque période, même si nous convenons que ce choix méthodologique est discutable.

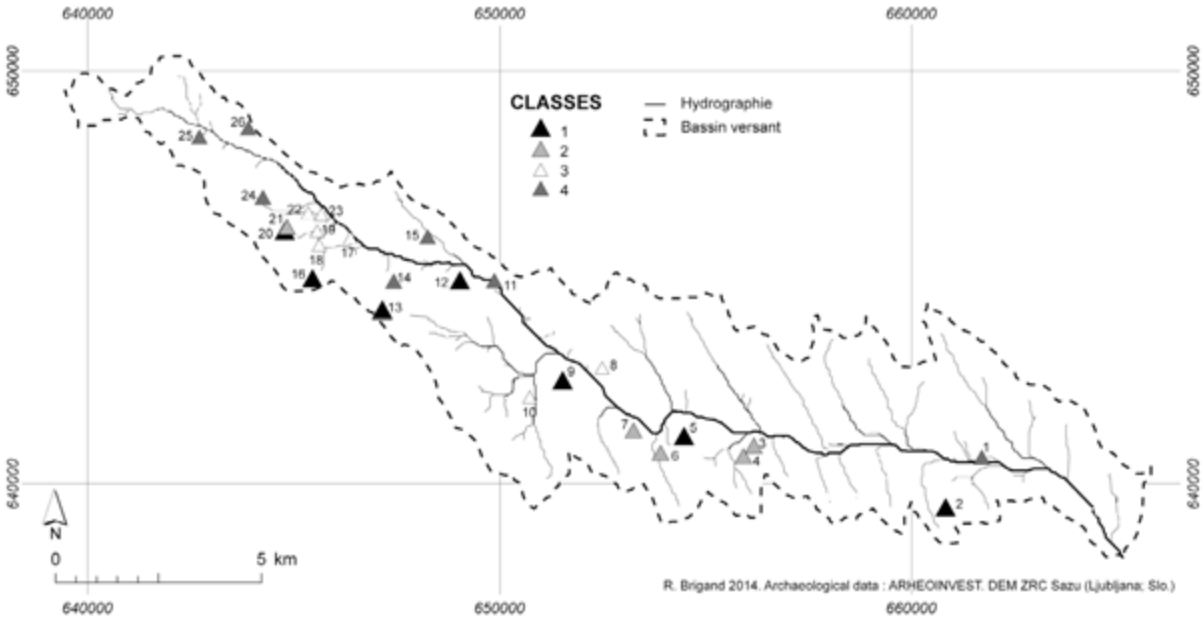


Fig. 10. Classement des individus selon les variables dérivées de la topographie.

contexte où le rayonnement solaire est important, les pentes faibles voire nulles, les visibilités comme l'indice topographique ou l'ouverture sont très réduits. En revanche le degré d'agrégation – identifié grâce à la mesure de la distance minimale – est particulièrement élevé: il s'agit bien d'un groupe cohérent et spatialement localisé à l'amphithéâtre érosif de Băiceni, au pied du plateau de Laiu (fig. 10).

Quant au groupe 4 (7 individus, 26,9%), il regroupe normalement les sites de vallée – à l'exception de Stroeşti-*Dealul Bârghici* (n°25) et Stroeşti-*Pietrărie* (n°26). Le paysage autour de ces sites est très ouvert en dépit d'une visibilité réduite qui explique un degré de connexion visuelle très bas. Des sites très riches sont néanmoins compris dans cette classe à hauteur de 28,6 %, notamment Bălţaţi-*Dealul Mândra* (n°1) et Stroeşti-*Pietrărie* (n°26).

L'analyse factorielle pointe néanmoins un certain nombre de problèmes dans l'agrégation des groupes de la CAH (fig. 9). Par exemple on peut s'interroger sur la pertinence de la classe 4 qui associe des sites dont le contexte géographique paraît très dissemblable: les sites de vallée de Bălţaţi-*Dealul Mândra* (n°1) et de Balş-*Bejeneasa* (n°11) sont regroupés avec Băiceni-*Platoul de la SV* (n°24), Stroeşti-*Bârghici* (n°25) ou Stroeşti-*Pietrărie* (n°26). Sur le plan factoriel le nuage de cette classe est trop étendu et il serait judicieux d'affiner cette classification en évaluant plus précisément le nombre et l'amplitude des groupes. La partition en trois groupes proposée par la CAH ne convenant pas, il faudrait peut-être s'orienter sur une classification en 6 groupes ainsi que l'indique le dendrogramme.

L'analyse factorielle permet ici d'appréhender des statuts et rangs distincts selon la position d'un site dans le paysage. Ainsi, un site retranché et de hauteur, apparaît comme un pôle fédérateur qui s'inscrit dans un réseau hiérarchisé d'habitat. Cette approche de statistique exploratoire, bien qu'elle doive être approfondie, n'en est pas moins un cadre pertinent pour appréhender l'organisation des territoires des sociétés chalcolithiques.

III.3. Les réseaux d'intervisibilité

Afin d'enrichir l'étude des peuplements de cette vallée, une analyse des visibilités est proposée. Elle fait partie des outils classiques proposés par les SIG pour appréhender la trame des occupations archéologiques et on notera à ce sujet les travaux fondateurs de V. Gaffney et Z. Stančič (1991), D. Wheathley (1995) et M. Llobera (2003). A partir d'un MNT, le calcul du champ de vision (ou cône visuel) le plus simple est de type binaire: il distingue pour un ou plusieurs établissements, les cellules vues de celles non vues (visibilités simples et multiples). Le calcul simple des visibilités a permis de mesurer la superficie des domaines visibles, pour chaque établissement, et

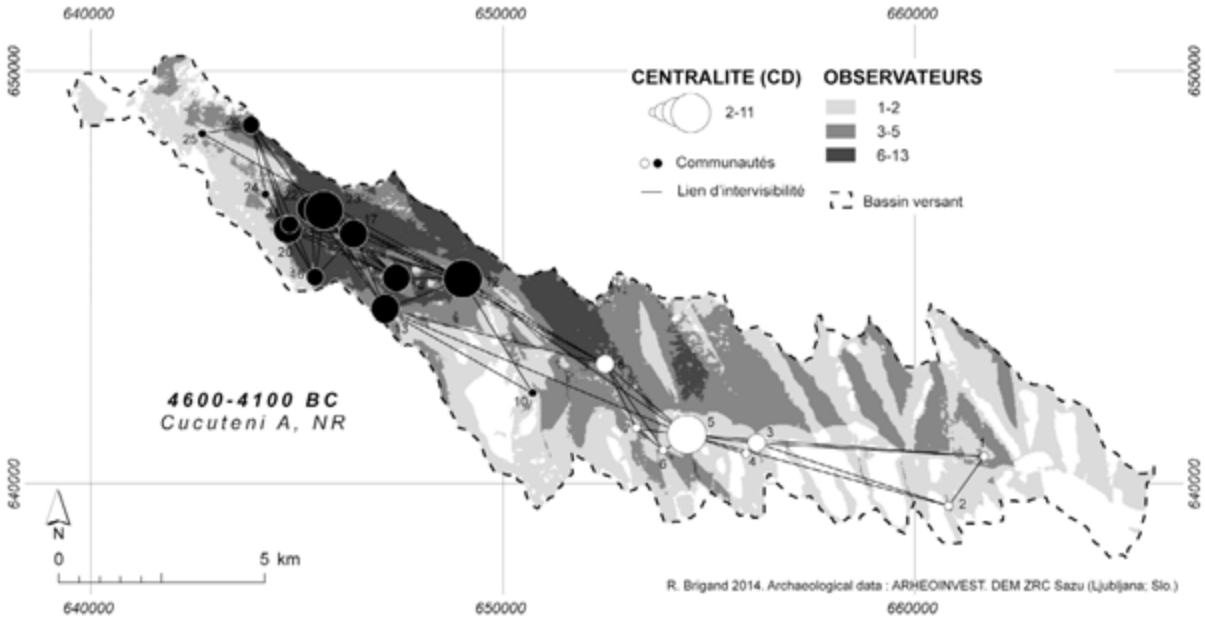


Fig. 11. Visibilité cumulée et centralité de degré (CD) du graphe d'intervisibilité (Cucuteni A et NR).

d'associer cette variable à la CAH. Une carte de visibilité cumulée correspond à la somme algébrique des cartes de visibilités simples obtenues pour chaque établissement, ici du Cucuteni A et Cucuteni NR (fig. 11).

Autour de l'étude des réseaux de communication visuelle, Z. Čučković (2013) de l'Université de Besançon a récemment ouvert des perspectives stimulantes. Ce dernier propose d'explorer les réseaux d'intervisibilité en mobilisant les outils classiques de l'analyse des graphes (Čučković 2013, 79). A partir du script qu'il a préparé dans le cadre de sa recherche, les liens d'intervisibilité sont calculés (h = 1,7 m, r = 8000 m) puis intégré dans un logiciel d'étude de graphes (Gephi 0.8.2). Les résultats statistiques portant sur la structure du graphe et les propriétés des nœuds sont ensuite spatialisés dans le SIG (dans un graphe, la position des éléments dépend de leurs relations; ce n'est pas une projection géographique).

Rappelons qu'un graphe est composé de nœuds ou de sommets – les sites archéologiques – et de liens, ici d'intervisibilité. Un graphe est défini par son ordre *i.e.* le nombre de sommets (21) et sa taille *i.e.* le nombre de liens (114); sa structure peut être décrite par un certain nombre de propriétés (Mercklé 2011). Les algorithmes les plus emblématiques en sciences sociales sont des mesures de centralité (Freeman 1979); elles permettent d'évaluer l'importance et la prééminence de certains nœuds dans le réseau de communication, chacun possédant de fait un rôle et une hiérarchie différents au sein du réseau. Dans le cadre des réseaux d'intervisibilité, le graphe n'est pas orienté (A voit B et réciproquement).

La centralité de degré est la plus intuitive des applications de la centralité. C'est un descripteur rudimentaire de la structure du réseau puisqu'il repose sur l'idée que l'importance d'un nœud dépend du nombre total de liens et connexions qui lui sont rattachés; plus cette valeur est haute, plus l'individu est central et actif dans le système. L'application de cette mesure à un corpus de sites du Cucuteni A (et Cucuteni NR) est présentée sur la figure 11 (en cercle proportionnel). Les résultats fournis montrent que les nœuds n°23 (Băiceni-*Silişte*), n°12 (Boureni-*Mamelon*) et n°5 (Filiaşi-*Dealul Mare*), ayant entre 9 et 11 liens chacun, sont les plus importants dans le graphe. Viennent ensuite les nœuds n°13 (Cucuteni-*Ismiceanu*), n°14 (Cucuteni-*Târla Luncanului*), n°17 (Băiceni-*Dâmbul Morii*), n°20 (Cucuteni-*Cetăţuie*) et n°22 (Băiceni-*Dâmbul lui Pletosu*), tous situés dans le secteur de Băiceni/Cucuteni et dans un bassin de visibilité important.

La centralité d'intermédiarité est une mesure de centralité globale (fig. 12). Elle avère que dans un graphe, un nœud est d'autant plus important qu'il est nécessaire de le traverser pour aller d'un nœud à un autre. Cette mesure repose sur l'idée

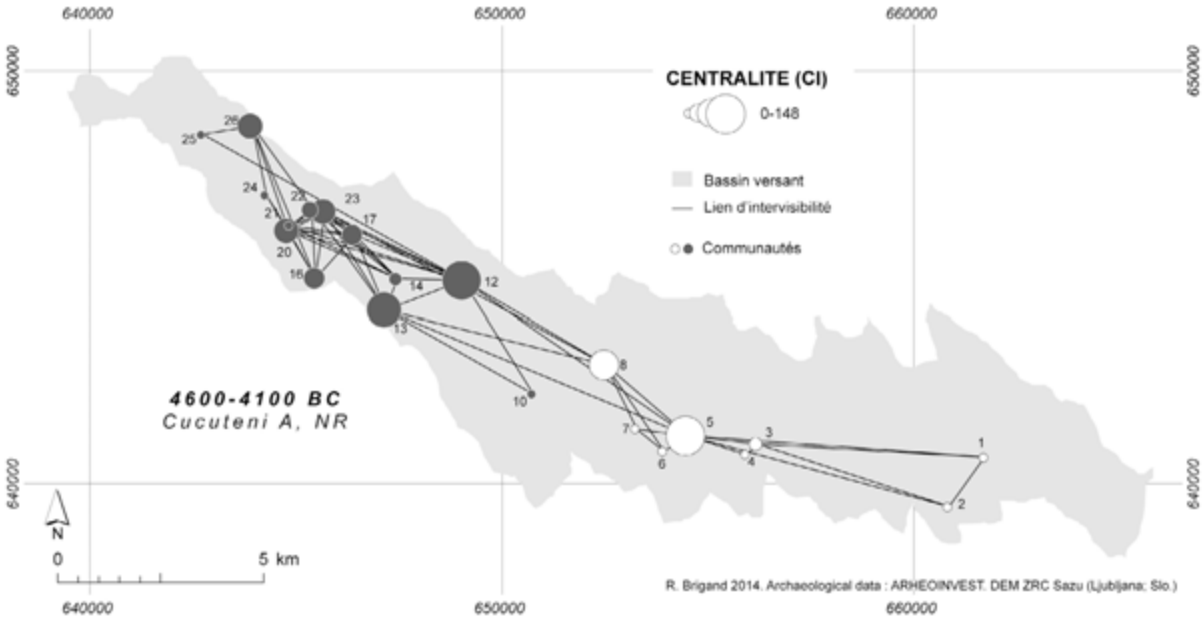


Fig. 12. Centralité d'intermédiarité (CI) du graphe d'intervisibilité (Cucuteni A et NR).

du contrôle exercé par un individu sur les interactions entre deux autres individus. Ainsi, des nœuds non voisins dépendent d'autres nœuds, particulièrement ceux situés «au milieu» et qui ont la capacité de relayer une information. Plus un site archéologique se trouve dans une situation d'intermédiarité sur des chemins que d'autres doivent emprunter, plus il est central de ce point de vue. Cette mesure peut ainsi être interprétée comme un indice du rôle d'un établissement dans le relai et la transmission du signal visuel entre des entités non connectées.

La figure 12 indique la mesure de centralité d'intermédiarité en cercle proportionnel pour les nœuds du graphe d'intervisibilité du Cucuteni A (et Cucuteni NR). On y observe que les deux sites les plus importants – et pivots du réseau de communication visuelle – ont déjà été relevés: n°12 (Boureni-*Mamelon*), n°13 (Cucuteni-*Ismiceanu*) et n°5 (Filiaşi-*Dealul Mare*).

Une autre mesure courante en analyse des graphes consiste à regrouper des individus dans des groupes selon les relations communes qu'ils entretiennent (mesure de modularité). La définition la plus courante de la notion de communauté est celle d'un ensemble de nœuds ayant beaucoup de liens entre eux et peu de liens avec les autres nœuds du graphe. Cette mesure est appliquée pour le Cucuteni A; elle dissocie nettement deux communautés relativement indépendantes.

IV. Eléments de discussion

Cette recherche repose sur l'étude croisée des peuplements et des paysages et tend vers l'appréhension des paramètres qui influent sur les formes de l'occupation de l'espace. Dans la Valea Oii, deux terrains très différents sont observées. Le premier concerne le bassin supérieur (secteur de Băiceni), alors que le second relève du bassin inférieur, de Boureni à Sârca.

IV.1. Le bassin supérieur

Dans la haute vallée jusqu'à Băiceni, le front de cuesta qui limite la plateforme tabulaire de Laiu est peu interrompu, globalement orienté à l'est et paraît homogène sur presque 10 km, de Stroeşti à Boureni. Cette cuesta contribue à former la limite méridionale du bassin supérieur. Mise à part la naissance de plusieurs petits rus qui alimentent le secteur des bassins de Băiceni, cette dernière est peu dégradée. Deux facteurs interdépendants expliquent la morphologie du bassin supérieur: 1) la présence d'un relief structural lié à l'arrangement des roches sarmatiques sous-jacentes du plateau de Laiu; 2) une vallée cataclinale (orientée dans le sens des couches) et symétrique du nord de Băiceni à Stroeşti.

A partir de Băiceni et jusqu'à Balş, sur 2 km, l'axe de la vallée évolue (du NO-SE à l'ONO-ESE) et s'oriente à l'oblique de l'axe d'écoulement imposé par la structure monoclinale de la plaine. Non

strictement orthoclinal, ce tronçon suffit néanmoins à dégager une cuesta secondaire presque orientée Ouest-Est. Limité au sud par la cuesta secondaire qui court vers Balş et à l'ouest par la cuesta de Stroeşti-Băiceni-Cucuteni, ce secteur correspond à une unité de transition entre les reliefs structuraux du bassin supérieur et ceux sculpturaux des bassins moyen et inférieur. C'est à hauteur de la cuesta secondaire naissante, que la vallée affecte une dissymétrie classique de celles orthoclinales: au nord du ruisseau Băiceni, un versant conforme légèrement bombé (*Dealul Lupului*), orienté vers l'est et le sud et peu incliné; au sud du ruisseau Băiceni et donc sur le versant opposé à l'inclinaison des couches, un front de cuesta abrupte, orienté au nord.

Ce secteur de transition correspond aussi à une mutation du système hydrographique qui passe d'une vallée symétrique, incisée et étroite et au débit élevé à une vallée dissymétrique où, en raison d'un abaissement de la dénivelée, le régime hydrique diminue et favorise l'accumulation de sédiments alluviaux et la formation d'espaces humides. C'est d'ailleurs dans cet espace de meilleure disponibilité de la ressource en eau qu'est attestée l'unique source salée (Arcaci, Balş) de la Valea Oii (Weller et al. 2007, 175-177). Elle pourrait jouer un rôle d'attraction dans le peuplement à l'image de ce que l'on observe dans les piémonts des Carpates orientales (Weller et al. 2011).

Dans le petit amphithéâtre de Băiceni, aux pentes modestes et orientées à l'est et sur les hauteurs qui le dominent, se trouve le premier noyau de l'occupation Cucuteni de la vallée, structuré autour d'habitats stables par exemple Cucuteni-*Cetăţuie* (n°20) et Băiceni-*Dâmbul Morii* (n°17). De nombreux établissements secondaires qui forment le réseau particulièrement dense de l'occupation Cucuteni en font partie. Cette dernière repose sur deux typologies d'habitat: ceux perchés, à grande visibilité; ceux de vallées, à visibilité moindre.

Les habitats de hauteur dominent visuellement de vastes portions de territoire et sont à ce titre bien connectés au réseau de communication visuel. Il s'agit aussi de sites riches et bien documentés tels que Cucuteni-*Cetăţuie* (n°20) et Băiceni-*Dealul Mănăstirii* (n°16). D'autres sites moins prospectés, ne semblent pas pour autant moins importants, tout particulièrement s'agissant des habitats de Balş-*Mamelon* (n°12) et de Cucuteni-*Ismiceanu* (n°13). En effet, le graphe d'intervisibilité du Cucuteni A montre le rôle majeur de ces deux établissements dans le réseau de communication de la vallée: en position interstitielle entre les deux noyaux du bassin inférieur comme supérieur, leur fonction dans le relais du signal visuel est très bien soulignée par la centralité d'intermédiarité. Ces deux établissements – tout particulièrement Balş-*Mamelon* (n°12) – sont centraux car ils sont un passage obligé sur des chemins que d'autres doivent emprunter pour participer au réseau.

Les habitats de vallée autour de Băiceni forment un groupe à part très bien individualisé par ses caractéristiques de paysage. Situés dans un bassin de visibilité très ouvert, ils sont de plus étroitement reliés entre eux (centralité de degré) mais peu centraux à l'échelle du réseau (centralité d'intermédiarité).

Il est néanmoins intéressant de noter que les couples de nœuds n°20 et n°23 (Cucuteni-*Cetăţuie* et Băiceni-*Silişte*) et n°16 et n°17 (Băiceni-*Dealul Mănăstirii*, Băiceni-*Dâmbul Morii*) possèdent une centralité d'intermédiarité moyenne car s'ils contribuent à la redistribution des visibilités du bassin de Băiceni vers la haute vallée – Stroeşti-*Pietrărie* (n°26) – ou la moyenne vallée – Balş-*Mamelon* (n°12) – et ainsi vers le bassin inférieur, ils n'en sont pas moins deux-à-deux adjacents et peu dépendants des autres nœuds du réseau pour leurs relations.

Les valeurs de centralité les plus faibles correspondent aux nœuds n°25 (Stroeşti-*Bârghici*). Les nœuds n°24 (Băiceni-*Platoul de la VSV*) et n°21 (Băiceni-*Hurez*) possèdent une centralité d'intermédiarité nulle: cela signifie qu'ils ne se situent à aucun moment en position de site-pivot et qu'ils ne relaient pas d'information visuelle.

IV.2. Le bassin inférieur

Entre Băiceni et Balş mais surtout à partir de Boureni, on passe rapidement d'un relief structural, c'est-à-dire fortement contrôlés par la structure des terrains, à un autre plutôt sculptural façonné par l'hydrographie et l'érosion. Bien que non complètement perpendiculaire à l'inclinaison de la structure monoclinale, le bassin inférieur présente la dissymétrie classique des vallées orthoclinales à savoir: au nord, un vaste interfluve faiblement incliné vers le sud et flanqué de modestes affluents cataclinaux (*i.e.* orientés dans le sens des roches); au sud, un revers de cuesta orienté au nord, très dégradé et interrompu par

des vallées anaclinales (dans le sens opposé à l'inclinaison des roches), symétriques, encaissées et aux écoulements parfois contrariées au niveau des confluences. Dans cette partie sud le tissu hydrographique, associé à une érosion active de versant contribue à dessiner des promontoires étroits, plus ou moins élevés (de 30 à plus de 90 m d'altitude relative) et fermés sur trois côtés.

De Boureni à Sârca, six de ces éminences peu ou prou saillantes, sont occupées pendant le Chalcolithique, tout particulièrement en amont de Podişu où les prospections récentes ont avéré plusieurs sites inédits. En revanche, à l'aval, jusqu'à Sârca, un seul établissement inédit a été identifié et ce en dépit d'une prospection systématique réalisée au printemps 2012 avec F. Picard.

Dans le bassin inférieur les mesures de centralité, qu'elles soient de degré ou d'intermédiarité, mettent très bien en évidence les relations de dépendance entre l'habitat perché de Filiaşi-*Dealul Mare* (n°5) et les nombreux établissements secondaires excentrés et très peu connectés au réseau. En effet, mis à part les nœuds n°8 (Boureni-*Bejeneasa*) et n°3 (Podişu-*Tarlaua Pădure*), tous les nœuds possèdent une centralité d'intermédiarité nulle puisqu'ils ne se situent jamais sur le passage obligé que d'autres doivent emprunter pour se connecter. Cette structuration très forte du réseau de visibilité autour de Filiaşi-*Dealul Mare* (n°5) pointe un phénomène de hiérarchisation territoriale des plus intéressants puisque des sites pourtant importants tels que Filiaşi-*Sud-Vest Dealul Boghiu* (n°6) ou Bălţaţi-*Dealul Mândra* (n°1) sont marginalisés.

Néanmoins, à proximité de l'exutoire de la Valea Oii, l'effet de bord explique la mauvaise articulation des nœuds n°1 (Bălţaţi-*Dealul Mândra*) et n°2 (Bălţaţi-*Movila Hârtopeanu*) au réseau. Ce dernier n'est en effet pas fermé et déconnecté puisque les nœuds n°2, n°5, n°16, n°20, n°24 et n°26 ouvrent en effet à l'extérieur du bassin versant. C'est particulièrement vrai pour les sites de Bălţaţi-*Movila Hârtopeanu* (n°2) et Filiaşi-*Dealul Mare* (n°5) qui connectent autant vers le nord et le bassin du Bahlui qu'au sud et à l'est, vers le bassin du Bahluieţ. Le site de Bălţaţi-*Dealul Mândra* (n°1) n'en demeure pas moins mal articulé et très dépendant à la fois de Filiaşi-*Dealul Mare* (n°5) que de Bălţaţi-*Movila Hârtopeanu*.

Autour de ces deux sites perchés, l'organisation du peuplement est à la fois similaire et très différente. En effet, si dans ces deux cas on observe une situation de dépendance d'un site de vallée vis-à-vis d'un habitat perché, le degré de connexion au réseau est très différents: Filiaşi-*Dealul Mare* (n°5) est très bien connecté au réseau d'intervisibilité aussi bien interne qu'externe à la Valea Oii alors que Bălţaţi-*Movila Hârtopeanu* ne l'est que de façon très modeste.

Attardons-nous un instant sur la question de la chronologie des sites en prenant l'exemple du site majeur de Filiaşi-*Dealul Mare* (n°5). Il est caractérisé par de nombreux vestiges architecturaux et domestiques ainsi que par une abondante céramique peinte du Cucuteni A3. Sur le site voisin de Filiaşi-*Sud-Vest Dealul Boghiu* (n°6), la céramique de facture Cucuteni A est abondante et parfois de qualité mais n'est jamais peinte. Pour ce groupe d'habitat, dans lequel il faudrait inclure Filiaşi-*Vest Dealul Boghiu* (n°7), il est tout à fait possible d'envisager deux scénarios de développement. Un premier relaterait un déplacement de population de la vallée vers le sommet; un second envisagerait que ces deux sites sont contemporains, au moins ponctuellement et que l'un soit satellite de l'autre. La présence de céramiques peintes comme la quantité de statuettes anthropomorphes ou zoomorphes découvertes à Filiaşi-*Dealul Mare* (n°5) pourrait aller dans le sens d'une hiérarchie autant sociale que territoriale s'exprimant par un réseau d'établissements dépendants très bien mis en évidence par les mesures de centralité.

Ces questions de chronologie sont un écueil classique des études qui s'attachent aux rythmes d'occupation des sociétés passées. Elles posent problème quand il s'agit de réfléchir à la dynamique des peuplements. Néanmoins, dans la Valea Oii comme ailleurs en Moldavie (Weller et al. 2011; Brigand et al. 2012; Brigand, Weller 2013) on observe une rétraction assez nette du peuplement entre le Cucuteni A et le Cucuteni A-B et B puisque le bassin inférieur semble intégralement délaissé même si sont mentionnés plusieurs sites mal calibrés dans le Cucuteni NR: Podişu-*Tarlaua Pădure* (n°3), Podişu-*Dealul Boghiului* (n°4) et Bălţaţi-*Movila Hârtopeanu* (n°2). Néanmoins, ces sites mal connectés au réseau, que ce soit pour le Cucuteni A ou A-B et B, apparaissent être des acteurs très secondaires du réseau d'intervisibilité. L'organisation territoriale du bassin inférieur dépend de Filiaşi-*Dealul Mare* (n°5) et il est probable que l'abandon de cet établissement

à la fin du Cucuteni A ait sonné le glas de l'occupation Cucuteni désormais privée d'un site-pivot la connectant au reste du bassin. La création de Boureni-*Dealul Hârtopului* (n°9) vers le Cucuteni A-B et/ou B qui devient alors l'établissement majeur du bassin inférieur, bien qu'elle signe une rétraction du peuplement vers le bassin moyen, semble contrebalancer le délaissement de celui inférieur en maintenant une relation visuelle avec les sites de Podişu-*Tarlaua Pădure* (n°3) et de Bălţaţi-*Movila Hârtopeanu* (n°2).

V. En guise de conclusion

Restons encore un instant sur le phénomène d'abandon du bassin inférieur au Cucuteni A-B et B. Pour l'expliquer, plusieurs hypothèses peuvent être invoquées, qu'elles soient sociales (conflits, tensions) ou environnementales (défrichements excessifs, surpâturage, érosion de ravinement etc.). Un autre élément mérite d'être signalé: la trame du peuplement, plutôt lâche comparé au bassin supérieur, doit son maintien à l'autorité autant qu'au contrôle qu'a su instaurer le site de Filiaşi-*Dealul Mare* (n°5) et on s'en rend très bien compte sur le graphe d'intervisibilité (fig. 12). Le délaissement de ce site majeur va *de facto* déstructurer le réseau et isoler, et donc fragiliser, les occupations qui se sont maintenues. Si les chalcolithiques ont renoncé à cet établissement, ce peut-être aussi pour des raisons économiques de production.

Le Cucuteni A, qui est la période de diffusion maximale du Cucuteni, doit être aussi compris comme un temps fort de la complexification territoriale et sociale. En effet, le nombre particulièrement élevé d'établissement de la première moitié Vème millénaire doit être envisagé comme un reflet de pratiques culturales comme pastorales qui reposent sur une mobilité accrue des sociétés, dès lors impliquées dans une dynamique pendulaire entre des phases d'abandon et d'exploitation en alternance. Et c'est peut-être ainsi qu'il faut envisager l'histoire de ce qui apparaît comme un front pionnier éphémère du bassin inférieur.

Dans cette étude nous avons poursuivi une réflexion sur les outils et méthodes d'une démarche heuristique attachée à l'étude des formes et natures des peuplements archéologiques. Elle emprunte autant à la géographie qu'à l'archéologie spatialiste et entend proposer des clés de compréhension des logiques territoriales des sociétés de cette région. Si les statistiques exploratoires comme l'analyse des graphes sont des perspectives pertinentes, le travail de terrain doit être poursuivi. A l'échelle des sites archéologiques d'abord où il serait approprié d'approfondir nos connaissances des établissements clés de cette vallée et de document une série de datations permettant d'asseoir les restitutions proposées ici. Ensuite, engager une réflexion sur la dynamique des milieux de cette vallée permettra de mieux cerner les fluctuations des cycles érosifs ou hydrographiques et ouvrira sur une appréhension plus fine des interactions homme-milieu pendant la Préhistoire récente de Moldavie.

Remerciements

Cette recherche sur les peuplements de la Valea Oii s'inscrit dans une étude plus générale sur les formes d'occupation de l'espace moldave du Néolithique à la fin du Chalcolithique. Elle bénéficie de soutiens français (Laboratoire Trajectoires – UMR 8215, CNRS et Université Panthéon-Sorbonne, Paris; Commission des fouilles à l'étranger du Ministère des Affaires Etrangères) et roumains (Plateforme ARHEOINVEST et projet CNCS *EthnosalRo*) qui sont ici sincèrement remerciés. Nous sommes aussi redevables à Z. Čučković de l'université de Besançon (Fr.) qui a su partager son expérience dans le domaine de l'analyse des graphes et ainsi contribuer à enrichir les approches des peuplements de Moldavie. Enfin, merci à O. Weller et V. Cotiugă pour la relecture attentive de ce texte.

Bibliographie

Asăndulesei 2012: A. Asăndulesei, Aplicaţii ale metodelor geografice şi geofizice în cercetarea interdisciplinară a aşezărilor cucuteniene din Moldova. Studii de caz. Teză de doctorat, Univ. "Al.I. Cuza" (Iaşi 2012).

Boghian 2004: D. Boghian, Comunităţile cucuteniene din bazinul Bahluiului (Suceava 2004).

Brigand et al. 2012: R. Brigand, A. Asăndulesei A., O. Weller, V. Cotiugă, Contribution à l'étude du peuplement Chalcolithique des bassins hydrographiques des Bahluieţ et Valea Oii (dép. Iaşi). Dacia N.S. LVI, 2012, 5-32.

Brigand, Weller 2013: R. Brigand, O. Weller, Neolithic and Chalcolithic settlement pattern in central Moldavia (Ro.). Documenta Praehistorica XL, 2013, 195-207.

Burrough, McDonnell 1998: P.A. Burrough, R.A. McDonnell, Principles of Geographical Information System (Oxford 1998).

Chirica, Tanasachi 1984-1985: V. Chirica, M. Tanasachi, Repertoriul arheologic al judeţului Iaşi, vol. I-II (Iaşi 1984-1985).

Conolly, Lake 2006: J. Conolly, M. Lake, Geographical Information Systems in archaeology (Cambridge 2006).

Čučković 2013: Z. Čučković, Le développement du paysage culturel en Istrie protohistorique (Croatie), Mémoire de Master 2, Univ. de Franche-Comté (Besançon 2013).

Durand-Dastès et al. 1998: F. Durand-Dastès, F. Favory, J.-L. Fiches, H. Mathian, D. Pumain, C. Raynaud, L. Sanders, S. van Der Leeuw, Des oppida aux métropoles. Archéologues et géographes en vallée du Rhône (Paris 1998).

Freeman 1979: L.C. Freeman, Centrality in Social Networks. Conceptual Clarification. Social Networks I, 1978-79, 215-239.

Gaffney, Stančič 1991: V. Gaffney, Z. Stančič, GIS approaches to regional analysis: a case study of the island of Hvar (Ljubljana 1991).

Gandini et al. 2012: C. Gandini, F. Favory, L. Nuninger (eds.), Settlement pattern, production and trades from Neolithic to Middle Ages. Archaedyn (Oxford 2012).

Lebart et al. 2006: L. Lebart, A. Morineau, M. Piron, Statistique exploratoire multidimensionelle. Visualisation et inférence en fouilles de données (Paris 2006).

Llobera 2003: M. Llobera, Extending GIS-based visual analysis: the concept of visualscapes. International journal of geographical information science XVII, 1, 2003, 25-48.

Mercklé 2011: P. Mercklé, La sociologie des réseaux sociaux (Paris 2011).

Monah, Cucoş 1985: D. Monah, Ş. Cucoş, Aşezările culturii Cucuteni din România (Iaşi 1985).

Nicu 2013: I.C. Nicu, Analiza riscurilor hidrogeomorfologice care afectează siturile arheologice eneolitice din bazinul hidrografic Valea Oii (Bahlui). Studii de caz. Teză de doctorat, Univ. "Al.I. Cuza" (Iaşi 2013).

Petrescu-Dîmboviţa 1966: M. Petrescu-Dîmboviţa, Cucuteni (Bucureşti 1966).

Petrescu-Dîmboviţa, Văleanu 2004: M. Petrescu-Dîmboviţa, M.C. Văleanu, Cucuteni-Cetăţuie. Monografie arheologică (Piatra Neamţ 2004).

Popovici 2000: D.N. Popovici, Cultura Cucuteni Faza A. Repertoriul aşezărilor (Piatra Neamţ 2000).

Văleanu 2003: M.C. Văleanu, Omul şi mediul natural în neo-eneoliticul din Moldova (Iaşi 2003).

van der Leeuw et al. 2003: S. van der Leeuw, F. Favory, J.-L. Fiches (eds.), Archéologie et systèmes socio-environnementaux. Etudes multiscalaires sur la vallée du Rhône dans le programme Archaeomedes (Paris 2003).

Weller, Nuninger 2005: O. Weller, L. Nuninger, Les eaux salées de Moldavie roumaine: étude interdisciplinaire autour d'une ressource structurante du territoire. In: Temps et espaces de l'Homme en société, analyses et modèles spatiaux en archéologie. XXVe Rencontres internationales d'Histoire et d'Archéologie d'Antibes, 2004 (Juan-les-Pins 2005), 511-516.

Weller et al. 2007: O. Weller, R. Brigand, M. Alexianu, Cercetări sistematice asupra izvoarelor de apă sărată din Moldova. Bilanţul exploatărilor din anii 2004-2007 efectuate în special în judeţul Neamţ, Memoria Antiquitatis XXIV, 2007, 121-190.

Weller et al. 2011: O. Weller, R. Brigand, L. Nuninger, G. Dumitroaia, Spatial analysis of prehistoric salt exploitation in Eastern Carpathians (Romania). In: (Eds. M. Alexianu, O. Weller, R. Curcă) Archaeology and Anthropology of Salt. A diachronic approach (Oxford 2011), 69-80.

Wheathley 1995: D. Wheatley, Cumulative veiwshed analysis: a GIS-based method for investigating intervisibility, and its archaeological application. In: (Eds. G. Lock, Z. Stančič) Archaeology and GIS: A European Perspective (London 1995), 5-13.

Wilson, Gallant 2000: J.P. Wilson, J.C. Gallant (eds.), Terrain analysis. Principles and applications (USA 2000).

Yokoama et al. 2002: R. Yokoyama, M. Shirasawa, R.J. Pike, Visualizing topography by openness: A new application of image processing to digital elevation models. Photogrammetric Engineering and Remote Sensing 68, 2002, 251-266.

Zaharia, Petrescu-Dîmboviţa, Zaharia 1970: N. Zaharia, M. Petrescu-Dîmboviţa, E. Zaharia, Aşezări din Moldova. De la Paleolitic şi pînă în secolul al XVIII-lea (Bucureşti 1970).

Peisaj şi aşezări în jurul staţiunii eponime a culturii Cucuteni (Valea Oii, Iaşi, România)

Rezumat

În cadrul abordărilor generale asupra siturilor arheologice pe baza dezvoltării instrumentelor geomatice (GIS), această contribuţie propune un studiu al populaţiilor chalcolitice din cadrul unui bazin hidrografic bine delimitat şi cunoscut de către preistoria europeană: Valea Oii, din judeţul Iaşi (România), unde a fost descoperită, acum 130 ani, staţiunea eponimă a culturii Cucuteni. În contextul dezvoltării durabile şi a gestionării raţionale a resurselor naturale, această contribuţie intenţionează să aibă o abordare metodologică asupra peisajului şi a populaţiilor chalcolitice din Moldova, România.

Lista ilustraţiilor:

Tab. 1. Tabel cu siturile arheologice. Suprafaţa vizibilă şi valoarea indicelui topografic sunt cu notă informativă. Coordonatele geografice scrise „cu bold" au fost determinate cu ajutorul GPS-ului.
Fig. 1. Harta arheologică a bazinului hidrografic Valea Oii, cu aşezările complexului cultural Precucuteni-Cucuteni.
Fig. 2. Valea Oii şi Moldova: numărul siturilor după perioadă (%).
Fig. 3. Fotografii aeriene oblice – Filiaşi-*Dealul Mare* (nr. 5) şi Cucuteni-*Cetăţuie* (nr. 20).
Fig. 4. Ceramică colectată de pe situl Boureni-*Dealul Hârtopului* (nr. 9).
Fig. 5. Analiză multicriterială (panta şi expoziţia versanţilor).
Fig. 6. Unităţile de peisaj şi contextul aşezărilor (1).
Fig. 7. Analiză multivariată.
Fig. 8. Unităţile de peisaj şi contextul aşezărilor (2).
Fig. 9. Situaţia celor 26 de aşezări în plan factorial.
Fig. 10. Clasificarea siturilor după variabilele derivate din topografie.
Fig. 11. Vizibilitatea cumulata şi centralitatea de grad (CD, *degree centrality*) a grafului de intervizibilitate (Cucuteni A şi neprecizat).
Fig. 12. Centralitate de intermediaritate (CI, *betweeness centrality*) a grafului de intervizibilitate (Cucuteni A şi neprecizat).

Ландшафт и поселения вокруг эпонимной стоянки культуры Кукутень (Валя Оий, Яссы, Румыния)

Резюме

В рамках общего подхода к археологическим памятникам на основе развития инструментов геоматики (ГИС), данная статья посвящена изучению энеолитического населения в пределах бассейна, имеющего четкие границы и представляющего известность в европейской преистории: Валя Оий («Овечья долина») в Ясском уезде (Румыния), где 130 лет назад была обнаружена эпонимная стоянка культуры Кукутень. В контексте устойчивого развития и рационального использования природных ресурсов это исследование претендует на методологический подход к изучению ландшафта и энеолитического населения Молдовы (Румыния).

Список иллюстраций:

Таб. 1. Таблица археологических памятников. Географические координаты, выделенные жирным шрифтом, были определены с использованием GPS.
Рис. 1. Археологическая карта бассейна Валя Оий с поселениями культурного комплекса Прекукутень-Кукутень.
Рис. 2. Валя Оий и Молдова: количество памятников по периоду (%).
Рис. 3. Наклонные аэрофотоснимки – Филиаши-*Дялул Маре* (№ 5) и Кукутень-*Четэцуе* (№ 20).
Рис. 4. Керамика с памятника Боурень-*Дялул Хыртопулуй* (№ 9).
Рис. 5. Анализ по множеству критериев (склон и экспозиция склонов).
Рис. 6. Ландшафтные единицы и контекст поселений (1).
Рис. 7. Многомерный анализ.
Рис. 8. Ландшафтные единицы и контекст поселений (2).
Рис. 9. Расположение 26 поселений в факторном плане.
Рис. 10. Классификация памятников по топографическим переменным.
Рис. 11. Общая видимость и центральность по степени (CD, *degree centrality*) графа видимости (Кукутень А и неопределенный).
Рис. 12. Центральность по посредничеству (CI, *betweeness centrality*) графа видимости (Кукутень А и неопределенный).

31.03.2014

Dr. Robin Brigand, Lab. Trajectoires (UMR 8215), Maison Archéologie et Ethnologie, 21 allée de l'Université, 92023 Nanterre cedex, France, e-mail: robin.brigand@cnrs.fr

Dr. Andrei Asăndulesei, "Alexandru Ioan Cuza" Université de Iaşi, Interdisciplinary Research Department – Science Field, Plateforme Arheoinvest, st. Lascar Catargi 54, RO-700107 Iaşi, Romania, e-mail: andrei.asăndulesei@yahoo.com

Dr. Ionuţ Cristi Nicu, "Alexandru Ioan Cuza" Université de Iaşi, Interdisciplinary Research Department – Science Field, Plateforme Arheoinvest, st. Lascar Catargi 54, RO-700107 Iaşi, Romania, e-mail: nicucristi@gmail.com

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРОЕКТУ «РАННЯЯ УРБАНИЗАЦИЯ В ПРАИСТОРИЧЕСКОЙ ЕВРОПЕ: ТРИПОЛЬСКИЕ МЕГАПОСЕЛЕНИЯ» в 2013 году

Михаил Видейко, Джон Чапмен, Наталья Бурдо, Биссерка Гейдарская, Стоилка Игнатова, Светлана Иванова, Виталий Рудь

В 2013 году совместная экспедиция Даремского университета (Великобритания) и Института археологии НАН Украины продолжила программу исследований на поселении трипольской культуры у с. Небелевка Новоархангельского района Кировоградской области и в его окрестностях, начатую в 2009 и 2012 гг. (Чепмен и др. 2010; Чепмен, Гейдарська, Відейко 2010; Видейко и др. 2013). Исследовательская программа включала проведение магнитной съемки, раскопки на территории поселения и разведки в радиусе пяти километров вокруг него.

Удалось завершить съемку плана поселения по данным магнитной съемки, отснята территория практически всех доступных участков на территории поселения, за исключением занятых лесополосами и усадьбами с. Небелевка. Система расположения построек состояла из двух рядов домов, окружавших территорию в виде овала площадью более 220 гектар. В рядах постройки были ориентированы по длинной оси к центру поселения. Между овалами застройки выявлено более десяти аномалий от построек, ориентированных по длинной оси вдоль рядов домов. Они выделялись размерами – от 10×20 до 20×30 м и формой аномалий в виде прямоугольников с залеганием обожженной глины только по периметру, не заполненных внутри. От внутреннего овала застройки в сторону центра поселения располагались ряды строений в виде радиальных улиц. Со стороны внешнего овала застройки зафиксированы следы рва в виде аномалии шириной не менее 4 м, повторявшей контуры внешнего ряда построек. Между рвом и этими строениями, расположенными на удалении около 40 метров, видны остатки сооружений, дублировавших с внешней стороны поселения крупные постройки между рядами, а также большое количество аномалий от ям различных размеров. Аномалии от ям были зафиксированы практически возле каждой постройки на поселении, а также в виде отдельных групп на удалении от основного массива застройки[1].

Впервые представилась возможность более точно, нежели по сбору подъемного материала, как это было ранее, определить площадь поселения, которая составляет около 240 гектар, границы поселения определены по рву, окружавшему его территорию. Он располагался на удалении 30-40 метров от внешнего овала построек. На пространстве между постройками и рвом выявлены отдельные аномалии от сгоревших либо разрушенных иным образом строений, а также многочисленных ям.

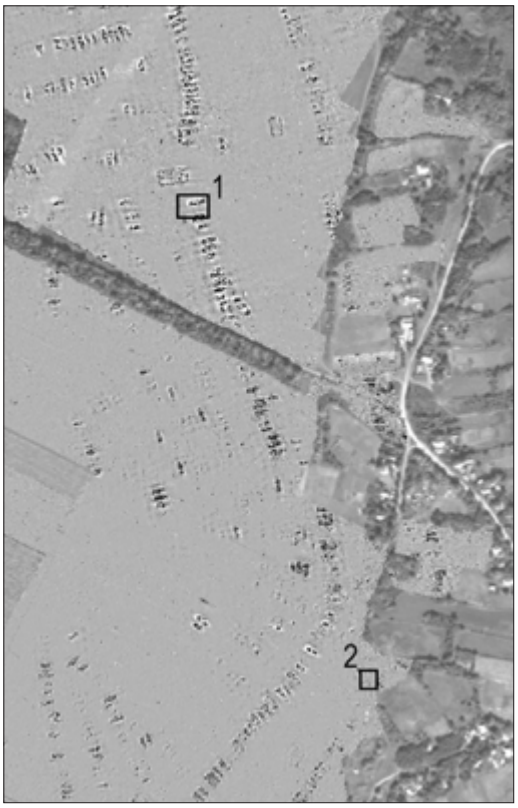
Раскопки в 2013 году проводились на объектах, выявленных в результате проведения магнитной съемки в 2009 и 2012 годах (рис. 1). Была поставлена задача исследовать остатки постройки B17, часть соседней постройки B18, расположенные у торцов этих домов ямы (раскоп 3), а также яму (раскоп 4), расположенною в юго-западной части поселения (рис. 1/1, 2). С целью получения образцов для датировки заложены шурфы на остатках построек, преимущественно сгоревших.

Раскоп 3. Остатки построек B17, B18 и культурный слой вокруг них

В раскопе 3 было исследовано несколько объектов: остатки построек B17, B18 (частично) и связанные с ними ямы, а также участки культурного слоя (рис. 2-14).

Постройка B17 расположена к юго-западу от мегаструктуры, исследованной в 2012 году

[1] Более детальному описанию общего плана поселения посвящена отдельная публикация.

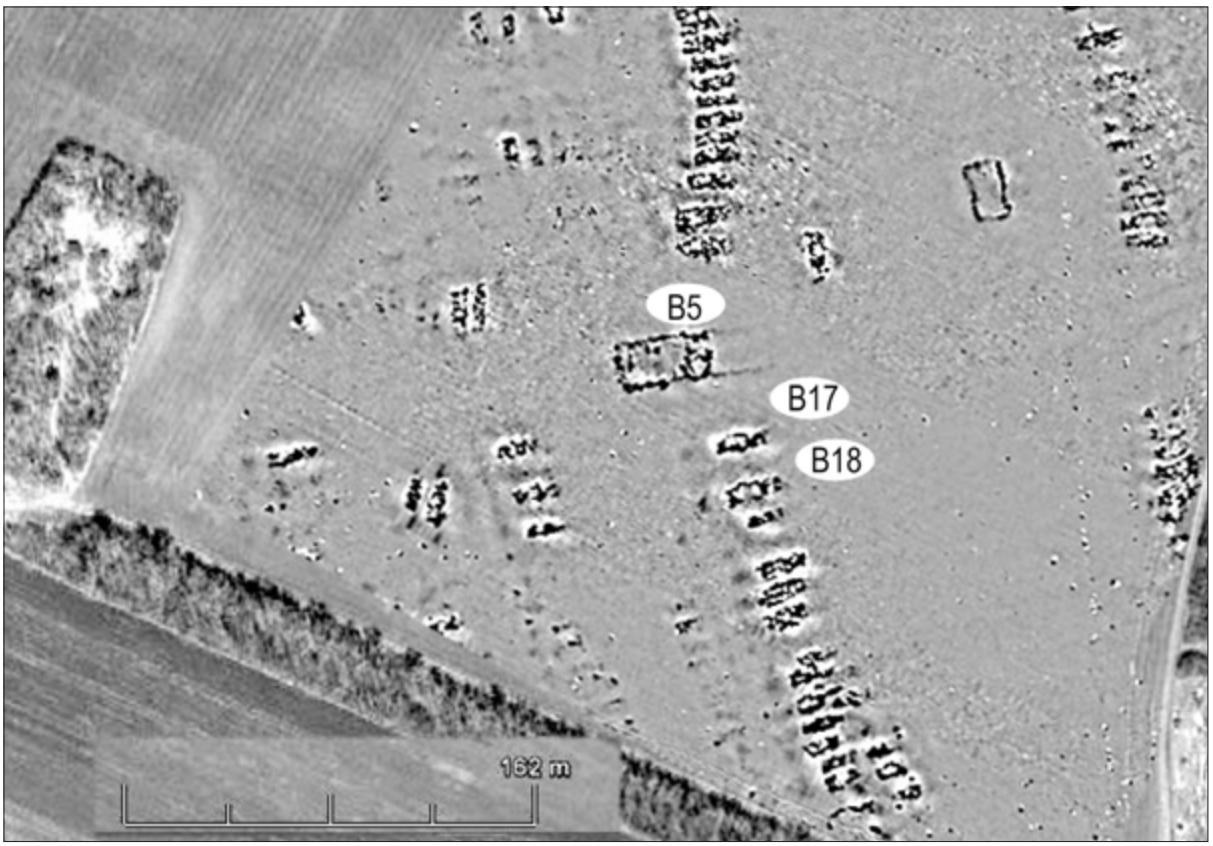


1

3

4

5



2

Рис. 1. План поселения Небелевка и расположение раскопов в 2013 г.: 1 - фрагмент плана по данным магнитной съемки с обозначением района раскопов 3(1) и 4(2); 2 - фрагмент плана по данным магнитной съемки с обозначением построек, раскопанных в 2012-2013 гг.; 3 - вид на расположение шурфа 43; 4 - вид на место расположения раскопа 3; 5 - вид на место расположения раскопа 4.

(рис. 1/2, 4). Согласно данным магнитной съемки она входила во внутренний овал застройки поселения. Вокруг нее были обнаружены аномалии от «линейных ям» (траншей), а в 8 м к западу – небольшая аномалия от обычной ямы, круглой в плане. Предположительные контуры построек и ям были отмечены краской на поверхности. Раскоп 3 был заложен в соответствии с результатами повторно проведенной магнитной съемки с тем, чтобы исследовать как можно более полно не только перечисленные выше объекты (рис. 2), но и культурный слой между ними. Раскоп выходил за пределы аномалии от постройки на 4 м в обе стороны, а также охватывал отмеченное геофизиками место расположения ямы 1. Кроме того, заложено несколько траншей: по направлению к мегаструктуре, к яме возле постройки B18, а также раскоп над северным ее краем. Такая конфигурация раскопа 3 позволила получить важные данные по взаимному расположению объектов и их стратиграфии.

Первым этапом исследования остатков постройки B17 было снятие пахотного слоя, толщина которого на данном участке составляла от 0,3 до 0,45 м над уровнем залегания строительных остатков. Затем остатки постройки в виде завала обожженной глины (площадки) были расчищены на всей площади, а пространство вокруг зачищено на уровне залегания краев постройки. После фиксации остатки постройки B17 были разобраны послойно, с составлением соответствующей документации. После уборки и зачистки места расположения остатков постройки вся площадь раскопа была прокопана на глубину 0,2 м. Аналогичным образом были исследованы частично открытые остатки постройки B18.

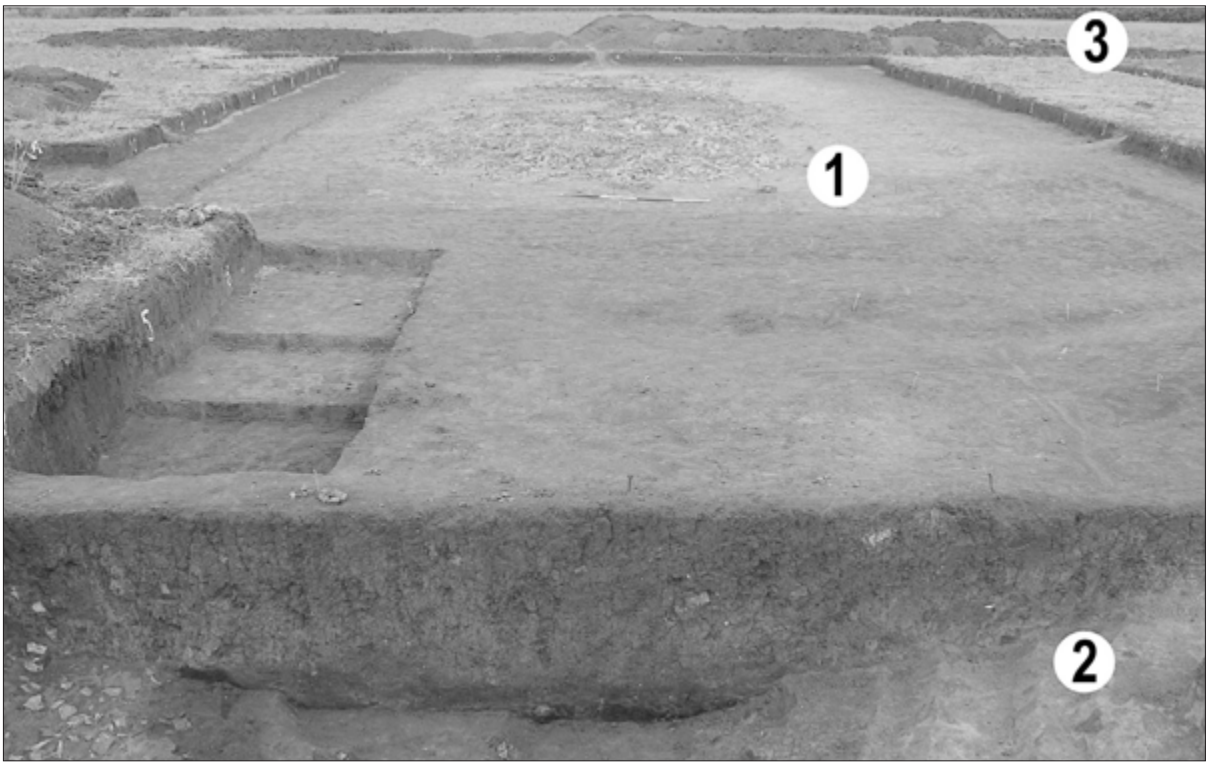
Остатки постройки B17 представлены завалом обожженной глины – обмазки деревянных конструкций и остатков деталей интерьера, ориентированным по длинной оси так же, как и остатки мегаструктуры, то есть почти по линии восток-запад (рис. 2/а, б; рис. 3-7). Сохранность завала в средней его части была нарушена пахотой – в верхнем слое куски обмазки были смешаны с черноземом. Общая длинна площадки составила 24 метра. Ширина на разных участках была различной. В западной части она составила от 6 до 8 м. Длинна этого участка – 12 м. Ширина восточной части завала не превышала 5,5 м (рис. 2/а, б).

Место расположения остатков постройки имело уклон в восточную сторону, поэтому перепад между краями завала по длинной оси достигает 0,9 м. При этом в западной части завала перепад составил всего 0,2 м на 12 м, а в восточной – оставшиеся 0,7 м. Таким образом, очевидно еще одно различие между западной и восточной половинами площадки. Данная ситуация аналогична наблюдениям, сделанным во время раскопок мегаструктуры в 2012 году, когда основная ее часть с завалом обмазки имела также перепад с продолжением именно с восточной стороны. Вероятно, эта особенность связана с неровностями рельефа в этой части поселения, исправлять которые путем нивелировки поверхности древние строители не сочли нужным.

Поверхность завала обожженной глины неровная, местами сохранилось два слоя обмазки, на большинстве комьев в обоих слоях зафиксированы отпечатки колотого дерева, которые фиксируют направление деревянных конструкций преимущественно поперек длинной оси постройки. В юго-западной части площадки выделялся место, где обмазка просела на 30-40 см на участке диаметром более метра. Первоначально предполагалось, что здесь остатки постройки обвалились в яму, вырытую в земляном полу. Однако при разборке завала было установлено, что такое положение обмазки связано с особенностями разрушения постройки и конструкциями интерьера. Следов ямы ни в плане, ни в профилях (а через это место проходили два разреза – продольный и первый поперечный) обнаружено не было.

Завал состоял из обмазки деревянных перекрытий с примесью половы, а также обломков конструкций интерьера (очагов и вымосток-возвышений), изготовленных из глины без растительной примеси. На некоторых участках на обмазке с примесью половы поверхность была покрыта выравнивающим тонким слоем из глины без примесей и окрашена, а местами покрыта росписью минеральными красками.

Цвет обмазки – от желто-коричневого до фиолетового и зеленого – был обусловлен характером обжига. На некоторых участках обмазка приобрела вид керамического шлака, ее



а

б

в

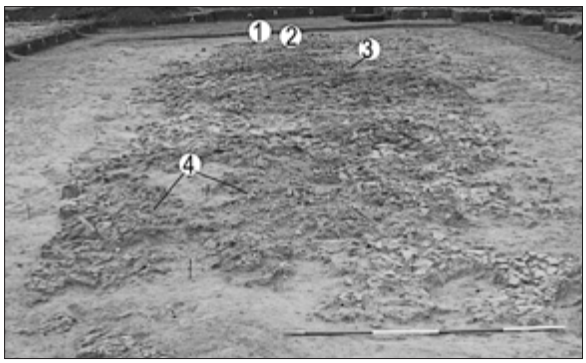
Рис. 2. Небелевка, исследования 2013 г., раскоп 3: а - общий вид раскопа, на переднем плане яма 1(2) при постройке В17(1) и постройка В18 (3); б - остатки постройки В17, вид с северо-запада; в - общий вид на раскоп 3 с северо-запада.

комья спеклись между собой. Больше всего таких участков было связано с западной половиной завала обмазки постройки B17.

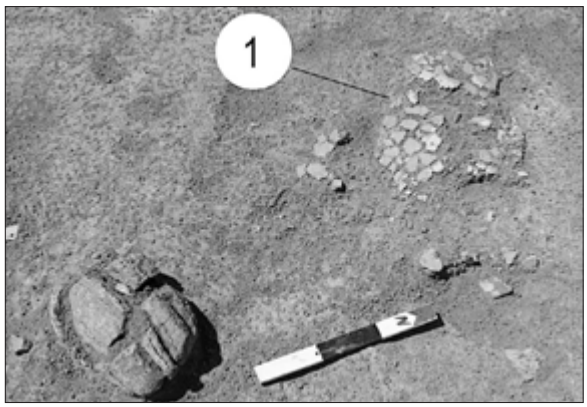
При исследовании остатков постройки были обнаружены следы пяти различных конструкций, которые были сооружены из глины без примеси половы (рис. 3-4). Их размеры, степень сохранности, характер и, соответственно, вероятное предназначение, были различны.

У западного края завала было расчищено небольшое, размерами 25×50 см и толщиной 2-4 см, слабо обожженное возвышение-вымостка (рис. 3/2). Она была нанесена непосредственно на поверхность земли. Как показала ее разборка, а также прокопка участка, на котором она располагалась, слой глины был нанесен на участке, где уже образовался культурный слой толщиной около 0,2 м, в котором обнаружены мелкие фрагменты керамики.

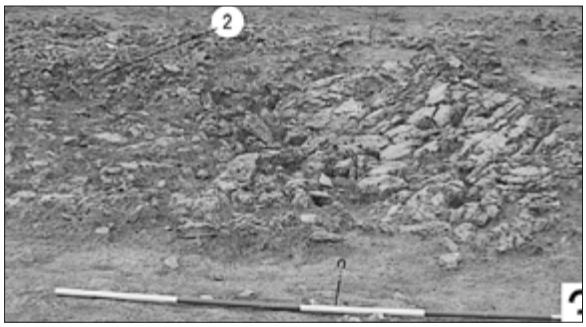
Следующая вымостка, значительно больших размеров (2,1×2,1 м) и толщины (до 0,3-0,4 м), была расположена в той же части завала, но



1

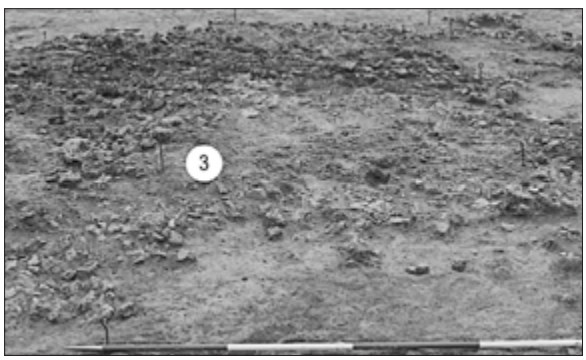


2

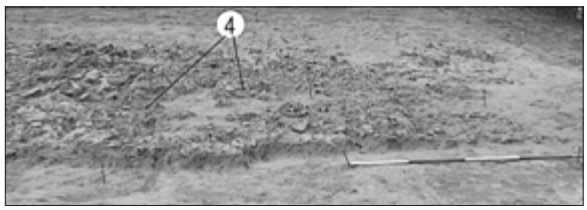


3

4

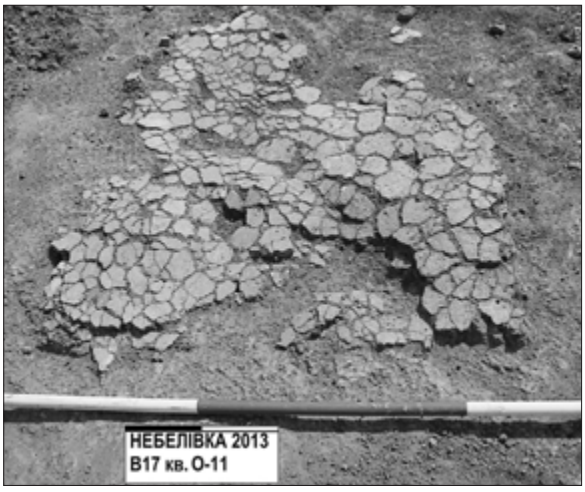


5



6

Рис. 3. Небелевка, исследования 2013 г., раскоп, постройка B17, вымостки: 1 - общий вид постройки B17 с востока, цифрами обозначены места вымосток; 2 - вымостка 1, вид с восточной стороны; 3 - вымостка 2, вид с южной чтороны; 4 - фрагмент вымостки 3 крупным планом, вид с юга; 5 - общий вид вымостки 3, вид с севера; 6 - вымостка 4, вид с юго-востока.



1

2

3

Рис. 4. Небелевка, исследования 2013 г., раскоп 3, постройка В17, вымостка под завалом обмазки на земляном полу: 1 - общий вид с северной стороны; 2 - фрагмент со следами углубленного декора (одна линия); 3 - фрагмент с лентами углубленных линий.

уже среди обмазки с примесью половы (рис. 3/3, 4). Она распалась на массивные блоки указанной толщины, размерами 2-30×20 см, промежутки между которыми были заполнены землей и более мелкими обломками. На поверхности крупных блоков сохранились фрагменты обмазки без примеси, которая, вероятно, была нанесена слоем толщиной 3-4 см в качестве выравнивающего покрытия. При разрушении постройки от пожара этот слой на поверхности вымостки разделился на «кубики» размерами 2×3 - 3×4 см. Среди обломков этой вымостки были обнаружены два керамических инструмента, предположительно предназначенных для обработки древков стрел (рис. 6).

В некоторых из описанных выше массивных блоков от конструкции вымостки обнаружены отпечатки вертикальных деревянных конструкций, в том числе двух брусьев сечением 10×10 см. Брусья могли быть использованы в качестве опоры той части перекрытия, на которой размещалась массивная глиняная конструкции. Данная вымостка связана с нижним слоем обмазки и являлась элементом интерьера, вероятно, открытым очагом на полу второго этажа, типичным для построек на поселениях небелевского типа (Chapman, Videiko 2011, fig. 5/4-7).

Третья вымостка располагалась ближе к северному краю завала и также на нижнем слое обмазки (рис. 3/5). Ее размеры 2,1×2,1 м. Поверхность ее состояла из мелких «кубиков» обмазки без примесей и была сильно разрушена, в основном вследствие глубокой пахоты, а также при гибели постройки в огне пожара. Более крупные фрагменты глиняной конструкции сохранились ближе к ее краям.

Четвертая вымостка располагалась в восточной половине завала, в 2 м от короткого края площадки, и в 0,7-1 м от южной стороны (рис. 3/6). Сохранность ее плохая, зафиксировано преимущественно хаотичное залегание небольших фрагментов, фиксация которых позволила определить приблизительные размеры вымостки – вероятно, 2×2 м. При этом отдельные фрагменты были рассеяны в радиусе до 1 м вокруг основного залегания. Среди завала обнаружено несколько десятков фрагментов с прочерченным орнаментом, в виде

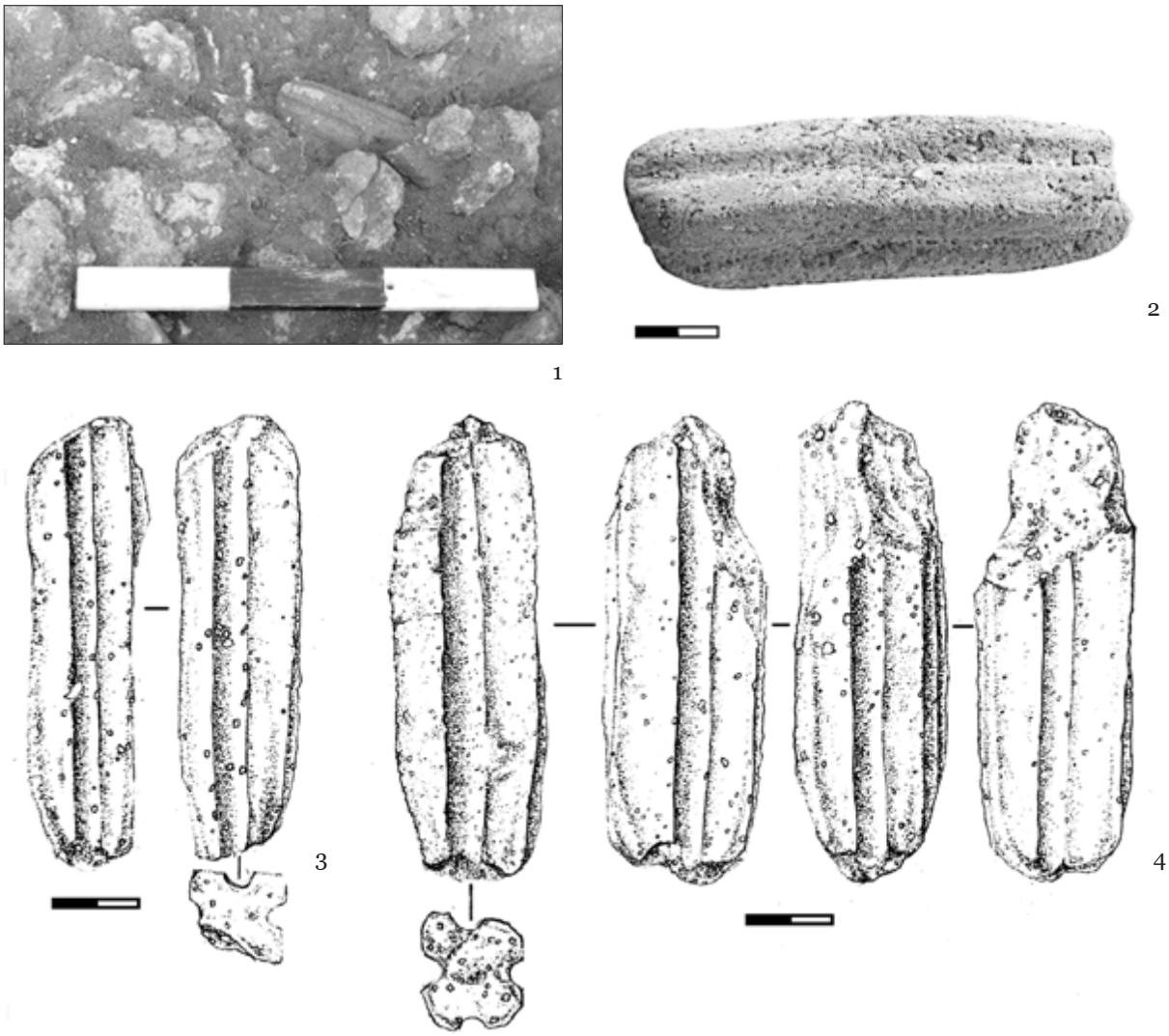
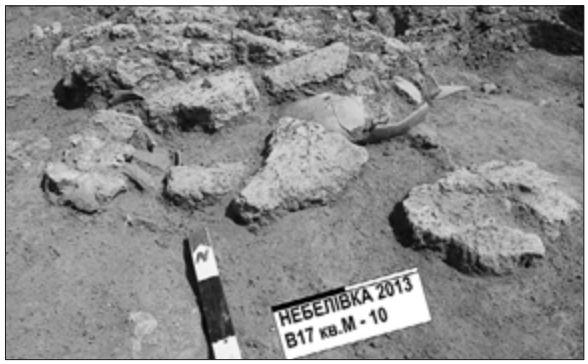


Рис. 5. Небелевка, исследования 2013 г., раскоп 3, постройка В17, керамический абразив среди остатков вымостки 2: 1 - общий вид; 2-4 - керамические абразивы, найденные на вымостке 2.

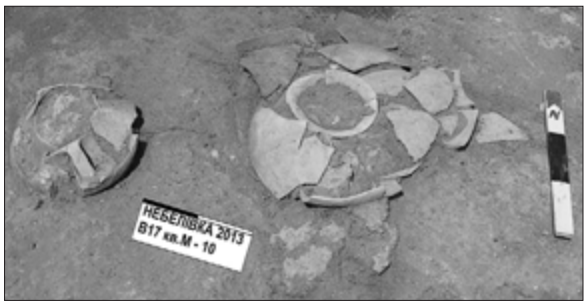
лент из тонких линий. Здесь же найдены обломки скругленных закраин (рис. 8/4), которые указывали на то, что у сооружения были округлые в плане части. Описанные особенности конструкции и декора типичны для вымосток крестообразной формы, которые трактуются исследователями как алтари. По месту расположения данной вымостки в постройке она вполне могла быть крестообразным алтарем, какие обычно находят именно вблизи короткой стороны постройки; в том же месте они обычно помещены и на трипольских керамических моделях построек (Пассек 1949, рис. 44а; 44б; 55; 68).

Остатки еще одной вымостки были обнаружены в кв. Н и О-11, О-12 в процессе разборки завала обмазки, который полностью ее перекрывал. Она располагалась посредине постройки и была нанесена на поверхность земли (рис. 4). Толщина обмазки 3-5 см, поверхность заглажена, обжиг равномерный. Вымостка растрескалась на небольшие «плитки». Сохранилась она в виде трех участков, расположение которых указывает на размеры до двух метров в поперечнике. На некоторых фрагментах зафиксированы ленты из тонких прочерченных линий (рис 4/2-3), аналогичные выявленным ранее на крестообразных вымостках-алтарях. В этом отношении она подобна описанной выше вымостке 4.

Во время разборки завала были обнаружены обломки обрамляющей конструкции инте-



1



2

3

4

Рис. 6. Небелевка, исследования 2013 г., раскоп 3, постройка В17, развалы сосудов среди обмазки: 1 - вид с южной стороны на стадии расчистки слоя обмазки; 2-4 - виды в процессе и после снятия фрагментов обмазки с развалов.

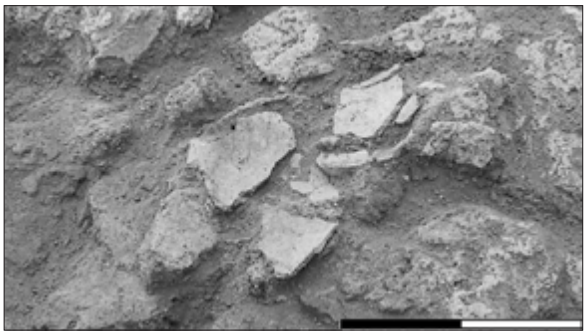
рьера, выполненные из глины с растительной примесью (рис. 8; 9). На поверхность нанесены параллельные широкие вдавленные линии, в одном случае – круглое вдавление, а затем – тонкий выравнивающий слой, который был окрашен. Сохранились следы нескольких слоев красной краски. Найденные детали составляют часть какого-то бортика, прямоугольного в сечении и со скругленным верхом.

Вблизи края завала обожженной глины на разных участках были собраны фрагменты обмазки с примесью половы, покрытой выравнивающим слоем из глины без примесей. После очистки и закрепления слоя, проведенных в лаборатории реставратором С. Федоровым, были обнаружены следы росписи, которой были покрыты стены постройки. Роспись была нанесена на окрашенную в красный или розовый цвет поверхность краской белого или темно-красного цвета и представляла собой ленты, составленные из тонких и широких линий. На одном из фрагментов обнаружена роспись, состоявшая из круга и огибавшей его линии (рис. 10). Находка следов настенных росписей на поселении Небелевка зафиксирована впервые. На выравнивающем слое, который был нанесен на обмазку пола, сохранились следы окраски в красный цвет.

Находки среди завала представлены развалами и фрагментами сосудов, фрагментами антропоморфных статуэток (всего найдено 4), обломками костей животных, растрескавшимися изделиями из камня. Фрагменты керамики и кости животных найдены преимущественно вдоль краев завала. Исключение составляет скопление, состоявшее из двух

1

2



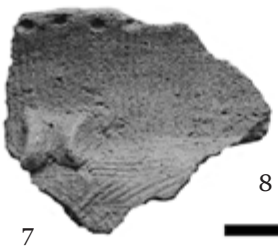
3

4

5

6

7

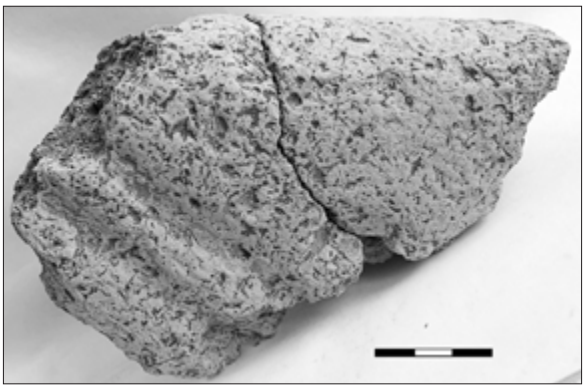


8

9

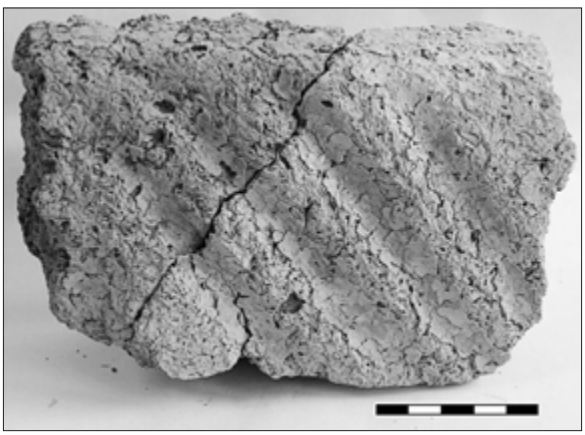
10

Рис. 7. Небелевка, исследования 2013 г., раскоп 3, находки развалов сосудов (1-5 - в постройке В17): 1 - развал кухонного горшка среди обмазки (на нижнем слое); 2 - миска под нижним слоем обмазки: 3 - часть развала кухонного сосуда на нижнем слое обмазки; 4 - развал кубка ниже уровня земляного пола; 5 - тот же кубок после полевой реставрации; 6 - фрагменты кухонного сосуда среди обмазки, постройка В18; 7, 8 - фрагменты кухонной керамики (раскоп 4).

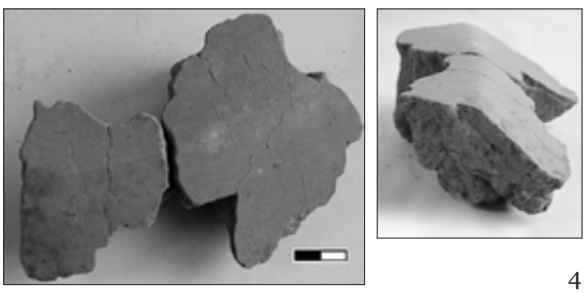


1

2



3



4

Рис. 8. Небелевка, исследования 2013 г., раскоп 3, постройка В17, фрагменты деталей интерьера: 1-3 - конструкция с бортиком, декорированным проглаженным орнаментом и следами краски; 4 - закраина алтарной(?) вымостки, покрытая красной краской.

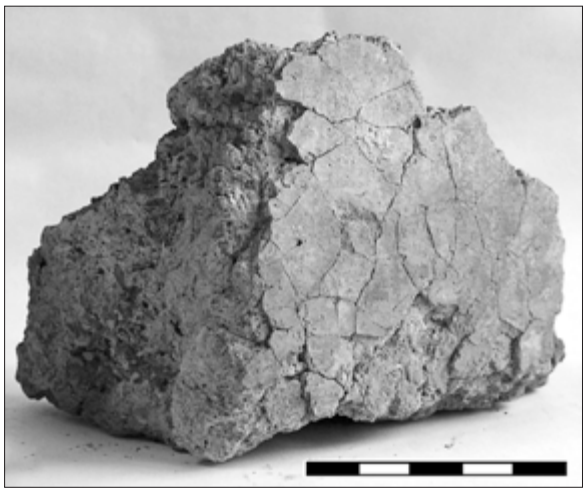
десятков крупных костей и такого же числа фрагментов керамики у восточного края площадки, где на площади около 2 м они залегали в слое мощностью до 0,2 м.

Под завалом обмазки и среди него обнаружены развалы сосудов (рис. 6; 7). Среди них – кубок с ручкой, два сфероконических сосуда, три миски. Среди комьев обмазки в районе вымостки 3 был расчищен развал кухонного сосуда, еще один аналогичный развал обнаружен напротив, рядом с южным краем постройки. Там же залегало несколько растрескавшихся камней – частей зернотерки.

При прокопке продольного разреза, соединявшего яму 1 и постройку В17 в пределах залегания обмазки, на глубине 0,2 м от поверхности желтого суглинка, на котором она находилась, расчищен развал кубковидного расписного сосуда (рис. 7/4-5). Яма при этом прослежена не была. По-видимому, он был закопан либо на месте будущего строительства (закладное жертвоприношение?), либо в земляном полу во время существования дома.

Постройка В18, расположенная к югу от В17, была исследована вдоль ее северного края на ширину 1,0-1,4 м (рис. 13). Согласно плану, постройка В18 короче соседней В17 на 3-4 м, что было подтверждено раскопками. Расчищенная часть завала была зафиксирована и разобрана. Залегание представлено комьями обожженной глиняной обмазки с большой примесью половы. Перепад в уровне залегания слоя обожженной глины, так же как и для постройки В17, зафиксирован в средней части. На нижней стороне кусков обмазки, которая на нескольких участках залегала в два слоя, были многочисленные отпечатки колотого дерева. В восточном секторе раскопа у края завала расчищены кости животных и фрагменты керамики (рис. 13/3). Вероятно, эти находки связаны с заполнением культурного слоя между постройками.

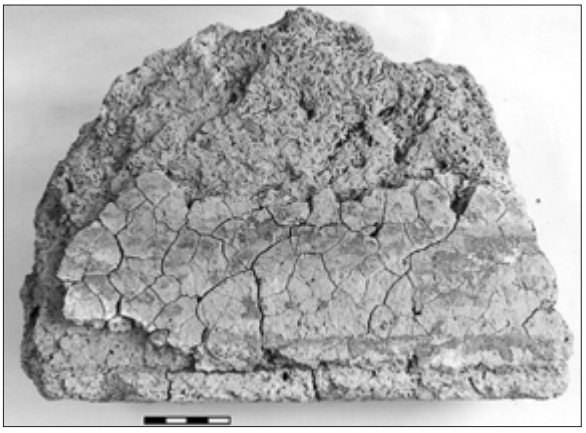
Культурный слой вокруг остатков построек. Помимо исследований постройки В17 был изучен культурный слой вокруг нее, интерпретированный по результатам магнитной съемки как «ров». Для этого раскоп был расширен далеко за пределы залегания остатков построек в виде завалов обмазки (рис. 2/3). Разрез, соединивший остатки построек В17 и В18 по-



1

3

2

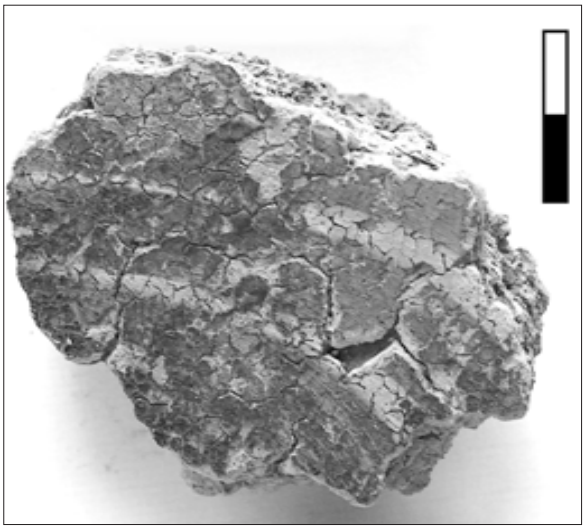


4

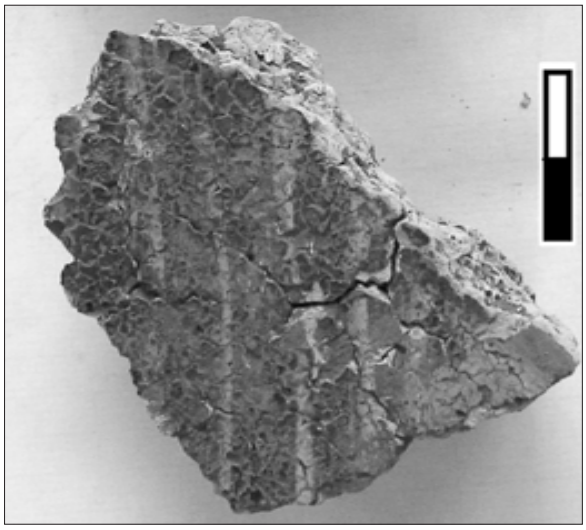
Рис. 9. Небелевка, исследования 2013 г., раскоп 3, постройка В17, фрагменты деталей интерьера: 1-2 - угол с остатками штукатурки, покрытым красной краской; 3 - фрагмент с пальцевым вдавлением и следами краски; 4 - поверхность с штукатуркой и следами краски.

казал наличие между ними культурного слоя, отличавшегося по цвету (темно-коричневый с вкраплениями кротовин, заполненных желтым суглинком) от желтого суглинка, на котором лежали завалы обмазки. Его толщина составляла 0,2-0,35 м. Из находок зафиксированы фрагменты керамики различных размеров, антропоморфной пластики (три фрагмента небольших женских статуэток) и костей животных. Насыщенность культурного слоя заметно уменьшалась по мере удаления от остатков построек.

Со стороны ямы постройки В17 (западный сектор раскопа) шло постепенное понижение слоя с переходом находок в заполнение ямы. На этом участке насыщенность находками была выше, чем вдоль остальных сторон постройки.

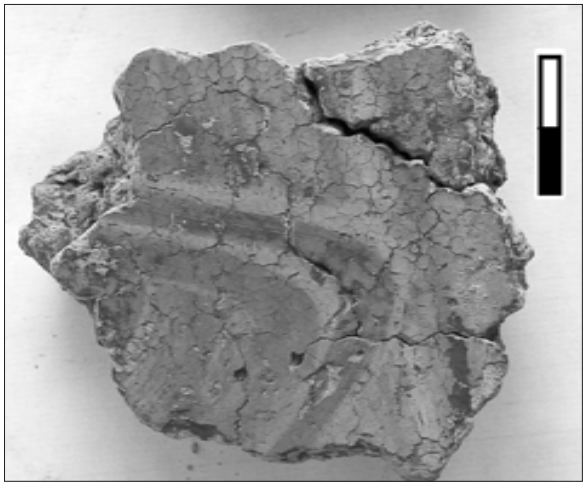


1

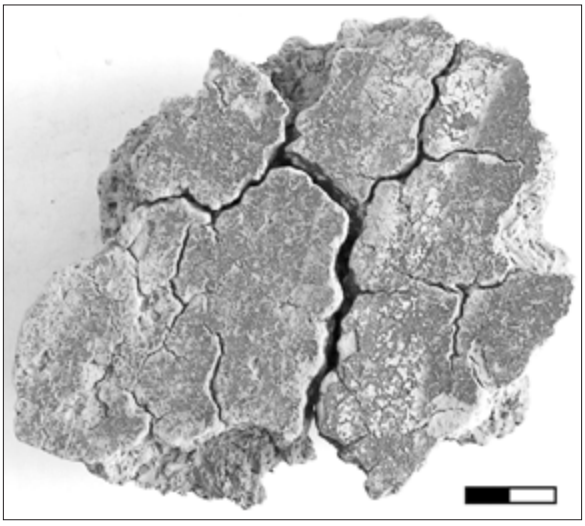


2

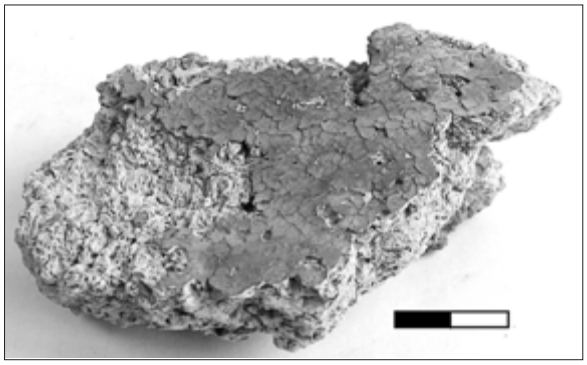
3



4



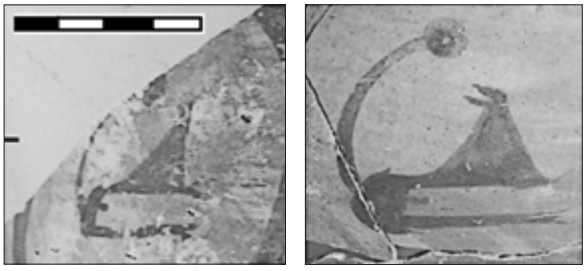
5



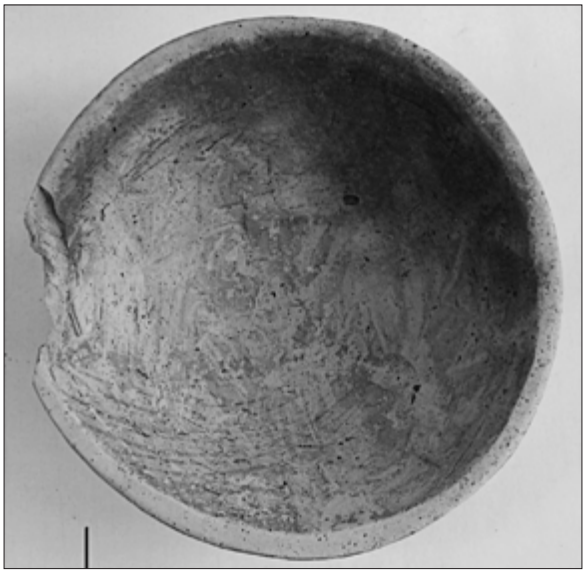
6

Рис. 10. Небелевка, исследования 2013 г., раскоп 3, постройка В17, фрагменты штукатурки со следами росписи.

1

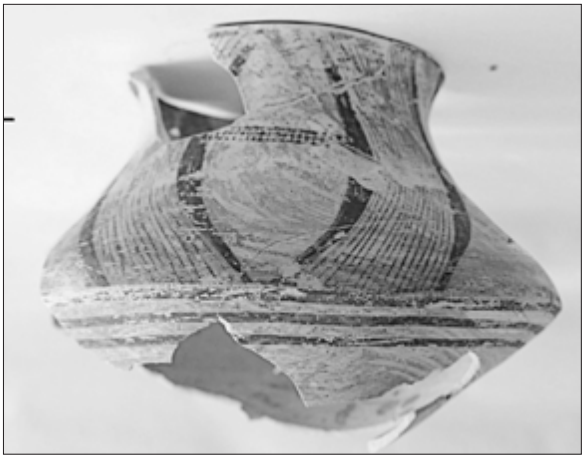


2



3

4



5

Рис. 11. Небелевка, исследования 2013 г., находки керамики: раскоп 3, постройка B17: 1, 2 - сферо-конический сосуд с изображениями животных; 4 - коническая миска с росписью; 5 - кубковидный расписной сосуд с ручкой; раскоп 4: 3 - верхняя часть амфорки с лицевым орнаментом.

Если суммировать наблюдения на различных участках, то видно, что вокруг места строительства сооружения В17 слой грунта был снят на глубину 0,2-0,35 м по сравнению с уровнем древнего горизонта, представленного желтым суглинком, и земляного пола. Это был такой же суглинок, что и на месте постройки В17. Можно предположить, что он был использован для приготовления строительных смесей. В результате образовались объекты, давшие аномалии в виде «рвов» («линейных ям») и зафиксированные геофизиками на плане поселения. К моменту сожжения домов эти углубления оказались почти доверху заполненными культурным слоем, однако вдоль стен постройки сохранились углубления, в которые затем сползали фрагменты обмазки и другие находки, выявленные по периметру завала обожженной глины.

Раскоп 3. Ямы у построек В17 и В18

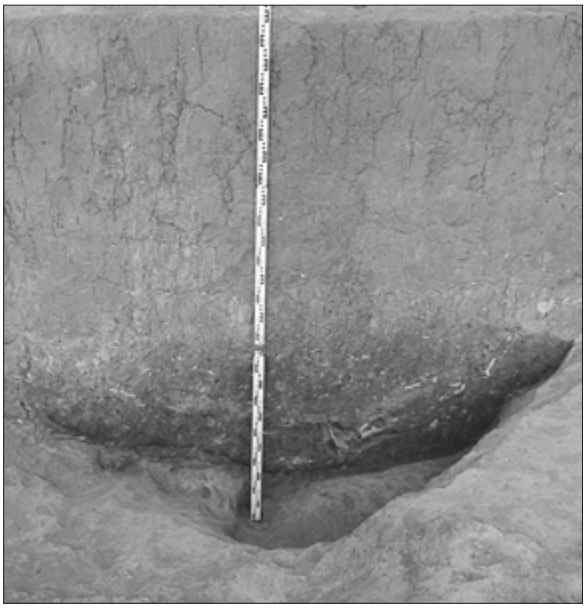
Одновременно с остатками построек были изучены расположенные к западу от них ямы, выявленные во время магнитной съемки. Предполагалось, что размеры ям соответствуют пятнам аномалий на геомагнитном плане. В соответствии с результатом повторной съемки данного участка поселения, контуры ям были отмечены на пашне краской. При этом яма 1 постройки В17 была показана как пятно неправильной формы не более 1,2 м в поперечнике. У ямы В18 был отмечен лишь центр. В соответствии с описанными выше отметками и были проведены раскопки (рис. 2/2; рис. 12-14).

Яма 1 постройки В17. На указанном участке, соединенном с раскопом над постройкой 17, был снят пахотный слой (0,2 м), а затем еще 0,4 м грунта. Оказалось, что и на этой глубине залегает слой чернозема, в то время как вокруг завала обмазки в этом горизонте залегал коричневатый гумусированный суглинок, соответствующий культурному слою (рис. 2/2). Причем в этом черноземном слое попадались отдельные фрагменты керамики и небольшие комья обмазки. Начиная с глубины 0,6 м от современной поверхности, количество находок, в первую очередь, керамики, возросло, причем по всему западному сектору раскопа, а не только в месте расположения аномалии от ямы, отмеченном геофизиками. Наличие чернозема на такой глубине можно было связать лишь с заполнением ямы. Начиная с глубины 0,6 м, были оставлены бровки шириной 0,7 м для получения разрезов, которые бы позволили зафиксировать глубину и размеры ямы (рис. 12).

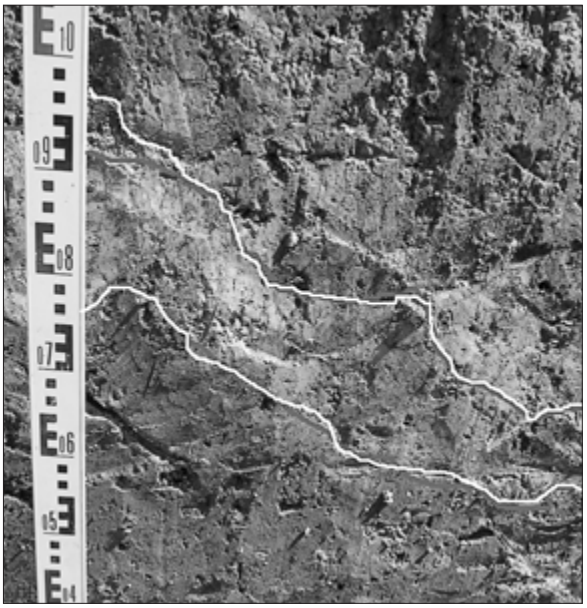
На глубине 0,8-1,0 м от современной поверхности на отдельных участках количество находок увеличилось настолько, что было принято решение не выбирать яму послойно, а провести расчистку горизонта с наиболее насыщенным заполнением. Благодаря этому удалось зафиксировать расположение фрагментов керамики крупных и средних размеров, костей животных, комья обожженной глины, а также отдельные фрагменты конструкций из обожженной глины. В заполнении в процессе расчистки попадались также многочисленные (общим числом более 1500) мелкие (1×2, 2×2 см) фрагменты керамики и крошка обмазки. Было установлено, что эти находки лежат почти сплошным слоем на стенках ямы, которые полого опускаются к ее центру.

Постепенно была расчищена большая часть поверхности, покрытой этими находками, которая полого опускалась к центру ямы до отметки 1,3-1,8 м от современной поверхности. В центральной части плавный спуск обрывался в углублении диаметром 1,2-1,4 м, уходившим до отметки 3,5 м от современной поверхности. В западной и южной частях ямы зафиксирован склон с уступами, на которых также расчищены фрагменты керамики и кости животных. Следует отметить, что находки в этом слое заполнения ямы залегали в плотном грунте черного цвета, который заполнял яму постепенно. Это уплотнение – затек, типичный для углубленных объектов, длительное время пребывавших под воздействием атмосферных осадков.

После зачистки стало возможным выделить до 14 скоплений находок (в их составе – кости животных, в том числе большое количество челюстей крупного рогатого скота, крупные фрагменты керамики). Впоследствии разборка заполнения проводилась по скоплениям. В нескольких скоплениях присутствовали фрагменты антропоморфных статуэток, в том числе крупных. Общее количество фрагментов статуэток из этой ямы составило 17 экземпляров (табл. 1).



1



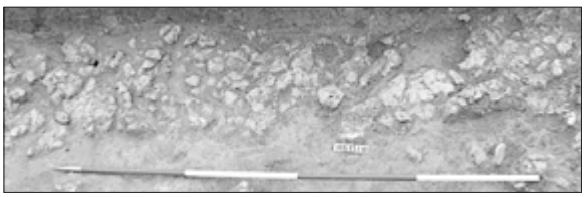
2

3

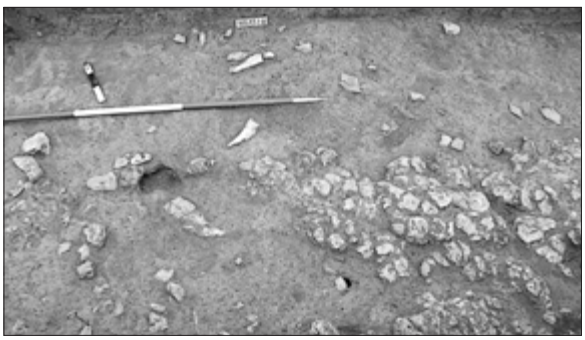
4

Рис. 12. Небелевка, исследования 2013 г., раскоп 3, яма 1 около постройки B17: 1 - вид придонной части с восточной стороны бровки; 2 - прослойка из обожженной обмазки (выделена); 3 - фрагмент разреза, вид бровки с восточной стороны, видны прослойки с керамикой и костями, слой обмазки и углистые прослойки в нижней части; 4 - придонная часть, выбранная в слое глины – в заполнении видны две углистые прослойки.

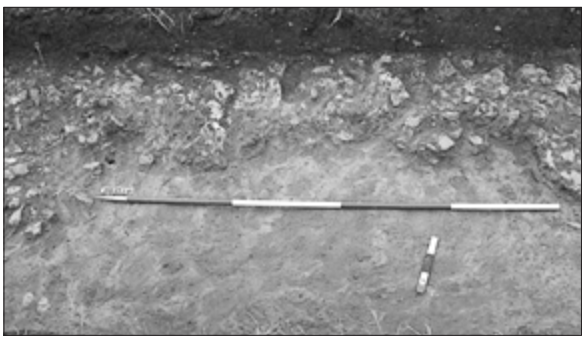
1



2



3



4

Рис. 13. Небелевка, исследования 2013 г., раскоп 3, постройка В18: 1 - общий вид расчищенной части, вешка на переднем плане выставлена геофизиками на месте установленного съемкой угла постройки; 2-4 - участки завала обмазки после расчистки.

Толщина насыщенного артефактами слоя в заполнении ямы составляла от 10 до 15-20 см, увеличиваясь вниз по склону, что хорошо заметно в разрезе центральной бровки (рис. 12). Отмечены также три прослойки – одна из обожженной глины и две – угля, последние разделены слоем суглинка (рис. 12/2-4). Толщина углистых прослоек от 1 до 3 см, они охватывают значительную площадь в придонной части и на склонах ямы. Общий диаметр углистого пятна мог достигать нескольких метров, что свидетельствует об огромном количестве пепла и углей, некогда помещенных в эту яму. Углистые прослойки расположены ниже слоя с обмазкой, керамикой и костями. В нижней части заполнения больше фрагментов костей и мелких обломков керамики.

Особо следует отметить относительно многочисленные находки фрагментов керамики с углубленным орнаментом (начиная с отметки 1,2-1,3 м от современной поверхности и до 1,6-1,8 м), которая встречалась в культурном слое домов в единичных экземплярах. В данной яме найдены крупные фрагменты от нескольких грушевидных сосудов, развалы которых ранее (раскопки 2009, 2013 г.) не были встречены среди остатков построек на этом поселении.

Также были зафиксированы развалы частей крупных (до 80 см в высоту) расписных сосудов, которые также отсутствуют среди остатков построек.

То обстоятельство, что фрагменты грушевидных сосудов с углубленным орнаментом зафиксированы на различных глубинах заполнения ямы, начиная с верхней части, по нашему мнению, в данном случае не дает оснований для выделения «раннего горизонта» ни стратиграфически, ни типологически. Вероятно, некоторые различия, прослеженные в керамическом комплексе ям и построек, связаны с особенностями набора керамики, которую было принято оставлять при сожжении домов на поселении. Более детальное сопоставление находок из ям и связанных с ними построек позволит в будущем проанализировать эти различия и их связь с предполагаемым специалистами обрядом «оставления поселения» (Бурдо 2003; Круц 2003), а также, возможно, прояснить отдельные его стороны.

Яма 1 постройки В18. Яма у дома В18, по-видимому, была еще больших размеров (исследованная часть около 8 м в длину), в полученном разрезе она достигала глубины 2,5 м от современной поверхности (рис. 14). Верхняя часть до глубины 1,2 м заполнена черноземом, ниже начинался культурный слой, в целом аналогичный заполнению ямы у дома В17. Среди находок следует отметить четыре фрагмента антропоморфных статуэток.

Вероятно, первоначально обе ямы использовались для получения глины для строительства домов. Насыщенность заполнения золой, углем, скоплениями костей, фрагментами керамики и фрагментами статуэток свидетельствует о том, что ямы в дальнейшем использовались для сбрасывания остатков жертвоприношений. Ямы стояли открытыми, что объясняет «затечный» характер заполнения. Таким образом, они частично были заполнены за

1

2

Рис. 14. Небелевка, исследования 2013 г., раскоп 3, яма 1 у постройки В18: 1 - общий вид исследованной части и взаимного расположения ям на раскопе 3, цифрами на снимке обозначены: 1 - яма 1 у постройки В17, 2 - яма 1 у постройки В18; 2 - фрагмент разреза ямы 1 у постройки В18.

время существования поселения. К моменту оставления поселка они еще были видны на поверхности и впоследствии заполнялись сначала грунтом, содержащим культурный слой, а затем – черноземом, по мере его образования. По размерам, насыщенности находками и их составу ямы построек B17 и B18 напоминают исследованную в 70-е годы XX в. яму VI комплекса «Ж» на поселении этапа CI у с. Майданецкого (Шмаглий, Видейко 2001-2002, 70, рис. 10).

Раскоп 4

Для исследования одной из ям, обнаруженных в ходе геофизических исследований, в юго-западной части поселения был заложен раскоп 4 размерами 4×4 м (рис. 15). Последние были определены по данным магнитной съемки, однако, как и в случае с ямой 1 при постройке B17, оказалось, что яма имеет гораздо большие размеры. В результате удалось исследовать, и то лишь частично, только центральную часть ямы.

Исследования были начаты по всей площади раскопа 4 и велись слоями по 0,2 м. До глубины в 1 м здесь шел слой карбонизированного чернозема, который на соседних участках, где в шурфах были обнаружены остатки сожженных построек, не превышал 0,45 м. С глубины 1 м раскоп исследован с оставлением бровки для получения разреза объекта, контуры которого фиксировались преимущественно по распространению находок – фрагментов керамики и костей животных. Профиль ямы в целом воронкообразный; она состояла из углублений, со стенками, которые уступами спускались ко дну.

Обнаруженные в яме фрагменты керамики, кости животных, комья обмазки в заполнении залегали в виде скоплений. В состав некоторых из них входили фрагменты антропоморфных статуэток (рис. 15/2, 3). Общее число находок фрагментов антропоморфной пластики из ямы в раскопе 4 к моменту завершения работ в 2013 г. достигло 21. В двух случаях удалось подобрать и склеить по две части от одной статуэтки, что может свидетельствовать о том, что в яму они попали уже в разбитом виде (рис. 21/9, 13). Однако сидячая статуэтка распалась на две половины уже в яме, после попадания в ее заполнение (рис. 15/3, 4; 21/12).

Раскоп доведен до глубины 1,5-1,8 м от современной поверхности, однако глубина ямы, вероятно, превышает, как показала пробная прокопка, отметку в 2 м. В заполнении этой части ямы найдено более 6000 фрагментов керамики, десятки костей животных. По составу керамического комплекса яма в раскопе 4 отличается наличием относительно большого (по сравнению с остатками построек) числа фрагментов грушевидных сосудов с углубленной орнаментацией и прокраской. Найдены также два фрагмента керамической модели жилища (рис. 20).

Получение датирующих материалов

В течение трех полевых сезонов на поселении трипольской культуры у с. Небелевка было заложено 49 шурфов, площадь которых колеблется в пределах 1-4 м². Из них только два (2013 г.) сделаны для почвоведческих исследований, все остальные – с целью поиска материалов для радиоуглеродного датирования.

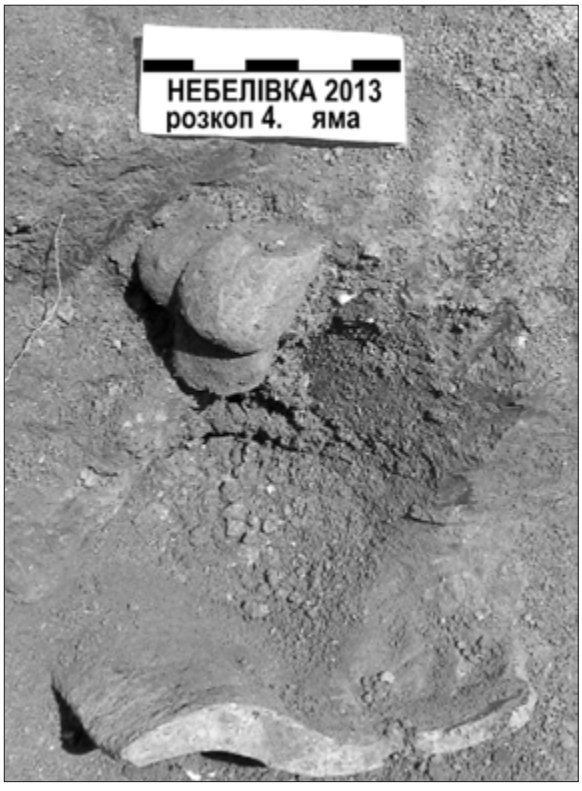
В 2013 г. для выполнения поставленной задачи заложен 41 шурф (рис. 16). Чтобы получить общую картину микрохронологии поселения, шурфы располагались в различных секторах поселения отдельными группами (по 3-6 в каждой). В 2013 году исследованиями была охвачена в основном северная часть поселения, пять шурфов удалось заложить и в юго-восточной части. Таким образом, они покрыли почти половину площади поселения.

Каждый шурф был разбит на месте нахождения остатков отдельной сожженной постройки, предварительно обнаруженной при детальной геомагнитной съемке территории поселения.

В результате проведенных работ собрана коллекция материалов для датировки, найденных на 33 объектах: кости животных (28 объектов), древесный уголь (2 объекта), небольшие фрагменты обожженной глины темного цвета, из которых в лабораторных условиях, возможно, удастся выделить изотопы углерода (3 объекта).

Неотделимыми от выполнения основной задачи стали наблюдения за общим состоянием сохранности памятника и конструктивными особенностями отдельных зданий. Также со-

1



2

3

4

Рис. 15. Небелевка, исследования 2013 г., раскоп 4, яма: 1 - общий вид части ямы с бровкой; 2 - заполнение ямы: фрагмент статуэтки и сосуда; 3 - заполнение ямы: участок с фрагментами керамики, костей животных и крупной антропоморфной статуэткой; 4 - антропоморфная (мужская) сидячая статуэтка в заполнении ямы.

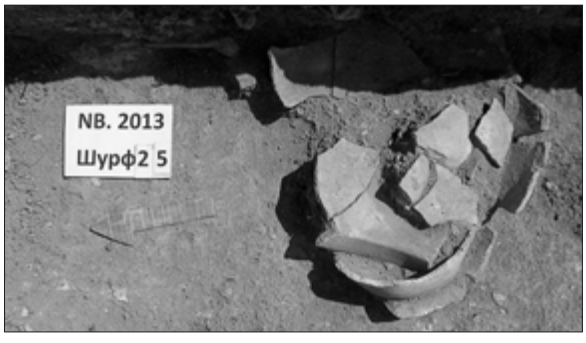
брана небольшая коллекция орудий труда (зернотерки, костяная проколка, фрагменты кремневых пластин) и большая коллекция керамических изделий, которые в целом характерны для Небелевки (рис. 16; 18).

Стратиграфия исследованных объектов отличается однообразием (рис. 16/5). От уровня современной поверхности четко фиксируется слой чернозема, в котором встречаются небольшие фрагменты керамики и комья обо-

1

2

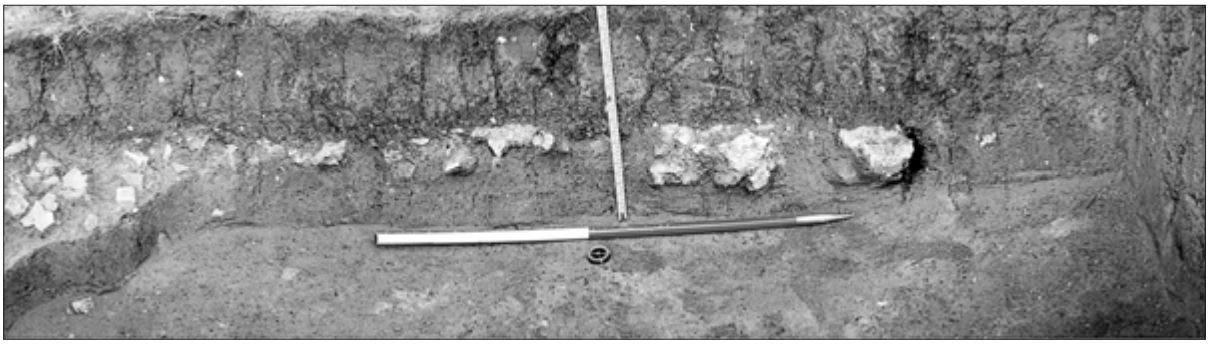
3



4

Рис. 16. Небелевка, исследования 2013 г., шурфы: 1 - №2; 2 - №4; 3-4 - №25; 5 - №6.

5



жженной глины. Ниже расположен суглинок, в верхнем слое которого находятся остатки сожженной постройки в виде завала обожженной глины, а в нижнем – мелкие включения обмазки и фрагментов керамики. Разница стратиграфии заключается в глубине залегания остатков трипольской постройки. Зафиксировано, что на глубине 0,15-0,3 м находятся 72% исследованных объектов и в диапазоне 0,3-0,43 м – только 28%. Соответственно, если остатки постройки находятся на глубине более 0,3 м, то они сохранились в состоянии, почти не потревоженном плугом. Если же выше, то есть в пахотном слое, то происходит неотвратимое разрушение культурного слоя.

Интересный случай стратиграфии зафиксирован на одном из шурфов в юго-восточной части памятника. Согласно данным геомагнитной съемки, здесь прослежена слабая аномалия, которая по контурам соответствует прямоугольной постройке. Она расположена на участке, где, согласно планировочной структуре поселения, должен размещаться очередной дом на улице. Очевидно, подобные аномалии соответствуют оплывам глиняных конструкций построек, которые обожглись либо очень слабо, либо совсем не обожглись. Примечательно, что на всей площади заложенного здесь шурфа (4 м²) обожженная обмазка не обнаружена, а найдены лишь отдельные фрагменты керамики и развалы сосудов плохой сохранности, которые распространены в слое суглинка на глубине 0,3-0,52 м от современной поверхности (рис. 16/1).

В пределах шурфа остатки постройки можно исследовать лишь фрагментарно. Учитывая также то обстоятельство, что не всегда имеется возможность изучить ее лучше сохранившуюся часть, более или менее детальное изучение конструктивных особенностей построек возможно лишь приблизительно на каждом четвертом объекте. Для них можно уверенно говорить о расположении обмазки с растительными примесями в два слоя. Верхний слой образуют аморфные небольшие фрагменты обожженной глины максимальными размерами около 5×5 см, толщиной 2-3 см. Нижний слой представлен мощными плитками обмазки с заглаженной поверхностью, их размеры достигают 0,25×0,25 м, толщина – до 0,15 м, а иногда и 0,20-0,25 м. Оба слоя обожженной глины снизу имеют отпечатки дерева. В одном из случаев обломки нижнего слоя имели отпечатки дерева с трех сторон: снизу и с двух боков. То есть они фиксируют часть глиняной обмазки, размещавшейся в углу помещения, и свидетельствуют о том, что это деталь стыковки одной горизонтальной и двух вертикальных досок. В двух случаях нижний слой залегания обожженной глины представлен массивными плитками без растительных добавок, но с большим содержанием песка.

Подавляющее большинство найденной в шурфах кусков обмазки – кирпичного или оттенков оранжевого цвета, что свидетельствует об относительно высокотемпературном обжиге. Наряду с этим встречались фрагменты плохо обожженные, темно-серые и черные, а также очень сильно пережженные до состояния шлака.

В результате шурфовки в трех случаях выявлены остатки построек с обмазкой, с выравнивающим облицовочным слоем, выкрашенным в красный цвет. Подобные фрагменты обмазки, различные по размерам, найдены по всей площади одного из шурфов (2 м²). Их общая площадь составляет до 1 м². Здесь краска была нанесена на тонкий (1-3 мм) слой штукатурки из отмученной глины, который нивелировал более толстый выравнивающий слой (1,0-1,5 см) глины темно-зеленого цвета. Последний был выравнивающей поверхностью для основного массива (5-6 см) глины кирпичного цвета, который, в свою очередь, был намазан на деревянную основу. Последние два слоя имеют в составе растительную примесь. Все вышеописанные фрагменты из этого шурфа лежали на нижнем слое обмазки строения окрашенной стороной вниз.

Среди остатков восьми построек найдены различные по размерам конструктивные детали возвышений-вымосток. Они состояли из плиток с гладкой нижней и верхней поверхностью, образовавшихся в результате раскалывания пласта глины без растительной примеси под действием огня. Об общей площади вымосток судить невозможно, но самая большая площадь их в шурфах занимала все пространство шурфа 1×4 м. Толщина таких вымосток – в пределах 0,4-0,12 м. Одна из них имела следы ремонтов, поскольку состояла из трех слоев последовательно намазанной глины общей толщиной 0,11 м.

1

2

Рис. 17. Небелевка, исследования 2013 г., шурф 1:
1 - развал миски на ножках среди обмазки;
2 - миска на ножках после полевой реставрации.

В пяти случаях на поверхности вымосток зафиксирована прочерченная орнаментация. В 2012 г. при раскопках мегаструктуры на поселении Небелевка найдены две крестообразные вымостки (F и Q), поверхность лопастей которых была декорирована углубленными концентрическими кругами (Видейко и др. 2013, 109, 112). Очевидно, углубленный орнамент на фрагментах вымосток, исследованных в 2013 г., также образовывал концентрические круги; возможно, это были глиняные крестообразные конструкции. В четырех случаях зафиксировано, что вымостки располагались под слоями обмазки, на земляном полу, в двух других – на нижнем слое обожженной глины, то есть были связаны с интерьером второго этажа.

В девяти шурфах обнаружены лишь отдельные конструктивные детали вымосток в виде плиток. В большинстве случаев они были найдены под слоем обожженной глины с примесью половы. И лишь несколько фрагментов обнаружены среди завала постройки, вперемешку с фрагментами обмазки с растительной примесью.

Курган на трипольском поселении

На территории поселения сохранилась частично разрушенная грабительским шурфом курганная насыпь (рис. 19). Поскольку на поселении проводились изучения почвенного и культурного слоев, было решено зачистить две стенки этого шурфа для получения разрезов.

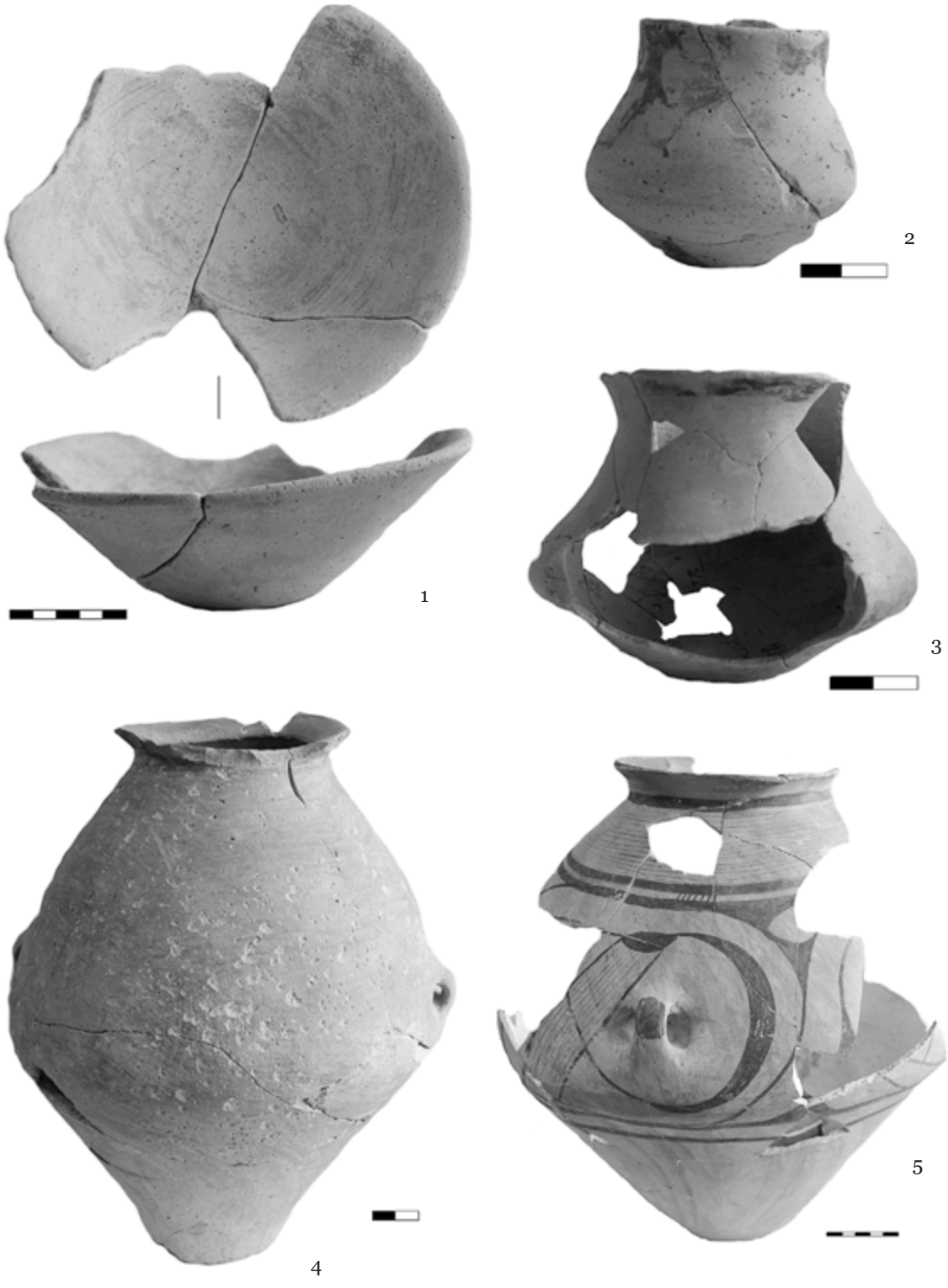


Рис. 18. Небелевка, исследования 2013 г., шурфы, находки: 1, 4, 5 - миска и сосуды из шурфа 4 (AMS 1/3); 2, 3 - кубки (шурф 2 - AMS 1/4).

Курган расположен на пахотном поле на расстоянии 1,35 км к СЗ от западной окраины с. Небелевка. Данные геомагнитной съемки указывают на то, что он находился в центральной части поселения, свободной от каких-либо построек трипольского времени.

Насыпь кургана разрушена пахотой, частично перемещена, поэтому в настоящее время

1

2

3

Рис. 19. Небелевка, исследования 2013 г., курган раннего бронзового века на территории поселения: 1 - общий вид; 2 - зачистка стенки грабительского шурфа, разрушившего центральную часть кургана; 3 - разрез в стенках зачистки.

насыпь имеет форму неправильного овала, вытянутого по линии ЮЗ-СВ, размером 40×60 м. Полы распахиваются, центральная часть диаметром около 30 м задернована. Высота – около 2 м. Вокруг кургана – выемка грунта в виде широкой впадины, что указывает на его первоначальную, достаточно большую высоту.

В центральной части кургана находится грабительский шурф подпрямоугольных очертаний размером около 1,8×1,8 м (рис. 19/2). Шурф выполнен ступенями, максимальная его глубина около 3 м. Судя по его состоянию и по выросшему по его краю кустарнику, он выкопан около 10 лет назад.

Для уточнения степени повреждения одна из стенок шурфа (западная) была зачищена (рис. 19/3). Выявлена следующая стратиграфия (снизу вверх):

1. Материк в виде желтого лесса, толщина его в пределах шурфа около 1,1 м;
2. Погребенная почва трипольского времени (около 0,6-0,65 м) в виде светло-коричневого грунта с многочисленными мелкими вкраплениями обожженной обмазки желтого и красного цвета.
3. Погребенный чернозем насыщенного черного цвета, составлявший неровный слой разной толщины, до 0,1 м;
4. Выброс из погребения, точная его конфигурация не устанавливается. Прослежен по комьям черного и желтого цветов, которые были включены в состав насыпи серого цвета, возможная высота до 0,6 м.
5. Собственно насыпь из чернозема серого цвета с задернованной поверхностью. Ее высота над уровнем погребенной почвы в настоящий момент составляет 1,4 м.

В юго-западной стенке шурфа просматривается угол погребальной ямы, возможно, от центрального захоронения, в верхней части которого зафиксированы фрагменты дерева. Вероятно, выброс именно из этого захоронения зафиксирован в западной стенке выше уровня погребенного чернозема.

По-видимому, между оставлением поселения и возведением кургана (раннебронзового века?) прошел определенный срок, когда поверх слоя трипольского времени успел сформироваться небольшой слой чернозема, на котором впоследствии был сооружен курган. Об этом свидетельствует и выброс из могилы, который лежит на погребенном черноземе.

В 50 м от восточной полы кургана был заложен шурф размером 1×2 м для сравнения стратиграфической ситуации в древности и в настоящее время.

Он выявил черноземный пахотный слой толщиной около 0,4 м, переходный слой толщиной около 0,17-0,2 м, под которым находился слой материкового лесса желтого цвета. В СЗ углу шурфа, в пахотном слое, на глубине 0,2 м выявлен небольшой фрагмент кости животного (осколок) длиной около 5 см.

На территории собственно трипольского поселения тот слой, который был законсервирован под погребенным черноземом и перекрывшей его курганной насыпью, является верхним и распахивается.

Ситуация с сооружением курганов на трипольских поселениях не уникальна. Уместно сопоставить стратиграфию кургана в Небелевке с курганами ямной культуры, раскопанными на территориях трипольских поселений Майданецкое (Шмаглий, Видейко 1988) и Тальянки (Klochko, Kruts 1999). В Майданецком находящиеся под курганом остатки трипольского поселения были перекрыты тонким неровным слоем погребенного чернозема (Шмаглий, Видейко 1988, 132, рис. 1), что имеет аналогии в стратиграфии кургана на поселении Небелевка. Отличие проявляется в том, что курган в Майданецком перекрывал остатки трипольских построек. Несколько радиокарбонных и археомагнитных дат, имеющихся для Майданецкого поселения, в свое время позволили исследователям предположить, что между временем гибели поселения и началом сооружения кургана прошло несколько сотен лет (Шмаглий, Видейко 1988, 132-134).

На остатках двух трипольских построек был сооружен и курган в Тальянках (Klochko, Kruts 1999, 75). После оставления поселения над остатками сожженных домов образовался слой чернозема толщиной около 0,1 м. Судя по имеющимся радиоуглеродным датам, временной интервал между трипольским поселением этапа Триполья С I и погребениями ямной культуры составил около 900 лет (Klochko, Kruts 1999, 79).

Исследование кургана позволит спасти сохранившуюся его часть от разрушения и получить дополнительную информацию о культурном слое трипольского времени, а также уточнить время сооружения кургана.

Феномен сооружения ямных курганов на месте предшествовавших им во времени поселений РБВ прослежен и в западном ареале распространения ямной культуры. Так, известны случаи, когда ямные курганы были выявлены на территории поселений культуры Костолац (Сербия) и Баден (Венгрия).

Материалы из раскопок поселения Небелевка

Основное число находок из раскопок на поселении составляют фрагменты керамики и антропоморфной пластики, орудий труда найдено мало.

Последние представлены орудием для обработки кости/рога, изготовленным из кремня на основе пластины, обработанной струйчатой ретушью (рис. 22/7). Этот инструмент обнаружен в заполнении ямы 1 постройки В17. Обломки нескольких орудий на пластине найдены в раскопе 4.

Среди завала обмазки на месте постройки В17, в районе вымостки 2 (вероятно, очаг) найдены два желобчатых керамических абразива для обработки древков стрел (рис. 5). Каждое изделие представляет собой прямоугольный в сечении брусок с выбранными в гранях полукруглыми желобками. Материал – глина с обильной примесью дресвы. Такие артефакты на трипольском поселении обнаружены впервые. Прототипы подобных орудий, распро-

страненных в Евразии, по мнению некоторых исследователей, возникли в неолите на Ближнем Востоке и получили распространение за его пределами, были предназначены для уплотнения и выравнивания древков стрел и дротиков (Усачева 2007).

Керамические сосуды обнаружены в раскопе 3 (среди остатков построек B17, B18, в культурном слое вокруг них и ямах), а также раскопе 4 (яма) и шурфах, заложенных для получения датирующего материала. Подавляющее большинство фрагментов керамики происходит из ям. Развалы сосудов связаны лишь с остатками постройки B17 и некоторыми шурфами.

Посуда относится к двум группам изделий: керамика типа Кукутень С («кухонная») и орнаментированная (столовая).

Находки керамики типа Кукутень С немногочисленны. Эти сосуды изготовлены из глины с примесью песка, дресвы, иногда – толченых раковин. Черепок рыхлый, обжиг слабый. Среди форм присутствуют широкоустные горшки различных размеров (рис. 7/7-10). Интересно, что фрагменты крупных горшков обнаружены только в ямах, среди остатков постройки B17 найдены два развала, высота которых не превышает 15-17 см (рис. 7/1, 3). Горловины горшков, как правило, покрыты вертикальными расчесами, у их основания иногда имеются скульптурные детали (рис. 7/6). Реже встречаются фрагменты сосудов, украшенных в верхней части прочерченным орнаментом (рис. 7/7).

Группа орнаментированной керамики изготовлена преимущественно из каолинитовой глины светлых оттенков. По технике нанесения орнамента она может быть подразделена на две подгруппы: с углубленным орнаментом и с росписью. Керамика с углубленным декором из прочерченных линий малочисленна и встречается исключительно в ямах. Углубленный орнамент был дополнен заполнением желобков белой пастой и красной прокраской промежутков между линиями. Представлена эта группа одним типом сосудов – крупными грушевидными сосудами.

Большую часть орнаментированной керамики составляют сосуды, покрытые черной или темно-коричневой росписью поверх оранжевого ангоба. Это кубки, кубковидные сосуды (в том числе с ручкой), конические миски, миски на ножках, амфорки, сфероконические, биконические и грушевидные сосуды (рис. 11; 17; 18). Обращает на себя внимание то, что фрагменты или же части развалов крупных (до 60-80 см в высоту) биконических сосудов были найдены исключительно в ямах.

Особо следует отметить находку среди завала постройки B17 сфероконического сосуда с орнаментальной композицией, в которой помещены изображения животных, обычно интерпретируемых как собаки. Они находятся в медальонах округлой формы, которых, судя по композиции, должно было насчитываться четыре, однако на сохранившейся части сосуда их всего три. Это изображения самцов животных с поднятыми хвостами, на конце которых изображен закрашенный круг (рис. 11/1, 2).

Особый интерес представляют два фрагмента керамической модели постройки (рис. 20), найденные в яме раскопа 4. Они представляют собой часть передней стороны модели и арочной крыши в районе входа. Различается округлый верх дверного проема и букрании на коньке крыши. Между стилизованными изображениями рогов сделан небольшой выступ. Поверхность покрыта ангобом и расписана черной краской. Вход обрамлен треугольниками и двойной линией. На крыше продольные широкие линии пересекаются под прямым углом с более тонкими. Возможно, показана

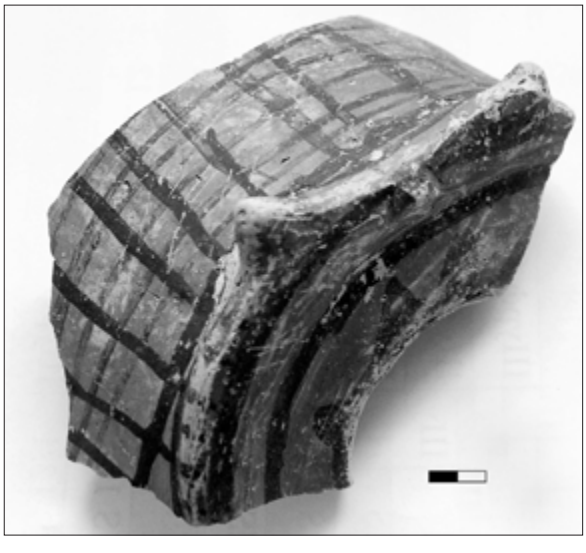


Рис. 20. Небелевка, исследования 2013 г., раскоп 4. Фрагмент керамической модели постройки.

стропильная конструкция и перекрывающие ее маты из камыша или соломы.

Фрагменты модели с аналогичным декором в виде треугольников вокруг входа происходят с поселения Сушковка (раскопки В. Козловской, томашовская группа, этап CI) (Якубенко 1999). Аналог букраниям представлен на модели с поселения Рассоховатка (томашовская группа, этап CI) (Mysteries 2008, 190).

Находка фрагментов модели на поселении Небелевка указывает на вероятные истоки традиции оформления моделей данного типа на памятниках томашовской группы. Она важна также для реконструкции внешнего вида построек небелевской группы. Напомним, что находки из постройки B17 подтвердили наличие настенных росписей на реальных постройках, которые до сих пор были известны лишь по их керамическим моделям.

По формам и декору керамика из раскопок всех объектов, изучавшихся в сезоне 2013 года, может быть отнесена к небелевской локально-хронологической группе трипольской культуры этапа BII. Грушевидные сосуды с углубленным орнаментом находят аналогии во Владимировке (Пассек 1949, 98, рис. 53/1-4). Однако количество находок таких сосудов в Небелевке позволяет предположить, что данный тип изделий, известный ранее преимущественно по памятникам владимировской группы, был достаточно распространен также и в небелевской группе, по мере изучения которой возрастает источниковедческая база изучения керамического комплекса.

Антропоморфная и зооморфная пластика, ритуальные предметы

Находки фрагментов антропоморфной пластики представлены на всех исследованных в 2013 г. объектах (яма р. 4, постройки B 17 и B 18, ямы у этих построек) и составляют 48 обломков от 46 фигурок (распределение по объектам представлено в таблице 1). Таким образом, в результате этого полевого сезона получена одна из наиболее крупных коллекций антропоморфной пластики не только небелевской группы, но и этапа Триполья B II в целом.

Анализ распространения антропоморфной пластики по объектам показывает, что статуэтки концентрируются преимущественно в ямах (табл. 1). В заполнении ямы р. 4 найден 21 фрагмент от 19 статуэток, в яме постройки B17 – 18 фрагментов, в траншее, прошедшей через яму постройки B18, – 4 фрагмента. В заполнении ямы постройки B17 большинство находок фрагментов антропоморфной пластики связано со скоплениями материала, включавшими фрагменты керамики, кости животных, обломки глиняных конструкций (рис. 15). В постройках единичные фрагменты фигурок встречались среди архитектурных остатков, преимущественно под завалом обожженной глины (4 – в B17, 2 – в B18). Такое распределение антропоморфной пластики по

Таблица 1.

Находки фрагментов антропоморфной пластики на объектах, исследованных в 2013 г.

Находки	Всего фрагментов (экз.)	Объекты				
		Яма, р. 4	B17, постройка	B17, яма 1	B18, постройка	B18, яма 1
Фрагменты антропоморфных статуэток	48 (46)	21 (19)	4	17	2	4
Фрагменты зооморфных изображений	3	2		1		
Троны	1		1			
Фишка зоо				1		
Миниатюрные сосуды	2	2				

объектам, характерное для мега-поселений томашевской группы, зафиксировано в Майданецком (Burdo 2011, 26).

Антропоморфная пластика представлена исключительно фрагментами терракот крупного, среднего и малого размеров, ни одной целой статуэтки не найдено. В яме р. 4 зафиксировано два случая находок двух обломков от одной фигурки (рис. 21/9, 13).

Необходимо отметить, что единичные фрагменты статуэток из ям Небелевки имеют пятнистую поверхность, что может объясняться их использованием в ритуалах, связанных с огнем.

По характеру глиняной массы визуально можно выделить несколько технологических групп антропоморфных статуэток. К первой группе относятся изделия из светложгущейся каолинитовой глины, их цвет варьирует от белого до бледно-розового, бледно-серого и бледно-бежевого. Именно из такой глины преимущественно изготовлялась посуда поселения Небелевка. Необходимо подчеркнуть, что в целом каолинитовое глиняное сырье, применявшееся для лепки статуэток, отличается как по структуре, так и по примесям. В сломах заметно, что в одних случаях глина комковатая или слоистая, не отличается большой пластичностью, а в других масса тонкоструктурная, однородная, плотная, хорошо отмучена. Иногда в глине четко видны микропоры от выгоревшей растительной примеси, отпечатки более крупных растительных фракций, в нескольких случаях, предположительно, отпечатки зерновок. Кроме того, отмечено присутствие минеральных примесей, преимущественно песка и зерен кварца, а в единичных случаях – комки ожелезненной глины. Вероятно, все примеси, кроме злаков, являются естественными примесями в глине, а значительное разнообразие характеристик каолинитовой глины может объясняться тем, что фигурки изготовлялись из глины, взятой в разных местах. Из каолинитовой глины изготовлялись статуэтки разных размеров, от очень крупных (рис. 21/22) до совсем маленьких (рис. 21/6).

Изделия из каолинитовой глины требуют высокотемпературного обжига. Поверхность статуэток из такой глины тщательно заглаживалась, покрывалась матовым оранжевым ангобом. Роспись или детали декора наносились темно-коричневой краской или, изредка, прочерченными линиями. Следует отметить, что оригинальная поверхность статуэток очень часто не сохраняется, о росписи и ангобе можно судить в таких случаях лишь по отдельным пятнам краски.

К другим технологическим группам относятся статуэтки из мелкоструктурной глины, масса которых отличается плотностью, степенью отмученности, примесями и цветом. Для этих технологических групп характерны фигурки среднего и малого размера. Цветовая гамма изделий варьирует в желто-оранжевых тонах, только несколько фигурок отличаются темно-серым цветом (рис. 21/4, 8).

Ко второй технологической группе относятся фигурки из мелкоструктурной глины с примесью мелких минеральных частиц (песка, известковых вкраплений 21) и/или очень мелких частиц выгоревшей органики. Предположительно, примеси эти – природного характера.

Выделяются единичные фигурки, изготовленные из тонкоструктурной, плотной, хорошо отмученной глины светло-розового, светло-оранжевого или бледно-серого цвета, без видимых примесей (рис. 21/3, 11), близкой по виду к формовочной массе днестровской пластики. Всего во всех объектах 2013 года найдено 8 фрагментов таких изделий. Поверхность таких фигурок тщательно заглажена. Она, вероятно, была подлощена, возможно, расписывалась, однако плохая сохранность фрагментов не позволяет судить об этом с полной достоверностью. На одной из фигурок среднего размера четко видны пятна ярко-красной охры (рис. 21/3), предположительно покрывавшей всю поверхность статуэтки.

Анализ антропоморфной пластики из разных объектов поселения Небелевка показывает, что четкой корреляции между технологическими группами и формальными и иконографическими типами статуэток не наблюдается, но все крупные фигурки изготовлены из каолинитовой глины. Статуэтки из каолинитовой глины преобладают среди антропоморфной пластики из ямы 1 постройки B17 (рис. 21/18, 21, 22, 24), составляя 11 фигурок из 17, а также

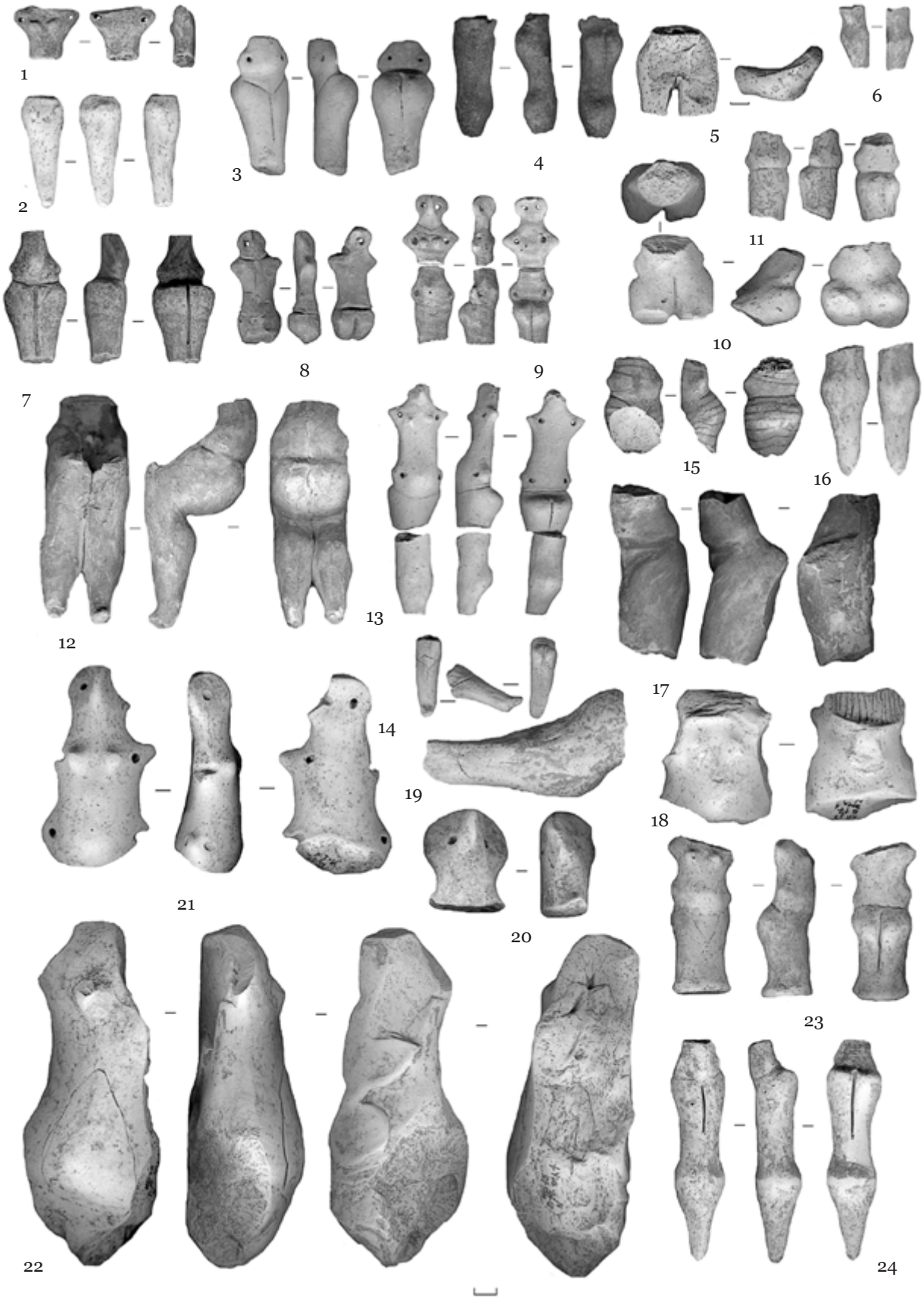
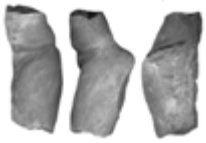
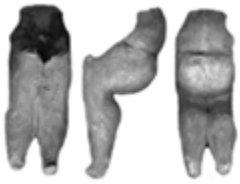


Рис. 21. Небелевка 2013. Антропоморфные статуэтки. 1, 2 - постройка B18; 3-16 - раскоп 4, яма 1; 17, 18, 21-24 постройка B17, яма 1; 19, 20 - постройка B18, яма 1.

Таблица 2

Основные типы антропоморфной пластики из раскопок в Небелевке в 2013 г.

П/тип	Рисунок	Характеристика	П/тип	Рисунок	Характеристика
I тип – стоящие статуэтки			**II тип – сидящие статуэтки**		
I.1		Стоящие прямо, с веретеновидной ножкой, подчеркнутыми икрами и конусовидным окончанием ног	**II.1**		Сидящие, с отклоненным назад корпусом и раздвинутыми ногами
I.2		Стоящие прямо на столбчатой ножке	**II.2а**		Сидящие, с отклоненным назад корпусом, вытянутыми вперед сомкнутыми ногами
I.3		Стоящие со склоненным вперед корпусом	**II.2в**		Сидящие, с отклоненным назад корпусом, вытянутыми вперед сомкнутыми ногами и моделированной ступней
			II.3		Сидящие, с отклоненным назад и изогнутым вперед корпусом, с ногами, согнутыми в коленях и моделированными ступнями и руками

в самой постройке (3 из 4), в постройке В18 (2 фигурки) и яме 1 этой постройки (3 из 4). Изделий из каолинитовой глины гораздо меньше в яме раскопа 4 – 6 из 19, причем крупная среди них только одна фигурка (рис. 21/6, 9, 15). Всего во всех объектах раскопок 2013 года найдено 25 фигурок из каолинитовой глины, что составляет чуть больше половины антропоморфной пластики.

Характер сломов антропоморфных статуэток позволяет предположить, что многие из них были сформованы из двух соединенных вертикальных половин (рис. 21/12, 17, 19, 22). Такой прием формовки характерен преимущественно для фигурок крупного размера, а также для изготовления нижних частей фигурок. Статуэтки на веретенообразной ножке, относящиеся к наиболее распространенному типу антропоморфной пластики Небелевки, вероятно, изготовлялись из одного куска глины (рис. 21/9, 13).

Следует подчеркнуть, что рассмотренные технологические группы антропоморфной пластики выделены условно, исключительно в результате визуальных наблюдений; они должны рассматриваться как способ группировки статуэток, а не технико-технологический анализ.

Отметим, что статуэтки можно разделить на мужские, женские и антропоморфные изображения. Первые единичны – всего две фигурки (рис. 21/8, 12). Типология статуэток представлена в таблице 2.

К женским изображениям относятся фрагменты, на которых четко обозначены половые признаки, или передающие образ беременной. Таких достоверно женских изображений во всех объектах Небелевки, исследованных в 2013 году, насчитывается 19. Большая часть фрагментов не дает информации о половой принадлежности изображений и характери-

зуется как антропоморфные. Половая принадлежность фигурок не влияет на их формальную типологию, для которой можно задействовать лишь более или менее крупные фрагменты пластики.

Антропоморфные статуэтки из исследованных в 2013 году в Небелевке объектов объединяют некоторые общие особенности. В подавляющем большинстве они условно-схематически воспроизводят облик человека. Единичные фигурки отличают черты реализма (натурализма), проявляющиеся в моделировке рук, ног, других деталей (рис. 21/12). Реалистической пластики не найдено (Бурдо 2013, 12-19).

Имеющиеся в коллекции фрагменты позволяют утверждать, что для всех схематических статуэток характерна дисковидная плоская голова с большим выступающим носом и двумя круглыми отверстиями вместо глаз (рис. 21/8-9, 20-21). Шея обычно короткая. Вместо рук у таких статуэток изображены заостренные или скругленные выступы, иногда с отверстиями (рис. 21/1, 8, 9, 13, 21, 23). Встречаются экземпляры с более или менее сильно выраженными выступами на бедрах, округлыми или заостренными (рис. 21/7, 8, 10, 11, 15, 17, 24), иногда также снабженные отверстиями (рис. 21/3, 4, 9, 13). Подчеркнем, что бедренные выступы показаны и на мужских статуэтках (рис. 21/8, 12). Статуэтки относительно полной сохранности позволяют утверждать, что есть определенная корреляция в наличии отверстий для плечевых и бедренных выступов. Отверстия или отсутствуют (рис. 21/8, 23) или сделаны и в плечевых, и в бедренных выступах (рис. 21/9, 13, 21).

Антропоморфные статуэтки, независимо от их размеров, принадлежности к технологической группе и половых признаков, могут быть разделены по позе фигурки на два типа: I – стоящие, II – сидящие. Подтипы выделяются в зависимости от характерных особенностей моделировки туловища, конечностей и т.д. (табл. 2).

Фрагменты изящных стоящих статуэток подтипа I.1 наиболее многочисленны (рис. 21/2-4, 6-9, 11, 13, 15, 16, 24). Они изображают стройную удлиненную фигуру с прямым корпусом, подчеркнутыми бедренными выступами, слитно моделированными ногами, подчеркнуто выпуклыми икрами и коническим окончанием ног (веретеновидные ножки).

Статуэтки подтипа I.1 покрывались красной краской, зафиксированной на небелевских статуэтках лишь в виде едва заметных пятен (рис. 21/3). Окрашивание поверхности фигурок в красный цвет характерно для пластики Немирова (Pogoševa 1985, Abb. 628, 629, 631-635, 639, 641, 642).

На части фрагментов фигурок подтипа I.1 сохранилась роспись в виде косых, сходящихся под углом (рис. 21/7) или параллельных лент (рис. 21/9, 15), нанесенных темно-коричневой краской по оранжевому ангобу. Отметим, что так же орнаментировано антропоморфное изображение на сосуде из постройки A9, исследованной в 2009 г. (Чепмен и др. 2010, рис. 2/11). Роспись лентами типична для пластики такого подтипа поселений Триполья B II и отмечена среди статуэток Владимировки, Бодак, Каракушан, Криничек (Pogoševa 1985, Abb. 549, 571, 583, 608, 652-655), Брынзен 8 (Sorochin 2001, fig. 6).

Другие подтипы стоящих фигурок, отличающихся массивностью, представлены меньшим количеством находок. Подтип I.2 – массивные статуэтки с прямым корпусом на столбчатой ножке (рис. 21/23). Статуэтки этого подтипа впервые зафиксированы на поселениях Триполья B I-B II, например, в Залещиках (Pogoševa 1985, Abb. 479). Распространен этот подтип среди пластики Триполья B II на поселениях Кринички и Немиров (Pogoševa 1985, Abb. 658, 693), и особенно этапа Триполья C I (Pogoševa 1985, Abb. 691, 698, 706, 748, 749).

Стоящие статуэтки подтипов I.1 и I.2, с характерными для небелевской пластики морфологическими чертами, впервые появляются на памятниках Кукутень AB - Триполье B I-B II. Они зафиксированы в коллекциях Поливанового Яра II (Pogoševa 1985, Abb. 498, 504, 479).

Подтип I.3 – статуэтки со склоненным вперед корпусом и натуралистичными чертами в моделировке ног (рис. 21/17).

Сидящие фигурки единичны, но среди них выделяется три подтипа. К подтипу II.1 относятся статуэтки с откинутым назад корпусом и раздвинутыми ногами (рис. 21/5, 10). В подтип II.2a выделены сидящие фигурки с откло-

ненным назад корпусом и вытянутыми вперед сомкнутыми ногами (рис. 21/19), а в II.2в – подобные статуэтки, но с моделированной ступней (рис. 21/14). К подтипу II.3 относится статуэтка со сложным изгибом корпуса и ногами, согнутыми в коленях (рис. 21/12).

Особое внимание привлекает несколько наиболее выразительных статуэток, отличающихся яркими индивидуальными чертами. Одна из таких находок происходит из ямы раскопа 4 (рис. 15/3, 4). Статуэтка довольно крупного размера отличается относительно хорошей сохранностью – отсутствует верхняя часть туловища и голова (рис. 21/12). Она изготовлена из каолинитовай глины почти белого цвета и раскололась на две вертикальные половины, из которых была вылеплена. Поверхность фигурки заглажена не очень тщательно, покрыта оранжевым матовым ангобом. Плавные абрисы фигуры не отличаются от силуэтов женских статуэток, но наличие пениса позволяет думать, что это мужское изображение, воспроизводящее сидящую фигуру со слегка откинутым назад корпусом, верхняя часть которого склоняется вперед. Ноги согнуты в коленях под прямым углом, ступни моделированы маленькими выступами. На коленях сохранились следы скульптурно проработанных рук, опущенных и сложенных на коленях. Ближайшей аналогией небелевской фигурки является сидящая статуэтка андрогина из Криничек, впервые опубликованная Н.Е. Макаренко (Макаренко 1926, табл. 2). Аналогична и трактовка ног у женской статуэтки с младенцем, происходящей с того же памятника (Makarenko 1927, fig. 30; 32; 32a). Женскую фигурку и статуэтку андрогинна из Криничек (Бурдо 2013, 31) с небелевской статуэткой объединяет близкая трактовка ног и скульптурно проработанные руки, сложенные на коленях. Наиболее ранняя, близкого типа, фигурка с согнутыми в коленях ногами происходит с памятника Триполья BI-BII Яблона I (Sorochin, Borziac 2001, fig. 5, 6). Похожая статуэтка найдена в слое Триполья B II поселения Незвиско (Pogoševa 1985, Abb. 526).

Еще одна мужская статуэтка из ямы раскопа 4 отличается отсутствием левого глаза (рис. 21, 8). Ближайшие аналогии мужской фигурке находим среди пластики Триполья B I-B II поселения Поливанов Яр II (Pogoševa 1985, Abb. 511).

Фрагмент верхней части очень крупной статуэтки найден в яме 1 постройки B17 (рис. 21/22). Судя по высоте фрагмента, скульптура могла достигать в высоту не менее 30 см. Хотя в Триполье известны и более крупные образцы антропоморфной пластики (Гусєв 2009, 315), встречаются они достаточно редко. Торс происходит от статуэтки, изготовленной из бледно-серой каолинитовой глины. Вертикальный слом позволяет предположить, что фигурка была слеплена из двух вертикальных половинок. Поверхность ее тщательно заглажена, о наличии ангоба свидетельствуют лишь отдельные пятна светло коричневой краски. Торс очень массивный, груди показаны непропорционально маленькими налепными бугорками. Выступающий живот несколько необычной, трапециевидной формы, вероятно, символизирует беременность. На спине статуэтки частично сохранилась традиционная для трипольской пластики скульптурно моделированная прическа. Можно предположить, что торс принадлежал стоящей скульптуре на столбчатой ножке, а ближайшей аналогией является крупная целая статуэтка из поселения томашевской группы Триполья C I Сушковка (Бурдо 2001, рис. 14/6). Типологически близки крупной небелевской терракоте и нижние части гигантских статуэток среднебужской локально-хронологической группы, в том числе и из памятников периода Триполья B II (Гусєв 2009, 315, рис. 6/1-4). Нижние части очень крупных фигурок найдены на поселениях Щербатово и Сороки-Озеро (Pogoševa 1985, Abb. 691, 698).

К тому же подтипу антропоморфной пластики, вероятно, относятся фрагментарные крупные статуэтки из каолинитовой глины из ямы 1 постройки B17. У обеих на спине пластически моделирована прическа в виде узла. Причем в одном случае (рис. 21/18) пряди волос показаны прочерченными вертикальными линиями, как у реалистической фигурки из Владимировки (Пассек 1949, рис. 48/2). Статуэтки с такой прической особенно характерны для памятников владимировской и томашевской локально-хронологических групп.

Верхняя часть крупной беременной фигурки находит ближайшие аналогии в пластике с поселения Каракушаны (Pogoševa 1985, Abb. 611, 612).

Анализ антропоморфной пластики по объектам, раскопанным в 2013 году, показывает, что в конкретных комплексах преобладают статуэтки разных типов. Так, в яме раскопа 4 преобладают изящные фигурки подтипа I.1, типичные для антропоморфной пластики большинства локально-хронологических групп Триполья B II. Такие фигурки присутствуют в коллекциях антропоморфной пластики из поселений разных локально-хронологических групп Незвиско (Pogoševa 1985, Abb. 525), Раковец (Pogoševa 1985, Abb. 537, 545), Владимировка (Pogoševa 1985, Abb. 550, 557), Бодаки (Pogoševa 1985, Abb. 584, 585), Каракушаны (Pogoševa 1985, Abb. 612-617), Немиров (Pogoševa 1985, Abb. 643, 644), Кринички (Pogoševa 1985, Abb. 655-663), Ворошиловка (Гусєв 2009, рис. 2/8; 3/1-2), Брынзены 8 (Sorochin 2001, fig. 1/3-7; 2/5; 3/4; 5/5). Аналогичные фигурки встречаются также на некоторых памятниках разных локально-хронологических групп Триполья C I: Сороки-Озеро (Pogoševa 1985, Abb. 680, 696), Старя Буда (Pogoševa 1985, Abb. 703, 706), Софиевка II (Pogoševa 1985, Abb. 960), Евминка (Pogoševa 1985, Abb. 975).

В постройках B17 и B18, расположенных рядом с мегаструктурой, и в особенности в связанных с ними ямах, преобладают массивные статуэтки подтипов I.2 и I.3 (рис. 21/17, 23); именно с такими подтипами могут быть связаны верхние части массивных фигурок (рис. 21/18, 21, 22). Аналогии для фигурок этих подтипов мы находим не только в коллекциях антропоморфной пластики памятников Триполья B II Ворошиловка, Немиров (Гусєв 2009, 315, рис. 4/4; 5/7; 6/1-4), но и среди статуэток некоторых поселений томашевской локально-хронологической группы Триполья C I, например, Майданецкого (Burdo 2011, fig. 2/2; 3/7) и Чичиркозовки (Гірник, Відейко 1989, рис. 1/7-10).

Зооморфная пластика в Небелевке малочисленна и представлена зооморфным конусом-фишкой (рис. 22/3), двумя маловыразительными фрагментами зооморфных фигу-

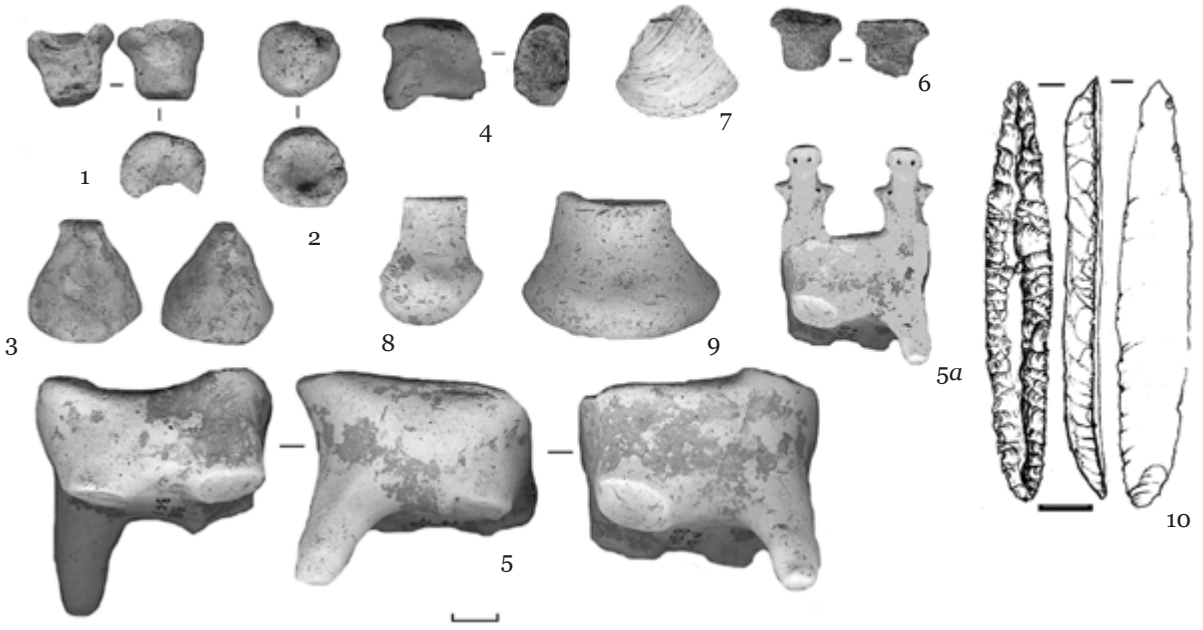


Рис. 22. Небелевка 2013. Культовые предметы. 1, 2 - миниатюрные сосуды, раскоп 4, яма 1; 3 - зооморфный конус-фишка, постройка B17, яма 1; 4 - фрагмент зооморфной статуэтки, раскоп 4, яма 1; 5 - керамическая модель трона, 5a - реконструкция антропоморфных спинок, постройка B17; 6 - зооморфная деталь сосуда типа Кукутень C, раскоп 4, яма 1; 7 - фрагмент орнамента из раковины Unio, постройка B17, яма 1; 8, 9 - миниатюрные кубки, постройка B 17, яма 1; 10 - орудие из кремня.

рок небольшого размера (рис. 22/4), а также зооморфной скульптурной деталью от сосуда типа Кукутень С (рис. 22/6). Зооморфный конус предположительно изображает бовина и находит близкие аналогии среди набора таких предметов из Коновки (Балабина 1998, рис. 85/1, 3).

К предметам пластики относятся керамические модели стульчиков-тронов. Такой «трон» на четырех ножках найден непосредственно у края ямы 1 постройки В17 (рис. 22/5). Моделировка сиденья и характерные сломы свидетельствуют о том, что спинка этого изделия была моделирована в виде антропоморфных фигурок, подобно трону из Липкан (Monah 1997, fig. 262/1). Трон изготовлен из каолинитовой глины белого цвета, его поверхность покрыта оранжевым ангобом.

Две находки из ямы раскопа 4 представлены миниатюрными сосудами. Они отличаются очень малыми размерами, изготовлены из мелкоструктурной глины довольно небрежно, слабо обожжены (рис. 22/1, 2).

Разведки вокруг поселения

В 2013 году были продолжены интенсивные разведки в радиусе 5 км вокруг трипольского поселения в Небелевке. Всего было изучено 32 поля с интервалом между участниками разведки в 20 м и отметкой на GPS всех находок. Это позволило завершить изучение всей территории в указанном радиусе.

Результаты работ подтвердили отсутствие памятников трипольской культуры на изученном в 2009 и 2012-2013 гг. пространстве. Как и в предыдущие годы, были выявлены следы поселений позднего бронзового века, раннего железного века (с находками фрагментов античных амфор). Больше всего выявлено мест с керамикой черняховской культуры, которая собрана в большом количестве, включая фрагменты импортов – амфор. В нескольких пунктах отмечена керамика XVII-XVIII и XIX-XX вв.

Также разведки показали наличие на полях значительного числа курганных насыпей, преимущественно невысоких и сильно распаханных. Учитывая размеры, их следует отнести скорее к эпохе бронзы, чем к раннему железному веку.

Таким образом, в 2013 г. был завершен первый этап разведок вокруг поселения. По результатам трех сезонов исследований установлено, что в радиусе 5 км с трипольской культурой можно связать четыре местонахождения, на которых присутствовали немногочисленные мелкие фрагменты керамики (2009 г.) и один большой фрагмент расписной керамики (2012). Это означает, что поселения – ровесники небелевского так и не были найдены в ближайшем окружении. Интересно также отсутствие поселений более раннего или более позднего времени. Это означает, что подобные памятники могут быть выявлены за пределами 5-километровой зоны, а также необходимо искать объяснения данному явлению.

Выводы

Сезон 2013 года значительно расширил представления о поселении трипольской культуры у с. Небелевка и его окружении.

Завершено составление плана поселения по данным магнитной съемки. Благодаря этому установлена общая схема расположения построек (два овала по периметру и радиальные улицы, числом более 50-ти) и сопровождавших их объектов, открыты следы оборонительного рва, окружавшего поселение. Особый интерес представляет обнаружение более полутора десятков аномалий от крупных построек, расположенных между рядами периметра и вне этих рядов. Установлено, что в пределах данного населенного пункта была всего лишь одна «мегаструктура» (раскопанная в 2012 г.), представлявшая собой, таким образом, общественную постройку (предположительно святилище) общепоселенческого значения.

Данные о планировке поселения позволили выбрать для изучения и проверки результатов магнитной съемки ряд интересных объектов. Впервые удалось в комплексе, широкими площадями изучить не только остатки сожженных построек, но и культурный слой вокруг них вместе с сопровождающими ямами. Эти работы показали, что для строительства использовались не только суглинок и глина из ям, расположенных напротив торца сооружений, но и грунт (суглинок), полученный из неглубоких траншей по периметру постройки. Образовавшиеся углубления заполнялись

культурным слоем на протяжении жизни поселения. Мощность его между постройками достигала 0,2-0,4 м.

Исследованные в 2013 г. ямы были не только местом выборки грунта для строительных смесей. В них на протяжении существования поселения откладывались фрагменты керамики, кости животных. Судя по скоплениям такого материала, наличию в них древесного угля, охры и фрагментов антропоморфной пластики, это было не накопление мусора, а свидетельство ритуальных действий.

В результате раскопок получены интересные материалы, в том числе большая коллекция антропоморфной пластики, на сегодняшний день наиболее крупная с памятников небелевского типа в целом. Особое значение имеет открытие настенной росписи на штукатурке из постройки B17, а также наличие росписи на остатках вымостки-алтаря.

Благодаря раскопкам, а также выполнению программы шурфовки получено более 250 образцов для радиоуглеродного датирования с различных участков поселения, что открывает возможности для получения новых данных относительно его микрохронологии.

Завершены разведки в пределах 5-километрового радиуса вокруг поселения. Они показали, что на этой территории отсутствуют достовернее следы поселений трипольской культуры в целом, в том числе – синхронных мегапоселению Небелевка. Подобные исследования со сплошным обследованием полей вокруг крупного трипольского поселения были проведены впервые и дали интересные результаты для реконструкции истории использования территории в древности.

Пик ее земледельческого освоения (по числу вероятного населения) приходится на период трипольской и черняховской (III-IV вв.) культур. В позднем бронзовом веке и раннем железном веке число и размеры поселений значительно меньше. Достаточно длительными также представляются периоды, на протяжении которых эта территория не была заселена или же использовалась иным образом (ранний бронзовый век, III-XVI вв.).

Таким образом, исследовательская программа украинско-британского проекта существенно пополнила источниковедческую базу и позволяет обратиться ко многим актуальным проблемам культурного комплекса Триполье-Кукутень.

Библиография

Балабина 1998: В.И. Балабина, Фигурки животных в пластике Кукутень-Триполья (Москва: «Старый сад» 1998).

Бурдо 2001: Н.Б. Бурдо, Теракота трипільської культури. В: Давня кераміка України (Київ: Академперіодика 2001), 61-145.

Бурдо 2003: Н.Б. Бурдо Сакральный аспект архитектуры трипольских протогородов. В сб.: (Ред. О.Г. Корвін-Піотровський) Трипільські поселення-гіганти. Матеріали міжнародної конференції (Київ: Корвин-пресс 2003), 18-21.

Бурдо 2013: Н.Б. Бурдо, Реалистическая пластика культурного комплекса Триполье-Кукутень (Saarbrücken: Lambert Academic Publishing 2013).

Видейко и др. 2013: М. Видейко, Н. Бурдо, Дж. Чапмен, Б. Гейдарская, Г. Пашкевич, Э. Овчинников, Н. Шевченко, Исследования мегаструктуры на поселении трипольской культуры у с. Небелевка в 2012 году. Tyragetia VII/1, 2013, 97-124.

Гірник, Відейко 1989: І.П. Гірник, М.Ю. Відейко, Антропоморфна пластика з трипільського поселення біля с. Чичиркозівка Черкаської області. Археологія 1, 1989, 83-90.

Гусєв 2009: С.О. Гусєв, Антропоморфна пластика середньобузької локальної групи трипільської культури (етапи BI-BII-CI). В сб.: (Ред. С.А. Васильев, Л.В. Кулаковская) С.Н. Бибиков и первобытная археология (Санкт-Петербург: ИИМК РАН 2009), 308-316.

Круц, 2003: В.А. Круц, Трипольские площадки – результат ритуального сожжения домов. В сб.: (Ред. О.Г. Корвін-Пиотровський) Трипільські поселення-гіганти. Матеріали міжнародної конференції (Київ: Корвин-пресс 2003), 74-76.

Макаренко 1926: М.О. Макаренко, Етюди з обсягу трипільської культури. В сб.: (Ред. В. Козловська) Трипільська культура в Україні. 1 (Київ: Видавництво Української Академії Наук 1926), 165-186.

Пассек 1949: Т.С. Пассек, Периодизация трипольских поселений. В: Материалы и исследования по археологии СССР, 10 (Москва-Ленинград 1949).

Усачева 2007: И.В. Усачева, «Утюжки» Евразии как исторический источник. Автореферат канд. дисс. (Тюмень 2007), 1-21.

Чепмен и др. 2010: Дж. Чепмен, Б. Гейдарська, Р. Вілліс, Н. Сванн, Н.Б. Бурдо, Н.С. Котова, М. Беленко, М.Ю. Відейко, Дослідження на поселенні трипільської культури біля с. Небелівка 2009 р. В сб.: (Ред. Д.Н. Козак) Археологічні дослідження в Україні 2009 (Київ-Луцьк 2010), 458-460.

Чепмен, Гейдарська, Відейко 2010: Дж. Чепмен, Б. Гейдарська, М.Ю. Відейко, Розвідки у Новоархангельському районі. В сб.: (Ред. Д.Н. Козак) Археологічні дослідження в Україні 2009 (Київ-Луцьк 2010), 457.

Шмаглий, Видейко 1988: Н.М. Шмаглий, М.Ю. Видейко, Исследования кургана эпохи бронзы на крупном трипольском поселении у с. Майданецкого В сб.: (Ред. О.Г. Шапошникова) Древнейшие скотоводы степей юга Украины (Киев: Наукова думка 1988), 30-135

Шмаглий, Видейко 2001-2002: Н.М. Шмаглий, М.Ю. Видейко, Майданецкое – трипольский протогород. Stratum plus 2, 2001-2002, 44-140.

Якубенко 1999: О.О. Якубенко, Моделі жител з трипільських колекцій музею. В сб.: Нац. музей історії України: його фундатори та колекції: Темат. зб. наук. пр. (Киев 1999), 86-111.

Burdo 2011: N.B. Burdo, Antropomorphic Figurines from the Trypillian Settlement of Maydanetske. In: (Ed. P.P. Tolochko) Ukrainian Archaeology (Kyiv 2011), 26-37.

Chapman, Videiko 2011: J. Chapman, M. Videiko, The Trypillia culture mega-site near Nebelivka: summer 2009 season. Praehistorica XXIX, Prague, 2011, 79-94.

Klochko, Kruc 1999: V.I. Klochko, V.A. Kruc, Radiocarbon dates from the Yamnaya Culture barrow at the Tripolye Culture „giant settlement" near Talyanky. Baltic-Pontic Studies 7, Poznan, 1999, 72-79.

Makarenko 1927: N. Makarenko, Sculpture de la civilization Trypilienne en Ukraine. In: Jahrbuch für prähistorische und etnografische Kunst (Leipzig 1927), 119-130.

Monah 1997: D. Monah, Plastica antropomorfă a culturii Cucuteni-Tripolie (Piatra-Neamţ 1997).

Pogoševa 1985: A.P. Pogoševa, Die Statuetten Tripolje-Kultur. In: Beitrage zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie, 7 (Bonn 1985), 95-242.

Sorochin 2001: V. Sorochin, Plastica antropomorfă cucuteniană de la Brânzeni VIII. Memoria Antiqvitatis XXII, 2001, 137-155.

Sorochin, Borziac 2001: V. Sorochin, I. Borziac, Plastica antropomorfă din aşezarea cucuteniană Iablona I, jud. Bălţi. Memoria antiqvitatis XXII, 2001, 115-136.

Cercetări în cadrul proiectului „Early urbanism in prehistoric Europe: the case of the Trypillian mega-sites" în anul 2013

Rezumat

În anul 2013, în cadrul proiectului ştiinţific „Early urbanism in prehistoric Europe: the case of the Trypillian mega-sites", expediţia ucraineano-britanică a continuat investigaţiile arheologice la aşezarea Nebelivka. Cercetările au fost axate pe câteva direcţii.

Au fost finisate cercetările geomagnetice pe întreaga suprafaţă a sitului, ca urmare fiind întocmit planul aşezării. Au fost efectuate investigaţii arheologice la construcţiile B17 şi B18 (parţial), amplasate în imediata apropiere a mega-structurii, cercetate în anul 2012, precum şi în gropile din secţiunile 3 şi 4. S-a stabilit că gropile din preajma locuinţelor au fost utilizate iniţial pentru extragerea lutului, ca mai apoi să fie umplute cu diferite artefacte, legate de practicile rituale ale locuitorilor aşezării.

Cu scopul de a căpăta mostre pentru datare, în perimetrul sitului au fost întreprinse 41 de sondaje, inclusiv la tumulul din epoca bronzului. De asemenea, au fost întreprinse cercetări de suprafaţă pe o rază de cinci kilometri în jurul aşezării Nebelivka.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Planul aşezării Nebelivka şi localizarea secţiunilor din anul 2013: 1 - localizarea secţiunilor 3 şi 4 pe planul geomagnetic; 2 - localizarea cercetărilor din anii 2012-2013; 3 - localizarea sondajului 43; 4 - localizarea secţiunii 3; 5 - localizarea secţiunii 4.

Fig. 2. Nebelivka 2013, secţiunea 3. Vedere generală.

Fig. 3. Nebelivka, secţiunea 3, construcţia B17. Platforme din lut.

Fig. 4. Nebelivka 2013, secţiunea 3, construcţia B17. Platformă din lut.

Fig. 5. Nebelivka 2013, secţiunea 3, construcţia B17. Abraziv din lut.
Fig. 6. Nebelivka 2013, secţiunea 3, construcţia B17. Vase ceramice printre ruinele construcţiei.
Fig. 7. Nebelivka 2013, secţiunea 3, construcţia B17. Vase ceramice printre şi sub ruinele construcţiei.
Fig. 8. Nebelivka 2013, secţiunea 3, construcţia B17. Detalii ale interiorului.
Fig. 9. Nebelivka 2013, secţiunea 3, construcţia B17. Detalii ale interiorului.
Fig. 10. Nebelivka 2013, secţiunea 3, construcţia B17. Fragmente de tencuială cu urme de pictură.
Fig. 11. Nebelivka 2013, secţiunea 3, construcţia B17. Fragmente de ceramică pictată.
Fig. 12. Nebelivka 2013, secţiunea 3, construcţia B17. Groapa 1 din preajma construcţiei.
Fig. 13. Nebelivka 2013, secţiunea 3. Ruinele construcţiei B18.
Fig. 14. Nebelivka 2013, secţiunea 3, construcţia B18. Groapa 1 din preajma construcţiei.
Fig. 15. Nebelivka 2013, secţiunea 4. Groapa menajeră.
Fig. 16. Nebelivka 2013, sondaje: 1 - nr. 2; 2 - nr. 4; 3, 4 - nr. 25; 5 - nr. 6.
Fig. 17. Nebelivka 2013, sondajul 1. Strachină.
Fig. 18. Nebelivka 2013. Descoperiri din sondaje: 1, 4, 5 - din sondajul 4 (AMS 1/3); 2, 3 - din sondajul 2 (AMS 1/4).
Fig. 19. Nebelivka 2013. Tumul din perioada timpurie a epocii bronzului, descoperit în perimetrul aşezării.
Fig. 20. Nebelivka 2013, secţiunea 4. Fragment de machetă a unei locuinţe.
Fig. 21. Nebelivka 2013. Statuete antropomorfe.
Fig. 22. Nebelivka 2013. Obiecte de cult.

Research project "Early urbanism in prehistoric Europe: the case of the Trypillian mega-sites" in 2013

Abstract

In 2013, the Ukrainian-British expedition under the scientific-research project "The Tripillian Mega-Sites Project (Early urbanism in prehistoric Europe: the case of the Tripillian mega-sites)" continued research on the settlement at Nebelevka. The Project successfully completed a five-week summer season, running from 15th July to 17th August 2013. The principal objectives of the 2013 seasons were defined before the season, as follows: geophysical prospecting of a further 160 ha of the mega-site, the excavation of several Trypillian features: a pit near a Trypillian house and sections across linear features on geophysical plots identified in the 2012. The Ukrainian side excavated a house-and-pit complex near the 2012 mega-structure trench (tr. 3), Bisserka Gaydarska and Toni Stoilka Ignatova began the excavation of a large pit (tr. 4). Excavations confirmed the existence of cultural layer around dwellings. There were investigated several pits, originally served for the extraction of clay. Later at this pits there were deposited artifacts, related to everyday life and sacral life of the nearest households. There were provided the mechanical coring and test-pitting of 50 burnt structures to recover samples for AMS dating, on-site soil micromorphological investigations; finished intensive, systematic field walking of a further 20 km² of the Nebelivka hinterland; conducted palaeo-environmental investigations of further sites near to Nebelivka and within a 30 km radius; completed plan of site, based on magnetic survey, checked few types of the new kinds of archaeological objects found by geophysicists.

List of illustrations:

Fig. 1. Plan of Nebelivka and location of 2013 trenches: 1 - places of trenches 3 and 4; 2 - place of excavations at 2012-2013; 3 - place of tr. 43; 4 - place of tr. 3; 5 - place of tr. 4.
Fig. 2. Nebelivka 2013. Tr. 3, general views.
Fig. 3. Nebelivka 2013. House B17, clay elevations 1-4.
Fig. 4. Nebelivka 2013. Tr. 3, house B17, elevation on ground level.
Fig. 5. Nebelivka 2013. Tr. 3, house B17, ceramic abrasive.
Fig. 6. Nebelivka 2013. Tr. 3, house B17, pottery at the remains of house.
Fig. 7. Nebelivka 2013. Tr. 3, house B17, pottery at and under remains of house.
Fig. 8. Nebelivka 2013. Tr. 3, house B17, clay interior details with traces of painting and other decorations.
Fig. 9. Nebelivka 2013. Tr. 3, house B17, clay interior details with traces of painting and other decorations.
Fig. 10. Nebelivka 2013. Tr. 3, house B17, plaster of walls with traces of painting.
Fig. 11. Nebelivka 2013. Tr. 3, house B17, finds of painted pottery.
Fig. 12. Nebelivka 2013. Tr. 3, house B17, pit near the house, cross-sections.
Fig. 13. Nebelivka 2013. Tr. 3, remains of the house B18.

Fig. 14. Nebelivka 2013. Tr. 3, pit near house B18, general view and cross-section.

Fig. 15. Nebelivka 2013. Tr. 4, investigations of the pit.

Fig. 16. Nebelivka 2013. Test pits: 1 - TP 2; 2 - TP 4, 3-4 - TP 25; 5 - TP 6.

Fig. 17. Nebelivka 2013. Test-pit 1, bowl on foots.

Fig. 18. Nebelivka 2013. Finds from test-pits: 1, 4, 5 - from TP 4 (AMS 1/3); 2, 3 - TP 4 (AMS 1/4).

Fig. 19. Nebelivka 2013. Early Bronze Age kurgan at the area of the site.

Fig. 20. Nebelivka 2013. Tr. 4, part of the clay model of the house.

Fig. 21. Nebelivka 2013. Anthropomorphous figurines from different trenches.

Fig. 22. Nebelivka 2013. Small finds and flint tool.

13.02.2014

Др. хаб. Михаил Видейко, Институт археологии, Национальная академия наук Украины, проспект Героев Сталинграда, 12, 04210 Киев, Украина, e-mail: wideiko@gmail.com

Др., проф. Джон Чапмен, Даремский университет, South Road Durham DH1 3LE Great Britain, Дарем, Великобритания, e-mail: j.c.chapman@durham.ac.uk

Др. хаб. Наталья Бурдо, Институт археологии, Национальная академия наук Украины, проспект Героев Сталинграда, 12, 04210 Киев, Украина, e-mail: nbburdo@gmail.com

Др. Биссерка Гейдарская, Даремский университет, South Road Durham DH1 3LE Great Britain, Дарем, Великобритания, e-mail: b_gaydarska@yahoo.co.uk

Стоилка Игнатова, Департамент охраны памятников, София, Болгария, e-mail: ignatovatoni@yahoo.com

Др. Светлана Иванова, Институт археологии, Национальная академия наук Украины, проспект Героев Сталинграда, 12, 04210 Киев, Украина, e-mail: svi1956@gmail.com

Виталий Рудь, Институт археологии, Национальная академия наук Украины, проспект Героев Сталинграда, 12, 04210 Киев, Украина, e-mail: arhrud@mail.ru

SOME OBSERVATIONS ON THE CUCUTENI-TRIPOLYE STONE FIGURINES

Nicolae Ursulescu

The rarity of certain artefacts encountered in the archaeological material often entice researchers to study them in depth, in the attempt to decipher their real significance, through an approach as complex as possible. Thus, for the rich and varied anthropomorphic representations of the Cucuteni-Ariuşd-Tripolye cultural complex, even though the vast majority of the statuettes/figurines were fashioned from fired clay, in some cases other materials were used, for example stone. A recent study tackled the issue of these rare stone figurines from the Cucuteni-Tripolye area (Ţerna 2013). The author catalogued (Ţerna 2013, 108-109) 14 such pieces (from 11 sites) mentioned in the archaeological literature, accompanied by a series of observations on the raw material, the iconographical characteristic, and the spatial and chronological distribution (Ţerna 2013, 109-113). The study concludes with several personal opinions (Ţerna 2013, 113-114), and with the presentation of the bibliography (Ţerna 2013, 115-117) and illustration (Ţerna 2013, 119-123).

The aim of this present study is not to discuss the considerations advanced by the young and appreciated colleague from Chişinău, but instead to address the very material under discussion, on which the respective reflections were based. I justify this by the fact that from a methodological point of view it is mandatory to first critically assess the sources a work is based on and on the basis of which various judgements are made. As such, for this endeavour it would be extremely useful to go directly to the primary sources in which the material was first published, and only in exceptional situations to make use of the more convenient method of gathering information from subsequent works, which can nonetheless be brought into discussion if they add to our knowledge of the topic at hand or if they advance novel interpretations.

A simple look at the 14 pieces presented in the catalogue reveals, from the very start, that 13 of them come from random findings. Only a piece (fig. 2/1), the fragmentary stone head (of which it is stated that it was made from a "**hard** calcareous stone") from the Tripolye A-Precucuteni II site of Bernaševka (Mogilev-Podol'skij rayon, Vinnitsa region, Ukraine) is presented as having been collected from an archaeological digging, though the discovery context was not specified (Ţerna 2013, 108, 109); the information was taken from the synthesis work on the early Tripolye settlements published in German by the discoverer, only the illustration being cited (Zbenovič 1996, Taf. 35/3). In fact, V.G. Zbenovič (1996, 5) states in his work that the piece was carved from

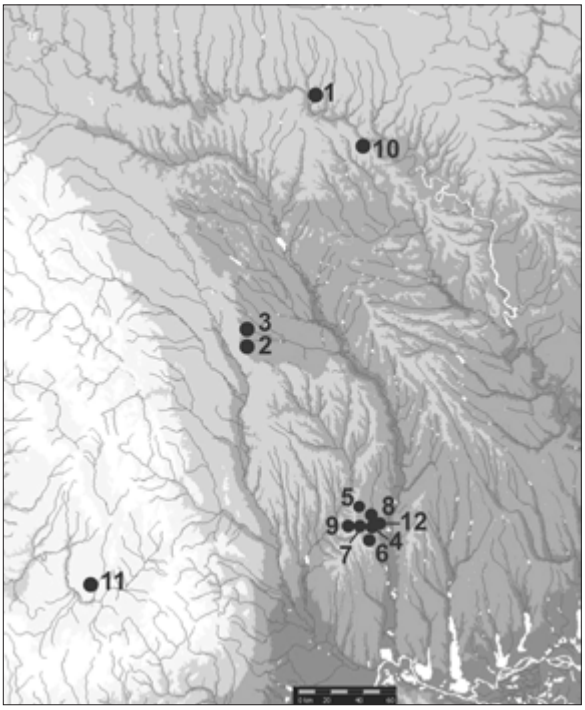


Fig. 1. Localities with Cucuteni-Tripolye settlements in which stone statuettes are claimed to have been found: 1 - Bernaševka; 2 - Costeşti; 3 - Cucuteni (?); 4 - Bârlăleşti – two settlements; 5 - Fedeşti; 6 - Igeşti; 7 - Măluşteni – two settlements; 8 - Murgeni; 9 - Obârşeni; 10 - Rudi; 11 - Sfântu Gheorghe (?); 12 - Sărăţeni.

Fig. 2. Stone statuettes with sure provenance from Cucuteni-Tripolye settlements: 1 - Bernaševka (apud Збенович 1980, рис. 79/15); 2 - Murgeni (apud Coman 1980, fig. 98/3 = Monah 2012, 17/6); 3 - Rudi (apud Ţerna 2013, fig. 1/5).

a soft limestone ("**weichem** Kalkstein"), a local rock often used for erecting the walls of dwellings (Zbenovič 1996, 5). In the monograph work dedicated to this settlement, the director of the excavations from Bernaševka mentions, in addition to the later information, that the respective statuette (made from a soft oolitic limestone — "из **мягкого** известяка-ракушечника") was discovered in dwelling 2; a detailed description of the face is also provided (Збенович 1980, 134, рис. 79/15; Збенович 1989, 118, рис. 76/3). The smooth rounded nose of the figurine (a clear imitation of a nose made by pinching clay) is emphasised by two lateral diagonal incisions, while the mouth is rendered by a deep horizontal perforation; the eyes are deeply cut in the stone. The facial features are clearly reminiscent of the clay statuettes from the same time period, thus removing any doubt about the Tripolye A-Precucuteni provenance of the piece. On the basis of the metrical scale it can be inferred that the respective statuette head had a height of ca. 7 cm. There one has it – the consultation of the primary sources for this piece brought supplemental information, including a correction with respect to the raw material.

Another piece, a fragment from the body of a statuette made of a sandstone with quartzite intrusions (fig. 2/3), which, on account of its characteristics and it having been found in a Cucuteni A settlement (albeit following a surface investigation), can be attributed to this category of artefacts, is the piece from Rudi IX (Ţerna 2013, 109, fig. 1/5), from the place called "Roşcana" (Sava et al. 1995, 286, item 32/21, fig. 1, 3; Власенко, Сорокин 1982, 186) on the banks of the Dniester River (Soroca rayon, Rep. of Moldova; previous name: Rughi, Soroca County). For that matter, St. Ţerna included it in the class of conventional-realistic stone statuettes, just like the piece from Bernaševka (Ţerna 2013, 110).

Two other pieces come from older finds, kept in the collections of the museums from Sf. Gheorghe (Covasna County, Romania) (Ţerna 2013, 109) and Fălticeni (Suceava County, Romania) (Ţerna 2013, 108). The discovery location of both the artefacts is unknown, with only suppositions having been advanced in this respect. Thus, for the first piece Z. Székely (1971, 132, fig. 2/4) only states that it was found in an Ariuşd settlement located on the outskirts of the town of Sf. Gheorghe; the information was also taken as such by B. Bartók (1985-1986, 140). D. Monah (1997, 56, fig. 17/3; 2012, 76, fig. 17/3) conjectured that the piece comes from the Ariuşd site of "Cetatea Cocorilor/Gémvára", without any evidence for such a supposition. Similarly, neither the place of discovery and the description was not provided for the second piece; it was presented only through a profile-less schematic drawing (Popovici, Simiciuc 1979-1980, 648, pl. IV/10). D. Monah (1997, 56, fig. 17/4; 2012, 76, fig. 17/4) speculated that the piece might originated from V. Ciurea's excavations, ascribing it to the Cucuteni A phase. Considering the uncertainties around these two items, instead of speaking about the **statuettes from** Fălticeni and Sf. Gheorghe (Ţerna 2013, 108-110, fig. 1/4, 7), we find it more appropriate to speak about the **statuettes from the museums** of Fălticeni and Sf. Gheorghe.

Stanislav Ţerna (like D. Monah) believes that the piece from the museum of Sf. Gheorghe, fashioned from marble, could date from the Cucuteni A phase, since items from this material (but belonging to completely different categories of artefacts) are also encountered in the deposit from Cărbuna (Дергачев 1998, 47-48 , рис. 33/846-847), where they are, instead, considered "southern imports" (Ţerna 2013, 109-110, fig. 1/4; Monah 1997, 56; Monah 2012, 76). Furthermore, Ţerna includes the piece into the category of realist artefacts, but

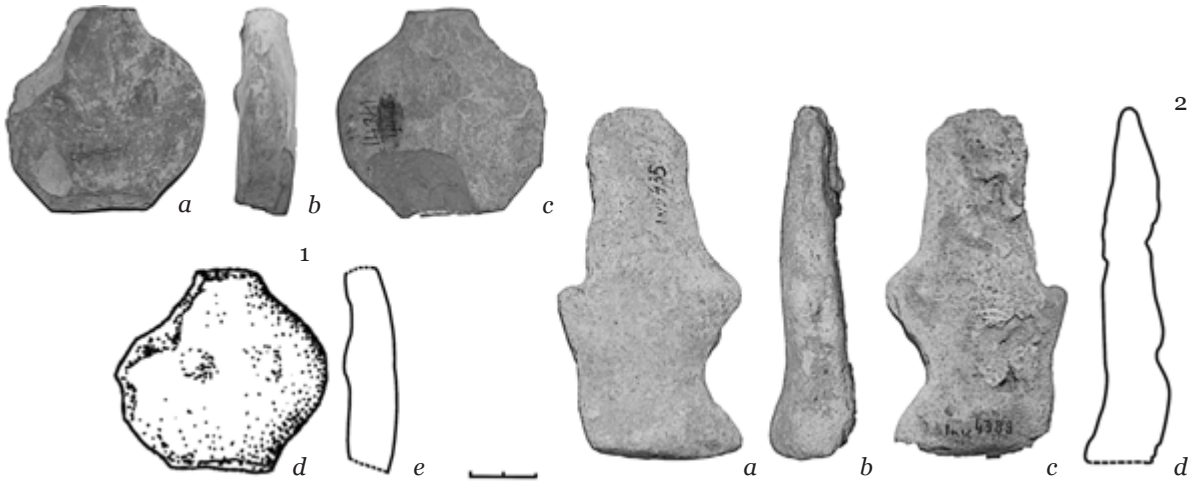


Fig. 3. Stone statuettes from the V. Ciurea collection (Fălticeni Museum):
1 - Cucuteni (?); 2 - Costeşti. Drawings and photos: E. Ursu; 1d (apud Monah 2012, fig. 17/4).

he admits that it is completely different from the Cucuteni-Tripolye clay statuette heads modelled in a realistic manner (Бурдо 2010; Бурдо 2013). In our opinion, there is no basis for attributing the piece from the museum of Sf. Gheorghe to the Ariuşd-Cucuteni cultural milieu. Judging by the elongated neck and the outstretched shape of the head, there is also the possibility that the respective piece is even a sceptre, though this is obviously only a supposition.

Describing the piece from the Fălticeni museum, St. Ţerna (2013, 108, 110-111) considers that its features would rather suggest a dating to the Horodiştea-Gordineşti period, advancing in this sense a series of typological arguments. During the documentation for this paper, we received several new information and images of this artefact[1], which presents us with the opportunity to rekindle the discussion. The piece (fig. 3/1) is 6.4 cm in height[2] and is fashioned from a brecciate conglomerate of a reddish-brown colour (from the inclusions of ferruginous oxides: fig. 3/1a, c). The profile (fig. 3/1b, e) shows a certain curving of the statuette, which, alongside other characteristics, can be taken into consideration for accepting the cultural placement proposed by St. Ţerna. Therefore, for this piece we are dealing, despite the absence of data regarding the discovery context, with a hypothetical (but **plausible**) chronological-cultural placement in the period immediately following the end of the actual Cucuteni culture. With respect to the place of discovery, we have reasons to believe, on the basis of V. Ciurea's statements, that this piece can be the very "stone idol" found in the well-known site Cucuteni-*Cetăţuie* by a high-school student (called Mironescu) from the "Nicu Gane" Secondary School of Fălticeni, who donated it to the museum, alongside other objects from the site (ceramic ware, flint artefacts), in the autumn of 1930 (Ciurea 1931, 22). If this is true, then the statuette could arguably be connected to the remains from the transition period to the Bronze Age found in this site (Alaiba 2004, 287-297). In this sense, it has recently been demonstrated that a statuette from Cucuteni–*Cetăţuie* has strong analogies in the Usatovo cultural milieu (Furnică 2013, 197-205).

At the same time, the colleague Emil Ursu brought to our attention the fact that the collection of the same museum also contains an other stone statuette (fig. 3/2), this time with a known place and time of discovery: Costeşti, 1937 (inv. nr. 435; previous nr. 4389). The village of Costeşti near Târgu Frumos (Iaşi County) belonged during the interwar period to the former Baia County, having

[1] The informations were provided by colleague Emil Ursu, the director of the Bukovina Museum from Suceava, to whom we hereby express our gratitude for the courtesy and promptness with which our request were considered, by travelling to the Fălticeni museum in order to take photos and draw the profile of the artefact. The piece's registry number is 484; the previous (crossed) registry number was 1831.

[2] Not 4,5 cm (Ţerna 2013, 108), which probably resulted from a computation based on the numeric scale provided in the first publication of the piece (Popovici, Simiciuc 1979-1980, pl. IV/10), where ½ of the real height was indicated (probably, during the print work, the sizes of the plates were reduced).

Fălticeni as county seat. On the territory of this locality, in the place formerly called "Ceir"/"Cier" (currently called by the locals "Suhat"), there is a rich archaeological site with Cucuteni A and B occupation remains, as well as Horodiştea-Erbiceni (with crouched skeletons) and medieval (in extended position) graves (Matasă 1941, 73-84; Mateescu 1940, 63-69; Vulpe 1944, 37-38; Miroslav-Marin 1951, 89-98; Boghian 2004, 206; 2009, 98-99). Vasile Ciurea, the founder and director of the Fălticeni museum, excavated the site in 1937 and 1939 (Ciurea 1938, 3-11), during which the respective piece was discovered. The statuette was only partially worked, from an elongated stone – a local rock (a grey sandstone-limestone conglomerate with numerous surface knots). The frontal part of the statuette was smoothed (fig. 3/2a), without carving the face features, and the shoulders and hips were crudely rendered. The dorsal part, presenting surface knots, remained unworked (fig. 3/2c). It is likely that the lower part (fig. 3/2d) broke during these operations and the statuette was discarded. This is probably why the artefact was dismissed by the authors of the statuettes catalogue from the Fălticeni Museum collection (Popovici, Simiciuc 1979-1980, 643-656). The preserved part is 10,9 cm in length.

The artefact from Murgeni (Vaslui County) comes from a field survey conducted in a Cucutenian settlement, in the perimeter of which there are also remains from other periods (Coman 1973, 31, fig. 9/2; Coman 1980, 186, point XLV.2 – "Băbăneaţa" – and fig. 98/3). The discoverer specified the raw material used for manufacturing the statuette (greenish sandstone) only in the first publication (Coman 1973, 31), in which he also provides a more accurate profile of the piece (compared to that from 1980). It was from this first publication (unknown to St. Ţerna) that Dan Monah took the drawing and the information on the raw material (Monah 1997, 56, fig. 17/6; Monah 2012, 76, fig. 17/6). The statuette (fig. 2/2) is a stone replica, completely typical, of the violin-shaped (so called "*en violon*") clay idols, which places it in a definite cultural-chronological timeframe, the Cucuteni A phase. Furthermore, the painted ceramic ware found in the Murgeni-*Băbăneaţa* settlement (Coman 1973, 31, fig. 7) is typical for the final stages of the Cucuteni A phase.

The other nine pieces presented in the catalogue of stone statuettes (Ţerna 2013, 107-109) were brought to the attention of the specialists by a single person, the teacher Marin Rotaru from Giurcani (Găgeşti commune, Vaslui County), a known antiquary and amateur archaeologist, plastic artist, publicist and cultural animator, collaborator of the museums from Bârlad and Vaslui (Chiriac 2009, 7-9). As a matter of fact, these discoveries are even more numerous, because the author of the catalogue (St. Ţerna) was not familiar with the first volume of the *The Antiquities of the Elan* [*Antichităţile Elanului*] (Buzdugan, Rotaru 1997a), where another five stone statuettes are presented:

1. Bârlăleşti-*Stanţia*, a Stoicani-Aldeni settlement (Cihodaru, Vulpe 1951, 222-225; Ştefan 2011, 155-170); statuette worked from a hard ashen-coloured limestone, with a strongly curved body and eyes rendered by two indentations (Buzdugan, Rotaru 1997a, 14-15, fig. 11/6).
2. Bârlăleşti-*Sturza*, a Cucuteni A settlement (Coman 1980, 127-129); "mobile head" of a statuette, fashioned from a grey conglomerate, with brownish hues; similar to the piece from Ţerna 2013, fig. 3/1 (Buzdugan, Rotaru 1997a, 19, fig. 14/3).
3. Igeşti-*Scândureni*, a Cucuteni A settlement (Coman 1980, 76-77); "mobile head" from a statuette, made of light-greyish sandstone (Buzdugan, Rotaru 1997a, 19, fig. 14/3).
4. Măluşeni-*Leaua*, Cucuteni A settlement (Coman 1980, 174); statuette head shaped like a stamp with a round base, at the upper part with eyes represented by two round alveoli; worked from a ashen-coloured conglomerate with brownish hues (Buzdugan, Rotaru 1997a, 20, fig. 14/2).
5. Obârşeni-*Budăiul Burlacului*, (Vinderei commune), Cucuteni A settlement; statuette "mobile head" made from a ashen-coloured sandstone (Buzdugan, Rotaru 1997a, 19-20, fig. 14/1).

Thus, the total number of pieces mentioned by M. Rotaru for the Elan-Horincea Depression amounts to 14 (fig. 4).

This "abundance" of stone statuettes in such a limited area was from the start very surprising, considering the fact that the entire area from which the **14 discoveries** originate is just **120 km²**, while the entire area under consideration,

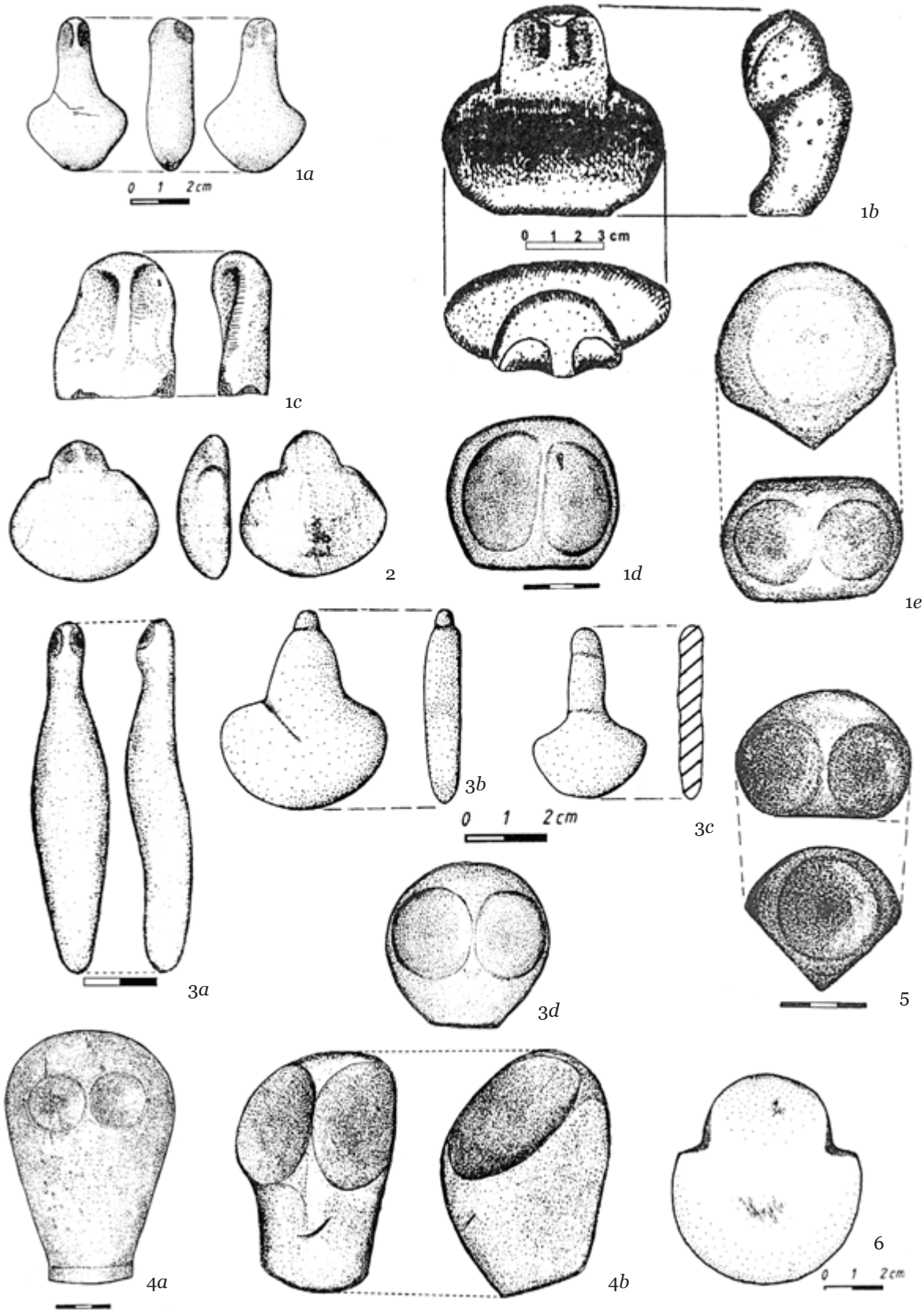


Fig. 4. Stone statuettes from the Elan-Horincea Depression, found by M. Rotaru: 1a-e - Bârlăleşti (apud Buzdugan, Rotaru 1997a, fig. 10/6; 11/6; 13/6; 14/3; Rotaru 2009, 56, fig. 8/4); 2 - Fedeşti (apud Rotaru 2009, 52, fig. 4/7); 3a-d - Igeşti (apud Popuşoi 1987, 268, fig. 1/1 = Rotaru 2009, 56, fig. 8/5; Buzdugan, Rotaru 1997a, fig. 14/4; 1997b, fig. 1/8-9); 4a-b - Măluşteni (apud Buzdugan, Rotaru 1997a, fig. 14/2; Rotaru 2009, 55, fig. 7/1); 5 - Obârşeni (apud Buzdugan, Rotaru 1997a, fig. 14/1); 6 - Sărăţeni (apud Buzdugan, Rotaru 1997b, fig. 1/1).

for which only **five stone statuettes** have been recorded, covers almost **100,000 km²** (Ţerna 2013, 122, fig. 4)[3]. The 14 pieces published by M. Rotaru come from only six neighbouring localities located in the Elan-Horincea Depression (fig. 1): three in the basin of the Elan River (Bârlăleşti, with two settlements; Sărăţeni; Fedeşti) and three other in the Horincea basin (Igeşti; Măluşteni, with two settlements; Obârşeni). The maximum distance, on a NW-SE line, between the furthest settlements (Fedeşti and Igeşti) is not greater than 15 km.

The 14 pieces were introduced into the specialised literature in three stages spanning 25 years:

Through the studies of Eugenia Popuşoi (1983-1984; 1987), which presented a statuette from Igeşti (fig. 4/3a), though the author noticed that it is completely different from everything we know about Neo-Eneolithic plastic art (Popuşoi 1983-1984, 69, 74; Popuşoi 1987, 263, 267);

Through the contributions of C. Buzdugan and M. Rotaru (1997a; 1997b): three pieces from Igeşti (fig. 4/3b-d), three from Bârlăleşti (fig. 4/1a, b, d), and one from Măluşteni (fig. 4/4a), Obârşeni (fig. 4/5) and Sărăţeni (fig. 4/6);

Through the work of M. Rotaru (2009, 34-56): two statuettes from Bârlăleşti (fig. 4/1c, e), one from Fedeşti (fig. 4/2), and one from Măluşeni (fig. 4/4b).

We must mention the fact that eight of these pieces come from two known Cucutenian settlements, namely four from Bârlăleşti-*Sturza* (Buzdugan, Rotaru 1997a, 14, fig. 10/6; 18, fig. 14/3; Buzdugan, Rotaru 1997b, 77, fig. 1/6; Rotaru 2009, 42-43, fig. 7/2, 8/4; Ţerna 2013, 108[4]) and four from Igeşti-*Scândureni* (Buzdugan, Rotaru 1997a, 8-20; Buzdugan, Rotaru 1997b, 76-77, fig. 1; Rotaru 2009, 34-56, 70-81; Ţerna 2013, 108-109), both settlements in which throughout the years countless investigations were carried out, including excavations (Cihodaru, Vulpe 1951, 225; Coman 1980, 76-77, 127-129; Rotaru et al. 2007-2008, 12-24), failing to produce any stone statuette or *en-violon* idols of the type signalled by M. Rotaru, which – it too – displays "obvious tendencies towards naturalism" (Popuşoi 1983-1984, 71, 73; Popuşoi 1987, 264, 265).

The only plausible explanations for the very high density of stone statuettes, foreign to the characteristic style of the Cucuteni-Tripolye culture (just like in the case of the so-called *en-violon* idols found by M. Rotaru) could either be the existence in the area of a Cucutenian "artistic centre" with a much more valuable output than the average of the rest of the Cucuteni-Tripolye area, or a **contemporary reproduction**, in a **modernist manner**, of Cucutenian models using raw materials similar to those employed in the past (clay, stone, bone). On account of the clearly modernist appearance of the 14 stone statuettes, which entered the scientific circuit following the obstinate exertions of an amateur archaeologist and unwarranted by any of the systematic excavations conducted throughout the vast Cucuteni-Tripolye area, we lean towards the second explanation.

For this reason, we hold the opinion that the **authenticity** of the 14 stone statuettes from the Elan-Horincea Depression (and of many of the violin-shaped statuettes with the same provenance), **must be decidedly put into question**, since they do not fit the actual canon of Cucutenian art.

With respect to the various considerations, more or less ample, advanced on these items (Popuşoi 1983-1984, 69-75; Popuşoi 1987, 263-268; Buzdugan, Rotaru 1997a, 18-21; Rotaru 2009, 34-56; Ţerna 2013, 110-114), we believe that for the time being, on the basis of the small number of legitimate or plausible artefacts at our disposal (Bernaševka, Fălticeni/Cucuteni(?), Murgeni, Rudi IX, and the recently-recorded piece from Costeşti), pending future discoveries from **systematic investigations and definite cultural-chronological placement**, the conclusion of our late regretted colleague Dan Monah (1997, 56; 2012, 76) remains in force: "because of the very small number of anthropomorphic stone statuettes and the diversity of shapes, a typological study is futile at this moment".

Undoubtedly, from this discussion we are left knowing for certain that the population of the Cucuteni-Tripolye cultural complex produced sporadically statuettes made from other materi-

[3] The distribution according the great drainage basins (Olt, Siret, Prut, Dniester) made by author (Ţerna 2013, 111) is irrelevant, since by doing so he breaks the obvious micro-zonal grouping of the pieces from the Elan-Horincea Depression.

[4] Erroneously, the author engendered two distinct archaeological sites – "Ciomaga" and "Sturza" – from what is in fact a single site: the place called "Sturza", located on the Ciomaga hill.

als than clay, including stone[5] (a material from which the well-known zoomorphic sceptres also were made). What is important is to acknowledge that when a discovery is appraised, the attention of the investigator should primarily fall on the critical assessment of the discovery conditions (including in terms of authenticity as a historical source), and only later should he proceed to any theoretical considerations. Otherwise, there exists the possibility that the most scholastic considerations could be made, and the most curious analogies could be found, while their very starting point is an illegitimate one!

Bibliography

Alaiba 2004: R. Alaiba, Perioada de tranziție de la eneolitic la epoca bronzului și epoca bronzului timpuriu și mijlociu. In: M. Petrescu-Dîmboviţa, M.-C. Văleanu, Cucuteni-Cetăţuie. Monografie arheologică. BMA XIV (Piatra Neamţ 2004), 287-297.

Bartók 1985-1986: B. Bartók, Catalog selectiv al idolilor antropomorfi și zoomorfi din neolitic aflaţi în colecţia Muzeului Judeţean Covasna. Aluta XVII-XVIII, 1985-1986, 137-151.

Boghian 2004: D. Boghian, Comunităţile cucuteniene din bazinul Bahluiului (Suceava 2004).

Boghian 2009: D. Boghian, Costeşti-Cier. In: C.-M. Lazarovici, Gh.-C. Lazarovici, S. Ţurcanu, Cucuteni. A Great Civilization of the Prehistoric World (Iaşi 2009), 98-99.

Buzdugan, Rotaru 1997a: C. Buzdugan, M. Rotaru, Antichităţile Elanului (Vaslui 1997).

Buzdugan, Rotaru 1997b: C. Buzdugan, M. Rotaru, Idoli „en violon" descoperiţi în Depresiunea Elan-Horincea. SCIVA 48, 1, 1997, 73-81.

Chiriac 2009: L. Chiriac, Marin Rotaru – o viaţă dedicată arheologiei. In: M. Rotaru, Antichităţile Elanului, 2 (Bârlad 2009), 7-9.

Cihodaru, Vulpe 1951: C. Cihodaru, R. Vulpe, Cercetările arheologice de la Şuletea şi Bîrlăleşti (rn. Murgeni). SCIV II, 1, 1951, 217-228.

Ciurea 1931: V. Ciurea, Preistoria. Viaţa omului primitiv în vechiul ţinut al Sucevei (Baia de azi). (Bucureşti 1931).

Ciurea 1938: V. Ciurea, Muzeul Fălticenilor. Contribuţiuni la preistoria jud. Baia: staţiunea Costeşti (Fălticeni 1938).

Coman 1973: G. Coman, Murgeni. Contribuţii la istoria unei străvechi aşezări (Vaslui 1973).

Coman 1980: G. Coman, Statornicie, continuitate. Repertoriul arheologic al judeţului Vaslui (Bucureşti 1980).

Furnică 2013: R.-G. Furnică, O statuetă antropomorfă de tip „Majaki" din aşezarea Cucuteni - Cetăţuie. In: (Eds. G. Bodi, M. Danu, R. Pîrnău) De hominum primordiis. Studia in honorem Professoris Vasile Chirica (Iaşi 2013), 197-205.

Matasă 1941: C. Matasă, Deux stations à céramique peinte de Moldavie. Dacia 7-8 (1937-1940), 1941, 69-84.

Mateescu 1940: C.N. Mateescu, O nouă staţiune preistorică din cercul ceramicei pictate: Costeşti-Baia. In: Revista de Preistorie şi Antichităţi Naţionale. Buletin al Seminarului de Arheologie Preistorică de la Facultatea de Litere şi Filozofie, Universitatea Bucureşti, II-IV (Bucureşti 1940), 63-69.

Miroslav-Marin 1951: M. Miroslav-Marin, Staţiunea neo-eneolitică de la Costeşti, jud. Baia. Orizonturi (Stuttgart), 3, 1951, nr. 7-12, 89-98.

Monah 1997: D. Monah, Plastica antropomorfă a culturii Cucuteni-Tripolie. BMA III (Piatra Neamţ 1997).

Monah 2012: D. Monah, Plastica antropomorfă a culturii Cucuteni-Tripolie[2]. BMA XXVII (Piatra Neamţ 2012).

Popovici, Simiciuc 1979-1980: D.N. Popovici, C. Simiciuc, Figurine de lut din vechile colecţii ale muzeelor din judeţul Suceava, II. Suceava VI-VII, 1979-1980, 643-656.

Popuşoi 1983-1984: E. Popuşoi, Plastica cucuteniană de la Igeşti (jud. Vaslui). AMM V-VI, 1983-1984, 69-75.

Popuşoi 1987: E. Popuşoi, La plastique de type Cucuteni de Igeşti (dép. de Vaslui). In: (Eds. M. Petrescu-Dîmboviţa et al.) La civilisation de Cucuteni en contexte européen. BAI I (Iaşi 1987), 263-268.

Rotaru 2009: M. Rotaru, Antichităţile Elanului, 2 (Bârlad 2009).

Rotaru et al. 2007-2008: M. Rotaru et al., Săpăturile arheologice de la Igeşti - „Scândureni", comuna Blăgeşti, judeţul Vaslui (campania 2007). AMM XXVIII-XXIX, vol. I, 2007-2008, 12-24.

[5] We believe that the reason why the Cucuteni-Tripolye culture communities (just like other Eneolithic populations) felt the need to produce statuettes from other raw materials than clay could be the human desire to find, in the framework of well-defined religious belief system, alternative and novel ways of expressing of the devotion towards deities (Ursulescu 2008, 83-106; Ursulescu 2011, 197-221; Ursulescu 2012, 31-38).

Sava et al. 1995: E. Sava et al., Investigaţiile istorico-arheologice efectuate în microzona istorico-naturală Rudi-Tătarca Nouă-Arioneşti (raionul Dondușeni, Republica Moldova). In: Cercetări arheologice în aria nord-tracă, I (Bucureşti 1995), 281-357.

Székely 1971: Z. Székely, Cîteva figurine interesante din România. Apulum IX, 1971, 129-132.

Ştefan 2011: C.E. Ştefan, Aşezarea eneolitică de la Bârlăleşti - 'Stanţia', jud. Vaslui. Unele consideraţii asupra ceramicii. Buletinul Muzeului Judeţean Teleorman. Seria Arheologie 3, 2011, 155-170.

Ţerna 2013: St. Ţerna, On the stone figurines of the Cucuteni-Tripolye Culture. In: (Eds. B.P. Niculică, D. Boghian) Semper fidelis: in honorem magistri Mircea Ignat (Suceava 2013), 107-123.

Ursulescu 2008: N. Ursulescu, La religione della popolazione di Cucuteni. In: (A cura di N. Ursulescu, R. Kogălniceanu, C. Creţu) Cucuteni. Tesori di una civiltà preistorica dei Carpazi. Atti del convegno italo-romeno, Roma, 18 ottobre 2007 (Roma-Iaşi 2008), 83-106.

Ursulescu 2011: N. Ursulescu, Civilizaţia cucuteniană: credinţe religioase sau sistem religios? Zargidava X, 2011, 197-221.

Ursulescu 2012: N. Ursulescu, Impactul interacţiunii cu mediul asupra comportamentului spiritual al omului preistoric. Memoria Antiquitatis XXVIII, 2012, 31-38.

Vulpe 1944: Ec. Vulpe, Raport asupra săpăturilor din comuna Costeşti-Baia din august - septembrie 1943. In: Raport asupra activităţii Muzeului Naţional de Antichităţi (1942-1943) (Bucureşti 1944), 37-38.

Zbenovič 1996: Vl.G. Zbenovič, Siedlungen der frühen Tripol'e-Kultur zwischen Dnestr und Südlichem Bug. Archäologie in Eurasien, Bd. 1 (Espelkamp 1996).

Бурдо 2010: Н.В. Бурдо, Реалистическая пластика Триполья-Кукутень: систематизация, типология, интерпретация. Stratum plus 2, 2010, 123-168.

Бурдо 2013: Н.В. Бурдо, Реалистическая пластика культурного комплекса Триполье-Кукутень. Систематизация, типология, интерпретация (Saarbrücken 2013).

Власенко, Сорокин 1982: И.Г. Власенко, В.Я. Сорокин, Археологические памятники в зонах новостроек севера и центра Молдавии. В сб.: АИМ в 1977-1978 гг. (Кишинев 1982), 179-193.

Дергачев 1998: В.А. Дергачев, Кэрбунский клад / Carbuna deposit (Кишинев 1998).

Збенович 1980: В.Г. Збенович, Поселение Бернашевка на Днестре (к происхождению трипольской культуры) (Киев 1980).

Збенович 1989: В.Г. Збенович, Раний этап трипольской культуры на территории Украины (Киев 1989).

Unele observaţii privind figurinele de piatră ale culturii Cucuteni-Tripolie

Rezumat

Pornind de la un studiu recent publicat pe această temă (Ţerna 2013), articolul îşi propune să analizeze condiţiile de descoperire, încadrarea culturală şi cronologică şi autenticitatea celor 14 exemplare puse în discuţie, pe baza informaţiilor culese din literatura de specialitate. Sunt completate lacune şi erori de documentare. Cercetarea documentară completează catalogul cu încă şase statuete. Din cele 20 de piese, doar cinci pot fi atribuite, mai mult sau mai puţin sigur, culturii Cucuteni-Tripolie. 14 piese provin dintr-o zonă limitată (Depresiunea Elan-Horincea) şi au fost introduse în circuitul ştiinţific în ultimii 25 de ani, fără a exista condiţii de descoperire certe, de către un arheolog amator. Surprinde faptul că într-o arie restrânsă (circa 120 km^2) s-au semnalat 14 descoperiri, în timp ce în întreg arealul luat în discuţie (aproape 100.000 km^2) au mai apărut doar cinci statuete de piatră. În plus, piesele care provin din această zonă se deosebesc clar de caracteristicile bine cunoscute ale plasticii Cucuteni-Tripolie. Acest fapt se poate explica fie prin existenţa, în zonă, a unui „centru artistic", cu o valoare mult peste media din restul arealului Cucuteni-Tripolie, fie prin **imitarea actuală**, în **manieră modernistă**, a modelelor cucuteniene. Autorul înclină mai degrabă spre cea de a doua explicaţie, considerând că autenticitatea celor 14 statuete de piatră din Depresiunea Elan-Horincea trebuie pusă serios la îndoială.

Deocamdată, datorită numărului redus de piese certe sau plauzibile (Bernaševka, Murgeni, Rudi IX, Fălticeni/Cucuteni (?), Costeşti), până la descoperirea altora, prin cercetări sistematice şi încadrare cultural-cronologică sigură, orice fel de consideraţii tipologice asupra statuetelor de piatră din mediul Cucuteni-Tripolie nu îşi au rostul.

În concluzie, autorul consideră că atunci când se face evaluarea unei descoperiri atenţia trebuie să se îndrepte, în primul rând, asupra cercetării critice a condiţiilor de descoperire (inclusiv a autenticităţii ca izvor istoric) şi de abia după aceea să se treacă la diverse consideraţii de ordin teoretic.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Localităţi cu aşezări Cucuteni-Tripolie în care s-a semnalat găsirea unor statuete de piatră: 1 - Bernaševka; 2 - Costeşti; 3 - Cucuteni (?); 4 - Bârlăleşti – două aşezări; 5 - Fedeşti; 6 - Igeşti; 7 - Măluşteni – două aşezări; 8. Murgeni; 9 - Obârşeni; 10 - Rudi; 11 - Sfântu Gheorghe (?); 12 - Sărăţeni.

Fig. 2. Statuete de piatră cu provenienţă certă din aşezări Cucuteni-Tripolie: 1 - Bernaševka (apud Збенович 1980, рис. 79/15); 2 - Murgeni (apud Coman 1980, fig. 98/3 = Monah 2012, fig. 17/6); 3 - Rudi (apud Ţerna 2013, fig. 1/5).

Fig. 3. Statuete de piatră din colecţia V. Ciurea (Muzeul Fălticeni): 1 - Cucuteni (?); 2 - Costeşti. Desene şi fotografii: E. Ursu; 1d (apud Monah 2012, fig. 17/4).

Fig. 4. Statuete de piatră din Depresiunea Elan-Horincea, găsite de M. Rotaru: 1a-e - Bârlăleşti (apud Buzdugan, Rotaru 1997a, fig. 10/6; 11/6; 13/6; 14/3; Rotaru 2009, 56, fig. 8/4); 2 - Fedeşti (apud Rotaru 2009, 52, fig. 4/7); 3a-d - Igeşti (apud Popuşoi 1987, 268, fig. 1/1 = Rotaru 2009, 56, fig. 8/5; Buzdugan, Rotaru 1997a, 14/4; 1997b, fig. 1/8, 9); 4a-b - Măluşteni (apud Buzdugan, Rotaru 1997a, fig. 14/2; Rotaru 2009, 55, fig. 7/1); 5 - Obârşeni (apud Buzdugan, Rotaru 1997a, fig. 14/1); 6 - Sărăţeni (apud Buzdugan, Rotaru 1997b, fig. 1/1).

Некоторые замечания относительно каменных статуэток культуры Кукутень-Триполье

Резюме

Исходя из недавно опубликованного исследования на эту тему (Ţerna 2013), в статье предлагается проанализировать условия обнаружения, культурно-хронологическую принадлежность, а также подлинность 14 обсуждавшихся в нем предметов на основе данных специальной литературы. Заполнены пробелы и исправлены ошибки документации. Документальное исследование дополняет каталог еще шестью статуэтками. Из 20 предметов лишь пять могут быть отнесены, с большей или меньшей степенью вероятности, к культуре Кукутень-Триполье. 14 предметов обнаружены в ограниченной зоне (Низменность Елан-Хоринча) и были введены в научный оборот в течение последних 25 лет, без указания точных условий обнаружения, одним археологом-любителем. Вызывает удивление, что на небольшой площади (около 120 кв. км.) было отмечено 14 находок, тогда как во всем ареале (около 1000 000 кв. км.) обнаружено только пять каменных статуэток. Кроме того, предметы из этой зоны имеют явные отличия от хорошо известных особенностей пластики Кукутень-Триполья. Это можно объяснить либо существованием в той зоне некого «художественного центра», с гораздо более ценной продукцией, чем в среднем по остальной части ареала культуры Кукутень-Триполье, либо **современной имитацией**, в **модернистской манере**, кукутенских моделей. Автор склоняется скорее ко второму объяснению, считая, что подлинность 14 статуэток из Низменности Елан-Хоринча следует подвергнуть серьезному сомнению.

Пока, по причине малого количества достоверных или вероятных артефактов (Бернашевка, Мурджень, Рудь IX, Фэлтичень/Кукутень(?), Костешть) и до получения других путем систематических исследований и надежной культурно-хронологической атрибуции, любые типологические соображения относительно каменных статуэток Кукутень-Триполья не имеют смысла.

В заключение, автор полагает, что при оценке археологической находки следует обращать внимание, прежде всего, на критическое изучение условий обнаружения (в том числе, подлинности как исторического источника), и только после этого переходить различным соображениям теоретического характера.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Местности с поселениями культуры Кукутень-Триполье, где отмечены находки каменных статуэток: 1 - Бернашевка; 2 - Костешть; 3 - кукутень (?); 4 - Бырлэлешть – два поселения; 5 - Федешть; 6 - Иджешть; 7 - Мэлуштень – два поселения; 8. Мурджень; 9 - Обыршень; 10 - Рудь; 11 - Сфынту-Георге (?); 12 - Сэрэтень.

Рис. 2. Каменные статуэтки достоверного происхождения с поселений культуры Кукутень-Триполье: 1 - Бернашевка (по Збенович 1980, рис. 79/15); 2 - Мурджень (по Coman 1980, fig. 98/3 = Monah 2012, fig. 17/6); 3 - Рудь (по Ţerna 2013, fig. 1/5).

Рис. 3. Каменные статуэтки из коллекции В. Чури (Фэлтиченский музей): 1 - Кукутень (?); 2 - Костешть. Рисунки и фотографии: Е. Урсу; 1d (по Monah 2012, fig. 17/4).

Рис. 4. Каменные статуэтки из Низменности Елан-Хоринча, найденные М. Ротару: 1a-e - Бырлэлешть (по Buzdugan, Rotaru 1997a, fig. 10/6; 11/6; 13/6; 14/3; Rotaru 2009, 56, fig. 8/4); 2 - Федешть (по Rotaru 2009, 52, fig. 4/7); 3a-d - Иджешть (apud Popuşoi 1987, 268, fig. 1/1 = Rotaru 2009, 56, fig. 8/5; Buzdugan, Rotaru 1997a, 14/4; 1997b, fig. 1/8, 9); 4a-b - Мэлуштень (по Buzdugan, Rotaru 1997a, fig. 14/2; Rotaru 2009, 55, fig. 7/1); 5 - Обыршень (по Buzdugan, Rotaru 1997a, fig. 14/1); 6 - Сэрэтень (по Buzdugan, Rotaru 1997b, fig. 1/1).

06.03.2014

Prof. PhD Nicolae Ursulescu, Department of Archaeology, „Alexandru Ioan Cuza" University of Iasi, Bulevard Carol I, no. 11, 7000506 Iasi, Romania, e-mail: n.ursulescu@gmail.com

AŞEZAREA TRIPOLIANĂ TARDIVĂ DE LÂNGĂ SATUL VOLOVIŢA (RAIONUL SOROCA, REPUBLICA MOLDOVA)

Stanislav Țerna

Introducere

Evoluţia culturii Cucuteni-Tripolie cunoaşte mai multe faze, distincte nu doar din punct de vedere cronologic, dar şi prin conţinut. Destul de unitară în primele etape, ea trece printr-un proces de dezintegrare în fazele târzii, când apar diverse grupuri culturale, unificate istoriografic sub conceptul de „tripolian târziu"[1]. Cea mai amplă sinteză a acestui complex a văzut lumina tiparului cu peste 30 ani în urmă (Дергачев 1980). De atunci, au fost acumulate noi date şi introduse unele modificări la schema iniţială, în cronologia relativă a siturilor tripoliene târzii fiind identificate şi unele grupuri intermediare (Бикбаев 1994; Петренко 1994). Se pare, că cercetarea etapei finale de evoluţie a comunităţilor tripoliene tardive din silvostepa Prutului şi Nistrului cunoaşte astăzi un nou avânt, manifestat prin apariţia mai multor articole de specialitate cu material inedit. În acest context, importantă este introducerea în circuitul ştiinţific a unor descoperiri noi de pe situri, necunoscute cercetătorilor în domeniu.

În prezentul articol vor fi publicate materialele provenite de pe suprafaţa unui nou sit tripolian târziu din bazinul Nistrului. Chiar dacă aceste piese provin dintr-o perieghеză arheologică, ele sunt capabile, totuşi, să ridice mai multe probleme de cercetare, relevante pentru studiul vestigiilor de la sfârşitul epocii eneoliticului din zonă.

Amplasarea şi descrierea sitului

Aşezarea pluristratigrafică din împrejurimile satului Voloviţa (raionul Soroca) (fig. 1/1) a fost semnalată de către autor în primăvara anului 2013, graţie informaţiilor furnizate cu amabilitate de către Vladimir Cazac, locuitor al or. Soroca[2].

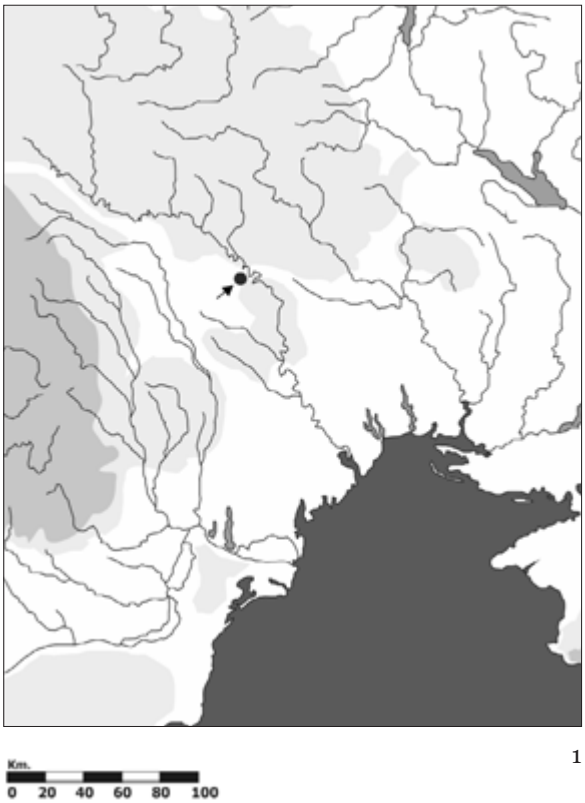
Situl (fig. 1/2) este amplasat pe un promontoriu, aflat la est de casele de vară şi fazendele de lângă s. Voloviţa, din dreapta drumului magistral naţional M2 (Chişinău – Soroca – frontiera cu Ucraina) (fig. 1/3). Nemijlocit lângă promontoriu, în partea vestică, se află un lac artificial, cu denumirea locală „Între vii". Coordonatele geografice ale sitului: 48°7'29.24" N şi 28°19'27.77" E.

Promontoriul, de formă triunghiulară alungită, este o parte componentă a celei de-a doua terase a Nistrului, fiind orientat cu partea ascuţită spre NV (fig. 2/1). Înălţimea absolută (d.n.m.) a terasei pe locul de amplasare a sitului constituie 160-175 m. Consultarea imaginilor geospaţiale din colecţiile *Geoportal* şi *Google Earth* a permis identificarea unui şanţ clar vizibil, care separă dinspre SE promontoriul de restul terasei (fig. 1/4; 2/1). Din păcate, acesta nu a putut fi observat în teren, ceea ce ar putea indica o adâncime nu prea mare a lui. Topografia sitului este ilustrată bine de cele două profiluri altitudinale[3], trecute peste suprafaţa promontoriului. Profilul A-B (fig. 2/2) corespunde axului lung al sitului şi reflectă relaţia dintre promontoriu, şanţ şi viroaga de la vest de aşezare. Se observă clar, că spaţiul din afara şanţului este situat la o înălţime mai mare, decât aşezarea delimitată de şanţ. De aici putem conchide, că şanţul nu a fost unul defensiv (lipsind şi valul) ci, mai degrabă, unul de trasare a hotarului aşezării, drenaj pluvial sau împiedicare a accesului animalelor pe / de pe teritoriul aşezării. Profilul C-D (fig. 2/3) a fost direcţionat aproape perpendicular pe A-B, reflectând relaţia dintre promontoriu, viroaga nu prea adâncă de la sudul acestuia şi latura nordică a terasei cu includerea albiei Nistrului. Din profilul prezentat se observă bine, cum pentru locuire a fost selectată o porţiune plată de pe vârful promontoriului, iar amplasarea aşezării pe o cotă atât de înaltă faţă de cursul apei putea fi dictată şi

[1] Corespunzător sintagmei de «позднее Триполье» din istoriografia de limba rusă.

[2] Aş vrea să exprim pe această cale mulţumiri domnului Vladimir Cazac pentru informaţiile despre sit şi generoasa sa asistenţă în cadrul cercetării aşezării de la Voloviţa.

[3] Ambele profiluri au fost modelate computerizat, utilizând programul *Google Earth* şi prelucrate ulterior într-un redactor grafic vectorial.



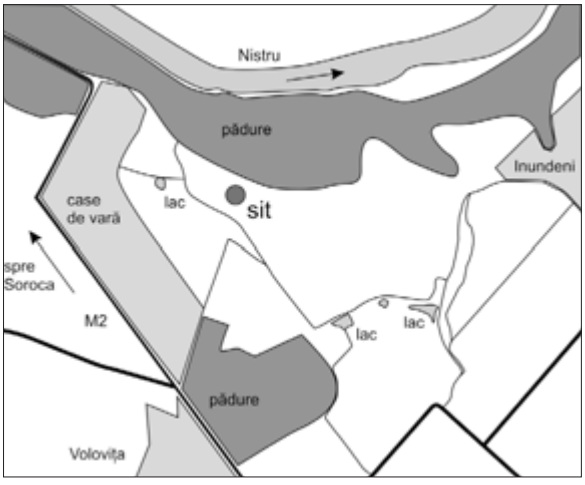
1

de raţionamente de securitate, permiţând controlul vizual asupra celor doua curbe ale râului.

Resturile arheologice sunt concentrate în interiorul spaţiului delimitat de către şanţ. O parte a acestui spaţiu, de unde nu au putut fi culese materiale arheologice, este împădurită; după informaţiile localnicilor, pădurea este una relativ tânără, plantată în a doua jumătate a sec. XX, iar în timpul excavării gropilor pentru arbori, din pământ se extrăgeau periodic cioburi şi bucăţi de lipitură. Astfel, suprafaţa totală a sitului ar putea reprezenta circa 450×500 m, o treime dintre care este acoperită cu pădure şi, cel mai probabil, parţial deteriorată în timpul plantării arborilor (fig. 2/1).

La suprafaţa sitului au putut fi observate în jur de patru aglomerări de material arheologic eneolitic, care includea ceramică, oase de animale, fragmente nu prea mari de lut ars, obiecte din silex şi piatră. Aceste aglomerări ar putea corespunde unor locuinţe. În afara aglomerărilor, ceramica şi silexul se întâlnesc pe întreg segmentul central şi nordic al spaţiului din interiorul şanţului. În partea de vest a sitului au fost colectate fragmente ceramice sporadice, care pot fi atribuite epocii fierului (cultura Şoldăneşti-Basarabi), epocii romane şi culturii medievale moldoveneşti.

2



3

4

Fig. 1. Amplasarea sitului: 1 - poziţia pe harta interfluviului pruto-nistrean; 2 - vedere asupra sitului din sud-est; 3 - amplasarea sitului în microzonă; 4 - vedere din satelit asupra sitului.

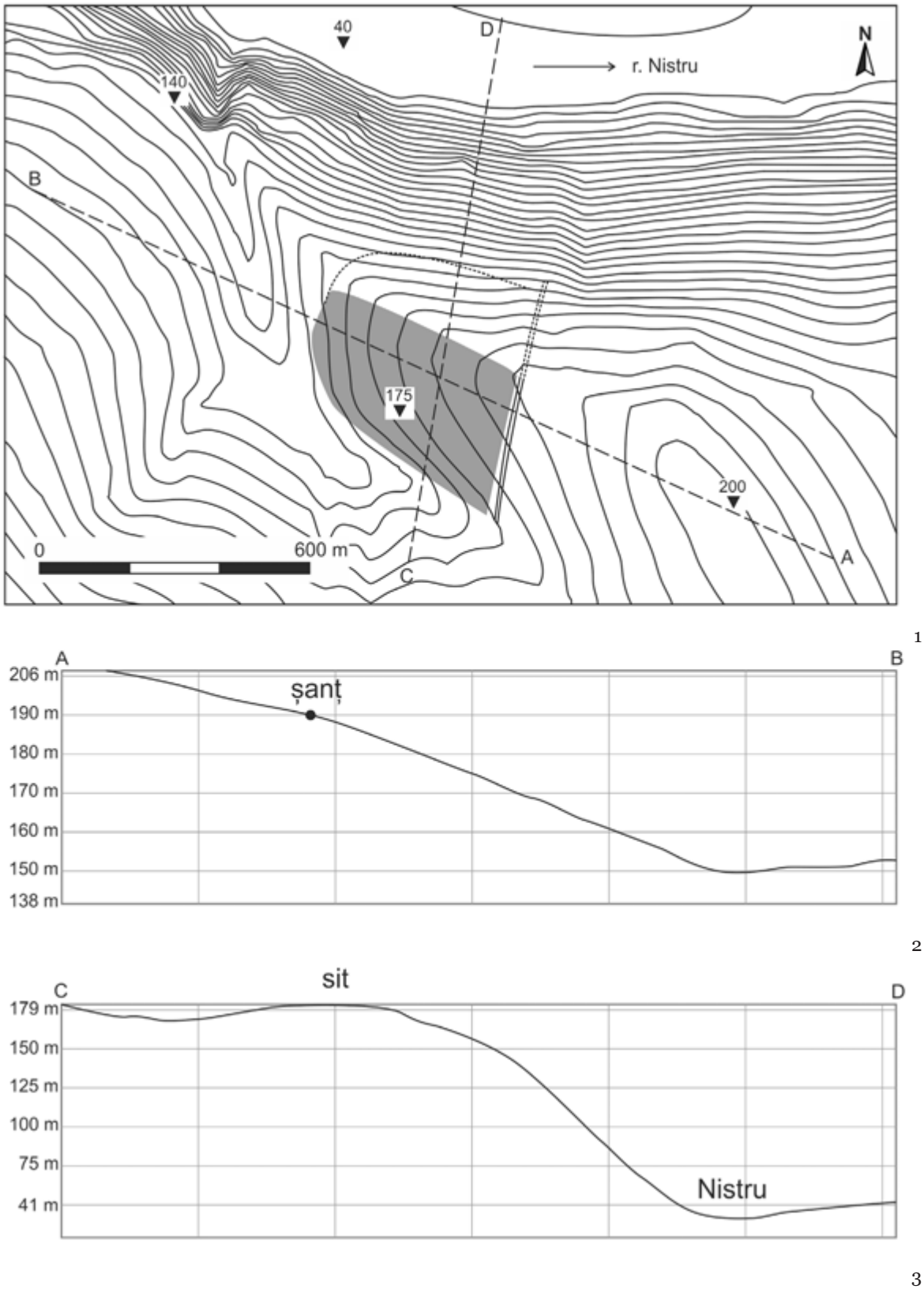


Fig. 2. Topografia sitului: 1 - plan topografic cu indicarea profilurilor altitudinale; 2 - profil A-B; 3 - profil C-D.

Materialul ceramic

De pe suprafaţa sitului au fost recuperate aproape 50 fragmente ceramice eneolitice. Tehnologic, ceramica poate fi divizată în două categorii, tradiţionale pentru tripolianul târziu din zonă (Збенович 1974, 79; Дергачев 1980, 55): 1. vase fine, executate din pastă omogenă cu adaos minim de nisip şi mică, arse uniform şi calitativ, angobate, culoarea suprafeţei fiind roşietică sau cafenie-deschisă şi 2. vase grosiere din pastă cu adaos considerabil de scoică şi şamotă pisată, arderea fiind neuniformă, culoarea suprafeţei neomogenă, pătată, variind de la brun la cărămiziu şi cafeniu-deschis. Ceramica din prima categorie (predominantă în materialele colectate) este lustruită, netezită cu grijă şi poartă decor pictat. Ceramica celei de-a doua categorii are suprafaţa grobă, neregulată şi nu conţine decor.

Morfologic, în pofida gradului sporit de fragmentare a materialului, pot fi evidenţiate următoarele forme:

Categoria fină

1. străchini semisferice. De regulă, acestea sunt acoperite cu pictură pe exterior şi interior (fig. 3/3, 5, 6). Au mai fost recuperate 3 fragmente, la care pictura nu s-a păstrat. Diametrul străchinilor variază de la 8 la 16 cm.
2. străchini tronconice (?) de dimensiuni mari, pictate pe ambele suprafeţe. Sunt reprezentate de două fragmente (fig. 3/4; 6/7);
3. vase de dimensiuni mari cu corpul bombat. Din această categorie fac parte mai multe fragmente ceramice de la bază (fig. 5/6, 7, 9) şi pereţi (fig. 3/1, 2; 6/1, 3-6). Poartă decor pictat pe exterior. Unul dintre fragmente (fig. 6/4) poartă urme de reparaţie. Grosimea pereţilor variază între 7 şi 10 mm.
4. vase cu corpul bombat şi buza evazată. Aici menţionăm trei fragmente (fig. 4/2; 5/8; 6/2). Buza unuia dintre ele are buza puternic evazată, aproape perpendiculară pe corp (fig. 5/8). Un singur fragment poartă urme de pictură.
5. vase („amfore") cu corp bombat şi toarte masive, unele dintre care sunt amplasate pe diametrul maxim. Acestui tip putem atribui opt fragmente, patru dintre care au fost ilustrate (fig. 4/1, 3-5). Toartele sunt înzestrate cu orificii orizontale largi şi sunt rotunde sau ovale în secţiune. Una dintre ele este ceva mai aplatizată (fig. 4/4). Pe un alt fragment s-au păstrat urme de pictură (fig. 4/3).

Categoria grosieră

Din această categorie fac parte mai mulţi pereţi fără decor. Tipologic, putem evidenţia doar un singur fragment dintr-o strecurătoare (fig. 4/6).

Despre *stilistica* vaselor putem judeca doar în baza fragmentelor de ceramică fină. Decorul este aplicat cu vopsea de culoare brună-închisă; doar într-un singur caz (pe interiorul unei străchini – fig. 6/7) a fost semnalată pictura roşietică. Stilistic, ornamentul este compus din benzi, formate din două, trei, patru sau cinci linii paralele de grosime diferită sau cu aceeaşi grosime, aplicate orizontal, vertical sau oblic (fig. 3; 6). În cazul benzilor compuse din linii cu grosimea diferită, liniile exterioare sunt mai late şi cele interioare (una, două sau trei la număr) – mai înguste. Pe câteva fragmente de străchini, atât pe exterior, cât şi pe interior, aceste benzi se intersectează sub diferit unghi, asigurând cadrul unor metope (fig. 3/5-6; 6/7). Pe interiorul străchinilor semisferice (fig. 3/5-6) şi pe exteriorul unui fragment de strachină tronconică (?) (fig. 3/4), benzile sunt asociate cu linii paralele verticale sau orizontale, dispuse paralel şi orientate în părţi opuse, spre exterior. Buza tuturor fragmentelor de străchini a fost accentuată printr-o linie verticală, dispusă pe interior (fig. 3/3, 5, 6). În unele cazuri, această linie a fost decorată suplimentar prin triunghiuri pictate de dimensiuni mici, orientate spre interiorul vasului.

Particularităţile distinctive ale materialului ceramic, descris mai sus, îşi găsesc cele mai apropiate analogii pe siturile de tip Vâhvatinţi[4] din zona Nistrului Mijlociu, atât pe aşezări, cât şi pe necropole. Dintre aşezările cu material ceramic relevant, menţionăm următoarele: Şoldăneşti (Маркевич 1955, рис. 2/5, 12), Cunicea (Топал, Церна 2010, рис. 4/1-9), Bolohani (Бикбаев 1990, рис. 3, 4) şi Solonceni II (Мовша 1965, рис. 21/1). Printre necropole, le putem nominaliza pe cea eponimă (Пассек 1961, рис. 39-41; Дергачев 1978, рис. 14; Манзура, Субботин 1989), necropola de la Holercani (Пассек 1956, рис. 2/2) şi necropola de la Oxentea, datată în faza Chirileni, dar cu mai multe vase de tradiţie Vâhvatinţi (Яровой, Церна, Попович 2012, рис. 2, 3).

[4] Denumirea actuală a satului este Ofatinţi; vom utiliza aici denumirea de Vâhvatinţi, ca una ce s-a afirmat deja în literatura de specialitate pe parcursul ultimelor cinci decenii.

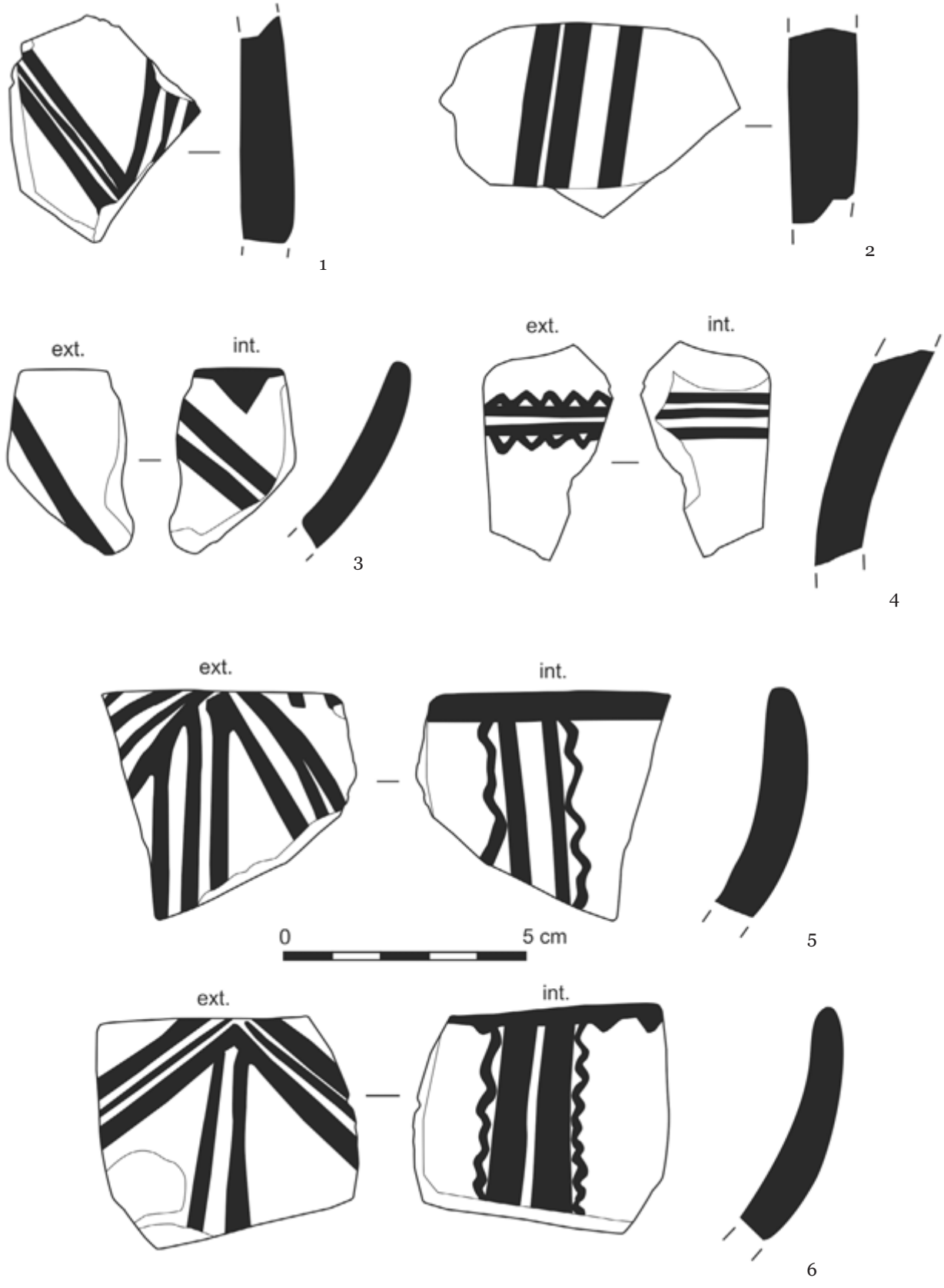


Fig. 3. Ceramică eneolitică.

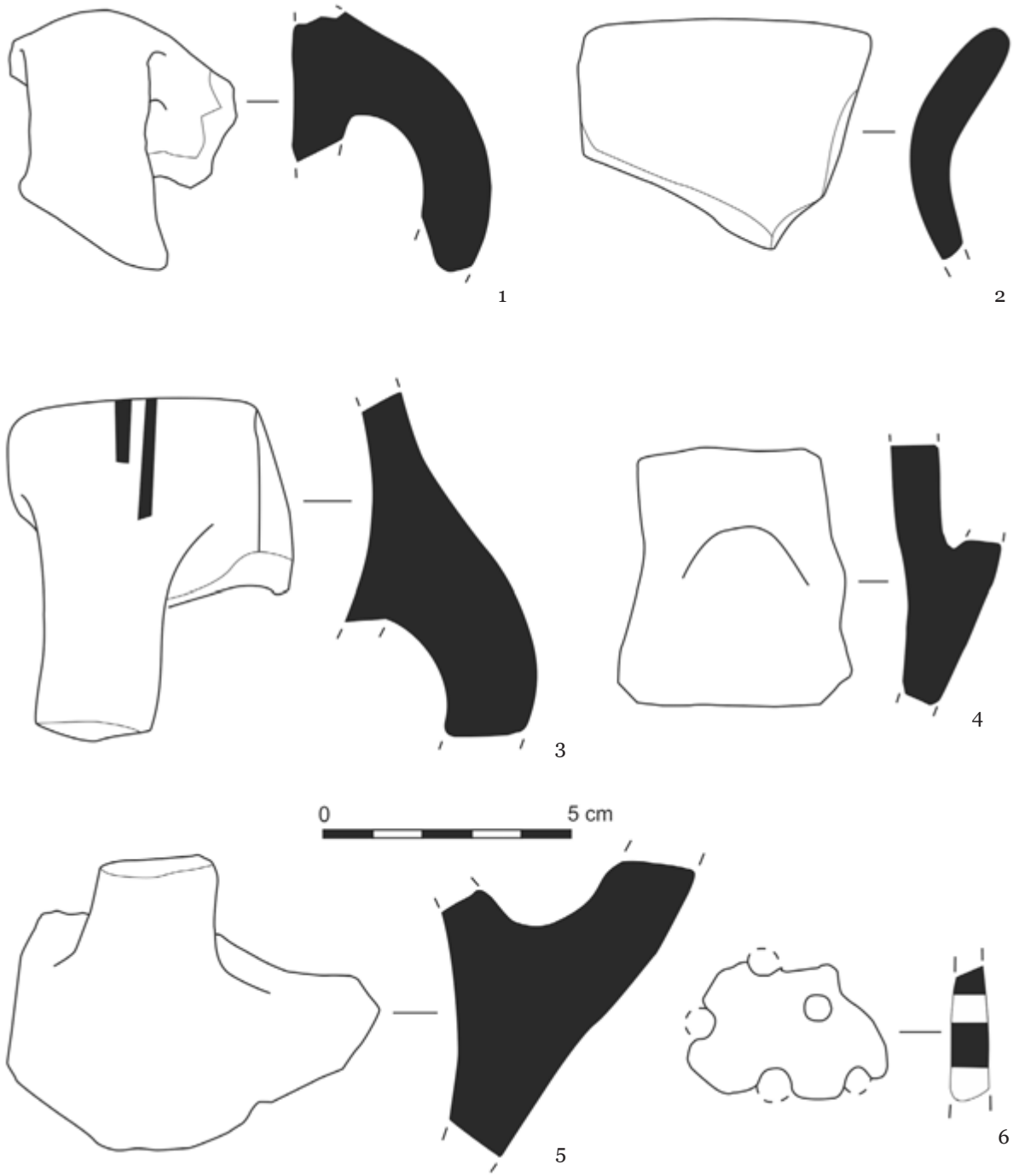


Fig. 4. Ceramică eneolitică.

Astfel, putem atribui aşezarea eneolitică de la Voloviţa grupului Vâhvatinţi din Tripolianul târziu al interfluviului pruto-nistrean (Мовша 1971; Дергачев 1980; Маркевич 1981; Manzura 1994). Sincronizarea cu unul dintre orizonturile necropolei, identificate de Dergaciov (Дергачев 1978, 43-46) este imposibilă, materialul fiind prea redus la număr şi fragmentar.

Din categoria obiectelor ceramice mai fac parte două fusaiole neornamentate (fig. 5/1-2).

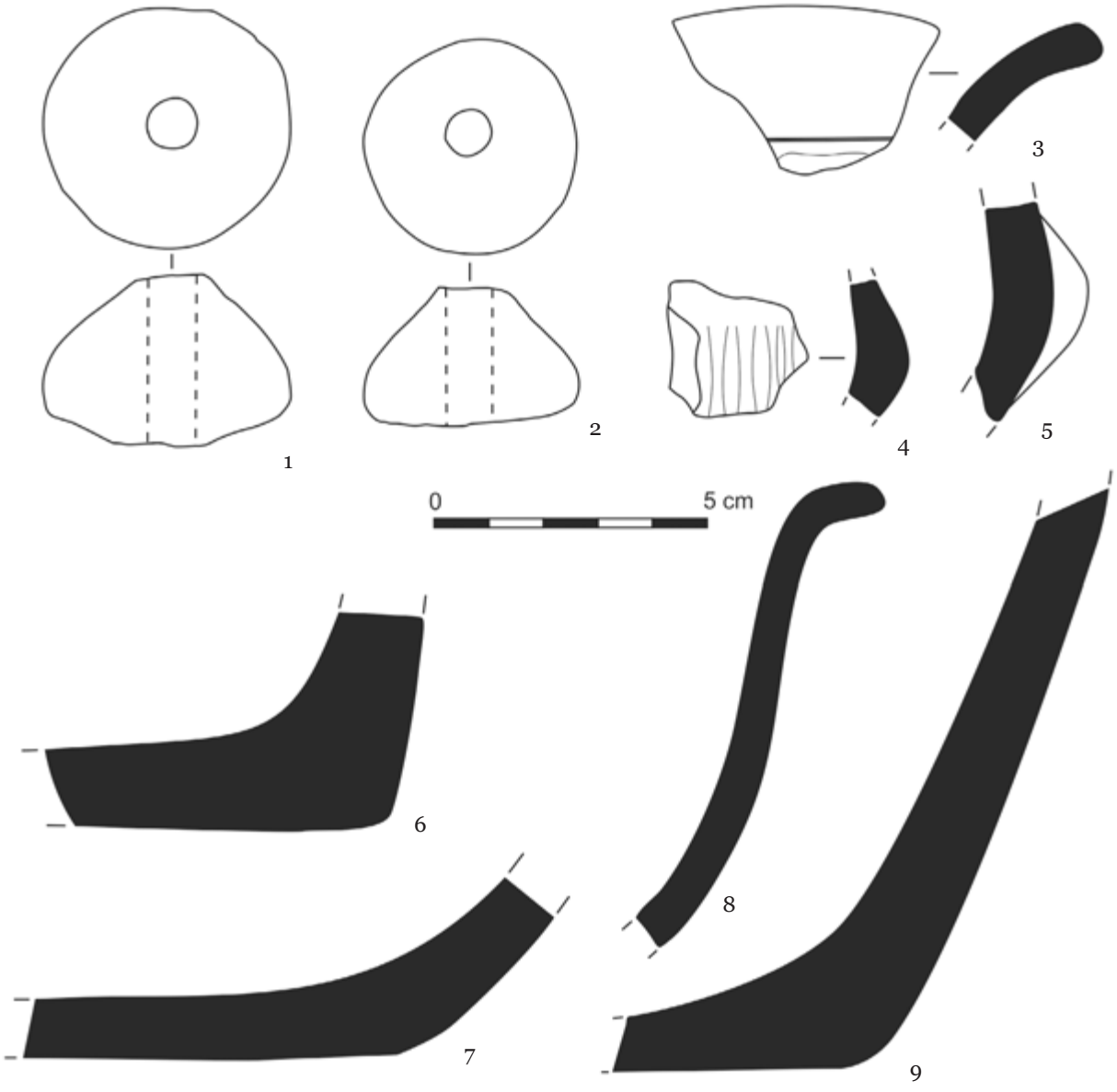


Fig. 5. Obiecte din lut (1-2) şi ceramică (6-9) eneolitică; ceramică Basarabi-Şoldăneşti (3-5).

Materialul litic

Materialul litic recuperat de pe suprafaţa aşezării este unul deosebit de abundent şi include piese din piatră şlefuită, cioplită şi gresie de râu.

Piesa din gresie de râu este foarte interesantă prin urmele de pictură de pe suprafaţă, realizată din benzi similare cu cele de pe ceramica fină (fig. 7/5). Nu ştim dacă această pictură a fost aplicată intenţionat, în calitate de ornament, sau a nimerit accidental pe suprafaţa pietrei, în urma utilizării acesteia, poate, la prelucrarea/producerea ceramicii (de exemplu, pietre de râu se utilizau la lustruirea suprafeţei vaselor – Alaiba 2007, 65 şi urm.). Pe de altă parte, piesa nu poartă urme vizibile de uzură. Dimensiunile piesei: L – 6,6 cm, l – 10,2 cm, gr. – 2 cm[5].

Materialul din piatră şlefuită

Este reprezentat prin şase piese, întregi sau fragmentare, toate realizate din roci locale magmatice (bazalt, granit) sau – o singură piesă – din silex.

[5] Aici şi mai departe, la descrierea pieselor din piatră întregi sau fragmentare, se va utiliza următoarea codificare: L – lungimea, l – lăţimea, gr. – grosimea. Toate dimensiunile reprezintă valoarea maximală.

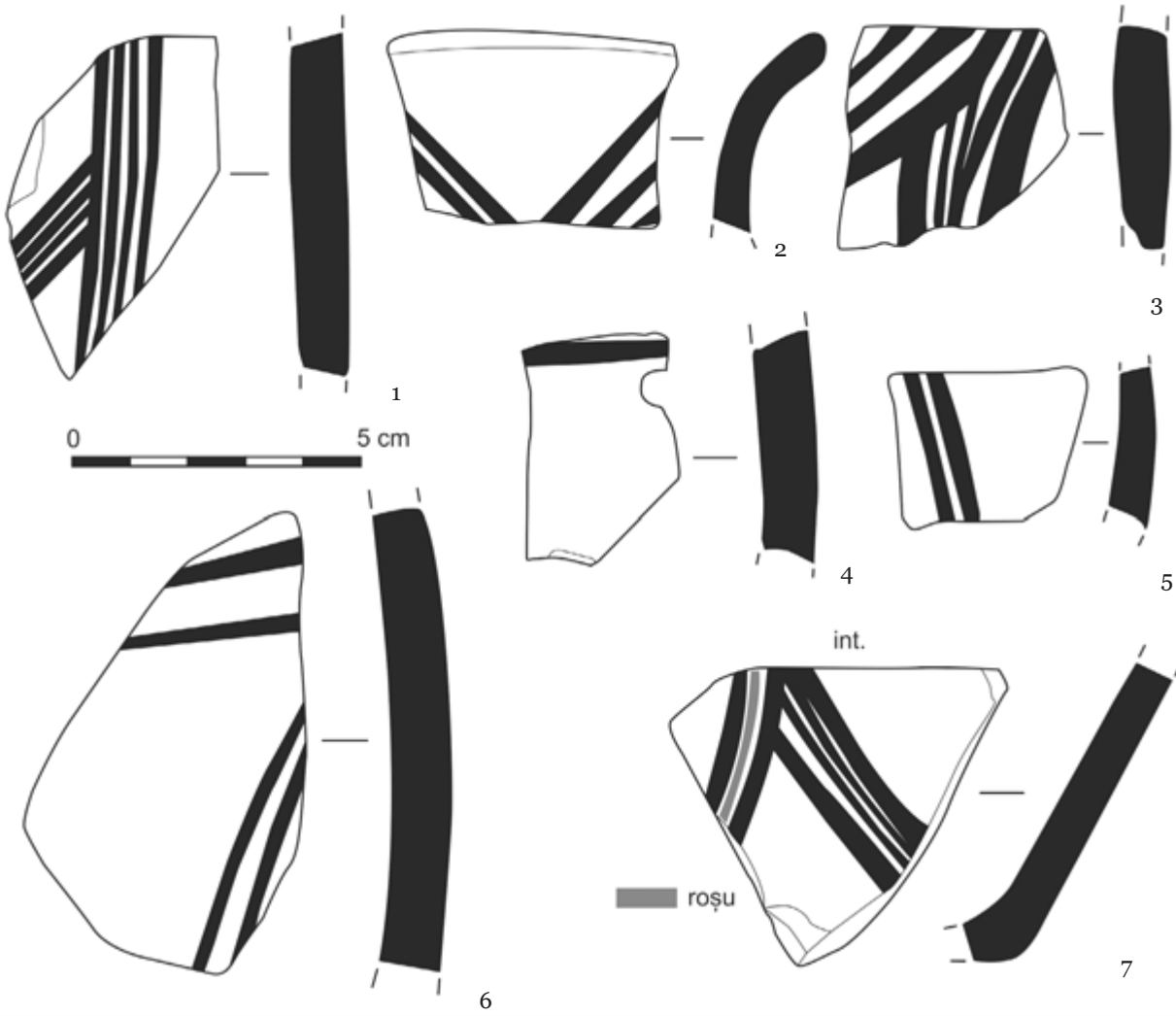


Fig. 6. Ceramică eneolitică.

1. Fragment (aproximativ, a patra parte) dintr-o râşniţă, cu fundul plat, marginea evazată şi partea lucrătoare interioară concavă (fig. 7/1). Dimensiuni: L – 10,6 cm, l – 2,8 cm, gr. – 3,6 cm.
2. Fragmentul unui frecător, cu fundul plat, marginea rotunjită şi partea lucrătoare interioară uşor concavă (fig. 7/2). Dimensiuni: L – 6,8 cm, l – 6,6 cm, gr. – 4,8 cm.
3. O râşniţă sau nicovală (?), aproape intactă, cu fundul uşor neregulat, convex, marginea rotunjită şi partea lucrătoare interioară uşor concavă, rotundă (fig. 7/3). Dimensiuni: L – 10,4 cm, l – 9,4 cm, gr. – 3,7 cm.
4. Fragmentul unei râşniţe, cu fundul plat şi partea lucrătoare interioară uşor concavă (fig. 7: 4). Dimensiuni: L – 7,4 cm, l – 7,2 cm, gr. – 3 cm.
5. Fragmentul unui şlefuitor/lustruitor sau a unui topor nefinisat, cu urme de prelucrare pe marginile rotungite şi profilul oval (fig. 7/6). Dimensiuni: L – 8,8 cm, l – 5,2 cm, gr. – 3,7 cm.
6. Percutor din silex, necioplit, şlefuit, cu urme de uzură pe partea lucrătoare rotunjită şi profilul oval (fig. 7/7). Dimensiuni: L – 8,8 cm, l – 5,2 cm, gr. – 3,7 cm.

Materialul din piatră cioplită

Este reprezentat de 39 piese, finite şi nefinite. Aproape tot silexul este local, „nistrean”, opac sau uşor translucid, de culoare cenuşiu-fumurie, negru-cenuşie, brun-cenuşie, alburie mată, mai toate piesele având pigmentaţii albicioase. A fost recuperat doar un singur gratoar pe lamă retuşată (fig. 10/1), realizat din silex „volânian” negru, opac.

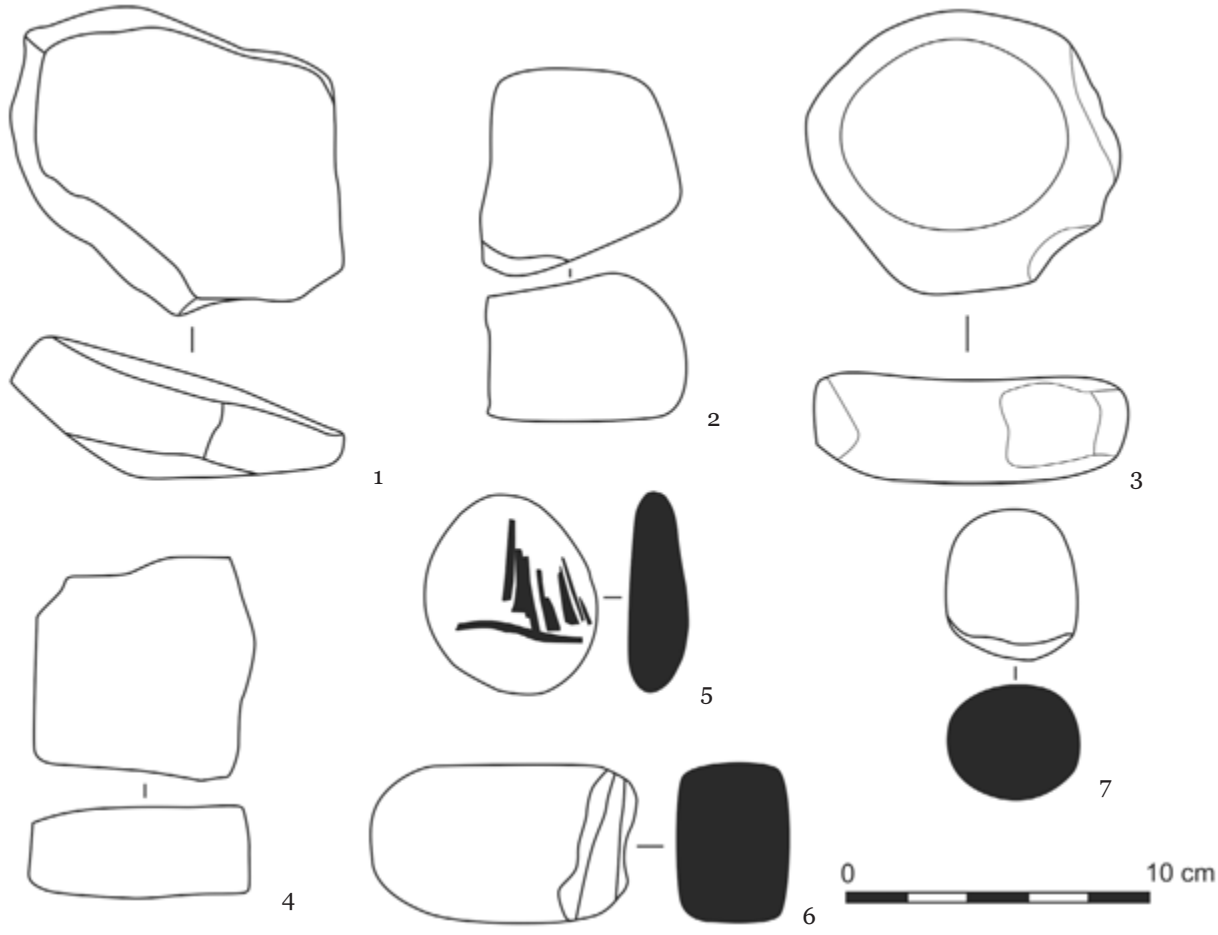


Fig. 7. Unelte eneolitice din piatră şlefuită.

Tipologic, inventarul litic cioplit este format din următoarele produse de debitaj[6]:

1. Produse primare de debitaj care nu au fost utilizate nici ca atare, nici ca suporturi pentru realizarea uneltelor (11 piese). Printre acestea numim: un nucleu neepuizat cu cortex (fig. 9/3); patru lame neretuşate, dintre care trei cu cortex (fig. 10/10, 14, 16, 17); trei aşchii neretuşate şi trei atipice, toate cu cortex (fig. 9/5; 10/11; 11/5, 6, 9, 10).
2. Produse primare de debitaj, neprelucrate, dar folosite, purtând ştirbituri de utilizare (19 piese). Printre acestea, numim lamele neretuşate cu ştirbituri (5 ex., toate cu cortex – fig. 10/2-4, 12, 20), două fragmente de nuclee (?) epuizate (fig. 8/2; 11/3), cu cortex, şi aşchiile de diferite forme şi dimensiuni (13 ex., dintre care 9 cu cortex – fig. 9/6; 10/5, 6, 8, 9, 13, 15, 19; 11/1, 4, 7, 8).
3. Unelte (9 piese, 7 dintre care sunt realizate pe suport cortical). Acestea includ: un nucleu epuizat, utilizat ulterior ca percutor (fig. 9/1), un gratoar dublu pe o aşchie retuşată (fig. 8/1), un gratoar pe lamă retuşată (fig. 10/1), trei racloare (fig. 8/3; 9/2; 11/2) şi trei străpungătoare/burine (fig. 9/4; 10/7, 18)[7].

Consideraţii privind materialul litic

Structura colecţiei de piatră cioplită de la Voloviţa este destul de interesantă şi prezintă câteva particularităţi specifice. În primul rând, se remarcă numărul foarte înalt al pieselor cu cortex sau realizate pe suport cortical: 33 din 39. Acest fapt, în combinaţie cu prezenţa nucleelor, întregi şi frag-

[6] În structura inventarului litic după gradul de prelucrare a pieselor, am preluat sistemul utilizat de Senica Ţurcanu în descrierea industriei litice de la Ruginoasa (Ţurcanu 2012, 150).

[7] Menţionăm, că această tipologie este una formală, în baza aspectului exterior al uneltelor.

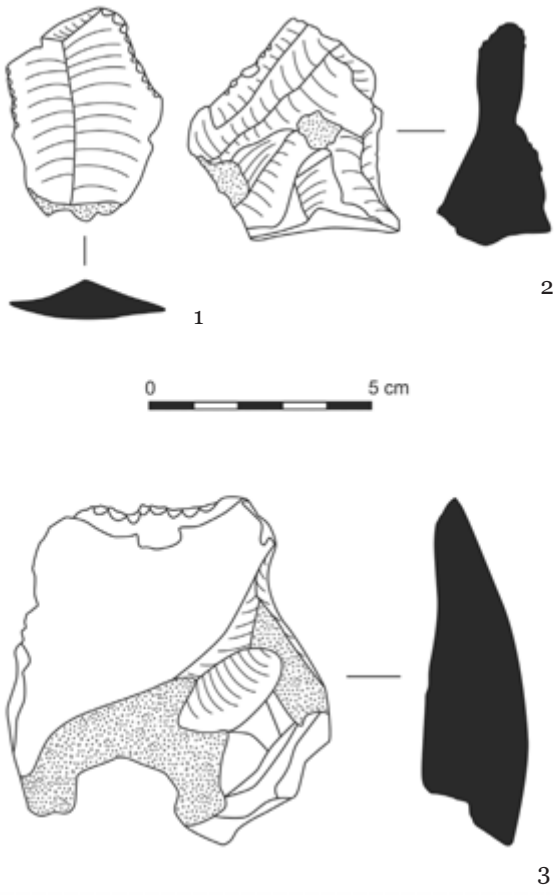


Fig. 8. Unelte eneolitice din piatră cioplită.

mentare, epuizate şi neepuizate, precum şi a unui percutor din silex, indică prelucrarea locală a silexului, cel mai probabil, în cadrul unuia sau câteva ateliere specializate. În afară de piesele colectate, pe toată suprafaţa sitului se mai găsesc multiple bucăţi masive de silex cu urme primare de cioplire care puteau fi utilizate la executarea ulterioară a pieselor de diferite tipuri. Nu este exclus, ca în apropierea aşezării să fi existat o sursă de materie primă – asemenea surse sunt cunoscute pe ambele maluri ale Nistrului Superior şi Mijlociu (Boghian 1996, fig. 1; Boghian 2009; Пассек 1950, 55; Петрунь 2004, рис. 1).

Putem merge şi mai departe şi presupune nu doar prezenţa unuia sau câtorva ateliere, dar şi o specializare generală a sitului în producerea uneltelor de silex. Spre această concluzie ne îndreaptă tipologia inventarului litic. Majoritatea pieselor reprezintă produse primare de debitaj, neprelucrate, ulterior folosite sau nefolosite, iar colecţia la general este compusă din piese lucrate destul de grob, dacă nu „primitiv", mai ales în comparaţie cu uneltele calitative şi minuţios lucrate de pe alte aşezări tripoliene târzii din zonă (vezi, de ex., Маркевич 1981, 90-93). Este foarte probabil, ca produsele finite de înaltă calitate să fi fost transportate de pe această aşezare spre alte situri din zonă, care încă urmează a fi identificate. În acest caz, situl poate reprezenta un element specializat al unui sistem complex de legături economice, asigurând aprovizionarea cu silex a altor componente ale aceluiaşi sistem.

În arealul culturii Cucuteni-Tripolie se disting două tipuri de ateliere pentru prelucrarea silexului (Скакун 2004, 72). Primul tip reprezintă atelierele mai mici, amplasate lângă locuinţe, care răspundeau necesităţilor unor grupuri reduse (familii) şi funcţionau începând cu perioada timpurie de evoluţie a culturii, procesul de producere având un caracter descentralizat (vezi şi Черныш 1967, 61; Збенович 1989, 158-159). Mai târziu, apar atelierele mari comunitare, colective, producţia cărora deseori era orientată spre schimb intra- şi intercultural. La începutul fazei târzii de evoluţie a complexului Cucuteni-Tripolie, se cunosc şi situri, ale căror specializare principală consta exclusiv în producerea uneltelor de silex, adevărate situri – ateliere, cum este cel de la Bodaki, cercetat şi până în prezent (Скакун 2004; Скакун и др. 2012). În Bodaki, prelucrarea silexului avea loc în bordeie, gropi sau pe platforme special amenajate din lut steril, bătătorit.

Cele două tipuri de ateliere sunt cunoscute şi pentru bazinul Nistrului. Astfel, în Nezvisko, cioplirea pietrei avea loc pe sectoare speciale din interiorul locuinţelor, lângă locuinţă sau în interiorul unor ateliere amenajate între locuinţe (Черныш 1962, 74-75; Черныш 1967, 63-64, рис. 23). În Polivanov Iar, pe lângă locurile specializate de prelucrare a silexului din interiorul locuinţelor, a fost cercetat (din păcate, incomplet) un atelier de producţie a silexului, care consta dintr-o aglomerare de noduli, amplasaţi pe lutul viu de sub stratul cultural sau chiar înglobaţi în el (Попова 2003, 171). Remarcăm, că fragmente din noduli de silex au fost semnalaţi şi pe suprafaţa aşezării de la Voloviţa. Un alt atelier din Polivanov Iar a fost identificat datorită prezenţei într-o zonă compactă a unui număr mare de deşeuri de la prelucrarea materiei prime.

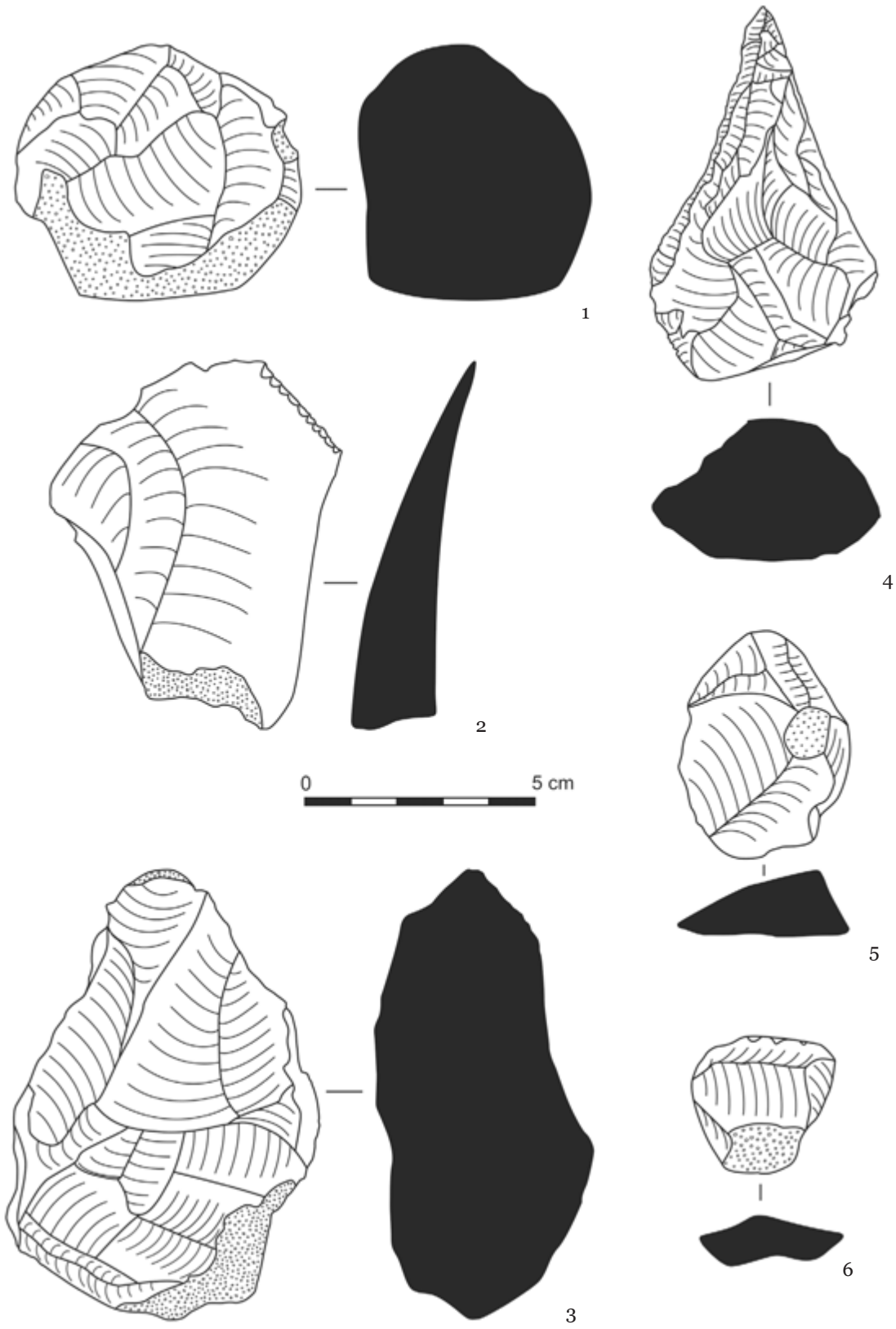


Fig. 9. Unelte eneolitice din piatră cioplită.

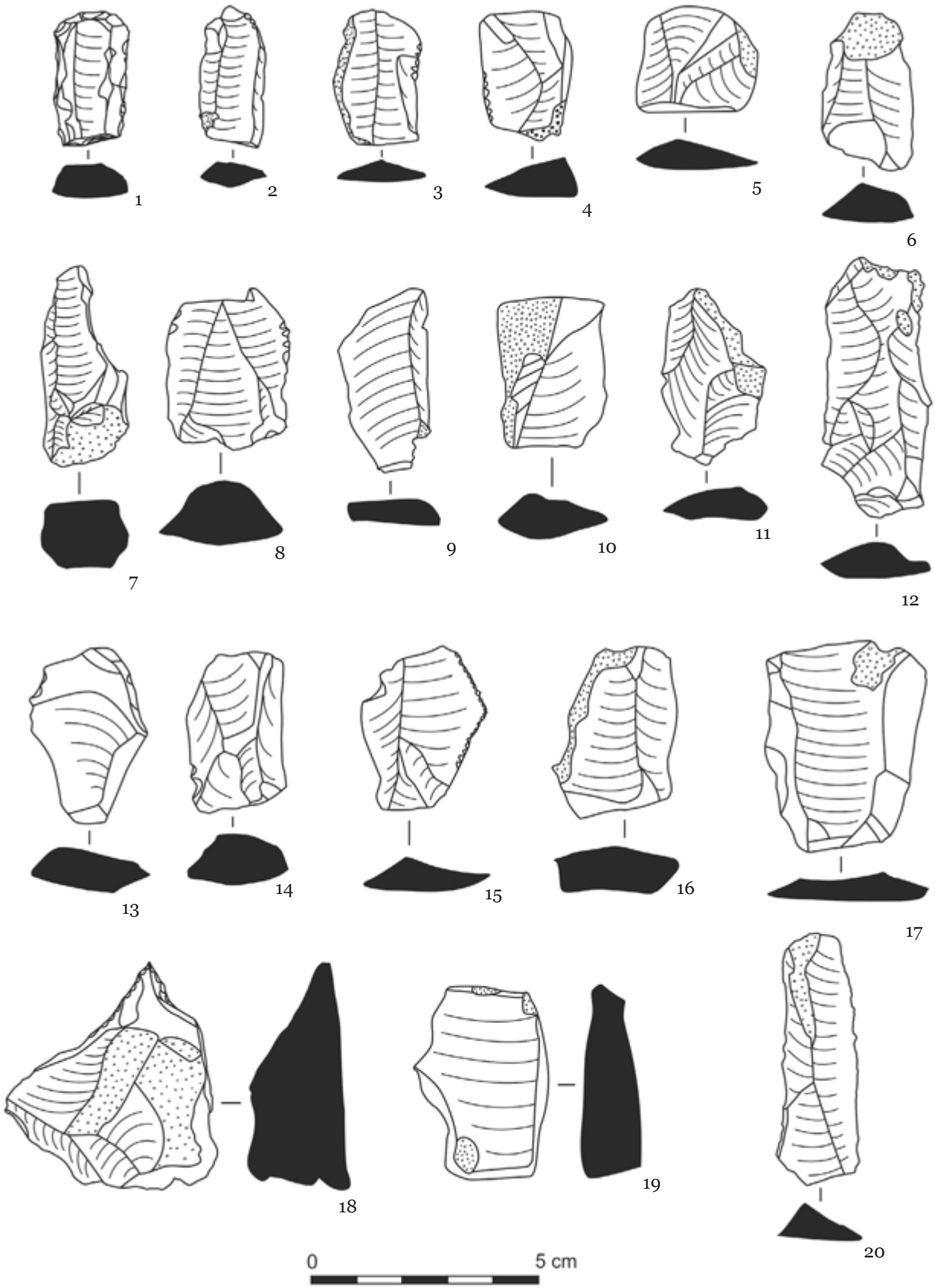


Fig. 10. Unelte eneolitice din piatră cioplită.

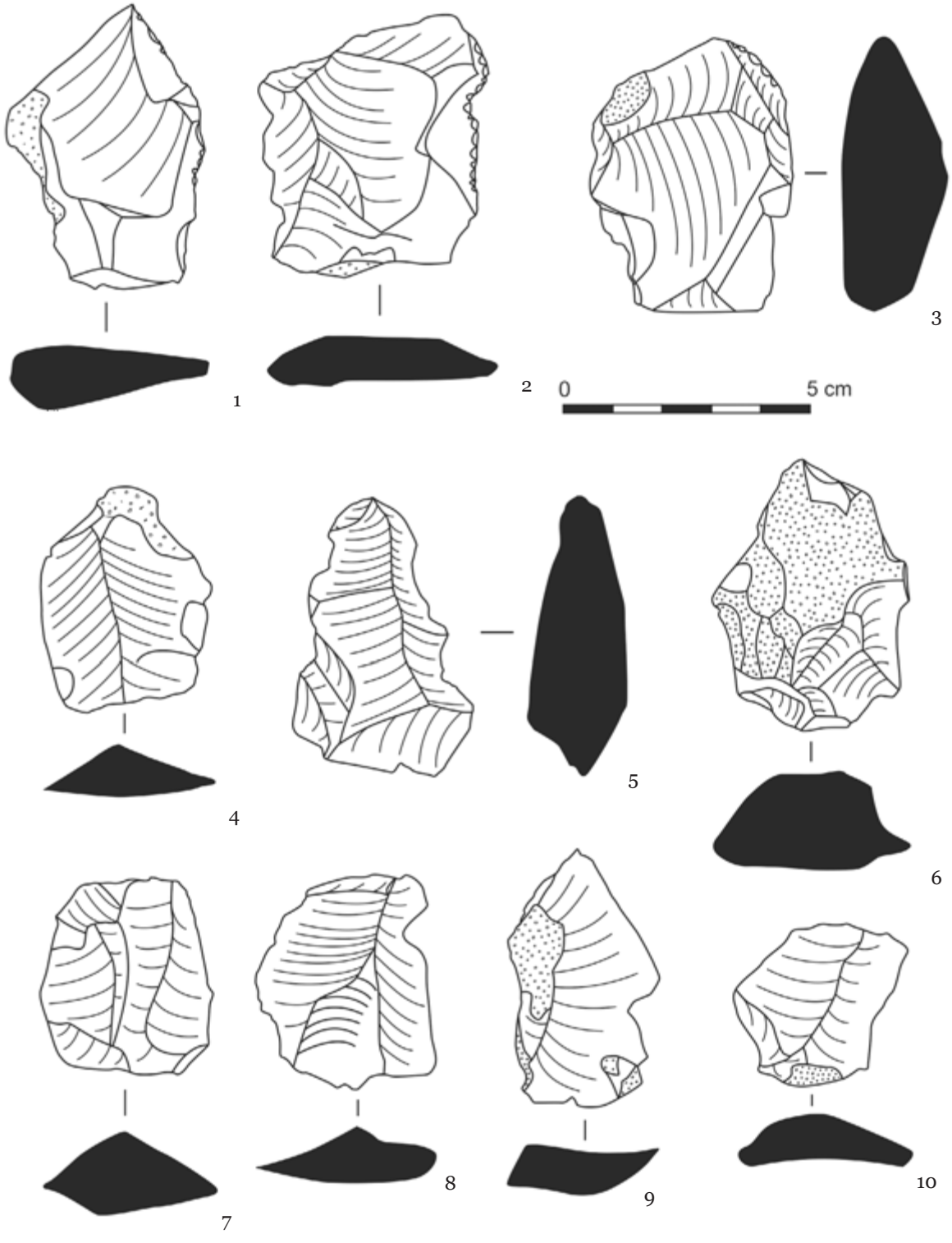


Fig. 11. Unelte eneolitice din piatră cioplită.

Vestigii ale altor perioade istorice

Pe lângă ceramica eneolitică, de pe suprafaţa sitului (mai ales, din partea vestică a acestuia) au mai fost colectate fragmente sporadice, care pot fi atribuite epocii fierului (cultura Şoldăneşti-Basarabi), epocii romane (un mâner de amforă) şi culturii medievale moldoveneşti (pereţi roşietici cu angobă specifică). Dintre aceste materiale, cele mai interesante sunt fragmentele de vase din epoca fierului. Suprafaţa exterioară a acestora este de culoare cenuşie-închisă, aproape neagră, lucrată uniform, lustruită. Pe interior, vasele au o culoare brună sau surie. Pasta este destul de omogenă, cu adaos de şamotă. Arderea este de o calitate bună. Au fost găsiţi mai mulţi pereţi neornamentaţi, precum şi trei fragmente ce pot fi considerate diagnostice: buza puternic evazată a unui chiup sau a unei ceşti cu linie incizată orizontală la bază (fig. 5/3), peretele unui vas cu caneluri verticale (fig. 5/4) şi peretele unui vas cu proeminenţă-buton semicirculară (fig. 5/5).

Marea majoritate a siturilor culturii Basarabi-Şoldăneşti sunt concentrate destul de compact în jurul bazinelor cursurilor inferioare ale Ciornei şi Răutului, cu teritoriul din dreapta Nistrului, aferent acestora (Kaşuba 2008, fig. 1). Până acum, pe teritoriul Republicii Moldova era semnalată doar o singură aşezare, aflată considerabil mai la nord de această aglomerare – Cremenciug I, considerată a fi periferia de nord-est a complexului Basarabi-Şoldănesti (Демченко, Левицкий 1990, 118). Prezenţa fragmentelor descrise mai sus la Voloviţa ar putea indica un al doilea sit Basarabi în această zonă, amplasat oarecum intermediar între arealul de bază al culturii şi aşezarea de la Cremenciug.

Pe suprafaţa sitului, în partea nordică a lui, au mai fost depistate două fragmente de silex cu patină specifică alburie, care pot fi atribuite epocii paleoliticului.

Concluzii, importanţa şi perspectivele cercetării sitului

Situl de la Voloviţa ridică mai multe probleme şi direcţii de cercetare a Tripolianului târziu din zonă. O importanţă majoră o are elucidarea specificului şi amplorii prelucrării silexului pe această aşezare; fapt, realizabil doar prin efectuarea unor săpături arheologice. Oportună este şi aplicarea unor cercetări de suprafaţă mai desfăşurate în microzona aferentă sitului, cu scop dublu: 1. de a identifica noi aşezări tripoliene tardive care ar putea fi interlegate cu situl de la Voloviţa şi 2. de a identifica acele surse de materie primă, care puteau fi utilizate pentru producţia uneltelor de silex. Trebuie să remarcăm, că în cultura Cucuteni-Tripolie, practic nu au fost realizate (inclusiv şi prin metode non-intruzive) cercetările unor microzone cu aglomerări de situri, care puteau să aibă specializare diferită în cadrul unui sistem economic comun. Cu siguranţă, asemenea cercetări ar putea aduce multe date noi despre organizarea socială şi sistemul economic al comunităţilor eneolitice din zonă (a se vedea aici exemplul unei analize microzonale de calitate, efectuate la un nivel metodologic modern – Müller et al. 2011).

Neclară este datarea şanţului. După cum am menţionat, pe teritoriul aşezării au fost recuperate şi fragmente ceramice din alte perioade cultural-istorice. Ce e drept, acestea erau localizate în partea vestică a sitului, deci destul de departe de şanţ, însă doar săpăturile arheologice vor putea stabili apartenenţa lui sigură din punct de vedere cultural-cronologic.

În altă ordine de idei, aşezarea de la Voloviţa este importantă şi prin faptul că ea completează repertoriul siturilor Vâhvatinţi din bazinul nistrean. În ultimii ani, cercetarea acestui grup a cunoscut o nouă intensitate. Astfel, în 2009, o groapă cu material ceramic Vâhvatinţi a fost identificată de către autorul acestor rânduri şi D. Topal într-o lutărie de lângă s. Cunicea, r-nul Floreşti, pe suprafaţa unei necropole de tip Chirileni, semnalată în 2007 (Топал, Церна 2010, 291). Ulterior, în vara 2012, cercetările arheologice de salvare, întreprinse acolo de S. Popovici şi I. Ceban au stabilit, că era vorba despre groapa unui bordei de dimensiuni mari (Popovici, Ceban 2013, 7-10). Din păcate, nici aceste săpături nu au oferit date despre relaţia stratigrafică dintre complexul adâncit cu ceramică Vâhvatinţi şi cele două morminte plane de tip Chirileni, cercetate în 2007 şi 2009; relaţie, ce ar putea fi foarte importantă pentru cronologia relativă a siturilor tripoliene târzii din regiune (vezi şi Ţerna 2011, 367-368). Au mai fost introduse în circuitul ştiinţific materialele din necropola de la Oxentea, ce au rămas inedite peste 20 de ani, completate şi de unele descoperiri recente de pe suprafaţa necropolei (Яровой, Церна, Попович 2012). Mai multe situri inedite vor fi publicate inclusiv de autorul acestor rânduri în timpul apropiat.

Recent, în vizorul specialiştilor au intrat şi noi date cu privire la răspândirea siturilor de tip Vâhvatinţi. Ultimele lucrări de sinteză conturau arealul acestora exclusiv în zona Nistrului Mijlociu (Дергачев 1980, рис. 27; Manzura 1994, fig. 1). Un prim indiciu pentru necesitatea de a mări acest areal au fost descoperirile din estul Poloniei, de la Gródek Nadbużny, cu câteva zeci de fragmente ceramice Vâhvatinţi (din păcate, situl nu a fost publicat exhaustiv – Jastrzębski 1985; Jastrzębski 1989). Şi, absolut recent, au fost publicate materialele de pe un sit (cercetat încă la sfârşitul anilor 1970) de pe malul drept al Prutului, anume din Sadoveni, jud. Botoşani, al cărui inventar ceramic îşi găseşte analogii clare în ceramica aşezărilor Vîhvatinţi (Burtănescu, Şadurschi 2013). Astfel, unele informaţii separate care păreau să indice o prezenţă Vîhvatinţi şi în bazinul Prutului[8], astăzi sunt substanţiate şi de materiale certe din complexe excavate.

Această succintă trecere în revistă a unor cercetări din ultimii ani demonstrează încă o dată necesitatea unei reevaluări a siturilor de tip Vâhvatinţi, dar şi a altor grupuri culturale tripoliene târzii din zonă. Cu siguranţă, noile materiale de pe situri inedite sau puţin cercetate, vor fi capabile să asigure un caracter cât mai obiectiv acestui viitor studiu.

Bibliografie

Alaiba 2007: R. Alaiba, Complexul cultural Cucuteni-Tripolie: meşteşugul olăritului (Iaşi 2007).

Boghian 1996: D. Boghian, Unele consideraţii asupra utilajului litic al comunităţilor Precucuteni-Cucuteni-Tripolie. In: (Ed. D. Monah, Gh. Dumitroaia) Cucuteni aujourd'hui (Piatra-Neamţ 1996), 277-342.

Boghian 2009: D. Boghian, Din nou despre sursele de materie primă pentru confecţionarea utilajului litic al comunităţilor complexului cultural Precucuteni-Cucuteni. Suceava XXXIV-XXXV-XXXVI, 2009, 117-146.

Burtănescu, Şadurschi 2013: Fl. Burtănescu, P. Şadurschi, Locuirea eneolitică târzie de la Sadoveni, punctul „Valea Hotarului" (com. Manoleasa, jud. Botoşani). Noi perspective asupra perioadei anterioare Hordineşti în partea de nord a Moldovei. Forum Cultural XIII/2, 2013, 1-26.

Jastrzębski 1985: S. Jastrzębski, Imports of the Trypole culture pottery in the South-Eastern group of the Funnel Beaker culture. In: (Red. A. Kokowski), Memoires Archaeologiques (Lublin 1985), 71-92.

Jastrzębski 1989: S. Jastrzębski, Kultura Cucuteni-Trypole i jej osadnictwo na Wyżynie Wołyńskiej (Lublin 1989).

Kaşuba 2008: M. Kaşuba, Materiale ale culturii Şoldăneşti în bazinul Nistrului de Mijloc – observaţii preliminare. Tyragetia s.n. II/1, 2008, 37-50.

Manzura 1994: I. Manzura, Manifestări culturale în perioada de tranziţie. Thraco-Dacica XV/1-2, 1994, 103-119.

Müller et al. J. Müller, R. Hofmann, N. Müller-Scheeßel, K. Rassmann, Zur sozialen Organisation einer spätneolithischen Gesellschaft in Südosteuropa. In: (Hrsg. S. Hansen, J. Müller), Sozialarchäologische Perspektiven. Gesellschaftlicher Wandel 5000-1500 v. Chr. Zwischen Atlantik und Kaukasus (Tagung Kiel 2007), Archäologie in Eurasien 24 (Köthen 2011), 81-106.

Popovici, Ceban 2013: S. Popovici, I. Ceban, Raport privind cercetările arheologice de salvare pe teritoriul s. Cuşmirca, r-nul Şoldăneşti. Manuscris (Chişinău 2013).

Ţerna 2011: S. Ţerna, Aspecte ale cronologiei relative a siturilor tripoliene târzii din spaţiul pruto-nistrean în lumina unor noi descoperiri funerare din Republica Moldova. Peuce SN IX, 2011, 359-376.

Ţurcanu 2012: S. Ţurcanu, Industria litică. In: C.M. Lazarovici, Gh. Lazarovici, Ruginoasa – Dealul Drăghici. Monografie arheologică (Suceava 2012), 149-171.

Бикбаев 1990: В.М. Бикбаев, Исследования на поселении Бологаны I. В сб.: АИМ в 1985 (Кишинев 1990), 23-33.

Бикбаев 1994: В.М. Бикбаев, Предгординештские памятники типа Кирилень в Северной Молдове. В сб: (Отв. ред. Е.В. Яровой) Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного причерноморья V тыс. до н.э. - V в. н.э. ТДК (Тирасполь 1994), 64-69.

Демченко, Левицкий 1990: Т.И. Демченко, О.Г. Левицкий, К вопросу о шолданештских памятниках на территории Молдавии. В сб: (Отв. ред. В.А. Дергачев) Археологические исследования молодых ученых Молдавии (Кишинев 1990), 111-120.

Дергачев 1978: В.А. Дергачев, Выхватинский могильник (Кишинев 1978).

Дергачев 1980: В.А. Дергачев, Памятники позднего Триполья. Опыт систематизации (Кишинев 1980).

[8] Cum ar fi amfora întreagă, păstrată în muzeul satului Tigheci, raionul Leova, şi care pare să provină dintr-o necropolă distrusă întreg sau parţial.

Збенович 1974: В.Г. Збенович, Позднетрипольские племена Северного Причерноморья (Киев 1974).

Збенович 1989: В.Г. Збенович, Ранний этап Трипольской культуры на территории Украины (Киев 1989).

Манзура, Субботин 1989: И.В. Манзура, А.В. Субботин, Новые раскопки Выхватинского могильника. В сб.: АИМ в 1984 (Кишинев 1989), 76-95.

Маркевич 1955: В.И. Маркевич, Археологические памятники в бассейне нижнего течения реки Черна. В: Известия Молдавского Филиала Академии Наук СССР, вып. 5 (Кишинев 1955), 131-145.

Маркевич 1981: В.И. Маркевич, Позднетрипольские племена Северной Молдавии (Кишинев 1981).

Мовша 1965: Т.Г. Мовша, Многослойное трипольское поселение Солончены II. КСИА 105, 1965, 91-100.

Мовша 1971: Т.Г. Мовша, Памятники выхватинского типа. МАСП 7, 1971, 21-32.

Пассек 1950: Т.С. Пассек, Трипольские поселения на Днестре. КСИИМК XXXII, 1950, 40-56.

Пассек 1956: Т.С. Пассек, Раскопки на многослойном поселении Голерканы на Днестре в 1954 г. В: Известия Молдавского Филиала Академии Наук СССР, вып. 4 (31) (Кишинев 1956), 19-35.

Пассек 1961: Т.С. Пассек, Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья (Москва 1961).

Петренко 1994: В.Г. Петренко, Относительно систематизации памятников позднего периода Трипольe-Кукутень. В сб.: (Отв. ред. Е.В. Яровой) Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. - V в. н.э. Тезисы докладов конференции (Тирасполь 1994), 61-64.

Петрунь 2004: В.Ф. Петрунь, Використання мінеральної сировини населенням трипільської культури. В сб.: (Гол. ред. М.Ю. Відейко) Енциклопедія трипільської цивілізації, том 1 (Київ 2004), 199-218.

Попова 2003: Т.А. Попова, Многослойное поселение Поливанов Яр. К эволюции трипольской культуры в Среднем Поднестровье (Санкт-Петербург 2004).

Скакун 2004: Н.Н. Скакун, Предварительные результаты изучения материалов трипольского поселения Бодаки (кремнеобрабатывающие комплексы). В сб: (Отв. ред. Г.Ф. Коробкова) Орудия труда и системы жизнеобеспечения населения Евразии (по материалам эпох палеолита-бронзы) (Санкт-Петербург 2004), 57-79.

Скакун и др. 2012: Н.М. Скакун, О.В. Цвек, С.О. Гусєв, Б.І. Матєва, В.В. Терьохіна, Нові дослідження на трипільському поселенні Бодаки. Археологія 4, 2012, 74-79.

Топал, Церна 2010: Д.А. Топал, С.В. Церна, Позднетрипольский могильник и поселения у с. Кунича (Флорештский р-н, Республика Молдова). Stratum Plus 2, 2010, 283-300.

Черныш 1962: Е.К. Черныш, К истории населения энеолитического времени в Среднем Приднестровье (по материалам поселения у с. Незвиско). В сб: (Отв. ред. Т.С. Пассек) Неолит и энеолит юга европейской части СССР (Москва 1962), 5-85.

Черныш 1967: Е.К. Черныш, Трипольские мастерские по обработке кремня. КСИА 111, 1967, 60-66.

Яровой, Церна, Попович 2012: Е.В. Яровой, С.В. Церна, С.С. Попович, Позднетрипольский могильник у с. Оксентя (Дубоссарский район, Республика Молдова). Stratum Plus 2, 2012, 287-302.

Late Tripolian settlement near the village of Voloviţa (Soroca District, Republic of Moldova)

Abstract

The article publishes the materials from the surface of a new Late Tripolian settlement in the Middle Dniester region. Apart from pottery, the abundance of stone implements is quite remarkable. The analysis of the structure and typology of chipped stone artifacts points towards a large-scaled flint processing on the site. It is possible, that this settlement, dated with the Vykhvatintsy stage, specialized in the production of stone tools, and the final products were transported to other sites within a complex system of economic interrelations.

List of illustrations:

Fig. 1. Location of the site: 1 - position on the map of the Prut-Dniester interfluve; 2 - view of the site from the south-east; 3 - location of the site in the micro-zone; 4 - satellite image of the site.

Fig. 2. Topography of the site: 1 - topographic map indicating the attitude profiles; 2 - profile A-B; 3 - profile C-D.

Fig. 3. Aeneolithic pottery.

Fig. 4. Aeneolithic pottery.

Fig. 5. Aeneolithic clay items (1-2) and pottery (6-9); Basarabi-Şoldăneşti pottery (3-5).

Fig. 6. Aeneolithic pottery.

Fig. 7. Aeneolithic polished stone implements.

Fig. 8. Aeneolithic chipped stone implements.

Fig. 9. Aeneolithic chipped stone implements.

Fig. 10. Aeneolithic chipped stone implements.
Fig. 11. Aeneolithic chipped stone implements.

Позднетрипольское поселение у села Воловица (Республика Молдова, Сорокский район)

Резюме

В статье представлены материалы с поверхности нового позднетрипольского поселения в бассейне Среднего Днестра. Помимо керамики обнаружено большое количество каменных изделий. Анализ структуры и типологии кремневых орудий указывает на интенсивную обработку кремня на поселении. Возможно, данное поселение, датируемое выхватинским временем, специализировалось именно на производстве каменных изделий, а конечные продукты транспортировались на другие близлежащие памятники в рамках сложной системы хозяйственных отношений.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Расположение памятника: 1 - положение на карте Пруто-Днестровского междуречья; 2 - вид на поселение с юго-востока; 3 - расположение памятника в микрозоне; 4 - спутниковый снимок поселения.

Рис. 2. Топография памятника: 1 - топографический план с указанием высотных профилей; 2 - профиль A-B; 3 - профиль C-D.

Рис. 3. Энеолитическая керамика.

Рис. 4. Энеолитическая керамика.

Рис. 5. Энеолитические предметы из глины (1-2) и керамика (6-9); керамика Басарабь-Шолдэнешть (3-5).

Рис. 6. Энеолитическая керамика.

Рис. 7. Энеолитические каменные орудия.

Рис. 8. Энеолитические кремневые находки.

Рис. 9. Энеолитические кремневые находки.

Рис. 10. Энеолитические кремневые находки.

Рис. 11. Энеолитические кремневые находки.

06.03.2014

Stanislav Ţerna, Universitatea „Şcoala Antropologică Superioară”, str. Zimbrului, 10A, MD-2024 Chişinău, Republica Moldova, ternastas@mail.ru

SIMBOLURI SOCIALE ÎN EPOCA BRONZULUI. SCEPTRE DE CORN ŞI OS

Vasile Diaconu

În rândul pieselor cu valoare socială, specifice epocii bronzului, sceptrele constituie o categorie aparte de obiecte, atât prin diversitatea tipologică, dar mai ales prin semnificaţii. Lucrate din piatră şi din materii dure animale, aceste artefacte necesită o permanentă analiză şi prin prisma faptului că orice nouă descoperire poate oferi elemente suplimentare pentru a înţelege importanţa şi implicaţiile obiectelor la care am făcut referire. Dacă sceptrele de piatră din epoca bronzului au fost discutate în diferite studii de sinteză (Boroffka, Sava 1998; Ursu, Mitrea 2001; Irimia 2008), cele realizate din os şi corn nu au fost prezentate în ansamblu, fapt datorat probabil şi numărului redus al descoperirilor. Din acest motiv, în rândurile următoare ne propunem să evidenţiem câteva aspecte referitoare la această categorie de obiecte. Pentru că respectivele piese provin din descoperiri mai vechi sau de dată recentă, considerăm necesară întocmirea unui catalog al lor (fără pretenţia de a fi unul exhaustiv), urmat apoi de unele consideraţii de ordin tehnologic, cronologic, cultural, dar vor fi discutate şi eventualele semnificaţii ale sceptrelor din os şi corn.

Înainte de a trece la prezentarea propriu-zisă a acestor însemne sociale din epoca bronzului, facem precizarea că ele nu sunt o creaţie originală a acestei epoci, existenţa lor fiind documentată atât

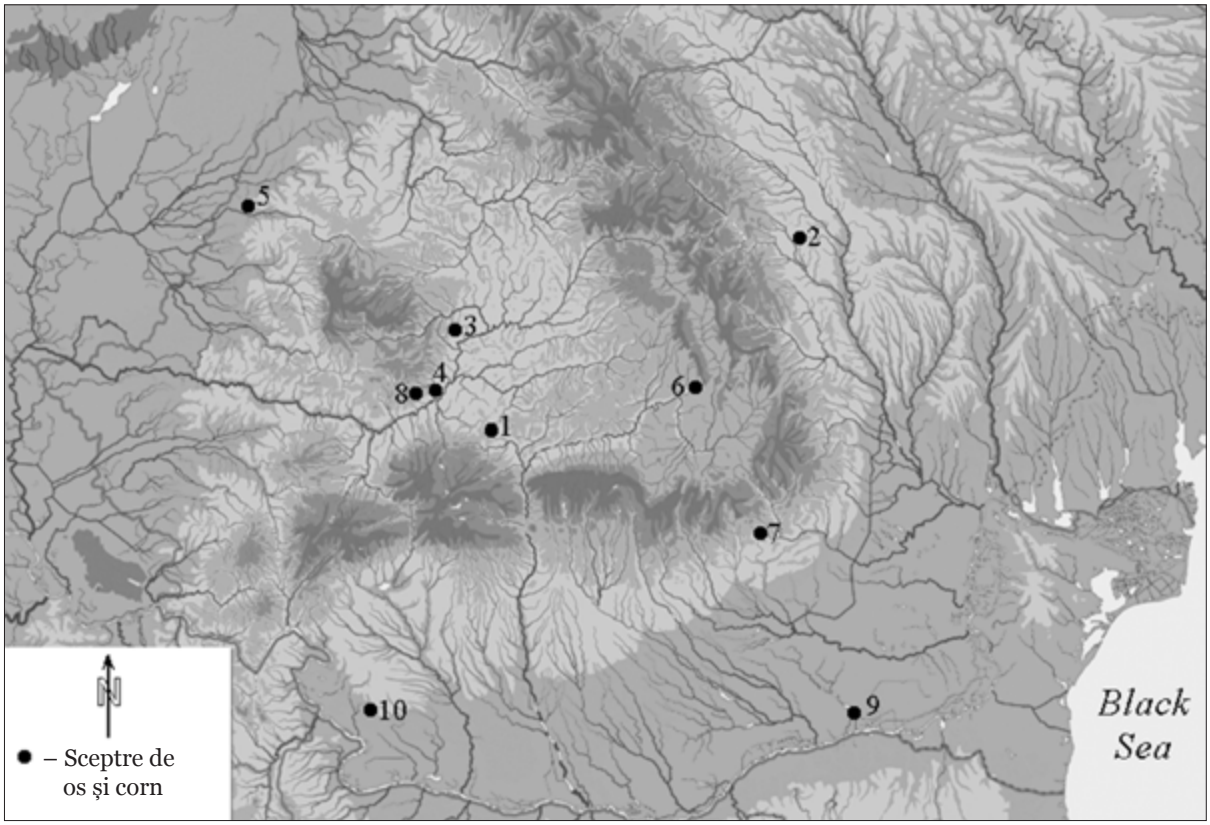


Fig. 1. Răspândirea sceptrelor de corn şi os pe teritoriul României: 1 - Boarta; 2 - Bodeştii de Jos; 3 - Cicău; 4 - Lancrăm; 5 - Oradea; 6 - Racoş; 7 - Sărata Monteoru; 8 - Sibişeni; 9 - Ulmu; 10 - Verbicioara.

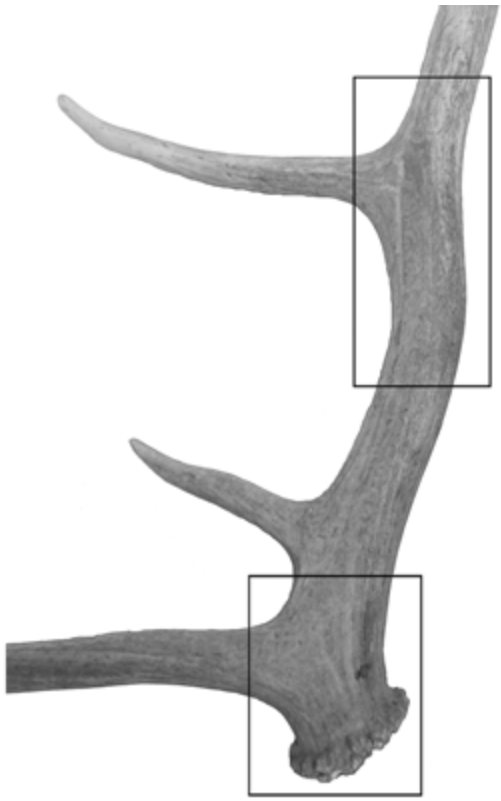


Fig. 2. Segmente de corn folosite ca suport pentru confecţionarea sceptrelor.

în neolitic, prin descoperirile de la Limba (jud. Alba) (Ciută, Ciută 2013) şi Alba-Iulia (jud. Alba) (Vasiliev, Aldea, Ciugudeanu 1991, 73 şi nota 313), cât şi în eneolitic, prin exemplarul de la Ciolăneştii din Deal (jud. Teleorman) (Frânculeasa, Mirea 2007; Ursulescu 2013, 12). Tot acestui palier cronologic, deşi se află în afara spaţiului geografic analizat de noi, îi aparţine şi piesa de la Crasnoe I (Republica Moldova) (Dergačev 2002, 18, Abb. 15B). Aşa cum se observă din cele menţionate, în etapele cronologice anterioare epocii bronzului, sceptrele confecţionate din materii dure animale nu au avut o frecvenţă foarte mare, numărul lor înregistrând o anumită creştere în perioada post-eneolitică. În schimb, în prima epocă a fierului, constatăm din nou o scădere a frecvenţei acestor obiecte, situaţie ilustrată prin descoperirile de la Alba-Iulia (jud. Alba) (Lascu, Gheorghiu 2009), Teleac (jud. Alba) (Vasiliev, Aldea, Ciugudeanu 1991, 73, fig. 22/14) şi probabil piesa de la Garvăn (jud. Tulcea) (Jugănaru 2005, 65, fig. 48/7).

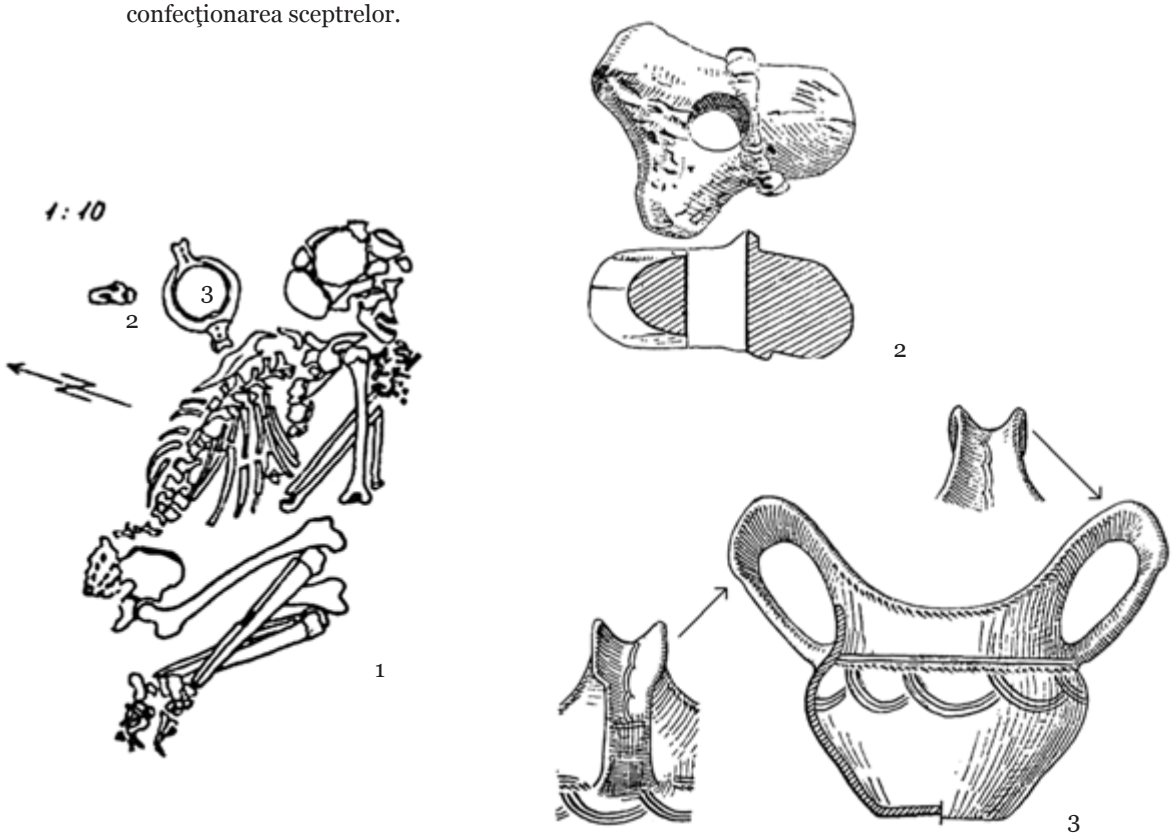


Fig. 3. Mormântul M. 71 din necropola nr. 4 de la Sărata Monteoru (după Bârzu 1989).

Catalogul pieselor

1. Boarta (jud. Sibiu)(fig. 4/1). În punctul *Cetăţuia*, de pe teritoriul satului Boarta (com. Şeica Mare), se găseşte o staţiune preistorică atribuită culturii Coţofeni. De aici provine şi un obiect confecţionat din corn de cerb, cu aspect cvasicilindric şi cu profilul uşor curbat. Unul din capete este compact, fiind atent finisat. Extremitatea opusă este de asemenea bine finisată, dar interiorul a fost scobit, fiind înlăturată substanţa spongioasă. Pe una din feţe, între perforaţie şi capătul piesei, lipseşte un fragment. În zona mediană are o perforaţie circulară. Decorul este constituit din trei benzi înguste, dispuse în unghi, care pleacă de pe o faţă a piesei şi se reunesc pe planul opus. Două dintre benzi sunt umplute cu haşuri oblice. Lângă perforaţia centrală şi la unul din capete au fost realizate mici orificii transversale. Deşi piesa este atribuită culturii Coţofeni, nu se poate exclude posibilitatea ca ea să fi aparţinut unei comunităţi Wietenberg, urmele acesteia fiind identificate în situl de la Boarta (Popa, Ştefu 2009).

Dimensiuni: lungime – 19 cm; diametrul maxim – 5,5 cm; diametrul perforaţiei – 2,4 cm.

2. Bodeştii de Jos (jud. Neamţ) (fig. 6/7). Din binecunoscuta staţiune *Frumuşica* (*Cetăţuia*), situată pe un pinten de terasă aflat pe malul stâng al râului Cracău, provine o piesă din corn, decorată cu triunghiuri incizate, cu câmpul haşurat. Decorul este dispus longitudinal pe suprafaţa artefactului (Matasă 1946, 7, fig. 29; Munteanu 2001, 51, pl. 31/1). Deşi s-a presupus că piesa ar reprezenta un mâner (Munteanu 2010, 169), nu credem că trebuie să excludem şi posibilitatea ca obiectul amintit să constituie o piesă de prestigiu. Aparţine locuirii Costişa din acest sit.

Dimensiuni: lungime – 19 cm.

3. Cicău (jud. Alba) (fig. 5/4). Cercetarea unei aşezări din Evul Mediu timpuriu, aflată în punctul *Sălişte*, a permis descoperirea unor materiale atribuite epocii bronzului, cu precădere etapelor timpurie şi mijlocie. Printre obiectele caracteristice segmentului cronologic amintit, se găseşte şi un sceptru realizat dintr-un segment de corn de cerb. Piesa este relativ masivă şi are un capăt tăiat drept, în care a fost introdus un cep de os. Obiectul prezintă o perforaţie transversală, de formă rectangulară, pentru a permite fixarea într-un mâner. La capătul mai gros are o mică perforaţie oblică. Aparţine culturii Wietenberg (Winkler, Takács 1980, 58, fig. 18/2; fig. 19).

Dimensiuni: lungime – 12 cm; diametrul maxim – 6,5×5,8 cm.

4. Lancrăm (jud. Alba) (fig. 4/2). De pe suprafaţa unei aşezări Wietenberg, aflată pe malul stâng al râului Sebeş, provine o piesă lucrată din corn de cerb, dar care se păstrează în stare fragmentară. Obiectul are formă relativ cilindrică, iar spre capătul rupt are o perforaţie care a fost executată perpendicular pe axul lung al piesei. La capătul păstrat se observă că a fost extrasă substanţa spongioasă din interiorul cornului şi au fost introduse două cepuri tot din corn, unul în interiorul celuilalt. În dreptul perforaţiei păstrează un mic buton. Întreaga suprafaţă a artefactului este bogat ornamentată, fiind evidenţiate mai multe registre orizontale. Inclusiv extremitatea intactă a piesei a fost acoperită cu mai multe şiruri de cercuri cu puncte centrale, dispuse concentric.

Primul registru decorativ este alcătuit dintr-un rând de incizii circulare, sub care urmează un şir de perforaţii. Al doilea şi al treilea registru cuprinde acelaşi tip de decor, alcătuit dintr-o bandă meandrică, ce are în fiecare buclă tot câte un cerc incizat. Ultimul registru este compus din linii incizate în zigzag. Registrele decorative sunt separate de benzi simple sau decorate cu incizii oblice şi cu motivul „dinţilor de lup". Şi perforaţia este înconjurată de o bandă compusă din acelaşi motiv al „dinţilor de lup". Pe buton au fost realizate prin incizie mai multe cercuri (Aldea 1973; Rişcuţa 1995, 58, pl. III; David 1997, fig. 12/2; Popa, Simina 2004, 19, pl. 8/a-e, foto 1).

Dimensiuni: lungime – 12,4 cm; diametrul maxim – 4,3 cm; diametrul butonului – 1,6 cm; diametrul perforaţiei – 2,8 cm.

5. Oradea (jud. Bihor) (fig. 5/6). În timpul cercetărilor arheologice de salvare efectuate în punctul *Salca/Fabrica de bere*, de pe teritoriul municipiului Oradea, a fost descoperită o piesă de os, frumos decorată. Obiectul are formă cilindrică, fiind păstrat în stare fragmentară. Pe capătul intact se observă că în canalul medular a fost introdusă o tijă de os sau corn, iar în jurul acesteia au fost executate patru impresiuni circulare. Piesa a avut o perforaţie rectangulară în zona centrală, care permitea fixarea într-un mâner. Partea dinspre capătul păstrat întreg este decorată cu două regis-

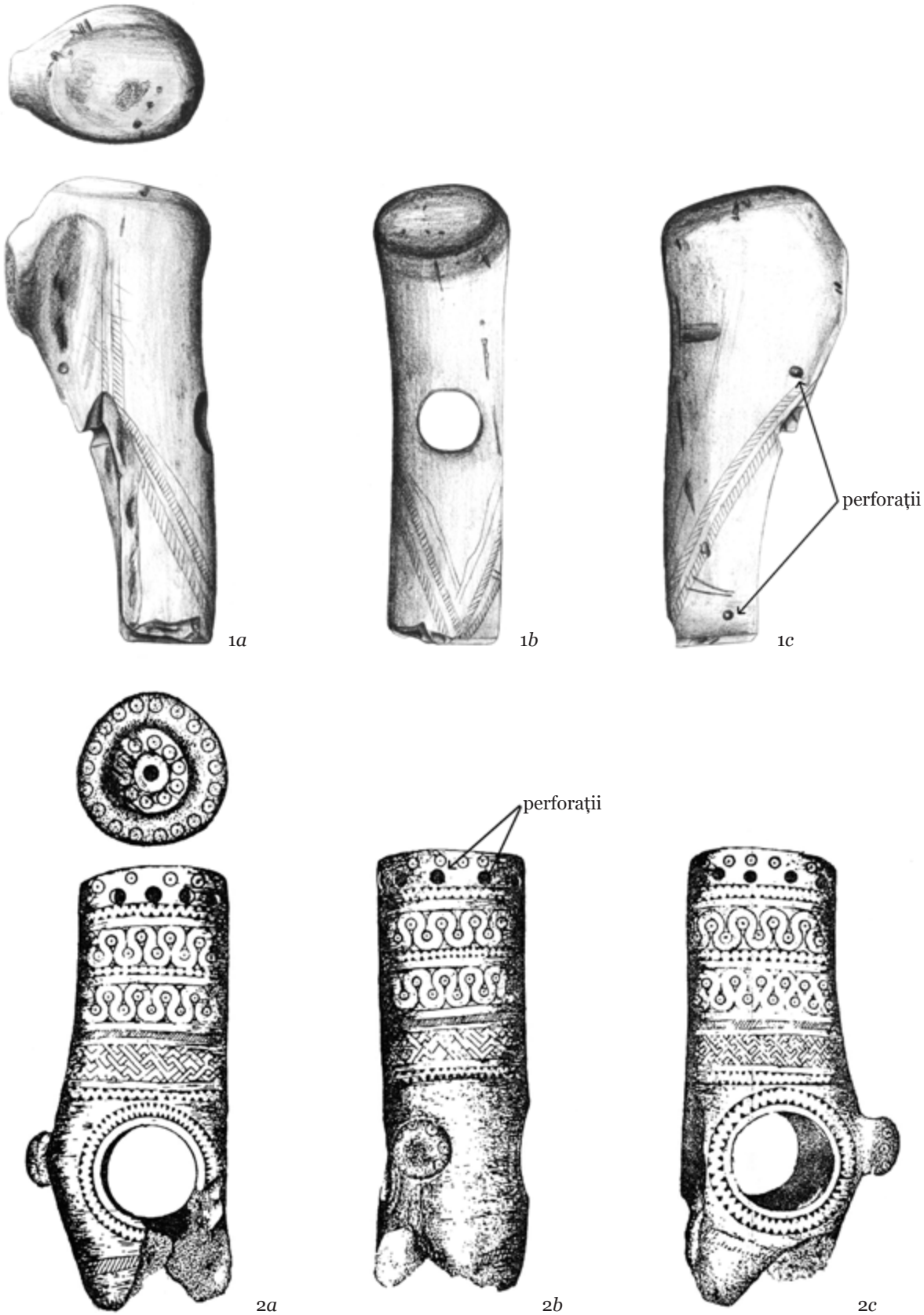


Fig. 4. Sceptre de corn: 1 - Boarta (după Popa, Ştefu 2009); 2 - Lancrăm (după Aldea 1973).

tre orizontale de triunghiuri haşurate, dispuse cu vârful în jos. Primul registru este alcătuit din şase triunghiuri, iar cel de-al doilea registru cuprinde şapte triunghiuri haşurate. Având în vedere locul descoperirii, obiectul poate să aparţină culturii Otomani, dar nu poate fi exclus un eventual import din mediul Wietenberg (Fazecaş 2005).

Dimensiuni: lungime – 9 cm; diametru – 3,7 cm; lăţimea perforaţiei – 1,8 cm.

6. Racoş (jud. Braşov) (fig. 5/4). Din situl de la Racoş-*Piatra detunată*, dintr-un context Wietenberg, provine o piesă din os, de formă aproximativ cilindrică, foarte bine şlefuită. Prezintă o perforaţie transversală pentru fixarea într-un mâner (Costea, Ştefănescu 2003, 28).

Dimensiuni: lungime – 11,2 cm; lăţime – 7,5 cm.

7. Sărata Monteoru (jud. Buzău) (fig. 3/2; fig. 5/2). În mormântul M. 71 din necropola nr. 4 a fost descoperită o piesă lucrată din corn de cerb. Obiectul are formă trilobată şi păstrează rozeta originală de la baza cornului, iar cele două ramuri au fost secţionate şi polizate. În zona centrală este prevăzut cu o perforaţie circulară (Bârzu 1989, 66, fig. 16/T 71, 1).

Dimensiuni: 7,5×6,0 cm.

8. Sibişeni[1] (jud. Alba). Săpătura arheologică efectuată în situl aflat în punctul numit *Deasupra satului*, a permis identificarea mai multor complexe arheologice, printre care şi o groapă (cu diametrul de 1,6 m), în umplutura căreia s-a găsit un sceptru de os, bucăţi mici de ocru, un vârf de săgeată şi fragmente ceramice Wietenberg II. Această groapă a fost interpretată ca fiind un complex de cult. Sceptrul este confecţionat din os, fiind decorat cu triunghiuri haşurate şi decoruri în zig-zag. Piesa nu este ilustrată (Andriţoiu, Popa 1999, 106; Andriţoiu, Popa, Simina 2004, 151).

9. Ulmu (jud. Călăraşi) (fig. 4/3). În partea de vest a satului, pe malul de nord-est al lacului Mostiştea, în punctul numit *La Caraman*, se află o aşezare Coslogeni. Dintre materialele recuperate din săpăturile arheologice se remarcă o piesă interpretată ca fiind un „fragment de săpăligă (?)". Obiectul este confecţionat din corn de cerb, fiind bine finisat, iar pe una din feţe prezintă mai multe preforaţii incomplete. În zona centrală a avut un orificiu care permitea fixarea într-un mâner (Morintz 1978, 135, fig. 73/9; Florescu 1991, 153-154, fig. 146/1). Având în vedere forma şi prezenţa acelor perforaţii pe suprafaţa piesei, credem că este vorba despre un obiect de reprezentare socială.

10. Verbicioara (jud. Dolj) (fig. 5/1). Într-un nivel inferior al staţiunii, atribuit culturii Verbicioara, a fost descoperită o piesă din corn de cerb, interpretată drept măciucă. Obiectul este trilobat şi păstrează rozeta de la baza cornului. În zona centrală are o perforaţie cilindrică, iar extremităţile sunt atent finisate (Berciu, Morintz, Maximilian 1957, 183, fig. 5).

Dimensiuni: lungime – 9,2 cm.

Observaţii tehnologice

Dacă ne referim la materiile prime utilizate pentru confecţionarea acestor obiecte, observăm predominarea celor realizate din corn de cerb, iar din os sunt cunoscute doar două exemplare. Pentru manufacturarea pieselor de corn se poate constata că s-au întrebuinţat segmente bazilare, în cazul pieselor de la Sărata Monteoru şi Verbicioara păstrându-se inclusiv rozeta de la nivelul craniului. Cel mai probabil, au fost preferate porţiunile de la partea inferioară a coarnelor pentru că sunt mai masive şi permit realizarea unor perforaţii suficient de mari pentru fixarea obiectelor într-un mâner (fig. 2).

Cele mai multe piese au suprafaţa atent finisată, dar există şi exemplare mai neîngrijit lucrate, care mai păstrează asperităţi caracteristice unei asemenea materii prime (Verbicioara, Cicău). După secţionarea ramificaţiilor cornului, zonele respective erau polizate foarte bine. Aproape toate piesele prezintă o perforaţie în zona centrală, cea mai des întâlnită fiind de formă circulară, dar sunt şi sceptre a căror perforaţie este rectangulară (Oradea şi Cicău).

Un alt aspect tehnologic priveşte extragerea parţială a substanţei spongioase din interiorul cornului şi înlocuirea golurilor obţinute cu cepuri confecţionate din corn sau os. Lucrul acesta se vede foarte bine la sceptrele de la Lancrăm, Oradea şi Cicău, iar explicaţia unei asemenea operaţiuni credem că poate fi dată de dorinţa artizanului sau a purtătorului de a avea un obiect îngrijit lucrat, sporindu-i astfel semnificaţiile. Şi piesa de la Bo-

[1] Piesa este menţionată în alte lucrări ca fiind descoperită la Vinţu de Jos, lângă Sibişeni (Lascu, Gheorghiu 2009, 594).

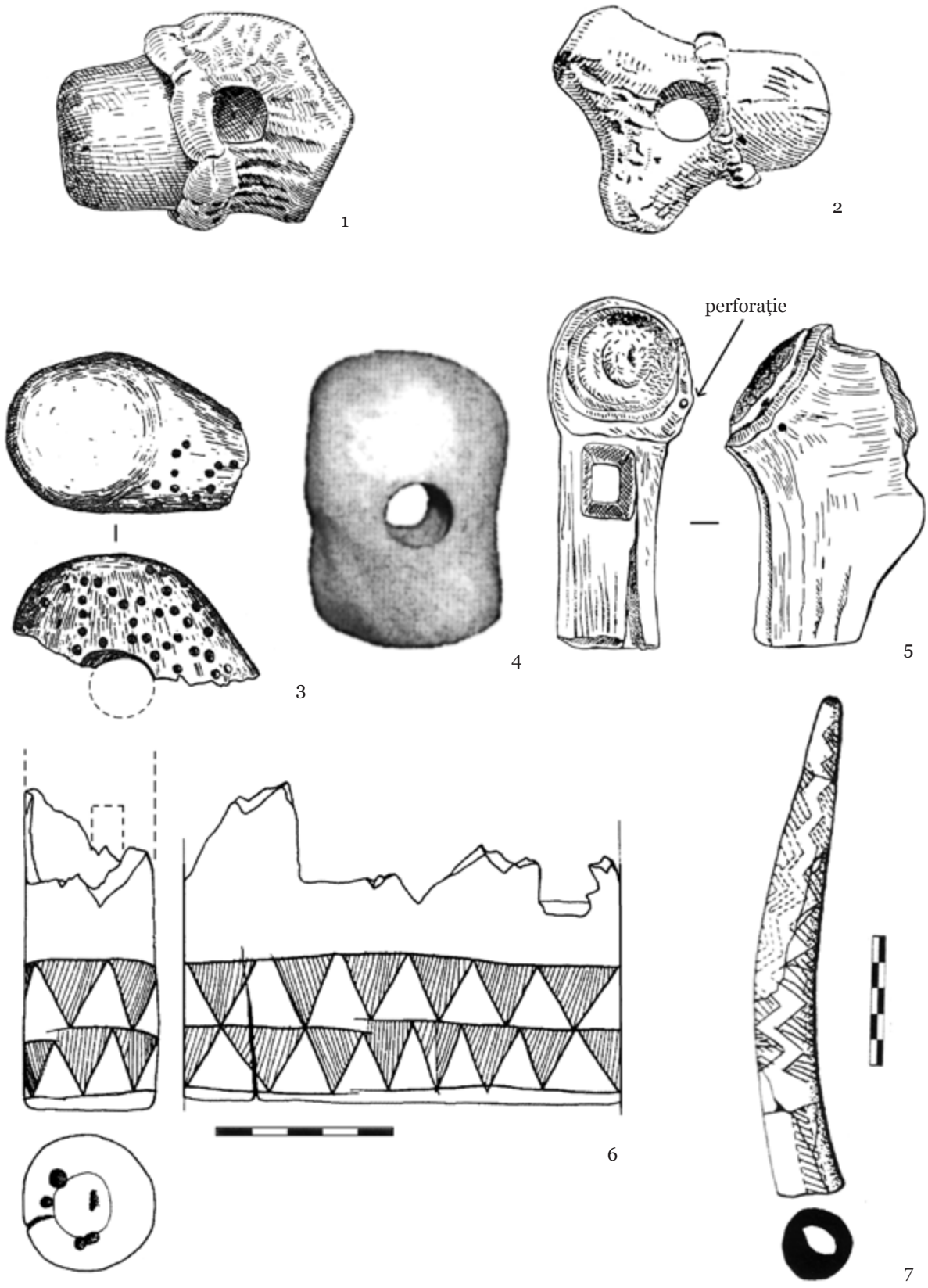


Fig. 5. Sceptre de corn şi os: 1 - Verbicioara (după Berciu, Morintz, Maximilian 1957); 2 - Sărata Monteoru (după Bârzu 1989); 3 - Ulmu (după Florescu 1991); 4 - Racoş (după Costea, Ştefănescu 2003); 5 - Cicău (după Winkler, Takács 1980); 6 - Oradea (după Fazecaş 2005); 7 - Bodeştii de Jos (după Munteanu 2010).

deşti a avut golit parţial interiorul, cel mai probabil pentru a permite fixarea obiectului într-un mâner de lemn.

Tot în contextul acestei discuţii trebuie să amintim că unele dintre sceptrele prezentate anterior păstrează pe suprafaţa lor elemente decorative, unele destul de simplist realizate, iar altele foarte elaborate. Motivele ornamentale constau în benzi de linii incizate, triunghiuri cu câmpul haşurat, meandre, cercuri şi simple perforaţii, dispuse pe întregul corp al pieselor, sau doar pe anumite zone ale acestora. Pentru că numărul artefactelor la care facem referire este mic, nu putem stabili predominarea unui anumit tip de decor, dar credem că împodobirea sceptrelor într-un stil aparte a fost strâns legată de apartenenţa la mediile culturale în care au fost create. Desigur, existenţa unor exemplare nedecorate poate pune sub semnul întrebării semnificaţia acestora. Erau ele mai puţin importante decât cele decorate? Sunt piese aflate într-un anumit stadiu de prelucrare? Sau rolul acestora nu avea de a face cu reprezentarea socială? Sporirea numărului descoperirilor va putea aduce, cu siguranţă, noi elemente de interpretare, dar o distincţie a semnificaţiilor şi importanţei acestor obiecte doar pe baza elementelor decorative nu credem că este oportună în stadiul cunoştinţelor din prezent.

Putem vorbi de o tipologie a lor?

Nefiind produse de serie, orice clasificare pe criterii formale a sceptrelor din corn şi os este pur orientativă. Identificarea în spaţii culturale diferite a unor piese asemănătoare se explică prin existenţa unor modele de gândire comune pentru areale geografice vaste, în care simbolurile de putere aveau aceeaşi manieră de reprezentare (vezi şi Ursulescu 2013, 20).

În cazul lotului studiat de noi, deşi restrâns numeric, pot fi deosebite două grupe distincte: piese cilindrice sau cvasicilindrice şi piese trilobate. Este evident faptul că forma acestor artefacte a fost determinată şi de materia primă din care au fost confecţionate, respectiv cornul de cerb şi osul. Fără să avem deocamdată certitudinea că există o conexiune între morfologia şi răspândirea lor, merită să amintim totuşi că piesele trilobate (Verbicioara, Sărata Monteoru şi probabil Ulmu) se întâlnesc doar în spaţiul extracarpatic, în timp ce exemplarele din prima grupă apar în Transilvania şi în vestul României (fig. 1).

Contextul descoperirii şi încadrarea culturală

Dintre cele zece piese pe care le discutăm în prezentul articol, doar un singur artefact a făcut parte din inventarul unui mormânt, iar restul au fost descoperite în aşezări. Din păcate, pentru cele din urmă, informaţiile nu sunt foarte detaliate, lipsind amănunte importante privitoare la contextul arheologic în care s-au găsit. O excepţie o poate reprezenta sceptrul de la Sibişeni, care a fost descoperit într-o groapă, alături de un vârf de săgeată, bucăţi de ocru şi fragmente ceramice, care ar putea indica existenţa unui complex de cult.

Exemplarul de la Sărata Monteoru este o piesă de mobilier funerar, fiind depus în spatele unui defunct adult, alături de un vas de tip kantharos (fig. 3).

În ceea ce priveşte atribuirea culturală a sceptrelor amintite, lucrurile sunt în general clare, fapt datorat condiţiilor de descoperire a respectivelor obiecte, găsite în asociere cu materiale arheologice tipice anumitor comunităţi ale epocii bronzului. Cele mai multe dintre piese sunt specifice culturilor bronzului mijlociu, precum Wietenberg, Otomani, Verbicioara, Costişa şi Monteoru, iar cu totul excepţional sunt întâlnite şi în bronzul târziu, în arealul Coslogeni. Piesa de la Boarta, deşi a fost atribuită culturii Coţofeni, ar putea să aparţină chiar locuirii Wietenberg, documentată totuşi sporadic în acest sit (Popa, Ştefu 2009, 8 şi nota 7). Necunoaşterea unui context clar de descoperire pentru obiectul amintit ridică însă anumite probleme în ceea ce priveşte o încadrare culturală precisă.

Faptul că în mediul Wietenberg apar patru astfel de obiecte (Lancrăm, Cicău, Sibişeni, Racoş), ne indică preferinţa respectivelor comunităţi umane pentru însemnele cu valoare socială confecţionate din os şi corn. Situaţia aceasta nu exclude posibilitatea ca şi în celelalte medii culturale, sceptrele din materii dure animale să fi avut o frecvenţă mai mare, dar numărul descoperirilor de până în prezent nu confirmă o astfel de ipoteză. În plus, tot simboluri sociale erau şi sceptrele confecţionate din piatră (mai ales în bronzul târziu) sau diversele artefacte metalice (spade, pumnale, topoare, vârfuri de lance) (Vulpe 2001, 355).

Deşi categoria de obiecte discutată în cadrul acestui articol nu are o bună reprezentare numerică în culturile epocii bronzului din România, se poa-

te constata că astfel de artefacte au avut un areal de răspândire cuprinzător, fiind descoperite şi în zonele învecinate, dar fără ca acest lucru să presupună obligatoriu un contact cultural. În acest context merită amintit că pentru exemplarul de la Lancrăm găsim o analogie destul de bună la Mikebuda (Ungaria) (Kovács 1977, 31, fig. 11/10; David 1997, 288, fig. 12/1), mai ales în ceea ce priveşte forma, iar pentru decor pot fi observate anumite similitudini cu un exemplar de la Beycesultan (Turcia) (David 1997, 288, fig. 13/2). Şi sceptrele trilobate apar în contexte culturale diferite; pe lângă exemplarele de la Verbicioara şi Sărata Monteoru, mai pot fi amintite exemplarele de la Cobâlnea (Republica Moldova) (Levitsckii, Sava 1993, fig. 14/3; Sava 2005, fig. 7/5), Jeljabovka (Ucraina) (Тощев 2003, таб. I/69) şi Jushni Bug (Ucraina) (Kluschinzew 1993, 75, fig. 2/7). Deşi pentru piesa de la Cobâlnea nu se fac precizări legate de semnificaţia sa, putem accepta ideea că este o piesă cu valoare socială, cel mai probabil o măciucă-sceptru, aflată într-un anumit stadiu de prelucrare. Tot în contextul acestei discuţii merită să amintim şi toporul-sceptru de la Dudarkov (Ucraina) (Березанськая и др. 1986, рис. 6/20), confecţionat tot din corn de cerb şi care a fost descoperit într-un mediu Mnogovalikovaja, deşi originea sudică a lui este evidentă prin decorurile care-l împodobesc (Lichardus 2001, Abb. 1).

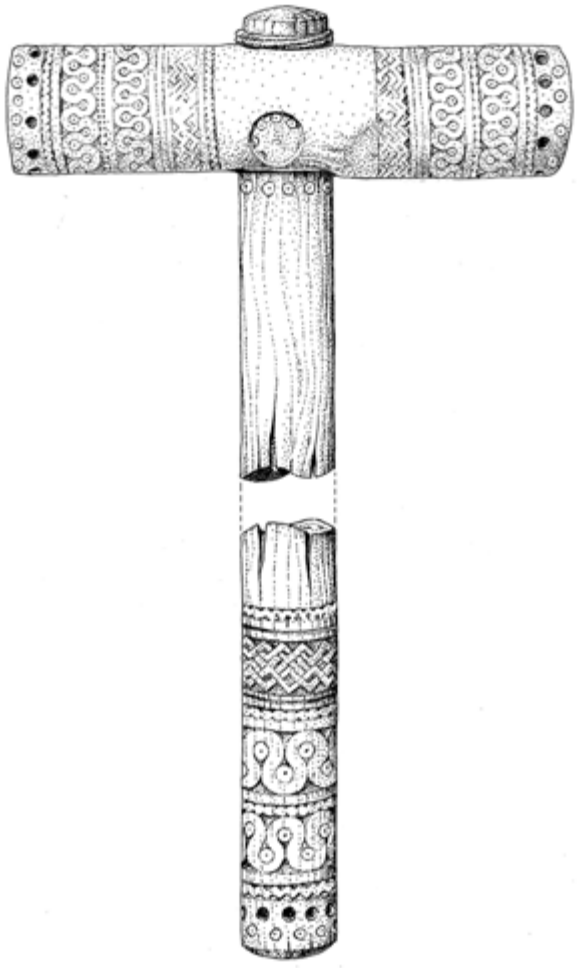


Fig. 6. Reconstituirea unui sceptru (desen D.G. Spatariu).

Semnificaţii

Un alt aspect privitor la sceptrele de corn şi os îl reprezintă stabilirea posibilelor semnificaţii ale acestor artefacte.

Prezenţa elementelor de decor pe multe dintre exemplarele menţionate mai sus este un argument important pentru a stabili rolul lor de însemn social. „Vizibilitatea" respectivelor obiecte impunea ornamentarea suprafeţei lor, dar, cel mai probabil, obiectul în sine era împodobit şi cu alte accesorii (fibre textile, fâşii de piele, pene), fapt ce se poate susţine tocmai prin prezenţa acelor perforaţii de mici dimensiuni întâlnite pe unele piese (Lancrăm, Boarta, Cicău). Fixate într-un mâner de lemn (fig. 6), asemeni topoarelor de luptă, sceptrele puteau întruchipa ideea de armă, ca simbol al războinicului. Presupunerea noastră îşi găseşte justificare mai ales prin precizările oferite de sursele literare antice, care ne spun, printre altele, că: „Mai mult decât toate divinităţile, cheronienii slăvesc sceptrul despre care Homer spune că l-a construit Hefaistos pentru Zeus, iar de la Zeus l-a luat Hermes şi i l-a dat lui Pelops, iar Pelops l-a lăsat moştenire lui Atreu, Atreu lui Thyestes şi de la Thyestes l-a luat Agamemnon. Aşadar, ei slăvesc acest sceptru, numindu-l <<lance>>" (Paus., IX, 40, 6). În această ordine de idei, am putea presupune că unele dintre piesele analizate în prezenta contribuţie (cu precădere cele trilobate) erau utilizate în confruntările militare, nu doar ca arme propriu-zise (măciuci/buzdugane), ci mai ales ca însemne ale războinicilor.

Este binecunoscut faptul că sceptrul, în sensul cel mai larg al cuvântului, a fost un obiect de distincţie socială, simbolul conducătorului, iar lucrul acesta poate fi acceptat inclusiv pentru epoca bronzului. Desigur, natura materialului din care era confecţionat îi conferea o importanţă anume, care se reflecta inclusiv în statutul posesorului.

Dacă sceptrele de piatră, prin duritatea rocii, semnificau puterea şi rezistenţa în timp, artefactele realizate din corn sau os aveau probabil alte implicaţii la nivel social. Este oare întâmplătoare confecţionarea majorităţii pieselor din corn de cerb? Sau această materie primă întruchipa, simbolic, vitalitatea şi forţa animalului de la care provenea! În ceea ce priveşte sceptrele metalice, discuţia poate fi mult mai amplă (a se vedea unele exemple în László 2006, 126-127, Abb.3), pornind inclusiv de la valoare materialului folosit (aur, argint), iar o confirmare a acestei idei o găsim în scrierile biblice: „Toţi cei ce slujesc regelui şi popoarele din ţările regelui ştiu că tot cel ce va intra la rege înăuntrul curţii, bărbat sau femeie, fără să fie chemat, ia o singură osândă: moartea. Numai acela spre care va întinde regele *sceptrul* său de aur scapă cu viaţă" (Estera 4, 11).

În analiza categoriei sceptrelor preistorice (din piatră, corn, os, metal), trebuie avută în vedere şi legătura dintre acestea şi tipurile de situri din care provin. Descoperirea unor astfel de artefacte în aşezări fortificate nu credem că poate fi un fapt întâmplător. În contextul prezentei discuţii, amintim că staţiunile de la Racoş, Bodeşti, Boarta sunt amplasate pe înălţimi şi dispun de elemente naturale de fortificare, ceea ce poate constitui o condiţie importantă pentru a le interpreta drept centre de putere, detaliu subliniat inclusiv prin prezenţa sceptrelor de os şi corn în inventarul lor.

Având în vedere că cel puţin unul dintre sceptrele discutate aici provine dintr-un context arheologic cu implicaţii cultuale, ne determină să credem că astfel de artefacte puteau fi utilizate în cadrul unor ceremonii cu caracter religios, devenind obiecte de cult. Şi în acest caz, apelul la sursele antice ne poate oferi o confirmare a presupunerilor noastre. Iată ce spunea Pausanias atunci când descria sceptrul lui Agamemnon: „Că este ceva foarte sfânt, o arată nu mai puţin marea lui faimă printre oameni. Se spune că a fost găsit la hotarele cheroneenilor cu panopeii din Focida şi, odată cu el, se spune că foceenii au găsit şi aur; în locul aurului, cheroneenii au preferat să păstreze *sceptrul*. *Sceptrul* a fost adus apoi în Focida, după cum cred, de către Electra, fiica lui Agamemnon. Nu s-a ridicat un templu comun pentru acesta, dar în fiecare an preotul păstrează *sceptrul* în interiorul unei clădiri. Îi aduce jertfe în fiecare zi şi există o masă aproape încărcată cu bucăţi de carne şi cu dulciuri" (Paus., IX, 40, 6).

Din punctul de vedere al semnificaţiilor pe care le aveau sceptrele din materii dure animale în epoca bronzului, situaţia întâlnită în mormântul M. 71 de la Sărata Monteoru este una aparte, în sensul că sceptrul depus alături de defunct a putut fi obiect de prestigiu în timpul vieţii, iar după deces, prin punerea în complexul funerar, a devenit piesă votivă.

Încheiere

Am analizat în paginile anterioare o categorie de artefacte destul de rar întâlnită în siturile epocii bronzului din România, dar care, privită în ansamblu, confirmă importanţa avută în rândul obiectelor de prestigiu existente în preistorie. Descoperite în aşezări şi foarte rar în complexe funerare, sceptrele de corn şi os se remarcă printr-o anumită varietate tipologică, dar şi a elementelor decorative, situaţie explicabilă în primul rând prin apartenenţa la medii culturale diferite. Din acest motiv şi simbolistica lor putea fi diferită, chiar dacă, în ansamblu, toate aveau rolul de a sublinia importanţa socială/religioasă/militară a unui personaj sau a unui grup de indivizi. Chiar dacă pentru timpurile preistorice interpretarea funcţiilor pe care le-au îndeplinit sceptrele are la bază doar anumite realităţi arheologice, credem că apelul făcut la sursele istoriografiei antice ne poate oferi unele soluţii. Pe lângă implicaţiile sociale, sceptrele aveau şi o posibilă valoare cultuală, putând fi chiar obiecte de veneraţie.

Bibliografie

Andriţoiu, Popa 1999: I. Andriţoiu, C.I. Popa, Sibişeni „Deasupra Satului", jud. Alba. In: Cronica Cercetărilor Arheologice din România. Campania 1998 (Bucureşti 1999), 105-107.

Andriţoiu, Popa, Simina 2004: I. Andritoiu, C.I. Popa, N.M. Simina, Raport de săpătură. Şantierul arheologic Vinţul de Jos-Deasupra satului. Acta Musei Porolisensis XXVI, 2004, 141-192.

Aldea 1973: I.Al. Aldea, Un sceptru de os din aşezarea Wietenberg de la Lancrăm (jud. Alba). Apulum XI, 1973, 25-34.

Bârzu 1989: L. Bârzu, La station de Sărata Monteoru: la nécropole no 4 de l'époque du bronze. Dacia N. S. XXXII, 1-2, 1989, 39-79.

Berciu, Morintz, Maximilian 1957: D. Berciu, S. Morintz, I. Maximilian, Şantierul arheologic Verbicioara (reg. Craiova, r. Pleniţa). MCA III, 1957, 179-187.

Boroffka, Sava 1998: N. Boroffka, E. Sava, Zu den steinernen ,,Zeptern/Stössel-Zeptern" „Miniatursäulen" und „Phalli" der Bronzezeit Eurasien. Archäeologische Mitteilungen aus Iran und Turan 30, 1998, 17-113.

Ciută, Ciută 2013: Sceptrul neolitic timpuriu de la Limba-Bordane. Între şaman şi preot. Terra Sebus. Acta Musei Sabesiensis 5, 2013, 11-30.

Costea, Ştefănescu 2003: Fl. Costea, R. Ştefănescu, Descoperiri arheologice recente în Defileul Oltului de la Racoş. In: (Coord. V. Cavruc) Noi descoperiri arheologice în sud-estul Transilvaniei (Sf. Gheorghe 2003), 11-30.

David 1997: W. David, Altbronzezeitliche Beinobjekte des Karpatenbeckens mit Spiralwirbel- oder Wellenbandornament und ihre Parallelen auf der Peloponnes und in Anatolien in frühmykenischer Zeit. In: The Thracian World at the Croassroads of the Civilisation, I (Bucureşti 1997), 247-305.

Dergačev 2002: V. Dergačev, Die äneolithischen und bronzezeitlichen Metallfunde aus Moldavien. PBF, XX, 9 (Stuttgart 2002).

Fazecaş 2005: G.T. Fazecaş, Un sceptru de os recent descoperit la Oradea - Salca ,,Fabrica de bere". Marmatia 8/1, 2005, 71-80.

Florescu 1991: A.C. Florescu, Repertoriul culturii Noua-Coslogeni din România. Aşezări şi necropole. Cultură şi Civilizaţie la Dunărea de Jos IX (Călăraşi, 1991).

Frânculeasa, Mirea 2007: A. Frânculeasa, P. Mirea, Asupra unei reprezentări zoomorfe descoperită în tell-ul Gumelniţa de la Ciolăneştii din Deal, jud. Teleorman. In: (Ed. C. Croitoru), Perspective asupra istoriei locale în viziunea tinerilor cercetători, III (Galaţi 2007), 37-46.

Irimia 2008: M. Irimia, Sceptre de piatră inedite din judeţul Constanţa şi unele consideraţii privind legăturile zonei vest-pontice cu spaţiul egeean în Bronzul târziu. Pontica 41, 2008, 79-117.

Jugănaru 2005: G. Jugănaru, Cultura Babadag, I (Constanţa 2005).

Kovács 1977: T. Kovács, Bronzezeit in Ungarn (Budapesta 1977).

Kluschinzew 1993: W.N. Kluschinzew, Sabbatische Siedlung „Jushni Bug". Cultură şi Civilizaţie la Dunărea de Jos X, 1993, 75-81.

Lascu, Gheorghiu 2009: I. Lascu, R. Gheorghiu, Un sceptru de corn din aşezarea din prima vârstă a fierului de la Alba-Iulia – „Dealul Furcilor - Monolit". Apulum XLVI, 2009, 593-599.

László 2006: A. László, Über die Beziehungen, die kulturelle und chronologische Lage der Bronzefunde vom Typ Ópályi - Uriu - Drajna de Jos - Lozova - Pobit Kamăk. In: (Hrsg. J. Kobal) Bronzezeitliche Depotfunde-Problem der Intrepretation, Materialien der Festkonferenz für Tivodor Lehoczky zum 175. Geburstag, Užhorod, 5-6 Oktober 2005 (Užhorod 2006), 124-143.

Levitsckii, Sava 1993: O. Levitsckii, E.N. Sava, Nouvelles recherches des établissements de la culture Noua dans la zone comprise entre le Prout et le Nistru. Cultură şi Civilizaţie la Dunărea de Jos X, 1993, 125-157.

Lichardus 2001: J. Lichardus, Die Geweihaxt von Dudarkov und die spätmykenischen Einflüsse im ukrainischer Raum. Eurasia Antiqua 7, 2001, 75-94.

Matasă 1946: C. Matasă, Village prehistorique à ceramique peinte dans la Moldavie du Nord, Roumanie (Bucureşti 1946).

Morintz 1978: S. Morintz, Contribuţii arheologice la istoria tracilor timpurii, I. Epoca bronzului în spaţiul carpato-balcanic (Bucureşti 1978).

Munteanu 2001: E.R. Munteanu, Sat Bodeştii de Jos, com. Bodeşti, jud. Neamţ. In: V. Cavruc, Gh. Dumitroaia, Cultura Costişa în contextul epocii bronzului din România (Piatra Neamţ 2001), 51.

Munteanu 2010: R. Munteanu, Începutul bronzului mijlociu în depresiunile marginale ale Carpaţilor Orientali. BMA XXIV (Piatra Neamţ 2010).

Popa, Simina 2004: C.I. Popa, N.-M. Simina, Cercetările arheologice de la Lancrăm-„Glod" (Alba-Iulia 2004).

Popa, Ştefu 2009: C.I. Popa, V. Ştefu, The antler sceptre from Coţofeni settlement of Boarta (Sibiu County). Crisia XXXIX, 2009, 7-16.

Rişcuţa 1995: N.C. Rişcuţa, Obiectele din os şi corn în cultura Wietenberg. In: Buletinul Cercurilor Ştiinţifice Studenţeşti, 1 (Alba Iulia 1995), 53-60.

Sava 2005: E. Sava, Die spätbronzezeitlichen Aschehügel („Zol'niki") - ein Erklärungsmodell und einige historisch-wirtschaftliche Aspekte. PZ 80, 2005, 65-109.

Ursu, Mitrea 2001: C.E. Ursu, I. Mitrea, Consideraţii asupra sceptrelor tronconice din piatră descoperite pe teritoriul României. Suceava XXVI-XXVII-XXVIII, (1999-2000-2001), 2001, 159-171.

Ursulescu 2013: N. Ursulescu, Unele comentarii cu privire la sceptrele preistorice figurative recent publicate. Cercetări Istorice S.N. XXXII, 2013, 11-31.

Vasiliev, Aldea, Ciugudeanu 1991: V. Vasiliev, I.Al. Aldea, H. Ciugudean, Civilizaţia dacică timpurie în aria intracarpatică a României. Contribuţii arheologice: aşezarea fortificată de la Teleac (Cluj-Napoca 1991).

Vulpe 2001: A. Vulpe, Structuri sociale şi credinţe religioase în epoca bronzului şi în prima epocă a fierului. In: (Coord. M. Petrescu-Dîmboviţa, A. Vulpe) Istoria Românilor, I, Moştenirea timpurilor îndepărtate (Bucureşti 2001), 353-378.

Winkler, Takács 1980: I. Winkler, M. Tacács, Săpăturile arheologice de la Cicău (jud. Alba). Descoperirile din epocile bronzului şi hallstattiană. Apulum XVIII, 1980, 23-59.

Березанськая и др. 1986: С.С. Березанськая, В.В. Отрощенко, Н.Н. Чередниченко, И.Н. Шарафутдинова, Культуры эпохи бронзы на территории Украины (Киев 1986).

Тощев 2003: Г. Тощев, Ранний период бронзы Крыма. In: (Red. E. Sava) Interferenţe cultural-cronologice în spaţiul nord-pontic (Chişinău 2003), 89-112.

Social symbols in the Bronze Age. Antler and bone scepters

Abstract

The present study discusses the antler and bone scepters specific for the Romanian Bronze Age. This type of objects have been found since the Neolithic period, they are frequently encountered during the Bronze Age and rarely discovered in the first period of the Iron Age.

The majority of the pieces are made of antler and only a couple of them are made of bone. Some of the pieces, beautifully decorated have a central perforation in order to fix it in a wooden handle.

Concerning the archaeological context of the findings, the majority of the objects were discovered inside the settlements and only one piece is part of the inventory of a tomb.

The antler and bone scepters have been discovered in different archaeological cultures since the Early Bronze Age, but the majority of the pieces are attributed to the Middle Bronze Age (the Monteoru, Wietenberg, Costişa, Otomani, Verbicioara cultures). For the Late Bronze Age we only know one item.

The signification of such items is primarily related to the social symbolism, but they can also be interpreted as cult objects in the case of their utilization during religious rituals.

List of illustrations:

Fig. 1. Dissemination of the antler and bone scepters in România: 1 - Boarta; 2 - Bodeştii de Jos; 3 - Cicău; 4 - Lancrăm; 5 - Oradea; 6 - Racoş; 7 - Sărata Monteoru; 8 - Sibişeni; 9 - Ulmu; 10 - Verbicioara.

Fig. 2. Antler fragments utilized as support for the manufacture of the scepters.

Fig. 3. Tomb 71 from the necropolis no. 4 in Sărata Monteoru (after Bârzu 1989).

Fig. 4. Antler scepters: 1 - Boarta (after Popa, Ştefu 2009); 2 - Lancrăm (after Aldea 1973).

Fig. 5. Antler and bone scepters: 1 - Verbicioara (after Berciu, Morintz, Maximilian 1957); 2 - Sărata Monteoru (after Bârzu 1989); 3 - Ulmu (after Florescu 1991); 4 - Racoş (after Costea, Ştefănescu 2003); 5 - Cicău (after Winkler, Takács 1980); 6 - Oradea (after Fazecaş 2005); 7 - Bodeştii de Jos (after Munteanu 2010).

Fig. 6. Reconstitution of a scepter (drawing D. G. Spatariu).

Социальные символы эпохи бронзы. Скипетры из рога и кости

Резюме

В данной статье рассматриваются роговые и костяные скипетры, относящиеся к эпохе бронзы на территории Румынии. Эти предметы появились еще в период неолита, но чаще встречаются в эпоху бронзы, тогда как в первый период железного века их количество уменьшается.

Большинство экземпляров изготовлены из оленьего рога, и лишь несколько – из кости. Кроме того, некоторые предметы красиво украшены и имеют перфорацию по центру для закрепления на деревянной рукоятке.

Что касается археологического контекста, большинство предметов были обнаружены на поселениях, и лишь один экземпляр был частью погребального инвентаря.

Скипетры из кости и рога встречаются в разных культурах с периода ранней бронзы, но большинство относятся к средней бронзе (культуры Монтеору, Виттенберг, Костиша, Отомань, Вербичоара). К позднему бронзовому веку относится лишь один предмет.

По нашему мнению, значение этих предметов имеет отношение к социальной символике, но они также могли являться предметами культа в случае их использования во время религиозных ритуалов.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Распространение скипетров из рога и кости на территории Румынии: 1 - Боарта; 2 - Бодештий-де-Жос; 3 - Чикэу; 4 - Ланкрэм; 5 - Орадя; 6 - Ракош; 7 - Сэрата Монтеору; 8 - Сибишень; 9 - Улму; 10 - Вербичоара.

Рис. 2. Фрагменты рога, использовавшиеся в качестве подставки при изготовлении скипетров.

Рис. 3. Могила М. 71 из погребения № 4 в Сэрата Монтеору (по Bârzu 1989).

Рис. 4. Скипетры из рога: 1 - Боарта (по Popa, Ştefu 2009); 2 - Ланкрэм (по Aldea 1973).

Рис. 5. Скипетры из рога и кости: 1 - Вербичоара (по Berciu, Morintz, Maximilian 1957); 2 - Сэрата Монтеору (по Bârzu 1989); 3 - Улму (по Florescu 1991); 4 - Ракош (по Costea, Ştefănescu 2003); 5 - Чикэу (по Winkler, Takács 1980); 6 - Орадя (по Fazecaş 2005); 7 - Бодештий-де-Жос (по Munteanu 2010).

Рис. 6. Реконструкция скипетра (рисунок Д.Г. Спатариу).

31.03.2014

Vasile Diaconu, Muzeul de Istorie şi Etnografie Târgu Neamţ, Complexul Muzeal Judeţean Neamţ, str. Ştefan cel Mare, 37, Târgu Neamţ, România, diavas_n82@yahoo.com.

PIESE DE BRONZ DESCOPERITE ÎN AŞEZĂRILE DE TIP NOUA-SABATINOVKA DIN SPAŢIUL PRUTO-NISTREAN

Mariana Sîrbu

De regulă, în literatura de specialitate, metalurgia perioadei tardive a epocii bronzului este axată mai mult pe depozitele de bronzuri, descoperite mai ales în afara aşezărilor, şi mai puţin pe piesele din bronz găsite în cadrul acestora. Prin urmare, studiul dat vine să facă o prezentare a materialului metalic descoperit în aşezările complexului cultural Noua-Sabatinovka din spaţiul Prut-Nistru[1]. Numeric, piesele din bronz cedează celor prelucrate din os, piatră şi lut – o situaţie cât se poate de firească având în vedere deficitul şi valoarea bronzului în perioada respectivă. Fie chiar şi numeric redusă, prezenţa pieselor lucrate din bronz în aşezările de tip Noua-Sabatinovka vorbeşte despre existenţa ramurii metalurgice în economia comunităţilor acestor culturi. Inventarul din bronz descoperit în aşezări este reprezentat de unelte, mai puţin de arme şi podoabe.

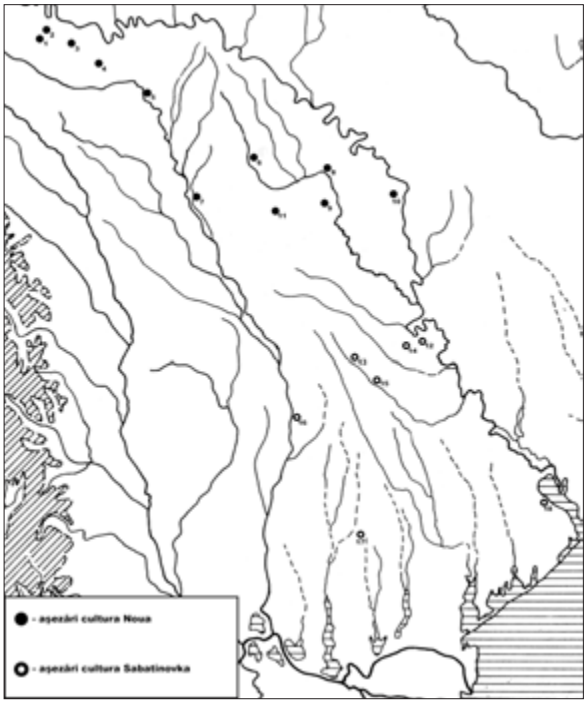


Fig. 1. Harta aşezărilor de tip Noua-Sabatinovka unde au fost descoperite piese din bronz: 1 - Ostrivec; 2 - Čertivec; 3 - Stecivka; 4 - Mahala; 5 - Slobozia-Şireuţi; 6 - Odaia-Miciurin; 7 - Petruşeni; 8 - Ghindeşti; 9 - Roşieticii Vechi; 10 - Cobâlnea; 11 - Grigoreuca; 12 - Bălăbăneşti; 13 - Hansca; 14 - Mereni; 15 - Gura Galbenei; 16 - Cucoara; 17 - Novoselica; 18 - Pivdenne.

Unelte

În zona vizată, această categorie este reprezentată de un celt, o daltă, câteva exemplare de seceri şi mai multe ace de cusut.

Celturile sunt descoperite de regulă în cadrul depozitelor de bronzuri şi se împart în câteva tipuri (fără, cu una, cu două urechiuşe). În cadrul aşezărilor de tip Noua-Sabatinovka cercetate până la momentul de faţă în spaţiul Prut-Nistru este cunoscut doar un singur celt, prevăzut cu urechiuşă laterală.

Celturile cu o urechiuşă laterală (fig. 2/1) (aşanumitul tip transilvănean de est) au faţeta arcuită, prevăzută cu un orificiu şi mai rar fără acesta. Au formă hexaedră în partea inferioară şi octaedră în cea superioară, lama arcuită şi marginile evidenţiate. Unele din ele sunt prevăzute pe faţete cu brâuri reliefate. Acestea pot avea faţetă îngustă şi tub de înmănuşare rotund sau faţetă lată şi tub de înmănuşare de formă ovală. Erau turnate în tipare bivalve. Unicul exemplar de celt de acest tip a fost descoperit în aşezarea culturii Sabatinovka de la Pivdenne (Черняков 1966, рис. 5; Дергачев 1986, рис. 51/5,) şi izolat la Recea, Iurceni, Suruceni (Дергачев 1982, рис. 2/3, 4, 7), Chişcăreni, Comrat (Uşurelu, Nicic 2003, 166, 168, fig. 1/1, 3). Restul celturilor de acest tip cunoscute în spaţiul Prut-Nistru, precum s-a menţionat şi mai sus provin din depozite de bronzuri (Мелюкова 1958, табл. 29/12; Дергачев 1973, 111-114; Дергачев

[1] Sincere mulţumiri domnilor E. Sava, O. Leviţki, V. Dergacev, Gh. Postică şi I. Niculiţă pentru permisiunea de a lucra cu piesele din bronz descoperite în aşezările complexului cultural Noua-Sabatinovka, cercetate de către aceştia în spaţiul Prut-Nistru.

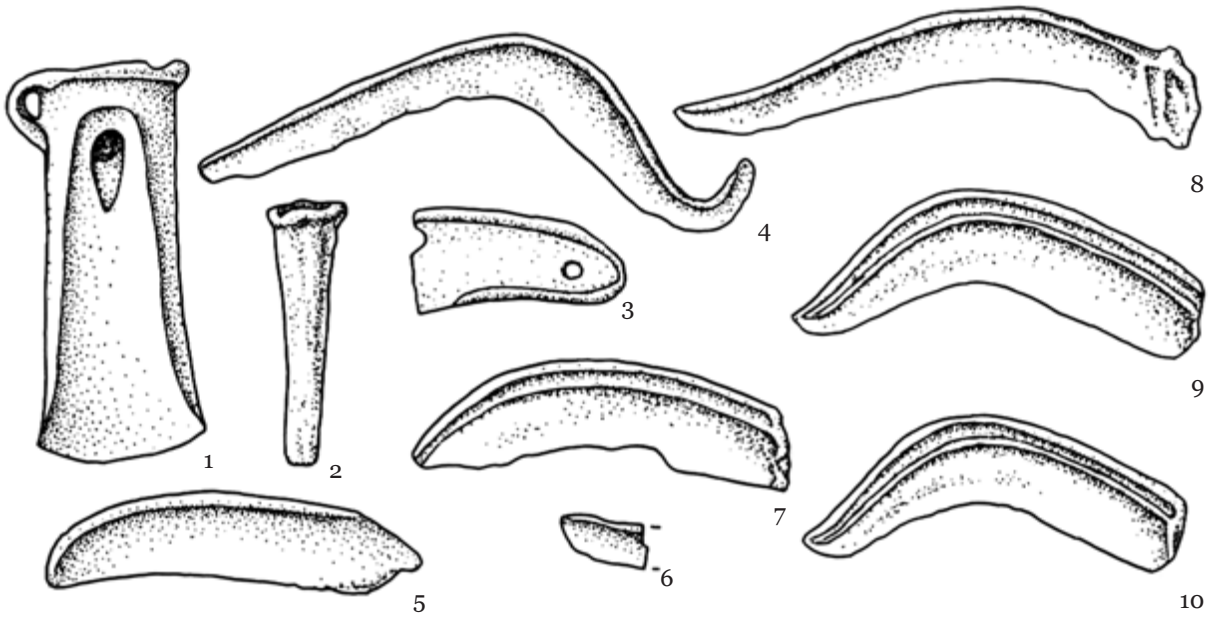


Fig. 2. Unelte. *Celt*: 1 - Pivdenne (după Черняков 1966, рис. 5). *Daltă*: 2 - Mahala (după Балагурі 1971, рис. 111/8). *Seceri*: 3 - Hansca (după Дергачев 1986, рис. 45/15); 4 - Mahala (după Смирнова 1969, 15, рис. 7/I 28); 5 - Roşieticii Vechi (după Мелюкова 1958, табл. XXVIII/1); 6-10 - Stecivka (după Крушельницка 2006, рис. 29/7-11).

2012, илл. III/22-25; Дергачев 2012a, илл. 2/1, 3/5). La est de Nistru sunt cunoscute analogii la Becilova (Дергачев 1986, рис. 52/1), Antonovka (Черняков 1985, рис. 63/11-15) iar la vest de Prut la Poiana Dulceşti, Tăvădăreşti, Tanacu (Florescu 1991, fig. 102-A/6, 105-A/11, 106-A/6). În arealul culturii Coslogeni o astfel de descoperire a fost făcută la Radovanu (Morintz 1978, fig. 86/1).

Dălţile specifice perioadei tardive a epocii bronzului se împart în două tipuri: dălţi-tesle şi dălţi canelate (în unele cazuri prevăzute cu ornament pe faţete) şi sunt descoperite de regulă în depozitele de bronzuri. Pentru moment, în urma cercetărilor arheologice efectuate în cadrul aşezărilor din spaţiul Prut-Nistru, este cunoscut doar un singur exemplar de daltă canelată.

Dălţile canelate (fig. 2/2) au corpul zvelt, alungit, îngustat progresiv spre lamă. Lama este faţetată, muchia de formă arcoidală în partea superioară şi marginile laterale curbate. Marginea tocului de înmănuşare este prevăzută cu bordură. Erau turnate în tipare bivalve. Unicul exemplar de daltă de acest tip a fost descoperit în aşezarea culturii de la Mahala (Балагурі 1971, рис. 111/8; Балагурі 1985, рис. 131/8). Celelalte dălţi de acest tip cunoscute în zona pruto-nistreană provin din depozite de bronzuri (Черняков 1985, 127, рис. 66/24; Дергачев 1973, 114; Dergačev 2002, Taf. 47/B4; Дергачев 2012a, илл. 2/2, 3/4; Sîrbu 2013, fig. 3/36, 4/9). Dălţi canelate sunt cunoscute la est de Nistru la Dudari, Malyi Bukrin, Starosel'e (Дергачев 2011, рис. 136/18, 19, 29), Trehizbennoe (Leskov 1981, Taf. 4/A2; Березанская и др. 1994, 122, рис. 36/26; Uşurelu 2010, 11, fig. 2/20; Дергачев 2011, 217, рис. 136/20), Sadovoe, Sukuluk, Lugovskaja (Uşurelu 2010, 11, fig. 2/10-12,16), Malye Kopani (Шарафутдинова 1982, рис. 59/10), iar la vest de Prut la Râşeşti (Petrescu-Dîmboviţa 1977, 76, pl. 85/5; Morintz 1978, 189, fig. 106/5; Дергачев 2011, 217, рис. 136/12), Ghermăneşti (Petrescu-Dîmboviţa 1977, 75, pl. 81/5; Дергачев 2011, 217, рис. 136/11), Ruginoasa (Petrescu-Dîmboviţa 1977, pl. 85/10; Leviţki 1994, 227, fig. 50/3; Bălan 2009, 21, pl. V/45), Odăile-Podari (Morintz 1978, fig. 53/2).

Secerile reprezintă cea mai numeroasă categorie de piese din bronz descoperite în arealul complexului cultural Noua-Sabatinovka, marea majoritate a acestora provenind din depozite de bronzuri. La rândul lor, acestea se împart în mai multe tipuri, în funcţie de formele şi dimensiunile lor. În urma cercetărilor arheologice efectuate

în cadrul aşezărilor de tip Noua-Sabatinovka din spaţiul Prut-Nistru sunt cunoscute două tipuri de seceri: a) cu două orificii la mâner (de tip Heleşteni); b) cu cârlig la mâner.

Seceri cu două orificii pe mâner (de tip Heleşeteni) (fig. 2/3). Acest tip de seceră are coarda uşor arcuită şi marginea opusă tăişului reliefată. Au limba mânerului îndoită sub formă de unghi, prevăzută cu unul sau două orificii de formă ovală (pentru fixarea mânerului din os sau lemn). Erau turnate în tipare monovalve închise. Secerile cu două orificii pe mâner sunt caracteristice culturii Noua (Дергачев, Бочкарев 2002, 237; Дергачев 2012, 157) şi reprezintă unul din cele mai răspândite tipuri de seceri descoperite în spaţiul în spaţiul carpato-nistrean. După părerea lui V. Dergacev, formele de turnat cu negativul acestui tip de seceră descoperite în depozitul de la Dneprovo-Kamenka (Гершкович 2009, 581, рис. 3/1, 2) permit presupunerea că acest tip de seceri erau turnate în atelierele culturii Sabatinovka din zona Niprului Inferior, fiind însă de cele mai dese ori realizate în arealul culturii Noua (Дергачев 2012, 157). În spaţiul dintre Prut şi Nistru singurul exemplar descoperit din aşezare a fost descoperit la Hansca (Дергачев 1986, рис. 45/15). Restul secerilor de tip Heleşteni provin din depozitele de bronzuri (Дергачев 1972, 67, рис. 2/1-4; Дергачев 1975, 32, рис. 2/4, 5, 9/7; Дергачев 1986, рис. 48/15, 16, 18, 52/5, 6; Дергачев 1997, рис. 6I/1; Dergačev 2002, Taf. 21/B1-2,4, 22/A3, 31/B6,7, 39/3-6, 41/B, 45/J; Дергачев 2012, 162, илл. III/9, 10; Дергачев 2012a, илл. 2/3; 3/3; Sîrbu 2013, fig. 3/24-30, 4/1-7). În arealul culturi Noua de la vest de Prut sunt cunoscute analogii la Cioreni, Râşeşti (Грекул, Дергачев 1969, 126; Березанская и др. 1985, рис. 131/19; Petrescu-Dâmboviţa 1953, fig. 10/6), Dodeşti (Florescu 1991, 278, fig. 106/9), Bălţaţi (Dascălu 2007, 394, pl. 60/25), Tomeşti (Petrescu-Dâmboviţa 1977, 77, pl. 86/7; Morintz 1978, 182, fig. 104/10), Ciorani, Ghermăneşti, Heleşteni, Râşeşti, Ruginoasa (Петреску-Дымбовица 1960, 158, рис. 6/7; Petrescu-Dîmboviţa 1964, fig. 3/8; Petrescu-Dîmboviţa 1977, 74-77, pl. 78/18, 81/6-8, 82/5, 6, 10, 11, 85/6, 85/14; Дергачев 1997, рис. 6I/1,3). La est de Nistru seceri de tip Heleşteni au fost descoperite la Ingul (Шарафутдінова 1971, 32, рис. 4/9-11; Morintz 1978, 185, fig. 109/11,12; Черных 1976, табл. XII/1-7, 12, 13, XIV/2, 4, 6-10, 13-16, XV/1-6, 8-14; Черняков 1985, 121, рис. 63/17, Березанская и др. 1994, 120, рис. 35/27), Bečilovo, Novotrajany (Черных 1976, 216, табл. XII/11; Суботін, Черняков 1982, 16, рис. 2/7, 15; Черняков 1985, рис. 60/7, 61/20, 32-25; Дергачев 1986, 181, рис. 52/5, 6), Pujaykovo (Черняков 1964, 131, рис. 3), Avraamovka (Шарафутдинова 1982, рис. 43/6; Дергачев 1997, рис. 6/I5)

Seceri cu cârlig la mâner (fig. 2/4). Acestea au lama lată, arcuită, cu muchia îngroşată, vârful lat şi bont sau ascuţit. Mânerul este lung, subţiat şi arcuit semicircular sau în unghi. Erau turnate în tipare monovalve închise. Singurul exemplar de seceră cu cârlig la mâner descoperit în aşezare este cel de la Mahala (Смирнова 1969, 15, рис. 7/I, 28). Izolat seceri de acest tip au fost descoperite la Cojuşna şi Grozeşti (Дергачев 1982, рис. 2/8, 11). Restul pieselor de acest tip cunoscute la momentul actual în zona Prut-Nistru provin din depozite de bronzuri (Дергачев 1973, 113; Дергачев 1986, рис. 48/21; Dergacev 1991, fig. 1/9, 3/17-19, 4/1, 2; Дергачев 2012, илл. III/11, 12; Черняков 1985, рис. 62/21-24; Sîrbu 2013, fig. 3/31, 4/8). Seceri cu cârlig la mâner sunt cunoscute şi în arealul culturii Noua de pe teritoriul Ucrainei de la est de Nistru la Oleševa (Балагури 1990, рис. 31/A) şi Antonovka (Сымонович 1966, рис. 3/5, 12, 14, 15). În arealul culturii Noua de la vest de Prut găsim analogii la Cândeşti (Florescu, Florescu 1990, fig. 16/4, 5), Dersca, Moşna, Şerbeşti, Tansa (Petrescu-Dâmboviţa 1953, 461, fig. 8, 11), Broscăuţi, Ilişeni (Dascălu 2007, pl. 63/49; 65/4, 5, 10, 13, 16, 21, 25, 27, 30, 31). Acest tip de seceră îşi găseşte analogii şi în cadrul culturii Srubnaja (Кривцова-Гракова 1955, рис. 14/10-12, 32/18).

În urma cercetărilor arheologice efectuate în aşezările de tip Noua-Sabatinovka din spaţiul pruto-nistrean sunt cunoscute şi câteva fragmente de seceri neatribuite tipologic din cauza lipsei mânerului. Acestea provin din aşezările culturii Noua de la Roşieticii Vechi (fig. 2/5), Grigoreuca (Мелюкова 1958, 31, табл. XXVIII/1; Мелюкова 1961, рис. 13/1, 2; Грекул, Дергачев 1969, 126) şi Stecivka (fig. 2/6-10) (Крушельницка 2006, 58, рис. 29/7-11).

Acele reprezintă categoria de piese din bronz cel mai frecvent descoperită în cadrul aşezărilor de tip Noua-Sabatinovka şi include ace simple, ace cu cap inelat şi ace cu cap rulat (de tip Rollenkopf).

Acele simple (fig. 3/1-13) au un picior drept sau curbat, prelucrat din sârmă subţire, rotundă în secţiune, un capăt ascuţit şi celălalt prevăzut cu orificiu. Acest tip de ac a fost descoperit în cadrul mai multor aşezări de tip Noua-Sabatinovka din zona Prut-Nistru, printre care pot fi menţionate cele din cadrul aşezărilor culturii Noua de la Ghindeşti (Мелюкова 1958, таб. 24/6- 8; Мелюкова 1961, рис. 12/9-11), Odaia-Miciurin (Sava, Kaiser 2004, fig. 15/4, 29/10; Sava, Kaiser 2006, fig. 34/3, 4; Сава, Кайзер 2011, рис. 72/5, 7, 8), Ostrivec (Балагурі 1968, рис. 3/3-4), Petruşeni (Левицкий 1985, рис. 24/2; Sava 1994, fig. 5/30), Mahala (Смирнова 1957, рис. 38/10, 13; Смирнова 1969, рис. 7/I, 26) şi a aşezării culturii Sabatinovka de la Cocoara (Бейлекчи 1974, рис. 4/2; Дергачев 1986, рис. 51/1; Sava 1994, fig. 6/28, 33). În arealul culturii Noua de pe teritoriul României ace simple sunt cunoscute la Zoltan (Cavruc 2003, 107, foto 233-237; 107, foto 242), Piatra-Neamţ, Dodeşti, Gârbovăţ, Cavadineşti, Zapodeni (Florescu 1991, fig. 103-A/11, 106-A/3, 4; 107-A/7, 108-A/17-19; 111-A/8-10), Râşeşti (Petrescu-Dâmboviţa 1958, 462, fig. 10/7; Березанская 1985, рис. 131/18), Crasnaleuca (Dascălu 2007, 126, pl. 61/94.1). Analogii sunt cunoscute şi în alte culturi parţial sincrone complexului cultural Noua-Sabatinovka ca, de exemplu, Belogrudovka (Березанская 1982, рис. 22/11; Березанская и др. 1994, рис. 38/37), Srubnaja (Лесков 1971, рис. 115/12; 117/22, 43).

Acele cu cap rulat (de tip Rollenkopf) (fig. 4/1-9) au piciorul înalt, lucrat din sârmă circulară în secţiune, vârful ascuţit, capul aplatizat şi răsucit lateral sub formă de spirală. Erau turnate în tipare bivalve, ulterior unul din capete se aplatiza cu ajutorul unei unelte brute, după care se rula. În arealul Prut-Nistru, ace de acest tip au fost descoperite în aşezările culturii Noua de la Ghindeşti (Мелюкова 1958, таб. 24/3, 5; Мелюкова 1960, 136, рис. 4/1-2, Мелюкова 1961, рис. 12/5, 7; Дергачев 1975, рис. 10/20,22; Дергачев 1986, 163, рис. 45/7, 8), Odaia-Miciurin (Sava, Kaiser 2006, fig. 34/1; Сава, Кайзер 2011, рис. 72/3, 4), Mahala (Смирнова 1969, рис. 7/I30; Смирнова 1976, рис. 2/5; Балагурі 1971, рис. 111/16; Березанская и др. 1985, 487, рис. 131/16), Ostrivec (Балагурі 1968, 145, рис. 3/9-12) şi în aşezarea culturii Sabatinovka de la Gura Galbenei (Дергачев 1975, рис. 10/4; Дергачев 1986, 17, рис. 51/3). Alt exemplar de ac de tip Rollenkopf provine din depozitul de bronzuri de la Antoneşti (Sîrbu 2013, fig. 3/10, 6/2). Pe teritoriul României piese analogice sunt cunoscute la Cândeşti (Florescu, Florescu 1990, 13, fig. 32/9), Zoltan (Cavruc 2003, 107, foto 232; 108, foto 239), Hărman, Corlăteni, Valea Lupului, Truşeşti, Poiana-Dulceşti, Târpeşti (Florescu 1991, fig. 98-A/8; 99-A/1, 7; 100-A/7, 8; 102-A/3; 103-A/1, Dascălu 2007, 65). În arealul culturii Noua de la est de Nistru piese analogice au fost descoperite la Berislav (Gerškovič 1999, Taf. 7/15, 16), Širokoe (Leviţki 2003, 383, fig. 47/31). Acest tip de ac este cunoscut şi în aşezările culturilor perioadei mijlocii a epocii bronzului din zona Carpaţi-Nipru (Кривцова-Гракова 1955, 55, рис. 12/28; Березанская и др. 1971, 103/2; Găvan 2013, pl. IX/6, XIII/2, 7, 9). Acele cu cap rulat sunt răspândite pe întreg continentul european, fiind cunoscute încă din eneoliticul timpuriu şi s-au păstrat în uz o perioadă îndelungată de timp (Găvan 2013, 154).

Acele cu cap inelat (fig. 4/14-16) au piciorul înalt lucrat din sârmă de bronz circulară în secţiune vârful ascuţit şi capătul opus în formă de inel. Erau turnate în tipare bivalve, fapt atestat de resturile vizibile de metal pe părţile laterale[2]. În spaţiul pruto-nistrean acest tip de ac a fost descoperit în aşezările culturii Noua de la Ghindeşti (Мелюкова 1958, таб. 24/2; Мелюкова 1961, рис. 12/2; Дергачев 1986, рис. 45/4), Slobozia-Şireuţi (Дергачев 1969, 116, таб. 3/17, Дергачев 1986, рис. 45/3), Odaia-Miciurin (Kaiser, Sava 2006, 152, Abb. 17/23, 162, Abb. 29/1; Сава, Кайзер 2011, 243, рис. 72/2), Mahala (Смирнова 1957, рис. 39/8; Смирнова 1969, рис. 7/I, 27). Alte ace de acest tip cunoscute la momentul de faţă în spaţiul vizat provin din depozite de bronzuri (Dergacev 1991, fig. 3/1-3; Бочкарев 2010, 172, рис. 1/7-9; Sîrbu 2013, fig. 3/11, 6/1). În arealul culturii Noua de la est de Nistru piese analogice sunt cunoscute la Novokievka (Gerskovič 1999, Taf. 44/3), Žabokruki (Балагурі 1971, рис. 111/14; Березанская и др. 1985, рис. 131/14), iar la vest de Prut, la Cândeşti (Florescu, Florescu 1990, fig. 32/18), Truşeşti, Gârbovăţ (Florescu 1991, fig. 100-A/1, 108-A/14). Acest tip de ac a fost descoperit şi în cadrul culturilor Lebedovskaja (Березанская 1982, рис. 20/1, 2), Belogrudo-

[2] Aceasta se observă mai bine în cazul acelor fără urme de uz, descoperite în cadrul depozitelor de bronzuri ca, spre exemplu, cel de la Dancu (Dergacev 1991, fig. 3/1-3).

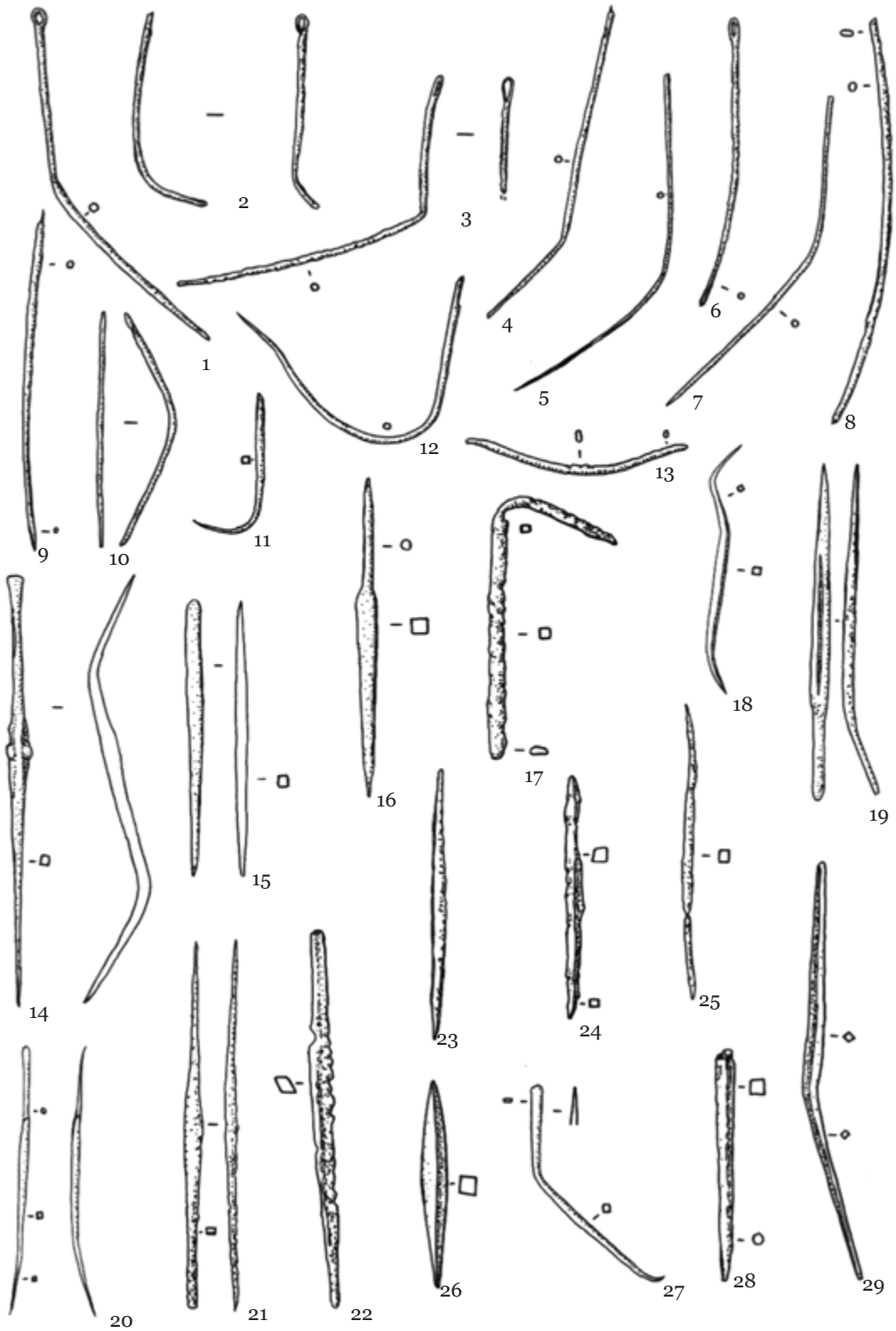


Fig. 3. Ustensile. *Ace simple*: 1, 4, 12 - Ghindeşti (după Мелюкова 1961, рис. 12/ 9, 10, 11,); 2, 3, 6, 7, 9 - Odaia-Miciurin (după Сава, Кайзер 2011, рис. 72/5, 7, 8, 15, 16); 5, 11 - Ostrivec (după Балагурі 1968, рис. 3/3, 4); 8 - Petruşeni (după Sava 1994, fig. 5/28); 10, 13 - Cocoara (Sava 1994, fig. 6/28, 33). *Sule/dăltiţă*: 14, 15, 17, 20, 27 - Odaia-Miciurin (după Сава, Кайзер 2011, рис. 72/1, 6, 9, 17, 18); 19 - Cocoara (după Бейлекчи 1974, рис. 4/4). *Sule*: 16 - Bălăbăneşti (după Никулица 1983, рис. 5/20); 18 - Odaia-Miciurin (după Сава, Кайзер 2011, рис. 72/20); 21 - Cobâlnea (după Демченко, Левицкий 1992, рис. 3/5); 22 - Ghindeşti (după Мелюкова 1961, рис. 12/1); 23, 24, 28 - Ostrivec (după Балагурі 1968, рис. 3/6, 14, 20); 25 - Stecivka (după Крушельницка 2006, рис. 21/12); 26 - Gura Galbenei (după Дергачев 1986, рис. 51/4), 29 - Petruşeni (după Sava 1994, fig. 5/30).

vka (Березанская 1971, рис. 114/9; Березанская 1982, рис. 22/25), Gava-Holigrady (Березанская и др. 1994, рис. 37/12).

Acele cu cap inelat şi de tip Rollenkopf erau probabil multifuncţionale, acestea fiind folosite şi pentru fixarea podoabei capilare în calitate de ace de păr.

Alt tip de ac, fără analogii până la momentul de faţă, este reprezentat de *acul cu urechiuşă laterală*, turnat în tipar bivalv, descoperit în aşezarea culturii Noua de la Ostrivec (fig. 4/21) (Балагурі 1968, 145, рис. 3/13; Балагурі 1971, рис. 111/7; Балагури 1990, 102, рис. 31/6; Березанская и др. 1985, рис. 131/17). La fel ca și acele descrise mai sus, acesta are piciorul lucrat din bară circulară în secţiune şi vârful conic, ascuţit. Capătul opus este îndoit şi unit cu piciorul, astfel formând o urechiuşă semiovală în plan. Luând în consideraţie faptul că acul are capătul lipit de picior prin turnare, putem presupune că acesta ar putea reprezenta un exemplar de ac cu cap inelat care a suferit o deformare în urma unei turnări defectuoase. De aici, ar rezulta şi lipsa analogiilor acestuia pe întreg arealul complexului cultural Noua-Sabatinovka. Un ac asemănător, cu urechiuşă laterală de dimensiune mai mică, a fost descoperit la Odaia-Miciurin (fig. 4/ 22) (Сава, Кайзер 2011, рис. 72/4).

În aşezările culturii Noua de la Ghindeşti (fig. 4/25) (Мелюкова 1958, таб. 24/4), Ostrivec (fig. 4/23, 24) (Балагурі 1968, 145, рис. 3/5, 21) şi Čertivec (fig. 4/26) (Крушельницка 2006, рис. 17/10) au fost descoperite fragmente de ace cu picior lung, lucrat din bară de bronz circulară în secţiune care, din cauza lipsei capătului, nu pot fi atribuite tipologic.

Sule (fig. 3/16, 18, 21-26, 28, 29). Sunt prelucrate din tijă de bronz de formă pătrată, trapezoidală sau rotundă în secţiune, cu unul sau ambele capete ascuţite. În spaţiul dintre Prut şi Nistru astfel de piese au fost descoperite în aşezările culturii Noua de la Ghindeşti (Мелюкова 1958, таб. XXIV/1; Мелюкова 1961, рис. 12/1), Petruşeni (Левицкий 1985, рис. 17/1, 5; Sava 1994, fig. 5/28), Odaia-Miciurin (Sava, Kaiser 2007, fig. 9/5, 7; Сава, Кайзер 2011, 243, рис. 72/6, 9), Cobîlnea (Демченко, Левицкий 1992, рис. 3/5), Ostrivec (Балагурі 1968, 145, рис. 3/6, 14, 20), Mahala (Смирнова 1969, рис. 7/I 22), Stecivka (Крушельницка 2006, рис. 21/12) şi în aşezările culturii Sabatinovka de la Bălăbăneşti (Никулица 1983, 11, рис. 5/20) şi Gura Galbenei (Дергачев 1986, рис. 51/4). Piese analogice sunt cunoscute pe întreg arealul complexului cultural Noua-Sabatinovka. La est de Nistru acest tip de piesă a fost descoperit la Stepovoe (Березанская и др. 1986, 102), iar în arealul culturii Noua de la vest de Prut, la Truşeşti, Bărboasa, Tăvădăreşti, Gârbovăţ (Florescu 1991, fig. 100-A/2, 104-A/7, 105-A/8, 109-A/24-30), Zoltan (Cavruc 2003, 108, foto 240 şi urm.), Vlădeni (Dascălu 2007, 125). Analogii sunt cunoscute şi în cadrul culturii Srubnaja (Лесков 1971, рис. 117/16, 36).

Sulele/dăltiţe (fig. 3/ 14, 15, 17, 19, 20, 27) au un capăt ascuţit şi altul aplatizat, amintind tăişul unei dăltiţe. Sunt de dimensiuni diferite, deseori prevăzute cu proeminenţă pe mijloc şi unul sau ambele capete îndoite. În spaţiul pruto-nistrean piese de acest tip au fost descoperite în aşezarea culturii Noua de la Odaia-Miciurin (Sava, Kaiser 2007, fig. 9/5, 7, 8; Сава, Кайзер 2011, рис. 72/1, 6, 9, 18) şi în cea a culturii Sabatinovka de la Cocoara (Бейлекчи 1972, рис. 4/4). În arealul culturii Noua de pe teritoriul României descoperiri de acest tip au fost făcute la Dodeşti, Poiana-Dulceşti, Văleni (Florescu 1991, fig. 102/7, 8, 106/2, 4), iar la est de Nistru, la Berislav (Gerskovič 1999, Taf. 7/14). Piese asemănătoare sunt cunoscute şi în cadrul culturilor Tšineck, Jamnaja (Березанская и др. 1971, рис. 77/4, 9, 10, 100/9, 10), Srubnaja (Кривцова-Гракова 1955, рис. 12/21; Березанская и др. 1985, рис. 127/14-16), Belogrudovka (Березанська 1971, рис. 114/13), Komarow (Ильинская 1960, рис. 5/4, 5).

Acele de păr se împart în mai multe tipuri:

Ace cu cap sferic şi patru protuberanţe în partea superioară a piciorului (fig. 4/10). Acest tip de ac are piciorul drept, lucrat din tijă circulară în secţiune, vârful este ascuţit, de formă conică. Capătul opus are formă sferică în plan, fiind perforat orizontal sau oblic, prevăzut cu un orificiu continuu care se finisează la nivelul sau puţin mai jos de cele patru protuberanţe plasate pe partea superioară a piciorului. Erau turnate în tipare bivalve. În zona dintre Prut şi Nistru ace de acest tip au fost descoperite în aşezările culturii Noua de la Ostrivec (Балагурі 1968, 144, рис. 3/1; Балагурі 1971, 391, рис. 111/22; Балагури 1990, 102, рис. 31/4; Березанская и др. 1985, 487, рис. 131/22) şi Mahala (Смирнова 1969, 15, рис.

7/I 25). Exemplarul de la Ostrivec are capul şi porţiunea până la protuberanţe ornamentată cu motive geometrice incizate (Балагурі 1971, рис. 111/22). Acest tip de ac este specific culturii Noua, fără analogii în cadrul altor culturi din perioada respectivă. În arealul culturii Noua de pe teritoriul României ace de acest tip au fost descoperite la Tăvădăreşti (Florescu, Căpitanu 1968, fig. 6/1; Florescu 1991, fig. 105-A/3; Dascălu 2007, 127), Corlăteni, Văleni, Piatra-Neamţ, Bărboasa (Florescu 1991, fig. 99-A/2; 102-A/10; 103-A/5; 104-A/10), Râşeşti (Балагурі 1971, рис. 111/18; Dascălu 2007, 127), Zoltan (Cavruc 2003, 107, foto 231). Analogii prelucrate din os sunt cunoscute la Ghindeşti (Мелюкова 1957, таб. 18/10; Мелюкова 1961, рис. 9/1; Дергачев 1986, рис. 45/11), Ostrivec (Балагурі 1968, 144, рис. 2/8) şi Mahala (Смирнова 1972, рис. 8/4), iar la vest de Prut la Gârbovăţ (Florescu 1991, fig. 139-A/6). La Baisa (România) a fost descoperit un ac de acest tip cu trei protuberanţe (Dascălu 2007, 127).

Acele cu capul rulat în bucle multiple (*de tip cipriot*) (fig. 4/20) au piciorul drept, lucrat din tijă circulară în secţiune şi vârful ascuţit, de formă conică. Partea superioară este înfăşurată spiralic cu sârmă subţire de bronz. Erau turnate în tipare bivalve. În zona Prut-Nistru sunt cunoscute două exemplare de acest tip, descoperite în aşezările culturii Noua de la Ostrivec (Балагурі 1968, 145, рис. 3/7; Балагурі 1971, рис. 111/15; Березанская и др. 1985, рис. 33/21; Березанская и др. 1986, рис. 131/15) şi Mahala (Балагурі 1971, 390). La est de Nistru este cunoscută piesa analogică descoperită la Sabatinovka (Березанская и др. 1994, рис. 35/18). În arealul culturii Noua de la vest de Prut analogii găsim la Văleni, Târpeşti, Piatra-Neamţ, Gârbovăţ (Florescu 1991, fig. 102-A/4; 103-A/3, 10, 11; 107-A/1-4, 8), Valea Lupului (Dascălu 2007, 65). Acele de tip cipriot sunt considerate podoabe specifice perioadei timpurii şi mijlocii a epocii bronzului din Europa Centarală, care în spaţiul carpato-nistrean sunt întâlnite şi în perioada tardivă a epocii bronzului (Găvan 2013, 154). Acest tip de ac este cunoscut şi în cadrul culturilor Otomani şi Komarow (Березанская и др. 1986, 108; Березанская и др. 1994, рис. 32/1, 33/8; Găvan 2013, pl. III/3, 4).

Acele cu cap sferic (fig. 4/11-13) au piciorul drept, lucrat din tijă circulară în secţiune şi vârful ascuţit, de formă conică. Capătul opus are formă sferică prevăzut de regulă cu un orificiu trasat oblic sau orizontal. Erau turnate în tipare bivalve. În zona Prut-Nistru, ace de acest tip au fost descoperite în aşezarea culturii Noua de la Petruşeni (Левицкий 1985, рис. 17/4; Sava 1994, fig. 5/29; Sava 1998, Abb. 24/6) şi în aşezările culturii Sabatinovka de la Hansca (Дергачев 1986, рис. 45/10; Каврук 1985, 83, рис. 3/1) şi Bălăbăneşti (Никулица 1983, 11, рис. 5/21). Analogii ale acestui tip de ac sunt cunoscute şi în arealul vestic a culturii Noua, în România, la Davideni şi Chirceşti (Florescu 1991, fig. 102-A/1, 111-A/6). Piese asemănătoare au fost descoperite şi în cadrul culturilor Mnogovalikovaja (Березанская 1982, рис. 4/7) şi Srubnaja (Лесков 1971, рис. 117/17).

Acele cu cap sferic uşor aplatizat şi proeminenţă în partea superioară (fig. 4/19) au piciorul lucrat din tijă circulară în secţiune şi vârful ascuţit, de formă conică. Capătul opus este sferic, uşor aplatizat. Pe partea superioară a piciorului este prevăzut cu o proeminenţă de formă bitronconică în plan. Erau turnate în tipare bivalve. În spaţiul Prut-Nistru sunt cunoscute două exemplare ale acestui tip de ac, descoperite în aşezările culturii Noua de la Mahala (Смирнова 1957, рис. 38/12; Смирнова 1960, рис. 7/I, 23) şi Ostrivec (Балагурі 1968, рис. 3/2).

Un fragment de ac de bronz turnat în tipar bivalv, a fost descoperit în aşezarea culturii Noua de la Roşieticii Vechi (fig. 4/18) (Мелюкова 1958, табл. XXVIII/3; Мелюкова 1961, рис. 12/3). Acesta reprezintă capătul superior al acului, lucrat în formă de romb din bară romboidală în secţiune. Rombul este prevăzut pe colţurile laterale cu două ineluşe păstrate fragmentar, lucrate din bară ovală în secţiune, cu diametrul de circa 1,0 cm. Colţul de sus al rombului continuă cu două bare ovale în secţiunea şi au forma literei „U" în plan, care, probabil, iniţial erau unite şi formau un al treilea inel de dimensiune mai mare decât cele laterale. Fragmentul de picior păstrat este lucrat din bară circulară în secţiune. Până nu demult, lipsa pieselor analogice şi asemănarea cu pandantivele cruciform-antropomorfe, au permis presupunerea că ar reprezenta un pandantiv (Diaconu 2012, fig. 2/8). În anul 2013, un ac de acest tip, păstrat integral (cu excepţia inelului de sus, care este rupt) a fost descoperit în nordul Republicii Moldova[3]. Aceasta ne permite cu certitudine determinarea exactă a funcţionalităţii acestuia şi

[3] Material inedit.

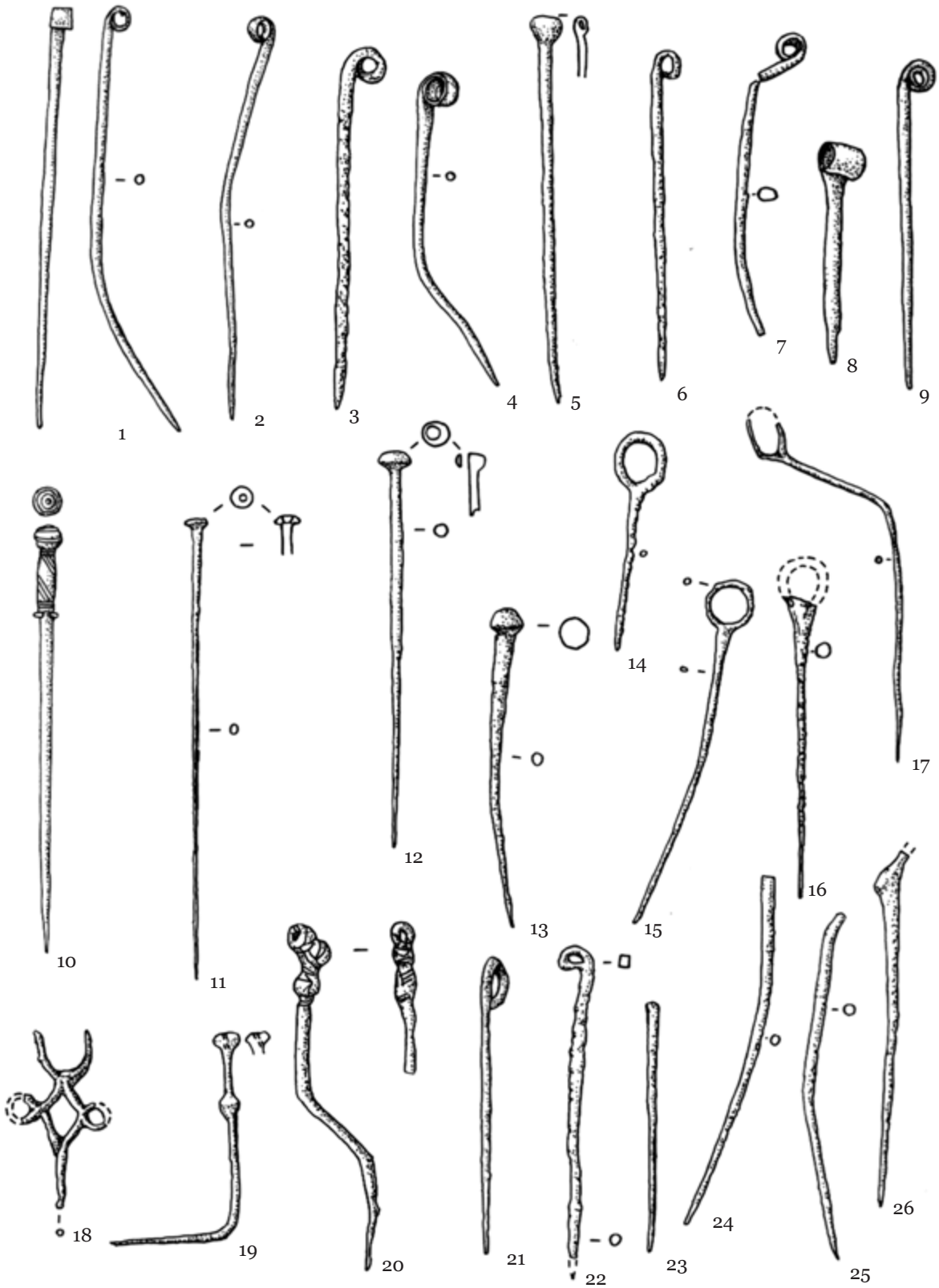


Fig. 4. Podoabe. *Ace de păr*: 1, 15, 22 - Odaia-Miciurin (după Сава, Кайзер 2011, рис. 72/2, 3); 2, 4, 17, 25 - Ghindeşti (după Мелюкова 1961, рис. 12/2, 3, 5-7); 3, 16 - Mahala (Смирнова 1957, рис. 39/8, Смирнова 1976, рис. 2/5); 5, 6 8-10, 19, 23, 24 - Ostrivec (după Балагурі 1968, рис. 3/1, 2, 7-13); 7 - Gura Galbenă (după Дергачев 1986, рис. 51/3); 11 - Hansca (după Каврук 1985, рис. 3/1); 12 - Bălăbăneşti (după Никулица 1983, рис. 5/21); 13 - Petruşeni (după Sava 1994, fig. 5/29); 14 - Slobozia-Şireuţi (după Дергачев 1969, таб. 3/17); 18 - Roşieticii Vechi (după Мелюкова 1961, рис. 12/3); 26 - Čertivec (Крушельницка 2006, рис. 17/10).

anume ca ac de păr. Acest tip de ac nu are analogii la momentul de faţă în arealul complexului cultural Noua-Sabatinovka din afara zonei Prut-Nistru.

Podoabele sunt reprezentate de aplice, pandantive şi brăţări.

Aplicele (fig. 5/1-4) au, de regulă, formă semisferică în plan (aşa-numitul tip calotiform), lucrate din placă subţire de bronz curbată în formă de calotă şi prevăzute pe partea interioară cu un cârlig lucrat din tijă subţire de bronz, dreptunghiulară în secţiune. Erau turnate în tipare bivalve. În spaţiul dintre Prut şi Nistru aplici de acest tip au fost descoperite în aşezările culturii Noua de la Ghindeşti (Мелюкова 1958a, табл. XXVIII/4; Мелюкова 1961, рис. 12/4), Cobîlnea (Левицкий 1985, рис. 24/9; Демченко, Левицкий 1992, рис. 2/12), Odaia-Miciurin (Сава, Кайсер 2011, 243, рис. 72/25), Ostrivec (Балагурі 1968, рис. 3/19, 23; Березанская и др. 1985, рис. 131/25). Alte exemplare cunoscute la momentul de faţă în spaţiul vizat provin din depozite de bronzuri (Дергачев 2012, илл. II/1, IV/1; Sîrbu 2013, fig. 3/1-3, 6/6-8). În arealul complexului cultural Noua-Sabatinovka de la est de Nistru sunt cunoscute analogii la Vyšetarasovka (Березанская и др. 1986, рис. 30/35) şi Solonec (Березанская и др. 1986, рис. 30/20), iar la vest de Prut, la Zoltan (Cavruc 2003, 109, foto 247) şi Ulmi-Liteni (Dascălu 2007, 129).

Pandantive (fig. 5/5-9). Prelucrate din plăcuţe de bronz, acestea au de cele mai dese ori formă cruciformă-antrapomorfă, trapezoidală cu inel sau de rozetă cu patru laturi înguste şi orificiu pe centru. Erau turnate în tipare monovalve închise. În aşezările de tip Noua-Sabatinovka din spaţiul Prut-Nistru sunt cunoscute cinci pandantive, dintre care două exemplare aparţin cu certitudine tipului de pandantiv cruciform-antropomorf cu placă triunghiulară şi braţe circulare provin din aşezările culturii Noua de la Mahala (Смирнова 1969, 15, рис. 7/I, 21; Березанская и др. 1986, рис. 33/17; Diaconu 2012, fig. 2/6) şi Ostrivec (Балагурі 1968, рис. 3/8; Балагури 1990, 102, рис. 31/3; Березанская и др. 1986, рис. 33/11, Diaconu 2012, fig. 2/7). Celelalte trei exemplare s-au păstrat fragmentar, doar partea inferioară şi au fost descoperite în aşezările culturii Noua de la Ghindeşti (Мелюкова 1958, таб. 28/2; Мелюкова 1961, рис. 13/3-4, Дергачев 1986, рис.45/14; Дергачев 2012, 167, илл.8/23,24) şi Odaia-Miciurin (Сава, Кайзер 2011, 243, рис. 72/26, Дергачев 2012, 167, илл. 8/25). Păstrarea lor fragmentară a permis interpretări diferite ale semnificaţiei acestora. A. Meljukova compară exemplarele descoperite la Ghindeşti cu „kobanskie sečki" şi le prezintă ca cuţite folosite la tăierea pielii (Мелюкова 1961, 32). V. Dergacev este de părerea că sunt fragmente de pandantiv cruciform-antropomorf cu placă triunghiulară şi braţe circulare (Дергачев 2012, илл. 8/23, 24, 25), pe când exemplarul de la Miciurin-Odaia este prezentat de E. Sava ca piesă cu utilitate incertă (Сава, Кайзер 2011, 241, рис. 72/26). Mai mult ca atât, piesa analogică din perioada mijlocie a epocii bronzului descoperită la Derşida (România) este considerată a fi dăltiţă (Găvan 2013, 161, pl. I/5). Având în vedere că exemplarele descoperite la Ghindeşti şi Odaia-Miciurin au urme de prelucrare pe lamă, putem presupune că acestea ar putea reprezenta fragmente de pandantive reutilizate în calitate de unelte. Alte exemplare cunoscute provin din depozite de bronzuri de (Дергачев 1986, рис. 48/23; Дергачев 2012, 167, илл. 6/5). Analogii ale acestui tip de pandantiv sunt cunoscute şi în arealul culturilor Noua-Sabatinovka de la est de Nistru, la Tašlyk, Deržev, Antonovka, Stepovoe, Solonec (Сымонович 1966, рис. 2/1, 2; Балагурі 1971, рис. 111/10; Лесков 1971, рис. 117/44; Березанская и др. 1986, рис. 33/5, 9, 12, 14, Дергачев 2012, илл. 8/16,19,20, Diaconu 2012, fig. 2/1, 2, 5, 12). Pe teritoriul României analogii au fost descoperite la Banca-Tăvădăreşti (Florescu, Căpitanu 1968, fig. 6/5, Florescu 1991, fig. 105-A/6, 7), Ulmi-Liteni (Florescu 1991, fig. 101-A/4, 7, Diaconu 2012, fig. 1/10-11), Băleni, Suceava (Дергачев 2012, илл. 8/2-8, 12,14, Diaconu 2012, fig. 1/1-6, 7-9, 2/11), Rigmani (Diaconu 2012, fig. 1/13). Analogii ale acestui tip de pandantiv sunt cunoscute şi în cadrul culturii Coslogeni (Diaconu 2012, fig. 1/14).

Brăţările au formă ovală în plan cu capetele îngustate, mai mult sau mai puţin apropiate şi sunt lucrate din bare de bronz ovale, circulare sau trapezoidale în secţiune. Acestea erau turnate în tipare bivalve. Pentru complexul cultural Noua-Sabatinovka sunt cunoscute brăţări simple (fără decor) şi brăţări cu decor. Până la momentul de faţă în aşezările din spaţiul pruto-nistrean au fost descoperite doar brăţări simple, fără decor. De regulă, brăţările cu decor din benzi unghiulare,

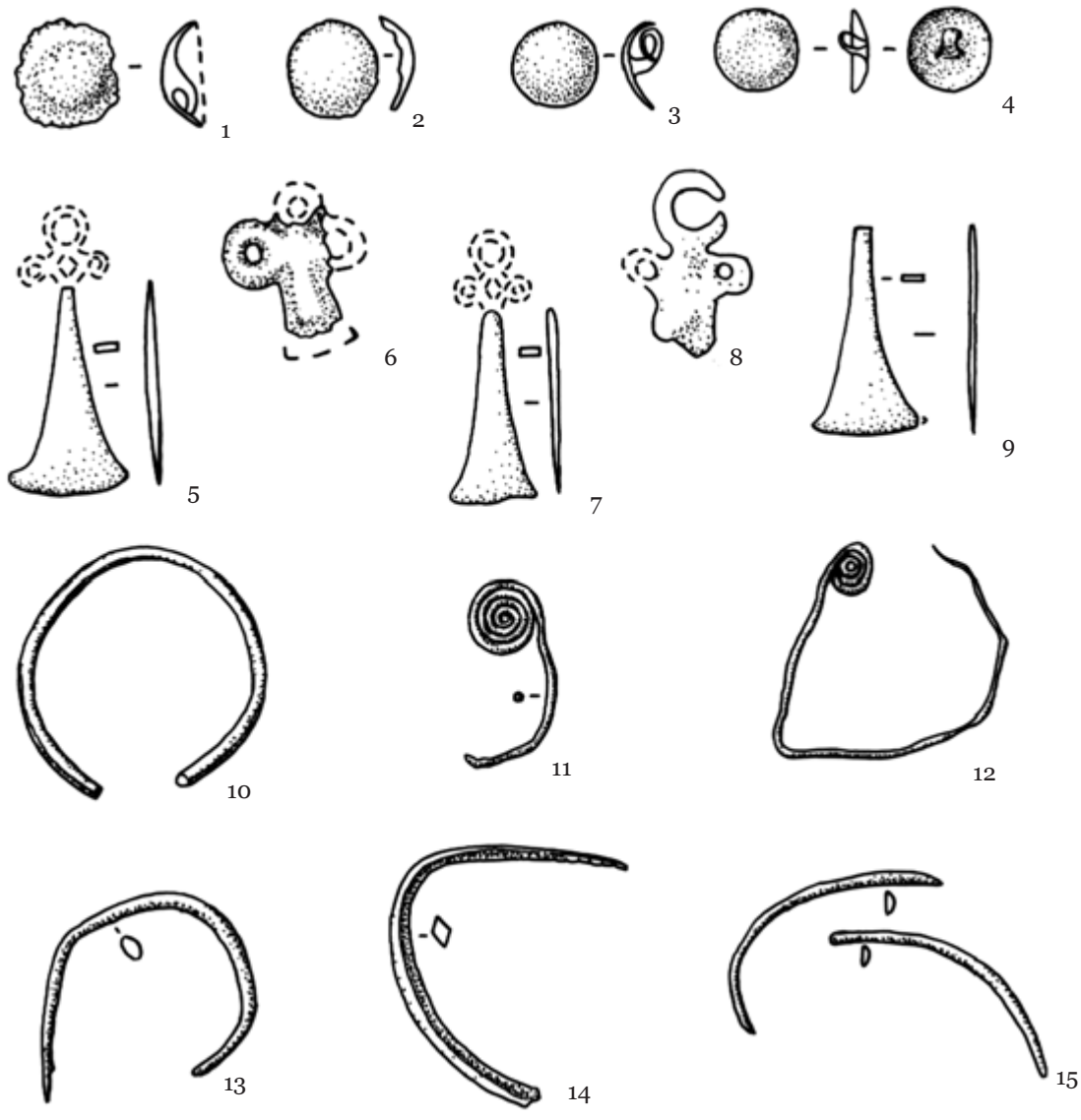


Fig. 5. Podoabe. *Aplici*: 1 - Ghindeşti (după Мелюкова 1961, рис. 12/4); 2 - Ostrivec (după Балагурі 1968, рис. 3/19); 3 - Cobâlnea (după Демченко, Левицкий 1992, рис. 2/12) 4 - Odaia-Miciurin (după Сава, Кайзер 2011, рис. 72/25). *Pandantive*: 5, 7 - Ghindeşti (după Дергачев 2012b, илл. 8/23, 24); 6 - Ostrivec (după Балагурі 1968, рис. 3/8); 8 - Mahala (după Смирнова 1969, 15, рис. 7/I 21); 9 - Odaia-Miciurin (după Сава, Кайзер 2011, рис. 72/26). *Brăţări*: 10, 13 - Ostrivec (după Балагурі 1968, рис. 3/15, 16); 14 - Ghindeşti (după Мелюкова 1961, рис. 12/12); 15 - Roşieticii Vechi (după Мелюкова 1961, рис. 12/8). *Piesă de podoabă*: 11 - Odaia-Miciurin (după Сава, Кайзер 2011, рис. 72/27); 12 - Ostivec (după Балагурі 1968, рис. 3/22).

dungi gravate sau punctate provin din depozite de bronzuri (Dergacev 1991, fig. 3/4-6; Дергачев 2012, илл. II/2, 3, IV/2, 3; Sîrbu 2013, fig. 3/14, 6/16).

Brăţările simple (fig. 5/10, 13-15) au forma ovală în plan, lucrate din bare de bronz ovale, circulare sau trapezoidale în secţiune, cu capetele mai mult sau mai puţin apropiate. În arealul Prut-Nistru acest tip de brăţară a fost descoperit în aşezările culturii Noua de la Ghindeşti (Мелюкова 1958, табл. XVIII/5; Мелюкова 1961, рис. 12/8), Roşieticii-Vechi (Мелюкова 1958, табл. XVIII/6; Мелюкова 1961, рис. 12/12) şi Ostrivec (Балагурі 1968, 145, рис. 3/15, 16, Балагурі 1971, рис. 111/23). Alte brăţări de acest tip au fost descoperite în depozite de bronzuri (Dergacev 1991, fig. 3/7-11; Sîrbu 2013, fig. 3/15, 16, 6/14, 15). La vest de Prut analogii ale acestora sunt cunoscute la Bărboasa, Tăvădăreşti, Gârbovăţ (Florescu 1991, fig. 104-A/1, 104-A/2, 105-A/10, 108-A/10,

13), Zoltan (Cavruc 2003, 109, foto 244 şi urm.), Valea Lupului, Mihălăşeni (Dascălu 2007, 128). În arealul culturii Noua de la est de Nistru piese de acest tip au fost descoperite la Potočesko, Gruška (Березанская и др. 1985, рис. 131/12, 13), analogii ale acestora fiind cunoscute şi în cadrul culturilor Srubnaja (Кривцова-Гракова 1955, рис. 14/8) şi Belogrudovka (Березанська 1971, рис. 114/14).

Atribute de podoabă (fig. 5/11, 12). În cadrul aşezărilor de tip Noua uneori sunt descoperite sârme de bronz cu unul din capete răsucit în formă de cerc concentric. Au dimensiuni diferite, diametrul capătului răsucit variind de regulă între 1,0 şi 4,0 cm. Posibil, acestea reprezintă semifabricate sau fragmente de fibule „passementerie" de tipul celor descoperite la Rafaila (România) (Petrescu-Dâmboviţa 1953, fig. 9/1, 2). Cu aceeaşi probabilitate acestea pot fi şi fragmente de braţări de tipul celor cunoscute în cadrul culturilor Komarow şi Srubnaja (Березанская 1982, рис. 12/18, 54/3, 13). În zona Prut-Nistru descoperiri de acest gen au fost făcute în aşezările culturii Noua de la Slobozia-Şireuţi (Дергачев 1969, табл. III/18), Odaia-Miciurin (Sava, Kaiser 2004, fig. 29/9; Сава, Кайзер 2011, рис. 72/27; Kaiser, Sava 2006, 152, Abb. 17/14) şi Ostrivec (Балагурі 1968, 145, рис. 3/22). Încă un exemplar provine din depozitul de bronzuri de la Antoneşti (Sîrbu 2013, fig. 3/7, 6/10). În arealul culturii Noua de la vest de Prut astfel de piesă a fost descoperită la Banca-Tăvădăreşti (Florescu, Căpitanu 1968, fig. 6/4). Piese asemănătoare sunt cunoscute şi în cultura Belogrudovka (Ромашко 1995, рис. 20/4).

Armele sunt descoperite destul de rar în aşezări, în marea majoritate a cazurilor acestea provenind din depozite de bronzuri. În aşezările de tip Noua-Sabatinovka din spaţiul pruto-nistrean această categorie este reprezentată două pumnale, trei vârfuri de săgeată şi un topor de luptă.

Pumnalele (fig. 6/4, 5) au lamă simplă foliformă, prevăzută cu nervură mediană şi penduncul simplu dreptunghiular în secţiune. Erau turnate în tipare bivalve. În zona dintre Prut şi Nistru sunt cunoscute doar două pumnale descoperite în aşezări. Primul exemplar a fost găsit în cadrul aşezării culturii Noua de la Mahala (Смирнова 1969, рис. 7/I 29; Черняков 1985, рис. 57/16). Acesta are lama foliformă alungită, prevăzută cu nervură mediană care se lărgeşte treptat spre peduncul, finisându-se în formă de picătură aplatizată. Peduncul este dreptunghiular în secţiune cu capătul aplatizat şi uşor arcuit. Pumnalul descoperit în aşezarea de tip Sabatinovka de la Mereni (Постикэ 1987, рис. 15; Sava 2002, 71, fig. 3/8) are lama foliformă, cu nervură mediană şi este prevăzut cu aplatizare între mâner şi lamă, fiind morfologic apropiat pumnalelor descoperite în cadrul complexelor funerare de la Krasnyj Perekop, care se datează cu etapa Presabatinovka (Sava 2002, 83). Pumnalul descoperit la Mereni este singurul exemplar din acest tip de pumnale descoperit în arealul vestic al culturii Sabatinovka. Alte pumnale cunoscute în zona Prut-Nistru au fost descoperite izolat la Goian, (Дергачев 1973, 113), Glijeni (Uşurelu, Nicic 2003, fig. 2/2) şi în cadrul depozitelor de bronzuri (Dergacev 1991, fig. 1/8; Дергачев 1986, рис. 48/14, 27; Черняков 1985, рис. 62/1, 5, 7, Sîrbu 2013, fig. 3/17-23, 5/1-7). Pumnale de tipul celor menţionate mai sus sunt cunoscute şi în arealul culturii Noua din România la Truşeşti, Gârbovăţ, Rogojeni (Florescu 1991, fig. 100-A/5, 109-A/23, 111-A/11), Monteoru, Copăceanca, Crucişoara, Răcătău (Дергачев 2011, рис. 146/1-4), Ulmu-Liteni (Dascălu 2007, 126), Mogoşeşti (Petrescu-Dâmboviţa 1953, 473). La est de Nistru descoperiri asemănătoare au fost făcute la Novopetrovka, Vysšetarasovka (Березанская и др. 1986, 106, рис. 30/1, 2, 13, 14, 25, 28). Piese analogice sunt cunoscute şi în cadrul culturii Coslogeni (Morintz 1978, fig. 52/2, 3).

Vârfurile de săgeată (fig. 6/1-3) sunt, de regulă, lucrate din placă de bronz şi au formă triunghiulară sau romboidală în plan. Sunt cunoscute vârfuri de săgeată cu peduncul de fixare, mai rar cu tub de înmănuşare. Erau turnate în tipare monovalve închise. În zona pruto-nistreană au fost descoperite trei exemplare de vârf de săgeată cu peduncul de fixare. Acestea provin din aşezarea culturii Noua de la Mahala (Смирнова 1969, 15, рис. 7/I 24) şi din cele ale culturii Sabatinovka de la Cocoara (Sava 1994, fig. 6/30) şi Novoselica (Тощев, Черняков 1986, 128, рис. 6/3-5). Acest tip de săgeată este cunoscut în cadrul mai multor culturi din perioada târzie a epocii bronzului din Europa Centrală, de Vest şi Sud-Est. O valvă de turnat cu negativul unui vârf de săgeată asemănător exemplarului de la Novoselica a fost des-

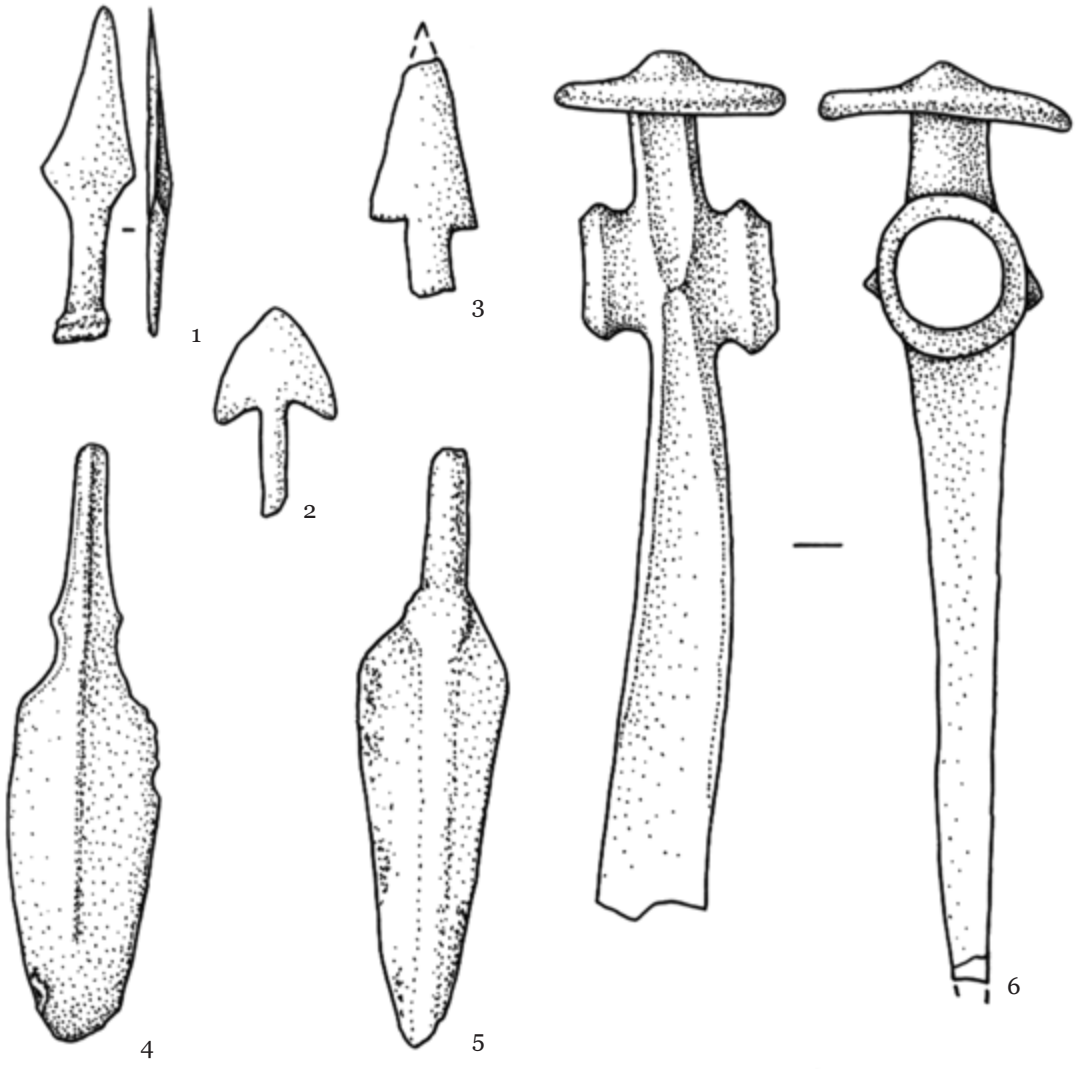


Fig. 6. Arme. *Vârfuri de săgeată*: 1 - Cocoara (Sava 1994, fig. 6/30); 2 - Novoselica (după Тощев, Черняков 1986, 128, рис. 6/4); 3 - Mahala (după Смирнова 1969, рис. 7/I, 24), 29). *Pumnale*: 4 - Mereni (după Sava 2002, fig. 3/8); 5 - Mahala (după Смирнова 1969, рис. 7/I, 29). Topor de luptă: 6 - Stecivka (după Крушельницка 2006, рис. 29/6).

coperit în aşezarea culturii Sabatinovka de la Suvorov (Тощев, Черняков 1986, 128). În arealul culturii Noua din afara spaţiului Prut-Nistru vârfuri de săgeată au mai fost descoperite la Kirovo (Ucraina) (Березанская и др. 1994, рис. 35/31) şi Cândeşti (România) (Florescu, Florescu 1990, fig. 16/6).

Pentru perioada tardivă a epocii bronzului sunt caracteristice şi topoarele ofensive, care se împart, la rândul lor, în câteva tipuri. În aşezările complexului cultural Noua-Sabatinovka din spaţiul Prut-Nistru, cercetate până la momentul de faţă, este cunoscut doar un singur topor ofensiv prevăzut cu disc pe ceafă.

Topoarele de luptă cu disc pe ceafă (fig. 6/6) sunt masive, au corpul zvelt, de formă trapezoidală cu marginile ridicate. Tubul de îmnănuşare este transversal, prevăzut pe ambele capete cu brâu reliefat romboidal în secţiune. Ceafa are formă dreptunghiulară în secţiune şi se finisează cu un disc conoidal. Erau turnate în tipare bivalve. Unicul exemplar al acestui tip de topor ofensiv cunoscut în spaţiul pruto-nistrean a fost descoperit în aşezarea culturii Noua de la Stecivka (Крушельницка 2006, рис. 29/6). Analogii ale acestuia se cunosc la est de Nistru la Velikaja Began', Tišovo (Березанская и др. 1985, рис. 129/11, 12), Žuravli (Березанская и др. 1985, рис.

135/25; Черняков 1985, рис. 59/2, 3), Kurlov (Черняков 1985, рис. 64/1), Kolodne (Балагурі 1971, рис. 109/3). Acest tip de topor este caracteristic mai mult perioadei mijlocii a epocii bronzului (Petrescu-Dîmboviţa 1977, pl. 3/5, 4/1, 6, 7/9, 8/1-3, 10/1, 13/4-5, 14/1-4). În perioada tardivă fiind mai des întâlnit tipul de topor cu disc şi spin pe ceafă, cu tubul de înmănuşare lung, prevăzut cu bordură pe margini (Petrescu-Dîmboviţa 1977, pl. 52/1-3, 59/5-12, 60/12-16, 69/1-8).

Pe lângă piesele menţionate mai sus, în cadrul aşezărilor de tip Noua-Sabatinovka mai sunt descoperite diferite fragmente de plăcuţe (Бейлекчи 1972, рис. 4/3; Балагурі 1968, рис. 3/17; Сава, Кайзер 2011, рис. 72/22), tije circulare sau dreptunghiulare în secţiune (Тощев, Черняков 1986, рис. 6/1, 3, 5; Сава, Кайзер 2011, рис. 72/10-16, 23), verigi (Балагурі 1968, рис. 3/18; Тощев, Черняков 1986, рис. 6/2), precum şi fragmente de zgură (Сава, Кайзер 2011, 242, рис. 72/24).

Bibliografie

Balan 2009: G. Balan, Cronologia şi tipologia dălţilor de bronz cu toc de înmănuşare din România. Apulum XLVI, 2009, 1-40.

Cavruc 2003: V. Cavruc, Noi descoperiri în sud-estul Transilvaniei. Catalog de expoziţie (Sfântu Gheorghe 2003), 7-150.

Dascălu 2007: L. Dascălu, Bronzul mijlociu şi târziu în Câmpia Moldovei (Iaşi 2007).

Dergacev 1991: V. Dergacev, Depozitul de bronzuri din satul Dancu, raionul Hânceşti (R. Moldova). Thraco-Dacica XII/1-2, 1991, 39-55.

Dergačev 2002: V. Dergačev, Die äneolithischen und bronzezeitlichen Metallfunde aus Moldavien, (Stuttgart: Franz Steiner Verlag 2002).

Diaconu 2012: V. Diaconu, Discuţii privitoare la unele pandantive specifice bronzului târziu din nord-vestul şi nordul Mării Negre. Peuce S.N. X, 2012, 21-38.

Florescu, Căpitanu 1968: M. Florescu, V. Căpitanu, Câteva observaţii privitoare la sfârşitul epocii bronzului în lumina ultimelor cercetări arheologice efectuate de Muzeul de Istorie din Bacău. Carpica I, 1968, 35-47.

Florescu, Florescu 1990: M. Florescu, A. Florescu, Unele observaţii cu privire la geneza culturii Noua în zonele de curbură a Carpaţilor Răsăriteni. ArhMold XIII, 1990, 49-102.

Florescu 1991: A.C. Florescu, Repertoriul culturii Noua-Coslogeni din România. Aşezări şi necropole. Cultură şi civilizaţie la Dunărea de Jos IX, Biblioteca Thracologică I (Călăraşi 1991).

Găvanu 2013: A. Găvan, Metalurgia tell-urilor bronzului din vestul României (II). In: Terra Sebus. Acta Musei Sabesiensis, nr. 5 (Sebeş 2013), 141-192.

Gerškovič 1999: Ja.P. Gerškovič, Studien zur spätbronzezeitlichen Sabatinovka-Kultur am unteren Dnepr und an der Westküste des Azov'schen Meeres. AE, Bd. 7 (Rahden/Westf. 1999).

Kaiser, Sava 2006: E. Kaiser, E. Sava, Die „Aschehügel" der späten Bronzezeit im Nordpontikum Erste Ergebnisse eines Forschungsprojekts in Nordmoldavien (mit Beiträgen von M. Hochmuth und G. Schneider). Eurasia Antiqua 12, 2006, 137-172.

Leskov 1981: A.M. Leskov, Jung- und spätbronzezeitliche Depotfunde im nördlichen Schwarzmeergebiet (Depots mit einheimischen Formen). Prähistorische Bronzefunde, Abteilung XX, Band 5 (München 1981).

Leviţki 1994: O. Leviţki, Cultura Hallstattului canelat la răsărit de Carpaţi (Bucureşti 1994).

Leviţki 2003: O. Leviţki, Lumea tracică şi masivul cultural nord-pontic în perioada hallstattiană timpurie (sec. XII-X î.e.n.) (Chişinău 2003).

Morintz 1978: S. Morintz, Contribuţii arheologice la istoria Tracilor Timpurii, I, Epoca bronzului în spaţiul carpato-balcanic (Bucureşti 1978).

Petrescu-Dâmboviţa 1953: M. Petrescu-Dâmboviţa, Contribuţii la cunoaşterea sfârşitului epocii bronzului şi începutul epocii fierului în Moldova. SCIV 4/2-3, 1953, 443-487.

Petrescu-Dîmboviţa 1964: M. Petrescu-Dâmboviţa, Date noi relativ la descoperirile de obiecte din bronz de la sfârşitul epocii bronzului şi începutul Hallstattului din Moldova. ArhMold II-III, 1964, 251-273.

Petrescu-Dîmboviţa 1977: M. Petrescu-Dîmboviţa, Depozitele de bronzuri din România (Bucureşti 1977).

Sava 1994: E. Sava, Epoca bronzului. Perioada mijlocie şi târzie (sec. XVII-XII î.e.n.). Thraco-Dacica XV, 1994, 141-152.

Sava 1998: E. Sava, Die Rolle der "östlichen" und "westlichen" Elemente bei der Genese des Kulturkomplexes Noua-Sabatinovka. In: Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe (München 1998), 267-312.

Sava 2002: E. Sava, Materiale din epoca bronzului târziu din aşezarea Mereni. ArhMold XXV, 2002, 69-91.

Soroceanu 1995: T. Soroceanu, Die Fundumstände bronzezeitlicher Deponierungen – Ein Beitrag zur Hortdeutung beiderseits der Karpaten. Prähistorische Archäologie in Südosteuropa, Band 10, Bronzefunde aus Rumänien, nr. 2-5 (Berlin 1995), 15-81.

Sîrbu 2013: M. Sîrbu, Depozitul din perioada tardivă a epocii bronzului descoperit în împrejurimile comunei Antoneşti, raionul Cantemir, Republica Moldova. Tyragetia s.n. VII/1, 2013, 205-219.

Uşurelu, Nicic 2003: E. Uşurelu, A. Nicic, Noi piese metalice din perioada bronzului târziu descoperite pe teritoriul Republicii Moldova. In: Interferenţe cultural-cronologice în spaţiul nord-pontic (Chişinău 2003), 164-170.

Uşurelu 2010: E. Uşurelu, Apariţia şi evoluţia dălţilor cu toc de înmănuşare longitudinal în epoca bronzului din Europa de Est. Revista Arheologică s.n. VI/2, 2010, 5-24.

Vulpe, Căpitanu 1995: A. Vulpe, V. Cüpitanu, Der Hortfund von Gioseni, Kr. Bacău in der Moldau. Prähistorische Archäologie in Südosteuropa, Band 10, Bronzefunde aus Rumänien, nr. 2-5 (Berlin 1995), 337-245.

Балагурі 1968: Е.А. Балагурі, Поселення культури Ноа біля с. Острівець Івано-Франківскоі облості. Археологія XXI, 1968, 135-147.

Балагурі 1971: Е.А. Балагурі, Культура Ноа. В: Археологія Української РСР, т. I (Київ 1971), 385-394.

Балагури 1990: Э. Балагури, Культура Ноа. В: Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (Киев 1990), 99-104.

Бейлекчи 1974: В.С. Бейлекчи, Исследования гумельницкого поселение у с. Кокоара I. В сб.: АИМ в 1972 г. (Кишинев 1974), 51-66.

Березанська 1971: С.С. Березанська, Білогрудівська культура. В: Археологія Української РСР, т. I (Київ 1971), 394-404.

Березанская 1982: С.С. Березанская, Северная Украина в эпоху бронзы (Киев 1982).

Березанская и др. 1985: С.С. Березанская, В.А. Круц, Д.Я. Телегин, Археология Украинской ССР. Первобытная археология, том 1 (Киев 1985).

Березанская и др. 1986: С.С. Березанская, В.В. Отрощенко, П.П. Чередничеко, И.Н. Шарафутдинова, Культуры эпохи бронзы на территории Украины (Киев 1986).

Березанская и др. 1994: С.С. Березанская, Е.В. Цвек, В.И. Клочко, С.Н. Ляшко, Ремесло эпохи энеолита-бронзы на Украине (Киев 1994).

Бочкарев 2010: В.С. Бочкарев, Металлические булавки с кольцевидной головой эпохи поздней бронзы из юго-западного региона Восточной Европы. В сб.: Культурогенез и древнее металлопроизводство восточной Европы, (Санкт-Петербург 2010), 171-180.

Гершкович 2009: Я.П. Гершкович, Днепрокаменский комплекс литейных форм эпохи поздней бронзы из Среднего Поднепровья. Stratum Plus 2, 2009, 578-582.

Грекул, Дергачев 1969: З.А. Грекул, В.А. Дергачев, Клад бронзовых орудий из коллекций Сорокского музея. В сб.: Далекое прошлое Молдавии (Кишинев 1969), 123-127.

Демченко, Левицкий 1992: Т.И. Демченко, О.Г. Левицкий, Исследование зольников культуры Ноуа у ст. Кобыльня. В сб.: АИМ в 1986 г. (Кишинёв 1992), 120-132.

Дергачев, Бочкарев 2002: В.А. Дергачев, В.С. Бочкарев, Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы (Кишинев 2002).

Дергачев 1969: В.А. Дергачев, Поселение эпохи бронзы у с. Слободка-Ширеуць. В сб.: Далекое прошлое Молдавии (Кишинев 1969), 110-122.

Дергачев 1972: В.А. Дергачев, Клад конца бронзового века из Молдавии. АИМ в 1968-1969 гг. (Кишинев 1972), 65-88.

Дергачев 1973: В.А. Дергачев, Памятники эпохи бронзы. Археологическая карта Молдавии, вып. 3 (Кишинев 1973).

Дергачев 1975: В. Дергачев, Бронзовые предметы XIII-VIII вв. до н.э. из Днестровско-Прутского междуречья (Кишинев 1975).

Дергачев 1982: В.А. Дергачев, Материалы раскопок археологической экспедиции на Среднем Пруте (1975-1976 гг.) (Кишинев 1982).

Дергачев 1986: В.А. Дергачёв, Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы (Кишинев 1986).

Дергачев 1997: В. Дергачев, Металлические изделия к проблеме генезиса культур раннего Гальштата карпато-данубио-нордпонтийского региона (Кишинев 1997).

Дергачев 2010: В. Дергачев, Новые металлические предметы поздней бронзы - раннего гальштата с территории Молдовы. Revista Arheologică s.n. VI/2, 2010, 121-129.

Дергачев 2011: В. Дергачев, Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья, вып. 2 (Кишинев 2011).

Дергачев 2012: В. Дергачев, Клад поздней бронзы из села Баху в Республике Молдова. Revista Arheologică s.n. VIII/1-2, 2012, 154-160.

Дергачев 2012a: В. Дергачев, Новые комплексы и единичные находки металлических предметов поздней бронзы - раннего гальштата на территории Республики Молдова. Revista Arheologică s.n. VIII/1-2, 2012, 161-181.

Каврук 1985: В.И. Каврук, Новый памятник эпохи поздней бронзы в центральной Молдавии. В сб.: АИМ в 1981 г. (Кишинев 1985), 83-94.

Крицкова-Гракова 1955: О.А. Крицкова-Гракова, Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. В сб.: МИА, вып. 46 (Москва 1955), 5-164.

Крушельницька 2006: Л. Крушельницька, Культура Ноа на землях України (Львів 2006).

Лесков 1971: О.М. Лесков, Зрубна культура. В: Археологія Української РСР, т. I (Київ 1971), 404-434.

Ильинская 1960: В.А. Ильинская, Поселение комаровской культуры у с. Мошны. В сб.: КСИА, вып. 10 (Киев 1960), 48-58.

Мелюкова 1960: А.И. Мелюкова, Исследование памятников предскифской и скифской эпох в лесостепной Молдавии. В сб.: Материалы и исследования по Археологии юго-запада СССР и Румынской Народной Республики (Кишинев 1960), 129-149.

Мелюкова 1961: А. Мелюкова, Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии. В сб.: МИА, вып. 96 (Москва 1961), 4-52.

Петреску-Дымбовица 1960: М. Петреску-Дымбовица, К вопросу о гальштатской культуре в Молдове. В сб.: Материалы и исследования по Археологии. Материалы и исследования по Археологии юго-запада СССР и Румынской Народной Республики (Кишинев 1960), 151-170.

Ромашко 1995: В.А. Ромашко, Поздний бронзовый век в пограничье лесостепи и степи Левобережье Украины (XII-X в. в. нэ) (Днепропетровск 1995).

Сава, Кайзер 2011: Е. Сава, Э. Кайзер, Поселение с «зольниками» у села Одая/Мичурин, Республика Молдова (Археологические и естественнонаучные исследования) Die Siedlung mit „Aschehügeln“ beim Dorf Odaia-Miciurin, Republik Moldova. Archäologische und naturwissenschaftliche Untersuchungen (Chişinău 2011).

Смирнова 1957: Г.И. Смирнова, Поселение позднебронзового века и раннего железа возле с. Магала черновицкой области. В сб.: КСИИМК, вып. 70 (Москва 1957), 99-108.

Смирнова 1969: Г.И Смирнова, Поселение Магала – памятник древнефракийской культуры в Прикарпатье (вторая половина XIII - середина VII в. до н. э.). В сб.: Древние фракийцы в северном Причерноморье (Москва 1969), 7-34.

Смирнова 1972: Г.И Смирнова, Новые исследования поселения Магала. В: Археологический Сборник (Ленинград 1972), 12-31.

Сымонович 1966: Э.А. Сымонович, Ингульский клад, СА 1, 1966, 127-143.

Тощев, Черняков 1986: Г.Н. Тощев, И.Т. Черняков, Культовые зольники Сабатиновской культуры. В сб.: Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья (Киев 1986), 115-138.

Шарафутдінова 1971: І.Н. Шарафутдінова, Бронзові серпи Північно-Західного Причерномор'я (кінець II-початок I тисячоліття до н.е.). Археологія 1, 1971, 26-43.

Шарафутдинова 1982: И.Н. Шарафутдинова, Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы (Киев 1982).

Черных 1976: Е.Н. Черных, Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР (Москва 1976).

Черняков 1964: И.Т. Черняков, Новые находки предметов поздней бронзы в северо-западном Причерноморье. В сб.: Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского Государственного археологического музея, за 1962 года (Одесса 1964), 128-134.

Черняков 1985: И.Т. Черняков, Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н.э. (Киев 1985).

Materiale inedite:

Sava, Kaiser 2004: E. Sava, E. Kaiser, Cercetări arheologice în aşezarea culturii Noua de la Odaia/Miciurin în anul 2003 (Raport ştiinţific) (Chişinău 2004). Arhiva MNIM, nr. 427.

Sava, Kaiser 2006: E. Sava, E. Kaiser, Cercetări arheologice în aşezarea culturii Noua de la Odaia/Miciurin în anul 2005 (Raport ştiinţific) (Chişinău 2006). Arhiva MNIM, nr. 481.

Sava, Kaiser 2007: E. Sava, E. Kaiser, Cercetări arheologice în aşezarea culturii Noua de la Odaia/Miciurin în anul 2006 (Raport ştiinţific) (Chişinău 2007). Arhiva MNIM, nr. 483.

Sava 2008: E. Sava, Cercetări arheologice în aşezarea culturii Noua de la Odaia/Miciurin în anul 2007 (Raport ştiinţific) (Chişinău 2008). Arhiva MNIM, nr. 435.

Бейлекчи 1972: В.С. Бейлекчи, Отчёт о раскопках поселения Кокора I в 1972 году (Кишинев 1972). Архив НМИМ, №74.

Левицкий 1985: О.Г. Левицкий, Отчёт о полевых исследованиях Фракийской новостроечной археологической экспедиции в 1984 г. (Кишинев 1985). Архив НМИМ, №214.

Мелюкова 1957: А.И. Мелюкова, Отчёт о работе отряда скифской археологии Молдавской археологической экспедиции ИИМК и Молдавского филиала АН СССР в 1956 г. (Кишинев 1957). Архив НМИМ, №380.

Мелюкова 1958: А.И. Мелюкова, Отчёт о работе отряда скифской археологии ИИМК и М.Ф. АН СССР в 1957 г. (Кишинев 1958), 1-28. Архив НМАИМ, №381.

Никулицэ 1983: И.Т. Никулицэ, Отчет о результатах полевых исследований на археологических памятниках у с. Балабанешты в 1982 г. (Кишинев 1983). Архив НМИМ, №180.

Постикэ 1987: Г.И. Постикэ, Отчёт о раскопках 1986 года на поселении Мерень II (Кишинев 1987). Архив НМИМ, №254.

Bronze objects found in the settlements of Noua-Sabatinovka type in the Prut-Dniester area

Abstract

This article summarizes the metal objects that have been discovered within the settlements of Noua-Sabatinovka cultural complex in the Prut- Dniester area from 1950s to the present. In comparison with other typical for these cultures objects made of other materials (bone, stone, clay), the number of bronze objects is smaller. This situation is quite natural, given the scarcity and cost of bronze during the Late Bronze Age.

According to archaeological research conducted in the Prut-Dniester area up to now, there are known 112 objects of bronze : needles – 38, owls – 23, rods – 8 , sickles – 8 , bracelets – 6, plaques – 5, pendants – 5, chain links – 5, wires with one end twisted in spiral – 4, plates – 3, daggers – 2, arrowheads – 2, celts – 1, chisel – 1, battle axe – 1.

List of illustrations:

Fig. 1. Map of the Noua-Sabatinovka type settlements, in which bronze objects were discovered: 1 - Ostrivec; 2 - Čertivec; 3 - Stecivka; 4 - Mahala; 5 - Slobozia-Şireuţi; 6 - Odaia-Miciurin; 7 - Petruşeni; 8 - Ghindeşti; 9 - Roşieticii Vechi; 10 - Cobîlnea; 11 - Grigoreuca; 12 - Bălăbăneşti; 13 - Hansca; 14 - Mereni; 15 - Gura Galbenei; 16 - Cucoara; 17 - Novoselica; 18 - Pivdenne.

Fig. 2. Tools. *Celt:* 1 - Pivdenne (after Черняков 1966, рис. 5). *Chisel:* 2 - Mahala (after Балагурі 1971, рис. 111/8). *Sickles:* 3 - Hansca (after Дергачев 1986, рис. 45/15); 4 - Mahala (after Смирнова 1969, 15, рис. 7/I 28); 5 - Roşieticii Vechi (after Мелюкова 1958, табл. XXVIII/1); 6-10 - Stecivka (after Крушельницка 2006, рис. 29/7-11).

Fig. 3. Utensils. *Simple needles:* 1, 4, 12 - Ghindeşti (after Мелюкова 1961, рис. 12/ 9, 10, 11,); 2, 3, 6, 7, 9 - Odaia-Miciurin (after Сава, Кайзер 2011, рис. 72/5, 7, 8, 15, 16); 5, 11 - Ostrivec (after Балагурі 1968, рис. 3/3, 4); 8 - Petruşeni (after Sava 1994, fig. 5/28); 10, 13 - Cucoara (Sava 1994, fig. 6/28, 33). *Awl/chisel:* 14, 15, 17, 20, 27 - Odaia-Miciurin (after Сава, Кайзер 2011, рис. 72/1, 6, 9, 17, 18); 19 - Cocoara (after Бейлекчи 1974, рис. 4/4). *Awls:* 16 - Bălăbăneşti (after Никулицэ 1983, рис. 5/20); 18 - Odaia-Miciurin (after Сава, Кайзер 2011, рис. 72/20); 21 - Cobâlnea (after Демченко, Левицкий 1992, рис. 3/5); 22 - Ghindeşti (after Мелюкова 1961, рис. 12/1); 23, 24, 28 - Ostrivec (after Балагурі 1968, рис. 3/6, 14, 20); 25 - Stecivka (after Крушельницка 2006, рис. 21/12); 26 - Gura Galbenei (after Дергачев 1986, рис. 51/4), 29 - Petruşeni (after Sava 1994, fig. 5/30).

Fig. 4. Adornments. *Hairpins:* 1, 15, 22 - Odaia-Miciurin (after Сава, Кайзер 2011, рис. 72/2, 3); 2, 4, 17, 25 - Ghindeşti (after Мелюкова 1961, рис. 12/2, 3, 5-7); 3, 16 - Mahala (Смирнова 1957, рис. 39/8, Смирнова 1976, рис. 2/5); 5, 6 8-10, 19, 23, 24 - Ostrivec (after Балагурі 1968, рис. 3/1, 2, 7-13); 7 - Gura Galbenă (after Дергачев 1986, рис. 51/3); 11 - Hansca (after Каврук 1985, рис. 3/1); 12 - Bălăbăneşti (after Никулица 1983, рис. 5/21); 13 - Petruşeni (after Sava 1994, fig. 5/29); 14 - Slobozia-Şireuţi (after Дергачев 1969, таб. 3/17); 18 - Roşieticii Vechi (after Мелюкова 1961, рис. 12/3); 26 - Čertivec (Крушельницка 2006, рис. 17/10).

Fig. 5. Adornments. *Plaques:* 1 - Ghindeşti (after Мелюкова 1961, рис. 12/4); 2 - Ostrivec (after Балагурі 1968, рис. 3/19); 3 - Cobâlnea (after Демченко, Левицкий 1992, рис. 2/12) 4 - Odaia-Miciurin (after Сава, Кайзер 2011, рис. 72/25). *Pendants:* 5, 7 - Ghindeşti (after Дергачев 2012b, илл. 8/23, 24); 6 - Ostrivec (after Балагурі 1968, рис. 3/8); 8 - Mahala (after Смирнова 1969, 15, рис. 7/I 21); 9 - Odaia-Miciurin (after Сава, Кайзер 2011, рис. 72/26). *Bracelets:* 10, 13 - Ostrivec (after Балагурі 1968, рис. 3/15, 16); 14 - Ghindeşti (after Мелюкова 1961, рис. 12/12); 15 - Roşieticii Vechi (after Мелюкова 1961, рис. 12/8). *Ornaments:* 11 - Odaia-Miciurin (after Сава, Кайзер 2011, рис. 72/27); 12 - Ostivec (after Балагурі 1968, рис. 3/22).

Fig. 6. Weapons. *Arrowheads:* 1 - Cocoara (Sava 1994, fig. 6/30); 2 - Novoselica (after Тощев, Черняков 1986, 128, рис. 6/4); 3 - Mahala (after Смирнова 1969, рис. 7/I, 24). *Daggers:* 4 - Mereni (after Sava 2002, fig. 3/8); 5 - Mahala (after Смирнова 1969, рис. 7/I, 29). *Battle axe:* 6 - Stecivka (after Крушельницка 2006, рис. 29/6).

Бронзовые предметы, обнаруженные на поселениях типа Ноуа-Сабатиновка на Пруто-Днестровском пространстве

Резюме

В данной статье кратко представлены металлические находки, которые были обнаружены в пределах поселений культурного комплекса Ноуа-Сабатиновка на Пруто-Днестровском пространстве с 50-х гг. XX века до настоящего времени. По сравнению с другими характерными для этих культур предметами, выполненными из других материалов (кость, камень, глина), количество бронзовых предметов невелико. Такое положение представляется вполне естественным, учитывая дефицит и стоимость бронзы в период позднего бронзового века.

По археологическим исследованиям, проводившимся на поселениях типа Ноуа-Сабатиновка на Пруто-Днестровском пространстве до настоящего времени, известно 112 предметов из бронзы: иглы – 38, шила – 23, стержни – 8, серпы – 8, браслеты – 6, накладки – 5, подвески – 5, звенья – 5, куски проволоки, с одного конца скрученные в спирали – 4, пластинки – 3, кинжалы – 2, наконечники стрел – 2, кельт – 1, долото – 1, боевой топор – 1.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Карта поселений типа Ноуа-Сабатиновка, на которых были обнаружены бронзовые предметы: 1 - Островец; 2 - Чертовец; 3 - Стецовка; 4 - Магала; 5 - Слобозия-Ширеуць; 6 - Одая-Мичурин; 7 - Петрушень; 8 - Гиндешть; 9 - Рошиетичий Векь; 10 - Кобылня; 11 - Григореука; 12 - Бэлэбэнешть; 13 - Ханска; 14 - Мерень; 15 - Гура-Галбеней; 16 - Кукоара; 17 - Новоселица; 18 - Пивденное.

Рис. 2. Орудия труда. *Кельт:* 1 - Пивденное (по Черняков 1966, рис. 5). *Долото:* 2 - Магала (по Балагурі 1971, рис. 111/8). *Серпы:* 3 - Ханска (по Дергачев 1986, рис. 45/15); 4 - Магала (по Смирнова 1969, 15, рис. 7/I 28); 5 - Рошиетичий Векь (по Мелюкова 1958, табл. XXVIII/1); 6-10 - Стецовка (по Крушельницка 2006, рис. 29/7–11).

Рис. 3. Инструменты. *Простые иглы:* 1, 4, 12 - Гиндешть (по Мелюкова 1961, рис. 12/ 9, 10, 11,); 2, 3, 6, 7, 9 - Одая-Мичурин (по Сава, Кайзер 2011, рис. 72/5, 7, 8, 15, 16); 5, 11 - Островец (по Балагурі 1968, рис. 3/3, 4); 8 - Петрушень (по Sava 1994, рис. 5/28); 10, 13 - Кокоара (Sava 1994, рис. 6/28, 33). *Шило/долотце:* 14, 15, 17, 20, 27 - Одая-Мичурин (по Сава, Кайзер 2011, рис. 72/1, 6, 9, 17, 18); 19 - Кокоара (по Бейлекчи 1974, рис. 4/4). *Шила:* 16 - Бэлэбэнешть (по Никулицэ 1983, рис. 5/20); 18 - Одая-Мичурин (по Сава, Кайзер 2011, рис. 72/20); 21 - Кобылня (по Демченко, Левицкий 1992, рис. 3/5); 22 - Гиндешть (по Мелюкова 1961, рис. 12/1); 23, 24, 28 - Островец (по Балагурі 1968, рис. 3/6, 14, 20); 25 - Стецовка (по Крушельницка 2006, рис. 21/12); 26 - Гура-Галбеней (по Дергачев 1986, рис. 51/4), 29 - Петрушень (по Sava 1994, рис. 5/30).

Рис. 4. Украшения. *Шпильки для волос:* 1, 15, 22 - Одая-Мичурин (по Сава, Кайзер 2011, рис. 72/2, 3); 2, 4, 17, 25 - Гиндешть (по Мелюкова 1961, рис. 12/2, 3, 5–7); 3, 16 - Магала (Смирнова 1957, рис. 39/8, Смирнова 1976, рис. 2/5); 5, 6 8-10, 19, 23, 24 - Островец (по Балагурі 1968, рис. 3/1, 2, 7-13); 7 - Гура-Галбеней (по Дергачев 1986, рис. 51/3); 11 - Ханска (по Каврук 1985, рис. 3/1); 12 - Бэлэбэнешть (по Никулица 1983, рис. 5/21); 13 - Петрушень (по Sava 1994, рис. 5/29); 14 - Слобозия-Ширеуць (по Дергачев 1969, таб. 3/17); 18 - Рошиетичий Векь (по Мелюкова 1961, рис. 12/3); 26 - Чертовец (Крушельницка 2006, рис. 17/10).

Рис. 5. Украшения. *Накладки:* 1 - Гиндешть (по Мелюкова 1961, рис. 12/4); 2 - Островец (по Балагурі 1968, рис. 3/19); 3 - Кобылня (по Демченко, Левицкий 1992, рис. 2/12) 4 - Одая-Мичурин (по Сава, Кайзер 2011, рис. 72/25). *Подвески:* 5, 7 - Гиндешть (по Дергачев 2012b, илл. 8/23, 24); 6 - Островец (по Балагурі 1968, рис. 3/8); 8 - Магала (по Смирнова 1969, 15, рис. 7/I 21); 9 - Одая-Мичурин (по Сава, Кайзер 2011,

рис. 72/26). *Браслеты:* 10, 13 - Островец (по Балагурі 1968, рис. 3/15, 16); 14 - Гиндешть (по Мелюкова 1961, рис. 12/12); 15 - Рошиетичий Векь (по Мелюкова 1961, рис. 12/8). *Предметы* у*крашений:* 11 - Одая-Мичурин (по Сава, Кайзер 2011, рис. 72/27); 12 - Островец (по Балагурі 1968, рис. 3/22).

Рис. 6. Предметы оружия. *Наконечники стрел:* 1 - Кукоара (Sava 1994, рис. 6/30); 2 - Новоселица (по Тощев, Черняков 1986, 128, рис. 6/4); 3 - Магала (по Смирнова 1969, рис. 7/I, 24), 29). *Кинжалы:* 4 - Мерень (по Sava 2002, рис. 3/8); 5 - Магала (по Смирнова 1969, рис. 7/I,29). *Боевой топор:* 6 - Стецовка (по Крушельницка 2006, рис. 29/6).

20.03.2014

Mariana Sîrbu, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August, 121-A, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: sirbumary24@yahoo.com

TUMULII DE LA BRÂNZENII NOI ŞI ROGOJENI (cercetări arheologice de salvare 2013)

Serghei Agulnikov
Eugen Mistreanu
Sergiu Popovici

În toamna anului 2013 au fost efectuate cercetări arheologice de salvare în zona traseului Chişinău-Soroca (M2). Obiectivul cercetărilor au constituit doi tumuli afectaţi de lucrările de reabilitare a drumului respectiv (fig. 1). Investigaţiilor arheologice au fost supuse doar sectoarele tumulilor care urmau a fi afectate de către lucrările de excavaţie. Demantelarea sectoarelor respective a fost realizată cu ajutorul unui mecanism tehnic (buldozer), excavând succesiv straturi a câte 5-10 cm. Toate măsurările au fost raportate la reper, acesta fiind amplasat în punctul cel mai înalt al tumulului.

Fig. 1. Amplasarea geografică a tumulilor cercetaţi: 1 - Brânzenii Noi (r-nul Teleneşti); 2 - Rogojeni (r-nul Şoldăneşti).

Brânzenii Noi (r-nul Teleneşti), Tumul 1

Tumul amplasat la marginea de SE a localităţii, pe partea dreaptă a drumului naţional M2 Chişinău-Soroca (km 72). La momentul demarării cercetărilor partea de NV a tumulului se afla în zona de reconstrucţie a drumului menţionat. Înălţimea tumulului constituia 5,6 m, diametrul 55 m (fig. 3). O parte din suprafaţa lui reprezintă un teren agricol, alta, aferentă drumului, fiind înţelenită.

Mormântul 1 (cultura Noua) a fost semnalat în sectorul de NV al tumulului, la 21,5 m de reperul central (350°), având adâncimea de 5,45 m de la nivelul actual de călcare. Aici a fost depistată o construcţie din piatră de formă ovală neregulată, cu dimensiunile de 4,6×2,8 m (fig. 4). Construcţia era compusă din pietre de calcar dimensiunile cărora variau între 0,15×0,22 m şi 0,4×0,6 m. Pietrele construcţiei au fost fixate la adâncimea de 5,35×5,52 m. Majoritatea pietrelor erau plate şi nu aveau urme de prelucrare. În partea centrală a construcţiei, unele pietre erau plasate vertical sau uşor înclinat. Din zonă dată, provin trei fragmente de ceramică care se găseau printre pietre, la adâncimea de 5,49 m. Ele aparţin unui vas modelat cu mâna din pastă cu adaos de cioburi pisate şi degresanţi organici. Suprafaţa fragmentelor are nuanţe gălbui şi negre. În zona centrală a construcţiei au fost descoperite de asemenea şi fragmente de dinţi de porc (premolari)[1].

După demontarea respectivei construcţiei a fost surprinsă groapa funerară având o formă ovală, orientată pe axa NE-SV, cu dimensiunile de 2,6×2,0 m şi adâncimea de 0,9 m de la nivelul depistării construcţiei de piatră. În umplutură se mai întâlneau pietricele mici de calcar, de culoare cenuşie. Scheletul defunctului (bărbat matur cu vâr-

[1] Determinare realizată de către dr. în biologie Roman Croitor, cercetător ştiinţific superior la Institutul Patrimoniului Cultural al AŞM.

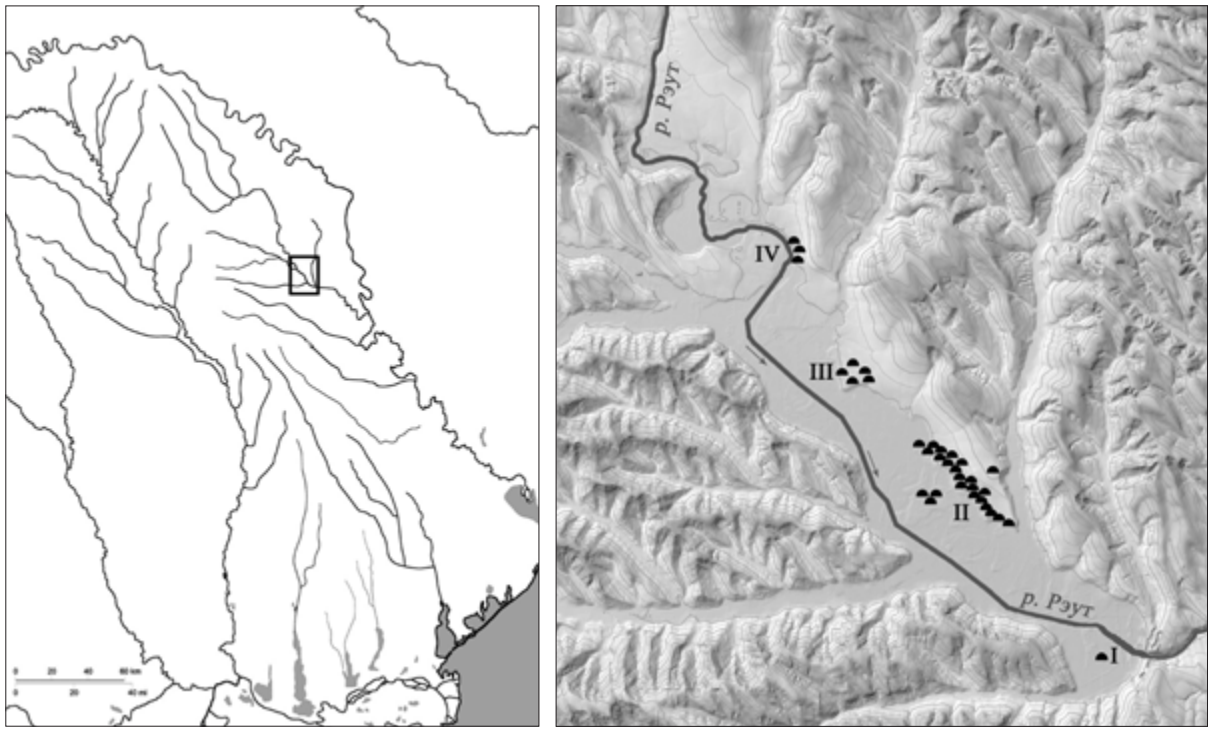


Fig. 2. Harta topografică cu amplasarea tumulilor şi necropolelor studiate în lunca r. Răut:
I - tumulul de la Orhei; II - necropola tumulară de la Brăviceni; III - necropola tumulară de la Ciocâlteni;
IV - tumulii de la Codrul Nou.

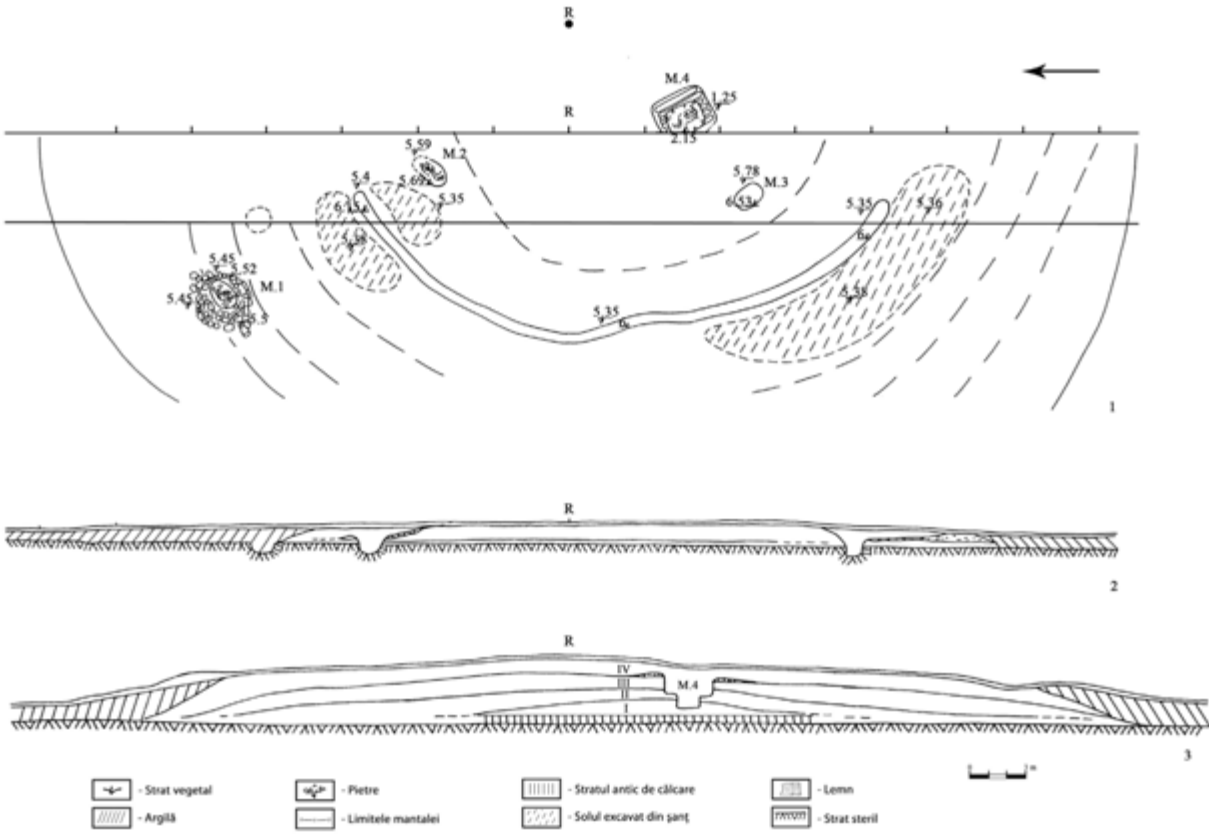


Fig. 3. Brânzenii Noi. Tumulul 1. Planul şi profilurile secţiunii.

Fig. 4. Brânzenii-Noi. Tumulul 1. Mormântul 1, amenajare din piatră.

sta la deces de circa 45-50 ani[2]) se găsea în centrul camerei funerare, în poziţie chircită pe stânga, cu craniul orientat spre NE. Gradul de chircire a scheletului este mediu. Craniul şi genunchii scheletului erau parţial acoperiţi cu pietre de calcar de culoare cenuşie (dimensiunile 0,15-0,2×0,25-0,35 m). Lângă tălpile membrelor inferioare, la 0,1 m, se aflau încă două pietre, cu urme de arsură (dimensiuni 0,25×0,35 şi 0,2×0,8 m). Craniul era aşezat pe o parte cu faţa în stânga spre E. Braţul stâng era îndoit sub un unghi ascuţit, iar braţul drept fusese mutat împreună cu omoplatul şi clavicula în faţă, şi îndoit de la cot. Membrele inferioare erau îndoite spre stânga sub un unghi de 45°. În imediata apropiere a scheletului şi sub el au fost semnalate urme de putregai de culoare maro-deschisă provenind de la aşternutul vegetal (fig. 5/1).

Inventar:

1. Vas de lut descoperit lângă cotul mâinii drepte a scheletului. Acesta este modelat cu mâna, din pastă de lut cu adaos de cioburi pisate şi degresanţi organici. Buza vasului borcan este uşor evazată, iar fundul plat cu marginea evidenţiată. Suprafaţa vasului este arsă neuniform având culoarea cenuşie-brună cu pete negre. Suprafaţa exterioară are urme de lustruire verticală, iar cea interioară este cenuşie cu urme de netezire orizontală[3] (fig. 5/4, 10/1). Dimensiuni: diametrul gurii – 10,5 cm, înălţimea – 8 cm; diametrul fundului – 7,5 cm. În interiorul vasului au fost depistate fragmente de la stern de bovină (fig. 10/2).

Mormântul 2 (cultura Jamnaja) a fost descoperit în sectorul NV al tumulului la 10 m de reperul central (380°), la adâncimea de 5,59 m. Camera funerară avea o formă ovală neregulată, fiind orientată pe axa NNV-SSE. Dimensiunile gropii: 1,9×1,1 m, adâncimea fiind de 0,14 m de la nivelul depistării. Umplutura ei consta din cernoziom, amestecat cu lut.

Defunctul, (bărbat matur cu vârsta la deces de circa 40-45 ani) a fost depus în poziţie chircită pe spate, cu craniul orientat spre NNV, întors cu faţa pe dreapta, spre V. Craniul era înclinat spre umărul drept. Braţele erau întinse de-a lungul corpului. Membrele inferioare, iniţial aşezate cu genunchii în sus, au căzut pe dreapta, gradul de chircire a membrelor fiind slab. Scheletul este vopsit moderat cu ocru roşu, o concentraţie mai mare de ocru atestându-se pe craniu. Sub schelet a fost semnalat un strat de putregai, care provine de la un aşternut vegetal brun închis. În zona craniului, aşternutul vegetal avea mai multe fragmente mici de ocru (fig. 5/5).

Inventar:

1. Inel de buclă (fig. 5/3), în formă de spirală, realizat dintr-o placă de bronz forjată, cu secţiunea plan-convexă (diametrul 0,7 cm). A fost depistat în preajma claviculei stângi. Un capăt al inelului este ascuţit, celălalt fiind plat. Lăţimea plăcii de bronz din care a fost realizat inelul variază de la 0,3 la 0,15 cm.

2. Inel de buclă (fragment) (diametrul cca 0,5-0,7 cm), descoperit în preajma claviculei stângi în stare precară de conservare.

Mormântul 3 (cultura Jamnaja, cenotaf), descoperit în sectorul de SV al tumulului, la 11,5 m SV de reperul central (135°) la adâncimea de 5,78 m de la suprafaţa actuală de călcare. Camera funerară avea formă rectangulară, cu colţurile rotunjite, orientată pe axa NV-SE. Dimensiuni: 1,53×1,3 m, adâncimea de la nivelul de descoperire – 0,75 m. Umplutura consta din cernoziom amestecat cu lut galben. Pe fundul gropii au fost descoperite două aşchii de silex nistrean, de culoare cenuşie. O aşchie a fost descoperită la adâncimea de 0,65 m, cealaltă pe fundul gropii, la 0,75 m. Pe fundul gropii se găseau două pete de ocru roşu (fig. 5/2).

[2] Mulţumim doamnei dr. Angela Simalcsik, pentru studiul antropologic realizat.
[3] Aducem sincere mulţumiri colegului Valeriu Bubulici pentru restaurarea recipientelor ceramic.

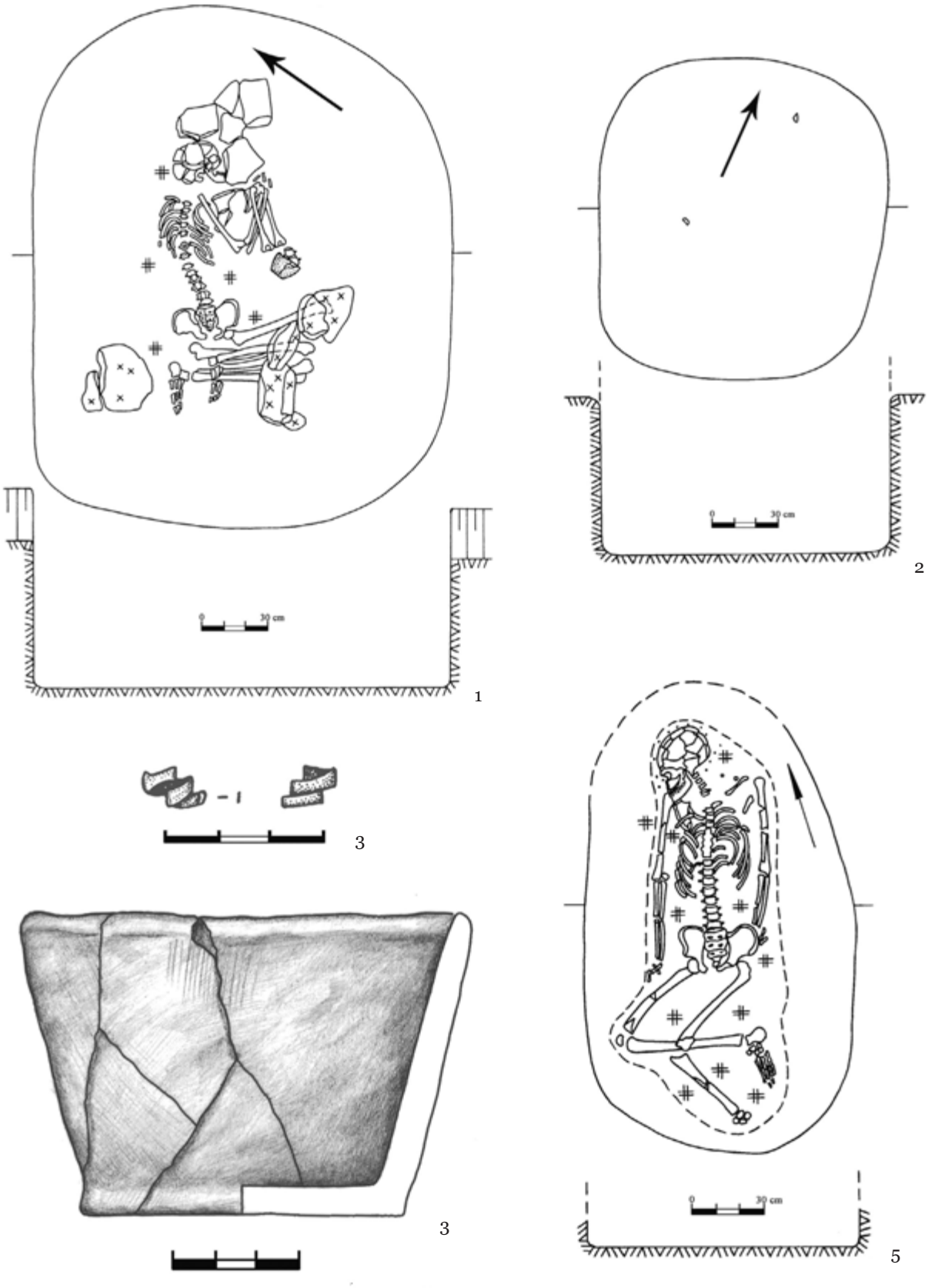


Fig. 5. Brânzenii Noi. Tumulul 1: 1 - mormântul 1; 2 - mormântul 3; 3 - inel de buclă din mormântul 2; 4 - vas din mormântul 1; 5 - mormântul 2.

Mormântul 4 (cultura Jamnaja) a fost descoperit în sectorul de SV al tumulului, la 5 m de la reperul central (138°) şi la adâncimea de 1,25 m. Camera funerară era prevăzută cu o treaptă, orientată pe axa SSE-VVN. Ea se afla la adâncimea de 0,45 m de la nivelul de descoperire a conturului gropii mormântului și avea dimensiunile de 2,4×1,7 m. La nivelul inferior al treptei, camera funerară era acoperită longitudinal cu cinci bârne de stejar, cu grosimea de 0,3-0,32 m și lungimea de 2,2 m. Sub bârne, treapta camerei funerare era acoperită cu o rogojină confecţionată din fibre vegetale. Resturile rogojinii aveau culoarea cenușie, pe alocuri brună. Fibrele vegetale din care era compusă rogojina erau dispuse pe lăţimea camerei funerare. Groapa funerară avea o forma rectangulară cu colţurile rotunjite, lărgindu-se spre fund, căpătând astfel formă trapezoidală în profil. Dimensiunile de la nivelul depistării conturului fiind de 1,75×1,02 m, iar în partea inferioară a gropii de 1,85×1,1 m (fig. 6). Adâncimea gropii de la nivelul depistării era de 0,9 m. Umplutura complexului consta din cernoziom cu nuanţe cenușii și negre, amestecat cu fragmente de lemn și fragmente de ţăruși care susţineau acoperișul plasat deasupra gropii funerare. Ţăruşii descoperiţi aveau grosimea de 0,07-0,05 m și lungimea de 0,75 m. Capetele lor, fixate pe marginile camerei funerare, erau ascuţite.

Defunctul (bărbat matur cu vârsta la deces de circa 30-35 ani), a fost depus în poziţie chircită pe spate, cu capul orientat spre SSE. Craniul cu faţa în sus. Membrele superioare erau îndoite puţin în

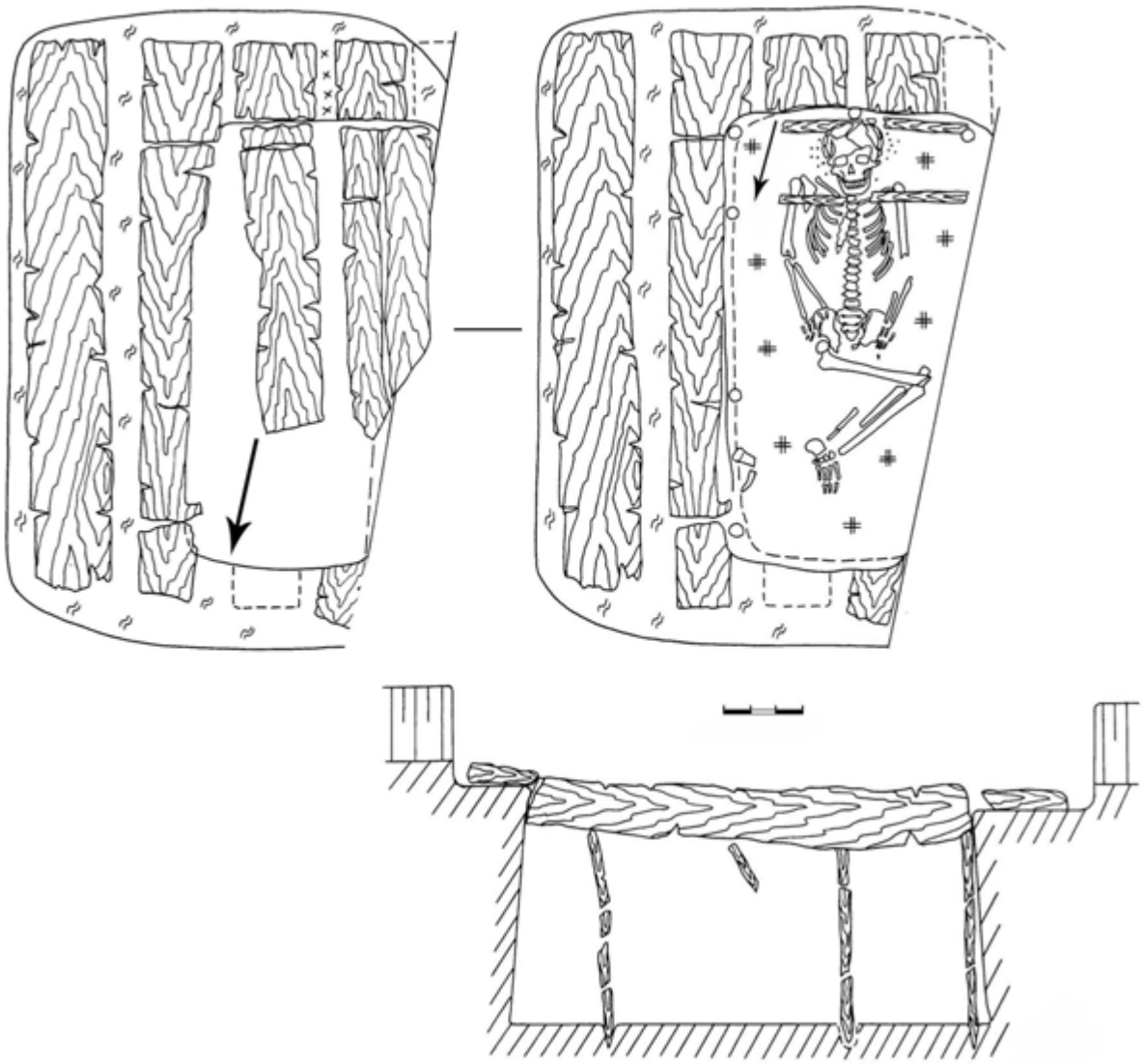


Fig. 6. Brânzenii Noi. Tumulul 1. Mormântul 4.

coate şi aşezate cu palmele pe bazin. Membrele inferioare, iniţial aşezate cu genunchii în sus au căzut pe stânga. Membrul inferior stâng nu s-a păstrat. Gradul de chircire al membrelor inferioare este mediu. Unul din ţăruşii care susţineau acoperişul camerei funerare era căzut perpendicular pe cutia toracică, iar altul se găsea după craniu (fig. 6). Dimensiunile ţăruşilor constituiau 0,70-0,75×0,07 m. Scheletul era vopsit moderat cu ocru roşu închis. O concentraţie mai mare de ocru a fost semnalată pe craniu. Sub aşternutul vegetal, de culoare brună-închisă, se afla o rogojină care acoperea toată suprafaţa fundului gropii funerare. Pe perimetrul fundului gropii, au fost identificaţi şase gropi de ţăruşi cu diametrul de 0,05-0,07 m.

Construcţiile descoperite în tumul

În sectorul de NV al tumulului, la adâncimea de 5,35 m, a fost depistat un şanţ adâncit în lutul galben. Şanţul avea o formă semicirculară în plan cu diametrul de 28,5 m. Lăţimea lui varia între 0,65 şi 0,75 m, iar adâncimea era de 0,65-0,7 m (fig. 3). În sectorul de SV al profilul 1, a fost semnalat solul aruncat din şanţ (cernoziom amestecat cu lut galben) pe o lăţime de aproximativ 5-6 m. În sectorul de NV, de asemenea a fost depistat acelaşi tip de sol aruncat din şanţ în momentul săpării lui. Umplutura şanţului consta din cernoziom scurs sub acţiunea apei, amestecat cu lut galben. În sectorul de NV, în umplutură a fost descoperită o coastă de bovină şi câteva aşchii de silex nistrean.

Etapele de construire a tumulului 1 de la Brânzenii Noi

În urma studierii stratigrafiei tumulului 1 de la Brânzenii Noi au fost identificate câteva etape de construcţie a movilei.

1. În partea centrală a tumulului, la adâncimea de 2,85 m de la reperul profilului 2, a fost depistat nivelul antic de călcare. A fost identificat pe o întindere de 11,8 m spre S şi la 7 m spre N de reperul central al profilului 2.

2. Mantaua 1, compusă din cernoziom cenuşiu-deschis, avea înălţimea de 0,6 m în zona centrală şi de 0,25-0,3 m spre margini.

3. Mantaua 2 avea diametrul de 35,6 m, şi înălţimea de 0,8 m în partea centrală şi de 0,4 m la poale. Ea era compusă din cernoziom cenuşiu-întunecat.

4. Mantaua 3, ridicată probabil deasupra mormântului 2, avea înălţimea care varia între 1 m (în zona centrală) şi 0,5-0,6 m spre poale. A fost ridicată din sol compact, de culoare cenuşie-deschisă, Diametrul mantalei semnalat în profilul 2 fiind de 37 m.

5. Mantaua 4 era formată din cernoziom de culoare neagră. Ea avea înălţimea între 0,7 m în zona centrală şi 0,85 m în sectorul de SV. În partea de NV a tumulului mantaua menţionată avea înălţimea de 1,25 m. Diametrul mantalei 4 înregistrat în profil era de 42,5 m. De la nivelul mantalei respective a fost începută construcţia camerei funerare a mormântului 4.

Rogojeni (r-nul Şoldăneşti), Tumul 1.

Tumulul avea înălţimea de 2,1 m şi diametrul de 56 m (fig. 7). În procesul de construcţie a drumului menţionat şi a reabilitării ulterioare din anul 2013 au fost distruse parţial sectoarele de NE şi SV ale tumulului.

Mormântul 1 (cultura Jamnaja, etapa târzie) a fost descoperit la 6,35 m sud-vest de reperul central (128°). Groapa funerară cu treaptă a fost orientată pe axa SSE-NNV. Treapta superioară a camerei funerare a fost depistată în profilul tumulului la adâncimea de 0,7 m. Partea superioară a gropii funerare avea o formă dreptunghiulară cu dimensiunile aproximative 2,8×2,5 m, adâncimea treptei 0,5 m. Partea inferioară a camerei funerare avea la fel o formă dreptungiulară cu colţurile puternic rotunjite. Dimensiuni: 1-9×1,2 m, adâncimea 0,1-0,15 m.

Scheletul (bărbat matur cu vârsta la deces de circa 50 ani) a fost depus în poziţie chircită pe spate, cu mâinile întinse de-a lungul corpului, picioarele îndoite în genunchi căzute pe partea stângă. Scheletul orientat spre NV cu faţa în sus. Oasele scheletului au fost acoperite cu ocru de nuanţă roşie închisă. O concentraţie mai mare a ocrului a fost atestată pe craniu, clavicule şi umeri. Sub defunct se găsea un strat putrezit care provine de la un aşternut vegetal de culoare brună închisă cu bulgări de ocru şi fragmente mici de cărbune în zona coloanei vertebrale. Sub acest strat a fost înregistrat un alt strat de culoare cenuşie deschisă. Lângă cotul mâinii drepte şi genunchi erau situate câteva pietre de calcar fără urme de prelucrare (fig. 8/1).

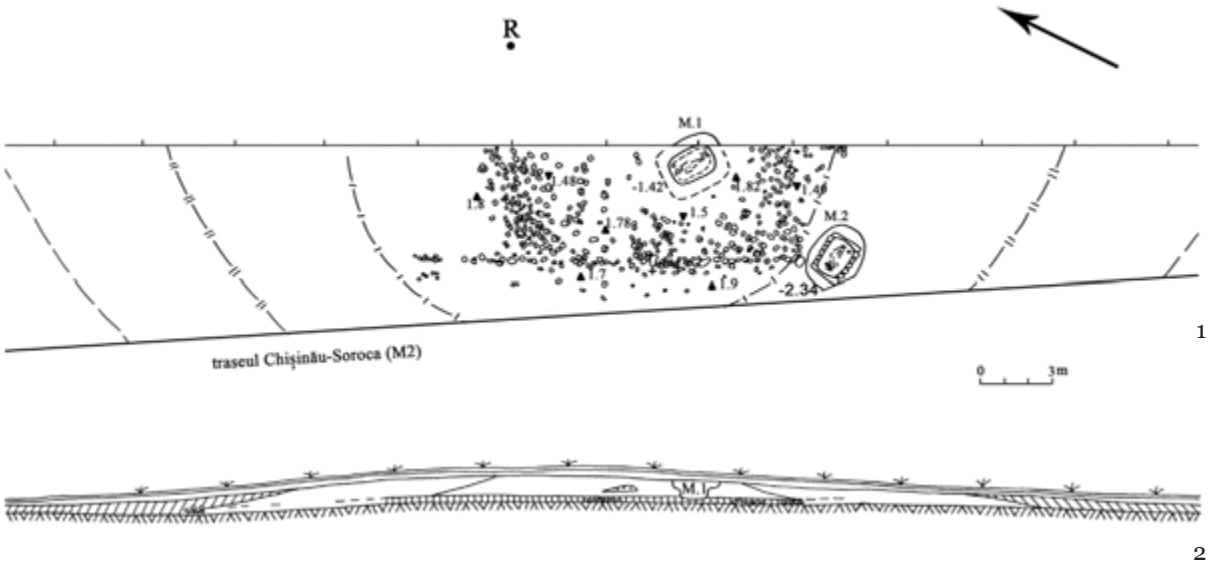


Fig. 7. Rogojeni. Tumulul 1. Planul şi profilurile secţiunii.

Inventar:
Vas de lut, descoperit la 0,35 m NV de craniul defunctului. Sub el au fost semnalate pete de ocru roşu, de formă ovală cu dimensiunile de 0,5×0,15×0,22 m (fig. 10/4). Vasul reprezintă o amforetă cu corpul ovoidal, gâtul cilindric cu buza evazată şi fundul plat. Pe corpul lui sunt amplasate două tortiţe-proeminenţe dreptungiulare cu orificii verticale. Vasul este modelat cu mâna din pastă cu amestec de cioburi pisate şi calcar măcinat. Suprafaţa exterioară are culoarea brună deschisă, pe alocuri cenuşie, cu pete negre (fig. 10/3) Dimensiuni: diametrul gurii – 7,8 cm, înălţimea gâtului – 2,5 cm, diametrul corpului – 13 cm, înălţimea – 12,5 cm; diametrul fundului – 4,5 cm, dimensiunile tortiţelor – 1,5×3,5 cm; diametrul orificiilor – 0,7-0,8 cm (fig. 8/2).

Mormântul 2 (cultura Jamnaja, etapa târzie) a fost descoperit în sectorul de SV a tumulului, la distanţa de 13,5 m de la reperul central (145°). Camera funerară cu treaptă a fost orientată pe axa SE-NV. Partea superioară a camerei funerare depistată la adâncimea de 2,3 m, avea o formă rectangulară în plan, cu colţurile rotunjite, având dimensiunile 2,85×2,35 m, adâncimea de la nivelul depistării conturului până la treaptă 0,4-0,42 m. La nivelul treptei, camera funerară era acoperită cu nouă bârne de lemn cu dimensiunile de 1,7×0,15-0,25 m. Dimensiunile părţii inferioare a camera funerare avea dimensiunile de 1,65×1,2 m şi adâncimea de 0,6 m de la nivelul treptei. Umplutura gropii funerare consta din sol negru amestecat cu lut galben şi incluziuni de fragmente de lemn de la acoperişul căzut şi cărbuni de lemn.

Scheletul (femeie matură cu vârsta la deces de circa 40-45 ani) a fost depus în poziţie chircită pe spate, cu înclinaţie spre stânga orientat cu capul spre EES. Craniul plasat cu faţa spre stânga. Membrul superior, drept era îndoit de la cot şi îndreptat spre bazin iar humerul deplasat se găsea lângă peretele NV a camerei funerare. Membrul superior, stâng era îndreptat în jos şi îndoit în cot la stânga. Membrele inferioare erau de asemenea îndoite spre stânga, gradul de chircire a membrelor inferioare fiind mediu. Oasele au fost vopsite cu ocru de nuanţă roşie aprinsă, o intensitate mai mare atestându-se pe craniu. Sub schelet cât şi pe toată suprafaţa fundului gropii au fost semnalate resturile unei rogojini de culoare brună-închisă (fig. 8/3).

Inventar:
Vas de lut. Recipientul a fost identificat la 0,15 m de humerusul stâng. Vasul reprezintă o amforă miniaturală cu corpul ovoidal, gâtul cilindric, scurt care se lărgeşte spre buză. Fundul plat are marginile evidenţiate. Pe corp, în partea superioară a vasului sunt amplasate două tortiţe-proeminenţe ovale cu orificii verticale în centru. Vasul este modelat cu mâna, din pastă cu amestec de cioburi pisate şi calcar măcinat. Atât suprafaţa exterioară, lustruită parţial, cât şi cea interioară, au o culoarea brună-deschisă. Vasul în ruptură are

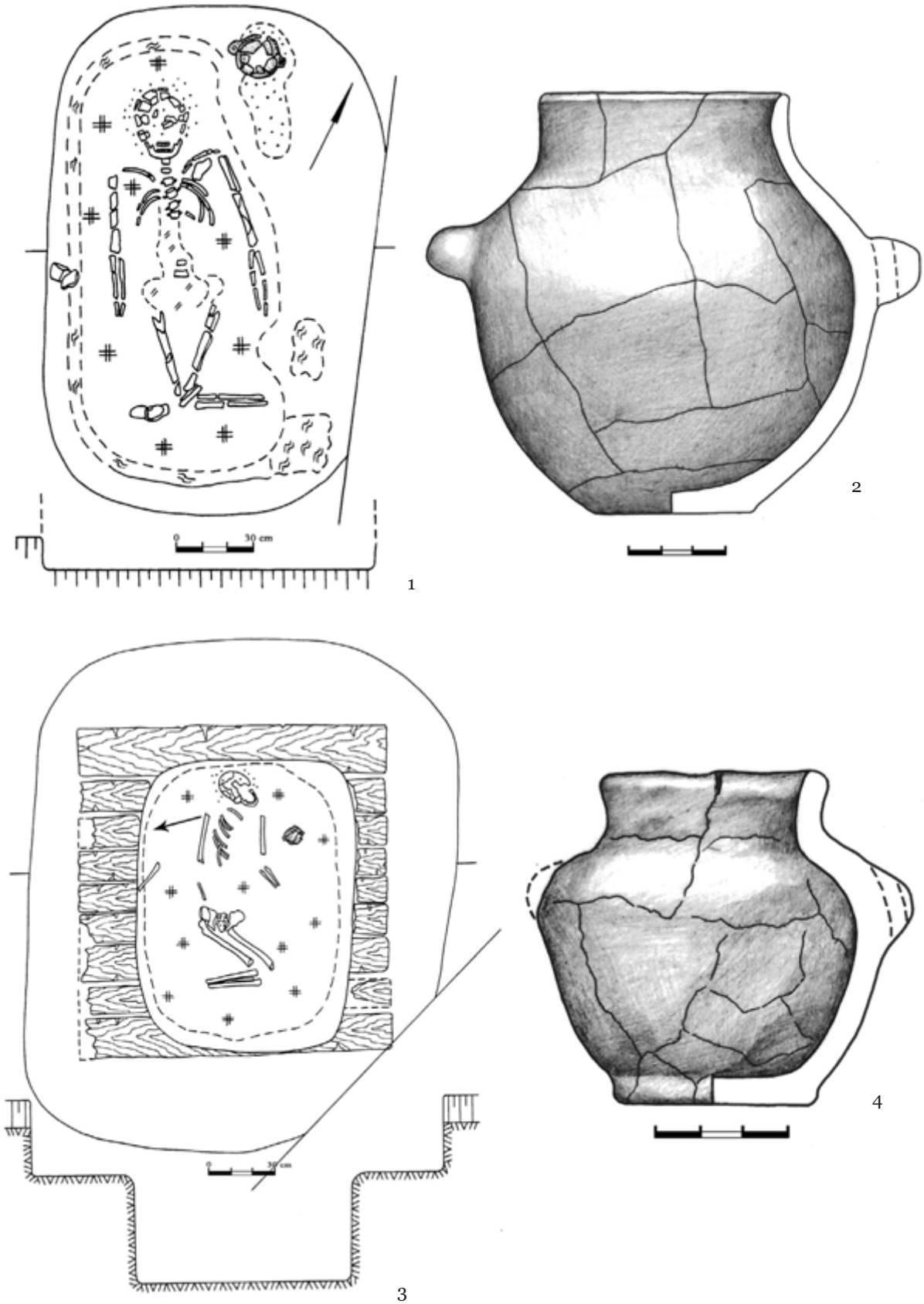


Fig. 8. Rogojeni. Tumulul 1: 1 - mormântul 1; 2 - vas din mormântul 1;
3 - mormântul 2; 4 - vas din mormântul 2.

culoarea cenuşie (fig. 10/5, 6). Dimensiuni: diametrul buzei – 5 cm, înălţimea gâtului – 1,5 cm, diametrul maxim al corpului – 8 cm, înălţimea – 8 cm, diametrul fundului – 4 cm, lungime tortiţe – 2 cm; lăţime tortiţe – 1,2 cm; diametrul orificiu tortiţe – 0,5 cm (fig. 8/4).

Construcţia din piatră

În urmă demantelării tumulului a fost identificată o construcţie de piatră (fig. 7). Stratigrafic este amplasată mai jos de stratul antic de călcare fixat în profil la adâncimea de 1,48 m. Construcţia avea în plan o formă dreptunghiulară neregulată cu dimensiunile de 14×6 m şi era formată din pietre rupte, neprelucrate de calcar. După toate probabilităţile construcţia avea dimensiuni mai mari dar partea ei de vest a fost deranjată în procesul lucrărilor de excavaţie a traseului M2. Pietrele de calcar aveau dimensiuni care variau între 0,1-0,24 m şi 0,6-0,8 m şi se găseau la adâncimea de 1,76-1,9 m. Către marginea nordică şi sudică construcţia este formată din pietre mai mari, iar spre centru prevalează pietre de dimensiuni mai reduse. În sectorul de nord-vest, lângă construcţia de piatră se afla un şir drept de pietre cu lungimea de 4 m şi lăţimea de 0,45-0,52 m.

Obiectele individuale descoperite în construcţie şi mantaua tumulului

1. În interiorul construcţiei de piatră, la 10,3 m SV de reperul central (65°), la adâncimea de 1,57 m a fost descoperită o stelă cu trăsăturile antropomorfe slab reliefate. Aceasta se afla printre pietrele mari de la marginea construcţiei din piatră (fig. 9/1). Cu urme vădite de prelucrare, stela are o forma dreptunghiulară neregulată lărgindu-se spre partea superioară, având marginile ascuţite care imitau umerii şi capul. Dimensiuni: înălţime 0,95 m, lăţime 0,35×0,6 m, grosime 0,11 m. Pe suprafaţa exterioară au fost observate urme slabe de ocru de nuanţă roşie şi urme putrezite ale unei rogojini de culoare cafenie-închisă.

2. În partea de NV a construcţiei, la 5,5 m distanţă de reperul central şi adâncimea de 2,26 m, între pietre a fost descoperită o aşchie de silex. Aşchia de silex nistrean este acoperită cu patină, suprafaţa fiind dreaptă, faţetată cu bulbul de percuţie slab evidenţiat. Dimensiuni: 11,3×9,7×2,2 cm. Urme de retuşare lipsesc (fig. 9/3).

3. În profilul 1, la distanţa de 12,7 m S de reperul central şi adâncimea de 1,32 m a fost descoperită o aşchie de silex nistrean, acoperită cu un strat gros de patină, arsă în foc. Suprafaţa ei este dreaptă iar bulbul de percuţie slab evidenţiat. Pe partea dorsală, în zona proximală sunt amplasate retuşe verticale. Asemenea retuşe au fost atestate şi pe suprafaţa ventrală a piesei. Dimensiuni: 6,3×4,5×2,3 cm (fig. 9/2). Având în vedere prezenţa stratul gros de patină, aceasta poate fi încadrată perioada târzie a epocii paleolitice (21000-12000 a. Chr.)[4] .

Etapele de construire a tumulului 1 de lângă s. Rogojeni

În urma studierii stratigrafiei tumulului 1 de la Rogojeni au fost identificate câteva etape de construcţie a movilei.

1. Iniţial, locul unde urma să fie ridicată prima manta a tumulului a fost amenajată o construcţie din piatră, în interiorul căreia a fost depistată o stelă antropomorfă cu trăsături arhaice. Aceasta îşi găseşte analogii directe în sculptura monumentală antropomorfă a comunităţilor Tripoliene târzii de tip Usatovo şi corespunde tipului Б-II conform clasificării propuse de E.I. Noviţki (Новицкий 1990, 23). Cele mai apropiate descoperi de acest tip şi în astfel de contexte sunt atestate în movilele Tripoliene târzii de tip Usatovo în câmpia Mării Negre. Lipsa altor dovezi în favoarea apartenenţei Tripoliene a construcţiei lasă problema deschisă.

2. Deasupra construcţiei din piatră au fost atestate urmele stratului antic de călcare a tumulului, cu o întindere de 19,5 m şi o grosime 0,25 m.

3. Mantaua iniţială, nr. 1, a tumulului a fost ridicată dintr-un sol negru, şi avea înălţimea de până la 1 m cu diametrul de până la 17,7 m. La 3,5 m sud-vest de reperul central, la adâncimea de 1,3 m, în profil a fost surprins solul excavat din groapa mormântului principal al tumulului (lungimea 1,72 m, grosimea 0,22-0,1 m).

4. Mantaua nr. 2 a fost compusă dintr-un sol cenuşiu-deschis având diametrul de 28 m. În urma acoperirii mantalei nr. 1 cu mantaua nr. 2 tumulul a căpătat o înălţime de 1,2 m. Ridicarea mantalei nr. 2 probabil este legată de amenajarea spaţiului funerar al mormântului 1 aparţinând culturii Jamnaja etapa târzie. De la nivelul acestei mantale a fost începută construcţia camerei funerare

[4] Determinare efectuată de cercetătorul ştiinţific Vitalie Burlacu, IPC AŞM

Fig. 9. Rogojeni. Tumulul 1: 1 - stelă antropomorfă; 2, 3 - aşchii de silex.

a mormântului 2 aparţinând la fel etapei târzii a culturii Jamnaja. În sectorul de nord-vest al tumulului, la marginea celei de-a doua manta, în profil se observă o aglomerare de pietre de calcar cu lungimea de 0,8 m şi lăţimea de 0,5 m.

5. Ultimul strat este compus din humus cu o grosime de 0,2 m a fost semnalat pe toată lungimea profilului. Între stratul de humus şi mantaua a doua a fost surprins un strat de sol cenuşiu-brun cu urme de arătură adâncă de până la 0,4 m, care probabil reprezintă urmele mantalei nr. 3.

Siturile comunităţii cultural-istorice Jamnaja localizate în cursul de mijloc al r. Răut sunt relativ bine cunoscute. Aceasta datorită faptului că majoritatea tumulilor cercetaţi sunt introduşi în circuitul ştiinţific. Aici ne referim la necropolele studiate la Brăviceni, Ciocâlteni, Codrul Nou şi tumulul de la Orhei (fig. 2). Tumulii Jamnaja în bazinul Răutului formează o parte componentă a vestigiilor respective din silvostepa pruto-nistreană, care până în prezent rămâne încă slab cercetată în comparaţie cu tumulii din Câmpia Moldovei de Sud şi Câmpia Mării Negre.

Aici teritoriul cu maximă concentrare a tumulilor este reprezentat de lunca r. Răut care pe alocuri atinge o lăţime de cca 5 km între satele Cişmea şi Isacova (r-nul Orhei) sau caa 7 km între s. Clişova (r-nul Orhei) şi Codrul Nou (r-nul Teleneşti). Geografic acest spaţiu se înscrie în partea sudică a Câmpiei Moldovei de Nord, mărginindu-se la vest cu Podişul Moldovei Centrale reprezentat de Dealurile Ciulucurilor, iar la est cu Podişul Nistrean (Рымбу 1982, 111; Mihailescu et al. 2006, 35). În apropierea or. Orhei, lunca râului se mărgineşte cu Cheile Răutului reprezentate de stânci calcaroase, recifale formând un relief complex, care îmbină structuri geologice sarmaţiene de circa 13 milioane ani cu un caracter rupestru pronunţat şi peisaje cuaternare argiloase de circa 1,8 milioane – 10 mii ani acoperite de cernoziomuri formate în ultimii 8 mii ani (Nistreanu et al. 2011, 85-92). Pe întreaga întindere a luncii Răutului Mijlociu se întâlnesc atât necropole tumulare cât şi tumuli izolaţi. Unii din ei formează şiruri întinse dea lungul Răutului şi afluenţilor săi de stânga şi dreapta. Aici am atestat două tipuri de amplasare în spaţiu a movilelor. Primul tip îl formează tumulii amplasaţi direct în lunca râului, al doilea tip cuprinde movilele situate pe primele terase joase a Răutului. Toate necropolele tumulare şi tumulii izolaţi se concentrează cu precădere pe malul stâng, doar un tumul în apropierea de s. Isacova şi o necropolă tumulară formată din 5 tumuli de lângă s. Breanova sunt atestate pe malul drept. Dacă e să admitem că primele terase ale malului drept al râului în vechime au fost ocupate de masivul forestier Codrii Orheiului, atunci lipsa aproape cu desăvârşire a tumulilor îşi găseşte explicaţiile de rigoare. Numărul mare de tumuli în lunca Răutului ne vorbeşte despre importanţa magistrală a acestei artere acvatice în calea de acces spre Câmpia Moldovei de Nord dinspre stepele nord pontice.

Vestigiile culturii Jamnaja formează cel mai mare grup de înmormântări studiat în tumulii din zona Răutului Mijlociu. Putem menţiona ca în necropola tumulară de la Brăviceni (Ларина, Манзура, Хахеу 2008, 108) culturii Jamnaja îi revin 41% din numărul total de înmormântări la fel ca şi majoritatea complexelor funerare din necropola de la Ciocâlteni (Кетрару, Хахеу 1990, 49-73) şi din tumulul de la Orhei (Дергачев 1973, 16; Попович 2008, 97). Ridicarea primelor mantale la majoritatea tumulilor din spaţiul cercetat la fel stă în strânsă legătură cu vestigiile Jamnaja.

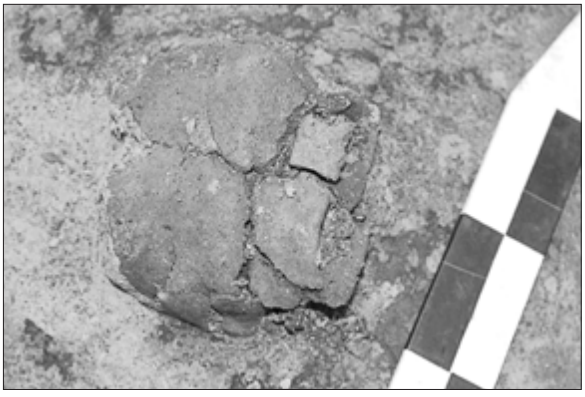
1

2

3

4

5



6

Fig. 10. Brânzenii Noi. Tumulul 1: 1 - vas din mormântul 1; 2 - vas din mormântul 1, foto *in situ*. Rogojeni. Tumulul 1: 3 - vas din mormântul 1; 4 - vas din mormântul 1, *foto in situ* 1; 5 - vas din mormântul 2; 6 - vas din mormântul 2, *foto in situ*.

Din cei 24 tumuli ai necropolei de la Brăviceni culturii Jamnaja îi revin 17 (Ларина, Манзура, Хахеу 2008, 109-118). Din 5 tumuli a necropolei de la Ciocâlteni primele mantale a patru tumuli au fost ridicate deasupra mormintelor Jamnaja (Кетрару, Хахеу 1990, 49-73), un tumul la Codrul Nou - nr. 2 (Яровой 1984, 13) şi tumulul de la Orhei (Попович 2008, 97).

După numărul de morminte Jamnaja descoperite într-un tumul, movilele în spaţiul cercetat ar putea fi împărţite în două grupe. Primul grup îl formează tumulii unde numărul de morminte Jamnaja nu depăşeşte cifra de cinci complexe: Brăviceni – tumulii 1, 3, 4, 9, 11, 12, 13, 15, 17, 18, 23, 24; Ciocîlteni – tumulii 2, 3, 4, 5; Cudrul Nou – tumulii 1, 2, 3, în al doilea grup sunt incluşi

tumulii în care numărul mormintelor depăşeşte cinci complexe funerare: Brăviceni – tumulii 2, 7, 16, 19; Orhei – tumulul 1. Conform amplasării spaţiale în limita luncii şi primelor terase a Răutului Mijlociu, tumulii cu un număr ridicat (peste 5) de morminte Jamnaja sunt amplasaţi un partea sudică a zonei, iar îndepărtându-se spre nord de Cheile Răutului numărul mormintelor fiind în scădere. Mormintele secundare se grupează tradiţional în jurul celui principal.

În cele ce urmează, ne vom expune punctul de vedere privind situaţia cultural-istorică în zona Răutului Mijlociu, la sfârşitul perioadei timpurii a epocii bronzului. Către această perioadă interacţiunile dintre triburile Jamnaja târzie şi Katakombnaja devin tot mai evidente găsindu-şi reflectare în materialul arheologic.

Mormintele Jamnaja târzie în necropola de la Brăviceni constituie 23% din numărul total de morminte investigate, astfel putem admite că teritoriul dat a fost populat timp de 2-3 secole de populaţiile respective. Totodată menţionăm că în toţi tumulii cercetaţi în spaţiul dat de la Cheile Răutului şi până la vărsarea r. Sagala (afluent de stânga) în Răut nu au fost identificate morminte Katakombnaja. Astfel numărul relativ mare de morminte Jamnaja târzie ne vorbeşte despre perioada îndelungată în care respectivele comunităţi au populat lunca Răutului, posibil, până la apariţia aici a triburilor Mnogovalikovaja. Luând în calcul aceste date, putem lansa unele afirmaţii cu titlu de ipoteză privind situaţia demografică în zonă.

Este bine cunoscut că economia pastorală presupune creşterea vitelor pe un teritoriu separat şi schimbarea acestuia în căutarea păşunilor nevalorificate. Putem presupune că unele grupuri de populaţii semi-momade cu o economie preponderent pastorală (admitem şi caracterul mixt, pastoral-agricol) controlau spaţii bine delimitate. Or, ridicarea movilelor funerare deasupra mormintelor semenilor săi (sau mantale noi peste tumulii existenţi), întărea drepturile comunităţii asupra unor teritorii în vederea păşunatului şi creşterii unor culturi agroalimentare (Иванова 2001, 51-53).

În acest context, coexistenţa comunităţilor Jamnaja târzie şi Katakombnaja pare destul de obiectivă. Anume lipsa mormintelor Katakombnaja într-o microzona bine delimitată geografic şi prezenţa lor din abundenţă în microzonele învecinate nu este deloc întâmplătoare. Iar prezenţa vârfurilor de săgeţi „de tip Katakombnaja" descoperite printre oasele mormintelor Jamnaja târzie (Brăviceni 18/2, 18/3) ne vorbeşte despre coexistenţă lor de loc paşnică. În necropola tumulară de la Brăviceni, cronologic, mormintele Jamnaja târzie sunt urmate de complexele Mnogovalikovaja, acestora din urmă îi revine şi ridicarea unui tumul - nr. 4 (Ларина, Манзура, Хахеу 2008, 28).

Situaţia cardinal se schimbă mai spre nord, unde în necropola de la Codrul Nou, mormintele Katakombnaja formează majoritatea covârşitoare (Яровой 1984). Astfel putem presupune că comunităţile Jamnaja târzie o perioada îndelungată au controlat lunca Răutului Mijlociu de posibilele penetrări a triburilor Katakombnaja. Teritoriul ocupat îl putem delimita la nord pe linia satelor actuale Clişova, Ciocâlteni, Fedoreuca şi la sud – Cheile Răutului.

Suntem convinşi că penetrarea comunităţilor Katakombnaja în spaţiul pruto-nistrean s-a produs treptat şi neuniform excluzând din start unele repercusiuni „apocaliptice" asupra localnicilor. Din aceste motive, în anumite zone prielnice traiului şi activităţilor economice, unele comunităţi Jamnaja târzie şi-au continuat o perioadă îndelungată existenţa separat.

Probabil, în astfel de împrejurări, comunităţile Jamnaja târzie au populat microzonele respective până la apariţia aici a purtătorilor culturii Mnogovalikovaja. Perioada îndelungată în care lunca Răutului Mijlociu a fost populată de triburile respective se datorează condiţiilor naturale prielnice pentru practicarea agriculturii sezoniere si creşterii animalelor. Fertilitatea solurilor de luncă se datorează revărsărilor periodice a râului. Iar prezenţa masivă a stufărişului de luncă oferea securitatea necesară iernării animalelor. Situaţii similare au fost înregistrate în zona Veliki Lug la Niprul de Jos şi în delta Dunării, unde la fel sunt concentrate o serie de necropole tumulare.

Zona lacurilor dunărene ne oferă mai multe informaţii în acest sens. Astfel autorii cercetărilor necropolelor tumulare de la Nagornoe, Plavni şi Novosel'skoe situate între lacurile Cahul şi Ialpug iar la sud mărginindu-se cu r. Dunărea, presupun o evoluţie îndelungată în zonă a comunităţilor Jamnaja târzie. În 30 de tumuli cercetaţi, culturii Jamnaja îi aparţin 69 de morminte iar morminte

Katakombnaja nu au fost înregistrate (Андрух, Добролюбский, Тощев 1985, 87-88; Тощев 1992, 48). Situaţie similară a fost consemnată şi la necropola Fricăţei (s. Limanskoe, reg. Odesa, malul drept al lacului Cahul) unde din 6 tumuli, 4 au fost ridicate deasupra mormintelor Jamnaja care însumează 22 morminte urmate stratigrafic de complexele culturii Mnogovalikmovaja (Тощев, Сапожникив 1990, 13). Doar spre nord de lacurile dunărene sunt cunoscute morminte Katakombnaja, care la rândul său probabil marchează zona nepopulată de triburile Jamnaja târzie (Тощев 1982, 7).

În final ne expunem convingerea că unele microzone (lunca Răutului Mijlociu, lacurile dunărene) prielnice traiului şi mărginite de hotare naturale precum ar fi râuri, lacuri, păduri, au adăpostit o perioadă îndelungată comunităţi Jamnaja târzie. Aceştia şi-au continuat existenţa separat, paralel cu noii săi vecini – cultura Katakombnaja.

Bibliografie

Mihailescu et al. 2006: C. Mihailescu, V. Sochircă, T. Constantinov, A. Ursu, N. Boboc, A. Begu, A. Munteanu, I. Boian, Colecţia Mediul geografic al Republicii Moldova. Vol. 1. Resursele naturale (Chişinău 2006).

Nistreanu et al. 2011: V. Nistreanu, A. Larion, A. Savin, L. Mironov, N. Corcimaru, V. Ţurcanu, D. Buburuz, Unele aspecte geografice şi ecologice ale rezervaţiei peisagistice Trebujeni (Republica Moldova). In: Ecoterra, nr. 26 (Chişinău 2011), 85-92.

Андрух, Добролюбский, Тощев 1985: С.И. Андрух, А.О. Добролюбский, Г.Н. Тощев, Курганы у села Плавни в низовьях Дуная, монография депонирована (ИНИОН от 13.06.1985) (Одесса 1985).

Дергачев 1973: В.А. Дергачев, Памятники эпохи бронзы, АКМ, вып. 3 (Кишинэу 1973).

Иванова 2001: С.В. Иванова, Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья (Одесса 2001).

Кетрару, Хахеу 1985: Н.А. Кетрару, В.П. Хахеу, Чокылтенские курганы. В сб.: АИМ в 1985 г. (Кишинев 1990), 49-73.

Ларина, Манзура, Хахеу 2008: О.В. Ларина, И.В. Манзура, В.П. Хахеу, Брэвиченские курганы (Кишинэу 2008).

Попович 2008: С.С. Попович, Исследования кургана у г. Орхей. Revista Arheologică s.n. IV/1, 2008, 93-99.

Рымбу 1982: Н.Л. Рымбу, Природно-географическое районирование Молдавской ССР (Кишинев 1982).

Тощев 1992: Г.Н. Тощев, Курганы эпохи бронзы межозерья Ялпуга и Кагула (Запорожье 1992).

Сапожников 1990: И.В. Сапожников, Курганы у станции Фрикацей в низовьях Дуная. В: Древности степного Причерноморья и Крыма, I (Запорожье 1990), 13-30.

Тощев 1982: Г.Н. Тощев, Средний период бронзового века Северо-Заподного Причерноморья. Автореф. канд. дисс. (Киев 1982).

Яровой 1984: Е.В. Яровой, Отчет о полевых исследованиях Нижнепрутской новостроичной археологической экспедиции в 1984 г. (Кишинэу 1984). Arhiva MNIM, nr. 215.

Tumuli (kurgans) from Brânzenii Noi and Rogojeni (Rescue Archaeological Research 2013)

Abstract

This article puts in the scientific use results of rescue research of the mound (tumulus) no.1 from the village of Brânzenii Noi (Teleneşti District) and the mound (tumulus) no.1 from the village of Rogojeni (Şoldăneşti District). The vast majority of burials in the mounds studied belong to the Yamna culture, Early Bronze Age. One burial from the mound 1 in Brînzenii Noi refers to antiquities of the Noua culture, Late Bronze Age. In conclusion, the authors consider the issues of coexistence of the Late Yamna culture tribes with the bearers of the Catacomb culture in such a peculiar ecological niche as the floodplain of the Middle Răut.

List of illustrations:

Fig. 1. Geographical location of the researched tumuli (kurgans): 1 - Brânzenii Noi village, Teleneşti District; 2 - Rogojeni village, Şoldăneşti District.

Fig. 2. The terrain map with the location of the tumuli (kurgans) and necropolises studied in the lower riches of the Middle Răut: I - the kurgan from Orhei; II - tumular necropolis from Braviceni; III - tumular necropolis from Ciocîlteni; IV - burial mounds from Codrul Nou.

Fig. 3. Brânzenii Noi. Tumulus (kurgan) no. 1. Plan and sections.

Fig. 4. Brânzenii Noi. Tumulus (kurgan) no. 1. Tomb no. 1, stone filling.

Fig. 5. Brânzenii Noi. Tumulus (kurgan) no. 1: 1 - tomb no. 1; 2 - tomb no. 3; 3 - temple ring from the tomb no. 2; 4 - vessel from the tomb no. 1; 5 - tomb no. 2.

Fig. 6. Brânzenii Noi. Tumulus (kurgan) no. 1. Tomb no. 4.

Fig. 7. Rogojeni. Tumulus (kurgan) no. 1. Plan and sections.

Fig. 8. Rogojeni. Tumulus (kurgan) no. 1: 1 - tomb no. 1; 2 - vessel from the tomb no. 1; 3 - tomb no. 2; 4 - vessel from the tomb no. 2.

Fig. 9. Rogojeni. Tumulus (kurgan) no. 1: 1 - anthropomorphic stele; 2, 3 - flint flake.

Fig. 10. Brânzenii Noi. Tumulus (kurgan) no. 1: 1 - vessel from tomb no. 1; 2 - vessel from tomb no. 1 (photo *in situ*). Rogojeni. Tumulus (kurgan) no. 1: 3 - vessel from tomb no. 1; 4 - vessel from tomb no. 1 (photo *in situ*); 5 - vessel from tomb no. 2, 6 - vessel from tomb no. 1 (photo *in situ*).

Курганы у сел Брынзений Ной и Рогожень (спасательные археологические раскопки 2013 г.)

Резюме

Данная статья вводит в научный оборот результаты спасательных раскопок кургана №1 у села Брынзений Ной Теленештского района и кургана №1 у села Рогожень Шолдэнештского района. Подавляющее большинство погребений, исследованных в этих курганах, относятся к ямной культуре; одно погребение в кургане №1 у села Брынзений Ной относится к древностям культуры Ноуа. В заключение авторами рассмотрены вопросы сосуществования позднеямных племен с носителями катакомбной культуры в такой своеобразной экологической нише, как пойма среднего течения реки Реут.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Географическое расположение исследованных курганов у сел Брынзений Ной (1) и Рогожень (2).

Рис. 2. Топографическая карта с указанием расположения исследованных курганов в зоне нижнего течения Среднего Реута: I - курган у г. Орхей; II - Брэвиченский могильник; III - курганы у с. Чекылтень; IV - курганы у с. Кодрул Ноу.

Рис. 3. Брынзений Ной. Курган №1. План и профили кургана.

Рис. 4. Брынзений Ной. Курган №1. Погребение №1, каменная закладка.

Рис. 5. Брынзений Ной. Курган №1: 1 - погребение №1; 2 - погребение №3; 3 - височное кольцо из погребения №2; 4 - сосуд из погребения №1; 5 - погребение №2.

Рис. 6. Брынзений Ной. Курган №1. Погребение №4.

Рис. 7. Рогожень. Курган №1. План и профили кургана.

Рис. 8. Рогожень. Курган №1: 1 - погребение №1; 2 - сосуд из погребения №1; 3 - погребение №2; 4 - сосуд из погребения №2.

Рис. 9. Рогожень. Курган №1: 1 - каменное антропоморфное изваяние; 2, 3 - кремневые отщепы.

Рис. 10. Брынзений Ной. Курган №1: 1 - сосуд из погребения №1; 2 - сосуд из погребения №1 (фото *in situ*). Рогожень. Курган №1: 3 - сосуд из погребения №1; 4 - сосуд из погребения №1 (фото *in situ*); 5 - сосуд из погребения №2; 6 - сосуд из погребения №2 (фото *in situ*).

31.03.2014

Serghei Agulnikov, Institutul Patrimoniului Cultural AŞM, bd. Ştefan cel Mare şi Sfânt, 1, MD-2001 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: agulnikov-budjak@mail.ru

Eugeniu Mistreanu, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August, 121A, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: eugenmistreanu@gmail.com

Sergiu Popovici, Agenţia Naţională Arheologică, str. Mihai Eminescu, 50, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: popovicisergiu@mail.ru

ЖИЛЫЕ СООРУЖЕНИЯ ЧЕРНОЛЕССКОЙ КУЛЬТУРЫ ДНЕСТРОВСКО-ДНЕПРОВСКОГО ЛЕСОСТЕПНОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ (анализ, типология, сравнительная характеристика)

Сергей Фидельский

Раскопками 1949 года в Черном Лесу А.И. Тереножкиным была открыта до этого не известная в археологической науке культура раннего железного века, получившая название «чернолесская» (Тереножкін 1952, 117-124). Начатые в 1950 г. исследования Субботовского городища позволили выделить ранний и поздний этапы чернолесской культуры (Тереножкин 1961, 29,56). Дальнейшее изучение чернолесских памятников привело к накоплению материала, на основании которого изучались различные аспекты культуры Чернолесья, такие как ареал распространения, выделение локальных групп, а также вопросы хронологии.

На сегодняшний день в результате археологических изысканий установлено, что большая часть чернолесских памятников сосредоточена в Днестровско-Днепровском лесостепном междуречье. Здесь открыто 135 укрепленных и неукрепленных поселений, из которых 25 селищ и 14 городищ были археологически исследованы. Добытый в ходе раскопок материал позволил выделить основные направления экономического развития чернолесских племен. Основу хозяйства составляло земледелие. Значительную роль играло придомное скотоводство. На высоком уровне развивалось бронзолитейное производство, наряду с которым была распространена и обработка железа. Важным результатом исследований становятся также данные, которые указывают на развитие домостроительства у населения чернолесской культуры.

Интерес к указанной теме был вызван отсутствием в настоящее время обобщающих работ по чернолесским жилищам. Лишь в своей монографии, опубликованной в 1961 году, А.И. Тереножкин представил общие данные о жилищах чернолесской культуры (Тереножкин 1961). Исходя из этого, в предлагаемой работе будет предпринята попытка детально проанализировать жилые сооружения, представить их типологию, а также выявить сходства и различия в домостроительстве у чернолесского населения.

Жилые сооружения были обнаружены на 35 памятниках – 23 селищах (Белино, Большая Андрусовка I, Большая Снытонка IV, Вишенка II, Ворошилов, Галица II, Громы V, Днестровка, Жванец, Канев, Канев IV, Крещатик, Ленковцы, Лука-Врублевецкая, Макеевка, Маньковка X, Михалкив I, Молодецкое X, Молодово, Непоротово, Пикивец VI, Сокилец, Умань XX) и 12 городищах (Адамовка, Богдановка I, Григоровка, Залевки I, Ивановка, Калантаево, Лубенцы, Немирово, Ново-Георгиевск, Рудковцы, Субботово, Тясминка) (рис. 1).

Среди 23 **неукрепленных поселений** только на восьми селищах достоверно (тип, конструкция, размеры) удалось зафиксировать наличие жилых сооружений (Белино, Большая Андрусовка I, Вишенка II, Ворошилов, Днестровка, Канев, Ленковцы, Непоротово). На 15 памятниках (Большая Снытонка IV, Галица II, Громы V, Жванец, Канев IV, Крещатик, Лука-Врублевецкая, Макеевка, Маньковка X, Михалкив I, Молодецкое X, Молодово, Пикивец VI, Сокилец, Умань XX) существование жилых комплексов было зафиксировано благодаря сохранившимся завалам глиняной обмазки с отпечатками жердей и прутьев, а также отопительным сооружениям.

Особого внимания заслуживают размеры жилищ, в особенности их глубина. К сожалению, для некоторых из них определить параметры не представлялось возможным по причине нарушения культурного слоя. Это в большей степени характерно для тех памятников, где зафиксировано несколько хронологических горизонтов. Однако там, где удалось выявить глубину сооружений, были определены три

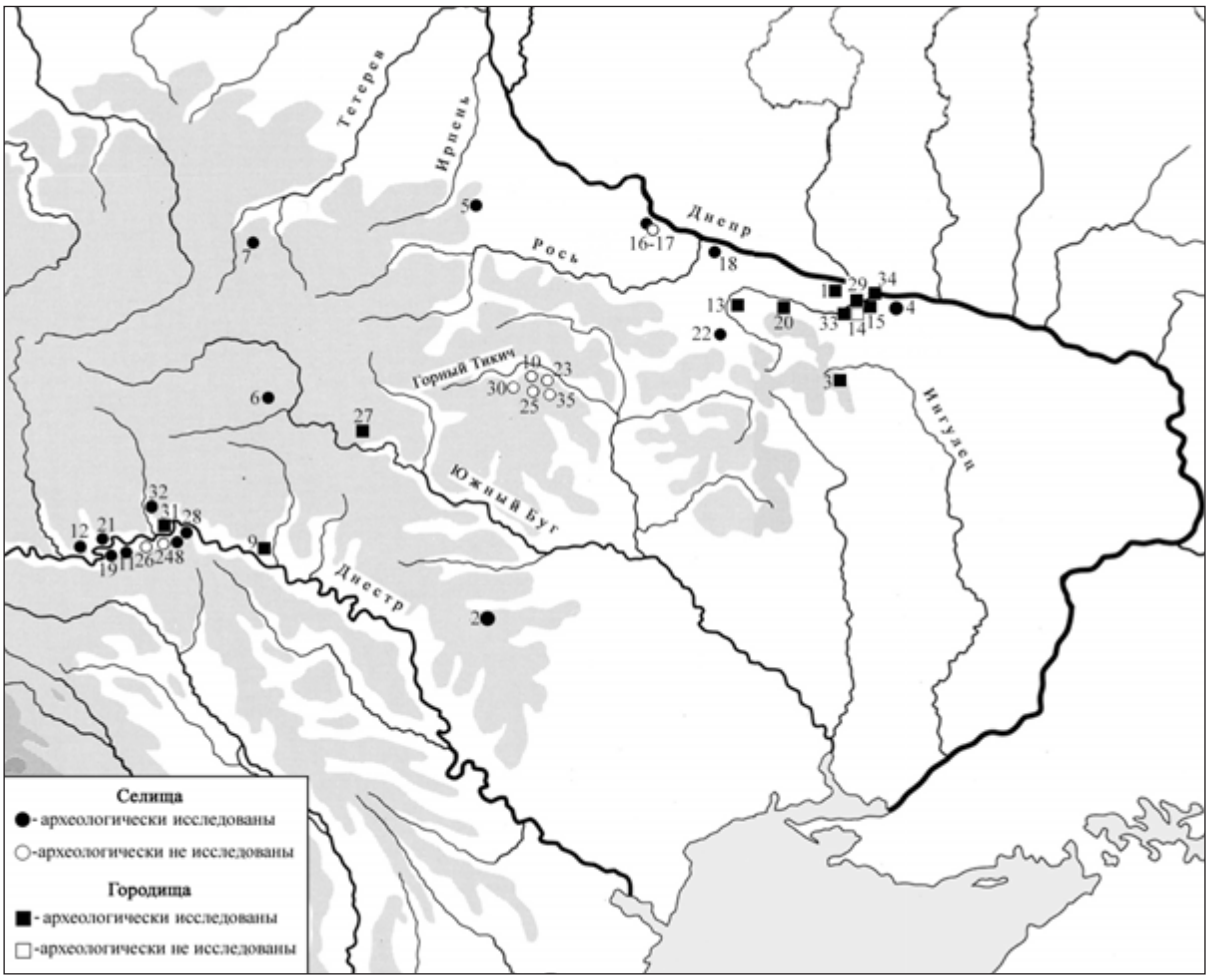


Рис. 1. Карта распространения жилищ чернолесской культуры Днестровско-Днепровского лесостепного междуречья (1 - Адамовка; 2 - Белино; 3 - Богдановка I; 4 - Большая Андрусовка I; 5 - Большая Снытонка IV; 6 - Вишенка II; 7 - Ворошилов; 8 - Галица II; 9 - Григоровка; 10 - Громы V; 11 - Днестровка; 12 - Жванец; 13 - Залевки I; 14 - Ивановка; 15 - Калантаево; 16 - Канев; 17 - Канев IV; 18 - Крещатик; 19 - Ленковцы; 20 - Лубенцы; 21 - Лука-Врублевецкая; 22 - Макеевка; 23 - Маньковка X; 24 - Михалкив I; 25 - Молодецкое X; 26 - Молодово; 27 - Немирово; 28 - Непоротово; 29 - Ново-Георгиевск; 30 - Пикивец VI; 31 - Рудковцы; 32 - Сокилец; 33 - Субботово; 34 - Тясминка; 35 - Умань XX).

основных типа. Жилища глубиной до 0,5 м отнесены к наземным сооружениям, от 0,5 до 1 м – к полуземлянкам и более 1 м – к землянкам.

В общей сложности на открытых поселениях выявлено 82 жилых комплекса (59 наземных жилищ, 18 полуземлянок и пять землянок). Все памятники, за исключением раннечернолесских селищ Большая Андрусовка I, Большая Снытонка IV и Михалкив I, были связаны с поздним этапом чернолесской культуры.

Наземные жилища обнаружены на 14 памятниках. По одному сооружению выявлено на поселениях Белино, Ворошилов, Галица II, Ленковцы, Макеевка и Сокилец, по два жилища зафиксировано на селищах Днестровка, Крещатик и Лука-Врублевецкая, три жилых сооружения найдены на поселении Пикивец VI. Больше всего наземных построек обнаружено на поселениях Маньковка X (7), Непоротово (11), Умань XX (12) и Громы V (13). Наземные дома, скорее всего, сооружались на поселениях Большая Снытонка IV, Канев IV, Михалкив I, Молодецкое X, Молодово, о чем свидетельствуют обнаруженные на поверхности земли пятна правильных форм.

Форму наземных жилищ удалось зафиксировать на четырех памятниках. Как правило, жилища имели прямоугольные очертания. По одному прямоугольному жилищу было обна-

ружено на селищах Белино, Ворошилов, Днестровка, два таких сооружения зафиксированы на поселении Непоротово. Кроме того, на Днестровском и Непоротовском поселениях отмечено по одному жилищу овальных форм.

Полуземлянки найдены на четырех поселениях: Большая Андрусовка I (10 сооружений), Вишенка II (три сооружения), Канев (два сооружения), Непоротово (три сооружения). Из 18 сооружений 15 жилищ имели прямоугольные формы (Большая Андрусовка I – 10; Вишенка II – 2; Непоротово – 3). У трех полуземлянок была зафиксирована овальная форма (Вишенка II – 1; Канев – 2).

Землянки отмечены на трех селищах: Днестровка (два сооружения), Жванец (одно сооружение), Канев (два сооружения). Все без исключения жилища представляли собой овальные в плане сооружения.

Различались жилые сооружения чернолесской культуры и по размерам. Зафиксированы как небольшие, так и крупные по площади жилища. К примеру, на Непоротовском поселении обнаружена полуземлянка площадью 15 м², а также наземные жилища площадью 30 м², 60 м² и 110 м². На поселении Днестровка площадь наземных жилищ составила 15 м² и 61 м², а землянок 11,3 м² и 17,1 м². Среди крупных построек выделяется наземное жилище площадью 99 м² с поселения Ворошилов, а также полуземлянка площадью 120 м² с поселения Большая Андрусовка I. К средним по размерам жилищам относятся наземное сооружение (44,4 м²) поселения Белино и полуземлянка (50 м²) поселения Большая Андрусовка I.

Таким образом, чернолесские жилища не отличались постоянными величинами. Даже в пределах одного памятника, на примере поселений Днестровка и Непоротово, встречаются жилища как небольшие по площади, так и крупных размеров. Учитывая параметры жилых построек можно выделить малые (от 10 до 30 м²), средние (от 40 до 65 м²) и крупные (свыше 100 м²) сооружения.

На четырех памятниках (Белино, Большая Андрусовка I, Вишенка II, Днестровка) обнаружено 18 жилищ, у которых зафиксирована ориентировка. Так на поселении Белино наземное жилище ориентировано по линии запад-восток. Полуземлянка с поселения Вишенка II ориентирована по линии север-юг, две другие по линии северо-восток-юго-запад. Раскопки четырех жилищ поселения Днестровка показали, что два наземных сооружения ориентированы по линии север-юг, одна полуземлянка ориентирована по линии северо-восток-юго-запад, другая по линии северо-запад-юго-восток. Из десяти полуземлянок поселения Большая Андрусовка I девять жилищ ориентированы по линии северо-запад-юго-восток и лишь одна по линии северо-восток-юго-запад.

Одним из основных элементов интерьера жилищ является наличие отопительных сооружений, которые представлены в основном глинобитными очагами. Достоверно было зафиксировано, что очаги входили в интерьер 12 жилищ, обнаруженных на поселениях Белино, Ворошилов, Галица II, Днестровка, Канев, Крещатик, Ленковцы, Лука-Врублевецкая, Сокилец. Как правило, в жилищах находилось по одному очагу, который располагался в центральной части сооружения. Лишь в одном случае на поселении Днестровка в жилище зафиксировано два очага, расположенные в центре и северо-западном углу помещения. Кроме того, надо отметить нахождение отопительных сооружений не только в составе жилого комплекса, но и за его пределами, о чем свидетельствуют раскопки поселений Белино, Вишенка II, Днестровка.

Среди конструктивных особенностей интерьеров жилищ следует выделить, во-первых, редкий случай, когда стены сооружений были облицованы деревянной конструкцией в виде бревен и досок (Большая Андрусовка I). Во-вторых, в жилищах по периметру располагались материковые приступки, зафиксированные на поселениях Вишенка II и Канев.

Хочется отметить еще одну важную деталь, которая указывает на порядок размещения жилых комплексов. На основании общего плана отдельных селищ следует предположить, что чернолесские жилища возводились по определенной схеме. В ее основу был заложен принцип расположения жилищ в последовательный ряд на расстоянии от 0,5 до 3 м друг от друга. Жилища, расположенные в один ряд,

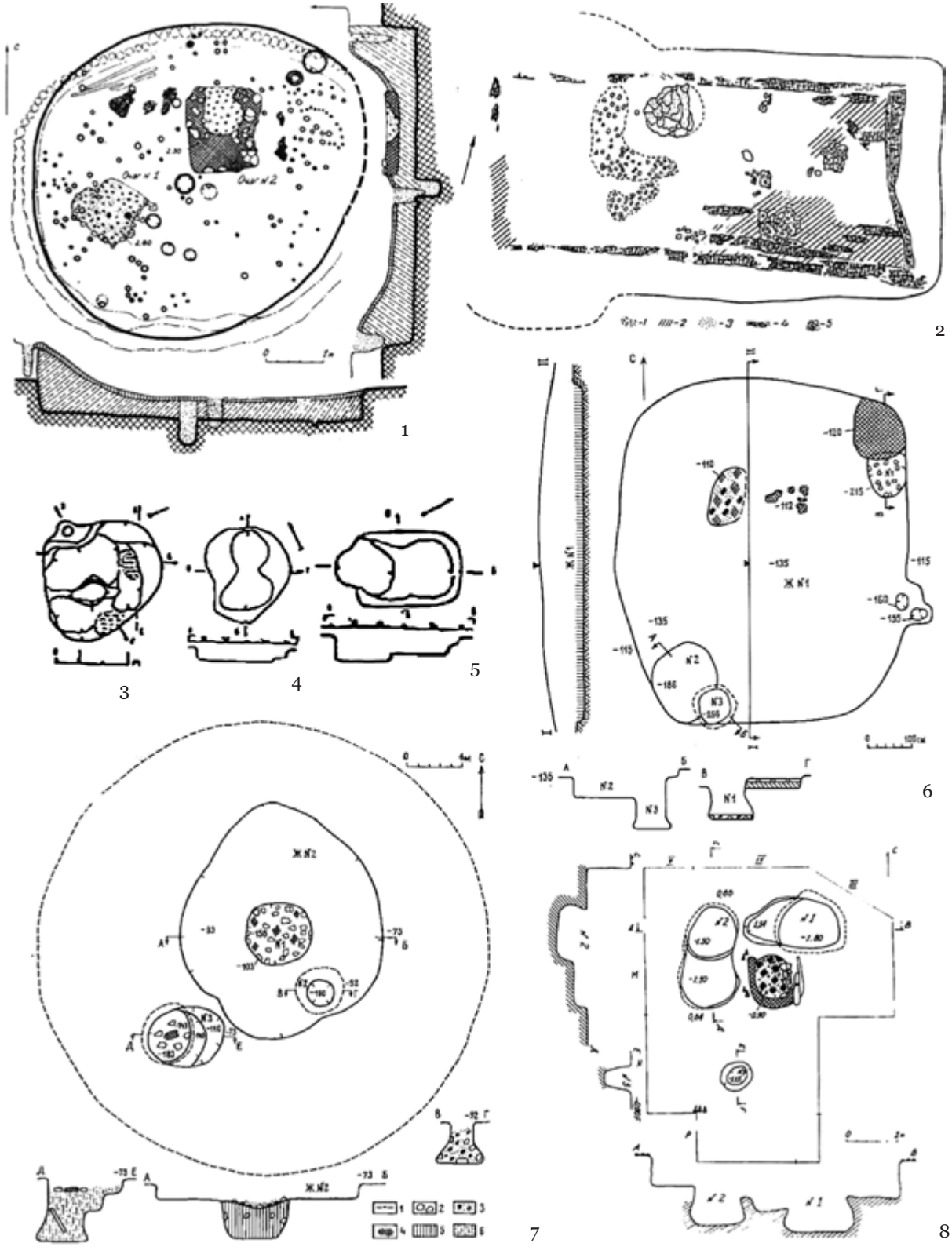


Рис. 2. Общие планы и разрезы жилищ чернолесской культуры Днестровско-Днепровского лесостепного междуречья (1, 8 - Немирово (по Смирнова 1998); 2 - Большая Андрусовка I (по Покровська, Петровська 1961); 3-5 - Вишенка II (по Бойко 2004); 6, 7 - Днестровка (по Смирнова 1984).

отмечены на поселениях Большая Андрусовка I и Молодецкое X, в два ряда они располагались на поселениях Громы V, VII, Молодецкое X и в три ряда на поселении Умань XX.

На сегодняшний день известно 12 городищ (Адамовка, Богдановка I, Григоровка, Залевки I, Ивановка (Яныч), Калантаево, Лубенцы, Немирово, Ново-Георгиевск, Рудковецкое, Субботово, Тясминка), на которых были обнаружены жилые сооружения. Все городища, за исключением Ивановского, были археологически исследованы. Также следует отметить, что основная часть жилищ была связана с поздним этапом чернолесской культуры, не считая восемь сооружений раннечернолесского слоя Субботовского городища.

В общей сложности на укрепленных поселениях обнаружено 26 жилых сооружений, из которых 11 относились к наземным постройкам, девять к полуземлянкам и шесть к землянкам. По одному наземному сооружению зафиксировано на Адамовском, Залевкинском, Калантаевском, Немировском и Субботовском (поздний этап) городищах. Пять жилищ наземного типа обнаружены на городище Рудковцы. О существовании аналогичных сооружений на Ивановском, Лубенецком и Московском (Ново-Георгиевск) укрепленных поселениях говорит наличие глиняной обмазки, а также остатки очагов.

Девять полуземлянок выявлено на Субботовском и Рудковецком городищах, причем на городище Субботово зафиксировано восемь, семь из которых относились к раннему этапу чернолесской культуры.

В свою очередь, землянки сооружались на Чернолесском, Субботовском (ранний этап), Тясминском, Григоровском и Немировском городищах. Практически на каждом памятнике отмечено по одному сооружению, за исключением Немировского городища, где обнаружены две землянки.

Что касается параметров жилых сооружений, то они по формам и размерам близки к постройкам, обнаруженным на селищах. Также их сближает наличие в интерьере очагов и хозяйственных ям (табл. I).

Хорошо изученными, оказались жилые комплексы Субботовского и Рудковецкого городищ. В первом случае они демонстрируют основные приемы домостроительства в раннечернолеское время, во втором случае показана практика возведения жилых сооружений на позднечернолесском этапе.

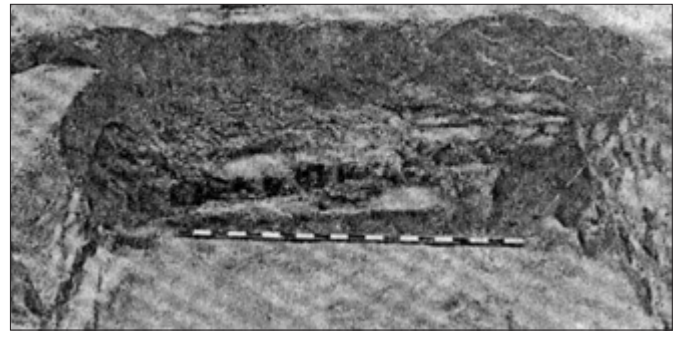
Итак, на 35 памятниках (23 селищ и 12 городищ) зафиксировано 109 жилых сооружений, из которых 70 являлись наземными, 27 полуземлянками и 12 землянками. Предстоящий анализ жилых построек позволит сделать ряд очень важных наблюдений, и на основании форм, размеров, внутренней планировки представить их типологию.

Для раннего этапа чернолесской культуры хорошо изученными оказались жилые сооружения поселения Большая Андрусовка I (рис. 2/2) и Субботовского городища (рис. 3/3-5). Установлено, что на раннем этапе чернолесские племена практиковали стандартный принцип расположения жилищ на местности. Заключался он в том, что жилые сооружения размещались в один последовательный ряд, причем большинство из них были ориентированы по линии северо-запад-юго-восток.

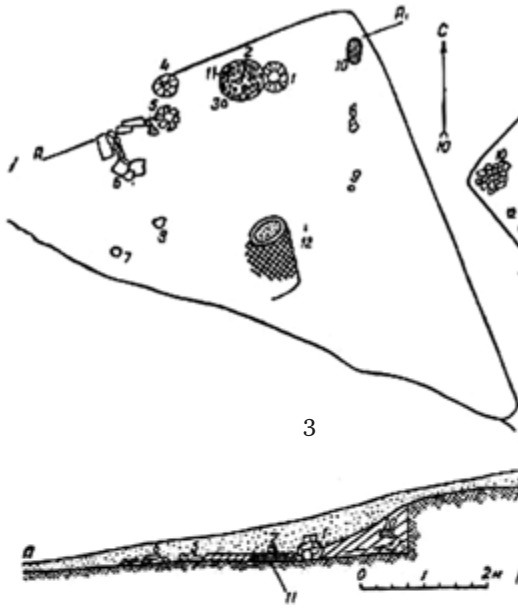
В раннечернолесский период возводились крупные постройки размерами 6-10 м и глубиной до 1 м. Основным типом жилых сооружений являлись полуземлянки. Всего известно 10 полуземлянок с поселения Большая Андрусовка I и семь полуземлянок с Субботовского городища. Обнаруженное на указанном городище сооружение глубиной 3 м предполагает строительство на раннем этапе построек земляночного типа.

Как правило, в интерьер раннечернолесских жилищ входили отопительные сооружения, которые плохо сохранились. Однако, судя по скоплениям сильно обожженной глиняной обмазки, следует предположить, что очаги были глинобитными с глиняным «подом». В жилищах они располагались как в центре (Субботов), так и в северо-восточной части (Большая Андрусовка I), при этом количество очагов варьировало от одного до трех. В некоторых случаях удалось установить форму отопительных сооружений. В частности на Субботовском городище очаги были округлыми, диаметром 1 м, или прямоугольными, длиной до 1 м. Кроме того, в жилищах также использовали отопительные сооружения открытого

1

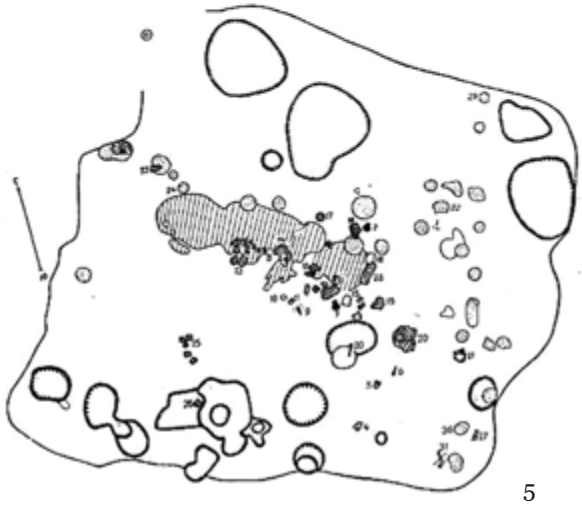


2



3

4



5

6

7

Рис.3. Остатки очага (1), общие планы и разрезы жилищ (2-6), остатки каменной конструкции жилища (7) памятников чернолесской культуры Днестровско-Днепровского лесостепного междуречья (1 - Лука-Врублевецкая (по Шовкопляс 1956); 2 - Тясминка (по Максимов, Петровская 1959); 3-5 - Субботов (по Тереножкин 1961); 6, 7 - Непоротово (по Крушельницька 1985).

типа, от которых сохранились зольные кучи (Субботово). Рядом с отопительными сооружениями находились ямы, которые использовались для сбора очажного мусора.

Еще одним элементом интерьера жилищ следует считать наличие ям. Примером служат полуземлянки поселения Большая Андрусовка I. Ямы, входившие в состав жилищ, использовались либо в качестве погребков, о чем свидетельствует наличие ступенек, либо для сброса бытовых отходов.

Среди конструкций, обнаруженных в жилищах, надо отметить глиняные площадки округлых форм, которые были выявлены в полуземлянках поселения Большая Андрусовка I и Субботовского городища. Они представляли собой возвышения высотой 0,17 м (Субботово) и 0,95 м (Большая Андрусовка I), диаметром 1 и 1,2 м соответственно. Аналогичные конструкции происходят с позднечернолесского поселения Белино и раннескифского городища Мотронино (Ванчугов 1978, 306; Бессонова, Скорый 2001, 36). Кроме того, глиняные возвышения хорошо известны на античных памятниках Поднестровья и Побужья, по результатам раскопок которых данные сооружения интерпретировались как места для сидения или в качестве бытовых «столиков» (Марченко, Доманский 1999, 59; Охотников 1990, 14; Крижицький, Русяєва 1978, 8-9).

При исследовании раннечернолесских жилищ Субботово и Большой Андрусовки I удалось выявить такую конструктивную деталь, как облицовка стен деревянной конструкцией в виде вертикально поставленных бревен. Это дает основание считать, что на раннем этапе чернолесской культуры была распространена техника внутренней отделки жилого помещения, основным материалом которой являлось дерево. Можно предположить, что бревна, стоящие вертикально, использовались двояко: во-первых, они служили опорой для потолка и соответственно всей кровли, во-вторых, исполняли роль утеплителя стен. Забегая вперед, отметим, что подобная техника практиковалась и на позднечернолесском этапе, на что указывают аналогичные детали, выявленные в сооружениях Немировского и Тясминского городищ. Близкая конструкция известна в культуре Гава-Голиграды, где раскопками городища Лисичники обнаружены жилые сооружения, стены которых выложены из деревянного сруба (Малеев 1973, 305).

Таким образом, из вышеизложенного следует, что на раннем этапе чернолесской культуры население использовало два основных типа жилищ. К **I типу** были отнесены полуземлянки, тогда как **II тип** представлен землянками. Учитывая формы, а также архитектурные и конструктивные детали для жилищ I типа, выделено два подтипа. В I подтип вошли сооружения прямоугольной формы, тогда как II подтип представлен квадратными постройками. Жилые сооружения I и II подтипов разделены на варианты и подварианты (рис. 4).

Подвариант А варианта 1 подтипа I типа I представлен однокамерными постройками со стационарным отопительным сооружением. К ним относятся жилища №№ 1, 3-4, 8-9 поселения Большая Андрусовка I (рис. 2/2), а также сооружение № 1 Субботовского городища (рис. 3/3).

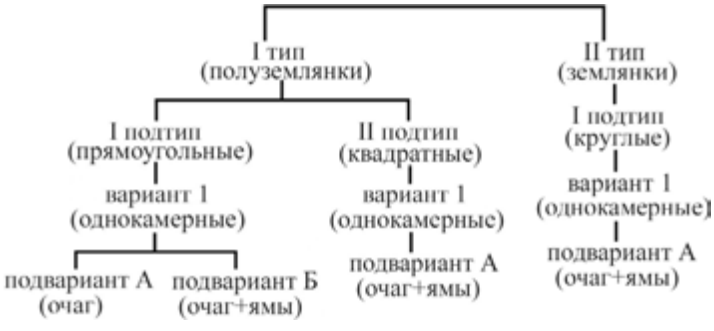


Рис. 4. Типология жилищ раннего этапа чернолесской культуры Днестровско-Днепровского лесостепного междуречья.

Подвариант Б варианта 1 подтипа I типа I характеризуется однокамерными жилищами со стационарным отопительным сооружением и ямами. К данному варианту определены сооружения №№ 2, 5, 7 поселения Большая Андрусовка I и полуземлянка № 2 Субботовского городища (рис. 3/4).

Для сооружений II подтипа выделен вариант 1, включающий однокамерные жилища, у которого отмечен подвариант А со стационарным отопительным сооружением и ямами.

Подвариант А варианта 1 подтипа II типа I представлен жилищем № 6 Субботовского городища (рис. 3/5).

Для жилищ II типа выделен подтип I, к которому отнесены сооружения круглых форм, а также вариант 1, представленный однокамерными постройками, и подвариант А со стационарным отопительным сооружением и ямами.

Подвариант А варианта 1 подтипа I типа II представлен землянкой № 3 Субботовского городища.

На позднем этапе чернолесской культуры наряду с полуземлянками и землянками появляются жилища наземного типа, который становится господствующим в указанное время. Все без исключения жилища состояли из деревянной каркасно-столбовой конструкции, которая с внутренней и внешней стороны обмазывалась глиной. Об этом свидетельствует наличие столбовых ямок, а также обнаруженные фрагменты обмазки с отпечатками жердей и прутьев. При изучении жилых сооружений Рудковецкого городища был отмечен редкий случай, когда стены оказались выложенными из камня. Кроме того, на Непоротовском поселении каменным оказался и фундамент дома.

Практика возведения каменных домов восходит еще к эпохе раннего – среднего бронзового века, о чем свидетельствуют раскопки памятников культур Глина III – Шнекенберг, Монтеору в Румынии (Федоров, Полевой 1973, 70,73). Жилые сооружения с каменной конструкцией стен и каменным фундаментом обнаружены на сабатиновских поселениях в Северном Приазовье, на Тилигульском лимане (Привалова, Привалов 1987, 95-97; Погребова, Елагина 1962, 6-10, рис. 1; 2). Считается, что каменное домостроительство было широко распространено именно в сабатиновское время, в меньшей степени подобная практика наблюдается на поселениях белозерской культуры (Мелюкова 1979, 37). Подтверждением тому являются исследования позднесабатиновского – раннебелозерского поселения Вороновка II. Здесь обнаружено более 20 наземных жилищ и полуземлянок, стены которых выложены из камня (Ванчугов и др. 1991, 12-29).

Остатки каменных сооружений обнаружены при исследовании памятников культуры многоваликовой керамики в Крыму и Надпорожье (Шарафутдинова 1982, 16, рис. 2). Надо отметить, что каменное домостроительство в Северном Причерноморье зародилось еще в эпоху ранней бронзы, о чем говорят раскопки Михайловского поселения на Нижнем Днепре, где наземные дома сооружались на каменном основании (Шапошникова 1955, 124-125).

На Нижнем Дону раскопками поселений кобяковской культуры (X-IX вв. до н.э.) обнаружены жилые сооружения, главным образом землянки, стены которых облицованы камнем (Шарафутдинова 1973, 5-6, рис.3).

Практика каменной облицовки стен землянок была известна населению Северного Кавказа начала I тыс. до н.э. (Круглов 1940, 66). К примеру, близ с. Сержень-Юрт на поселении раннего железного века выявлены жилища, основания которых были сложены из камней (Козенкова, Крупнов 1964, 75).

Как показывают исследования, практически все позднечернолесские наземные жилища были однокамерными, за исключением одной постройки Непоротовского поселения, где зафиксировано несколько помещений (Кос, Крушельницкая, Павлив 1975, 299).

Наземные сооружения хорошо известны и являются ведущим типом на синхронных чернолесской культуре памятниках. В частности наземные жилища обнаружены на памятниках культур Гава-Голиграды-Грэничешть и Козия-Сахарна (Kaşuba, Zanoci 2010, 53, 101, tab. 1). На территории Левобережной лесостепи и Подонья жилища наземного типа были распространены у населения бондарихинской культуры (Телегін 1956, 78-80, рис. 3; Артеменко 1987, 116; Мелюкова 1989, 28).

Археологические раскопки землянок Немировского (рис. 2/1) и Тясминского (рис. 3/2) городищ продемонстрировали наличие деревянной облицовки стен. Судя по имеющейся иллюстрации, следует предположить, что стены землянки Немировского городища были выложены из бревен, тогда как стены тясминской землянки были облицованы досками. Данный прием хорошо известен на раннем этапе чернолесской культуры. Землянки, у которых стены обшиты деревянными плахами, были распространены в тшинецко-комаровской культуре (Березанская 1967, 122). Аналогичные сооружения обнаружены в андроновской культуре эпохи поздней бронзы Южного Зауралья (Сальников 1951, 107). Здесь на Кипельском, Замараевском, Ново-Буринском поселениях, а также на городище Чудаки стены землянок были облицованы бревнами или плахами, которые находились в горизонтальном и вертикальном положении (Сальников 1940, 70).

Таким образом, учитывая все вышеизложенное, следует отметить, что на позднем этапе чернолесской культуры населением практиковалось строительство трех типов жилых сооружений.

К жилищам **I типа** отнесены наземные постройки (рис. 5). Они представлены двумя подтипами. Прямоугольные жилища включены в I подтип, а жилища овальной формы во II подтип.

Для I-го подтипа выделено два варианта жилищ: вариант 1 – однокамерные сооружения; вариант 2 – многокамерные сооружения.

Вариант 1 включает два подварианта: подвариант А – жилища с каркасно-столбовой конструкцией стен; подвариант Б – жилища с каменной конструкцией стен. У подварианта А было зафиксировано семь отличительных признаков: подвариант А-1 – жилища с одним отопительным сооружением (очаг или печь); подвариант А-2 – жилища с двумя и более отопительными сооружениями; подвариант А-3 – жилища с одним очагом и хозяйственными ямами; подвариант А-4 – жилища с несколькими отопительными сооружениями и хозяйственными ямами; подвариант А-5 – очаг и вымостка; подвариант А-6 – наличие ступени; подвариант А-7 – наличие ям. У подварианта Б выделен единственный признак Б-1, указывающий на наличие в жилище двух отопительных сооружений.

Жилища варианта 2 представлены одним подвариантом А – сооружения на каменном фундаменте, у которого выделен один признак А-1, указывающий на наличие ям.

Для II-го подтипа выделен вариант 1 – однокамерные жилища, с подвариантом А – сооружения каркасно-столбовой конструкции, у которых зафиксирован очаг и ямы (А-1).

Жилые сооружения **подварианта А-1 варианта 1 подтипа I типа I** были обнаружены

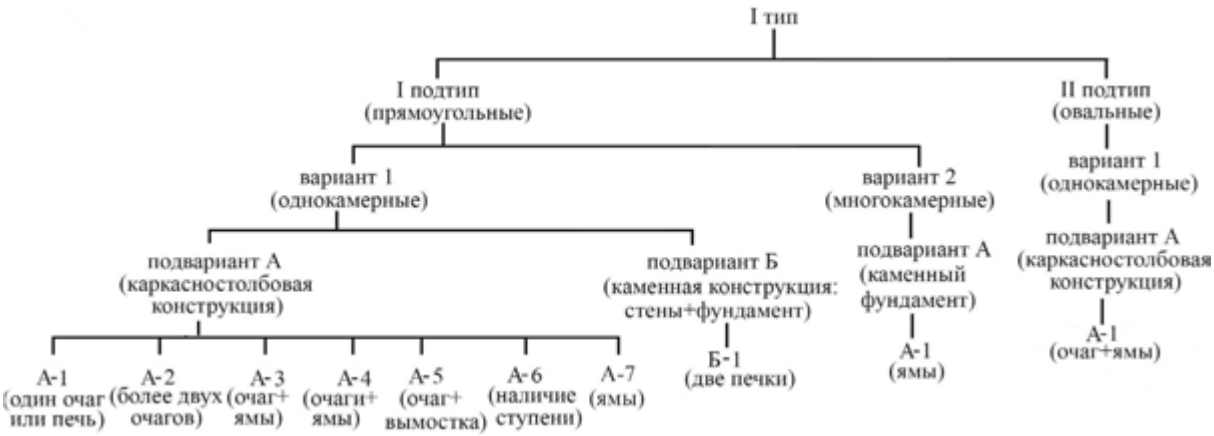


Рис. 5. Типология наземных жилищ позднего этапа чернолесской культуры Днестровско-Днепровского лесостепного междуречья.

Рис. 6. Типология полуземлянок позднего этапа чернолесской культуры Днестровско-Днепровского лесостепного междуречья.

на поселении Ворошилов и Рудковецком городище. Три жилища **подварианта А-2 варианта 1 подтипа I типа I** исследованы на Рудковецком городище. **Подвариант А-3 варианта 1 подтипа I типа I** представлен сооружениями Непоротовского поселения и Немировского городища (рис. 2/8). Одно жилище **подварианта А-4 варианта 1 подтипа I типа I** выявлено на поселении Днестровка (рис. 2/6). Жилое сооружение **подварианта А-5 варианта 1 подтипа I типа I** исследовано на поселении Белино. **Подвариант А-6 варианта 1 подтипа I типа I** представлен сооружением Залевкинского городища. **Подвариант А-7 варианта 1 подтипа I типа I** включает жилище поселения Непоротово. Жилище **подварианта Б-1 варианта 1 подтипа I типа I** обнаружено на Рудковецком городище. Жилое сооружение **подварианта А-1 варианта 2 подтипа I типа I** исследовано на Непоротовском поселении. **Подвариант А-1 варианта 1 подтипа II типа I** представлен жилищем с поселения Днестровка (рис. 2/7).

К жилым сооружениям **II-го типа** отнесены полуземлянки (рис. 6). Они представлены двумя подтипами. Прямоугольные жилища включены в I подтип, жилища овальной формы – во II подтип. В свою очередь, оба подтипа содержат по одному варианту, где жилые постройки представлены однокамерными сооружениями.

Для варианта 1 подтипа I выделено три подварианта. Жилища подваринта А содержали два и более отопительных сооружений, в жилищах подварианта Б отопительные сооружения отсутствовали, а в жилищах подварианта В обнаружены ямы.

Для варианта 1 подтипа II определен один подвариант А, где в жилищах выявлены материковые приступки, располагавшиеся по периметру.

Подвариант А варианта 1 подтипа I типа II представлен жилыми сооружениями Рудковецкого городища. Полуземлянки **подварианта Б варианта 1 подтипа I типа II** обнаружены на Непоротовском поселении и Субботовском городище. **Подвариант В варианта 1 подтипа I типа II** представлен жилищами Непоротовского поселения. **Подвариант А варианта 1 подтипа II типа II** представлен сооружениями поселений Вишенка II (рис. 2/4) и Канев.

К жилым сооружениям **III-го типа** отнесены землянки (рис. 7). Для сооружений данного типа был выделен один подтип, для которого характерны жилища округлых или овальных форм, а также один вариант, включающий однокамерные жилища. В свою очередь вариант 1 представлен тремя подвариантами: подвариант А – жилые сооружения без очагов, ям и других конструкций; подвариант Б – в жилищах отмечен очаг и ступенька; подвариант В – сооружения с деревянной облицовкой стен. У подваранта В с одной стороны зафиксированы жилища без каких-либо конструкций (В-1), с другой стороны в сооружениях находился очаг (В-2).

Подвариант А варианта 1 подтипа I типа III представлен сооружениями городища Богдановка I, а также поселения Днестровка. **Подвариант Б варианта 1 подтипа I типа III** представлен жилыми постройками Григоровского и Немировского городищ. **Подвариант В-1 варианта 1 подтипа I типа III** включает землянки Тясминского городища (рис. 3/2). **Подвариант В-2 варианта 1 подтипа I типа III** состоит из сооружений Немировского городища (рис. 2/1).

Рис. 7. Типология землянок позднего этапа чернолесской культуры Днестровско-Днепровского лесостепного междуречья.

В целом, проведенный анализ предоставил возможность сравнить раннечернолесские и позднечернолесские жилые сооружения, опираясь на такие данные, как расположения жилищ, их формы, размеры, конструкции, а также состояния интерьеров. Главным результатом стало выделение общих и отличительных черт в домостроительстве чернолесского населения.

Для раннего этапа чернолесской культуры в строительстве жилых сооружений было определено семь характерных признаков: 1) жилища располагались в один ряд; 2) ведущим типом сооружений являлись полуземлянки; 3) жилые постройки имели прямоугольные или квадратные формы; 4) особенностью жилищ является практика деревянной облицовки стен досками или бревнами; 5) в составе жилищ находились отопительные сооружения, либо таковые отсутствовали; 6) наряду с очагами обнаружены ямы; 7) внутри сооружений выявлены глиняные возвышения.

При рассмотрении жилищ позднего этапа чернолесской культуры было выделено девять характерных признаков: 1) жилища располагались в один, два или три ряда; 2) основным типом жилищ следует считать наземные постройки; 3) все типы жилищ в равной степени имели округлые или прямоугольные формы; 4) наземные жилища с каркасно-столбовой или каменной конструкцией стен на каменном фундаменте; 5) у землянок отмечена деревянная облицовка стен досками или бревнами; 6) почти у всех наземных жилищ наряду с ямами присутствовали отопительные сооружения (подобная картина отмечена у полуземлянок и землянок, но, в отличие от наземных жилищ, есть сооружения, где очаги отсутствовали); 7) все типы жилищ, кроме землянок, содержали хозяйственные ямы; 8) конструкции наземных жилищ и землянок указывают на то, что в некоторых из них были ступеньки; 9) в полуземлянках обнаружены материковые приступки (полки-лежанки), а в наземных жилищах – глиняные возвышения (вымостки) округлых форм.

Принимая во внимание и сравнивая предложенные выше признаки, можно сделать выводы, указывающие на характер развития и дальнейшие изменения в домостроительстве чернолесских племен.

С началом развития чернолесской культуры в строительстве жилых сооружений можно проследить определенные архаические черты. Показателем служат однокамерные жилища полуземляночного типа с простой конструкцией и довольно скромным интерьером. Однако существует и ряд отличительных моментов, которые сводятся к следующему: порядок расположения жилищ на местности; устойчивость в соблюдении размеров; строгая ориентировка; наличие в интерьере деревянной облицовки стен и глиняных возвышений. Они являются главными критериями, которые характеризуют жилые сооружения раннечернолесской культуры.

Выделение позднечернолесского этапа следует связать не только с изменениями в хозяйственной жизни чернолесского населения (в первую очередь керамическое производство), но и с определенными переменами в строительстве жилых сооружений. С другой стороны, появление новых элементов в домостроительстве не предполагает отказ от старых традиций, что подтверждается сохранением некоторых архитектурных приемов.

В позднечернолесское время в отличие от раннего этапа начинается возведение наземных сооружений. С началом строительства наземных жилищ связано появление архитектурных и строительных новшеств. Примером тому являются сооружения с каменными конструкциями стен или на каменном фундаменте.

Строительство полуземлянок на позднем этапе чернолесской культуры сопровождалось изменениями в планировке, во внутреннем состоянии и других конструктивных деталях. Например, наряду с прямоугольными полуземлянками сооружаются постройки овальных форм. Меняется и внутренняя планировка жилищ. Интерьер становится богаче и разнообразнее в связи с увеличением количества очагов и ям. Среди новшеств надо выделить материковые уступы, которые располагались вдоль стен жилищ или по периметру.

Несмотря на столь значительные изменения в характере строительства жилых сооружений, надо отметить, что в позднечернолесское время сохраняются некоторые архаические традиции. Это выразилось, прежде всего, в практике деревянной облицовки стен и в наличии глиняных возвышений.

В целом, сравнительный анализ жилищ позволил проследить важнейшие этапы развития домостроительства у чернолесского населения, выявил сходства и различия жилых сооружений раннего и позднего периодов чернолесской культуры. С другой стороны, слабая источниковая база (отсутствие публикаций) оставляет нерешенными ряд актуальных вопросов. Тем не менее, значимость разработок заключается в том, что жилища, являясь важной категорией археологических источников, позволят изучить различные стороны жизни чернолесского населения.

Таблица I.

Жилые сооружения чернолесской культуры Днестровско-Днепровского лесостепного междуречья.

№	Наименование памятника	Кол-во	Тип	Форма	Размеры	Конструктивные особенности и состояние интерьера жилищ
1	Адамовка	1	Наземное (?)			Остатки деревянного каркаса с глинобитным полом.
2	Белино	1	Наземное	Прямоугольная	6,0×7,4 м	По периметру столбовые ямки. В центре очаг. К северу от очага глиняное возвышение.
3	Богдановка I	1	Землянка	Округлая	диаметр 2,3 м, глубина 1,6 м	
4	Большая Андрусовка I	10	Полуземлянка №7	Прямоугольная	10×12 м, глубина 1 м	Стены облицованы бревнами и досками.
			Полуземлянка №8	Прямоугольная	5×10 м, глубина до 1 м	В жилище выявлено глиняное возвышение. Жилища располагались в один ряд на расстоянии 2-3м.
5	Большая Снытонка IV	1	Наземное (?)			
6	Вишенка II	3	Полуземлянки	Прямоугольная Подовальная		По периметру материковые приступки.
7	Ворошилов	1	Наземное	Прямоугольная	9×11 м, глубина до 0,3 м	В центре очаг.
8	Галица II	1	Наземное			Остатки жилища с каменными печками.
9	Григоровка	1	Землянка (?)	Округлая	диаметр 2 м	Столбовая ямка. В стене отмечена ступенька. Остатки очага.

№	Наименование памятника	Кол-во	Тип	Форма	Размеры	Конструктивные особенности и состояние интерьера жилищ
10	Громы V	13	Наземные			Жилища располагались в два ряда.
11	Днестровка	4	Наземное	Подпрямоугольная	7,2×8,5 м, глубина 0,2 м	Жилище найдено под зольником. В центре и северо-восточном углу глинобитные очаги. В юго-западном углу две ямы.
			Наземное	Овальная	диаметр 3×5 м, глубина 0,3 м	В центре глинобитный очаг. Рядом с очагом яма. У юго-западного угла яма.
			Землянка №4	Подовальная	3,3×5,2 м, глубина 1,45 м	
			Землянка №5	Подовальная	2,7×4,2 м, глубина 1,3 м	
12	Жванец	1	Землянка			
13	Залевки I	1	Наземное			В северной части ступенька.
14	Ивановка (Яныч)	1	Наземное (?)			
15	Калантаево	1	Наземное (?)			
16	Канев	2	Полуземлянки	Овальная		В интерьере материковые приступки.
		2	Землянки	Овальная		
17	Канев IV		Наземные (?)			
18	Крещатик	2	Наземные			
19	Ленковцы	1	Наземное	Больших размеров		
20	Лубенцы		Наземные (?)			
21	Лука-Врублевецкая	2	Наземные			
22	Макеевка	1	Наземное			
23	Маньковка X	7	Наземные			
24	Михалкив I		Наземные (?)			
25	Молодецкое X		Наземные (?)			Жилища располагались в один, два ряда.
26	Молодово		Наземные (?)			
27	Немирово	3	Землянка №2	Округлая	диаметр 5,8 м, глубина 1,2 м	Деревянная облицовка стен. В центре столбовая ямка. В юго-западном углу очаг.
			Землянка №3	Округлая	4,4×4,8 м, глубина 1,3 м	В западной части ступенька. В центре очаг.
			Наземное			Глинобитный очаг. Ямы.
28	Непоротово	11	Наземное	Прямоугольная	5×12 м	В основании каменный фундамент. Жилище состояло из нескольких камер с каменными площадками. Три ямы.
			Наземное	Овальная	4,6×6,5 м	
			Наземное №8		110 м²	Остатки деревянного перекрытия. Глиняные „поды” и девять ям.
			Наземные	Крупные размеры		Деревянный каркас. Ямы.
			Наземные	Прямоугольная		Под жилищем ямы.
		3	Полуземлянка №10			Яма перекрыта слоем глины.
			Полуземлянки	Прямоугольная	15 м²	Ямы.
			Полуземлянка			

№	Наименование памятника	Кол-во	Тип	Форма	Размеры	Конструктивные особенности и состояние интерьера жилищ
29	Ново-Георгиевск		Наземные (?)			
30	Пикивец VI	3	Наземные			Площадки диаметром до 20 м.
31	Рудковцы	6	Наземное			Каменные стены. Две печки.
			Наземное		6,7×8,5 м	Глинобитная печь.
			Наземное №5	Прямоугольная	6,5× 8,5 м, глубина до 0,5 м	Четыре отопительных сооружения.
			Наземные (№№6,7)		глубина до 0,5 м	Глинобитные печи.
			Наземные		20м²	Глинобитные очаги.
		1	Полуземлянка			Две печки.
32	Сокилец	1	Наземное			Открытый очаг.
33	Субботово **(ранний этап)**	3	Полуземлянка №1			В центре жилища очаг. Возле очага яма. Глиняное возвышение.
			Полуземлянка №2	Прямоугольная	6,0×10,5 м, глубина до 1м	
			Полуземлянка №6	Квадратная	10×10 м, глубина до 1м	
		4	Полуземлянки	Прямоугольные		
		1	Землянка №3	Круглая	диаметр 5м, глубина 3м	
	Субботово (**поздний этап)**	1	Наземное (?)			Глинобитный пол размерами 4х9 м. На нем располагался очаг.
		1	Полуземлянка		глубина 0,5-0,7 м	
34	Тясминка	1	Землянка	Округлая	3,3×3,6м, глубина 1,75 м	Вдоль стен канавки. В центре и по углам столбовые ямки. Стены обшиты досками.
35	Умань XX	12	Наземные			Жилища располагались в три ряда.

Библиография

Артеменко 1987: И.И. Артеменко, Бондарихинская культура. В сб.: (Отв. ред. О.Н. Бадер, Д.А. Крайнов, М.Ф. Косарев) Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР (Москва 1987), 116-119.

Березанская 1967: С.С. Березанская, Тшинецко-комаровская культура на Северной Украине. СА 2, 1967, 120-136.

Бессонова, Скорый 2001: С.С. Бессонова, С.А. Скорый, Мотронинское городище скифской эпохи (по материалам раскопок 1988-1996 гг.) (Киев-Краков 2001).

Ванчугов 1978: В.П. Ванчугов, Работа Балтского отряда Причерноморской экспедиции. В сб.: АО 1977 года (Москва 1978), 306.

Ванчугов и др. 1991: В.П. Ванчугов, А.Г. Загинайло, В.Г. Кушнир, В.Г. Петренко, Вороновка II. Поселение позднего бронзового века в Северо-Западном Причерноморье (Киев 1991).

Козенкова, Крупнов 1964: В.И. Козенкова, Е.И. Крупнов, Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1962 г. КСИА 98, (Москва 1964), 73-80.

Кос, Крушельницкая, Павлив 1975: А.И. Кос, Л.И. Крушельницкая, Д.Ю. Павлив, Многослойный памятник у с. Непоротово. В сб.: АО 1974 года (Москва 1975), 299-300.

Крижицький, Русяєва 1978: С.Д. Крижицький, А.С. Русяєва, Найдавнішні житла Ольвії. Археологія 28, 1978, 3-26.

Круглов 1940: А.П. Круглов, Археологические работы на Северном Кавказе. КСИИМК V, 1940, 65-69.

Малеев 1973: Ю.Н. Малеев, Результаты работ экспедиции Киевского государственного университета. В сб.: АО 1972 года (Москва 1973), 305-307.

Марченко, Доманский 1999: К.К. Марченко, Я.В. Доманский, Два поселения Нижнего Побужья архаического времени (опыт сравнительной характеристики материальной культуры памятников). Stratum plus 3, 1999, 26-74

Мелюкова 1979: А.И. Мелюкова, Скифия и фракийский мир (Москва 1979).

Мелюкова 1989: А.И. Мелюкова, Культуры предскифского периода в лесостепной зоне. В сб.: (Отв. ред. А.И. Мелюкова) Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время (Москва 1989), 16-29.

Охотников 1990: С.Б. Охотников, Нижнее Поднестровье в VI-V вв. до н.э. (Киев 1990).

Погребова, Елагина 1962: Н.Н. Погребова, Н.Г. Елагина, Работы в Тилигуло-Березанском районе в 1959 году. КСИА 89, (Москва 1962), 6-14.

Привалова, Привалов 1987: О.Я. Привалова, А.И. Привалов, Поселение эпохи поздней бронзы возле с. Николаевка в Северном Приазовье. В сб.: (Отв. ред. О.Г. Шапошникова) Древнейшие скотоводы степей юга Украины (Киев 1987), 94-107.

Сальников 1940: К.В. Сальников, Три года работы на городище Чудаки. КСИИМК V, 1940, 69-71.

Сальников 1951: К.В. Сальников, Бронзовый век Южного Зауралья. В сб.: (Отв. ред. А.Я. Брюсов) МИА 21 (Москва 1951), 94-151.

Телегін 1956: Д.Я. Телегін, Дослідження поселень епохи бронзи на Дінці. АП VI, 1956, 75-84.

Тереножкин 1961: А.И. Тереножкин, Предскифский период на днепровском Правобережье (Киев 1961).

Тереножкін 1952: О.І. Тереножкін, Розвідки і розкопки 1949 г. в північній частині Кіровоградської області. Археологія VII, 1952, 110-135.

Федоров, Полевой 1973: Г.Б. Федоров, Л.Л. Полевой, Археология Румынии (Москва 1973).

Шапошникова 1955: О.Г. Шапошникова, Раскопки второго Михайловского поселения. КСИА 4, (Киев 1955), 124-125.

Шарафутдинова 1982: И.П. Шарафутдинова, Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы (Киев 1982).

Шарафутдинова 1973: Э.С. Шарафутдинова, Заключительный этап позднего бронзового века на Нижнем Дону (памятники кобяковской культуры). СА 2, 1973, 3-26.

Kaşuba, Zanoci 2010: M. Kaşuba, A. Zanoci, Locuinţele comunităţilor hallstattiene din spaţiul est-carpatic în secolele XII-VIII a. Chr. (tradiţii, deosebiri culturale şi perspectivele cercetării comparative). Tyragetia s.n. IV/1, 2010, 49-102.

Locuinţele culturii Černyj Les din regiunea de silvostepă a spaţiului Nistru-Nipru (analiză, tipologie, caracteristică comparativă)

Rezumat

În articol sunt analizate construcţiile locative ale populaţiei culturii Černyj Les din regiunea de silvostepă a spaţiului Nistru-Nipru. Vestigii ale locuinţelor au fost atestate în cca 23 aşezări civile (Belino, Bol'šaja Andrusovka I, Bol'šaja Snytonka, Višenka II, Vorošilov, Galica II, Gromy V, Dnestrovka, Žvsnec, Kanev, Kanev IV, Kreščatik, Lenkovcy, Luka-Vrubleveckaja, Makeevka, Man'kovka X, Mihalkiv I, Molodeckoe X, Molodovo, Neporotovo, Novo-Georgievsk, Pikivec VI, Sokilec, Uman' XX) şi în 12 aşezări fortificate (Adamovka, Bogdanovka I, Grigorovka, Zalevki, Ivanovka, Kalantaevo, Lubency, Nemirovo, Novo-Georgevsk, Rudkovcy, Subbotovo, Tjasminka) (fig. 1). Dintre siturile cunoscute, aşezările de la Bol'šaja Andrusovka I, Bol'šaja Snytonka, Mihalkiv I şi stratul inferior de la Subbotovo se încadrează în perioada timpurie a culturii Černyj Les, restul au fost atribuite perioadei târzii. În aşezările din perioada timpurie au fost atestate 17 semibordeie şi un bordei, iar în cele din perioada târzie sunt cunoscute 70 de locuinţe de suprafaţă, 10 semibordeie şi 11 bordeie. Astfel, se observă că pentru perioada timpurie sunt caracteristice locuinţele adâncite în sol (fig. 4), iar în perioada târzie predomină cele de suprafaţă, mai rar fiind întâlnite semibordeiele şi bordeiele (fig. 5-7).

Analiza comparativă a locuinţelor din perioada timpurie şi cea târzie, plecând de la locul amplasării, formă, dimensiuni, detalii constructive şi amenajarea interiorului, a scos în evidenţă atât trăsături comune, cât şi o serie de deosebiri.

Astfel, pentru locuinţele din perioada timpurie au fost evidenţiate şapte particularităţi caracteristice: locuinţele erau amplasate într-un singur şir; tipul predominant de locuinţă este semibordeiul; locuinţele aveau formă rectangulară; pereţii erau căptuşiţi cu bârne sau scândură; locuinţele erau înzestrate cu instalaţii pentru foc; în locuinţe au fost amenajate gropi pentru provizii; în locuinţe sunt atestate elevaţii din lut.

Iar pentru locuinţele din perioada târzie au fost identificate nouă particularităţi caracteristice: locuinţele erau amplasate într-un şir, două sau trei şiruri; tipul predominant de locuinţă este cel de suprafaţă; locuinţele erau de formă rotunjită sau rectangulară; locuinţele de suprafaţă erau construite din carcasă din lemn unsă cu lut şi aveau fundament din piatră; bordeiele aveau pereţii căptuşiţi cu bârne sau scânduri; locuinţele de suprafaţă întotdeauna erau dotate cu sistem de încălzire, iar în cele adâncite acesta putea lipsi; în toate locuinţele, cu excepţia bordeielor, se întâlnesc gropi de provizii; pentru locuinţele adâncite sunt caracteristice treptele; în semi-bordeie sunt atestate amenajări de tip pat (lejancă); în locuinţele de suprafaţă se întâlnesc elevaţii din lut de formă rotunjită.

Astfel, analiza comparativă a locuinţelor din arealul culturii Černyj Les a permis urmărirea etapelor de bază în edificarea lor, evidenţierea particularităţilor comune şi a deosebirilor în funcţie de perioadă.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Harta răspândirii locuinţelor culturii Černyj Les în regiunea de silvostepă a spaţiului Nistru-Nipru: 1 - Adamovka; 2 - Belino; 3 - Bogdanovka I; 4 - Bol'šaja Andrusovka I; 5 - Bol'šaja Snytonka; 6 - Višenka II; 7 - Vorošilov; 8 - Galica II; 9 - Grigorovka; 10 - Gromy V; 11 - Dnestrovka; 12 - Žvsnec; 13 - Zalevki I; 14 - Ivanovka; 15 - Kalantaevo; 16 - Kanev; 17 - Kanev IV; 18 - Kreščatik; 19 - Lenkovcy; 20 - Lubency; 21 – Luka-Vrubleveckaja; 22 - Makeevka; 23 - Man'kovka X; 24 - Mihalkiv I; 25 - Molodeckoe X; 26 - Molodovo; 27 - Nemirovo; 28 - Neporotovo; 29 - Novo-Georgievsk; 30 - Pikivec VI; 31 - Rudkovcy; 32 - Sokilec; 33 - Subbotovo; 34 - Tjasminka; 35 - Uman' XX).

Fig. 2. Planuri şi profiluri ale locuinţelor culturii Černyj Les din regiunea de silvostepă a spaţiului Nistru-Nipru: 1, 8 - Nemirovo (după Смирнова 1998); 2 - Bol'šaja Andrusovka I (după Покровська, Петровська 1961); 3-5 - Višenka II (după Бойко 2004); 6, 7 - Dnestrovka (după Смирнова 1984).

Fig. 3. Vatră (1), planuri şi profiluri ale locuinţelor (2-6), ruine ale unei construcţii din piatră (7) din arealul culturii Černyj Les: 1 - Luka-Vrubleveckaja (după Шовкопляс 1956); 2 - Tjasminka (după Максимов, Петровская 1959); 3-5 - Subbotovo (după Тереножкин 1961); 6, 7 - Neporotovo (după Крушельницька 1985).

Fig. 4. Tipologia locuinţelor din perioada timpurie a culturii Černyj Les în regiunea de silvostepă a spaţiului Nistru-Nipru.

Fig. 5. Tipologia locuinţelor de suprafaţă din perioada târzie a culturii Černyj Les în regiunea de silvostepă a spaţiului Nistru-Nipru.

Fig. 6. Tipologia semibordeielor din perioada târzie a culturii Černyj Les în regiunea de silvostepă a spaţiului Nistru-Nipru.

Fig. 7. Tipologia bordeielor din perioada târzie a culturii Černyj Les în regiunea de silvostepă a spaţiului Nistru-Nipru.

Dwellings of the Chernoles culture in the forest-steppe between the Dniester and Dnieper Rivers (analysis, typology and comparative analysis)

Abstract

The paper attempts to make a detailed analysis of residential structures of the population relating to the Chernoles culture in the forest-steppe between the Dniester and Dnieper Rivers. Vestiges of dwellings were found on 23 unfortified settlements (Belino, Bol'shaya Andrusovka I, Bol'shaya Snytonka IV, Vishenka II, Voroshilov, Galitsa II, Gromy V, Dnestrovka, Zhvanets, Kanev, Kanev IV, Kreshchatik, Lenkovtsy, Luka-Vrublevetskaya, Makeyevka, Man'kovka X, Mikhalkiv I, Molodetskoye X, Molodovo, Neporotovo, Pikivets VI, Sokilets, Uman XX) and 12 fortified settlements (Adamovka, Bogdanovka I, Grigorovka, Zalevki I, Ivanovka, Kalantayevo, Lubentsy, Nemirovo, Novo-Georgievsk, Rudkovtsy, Subbotovo, Tyasminka) (fig. 1). All the sites, except the Early Chernoles settlements of Bol'shaya Andrusovka I, Bol'shaya Snytonka IV and Mikhalkiv I, as well as the lower layer of the Subbotovo settlement, were associated with the late stage of the Chernoles culture. In all on the sites of the Early Chernoles culture there were found 17 semi-dugouts and one dugout. On settlements of the late stage 70 surface dwellings, 10 semi-dugouts and 11 dugouts were identified.

Thus, based on available data a classification of 109 residential structures has been proposed. During the early period of Chernoles culture they practiced construction of semi-dugouts and dugouts (fig. 4). At a later stage of the Chernoles culture they constructed mainly dwellings on the ground surface, and to a lesser extent semi-dugouts and dugouts (fig. 5-7).

In general, the analysis provided an opportunity to compare dwellings referring to the early and the late periods of the Chernoles culture based on such data as the location of dwellings, their shapes, sizes, designs and interior condition. The main result is an identification of common and distinctive features in the construction of houses of the Chernoles culture bearers.

For the early stage of the Chernoles culture there were determined seven characteristic features in the construction of residential structures: 1) dwellings arranged in a row; 2) semi-dugouts were the leading type of structures; 3) residential structures were of rectangular or square shape; 4) dwellings feature is that the walls are lined with wooden planks or logs; 5) dwellings were equipped with heating facilities or those were absent; 6) there were found pits along with the hearths; 7) inside the buildings clay elevations were identified.

In the course of studying dwellings of the late stage of the Chernoles culture there were revealed nine characteristic features: 1) houses were located in one, two or three rows; 2) ground constructions should be considered the main type of housing; 3) all types of dwellings equally had rounded or rectangular shapes; 4) ground dwellings with frame-and-pillar or stone wall construction on a stone foundation; 5) walls of the dugouts are lined with wooden planks or logs; 6) almost all ground dwellings have heating facilities, along with the pits (in some semi-dugouts and dugouts, unlike the ground dwellings, the heating facilities were absent); 7) all types of dwellings, except dugouts, have household pits; 8) construction of ground dwellings and dugouts indicate that some of them had the stairs; 9) in semi-dugouts there were found subsoil shelves-benches, and in ground dwellings there were clay elevations of rounded shapes.

In general, the comparative analysis of dwellings made it possible to trace the major stages in the development of homebuilding at the Chernoles population and revealed similarities and differences between dwellings belonging to the early and the late periods of the Chernoles culture. On the other hand a weak source base (no publications) leaves unresolved a number of topical issues. Nevertheless, the importance of research lies in the fact that the dwellings as an important category of archaeological sources allow to study various aspects of life of the Chernoles population.

List of illustrations:

Fig. 1. Map of distribution of dwellings of the Chernoles culture in the forest-steppe between the Dniester and Dnieper Rivers (1 - Adamovka; 2 - Belino; 3 - Bogdanovka I; 4 – Bol'shaya Andrusovka I; 5 - Bol'shaya Snytonka IV; 6 - Vishenka II; 7 - Voroshilov; 8 - Galitsa II; 9 - Grigorovka; 10 - Gromy V; 11 - Dnestrovka; 12 - Zhvanets; 13 - Zalevki I; 14 - Ivanovka; 15 - Kalantayevo; 16 - Kanev; 17 - Kanev IV; 18 - Kreshchatik; 19 - Lenkovtsy; 20 - Lubentsy; 21 - Luka-Vrublevetskaya; 22 - Makeyevka; 23 - Man'kovka X; 24 - Mikhalkiv I; 25 - Molodetskoye X; 26 - Molodovo; 27 - Nemirovo; 28 - Neporotovo; 29 - Novo-Georgievsk; 30 - Pikivets VI; 31 - Rudkovtsy; 32 - Sokilets; 33 - Subbotovo; 34 - Tyasminka; 35 - Uman XX).

Fig. 2. General plans and sections of dwellings of the Chernoles culture in the forest-steppe between the Dniester and Dnieper Rivers (1, 8 - Nemirovo (after Смирнова 1998); 2 - Bol'shaya Andrusovka I (after Покровська, Петровська 1961); 3-5 - Vishenka II (after Бойко 2004); 6, 7 - Dnestrovka (after Смирнова 1984).

Fig. 3. Remains of a hearth (1), general plans and sections of dwellings (2-6), remains of a stone structure of dwelling (7) from the sites of the Chernoles culture in the forest-steppe between the Dniester and Dnieper Rivers (1 - Luka-Vrublevetskaya (after Шовкопляс 1956); 2 - Tyasminka (after Максимов, Петровская 1959); 3-5 - Subbotov (after Тереножкин 1961); 6, 7 - Neporotovo (after Крушельницька 1985).

Fig. 4. Typology of dwellings of the early stage of the Chernoles culture in the forest-steppe between the Dniester and Dnieper Rivers.

Fig. 5. Typology of ground dwellings of the late stage of the Chernoles culture in the forest-steppe between the Dniester and Dnieper Rivers.

Fig. 6. Typology of semi-dugouts of the late stage of the Chernoles culture in the forest-steppe between the Dniester and Dnieper Rivers.

Fig. 7. Typology of dugouts of the late stage of the Chernoles culture in the forest-steppe between the Dniester and Dnieper Rivers.

23.06.2014

Сергей Фидельский, Научно-исследовательская лаборатория «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, ул. 25 Октября 128, 3300 Тирасполь, e-mail: fidel1975@mail.ru

CERCETĂRI GEOSPAȚIALE ȘI ARHEOLOGICE ÎN MICROZONA HORODIȘTE-ȚIPOVA

Ion Niculiță
Aurel Zanoci
Mihail Băț

De la malul drept al Nistrului, la nord de satul Țipova, raionul Rezina, pornește un defileu adânc cu pantele abrupte. În preajma satului Horodiște defileul se ramifică, formând o rețea de canioane care, la rândul lor, conturează o serie de promontorii (fig. 1; 2).

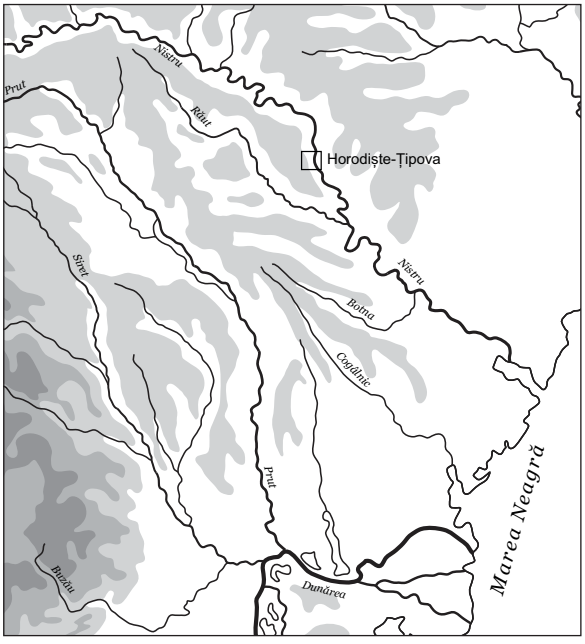
Ca urmare a studierii ortofotoplanurilor și a cercetărilor perieghetice în această microzonă a fost atestată o „aglomerație" de situri, compusă din șase fortificații și două așezări civile (fig. 2).

Dintre fortificațiile cartate, după locul de amplasare, dimensiuni și complexitatea sistemului defensiv se evidențiază cea de la Horodiște „La Cot".

Horodiște „La Cot" (coordonatele sitului: 47°36′50″ N, 28°57′32″ E) (fig. 2; 4).

Situl, cu suprafața de cca 28 ha, se află pe un promontoriu/platou de formă quasi-poligonală, situat la marginea de est a localității. Promontoriul, cu altitudinea de 160 m față de nivelul mării și 65 m față de spațiul înconjurător, este delimitat pe trei laturi de defileuri cu pantele relativ abrupte. Cetatea a fost fortificată de jur-împrejur cu un „val", cu lungimea totală de cca 2,5 km, dublat pe latura de vest de un șanț de apărare. Pe laturile de est și de sud linia defensivă este ondulată, formând un fel de „bastioane". Pe latura de est au putut fi urmărite cca 21 „bastioane", iar pe cea de sud ele se evidențiază mai clar la capătul de est, numărul lor ajungând până la 12 „bastioane". De regulă, ele au formă arcuită în plan, cu o deschidere de cca 10-12 m. Ruinele bastioanelor se prezintă actualmente sub forma unui val cu lățimea la bază de cca 3 m și înălțimea de cca 0,4 m[1] (fig. 4/1-5).

Pe latura de nord, unde panta promontoriului este mai lină, a fost atestat un val („A") cu lungimea de



1

2

Fig. 1. 1 - Localizarea microzonei Horodişte-Ţipova; 2 - hartă digitală de elevaţie a microzonei.

[1] Cu „bastioane" similare a fost fortificată latura de est a cetății traco-getice de la Saharna Mare (Niculiță et al. 2013, 223-224, fig. 13-14).

Fig. 2. Ortofotoplanul microzonei Horodişte-Ţipova (*aşezări fortificate*: 1 - Horodişte „La Cot”; 2 - Horodişte „La Şanţ”, 3 - Horodişte II; 4 - Buciuşca III; 5 - Ţipova III; 6 - Buciuşca II; *aşezări civile*: 7 - Buciuşca IV; 8 - Buciuşca V) (după Google Earth).

108 m, lăţimea la bază de cca 4 m şi înălţimea de 0,3-0,5 m (fig. 4/7, 8). Pe panta de nord-vest care, la fel, este mai domoală, a fost identificat un alt val („B”) cu lungimea de 80 m, lăţimea de 4 m şi înălţimea de 0,3-04 m (fig. 4/7-9).

Pe latura de nord-vest, la fundul defileului în prezent funcţionează un izvor, ale cărui ape se scurg în pârâul din apropiere. De la acest pârâu urcă pe pantă un val („C”) cu lungimea de 275 m, lăţimea la bază de cca 4 m şi înălţimea 0,3-04 m, care se ridică până în apropierea valului de incintă, formând împreună o poartă de acces cu lăţimea de cca 6 m. Probabil, această construcţie defensivă a avut misiunea să protejeze calea de acces spre sursa de apă (fig. 4/6-9).

Pentru a clarifica tehnica de construcţie şi perioada de edificare a „bastioanelor” la capătul de est al liniei defensive de pe latura de sud a fost întreprins un sondaj arheologic, prin intermediul unei casete cu dimensiunile de 6×2 m (fig. 3).

Rămăşiţele construcţiei defensive au apărut la adâncimea de 0,5 m de la nivelul actual de călcare şi se prezintă sub forma unei dărâmături compuse din sol argilos în amestec cu cenuşă, fragmente de lemn carbonizat şi bucăţi de lut ars. Ea avea forma concavă, fiind atestată pe un spaţiu cu lăţimea de 2,7 m şi grosimea maximă de 0,55 m. În cadrul dărâmăturii se evidenţiază o piatră de dimensiuni mari (1,2×0,6×0,3 m) şi mai multe bucăţi de piatră de calcar cu dimensiuni mici (0,15×0,10×0,05 m). De asemenea, printre ruine, la adâncimea de cca 0,7 m a fost atestată o bârnă carbonizată *in situ*. Ea se găsea în poziţie verticală, având lungimea de 0,3 m şi diametrul de 0,15 m. În preajma ei au fost descoperite numeroase fragmente de lemn carbonizat (fig. 3/3).

La extremitatea de nord a dărâmăturii, în profilurile de est şi de vest (fig. 3/1) au fost sesizate urmele a două gropi de par. Ele aveau diametrul de cca 0,4 m, adâncindu-se în sol cu cca 0,1 m faţă de nivelul antic de călcare (nivelul de jos al dărâmă-

turii). Gropile erau umplute cu sol ars în amestec cu pigmenţi de lemn carbonizat.

Printre ruine au fost descoperite patru fragmente de ceramică şi 15 bucăţi de oase de animale. Fragmentele de ceramică făceau parte de la vase modelate cu mâna din pastă de lut cu degresanţi de şamotă. Arderea este incompletă şi neuniformă. Culoarea variază de la cafeniu la cărămiziu.

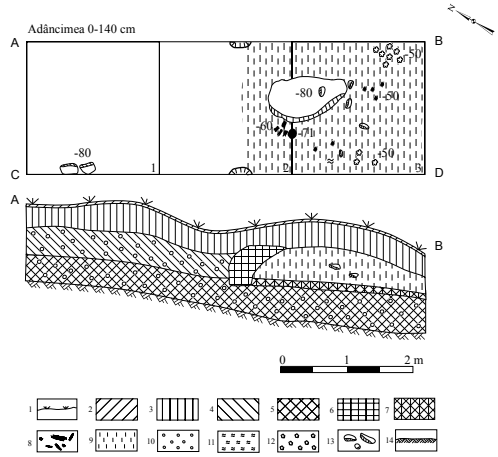
Sub dărâmătură, pe toată lăţimea ei, a fost sesizat un strat de sol, cu grosimea de cca 0,1 m, ars până la roşu (fig. 3/1, 2).

Plecând de la situaţia arheologică, atestată în partea de sud a secţiunii, se poate presupune că dărâmătura cercetată reprezintă ruinele unei linii defensive. Aceasta, după toate probabilităţile, a fost construită din două şiruri de pari. Primul, documentat prin gropile evidenţiate în profil, iar cel de-al doilea – prin bârna carbonizată *in situ*. Dacă se ia în consideraţie distanţa dintre şiruri de cca 0,6 m, la care se adaugă şi grosimea bârnelor de cca 0,2-0,3 m, atunci reiese că construcţia defensivă avea lăţimea totală de cca 1,0-1,2 m. Spaţiul dintre şirurile de bârne a fost umplut cu pământ şi pietre şi bine tasat. Nu este exclus că partea exterioară a construcţiei să fi fost lipită cu lut, fapt sugerat de fragmentele de lut ars descoperite în dărâmătură. Ca urmare a unei distrugeri violente construcţia defensivă s-a prăbuşit spre sud (spre marginea promontoriului), ceea ce a provocat arderea până la roşu a solului (nivelul antic de călcare) peste care ea a căzut.

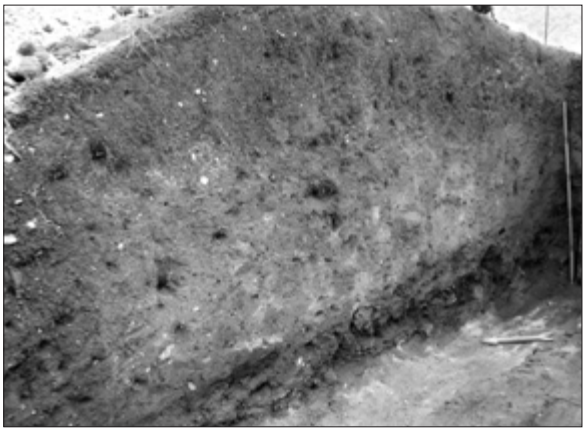
Pornind de la modalitatea de edificare a sistemului defensiv, precum şi de la caracteristica fragmentelor de ceramică, descoperite în emplecton, fortificaţia Horodişte „La Cot" poate fi atribuită comunităţilor traco-getice.

„Ziduri" similare, după tehnica de edificare şi după dimensiuni, au fost utilizate în această perioadă şi la alte fortificaţii traco-getice, cum ar fi: Saharna Mare (Niculiţă et al. 2013a, 223-237, fig. 9-14, 18, 21), Butuceni (Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002, 31, 32, fig. 14, 19-22, foto 3), Măşcăuţi „Dealul cel Mare" (Zanoci 2004, 46, fig. 4-8) etc.

Deopotrivă cu cetatea din punctul „La Cot", accesul prin defileurile din preajma satelor Horodişte şi Ţipova era controlat de încă cinci fortificaţii, situate în imediata apropiere, pe malurile de nord, de sud şi de est ale canioanelor.



1

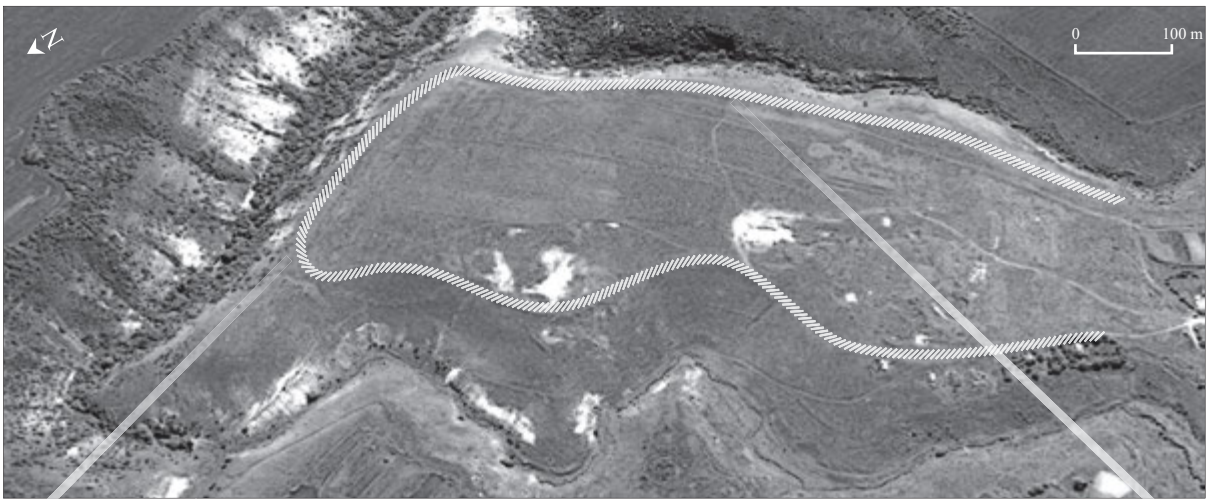


2

3

Fig. 3. Horodişte „La Cot". Secţiunea nr. 1. Ruinele construcţiei defensive de pe latura de sud: 1 - planul şi profilul secţiunii; 2 - profilul stratigrafic vertical al dărâmăturii zidului; 3 - fragmente de lemn carbonizat.

1

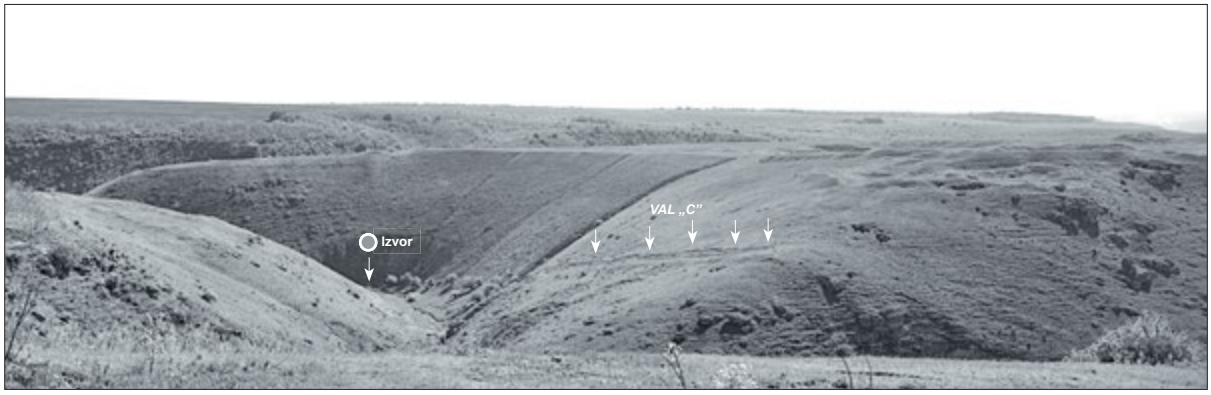


2

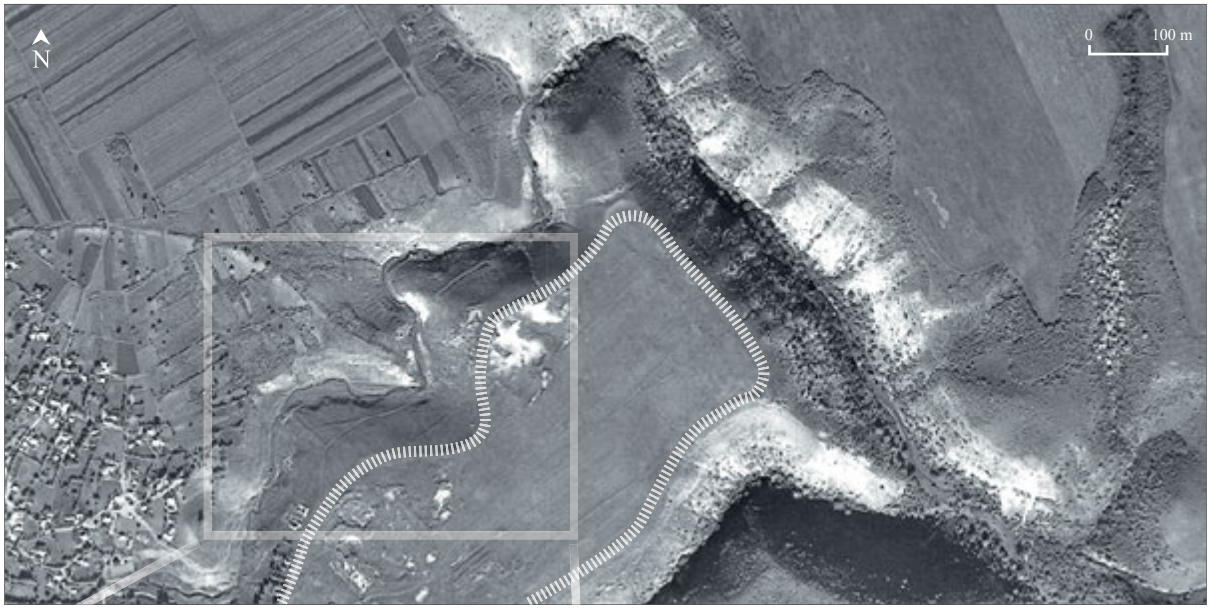
3

4

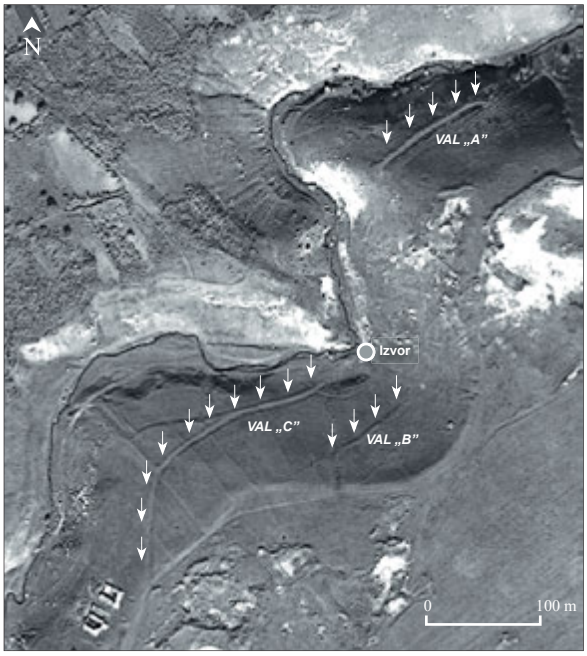
5



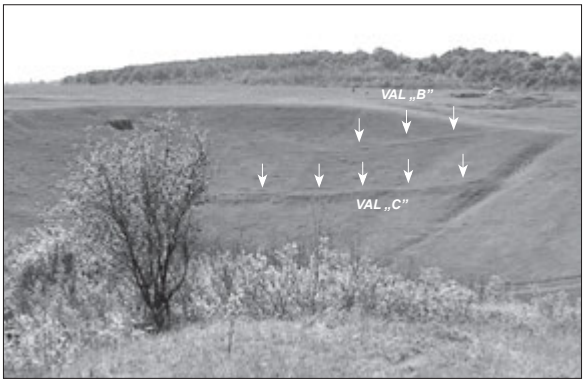
6



7



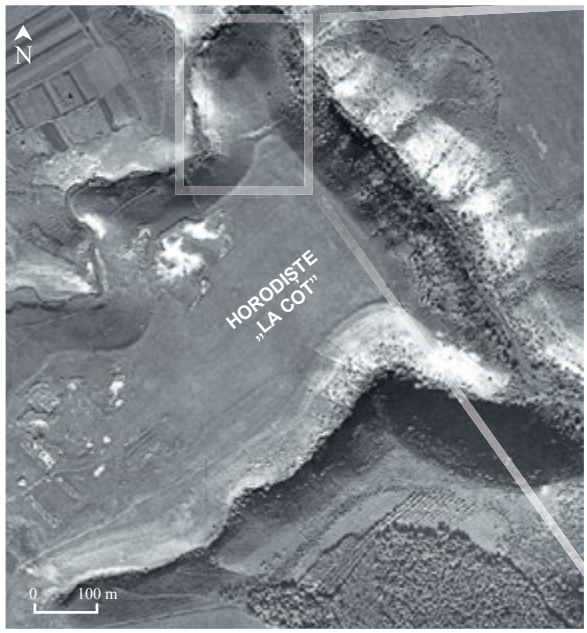
8



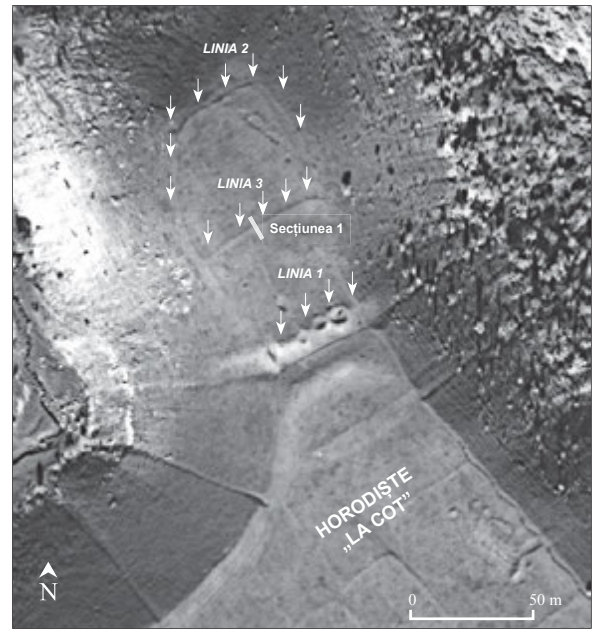
9

Fig. 4. Horodişte „La Cot”:
1 - vedere a promontoriului dinspre nord-est;
2, 3 - ortofotoplanuri cu fixarea anomaliilor liniei defensive de pe laturile de nord, est și sud (după geoportal.md și Google Earth); 4, 5 - vestigiile actuale ale sistemului defensiv de pe latura de est; 6 - vedere a promontoriului dinspre sud-vest cu indicarea valului „C”; 7, 8 - ortofotoplanuri cu indicarea liniilor defensive „A”, „B” și „C” (după geoportal.md); 9 - vedere dinspre nord-vest a liniilor defensive „B” și „C” .

1



2



3

Fig. 5. Horodişte „La Şanţ”: 1 - vedere a promontoriului dinspre sud-vest; 2 - ortofotoplanul sitului; 3, 4 - conturul anomaliilor liniilor defensive.

Horodişte „La Şanţ” (coordonatele sitului: 47°37′07″ N, 28°57′37″ E) (fig. 2; 5).

Situl se află la extremitatea de nord-est a fortificaţiei Hordodişte „La Cot”, la o distanţă de cca 850 m est faţă de localitatea Horodişte, raionul Rezina[2]. Fortificaţia, cu suprafaţa de 0,6 ha, este amplasată pe un promontoriu de formă quasi-poligonală, format prin joncţiunea a două defileuri. În urma studierii ortofotoplanurilor, precum şi a cercetărilor de teren pe suprafaţa promontoriului au fost atestate trei linii defensive (fig. 5).

Prima, a fost edificată în locul unde promontoriul „La Şanţ” se leagă de platoul/promontoriul „La Cot”. Rămăşiţele ei, sub forma unui val, pot fi urmărite pe o lungime de 48 m. În prezent acesta are lăţimea la bază de cca 14 m şi înălţimea de cca 2 m. În faţa valului a fost săpat un şanţ cu deschiderea de cca 6 m la gură şi adâncimea de cca 1,2 m (fig. 5/3; 6/1).

Cea de a doua linie defensivă a fost atestată pe laturile de vest, nord şi est. Ea era amplasată pe

[2] Aici şi în continuare distanţele de la localităţi sunt date în linie dreaptă (după *www.geoportal.md*), neţinându-se cont de drumurile de acces actuale.

1

2

Fig. 6. Horodişte „La Şanţ": 1 - vedere dinspre sud a liniei defensive nr. 1; 2 - vedere dinspre sud a liniei defensive nr. 3.

muchia promontoriului şi reprezintă un mic val cu lăţimea de cca 3 m şi înălţimea de cca 0,3 m (fig. 5/3).

Astfel, prin intermediul acestor amenajări promontoriul a fost fortificat de jur-împrejur: pe latura vulnerabilă (de sud) cu „val" şi şanţ, iar pe cele protejate natural – cu o construcţie defensivă de proporţii mai mici, probabil, un „zid" din lemn cu emplecton[3].

Cea de a treia linie de apărare a fost descoperită în zona centrală a sitului şi era amplasată perpendicular pe promontoriu la o distanţă de 52 m nord faţă de prima. Ea este reprezentată de un mic val cu lungimea de 60 m, ce se înalţă cu cca 0,3 m faţă de nivelul actual de călcare, având lăţimea la baza cca 3,2 m (fig. 5/3; 6/2).

Cu scopul de a studia structura acestei linii defensive, precum şi conţinutul stratului cultural din preajmă a fost trasată o secţiune cu dimensiunile de 10×2 m (fig. 5/3; 7).

În urma investigaţiilor arheologice, vestigiile construcţiei defensive au fost atestate la adânci-

[3] „Ziduri" similare au fost atestate pe marginile promontoriilor de la Horodişte „La Cot", Saharna Mare (Niculiţă et al. 2013a, 223-237, fig. 9-14, 18, 21) etc.

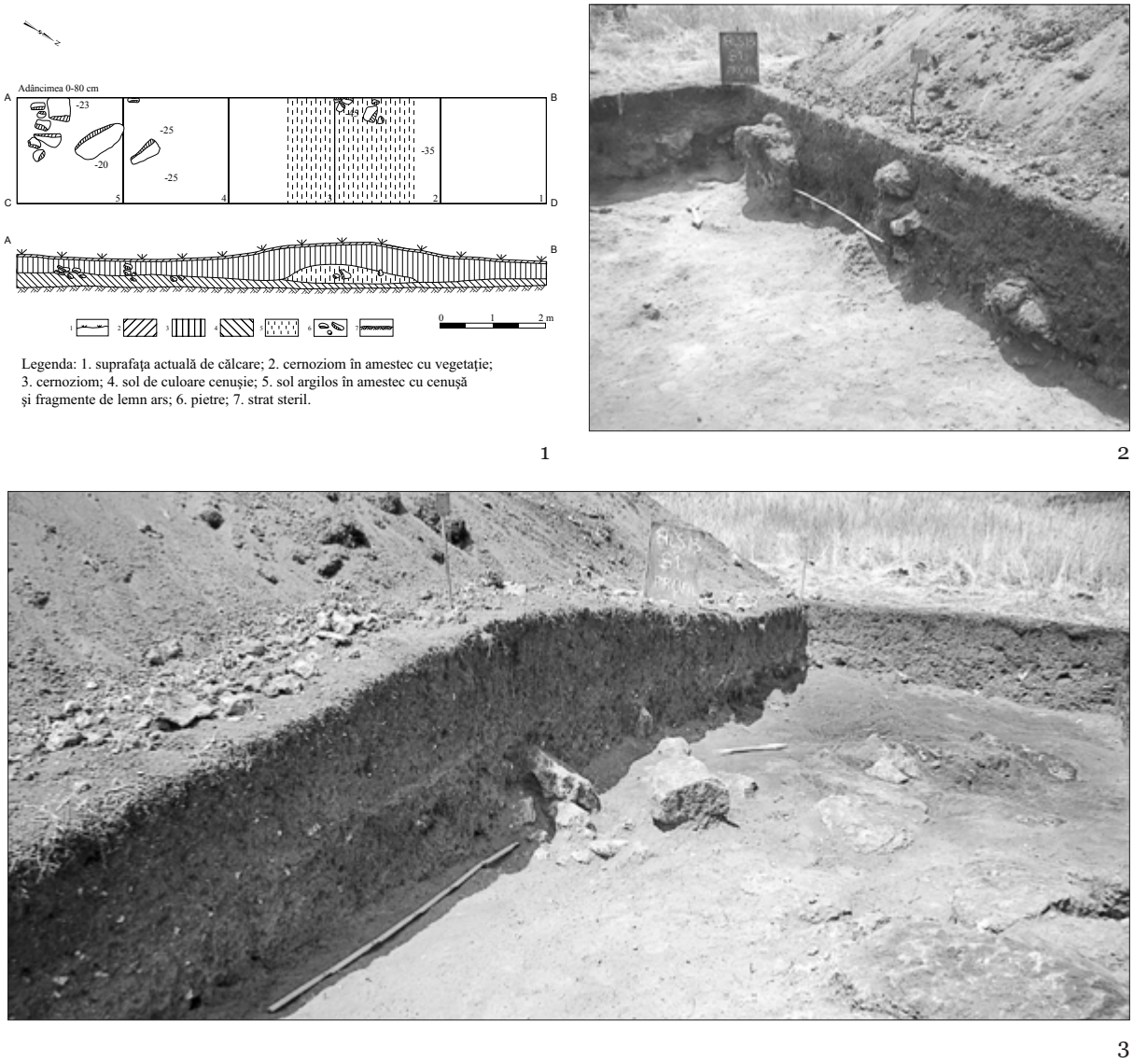


Fig. 7. Horodişte „La Şanţ”. Linia defensivă nr. 3. Secţiunea nr. 1/2013: 1 - planul şi profilul secţiunii; 2 - pietre din dărâmătura „zidului”; 3 - profilul vertical al construcţiei defensive.

mea de cca 0,4 m de la nivelul actual de călcare şi reprezintă o lentilă de formă concavă cu lăţimea la bază de 2,4 m şi grosimea maximă de 0,35 m (fig. 7/1). Ea era compusă din sol cenuşiu în amestec cu cenuşă, fragmente de lut ars şi pietre cu dimensiunile cuprinse între 0,4×0,3×0,15 m şi 0,2×0,1×0,05 m. Probabil, din dărâmătura liniei de apărare face parte şi aglomeraţia de pietre (cu dimensiunile cuprinse între 0,25×0,20×0,10 m şi 0,85×0,40×0,20 m) descoperită în partea de sud a secţiunii.

Din dărâmătura construcţiei defensive au fost recuperate o sulă din bronz (cat. nr. 3; fig. 8/1) şi 11 fragmente de ceramică.

Ceramica a fost modelată din pastă de lut cu degresanţi de şamotă sau calcar pisat. Arderea este neuniformă şi incompletă, iar culoarea variază de la cărămiziu la negru. Dintre ele se evidenţiază:

– fragment de strachină cu buza evazată (fig. 8/2), ornamentată prin imprimare pe margine cu linii oblice, iar la exterior, sub buză, cu o linie orizontală. Străchini similare au fost atestate la Saharna „Dealul Mănăstirii” (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 59/13), Saharna Mare (Кашуба 2000, рис. LXXIII/2) etc.;
– fragment de strachină cu buza evazată (fig. 8/3);

– fragment de oală cu buza verticală (fig. 8/4). Recipiente de acest tip mai sunt cunoscute la siturile hallstattiene timpurii de la Alcedar III (Кашуба 2000, рис. XIII/4), Saharna Mare (Кашуба 2000, рис. LXIX/3) etc.;
– fragment de perete de oală (fig. 8/5) cu decor în relief în formă de brâu alveolar, care are similitudini la aşezările de tip Cozia-Saharna de la Saharna „Dealul Mănăstirii" (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 67/1-13), Saharna „Ţiglău" (Niculiţă, Nicic 2008, fig. 3/11) etc.

În baza analizei materialului ceramic descoperit în emplectonul lentilei se poate constata că el se încadrează în perioada hallstattiană timpurie şi poate fi atribuit culturii Cozia-Saharna.

Stratul cultural din preajma construcţiei defensive atinge grosimea de cca 0,4-0,5 m şi conţine materiale caracteristice atât culturii hallstattiene timpurii – Cozia-Saharna, cât şi culturii traco-getice.

Materialele hallstattiene timpurii sunt reprezentate de fragmente de la recipiente modelate cu mâna din pastă de lut cu degresanţi de şamotă, arderea incompletă şi neuniformă. Culoarea variază de la cenuşiu la negru, iar suprafaţa este lustruită. Dintre acestea se evidenţiază un fragment de strachină cu buza profilată în interior (fig. 9/1), cu marginea decorată cu linii incizate oblic. Partea exterioară este ornamentată cu un grup din patru linii incizate depuse în zigzag, după care urmează patru linii incizate orizontal. Străchini similare sunt cunoscute la monumen-

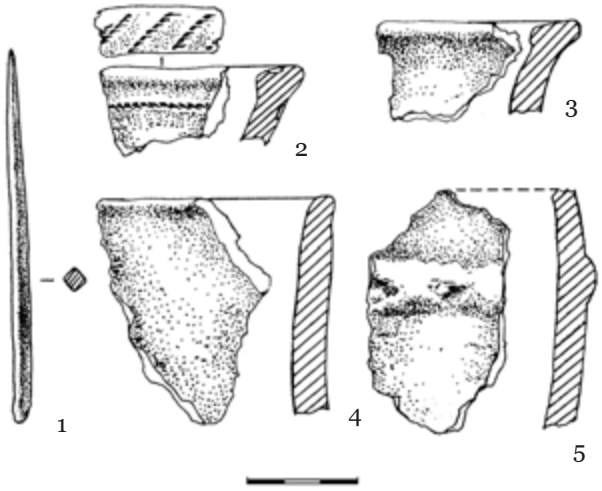


Fig. 8. Horodişte „La Şanţ". Descoperiri din dărâmătura „zidului".

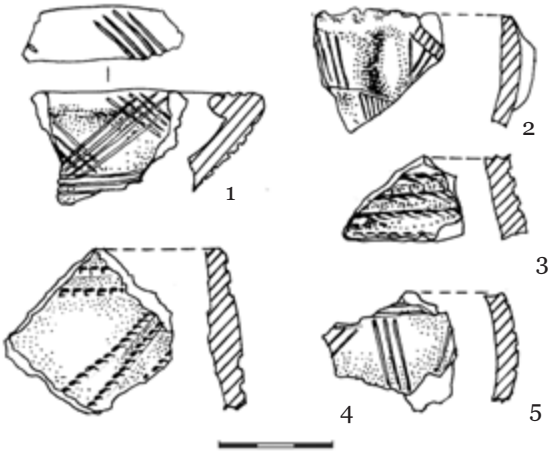


Fig. 9. Horodişte „La Şanţ". Fragmente ceramice de tip Cozia-Saharna din stratul cultural.

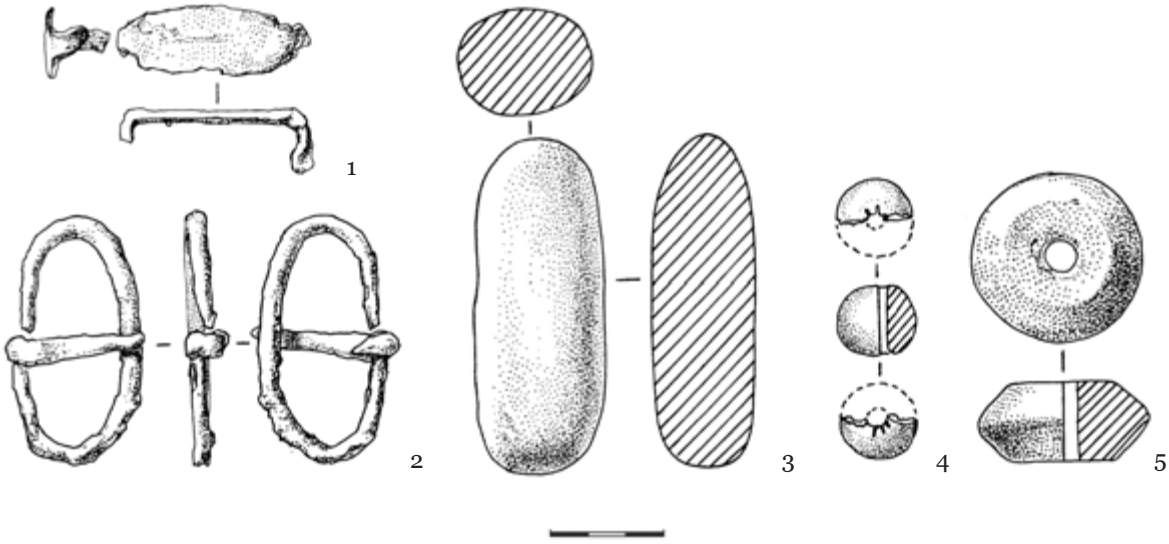


Fig. 10. Horodişte „La Şanţ". Descoperiri din stratul cultural (1, 2 - fier; 3 - piatră; 4, 5 - lut).

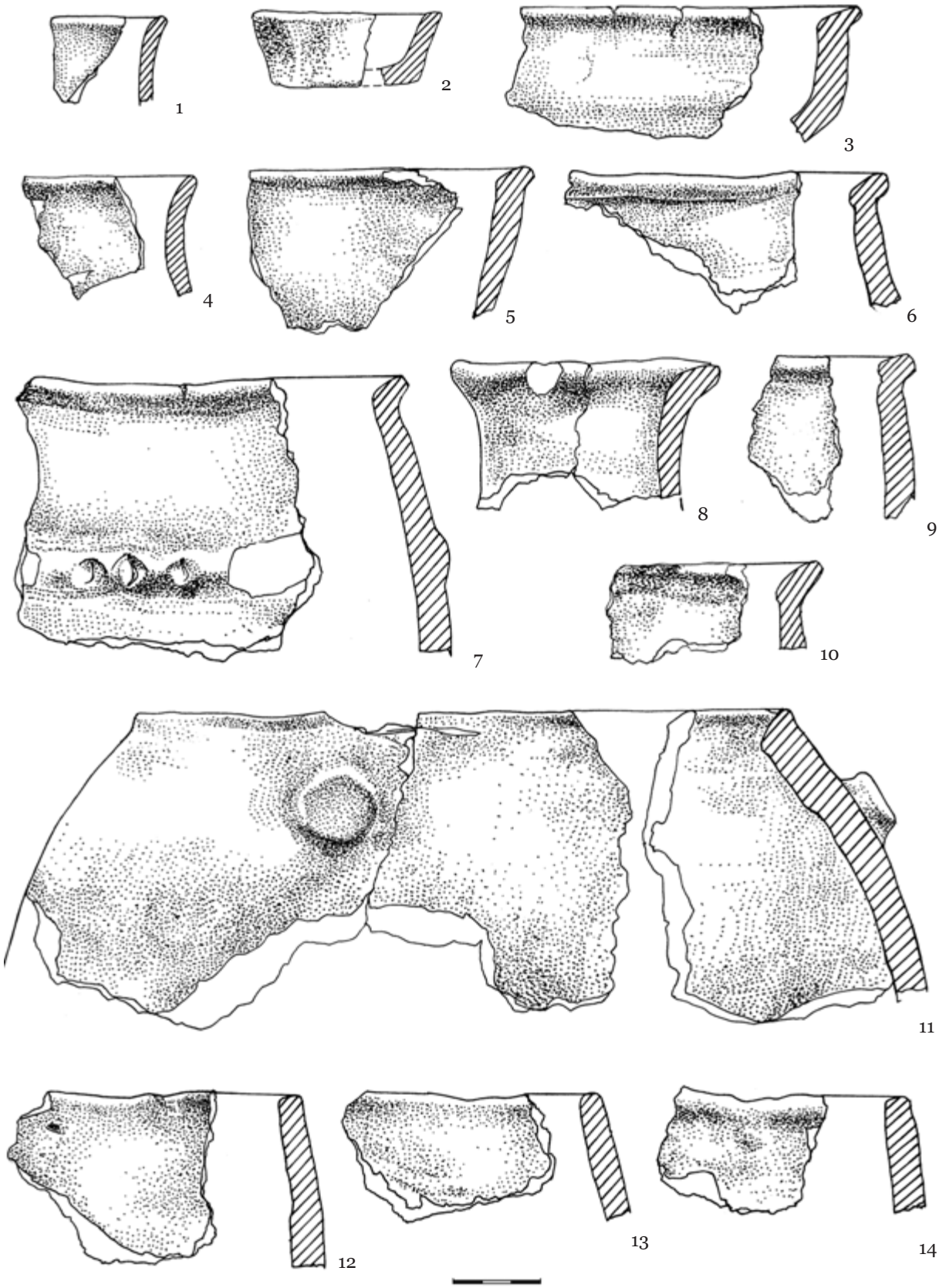


Fig. 11. Horodişte „La Şanţ”. Fragmente de vase din stratul cultural.

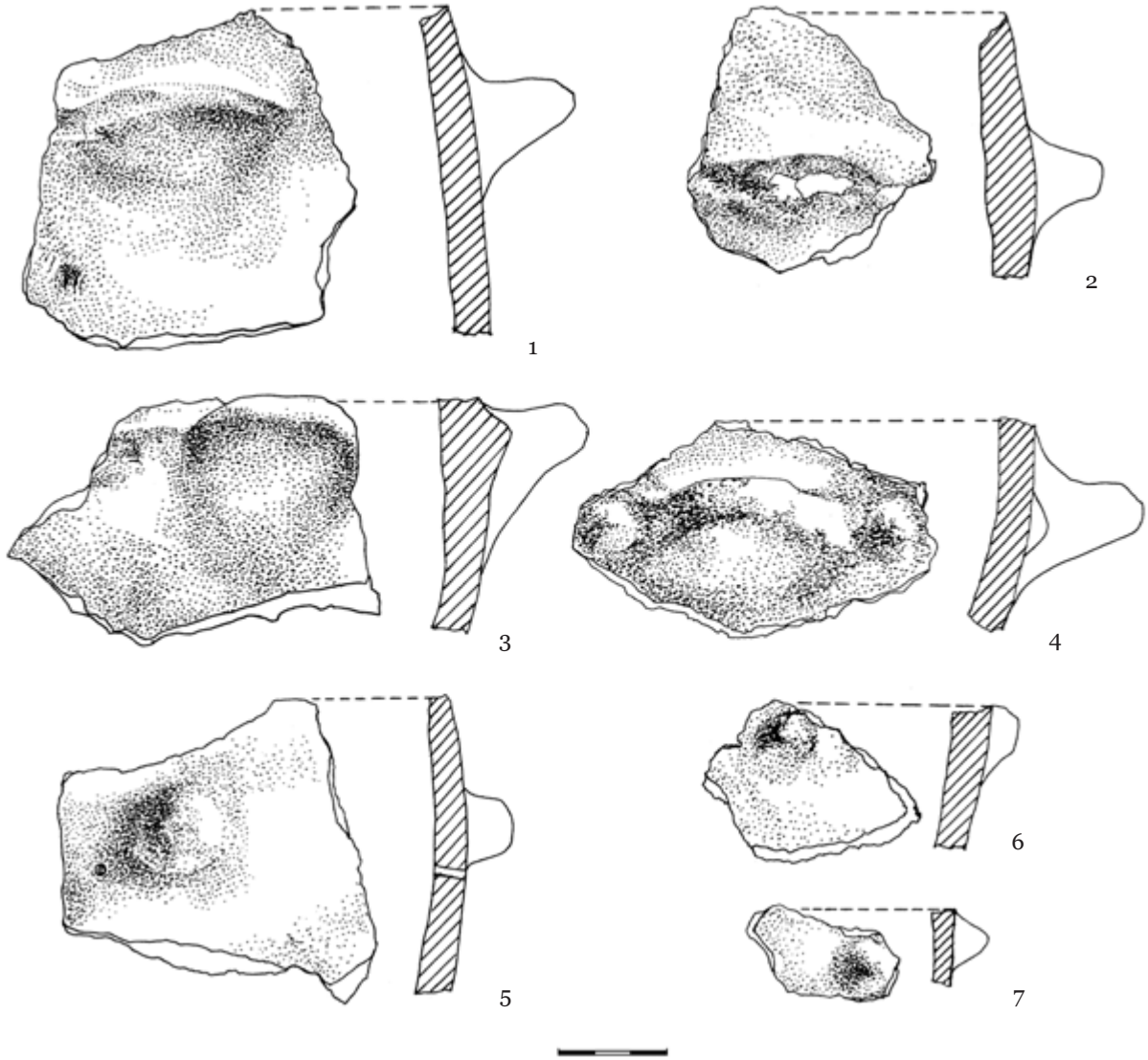
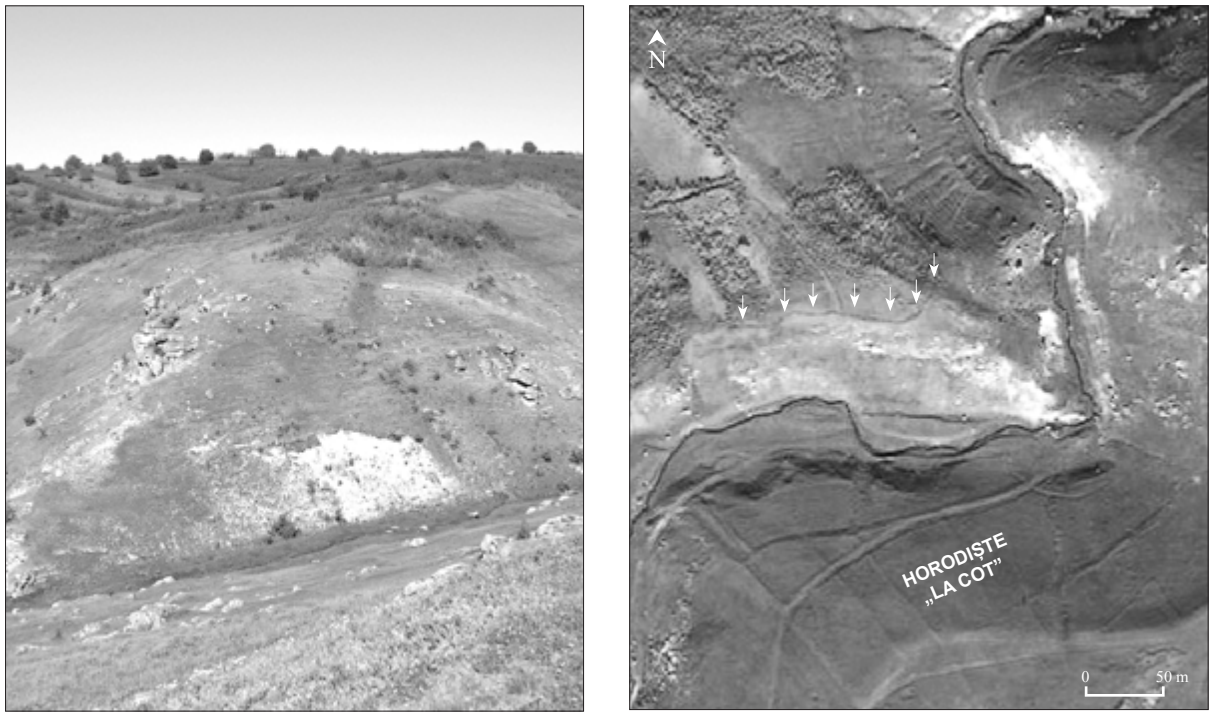


Fig. 12. Horodişte „La Şanţ”. Fragmente de oale din stratul cultural.

tele hallstattiene timpurii din regiunea Nistrului Mijlociu, în special, la situl Saharna Mare (Niculiţă et al. 2012, fig. 37). Din strat au fost recuperate, de asemenea, fragmente de ceşti (fig. 9/2, 5), decorate cu incizii și fragmente de oale (fig. 9/3, 4), ornamentate cu linii imprimate. Atât fragmentele de ceşti, cât și cele de oale, descoperite la Horodişte „La Şanţ”, sunt pe larg răspândite la siturile culturii Cozia-Saharna (Niculiţă, Nicic 2012, fig. 9/3, 10/5; Niculiţă et al. 2012, fig. 41/4).

Nivelului de locuire traco-getic i-au fost atribuite o garnitură de centură, compusă dintr-o cataramă (cat. nr. 1; fig. 10/2) și o aplică (cat. nr. 2; fig. 10/1) din fier, o cute (cat. nr. 4; fig. 10/3), două fusaiole (cat. nr. 5, 6; fig. 10/4, 5), precum și un bogat și variat sortiment de ceramică modelată cu mâna (fig. 11; 12).

Ceramica este lucrată din pastă de lut cu degresanţi de șamotă. Arderea este incompletă și neuniformă, iar culoarea variază de la cărămiziu la cenușiu. Această categorie de descoperiri este reprezentată de fragmente de străchini (fig. 11/2, 3) și fragmente de oale de diferite forme (fig. 11/6-14; 12), ornamentate cu decor în relief. Ceramica, descoperită la situl de la Horodişte „La Şanţ”, este similară celei atestate la monumentele traco-getice de la Butuceni (Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002, fig. 94/1), Saharna Mare (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 127/8) etc.



1 2

Fig. 13. Horodişte II: 1 - vedere a promontoriului dinspre est; 2 - ortofotoplan (după geoportal.md).

Astfel, ca urmare a cercetărilor de suprafaţă şi a sondajelor arheologice, efectuate la Horodişte „La Şanţ”, se poate presupune, cu o anumită doză de probabilitate, că în perioada hallstattiană timpurie aici a existat o „citadelă”, care a ocupat partea de nord a promontoriului. Ea avea forma quasi-poligonală, cu dimensiunile de 60×57 m (S=0,34 ha), şi era fortificată de jur-împrejur cu un sistem defensiv artificial.

În faza următoare (nivelul de locuire traco-getic) aşezarea ocupa întreaga suprafaţă a promontoriului (0,6 ha) şi a fost fortificată dinspre sud prin intermediul unui „val” cu şanţ adiacent, iar pe restul laturilor – printr-un „zid” de lemn cu emplecton.

Horodişte II (coordonatele sitului: 47°36′58″ N, 28°57′18″ E) (fig. 2; 13).

Situl est amplasat la o distanţă de 300 m est de la marginea satului Horodişte, vizavi (la vest) de cetatea „La Cot”. Fortificaţia este situată pe un promontoriu cu altitudinea de 155 m faţă de nivelul mării, de formă quasi-triunghiulară, format de un canion adânc, pe al cărui fund curge un pârâu. Atât pe ortofotoplan, cât şi pe teren a fost sesizat un „val” ce are actualmente lăţimea la bază de cca 3 m şi înălţimea de cca 0,3 m. „Valul”, cu lungimea de cca 280 m, înconjoară situl de jur-împrejur, conferindu-i incintei o formă trapezoidală cu suprafaţa de cca 0,5 ha.

Buciuşca[4] **II**[5] (coordonatele sitului: 47°36′42″ N, 28°58′49″ E) (fig. 2; 14)

Fortificaţia este situată pe malul drept al Nistrului, la distanţa de cca 2,2 km sud de satul Buciuşca şi cca 0,57 km nord de localitatea Ţipova. Situl este amplasat pe un bot de deal cu altitudinea de cca 150 m faţă de nivelul mării (120 m faţă de Nistru), mărginit la est de albia Nistrului, iar la sud de un defileu adânc. Incinta cetăţii, cu suprafaţa de cca 0,9 ha, are o formă quasi-triunghiulară şi a fost întărită de jur-împrejur cu o linie defensivă. Ca urmare a studierii ortofotoplanurilor, dar şi a cercetărilor de teren urmele construcţiei defensive au putut fi urmărite pe o lungime totală de cca 380 m. Ele se prezintă sub forma unui „val” cu lăţimea la bază de cca 3 m şi înălţimea de 0,2-0,3 m.

[4] Deşi situl se află mai aproape de localitatea Ţipova, raionul Rezina, i-a fost dată denumirea Buciuşca, deoarece este amplasat, din punct de vedere cadastral, pe moşia acestui sat.
[5] Denumirea de Buciuşca, fără o extensie numerică a fost acordată unei fortificaţii amplasate la nord de localitate. Pentru detalii vezi: Niculiţă, Zanoci, Băţ 2012, 17-19.

1

2

Fig. 14. Buciuşca II: 1 - vedere a promontoriului dinspre vest; 2 - ortofotoplan (după geoportal.md).

Buciuşca III (coordonatele sitului: 47°37′16″ N, 28°57′32″ E) (fig. 2, 15).

Aşezarea este amplasată la cca 2,2 km sud-vest de localitatea Buciuşca şi cca 0,8 km nord-est de Horodişte, vizavi (la nord-vest) de situl Horodişte „La Şanţ”. Cetatea este situată pe un promontoriu cu altitudinea de cca 145 m faţă de nivelul mării, format de confluenţa a două canioane. Conform datelor geospaţiale şi cercetărilor de teren s-a stabilit că situl a fost înconjurat de jur-împrejur de o linie defensivă, care în prezent apare sub forma unui „val”, abia vizibil la suprafaţa actuală de călcare (fig. 15/4). Lungimea totală a „valului” este de cca 250 m, lăţimea la bază este de cca 3-4 m, iar înălţimea este cuprinsă între 0,2 şi 0,4 m. Pe latura de nord „valul” este arcuit (bombat) spre exterior. Suprafaţa incintei închise de această linie defensivă este estimată la 0,5 ha.

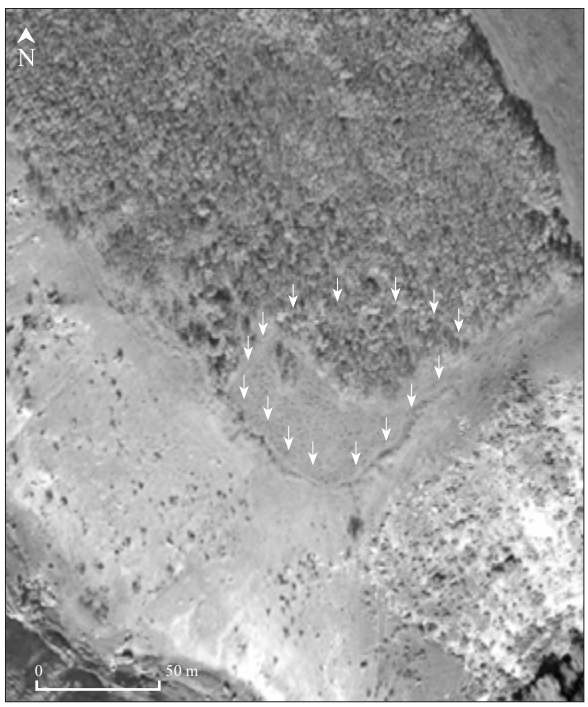
Ţipova III[6] (coordonatele sitului: 47°36′40″ N, 28°57′50″ E) (fig. 2; 16).

Situl este situat la o depărtare de cca 0,85 km nord-vest de localitatea Ţipova, vizavi (la sud-est) de cetatea Horodişte „La Cot”. Fortificaţia este amplasată pe un bot de deal, cu altitudinea de cca 155 m faţă de nivelul mării, format de un defileu. Incinta, cu suprafaţa de cca 6 ha, avea formă semiovală în plan. Atât pe ortofotoplan, cât şi la suprafaţa actuală a solului a putut fi urmărit un mic „val”, care înconjoară situl de jur-împrejur. „Valul”, cu lungimea de cca 1,15 km, are lăţimea la bază de cca 3 m şi înălţimea de 0,3-0,4 m, pe alocuri ridicându-se până la 0,8 m.

Astfel, având în vedere amplasarea compactă a fortificaţiilor şi a aşezărilor deschise în microzona Horodişte-Ţipova, poate fi presupusă existenţa în acest spaţiu a unei formaţiuni, care a avut drept „centru” administrativ cetatea Horodişte „La Cot”. Perioada de funcţionare a ei rămâne deo-

[6] În *Repertoriul monumentelor arheologice din Republica Moldova. Raionul Rezina* (Leviţki 1993, 10) în preajma localităţii Ţipova sunt semnalate două aşezări: una hallstattiană timpurie, cea de-a doua – medievală timpurie. Respectiv, situl descoperit de noi a căpătat denumirea de Ţipova III.

1



2

3

4

Fig. 15. Buciuşca III: 1 - vedere a promontoriului dinspre sud; 2 - ortofotoplan (după geoportal.md); 3 - ortofotoplan (după Google Earth); 4 - ruinele sistemului defensiv.

Fig. 16. Ţipova III. Vedere a promontoriului dinspre nord-est.

camdată incertă. Însă dacă se ia în consideraţie că cele mai multe situri fortificate şi aşezări deschise din regiunea Nistrului Mijlociu (Niculiţă, Zanoci, Băţ 2013, 296-297; Кашуба 2000) au funcţionat, începând cu prima epocă a fierului, se poate presupune că şi comunitatea din zona Horodişte-Ţipova s-a stabilit cu traiul aici cam în aceeaşi perioadă. Însă, apogeul dezvoltării îl atinge în secolele IV-III a. Chr., la fel ca şi comunităţile învecinate din preajma actualei localităţi Saharna (Niculiţă, Zanoci, Băţ 2013, 297-299).

Catalog[7]

1. *Cataramă* (fig. 10/2). Horodişte „La Şanţ", secţiunea 1/2013, adâncimea 0,3 m. Confecţionată dintr-o sârmă din fier, rotundă în secţiune (D=0,5 cm). Forma – ovală cu D=6,5×3,2 cm. Limba a fost confecţionată dintr-o sârmă semirotundă în secţiune (D=0,5 cm) şi avea H=3,5 cm. Inedit.

2. *Aplică* (fig. 10/1). Horodişte „La Şanţ", secţiunea 1/2013, adâncimea 0,3 m. Confecţionată dintr-o placă din fier. Partea de sus avea forma ovală în plan cu D=4,5×1,7 cm, Gr=0,15 cm. Inedit.

3. *Sulă* (fig. 8/1). Horodişte „La Şanţ", secţiunea 1/2013, baza „zidului", adâncimea 0,5 m. Confecţionată dintr-o bară din bronz rectangulară în secţiune. La un capăt piesa este ascuţită, la capătul opus aplatizată. H=9,8 cm, Gr_{mij}=0,4 cm, Gr_{cap}=0,2 cm.

4. *Cute* (fig. 10/3). Horodişte „La Şanţ", secţiunea 1/2013, adâncimea 0,3 m. Confecţionată din piatră de gresie. Forma – elipsoidală. H=8,5 cm, L=3,5 cm, Gr=2,5 cm. Inedit.

5. *Fusaiolă* (fig. 10/5). Horodişte „La Şanţ", secţiunea 1/2013, adâncimea 0,25 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu la negru. Forma – bitronconică. H=2,0 cm, D_b =2,7 cm, D_b =2,6 cm, D_{max}=4,2 cm, D_{orf} =0,8 cm. Inedit.

6. *Fusaiolă*, fragment (fig. 10/4). Horodişte „La Şanţ", secţiunea 1/2013, adâncimea 0,55 m. Confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, arderea – neuniformă şi incompletă, culoarea variază de la cenuşiu la cărămiziu. Forma – sferică. D=1,8 cm, D_{orf} =0,3 cm. Inedit.

[7] În catalog au fost utilizate următoarele abrevieri: H – lungimea/înălţimea; L – lăţimea; Gr – grosimea; D_{max} – diametrul maxim; D_b – diametrul bazei (bazelor); D_{orf} – diametrul orificiului.

Geospatial and archaeological research in the micro-zone of Horodişte-Ţipova

Abstract

From the right bank of the Dniester, north of the village of Ţipova (Rezina District) begins a deep gorge with steep slopes. Near the village of Horodişte the gorge divides, forming a network of canyons which, in turn, outline a series of headlands.

As a result of study of orthophotoplans and archaeological reconnaissance in the micro-zone there was discovered an "agglomeration" of sites, consisting of six fortifications (Horodişte „La Cot", Horodişte „La Şanţ", Horodişte II, Buciuşca II, Buciuşca III, Ţipova III) and two unfortified settlements (fig. 2).

In order to investigate the defense system and to determine the period of its functioning at Horodişte „La Cot" and Horodişte „La Şanţ" an archeological research was carried out (fig. 3-7). As a result, it was found that these fortified settlements were surrounded by "walls" consisting of two wooden facings with a filling of earth and stone.

The archaeological materials recovered from the filling of the "walls" indicate that the fortification of Horodişte „La Şanţ" functioned during the early Hallstatt (Cozia-Saharna culture), and one of Horodişte „La Cot" – in the 4th - 3rd centuries BC (fig. 8-12).

Based on the compact arrangement of fortifications and unfortified settlements in the micro-zone of Horodişte-Tipova, it can be assumed the existence of some formation in this space, the "administrative center" of which was the fortress of Horodişte "La Cot". The period of its existence is still not clear. But if we take into account that most of the fortified and unfortified settlements in the Middle Dniester region functioned since the early Iron Age, it can be assumed that the community of the Horodişte-Tipova area settled down here around that time. However, it reaches its peak of development in the 4th - 3rd centuries BC, as well as neighboring communities around Saharna.

List of illustrations:

Fig. 1. 1 - Location of the Horodişte-Ţipova micro-region; 2 - digital elevation map of the micro-region.

Fig. 2. Orthophotomap of the Horodişte-Ţipova micro-region (*fortified settlements*: 1 - Horodişte „La Cot"; 2 - Horodişte „La Şanţ", 3 - Horodişte II; 4 - Buciuşca III; 5 - Ţipova III; 6 - Buciuşca II; *unfortified settlements*: 7 - Buciuşca IV; 8 - Buciuşca V) (by Google Earth).

Fig. 3. Horodişte „La Cot". Section no. 1. Ruins of a defensive structure on the south side: 1 - plan and profile of the section; 2 - vertical stratigraphic profile of the debris of the wall; 3 - fragments of charred wood.

Fig. 4. Horodişte „La Cot": 1 - view of the headland from the northeast; 2, 3 - orthophotomaps tracing anomalies of the defensive line on the northern, eastern and southern sides (by geoportal.md and Google Earth); 4, 5 - remains of the defensive system on the east side today; 6 - view of the headland from the southwest indicating the rampart „C"; 7, 8 - orthophotomaps indicating the defensive lines „A", „B" and „C" (by geoportal.md); 9 - view of the defensive lines „B" and „C" from the northwest.

Fig. 5. Horodişte „La Şanţ": 1 - view of the headland from the south-west; 2 - orthophotomap of the site; 3, 4 - contour of abnormalities of the defensive lines.

Fig. 6. Horodişte „La Şanţ": 1 - view of the defensive line no. 1 from the south; 2 - view of the defensive line no. 3 from the south.

Fig. 7. Horodişte „La Şanţ". Defensive line no. 3. Section no. 1/2013: 1 - plan and profile of the section; 2 - stones from the debris of the "wall"; 3 - vertical profile of the defensive structure.

Fig. 8. Horodişte „La Şanţ". The finds from the debris of the "wall".

Fig. 9. Horodişte „La Şanţ". Fragments of pottery of the Cozia-Saharna type from the cultural layer.

Fig. 10. Horodişte „La Şanţ". The finds from the cultural layer (1, 2 - iron; 3 – stone; 4, 5 - clay).

Fig. 11. Horodişte „La Şanţ". Fragments of vessels from the cultural layer.

Fig. 12. Horodişte „La Şanţ". Fragments of pots from the cultural layer.

Fig. 13. Horodişte II: 1 - view of the headland from the east; 2 - orthophotomap (by geoportal.md).

Fig. 14. Buciuşca II: 1 - view of the headland from the west; 2 - orthophotomap (by geoportal.md).

Fig. 15. Buciuşca III: 1 - view of the headland from the south; 2 - orthophotomap (by geoportal.md); 3 - orthophotomap (by Google Earth); 4 - ruins of the defensive system.

Fig. 16. Ţipova III. View of the headland from the northeast.

Геопространственные и археологические исследования в микрозоне Хородиште-Цыпова

Резюме

От правого берега Днестра, к северу от села Цыпова Резинского района начинается глубокое ущелье с крутыми склонами. В окрестностях села Хородиште ущелье разветвляется, образуя сеть каньонов, которые, в свою очередь, намечают несколько мысов.

В результате изучения ортофотопланов и проведения археологических разведок в этой микрозоне была обнаружена «агломерация» памятников, состоящая из шести укрепленных поселений (Хородиште «Ла Кот», Хородиште «Ла Шанц», Хородиште II, Бучушка II, Бучушка III, Цыпова III) и двух открытых поселений (рис. 2).

Для изучения оборонительной системы и установления периода ее функционирования на Хородиште «Ла Кот» и Хородиште «Ла Шанц» были произведены археологические исследования (рис. 3-7). В результате было установлено, что эти укрепленные поселения были окружены оборонительными «стенами», состоявшие из деревянного каркаса с заполнением из земли и камня.

Археологические материалы, извлеченные из заполнения этих «стен», свидетельствуют о том, что оборонительное сооружение в Хородиште «Ла Шанц» функционировало в раннегальштатский период (культура Козия-Сахарна), а в Хородиште «Ла Кот» – в IV-III вв. до н.э. (рис. 8-12).

Исходя из компактного расположения укреплений и открытых поселений в микрозоне Хородиште-Цыпова, можно предположить существование на этом пространстве некоего образования, «административным центром» которого была крепость Хородиште «Ла Кот». Время его существования остается до сих пор не ясным. Но если принять во внимание, что большинство укрепленных и открытых поселений Среднего Днестра существовали с раннего железного века, можно предположить, что общность из зоны Хородище-Цыпова обосновалась здесь в это же время. Однако пика своего развития она достигла в IV-III веках до нашей эры, как и соседние с ней общности в районе современной Сахарны.

Список иллюстраций:

Рис. 1. 1 - Расположение микрозоны Хородиште-Цыпова; 2 - цифровая карта рельефа микрозоны.

Рис. 2. Ортофотоплан микрозоны Хородиште-Цыпова (*укрепленные поселения*: 1 - Хородиште «Ла Кот»; 2 - Хородиште «Ла Шанц», 3 - Хородиште II; 4 - Бучушка III; 5 - Цыпова III; 6 - Бучушка II; *открытые поселения*: 7 - Бучушка IV; 8 - Бучушка V) (по Google Earth).

Рис. 3. Хородиште «Ла Кот». Разрез № 1. Руины оборонительного сооружения на южной стороне: 1 - план и профиль разреза; 2 - вертикальный стратиграфический профиль развалин стены; 3 - фрагменты обугленной древесины.

Рис. 4. Хородиште «Ла Кот»: 1 - вид мыса с северо-востока; 2, 3 - ортофотопланы с фиксацией аномалий оборонительной линии на северной, восточной и южной сторонах (по geoportal.md и Google Earth); 4, 5 - остатки оборонительной системы на восточной стороне на сегодняшний день; 6 - вид мыса с юго-запада с обозначением вала «С»; 7, 8 - ортофотопланы с указанием оборонительных линий «А», «В» и «С» (по geoportal.md); 9 - вид оборонительных линий «В» и «С» с северо-запада.

Рис. 5. Хородиште «Ла Шанц»: 1 - вид мыса с юго-запада; 2 - ортофотоплан местности; 3, 4 - контур аномалий оборонительных линий.

Рис. 6. Хородиште «Ла Шанц»: 1 - вид оборонительной линии № 1 с юга; 2 - вид оборонительной линии № 3 с юга.

Рис. 7. Хородиште «Ла Шанц». Оборонительная линия № 3. Разрез № 1/2013: 1 - план и профиль разреза; 2 - камни из развалин «стены»; 3 - вертикальный профиль оборонительной конструкции.

Рис. 8. Хородиште «Ла Шанц». Находки из развалин «стены».

Рис. 9. Хородиште «Ла Шанц». Фрагменты керамики типа Козия-Сахарна из культурного слоя.

Рис. 10. Хородиште «Ла Шанц». Находки из культурного слоя (1, 2 - железо; 3 - камень; 4, 5 - глина).

Рис. 11. Хородиште «Ла Шанц». Фрагменты сосудов из культурного слоя.

Рис. 12. Хородиште «Ла Шанц». Фрагменты горшков из культурного слоя.

Рис. 13. Хородиште II: 1 - вид мыса с востока; 2 - ортофотоплан (по geoportal.md).

Рис. 14. Бучушка II: 1 - вид мыса с запада; 2 - ортофотоплан (по geoportal.md).

Рис. 15. Buciuşca III: 1 - вид мыса с юга; 2 - ортофотоплан (по geoportal.md); 3 - ортофотоплан (по Google Earth); 4 - руины оборонительной системы.

Рис. 16. Цыпова III. Вид мыса с северо-востока.

Bibliografie

Leviţki 1993: O. Leviţki, Repertoriul monumentelor arheologice din Republica Moldova. Raionul Rezina (Chişinău 1993). In: Arhiva MNIM, nr. inv. 33.

Niculiţă et al. 2012: I. Niculiţă, A. Zanoci, M. Băţ, S. Matveev, Investigaţiile arheologice la situl Saharna Mare (2009-2011) (I). Tyragetia s.n. VI/1, 2012, 111-167.

Niculiţă et al. 2013a: I. Niculiţă, A. Zanoci, M. Băţ, S. Matveev, Investigaţiile arheologice la situl Saharna Mare (2009-2012) (II). Tyragetia s.n. VII/1, 2013, 219-292.

Niculiţă et al. 2013b: I. Niculiţă, A. Zanoci, M. Băţ, A. Nicic, Cercetări geo-spaţiale şi arheologice în microzona Horodişte-Ţipova. In: Sesiunea ştiinţifică a Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei (3-4 octombrie 2013, Chişinău). Rezumatele comunicărilor (Chişinău 2013), 26-27.

Niculiţă, Nicic 2008: I. Niculiţă, A. Nicic, Habitatul din prima epocă a fierului de la Saharna-Ţiglău. Consideraţii preliminare. Tyragetia s.n. II/1, 2008, 205-232.

Niculiţă, Nicic 2012: I. Niculiţă, A. Nicic, Cercetări arheologice la situl Saharna-Dealul Mănăstirii. Campania 2011. Tyragetia s.n. VI/1, 2012, 169-184.

Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002: I. Niculiţă, S. Teodor, A. Zanoci, Butuceni. Monografie arheologică (Bucureşti 2002).

Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008: I. Niculiţă, A. Zanoci, T. Arnăut, Habitatul din mileniul I a. Chr. în regiunea Nistrului Mijlociu (siturile din zona Saharna) (Chişinău 2008).

Niculiţă, Zanoci, Băţ 2012: I. Niculiţă, A. Zanoci, M. Băţ, Fortificaţia Buciuşca – cercetări preliminare. In: Sesiunea ştiinţifică a Muzeului Naţional de Arheologie şi Istorie a Moldovei (11-12 octombrie 2012, Chişinău). Rezumatele comunicărilor (Chişinău 2012), 17-19.

Niculiţă, Zanoci, Băţ 2013: I. Niculiţă, A. Zanoci, M. Băţ, Diachronic evolution of sites from Saharna area, the region of Middle Dniester. In: (Eds. C. Schuster, O. Cîrstina, M. Cosac, G. Murătoreanu) The Thracians and their Neighbors in the Bronze and Iron Ages. Settlements, Fortresses, Artifacts. Proceedings of the 12th International Congress of Thracology (Târgovişte, 10th-14th September 2013), volume I (Târgovişte 2013), 295-314.

Zanoci 2004: A. Zanoci, Traco-geţii din bazinul Răutului Inferior. Cetatea Măscăuţi „Dealul cel Mare". In: Thracians and circumpontics world. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology, Chişinău-Vadul lui Vodă, 6-11 september 2004, II (Chişinău 2004), 45-81.

Кашуба 2000: М. Кашуба, Ранее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна). Stratum plus 3, 2000, 241-488.

20.06.2014

Dr. hab. Ion Niculiţă, Universitatea de Stat din Moldova, str. A. Mateevici, 60, MD-2009 Chişinău, Republica Moldova

*Dr. Aurel Zanoc*i, Universitatea de Stat din Moldova, str. A. Mateevici, 60, MD-2009 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: azanoci@gmail.com

Mihail Băţ, Universitatea de Stat din Moldova, str. A. Mateevici, 60, MD-2009 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: mb_usm@yahoo.com

КОМПЛЕКС АНТИЧНЫХ АМФОР ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ VI В. ДО Н.Э. ИЗ ЯМЫ 11 ЗОЛЬНИКА 13 ЗАПАДНОГО БЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА

Станислав Задников

Ранний период установления в Северном Причерноморье греко-варварских торговых отношений занимает особое место в современной историографии (Марченко 2005). При этом наиболее дискуссионными являются вопросы, связанные с определением начала поступления и времени бытования керамического импорта в варварской среде (Мелюкова 1989, 117; Зуев 1993, 43; Русяева 1999, 84-88, Мачинский, Мусбахова 2009, 320).

Ранний античный керамический импорт, встреченный на памятниках Северного Причерноморья, представлен несколькими видами столовой посуды, а также амфорами клазоменского, лесбосского, милетского, самосского и хиосского производства. Данная категория находок заслуживает особого внимания, поскольку для эпохи раннего железа предметы античного импорта являются одним из основных хроноиндикаторов. Однако лишь небольшая часть античной керамики встречена в закрытых погребальных и поселенческих комплексах, невелико и количество целых экземпляров (Темир-Гора, Коломак, Репяховатая Могила, Филатовка, Шандровка, Болтышка и др.). Наиболее ранняя греческая керамика известна лишь на нескольких поселениях лесостепной Скифии (Немиров, Трахтемиров, Бельск, Иванэ-Пустэ, Жаботин, Пожарная Балка, Мотронино). Наиболее полно описан и проанализирован столовый импорт из раскопок Немировского городища (Онайко 1966; Вахтина 1996; Вахтина 1998; Вахтина 2000; Вахтина 2007), в центре внимания исследователей находится килик с росписью, найденный на Трахтемировском городище (Ковпаненко 1967, 103-106; Ковпаненко 1971, 117; Безсонова 1996, 30-31; Kerschner 2006, 239), представляется важным и античный импорт с поселения Иванэ-Пустэ (Ганіна 1984; Daragan 2009, 123-125).

В связи с этим важны новые материалы, полученные в последние годы при масштабных раскопках Западного укрепления Бельского городища (Задников 2005; Задников 2009а; Задников 2010; Задников, Шрамко 2009; Шрамко, Задников 2010). Мы уже не раз обращали внимание на важную роль греческих колоний Северного Причерноморья в торгово-обменных процессах Бельского городища уже во второй половине VII в. до н.э. О большом значении для поселения торговых связей с греческими полисами писал и первый исследователь Бельского городища В.А. Городцов (Городцов 1911, 154-155). Дальнейшие раскопки подтвердили его предположение. За многие годы раскопок на Восточном Бельском городище были найдены десятки тысяч фрагментов керамики, которые свидетельствовали об интенсивном торговом обмене местных жителей с греческими полисами в VI-IV вв. до н.э. (Шрамко 1973, 86; Шрамко 1975, 115, рис. 12-13; Шрамко 1987, 123-126; Шрамко 2007, 230). В последние годы при изучении более древнего, Западного Бельского городища обнаружено большое количество ранней греческой керамики. При этом необходимо подчеркнуть, что здесь ее удалось зафиксировать в четких стратиграфических горизонтах, увязать с закрытыми и полузакрытыми жилищно-хозяйственными и культовыми комплексами (Шрамко 2004; Шрамко 2006). Следует отметить, что на городище встречены объекты, содержавшие либо целые формы, либо большое количество фрагментов ранней греческой керамики (Задников 2005; Шрамко, Задников 2009, 365). Именно такой комплекс, обнаруженный в зольнике 13 Западного Бельского городища, и предлагается рассмотреть в данной статье (рис. 1).

В 2007 году при расчистке наземного жилища здесь были найдены две клазоменские амфоры (Шрамко, Задников 2009, 365, рис. 2)[1]. Не

[1] Изображение амфор в данной публикации издателями ошибочно перевернуто.

Рис. 1. Схема расположения Бельского городища: 1 - общая схема Северного Причерноморья с обозначением местонахождения Бельского городища; 2 - схема Бельского городища; 3 - план западного укрепления с обозначением зольников.

менее интересным оказался комплекс, открытый в 2008 году и доисследованный в 2010 г. (Задников, Шрамко, 2009а, 10-11; Шрамко, Задников 2011, 9-10). В одной из хозяйственных ям (№11) лежали компактно сброшенные обломки нескольких античных амфор клазоменского производства.

Яма №11 была расположена в восточной части зольника 13 (рис. 1), выкопана с уровня древней дневной поверхности. В плане имела овальную форму. Размеры верхней части: 2,8×3,0 метра. Стенки ямы до глубины 1,46 м от уровня ее края были вертикальными. Ниже, постепенно расширяясь ко дну, по всему периметру они образовывали подбой глубиной 0,5 м и высотой 0,9 м. Общая глубина ямы – 3,40 м от уровня современной дневной поверхности и 2,4 м от уровня ее края (рис. 2).

Стратиграфия комплекса

Нижняя часть ямы от дна до глубины 1,7 м (от уровня края ямы) заполнена затечным черноземом с примесью глины (рис. 2; 3). Мощность слоя составляла от 0,1 до 0,72 м. Выше от глубины 1,7-2,3 м до 1,1-1,7 м яма была засыпана слоем чернозема мощностью от 0,26 до 1,10 м. Над ним фиксировалась прослойка черной рыхлой земли, мощностью 0,1-0,2 м. Над этой прослойкой прослежены два плотных слоя чернозема. Они залегали на глубине от 0,15-0,85 до 0,85-1,50 м. Структурно они различались количеством примеси глины. Нижний слой состоял из чернозема с большим количеством глины, чем верхний. Мощность слоев колебалась от 0,2 до 1 м. Они были перекрыты линзой грунта, верхняя часть которого состояла из кусков обожженной глиняной обмазки с отпечатками прутьев, перекрывшей плотное скопление обломков античных амфор, кусков обмазки, стенок корчаг и костей животных (рис. 4). В северной части ямы линза фиксировалась на отметке края ямы (на глубине 1 м от уровня современной дневной поверхности) и постепенно понижалась вниз до глубины 0,9 м (рис. 2; 3). Мощность слоя составляла 0,1 м. Выше линзы яма была заполнена слоем золы с вкраплениями углей мощностью 0,2-0,6 м. В верхней части заполнения фиксировался слой желтой глины, имевший мощность 0,2-0,35 м, выше которого был насыпан слой светлой

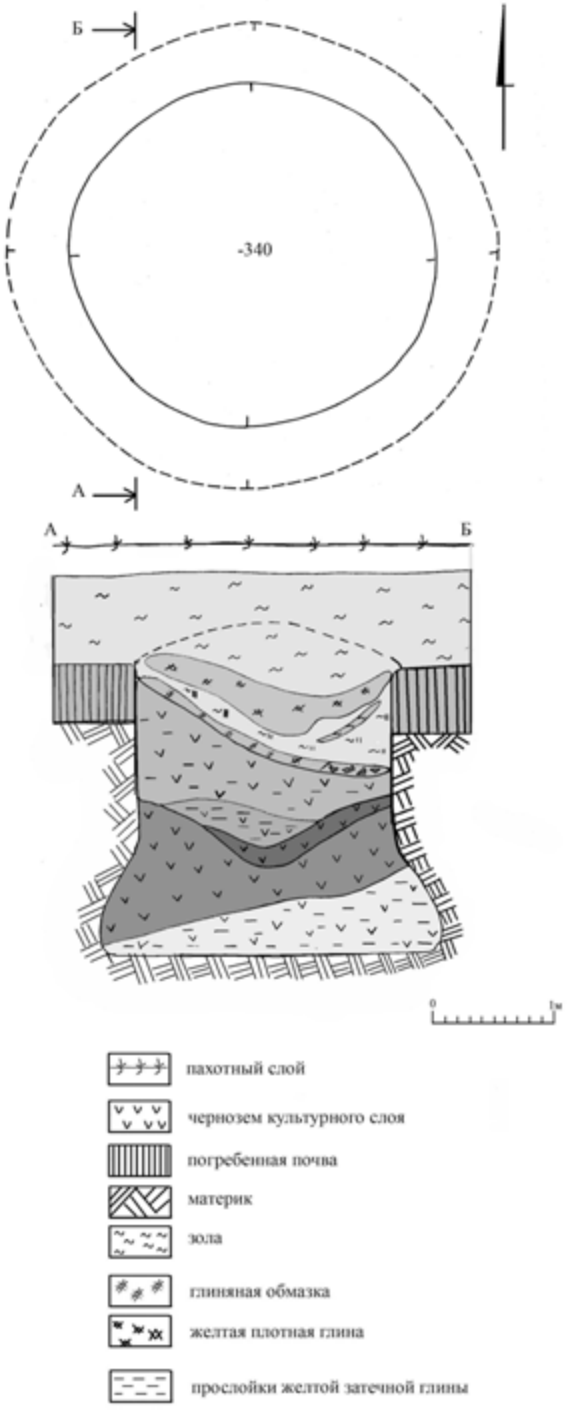
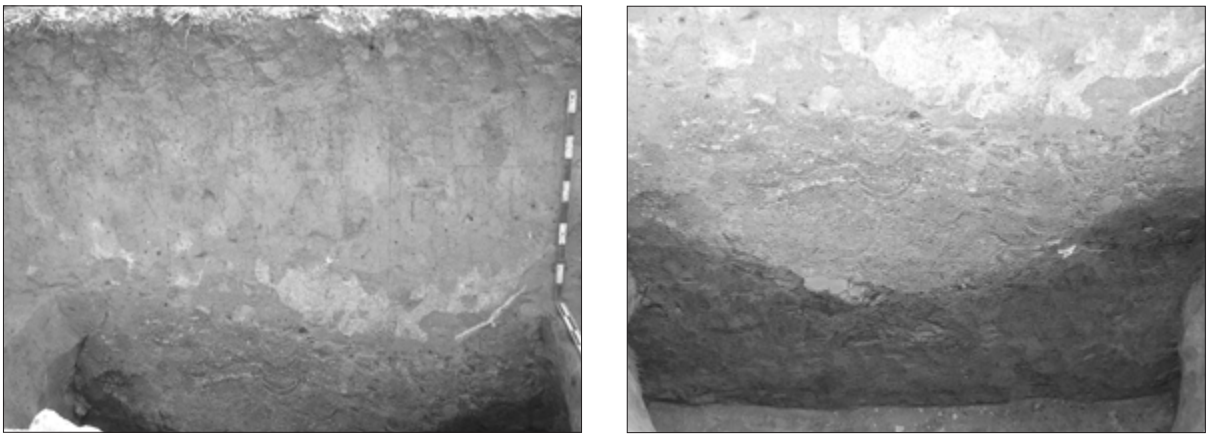


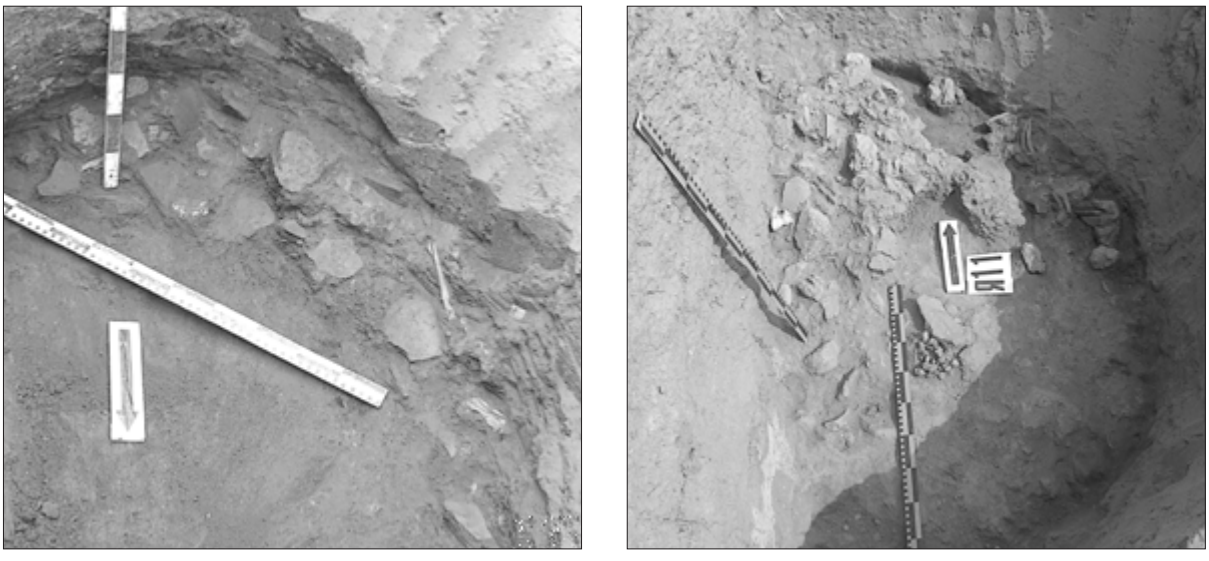
Рис. 2. План и профиль ямы №11 из зольника 13. Западное укрепление Бельского городища.

золы мощностью 0,3-0,6 м (рис. 2; 3). Таким образом, слой, в котором был зафиксирован выброс местной и античной керамики, оказался перекрытым довольно мощным слоем золы, что позволяет судить о нем как о закрытом комплексе.



1 2

Рис. 3. Заполнение ямы №11. Вид с запада. Зольник 13. Западное укрепление Бельского городища: 1 - заполнение верхней части ямы; 2 - заполнение нижней части ямы.



1 2

Рис. 4. Скопление обломков античных амфор, кусков глиняной обмазки, стенок корчаг и костей животных в яме №11. Зольник 13. Западное укрепление Бельского городища: 1 - скопление в западной части ямы; 2 - скопление в восточной части ямы.

Предметы, найденные в заполнении

На разных глубинах в яме 11 найдено 473 фрагмента лепных сосудов. Из них 313 – фрагменты стенок, 23 фрагмента венчиков лепных горшков, украшенных налепным валиком, расчлененным пальцевыми защипами и сквозными проколами, 5 венчиков горшков, украшенных только сквозными проколами, два обломка венчика горшка с налепным валиком, сквозными проколами и пальцевыми защипами по краю, а также пальцевыми защипами по краю и сквозными проколами. Столовая посуда представлена 17 обломками бортиков мисок с загнутым внутрь краем и четырьмя фрагментами мисок, украшенных налепным валиком и сквозными проколами, двумя венчиками черпаков и четырьмя стенками с косыми насечками по ребру, двумя ручками лепных сосудов, 6 фрагментами корчаг. Кроме того, в яме находилось 352 куска глиняной обмазки с отпечатками прутьев, 2 кремневых отщепа, 4 куска камня, глиняное пряслице и кости животных. На глубине 2,6 м[2] найден бронзовый двухлопастный наконеч-

[2] Глубины указаны от уровня современной дневной поверхности.

ник стрелы, и практически на дне, на глубине 3,1 м встречено костяное изделие, оформленное в зверином стиле.

На фоне довольно представительного сопровождающего материала особенно интересен детальный анализ обломков античных амфор, сброшенных в яму вместе с кусками глиняной обмазки и другим материалом. Фрагменты амфор лежали на глубине 1,40-2,10 м от уровня современной поверхности. В скоплении найдено 258 фрагментов стенок античных амфор, 13 обломков венчиков, 9 ручек и 2 ножки. Кроме того, в яме найдены еще три фрагмента амфор (два венчика и одна ручка) (рис. 5/7; 6/3). Они лежали на дне ямы, практически рядом с костяным изделием, оформленным в зверином стиле. В связи с тем, что данные обломки оказались типологически близкими амфорным фрагментам, обнаруженным в верхней части ямы, можно предположить, что яма была заполнена относительно быстро и ее содержимое относится к одному, возможно, узкому хронологическому периоду. Кроме того, ручка амфоры, найденная на дне, также имела следы пребывания в огне, как и фрагменты из верхнего скопления.

Анализ античного материала

Греческая керамика, обнаруженная в заполнении ямы, составила довольно большой процент по отношению к лепной (37 % – гончарная посуда и 63 % – сосуды местного производства).

Все обломки, кроме одного венчика и семи стенок, относятся к производству Клазомен. К сожалению, ни одного целого экземпляра не удалось склеить, только у одного сосуда удалось реконструировать верхнюю часть (рис. 5/1). Весь этот массив обломков, по возможности, был разделен на фрагменты, которые происходят от одного сосуда. Однако все равно подсчет условно целых сосудов велся на основе обломков венчиков. Таким образом, нам удалось выделить фрагменты от 13[3] амфор клазоменского и одной – милетского производства.

Все сосуды из Клазомен имели невысокое горло, слегка расширяющееся к верху. Высота горла – 8-9 см. Практически все фрагменты побывали в огне: часть обломков сильно пережжена, а часть носит лишь небольшие следы воздействия. Глина фрагментов, которые не несли следов воздействия огня, имеет коричневый цвет. По центру черепок имеет серый прожог. Полосы нанесены красной краской по краю венчика, ручкам и тулову (рис. 5/1, 2, 4-6; 6/1, 3, 5, 6, 11-14; 7/1-4; 8). На тех венчиках, ручках и стенках, которые сильно пережжены, следы краски не сохранились (рис. 5/3; 6/2, 4, 10, 15, 16), хотя в древности они были. Большинство венчиков имело диаметр 13 см, а три – 12,5 и 14 см. Ручки овального сечения и небольшой длины крепились под наклоном к горлу и тулову. По внешней стороне нанесены полосы лака (рис. 5/1, 2; 6/11-14; 7/1-4). На тулове, в верхней части таких сосудов расположены сдвоенные полосы красного или коричневого лака, шириной 2 см (рис. 8). Ножки амфор оформлены в виде полого поддона, высотой 3,0-3,5 см, наружный диаметр 8 см, внутренний – 6,0-6,5 см (рис. 6-8). На стенке одной из амфор в верхней части после обжига была процарапана буква «П» (рис. 7/5).

Другие центры из этого скопления представлены единственным венчиком милетской амфоры, у которого диаметр горла составлял 13 см. Глина светло-коричневого цвета (рис. 7/6).

Все обломки венчиков амфор клазоменского производства на основе особенностей профилировки края и горла были разделены нами на 3 варианта. Первый, самый многочисленный, представлен 7 экземплярами. Край венчика у таких сосудов – утолщенный, иногда слегка валикообразный, немного вытянут вверх и отогнут наружу. Горло цилиндрической формы с вертикальными стенками, либо конической – с изогнутыми стенками (рис. 9/1-7).

Второй вариант представлен тремя сосудами. Край венчика оформлен в виде валика, нижний край – в виде ровной площадки. Горло конической формы с ровными стенками (рис. 9/8-10).

Третий вариант составили три сосуда. Край их венчиков – валикообразный, нижний край у таких сосудов вытянут вниз, и имеет т.н. клювовидное окончание. Горло конической формы с расширяющимся к верху краем, либо цилиндрической формы (рис. 9/11-13).

[3] Сюда включены и два фрагмента, найденные на дне ямы.

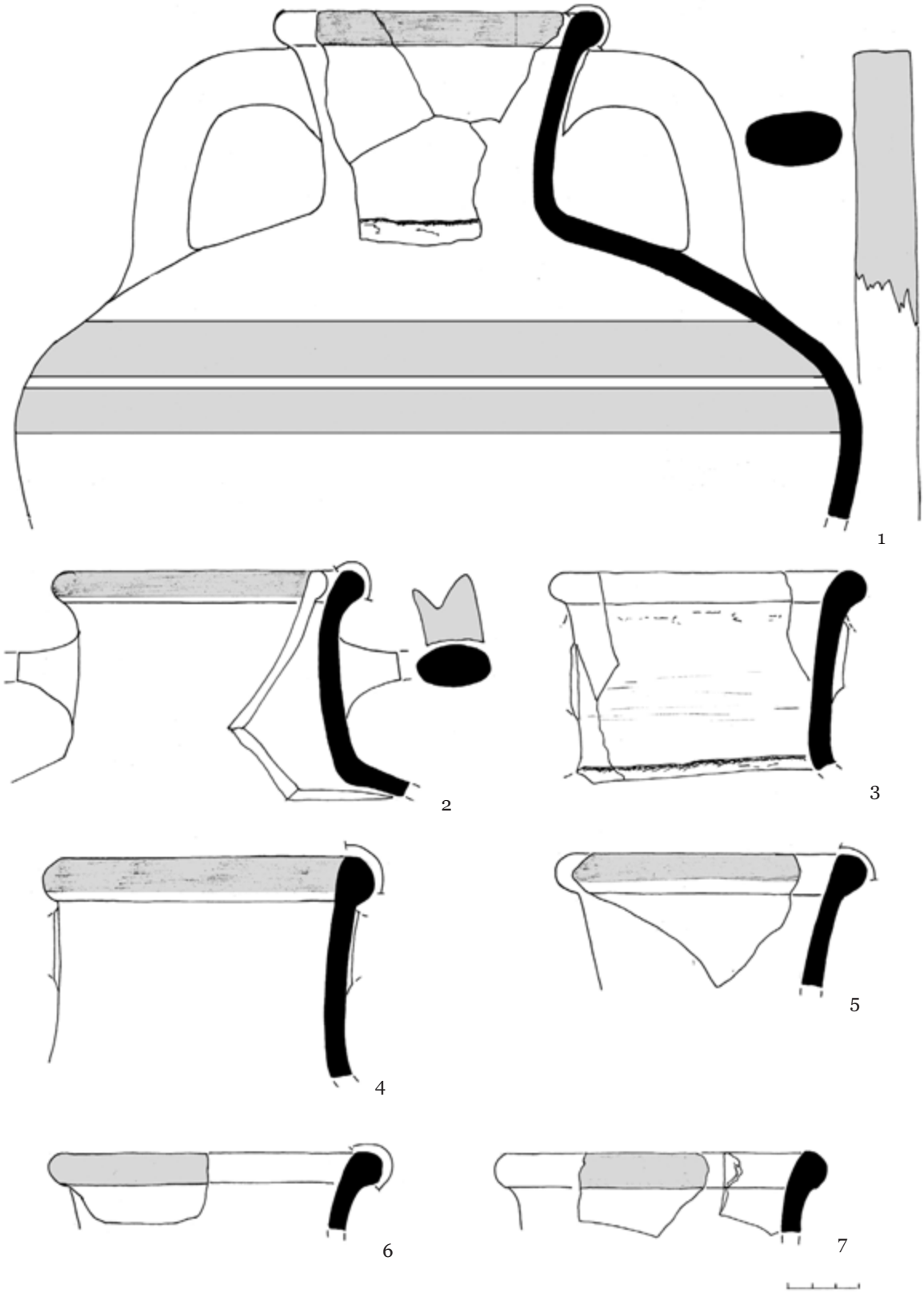


Рис. 5. Фрагменты венчиков клазоменских амфор из скопления в яме №11. Зольник 13. Западное укрепление Бельского городища: 1-6 - обломки из скопления; 7 - фрагмент венчика обнаруженный на дне ямы.

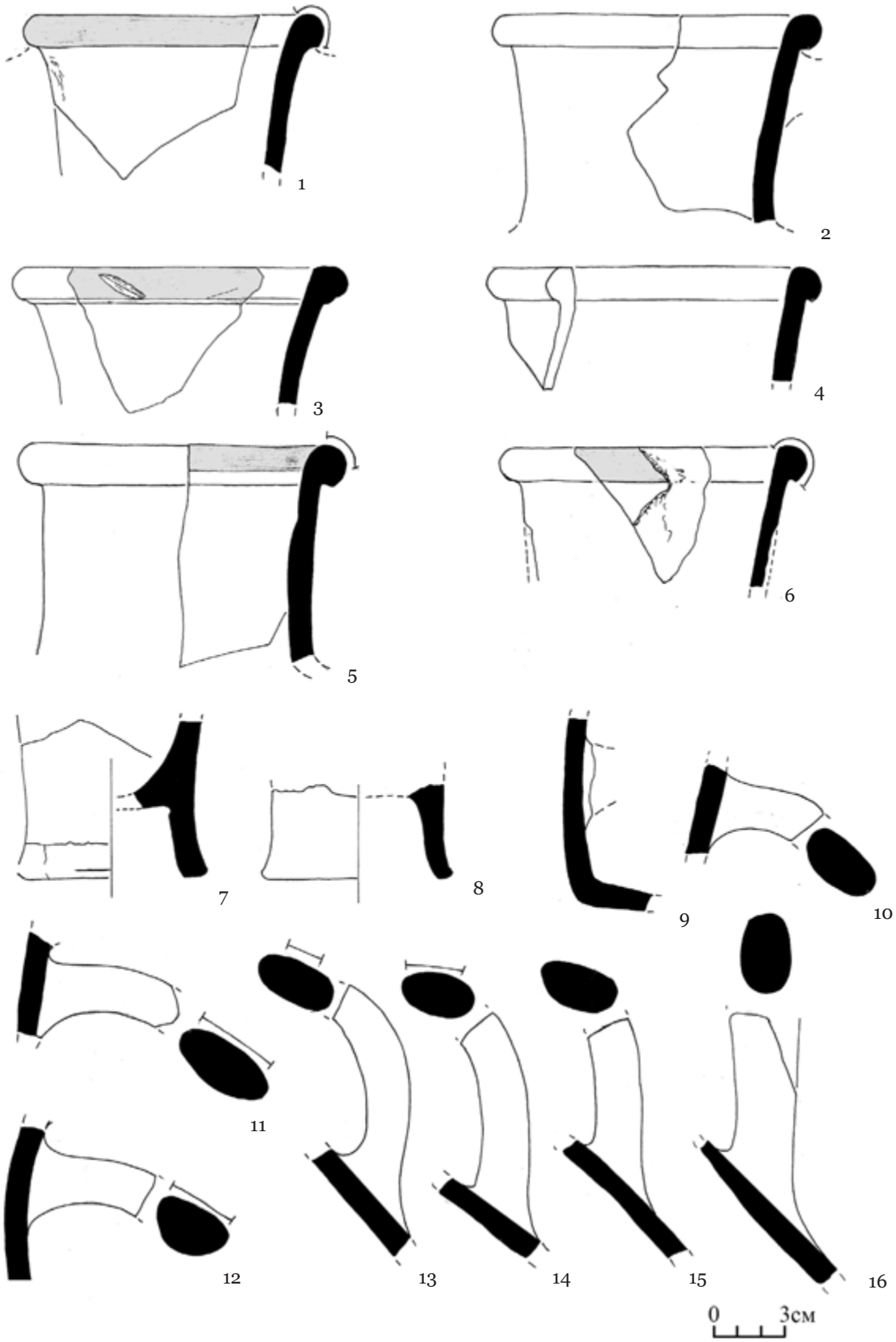


Рис. 6. Обломки клазоменских амфор из скопления в яме №11. Зольник 13. Западное укрепление Бельского городища: 1, 2, 4-15 - находки из скопления; 3, 16 - находки из дна ямы. 1-6 - венчики амфор; 7, 8 - ножки амфор, 9-16 - фрагменты ручек.

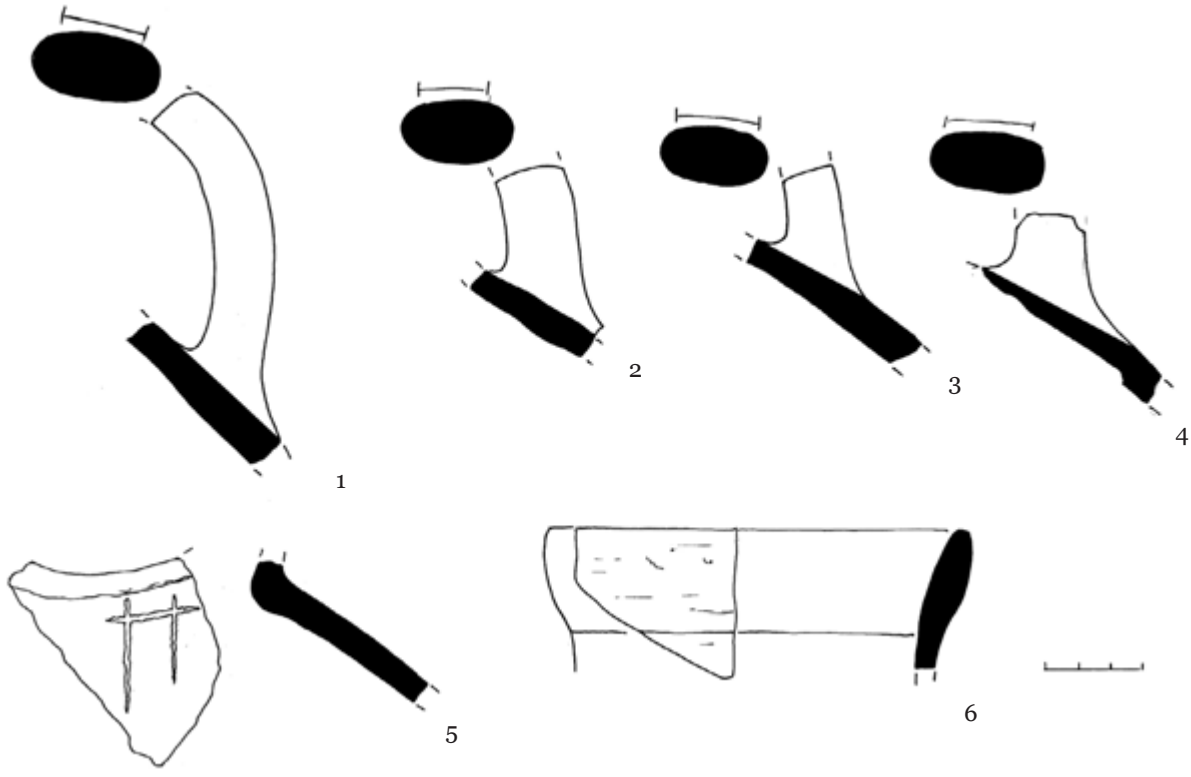


Рис. 7. Обломки амфор из скопления в яме №11 зольника 13. Западное укрепление Бельского городища: 1-5, 7, 8 - Клазомены; 6 - Милет. 1-5 - обломки ручек; 5 - фрагмент горла; 6 - фрагмент венчика.

На наш взгляд, отмеченные нами особенности типологически близких сосудов не являются случайными производственными вариантами. При дальнейшем, достаточно полном статистическом учете взаимовстречаемости выделенных признаков возможно установление определенных закономерностей в развитии форм амфор данного производственного центра. Возможно, мы имеем результат изготовления посуды для вина в разных мастерских или фиксируем определенную традицию, «почерк» различных мастеров. Не исключена возможность уловить и хронологические различия данных керамических изделий в рамках одного временного периода. Так, например, первый вариант имеет аналогии среди сосудов конца VII - первой половины VI в. до н.э. (Монахов 2003, 51-55, рис. 32/1; 33/4-6). Довольно интересным является тот факт, что сосуды этого варианта или «круга клазомен» по С.Ю. Монахову зафиксированы только в курганах Северо-Восточного Причерноморья: могильник Лебеди V (степное Прикубанье), из погребения 5 могильника Хапры (Нижний Дон), из погребения 7 у станицы Анапской и Новороссийского музея (Монахов 2003, 51-55, рис. 32/1; 33/4-6). По материалам раскопок в Истрии Ю. Бырзеску такие амфоры выделил в 4 тип (Bîrzescu 2012, 99-100). Похожее оформление венчика имеется на сосудах IV группы классификации клазоменских амфор, предложенной Ю. Сезгином (Sezgin 2004, 174-175, fig. 10-11). Все они датируются в основном первой половиной VI в. до н.э. (Монахов 2003, 51-55; Bîrzescu 2012, 98-99). Сосуды второго и третьего вариантов близки к сосудам середины - второй половины VI в. до н.э. (см., например, Монахов 2003, 52-53, табл. 32/3, 4). По классификации Ю. Сезгина такие сосуды относятся к V группе (Sezgin 2004, 175-176, fig. 12). Близкие по форме фрагменты ручек, ножек и венчиков амфор найдены в слоях конца VII - первой половины VI в. до н.э. на античном поселении Березань (Ильина, Чистов 2012, 21, табл. 3-4).

В Лесостепи, среди опубликованного материала, аналогичные фрагменты милетских амфор происходят из раскопок на Бельском городище (Задников 2006, 112, рис. 3-5). По нашим наблюдениям, пик наибольшего поступления милетских амфор относится ко 2-й

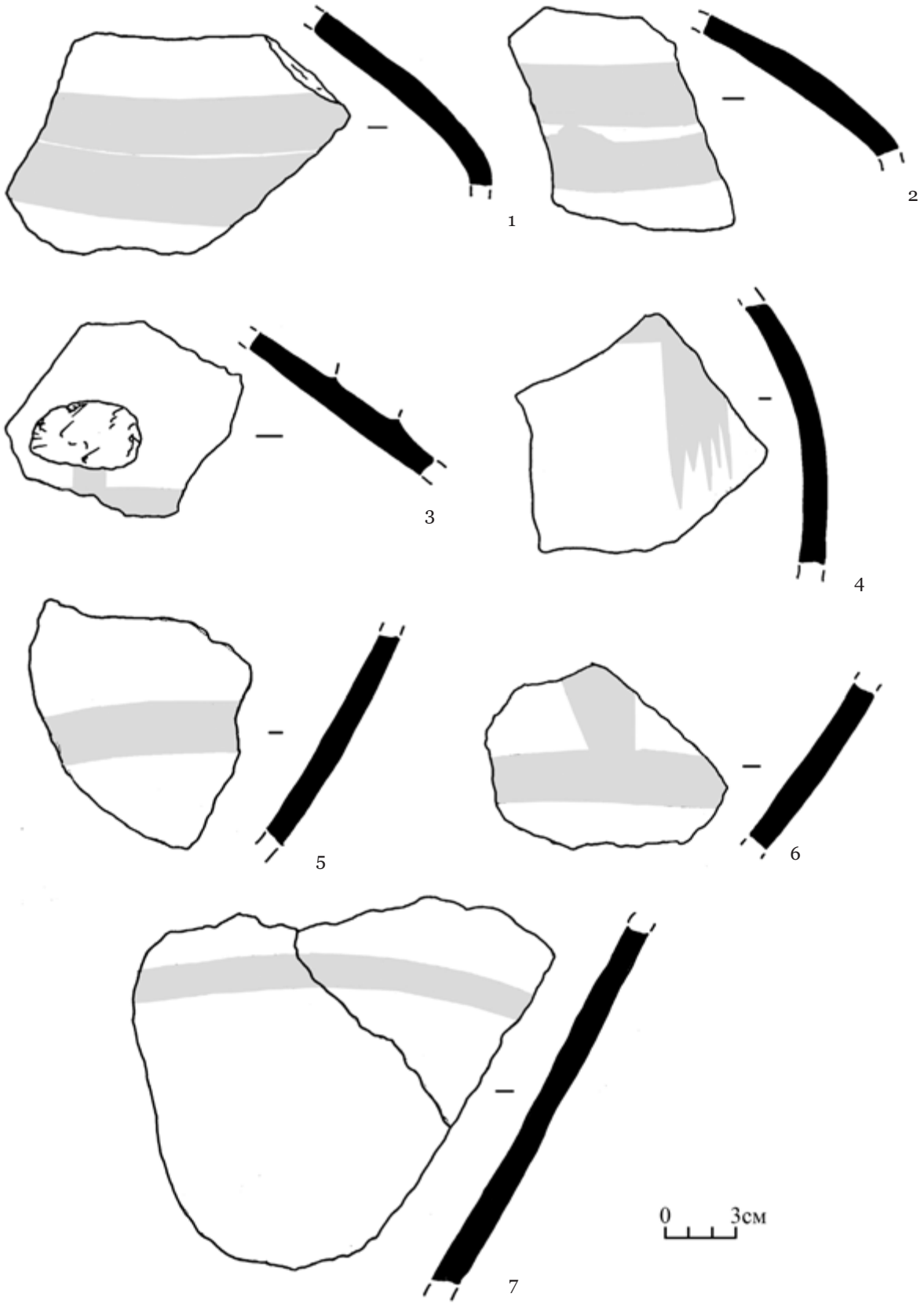


Рис. 8. Стенки клазоменских амфор украшенные красными полосами из скопления в яме №11. Зольник 13. Западное укрепление Бельского городища.

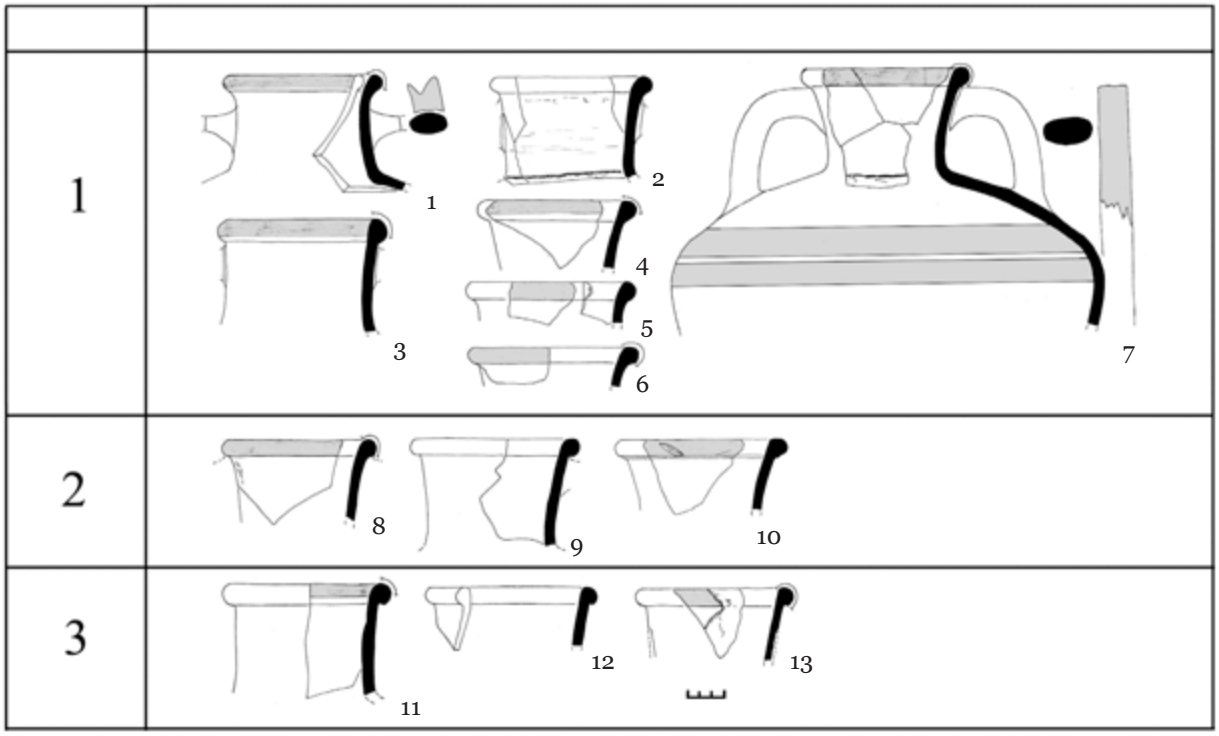


Рис. 9. Таблица венчиков клазоменских амфор из ямы №11. Зольник 13. Западное укрепление Бельского городища.

четверти VI в. до н.э. Их импорт на Бельск практически прекращается в 3-й четверти VI в. до н.э. И в слоях последней четверти VI в. до н.э. они полностью отсутствуют (Задников 2006, 108). На античных памятниках Северного Причерноморья они известны в материалах Березани, Истрии, Ягорлыка, Бейкуша (Ильина, Чистов 2012, 20-21, табл. I; Буйских 2013, 97, рис. 9/2; Bîrzescu 2012, 127-143; Рубан 1983, 283, рис. 3/13; Рубан 1991, 186; рис. 4/2, 8). Следует отметить, что также в третьей четверти VI в. до н.э. импорт милетских амфор на Березань сокращается более чем в два раза (Чистов и др. 2012, 120).

Таким образом, в яму 11 на зольнике 13 были одновременно сброшены фрагменты от 13 разных античных сосудов клазоменского и от одного сосуда милетского производства. На наш взгляд, наиболее близкие аналогии все рассмотренные нами фрагменты находят среди амфор первой половины VI в. до н.э. Этим временным промежутком мы пока предлагаем ограничить формирование комплекса ямы 11 из зольника 13 Западного Бельска.

Библиография

Безсонова 1996: С. С. Безсонова, Глиняні жертовники лісостепового Подніпров'я ранньоскіфського часу. Археологія 4, 1996, 25-40.

Буйских 2013: А.В. Буйских, Амфоры конца VII - первой половины V в. до н.э. из Борисфена. Археологія і давня історія України 2 (11), 2013, 91-103.

Вахтина 1996: М.Ю. Вахтина, Греческая расписная керамика из раскопок Немировского городища. Археологія 4, 1996, 85-93.

Вахтина 1998: М.Ю. Вахтина, Основные категории греческой импортной керамики из раскопок Немировского городища. Материалы по археологии и истории, археологии и этнографии Таврики VI, 1998, 122-139.

Вахтина 2000: М.Ю. Вахтина, Греческая столовая керамика VI в. до н.э. из раскопок Немировского городища в Побужье. В сб: (Отв. ред. В. Ю. Зуев) ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Памяти Юрия Викторовича Андреева (Санкт-Петербург 2000), 209-217.

Вахтина 2007: М.Ю. Вахтина, Греческая архаическая керамика из раскопок Немировского городища в Побужье. В сб: (Відп. ред. С.А. Скорый) Ранній залізний вік Євразії: до 100-річчя від дня народження О.І. Тереножкіна (Київ 2007), 49-51.

Ганіна 1984: О.Д. Ганіна, Поселення ранньоскіфської доби поблизу с. Залісся. Археологія 47, 1984, 68-79.

Городцов 1911: В.А. Городцов, Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губернии в 1906 году. В сб: Труды XIV Археологического съезда, том III (Москва 1911), 93-161.

Задников 2005: С.А. Задников, Комплекс античных амфор из раскопок Западного укрепления Бельского городища. Древности 2005, 2005, 268-274.

Заднiков 2006: С.А. Задников, Мілетські тарні амфори в лісостеповому Дніпровському Лівобережжі (за матеріалами зольників № 5 та 28 Західного укріплення Більского городища). В сб: (Відп. ред. Є.Черненко) Більське городище та його округа (до 100-річчя початку польових досліджень) (Київ 2006), 105-115.

Задников 2009: С.А. Задников, Раскопки зольника 13 в 2008 г. на Западном укреплении Бельского городища. Археологічні дослідження в Україні 2008, 2009, 50-52.

Задников 2009а: С.А. Задников, Античная керамика третьей четверти VII в. до н.э. из раскопок на Бельском городище. В сб: (Отв. ред. В.П. Копылов) Международные отношения в бассейне Черного моря скифо-античное и хазарское время: Сборник статей по материалам XII международной научной конференции (Ростов-на-Дону 2009), 15-21.

Задников, Шрамко 2009: С.А. Задников, И.Б. Шрамко, К вопросу о первых контактах населения Бельского городища с античным миром. В сб: (Отв. ред. В.Ю. Зуев) Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира: материалы междунар. науч. конф. (Санк-Петербург 2009), 473-477.

Задников, Шрамко 2009а: С.А. Задников, И.Б. Шрамко, Отчет о раскопках на Западном укреплении Бельского городища в 2008 г. Науковий архів Музею археології та етнографії Слобідської України Харківського національного університету імені В.Н.Каразіна, Фонд 1 Опис 2а Справа 3 (Харьков 2009).

Задников 2010: С.А. Задников, Античная керамика из раскопа 2009 г. на зольнике 10 Западного укрепления Бельского городища. Археологічні дослідження в Україні 2009, 2010, 132-133.

Зуев 1993: В.Ю. Зуев, Изучение жаботинских гравировок и проблема развития звериного стиля в европейской Скифии на рубеже VII-VI вв до Р.Х. Петербургский археологический вестник 6, 1993, 38-52.

Ильина, Чистов 2012: Ю.И. Ильина, Д.Е. Чистов, Ранний период (конец VII - первая половина VI вв. до н.э.). Находки. В сб: (науч. ред. Д.Е.Чистов) Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции, том 2 (Санкт-Петербург 2012), 20-41.

Ковпаненко 1967: Г.Т. Ковпаненко, Раскопки Трахтемировского городища. Археологические исследования на Украине в 1965-1966 I, 1967, 103-106.

Ковпаненко 1971: Г.Т. Ковпаненко, Памятники раннескифского времени Каневщины. МИА 77, 1971, 115-120.

Марченко 2005: К.К. Марченко, Основные аспекты и результаты изучения Греко-варварских контактов и взаимодействий в Северном Причерноморье скифской эпохи. В сб: (отв. ред. К. К. Марченко) Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху (Санкт-Петербург 2005), 12-26.

Мачинский, Мусбахова 2009: Д.А. Мачинский, В.Т. Мусбахова, Остров Кирки и изображения на келермесском ритоне, преддверье Аида и древнейшая греческая расписная керамика в Северном Причерноморье (по «Одиссее» и археологическим материалам). В сб: (Отв. ред. В.Ю. Зуев) Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира: материалы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург 2009), 319-355.

Мелюкова 1989: А.И. Мелюкова, Хозяйство, быт, торговля. Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время, 1989, 113-120.

Монахов 2003: С.Ю. Монахов, Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. (Москва-Саратов 2003).

Онайко 1966: Н.А. Онайко, Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII-V вв. до н.э. САИ Вып. Д. 1-27 (Москва 1966).

Рубан 1991: В.В. Рубан, Опыт классификации так называемых милетских амфор из Нижнего Побужья. СА 2, 1991, 182-195.

Русяева 1999: А.С. Русяева, Проникновение эллинов на территорию украинской Лесостепи в архаическое время (к постановке проблемы). ВДИ 4, 1999, 84-97.

Чистов и др. 2012: Д.Е. Чистов, В.Ю. Зуев, Ю.И. Ильина, А.К. Каспаров, Н.Ю. Новоселова, Заключение. В сб: (Науч. ред. Д.Е. Чистов) Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции, том 2 (Санкт-Петербург 2012).

Шрамко 1973: Б.А. Шрамко, Восточное укрепление Вельского городища. В сб: (Отв. ред. В.А. Ильинская, А.И. Тереножкин) Скифские Древности (Киев 1973), 82-112.

Шрамко 1975: Б.А. Шрамко, Крепость скифской эпохи у с Бельск – город Гелон. В сб: (Ред. А.И. Тереножкин) Скифский мир (Киев 1975), 94-132.

Шрамко 2007: Б.А. Шрамко, Основні підсумки досліджень Більського городища. В зб: (Ред. О. Купчинський) Записки наукового товариства імені Шевченка: Зб. науков. пр., том CCLIII Праці Археологічної комісії (Львів 2007), 323-334.

Шрамко 2004: И.Б. Шрамко, О начальном периоде существования Бельского городища. В сб: (Відп. ред. С.А. Скорий) Від Кіммерії до Сарматії: міжнар. наук. конф., Чигирин, 15-17 травня 2004 р.: тези доповідей (Київ 2004), 103-106.

Шрамко 2006: І.Б. Шрамко, Ранній період в історії геродотовського Гелон. У зб: (Відп. ред. Є. Черненко) Більське городище та його округа (до 100-річчя початку польових досліджень) (Київ 2006), 33-56.

Шрамко, Задніков 2009: І.Б. Шрамко, С.А. Задников, Результати археологічного дослідження Більского городища в 2007 р. Археологічні дослідження в Україні 2006-2007, 2009, 363-365.

Шрамко, Задников 2010: И.Б. Шрамко, С.А. Задников, Новые находки ранней античной керамики на Бельском городище. ΣΥΜΒΟΛΑ 1, 2010, 294-300.

Шрамко, Задников 2011: И.Б. Шрамко, С.А. Задников, Отчет о раскопках на Западном укреплении Бельского городища в 2010 г. Науковий архів Музею археології та етнографії Слобідської України Харківського національного університету імені В.Н.Каразіна, Фонд 1 Опис 2 Справа 39 (Харьков 2011).

Bîrzescu 2012: I. Bîrzescu, Die archaischen und frühklassischen Transportamphoren. Histria XV (Bucureşti 2012).

Daragan 2009: M. Daragan, Grey pottery from monuments of the early Scythian period in the middle Dnestr region (Western Podolian group of monuments). Pontica XLII, Supplement I, 2009, 119-147.

Kerschner 2006: M. Kerschner, Zum Beginn und zu den Phasen der griechischen Kolonisation am Schwarzen Meer. Eurasia Antiqua 12, 2006, 227-250.

Sezgin 2004: Y. Sezgin, Clazomenian Transport Amphorae of the sevent and sixts centuries. In: (Ed. Moustaka, E. Skarlatidou, M.-C. Tzannes and Y. Ersoy.) Klazomenai, Teos and Abdera: Metropolis and Colony (Thessaloniki 2004), 169-183.

Complexul de amfore antice din prima jumătate a sec. VI a. Chr. din groapa nr. 11, cenuşarul nr. 13, cetatea de vest de la Bel'sk

Rezumat

În articol sunt prezentate materialele din complexul închis din cenuşarul nr. 13, cetatea de vest de la Bel'sk. Aici, într-o groapă menajeră au fost descoperite 285 fragmente de amfore antice, dintre care au fost identificate cioburile a 13 amfore produse la Klazomene şi una în Milet. Buzele amforelor de tip Klazomene, după profil, au fost împărţite în trei variante distincte. Acestea îşi găsesc cele mai apropiate analogii printre recipientele datate în prima jumătate a sec. VI a. Chr.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Amplasarea cetăţii de la Bel'sk: 1 - amplasarea cetăţii în nordul Mării Negre; 2 - schema cetăţii Bel'sk; 3 - planul fortificaţiei de vest cu indicarea locului cenuşarelor.

Fig. 2. Planul şi profilul gropii nr. 11, cenuşarul nr. 13, fortificaţia de vest de la Bel'sk.

Fig. 3. Umplutura gropii nr. 11, cenuşarul nr. 13, fortificaţia de vest de la Bel'sk: 1 - umplutura părţii superioare; 2 - umplutura părţii inferioare (vedere dinspre vest).

Fig. 4. Aglomeraţie de fragmente de amfore, fragmente de lut ars, pereţi de vase modelate cu mâna şi oase de animale din groapa nr. 11, cenuşarul nr. 13, fortificaţia de vest de la Bel'sk: 1 - în partea de vest a gropii; 1 - în partea de est a gropii.

Fig. 5. Fragmente de buze de amfore de tip Klazomene din groapa nr. 11, cenuşarul nr. 13, fortificaţia de vest de la Bel'sk: 1-6 - fragmente descoperite în aglomeraţie; 7 - fragment descoperit la fundul gropii.

Fig. 6. Fragmente de amfore de Klazomene din aglomeraţia din groapa nr. 11, cenuşarul nr. 13, fortificaţia de vest de la Bel'sk: 1, 2, 4-15 - descoperiri din aglomeraţie; 3, 16 - descoperiri de la fundul gropii; 1-6 - buze de amfore; 7, 8 - picioruşe de amfore; 9-16 - fragmente de toarte de amfore.

Fig. 7. Fragmente de amfore din aglomeraţia din groapa nr. 11, cenuşarul nr. 13, fortificaţia de vest de la Bel'sk: 1-5, 7, 8 - Klazomene; 6 - Milet. 1-5 - fragmente de toarte; 5 - fragment de gât; 6 - fragment de buză.

Fig. 8. Pereţi de amfore de tip Klazomene, decoraţi cu benzi roşii din aglomeraţia din groapa nr. 11, cenuşarul nr. 13, fortificaţia de vest de la Bel'sk.

Fig. 9. Tabelul buzelor de amfore de tip Klazomene din groapa nr. 11, cenuşarul nr. 13, fortificaţia de vest de la Bel'sk.

Complex of antique amphorae of the 1st half of the 6th century BC from the pit no. 11 of the "ashpit" no. 13 of the Western Bilsk Fortification

Abstract

This publication presents materials from a closed complex in the "ashpit" no. 13 of the Western Bilsk fortified settlement. In the filling of one of the pits there were found 285 fragments of antique amphorae. Among them it was possible to identify fragments of 13 Klazomenian amphorae and one Milesian amphora. We divided all fragments of rims belonging to the Klazomenian amphorae into 3 variants. In our opinion, all the considered fragments of amphorae could find the closest analogies among the vessels of the 1st half of the 6th century BC.

List of illustrations:

Fig. 1. Bilsk settlement location: 1 - View of the Northern Black Sea region with the location of the Bilsk settlement; 2 - ancient settlement in Bilsk; 3 - the plan of the western fortification with locations of "ashpits".

Fig. 2. Plan and profile of the pit number 11 of the "ashpit" 13. Western fortification of the Bilsk settlement.

Fig. 3. Fragments of antique amphorae, pieces of clay plastering, walls of pots, and bones of animals in the filling of pit number 11. View from the west. "Ashpit" number 13. Western fortification of the Bilsk settlement: 1 - filling of the top of the pit; 2 - filling of the bottom of the pit.

Fig. 4. Accumulations in the pit number 11 of the "ashpit" 13, the Western fortification of the Bilsk settlement: 1 - accumulation in the western part of the pit; 2 - accumulation in the eastern part of the pit.

Fig. 5. Fragments of rims of the Klazomenian transport amphorae from the accumulation in the pit number 11 of the "ashpit" 13, the Western fortification of the Bilsk settlement: 1-6 - fragments from accumulation; 7 - fragment of a rim found on the bottom of the pit.

Fig. 6. Fragments of the Klazomenian transport amphorae from the accumulation in pit number 11 of the "ashpit" 13, the Western fortification of the Bilsk settlement: 1, 2, 4-15 - findings from the accumulation; 3, 16 - finds from the bottom of the pit. 1-6 - rims of amphorae; 7-8 - feet of amphorae; 9-16 - fragments of handles.

Fig. 7. Fragments of amphorae from the accumulation in the pit number 11 of the "ashpit" 13, the Western fortification of the Bilsk settlement: 1-5, 7, 8 - Klazomenian amphorae, 6 - Milesian amphorae. 1-5 - fragments of handles; 5 - fragment of a neck; 6 - fragment of a rim.

Fig. 8. Klazomenian transport amphora's wall decorated with red stripes from the accumulation in the pit number 11 of the "ashpit" 13, the Western fortification of the Bilsk settlement.

Fig. 9. Table of rims of the Klazomenian transport amphorae from the pit number 11 of the "ashpit" 13, the Western Bilsk Fortification.

28.03.2014

Станислав Задников, Музей археологии и этнографии Слободской Украины Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина, ул. Тринклера, 12, Харьков, Украина, e-mail: belsk.archaika@mail.ru

UN LOT NOU DE ŞTAMPILE GRECEŞTI DESCOPERITE ÎN CENTRUL VECHIULUI CALLATIS

Natalia Mateevici
Mihai Ionescu

Cu scopul evaluării unei zone situate în centrul oraşului Mangalia (str. Mircea cel Bătrân nr. 6, fost 24 din proprietatea dlui Reichle Mario) şi în vederea cercetării, restaurării şi conservării unui eventual sit arheologic, aflat la cca 50 m est de zona sacră a cetăţii antice Callatis, au fost întreprinse o serie de cercetări arheologice.

Secţiunea S1, cu dimensiunile de 9×3 m, orientată nord-sud, a fost împărţită, conform metodologiei de cercetare în trei carouri a câte 3×3 m, numerotate de la 1 la 3 de la nord la sud.

În caroul 1, cercetarea a fost efectuată până la o adâncime maxima de cca -2,18 m, unde a fost stopată pe un nivel de demantelare – groapă, ce a afectat un zid elenistic amplasat perpendicular pe bordura străzii ce va fi descrisă mai jos (fig. 1).

Materialele arheologice descoperite în groapa de demantelare aparţin epocii romane, sec. IV p. Chr. şi sunt însoţite de o monedă constantiniana.

Aceeaşi groapă romană a afectat şi zidul paralel cu strada, la nord de aceasta, care marca fie latura de sud a edificiului, din care făcea parte Z1, fie bordura străzii în prima sa fază, când ea avea lăţimea de cca 5,50 m şi includea canalul ce se afla pe latura de sud a străzii.

Din cercetarea arheologică au rezultat o serie de materiale ceramice cu o datare largă din epoca elenistică până în cea medievală şi modernă: amfore fragmentare, un capac de vas şi diferire tipuri de recipiente de masă şi de bucătărie în stare fragmentară. Au mai fost prelevate două fragmente de marmură ce îşi au originea în cimitirul musulman de lângă Moscheea Esmahan Sultan – este vorba de o parte a unui turban de pe o piatră funerară şi un fragment de inscripţie funerară.

În carourile 2-3 a fost cercetată strada deja amintită, care în prima sa fază (adâncimea – 1,60-1,80 m), când canalul era funcţional, a avut o lăţime de 5,5 m. În faza următoare, probabil în cursul sec. II a. Chr., moment marcat de descoperirea unei toarte de amforă ştampilată de origine rhodiană, strada a fost îngustată la cca 2,75 m. Atât strada,

Fig. 1. Groapa din preajma zidului elenistic.

Fig. 2. Canalul de drenare.

cât şi canalul au putut fi urmărite pe o lungime de 6 m. Canalul, aşezat atipic pe latura de sud a străzii, are o lăţime de 0,30-0,35 m, o adâncime de 0,30 m, fundul său, descoperit la -2,30 m, fiind realizat din plăci de calcar.

Canalul a fost acoperit cu plăci masive de calcar ce făceau parte din pavajul străzii în prima sa fază (fig. 2).

În caroul 3, la sud de strada şi de canalul descrise mai sus, a fost cercetată o tasare care a aparţinut, probabil unei piaţete aflate la sudul străzii. De aici, ca urmare a investigaţiilor arheologice, a fost recuperat un bogat material ceramic, databil în sec. IV-III a. Chr.

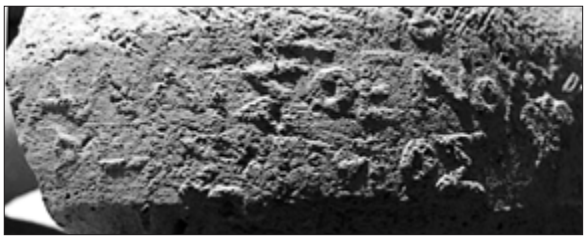
Printre materialele arheologice se evidenţiază fragmente amforice, inclusiv toarte de amfore ştampilate din centrele de producţie amforică: Rhodos, Thasos, Sinope, Heracleea Pontica, Cnidos şi Cos. De asemenea, au fost identificate şi unele fragmente de amfore de tip Soloha I şi II şi Mende.

Astfel, ca urmare a evaluării terenului din strada Mircea cel Batran nr. 6, a fost descoperit un complex arheologic, format dintr-o stradă magistrală cu direcţia vest-est, care a avut, cel puţin, două faze de funcţionare şi un canal de deversare a apelor pluviale şi menajere, amplasat la sud de aceasta. Avansăm ipoteza că poate fi vorba de o stradă ce făcea legătura dintre zona sacră a cetăţii şi portul acesteia, în cursul epocii elenistice, sec. III-II a. Chr.

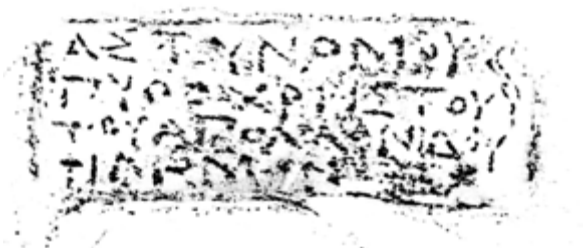
Micul lot de ştampile recoltate în timpul cercetărilor conţine 16 exemplare, repartizate în felul următor: cinci aparţin oraşului Sinope, dintre care doar trei sunt lizibile, celelalte două păstrate incomplet; câte o stampilă revine producţiei de Cos, Paros, Thasos, Heracleea Pontică; trei exemplare aparţin amforelor de Rhodos; două ştampile revin Cnidosului şi două ştampile nu au fost atribuite vreunui centru producător. Întregul lot se încadrează între începutul sec. III (ştampilele nr. 8-9 de Rhodos, ştampila de Heracleea şi Thasos) şi anii ‘40-‘20 ai sec. II a. Chr. (ştampila nr. 10 de Rhodos).

Catalog

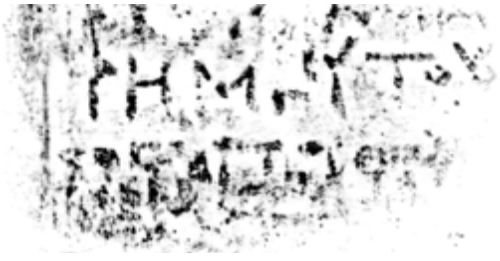
1. Sinope
[ἀστυνόμου]
[Εὐχαρ]ίστου [τοῦ]
[Κ]αλλισθένου. strugure↓
[Χ]ρήσιμος
Ştampilă rectangulară de magistrat pe toartă. Magistrat din a V-C subgrupă cronologică (după Conovici); sau a VI-C (după Garlan). Magistratul Εὐχαριστος 3 Καλλισθένου a mai activat împreună cu producătorii: Ἀπατούριος, Πάπης.



2. Sinope
ἀστυνόμου
Πυθοχρήστου
τοῦ Ἀπολλονίδου. acrostyle↑
Φιλήμων
Ştampilă rectangulară pe toartă. Ştampilă de magistrat. Magistratul Πυθόχρηστος din grupa Vd, după Conovici, VI-B după Garlan, Numele producătorului Φιλήμων 1 este mai rar întâlnit în asociaţie cu acest magistrat.



3. Sinope
[ἀστυνόμου] [storcător de struguri] ↑
Φημίου τοῦ
Θ[εο]π[εί]θ[ο]υ
Ştampilă rectangulară pe toartă. Ştampilă de magistrat. Magistratul Φήμιος 3 Θεοπείθου, grupa V-C după Conovici; grupa VI-C după Garlan. Asemănătoare la Граков 1929, 221, т. 12/9; Шеллов 1975, 146, №579, 189; Conovici 1998, nr. 528; Mateevici 2007, 160, nr. 230-231. De obicei, ştampilele acestui magistrat conţin doar numele său. Numele producătorului era gravat pe cea de a doua ştampilă, care se aplica pe cea de a doua toartă (astfel de cazuri sunt mai rare la Sinope). Acest magistrat a activat cu producătorii Χαβρίας, Χάρης, Εὐκλῆς, Μνῆσις.



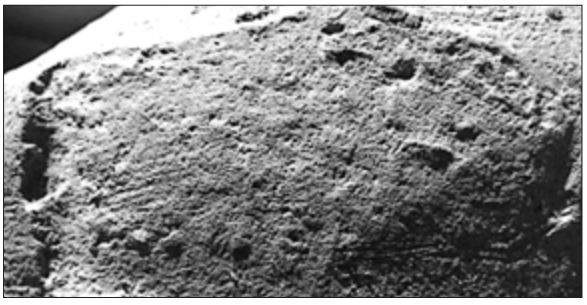
4. Paros
[Π]αρίον
Ştampilă rectangulară pe toartă. Prima jumătate a sec. III a. Chr. Aceeaşi matrice la Mateevici 2007, 176, 197, nr. 374.

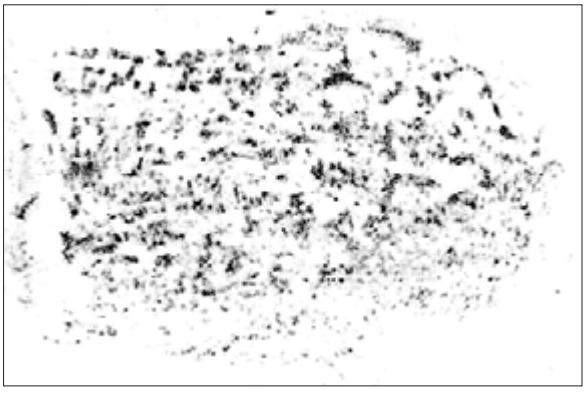
5. Cos.
Αντι[....]
Ştampilă rectangulară pe o toartă bifidă. Sec. III a. Chr. Ἀντίοχος, nume rar întâlnit printre ştampilele cosiene, dar este întâlnit la Šelov, doar că în formă retrogradă (Шелов 1975, 133, №545).

6. Cnidos
ἐπ[ὶ] [Ἑ]ρμοκρ[ά]-
τ[ευς. Κλ[έων].
Κνίδιον caduceu→
Ştampilă rectangulară pe toartă. Magistratul Ἑρμοκράτης din grupa IV cronologică (după Jefremow). Legenda este păstrată incomplet. Însă în ultimul rând se poate citi etniconul. Datarea – anii ’90-‘80 ai sec. II a. Chr. Jefremow 1995, 191, Nr. 429 (cu ligatură); Grace 1934, 249, nr. 125; Lawall 2002, 297, 318 (Lawall datează cu anii ‘60/‘50 ai sec. II a. Chr.); Jöhrens 1999, 117, 323 f., 141, Nr. 426; Etienne 1990, 242 f., nr. 73 f. Activitatea acestui magistrat este atestată cu producătorii Ἀριστοκλῆς, Ἄντανδρος, Θευδώσιος, Ἱππόλοχος, Νικίας, Σφαῖρος[1].

[1] Citirea N. Jefremow, căruia îi aducem mulţumiri şi pe această cale.

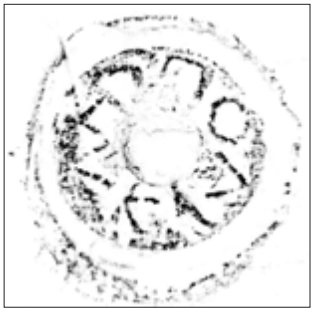
7. Cnidos
.....α
.....
.....οπ..
.....
Ştampilă pe toartă. Este practic ilizibilă, se pot presupune vag doar nişte litere. Dar după pastă şi aranjarea legendei, credem că este o ştampilă de Cnidos.





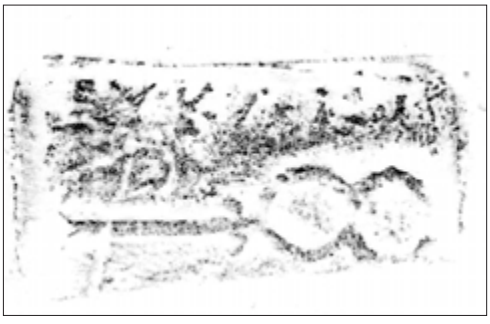
8. Rhodos
Ποσι
δεου
Ştampilă pe toartă. Este ştampila de producătorului Ποσίδειος, al cărui nume la genitiv este scris pe două rânduri. Sigma lunară. Aparţine I perioade (sub-grupa Ia) de ştampilare la Rhodos (cca 294-271 a. Chr.)[2].

9. Rhodos
Πολυκλῆς
Ştampilă circulară tip „buton", are imprimat în relief numele magistratului la nominativ. Ştampilele de tip „buton" sunt considerate unele dintre cele mai timpurii ştampile rhodeene. Literele K şi C lunar sunt redate retrograd. Magistratul Πολυκλῆς este datat cu anii 270-246 a. Chr. Subgrupa 1b (după Finkiesztejn).



[2] Apartenenţa ştampilei Rhodosului ne-a fost confirmată de G. Finkiesztejn şi N. Badou, cărora le mulţumim şi pe această cale.

10. Rhodos
Εὐκλεί
[τ]ου caduceu→
Ştampilă pe toartă. Producătorul în grupele IV/V cronologice - Εὔκλειτος. Activitatea acestui producător este menţionată pe ştampilele astinomilor Τιμόδικος, Θέρσανδρος, Ἀνδρίας, Ἀνδρόνικος, Ἀριστογένης, Ἀλεξίμαχος, Νικασαγόρας II, Αστυμήδης II – anii '40-'20 ai sec. II a. Chr. Придик 1917, т. 1/29; Шелов, 1975, 100, №345, 350; Самойлова 1988, рис. 19/5; Jöhrens 1999, 89, Nr. 237.



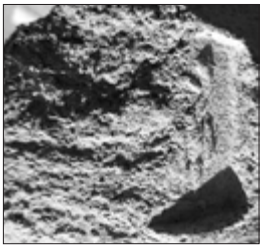
11. Thasos
[Θ]ασίων
masă
[Πυθί]ων
Ştampilă pe toartă. Sigma lunară. Magistratul Πυθίων 4, activează în grupa IX, după Garlan, între anii '80-'70 ai sec. III a. Chr. La Avram 1996, nr. 442 (aceeaşi matrice).

12.Hracleea Pontică
....αστ .... ?
Ştampilă englifică pe gât. Ştampilă pe un singur rând. Considerăm că ar putea fi ştampilă de producător din perioada finală a ştampilării la Heracleea, sfârşitul sec. IV - prima treime a sec. III a. Chr.

13. Ştampilă în relief pe toartă. Ilizibilă. Proveniența: regiunea mediteraneeană.

14. Ştampilă rectangulară în relief, pe toartă. Provenienţa: regiunea mediteraneeană.

15. Ştampilă rectangulară în relief, pe toartă. Provenienţa: Sinope. A păstrat o parte din „s”-ul emblemei în stânga.



16. Ştampilă rectangulară în relief, pe toartă. Provenienţa: Sinope. A păstrat o parte din „s”-ul emblemei în stânga.

Bibliografie

Avram 1996: A. Avram, Les timbres amphoriques. Thasos. Histria, VIII (1) (Bucharest-Paris 1996).

Conovici 1998: N. Conovici, Les timbres amphoriques. Sinope. Histria, VIII (2) (Bucharest-Paris 1998).

Etiènne 1990: R. Etiènne, Ténos II: Ténos et les Cyclades du milieu du IVe siècle av. J.-C. au milieu du IIIe siècle ap. J.-C. (BEFAR 263.2) (Athène 1990).

Finkielsztejn 2001: G. Finkielsztejn, Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens de 270 a 108 av. J.-C. environ. Premier bilan. BAR international séries 990 (Oxford 2001).

Garlan 2004: Y. Garlan, Les timbres céramiques sinopeens sur amphores et sur tuiles trouvés à Sinope. Présentation et catalogue. Varia Anatolica XVI (Paris 2004).

Grace 1934: V. Grace, Stamped Amphora Handles Found in 1931-1932. Hesperia III, 1934, 197-310.

Jefremow 1995: N. Jefremow, Die Amphorenstempel des hellenistischen Knidos (Greifswald 1995).

Jöhrens 1999: G. Jöhrens, Amphorenstempel in Nationalmuseum von Athen. Zu den von H.G. Lolling aufgenommenenunedierten Henkelinschriften mit einem Anhang. Die Amphorenstempel in der Sammlung der Abteilung Athen des DAI (DAI Abt. Athen) (Mainz 1999).

Lawall 2002: M. Lawall, Early Excavations at Pergamon and the Chronology of Rhodian Amphora Stamps. Hesperia 71, 2002, 295-324.

Mateevici 2007: N. Mateevici, Amforele greceşti în mediul barbar din nord-vestul Pontului Euxin în sec. VI - începutul sec. II a. Chr. (Chişinău 2007).

Граков 1929: Б.Н. Граков, Древнегреческие клейма с именами астиномов (Москва 1929).

Придик 1917: Е.М. Придик, Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах эрмитажного собрания (Петроград 1917).

Самойлова 1988: Т.Л. Самойлова, Тира VI-I вв. до н.э. (Киев 1988).

Шеллов 1975: Д.Б. Шеллов, Керамические клейма из Танаиса III-I веков до н.э. (Москва 1975).

New collection of ceramic amphora stamps from the center of the ancient Callatis

Abstract

During rescue operations in Mangalia (Romania), in the area of the ancient Callatis there were found the remains of the building structures that are 50 meters from the sacred area of the ancient city. Numerous amphora fragments were identified, among them there was a small collection of amphora stamps – 16 samples, of which five belong to Sinop, 3 stamps – to Rhodes, 2 Knidos stamps, and to the amphora production of Kos, Paros, Thasos and Heraclea Pontica there were attributed by one stamp. For two stamps it was impossible to determine centers of production. Chronological framework of this small collection includes the period of time from the 3rd century to the 40-20-ties of the 2nd century.

List of illustrations:

Fig. 1. Pit near the Hellenistic wall.

Fig. 2. Drainage channel.

Новая коллекция керамических амфорных клейм из центра древнего Каллатиса

Резюме

Во время спасательных работ в г. Мангалия (Румыния), в зоне древнего Каллатиса, были обнаружены остатки строительных сооружений, находящиеся в 50-ти метрах от сакральной зоны античного города. Были выявлены многочисленные амфорные фрагменты, среди которых и небольшая коллекция амфорных клейм – 16 экземпляров, из которых 5 принадлежат Синопе, 3 клейма – Родосу, 2 книдских клейма и по одному клейму было отнесено к амфорной продукции Коса, Пароса, Фасоса и Гераклеи Понтийской. Для двух клейм не удалось определить центры-производители. Хронологические рамки этой небольшой коллекции определяются началом III века и 40-20-ми годами II века.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Яма рядом с эллинистической стеной.

Рис. 2. Дренажный канал.

24.03.2014

Dr. Natalia Mateevici, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August, 121-A, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova

Dr. Mihai Ionescu, Muzeul de Arheologie „Callatis”, şos. Constanţei, nr. 23, RO-905500 Mangalia, România

VESTIGIILE SECOLELOR V-III A. CHR. DIN SPAȚIUL CARPATO-NISTREAN CA SURSĂ A INTERPRETĂRII ETNICE. ASPECTE ISTORIOGRAFICE

Andrei Corobcean

Atribuirea ansamblurilor arheologice anumitor comunităţi etnice a prezentat un aspect important în toată istoriografia epocii fierului din Europa de sud-est şi spaţiul nord-pontic. Spaţiul carpato-nistrean în această perspectivă a reuşit să atragă atenţia cercetătorilor, aflându-se la răscrucea unor tradiţii culturale de la „periferia" antichităţii. Aspectul etichetărilor etnice ale vestigiilor arheologice din acest cadru spaţial-cronologic, reflectat în istoriografie, relevă câteva criterii fundamentale, prin care cultura materială ar prezenta o valoare etno-determinativă: continuitatea etno-culturală şi demografică a populaţiei locale din perioada hallstattiană până în secolele V-III a. Chr. şi persistenţa ei în perioada ulterioară; particularităţile tehnologico-stilistice menite să exprime fie unitatea, fie diferenţierea între comunităţi etno-culturale; particularităţile modului de viaţă şi a tradiţiilor funerare; corespondenţa spaţial-cronologică dintre informaţiile paleo-etnografice ale textelor antice şi datele arheologice.

În prezentul articol ne vom referi în fond la probleme care şi-au găsit reflectare în studii de sinteză, în rândurile cărora se pot surprinde reflecţii etnicizante relevante în raport cu vestigiile arheologice sau fenomenele descrise de acestea. Dacă în unele domenii părerile sunt aparent unanime, în altele discuţiile continuă să rămână contradictorii. În ultimele două decenii discuţiile s-au centrat mai mult asupra caracterului local sau intrus al unor comunităţi pomenite în sursele narative într-un teritoriu iniţial, încercându-se corelarea trăsăturilor culturale din teritoriul dintre Carpaţi şi Nistru cu posibile migraţii ori evoluţii locale bazate pe factori etnici. De altfel, confruntarea de păreri între „autohtonişti" şi „migraţionişti" a fost mai degrabă readusă dintr-un trecut nu prea îndepărtat. Deci, unele teze surprinse din aceste discuţii reprezintă resuscitări ale ipotezelor vechi şi chiar depăşite, deşi nu lipsite de importanţă. Interpretarea etnică, însă, a vizat de obicei un cadru general, mai puţin cel care ţine de tratarea însăşi a vestigiilor ca sursă de reconstituire a fenomenelor etnice. Din aceste considerente, o focusare pe aprecierile relevanţei etno-determinative a vestigiilor arheologice, dincolo de posibilităţile corelării tendinţelor culturii materiale cu sursele narative, este necesară.

Dihotomia generală care domină problematica interpretării etnice în literatura de specialitate o reprezintă cea dintre „autohton/local/indigen" şi „alogen/străin", sugerând, de altfel, şi o diferenţă a modului de viaţă între primii, sedentari şi ultimii, nomazi. În acest cadru larg s-au jalonat mai multe explicaţii despre purtătorii unor sau altor grupe de vestigii. Un asemenea context punea, în mod evident, problema continuităţii/discontinuităţii demografice cu toate rezultantele ei culturale şi etnice.

Grupurile culturale au fost analizate din perspectiva legăturilor grupurilor culturale cu fondul local, considerat predominant tracic în baza informaţiilor autorilor antici, pe de o parte, şi cu elementele şi influenţe eterogene, pe de alta. O atenţie deosebită li se acordă influenţelor răsăritene, atribuite unor comunităţi cunoscute, graţie surselor narative, prin etnonimele de agatârşi şi sciţi.

În această ordine de idei, se pot surprinde afirmaţiile lui Vasile Pârvan şi Mihail Rostowzev despre importanţa fondului local în potenţialul cultural de la mijlocul mileniului I a. Chr. din spaţiul sud-est european. Renumitul arheolog M. Rostowzev afirma că nomazii de sorginte iraniană, în calea migraţiei lor, au întâlnit în regiunea nord-pontică un fond local puternic, care urma să-i influenţeze şi chiar să-i determine la modificarea ritualului funerar. Mai mult decât atât, localnicii „nu s-au făcut sciţi" în pofida autorităţii politice a sciţilor asupra lor, continuându-şi modul de viaţă specific, diferit de cel al sciţilor (Ростовцев 1918, 76). Şi după V. Pârvan, „insulele iraniene" aflate în mijlocul unei „mări" de populaţie tracică indigenă, s-au dizolvat în această masă locală (Pârvan 1926, 649-650).

Tyragetia, s.n., vol. VIII [XXIII], nr. 1, 2014, 275-286.

Ambii specialişti au atras atenţia asupra continuităţii şi importanţei fondului local, accentuând însă hegemonia scitică din punct de vedere militar şi politic în perioada maximei sale expansiuni.

Atribuirile etnice, evident, se bazau pe explicaţia istorică şi corelarea istorico-arheologică, în care populaţia locală, considerată aprioric tracică, a cunoscut o succesiune de migraţii a populaţiilor nomade iraniene (cimerieni, sciţi) pe parcursul mileniului I a. Chr. (Pârvan 1926, 7-8). Aceşti migratori, în special sciţii, ar fi constituit în spaţiul carpato-danubiano-pontic „simple enclave" şi nu o „mare masă iraniană" ca în nordul Pontului Euxin (Pârvan 1926, 361). Aprecierile etnicizante, însă, se fundamentează în „Getica" lui V. Pârvan nu doar pe simple corelări istorico-arheologice, dar mai ales pe caracteristicile diferenţelor de habitat şi de stil în elementele culturii materiale, explicate sau determinate de o anumită continuitate ori discontinuitate etnoculturală. Bazându-se pe informaţiile autorilor antici şi pe materialul arheologic la vremea sa, V. Pârvan conchidea că sciţii nomazi n-au lăsat urme de locuinţe, în virtutea modului mobil de viaţă, fiind cunoscuţi doar prin inventarul pe care şi-l depuneau în morminte (Pârvan 1926, 214, nota 3). Evident, urme de populaţie scitică puteau fi identificate preponderent prin descoperiri funerare, de regulă izolate în spaţiul carpato-danubiano-pontic, în timp ce aşezările şi necropolele urmau să reflecte persistenţa populaţiei locale. În afară de aceste determinări generale, principalul argument în atribuirea etnoculturală îl serveşte inventarul atât al aşezărilor, cât, mai ales, al necropolelor.

În literatura de specialitate s-a atras atenţia şi asupra unor elemente, a căror schimbare este mult mai anevoioasă, depinzând mai mult de condiţiile mediului. Este vorba în special de construcţii, locuinţe, pentru care tehnologia tradiţională – carcasa de nuiele unsă cu lut – rămâne modificări încă din neolitic (Pârvan 1926, 184). Desigur că astfel de elemente, deşi clar pot fi atribuite unor populaţii locale, cu mod de viaţă relativ stabil, sedentar, nu prezintă relevanţă etno-determinativă, decât etnografică largă. Totuşi, atribuirea locală a aşezărilor este prezentată practic indubitabilă. În sprijinul acestui fapt este ilustrat exemplul „davae"-lor, întâlnit în surse mai târziu, care demonstrează predominarea etnicilor traci în masa populaţiei din spaţiul carpato-danubiano-pontic (Pârvan 1926, 272).

Într-un studiu în care intenţionează să stabilească o corelare între manifestările culturale şi cele etnice la Dunărea de Jos, D. Berciu (Berciu 1960), abordase problema structurii culturii materiale în secolele VI-IV a. Chr. din perspectiva raportării elementului local la cele eterogene. S-au formulat astfel cele patru componente bine cunoscute: 1) un fond local bazat pe tradiţii hallstattiene locale; 2) imitaţiile locale după forme greceşti ori scitice; 3) componenta grecească şi 4) scitică. E o delimitare, de altfel, destul de rigidă, mai ales ţinând cont de o etichetare etnică apriorică dar strictă a unor tradiţii culturale.

Pentru monumentele din spaţiul carpato-danubiano-pontic, mai ales din regiunea pruto-nistreană, atribuirile etnice sunt realizate de A.I. Meljukova din perspectiva unei continuităţi etnoculturale din epoca hallstattiană timpurie până în plină epocă „getică". Specificul culturii materiale, în special ceramica, şi a ritualului funerar al geţilor, astfel, s-ar fi constituit definitiv în secolele VI-V a. Chr., păstrând legătura genetică cu fondul cultural hallstattian timpuriu asigurată de continuarea existenţei culturii Basarabi până la începutul secolului VI a. Chr. (Мелюкова 1979, 89, 107). Valoarea aprecierilor etnice ale categoriilor de materiale şi a stilului este reflectată în stabilirea anumitor legături de continuitate şi în spaţiul pruto-nistrean, între epoca hallstattiană şi cea getică din secolele IV-III a. Chr. După Meljukova, punctul de legătură poate fi observat prin materialele necropolelor de la Dănceni (sfârşitul secolului VI - începutul secolului IV a. Chr.) şi Dănceni (începutul secolului V a. Chr.), prezentând tranziţia de la cultura Basarabi, care se încheie la începutul secolului al VI-lea, la cultura getică din secolul al IV-lea a. Chr. Atribuirea locală şi anume tracică a acestor necropole nu este pusă de A.I. Meljukova la îndoială din două considerente importante: asemănarea până la identitate a materialelor şi monumentelor în genere din spaţiul pruto-nistrean cu cele din spaţiul carpato-balcanic pentru perioada dată şi următoare, pe de o parte, şi legătura genetică dintre ceramica şi ritualul funerar prezent la aceste monumente cu a celor din monumentele perioadei precedente, pe de altă parte. În timp ce materialele de sorginte nord-pontică, prezente în inventar (vârfuri de săgeată, pumnal akinakai etc.) reflectă doar pătrunderea elementelor culturii materiale scitice în acest spaţiu (Мелюкова 1979, 142).

Statutul de cea mai relevantă categorie de vestigii în sens etno-determinativ şi-l păstrează ceramica lucrată cu mâna, rămânând principalul argument în atribuirea tracică (Мелюкова 1979, 235). La baza unei astfel de atribuiri era stabilită asemănarea evidentă cu formele ceramice locale din perioada precedentă. La fel, şi cu ajutorul corelaţiilor sincronice, materialul ceramic reflecta prezenţa unei diferenţieri clare culturale cu aprecieri etnodiferenţiale clare, mai cu seamă în situaţia când această ceramică predomină şi în zona polisurilor greceşti, utilizată evident de populaţia locală barbară (Мелюкова 1979, 106). În aşa mod, asemenea majorităţii cercetătorilor, renumitul scitolog definea caracteristica culturală a lumii tracice în special după materialul ceramic de sorginte stilistică din prima epocă a fierului, prin obiecte de port (fibule, care în genere nu erau caracteristice, de exemplu, portului scitic) şi ritual funerar caracteristic. În acelaşi timp, tradiţia culturală scitică o defineşte după armament (vârfuri de săgeată cu trei aripioare, pumnale akinakai), piese de harnaşament, ritual funerar şi ceramică de tradiţie nord-pontică.

Astfel, pe lângă abordarea unei legături genetice între elementele culturii materiale din secolele IV-III a. Chr., atunci când cultura este relativ clar conturată, cu perioada precedentă, se atrage atenţia asupra comparaţiei cu tradiţiile culturale bine diferenţiate, care ar exprima contactele dintre populaţii – purtătoare ale unor sau altor tradiţii. Mai ales pentru spaţiul carpato-nistrean, se preferă comparaţia dintre un curent predominant vestic şi celălalt estic. Cercetarea celor două ansambluri de elemente – de tradiţie nord-pontică şi carpato-balcanică – nu presupune, însă, o graniţă categorică. Analiza comparativă a generat mai degrabă noi probleme în interpretarea etnoculturală. Corelarea între culturile scitică şi tracă A.I. Meljukova o stabileşte într-un şir larg de domenii: rit şi ritual funerar, cultură materială (ceramică, toreutică), armament, harnaşament, obiectele de toaletă şi podoabe. Deosebirile prevalează în cea mai mare parte.

O evaluare importantă realizată de Al. Vulpe în renumitul studiu din 1970 este analiza proceselor culturale care au loc la mijlocul mileniului I a. Chr. În secolele VI-V a. Chr. au loc transformări observate în materialele grupului Bârseşti-Ferigile, astfel, acesta fiind mai apropiat din punct de vedere cultural de Transilvania (încadrându-se în aşa-numitul cerc cultural agatârs) în prima fază de dezvoltare (sec. VI a. Chr.), iar din secolul V a. Chr. tot mai mult se apropie de aspectul cultural din sudul Dunării (Vulpe 1970, 205). Această aserţiune sugerează succesiunea unor impulsuri culturale de intensitate diferită, dar faţă de care fondul local s-a manifestat destul de conservativ.

Manifestarea acestor influenţe eterogene este interpretată în viziunea lui Al. Vulpe insuficient de complex. Teoriile care vizează intensitatea influenţelor scitice în regiune suferă de o argumentare arheologică insuficientă (Vulpe 1970, 204). Este vorba atât de concepţia Rostowzev-Pârvan care presupune pentru secolele VII-V a. Chr. o migraţie importantă de neamuri scitice spre Vest, stabilirea lor în Transilvania şi Pannonia, având un rol dominant faţă de populaţia locală tracică, cât şi de concepţia autohtonistă prin care grupurile hallstattiene târzii au fost lăsate de populaţie locală, fiind afectate într-o oarecare măsură de influenţe culturale scitice. Prezenţa acestora este abordată în contexte generale, sugerând impedimentele legate de identificarea sciţilor, din punct de vedere arheologic, în spaţiul carpato-dunărean (Vulpe 1970, 205, 209). „Arheologic sciţii nu sunt atestaţi în mod direct nicăieri în spaţiul discutat”, nota Al. Vulpe, subliniind un rol etnografic general al pieselor de harnaşament şi al vârfurilor de săgeţi, care puteau fi folosite în egală măsură de sciţi şi geţi, care erau „arcaşi călări” (Vulpe 1970, 205). Însă, anume din cauza raidurilor periodice ale sciţilor nomazi stepa Bărăganului a devenit una nelocuită, separând în sec. VI a. Chr. pe geţii din Subcarpaţi de cei sud-dunăreni (Vulpe 1970, 209). În ceea ce priveşte o prezenţă efectivă a sciţilor în spaţiul carpato-danubiano-pontic, Al. Vulpe o considera argumentată pe cea din Dobrogea în secolul IV a. Chr., prin prezenţa unor forme ceramice specifice în mormintele de inhumaţie (Vulpe 1970, 210).

Asupra delimitării elementelor locale nord-tracice de cele răsăritene scitice atrage atenţia şi I. Niculiţă, mai ales ţinând cont de situaţia arheologică de la est de Carpaţi. Se insistă asupra faptului că realităţile arheologice confirmă clar vecinătatea geţilor cu sciţii, reflectată în sursele narative, prin monumentele în care se întâlnesc, pe lângă materialul predominant autohton, elemente de sorginte scitică. Printre acestea un loc aparte îl ocupă siturile de la Butuceni, Suruceni, Pârjolteni, Dănceni, Tudora, Bârseşti, Slobozia, Curteni etc. (Никулицэ 1987, 20). La fel, un rol deosebit i se acordă inspiraţiei scitice a produselor artistice ale elitelor

locale tracice, cu adăugarea elementelor decorului hallstattian geometric, confirmă interferenţe culturale intense traco-geto-scitice (Никулицэ 1987, 39). De altfel, pe lângă alte aspecte, I. Niculiţă readuce în prim-plan concepţia tradiţiei stilului geometric formulată încă de V. Pârvan.

V. Pârvan atrăgea atenţia asupra faptului că în interpretarea etnică ar fi mai relevant detaliile ritului şi ale inventarului funerar, decât construcţiile funerare propriu-zise (Pârvan 1926, 371). Practic, aceeaşi abordare poate fi presupusă şi în cazul structurilor de habitat, al aşezărilor şi locuinţelor, pentru care cea mai importantă componentă, relevantă în determinarea valorii etnicizante, o alcătuieşte inventarul arheologic şi anume particularităţile sale stilistice. Înainte de aprecierea valorii inventarului, însuşi ritul funerar a devenit un indiciu etno-determinativ important şi în arheologia nord-tracă. Cu toate argumentele care sugerează prezenţa biritualismului în tratarea corpului după moarte – fie inhumaţie, fie incineraţie, predominarea celei din urmă rămâne regulă pentru comunităţile locale din epoca bronzului până în epoca La Tène, domeniu neinfluenţat de alte comunităţi (Pârvan 1926, 632). Reiterând evoluţia monumentelor din secolele VI-I a. Chr. pe un fon comun din prima epocă a fierului în domeniul culturii materiale I. Niculiţă îl subliniază şi la nivelul ritualului funerar, criticând absolutizarea incineraţiei la traci şi subliniind continuitatea biritualismului, după cum a făcut-o şi V. Pârvan (Никулицэ 1987, 25, 28, 57).

Sub aspect comparativ între entităţile etno-culturale de sorginte tracică şi scitică, în domeniul ritualului funerar asemănările sunt nesemnificative, chiar când este vorba despre practicarea inhumaţiei, exclusivă pentru sciţi şi ca rit caracteristic, alături de predominarea incineraţiei, pentru geţi. Pentru ambele comunităţi sunt caracteristice amenajările tumulare de dimensiuni mici pentru traci şi populaţia de rând a sciţilor. În general, mai multe asemănări între cele două comunităţi sunt sesizate la nivelul elitelor (Мелюкова 1979, 169, 178). Celelalte aspecte ale ritualului funerar relevă doar deosebiri, mai ales în orientare şi inventar. Astfel, dacă lumii scitice îi este specifică, de regulă, orientarea spre vest a defuncţilor în poziţie întinsă, pentru traco-geţi o regulă constantă a orientării lipseşte (Мелюкова 1979, 173). Pe partea inventarului deosebirile sunt relevante, dacă nu se iau în calcul înmormântările princiare. Mormintele geţilor au un inventar sărac, în care predomină vase modelate cu mâna, de factură locală, alături de prezenţa celor de import, fapt care nu se atestă în mormintele izolate scitice din regiune. În acelaşi timp, dacă ultimele conţin obligatoriu arme de factură nord-pontică (vârfuri de săgeţi cu trei aripioare, pumnale akinakai), atunci pentru mormintele geţilor, mai ales din secolele IV-III a. Chr., acestea sunt extrem de rare (Мелюкова 1979, 174).

Indubitabil, cel mai fertil teren sub acest aspect îl oferă materialul ceramic. V. Pârvan încearcă din start să plaseze ceramica printre indicatorii care diferenţiază şi modul de viaţă, afirmând că sciţii nu au creat ceramică proprie, adoptând produsele olăritului local, având preferinţă pentru vasele din metal ori din lemn, fapt explicabil prin traiul nomad (Pârvan 1926, 430). De cealaltă parte, anume materialul ceramic urmează să demonstreze atribuirea aşezărilor populaţiei indigene. O astfel de atribuire se aplică aşezării de la Piscul Crăsanilor, fiind argumentată prin predominarea absolută a ceramicii locale faţă de cea de import, mai ales cu cât „coborâm în straturile inferioare" (Pârvan 1926, 183). Ceea ce se înţelege prin ceramică „indigenă", de asemenea, este bine ilustrat în „Getica". Definirea „etnografică" a acesteia are la bază vasele lucrate cu mâna, de factură rudimentară, relevante, însă, prin formă şi decor: vasele „borcan" înzestrate cu două sau mai multe proeminenţe, alte variante stilistice ale decorului în relief (nervuri, brâuri), considerate specifice indigenilor traci, având continuitate încă din sortimentul vaselor neolitice cu deosebirile respective (Pârvan 1926, 186-187). Ar fi greşit însă să-i replicăm lui V. Pârvan ideea unei continuităţi de facto a ceramicii tracice din epoca neolitică. El neagă vreo continuitate directă, presupunând doar „iradieri" stilistice, care „creează iluzia continuităţii genetice" (Pârvan 1926, 563).

Legăturile „genetice" sunt valabile mai degrabă în cazul provenienţei acestor forme ceramice din perioada precedentă, hallstattiană, unde sunt clar observate formele şi opţiunile decorative ale borcanelor, ceştilor, ulcioarelor, căţuilor. Acestea, evoluate din aşa-numita epocă hallstattiană, caracterizează tradiţiile prezente atunci în Sud-Estul Europei, contribuind, astfel, la deosebirea stilistică faţă de regiunile nord-pontice. Tracismul orizontului ceramicii hallstattiene rezidă şi din corelarea atestării ceramicii barbare în nivelul Troia VII B2 cu pomenirea tracilor în poemul homeric (Pârvan 1926, 5). Deci, pe lângă iluzoria continu-

itate a formelor ceramice locale şi a particularităţilor stilistice din neolitic şi epoca bronzului, argumentul unei continuităţi de facto este legătura cu formele „hallstattiene" (Pârvan 1926, 190-192). Acest principiu este respectat pentru determinările tuturor categoriilor de vase lucrate cu mâna. Într-o oarecare măsură V. Pârvan a minimalizat rolul influenţelor externe în cultura ceramică autohtonă, anume în aspectul celei rudimentare, punându-le pe seama tradiţiilor hallstattiene, chiar dacă în unele cazuri acceptă imitaţiile după modele greceşti şi celtice (Pârvan 1926, 192, 196).

Conservarea constantă a vechilor tradiţii ceramice, atât la mijlocul mileniului I a. Chr., cât şi în perioada ulterioară, este considerată a fi legată de un factor social important, de preferinţele sărăcimii, „ţărănimii getice", care şi formele noi, imitaţiile le creează într-o tehnică „rurală" (Pârvan 1926, 562). Este importantă sub aspectul analizei contrastelor stilistice sublinierea, făcută de V. Pârvan, că populaţia de rând continua în perioada hallstattiană timpurie să confecţioneze obişnuitele vase rudimentare comune din epoca bronzului, delimitându-se de imitaţiile din lut ale vaselor metalice hallstattiene (Pârvan 1926, 367). Astfel, şi după secolul III a. Chr., pe lângă influenţele celtice, continuă să predomine tradiţia ceramică rudimentară, apreciată ca specific local (Pârvan 1926, 562). Conservatismul local, deci, poate explica o evoluţie constantă a formelor locale de ceramică din epoca bronzului până în a doua epocă a fierului.

Rigiditatea tradiţiei ceramice este bine tratată şi din perspectiva utilităţii sale în ritualul funerar, nu doar în calitate de inventar, dar şi de vase în care se depuneau resturile cadavrului incinerat. Aici vasele rudimentare aveau funcţie simbolică în ritualul geţilor, moment reflectat şi de caracterul obligatoriu al urnei cu tradiţii în epoca bronzului în calitate de urnă funerară pentru contextele din a doua epocă a fierului (Pârvan 1926, 633).

Nu este deloc întâmplător ca şi în analiza comparativă între lumile tracică şi scitică a Anei I. Meliukova să se sublinieze importanţa observaţiilor de ordin stilistic. Ea delimitează clar ceramica tracică de cea scitică prin particularităţi stilistice: în cazul celei dintâi este preferată înzestrarea cu proeminenţe şi apucători şi alte elemente realizate în relief, în timp ce pentru ultima decorul fie lipseşte, fie prezintă un simplu şir de alveole. Asemenea caracteristici au distins prezenţa elementului tracic în zona Olbiei în secolul V a. Chr., pus pe seama contactelor directe între colonia greacă şi tracii balcanici (Мелюкова 1979, 180, 182), cu toate că s-au emis şi alte supoziţii care susţin chiar prezenţa tracică în regiune. Asemenea delimitare stilistică rămâne valabilă pentru caracterizarea dintr-un punct de vedere etnografic mai larg, nu atât etnic, între regiunea nord-pontică şi spaţiul carpato-balcano-pontic.

O poziţie prioritară în evaluarea proceselor culturale de către profesorul I. Niculiţă este destinată evoluţiei ceramicii din secolele VI-I a. Chr., caracterul rudimentar al căreia, alături de alte vestigii de cultură rudimentară (locuinţele tradiţionale din carcasă de lemn unsă cu lut), oferă o delimitare etno-diferenţială în zona aşezărilor rurale din preajma coloniilor greceşti şi care are o atribuire mult probabilă tracică (Никулицэ 1987, 34-35). Evoluţia ceramicii relevă constituirea către secolele VI-V a. Chr. a unor forme generale de ceramică pentru toată lumea nord-tracică care se vor răspândi pe larg şi vor persista constant în secolele IV-I a. Chr. (Никулицэ 1987, 42-49, рис. 2-3). Aceasta ar confirma o dată în plus continuarea, din punct de vedere stilistic, a tradiţiilor de la finele epocii bronzului şi perioada hallstattiană cu mici modificări, mai ales în ceea ce priveşte vasele borcan. Cu atât mai mult, uniformizarea formelor ceramice în secolele VI-I a. Chr., alături de uniformizarea altor aspecte, accentuează un proces de tendinţă a unităţii culturii materiale în spaţiul dintre Carpaţi, Balcani, Nistru şi Pontul Euxin (Никулицэ 1987, 54).

Cercetătorul M. Tkaciuk caută să infirme supoziţia lui I. Niculiţă despre răspândirea în secolele IV-III a. Chr. a aceloraşi forme ceramice în spaţiul unde sunt atestaţi geţii, deoarece aceasta nu ar corespunde cu sursele narative, care-i pomenesc pe geţi la nordul Dunării doar din a doua jumătate a secolului al IV-lea a. Chr., astfel printr-un paralelism direct şi determinist între datele arheologice şi cele scrise reiterând lipsa efectivă a geţilor în spaţiul carpato-nistrean în secolele VI-V a. Chr. (Tkaciuk 1994, 224). Totodată, asemenea lui M. B. Ščukin, M. Tkaciuk explică cantităţile mari de ceramică de factură rudimentară geto-dacă în siturile Poieneşti-Lucaşeuca prin împrumuturi de la geto-dacii din vecinătate (Щукин 1994, 114), fapt ce ar menţine nefondat ideea unui hiatus generat de limitarea cronologiei culturii getice în cadrul sfârşitului sec. V - începutului sec. IV a. Chr. sau finele sec. IV - debutul sec. III a. Chr., în

baza cronologiei amforelor de Thassos (anii 350-270 a. Chr.) (Щукин 1994, 113). Un asemenea argument este bizar atât timp cât nu se poate demonstra că existenţa unei comunităţi pe un anumit spaţiu ar depinde de circulaţia unor obiecte de import din spaţiul vizat ori propagarea acestor piese depinde de raporturile dintre producător şi consumator (Niculiţă 1996, 63). În privinţa unui „împrumut" de ceramică rudimentară la distanţe mari, argumentul nu rezistă nici din punctul de vedere al logicii – este un nonsens ca o populaţie producătoare de ceramică casnică rudimentară să împrumute din alte regiuni vase de factură tot atât de rudimentară.

În ceea ce priveşte celelalte categorii de vestigii mobile, atribuirile sunt mai diverse în raport cu materialul ceramic. Un rol important în argumentarea unor atribuiri etnice l-au jucat anumite tipuri de arme, cum sunt spadele scurte „akinakai", oglinzile din bronz cu mâner de fier ornamentat la conexiunea cu discul în stil animalier. Asemenea piese, datorită prezenţei lor masive în spaţiul nord-pontic şi a caracteristicilor stilistice proprii artei irano-siberiene, nu aveau decât să indice asupra unei atribuiri scitice evidente (Pârvan 1926, 7). V. Pârvan defineşte chiar căile de pătrundere a sciţilor în bazinul carpatic datorită unui şir de descoperiri „scitice", care nu ofereau loc pentru dubii: cazanul de bronz de la Scorţaru, aplicele de harnaşament de la Craiova, vârfurile de săgeată din bronz etc. Cu excepţia unor obiecte, majoritatea celor din lista antichităţilor scitice a lui V. Pârvan sunt considerate şi astăzi cel puţin de inspiraţie scitică.

Piesele de relevanţă artistică, însă, poartă în maniera prelucrării şi decorării lor maniere specifice. Pentru cele atribuite meşterilor sau clienţilor locali din spaţiul carpato-danubiano-pontic se considera specific stilul geometric, care caracterizează mai ales moda hallstattiană în decor, cu rădăcini în epoca bronzului (Pârvan 1926, 324, 328, 366), fapt care urmează să evidenţieze lucrările artistice din spaţiul respectiv în arealul răspândirii unui stil oriental animalier. Pe de altă parte, chiar şi obiecte tipic „scitice", arme şi obiecte de toaletă, puteau servi, după V. Pârvan, uzului băştinaşilor geţi (Pârvan 1926, 357). Astfel, se recunoştea faptul că aceste categorii de obiecte, în virtutea circulaţiei şi modei, nu sunt relevante pentru o atribuire categorică etnică, deşi cu recunoaşterea tradiţiei specifice din care veneau.

Particularităţile stilistice ale unor piese au stimulat în istoriografie aprecierea unor sinteze etnoculturale. Exemplu bun în acest sens este controversata spadă de la Dobolii de Jos, considerată o piesă expresivă a unui stil local de artă „hallstattiană tracică" cu elemente decorative orientale scitice (Pârvan 1926, 359). O explicare a sintezelor artistice ne-o oferă destul de clar V. Pârvan, menţionând că „Dacia stă la răscrucea drumurilor pe care din Est vine arta naturalistă, iar din Vest cea geometrică" (Pârvan 1926, 620), subliniind în special stilizarea motivelor realiste ca un specific local (Pârvan 1926, 622).

Nu există dubii în privinţa unui şir întreg de imitaţii locale ale obiectelor venite din lumea greacă ori iraniană. În studiul lui D. Berciu, apare drept imitaţie indigenă după model scitic pumnalul renumit de la Doboleştii de Jos (Berciu 1960, 267), caracterul ne-„scitic" al căruia, mai ales sub aspectul ornamentului, a fost subliniat de unii cercetători (Pârvan 1926; Никулицэ 1987). De categoria armelor este, în general, legată influenţa scitică sau pseudo-scitică în contextul culturii locale nord-tracice, mai exact prin piese de tipul akinakes, adaptate într-o variantă carpatică (Berciu 1960, 271). Alte elemente scitice se manifestă în spaţiul sud-tracic, pe care D. Berciu îl extinde şi în zona istro-pontică, sunt cunoscutul cazan de la Scorţaru, piesele de harnaşament (psaliile) de la Tariverde şi Histria, pumnalele-akinakai de la sud de Dunăre (Răzgrad) şi statuile din piatră din Dobrogea (Berciu 1960, 272). Diferenţierea amintită a arealului nord-tracic („traco-agatârs") şi sud-tracic („tracic" şi „traco-getic") ar fi început, după părerea cercetătorului bucureştean, la răscrucea secolelor VI-V a. Chr. (Berciu 1960, 270), adică în pragul unei noi uniformizări a culturii materiale care va urma.

Arta este un domeniu fertil pentru comparaţii de ordin stilistic şi cu implicaţii etno-determinative, fiind totuşi mai degrabă o preferinţă a elitelor atât tracice cât şi scite. A.I. Meljukova defineşte specificul artei tracice prin influenţele greacă şi ahemenidă din secolele VI-V a. Chr., la care se adăugase stilul animalier scitic, adaptat creator de meşterii locali. Stilul este diferit, deşi motivele animaliere sunt asemănătoare, deşi dictate de aceleaşi preferinţe ale elitelor. Oricum stilul animalier adaptat de localnicii traci evocă natura statică a animalelor şi scenelor, cele din urmă având mai mult inspiraţie caracteristică lumii balcanice (Мелюкова 1979, 234).

Asemănările între cultura tracilor şi sciţilor, mai corect între culturile din nordul Mării Negre şi din spaţiul carpato-balcanic, sunt, însă, mai profunde.

În primul rând, acestea se manifestă în circulaţia încă din prima epocă a fierului în ambele regiuni a aceloraşi tipuri de vârfuri de săgeată. Şi dacă aici modificări stilistice nu există, atunci utilizarea tipului „scitic" de pumnal akinakai era preluată creator de meşterii traci. Acestea, întâlnite în secolele VI-V a. Chr. în zona Nistrului Inferior, la Ferigile etc. erau lucrate într-o manieră specifică, obţinând expresii specifice în ornamentare în stil animalier tracic (Мелюкова 1979, 198, 199).

În studiul său de sinteză, I. Niculiţă prin analiza pieselor de artă demonstrează că în secolul VI a. Chr. se generalizează stilul animalier caracteristic şi pentru lumea scitică, dar fiind combinat cu stilul tipic local geometric hallstattian. Cercetătorul chişinăuian sublinia că în arta getică are loc combinarea stilului animalier cu decorul vegetal-geometric, o particularitate specifică doar spaţiului extra-carpatic, descriind în spaţiul balcano-carpato-pontic, asemenea stilului ceramic, o unitate a compoziţiei şi decorului (Никулицэ 1987, 67, 125, 175, карта 5).

Generalizările atribuirilor etnicizante ale materialului arheologic, cu ajutorul interpretărilor surselor istorice, au permis conturarea în istoriografie a proceselor etnoculturale din mileniul I a. Chr., care pot implica atât evoluţii culturale, cât şi etnonimice, etnopolitice etc. În primul rând, aceste reconstituiri relevă diversitatea influenţelor asupra culturii materiale din spaţiul carpato-danubiano-pontic. V. Pârvan delimita, în linii majore, o succesiune a influenţelor care au determinat cultura „localnicilor" pe întregul parcurs al acestei perioade. Astfel, îndelungata predominare a tradiţiilor occidentale, materializate prin preferinţele tracilor băştinaşi pentru moda „hallstattiană" (circulaţia vaselor tipului Villanova) este urmată, către secolul VIII a. Chr., de puternicele influenţe orientale (iraniene, scitice), alături de cele greceşti. În acelaşi timp, cultura locală rămâne puţin afectată, iar ulterior, din secolele IV-III a. Chr., se orientează spre influenţele celtice, caracteristice culturii La Tène (Pârvan 1926, 292, 296).

Succesiunea prezentată sugerează o schimbare consecutivă de vectori – când spre Vest, când spre Est, care, însă, pentru V. Pârvan se prezintă drept nefastă. Fără a aproba ori dezaproba dreptul cercetătorului la o astfel de apreciere, ţinând cont şi de spiritul vremii, merită să i se acorde atenţie. În viziunea acestuia, invazia irano-scitică ar fi întrerupt calea firească a civilizaţiei locale spre „formele fierului occidental" (Pârvan 1926, 348), caracterizând „vremea scythică a Daciei" ca un hiatus în evoluţia culturii locale (Pârvan 1926, 643), o perioadă de decadenţă şi stagnare. Pentru V. Pârvan, cultura scitică în spaţiul getic este una izolată şi săracă (Pârvan 1926, 365). O asemenea abordare a fost, însă, criticată deja de I. Nestor, care a demonstrat caracterul fecund al interferenţelor culturale traco-scitice (Nestor 1933, 143-144).

Aprecierile generalizatoare făcute de D. Berciu prezintă interes la nivelul dezvăluirii factorului grecesc care au determinat procese de consolidare, dar şi de uniformizare culturală în cadrul lumii „traco-getice" locale. Această uniformizare, asociată şi cu un intens proces de „urbanizare", s-ar fi datorat „integrării traco-geţilor în unitatea general-sud-tracică" (Berciu 1960, 267, 269), graţie apropierii de civilizaţia elenă. De asemenea, factorul grecesc este considerat un stimulent serios în apariţia stilului „traco-scitic" de artă pentru satisfacerea necesităţilor elitelor (Berciu 1960, 273), fiind un indiciu al trecerii la a doua epocă a fierului. Aceasta din urmă va fi considerată de tradiţie mediteraneeană şi nu celtică, argumentându-se prin originea locală „hallstattiană" a tipului de fibulă tracică, adică formarea lui pe baza tipului Donja Dolina (Berciu 1960, 268).

Către mijlocul mileniului I a. Chr. se stabileşte aşanumita individualizare a tracilor de nord, delimitaţi de cei sudici, având la bază fondul cultural hallstattian comun. Prezintă interes aserţiunea că grupurile locale evidenţiate în spaţiul carpato-balcano-pontic din al doilea sfert al mileniului I a. Chr., caracterizate de Al. Vulpe, reflectă absenţa pentru secolul VI a. Chr. a unui etnos comun la comunităţile nord-tracice înrudite (Никулицэ 1987, 28). Anume uniformizarea observată la nivelul culturii materiale reflectă, în opinia lui I. Niculiţă, un proces de uniformizare şi consolidare etnică, care s-a soldat cu formarea unui etnos unitar (Никулицэ 1987, 82). Din ea rezultă, prin coroborare cu datele etnografice antice, o formă de unitate etnică a tracilor septentrionali sub egida geţilor, a căror autoritate politică o evidenţiază sursele narative (Никулицэ 1987, 177), deci nu ar exista o contradicţie între cele două tipuri de surse. O asemenea evoluţie etnoculturală, însă, nu cuprindea deocamdată, până în secolul III a. Chr., şi spaţiul intra-carpatic, în care pe fonul proceselor de sinteză traco-celtică se consolidau dacii (Никулицэ 1987, 182).

Corelarea istorico-arheologică a fost realizată cu succes de specialişti, ajungându-se la unele tan-

genţe cel puţin în abordare, dacă nu întotdeauna în rezultate. În contextul interpretărilor etnico-istorice a fost marcat în special de renumitul studiu semnat de Al. Vulpe în anul 1970 (Vulpe, 1970). Aici au fost formulate principiile legăturii dintre fenomenele arheologice şi sursele narative la nivel de tendinţe generale, implicând relaţii etnice. Astfel, pe de o parte, perioada de răscruce dintre prima şi a doua epocă a fierului din spaţiul carpato-danubiano-pontic este caracterizată printr-o cultură materială unitară, iar pe de alta – sursele narative sugerează pentru aceeaşi perioadă şi spaţiu predominarea populaţiilor de origine tracică, fără a exclude şi alte comunităţi etnice necunoscute (Vulpe 1970, 188, 204). Valoarea surselor narative este cea mai relevantă pentru aşa-numita perioadă hallstattiană târzie, grupurile căreia întreţin, retrospectiv, o relaţie genetică cu fenomenul cultural Basarabi din perioada hallstattiană mijlocie. Relaţia genetică este urmărită în evoluţia stilistică a vestigiilor, în special a formelor ceramicii. Corelarea surselor poate indica, deci, asupra caracterului etnic tracic al populaţiilor care au lăsat culturile hallstattiene mijlocii şi timpurii, dar „continuitatea şi originea tracică a triburilor din Hallstattul timpuriu este dependentă de măsura în care cultura Basarabi este tributară predecesorilor ei" (Vulpe 1970, 204).

Al. Vulpe sugerează, de altfel, în baza corelaţiei dintre localizarea comunităţilor după sursele narative şi monumentele importante din secolele VI-V a. Chr., că grupul cultural Ravna-Dobrina aparţine geţilor, ori chiar geţilor crobizi, fiind clare asemănările din cultura materială care poate indica o înrudire etnică (Vulpe 1970, 205). Evident, este vorba de o situaţie din sudul Dunării, în timp ce caracterul etnic al comunităţilor din nordul Dunării în raportul cu al celor din sud, poate fi pus pe seama comparaţiilor arheologice dintre grupul sud-dunărean amintit şi grupul Ferigile-Bârseşti. Astfel, înrudirea comunităţilor purtătoare ale acestuia din urmă cu geţii din sudul Dunării este demonstrată prin analogiile strânse existente între vestigiile grupului Ferigile-Bârseşti cu grupurile din sudul Dunării şi de la Dunărea de Jos, dar mai ales prin contribuţia culturală esenţială a grupului Ferigile-Bârseşti la formarea culturii geto-dacice clasice (Vulpe 1970, 205). Argumentele menţionate sunt susţinute de faptul că într-o perioadă ulterioară, în secolele II-I a. Chr., regiunea carpato-dunăreană era considerată getică, iar acest lucru ar fi fost asigurat şi de continuitatea de viaţă din zona subcarpatică relevată de grupul Ferigile-Bârseşti. Astfel, din punct de vedere arheologic, poate fi constatată pentru secolele VI-V a. Chr., prezenţa pe ambele maluri ale Dunării a comunităţilor care purtau acelaşi etnonim – geţii (Vulpe 1970, 205).

O observaţie care merită subliniată în studiul publicat de Al. Vulpe este cea referitoare la denominarea perioadelor, fazelor în termeni etnici. Or, chiar dacă raportul dintre etapele dezvoltării culturii materiale şi etnos este demonstrat, o denominare a acestora ori a culturii materiale în genere în termeni etnici este metodic greşită (Vulpe 1970, 188). Evident, tradiţia unor astfel de denominări s-a înrădăcinat atât de mult în literatura de specialitate, încât este greu să se impună o renunţare categorică la ea. Cu toate acestea, trebuie evitate astfel de concepte ca „perioadă scitică", „perioadă getică" sau „cultură scitică", „cultură getică".

În controversata corelare tradiţională a surselor arheologice şi narative, de care face uz din plin, M. Tkaciuk găseşte soluţia prin aplicarea metodei „purificaţionale", esenţa căreia este analiza separată a surselor pe o problemă şi context concret, urmată de confruntarea lor. Chiar dacă recunoaşte faptul că etnonimia surselor narative antice, cea reală şi graniţele culturale de obicei nu coincid (Tkaciuk 1994, 215), M. Tkaciuk nu pare să respecte această temere în afirmaţiile făcute pe parcursul studiului. Această observaţie se bazează, în primul rând, pe abordarea oarecum rigidă a textelor antice în coroborarea cu vestigiile arheologice, de care dă dovadă autorul. Coroborarea acestor surse trebuie să se bazeze, după cum sugerează cercetătorul chişinăuian, pe „nivelul ansamblurilor generale, al tendinţelor" şi „dacă tendinţele, conturate conform izvoarelor scrise şi arheologice, concordă într-un şir de puncte", atunci poate urma „focalizarea mărturiilor scrise asupra culturii arheologice". Respectarea acestui principiu ar permite atribuirea etichetei etnice unei culturi (Tkaciuk 1994, 216).

Legată de acest principiu, este relevantă şi demnă de atenţie ipoteza autorului în conformitate cu care „dacă genetic fazele de dezvoltare a culturii precedente şi succesoare nu contrazic genetica etnonimelor şi lacunele lor, suntem în drept să extrapolăm ... denumirile etnice din intervalele focalizării şi la aceste faze" (Tkaciuk 1994, 216). Ipoteza este interesantă, însă autorul nu argumentează în studiu o asemenea „genetică", fiind chiar foarte rigid în raport cu informaţiile autorilor antici despre localizarea etnonimelor (Tkaciuk 1994, 216-217). Practic, corelarea culturii arheologice cu etnosul

este recunoscută obligatorie. Este evidentă, de altfel, tendenţiozitatea autorului, atunci când nu admite extrapolările, de care aminteşte, în cazul informaţiilor despre geţi şi corelarea cu sursele arheologice (de la sud şi nord de Dunăre). Cel puţin, există rezerve şi faţă de afirmaţia lui M. Tkaciuk că sursele scrise ar oferi un tablou al schimbării priorităţilor etnonimice din regiune, reflectând schimbarea priorităţilor culturale (Tkaciuk 1994, 218-219). Legătura atât de categorică între „priorităţile etnonimice" şi „priorităţile culturale" relevă un determinism absolut nefundat. Asta ar însemna pe de o parte că „etnonimele" împărtăşeau o cultură materială distinctă de alte „etnonime" care atrăgeau atenţia autorilor antici, iar pe de alta faptul că aceştia din urmă ar fi conştientizat nişte graniţe culturale clare între comunităţile cărora le ofereau nume generice.

Studiul lui M. Tkaciuk, în virtutea ecoului său în istoriografie, dar şi ţinând cont de caracterul contradictoriu al unor supoziţii, necesită o atenţie specială. Aprecierea acestora nu este uniformă în literatura de specialitate. Pe de o parte aceste idei sunt împărtăşite categoric, iar pe de alta criticate şi respinse cu vehemenţă.

În ciuda legăturii argumentate dintre cultura getică şi cea precedentă, locală hallstattiană pentru spaţiul carpato-nistrean, M. Tkaciuk o exclude categoric, încercând construirea unui hiatus etno-cronologic (Tkaciuk 1994, 225, 226). Negând astfel caracterul autohton al culturii getice în spaţiul carpato-nistrean, el pledează pentru vechea idee a pătrunderii geţilor de la sud de Dunăre, aranjată în trei etape succesive: I) sfârşitul secolului VI-V a. Chr., reprezentat de aşa-numitul „orizont geto-scitic" de tip Pârjolteni, Dănceni, Stânceşti şi Butuceni; II) mijlocul secolului V a. Chr. (monumentele de la Recea şi Slobozia) şi III) finele secolului V - începutul secolului IV a. Chr. când ar fi avut loc „formarea culturii geţilor" în spaţiul carpato-nistrean. Ultimă etapă este argumentată de corespondenţa posibilă între sursele arheologice cu cele narative (Tkaciuk 1994, 228). Etapele formulate de M. Tkaciuk pretind limitarea prezenţei populaţiei getice în teritoriul carpato-nistrean, ignorând monumentele care relevă o durată de dezvoltare culturală continuă şi care nu indică clar anumite întreruperi. Succesiunea unor asemenea etape se construieşte pe o tendinţă clară de a sesiza întreruperi ale continuităţii cronologice a geţilor în spaţiul est-carpatic, reiterându-se existenţa unei diferenţieri între evoluţia culturii getice din spaţiul pruto-nistrean şi cea dintre Carpaţi şi Prut, al cărei caracter artificial este greu de contestat (Niculiţă 1996, 67).

Monumentele de la Pârjolteni, Dănceni, Suruceni, întrunite de tradiţia istoriografică într-un orizont cultural comun, M. Tkaciuc le implică în argumentarea ideii pătrunderii getice într-un spaţiu scitic. Argumentul arheologic conţine prezenţa obiectelor de tradiţie nord-pontică (scitică) ca vârfurile de săgeţi cu trei aripioare, pumnale akinakes, reprezentări animaliere (Tkaciuk 1994, 226), alături de materialul ceramic de altfel indubitabil predominant de tradiţie getică şi ritul incineraţiei, evident ne-scitic. El insistă că monumentele orizontului respectiv din secolele VI-V a. Chr. nu descriu „conturul acelei vetre puternice de culturo-geneză care ar fi fost capabilă să constituie începutul culturii getice din secolele IV-III a. Chr.", însă ar indica că nucleul culturii getice exista undeva deja format, ca apoi să se extindă în spaţiul carpato-nistrean (Tkaciuk 1994, 226). Se mai invocă aici şi „instabilitatea tipologică" a culturii getice în regiunea dată înainte de secolele IV-III a. Chr., fapt care ar contrasta cu ideea pe care se insistă – prezenţa stabilă şi bine conturată a sciţilor în regiune. M. Tkaciuk încearcă tendenţios să aprecieze priorităţile culturale în regiune, speculând pe declararea „stabilităţii" ori „instabilităţii" tipologice şi a apropierii de „nucleul" cultural, fapt care nu se documentează arheologic. Dificultăţile legate de descoperirile scitice din spaţiul carpato-nistrean cercetătorul respectiv le „compensează" prin raportarea la monumentele regiunii nord-pontice din secolele V-IV a. Chr. (Tkaciuk 1994, 219), fără să admită acest lucru pentru materialul getic. În favoarea acestei supoziţii se enumeră structuri şi vestigii arheologice, cum ar fi aşezările de la Nistrul Inferior, necropolele sau amenajările tumulare şi plane, toate cu atribuţie scitică, admiţând lipsa unei orientări constante a scheletelor, practicarea incineraţiei, alături de inhumaţie, drept posibilă pentru sciţi (Tkaciuk 1994, 219). Asemenea caracteristici cu greu pot fi acceptate pentru tradiţia scitică şi chiar nord-pontică în general, printre care incineraţia şi caracterul neconstant al orientării scheletelor în cazul inhumaţiei acesta fiind atribuit lumii tracice încă de A.I. Meljukova (Мелюкова 1979, 173).

După aprecierea profesorului I. Niculiţă, studiul lui M. Tkaciuk neglijează o serie de probleme importante care, alături de ideea despre prezenţa efectivă a sciţilor în spaţiul est-carpatic din sec. VII a. Chr. nu are suport factologic, mai ales că în acest spaţiu nu se cunosc situri similare celor din nordul Pontului Euxin, iar destinul populaţiei

care a lăsat monumentele de cultură „hallstattiană", cum sunt cele de la Glinjeni, Trinca, Butuceni, Poiana etc. nu este clarificat de M. Tkaciuk (Niculiţă 1996, 64). Neglijarea de către acesta a unor probleme importante este cauzată de lipsa materialului care i-ar demonstra ipotezele, recurgându-se astfel la speculaţii referitoare la atribuirile etnice ale unor monumente funerare (Niculiţă 1996, 65). Resuscitarea de către M. Tkaciuk a ideii despre existenţa unui „orizont geto-scitic", care ar fi marcat o primă etapă de pătrundere a geţilor din sudul Dunării, destul de populară în perioada interbelică, a fost respinsă ca lipsită de dovezi (Niculiţă 1996, 66). Acest concept este utilizat de M. Tkaciuk pentru a explica prioritatea scitismului în combinaţia elementelor culturale getice (incineraţia, ceramica lucrată cu mâna) şi a celor scitice (armament şi podoabe în stil animalier), în cazul descoperirilor din sec. VI-V a. Chr. de la Est de Carpaţi (Tkaciuk 1994, 228). Combinaţia acestor tradiţii culturale, însă, sugerează mai degrabă o intensificare a contactelor geto-scitice în această perioadă (Niculiţă 1996, 66).

Prin evoluţia tipului IX (definitoriu pentru aspectul cultural Canlia şi atribuirea getică în genere) de ceramică după E. Moscalu, M. Tkaciuk încearcă să rezolve problema identificării regiunii în care ar fi avut loc desprinderea culturii getice de cultura Basarabi, căutând ca pentru spaţiul carpato-nistrean să păstreze ideea unui hiatus cronologic (Tkaciuk 1994, 227). Astfel, se echivalează cultura etichetată etnic (etnonimic) cu răspândirea unui singur tip de vas şi dacă originea acestui tip de vas e plasată la sud de Dunăre, în aspectul Ravna, prin răspândirea lui ulterioară în spaţiul carpato-nistrean ar însemna o migraţie succesivă a geţilor spre nord. În acest sens, este presupusă şi o derivare a acestui tip de tipul I de vase bitronconice după tipologia lui E. Moscalu, fapt care asigură conexiunea dintre cultura Basarabi şi geţi pentru spaţiul de la sud de Dunăre, ca abia mai apoi, în secolele V-IV a. Chr., să înceapă concentrarea acestora din urmă în zona istro-pontică şi spre nord (Tkaciuk 1994, 227). Deşi, din punct de vedere stilistic aceste două tipuri, definite după formă, sunt identice şi pot pune la îndoială modestia unor astfel de explicaţii. Eforturile lui M. Tkaciuk de a demonstra, bazându-se pe un singur tip de vas găsit în necropola de la Ravna, o migraţie a geţilor în nordul Dunării, în spaţiile dobrogene şi est-carpatice, sunt, în viziunea lui I. Niculiţă, lipsite de argumente. Astfel, vasele getice timpurii, la care face apel M. Tkaciuk, sunt bine cunoscute la nivelul secolelor VI-V a. Chr. în siturile din Moldova: la Curteni-Valea Merilor, Curteni-Dealul Pietrăriei, Cozmeşti, Hansca (Niculiţă 1996, 65). Apărând abordarea migraţionistă, M. Tkaciuk neagă categoric supoziţia lui E. Moscalu despre originea aspectului cultural Canlia din orizonturile Trestiana-Cimbala şi Saharna-Solonceni, ignorând legătura vaselor tipului IX cu cele de la Trestiana. Însă, conexiunea dintre aspectul cultural Canlia şi orizontul Pârjolteni-Dănceni ar fi posibilă, după părerea autorului, prin materialele necropolei de la Selişte de la sfârşitul secolului VIII - începutul secolului VII a. Chr. Prin aceasta, M. Tkaciuk îşi asigură stabilirea unui hiatus de 200 de ani (Tkaciuk 1994, 227).

Analiza propusă de M. Tkaciuk prezintă o schemă de combinaţii istorico-crono-arheologice cu deducţii destul de mecanice referitoare la procese etno-culturale şi demografice pentru spaţiul carpato-nistrean prin co-raportarea la regiunile învecinate: bazinul Niprului Inferior şi Transilvania. Astfel, el propune o succesiune de fenomene arheologice legate direct de cele reflectate în sursele narative, dar şi de o logică strict difuzionistă a culturii (Tkaciuk 1994, 234-237). Finalul culturii Basarabi-Şoldăneşti cauzat de pătrunderea scitică între Carpaţi şi Nistru e urmat de la finele secolului al VII-lea de aspectele culturale de la Cuconeşti, Satu Mare, Trestiana-Cimbala, determinate de dominaţia politică a iranienilor. În secolul VI a. Chr. în silvostepa pruto-nistreană se constituie orizontul de la Pârjolteni, Dănceni şi Corjevo care ar fi reflectat amestecul elementelor geto-scitice. Abia de la sfârşitul secolului V - începutul secolului IV a. Chr. aici pătrunde masiv cultura getică, proces influenţat de politica statului odris şi, respectiv, de consolidarea geţilor la Dunărea de Jos pe fonul slăbirii puterii scitice, pentru ca la jumătatea secolului III a. Chr. ambele culturi să „părăsească" acest spaţiu.

Aşadar, „criza" culturii scitice vine din cauza diminuării dominaţiei politice a Sciţiei în urma invaziei sarmaţilor din secolele IV-III a. Chr. în stepele nord-pontice. Până în secolul I a. Chr. cultura scitică tardivă ar fi coexistat cu elemente getice, reflectate în ceramică, şi elemente La Tène. Prin aceasta se intuieşte, de altfel, o deplasare a culturii getice spre est, susţinând ideea că între cultura getică de la Niprul Inferior şi cultura Poeneşti-Lucaşeuca din spaţiul pruto-nistrean nu există un hiatus cronologic (Tkaciuk 1994).

Procesele care au loc în manifestările culturale din Transilvania sunt explicate destul de modest de M. Tkaciuk prin aserţiunea că „celţii sunt

schimbaţi în daci", justificând legătura directă între schimbările tipologice şi aparentele succesiuni etnonimice. Asemenea corelaţii se bazează pe obiecte, tipuri, categorii separate, fără o înţelegere de ansamblu, „compensându-se" problemele interpretărilor. În aceeaşi logică, formarea „culturii dacice" în Transilvania este legată de pătrunderea geţilor din spaţiul carpato-nistrean, „înlocuiţi" de bastarni în sec. III a. Chr., „împingând" celţii din Transilvania (Tkaciuk 1994, 236). O asemenea aserţiune reprezintă o formă exagerată de manipulare a etnonimelor, speculând printr-o interpretare tendenţioasă a unor menţiuni din sursele antice. Nici istoric, nici arheologic şi nici, cu atât mai mult, cultural-antropologic o astfel de formulare a unor transformări culturale nu este valabilă.

Astfel schema în care M. Tkaciuk reconstituie procesele etno-demografice este destul de atractivă: după căderea supremaţiei Sciţiei la finele secolului al IV-lea, sciţii migrează în Dobrogea şi Crimeea, iar geţii treptat se bifurcă în două direcţii – spre regiunile Niprului Inferior (geţii din spaţiul pruto-nistrean) şi în Transilvania (geţii din Vestul Moldovei). Toate acestea pentru a face loc bastarnilor, care pătrund în teritoriul est-carpatic începând cu a doua jumătate a sec. III a. Chr. (Tkaciuk 1994, 237).

Străduinţele lui M. Tkaciuk de a defini unele hiatusuri cronologico-demografice în evoluţia culturii geţilor în mileniul I a. Chr. au, în viziunea lui I. Niculiţă, un scop clar de a localiza în spaţiul carpato-nistrean procesul etnogenezei slavilor (Niculiţă 1996, 68). Or, caracterul identic al culturii materiale din siturile de la Hansca, Butuceni, Potârca, Saharna Mică, Saharna Mare, Stolniceni, Buneşti, Brad, Poiana, Cotnari, Stânceşti, Enisala, Murighiol, Canlia, Iankovo, Braničevo, demonstrează unitatea culturii nord-tracice în întregul areal balcano-carpato-pontic pe o perioadă îndelungată, fără hiatusuri cronologice şi demografice sesizabile (Niculiţă 1996, 67). De altfel, pentru a atenua neajunsurile propriilor deduceri, M. Tkaciuk afirmă că „ce înseamnă cronologie getică nu ştie nimeni" (Tkaciuk 1994, 224), frază devenită „sacramentală" în istoriografia recentă, şi care ia în calcul faptul datării complexelor culturii getice după patru „sisteme" cronologice: antic, celtic, scitic şi sud-tracic. O asemenea aserţiune are mai degrabă un caracter speculativ, mai ales că legătura dintre cronologia arheologică şi cea istorică nu trebuie să le confunde, iar încercările de a stabili o cronologie a culturii getice timpurii din spaţiul de la est de Carpaţi determinată de evenimentele istorice sunt nefondate (Mândescu 2010, 102). În general, trezeşte semne de întrebare ideea unei „identificări reale" a culturii getice, care ar începe doar cu al treilea sfert al secolului IV - prima jumătate a secolului III a. Chr., conform „schemei" surselor scrise (Tkaciuk 1994, 221). Este absurd a încadra o cultură în limitele unei astfel de scheme. Depinde oare începutul unei culturi de prima menţiune a unui etnonim? Iar dacă cultura depăşeşte cronologic aceste limite, plecând de la aspectele tipologico-stilistice ale artefactelor, care ar fi criteriile delimitării perioadei „etnonimiei" sale, care denumeşte cultura întreagă? În linii majore, autorul studiului analizat revine la aceeaşi echivalenţă dintre cultură şi etnos, realizată într-un mod direct. Se poate admite că elementele contradictorii din abordarea autorului sunt legate de intenţia argumentării succesiunii de hiatusuri etno-demografice, explicând transformările care au avut loc prin mişcări bruşte, poate chiar violente de populaţii. Justificarea unei astfel de intenţii necesită argumente factologice solide. În lipsa lor, autorul devine victima propriei intuiţii cu construcţii logice, a căror veridicitate este îndoielnică.

Analiza complexă a principalelor contribuţii care au tratat într-o oarecare măsură vestigiile ca sursă etno-determinativă pentru spaţiul carpato-nistrean în a doua jumătate a mileniului I a. Chr. poate contura unele trăsături unanim acceptate şi altele controversate. Printre cele dintâi se numără acceptarea unanimă a atribuirii etnice a stilurilor ceramice şi artistice, dar şi a unor elemente ale ritului şi ritualului funerar. În ceea ce priveşte controversele, acestea s-ar rezuma la interpretări de ordin cultural-cronologic, prin crearea sau diminuarea hiatusurilor cronologice, operându-se cu lacunele surselor cronologic determinante.

În majoritatea cazurilor, chiar dacă nu subliniază sau nu se acceptă în mod special, vestigiile şi procesele culturale pe care le reconstituie sunt practic aprioric atribuite entităţilor etnico-etnonimice. Paradigma etnică, într-o oarecare măsură, rămâne ancorată atât în demonstrarea caracterului autohton, cât şi în cel difuzionist al culturii. Probabil, acest punct reflectă unitatea abordării cultural-istorice a vestigiilor din secolele V-III a. Chr. şi nu doar. Problema rămâne deschisă la capitolul gradului de argumentare a implicării vestigiilor într-o interpretare corelaţională dintre informaţiile etnonimice şi etnografice antice, tendinţele evoluţiei culturii materiale şi însăşi a fenomenului etnic.

Bibliografie

Berciu 1960: D. Berciu, Sunt geţii traci nord-dunăreni? Un aspect arheologic al problemei. SCIV XI/2, 1960, 261-283.

Mândescu 2010: D. Mândescu, Cronologia perioadei timpurii a celei de-a doua Epoci a Fierului (sec. V-III a. Chr.) între Carpaţi, Nistru şi Balcani (Brăila: Istros 2010).

Nestor 1933: I. Nestor, Der Stand der Vorgeschichtsforschung in Rumänien. Bericht der Römisch-Germanischen Kommission 1932. 1933, 11-181.

Niculiţă 1996: I. Niculiţă, Les Thraces septentrionaux dans l'historiographie des Etats de l'Europe de l'Est: la Moldova, l'Ukraine, la Russie. In: The Thracian World at the Crossroads of Civilisations. The 7th International Congress of Thracology. Reports and Summaries (Bucharest 1996), 46-71.

Pârvan 1926: V. Pârvan, Getica. O protoistorie a Daciei (Bucureşti 1926).

Tkaciuk 1994: M. Tkaciuk, Manifestări culturale din sec. V-I a. Chr. Thraco-Dacica XV/1-2, 1994, 215-256.

Vulpe 1970: A. Vulpe, Cercetări arheologice şi interpretări istorice privind sec. VII-V î.e.n. în spaţiul carpato-dunărean. Memoria Antiquitatis II, 1970, 182-213.

Мелюкова 1979: А.И. Мелюкова, Скифия и фракийский мир (Москва: Наука 1979).

Никулицэ 1987: И.Т. Никулицэ, Северные фракийцы в VI-I вв. до н.э. (Кишинёв: Штиинца 1987).

Ростовцев 1918: М.И. Ростовцев, Эллинство и иранство на юге России (Петроград: Огни 1918).

Щукин 1994: М.Б. Щукин, На рубеже эр. Опыт историко-археологических реконструкций политических событий III в. до н.э. - I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе (Санкт-Петербург: Фарн 1994).

Archaeological vestiges of the 5th - 3rd centuries BC in the Carpathian-Dniester region as a source of ethnic interpretation. Historiographical issues

Abstract

The question on ethnic interpretation of archaeological sites of second half of the 1st millenium BC in the Carpathian-Dniester region is one of the cores in archaeological literature. The majority of the generalizing works, devoted to a given circle of sites, define an ethnic or ethno-cultural attribution through ethnic criteria of the archeological finds. The specific character of a funeral ceremony and style of material culture, in particular ceramics, has a special role. Correlation of archeological data to written sources remains the main argument and motivation of ethno-cultural definitions and reconstruction. Despite of ambiguity of historical-archeological parities, that predetermines sometimes opposite sights at treatment of ethno-geographical information of ancient sources, by way of ethnic character of some features of a funeral ceremony, style of ceramics and art objects a certain consensus is shown. In given article the basic tendencies of a historiography in the field of ethnic treatment of different categories of archeological sources are considered.

Археологические находки V-III вв. до н. э. в карпато-днестровском регионе как источник этнической интерпретации. Историографические аспекты

Резюме

Вопрос об этнической интерпретации археологических памятников второй половины I тыс. до н. э. в карпато-днестровском регионе является одним из основных в историографии. Большинство обобщающих работ, посвященных данному кругу памятников, определяют этническую или этнокультурную атрибуцию посредством «этнизации» археологических признаков. Особую роль в этом плане сыграли специфика погребального обряда и стиль материальной культуры, в частности керамики. Сопоставление собственно археологических данных с письменными источниками остаётся главным аргументом и мотивацией этнокультурных определений и реконструкций. Несмотря на неоднозначность историко-археологических соотношений, что предопределяет иногда противоположные взгляды на трактовку этногеографических информаций античных источников, в плане этнического характера некоторых особенностей погребального обряда, стиля керамики и предметов искусства проявляется некий консенсус. В данной статье рассмотрены основные тенденции историографии в области этнической трактовки разных категорий археологических источников.

23.04.2014

Andrei Corobcean, Universitatea de Stat din Moldova, str. Mateevici, 60, MD-2009 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: andrei.corobcean@gmail.com

МИСКИ ИЗ СКИФСКИХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ КОНЦА IV-II В. ДО Н.Э. НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ НИЖНЕГО ДНЕСТРА

Николай Тельнов
Виталий Синика

К настоящему времени в Нижнем Поднестровье исследовано значительное количество скифских погребальных памятников. Они позволили охарактеризовать материальную культуру скифов как архаического (конца VII-VI в. до н.э.) и классического времени (V - начала III в. до н.э.) (Синика 2007, 18-21), так и более позднего – III-II вв. до н.э. (Мелюкова 1962, 147-161).

Для изучения последнего периода существования скифской культуры в Поднестровье – позднескифского – трудно переоценить важность материалов, полученных при раскопках могильника у с. Глиное. Этот памятник исследовался на протяжении 1995–2012 гг. у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра Днестровской археологической экспедицией Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (г. Тирасполь). За 18 лет работ на могильнике были изучены 115 курганных насыпей, 113 из которых были сооружены в скифское время и содержали 181 скифское погребение.

Только в 2012 г. появилась первая работа, дающая общее представление об этом памятнике конца IV-II в. до н.э. и его значении для изучения истории Северного Причерноморья и юга Восточной Европы в III–II вв. до н.э. в целом и скифской культуры Северо-Западного Причерноморья в частности (Тельнов, Четвериков, Синика 2012).

Впрочем, наличие обобщающих публикаций о памятнике не отменяет необходимости критического анализа каждого из компонентов погребального обряда и материальной культуры, зафиксированных на могильнике у с. Глиное. Определённые шаги в этом направлении уже были проделаны: рассмотрены латенское (Синика 2011), греческое (Синика 2012) и фракийское (Тельнов, Синика 2012) влияния на погребальный обряд и материальную культуру населения, оставившего могильник у с. Глиное. В результате было подчёркнуто, что скифские основы погребального обряда и материальной культуры населения, оставившего могильник у с. Глиное, представляются очевидными и бесспорными (Синика 2012, 272; Тельнов, Синика 2012, 78; Тельнов, Четвериков, Синика 2012, 11). В пользу этого утверждения, в частности, свидетельствует анализ комплекса вооружения и предметов воинского снаряжения из могильника у с. Глиное, который недавно был осуществлён авторами (Синика, Тельнов 2014).

В то же время необходимо заметить, что пристального внимания заслуживают и другие категории погребального инвентаря из могильника у с. Глиное, в том числе и те, которые в меньшей степени, чем вооружение, демонстрируют скифские основы материальной культуры населения, оставившего этот памятник. Речь идёт о посуде, которая, как нами уже отмечалось, более всего испытала на себе фракийское влияние (Тельнов, Синика 2012).

На могильнике у с. Глинное посуда обнаружена в 131 захоронении, т.е. в 72,37% всех скифских погребальных комплексов. Помимо этого археологически определимые формы и их фрагменты были обнаружены ещё в восьми комплексах: в заполнении ритуальных ям (курганы №№46, 94) и рвов (курганы №№106, 115), а также в тризнах на уровне древнего горизонта (курганы №№19, 52, 102).

Тарная посуда на могильнике у с. Глиное представлена исключительно греческими амфорами различных центров производства, кухонная – только лепными горшками. Однако наибольшее распространение получила сто-

ловая посуда, представленная находками мисок, чашек, кружек, кувшинов, чаш, канфара и поильника из 131 комплекса (126 захоронений и пять иных комплексов).

В настоящей работе будут рассмотрены и проанализированы миски из скифских захоронений могильника у с. Глиное, поскольку именно этот вид столовой посуды получил самое широкое распространение. Миски обнаружены в 111 погребальных комплексах: в 108 захоронениях (59,66% от общего числа погребений), во рвах курганов №№106 и 115, а также в тризне кургана №102.

В 95 захоронениях отмечено по одной миске, и только в 13 – по две[1]. Наличие двух мисок в одном погребении объясняется, как правило, двумя наборами погребального инвентаря, каждый из которых соотносится с одним из погребённых. Так, в двухкамерных катакомбах погребений 22/2, 57/1 и 65/1 миски были положены каждому погребённому в отдельные камеры одновременно. В асинхронных погребениях 8/1, 94/1 (восточная камера) и 105/2 второй сосуд попадал в погребальную камеру при подзахоронении. Две миски были положены в асинхронное погребение 52/1, однако это произошло при совершении первичного парного погребения.

Только в четырёх случаях находки двух мисок можно связывать с одним погребённым. В синхронных захоронениях 38/1 и 85/1 это находки целых сосудов в погребальных камерах и фрагментов мисок в основной (38/1) или впускной (85/1) входных ямах; в захоронении 26/1 – фрагменты двух мисок в заполнении входной ямы катакомбы с одиночным погребением. Однако в этих комплексах (26/1, 38/1, 85/1) фрагменты мисок являлись не погребальным инвентарём, а свидетельством совершения тризны до/во время засыпки входных ям катакомб.

В погребении 46/4, помимо целого сосуда, был обнаружен фрагмент венчика ещё одного, который был положен в нишу во входной яме. Аналогичная ситуация отмечена ещё в двух захоронениях: в погребении 56/2 вместе с целым сосудом в погребальной камере на левом плече погребённого находился фрагмент венчика миски, а в погребении 64/1, помимо нижней части миски из впускной входной ямы, в западной погребальной камере был найден фрагмент венчика миски, лежавший под черепом одного из погребенных[2].

Таким образом, у нас есть все основания считать, что нормой погребального обряда было помещение одной миски для одного погребённого, вне зависимости от времени совершения захоронения.

106 мисок из могильника у с. Глиное зафиксированы *in situ* в погребальных сооружениях. Дважды (7/1, 64/1) миски были положены у входа в дромос. Как правило, миску с жертвенной пищей ставили справа в изголовье: 53 случая – 3/1, 4/1, 6/3, 15/2, 17/1, 18/2, 19/1, 21/1, 22/3, 25/1, 30/1, 34/1, 35/2, 42/1, 47/1, 48/1, 49/1, 52/1, 56/1, 56/2, 57/1 (две миски), 59/1, 65/1, 67/4, 68/1, 69/1, 74/2, 78/3, 81/3, 83/1, 85/1 (две миски), 87/1, 88/1, 89/1, 89/2, 89/3, 91/1, 92/1, 95/1, 96/2, 98/1, 100/1, 102/3, 103/1, 104/1, 105/2, 106/1, 109/1, 111/2, 113/1, 115/1. Намного реже миски фиксируются у правого плеча погребённых: 22 случая – 8/1, 11/1, 13/1, 15/1, 18/1, 22/2, 27/1, 36/1, 43/2, 45/1, 63/1, 65/1, 75/2, 76/1, 79/1, 80/1, 86/1, 93/1, 94/1, 105/2, 112/1, 114/1. Иногда миски находились за головой: семь случаев – 2/3, 13/3, 52/1, 60/1, 91/2, 93/2, 107/3; справа у таза: пять случаев – 10/1, 22/2, 46/3, 46/4, 81/1; в ногах: пять случаев – 8/1, 38/1, 69/2, 73/1, 96/1; слева в изголовье: три случая – 28/1, 38/3, 41/2; справа на груди погребённых: два случая – 66/2, 84/2. По одному разу отмечено размещение миски у правого (62/1) или у левого (60/2) локтя, у левого бедра (14/2), у правого (39/1) или у левого (19/2) колена, у правой голени (23/1) и справа в ногах (33/2).

[1] В погребениях 8/1, 22/2, 26/1, 46/4, 38/1, 52/1, 56/2, 57/1, 64/1, 105/2 обнаружено по две лепных миски; в захоронениях 65/1 и 94/1 – по одной деревянной и одной лепной; в погребении 85/1 – одна деревянная и одна гончарная.

[2] Оставляя за пределами настоящей работы интерпретацию данных находок в контексте погребального обряда, заметим только, что фрагменты мисок не помещались в качестве посуды ни в одно из указанных погребальных сооружений: 46/4 – фрагмент венчика из ниши во входной яме; 56/2 – фрагмент венчика на левом плече погребённого в камере катакомбы; 64/1 – фрагмент венчика, лежавший под черепом одного из погребённых в западной камере двухкамерной катакомбы.

Всего в 111 комплексах могильника у с. Глиное были обнаружены и зафиксированы 124 миски.

По материалу изготовления миски делятся на деревянные и керамические, а последние – по технологии производства – на гончарные и лепные.

Деревянные миски (31 находка – 25% от общего числа мисок) зафиксированы в 31 погребении: 4/1, 6/3, 18/1, 18/2, 19/2, 25/1, 28/1, 34/1, 35/2, 46/3, 59/1, 63/1, 65/1, 66/2, 69/1, 69/2, 73/1, 79/1, 80/1, 83/1, 84/2, 85/1, 89/2, 89/3, 91/1, 92/1, 94/1, 98/1, 100/1, 111/2, 112/1. Во всех указанных захоронениях находки деревянных мисок маркировались древесным тленом круглой формы диаметром от 30 см до 50 см, внутри которого находились кости от жертвенной пищи и нож.

В шести комплексах среди древесного тлена мисок были найдены железная заклёпка (69/2) и скрепы различных форм (18/1, 46/3, 59/1, 80/1, 83/1).

Одна железная заклёпка от деревянной миски, длиной 1,1 см, найдена в погребении 69/2 (рис. 1/4). Скрепа из прямоугольной в сечении проволоки, окончания которой были расклёпаны в пластины и развёрнуты в противоположные стороны, обнаружена в захоронении 18/1 (рис. 1/1). Из комплекса 83/1 происходит железная прямоугольная скрепа, которая соединяла части миски при помощи двух железных гвоздей длиной 1,8 см и 2,4 см (рис. 1/6). В захоронении 46/3 сохранились две скрепы длиной 2,7 см и 2,5 см, изготовленные из тонкой пластины шириной 0,4 см, с загнутыми друг к другу и заострёнными окончаниями

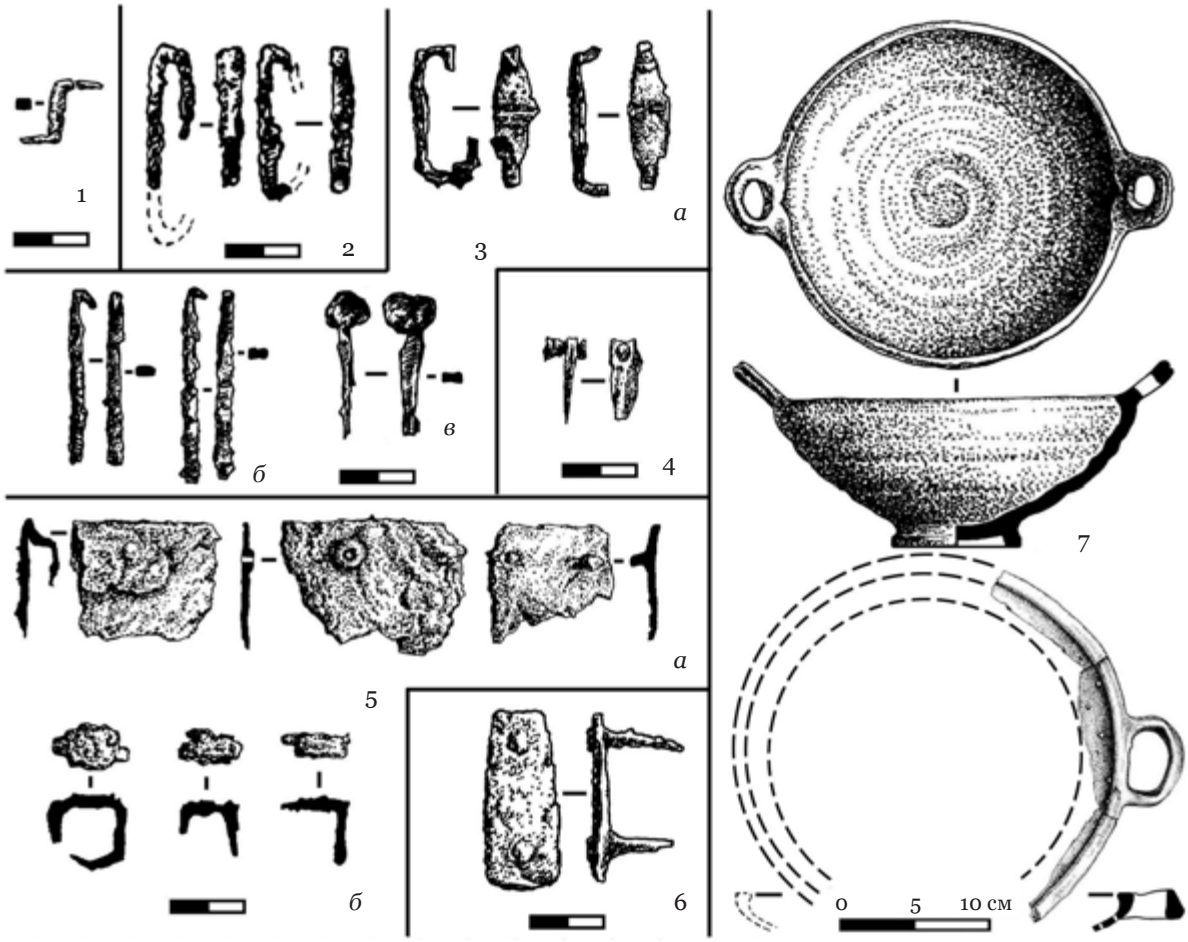


Рис. 1. Железные детали деревянных мисок (1-6) и гончарные миски (7, 8) из могильника у с. Глиное: 1 - погребение 18/1; 2 - погребение 46/3; 3 - погребение 59/1; 4 - погребение 69/2; 5 - погребение 80/1; 6 - погребение 83/1; 7 - погребение 21/1; 8 - погребение 85/1.

(рис. 1/2). От деревянной миски из погребения 59/1 сохранились четыре железных скрепы и гвоздь. Железные скрепы представлены двумя видами: перстневидные (2 шт.) длиной 3,3 см и 3,9 см из округлого в сечении стержня, центральная часть которого раскована в плоский овальный щиток, а окончания загнуты навстречу друг другу (рис. 1/3а); скрепы (2 шт.) длиной 4,5 см и 5,1 см из округлой в сечении проволоки, раскованной в тонкую пластину с загнутыми навстречу друг другу заостренными окончаниями (рис. 1/3б). Железный гвоздь сохранился на длину до 2,8 см (рис. 1/3в). В захоронении 80/1 обнаружено шесть железных скреп двух видов. Три пластинчатых скрепы крепились к венчику и стенкам деревянной миски. Об этом говорят как уцелевшие железные гвоздики в отверстиях, так и загнутый край одной из пластин (размеры пластин – 3,5×2,6 см, 3,5×4,1 см, 3,5×5,5 см, толщина – 0,1 см, диаметр гвоздиков – 0,2 см) (рис. 1/5а). Ещё три скрепы длиной 1,9 см, 2 см и 2,2 см из проволочных стержней, раскованных в центральной части, сохранились во фрагментах. Окончания стержней согнуты и заострены (рис. 1/5б).

Гончарные сероглиняные миски встречены только в двух погребениях могильника у с. Глиное – 21/1 и 85/1 (2 экз. – 1,6% от общего числа мисок). Сосуд из погребения 21/1 сохранился полностью и представляет собой двуручную миску (рис. 1/7). В нём находились кости от жертвенной пищи и железный нож. От миски из погребения 85/1 сохранились фрагменты тулова с венчиком и одной ручкой; под венчиком, на стенках тулова, заметны следы ремонта – восемь сквозных отверстий (рис. 1/8).

Внутренняя и наружная поверхности двуручной миски из погребения 21/1 однотонного серого цвета. Миска из погребения 85/1 отличается тем, что с внешней стороны её венчика нанесена полоска черного матового покрытия, а изнутри поверхность сосуда имеет не серый, а коричневатый цвет. Ближайшей аналогией миске из захоронения 21/1 могильника у с. Глиное (с учётом наличия двух ручек) является сероглиняный сосуд из погребения №67 грунтового могильника у с. Николаевка на левобережье Нижнего Днестра (Мелюкова 1975, 164, рис. 48/6). Фрагменты подобных сероглиняных мисок известны и среди материалов скифского поселения у с. Николаевка (Мелюкова 1975, 42), а целые формы – с количеством ручек от одной до четырёх – на городище Надлиманское (Дзис-Райко, Охотников, Редина 2012, 90-91, рис. 44).

При публикации материалов из поселения и скифского могильника у с. Николаевка А.И. Мелюкова в очень осторожной форме связала подобные сосуды с фракийской гончарной традицией Западного Причерноморья, в частности Истрии (Мелюкова 1975, 42, 164). Спустя некоторое время такая интерпретация получила достаточно серьёзное подтверждение на основании анализа многочисленной и разнообразной сероглиняной посуды из фракийских памятников VI-III вв. до н.э. на территории Румынии (Moscalu 1983, 92-149): гончарная сероглиняная посуда изготавливалась местными мастерами на протяжении всего указанного времени; при этом гончарный круг появляется «одновременно с колонизацией *[греками - Н.Т., В.С.]* Западного Причерноморья, начиная с середины VII в. до н.э., при основании Истрии, Том, Каллатиса, Одессоса, Месембрии, Аполлонии, Тиры, Византия» (Moscalu 1983, 92).

Наиболее многочисленны на могильнике у с. Глиное *лепные миски* (91 экз. – 73,4% от общего числа мисок). Их размеры значительно варьируются: высота сосудов колеблется от 6 см до 29,5 см, максимальный диаметр – от 11 см до 43 см.

Заметим, что попытки классификации лепных мисок из степных скифских погребений Северного Причерноморья уже предпринимались. Так, А.И. Мелюкова при публикации скифских курганов левобережья Нижнего Днестра, раскопанных И.Я. и Л.С. Стемпковскими на Тираспольщине в 1896-1911 гг., распределила 19 лепных мисок «по форме и размерам» на шесть типов (Мелюкова 1962, 153-157). При этом исследователь на самом деле упоминает 20 сосудов, причём только 11 из них – из курганов №275 у с. Глиное, №№ 131, 154 и 174 у с. Парканы, № 260 у с. Сербская Земля[3], №№ 282, 288, 290, 402, 405 и 408 у с. Чобручи (Мелюкова 1962, 153-157, рис. 3/1,2,4,12, табл. 4/1,

[3] В настоящее время с. Славяносербка Великомихайловского района Одесской области Украины.

5/7,9, 7/5, 8/2,3,6, 9/2) – можно считать мисками. Остальные девять сосудов, отнесённые А.И. Мелюковой к четвёртому и пятому типам (Мелюкова 1962, 156-157, рис. 3/3,6-11), безусловно, являются чашками.

Значительно позже Н.А. Гаврилюк выделила два типа мисок при анализе лепной керамики из скифских погребений степей Северного Причерноморья: к первому были отнесены сосуды в виде «перевёрнутого усечённого конуса», а ко второму – миски «с загнутыми внутрь венчиками» (Гаврилюк 1980, 27, рис. 2; Гаврилюк 1983, 58, рис. 17).

Заметим, что и А.И. Мелюкова, и Н.А. Гаврилюк рассматривали вместе с мисками чашки. Безусловно, это объясняется тем, что в большинстве случаев профиль этих сосудов (мисок и чашек) аналогичен, а установить их назначение не представлялось возможным ввиду потревоженности скифских захоронений; при этом оба исследователя оперировали очень небольшими выборками лепных мисок/чашек (не более двух десятков сосудов!).

В нашем случае необходимо отметить, что коллекция лепных мисок из скифского могильника у с. Глиное и некоторых курганов Тираспольщины конца IV-II в. до н.э. значительно более представительна. Также крайне важно, что большинство мисок происходит из неграбленых (или ненарушенных при подзахоронении) погребений, поскольку именно сохранность погребальных комплексов позволяет уверенно атрибутировать тот или иной сосуд в качестве миски (наличие костей от жертвенной пищи и железного ножа) или чашки (отсутствие костей от жертвенной пищи и железного ножа). Оба указанных обстоятельства позволяют нам рассчитывать на корректность новой типологии.

Подчеркнём, что предлагаемая типология лепных мисок является открытой и позволяет распределить на основании небольшого количества морфологических признаков все без исключения сосуды по типам, вариантам и подвариантам, вне зависимости от их размеров. Так, признаком для выделения типа является форма (основной профиль) тулова миски, для выделения варианта – сечение венчика, а для подварианта – отсутствие или наличие ножки (рис. 12).

Ввиду неполной сохранности профилей 17 мисок из могильника у с. Глиное, нами они не учитываются, так как не могут быть отнесены к тому или иному типу, варианту и подварианту. Фрагментарная сохранность сосудов в погребениях 19/3 (рис. 3/7), 50/1 (рис. 6/3) и 101/2 (рис. 9/8) стала следствием ограблений, а в погребении 55/1 (рис. 6/6) – результатом подзахоронения. Миски из захоронений 39/1 (рис. 5/2) и 93/2(рис. 9/2) практически полностью рассыпались при расчистке, и их полный профиль зафиксировать не удалось. В погребениях 30/1 (рис. 4/5), 64/1 (из входной ямы № 2) (рис. 7/4) и 106/1 (рис. 10/6) в качестве мисок были положены только нижние части сосудов. Фрагментами венчиков представлены находки из ниши во входной яме погребения 46/4 (рис. 5/8), из захоронения 56/2 (рис. 6/9) – на левом плече погребённого в камере, а также из погребения 64/1 (рис. 7/5) – под черепом одного из погребённых в западной камере. Фрагменты мисок из входных ям захоронений 26/1 (рис. 4/2, 3) и 38/1 (рис. 4/9) свидетельствуют о тризнах в такой же степени, как и аналогичные находки с уровня древнего горизонта в кургане №102 (рис. 9/8) и изо рва кургана №115 (рис. 10/11).

Остальные 74 лепные миски из могильника у с. Глинное могут быть отнесены к тем или иным типам, вариантам и подвариантам.

Также при создании настоящей типологии были учтены девять мисок из скифских курганов Тираспольщины: №275 у с. Глиное (Мелюкова 1962, 153-154, табл. 8/6); №131 у с. Парканы (Фабрициус 1951, табл. XVI/6; Мелюкова 1962, 154, рис. 3/5, табл. 4/1); №154 у с. Парканы (Мелюкова 1962, 153, рис. 3/1, табл. 5/14); №174 у с. Парканы (Фабрициус 1951, табл. XVI/1; Мелюкова 1962, 153, рис. 3/2, табл. 7/4); №282 у с. Чобручи (Мелюкова 1962, 154, рис. 3/4); №288 у с. Чобручи (Мелюкова 1962, 153, табл. 8/3); №402 у с. Чобручи (Мелюкова 1962, 157, рис. 3/12); №405 у с. Чобручи (Мелюкова 1962, 154, табл. 5/7); №408 у с. Чобручи (Мелюкова 1962, 154, рис. 5/9)[4].

Заметим, что размещение мисок из скифских курганов Тираспольщины III-II вв. до н.э. во

[4] Миски из курганов №260 у с. Сербская земля и №290 у с. Чобручи только упоминаются, однако не проиллюстрированы (Мелюкова 1962, 153-154, 156), поэтому эти сосуды нами не учитываются.

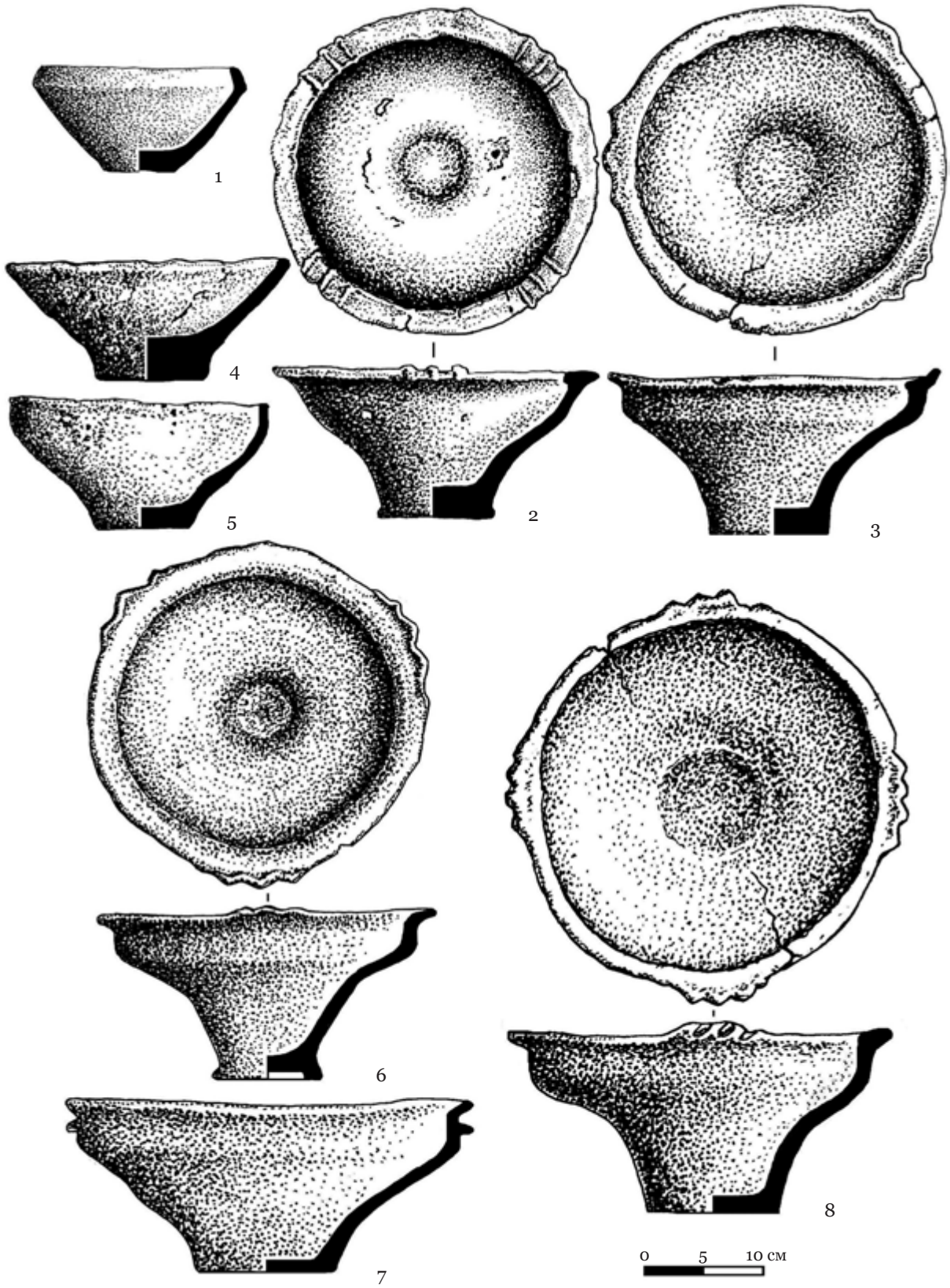


Рис. 2. Лепные миски из могильника у с. Глиное: 1 - погребение 2/3; 2 - погребение 3/1; 3 - погребение 7/1; 4, 5 - погребение 8/1; 6 - погребение 10/1; 7 - погребение 11/1; 8 - погребение 13/1.

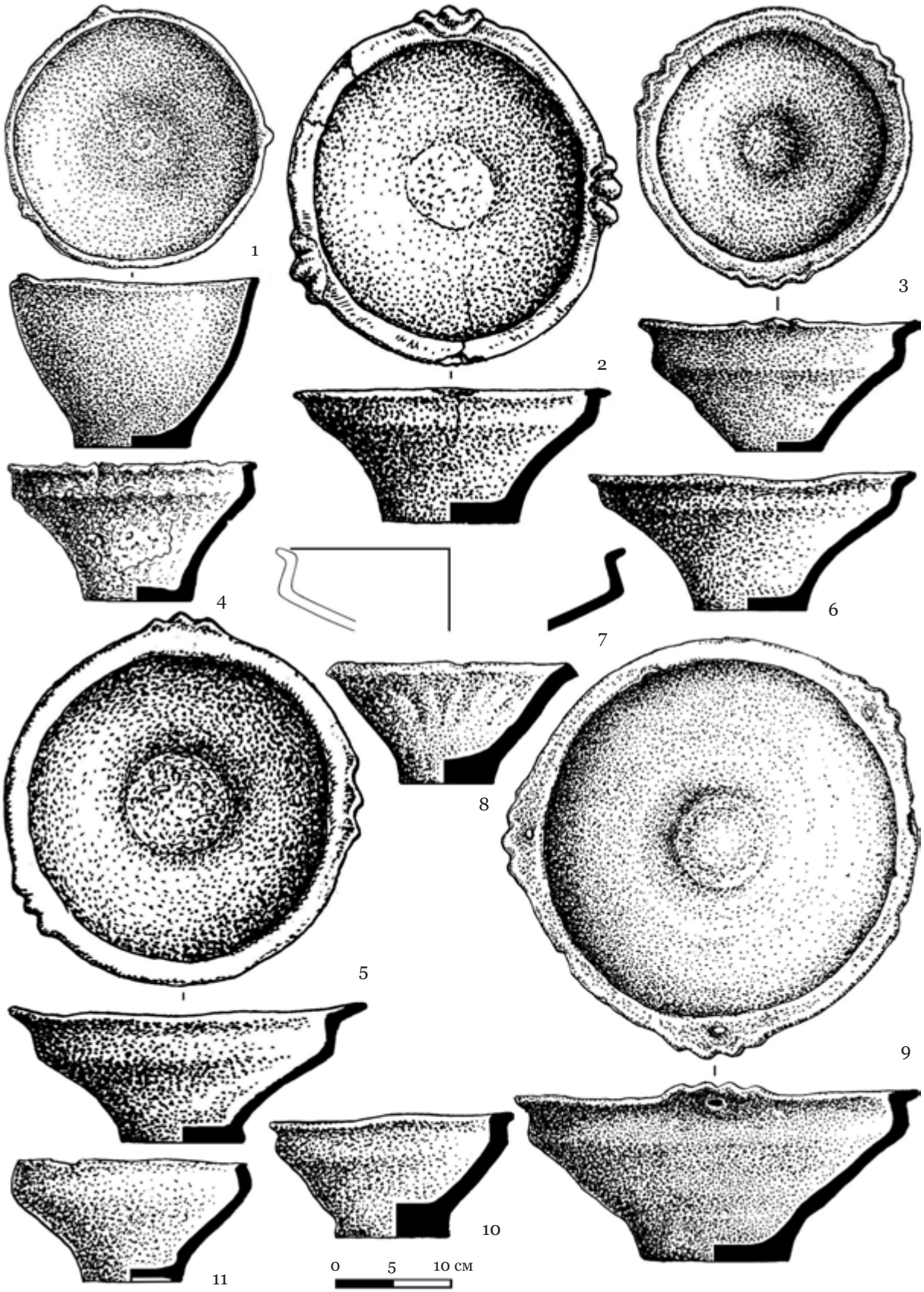


Рис. 3. Лепные миски из могильника у с. Глиное: 1 - погребение 13/3; 2 - погребение 14/2; 3 - погребение 15/1; 4 - погребение 15/2; 5 - погребение 17/1; 6 - погребение 19/1; 7 - погребение 19/3; 8 - погребение 20/1; 9, 10 - погребение 22/2; 11 - погребение 22/3.

многом соответствует отмеченным позициям на могильнике у с. Глиное. Так, в трёх курганах сосуды находились справа в изголовье (№№174 у с. Парканы, 288 и 290 у с. Чобручи), в двух курганах – за головой (№№282 и 405 у с. Чобручи), также отмечены миски слева в изголовье (курган №402 у с. Чобручи), у правого локтя (курган №275 у с. Глиное), справа (курган №260 у с. Сербская земля) и слева (курган №408 у с. Чобручи) у таза погребённых. В курганах №№131 и 154 у с. Парканы размещение мисок не устанавливается (Мелюкова 1962, табл. 5/7,9, 7/5, 8/2, 3, 6, 9/1, 2).

Таким образом, мы используем 83 лепные миски из скифских погребальных комплексов левобережья Нижнего Днестра конца IV-II вв. до н.э. для создания настоящей типологии.

Нами выделены три типа, каждый из которых представлен тремя вариантами. Для вариантов выделены подварианты (А и Б).

К **типу I** относится 51 сосуд: все эти миски имеют более или менее вогнутое тулово.

В *1 вариант* включается 36 сосудов с отогнутым наружу венчиком.

25 мисок из погребений могильника у с. Глиное – 3/1 (рис. 2/2), 7/1 (рис. 2/3), 11/1 (рис. 2/7), 13/1 (рис. 2/8), 15/1 (рис. 3/3), 17/1 (рис. 3/5), 19/1 (рис. 3/6), 41/2 (рис. 5/3), 42/1 (рис. 5/4), 43/2 (рис. 5/5), 52/1 (рис. 6/5), 56/2 (рис. 6/8), 74/2 (рис. 7/9), 76/1 (рис. 7/11), 77/1 (рис. 7/12), 81/3 (рис. 7/15), 82/1 (рис. 8/1), 86/1 (рис. 8/2), 89/1 (рис. 8/5), 95/1 (рис. 9/4), 96/1 (рис. 9/5), 102/3 (рис. 9/10), 105/2 (рис. 10/4), 107/3 (рис. 10/7), 109/1 (рис. 10/8), а также три из курганов у с. Чобручи – №№288 (рис. 11/6), 405 (рис. 11/8) и 409 (рис. 11/9) – составляют подвариант А, т.е. не имеют ножки.

Подвариант Б представлен восемью мисками на ножках. Все они были обнаружены в захоронениях могильника у с. Глиное: 10/1 (рис. 2/6), 27/1 (рис. 4/4), 45/1 (рис. 5/6), 57/1 (рис. 6/10), 75/2 (рис. 7/10), 103/1 (рис. 10/1), 104/1 (рис. 10/2), 105/2 (рис. 10/3).

Ко *2 варианту* относятся девять мисок с прямым венчиком. В некоторых случаях бортик сосуда слегка отклонён внутрь, а венчик наружу, при этом бортик и венчик находятся на одной или практически одной линии. Подвариант А (без ножки) представлен восемью мисками из захоронений 8/1 (рис. 2/5), 14/2 (рис. 3/2), 15/2 (рис. 3/4), 38/3 (рис. 5/1), 57/1 (рис. 6/11), 60/1 (рис. 7/1), 67/4 (рис. 7/7), 113/1 (рис. 10/9) могильника у с. Глиное; подвариант Б – единственной миской на ножке из погребения 49/1(рис. 6/2) могильника у с. Глиное.

3 вариант наименее представителен. К нему относятся всего четыре миски с загнутым внутрь венчиком из погребений 22/3 (рис. 3/11), 46/4 (рис. 5/7), 65/1 (рис. 7/6) и 68/1 (рис. 7/8) могильника у с. Глиное, а также два сосуда из курганов №154 у с. Парканы (рис. 11/3) и №282 у с. Чобручи (рис. 11/5), включающиеся в подвариант А (без ножки).

II тип мисок уступает по распространённости первому. К нему относятся 25 сосудов с усечённо-коническим туловом, с прямыми стенками.

Всего в *1 варианте* отмечено 17 мисок.

16 из них не имеют ножки, т.е. относятся к подварианту А. Это 15 сосудов из комплексов могильника у с. Глиное: погребений 20/1 (рис. 3/8), 23/1 (рис. 4/1), 36/1 (рис. 4/7), 38/1 (рис. 4/8), 47/1 (рис. 5/9), 48/1 (рис. 6/1), 52/1 (рис. 6/4), 56/1 (рис. 6/7), 62/1 (рис. 7/3), 81/1 (рис. 7/14), 91/2 (рис. 8/6), 94/1 (рис. 9/3), 114/1 (рис. 10/10), 115/1 (рис. 10/12), из рва кургана №106 (рис. 10/5), а также одна миска из кургана №174 у с. Парканы (рис. 11/4).

Подвариант Б представлен единственной миской на ножке из погребения 93/1 (рис. 9/1) могильника у с. Глиное.

Вариант 2 представлен тремя находками: из захоронений 8/1 (рис. 2/4), 22/2 (рис. 3/10) могильника у с. Глиное, а также из кургана №131 у с. Парканы (рис. 11/2), которые относятся к подварианту А (без ножки).

Достаточно редок и *вариант 3*, также представленный только подвариантом А (без ножки). Отмечено пять подобных мисок: четыре в погребениях могильника у с. Глиное – 2/3 (рис. 2/1), 22/2 (рис. 3/9), 78/3 (рис. 7/13), 99/1 (рис. 9/7), ещё одна – в кургане №402 у с. Чобручи (рис. 11/7).

Наименее распространён среди выделенных **III тип** мисок – с полусферическим туловом. Обнаружено всего семь мисок этого типа, и все они относятся к подварианту А, т.е. не имеют ножки.

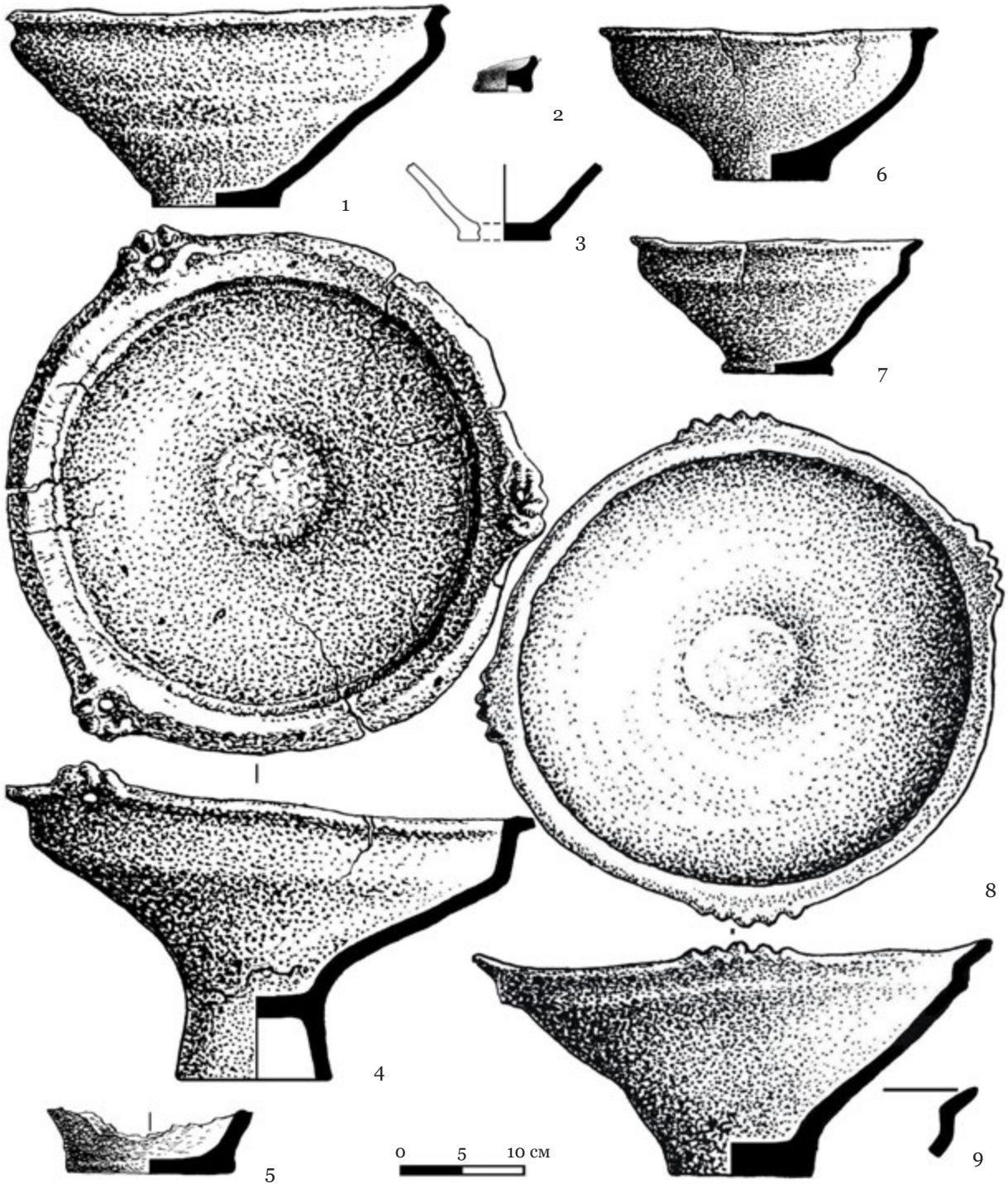


Рис. 4. Лепные миски из могильника у с. Глиное: 1 - погребение 23/1; 2, 3 - погребение 26/1; 4 - погребение 27/1; 5 - погребение 30/1; 6 - погребение 33/2; 7 - погребение 36/1; 8, 9 - погребение 38/1.

Вариант 1 представлен находками в трёх погребениях могильника у с. Глиное – 33/2 (рис. 4/6), 87/1 (рис. 8/3) и 88/1 (рис. 8/4), а также в кургане №275 у с. Глиное из дореволюционных раскопок на Тираспольщине (рис. 11/1); *вариант 2* – в двух погребениях могильника у с. Глиное: 13/3 (рис. 3/1) и 60/2 (рис. 7/2); *вариант 3* – только в погребении 96/2 (рис. 9/6) могильника у с. Глиное.

Необходимо отдельно остановиться на некоторых элементах мисок, которые не учитывались нами при создании настоящей типологии.

В венчиках мисок из четырёх захоронений могильника у с. Глиное были сделаны *сквозные отверстия*. Сосуды из погребений 22/2 (рис. 3/9), 27/1 (рис. 4/4) и 45/1 (рис. 5/6) снабжены тремя отверстиями, а сосуд из захоронения 78/3 (рис. 7/13) – четырьмя. Наиболее вероятно, что эти отверстия использовались для подвешивания и переноса сосудов. На могильнике у с. Глиное отверстия в венчике зафиксированы на целом ряде сосудов, в частности, на лепной чашке из погребения 47/1 и лепной чаше из захоронения 63/1, однако чаще всего отверстия присутствуют в венчиках культовых сосудов – курильниц (Синика, Меньшикова, Тельнов 2014, рис. 3-9).

Сложнопрофилированные венчики мисок из погребения 49/1 могильника у с. Глиное (рис. 6/2) и кургана №402 у с. Чобручи (рис. 11/7) (Мелюкова 1962, 157, рис. 3/12), без сомнения, предназначались *для упора крышки*. Впрочем, несмотря на отсутствие находок подобных крышек в скифских погребениях могильника у с. Глиное и в скифских курганах Тираспольщины, их наличие и использование уместно предполагать для всех лепных мисок, особенно тех, которые имеют скошенный внутрь венчик.

Отметим, что крышки для мисок достаточно широко известны на фракийских памятниках Румынии (Moscalu 1983, pl. LXIV, LXV), а географически ближайшим памятником по отношению к могильнику у с. Глиное, где были обнаружены сероглиняные гончарные и лепные крышки, является городище Надлиманское на левобережье Нижнего Днестра (Дзис-Райко, Охотников, Редина 2012, 88-89, 111-112, рис. 42, 62).

В погребениях 11/1 (рис. 2/7) и 52/1 (рис. 6/4) могильника у с. Глиное обнаружены *миски с двумя небольшими упорами трапециевидной формы*, расположенными под венчиком и параллельно ему. Весьма вероятно, что эти упоры предназначались для удобства переноса мисок, особенно с учётом их симметричного расположения под отогнутым наружу венчиком. При этом мы не исключаем и декоративной функции данных упоров.

Географически ближайшие аналогии подобным мискам (с горизонтальными упорами различных форм, расположенными под венчиком) обнаружены на городищах у с. Николаевка (Мелюкова 1975, 53-54, рис. 22/5,6) и у с. Надлиманское (Дзис-Райко, Охотников, Редина 2012, 105, рис. 57/1,5) на левобережье Нижнего Днестра.

На правобережье Среднего Поднестровья лепные миски с упорами под венчиками известны на гетских поселениях: Сахарна Микэ (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 3/2, 20/1), Сахарна Маре (Kaşuba, Haheu, Leviţki 2000, pl. LI/2; Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 130/1, 136/1), Сахарна «Ла Шанц» (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 164/7, 172/8, 9), Глинжены «Ла Шанц» (Kaşuba, Haheu, Leviţki 2000, pl. XIII/6), Солончены «Глиное» (Kaşuba, Haheu, Leviţki 2000, pl. XVIII/5).

Целый ряд подобных мисок известен на фрако-гетских памятниках Румынии: Равна, Добрина и Груя (VI в. до н.э.), Чернавода (V в. до н.э.), Фрумушица (вторая - третья четверти V в. до н.э.), Слобозия – 4 экз. (вторая половина V в. до н.э.), Черна (V-IV вв. до н.э.), Черника (конец V в. до н.э.), Муригиол – 2 экз. (IV в.до н.э.), Пояна (IV в. до н.э.), Котнарь (IV-III вв. до н.э.), Брэилица (первая четверть III в. до н.э.) (Moscalu 1983, pl. XLIX/1, 3-7, 9-13, L/3, 5-7, 9)[5].

В кургане №131 у с. Парканы была обнаружена *миска с петлевидной боковой ручкой*, причём, ввиду неполной сохранности сосуда, неизвестно, была ли эта ручка единственной (Фабрициус 1951, табл. XVI/6; Мелюкова 1962, 154, рис. 3/5, табл. 4/1). А.И. Мелюкова со ссылкой на описание И.Я. Стемпковского отмечает, что подобная миска «с одним ушком» (!) происходит из скифского кургана №260 у с. Сербская земля (Мелюкова 1962, 154, 156). Известна лепная миска с одной боковой ручкой в скифском погребении 32/1 могильника Кугурлуй на левобережье Нижнего Дуная (Ре-

[5] Авторы публикации сосудов из Надлиманского городища указывают на аналогии из памятников Румынии более раннего времени (Дзис-Райко, Охотников, Редина 2012, 105), однако приводят только одну аналогию – из Куртень конца VI-V в. до н.э. (Moscalu 1983, pl. LI/6), которая на самом деле не имеет ничего общего с находками из Надлиманского городища, поскольку на миске из Куртень имеется вертикальный упор, ось которого перпендикулярна венчику, причём в упоре есть отверстие.

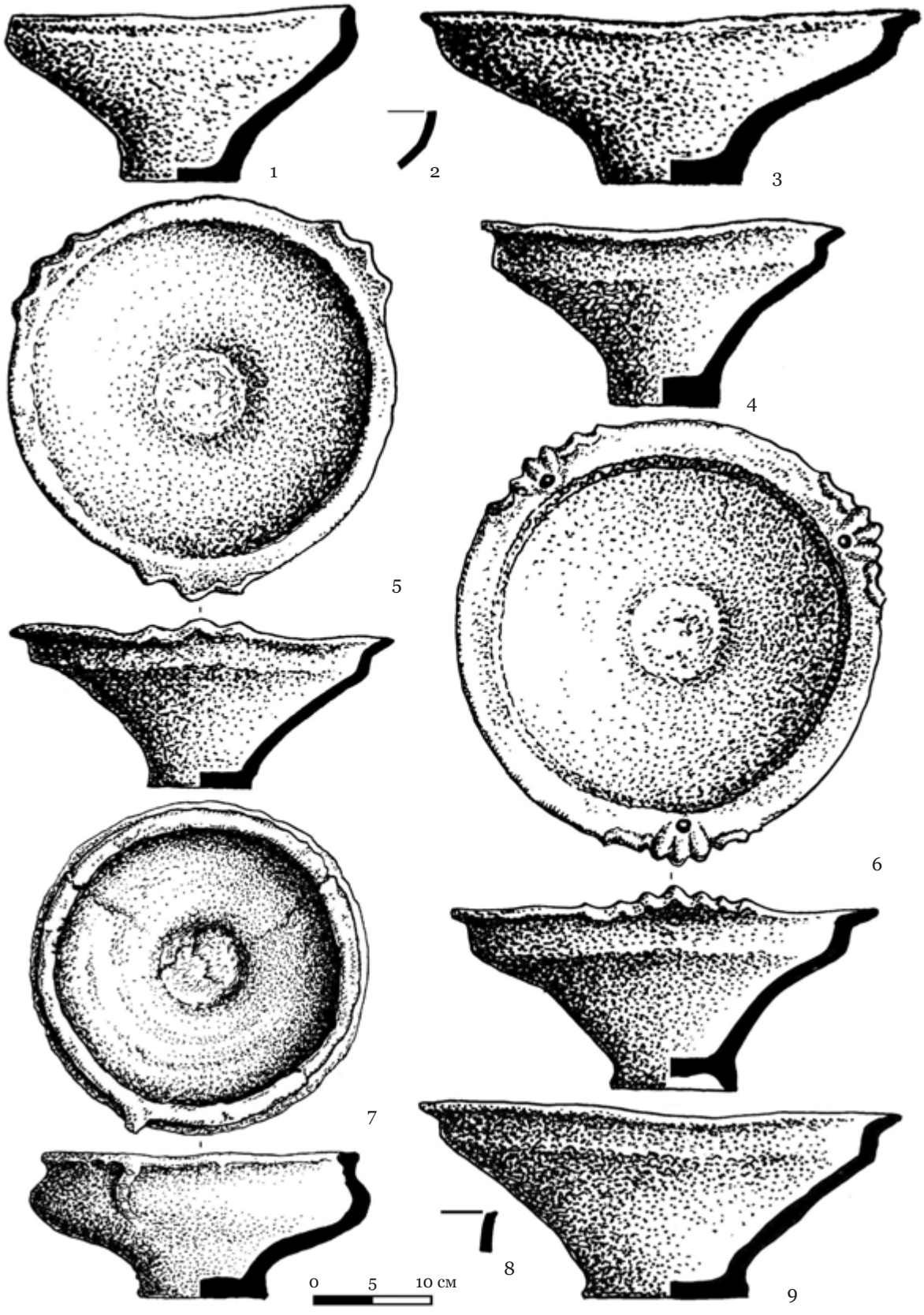


Рис. 5. Лепные миски из могильника у с. Глиное: 1 - погребение 38/3; 2 - погребение 39/1; 3 - погребение 41/2; 4 - погребение 42/1; 5 - погребение 43/2; 6 - погребение 45/1; 7, 8 - погребение 46/4; 9 - погребение 47/1.

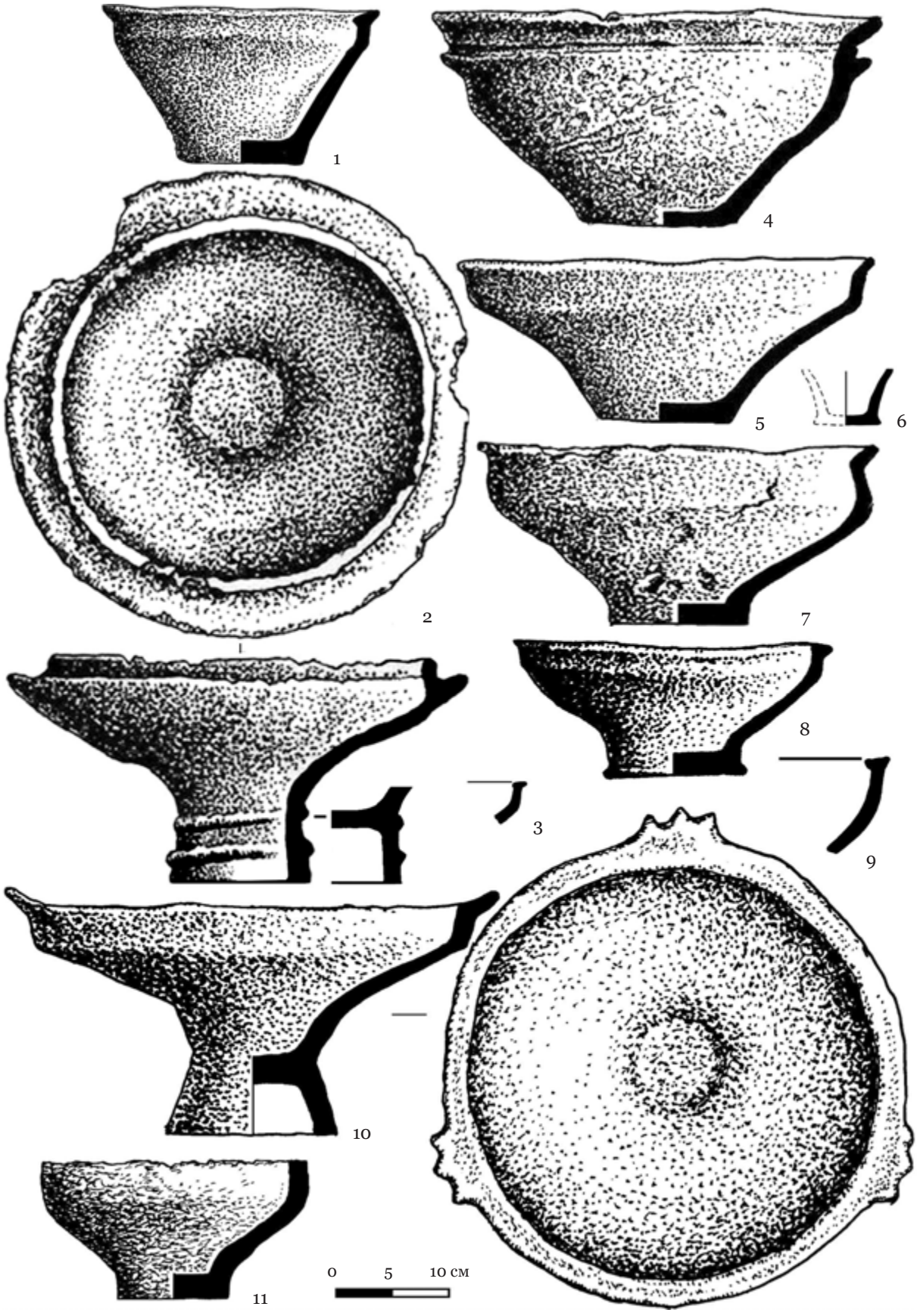


Рис. 6. Лепные миски из могильника у с. Глиное: 1 - погребение 48/1; 2 - погребение 49/1; 3 - погребение 50/1; 4, 5 - погребение 52/1; 6 - погребение 55/1; 7 - погребение 56/1; 8, 9 - погребение 56/2; 10, 11 - погребение 57/1.

Рис. 7. Лепные миски из могильника у с. Глиное: 1 - погребение 60/1; 2 - погребение 60/2; 3 - погребение 62/1; 4, 5 - погребение 64/1; 6 - погребение 65/1; 7 - погребение 67/4; 8 - погребение 68/1; 9 - погребение 74/2; 10 - погребение 75/2; 11 - погребение 76/1; 12 - погребение 77/1; 13 - погребение 78/3; 14 - погребение 81/1; 15 - погребение 81/3.

дина 2000, 248, рис. 2/6; Redina 2005, 236, fig. 3/6)[6]. Миска с двумя боковыми ручками происходит с гетского поселения Пояна IV в. до н.э. на территории Румынии (Moscalu 1983, XLIX/2). На Надлиманском городище на левобережье Днестра найдена лепная миска с двумя боковыми петлевидными ручками и с двумя упорами прямоугольной формы (Дзис-Райко, Охотников, Редина 2012, 106, рис. 59/1, 1а, табл. 34/3, 3а). На этом же памятнике обнаружена лепная миска с тремя боковыми ручками (Дзис-Райко, Охотников, Редина 2012, 106, табл. 34/2), а также ряд фрагментов венчиков мисок с боковыми ручками (Дзис-Райко, Охотников, Редина 2012, 106, рис. 59/2,3, табл. 36/3, 3а). Известны лепные миски с боковыми ручками и на поселении у с. Николаевка на левобережье Нижнего Днестра (Мелюкова 1975, 53-55, рис. 22/1, 10).

Некоторые лепные миски из могильника у с. Глиное были изготовлены таким образом, что их *донья* представляют собой *имитации кольцевого поддона* гончарных сосудов. Такие миски обнаружены в погребениях 22/3 (рис. 3/11), 75/2 (рис. 7/10), 81/1 (рис. 7/14), 109/1 (рис. 10/8).

Орнаментация лепных мисок из скифского могильника у с. Глиное и скифских курганов Тираспольщины (рис. 13) заслуживает пристального анализа. Как правило, орнаментировались венчики (I), и только в единичных случаях тулово (II), ножка (III) и дно (IV) сосудов.

I. Орнамент венчиков может быть разделён на три группы на основании его характерных элементов и места их размещения. Всего известно 28 мисок с орнаментированными венчиками.

1 группа (рис. 13/1-4) включает четыре сосуда, которые орнаментированы валиками, расположенными на горизонтальной плоскости венчиков.

а) четыре симметрично расположенных валика (рис. 13/1): две миски из погребений 88/1 (рис. 8/4) и 89/1 (рис. 8/5) могильника у с. Глиное;

б) две противоположные пары валиков, одна из которых содержит по одному валику, а вторая – по два валика (рис. 13/2): одна миска из погребения 87/1 (рис. 8/3) могильника у с. Глиное;

в) четыре группы симметрично расположенных валиков, по три валика в каждой группе (рис. 13/3): одна миска из погребения 3/1 (рис. 2/2).

Как мы уже указывали, орнаментация мисок валиками, расположенными на горизонтальной плоскости венчиков, получила очень широкое распространение на фракийских памятниках VI-III вв. до н.э. (Тельнов, Синика 2012, 74, 76, рис. 3/1, 3-5), а именно, на городищах Сахарна Маре, Бутучены, Пояна, Ханска, на могильнике Страхотин и др. (Arnăut 2003, 72, fig. 51/IIIA2) и на поселении Нагоряны в Среднем Поднестровье (Шовкопляс 1954, 102, табл. I/9), а также во фракийском погребении у г. Слободзея (Фидельский 2009, рис. 1/1) и на поселении Чобручи (Никулицэ, Фидельский 2004б, 197, 13/2) на левобережье Нижнего Днестра.

2 группа (рис. 13/4-11) представлена 22 мисками, боковая грань венчика которых орнаментирована плоскими или рельефными выступами, находящимися в плоскости венчика или под углом к ней[7].

а) три выступа, расположенных таким образом, что они делят окружность венчика на равные сегменты (рис. 13/4): две миски из погребений 13/3 (рис. 3/1) и 95/1 (рис. 9/4) могильника у с. Глиное;

б) четыре симметрично расположенных выступа (рис. 13/5): одна миска из погребения 105/2 (рис. 10/3) могильника у с. Глиное;

[6] В одной из работ указывается, что миска из могильника Кугурлуй происходит из погребения 32/2 (Редина 2000, 248, рис. 2/6), в другой – из погребения 33/1 (Redina 2005, 236, fig. 3/6), что, судя по соответствующим подписям к рисункам, не соответствует действительности.

[7] Известны ещё две миски с выступами-фестонами на венчиках, обнаруженные в скифских погребениях на левобережье Нижнего Днестра. Одна из них происходит из кургана №275 у с. Глиное (рис. 11/1) из дореволюционных раскопок на Тираспольщине (Мелюкова 1962, 153-154, табл. 8/6), однако ввиду неполной сохранности сосуда неизвестно, сколько групп выступов-фестонов было на этом сосуде. Также в настоящее время нельзя установить, какое количество групп выступов-фестонов украшали одну из мисок, которая была обнаружена в одном из курганов Тираспольщины: №154 у с. Парканы, №№288, 290, 405, 409 у с. Парканы (Фабрициус 1951, табл. XVI/1), – на что указывает А.И. Мелюкова (1962, 153, примечание 44). В связи с этим, данные лепные миски не учитывались нами при анализе орнаментации.

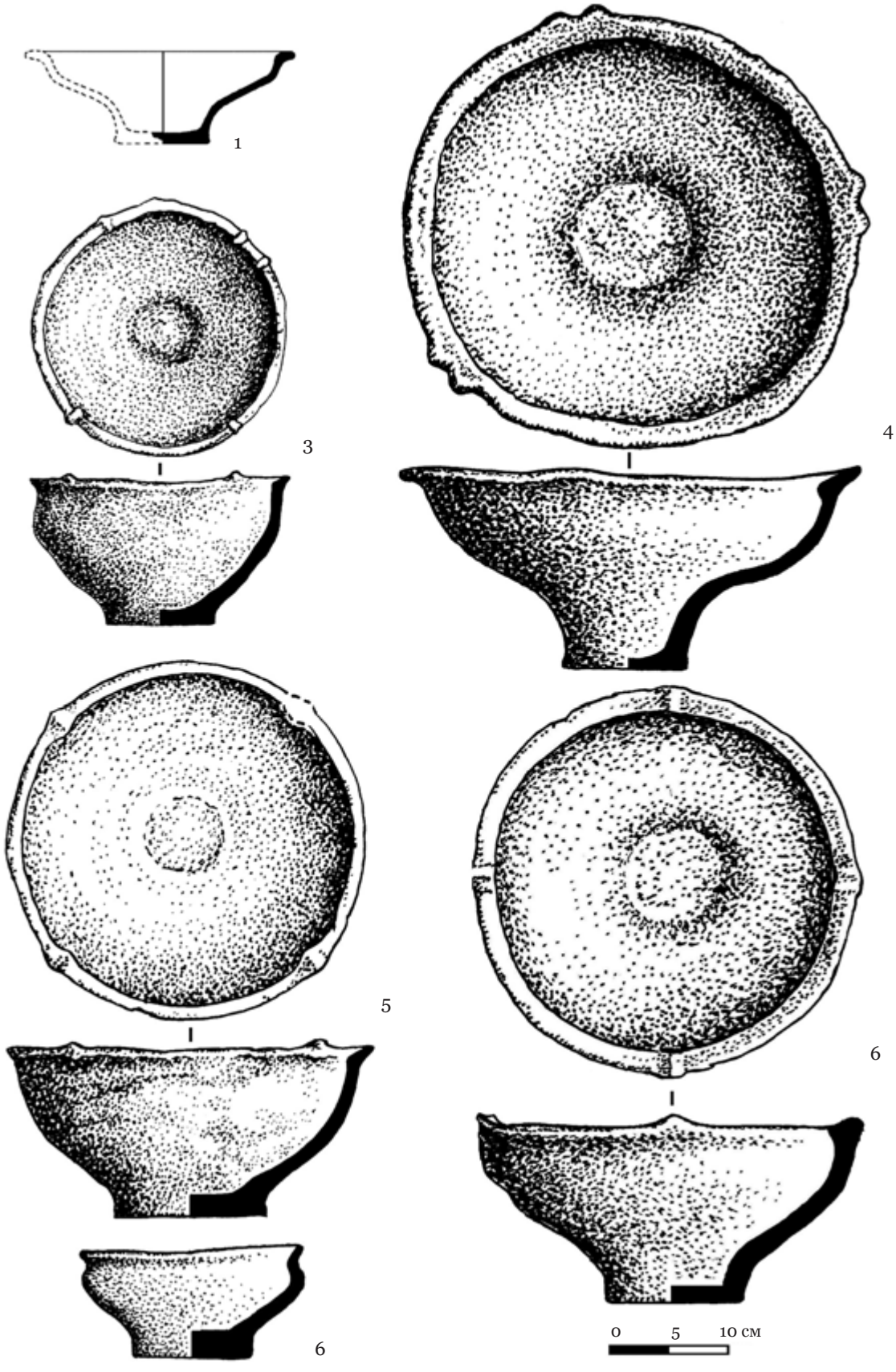


Рис. 8. Лепные миски из могильника у с. Глиное: 1 - погребение 82/1; 2 - погребение 86/1; 3 - погребение 87/1; 4 - погребение 88/1; 5 - погребение 89/1; 6 - погребение 91/2.

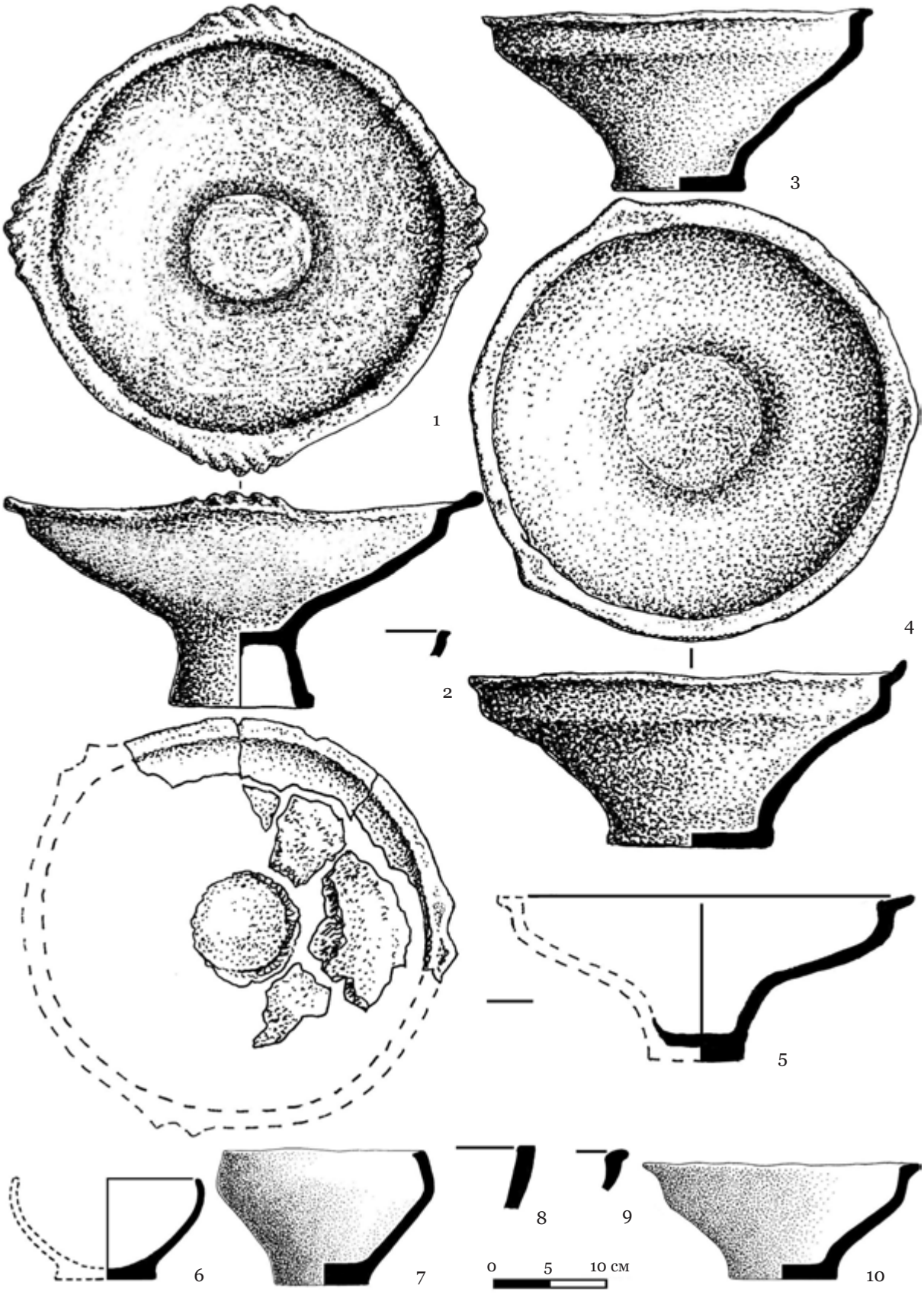


Рис. 9. Лепные миски из могильника у с. Глиное: 1 - погребение 93/1; 2 - погребение 93/2; 3 - погребение 94/1; 4 - погребение 95/1; 5 - погребение 96/1; 6 - погребение 96/2; 7 - погребение 99/1; 8 - погребение 101/2; 9 - тризна кургана №102; 10 - погребение 102/3.

Миски с аналогичными выступами достаточно хорошо известны на фракийских памятниках: Запрутской Молдовы – например, две миски из комплекса у Брэилицы первой четверти III в. до н.э. (Moscalu 1983, L/1,2); на правобережье Среднего Днестра, в частности на гетском городище Сахарна Маре (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 98/4, 130/4-6). Единственная подобная миска (с двумя выступами, в которых были отверстия!) была обнаружена при исследовании скифского погребения 11/1 второй половины IV в.до н.э. (?) могильника Дербент на левобережье Нижнего Дуная (Редина 2000, 248, рис. 2/7; Redina 2005, 236, fig. 3/7)[8].

в) три группы фестонов, по два выступа в каждой группе (рис. 13/6): три миски из погребений 86/1 (рис. 8/2), 96/1 (рис. 9/5) и 103/1 (рис. 10/1) могильника у с. Глиное;

г) три группы фестонов, по три выступа в каждой группе (рис. 13/7): семь мисок из погребений 7/1 (рис. 2/3), 10/1 (рис. 2/6), 14/2 (рис. 3/2), 17/1 (рис. 3/5), 27/1 (рис. 4/4), 42/1 (рис. 5/4) и 57/1(рис. 6/10) могильника у с. Глиное. При изготовлении миски из погребения 7/1 был допущен «брак», отклонение от схемы. В одной из групп было два выступа, а не три;

д) три группы фестонов, по четыре выступа в каждой группе (рис. 13/8): три миски из погребений 15/1 (рис. 3/3), 22/2 (рис. 3/9)и 109/1 (рис. 10/8) могильника у с. Глиное. При изготовлении миски из погребения 15/1 допущено отклонение от схемы: в одной из групп было три выступа, а не четыре;

е) четыре группы фестонов, по четыре выступа в каждой группе (рис. 13/9): две миски из погребений 13/1 (рис. 2/8) и 78/3 (рис. 7/13) могильника у с. Глиное.

ж) четыре группы фестонов, по пять выступов в каждой группе (рис. 13/10): две миски из погребений 38/1 (рис. 4/8) и 93/1 (рис. 9/1) могильника у с. Глиное. При изготовлении миски из погребения 38/1 допущено отклонение от схемы: в одной из групп было четыре выступа, а не пять;

з) три группы фестонов, по семь выступов в каждой группе (рис. 13/11): две миски из погребения 45/1 могильника у с. Глиное (рис. 5/6) и из кургана №174 у с. Парканы (рис. 11/4)[9]. В каждой орнаментальной группе выделяются три основных выступа, обрамлённых с обеих сторон двумя дополнительными.

Нами уже отмечалось, что выступы-фестоны известны на сосудах из целого ряда фракийских памятников как более раннего, так и более позднего времени (Тельнов, Синика 2012, 74, рис. 2/8-10,16-20): в погребениях могильников Ханска I и Ханска-Лутэрия (Никулицэ 1977, 111, рис. XII/13), на поселениях Глинжены «Ла Шанц», Солончень-Хлиная и Сахарна Маре на правобережье Среднего Поднестровья (Kaşuba, Haheu, Leviţki 2000, 29, 40, 82, pl. XIII/6, XVIII/5, LI/2); в захоронении у с. Мологана на правобережье Нижнего Днестра, а также на городищах Картал и Новосельское на левобережье Нижнего Дуная (Бруяко 2009, 350, рис. 6/1-3). Известны подобные элементы декора на лепных сосудах (мисках и чашках) из скифских курганов у с. Оситняжка, Турия и Секирное VII-VI вв. до н.э. в бассейне р. Тясмин в Днепровском лесостепном Правобережье (Ильинская 1975, 138, рис. 19/3, 7, 8, табл. XXI/1, XXIII/10, XXXII/3), а также из скифского кургана №321 у с. Забара конца VII – первой половины VI в. до н.э. в бассейне р. Рось в Днепровском Левобережье (Ковпаненко 1981, 91, рис. 18/2, 54/4).

<u>3 группа</u> представлена сосудами, венчик которых был орнаментирован с внешней стороны и на бортике одним вертикальным валиком: две миски из погребений 46/4 (рис. 5/7) и 68/1 (рис. 7/8) могильника у с. Глиное.

Этот элемент орнамента, как и два предыдущих, не представляет редкости на фракийской керамике (Тельнов, Синика 2012, 76, рис. 3/2, 6-9). В частности, он зафиксирован на сосудах из погребений могильника Ханска I и Ханска-Лутэрия (Никулицэ, 1972, 119, рис. 3/а, б, 6/а; 1977, 111, 3/3,12,14), в позднегальштатском

[8] В обеих работах, судя по соответствующим подписям к рисункам, ошибочно указывается, что миска из могильника Дербент происходит из погребения 15/1, что не соответствует действительности.

[9] А.И. Мелюкова приводит рисунок профиля этой миски с изображением только одной группы выступов-фестонов (Мелюкова 1962, рис. 3/2), однако в монографии И.В. Фабрициус содержится изображение, которое, по нашему мнению, свидетельствует о наличии именно трёх групп выступов-фестонов на венчике этого сосуда (Фабрициус 1951, табл. XVI/1).

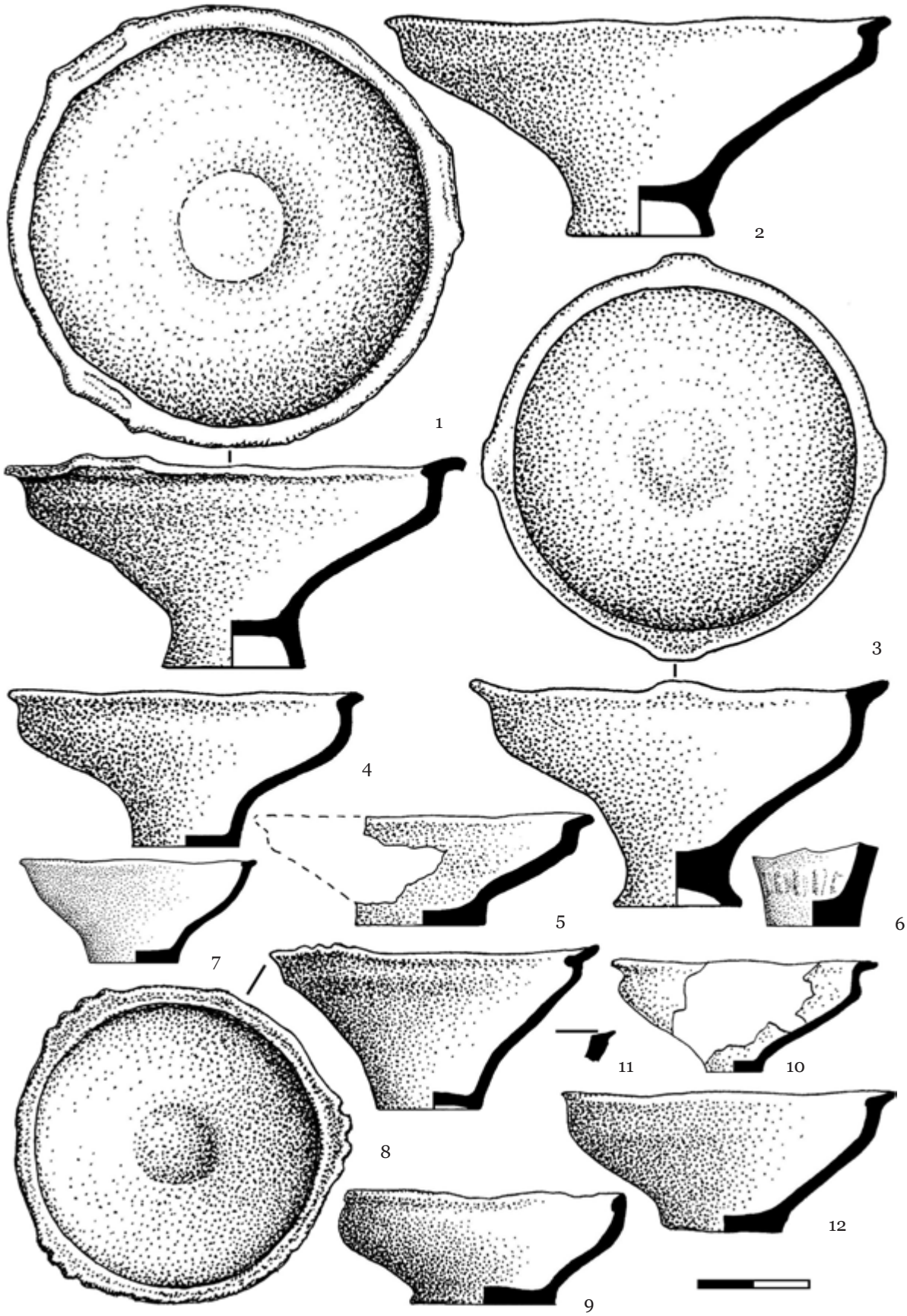


Рис. 10. Лепные миски из могильника у с. Глиное: 1 – погребение 103/1; 2 - погребение 104/1; 3, 4 - погребение 105/2; 5 - ров кургана №106; 6 - погребение 106/1; 7 - погребение 107/3; 8 - погребение 109/1; 9 - погребение 113/1; 10 - погребение 114/1; 11 - ров кургана №115; 12 - погребение 115/1.

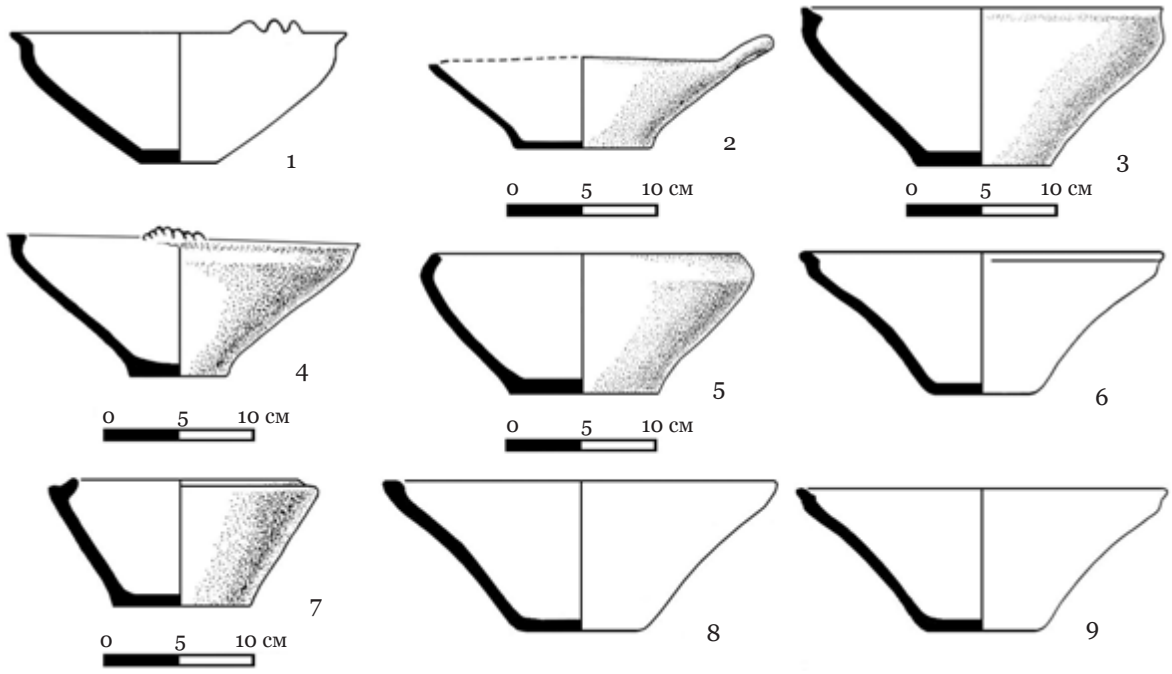


Рис. 11. Лепные миски из скифских курганов Тираспольщины: 1 - курган №275 у с. Глиное; 2 - курган №131 у с. Парканы; 3 - курган №154 у с. Парканы; 4 - курган №174 у с. Парканы; 5 - курган №282 у с. Чобручи; 6 - курган №288 у с. Чобручи; 7 - курган №402 у с. Чобручи; 8 - курган №405 у с. Чобручи; 9 - курган №408 у с. Чобручи (все по Мелюкова 1962).

и гетском слоях городища Глинжены «Ла Шанц» (Kaşuba, Haheu, Leviţki 2000, 24, 55, pl. VIII/7, XXXI/2,7) и на ряде памятников Запрутской Молдовы (Moscalu 1983, 75-76, pl. LV/7,9,11,12).

II. Орнаментация тулова встречена на единственной миске из захоронения 52/1 могильника у с. Глиное. Орнаментальный желобок в виде круговой линии отделял тулово сосуда от отогнутого наружу венчика (рис. 6/4).

Аналогичный орнамент, но в виде трёх параллельных линий, украшал венчик сероглиняной гончарной миски из погребения №67 грунтового могильника у с. Николаевка (Мелюкова 1975, 164, рис. 48/6). Изготовление этой миски, как будет показано ниже, связано с фракийской гончарной традицией.

III. Орнамент ножки также известен на одной миске – из погребения 49/1 могильника у с. Глиное. Высокая ножка сосуда украшена двумя рельефными параллельными горизонтальными рёбрами (рис. 6/2).

Аналогичное ребро в верхней части ножки зафиксировано на лепной миске с поселения Чобручи на левобережье Нижнего Днестра: миска обнаружена в яме III в. до н.э.[10]. Также единственное ребро присутствует на ножке лепной миски из помещения № 282 на Центральном раскопе в Тире, датированном концом II - первой половиной I в. до н.э. (Самойлова, Остапенко 2010, 48, 52-53, рис. 9). К западу от Поднестровья подобный элемент декора на гончарных мисках и чашках известен среди материалов фракийских памятников Румынии VI-III вв. до н.э. (Moscalu 1983, pl. LXVI/9,19). К востоку от Поднестровья, в левобережном Поднепровье нам известна только одна подобная миска – в кургане у с. Волковцы V-IV вв. до н.э. (?) – однако её ножка полностью покрыта шестью подобными рёбрами (Ильинская 1968, 168, табл. LIX/6).

IV. На дне миски из погребения 81/3 находится ***тамга***, прочерченная до обжига по сырой глине в несколько этапов. Сначала была небрежно проведена окружность и неровная линия в её нижней трети. Тамга наносилась ин-

[10] Благодарим автора раскопок С.А. Фидельского за возможность ознакомиться с неопубликованным материалом и за сообщение относительно хронологического контекста находки.

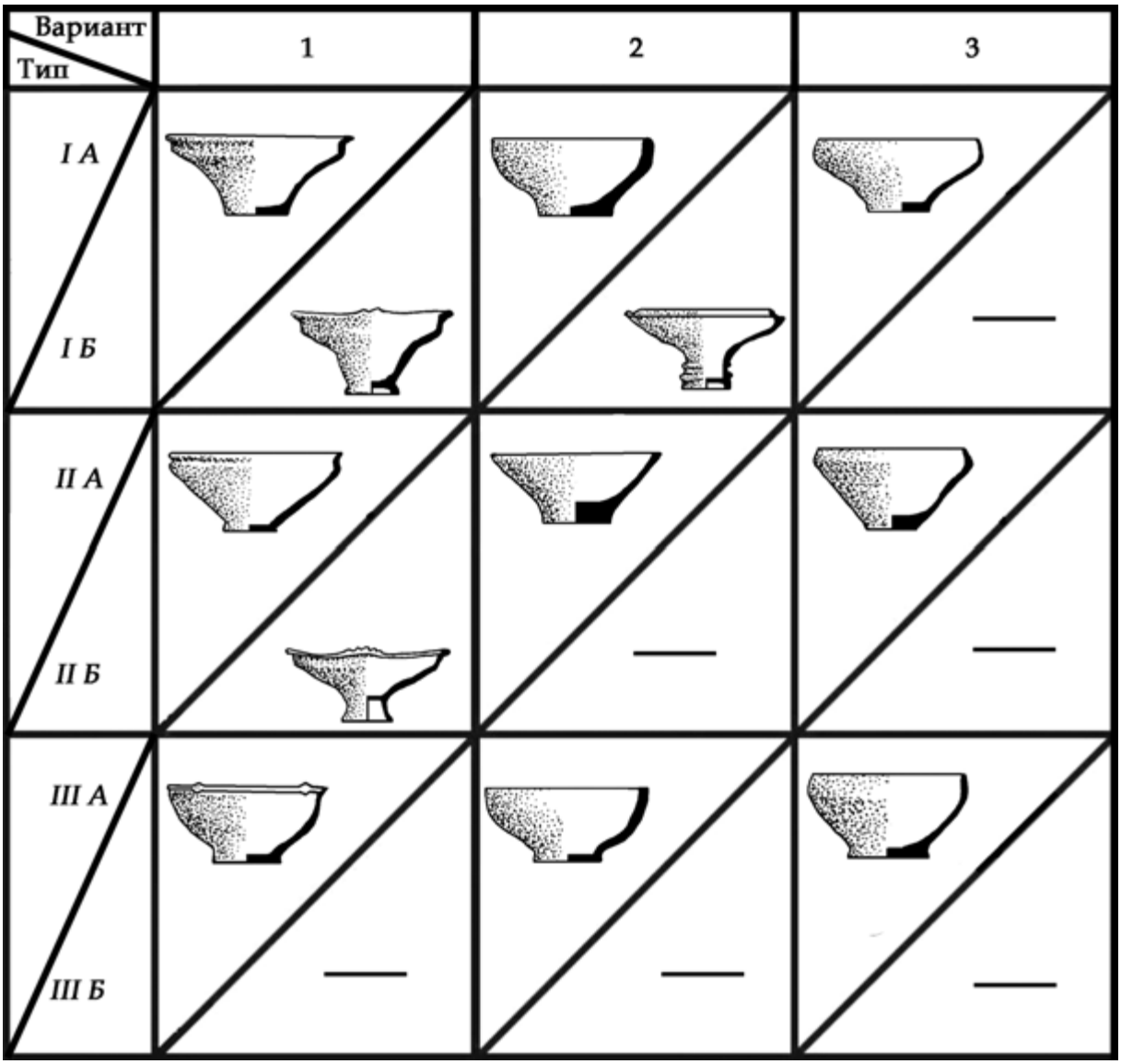


Рис. 12. Типология лепных мисок.

струментом с более широкой рабочей частью, чем у орудия, использованного для прочерчивания окружности и линии. Основу композиции составляет простой крест, с вдавленной окружностью на пересечении линий. Слева от вертикальной линии креста и параллельно ей находится еще одна линия, поверх которой прочерчена линия с загнутыми влево окончаниями. Справа от вертикальной линии креста, от горизонтальной линии ответвляются вверх и вниз две короткие линии: одна из них на окончании раздваивается подобно якорю, окончание второй – изогнуто влево. Вписать тамгу в диаметр окружности полностью не удалось – линии тамги пересекали окружность в четырёх местах (рис. 14).

Изображение на дне миски из захоронения 81/3, безусловно, не являлось «орнаментом» в чистом виде, поскольку не предназначалось для украшения сосуда (нанесено на дне). Очевидно, что изображение являлось родовым знаком – тамгой. О бережном хранении миски свидетельствуют следы ремонта – два сквозных отверстия, расположенных по обе стороны трещины, уходящей от веничка ко дну. Отметим, что ни на одном другом лепном сосуде из комплексов могильника у с. Глиное следов ремонта обнаружено не было.

Аналогий тамге на дне миски из погребения 81/3 могильника у с. Глиное авторам настоящей работы найти не удалось. Во всяком слу-

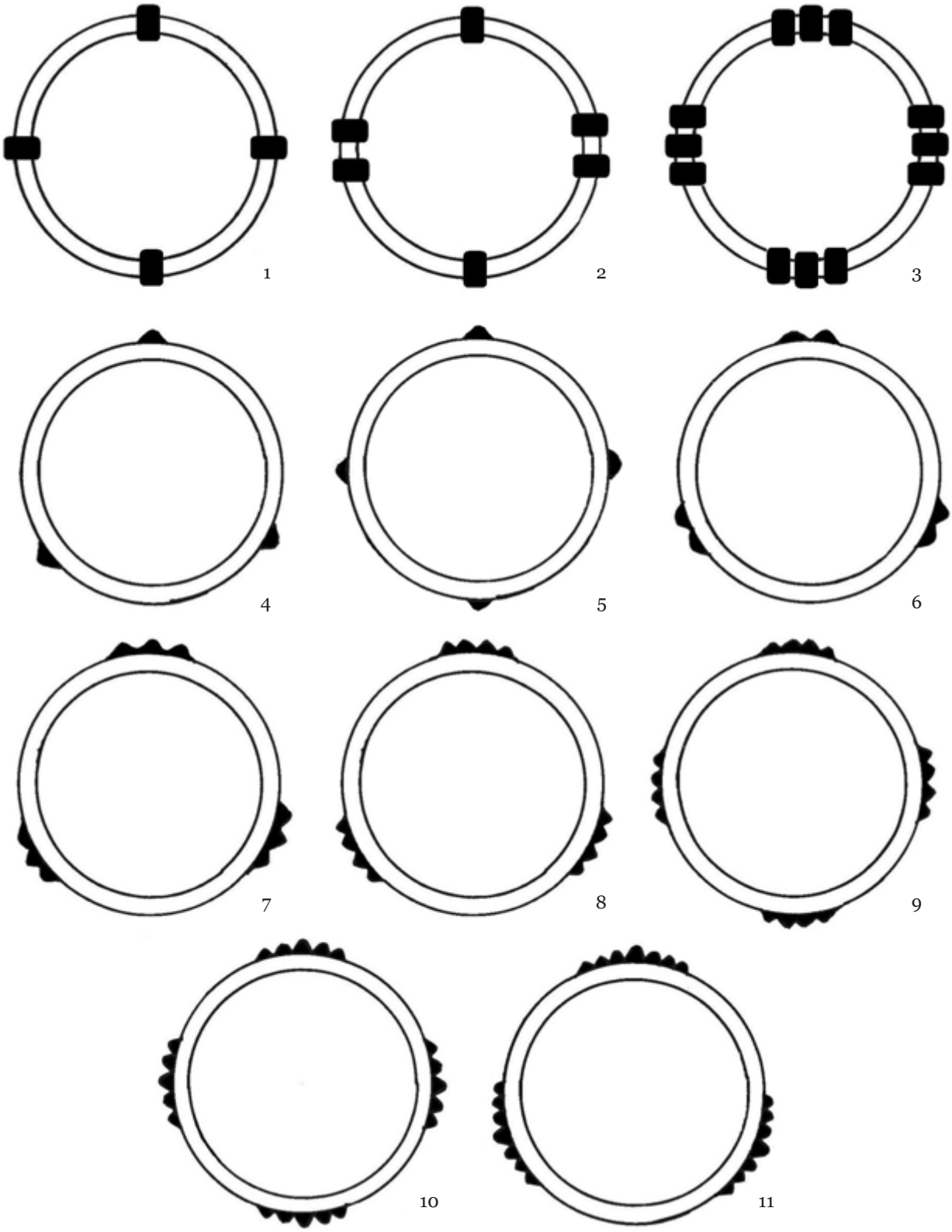


Рис. 13. Виды орнаментации венчиков лепных мисок из скифских погребений Поднестровья конца IV-II в. до н.э.: 1-3 - валики на горизонтальной плоскости венчиков; 4-11 - выступы-фестоны на боковой грани венчика.

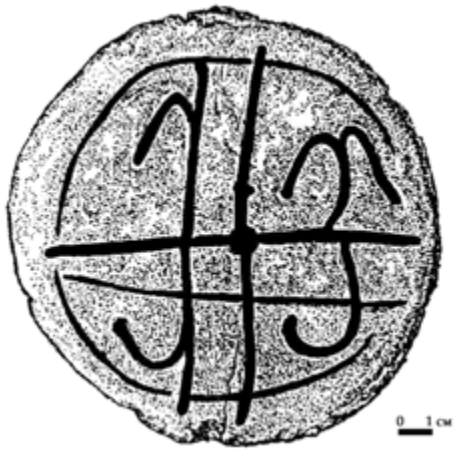


Рис. 14. Тамга на дне лепной миски из погребения 81/3 скифского могильника у с. Глиное.

чае, их точно нет в последней обобщающей работе, посвящённой тамгам ираноязычных народов (Яценко 2001).

*****

Завершая анализ мисок из могильника у с. Глиное и некоторых курганов Тираспольщины, исследованных на левобережье Нижнего Днестра, необходимо обратить внимание на следующие ключевые моменты.

1. В III-II вв. до н.э. миски получают значительно большее распространение в скифских погребениях степного Поднестровья, нежели в комплексах предшествующего времени. Ранее указывалось, что в степях Подунавья и Поднестровья миски известны только в 4,74% скифских погребальных комплексов VII - начала III в. до н.э. (Синика 2007, 20), при этом, однако, очевидно, что для Поднестровья этот показатель ещё меньше. В настоящее время нет сомнений, что с конца IV в. до н.э. количество мисок в скифских погребениях Поднестровья резко возрастает: в частности на могильнике у с. Глиное миски обнаружены в 108 захоронениях, что составляет 59,66% от общего числа исследованных скифских погребений.

2. Нормой погребального обряда у скифов Нижнего Днестра с конца IV в. до н.э. и до II в. до н.э. являлось помещение в захоронение одной миски с жертвенной пищей и ножом для одного погребённого.

3. Анализ размещения мисок (всего 115 мисок: 106 из могильника у с. Глиное и девять – из курганов Тираспольщины) в погребальном сооружении показал, что, как правило, миску с жертвенной пищей и ножом ставили справа в изголовье (56 случаев) или у правого плеча (24 случая) погребённых. Тем не менее, известен и ряд других вариантов размещения сосудов в катакомбе.

4. Деревянные миски из могильника у с. Глиное (31 экз.) со значительной долей вероятности имели ту же форму, что и керамические, о чём свидетельствует зафиксированный в погребениях древесный тлен. В некоторых случаях (6 экз.) для их изготовления или ремонта применялись железные заклёпки и скрепы различных форм. Очевидно, что деревянные миски круглой формы к концу IV в. до н.э. в степном Поднестровье практически полностью вытесняют деревянные блюда-подносы овальной или подпрямоугольной формы, которые до этого времени имели самое широкое распространение среди столовой посуды у степных скифов Северного Причерноморья (Ольховский 1991, 112-113). Так, деревянные миски изредка встречаются в скифских погребениях IV в. до н.э. на левобережье Днестра: 2/3 могильника Буторы I (Синика, Разумов, Тельнов 2013, 35-36, рис. 15/1); №3 грунтового могильника Николаевка I (Дзис-Райко 1965, 66, рис. 3); №№7 и 51 грунтового могильника у с. Николаевка (Мелюкова 1975, 72, 95) середины - второй половины IV в. до н.э. Вместе с тем заметим, что традиция изготовления и использования в погребальном обряде деревянных мисок получает своё дальнейшее развитие в III-II вв. до н.э. у скифов Поднестровья (25% от общего числа мисок на могильнике у с. Глиное).

5. Обе гончарные сероглиняные миски из погребений могильника у с. Глиное представляют собой продукцию фракийского (гетского) производства.

6. Широчайшее распространение лепных мисок на могильнике у с. Глиное (91 экз. – 73,4% от общего числа мисок) не имеет аналогов ни на одном другом скифском памятнике Северного Причерноморья.

7. Лепные миски, как и в целом комплекс посуды могильника, испытали наибольшее вли-

яние со стороны позднефракийской (гетской) керамической традиции.

Мы уже отмечали ранее, что эта традиция отчётливо прослеживается как в профилировке сосудов (миски с загнутым внутрь венчиком, миски с выделенным ребром), так и в определённых элементах декора (выступы-фестоны на венчиках мисок и чашек, горизонтальные валики на венчиках мисок, вертикальные валики на бортиках мисок) (Тельнов, Синика 2012, 72-76).

В настоящее время список «гетских характеристик» на мисках скифских погребальных памятников Нижнего Поднестровья может быть дополнен таким элементом профиля, как сложнопрофилированный венчик, предназначавшийся для упора крышки (миски из погребений 49/1 могильника у с. Глиное и кургана №402 у с. Чобручи), а также элементами декора в виде: 1) упоров трапециевидной формы, расположенных под венчиком (миски из погребений 11/1 и 52/1 (одна из двух мисок) могильника у с. Глиное); 2) круговой линии, отделяющей тулово сосуда от отогнутого наружу венчика (миска из погребения 52/1 (одна из двух мисок) могильника у с. Глиное); 3) рельефных и параллельных рёбер на ножке миски (сосуд из погребения 49/1 могильника у с. Глиное).

В то же время необходимо отметить ряд элементов лепных мисок, происхождение которых не связано с фракийской традицией. Одним из них является петлевидная боковая ручка на миске из кургана №131 у с. Парканы. Подобные ручки известны на трёх упомянутых выше гончарных сероглиняных мисках из погребений 21/1 и 85/1 могильника у с. Глиное, а также в погребении №67 грунтового могильника у с. Николаевка. Двуручная красноглиняная гончарная миска найдена в яме III в. до н.э. на поселении Чобручи (Фидельский 2012, 17, рис. 1/13). Однако наиболее значимым представляется тот факт, что гончарные миски с боковыми петлевидными ручками получили широчайшее распространение в греческих городах-колониях Западного и Северного Причерноморья.

Таким образом, у нас есть все основания считать источником появления боковых петлевидных ручек греческую гончарную традицию, причём как для лепных, так и для сероглиняных гончарных мисок из скифских захоронений Поднестровья конца IV-II в. до н.э.

Также с влиянием греческой гончарной традиции следует связывать оформление доньев лепных мисок из погребений 22/3, 75/2, 81/1 и 109/1 могильника у с. Глиное в виде кольцевых поддонов. Такие кольцевые поддоны, как и боковые петлевидные ручки, являются одним из характерных признаков греческой чернолаковой и красноглиняной гончарной посуды различных видов (килики, канфары, кувшины, миски, чашки и т.д.). В частности, они известны на поселениях Чобручи[11] и Красное (Синика и др. 2012, 194), а также на городище Надлиманское (Дзис-Райко, Охотников, Редина 2012, 70-80) на левобережье Днестра. Ещё большее распространение они получили на греческих памятниках Западного и Северного Причерноморья.

Безусловно, как боковые петлевидные ручки, так и «кольцевые поддоны» на лепных мисках местного производства стали следствием варварских (скифских и гетских) подражаний греческим гончарным образцам, что уже неоднократно отмечалось в литературе (Гаврилюк 1984; Гаврилюк 1999, 249-251, рис. 48/6).

Значительно сложнее определить культурный импульс, который привёл к появлению отверстий в венчиках лепных мисок из погребений 22/2, 27/1, 45/1 и 78/3 могильника у с. Глиное. Миски с подобными отверстиями нам неизвестны у фракийских племён, как в лепном, так и в гончарном исполнении. Нет их и среди греческой гончарной посуды.

В то же время отдалённые хронологически и географически аналогии можно обнаружить в Днепровском лесостепном Левобережье, а точнее в Поросье, где были найдены три миски с отверстиями под венчиками: в кургане №3 группы III у с. Медвин (Горчаков лес) конца VII – первой половины VI в. до н.э. (Ковпаненко 1981, 44-45, 90, 128, рис. 34/12, 54/6); в погребении 27/1 у с. Казаровка VI в. до н.э. (Ковпаненко 1981, 27, 132, рис. 20/7, 54/5); в кургане №13 у с. Куриловка VI в. до н.э. (Ковпаненко 1981, 33, 128, рис. 24/7, 54/7). Здесь

[11] Благодарим автора раскопок С.А. Фидельского за возможность ознакомиться с неопубликованным материалом.

же, в Поросье, был найден и один лепной горшок с аналогичными сквозными отверстиями под венчиком – в кургане №49 у с. Шандры, датированном VIII - первой половиной VII в. до н.э. (Ковпаненко 1981, 56, 96, рис. 43/12, 56/5).

Значительно более близкой, опять же географически и хронологически, является находка лепного горшка в скифском погребении 8/2 у с. Вольная Украина, имевшего два сквозных отверстия под венчиком (Болдін, Зарайська 1972, 118; Ольховский 1991, 116)[12]. Дата захоронения, очевидно, не выходит за пределы IV в. до н.э.

Выше мы отмечали, что отверстия под венчиками зафиксированы на лепной чашке из погребения 47/1 и лепной чаше из захоронения 63/1 могильника у с. Глиное, однако чаще отверстия присутствуют в венчиках культовых сосудов – курильниц. Десять подобных курильниц (с отверстиями в венчике) зафиксированы в девяти погребениях: 7/1, 19/2 (два сосуда), 33/1, 35/1, 66/2, 78/3, 79/1,99/1, 112/1 (Синика, Меньшикова, Тельнов 2014, рис. 3/4, 4/1, 2, 5/1, 3, 7/2, 6, 7, 8/5, 9/2).

С учётом имеющихся, пусть и не точных аналогий, в настоящее время нам остаётся предполагать, что практика изготовления мисок с отверстиями в венчиках на лепных мисках и иных сосудах из могильника у с. Глиное имеет местное, а именно, скифское происхождение.

Вместе с тем, у нас нет никаких сомнений в скифской принадлежности тамги, нанесённой на дно лепной миски из погребения 81/3 могильника у с. Глиное. В настоящее время бесспорно, что именно это изображение является древнейшим родовым знаком (тамгой) на территории Северного Причерноморья, поскольку погребение 81/3 могильника у с. Глиное (впускное в кургане) датируется в пределах последней четверти III - первой четверти II в. до н.э. на основании железной фибулы из основного захоронения в кургане и с учётом того, что хронологический разрыв между основным и впускным погребением не мог быть значительным. В связи с находкой на могильнике у с. Глиное становится очевидным, что подобные знаки впервые появляются именно у скифов, а не у сарматов (Яценко 2001, 28-30), тем более что на могильнике у с. Глиное зафиксирован ещё ряд знаков, которые могут быть с большой долей достоверности атрибутированы в качестве тамг.

8. Широчайшее распространение мисок в погребальном обряде – а они обнаружены в 108 захоронениях могильника у с. Глиное, что составляет почти 60% от общего числа исследованных погребений – заставляет проанализировать известные данные о распространении этого вида столовой посуды у скифов Северного Причерноморья.

В лесостепной зоне Северного Причерноморья лепные миски достаточно хорошо представлены как на скифских городищах и поселениях, так и в материалах погребальных памятников. В Побужье как минимум четыре миски обнаружены в скифских курганах IV в. до н.э. у с. Новосёлки; для двух сосудов отмечено влияние фракийской керамической традиции, которая проявилась в виде вертикальных ручек-упоров со сквозными отверстиями (Бессонова 1994, 21, 30, рис. 4/1-3, 7). Широкое распространение лепные миски получили в керамических комплексах поселений и погребений Днепровского лесостепного Правобережья VII-IV в. до н.э. (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, 52, рис. 24/3, 4, 25/3, 4; Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, 50, 52, 56, 77, 81, 103, 107, рис. 9/17-21, 10/10, 18/1-14, 22/8, 9, 11-14, 34/1-6), в том числе среди посуды из раннескифских (VII-VI вв. до н.э.) курганов в бассейне р. Тясмин (Ильинская 1975, 138-143, рис. 19) и в Поросье (Ковпаненко 1981, 90-92, рис. 54). Однако известны лепные миски и в более позднее время (V-IV вв. до н.э.): в частности они обнаружены в курганах №6 (Левченко 2012, 141, рис. 70/2, 71/17) V в. до н.э. и №13 (Левченко 2012, 156, рис. 13) IV в. до н.э. у с. Медвин, причём в первом из этих комплексов внутри миски были найдены кости от жертвенной пищи и нож. В Днепровском лесостепном Левобережье лепные миски получили распространение на Бельском городище, общая дата которого определена

[12] В обеих указанных работах сосуд был ошибочно интерпретирован как курильница. Осмотр этого сосуда, хранящегося в фондах Института археологии Национальной Академии наук Украины, показал, что он является обыкновенным миниатюрным скифским горшком, который напоминает курильницу только наличием двух сквозных отверстий под венчиком. Благодарим канд. ист. наук С.В. Полина за оказанную помощь.

в пределах VIII-III вв. до н.э. (Шрамко 1987, 107, рис. 48/1-6). Известны лепные миски на скифских поселениях и в скифских курганах второй половины VII-IV в. до н.э. бассейна р. Ворскла (Ковпаненко 1967, 116-118, 124-125, рис. 52) и р. Псёл (Гавриш 2000, 78-84, 99-101, рис. XX/3), а также в скифских курганах VI-V вв. до н.э. Посулья (Ильинская 1968, 168, табл. XI/15, LIX/4-12) и кургане IV в. до н.э. у с. Олефирщина в бассейне р. Ворскла (Кулатова 1990, 72, 75, рис. 3/6). На поселениях и в погребальных памятниках бассейна Северского Донца миски являются второй по распространённости группой керамики (Гречко 2010, 60-61, рис. 46).

Значительно меньше лепных мисок можно обнаружить на скифских памятниках степной зоны Северного Причерноморья.

На левобережье Нижнего Днестра они представлены многочисленными находками, например на уже упомянутых Надлиманском городище (Дзис-Райко, Охотников, Редина 2012, 104-109, рис. 57-59), на поселениях Чобручи (Никулицэ, Фидельский 2004а, 53, рис. 4), Красное (Синика, Тащи, Тельнов, Четвериков 2012, 192, рис. 3/6-10) и у с. Николаевка (Мелюкова 1975, 53-56, рис. 22).

В Нижнем Поднепровье лепные миски в небольшом количестве известны среди материалов Каменского (Граков 1954, 98-99, табл. IX/6-9), Знаменского (Погребова 1958, 139, рис. 15/12-16) и Гавриловского (Погребова 1958, 207, 211, рис. 32/6, 7, 34/8, 9) городищ. Верхней их датой, судя по опубликованным материалам, можно считать конец IV - первую треть III в. до н.э.

На Елизаветовском городище на Нижнем Дону лепные миски также представлены слабо (Марченко, Житников, Копылов 2000, 146, рис. 57/9-12, табл. 31, рис. 60). Прекращение функционирования этого городища относится к концу первой трети III в. до н.э. (Копылов, Коваленко 2000, 298).

Весьма важно, что лепные миски представляют собой крайне редкую находку в скифских степных погребениях Северного Причерноморья (Гаврилюк 1980, 27, рис. 2; 1983, 58, рис. 17). При этом в настоящее время единственным исключением является коллекция лепных мисок из могильника у с. Глиное и некоторых курганов Тираспольщины, дата которых, как мы уже указывали неоднократно, определяется в пределах конца IV-II в. до н.э.

Таким образом, в настоящее время можно констатировать, что лепные миски получают большее или меньшее распространение у оседлого скифского населения в лесостепной зоне Северного Причерноморья (как на городищах и поселениях, так и в погребальных сооружениях) в VII-IV вв. до н.э. В степной зоне лепные миски известны только на памятниках оседлого населения, верхняя дата которых определяется не позднее первой трети III в. до н.э.

Кочевое скифское население северопричерноморских степей, как показывают материалы из немногих захоронений VII-VI в. до н.э. и особенно из весьма многочисленных погребений V-IV вв. до н.э., практически не использовало лепные миски в быту. Впрочем, это утверждение в полной мере относится и к другим видам лепной столовой и кухонной посуды, которая (в первую очередь, горшки) встречается достаточно редко. Очевидно, что для степных скифов были более обыкновенными различные деревянные сосуды (чаши, чашки, блюда), куда более практичные по сравнению с лепной керамической посудой и лепными сосудами вообще в условиях кочевого образа жизни[13].

Исходя из изложенных фактов, у нас есть достаточно оснований предполагать, что скифское население левобережья Нижнего Днестра уже с конца IV в. до н.э. переходит к более или менее оседлому образу жизни. Об этом свидетельствует значительное распространение в погребальных сооружениях могильника у с. Глиное и других синхронных скифских курганах Тираспольщины лепных мисок, впрочем, как и других видов лепной посуды и лепных сосудов иного назначения. Функционирование в непосредственной близости возле могильника у с. Глиное поселения Красное (1,5 км по прямой), самый активный период жизнедеятельности которого зафиксирован в III - начале II в. до н.э. (Синика и др. 2012, 196),

[13] Об особенностях материальной культуры, обусловленных кочевым образом жизни, в том числе об изготовлении деревянной посуды, см., например, работу Л.П. Потапова (1949, 53).

а также поселения Чобручи, более удалённого от могильника у с. Глиное (8 км по прямой), но расположенного, очевидно, ближе к другим скифским курганам Тираспольщины III-II вв. до н.э. (например перечисленным курганам у с. Чобручи), большая часть материалов которого относится к III-II вв. до н.э. (Фидельский 2012), являются дополнительным доказательством нашего предположения. Кроме того, ранее мы высказывали и иные аргументы в его пользу – на основании анализа фракийского (Тельнов, Синика 2012, 77-78) и греческого (Синика 2012, 272) влияний на погребальный обряд и материальную культуру, а также комплекса вооружения (Синика, Тельнов 2014) скифского населения, оставившего могильник у с. Глиное.

Наличие деревянной посуды (мисок/чашек), которая зафиксирована в погребальных сооружениях, с одной стороны, может объясняться сохранением традиции её изготовления с предшествующего времени, а с другой – существованием группы населения, основным занятием которой было пастушеское (отгонное) скотоводство.

Библиография

Бессонова 1994: С.С. Бессонова, Курганы Лесостепного Побужья. В сб.: (Отв. ред. Е.В. Черненко) Древности скифов (Киев 1994), 3-34.

Болдин, Зарайська 1972: Д.І. Болдін, Н.П. Зарайська, Дослідження скіфських поховань у Каховському районі. В сб.: (Відп. ред. Є.В. Максимов) Археологічні дослідження в Україні 1969 року. Вип. 4 (Київ 1972), 114-118.

Бруяко 2009: И.В. Бруяко, От Скифии к Сарматии: десять лет спустя. Stratum plus, 3, 2005-2009, 329-370.

Гаврилюк1980: Н.О. Гаврилюк, Кераміка степових скіфських поховань IV-III ст. до н.е. Археологія 34, 1980, 17-30.

Гаврилюк 1983: Н.А. Гаврилюк, Домашнее производство и быт степных скифов (Киев 1983).

Гаврилюк 1984: Н.О. Гаврилюк, Скіфські імітації форм античного гончарного посуду. Археологія 48, 1984, 7-11.

Гаврилюк 1999: Н.А. Гаврилюк, История экономики Степной Скифии VI-III вв. до н.э. (Киев 1999).

Гавриш 2000: П.Я. Гавриш, Племена скіфського часу в лісостепу Дніпровського Лівобережжя (за матеріалами Припсілля) (Полтава 2000).

Граков 1954: Б.Н. Граков, Каменское городище на Днепре. МИА, №36 (Москва 1954).

Гречко 2010: Д.С. Гречко, Населення скіфського часу на Сіверському Дінці (Київ 2010).

Дзис-Райко 1965: Г.А. Дзис-Райко, Раскопки могильника в с. Николаевка на Днестровском лимане. В сб.: (Отв. ред. М.С. Синицын) Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского государственного археологического музея за 1963 г. (Одесса 1965), 59-68.

Дзис-Райко, Охотников, Редина 2012: Г.А. Дзис-Райко, С.Б. Охотников, Е.Ф. Редина, Городище Надлиманское IV-III вв. до н.э. в Нижнем Поднестровье. МАСП. Монографическая серия. № 3 (Одесса 2012).

Ильинская 1968: В.А. Ильинская, Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья) (Киев 1968).

Ильинская 1975: В.А. Ильинская, Раннескифские курганы в бассейне р. Тясмин (VII-VI вв. до н.э.) (Киев 1975).

Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980: В.А. Ильинская, Б.Н. Мозолевский, А.И. Тереножкин, Курганы VI в. до н.э. у с. Матусов. В сб.: (Отв. ред. А.И. Тереножкин) Скифия и Кавказ (Киев 1980), 31-63.

Ковпаненко 1967: Г.Т. Ковпаненко, Племена скіфського часу на Ворсклі (Київ 1967).

Ковпаненко 1981: Г.Т. Ковпаненко, Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось (Киев 1981).

Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989: Г.Т. Ковпаненко, С.С. Бессонова, С.А. Скорый, Памятники скифской эпохи днепровского Лесостепного Левобережья (Киево-Черкасский регион) (Киев 1989).

Копылов, Коваленко 2000: В.П. Копылов, А.Н. Коваленко, Заключительный этап скифского Елизаветовского городища на Дону. Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. - V век н.э.). Материалы III Международной научной конференции. Тирасполь 2002, 299-305

Кулатова 1990: И.Н. Кулатова, Женское погребение IV в. до н.э. из могильника у с. Олефирщина. В сб.: (Отв. ред. А.Б. Супруненко) Археологические исследования на Полтавщине (Полтава 1990), 67-76.

Левченко 2012: Б.М. Левченко, Исследования первой курганной группы ус. Медвин на Богуславщине (раскопки 1982 г., 1984-85 гг.). В: Д.С. Гречко, А.В. Шелехань, Гришковский могильник скифов на Харьковщине (Киев 2012), 139-176.

Марченко, Житников, Копылов 2000: К.К. Марченко, В.Г. Житников, В.П. Копылов, Елизаветовское городище на Дону (Pontus septentrionalis II. Tanais 2) (Москва 2000).

Мелюкова 1962: А.И. Мелюкова, Скифские курганы Тираспольщины (по материалам И.Я. и Л.П. Стемпковских). МИА 115, 1962, 114-166.

Мелюкова 1975: А.И. Мелюкова, Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка (Москва 1975).

Никулицэ 1972: И.Т. Никулицэ, Исследования гетского могильника у с. Ханска-Лутэрия. В сб.: (Отв. ред. И.А. Рафалович) АИМ в 1968-1969 гг. (Кишинёв 1972), 105-121.

Никулицэ 1977: И.Т. Никулицэ, Геты IV-III вв. до н.э. в Днестровско-Карпатских землях (Кишинёв 1977).

Никулицэ, Фидельский 2004а: И.Т. Никулицэ, С.А. Фидельский, Археологические исследования на многослойном поселении Чобручи. В сб.: (Red. resp. N. Răileanu) Cercetări arheologice în Republica Moldova (2000-2003), vol. I (Chişinău 2004), 50-63.

Никулицэ, Фидельский 2004б: И.Т. Никулицэ, С.А. Фидельский, Чобручи – многослойное поселение на Днестре. In: (Eds. I. Niculiţă, A. Zanoci, M. Băţ) Thracians and Circumpontic world. II. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology. Chişinău - Vadul lui Vodă. 6-11 September 2004 (Chişinău 2004), 190-216.

Погребова 1958: Н.Н. Погребова, Позднескифские городища на нижнем Днепре (городища Знаменское и Гавриловское). МИА 64, 1958, 103-247.

Потапов, 1949: Л.П. Потапов, Особенности материальной культуры казахов, обусловленные кочевым образом жизни. В: Сборник Музея антропологии и этнографии, Т. XII (Москва 1949), 43-70.

Редина 2000: Е.Ф. Редина, Нижний Дунай в системе культурных контактов скифов и фракийцев. В сб.: (Відп. ред. О.В. Сминтина) Археологія та етнологія Східної Європи: матеріалі та дослідження (Одесса 2000), 243-252.

Самойлова, Остапенко 2010: Т.Л. Самойлова, П.В. Остапенко, Геты и греки в Тире (комплекс гетской керамики из позднеэллинистического дома). В сб.: (Отв. ред. С.Д. Крыжицкий) Тира – Белгород – Аккерман (материалы исследований) (Одесса 2010), 47-54.

Синика 2007: В.С. Синика, Погребальные памятники скифской культуры VII - начала III в. до н.э. на территории Днестро-Прутско-Дунайских степей. Автореф. дис. ... канд. ист. наук (Москва 2007).

Синика 2011: В.С. Синика, О латенском влиянии на материальную культуру скифского могильника III-II вв. до н.э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра. В сб.: (Отв. ред. А.С. Балахванцев, Г.Ю. Колганова) Древность: историческое знание и специфика источника. Материалы международной научной конференции, посвящённой памяти Э.А. Грантовского и Д.С. Раевского. Вып. V (Москва 2011), 184-187.

Синика 2012: В.С. Синика, О греческом влиянии на погребальный обряд и материальную культуру скифского могильника III-II вв. до н.э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра. В сб.: (Отв. ред. А.А. Пригарин) Человек в истории и культуре. Вып. 2. Мемориальный сборник материалов и исследований в память лауреата Государственной премии Украины, академика РАЕН, профессора Владимира Никифоровича Станко (Одесса 2012), 264-272.

Синика, Меньшикова, Тельнов 2014: В.С. Синика, В.А. Меньшикова, Н.П. Тельнов, Лепные курильницы из памятников Северного Причерноморья IV-I вв. до н.э. Stratum plus 3, 2014, 65-101.

Синика, Разумов, Тельнов 2013: В.С. Синика, С.Н. Разумов, Н.П. Тельнов, Курганы у села Буторы (Археологические памятники Приднестровья, I) (Тирасполь 2013).

Синика, Тельнов 2014: В.С. Синика, Н.П. Тельнов, Комплекс вооружения и предметов воинского снаряжения из скифского могильника конца IV-II в. до н.э. у с. Глиное в Нижнем Поднестровье. В сб.: (Отв. ред. С.И. Лукьяшко) Война и военное дело в скифо-сарматском мире. Материалы международной научной конференции, посвящённой памяти А.И. Мелюковой (с. Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.). (Ростов-на-Дону 2014), 345-366.

Синика и др. 2012: В.С. Синика, Е.Ф. Тащи, Н.П. Тельнов, И.А. Четвериков, Поселение Красное на левобережье Нижнего Днестра. Stratum plus 3, 2012, 187-215.

Тельнов, Синика 2012: Н.П. Тельнов, В.С. Синика, Фракийские влияния на материальную культуру и погребальный обряд скифов III-II вв. до н.э. на левобережье Нижнего Днестра. Revista arheologică S.N. VIII/1-2, 2012, 69-83.

Тельнов, Четвериков, Синика 2012: Н.П. Тельнов, И.А. Четвериков, В.С. Синика. Скифский могильник III-II вв. до н.э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра (предварительные итоги исследова-

ния). В сб.: (Отв. ред. Н.П. Тельнов) Древности Северного Причерноморья III-II вв. до н.э. Материалы Международной научной конференции (Тирасполь 2012), 5-15.

Фабрициус 1951: И.В. Фабрициус, Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Вып. 1 (Киев 1951).

Фидельский 2009: С.А. Фидельский, Погребение железного века у г. Слободзея в Нижнем Поднестровье в контексте северо-фракийских памятников. Tyragetia s.n. III/1, 2009, 235-246.

Фидельский 2012: С.А. Фидельский, Поселение Чобручи на Нижнем Днестре в III-II вв. до н.э. В сб.: (Отв. ред. Н.П. Тельнов) Древности Северного Причерноморья III-II вв. до н.э. Материалы Международной научной конференции (Тирасполь 2012), 16-20.

Шовкопляс 1954: І.Г.Шовкопляс, Поселення ранньоскіфського часу на Середньому Дністрі. Археологія IX, 1954, 98-105.

Шрамко 1987: Б.А. Шрамко, Бельское городище скифской эпохи (город Гелон) (Киев 1987).

Яценко 2001: С.А. Яценко, Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья (Москва 2001).

Arnăut 2003: T. Arnăut, Vestigii ale sec. VII-III a Chr. în spaţiul de la răsărit de Carpaţi (Chişinău 2003).

Kašuba, Haheu, Leviţki 2000: M. Kašuba, V. Haheu, O. Leviţki, Vestigii traco-getice pe Nistrul Mijlociu (Bucureşti 2000).

Moscalu 1983: E. Moscalu, Ceramica traco-getică (Bucureşti 1983).

Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008: I. Niculiţă, A. Zanoci, T. Arnăut, Habitatul din mileniul I a. Chr. în regiunea Nistrului Mijlociu (siturile din zona Saharna) (Chişinău 2008).

Redina 2005: E. Redina, Scytho-Thracian cultural contacts in the northwestern Black Sea littoral. In: (Eds. J. Bouzek, L. Domaradzka) The Culture of Thracians and their Neighbours. Proceedings of the International Symposium in Memory of Prof. Mieczyslaw Domaradzki, with a Round Table «Archaeological Map of Bulgaria», BAR Intern. Ser. (London 2005), 231-238.

Străchini din monumentele funerare scitice de la sfârşitul sec. IV - sec. II a. Chr. din stânga Nistrului Inferior

Rezumat

În lucrare sunt publicate şi analizate străchinile din complexele funerare scitice din necropola de lângă satul Hlinaia, precum şi din unii tumuli din stânga Nistrului Inferior, încadrate în intervalul de timp sfârşitul sec. IV - sec. II a. Chr. S-a constatat o răspândire foarte largă a acestui tip de recipiente în ritualul funerar al sciţilor din regiunea Nistrului. Printre ele sunt evidenţiate: străchini din lemn, străchini lucrate la roata olarului şi străchini modelate cu mâna. Pentru cele modelate cu mâna a fost elaborată o tipologie, ţinându-se cont de toate particularităţile morfologice ale vaselor. O atenţie deosebită este acordată ornamentului acestor recipiente, care denotă, în primul rând, o tradiţie tracică.

Analiza răspândirii străchinilor în aşezările şi necropolele scitice demonstrează procesul de sedentarizare a populaţiei scitice din regiunea Nistrului Inferior în sec. III-II a. Chr.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Detalii de fier de la străchini din lemn (1-6) şi străchini lucrate la roata olarului (7, 8) din necropola de la Hlinaia: 1 - mormântul 18/1; 2 - mormântul 46/3; 3 - mormântul 59/1; 4 - mormântul 69/2; 5 - mormântul 80/1; 6 - mormântul 83/1; 7 - mormântul 21/1; 8 - mormântul 85/1.

Fig. 2. Străchini modelate cu mâna din necropola de la Hlinaia: 1 - mormântul 2/3; 2 - mormântul 3/1; 3 - mormântul 7/1; 4, 5 - mormântul 8/1; 6 - mormântul 10/1; 7 - mormântul 11/1; 8 - mormântul 13/1.

Fig. 3. Străchini modelate cu mâna din necropola de la Hlinaia: 1 - mormântul 13/3; 2 - mormântul 14/2; 3 - mormântul 15/1; 4 - mormântul 15/2; 5 - mormântul 17/1; 6 - mormântul 19/1; 7 - mormântul e 19/3; 8 - mormântul 20/1; 9, 10 - mormântul 22/2; 11 - mormântul 22/3.

Fig. 4. Străchini modelate cu mâna din necropola de la Hlinaia: 1 - mormântul e 23/1; 2, 3 - mormântul 26/1; 4 - mormântul 27/1; 5 - mormântul 30/1; 6 - mormântul 33/2; 7 - mormântul 36/1; 8, 9 - mormântul 38/1.

Fig. 5. Străchini modelate cu mâna din necropola de la Hlinaia: 1 - mormântul 38/3; 2 - mormântul 39/1; 3 - mormântul 41/2; 4 - mormântul 42/1; 5 - mormântul 43/2; 6 - mormântul 45/1; 7, 8 - mormântul 46/4; 9 - mormântul 47/1.

Fig. 6. Străchini modelate cu mâna din necropola de la Hlinaia: 1 - mormântul 48/1; 2 - mormântul 49/1; 3 - mormântul 50/1; 4, 5 - mormântul 52/1; 6 - mormântul 55/1; 7 - mormântul 56/1; 8, 9 - mormântul 56/2; 10, 11 - mormântul e 57/1.

Fig. 7. Străchini modelate cu mâna din necropola de la Hlinaia: 1 - mormântul 60/1; 2 - mormântul 60/2; 3 - mormântul 62/1; 4, 5 - mormântul 64/1; 6 - mormântul 65/1; 7 - mormântul 67/4; 8 - mormântul 68/1; 9 - mormântul 74/2; 10 - mormântul 75/2; 11 - mormântul 76/1; 12 - mormântul 77/1; 13 - mormântul 78/3; 14 - mormântul 81/1; 15 - mormântul 81/3.

Fig. 8. Străchini modelate cu mâna din necropola de la Hlinaia: 1 - mormântul 82/1; 2 - mormântul 86/1; 3 - mormântul 87/1; 4 - mormântul 88/1; 5 - mormântul 89/1; 6 - mormântul 91/2.

Fig. 9. Străchini modelate cu mâna din necropola de la Hlinaia: 1 - mormântul 93/1; 2 - mormântul 93/2; 3 - mormântul 94/1; 4 - mormântul 95/1; 5 - mormântul 96/1; 6 - mormântul 96/2; 7 - mormântul 99/1; 8 - mormântul 101/2; 9 - trizna tumulului nr. 102; 10 - mormântul 102/3.

Fig. 10. Străchini modelate cu mâna din necropola de la Hlinaia: 1 - mormântul 103/1; 2 - mormântul 104/1; 3, 4 - mormântul 105/2; 5 - şanţul tumulului nr. 106; 6 - mormântul 106/1; 7 - mormântul 107/3; 8 - mormântul 109/1; 9 - mormântul 113/1; 10 - mormântul 114/1; 11 - şanţul tumulului nr. 115; 12 - mormântul 115/1.

Fig. 11. Străchini modelate cu mâna din tumulii scitici din regiunea Tiraspolului: 1 - tumulul nr. 275 de lângă Hlinaia; 2 - tumulul nr. 131 de lângă Parcani; 3 - tumulul nr. 154 de lângă Parcani; 4 - tumulul nr. 174 de lângă Parcani; 5 - tumulul nr. 282 de lângă Cioburci; 6 - tumulul nr. 288 de lângă Cioburci; 7 - tumulul nr. 402 de lângă Cioburci; 8 - tumulul nr. 405 de lângă Cioburci; 9 - tumulul nr. 408 de lângă Cioburci (după Мелюкова 1962).

Fig. 12. Tipologia străchinilor modelate cu mâna.

Fig. 13. Modalităţi de ornamentare a buzelor străchinilor modelate cu mâna din înmormântările scitice din regiunea Nistrului de la sfârşitul sec. IV - sec. II a. Chr.: 1-3 - brâie pe partea orizontală a buzelor; 4-11 - proeminenţe pe partea laterală a buzelor.

Fig. 14. Tamga pe fundul unei străchini modelate cu mâna din mormântul 81/3, necropola scitică de la Hlinaia.

Bowls from the Scythian burial sites of the late 4th - 2nd century BC on the left bank of the Lower Dniester

Abstract

In the article there are published and analyzed bowls from the Scythian burial complexes of the cemetery near the village of Glinoe (Hlinaia) and from some barrows of the late 4th - 2nd century BC on the left bank of the Lower Dniester, near Tiraspol. The research reveals widest spreading of the bowls in the funerary practice of Scythians on this bank of the Dniester. Their role and place in the funeral rite are assessed. There are examined wooden and ceramic bowls. The authors offer a typology for hand- shaped bowls, which takes into account all their morphological features. Particular attention is paid to the decoration of the hand-made bowls, which primarily reflects the Thracian ceramic tradition.

The analysis of spreading of the bowls in the settlements and burial mounds of the Scythians on the Northern Black Sea littoral testifies the sedentarization of the Scythian population in the Lower Dniester in the 3rd - 2nd centuries BC.

List of illustrations:

Fig. 1. Iron details of the wooden bowls (1-6) and pottery bowls (7, 8) from the Glinoe cemetery: 1 -burial 18/1; 2 - burial 46/3; 3 - burial 59/1; 4 - burial 69/2; 5 - burial 80/1; 6 - burial 83/1; 7 - burial 21/1; 8 - burial 85/1.

Fig. 2. Hand- shaped bowls from the Glinoe cemetery: 1 - burial 2/3; 2 - burial 3/1; 3 - burial 7/1; 4, 5 – burial 8/1; 6 - burial 10/1; 7 - burial 11/1; 8 - burial 13/1.

Fig. 3. Hand- shaped bowls from the Glinoe cemetery: 1 - burial 13/3; 2 - burial 14/2; 3 - burial 15/1; 4 – burial 15/2; 5 - burial 17/1; 6 - burial 19/1; 7 - burial 19/3; 8 - burial 20/1; 9, 10 - burial 22/2; 11 - burial 22/3.

Fig. 4. Hand- shaped bowls from the Glinoe cemetery: 1 - burial 23/1; 2, 3 - burial 26/1; 4 - burial 27/1; 5 - burial 30/1; 6 - burial 33/2; 7 - burial 36/1; 8, 9 - burial 38/1.

Fig. 5. Hand- shaped bowls from the Glinoe cemetery: 1 - burial 38/3; 2 - burial 39/1; 3 - burial 41/2; 4 - burial 42/1; 5 - burial 43/2; 6 - burial 45/1; 7, 8 - burial 46/4; 9 - burial 47/1.

Fig. 6. Hand- shaped bowls from the Glinoe cemetery: 1 - burial 48/1; 2 - burial 49/1; 3 - burial 50/1; 4, 5 - burial 52/1; 6 - burial 55/1; 7 - burial 56/1; 8, 9 - burial 56/2; 10, 11 - burial 57/1.

Fig. 7. Hand- shaped bowls from the Glinoe cemetery: 1 - burial 60/1; 2 - burial 60/2; 3 - burial 62/1; 4, 5 - burial 64/1; 6 - burial 65/1; 7 - burial 67/4; 8 - burial 68/1; 9 - burial 74/2; 10 - burial 75/2; 11 - burial 76/1; 12 - burial 77/1; 13 - burial 78/3; 14 - burial 81/1; 15 - burial 81/3.

Fig. 8. Hand- shaped bowls from the Glinoe cemetery: 1 - burial 82/1; 2 - burial 86/1; 3 - burial 87/1; 4 - burial 88/1; 5 - burial 89/1; 6 - burial 91/2.

Fig. 9. Hand- shaped bowls from the Glinoe cemetery: 1 - burial 93/1; 2 - burial 93/2; 3 - burial 94/1; 4 - burial 95/1; 5 - burial 96/1; 6 - burial 96/2; 7 - burial 99/1; 8 - burial 101/2; 9 – grave goods form the barrow №102; 10 - burial 102/3.

Fig. 10. Hand-shaped bowls from the Glinoe cemetery: 1 - burial 103/1; 2 - burial 104/1; 3, 4 - burial 105/2; 5 - ditch of the barrow no. 106; 6 - burial 106/1; 7 - burial 107/3; 8 - burial 109/1; 9 - burial 113/1; 10 - burial 114/1; 11 - ditch of the barrow no. 115; 12 - burial 115/1.

Fig. 11. Hand-shaped bowls from the Scythian barrows near Tiraspol: 1 - barrow no. 275 near the Glinoe village; 2 - barrow no. 131 near the Parcani village; 3 - barrow no. 154 near the Parcani village; 4 - barrow no. 174 near the Parcani village; 5 - barrow no. 282 near the Cioburciu village; 6 - barrow no. 288 near the Cioburciu village; 7 - barrow no. 402 near the Cioburciu village; 8 - barrow no. 405 near the Cioburciu village; 9 - barrow no. 408 near Cioburciu (all after Мелюкова 1962).

Fig. 12. Typology of the hand-shaped bowls.

Fig. 13. The types of rim ornamentation of the hand-shaped bowls of the late 4th - 2nd century BC from the Scythian graves on the Dniester bank: 1-3 - raised edges on a horizontal surface of the rims; 4-11 - lugs-festoons on the lateral side of the rims.

Fig. 14. Tamgha on the bottom of the hand-shaped bowl form the burial 81/3 of the Scythian cemetery near the Glinoe village.

31.03.2014

Др. Николай Тельнов, Институт культурного наследия АН РМ, бульвар Штефан чел Маре 1, MD-2022 Кишинёв, Республика Молдова, e-mail: telnovnikolai@mail.ru

Др. Виталий Синика, Научно-исследовательская лаборатория «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, ул. 25 Октября 128, 3300 Тирасполь, e-mail: sinica80@mail.ru

THE HEPHTHALITES: ICONOGRAPHICAL MATERIALS

Aydogdy Kurbanov

1. Introduction

Across Central Asia in the Early Medieval time (4th-6th centuries AD), appeared mysterious new peoples: the Hephthalites, Kidarites and Chionites, among others. Their origin is still debated. Some scholars suggest that they were a part of a Hunnic confederation, while others propose that each of them had different origin.

On the Central Asian history of the new peoples the biggest impact was made by Hephthalites (also known in Byzantine sources as *White Huns* – the name they used themselves is unknown). They are important in the development of the Turkic and later Islamic character of the Central Asia – though primary sources are lacking. In the 5th-6th centuries AD, the Hephthalites founded a great empire in the territories of the modern states of Turkmenistan, Tajikistan, Uzbekistan, Kazakhstan, Afghanistan, Pakistan, India, and China. They dominated that region and political history for two centuries (fig. 1). The Hephthalites repeatedly defeated the Sasanian Iran, a most powerful empire of the period. Besides that, they overthrew the Gupta Empire in India, and conquered a large part of that area. A true study of the Hephthalites must include both archaeology and historical analysis of written sources. Such a study, incorporating modern data on the archae-

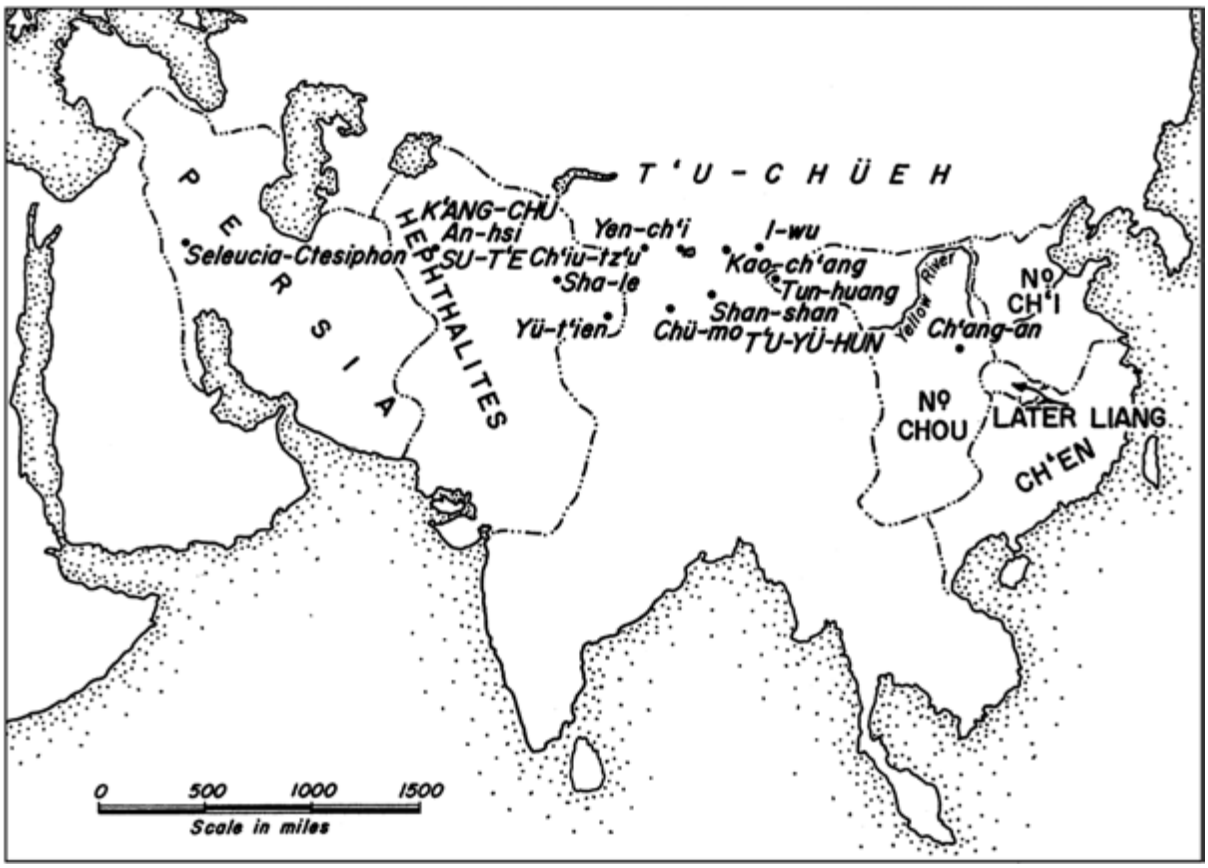


Fig. 1. The Hephthalites and their neighbours around in the middle of 6th century AD (after Miller 1959).

ology of the Hephthalite sites from Afghanistan, Pakistan, India, and Central Asian republics with the historical data from written sources, has not been done. This work is intended as a contribution to historical understanding of that aspect in the specific character of the modern Central Asia.

2. Research history

It is uncertain whether Hephthalites, Kidarites, and Chionites had a common or different origin – that is, are they three branches of the same ethnic group or are they culturally, linguistically, or genetically distinct from one another? This is explained by the fact that the written sources referring to that period are very scanty and fragmentary in nature. The archaeological material is also very limited and the dating is often approximate and inexact. The numismatic discoveries in some measure reveal interesting aspects of the history, particularly about monetary circulation. But, in spite of the aforesaid, the collection of available facts allows reconstruction of a more or less clear picture of the political and socio-economic life of that region. This is primarily due to the limited number of sources, which are sometimes too contradictory to be harmonized. The literary evidence is not decisive, since reports by the Chinese pilgrims and records by Indian authors are at times ambiguous; and the statements of the Roman and Greek historians, who hardly knew how to deal with the various Hunnic people of the remote eastern lands, are vague. In the absence of authentic evidence, the coins issued by the leaders of those people constitute one of the most reliable primary sources for the history of the Hephthalites. It must be emphasized that our knowledge of these Central Asian nomads is, to a certain extent, still vague; and the hypotheses on their history remains controversial.

The medieval sources have served as the main base for multiple judgments on the ethnic history of the Hephthalites. Some researchers see in the Hephthalites the descendants of the Yuezhi (V. de Saint-Martin, V. Bartold, N. Veselovsky, G. Grum-Grzhimailo), others derive them from the ancient Mongols (J. Marquart, R. Grousset) or Huns assimilated by Central Asian people (S. Tolstov, A. Bernshtam). Yet another theory advocated an Eastern Iranian language of the Hephthalites and their Iranian origin (A. Mandelshtam, M. Dyakonov, B. Gafurov). V. Bartold, K. Enoki, L. Gumilev and B. Gafurov think the Hephthalites were quite different peoples than the Chionites; others (R. Ghirshman, S. Tolstov, A. Bernshtam, A. Mandelshtam, and V. Masson) try to prove their identity or consider that the Hephthalites were the name of the dominating class of the Chionites. The various authors listed above are only more prominent scientists that have grappled with the question who were the Hephthalites. Many others argued that Hephthalites were Mongols or Turks or Huns or a number of other ethnicities. This shows how fragmentary and confused the historical sources are, and that they must be combined with other evidentiary lines for understanding Hephthalite history.

3. Iconographical materials

As could be shown, a major problem in the study of the Hephthalites is their archaeological identification. So far there are no monuments which can be directly connected with them. The materials are very limited, and even the dating is often approximate and inexact. Nevertheless here we would like to discuss iconographical materials that might be connected with the Hephthalites.

3.1. Seals and sealings

Examining the collection of seals from the Peshawar and the British Museums, P. Callieri notes that some of the images are very close to the Hephthalite images (fig. 2/1-4). According to his study, 11 seals can be related to the Hephthalites, of which 8 represent a bust of a man with beard and moustache, two busts of a woman with diadem, and one of a couple. In the images the body is shown in three-quarters (all have head in full profile and upper body in three-quarters view). All seals have inscriptions. Most of them are in the Brahmi (Kumara, Rostama, Devada, Jivila, Vaśvasaka, Dharmadāsa, Patmaśrī), one is printed, and there are inscriptions in Bactrian and Brahmi (Sāni - Brāhmī, Šanēo - Bactrian), two in Bactrian (Mozdako, Tiroado). The seal depicting a pair does not contain any inscriptions. The seals are made of garnet, lapis lazuli, and rock crystal, and are dated to the 5th-7th centuries AD (Callieri 1999, 282-284). Callieri writes: "The prevalence of Brāhmī inscriptions, if not statistically completely fortuitous, perhaps indicates a North Indian provenance, and Indian names in the inscriptions, if they refer to Hūna rather than local

Fig. 2. Seals: 1 - seal of Khingila. Impression; 2 - seal and impression with male bust and Bactrian inscription; 3 - seal and impression with male bust and Bactrian inscription; 4 - seal and impression with female bust and a devotee; 5 - seal impression with male bust and Bactrian inscription; 6 - seal impression with male bust and Bactrian inscription (adapted from Ставиский 1961; Lerner 1999; Callieri 2002).

individuals, provide an interesting indication of cultural assimilation" (Callieri 1999, 285).

Callieri also notes a seal of Khingila from the private collection of Mr. A. Saeedi (London). The garnet cabochon gem has oval shape with convex engraved surface, is 22,8 mm high, 19,4 mm wide, 5,9 mm thick. A Bactrian inscription runs round the circumference of the seal, attributing the seal to a sovereign by the name of Khingila. It is dated to the first half of the 5th century AD. The Khingila in this seal is the first known person to bear the name or title Khingila (Callieri 2002, 121, 131). The legend on the seal was read by N. Sims-Williams as *eškiggilo (r) ōkano xoēo* – Eškiŋgil ..... rōkān xudēw (lord). The full reading was possibly "Eshkingil, lord of (the people)

such-and-such" or "Eshkingil, son of so-and-so, the lord" (Sims-Williams 2002, 143-144)[1].

A garnet seal in the Peshawar museum is similar, there a Bactrian inscription *Bando* is associated with a Hephthalite tamgha; and 3 more seals in the British museum include two garnet seals showing a male bust, and another from the collection of A. Cunningham may be added, showing the bust of a female personage (deity or queen) to whom a genuflecting devotee is offering a flower. Lastly, an amethyst seal in the same museum with the frontal busts of crowned male and female couple also belongs to this group. There are also a number of other seals, which seem to be closely associated with this class:

1. A cornelian in the British museum, showing two facing busts with an inscription written in Ancient Sogdian of the period AD 300-350 and which was the seal of Indamīč, Queen of Začanta;
2. A garnet displaying a male bust in the British museum, acquired by M. Stein in Xinjiang;
3. An amethyst in the Hermitage showing the bust of a crowned male figure with a Bactrian inscription;
4. A seal in the Kevorkian Foundation, New York with a similar crowned bust with Bactrian inscription;
5. A chalcedony in the British museum, also showing a crowned male bust with Bactrian inscription;
6. A seal in the Cabinet des Médailles, Paris, with a crowned bust of a (Kidarite?) prince or princess;
7. A seal in the Indian Museum, Calcutta, showing a diademed male bust with Bactrian inscription;
8. An impression with a diademed frontal bust and Bactrian (?) inscription from the collection of Prof. R. Frye.

These entire busts are almost frontal, and although they belong to different iconographic types, they all display the same characteristic treatment of the facial features with long straight noses and large prominent eyes with eyelids in reliefs, the shoulders and chest have soft rounded outlines (Callieri 2002, 122-123)[2].

Beside the Sasanian influence, an important chronological clue is provided by archaeology: three impressions of a single seal with a frontal bust, which, judging from the published illustrations presumably belong to the same Class V (according to Callieri, the seals representing "Hunnish" busts) as the seals of Bando and of Khingila, are found on a ceramic jar from Shahr-e Zahak, belonging to a ceramic ware which has been dated to the 5th century. The iconographic affinity is close with some types of Kidarite coins (Callieri 2002, 122-123).

Other new samples which can be added to Class V are three clay sealings from collection of Aman ur Rahman, which were found in the territory of the Kashmir Smast range. One of the sealing (30 mm thick and 60 mm in diameter) depicts a bust of a ruler in crown turned three-quarters to the left. The face has no beard and moustache. There is an earring with attached pearl in the right ear (in the left ear may also be an earring, but only one side is shown) and a pearl necklace on the neck. The sealing also has Bactrian inscription: "...Lord Ularg, the king of the Huns, the great Kushan-shah, the Samarkandian, of the Afrigan (?) family"and it is related to the Kidarites. Other two sealings have the same portrait and inscription (Aman ur Rahman et al. 2006, 125-131).

As J. Lerner has remarked, the Rosen Collection (New York) has a seal dated by 5th centuries AD that shows a profile bust of a male with a moustache and curly hair (fig. 2/5). Above the bust is an ornamental spray of leaves. He also has a torque or garment secured at the neck by ribbons. On his right is a Bactrian inscription *alχono*. So, the owner could have belonged to the Hephthalites, specifically to the group described as Alxon and Khingila (Lerner 1999, 268).

During excavations in the site Kafir-kala (near Samarkand) was recovered more than 400 sealings. Among them one shows a beardless man, with long face, where "due to the particular rendering of the facial features in an almost frontal view,

[1] The name Eshkingil is explained by E. de la Vaissière that *Eš* – can be the Turkic prefix and means "comrade, companion of" and *kenglu* has a link to the name of the sacred sword worshipped by the Xiongnu, compared with Turkish *qïŋïraq* "double-blade knife". So Eškiŋgil is a Hunnic name or title – "*companion of the sword*": Vaissière 2003, 129.

[2] Seal with name of Toramana was found in Kaushimbi: Melzer 2006, 260; In R. Göbl's catalogue gems from G 18 to G 65 in accordance with its characteristics are related to "Hunnisch" group: Göbl 1967-I, 232-255.

with long straight nose and large prominent eyes, the seal resembles those which represent 'Hunnic' busts and can be dated around the 5th century AD" (Cazzoli, Cereti 2005, 143).

In 2004 three 'Huna' fired clay bullae were found in Pakistan, and now are in a private collection. Two of them show a typical male bust representing a Hunnic nobleman, while the third depicts a sun wheel (chakra). The inscriptions in Brahmi tell us the name of the owners of seals:

1. *śri bha-gumdih* (Lord Bhagundi) – dated to the 5th - early 6th century AD. Dimensions: 49×38, th. 20 mm. Bust of a man facing right, plain hairstyle, combed outwards from the crown with an encircling braid of hair, moustache, recognisable remains of an earring, round raised tunic neckline. Below the bust the remains of an ornamental spray of leaves or pair of wings. As noted by Alram, the ornamental spray of leaves or pair of wings remain a characteristic component of 'Huna' coin typology in northwest India and was used by Toramana, Mihirakula and Nezak kings in the area of Gazni and Kabul.
2. *śri sudāsa* (Lord Sudāsa) – dated to the middle of 5th century / first half of the 6th century. Dimensions: 24×18, th. 21 mm. Bust of a man, plain, short hairstyle combed outwards from crown, moustache, earings. Tunic with low, circular neckline, drapped in linear folds. According to Alram, this type of portrait is close to the images on the coins of Sahi Javukha/Jaukha, dated to the time of Khingila (430/440-490).
3. *jihah* (Jina) dated to the end of the 5th/6th century. Dimensions: 21×23, th. 16 mm. Sun wheel with eleven curving spokes, surrounded by 15 spheres. On its own the name would be quite unusual, possible it was the abbrevation for the formula *jitam bhagavata*. The sun wheel is first attested on drachmas of Khingila. It was also found on copper coins of Toramana. Narana-Narendra (ca. 540 - ca. 580), one of the last 'Huna' kings in India, also used this symbol on the reverse of his copper coins (Alram 2003, 177-182).

In Jumalyk-tepe were also discovered clay reliefs and carved trees. The scenes of the people, holding a flower or bouquet in the bent hand are also interesting. They are found on Gandhara reliefs, and precisely such scenes are often encountered on carved gem-seals connected to the Hephthalites (Ставиский 1969b, 149; Callieri, 1997).

The Eastern Department of the State Hermitage keeps a gem-seal (fig. 2/6). It is oval and made from almandine, with a flat bottom and a convex top. At the top, there is the bust of a man, the Bactrian inscription and a peculiar tribal mark – a tamgha (according to R. Göbl tamgha S 1). At the centre of the seal is a portrait of a middle-aged man. His head is depicted in three-quarters profile. The face is elongated, beardless with long pendulous mustache, forked at the end. The nose is long, and straight lines stress the nostrils. On the head is a small cap with a sheaf of three feathers. From left to right are words in italic read as *Aspurabah*, probably the name of the owner of the seal. According to Stavisky, the tamgha placed behind the man's head is i "the Hephthalite character" (Ставиский 1961, 55)[3]. However, Stavisky suggests this seal is related to the Chionites not to the Hephthalites, because this sign does not appear on the Hephthalite coins, but only on those where we find the word "Hion", the self-name of the Chionites, which dates to the 4th century AD (Ставиский 1961, 56). B. Marshak and Y. Krikis thought that the date should be somewhat later and according to him the sign is also found on the later coins (Маршак, Крикис 1969, 79)[4].

The gem from Hermitage is analogous with lapis lazuli gem with Bactrian inscription *Yozino* from E.T. Newell's collection. R. Göbl dates it by the middle of the 5th century AD (Göbl 1967-I, 237). A lapis lazuli gem was found near the Bezymyannyi (Nameless) city-site in Kobadian. On the lapis lazuli was engraved a sign, consisting of a crescent moon resting on a base, which the authors compare with a symbol found on a copper seal from the Kurkat vault. The sign on the Kobadian gem look like tamghas on the coin issues 287, 287A, 288 and 289, which Göbl links with the Hephthalites (Ilyasov 2003, 143).

3.2. Wall paintings

We know some wall paintings from the early medieval period, which in the opinion of Gulyamov reached their highest degree of development in

[3] In his later work B. Stavisky (1974, 160-162) gives an explanation for *Aspurabah* (or new reading *Asparobido)* as a chief of the cavalry.

[4] R. Göbl (1967-I, 235-236) dates this gem by the first half of 5th century AD.

Fig. 3. Balalyk-tepe. Wall paintings (adapted from Брыкина 1999).

the 6th-8th centuries AD in respect to the mural size, wealth of the scenes, and realistic and rich colors of images (Альбаум 1975, 3).

Such paintings were discovered in Dilberjin (near Balkh), Balalyk-tepe (fig. 3), Adzhina-tepe (a Buddhist monastery of the 7th century AD, 12,5 kilometers east of Kurgan-Tube), Kafyr-kala (Kurgan-Tube district in Tajikistan), Kalai Kafirnigan (80 km south-west of Dushanbe), Kalai Shodmon, and several others. The subjects of the images are essentially religious in nature, excluding the image of Balalyk-tepe with secular scenes.

Art historians have identified a number of painter's schools for the period. The Tokharistan school was represented by Balalyk-tepe, Adzhina-tepe, Kafyr-kala; the northern Tokharistan school was found in the Buddhist Temples of Kuva and in Jeti-su; the School of the "western edge" was found in the monuments in Sogd, Khorezm, castles in Varakhsha, Afrasiab (Samarkand) (fig. 4), in the Ihshids palace in Kalai Kakhkakh I (Ustrushana), and on the paintings on ossuaria from Tok-kala (Пугаченкова, Ремпель 1982, 108).

As noted Albaum, the paintings of Balalyk-tepe belong to the 6th century AD and portray a feasting scene (Альбаум 1960, 174, 196). Solovyov, after analysis of ceramics from the site, thinks that Balalyk-tepe's paintings should be dated to the end of the 6th - first half of the 7th century AD (Соловьев 1997, 120). In another of his studies Solovyov dates the paintings form Balalyk-tepe to the middle or the second half of the 7th century AD (Соловьев 2004, 91). A. Belenitsky and B. Marshak date them broadly to the 5th - 7th century AD and the paintings of Kalai Kafirnigan by the end of the 7th century AD (Беленицкий, Маршак 1979, 35).

Fig. 4. Samarkand (Afrasiab). 1-4 - Wall paintings (adapted from Брыкина 1999).

In another study, Albaum added the feast to a wedding scene. This is reflected on the south wall, where a man gives a woman a cup with a drink, the woman is holding her right hand at her chest. These figures represent a pair. The complete scenes of Balalyk-tepe produce a wedding feasting scene (Альбаум 1975, 95). This point of view was supported by V. Solovyov (Соловьев 2006, 153). The paintings of Afrasiab are dated from the end of the 7th century - the first quarter of the 8th century AD, and show the arrival to the palace of embassies from various countries and their reception by the governor of Samarkand (Альбаум 1975, 19)[5].

The paintings of Bamiyan and most early paintings of Pendzhikent date from the 5th-6th centuries AD (Альбаум 1975, 93). The spread of the In-

[5] Stavisky and Yatsenko (2002, 313) date the paintings of Afrasiab to the 7th century AD.

dian culture and its reflection in the paintings of Varakhsha and Pendzhikent become specifically observable during that period, which is also characterized by the Hephthalite-specific markers (Толстов 1964, 140). We may presume that the wall paintings of Pendzhikent, due to their realistic character, can be used as source for reconstruction of the ethnic composition of the population. Belenitsky, in these paintings, sees depictions of representatives of three ethnic groups – Sogdian, Turkic, and Kushan-Hephthalite (Брыкина 1982, 127).

It is possible that the Sogdian aristocratic culture of that time preserved some memory of the glorious days of Khingila, the first Hephthalite conqueror of India. The profile of Rustam, shown on different paintings at Pendzhikent, is very distinct from the other depictions in the Sogdian art, and resembles the Hephthalite prototypes. The portraits feature narrow skulls, V-shaped eyebrows, hooked noses and heavy jaws, and thus closely resemble some portraits of Khingila on the coins (Grenet 2002, 218-219).

Several murals at Dilberjin date from the 5th to the 7th century. A comparison between some of the Dilberjin paintings and those at Kyzyl ("the cave of the 16 swordsmen" and "the cave with picture of Maya") demonstrates a link between them (Litvinsky 1996, 151).

A bust of a man (in a graffiti drawing) on one of the walls of the Buddhistic monument of Karatepe is dated to the 4th-5th centuries AD and, in the opinion of researchers, looks like the scenes depicted on the Hephthalite gems and coins (Ставиский 1969a, 22-23).

According to E. Kageyama, in a painting of ambassadors attributed to the fourth Liang emperor Xiao Yi, represents an ambassador of the Hephthalite kingdom. At same time Kageyama suggests that the Hephthalite ambassador is not necessarily of Hephthalite origin, because nomadic tribes often sent foreigners, like Sogdians, as their emissaries (Kageyama 2007, 14, 16).

In the opinion of A. Bivar, the painting of the destroyed smaller Buddha (35 m) from Bamiyan illustrated a conference between Shapur II (AD 309-379), together with his prince-governor of the Kushan province Warahran I Kushanshah, and a Chionite king (probably predecessor of Grumbat), with whom they had been engaged in internecine warfare. Bivar writes: "At such a meeting, attested by Ammianus, was concluded an armistice between the Persians and the Chionite Huns, with an understanding that they should conclude peace, cease mutual hostilities, and turn their combined forces against the Romans. Such a conference could well have been held at the Bamiyan monastery, situated probably near the *de facto* border at the time, and in a community naturally predisposed to favour a peaceful settlement. I am inclined to place this event around AD 358, or at any rate not long before the siege of Amida in AD 361. A similar date would thus be ascribed to the paintings. Their Sasanianizing style would be in accordance with such a conclusion" (Bivar 2005, 320).

Towards the north-east, and north-west corners of the niche of the destroyed greater, 53 m Buddha, are relatively well-preserved areas with paintings. These are more in Gupta style than Sasanian and are later than those of the smaller Buddha. The paintings show human figures, some of them wearing brown monastic robes, in canonical forms typical of a Buddhist art, seated within large coloured haloes. Others, adorned with jewelry, have bare torsos, and may be supporters of the community, conceived as Bodhisattvas. In the opinion of Bivar, some figures of the supporters can be real people, for example, one of these partly damaged figures is wearing a dress with rounded decoration, a long necklace of pearls, and a regal crown of gold with three crescents, each topped with a central bud, above a diadem decorated with golden pellets. The canonical crowns of the Hephthalite kings are less well known than those of their Sasanian predecessors, but some indication of their identities can be derived by a comparison with the coins (Bivar 2005, 320)[6]. Bivar suggests a hypothesis that the mural paintings of the 53 m Buddha originated from the reign of the Hephthalite king Khingila, and that he is depicted there (Bivar 2005, 324).

[6] According to G. Pugachenkova (1963, 75-76) an image of kneeling donator in the niche of the greater Buddha can be ascribed to the Hephthalites. The donator is depicted in a caftan, with a dagger on a belt, and holding above his head a large tray with donations. His profile looks like the profiles of Hephthalite kings on the coins.

3.3. Images on the funeral couches and sarcophaguses from China

Further information about the Hephthalites can be gathered from the reliefs of funerary monuments of Central Asians, mostly Sogdians, found in northern China.

The Northern Ch'i gate shrine, founded near Anyang in Henan province, was dispersed in various museums (in Washington, Boston, Paris, and Cologne) that hold individual parts of the monument dated to the 6th century AD. The Anyang reliefs are carved in dark gray limestone. According to Scaglia, it was created under the influence of Central Asia, presumably of the Hephthalites, who were in power at that period (Scaglia 1958, 9-28). A stone funerary couch, which consist eleven separate white marble panels and two gate towers, is kept in the Miho Museum in Shiga, Japan. The couch dates the second part of 6th - early 7th century AD. The panels depict in relief various scenes of hunting, a marriage feast with dancers and musicians, hunts and processions, and Zoroastrian ritual of different people who lived along Great Silk road (Juliano, Lerner 1997, 72; Juliano 2006, 296). On the one panel depicted a hunting scene of horsemen accompanied by dogs and pursued animals. The hunters, identified by headgear, hairstyles and facial characteristics are different Central Asian peoples: the Hephthalites, Turks and Sogdians (Juliano, Lerner 2001, 57).

Also should be noted other stone funeral monuments of the Sogdians that were found during excavations in North-Western China (fig. 5/1). A white marble sarcophagus was found near Taiyuan (Shanxi province) in 1999. Another find was made in the northern suburbs of Xi'an, formerly Chang'an, capital of the Northern Zhou dynasty (557-581) in Shaanxi (2,2 km west from An Qie's couch found earlier in 2000) in 2003, where was excavated a tomb with dark limestone sarcophagus, covered with gilded and painted reliefs. An interesting detail is that the sarcophagus bore a slate with bilingual Sino-Sogdian inscription. The text was an epitaph dedicated to the buried man – Shi Jun (AD 493-579) (Fuxi 2005, 47, 53-54). It is noted that all these tombs contain Sogdian-style stone funeral items with relief carvings, paintings, and gilding (Junkai 2005, 34).

The Taiyuan sarcophagus contained remains of Yu Hong and his wife. Yu Hong died in AD 593 at an age of fifty-eight. He served as a *sabao*, an official Chinese title given to the administrators of foreign communities, inherited from Sogdian *s'rtp'w* (sartpāw) meaning "caravan leader" (Grenet et al. 2004, 274)[7] during the Northern Zhou, Northern Qi and Sui dynasties. Yu Hong had also served as an ambassador to Iran and to the Tuyuhun Kingdom in Qinghai (Juliano 2006, 295). His tomb contained a funerary bed in the shape of a Chinese house, adorned by fifty-three marble carved panels, originally painted and gilded. From the funerary epitaphs, we know that he became *sabao* in AD 580. On the panels, Yu Hong is depicted hunting with nomads on horses, and on an Indian elephant, and banqueting with his wife. Zoroastrian symbols are clearly displayed: two priests half-bird, half-human wearing the traditional *padam,* and Mithra and his sacrificial horse facing each other on each side of the entry.

The second sarcophagus belongs to a Sogdian Shi Jun and his wife (fig. 5/2). According to an epitaph carved in Chinese and Sogdian, Shi Jun was buried in AD 580, and during the Norhtern Zhou dynasty he had served as a *sabao* in the Liangzhou Prefecture (the modern- area from Wuwei to Pingliang) in Gansu. The stone reliefs were decorated with color paintings. The four walls of the outer coffin are contructed of 12 pieces of stone and have reliefs with themes of four-armed protector gods, Zoroastrian gods, hunts, banquets, travel scenes, caravans, ceremonies, and the ascension to heavens (Junkai 2005, 21-22).

His native name, given in the Sogdian version, was Wirkak. He passed away at the age 86 in the year AD 579, and was married to Kang. Shi and Kang were names indicating a Central Asian origin, since these Chinese characters imply that their owner's family originated, respectively, from Kesh and from Samarkand. As an influential member of the foreign aristocracy, he was promoted to *sabao* by the Northern Zhou ruler (Grenet et al. 2004, 274). These panels form a continuous narrative pertaining to Shi Jun's life and social ascent, and indicate that his travels took place during the last decades of the Hephthalite rule in Central Asia (Grenet, Riboud 2003, 134). The walls of the sarcophagus are decorated with painted and gilded reliefs depicting scenes of banquets, hunting, travels, caravans, as well as various deities, which all show a close contact

[7] According to S. Fuxi (2005, 52) title *sabao* also refered to Sogdian religious leader.

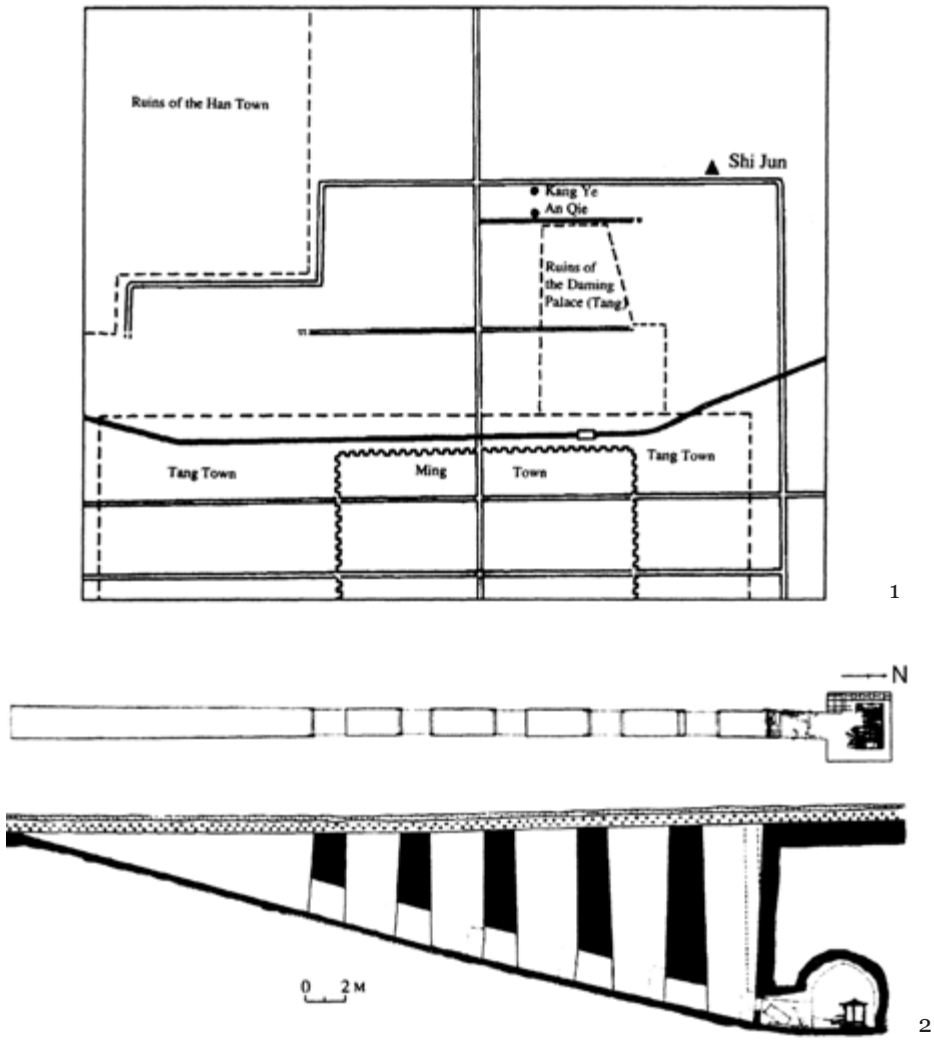


Fig. 5. 1 - Map of ancient limits of Chang'an (Xi'an) with indication of discovered Sogdian tombs; 2 - plan of Shi Jun's tomb (after Junkai 2005).

with the Central Asian world. These images have similarities with the paintings in Afrasiab and Pendzhikent (Аржанцева, Иневаткика 2005, 120). On the lintel above the door of the southern side of the sarcophagus, were written two inscriptions, one in Sogdian and the other in Chinese.

The Xi'an funerary couch, dated by its epitaph to AD 579 (time of the Northern Zhou dynasty), belonged to An Qie, a Sogdian aristocrat, who came from the city Guzang (present-day Wuwei in Gansu) and settled in Xi'an, also serving as a *sabao* (Juliano, Lerner 2001, 55-56; Juliano 2006, 295).

These funeral monuments present a great interest. According to some opinions, the Yu Hong's sarcophagus depicts a man on an elephant, who may be a Hephthalite (Kageyama 2007, 14). It is suggested that a person outside the kaghan's yurt on one of the An Qie reliefs is a Hephthalite ruler/vassal (Grenet, Riboud 2003, 141). On the Miho reliefs they are depicted at least on two panels. On one panel the Hephthalite horsemen are shown hunting, on another panel a physically similar to the Hephthalites ruler rides an elephant (Маршак 2000, 47). Supposedly, the figures on the four scenes of Shi Jun's sarcophagus, with winged crowns and a central element with varying detail depict a Hephthalite ruler. Two scenes are depicted on the western, and two on the northern walls of the sarcophagus (Grenet, Riboud 2003, 136-139)[8].

[8] According to A. Dien (2009, 45-46), there are no depictions of Hephthalite crowned figures and therefore he suggests that this is a depiction of the *sabao* wearing a crown, and that would confirm the importance of his office and the high esteem afforded to the office by the Sogdian community.

According to other opinions, only one figure pictures a Hephthalite. He is depicted on the right scene, where Shi Jun with his caravan visits a king seated in a domed tent (or yurt) of the northern wall is Hephthalite ruler. The ruler in the yurt has a winged crown instead of long hair, typical for depiction of a Turkic origin, like the images on the funerary couches of An Qie and in the Miho Museum. He is not a Sasanian king, because he is shown in the nomadic yurt. Yoshida identifies the figure as a ruler of the nomadic Hephthalites, who had close contacts with the Sogdians (Yoshida 2005, 63).

The winged crown is a late type of Peroz's crown depicted on Peroz coins, which were common because of his tribute to the Hephthalites. Supposedly, this Peroz's crown served as a model for the winged crown of the Hephthalite kings. After Peroz, the winged crown was not used for over 100 years by any Sasanian kings until Khusrow II in AD 590, about ten years after Shi Jun's burial. Kageyama suggests that the triple-crescent crown, together with the winged crown, was introduced into Sogd during the Hephthalite period, and it continued to be used until the 8th century AD, though less frequently than the winged crown. So, the Hephthalite influence is responsible for the popularity of the winged crown and the triple-crescent crown in China (Kageyama 2007, 12-14)[9].

Two couples are depicted on the northern wall of the Shi Jun's sarcophagus (fig. 6). On a man's head is a winged crown with a solar symbol, and the woman's crown is wrapped in a large cloak. According to Grenet and Riboud, these couples are Hephthalites. This suggestion is also supported by a "Liangshu" description of one of the Hephthalite customs, that the guests were received by the rulers and their wives. This depiction has an analogy in the image of seated couples on "Stroganov" silver bowl in Hermitage museum (5th century AD). The theme of the seated aristocratic couple sharing a drink is clearly attested in the 7th century at Balalyk-tepe, in a Northern Tokharistan context still strongly influences by the Hephthalite culture, while at the same time it disappears from the Sogdian art (Grenet, Riboud 2003, 138-141)[10].

[9] J. Ilyasov (2001, 196) offers the idea that the diffusion of winged crowns in Tokharistan and especially in Sogd is associated not so much with Sasanian influence, as with the Hephthalite expansion.

[10] Although E. Kageyama (2007, 12-13, 19) thinks this person is Shi Jun.

Fig. 6. Shi Jun's tomb. Image of the Hephthalite ruler (?) on the Northern side of the outer coffin. (after Grenet, Riboud 2003).

3.4. Toreutics

Toreutics are mainly represented by bowls, amongst which special interest must be directed to two examples found in Pakistan (British museum) and Uzbekistan. The bowl from the British museum is semi-spherical with raised scenes on the outer face, showing four riders hunting wild boars, lions, a tiger, and wild goats or ibexes. On the base of the bowl is a bust of a beardless man, much resembling men on gem-seals.

In 1961 a bowl was found in the village Chilek 31 kilometers north-north-west from Samarkand (fig. 7). It is dated to the 5th century AD, weighing 1003 g. and 18,5 cm in diameter (Brentjes 1971, 77). It is smooth on the inside, and its exterior is richly decorated by hammering. The picture shows six women standing under arcades. The arcades are decorated with bust images of winged geniuses. On the base of the bowl is a bust of a beardless man facing left, with a rounded cap on his head and a lotus in his hand. Based on the similarity of the images with the profiles of the Hephthalite rulers on the coins, the cup's provenance was defined as a Hephthalite (Brentjes 1971, 77-78; Пугаченкова 1986, 273-275; Lerner 1996, 24-25). The portrait on the Chilek bowl may be that of a sovereign, because the cone with the rounded-top, the hairstyle, and the ribbons on the

Fig. 7. Chilek bowl. Detail. Uzbekistan (adapted from Cultural 1985).

back are the distinct attributes found only in the costumes of the rulers in a number of coins. This portrait may reflect a Hephthalite ideal of beauty (Маршак, Крикис 1969, 67-68). The Hephthalites, under the influence of the Sasanian official portrait style, created their own iconography; judging from the images on the coins, seals and vessels, it was well established and standardized. In the opinion of Marshak and Krikis, the Chilek bowl's composition can be understood as a scene of the king's feast (Маршак, Крикис 1969, 69).

The Chilek silver bowl has an analogy in the silver bowl from the British Museum found at the beginning of the 20th century in Swat (Pakistan). It shows in the central medallion a man in profile, surrounded by four hunters, of whom the one to the left is clearly the man depicted in the medallion.

The form of bowl from British Museum, and the subject of its ornamentation are associated with Sasanian art. It is 16,8 cm in diameter, 5,7 cm high, and190 g in weight (Göbl 1967-II, 262). The central medallion is obviously of no relevance to the whole scene (fig. 8). Therefore, a character with bared head is shown not only in the centre of the cup bottom, but also in the main composition, as a hunter shooting at two tigers. The portrait might be of the owner of the dish, a Hephthalite noble. Next the head of one horseman are five unclear Brahmi characters. The other riders

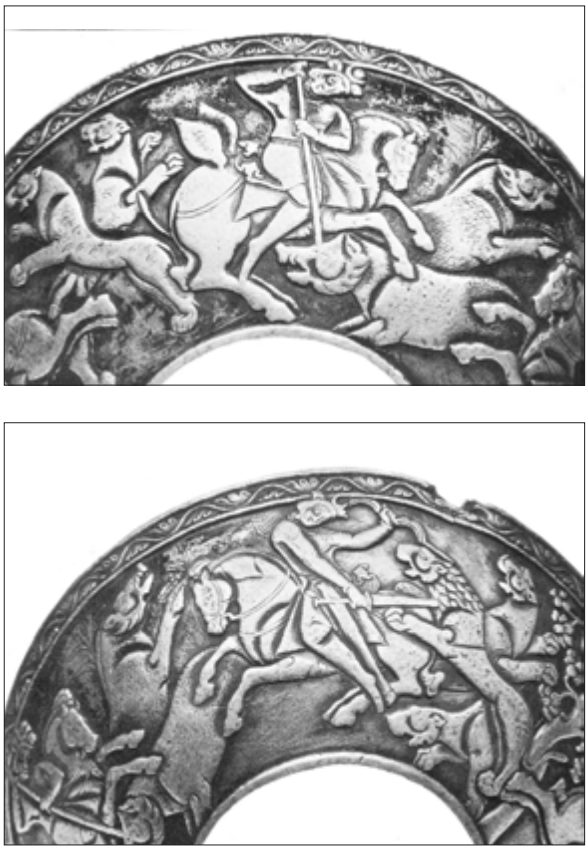


Fig. 8. Swat bowl (British Museum). Details (adapted from Göbl 1967).

with three different hats are portraits of rulers, possibly associates of the cup owner. One of the characters, a king killing a lion with a sword, has a crown distinct from the rest. This rider, judging from the crown and typical hairstyle around forehead, can be identified as a Kidarite. However, the ball in the crown has not survived. Another rider is shown with a spear, his crown is different from the Kidarite one only in the form of the side wings. The horseman with a spear is probably also a Kidarite, though unknown to us from the coins. Characteristically, the Hephthalites are shown in profile, and the Kidarites are shown frontally, that is, in accordance with the monetary iconography of the Hephthalites and the late period of Kidara. The swords of riders are similar to the swords of the Hun empire of the 4th-5th centuries AD (Marschak 1986, 32-33).

In the image of the women on the Chilek bowl is felt an influence of the Gupta tradition. The Chilek bowl is thus closer to the art of India. Lush hairs of heavy figures in the tympanum of arches resemble monuments in Gupta style. The bowl in

the British Museum is dated to the 450's - 460's, and the Chilek bowl should be synchronous, or somewhat later, but the bowls are so similar that the date of the two can hardly pass beyond the 3rd quarter of the 5th century AD (Маршак, Крикис 1969, 70-71; Marschak 1986, 34)[11]. The final conquest of Samarkandian Sogd dates by AD 510, which date is established by the cessation of presents brought by the Samarkand embassies to China, and the beginning of regular Hephthalite embassies to China (Маршак, Крикис 1969, 77, 80). According to Pugachenkova, the bowl should be attributed to the Punjab school, it has no tradition in Bactria (Пугаченкова 1987, 81-82; Пугаченкова 1990, 29). Solovyov does not agree with that opinion, noting that in spite of Indian features present on the Chilek bowl that is not enough to detach it from the Bactrian tradition, because Indian features were also typical for some other finds in Central Asia. For example, the Lyakhsh bowl, where again are found images of women identical to the scenes of women in Indian art (Соловьев 1997, 68).

The "Stroganov" silver bowl in the State Hermitage museum (St. Petersburg), supposedly found in the Perm region of Russia, shows a cross-legged seated couple in Central Asian dress. In shape and composition the bowl is similar to the bowls from Chilek and Punjab. The "Stroganov" silver bowl is dated to the 5th century AD (Callieri 2002, 126-127). Some researchers suggest that the depicted couples are Hephthalites. They cite the description one of the Hephthalite customs in "Liangshu", that rulers were receiving their guests jointly with their wives. This depiction is analogous with the image of seated couples on the northern wall of the Shi Jun's funerary coach (Grenet, Riboud 2003, 134-141).

Another bronze bowl was found in Kashmir Smast. Its size is 8 cm in diameter. The outer surface of the bowl is decorated with incised human and bird figures, floral and geometrical designs. In six circles we see depicted heads, one inside each circle. The space between the circles has images made in geometrical and floral style. At the base of the bowl we find a duck or goose with opened wings facing to the right. On its back is a solar symbol. According to Nasim Khan, in two circles the shaven heads are depicted in a style close to the heads of the Hephthalite rulers on their coins: elongated heads, long narrow hooked moustaches, almond shaped eyes, and solar symbols. Nasim Khan thinks that the bowl is a royal object made at the Hephthalite time in the 4th/5th centuries AD (Nasim Khan 2006, 76-85).

3.5. Terracotta

The term "the Hephthalite terracotta" defines a small group of terracottas dated to the 5th-7th century AD and found on the territory of Chaganian (fig. 9). These terracotta statuettes express a personage, probably a Bodhisattva with headdresses in the manner of a crown with three crescents. Such crescents are also encountered on a ceramic bar found in the Buddhist temple in Merv, showing Bodhisattva with similar headdress, and in the Buddhist paintings in Bamiyan, Kakrak in Afghanistan (Ильясов 1997, 30-32). Later, J. Ilyasov changed his opinion on identification of the crown with three crescents with Boddhisattvas. He writes: "However, presently we think this attempt was unsuccessful, though we have no doubts about the fact that it was the Hephthalites under whose influence were created images with crowns with three crescents, developed Sasanian iconographic patterns for the rulers" (Il'yasov 2001, 192).

The above mentioned group of the figurines includes some artifacts found in the Dalverzin-tepe citadel, in Budrach, in one artifact from an unknown archaeological site in the Surkhandarya province (Uzbekistan), and a terracotta figurine from the Hissar valley (Tajikistan). According to Ilyasov, the figure wearing a crown with three crescents and a garment with a right side triangular lapel is a Hephthalite. Similar garments are depicted on the murals of Balalyk-tepe, Kyzyl, and on the Kucha reliquary. All these artifacts are dated within the period from the 5th to the 7th centuries AD. The clothes with a right side lapel, dated to the 7th century AD and earlier times can be linked either to the Hephthalites themselves, or to the Hephthalite clothing style (Il'yasov 2001, 188, 190).

Terracotta plaquettes with images, usually of warriors and goddesses, were found in the Dalverzin-tepe citadel, and were dated to the 6th-8th centuries AD. The warriors wear a short coat with plates,

[11] F. Grenet (2002, 211-212) dates this bowl slightly later, to the 460s or 470s, between the first Hephthalite conquest in Gandhara and the last embassy sent to China by the Indian Kidarites.

Fig. 9. Terracottas: 1, 8 - Dalverzin-tepe; 2, 5-7 - Budrach; 3 - Surkhandarya valley; 4 - Hissar valley (after Il'yasov 2001).

hold a spear in the right hand and a sword in the left hand. The goddesses, who are identified as "Athena-Rishto" have a helmet, a shield in the left hand and a spear in the right hand. They were possibly used as individual icons. T. Mkrtychev and J. Ilyasov note that similar plaquettes were found in Sogd. In 6th century AD these territories were united by the Hephthalite empire. These researchers suggest that the terracotta plaquettes represent gods of the unknown Hephthalite pantheon (Мкртычев, Ильясов 2005, 497-523). V. Meshkeris also notes that there are some similarities between the terracotta figures from Sogd and the images of the Hephthalite kings on coins. In particular, elements of the crowns (wings on both sides and crescent in front) are seen on some terracotta figures of the 5th-8th centuries AD, and have good analogies in the crowns of the Hephthalite kings on their coins. But at the same time she notes that this kind of the crown was also on the coins of Sasanian kings, in particular of Peroz (Мешкерис 1977, 86-88; Мешкерис 1989, 184-193, 293-296).

3.6. Stone statuettes

A dark-green soapstone statuette-plaque of a sitting woman playing a harp, in the Peshawar Museum is attributed by a number of iconographic features to the Hephthalites (Callieri 1996, 391). While some iconographic features, particularly the peculiar, huge ear-rings, resemble terracotta tiles from the Kashmiri monastery of Harvan, attributed to the Huna period at the end of the 5th century AD, the style and material of the Peshawar statuette, as well as technical features such as the use of shallow engraved lines for rendering of decorative details, are common with the other sculptures of the group, and seem to provide a strong evidence for dating the statuette to the early 6th century AD (Callieri 1996, 391).

In this connection is interesting a marble image of the Hindu deity Ganesha (7th century AD) from the Kabul Museum (found in Gardez). On its base is mentioned the name Shahi Khingila, written in the north-Indian alphabet[12]. According to Bivar this marble image links to the painting of a Hephthalite king at the cave of the 53-meter Buddha in Bamiyan. In the painting, the adjoining figure of a prince wears a jewel in the form of a bull's head, also seen on marble sculptures related to the Ganesha image (Bivar 2003, 200).

3.7. Rhyton

Another object is silver rhyton (in the form of the head of the ancient Iranian goddess Drvaspa, attached to a spout in the form of a buffalo's head) acquired by Cleveland Museum of Art in 1964. The rhyton have been found in the Dailaman region of Iran near the Caspian Sea and was dated to the 5th or 6th centuries AD. A Pahlavi inscription on the back of the female's neck gives the weight according to a standard used in Iran until around 700 AD (Carter 1979, 309).

Göbl compared buffalo's head of the Cleveland silver rhyton to buffalo heads appearing on the crowns of the Nezak coins (Göbl 1967-II, 325-326). L. Carter suggests that the Cleveland silver rhyton was fabricated south of the Hindukush, in the Kabul Valley or around Ghazni (Carter 1979, 318).

4. Conclusion

It will only be new discoveries which can tell us about ancient homelands and migrations of the Hephthalites, who conquered a large part of Central Asia in the 5th-6th centuries AD. At present it has been attempted here to collect the materials known so far, being aware of the difficulties, to connect archaeological material, information from coins and written sources in order to outline the history of the Hephthalites. Lastly no specific monument, arms, jewelry or pottery can be securely attributed to them. However, we know of their existence in a specific region of Central Asia, even as a state formation, and at a given time, and thus archaeological research needs to take account of this data too. After all, archaeology too is only a method used to reconstruct history. Therefore I have here tried to interpret the available data from various sources on the Hephthalites, even if several major questions continue to be open for discussion and will probably remain so for some time in the future.

Bibliography

Alram 2003: M. Alram, Three Hunnic Bullae from Northwest India. Bulletin of the Asia Institute 17, 2003, 177-184.

Aman ur Rahman, Grenet, Sims-Williams 2006: Aman ur Rahman, F. Grenet, N. Sims-Williams, A Hunnish Kushan-shah. Journal of Inner Asian Art and Archaeology 1, 2006, 125-132.

Bivar 2003: A.D.H. Bivar, Hephthalites. In: (Ed. E. Yarshater) Encyclopaedia Iranica XII. 2 (New York 2003), 198-201.

Bivar 2005: A.H.D. Bivar, The jewel of Khingila: a memento of the great Buddha of Bamiyan. In: (Eds. O. Bopearachchi, M-F. Boussac) Afghanistan, ancien carrefour entre l'est et l'ouest (Turnhout 2005), 319-329.

Brentjes 1971: B. Brentjes, The Hoard of Hephthalite Silver Vessels found near Samarkand. East and West 21/1-2, 1971, 77-78.

Callieri 1996: P. Callieri, The Hephthalites in Margiana? New evidence from the Buddhist relics in Merv. In: La Persia e L'Asia centrale da Alessandro al X secolo (Roma 1996), 391-400.

Callieri 1997: P. Callieri, Seals and Sealings from the North-West of the Indian subcontinent and Afghanistan (4th century BC - 11th century AD) (Naples 1997).

[12] Sircar 1963, 44-46, D. Stadtner (2000, 42) calls this inscription proto-Sharada.

Callieri 1999: P. Callieri, Huns in Afghanistan and the north-west of the Indian subcontinent: the glyptic evidence. In: (Eds. M. Alram, D. E. Klimburg-Salter) Coins, Art, and Chronology. Essays on the pre-Islamic History of the Indo-Iranian Borderlands (Wien 1999), 277-291.

Callieri 2002: P. Callieri, The Bactrian Seal of Khingila. Silk Road art and archaeology 8, 2002, 121-141.

Carter 1979: L.M. Carter, An Indo-Iranian Silver Rhyton in the Cleveland Museum. Artibus Asiae 41, 4, 1979, 309-325.

Cazzoli, Cereti 2005: S. Cazzoli, C. Cereti, Sealings from Kafir Kala: preliminary report. Ancient Civilizations from Scythia to Siberia 11/1-2, 2005, 133-164.

Cultural 1985: Cultural Contacts between East and West in Antiquity and Middle Ages from USSR (Osaka 1985).

Dien 2009: A.E. Dien, The Tomb of the Sogdian Master Shi: Insights into the Life of a *Sabao*. The Silk Road 7, 2009, 42-50.

Fuxi 2005: S. Fuxi, Investigations on the Chinese version of the Sino-Sogdian bilingual inscription of the tomb of Lord Shi. In: (Eds. E. de la Vaissière, É. Trombert) Les Sogdiens en Chine (Paris 2005), 47-55.

Göbl 1967: R. Göbl, Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien I-IV (Wiesbaden 1967).

Grenet 2002: F. Grenet, Regional interaction in Central Asia and Northwest India in the Kidarite and Hephthalite periods. In: (Ed. N. Sims-Williams) Indo-Iranian languages and peoples. Proceedings of the British Academy 116, 2002, 203-224.

Grenet, Riboud 2003: F. Grenet, P. Riboud, A Reflection of the Hephthalite Empire: The Biographical Narrative in the Reliefs of the Tomb of the *Sabao* Wirkak (494-579). Bulletin of the Asia Institute 17, 2003, 133-143.

Grenet, Riboud, Junkai 2004: F. Grenet, P. Riboud, Y. Junkai, Zoroastrian scenes on a newly discovered Sogdian tomb in Xi'an, Northern China. Studia Iranica 33/2, 2004, 273-284.

Juliano 2006: A. Juliano, Chinese pictorial space at the cultural crossroads. In: (Eds. M. Compareti, P. Raffetta, G. Scarcia) Ēran ud Anērān. Studies Presented to Boris Il'ič Maršak on the Occasion of His 70th Birthday (Venezia 2006), 293-316.

Juliano, Lerner 1997: A.L. Juliano, J.A. Lerner, Cultural Crossroads: Central Asian and Chinese Entertainers on the Miho Funerary Couch. Orientations 28/9, 1997, 72-78.

Juliano, Lerner 2001: A.L. Juliano, J.A. Lerner, The Miho Couch Revisited in Light of Recent Discoveries. Orientations 32/8, 2001, 54-61.

Junkai 2005: Y. Junkai, Carvings on the Stone Outer Coffin of Lord Shi of the Northern Zhou. In: (Eds. E. de la Vaissière, É. Trombert) Les Sogdiens en Chine (Paris 2005), 21-45.

Il'yasov 2001: J.Ya. Il'yasov, The Hephthalite Terracotta. Silk Road art and archaeology 7, 2001, 187-200.

Ilyasov 2003: J.Ya. Ilyasov, On a number of Central Asian Tamghas. Silk Road art and archaeology 9, 2003, 131-157.

Kageyama 2007: E. Kageyama, The winged crown and the triple-crescent crown in the Sogdian funerary monuments from China: their relation to the Hephthalite occupation of Central Asia. Journal of Inner Asian Art and Archaeology 2, 2007, 11-22.

Lerner 1996: J. Lerner, Horizontal-Handled Mirrors: East and West. Metropolitan Museum journal 31, 1996, 11-40.

Lerner 1999: J. Lerner, Some Central Asian seals in the Rosen collection. In: (Eds. M. Alram, D.E. Klimburg-Salter) Coins, Art, and Chronology. Essays on the pre-Islamic History of the Indo-Iranian Borderlands (Wien 1999), 265-276.

Litvinsky 1996: B.A. Litvinsky, The Hephthalite Empire. In: (Ed. B.A. Litvinsky) History of civilizations of Central Asia. The crossroads of civilizations: A.D. 250 to 750, III, 1996, 135-162.

Marschak 1986: B. Marschak, Silberschätze des Orients. Metallkunst des 3.-13. Jahrhunderts und ihre Kontinuität (Leipzig 1986).

Melzer 2006: G. Melzer, A copper scroll inscription from the time of the Alchon Huns. In: (Ed. J. Braarvig) Manuscripts in Schøyen Collection III (Oslo 2006), 251-314.

Miller 1959: R.A. Miller, Accounts of the Western Nations in the history of the Northern Chou dynasty (Berkeley-Los Angeles 1959).

Nasim Khan 2006: M. Nasim Khan, Treasures from Kashmir Smast (The Earliest Śaiva Monastic Establishment) (Peshawar 2006).

Scaglia 1958: G. Scaglia, Central Asians on a Norhern Ch'i Gate Shrine. Artibus Asiae XXI/1, 1958, 9-28.

Sims-Williams 2002: N. Sims-Williams, The Bactrian inscription on the seal of Khingila. Silk Road art and archaeology 8, 2002, 143-148.

Sinor 1994: D. Sinor, The establishment and dissolution of the Türk empire. In: (Ed. D. Sinor) The Cambridge history of early Inner Asia (Cambridge 1994), 285-316.

Sircar 1963: D.C. Sircar, Three Early Medieval Incriptions. 1. Kabul Inscription of Shāhi Khingāla. Epigraphia Indica XXXV/I, 1963, 44-47.

Stadtner 2000: D. Stadtner, Two Fifth-Century Bodhisattvas from Afghanistan. South Asian Studies 16, 2000, 37-44.

Vaissière 2003: É. de la Vaissière, Is There a "Nationality of the Hephthalites". Bulletin of the Asia Institute 17, 2003, 119-132.

Yoshida 2005: Y. Yoshida, The Sogdian version of the new Xi'an inscription. In: (Eds. E. de la Vaissière, É. Trombert) Les Sogdiens en Chine (Paris 2005), 57-72.

Альбаум 1960: Л.И. Альбаум, Балалык-тепе (Ташкент 1960).

Альбаум 1975: Л.И. Альбаум, Живопись Афрасиаба (Ташкент 1975).

Аржанцева, Иневаткика 2005: И.А. Аржанцева, О.Н. Иневаткика, Еще раз о росписах Афрасиаба: новые открытия, которым четверть века. В сб.: (Отв. ред. Е.В. Антонова, Т.К. Мкртычев) Центральная Азия. Источники, история, культура (Москва 2005), 118-144.

Беленицкий, Маршак 1979: А.М. Беленицкий, Б.И. Маршак, Вопросы хронологии живописи раннесредневекового Согда. Успехи среднеазиатской археологии 4, 1979, 32-37.

Брыкина 1982: Г.А. Брыкина, Юго-западная Фергана в первой половине I тысячелетия нашей эры (Москва 1982).

Брыкина 1999: Г.А. Брыкина (ред.), Археология. Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье (Москва 1999)

Ильясов 1997: Дж.Я. Ильясов, Бодхисаттва из Чаганиана. В сб.: Верования и культы домусульманской Средней Азии (Москва 1997), 30-32.

Маршак 2000: Б.И. Маршак, Согдийцы в Китае и китайцы в Согде (по произведениям искусства). В сб.: Отделу Востока 80 лет (Санкт-Петербург 2000), 43-48.

Маршак, Крикис 1969: Б.И. Маршак, Я.К. Крикис, Чилекские чаши. Труды Государственного Эрмитажа X, 1969, 55-80.

Мешкерис 1977: В.А. Мешкерис, Коропластика Согда (Душанбе 1977).

Мешкерис 1989: В.А. Мешкерис, Согдийская терракота (Душанбе 1989).

Мкртычев, Ильясов 2005: Т.К. Мкртычев, Дж.Я. Ильясов, Терракотовые плакетки из Тохаристана. В сб.: (Отв. ред. Е.В. Антонова, Т.К. Мкртычев) Центральная Азия. Источники, история, культура (Москва 2005), 497-523.

Пугаченкова 1963: Г.А. Пугаченкова, Искусство Афганистана. Три этюда (Москва 1963).

Пугаченкова 1986: Г.А. Пугаченкова, Об эфталитской чаше из Чилека. В сб.: Проблемы античной культуры (Москва 1986), 273-279.

Пугаченкова 1987: Г.А. Пугаченкова, Из художественной сокровищницы Среднего Востока (Ташкент 1987).

Пугаченкова 1990: Г.А. Пугаченкова, Предметы иноземного импорта на Среднеазиатских трассах Великого Шелкового пути. В сб.: (Отв. ред. Г.А. Пугаченкова) На Среднеазиатских трасах Великого Шелкового пути. Очерки истории и культуры (Ташкент 1990), 23-39.

Пугаченкова, Ремпель 1982: Г.А. Пугаченкова, Л.И. Ремпель, Очерки искусства Средней Азии. Древность и средневековье (Москва 1982).

Соловьев 1997: В.С. Соловьев, Северный Тохаристан в раннем средневековье (Елец 1997).

Соловьев 2004: В.С. Соловьев, Вопросы датировки и интерпретации раннесредневековой живописи Тохаристана. В сб.: Transoxiana. История и культура (Ташкент 2004), 89-94.

Соловьев 2006: В.С. Соловьев, К интерпретации живописи Балалыктепа. Материалы Тохаристанской эспедиции 6, 2006, 153-157.

Ставиский 1961: Б.Я. Ставиский, Хионитская гемма-печать. Сообщения Государственного Эрмитажа 20, 1961, 54-56.

Ставиский 1969a: Б.Я. Ставиский, Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1963-1964 гг. В сб.: (Отв. ред. Б.Я. Ставиский) Буддийские пещеры Кара-тепе в старом Термезе (Москва 1969), 7-31.

Ставиский 1969b: Б.Я. Ставиский, Фрагменты каменных рельефов и деталей архитектурного убранства из раскопок Кара-тепе 1961-1964 гг. В сб.: (Отв. ред. Б.Я. Ставиский) Буддийские пещеры Кара-тепе в старом Термезе (Москва 1969), 139-173.

Ставиский, Яценко 2002: Б.Я. Ставиский, С.А. Яценко, Искусство и культура древних иранцев (Москва 2002).

Толстов 1964: С.П. Толстов, Новые археологические открытия в Хорезме и некоторые проблемы древней истории Индии. В сб.: Индия в древности (Москва 1964), 135-142.

Eftaliţii. Materiale iconografice

Rezumat

Articolul este rezervat materialelor iconografice referitoare la eftaliţi, care au locuit în Asia Centrală şi în teritoriile învecinate în sec. IV-VI p. Chr., având în sec. V-VI p. Chr. posibilitatea de a crea un mare imperiu. Materialele iconografice care se referă la această perioadă apar într-un număr destul de redus, iar datarea lor, de multe ori, este aproximativă sau chiar inexactă. În pofida celor menţionate, autorul a întreprins unele încercări de a interpreta informaţia disponibilă despre eftaliţi, provenită din diverse surse, chiar dacă unele probleme vor rămânea discutabile şi în viitor.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Eftaliţii şi vecinii lor la mijlocul sec. VI p. Chr. (după Miller 1959).

Fig. 2. Sigilii: 1 - sigilul lui Khingila. Imprimat; 2 - sigiliul şi imprimat al unui bust de bărbat şi al unei inscripţii bactriene; 3 - sigiliul şi imprimat al unui bust de bărbat şi al unei inscripţii bactriene; 4 - sigiliul şi imprimat al unui bust de femeie; 5 - sigiliul şi imprimat al unui bust de bărbat şi al unei inscripţii bactriene; 6 - sigiliul şi imprimat al unui bust de bărbat şi al unei inscripţii bactriene (adaptat din Ставиский 1961; Lerner 1999; Callieri 2002).

Fig. 3. Balalyk-tepe. Pictură murală (adaptat din Брыкина 1999).

Fig. 4. Samarkand (Afrasiab). 1-4 - Picturi murale (adaptat din Брыкина 1999).

Fig. 5. 1 - Harta frontierelor Chang'an (Xi'an) cu indicarea locului înmormântărilor sogdiene; 2 - planul mormântului lui Shi Jun (după Junkai 2005).

Fig. 6. Mormântul lui Shi Jun. Imaginea unei căpetenii eftalite (?) pe partea de nord a sarcofagului (după Grenet, Riboud 2003).

Fig. 7. Bolul de la Chilek. Detaliu. Uzbekistan (adaptat din Cultural 1985).

Fig. 8. Bolul de la Swat (Muzeul Britanic). Detalii (adaptat din Göbl 1967).

Fig. 9. Teracote: 1, 8 - Dalverzin-tepe; 2, 5-7 - Budrach; 3 - Valea Surkhandary; 4 - Valea Hissarului (după Il'yasov 2001).

Эфталиты. Иконографические материалы

Резюме

Статья посвящена иконографическим материалам, которые могут иметь отношение к эфталитам, жившим на территории Центральной Азии и соседних стран в IV-VI веках нашей эры. В V-VI веках эфталитам удалось создать великую империю. Следует отметить, что материалы эти очень скудны, и даже датировка часто приблизительна и неточна. Тем не менее, автор попытался интерпретировать имеющиеся данные из различных источников, относящихся к эфталитам, несмотря на то, что некоторые крупные вопросы по-прежнему открыты для обсуждения и, вероятно, в ближайшее время останутся таковыми.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Эфталиты и их соседи в середине VI века н.э. (по Miller 1959).

Рис. 2. Печати: 1 - печать Хингилы. Оттиск; 2 - печать и оттиск мужского бюста и бактрийской надписи; 3 - печать и оттиск мужского бюста и бактрийской надписи; 4 - печать и оттиск женского бюста и богомольца; 5 - печать и оттиск мужского бюста и бактрийской надписи; 6 - печать и оттиск мужского бюста и бактрийской надписи (адаптировано из Ставиский 1961; Lerner 1999; Callieri 2002).

Рис. 3. Балалык-тепе. Настенная роспись (адаптировано из Брыкина 1999).

Рис. 4. Самарканд (Афрасиаб). 1-4 - Настенные росписи (адаптировано из Брыкина 1999).

Рис. 5. 1 - Карта древних границ Чанъана с нанесением найденных согдийских могил; 2 - план могилы Ши Джуна (по Junkai 2005).

Рис. 6. Могила Ши Джуна. Изображение эфталитского правителя (?) на северной внешней стороне саркофага (по Grenet, Riboud 2003).

Рис. 7. Чилекская чаша. Детали. Узбекистан (адаптировано из Cultural 1985).

Рис. 8. Чаша из Свата (Британский музей). Детали (адаптировано из Göbl 1967).

Рис. 9. Терракоты: 1, 8 - Дальверзин-тепе; 2, 5-7 - Будрач; 3 - Долина Сурхандарьи; 4 - Гиссарская долина (по Il'yasov 2001).

24.01.2014

Dr. Aydogdy Kurbanov, German Archaeological institute, Eurasian department, Gerda Henkel research fellow, Im Dol 2-6, Haus II, 14195 Berlin, Germany, e-mail: aydogdydk@yahoo.com

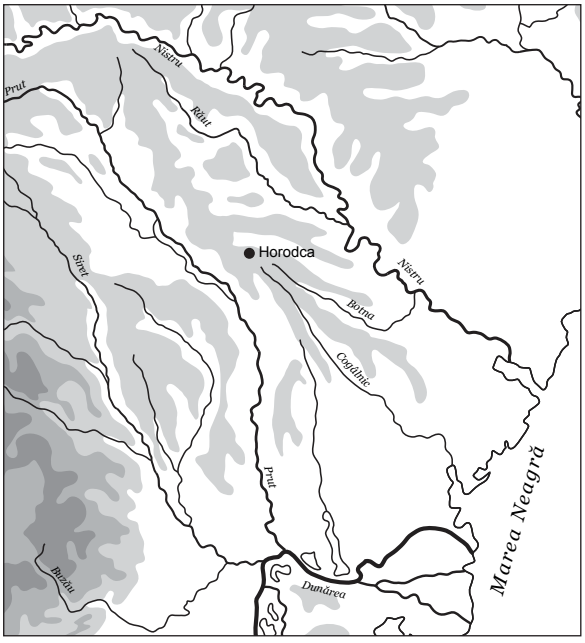
O LOCUINȚĂ DIN SECOLUL AL XV-LEA CERCETATĂ ÎN INCINTA FORTIFICAȚIEI GETICE DE LA HORODCA MICĂ

Octavian Munteanu
Ion Tentiuc

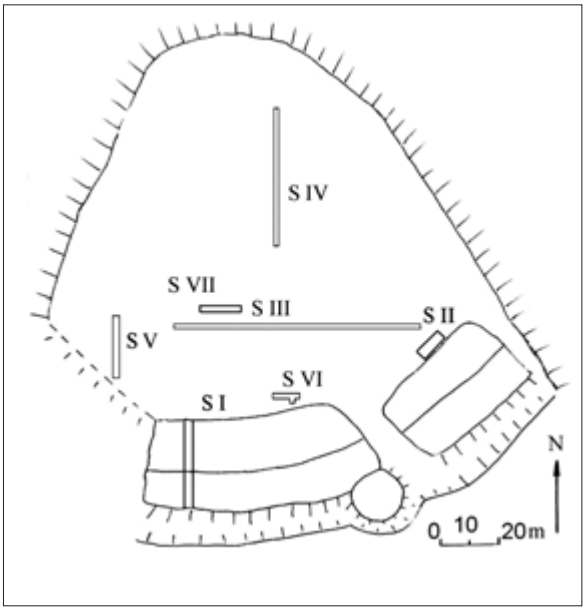
Deşi interesul pentru cercetarea arheologică a aşezărilor rurale medievale din partea centrală a spaţiului pruto-nistrean s-a manifestat destul de târziu, după cel de-al Doilea Război Mondial, totuşi, investigaţiile de teren au reuşit să identifice şi să includă în circuitul ştiinţific un număr important de vestigii reprezentate de situri arheologice din diferite perioade cronologice aparţinând Evului Mediu timpuriu, Evului Mediu dezvoltat sau tardiv. Aceste investigaţii au adus noi date în legătură cu diverse aspecte ale evoluţiei satului medieval, demonstrând perpetuarea vieţuirii umane în regiunea menţionată şi, totodată, elucidând faciesuri inedite de cultură materială care au permis reconstituirea multiplelor particularităţi social-economice, culturale şi de viaţă spirituală ale comunităţilor locale.

În acest context se înscriu şi cercetările întreprinse în incinta fortificaţiei de la Horodca Mică, r-nul Ialoveni (fig. 1/1). Cercetarea fortificaţiei de pământ de la Horodca, realizată în ultimii câţiva ani, se înscrie într-un şir de acţiuni dedicate investigaţiilor de teren în fortificaţiile getice efectuate relativ recent în spaţiul dintre Prut şi Nistru, cum ar fi cele de la Butuceni (Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002), Saharna Mare (Смирнов 1949, 93-96; Arnăut 2000, 93-104; Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2007, 27-62; Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008), Saharna-La Revechi (Levinschi 2001, 103-116; Levinschi 2003, 261-284; Levinschi 2004, 64-80; Levinschi 2007, 275-278), Cosăuţi (Munteanu 2004, 82-104; Munteanu 2007, 295-310), Măşcăuţi-Cetate (Musteaţă 2004, 88-90), Horodca Mică (Munteanu, Iarmulschi 2007, 279-286; Munteanu et al. 2009, 61-80; Munteanu et al. 2010, 179-198; Munteanu, Perju 2010, 520-531; Munteanu 2013, 311-329).

În majoritatea studiilor realizate pe marginea cercetărilor din cetăţile getice, o atenţie deosebită a fost acordată sistemului defensiv. În această



1



2

Fig. 1. Horodca Mică. 1 - Localizarea sitului de la Horodca Mică; 2 - schiţă topografică cu amplasarea secţiunilor trasate în anii 2006-2011.

ordine de idei, situl de la Horodca nu constituie o excepţie, mai ales în contextul conservării foarte bune a liniilor lui defensive. Deja în perioada cercetărilor de teren, în special din momentele îndelungatelor analize ale complexului tablou stratigrafic, am admis existenţa mai multor etape succesive de fortificare consecutivă a promontoriului numit de localnici „La Hultan", însă cunoscut în bibliografia de specialitate cu numele de Horodca Mică (Пасек 1949, 57-68; Златковская 1965, 220-225; Златковская, Полевой 1969, 35-60; Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974; Hîncu 1993; Munteanu 2013, 311-329).

Fortificaţia din perioada getică de la Horodca a fost descoperită şi inclusă în circuitul ştiinţific încă în perioada interbelică (Ciobanu 1924, 57)[1]. Aceasta este amplasată pe penultima terasă a râului Botna, pe un promontoriu delimitat de două râpe (fig. 1/2). Dinspre vest râpa este foarte adâncă şi abruptă. În partea de nord şi nord-est pantele sunt mai domoale, dar suficient de greu accesibile. Şaua de legătură cu restul teritoriului revine părţilor de sud-vest, sud şi sud-est, care au şi fost fortificate de locuitorii spaţiului. Fortificaţia este constituită din câteva elemente defensive: val cu şanţ adiacent, escarpă şi bastion. La limita sud-vestică a promontoriului, având în vedere specificul topografic al spaţiului, panta a fost taluzată o porţiune de circa 50 m, ceea ce, bineînţeles, a facilitat efortul de a fortifica spaţiul întărit. Restul porţiunii, ocupată de şaua de legătură, a fost fortificat cu val şi şanţ (fig. 1/2). Valul a fost ridicat în partea de sud şi sud-est a promontoriului şi reprezintă două segmente întrerupte, amplasate sub unghi de circa 160 de grade. Dinspre exterior acestea au formă rotunjită, conferind segmentului un caracter semicircular. Lungimea celui de-al doilea segment fortificat, din partea de sud, este de 65 m măsurate din interior şi 75 m din exterior. Diferenţa de lungime se explică prin caracterul curbat al sistemului defensiv. Lungimea segmentului sud-estic este de 45 de m atât în exterior cât şi în interior. Proporţionalitatea lungimilor segmentului se datorează caracterului rectiliniu pe care o are această porţiune de fortificaţie. Lăţimea valului, pe segmentul de vest, constituie 32-33 m. Acesta se lărgeşte uşor doar în locul de joncţiune cu „bastionul", unde atinge circa 35 m. Segmentul de sud-est al valului este ceva mai îngust. În partea de est lăţimea lui variază între 25 şi 30 m. Înălţimea valului variază între 5 şi 6,5 m (măsurată de la vârful valului până la nivelul de călcare din incintă). Şanţul adiacent are lăţimea preponderent de 12-13 m. Pe anumite porţiuni lăţimea lui creşte, iar pe altele – se micşorează. Astfel, în partea de vest, în imediata apropiere a bastionului, şanţul se îngustează până la 10 m, iar în partea opusă a bastionului – din contra, se lărgeşte până la 15 m. La momentul actual, diferenţa de nivel între vârful valului şi fundul şanţului este de 5,2 m. Spaţiul întrerupt între cele două segmente defensive are o lăţime cuprinsă între 10 şi 13 m (fig. 1/2). După toate probabilităţile anume aici poate fi localizată intrarea în cetăţuie.

În partea de sud-est a „intrării" se ridică un „bastion", care face joncţiune cu porţiunea vestică a valului (fig. 1/2). Certitudinea acestei joncţiuni este uşor compromisă de „calea de acces" în incintă care, după cât se pare, poate fi apreciată ca una realizată în perioada contemporană cu ajutorul tehnicii. Acest fapt, constatat vizual, necesită însă precizări de teren suplimentare. Construcţia „bastionului" prezintă în momentul de faţă forma unei movile de formă circulară cu înălţimea de peste 7 m de la nivelul actual de călcare. Diametrul „bastionului" este de circa 16,5 m. Din partea exterioară bastionul este precedat de un şanţ, care face legătură directă cu şanţul adiacent al segmentului vestic de fortificaţie. Lăţimea şanţului din preajma „bastionului" este mai mică decât a construcţiilor în preajma valurilor, constituind 6 m în partea de vest şi 9 m în cea de est.

* * *

Investigaţiile realizate până în prezent au vizat nu doar sistemul defensiv, dar şi unele porţiuni din incinta fortificaţiei. Aceste cercetări au permis să constatăm că, de rând cu vestigiile getice, în fortificaţia de la Horodca Mică poate fi delimitat şi un orizont medieval. Trebuie să menţionăm faptul că existenţa unui nivel de locuire din această epocă era sugerat încă din primii ani de cercetare. Practic, în straturile superioare din toate secţiunile trasate până în anul 2011, au fost descoperite fragmente ceramice care pot fi atribuie tradiţiilor medievale. Astfel, în partea de est a incintei a fost descoperit un fragment de vatră care, stratigrafic, a fost atribuit acestui orizont. În stratul de cultură dinspre linia sudică a sistemului defensiv au

[1] Cercetările perieghetice efectuate în anul 1968 în bazinul superior al Botnei de către L.L. Polevoi au condus la identificarea, în împrejurimile s. Horodca, a unor aşezări medievale din secolele XVI şi XVII (vezi: Полевой 1969, 185-210).

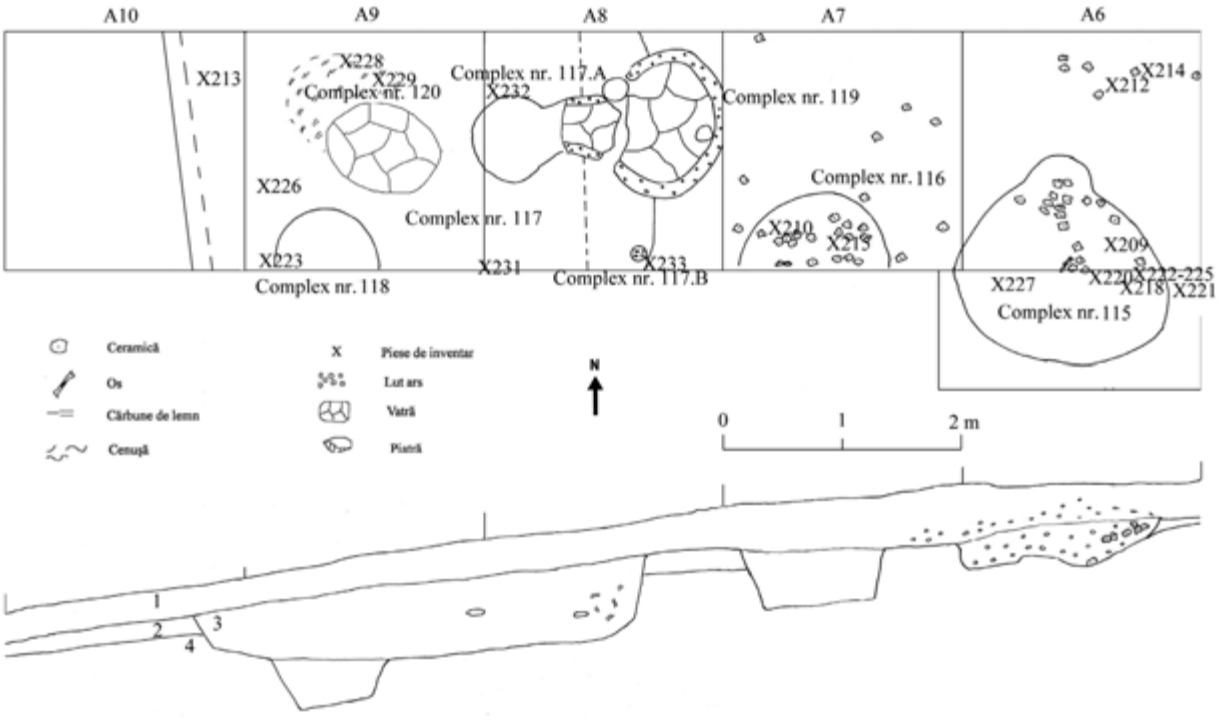


Fig. 2. Horodca Mică 2011. Secţiunea nr. VII. Planul secţiunii cu vestigiile descoperite în carourile A6-A10 şi profilul de sud.

fost descoperite patru monede de argint, dintre care două fiind emise de Hoarda de Aur, iar altele două aparţinând unor emisiuni tătaro-genoveze din secolul al XV-lea (Boldureanu, Munteanu 2011, 14-15) (fig. 7/1-4). Descoperirea acestor monede reprezentă indicii suplimentare în favoarea prezenţei unui orizontul medieval în incinta fortificaţiei de la Horodca Mică.

Supoziţiile s-au materializat în perioada investigaţiilor din vara anului 2011. În procesul săpăturilor întreprinse în incinta fortificaţiei a fost descoperită şi cercetată o locuinţă. Inventarul din umplutura şi de pe podeaua acesteia au permis de a o atribui perioadei medievale. În cele ce urmează vom supune analizei acest interesant complex medieval şi vestigiile arheologice descoperite în el.

Locuinţa 1 (fig. 3). Părţi ale conturului gropii locuinţei au fost descoperite în secţiunea din partea centrală a incintei, la adâncimea de 0,24 m de la nivelul actual de călcare. Locuinţa era adâncită, de la nivelul medieval de călcare, în partea estică, cu 0,7 m, iar dinspre vest, până la 0,5 m, formând o suprafaţă aproximativ orizontală a podelei (diferenţele de adâncime a locuinţei, indicate mai sus sunt determinate de o anumită înclinare a pantei urmărită la suprafaţa actuală a nivelului de călcare). Spaţiul în care a fost amenajată locuinţa[2] avea lungimea de 3,8 m. Aşa cum pereţii laterali ai locuinţei depăşeau limitele secţiunii, au fost cercetaţi doar pe lăţimea de 2 m, judecând după configuraţie, putem presupune că locuinţa avea în plan o formă aproximativ dreptunghiulară, având lăţimea, probabilă, de aproximativ 3,5 m. Pereţii săpaţi în sol galben, erau aproape verticali, uşor înclinaţi către interior, înclinarea fiind mai accentuată pe latura de vest. Podeaua locuinţei a fost descoperită la adâncimea medie de 0,84 m de la suprafaţa solului actual. Aceasta era simplă însă destul de bine bătătorită, fără să prezenta urme evidente de lutuire.

În interiorul locuinţei au fost descoperite două gropiţe de formă circulară provenite de la parii de susţinere ai acoperişului sau de la pereţii construcţiei. O groapă de par a fost cercetată în colţul de sud-est a locuinţei. Aceasta avea forma circulară în plan cu diametrul de 0,16 m şi adâncimea de 0,4 m. Umplutura gropii a păstrat urmele unui par de lemn carbonizat, resturile căruia erau răspândite pe podeaua locuinţei până la distanţa

[2] Locuinţa a fost descoperită în ultimele zile de aflare pe şantier, astfel încât dezvelirea spaţiilor ce depăşeau limitele Secţiunii a fost rezervată pentru cercetare în anii următori.

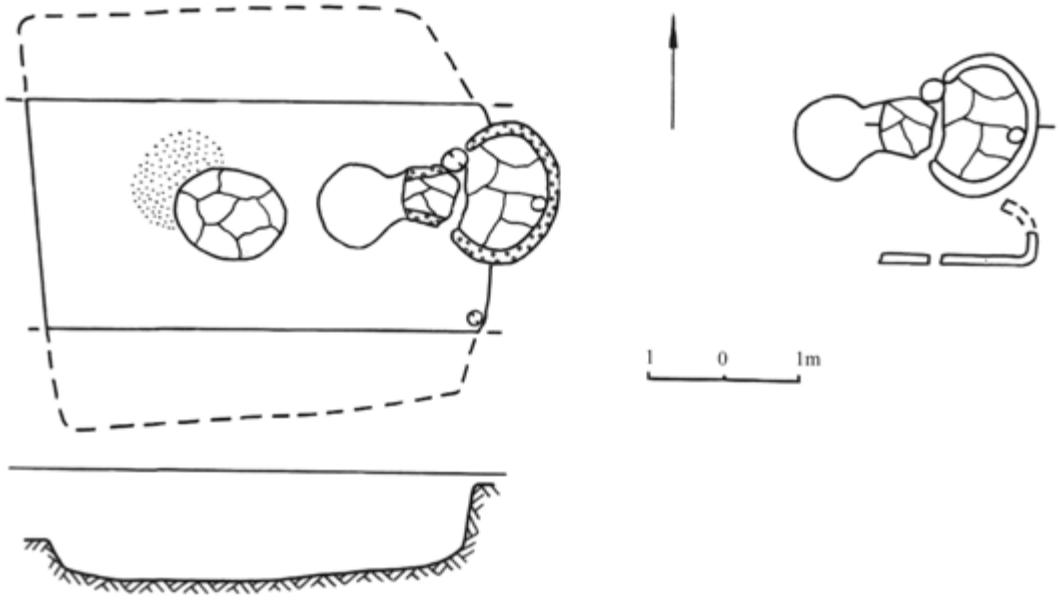


Fig. 3. Horodca Mică 2011. Planul şi secţiunea locuinţei medievale.

de 0,45 m de groapa în care a fost fixat. Cea de-a doua groapă de par a fost identificată pe mijlocul laturii scurte, de est, a locuinţei. Aceasta avea forma circulară în plan cu diametrul de 0,23 m şi adâncimea de 0,32 m. Şi în umplutura acestei gropi s-au păstrat urmele unui par de lemn, carbonizat. De remarcat faptul că la săparea gropii de par a fost străpunsă, parţial, vatra unui cuptor cotlonit. Crusta vetrei cuptorului a fost deteriorată pe un segment cu lăţimea de până la 0,1 m. Intrarea în locuinţă, deşi nesesizată arheologic, se făcea, probabil, într-o primă fază de existenţă a locuinţei, pe latura scurtă, opusă cuptorului cotlonit[3].

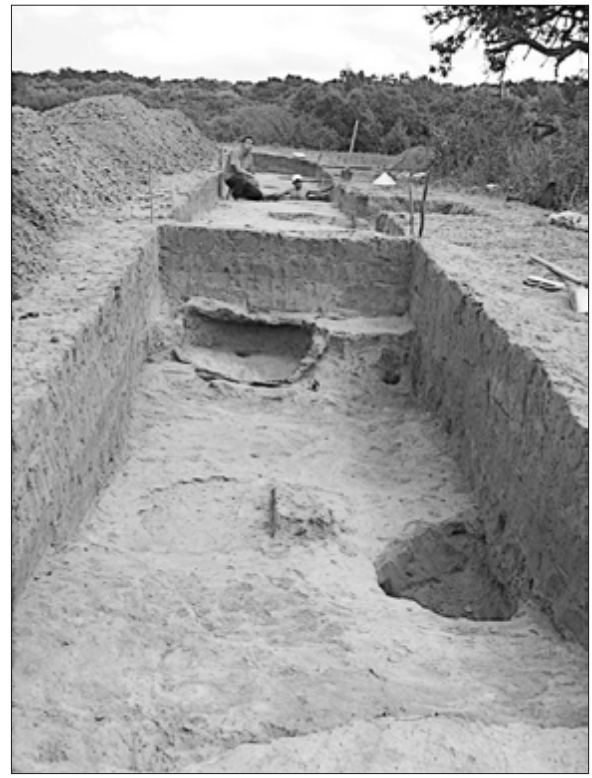
Umplutura locuinţei era constituită din sol de culoare cenuşie-închis, asocierea cu cărbuni de lemn şi lut ars, fiind diferită în anumite zone a interiorului locuinţei. O aglomeraţie mai mare de cărbune de lemn era concentrată în partea centrală a bordeiului, iar alta în partea de est. Pe acest loc au fost descoperite instalaţiile de încălzit ale locuinţei – o vatră şi un cuptor cotlonit, dar şi urmele gropilor de par menţionate.

În partea de vest a locuinţei, pe latura scurtă, era situată instalaţia de încălzit constituită dintr-un *cuptor cotlonit* în peretele natural al locuinţei. Conturul cuptorului de formă circulară avea dimensiunile de 1,34×1,2 m. Pereţii erau cruţaţi în rocă, fiind uşor înclinaţi spre interior. Aceştia erau bine lutuiţi, de altfel ca şi vatra cuptorului, puternic arşi. Arsura puternică a format pe suprafaţa vetrei şi ai pereţilor cuptorului o crustă groasă de 1,5-2 cm. Solul din zona pereţilor şi de sub vatra cuptorului era puternic ars, până la circa 11 cm. Vatra cuptorului era bine conservată, cu excepţia porţiunii în care a fost săpată, într-o altă fază de locuire, o groapă de par pentru susţinerea acoperişului. Părţi de la bolta cuptorului s-au păstrat doar pe mici porţiuni şi se ridicau până la înălţimea maximă de 0,3 m de la nivelul vetrei, iar la gura cuptorului – de până la circa 0,5 m. La gura cuptorului, pe axa centrală, a fost curăţată o adâncitură de formă circulară în plan, cu dimensiunile de 0,12×0,09 m, adâncă de 0,07 cm, apărută ca rezultat al frecventelor curăţări a cenuşii din interiorul instalaţiei de încălzit.

În partea centrală a locuinţei a fost descoperită o a doua instalaţie de încălzit. Aici se afla o *vatră simplă,* de formă circulară în plan, cu dimensiunile de 0,55×0,45 m. Vatra lutuită îngrijit era puternic arsă, formând o crustă cu grosimea de circa 0,02 m. Solul de sub vatră era ars până la 0,12 m.

[3] Sub podeaua locuinţei medievale, în partea de sud-vest a acesteia, a fost descoperită o groapă menajeră aparţinând nivelului getic, după cum demonstrează materialul ceramic descoperit în umplutură acesteia.

1



2

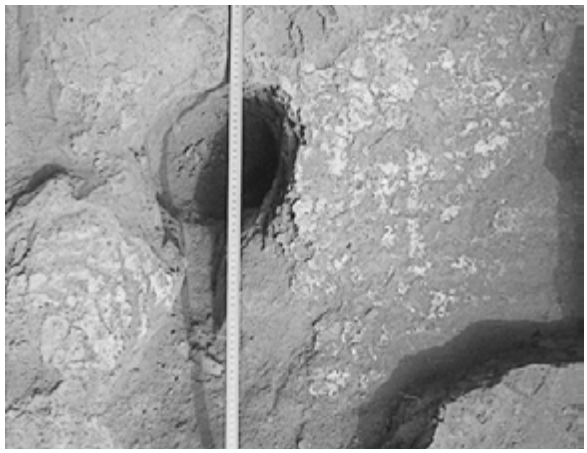
3

4

Fig. 4. Horodca Mică 2011. Secţiunea nr. VII. Complexul nr. 117/Locuinţa medievală: 1, 2 - vestigiile locuinţei medievale; 3, 4 - vestigiile cuptorului cotlonit din locuinţă.

În umplutura locuinţei şi pe podeaua ei au fost descoperite mai multe piese de uz casnic. Dintre acestea menţionăm un cuţit de fier, lung de 15,6 cm, având lama cu lungimea de 7,3 cm (fig. 6/5); o cataramă de fier, de formă rectangulară, cu dimensiunile de 3,0×4,5 cm (fig. 6/4); un fragment de cute de piatră cu orificiu de prindere (fig. 6/1) şi fragmentul unei piese de bronz (aplică ?) (fig. 6/3). Tot aici a fost descoperit un vârf de săgeată cu lungimea totală de 5,2 cm. Acesta face parte din categoria pieselor înzestrate cu peduncul de înmănuşare de formă conică, circular în secţiune. Lama/frunza are formă de piramidă cu baza triunghiulară şi vârful ascuţit. Distanţa dintre aripioarele lamei este de 1,8 cm. Deşi puternic corodat, se pare că pedunculul era prevăzut cu prag la punctul de trecere de la frunză la spin (fig. 6/2).

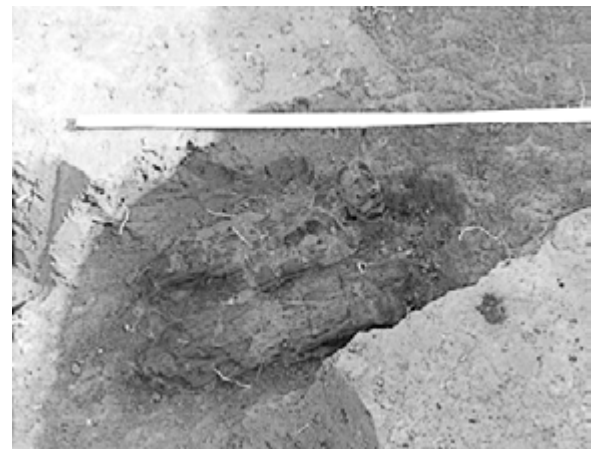
Pe podeaua locuinţei a mai fost descoperită o monedă medievală moldovenească (fig. 6/6). Aceasta este de tipul groşilor, lucrată din foiţă de bronz şi acoperită cu un strat subţire de argint. Pe aversul monedei este reprezentat, într-un cerc perlat



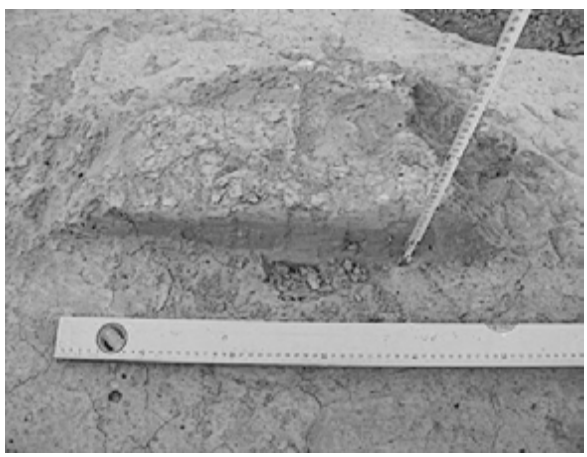
1

2

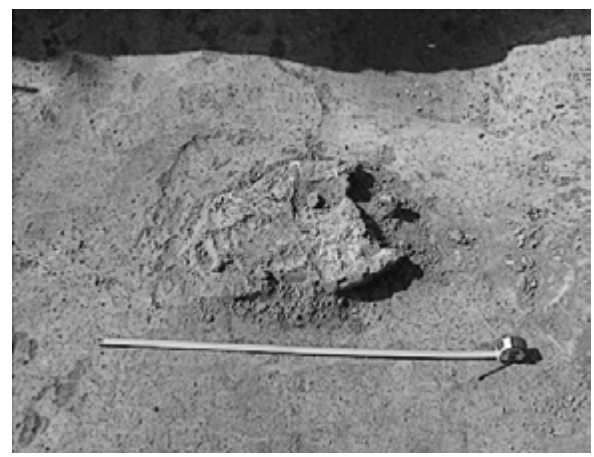
3



4



5



6

Fig. 5. Horodca Mică 2011. Secţiunea nr. VII. Complexul nr. 117/Locuinţa medievală: 1, 2 - gropile de par din interiorul locuinţei; 3, 4 - resturi carbonizate ale parilor de susţinere a acoperişului locuinţei; 5, 6 - vestigiile vetrei simple descoperite în partea centrală a locuinţei.

interior, imaginea unui călăreţ în armură cu coif cu spada ridicată în mâna stângă, mergând spre stânga şi cerc perlat exterior. Pe revers, în cerc perlat interior – un scut cu semn grafic (litera M inversată - ?) şi cerc perlat exterior. Legenda, între cele două cercuri perlate, pe ambele feţe ale monedei, conţine inscripţia: ELIAS WOIWODA (Iliaş Voievod).

Exemplarul este, se pare, o variantă a tipului V de monede emise în timpul domniei lui Iliaş I (1432-1443) fiind încadrat, potrivit clasificării propuse de cercetători, probabil, în anul 1442 (Iliescu 1970, 29; Buzdugan, Luchian, Oprescu 1977, 67). Este perioada când Iliaş, fiul lui Alexandru cel Bun şi al Neacşei, a domnit împreună cu fratele său Ştefan al II-lea. Trebuie să menţionăm însă că recent a fost propusă o nouă ipoteză cât priveşte datarea monedelor de tip V şi o explicaţie judicioasă a prezenţei călăreţului în armură, cu coif şi cu spadă în mâna stângă pe această categorie de monede. Autorii înclină să creadă că monedele de tipul V au fost bătute nu în ultima perioadă de domnie, ci chiar în primul an de după întronarea lui Iliaş, însă nu mai târziu de anul 1433 (Gorodenco, Dergaciova 2005, 360-362).

În umplutura şi pe podeaua locuinţei a fost descoperită o importantă colecţie de ceramică, numărând 198 de fragmente, realizate la roata olarului. În marea majoritate ceramica era decorată în tehnica inciziei cu striuri paralele sau vălurite dispuse orizontal, fie acoperită cu smalţ. Pornind de la importanţa locuinţei descoperite, materialul ceramic a fost colectat succesiv. Astfel, în umplutura din partea superioară a gropii locuinţei (până la adâncimea de 0,6 m de la solul actual), au fost descoperite 37 fragmente ceramică lucrate la roată, dintre care: un fragment de fund de la un vas, ars în mediu reducător, obţinându-se o culoare cenuşie; un fragment de fund de la vas, ars în mediu oxidant, conferind peretelui culoare roşiatică, suprafaţa fiind acoperită cu smalţ bicolor (verde şi galben). Tot aici au fost găsite trei fragmente de buză şi 13 pereţi de la un singur vas, cu pereţii de culoare cenuşiu-roşiatică; alţi trei pereţi de la un vas aveau culoare roşiatică în spărtură, suprafaţa fiind acoperită cu smalţ de culoare cafenie; trei pereţi de la vas aveau culoare gălbuie; un alt perete de la vas era de culoare cenuşie.

Până la adâncimea de 0,8 m a gropii locuinţei (de la nivelul solului actual) au fost descoperite 70 fragmente ceramică lucrate la roată, dintre care: un fragment de perete de la un vas de culoare roşiatică, acoperit cu smalţ din interior (decor în culori albicioase, brună, galbenă); un fragment de buză şi 38 pereţi de la un singur vas, având suprafaţa acoperită cu smalţ de culoare cafenie; alţi doi pereţi de la vas erau acoperiţi din interior cu smalţ de culoare cafenie, iar din exterior cu benzi albe; şase pereţi de la vas acoperiţi din interior cu smalţ de culoare cafenie, iar din exterior cu benzi negre; doi pereţi de la vas de culoare gălbuie; şase pereţi de la vas, cu suprafaţa zgrunţuroasă, de culoare cenuşie; un fragment de buză de la un vas de culoare roşiatică şi un fund de la un vas acoperit din interior cu smalţ de culoare cafenie.

Pe podeaua complexului/locuinţei au fost descoperite 91 fragmente ceramică la fel lucrate la roata olarului, dintre care: 18 pereţi şi o buză de la un vas, acoperite din interior cu smalţ de culoare cafenie; 18 pereţi şi o buză de vas acoperite din interior cu smalţ de culoare cafenie; trei pereţi de la vas cu suprafaţa zgrunţuroasă, de culoare cenuşie; 11 pereţi de la vase de culoare roşiatică şi 21 pereţi de la vas de culoare roşiatică, acoperit din interior cu smalţ de culoare verde deschis, iar din exterior decor din smalţ verde închis.

Analiza materialelor descoperite şi a particularităţilor constructive a permis de a constata că locuinţa a cunoscut două etape în cursul existenţei sale. În cea dintâi sistemul de încălzire era amplasat în partea de est unde, pe latura scurtă, în peretele natural al locuinţei, a fost săpat un cuptor cotlonit de formă circulară. În cea de a doua etapă de funcţionare locuinţa a fost refăcută în totalitate, fiind respectată doar forma gropii locuinţei şi adâncimea. Dacă în prima etapă pereţii au fost construiţi, după cât se pare, pe tălpici de lemn, în cea de a doua tălpile au fost demontate şi au fost săpate gropi de par pentru susţinerea pereţilor şi ai acoperişului. Groapa unui dintre parii de susţinere a perforat vatra veche a cuptorului cotlonit, săpat în peretele de est al locuinţei. La această a doua etapă, în calitate de sistem de încălzire, a servit o vatră circulară simplă situată în partea centrală a locuinţei.

Dintre piesele descoperite în interiorul locuinţei, menţionate mai sus, distingem, pe lângă colecţia de ceramică care va necesita o analiză aparte, o monedă de argint/argintată şi vârful de săgeată.

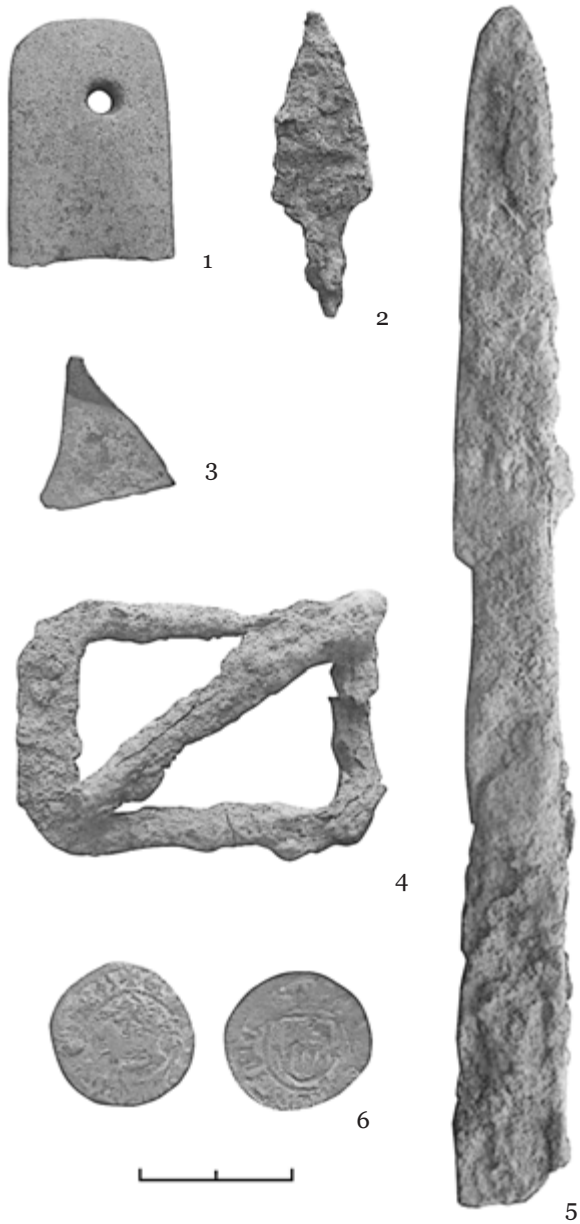


Fig. 6. Horodca Mică 2011. Secţiunea nr. VII. Piese de inventar din Complexul nr. 117/Locuinţa medievală: 1 - cute; 2 - vârf de săgeată; 3 - placă de bronz (aplică-?); 4 - cataramă; 5 - cuţit; 6 - monedă (1 - piatră; 2, 4, 5 - fier; 3 - bronz; 6 - argint).

Ultimul chiar poate sugera una din cauzele dispariţiei complexului locativ.

Vârful de săgeată face parte din categoria pieselor înzestrate cu peduncul de înmănuşare circular în secţiune, având lama/frunza de formă piramidală cu baza triunghiulară şi vârful ascuţit. Acestea au o perioadă de circulaţie destul de largă, începând cu secolul XIII şi până în secolele XV-XVI. Piese de acest fel au fost descoperite în complexe închise, aparţinând intervalului de timp cuprins între sfârşitul secolului al XIV-lea şi mijlocul secolului al XV-lea, cercetate în siturile de la Stâncăuţi (Городенко 1989, 3, рис. 3/1); Soroca (Musteaţă, Tentiuc, Ursu 2013, 19, fig. 9/17-18; Musteaţă, Tentiuc, Ursu 2013 2014); Orheiul Vechi (Postică 2006, fig. 99/3; fig. 125/1); Păcuiul lui Soare (Diaconu, Baraschi 1977, 139-140, fig. 105/17); Baia (Neamtu, Neamţu, Cheptea 1980, 69, fig. 35/5; 36/2.) etc.

Moneda descoperită în interiorul locuinţei aparţine unei variante a tipului V, din cele cinci emisiuni monetare cunoscute din timpul domniei lui Iliaş I (1432-1443). Descoperirea ei pe podeaua locuinţei impune datarea complexului şi a materialului descoperit în prima jumătate sau mijlocul secolului al XV-lea. Piese monetare de la acest domnitor au mai fost descoperite în situri şi complexe datate la sfârşitul secolului al XIV-lea - prima jumătate a secolului al XV-lea cum ar fi aşezările rurale de la Mălăieştii Vechi-Râşcani (Городенко 1990a, 13; Городенко 1990b, 79), Orheiul Vechi (Postică 2005, 379) şi Măleşti-Neamţ (Popovici 1987, 171, 180, fig. 6/3), la biserica „Sfântul Nicolae" de la Rădăuţi (Bătrâna, Bătrâna 2012, fig. 44, 9) etc.

Despre faptul că aşezarea reprezentată de locuinţa identificată în incinta fortificaţiei de la Horodca este una care a coexistat sau a apărut în perioada imediat următoare de după retragerea autorităţilor Hoardei de Aur din spaţiul pruto-nistrean, mărturisesc şi cele patru monede de argint (două aparţinând Hoardei de Aur şi două fiind emisii tătaro-genoveze) descoperite în imediata apropiere a locuinţei supuse studiului (Boldureanu, Munteanu 2011, 14-15; Boldureanu 2012, 347-348).

Încadrarea cronologică a locuinţei nu comportă mari dificultăţi, datorită descoperirii în interiorul ei a unei monede medievale moldoveneşti, emisă în anii 1442. Punând la bază datarea monedei, atribuită lui Iliaş I, domn al Moldovei, care l-a succedat la tron pe tatăl său, Alexandru cel Bun în anul 1432, şi corelând-o cu celelalte materiale descoperite, putem încadra locuinţa în prima jumătate a secolului al XV-lea.

Cercetările arheologice viitoare vor trebui să aducă precizări cât priveşte existenţa şi a altor complexe de locuire din prima jumătate şi mijlocul secolului al XV-lea în incinta fortificaţiei de la Horodca Mică. Astfel, vom avea un indiciu clar dacă

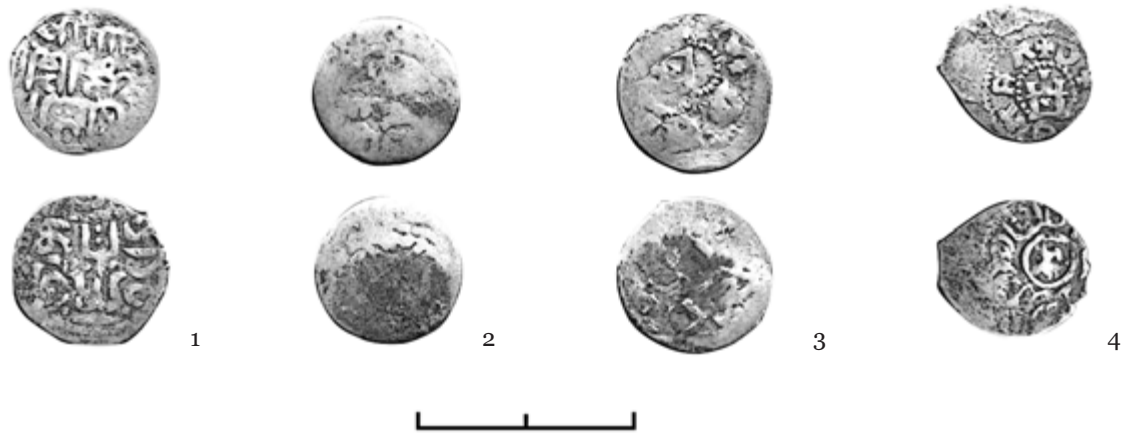


Fig. 7. Horodca Mică 2010. Secţiunea nr. VI: 1-4 - monede de argint descoperite în stratul cultural.

locuinţa din epoca medievală descoperită la Horodca Mică prezintă un caz izolat sau atestă existenţa unui orizont de locuire, a unei aşezări din secolul al XV-lea, a cărui dimensiune urmează a fi precizată. Tot aşa va trebui de explicat şi cauza apariţiei unei locuinţe / a unei aşezări pe o terasă atât de înaltă, propice, pentru această perioadă, doar unor fortificaţii şi nu unei locuiri obişnuite.

Bibliografie

Bătrâna 2012: L. Bătrâna, A. Bătrâna, Biserica „Sfântul Nicolae" din Rădăuţi. Cercetări arheologice şi interpretări istorice asupra începuturilor Ţării Moldovei (Piatra Neamţ 2012).

Boldureanu 2012: A. Boldureanu, Cronica descoperirilor numismatice (VI). Tyragetia s.n. VI/1, 2012, 347-352.

Boldureanu, Munteanu 2011: A. Boldureanu, O. Munteanu, Monede medievale din secolul al XV-lea descoperite la Horodca Mică, raionul Ialoveni. In: Al XII-lea Simpozion de Numismatică. Rezumatele comunicărilor (Chişinău 2011), 14-15.

Buzdugan, Luchian, Oprescu 1977: C. Buzdugan, O. Luchian, C.C. Oprescu, Monede şi bancnote româneşti (Bucureşti 1977).

Ciobanu 1924: Şt. Ciobanu, Biserici vechi din Basarabia. In: Buletinul Comisiunii Monumentelor istorice. Secţiunea din Basarabia, I (Chişinău 1924).

Gorodenco, Dergaciova 2005: A. Gorodenco, L. Dergaciova, Consideraţii privind reprezentarea călăreţului pe monedele din Podolia şi Moldova la finele secolului XIV şi al treilea deceniu al secolului XV. Revista Arheologică S.N. I/1, 2005, 359-363.

Haheu 2008: V. Haheu, Sisteme de fortificaţii traco-getice la est de Carpaţi (Chişinău 2008).

Hîncu 1993: I.Gh. Hîncu, Cetăţi antice şi medievale timpurii din Republica Moldova (Chişinău 1993).

Iliescu 1977: O. Iliescu, Moneda în România (Bucureşti 1970).

Levinschi 2001: A. Levinschi, Date preliminare privind datarea complexelor fortificaţiei getice „Saharna-La Revechin". Tyragetia X, 2001, 103-116.

Levinschi 2003: A. Levinschi, Limita cronologică superioară a fortificaţiilor getice din microzona Saharna - Rezina. In: Interferenţe cultural-cronologice în spaţiul nord-pontic (Chişinău 2003), 261-284.

Levinschi 2004: A. Levinschi, Fortificaţia getică „Saharna - La Revechin" (cercetările din anul 2000-2002). In: Cercetări arheologice în Republica Moldova, I, (2000-2003) (Chişinău 2004), 64-80.

Levinschi 2007: A. Levinschi, Date preliminare privind începutul de locuire a geţilor pe locul aşezării fortificate Saharna Mare. Tyragetia s.n., I/1, 2007, 275-278.

Munteanu 2004a: O. Munteanu, Les elements du sisteme defensif de Cosauti. In: Tracians and Circumpontic World, II (Chişinău 2004), 82-104.

Munteanu 2004b: O. Munteanu, Getae fortification of Cosauti, District Soroca. In: Daco-geţii: 80 de ani de cercetări arheologice sistematice la cetăţile dacice din munţii Orăştiei (Cluj-Napâoca 2004), 219-233.

Munteanu 2007: O. Munteanu, Noi linii defensive cercetate în microzona fortificaţiei Cosăuţi. Revista Arheologica s.n. III/1-2, 2007, 295-310.

Munteanu 2013: O. Munteanu, Etapele de edificare ale fortificaţiei de la Horodca Mică. Tyragetia s.n. VII/1, 2013, 311-329.

Munteanu, Iarmulschi 2007: O. Munteanu, V. Iarmulschi, Preliminarii privind fortificaţia de la Horodca Mică. Tyragetia s.n. I/1, 2007, 279-286.

Munteanu et al. 2009: O. Munteanu, V. Iarmulschi, V. Perju, L. Ermurachi, Fortificaţia getică de la Horodca Mică: complexele din incintă cercetate în anii 2006-2007. In: Păstrarea patrimoniului cultural în ţările europene (materialele conferinţei internaţionale, Chişinău, 25-26 septembrie 2008) (Chişinău 2009), 61-80.

Munteanu et al. 2010: O. Munteanu, V. Iarmulschi, V. Perju, L. Ermurachi, Prima fază de edificare a fortificaţiei de la Horodca Mică. Tyragetia s.n. IV/1, 2010, 179-198.

Munteanu, Perju 2010: O. Munteanu, V. Perju, Fortificaţia de la Horodca Mică: rezultatele primilor ani de cercetare. In: Probleme ale ştiinţelor socio-umane şi modernizării învăţământului, vol. II (Chişinău 2010), 520-531.

Musteaţă 2004: S. Musteaţă, Unele consideraţii preliminare privind rezultatele cercetărilor arheologice din cadrul cetăţii getice Măşcăuţi-Cetate. In: Tracians and Circumpontic World. Summaries (Chişinău 2004), 88-90.

Musteaţă, Tentiuc, Ursu 2013: S. Musteaţă, I. Tentiuc, I. Ursu, Raport ştiinţific preliminar privind investigaţiile arheologice în cetatea Soroca. Campania 2012, (Chişinău 2013).

Musteaţă, Tentiuc, Ursu 2014: S. Musteaţă, I. Tentiuc, I. Ursu, Consideraţii preliminare privind cercetările arheologice la cetatea Soroca în anii 2012-2013. In: http://www.nationalmuseum.md/ro/cercetarile_arheologice_soroca_2012_2013, consultat la 01.03.2014.

Neamtu, Neamţu, Cheptea 1980: E. Neamtu, V. Neamţu, S. Cheptea, Oraşul medieval Baia în secolele XIV-XVII. Cercetările arheologice din anii 1967-1976 (Iaşi 1980).

Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002: I. Niculiţă, S. Teodor, A. Zanoci, Butuceni. Monografie arheologică (Bucureşti 2002).

Niculiţă, Zanoci 2004: I. Niculiţă, A. Zanoci, Sistemul defensiv la traco-geţii din regiunea Nistrului Mijlociu. In: Tracians and Circumpontic World, II (Chşinău 2004), 14-29.

Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2007: I. Niculiţă, A. Zanoci, T. Arnăut, Sistemul defensiv al cetăţii din prima epocă a fierului – Saharna Mare. Tyragetia s.n. I/1, 2007, 27-62.

Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008: I. Niculiţă, A. Zanoci, T. Arnăut, Habitatul din mileniul I a. Chr. în regiunea Nistrului Mijlociu. Siturile din zona Saharna (Chişinău 2008).

Popovici 1987: R. Popovici, Cercetări arheologice în aşezarea rurală medievală Măleşti (secolele XIV-XVII). ArhMold, XI, 1987, 169-190.

Postică 2005: Gh. Postică, Complexul monumental din piatră din secolul XV descoperit în citadela Orheiului Vechi. Revista Arheologică s.n. I/2, 2005, 371-385.

Postică 2006: Gh. Postică, Orheiul Vechi. Cercetări arheologice 1996-2001 (Iaşi 2006).

Городенко 1989: А.П. Городенко, Отчет о полевых исследованиях раннемолдавской археологической экспедиции в 1988 году (Кишинев 1989). Arhiva MNIM, inv. nr. 285.

Городенко 1990a: А.П. Городенко, Исследования на двух поселениях молдавского времени в 1989 году (Кишинев 1990). Arhiva MNIM, inv. nr. 296.

Городенко 1990b: А.П. Городенко, К проблеме датировки раннемолдавского пласта на поселениях Старые Мэлэешты и Стынкэуцы. В сб.: Археология, Этнография и искусствоведение Молдовы: итоги и перспективы. Материалы республиканской конференции 8-9 августа 1989 г. (Кишинев 1990), 78-85.

Златковская 1965: Т. Златковская, Городище Матеуцы. In: Новое в советской археологии, (Москва 1965), 220-225.

Златковская, Полевой 1969: Т. Златковская, Л.Л. Полевой, Городища пруто-днестровского междуречья IV-III вв. до н.э. и вопросы политической истории гетов. МИА СССР, 150, 1969, 35-60.

Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: В. Лапушнян, И. Никулицэ, М. Романовская, Памятники раннего железного века. В: АКМ, вып. 4 (Кишинев 1974).

Пассек 1965: Т.С. Пассек, Археологические разведки в Молдавии. КСИИМК, 26, 1949, 57-68.

Полевой 1969: Л.Л. Полевой, Археологические памятники верхнего течения р. Ботна. В сб.: Далекое прошлое Молдавии (Кишинев 1969), 185-210.

Смирнов 1949: Г.Д. Смирнов, Скифское городище и селище «Большая Сахарна». КСИИМК XXVI, 1949, 93-96.

A house of the 15th century explored in the fortified settlement of Horodca Mică

Abstract

The archaeological investigations at the Getae fortified settlement of Horodca Mică revealed some materials from the medieval period. In the central part of its internal space a one-room dwelling with the floor deepened into the ground was found, characterized by two phases of habitat At the first stage it was warmed by a clay oven located in the middle of the east wall, and at the second – by a rounded open hearth located in the central part of the room (fig. 3).

In the filling and on the floor of the house, besides rather interesting collection of ceramics, there were found the following objects: an iron knife (fig. 6/5), an sub-rectangular iron buckle (fig. 6/4), a leaf-shaped arrowhead (fig. 6/2) and a fragment of a whetstone with hanging hole (fig. 6/1). On the floor of the house there was also found a medieval coin (fig. 6/6) issued by Moldavian Prince Iliaş (1432-1443), which was attributed to type V and dated approximately from 1442.

The discovery of the coin makes possible dating the dwelling with the first half of 15th century. Further investigation of the internal space of the Getae fortified settlement will show whether it was an isolated dwelling or it was part of the medieval settlement arranged on the place of an ancient fortress by virtue of the military-political circumstances.

List of illustrations:

Fig. 1. Horodca Mică. 1 - Location of the site of Horodca Mică; 2 - topographic map and the location of the excavations in 2006-2011.

Fig. 2. Horodca Mică 2011. Section no. VII. Plan of section with discoveries within squares A6-A10 and southern profile.

Fig. 3. Horodca Mică 2011. Plan and section of the medieval dwelling.

Fig. 4. Horodca Mică 2011. Section no. VII. Complex no. 117/Medieval dwelling: 1, 2 - remains of the medieval dwelling; 3, 4 - remains of the furnace from the dwelling.

Fig. 5. Horodca Mică 2011. Section no. VII. Complex no. 117/Medieval dwelling: 1, 2 - pillar pits inside the dwelling; 3, 4 - carbonized remains of pillars supporting roof; 5, 6 - remains of the hearth discovered in the central part of the dwelling.

Fig. 6. Horodca Mică 2011. Section no. VII. Inventory objects from Complex no. 117/Medieval dwelling: 1 - whetstone; 2 - arrow head; 3 - bronze board (overlay-?); 4 – buckle; 5 - knife; 6 - coin (1 - sandstone; 2, 4, 5 - iron; 3 - bronze; 6 - silver).

Fig. 7. Horodca Mică 2010. Section no. VI: 1-4 - silver coins discovered in the cultural layer.

Жилище XV века, исследованное на гетском городище Хородка Микэ

Резюме

В процессе исследования гетского городища Хородка Микэ в центральной части его внутреннего пространства были обнаружены материалы средневекового времени. Среди наиболее интересных материалов средневековой эпохи выделяются четыре монеты, датируемые XIV и XV веками, и углубленная полуземлянка, для которой выявлены две фазы существования. На первом этапе жилище обогревалось подбойной глинобитной печью, расположенной посередине восточной стены его котлована, а на втором – открытым очагом округлой формы, расположенным в центральной части помещения (рис. 3).

В заполнении и на полу жилища, кроме достаточно интересной коллекции керамики, обнаружены железный нож (рис. 6/5), подпрямоугольная железная пряжка (рис. 6/4), листовидный наконечник стрелы (рис. 6/2) и фрагмент каменного оселка с отверстием для подвешивания (рис. 6/1). На полу жилища также обнаружена средневековая монета (рис. 6/6) времен молдавского господаря Илиаша (1432–1443 гг.).

Выявленная монета позволила датировать период существования жилища первой половиной – серединой XV века. Дальнейшие исследования внутреннего пространства гетского городища покажут, было ли это одиночное жилище или оно являлось частью средневекового поселения.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Хородка Микэ. 1 - расположение памятника Хородка Микэ; 2 - топографический план и место расположения раскопов 2006-2011 гг.

Рис. 2. Хородка Микэ 2011. Раскоп VII. План и профиль раскопа в квадратах А6-А10.

Рис. 3. Хородка Микэ 2011. План и профиль средневекового жилища XV века.

Рис. 4. Хородка Микэ 2011. Раскоп VII. Комплекс 117: 1 - уровень обнаружения жилого сооружения; 2 - донная часть после зачистки; 3, 4 - донная часть подбойной печи жилища.

Рис. 5. Хородка Микэ 2011. Раскоп VII: 1, 2 - столбовые ямы, обнаруженные у подбойной печи жилища.

Рис. 6. Хородка Микэ 2011. Раскоп VII. Археологические находки из средневекового жилища (1 - песчаник; 2, 4, 5 - железо; 3 - бронза; 6 - серебро).

Рис. 7. Хородка Микэ 2010. Раскоп VI: 1-4 - серебряные монеты из культурного слоя.

15.05.2014

Dr. Octavian Munteanu, Universitatea Pedagogică de Stat „Ion Creangă”, str. Ion Creangă nr. 1, MD-2069 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: ocmunteanu@gmail.com

Dr. Ion Tentiuc, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August, 121-A, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova

PERLA CU PORTRETELE MINIATURALE ÎN MOZAIC ALE ÎMPĂRAŢILOR ROMANI CONSTANTIN CEL MARE, CONSTANTINUS II ŞI CONSTANŢIUS II DESCOPERITĂ LA BURSUCENI, REPUBLICA MOLDOVA

Georghe Postică

1. Date generale

În anul 1978, în apropierea satului Bursuceni (fig. 1), raionul Sângerei, Republica Moldova, a fost descoperită o perlă romană cu reprezentări miniaturale umane şi table de şah. Piesa a fost găsită întâmplător, în timpul unei periegeze arheologice în cadrul aşezării *Bursuceni „Valea Viilor”*, datată în perioada secolelor III-IV p. Chr. Aşezarea este amplasată la distanţa de 0,2-0,3 km spre nord de satul Bursuceni, pe coasta de vest a unei văi, numită de către localnici *„Valea Viilor”*. Dimensiunile aşezării sunt de 700×300 m. La suprafaţa solului, la momentul descoperirii, se aflau multiple aglomeraţii de lut ars – urme ale unor locuinţe din epoca antică târzie, ceramică de tipul Sântana de Mureş-Černjahov şi amfore romane (Ларина, Постикэ 1990, 261-262).

Perla a fost găsită printre fragmente de lut ars şi ceramică de tip Sântana de Mureş- Černjahov, la suprafaţa solului. Piesa descoperită în aşezarea de lângă Bursuceni face parte din categoria perlelor romane cu mozaic (fig. 2-4). Este lucrată din pastă de sticlă de culoare albă, are o formă sferică uşor aplatizată la poli, puţin deformată din cauza arderii secundare. Diametrul perlei este de 2,5 cm, înălţimea 2,4 cm, diametrul găurii 0,55 cm.

2. Ornamentarea perlei

Pe fundalul alb al perlei este aplicat un ornament compus din lac de diferite culori (roşu, galben, albastru, verde, negru) şi cristale miniaturale din pastă de sticlă (roşii, galbene-aurii, albastre, verzi, negre) aplicate în tehnica pseudomozaicului sub formă de figuri miniaturale umane şi table de şah.

Ornamentul este alcătuit din compoziţii, sub forma unor benzi, plasate în cinci registre orizontale, fiecare dintre acestea fiind alcătuite din câte opt câmpuri. Aceste câmpuri, în conformitate cu sistemul tablei de şah sunt numerotate de către noi pe orizontală cu literele A, B, C, D, E, F, G, H, iar pe verticală cu cifrele 1, 2, 3, 4, 5 (fig. 5).

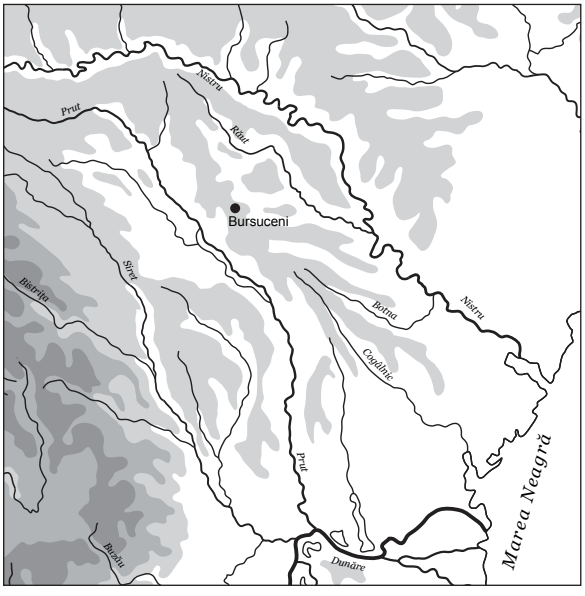


Fig. 1. Locul descoperirii.

2.1. Ornamentul registrelor nr. 1 şi nr. 5

Primul (nr. 1) şi ultimul (nr. 5) registru sunt plasate lângă gaură, respectiv în partea superioară şi inferioară a perlei. Fiecare din registrele menţionate este alcătuit din câte opt câmpuri trapezoidale cu suprafaţa netedă, patru fiind acoperite cu lac roşu, iar celelalte patru cu lac albastru, alterând cu câmpurile anterioare.

2.2. Ornamentul registrelor nr. 2 şi nr. 4

Registrele nr. 2 şi nr. 4 sunt plasate la nivelul umerilor piesei, în continuarea registrelor nr. 1 şi nr. 5. Cele două registre sunt despărţite prin registrul nr. 3, aflat la mijlocul perlei. Aceste registre sunt compuse din câte opt câmpuri, constituind în total 16 câmpuri, pe suprafaţa cărora sunt reprezentate table de şah. Fiecare tablă de şah este alcătuită din câte 64 pătrate miniaturale, conform schemei clasice de şah 8 × 8 rânduri (fig. 2/1-8; 4/4, 5). În ambele benzi se combină două feluri de table de şah. Primele, conţin pătrate miniaturale de culoare neagră şi galbenă, având pe

1

2

3

4

5

6

7

8

Fig. 2. Perla de la Bursuceni, imagini (Scara 2:1): 1 - câmpurile ABC2-3-4, 2 - câmpurile BCD2-3-4, 3 - câmpurile CDE2-3-4, 4 - câmpurile DEF32-3-4, 5 - câmpurile EFG2-3-4, 6 - câmpurile FGH2-3-4, 7 - câmpurile GHA2-3-4, 8 - câmpurile HAB2-3-4.

1

2

3

Fig. 3. Perla de la Bursuceni, imagini cu chipuri umane (Scara 8:1). 1 - câmpul D3, 2 - câmpul B3, 3 - Câmpul F3.

alcătuită de câmpurile D2-4, C3, E3, a doua: B2-4, A3, C3, a treia: F2-4, E3, G3 şi a patra H2-4, G3, A3.

Imaginile tablelor de şah de pe perlă reprezintă un interes aparte. În total sunt 17 table de şah, în 16 cazuri fiind reprezentată tabla clasică de şah, alcătuită din câte 64 pătrate după sistemul 8 × 8 pătrate, iar într-un caz particular este prezentă tabla din 36 pătrate, alcătuită după sistemul 6 × 6 pătrate.

4. Tabla de şah cu 36 pătrate

Câmpul de şah de la mijlocul perlei (H3) cu 36 pătrate (fig. 4/3) se deosebeşte principial de câmpurile de şah din benzile nr. 2 şi nr. 4 (fig. 4/4, 5). Acesta are cu 28 pătrate mai puţin, decât tablele de şah clasice cu 64 pătrate. Pătratele acestei table, după dimensiuni sunt mai mari decât pătratele din celelalte table, fiind aranjate după o altă schemă, de 6 × 6 rânduri. Majoritatea pătrăţelelor din tabla H3 sunt de culoare albă (16 la număr) şi albastră (10). Opt pătrate au culoarea roşie, iar două – galbenă. De menţionat, că pătratele sunt aranjate într-o ordine bine stabilită. Cele de culoare albastră şi albă prin alterare constituie fondul de bază al tablei, regăsindu-e pe toată suprafaţa ei. Pătratele roşii şi galbene se întâlnesc doar în două colţuri ale tablei dispuse pe diagonală, formând aici câte o cruce cu braţe alcătuite din câte patru pătrăţele roşii şi un pătrăţel galben în centru, la intersecţie.

5. Faţa umană centrală

Câmpul central (D3) al perlei are dimensiunile 0,8×0,8 cm şi este acoperit cu lac de culoare albastră-închisă (fig. 2/3; 3/1). În partea centrală a acestui câmp este reprezentat o faţă umană *en face,* cu o diademă pe frunte. Ea este modelată dintr-o bucăţică de pastă de sticlă de culoare albă bine şlefuită, cu dimensiunile 0,40×0,40 cm, care a fost plasată aici după metoda pseudomozaicului. Faţa este aplatizată, cu bărbia triunghiulară rotunjită. Ochii, nasul şi gura sunt executaţi schematic sub formă de puncte sau linii foarte fine, executate cu lac de culoare albastră. Pe fruntea acestei figuri este reprezentată o diademă cu o cunună triunghiulară în partea centrală. Diadema are forma unei panglici cu lăţimea 0,1 cm. Este alcătuită în tehnica pseudomozaicului din cristale miniaturale ovale din pasta de sticlă de culoare galbenă-aurie, aranjate orizontal. Pe frunte se evidenţiază clar patru cristale aurii. În partea centrală a frunţii, deasupra acestei panglici se află o cunună, lucrată în tehnica pseudomozaicului din 10 cristale miniaturale de sticlă de culoare verde, fiecare dintre care este „îmbrăcat" pe margine cu un strat foarte subţire de pastă de culoare roşie. Cristalele sunt aranjate sub forma unui triunghi isoscel cu înălţimea 0,2 cm, având pe fiecare latură câte patru cristale, iar în centru un singur cristal.

De la diademă, lângă ambele tâmple pe verticală se desprind şnururile diademei alcătuite din două fire, reprezentate prin două linii incizate, acoperite cu lac roşu şi galben. Linia de culoare galbenă s-a păstrat relativ bine, iar cea roşie carbonizată în bună parte a păstrat doar incizia ei cu urme foarte slabe de lac roşu.

6. Feţele umane laterale

Celelalte două feţe umane (B3 şi F3) sunt plasate în dreapta şi în stânga figurii centrale (D3), însă în aşa fel încât între ele se află câte un câmp liber (C3 şi E3) de culoare verde, echivalente cu câmpurile A3, G3, care despart portretele respective de câmpul cu tabla de şah H3 (fig. 2/1, 5; 3/2, 3). Câmpurile cu cele două feţe umane sunt aproape identice. Ele sunt patrulaterale (0,9×0,9 cm, şi 1,0×1,0 cm) cu suprafaţa netedă, acoperită cu un lac de culoare albastră-azurie. În partea centrală a acestor câmpuri sunt reprezentate feţe umane *en face,* executate după aceleaşi principii ca şi în cazul figurii din câmpul central. Aceste feţe umane se deosebesc de faţa umană centrală doar prin tipul diademei de pe frunte. În cele două cazuri cununa din partea centrală a diademei lipseşte. Pe fruntea acestor feţe sunt plasate orizontal câte o diademă în formă de panglică, alcătuite din cristale miniaturale de sticlă roşie (păstrate doar pe alocuri) îmbrăcate în cadrane din sticlă aurie care la rândul său cuprind şi cristale de culoare verde, toate acestea fiind montate în corpul perlei conform metodei pseudomozaicului. Cristalele de sticlă roşie în timpul arderii secundare s-au topit, rămânând doar amprentele lor şi unele rămăşiţe slabe care indică culorile menţionate mai sus, precum şi baza în care acestea au fost montate, de culoare cafenie.

Lângă tâmple celor două figuri, la fel ca şi în cazul figurii centrale, se desprind pe verticală şnururile diademei. Acestea sunt alcătuite din fire, reprezentate prin două linii incizate, acoperite cu lac

perimetru un chenar de culoare roşie. Cel de-al doilea fel de table conţin pătrate miniaturale de culoare albastră şi albă, având pe perimetru un chenar de culoare albastră.

2.3. Ornamentul registrului nr. 3

Registrul central de pe perlă, desemnat cu nr. 3 este alcătuit dintr-un câmp în formă de tablă de şah, trei câmpuri cu portrete umane şi patru câmpuri fără reprezentări.

În registrul nr. 3, spre deosebire de celelalte, se evidenţiază clar câmpul central, care corespunde compartimentului cu portret uman central (D3), plasat între compartimentele laterale cu portrete umane (B3, F3). Câmpul D3 reprezintă compartimentul de bază de pe suprafaţa perlei.

În partea opusă portretului central, în acelaşi registru, este reprezentat un câmp (H3) sub forma tablei de şah. Acest câmp se află între portretele umane nr. 3 (F3) şi nr. 2 (B3), fiind despărţite de ele prin câmpurile dreptunghiulare netede (G3 şi A3) acoperite cu lac de culoare verde şi înfrumuseţate pe perimetru cu trei cadrane plasate succesiv, de culoare roşie, neagră şi galbenă.

3. Constatări privind compoziţiile ornamentale

Analiza atentă a perlei ne demonstrează că câmpurile ornamentate din diferite registre se îmbină organic, formând patru compoziţii cu părţile laterale comune. Fiecare compoziţie este alcătuită din câte un bloc de câmpuri verticale (B1-5, D1-5, F1-5, H1-5) la care se alătură alte două blocuri de asemenea verticale (A1-5, C1-5, E1-5, G1-5), care concomitent fac parte şi din compoziţiile vecine. Pentru cele patru compoziţii este caracteristic faptul că în partea lor centrală se află cele trei portrete umane şi câmpul de şah cu 36 pătrate. Al doilea element comun este faptul că în toate colţurile compoziţiei se găseşte câte un câmp de şah de culoare albastră-albă, care pare să constituie fundamentul tuturor compoziţiilor. Celelalte câmpuri ale compoziţiilor menţionate (table de şah negru-galbene situate întotdeauna pe verticală faţă de centrul fiecărei compoziţii şi table de culoare verde cu chenar negru-roşu-galben, situate întotdeauna pe orizontală faţă de centrul fiecărei compoziţii) formează patru cruci cu braţe egale, având în centru un portret uman sau o tablă de şah cu 36 câmpuri aranjate pe fundalul tablelor de şah de culoare albastră-albă. Prima cruce este

1

2

3

4

5

Fig. 4. Perla de la Bursuceni. 1-2 - Imagini generale (Scara 1:1): 1 - câmpurile AH1-2, 2 câmpurile AH-4-5. 3-5 - imagini cu table de şah (Scara 4,5:1): 3 - câmpul H3, 4 - câmpul E4, 5 - câmpul F4.

Tabel.

Lista perlelor romane cu fețe umane și table de șah descoperite în Europa

Nr.	Localităţi	Țara	Bibliografie
1	Rud	Norvegia	Selling 1942, 33-34; Olsen 1974, 47; Stout 1986, 77-79
2	Veiberg	Norvegia	Reichstein 1975, 128, nr. 281, Taf. 11; Kellmer 1977; Stout 1986, 79; Solberg 1996
3	Byrkje	Norvegia	Reichstein 1975, 121, nr. 142, Taf. 38, 4-8; Vinsrygg 1978; Stawiarska, Onyščuk 2000, Abb. 3
4	Rolsø (Vrindersmark)	Danemarca	Selling 1942, 33, fig. 21; Olsen 1974, 45; Stout 1986, 90 f.
5	Bröndum	Danemarca	Selling 1942, 33, fig. 20
6	Vejle	Danemarca	Selling 1942, 38, fig. 23
7	Askeby	Danemarca	Norling-Christensen 1956, 63, 132, Abb. 32; Stout 1993, 100
8	Lyderslev	Danemarca	Selling 1942, 33-35, fig. 22
9	Rabakkegaard	Danemarca	Stout 1986, 86; Stawiarska, Onyščuk 2000, Abb. 3
10	Stenåsa (Fröslunda)	Suedia	Selling 1942, 37, fig. 18, 24
11	Fröjels	Suedia	Selling 1942, 37, fig. 17
12	Lärbro	Suedia	Selling 1942, 33, fig. 15
13	Gotland	Suedia	Selling 1942, 33, fig. 16, 19
14	Wlóscibórz (Lustebuhr)	Polonia	Selling 1942, 34-36, fig. 25
15	Slupsk (Stolp)	Polonia	Selling 1942, 35-36, fig. 26
16	Debczyno	Polonia	Zak 1978, 432-433; Godlowski 1981, 83; Kowalski 1991, 67-90
17	Straubing	Germania	Stawiarska, Onyščuk 2000, Abb. 3; Geisler 2010
18	Epöl	Ungaria	Stout 1986, 93; Stawiarska, Onyščuk 2000, Abb. 3; Bemman 2006, 217-231
19	Balice	Ucraina	Maczynska 1975, 297, рис. 1
20	Dudin	Ucraina	Онищук 1997, 117-121, рис. 4/1, 2; 5; Stawiarska, Onyščuk 2000, 325-333
21	Bârlad „Valea Seacă”	România	Palade 1983, 398, 406, fig. 1/1a, b; Palade 1986, Taf. R 92b, 20, Nr. 546; Palade 2004, 211-212, 675, fig. 294/8a, 8b (M. 546)
22	Polocin	România	Mamălăucă 2005, 76, categ. P52.
23	Fântânile	România	Mamălăucă 2005, categ. P53.
24	Bursuceni	Moldova	Postică 2004; Postică 2009.

roșu și galben care, din cauza arderii secundare, este carbonizat. La capătul șnurului diademei figurii F3 se observă două amprente semisferice – care indică urmele „perlelor” carbonizate. Acest indice de pe piesa de la Bursuceni, se înscrie perfect în șirul diademelor imperiale romane târzii, care includeau în componența lor perle cu mozaic prinse la capătul șnururilor acestora, fapt documentat foarte larg în arta antică târzie (Stout 1994, fig. 5/10, 20, 24, 33, 34). În acest context, este de menționat faptul că însăși perla de Bursuceni reprezintă un element de la o diademă de tip panglică.

7. Analogii în Europa

La etapa actuală, perla de la Bursuceni, în Europa își găsește 23 de analogii (Selling 1942, 23-48; Stout 1993, 99-110; Stawiarska, Onyščuk 2000, 325-222, Abb. 3; Bemman 2006, 230-231).

Majoritatea acestor piese reprezintă descoperiri din teritorii vechi germanice, dar se întâlnesc și în regiunile dacice: trei perle sunt semnalate pe țărmul Peninsulei Scandinave (Norvegia) – Rud și Byrkje; trei în Peninsula Iutlanda (Danemarca) – Rolsø, Bröndum și Vejle; șapte pe insulele baltice, inclusiv trei în Danemarca – Askeby, Lyderslev

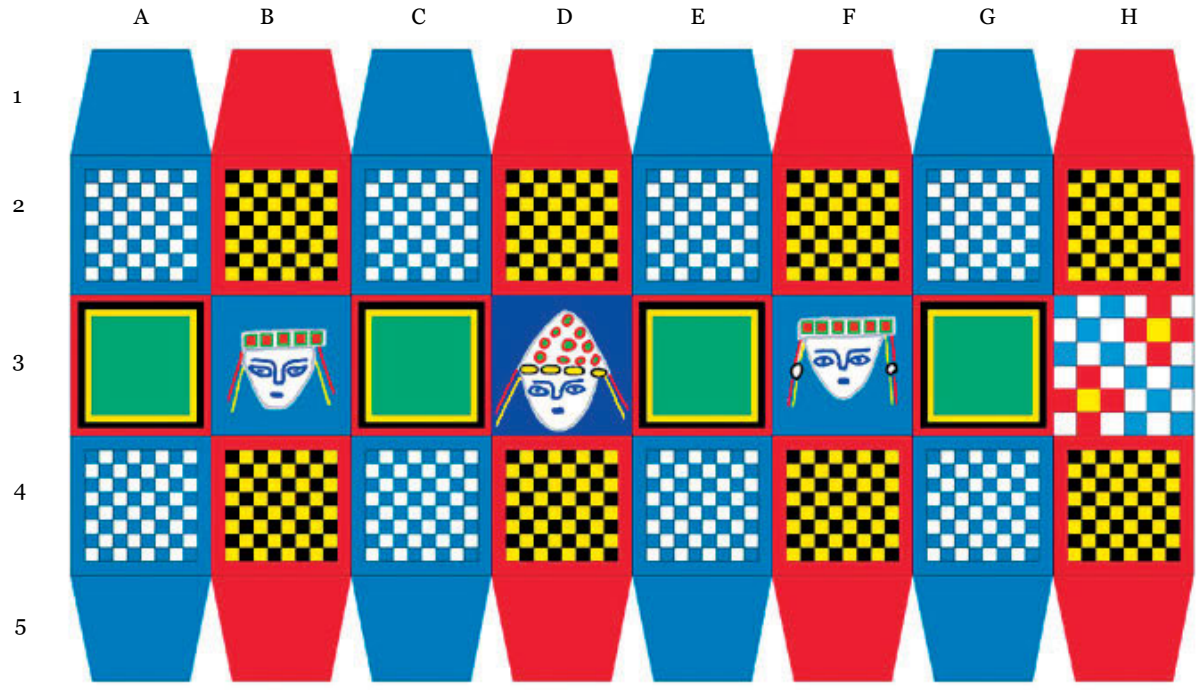


Fig. 5. Perla de la Bursuceni. Schema grafică desfăşurată.

şi Rabakkegaard, şi patru în Suedia – Stenåsa, Fröjels, Lärbro şi Gotland; trei în Pomerania (Polonia) – Wlóscibórz, Slupsk şi Debczyno; una la gurile Rinului (Germania) – Straubing; una în Panonia (Ungaria) – Epöl; două la izvoarele Nistrului (Ucraina) – Balice şi Dudin; trei în partea de est a bazinului Carpatic (România) – Bârlad „Valea Seacă", Polocin şi Fântânile. La aceste piese se adaugă perla de la Bursuceni (Postică 2004; Postică 2009), din partea centrală a Republicii Moldova, care reprezintă descoperirea de la extrema sud-estică a ariei de răspândire a obiectelor nominalizate.

Suprafaţa acestor perle este ornamentată în tehnica pseudomozaicului cu feţe umane şi table de şah. Cu toate acestea, printre piesele enumerate nu poate fi găsit nici un obiect identic din punct de vedere compoziţional cu perla de la Bursuceni. Unele elemente de pe perla de la Bursuceni, însă, îşi găsesc analogii printre imaginile de pe suprafaţa perlelor cunoscute, cât şi în arta decorativă romană târzie.

Astfel, iconografia feţei umane centrale din câmpul D3 îşi găseşte analogii directe în imaginile de pe suprafaţa perlelor descoperite în nordul Europei la Veiberg, Byrkje, Wlosciborz, Stolp (Stout 1993, 102, fig. 3), etc. Conform opiniei cercetătorilor imaginile umane de pe perlele nominalizate sunt interpretate drept portrete ale unor reprezentanţi ai familiilor imperiale romane din secolul al IV-lea (Constantin cel Mare, mama Elena, Licinius, Constans, Valentinian, Anastasia) (Stout 1993, 101-103; Stawiarska, Onyščuk, 328).

Tabla de şah clasică, alcătuită din 64 pătrate (8×8) se întâlneşte frecvent în arta romană târzie, găsindu-şi multe analogii, inclusiv pe suprafaţa perlelor similare cu piesa de la Bursuceni (Selling 1942, 34-35, fig. 19, 24).

Pe de altă parte, tabla de şah cu 36 pătrate (6×6) este semnalată mai rar în iconografia romană. Asemenea imagini sunt prezente, spre exemplu, pe suprafaţa perlelor descoperite în Gotland (Selling 1942, 34, fig. 19). Spre deosebire de tablele de pe piesele din Scandinavia, tabla cu 36 pătrate de la Bursuceni se remarcă prin prezenţa pe suprafaţa ei a două cruci plasate în colţurile de pe diagonală.

8. Date privind cronologia

Conform clasificării lui Dagmar Selling, perlele ornamentate cu table de şah şi imagini umane sunt atribuite tipului II al perlelor romane (Selling 1942, 32-47). Cronologia acestor perle în baza unor date arheologice este stabilită în limitele secolelor IV-VI.

Perla de la Wlóscibórz (Junklaus 1924, 99; Selling 1942, 34-35; Olsen 1974, 47; Zak 1977, 68; Mączyńska 1975, 297) a fost datată în jurul anului 325, iar cea de la Rud (Selling 1942, 33; Żak 1977, 68, nr. 11; Żak 1978, 432; Mączyńska 1975, 298) cu a doua jumătate a secolului al IV-lea. Perla de la Bârlad „Valea Seacă" este datată cu mijlocul secolului IV (Palade 2004, 211-212, 675). Perlele de la Veiberg şi Byrkje (Kellmer 1977) au fost datate în perioada de la anul 400 până la începutul secolului al VI-lea. Perla de la Dębczyno (Godlowski 1970; Żak 1977; Näsman 1984) este datată cu secolul V. Perla de la Askeby (Olsen 1974; Norling-Christensen 1956; Stout 1993), descoperită într-un mormânt, a fost datată în jurul anului 400. Perla de la Epöl (Horváth et al. 1979; Stout 1993), a fost datată în jurul anului 500. Perla de la Straubing (Geisler 1990) a fost datată cu secolul VI. În alte cazuri, din lipsă de informaţii, cronologia perlelor n-a fost stabilită.

Cronologia relativă a perlei de la Bursuceni este stabilită în limitele secolele III-IV. Această dată este indicată de contextul arheologic de tipul Sântana de Mureş-Černjahov al aşezării *Bursuceni „Valea Viilor",* în cadrul căreia a fost descoperită piesa în cauză. Pe de altă parte, cronologia absolută a perlei de la Bursuceni poate fi stabilită în baza analizei compoziţionale a piesei în corelare cu fenomenul istoric care a generat apariţia acestor obiecte.

9. Diadema romană şi cronologia perlei de la Bursuceni

Pentru aprecierea cronologiei absolute a perlei de la Bursuceni un interes deosebit îl prezintă *diadema*, elementul caracteristic pentru cele trei miniaturi umane de pe piesa dată. În epoca antică, diadema reprezenta un însemn al puterii regale. Lumea antică a cunoscut diferite tipuri de diademe. Pentru Imperiul Roman, în primele două secole era caracteristică *diadema cu lauri*, în secolul III – *diadema radială*, iar de la începutul secolului IV *diadema panglică* (*Banddiadem*) (Despre diademe vezi: Alföldi 1963, 104-111, nota 1 şi pl. de la p. 104), 139-143, pl. 1-21; Reallexikon 1973, col. 373-383 (Insignen); Paulys Realenciclopädie 1905, col. 303-305 (Diademe); Daremberg-Saglo 1892, 119-121; Enciclopedia dell'Artre 1960, 85-89; Oxford dictionary 1991, 554-555; Bellinger, Greison 1966-1973, vol. 2, 80-84; vol. 3,1, 127-130; Wessel, Piltz, Nicolescu 1978, 373-498).

Diademele de pe perla de la Bursuceni sunt de *tipul panglicii* (*Banddiadem*). Asemenea diademe erau caracteristice pentru împăraţii romani din epoca Dominantului. *Diademele de tip panglică* apar la împăraţii romani în locul coroanei radiale şi celei cu cununi de lauri, după restabilirea unităţii imperiului în urma bătăliei de la Chrysopolis (18 septembrie, anul 324) (Delbrück 1929, 54-64).

Primul împărat care a fost încununat cu o diademă de tip panglică a fost Constantin cel Mare. Acest eveniment s-a produs în toamna anului 325 (Delbrück 1929, 58-59). Pentru prima dată Constantin apare cu *Banddiadem* în timpul sărbătorii *Vicennalia* (Delbrück 1929, pl. 2, 22-24, pl. 3, 25-31) la cea de-a douăzecea aniversare a domniei sale, care a fost sărbătorită de două ori în 325 la Nicomedia şi în 326 la Roma (Eusebius, Vita Constantinae, 1, I, 3, XV, 4, XL, XLVI). Or, din această perioadă, după cum demonstrează datele numismatice (RIC, VIII; http://www.constantinethegreatcoins.com/busts/), Constantin apare cu *Banddiadem*, care devine noul simbol al puterii supreme. În acelaşi timp, pentru o perioadă, moştenitorii tronului imperial vor purta cununa cu lauri, care peste un timp va fi înlocuită şi în acest caz cu diadema de tip panglică.

După *Vicennalii* diadema lui Constantin cel Mare se modifică îmbogăţită fiind cu noi elemente. La început diadema reprezenta o panglică netedă aurită (*Banddiadem*). Mai apoi apare diadema cu perle (*Juwelenlendiadem*) şi diadema cu cunună din nestemate în partea centrală şi perle preţioase pe suprafaţă (*Juwelenlenkranzdiademem*) (Delbrück 1929, pl. 3, 32-33; Delbrück 1933). Diadema era prinsă cu două şnururi ce atârnau la spate şi aveau în unele cazuri perle prinse la capete. *Juwelenlenkranzdiademem* apare prima dată pe monedele lui Constantin în toamna anului 328 (Delbrück 1929, pl. 3, 32-33). În următorii ani această diademă este întâlnită foarte frecvent nu numai pe monede, dar şi pe sculpturile lui Constantin cel Mare. La *Tricennalia* din 25 iulie 335 (Eusebius 4, XL, XLVI) împăratul Constantin purta diadema cu nestemate (*Juwelenlendiademen*), iar fiii săi purtau în loc de cunună cu lauri diadema netedă (*Banddiadem*). În legătură cu portul împăratului Constantin cel Mare autorul roman Aurelius Victor scria în „*Epitome di Caesaribus*": „Habitum regium gemmis et caput

exornans perpetuo diademate" (*Hainele regale le înfrumuseța cu geme, capul încununându-l tot timpul cu diademă*) (Aurelius Victor, 41, 14; Delbrück 1929, 60).

Dat fiind faptul că diadema de tip panglică constituia în perioada antică un atribut de drept exclusiv al împăraţilor și membrilor familiei imperiale, perla de la Bursuceni cu imagini umane purtătoare de diademe de tip panglică prezintă o importanţă excepţională. În acest context se poate susține că feţele umane cu diademe de pe perla de la Bursuceni reprezintă portretele schematice ale unor împăraţi romani.

10. Perla de la Bursuceni, Constantin cel Mare, Constantinus II și Constanţius II

Poziţia figurilor miniaturale de pe perla de la Bursuceni indică ierarhia persoanelor reprezentate. Figura centrală de pe suprafaţa perlei, cu diademă aurie și cunună de tip *Juwenalenkranzdiadem* ţine de un rang mai înalt în comparaţie cu figurile laterale cu diademe de tip *Juwenalendiademen*. Având în vedere faptul că cele două tipuri de diademe în secolul IV reprezentau accesorii tipice ale împăraţilor romani, se poate susține că figurile umane cu diademe de pe suprafaţa perlei de la Bursuceni reprezintă portrete ale unor împăraţi romani. Pe de altă parte, faptul că diademele de pe perla de la Bursuceni sunt de două tipuri, demonstrează, că împăraţii reprezentaţi pe această piesă ţin de diferite ranguri, care vin din sistemul politic al imperiului roman perioada respectivă.

În acest context, este de menţionat că, în sistemului politic roman din perioada Dominatului existau două ranguri imperiale: rangul *auguștilor* și cel al *caesarilor*. Având în vedere faptul că figurile laterale de pe perla de la Bursuceni sunt identice, iar cea din mijloc se deosebeşte de ele prin poziţia centrală, culoare (diadema aurie încrustată în partea frontală cu cristale aurii spre deosebire de diademele de culoare roșie-verzuie la figurile laterale), putem concluziona că pe această perlă sunt reprezentaţi împăraţi de două ranguri: *un august* (figura centrală) cu diademă aurie și cunună de tip *Juwenalenlenkranzdiadem* și *doi caesari* (figuri laterale) cu diademe de tip *Juwenalenlendiademen*.

Cele două ranguri erau caracteristice pentru sistemul politic tetrarhic introdus de către împăratul Diocletian (284-305) (Barnea, Iliescu 1982, 131). Iniţial, conform acestui sistem politic erau doi augești și doi caesari. După abdicarea lui Diocletian însă, principiile acestui sistem politic sunt încălcate, din care cauză în unele perioade au fost proclamaţi concomitent câte 3-4 augești, crescând respectiv și numărul caesarilor. Au fost bineînţeles și cazuri inverse, când în Imperiul Roman cârmuia un singur august, împreună cu doi, sau trei caesari. O asemenea situaţie s-a stabilit în Imperiul Roman în a doua perioadă a domniei lui Constantin cel Mare (25.07.306-22.05.337) (Kienast 1990, 294), sau, mai precis, după înlăturarea de la putere a coaugustului Valerius Licinius la 19 septembrie 324 (Kienast 1990, 293).

În urma bătăliei de la Chrysopolis Constantin cel Mare devine unicul cârmuitor al Imperiului Roman reîntregit și singurul *august* în acest stat (Kienast 1990, 296). După înlăturarea lui Licinius, a fost îndepărtat de la putere și fiul acestuia *caesarul* Licinius Junior (Kienast 1990, 292). În timpul evenimentelor menţionate, asociaţi la domnie cu Constantin cel Mare erau fiii săi Constantinus II și Crispus care au fost proclamaţi *Nobilisimus Caesar* la 1 martie anul 317 (Kienast 1990, 294). La 8 noiembrie, anul 324, în același rang de *Nobilissimus Caesar* este proclamat și cel de-al treilea fiu al lui Constantin cel Mare, Constanţius II (Kienast 1990, 296). În februarie sau martie 326 *caesarul* Crispus din ordinul lui Constantin cel Mare a fost executat (Kienast 1990, 296). În urma acestui eveniment, începând cu luna februarie anul 326 în Imperiul Roman erau trei împăraţi, dintre care unul deţinea rangul augustului – Constantin cel Mare și ceilalţi doi deţineau rangul caesarilor – Constantinus II și Constanţius II. Această situaţie a durat aproape opt ani, până la 25 decembrie anul 333, când apare un al treilea *caesar* – Constans, fiul mai mic al lui Constantin cel Mare (Kienast 1990, 296, 307), care împreună cu fraţii săi vor deţine acest rang până la moartea tatălui lor, iar mai apoi, la 9 septembrie 337, cei trei fraţi vor fi concomitent proclamaţi augești (Kienast 1990, 305, 307, 309).

Or, compoziţia portretistică de pe perla de la Bursuceni (un *august* și doi *caesari*) se potriveşte doar cu perioada cronologică dintre februarie 326 și 25 decembrie 333, când august era Constantin cel Mare, iar caesari erau fiii lui Constantinus II și Constanţius II.

În baza faptelor elucidate se impune concluzia, că cele trei portrete umane de pe perla de la Bursuceni aparţin anume acestor împăraţi romani: augustului Constantin cel Mare şi caesarilor Constantinus II şi Constanţius II.

11. Difuzarea perlelor romane în lumea barbară

Piesa de la Bursuceni se înscrie în şirul perlelor romane difuzate în lumea barbară de către autorităţile imperiale în calitate de cadouri, acestea fiind utilizate în diferite scopuri, puteau fi prinse la capetele şnururilor diademelor şefilor barbari, erau utilizate pentru înfrumuseţarea mânerului spadelor războinicilor, purtate în calitate de salbe la gât etc.

Compoziţia celor trei portrete de pe perla de la Bursuceni are în acelaşi timp şi o importanţă cronologică deosebită, dat fiind că ne indică data fabricării acestei piese. În sens larg perla poate fi datată între anii 326-333, dar în sens îngust piesa mai degrabă trebuie atribuită anului 333, care este anul războiului purtat de Constantin cel Mare cu goţii, urmat de cunoscutul tratat de alianţă între cele două forţe rivale (Barnea, Iliescu 1982, 118-119).

Probabil că în legătură cu încheierea acestui tratat au fost fabricate o serie de perle cu chipurile celor trei împăraţi romani care au fost răspândite în nordul Dunării, inclusiv în partea centrală a spaţiului pruto-nistrean, una dintre acestea ajungând în aşezarea de la Bursuceni.

12. Concluzii

Perla de la Bursuceni este a 24-a descoperire de acest gen semnalată în Europa. Această piesă din punctul de vedere al imaginilor şi compoziţiei este unică, fapt ce permite tragerea unor concluzii referitoare la originea perlei, chipurile reprezentate pe suprafaţa ei, semnificaţia detaliilor din compoziţiile mozaicului, data fabricării piesei, precum şi motivaţia istorică a producerii acesteia.

Or, perla de la Bursuceni reprezintă o piesă imperială romană, care poartă pe suprafaţă chipurile miniaturale ale împăratului Constantin cel Mare şi ale fiilor săi Constantinus al II-lea şi Constanţius al II-lea, fiind fabricată între anii 326-333.

Această perlă, reprezintă, probabil, un dar al împăratului roman către căpeteniile „barbarilor" din nordul Dunării, în legătură cu tratatul de pace încheiat cu goţii după războiul din anul 333.

Bibliografie

Alföldi 1963: M.R. Alföldi, Die Constantinische Goldprägung (Mainz 1963).

Barnea, Iliescu 1982: I. Barnea, O. Iliescu, Constantin cel Mare (Bucureşti 1982).

Bellinger, Greison 1966-1973: A.R. Bellinger, P. Greison, Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore collection, vol. 2, 80-84; vol. 3/1, 127-130 (Waschington D.C. 1966-1973).

Bemmann 2006: J. Bemmann, Eine völkerwanderungszeitliche Bestattung aus Epol, kom. Esztergom, mit Schwertriemendurchzugen Skandinavischer Form. In: Miscellanea Romano-Barbarica. In honorem septagenarii magistri Ion Ionita oblata (Bucuresti 2006), 217-246.

Delbrück 1929: R. Delbrück, Die Consulardiptychen und verwandte Denkmäler (Berlin-Leipzig 1929).

Delbrück 1933: R. Delbrück, Spätantike Kaiserporträts von Constantinus Magnus bis zum Ende des Westreichs (Berlin-Leipzig 1933).

Dictionnaire des Antiqutés 1969: Dictionnaire des Antiqutés greques et romaines / Sous la direction de Gh. Daremberg et Edm. Saglo, t. II, Premiere part (Paris 1969), 119-121.

Enciclopedia dell'Artre 1960: Enciclopedia dell'Artre Antica. Classica e Orientale, vol. III (Roma 1960).

Geisler 1990: H. Geisler, Neue archäologische Quellen zur frühesten Geschichte der Baiern: spätantike und frühmittelalterlichte Gräberfelder aus Straubing. In: H. Geisler, Typen der Ethnogenese unter besonderer Berücksichtigung der Bayern: 2 (Wien 1990), 89-100.

Geisler 2010: H. Geisler, Das frühbairische Gräberfeld Straubing-Bajuwarenstraße: I. Katalog der archäologischen Befunde und Funde Ia. Die Perlen Farbbilder. UNSPECIFIED, Regensburg.

Godlowski 1980: K. Godlowski, Zur Frage der völkerwanderungszeitlichen Besiedlung in Pomeran. In: Studien zur Sachforschungen 2, 1980, 63-106.

Godlowski 1981: K. Godlowski, Okres wędrowek ludow na Pomorzu. In: Pomerania Antiqua 10, 1981, 65-129.

Horváth, Kelemen, Torma 1979: I. Horváth, M. Kelemen, I. Torma, Komárom Megye Régészeit Topográfiája, 5 (Budapest 1979), 73-77.

Junklaus 1924: E. Junklaus, Römische Funde in Pomeranien (Greifswald 1924).

Kellmer 1977: I. Kellmer, Ansiktsperlen fra Veiberg på Sunnmöre. Fornvännen 72, 1977, 1-8.

Kienast 1990: D. Kienast, Römische Kaisertabelle: Gurundzüge einer römischen Keiserchronologie (Darmstadt 1990).

Kowalski 1991: J. Kowalski, Z badań nad hronologią okresu wędrowek ludow na ziemiach zachodniobaltyskich (faza E). In: Archeologia baltyjska. Rozprawy i Materialy Ośrodka Badań Naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego w Olsztynie 120, 1991, 67-90.

Maczynska 1975: M. Maczynska, Szlany paciorek z „twarzami" z Balic, pow. Mosciska. In: Wiadomosci archologiczne, T.39, Z.2 (Warsawa 1975), 297-300.

Mamalaucă 2005: M. Mamalaucă, Obiceiuri de port în aria culturii Sântana de Mureş. Obiecte de podoabă, amulete, accesorii de vestimentaţie şi toaletă (Bucureşti 2005).

Näsman 1984: U. Näsman, Glas och Handel i Senromersk Tid och Folkvandringstid. In: Archaeological Studies, 5, (Uppsala 1984).

Norling-Christensen 1956: H. Norling-Christensen, Haraldstegravpladsen og czldre germanskjcernalder i Danmark. In: Aarboger for nordisk oldkyndaghen og historie, 1956, 14-143.

Olsen 1974: B.W. Olsen, En Antik Ansigtsperle på Bornholms Museum. In: Bornholmske samlinger II rk., 7, 1974.

The Oxford dictionary 1991: The Oxford dictionary of Byzantium. Prepare dat Dumbarton Oaks. (ed. A.P. Kazhdan), vol. I (New-York-Oxfod 1991), 554-555.

Palade 1986: V. Palade, Nécropole du IVe et commencement du Ve siècle de n.é a Bârlad-Valea Seacă. In : Inventaria arheologica, 12, 1986, Taf. R, 92b, 20. Sepult. Nr. 546.

Palade 2004: V. Palade, Aşezarea şi necropola de la Bârlad Valea Seacă (sfârşitul sec. al III-lea - a doua jumătate a sec. V-lea) (Bucureşti 2004).

Paulys Realenciclopädie 1905: Paulys Realenciclopädie der classichen Altertemwissenchaft, ed. Seag Wisowa, vol. 5 (Stuttgart 1905).

Postică 2004: Gh. Postică, Perla lui Constantin cel Mare descoperită la Bursuceni-Sângerei. In: Literatura şi Arta, nr. 3, 22 ianuarie (Chişinău 2004), 7.

Postică 2009: Gh. Postică, Ein Diplomatengeschenk von Kaiser Konstantin? Archäologie in Deutschland 1, 2009, 64-65.

Reallexikon 1973: Reallexikon für byzantinische Kunst, 19 (Stuttgart 1973).

Selling 1942: D. Selling, Mosaikpärlor med Ansiktsmasker. In: Fornvännen. Meddelanden från K.Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien och Svenska Fornminnesföreningen, under redaction av Sigurdo Curman, Ångång 37, 1942, 23-48.

Solberg 1996: Bergljot Solberg, Husfruen på Veiberg og hennes eksotiske eiendeler. In: ARKEO. Nytt fra Arkeologisk institutt, Universitetet i Bergen, nr. 2, 1996 (http://www.fou.uib.no/fd/1997/f/508002).

Stawiarska, Onyščuk 2000: T. Stawiarska, J. Onyščuk, Eine Spätkaiserzeitliche Gesichtsperle aus der Westukraine. In: Die spätrömische Keiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in die Mittel –und Osteuropa (Lodz 2000), 325-333.

Stout 1986: A. Stout, The archaeological context of late Roman Period mosaic glass face beads. Ornament 9/4, 1986, 58-61, 76-77.

Stout 1993: A. Stout, An investigation of mosaic glass fase beads from the Late Roman Period. In: Annales du 12e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre (Liege 1993), 99-110.

Stout 1994: A. M. Stout, Jewelry as a symbol of status in the Roman Empire. In: J. Lynn Sebesta, L. Bonfante (dir.), The world of Roman costume (Madison 1994), 77-100.

Wessel, Piltz, Nicolescu 1978: K. Wessel, E. Piltz, C. Nicolescu, Insignien. In. Reallexikon zur byzantinischen Kunst, 3, 1978, 369-498.

Zak 1977: J. Zak, Die Glasperlen mit Gesichtsmasken und Schachberettmustern in Nord- und Mitteleuropa. Zeitschrift für Archäologie 11, 1977, 67-72.

Ларина, Постикэ 1990: О.В. Ларина, Г.И. Постикэ, Археологические памятники у с. Бурсучены. В сб.: АИМ в 1985 г. (Кишинев 1990), 256-266.

Онищук 1997: Я. Онищук, До питання про етнокультурну ситуацию на Волино-Подількому пограниччі в перших століттих н.е. В сб.: Наукові записки. Львівський Історичний Музей, вип. VI, ч. I (Львів 1997), 117-121.

Die Perlenmosaik mit Miniaturporträts des römischen Kaisers Konstantin der Große, Constantinus II und Constantius II aus Bursuceni, Republik Moldau

Zusammenfassung

1. Allgemeine Angaben

Die Perle, die in diesem Beitrag vorgestellt wird, wurde 1978 nahe dem Dorf Bursuceni, Kreis (Rajon) Sângerei, in der Republik Moldova gefunden (Abb. 1). Die Fundstelle liegt 200-300 nördlich des Dorfes und ist als spätkaiserzeitliche Siedlung "Bursuceni - Valea Viilor" bekannt. In diesem Areal kommen immer wieder Fragmente gebrannten Lehms, Bruchstücke von Amphoren und anderer Keramik zutage, die der Sântana de Mureş-Černjachov-Kultur zuzuweisen sind.

Die Perle gehörte vermutlich zu den Resten eines Hauses und ist ein herausragendes Beispiel einer römischen Mosaikglasperle. Sie ist kugelförmig mit leicht zusammengedrückten Polen und besteht aus weißem Glas (der maximale Durchmesser beträgt 2,6 cm, die Höhe 2,4 cm und der Durchmesser der Fadenöffnung misst 0,55 cm).

2. Beschreibung der Perle

Die Perle besteht aus acht Bildspalten (A-H), die abwechselnd in blau und rot gehalten sind. Jedes dieser Felder zeigt drei Verzierungselemente: die jeweils oben und unten durch schwarz-gelbe bzw. blau-weiße Einlagen in Schachbrettmuster geschmückt sind. Dazwischen wechseln sich – in der Mitte stehend – grüne Felder und Gesichtsdarstellungen ab. Alle Felder und Darstellungen sind in Millefioritechnik hergestellt (Abb. 2). Die Schachbrettmuster bestehen, dem Brett des Schachspiels entsprechend, aus 8 mal 8 Reihen, d. h. aus 64 Feldern.

So ergeben sich für den Betrachter vier ikonographische Einheiten. Das vierte Bildfeld in der Mitte bildet hingegen eine Ausnahme.

Dieses Schachbrett besteht aus 6 mal 6 Reihen d. h. aus 36 Feldern und steht in einer Reihe mit den Gesichtsdarstellungen. Auf einem Hintergrund aus blauen und weißen Quadraten sind in den zwei Ecken (links unten und rechts oben) je vier rote Quadrate mit einem gelben in der Mitte zu sehen.

Die Gliederung der Bildspalten mit ihren unterschiedlichen Farb- bzw. Bildfeldern ergibt neben der vertikalen auch eine horizontale Bildkomposition. So gruppieren sich um die Bildfelder jeweils vier Farbfelder, wodurch die Bilder – Gesichtsdarstellungen oder das aus 6 × 6 Reihen bestehende Schachbrettmuster – als zentrale Darstellungen in einem gleicharmigen Kreuz erscheinen.

3. Die zentrale Gesichtdarstellung

Die zentrale Gesichtsdarstellung (D3) der Perle ist 0,8×0,8 cm groß und zeichnet sich durch einen dunkelblauen Hintergrund aus. Die vereinfachte Darstellung eines menschlichen Gesichts *en face* misst nur etwa 0,4×0,4 cm. Die Spitze des dreieckigen Bartes oder das Kinn ist abgerundet. Augen, Nase und Mund sind schematisch durch Punkte oder feine Linien aus blauem Glas dargestellt. Die Person trägt ein Stirnband, das durch vier ovale gelbe Glaseinlagen wiedergegeben wird. Oberhalb des Stirnbandes ist eine Haube oder ein Helm zu sehen, der mit 10 kleinen grünen, rot gerahmten Glaseinlagen verziert ist. Zu beiden Seiten des Kopfschmucks hängen in gelb und rot gehaltene Pendilien herab, die jedoch nur teilweise erhalten sind.

4. Die seitlichen Gesichtsdarstellungen

Links und rechts der zentralen Gesichtsdarstellung befinden sich zwei weitere, durch je ein neutrales grünes Feld getrennte Masken auf hellblauem Grund. Im Unterschied zur zentralen Maske fehlt den beiden seitlichen Darstellungen die juwelenbesetzte Haube (oder Helm). Beide tragen ein bandförmiges Diadem, das aus einer Reihe von roten Quadraten in grünem Rahmen bestehen. Die roten Glaseinlagen sind bei einer sekundären Verbrennung verschmolzen, sodass nur noch die Abdrücke und nur geringe Farbreste erhalten sind.

Wieder hängen zu beiden Seiten der Gesichter die Befestigungsschnüre des Diadems herab, die bei einer der Abbildungen zusätzlich durch jeweils eine Perle geschmückt sind. Dies erinnert an spätantike Stirnbanddiademe, wie sie mehrfach in Mosaikbildern überliefert sind. Möglicherweise gehörte die Perle aus Bursuceni zu einem solchen Stirnbanddiadem.

5. Vergleichsfunde

Zur Zeit kennen wir 23 vergleichbare Gesichtsperlen von verschiedenen europäischen Fundorten. Die überwiegende Zahl dieser Funde stammt aus germanisch besiedeltem Gebiet; aus dakischem Milieu ist nur eine Gesichtsperle bekannt:

Drei vergleichbare Perlen wurden in Norwegen gefunden (Rud, Veiberg und Byrkje). Vom dänischen Festland sind ebenso drei Vergleichsfunde bekannt Jutland: Katrup (=Vrindersmark, Rolsø), Bröndum, Vejle) wie von den Inseln (Askeby, Lyderslev, Rabakkegaard). Vier Perlen stammen aus Schweden (Stenåsa (=Fröslunda), Fröjels, Lärbro, Gotland). Drei weitere wurden in Pommern (Włóscibórz (Lustebuhr), Slupsk (Stolp), Debczyno gefunden, eine jeweils in Deutschland (Straubing) und Ungarn (Epöl); zwei Perlen stammen von Fundorten aus dem Gebiet

des oberen Dnester/Nistru (Balice, Dudin – Ukraine) und drei ist aus der Nähe von Bârlad (Valea Seacă), Polocin und Fântânile in Rumänien bekannt geworden.

Alle diese Perlen zeigen Gesichtsdarstellungen sowie Verzierungsfelder in Schachbrettmuster. Eine identische Ikonographie wie auf der Perle aus Bursuceni ist jedoch nicht zu beobachten.

Die Gesichtsdarstellungen mit einfachem Diadem haben ihre engsten Parallelen in Nord- und im nördlichen Mitteleuropa, so in den Funden von Veiberg, Byrkje, Wlosciborz, Stolp usw. Die Masken dieser Perlen stellen, so die Meinung vieler Wissenschaftler, Mitglieder der kaiserlichen Familie dar.

Im Gegensatz zu Darstellungen von "klassischem" Schachbrettmuster mit 64 Quadraten sind Abbildungen mit 36 Quadraten selten. Hierzu liegt lediglich ein Vergleichsfund aus Gottland vor, wobei sich die Darstellung aus Bursuceni durch die zwei roten Kreuze in den Ecken des weiß-blauen Musters unterscheidet.

6. Überlegungen zur Chronologie

Nach der Typologie von D. Selling gehören die Perlen mit Gesichtsdarstellungen und Schachbrettmuster zum "Typ II" und gehören zum Fundgut des 4.-6. Jahrhunderts.

Die Perle aus Wloscioborz stammt aus der Zeit um das Jahr 325; das Stück aus Rud wurde wahrscheinlich in der zweiten Hälfte des 4. Jhs. n. Chr. hergestellt. Die Perlen aus Veiberg und Byrkje gehören ungefähr in die Zeit zwischen 400 bis in die Mitte des 6. Jahrhunderts. Ins 5. Jahrhundert gehört die Perle aus Dębczyno und die Perle aus einem Grab bei Askeby datiert in die Zeit um 400 n. Chr. In den gleichen Zeitraum gehört die Perle aus Epöl, während das Stück aus Straubing zu Befunden des 6. Jahrhunderts gehört. Die übrigen oben genannte Perlen konnten nicht näher datiert werden.

Relativchronologisch gehört die Perle aus Bursuceni als Fund von einer Siedlungsstelle der SMC-Kultur "Bursuceni-Valea Viilor" in das 3. bis 4. Jahrhundert. Anhand der bildlichen Darstellungen auf dieser Perle kann man aber auch Vorschläge zur Herstellungszeit machen.

7. Das römische Diadem und die Chronologie der Perle aus Bursuceni

Von besonderem Interesse für die Chronologie der Perle sind die abgebildeten Diademe. In der Antike gilt das Diadem als Zeichen königlicher bzw. kaiserlicher Macht. Aus der römischer Kaiserzeit sind uns drei Diadem-Typen bekannt: in den ersten beiden Jahrhunderten ist es der Lorbeerkranz, im 3. Jahrhundert setzt sich dann das Radialdiadem durch und ab dem 4. Jahrhundert das Banddiadem.

Alle drei Geschichtsdarstellungen der Perle aus Bursuceni sich jeweils mit einem Banddiadem geschmückt. Solche Banddiademe sind als ikonographisches Attribut von römischen Kaisern vor der Schlacht von Chrystopolis (18 September 324) nicht bekannt. Das Tragen eines Banddiadems ist erstmals für Kaiser Konstantin überliefert und datiert in den Herbst des Jahres 325 n. Chr. Im Mai des gleichen Jahres während des Konzils von Nicaea beschreibt Eusebios von Caesarea das Ornat von Konstantin dem Grossen ohne Diadem. Zum ersten Mal erscheint der Kaiser mit einem Banddiadem während der Feiern zu seinem 20. Regierungsjahr (Vicinnalien), die Konstantin zweimal feierte – in den Jahren 325 und 326. Ab diesem Datum wird das Diadem zum festen Bestandteil kaiserlicher Tracht.

In der Folgezeit wandelt sich das glatte goldene Diadem konstantinischer Prägung zu einem Juwelen-Diadem bzw. einem Juwelenkranz-Diadem, das seitlich zwei (doppelte) Befestigungsschnüre mit je eine Perle in der Mitte aufweisen konnte. Auf konstantinischen Münzen erscheint ein Juwelenkranzdiadem zum ersten Mal auf Prägungen des Jahres 328. Über ein anderes Diadem wird im "Chronicon Paschale" aus dem Jahr 330 berichtet. In den nachfolgenden Jahren wird das Juwelenkranzdiadem auch auf Statuen Konstantins dargestellt, so z. B. an der Bronzestatue in Niš, - allerdings fehlen dort die Befestigungsschnüre. Bei der *Tricenalia* trug der Kaiser Konstantin ein Juwelendiadem, seine Söhne dagegen nur je ein glattes Banddiadem. Aurelius Victor erwähnt in "Epitome di Caesaribus" „Habitum regium gemmis et caput exornans perpetuo diademate".

Da in der Antike das juwelenbesetzte Banddiadem nur von Mitgliedern des Herrscherhauses getragen werden durfte, steht zu vermuten, dass in den Darstellungen auf der Perle aus Bursuceni Mitglieder der kaiserlicher Familie zu sehen sind.

8. Die Perle aus Bursuceni, Konstantin der Grosse, Constantin II und Constantius II

Darstellungsweise und Positionierung der Bilder auf der Perle von Bursuceni lassen eine Hierarchie der dargestellten Personen zueinander erkennen. Für die zentrale Figur mit goldenem Juwelenkranzdiadem und juwelengeschmückter Haube kann man einen höheren sozialen Rang annehmen als für die beiden seitlich dargestellten Personen mit einfachem Juwelendiadem. Da diese beide Diademarten als Teile der kaiserlichen Tracht aus dem 4. Jahrhundert zu deuten sind, kann man annehmen dass die Figuren auf der Perle von Bursuceni wahrscheinlich einige Mitglieder der kaiserlichen Familie dieser Zeit darstellen. Die Tatsache dass auf der Perle (mindestens) zwei unterschiedliche Diademformen zu erkennen sind lässt die Vermutung zu, dass die abgebildete Personen unterschiedliche Plätze in der politischen Hierarchie einnahmen. In der Zeit der von Kaiser Diokletian (284-305) eingeführten Herrschaftsform der Tetrarchie, könnte es sich auf der Perle von Bursuceni um die Abbildungen eines Augustus zwischen den zwei caesari handeln.

Teilten sich nach dem von Diokletian eingeführten Prinzip der Tetrarchie in der Regel zwei Augusti und zwei Caesari die Macht, zerfiel diese Struktur in der Folgezeit.

Nach der Schlacht von Chrysopolis 324 war Konstantin der Grosse durch den Sieg über den einstigen Mitregenten Licinius zum Alleinherrscher im wiedervereinigten Imperium Romanum geworden. Während seine beiden Söhne Constantin II. und Crispus 317 zu *Nobilisimi Caesari* erhoben wurden. Erst am 8. November 324 wurde dem dritten Sohn Konstantins des Gossen – Constantius II – dieser Titel verliehen. In Februar oder März 326 wurde Crispus auf persönlichen Befehl von Konstantin der Grossen hingerichtet. Ab diesem Moment gab es im Reich einen Augustus – Konstantin den Grossen – sowie zwei Caesares – Constatinus II und Constatius II. Diese Konstellation bestand wahrscheinlich acht Jahre. Erst am 25. Dezember 333 wurde der jüngste Sohn Konstantins zum Caesar berufen – Constans. Diese Struktur der kaiserlichen Machtorganisation hat sich bis zum Tod des Konstantin der Grossen am 9. September 337 n.Chr. gehalten.

Aufgrund der ikonographischen Komposition auf der Perle aus Bursuceni und der Datierung der Fundstelle könnte man annehmen, dass die Darstellungen der Perle die Herrschaftssituation der Zeit zwischen Februar 326 und dem 25. Dezember 333 wiedergeben, als Konstantin der Grosse Augustus war und seine Söhne Constantius II. und Constantin II. als Caesares dienten.

9. Verbreitung römischer Perlen im Barbaricum

Folgt man dieser ikonographischen Interpretation muss man die Perle aus Bursuceni als diplomatisches Geschenk an die Barbaren ansprechen. Schriftliche Quellen berichten von Geschenken, die Kosntantin der Grosse den Bewohnern nördlich der Donau schickte. Die Interpretation der Darstellungen liefert auch eine zusätzliche chronologische Einordnung: Lässt sich dadurch diese Perle allgemein in die Jahre zwischen 326 und 333 datieren, darf man im engeren Sinne das Stück erst nach 333 n. Chr. ansetzen. In diesem Jahr wurde der Krieg gegen die Goten mit dem bekannten *Foedus* beendet.

Wahrscheinlich als Folge dieses Vertrages wurde eine Reihe von Perlen mit solchen Darstellungen hergestellt und nördlich der unteren Donau verbreitet. Auf diesem Wege kam diese Perlen mit Gesichtsdarstellungen in die Siedlung der Sântana de Mureş-Černjachov-Kultur beim heutigen Dorf Bursuceni in der Republik Moldova.

Abbildungsliste:

Abb. 1. Fundstelle.

Abb. 2. Die Perle der Bursuceni. Bilder (Maßstab 1:2): 1 - Felder ABC2-3-4; 2 - Felder BCD2-3-4; 3 - Felder CDE2-3-4; 4 - Felder DEF2-3-4; 5 - Felder EFG2-3-4; 6 - Felder FGH2-3-4; 7 - Felder GHA2-3-4; 8 - Felder HAB2-3-4.

Abb. 3. Die Perle der Bursuceni. Bilder von menschlichen Gesichtern (Maßstab 8:1): 1 - Feld D3; 2 - Feld B3; 3 - Feld F3.

Abb. 4. Die Perle der Bursuceni. 1-2 - Allgemeine Bilder (Maßstab 1:1): 1 - Felder AH1-2; 2 - Felder AH-4.5. 3-5 - Bilder Schachbrettmuster (Maßstab 4,5:1): 3 - Feld H3; 4 - Feld E4; 5 - Feld F4.

Abb. 5. Die Perle der Bursuceni. Grafik Schema entwickelt.

Бусина с мозаичными миниатюрными портретами римских императоров Константина Великого, Константина II и Констанция II обнаруженная у с. Бурсучень, Республика Молдова

Резюме

1. Общие сведения

Бусина, которая представлена в данной статье, была найдена в 1978 г. возле села Бурсучень Сынжерейского района Республики Молдова на поверхности позднеантичного поселения III-IV веков «Бурсучень-Валя Виилор». На месте обнаружения бусины находилось скопление обожжённой глины, фрагменты римских амфор, серая гладкая и шероховатая керамика, типичная для культуры Сынтана-де-Муреш - Черняхов (рис. 2-5).

Бусина, видимо, происходит из позднеантичного жилища и представляет собой выдающийся образец римской стеклянной бусины с псевдомозаикой. Бусина имеет сферическую форму со слегка сплющенными полюсами и сделана из белой стеклянной пасты (максимальный диаметр 2,6 см, высота 2,4 см и диаметр отверстия 0,55 см).

2. Описание бусины

Бусина состоит из восьми колонн, на которых поочерёдно чередуются синий и красный цвета (рис. 1, 2, 3). Каждая из этих колонн содержит три декоративных элемента: в верхней и нижней частях имеются черно-желтые или сине-белые шахматные поля. Между ними, в центре бусины, чередуются зеленые поля и изображения человеческих лиц. Поля бусины пронумерованы по образцу шахматной доски: буквами A-H и

цифрами 1-5 (рис. 4). Шахматные поля представляют собой шахматные доски 8×8 рядов, каждый из которых состоит из 64 клеток (рис. 2-4).

Между шахматными полями имеются 3 поля с изображениями человеческих лиц и одно поле с необычной шахматной доской: 6×6 рядов, включающих 36 клеток (рис. 2/7; 4/1). На фоне синих и белых квадратов в двух углах (нижнем левом и верхнем правом) изображены два креста из чередующихся красных и жёлтых квадратов.

3. Центральное изображение

Центральное поле бусины (D3) имеет темно-синий цвет и размеры 0,8×0,8 см (рис. 2/3; 3/1). В центре этого поля в технике псевдомозаики изображено человеческое лицо *en face*, размером 0,4×0,4 см, с диадемой. Лицо овальное, со скругленным треугольным подбородком. Глаза, нос и рот схематически представлены точками или тонкими линиями из кристаллов синего стекла. На лбу изображена ленточная диадема из четырёх овальных жёлтых стеклянных кристаллов. Над диадемой изображён треугольный элемент из 10 зелёных кристаллов, обведённых красной пастой.

4. Боковые изображения человеческих лиц

Слева и справа от центрального поля имеются ещё два изображения человеческих лиц, которые отделены зелёными полями (рис. 2/1, 5; 3/2, 3). В отличие от центрального изображения, на боковых портретах имеются простые ленточные диадемы без каких-либо дополнительных элементов. Эти диадемы состоят из красных стеклянных кристаллов, обведённых зелёной рамкой. Красные кристаллы подверглись вторичному сгоранию. На обоих портретах от области ушей вниз изображены шнурки диадем.

5. Аналогии

В настоящее время известны 23 аналогичные бусины, обнаруженные в различных европейских странах. Большинство находок происходит из германских поселений. В Дакии известна одна бусина с изображением человеческого лица.

Три сопоставимые бусины были найдены в Норвегии (Руд, Вайберг и Бирке). В Дании найдены три бусины на Ютландском полуострове (Ролсо, Брондум, Вайле) и три на балтийских островах (Аскеби, Лидерслев, Рабаккегаард). Четыре бусины найдены в Швеции (Стенаса, Фрожелс, Ларбро, Готланд). Еще три бусины обнаружены в Померании (Влочиборз, Слупск, Дебяино). По одной бусине найдено в Германии (Штраубинг) и Венгрии (Эпол), две происходят из поселений с верховьев Днестра (Балице, Дудин – Украина), три известны в Прикарпатье в Румынии (Бырлад-Валя Сякэ, Полочин и Фынтыниле).

На всех этих бусинах изображены человеческие лица и шахматные поля. В то же время, нет полной аналогии бусины из Бурсучень.

Изображения лиц с ленточной диадемой на бусинах из Вайберг, Бирке, Влосчиоборц и Столп, по мнению многих учёных, представляют членов древнеримской императорской семьи.

6. Хронология полихромных римских бус

Согласно типологии Д. Селлинга, бусы с изображением лиц и шахматным узором включены в «тип II» римских бус и датированы материалами IV-VI вв.

Бусина из Влосчиоборц датируется примерно 325 г.; бусина из Руд отнесена ко второй половине IV века. Бусина из Бырлад «Валя Сякэ» датируется серединой IV века. Бусины из Вейберг и Бирке датированы периодом между 400-м годом и серединой 6 века. Бусина из Дебцино датируется V веком, а бусина из могилы в Аскеби – 400-м годом. Бусинка из Эпол датируется 500-м годом, а бусина из Штюбинг датируется VI веком.

Относительная хронология бусины из Бурсучень определяется материалами с поселения «Бурсучень - Валя Виилор» III-IV веков.

7. Римская диадема и хронология бусины из Бурсучень

Особое значение для определения абсолютной хронологии бусины из Бурсучень имеет диадема, изображённая на трёх представленных на ней портретах. В античности диадема являлась символом королевской или императорской власти. В Римской империи известно три типа диадем: в I-II веках существовали диадемы в виде лаврового венка, в III веке получила распространение радиальная диадема, а с IV века – ленточная диадема.

Все три лица, изображённые на бусине из Бурсучень, украшены ленточной диадемой. Такие диадемы появились после битвы при Крисополе (18 сентября 324 г.). Первым стал носить ленточную диадему император Константин, с осени 325 года. В описании одеяния Константина Великого Евсевием Кесарийским, которое было сделано в мае того же года во время Никейского собора, упоминание о такой диадеме отсутствует. Впервые император появляется с ленточной диадемой во время празднования двадцатилетия своего царствования (Vicinnalia), которое отмечалось им дважды – в 325 и 326 годах. С тех пор диадема стала неотъемлемой частью императорского облачения.

В последующие годы гладкая золотая диадема Константина дополнилась драгоценными камнями и стала подвязываться с помощью шнура, на концах которого было по одной бусинке. Ленточная диадема с драгоценными камнями появилась на монетах Константина в 328 году. Позже ленточная диадема изображалась на статуях Константина, как, например, на бронзовой статуе в Нише. На тридцатилетии царствования император Константин носил ленточную диадему с драгоценными камнями, а его сыновья – гладкую ленточную диадему.

Поскольку в античный период ленточные диадемы (гладкие и с драгоценными камнями) могли носить только члены правящего дома, можно предположить, что на бусине из Бурсучень изображены члены императорской семьи Римской империи.

8. Бусина из Бурсучень, Константин Великий, Константин II и Констанций II

Расположение лиц на бусине из Бурсучень указывает на их иерархию. Персона в центре, с золотой ленточной диадемой, украшенной драгоценными камнями, занимает более высокий социальный статус, чем две изображенные по бокам, с простыми гладкими ленточными диадемами. Так как эти два типа диадем интерпретируются как часть императорского одеяния IV века, можно предположить, что на бусине из Бурсучень изображены члены императорской семьи, занимавшие различные положения в политической иерархии. Со времён императора Диоклетиана (284-305 гг.) в Римской империи существовало два ранга императоров: *августы* (augusti) и *цезари* (caesari).

После битвы при Крисополе в 324 г. Константин Великий стал единственным правителем в объединённой Римской империи, носившим титул *августа*. В то же время, его сыновья Константин II и Крисп получили 1 марта 317 титул Nobilisimi Caesari. Другой сын Константина, Констанций II, получил титул цезаря 8 ноября 324, став, таким образом, третьим императором, который был удостоен этого звания. В феврале или марте 326 г. Крисп был казнён. С этого момента в Риме правили *август* Константин Великий и два *цезаря* – Константин II и Констанций II. Такое положение просуществовало восемь лет, до 25 декабря 333 года, когда младший сын Константина Констант получил титул *цезаря*. Новая структура императорской власти просуществовала до смерти Константина Великого 9 сентября 337 г.

Иконографическая композиция на бусине из Бурсучень отражает картину политической власти в Римской империи в период между февралем 326 г. и 25 декабря 333 г., когда Константин Великий был *августом,* а его сыновья Констанций II и Константин II были *цезарями*.

9. Распространение римских бус в варварском мире

Бусина из Бурсучень, вероятно, проникла в варварскую среду в качестве дипломатического подарка римлян. Письменные источники сообщают, что Константин Великий направлял подарки жителям земель к северу от Дуная. В широком смысле бусина из Бурсучень может быть датирована 326-333 гг., а в узком смысле – 333 годом, когда закончилась война против готов, которые были федератами Римской империи.

Вероятно, в результате этого мирного соглашения определённое количество бусин с изображениями императорской семьи было подарено варварам из северодунайских районов, и таким образом одна из этих бусин могла оказаться на поселении Бурсучень.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Место находки.

Рис. 2. Бусина с поселения Бурсучень, изображения (масштаб 2:1): 1 - поля ABC2-3-4; 2 - поля BCD2-3-4; 3 - поля CDE2-3-4; 4 - поля DEF2-3-4; 5 - поля EFG2-3-4; 6 - поля FGH2-3-4; 7 - поля GHA2-3-4; 8 - поля HAB2-3-4.

Рис. 3. Бусина с поселения Бурсучень, изображения человеческих лиц (масштаб 8:1): 1 - поле D3; 2 - поле B3; 3 - поле F3.

Рис. 4. Бусина с поселения Бурсучень. 1, 2 - общие изображения (масштаб 1:1): 1- поля AH1-2; 2 - поля AH-4-5. 3-5 - изображения шахматных таблиц (масштаб 4,5:1): 3 - поле H3; 4 - поле E4; 5 -поле F4.

Рис. 5. Бусина с поселения Бурсучень. Графическая схема.

27.06.2014

Dr. hab. Gheorghe Postică, Universitatea Liberă Internaţională din Moldova, str. Vlaicu-Pârcălab 52, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: gpostica@yahoo.com

CRONICA DESCOPERIRILOR MONETARE (VIII)

Ana Boldureanu

În ediţia curentă a Cronicii prezentăm descoperirile monetare de care am luat cunoştinţă pe parcursul anului 2013 şi în prima jumătate a anului 2014. Ca de obicei, începem prezentarea cu monedele antice, urmate de cele medievale şi moderne.

Cea mai timpurie monedă din cele prezentate a fost emisă pentru Septimius Severus (anii 193-211)[1]. Este o piesa extrem de rară, cunoscută foarte puţin în colecţii. În Republica Moldova au mai fost atestate patru emisiuni de tip Koinon Makedonon, dar niciuna pentru acest împărat. Astfel, din raionul Orhei provin trei exemplare, descoperite, probabil, în apropierea văii Nistrului (unul pentru Severus Alexander, anii 222-235 şi două din timpul lui Gordian III, anii 238-244). Alt exemplar a fost descoperit la Pohrebea, raionul Dubăsari, şi, se pare, ca e cel mai târziu, de la sfârşitul domniei lui Gordian III - începutul domniei lui Filip Arabul (circa 243-246).

Exemplarul de la Ocniţa, al cincilea din Republica Moldova, ar fi cel mai timpuriu. Posibil, calea de pătrundere să fi fost cursul Nistrului, respectiv drumurile de-a lungul acestuia.

Din aceeaşi localitate (Zguriţa, raionul Ocniţa) am înregistrat un aureus de la Maximianus Hercule, anii 286-305, o emisiune de bronz de la Decentius (350-353), precum şi o monedă bizantină. Emisiunea bizantină este un follis anonim din clasa A2, emis la Constantinopol între anii 976(?)-1030/1035, aproximativ în vremea domniilor împăraţilor Vasile II, Constantin VIII şi Roman III.

Printre emisiunile medievale semnalăm o mică colecţie adunată pe teritoriul localităţii Bolohani, raionul Orhei. Dintre acestea menţionăm câteva monede emise de Hoarda de Aur, dintre care un dirhem de la hanul Uzbek şi trei puluri anonime, un aspru otoman de la Süleyman I, bătut probabil la Dimaşk.

Este extrem de importantă descoperirea la Brătuleni, raionul Nisporeni, a unui lot alcătuit din 22 de monede moldoveneşti din secolele XIV-XV. Trei dintre acestea poartă în legendă numele lui Petru I, dar au fost bătute probabil de Roman I (1391-1394) (?), cinci sunt de la Ştefan I, 12 exemplare au fost emise în timpul domniei lui Alexandru I, iar două neprecizate. În spaţiul pruto-nistrean tezaure având în componenţa lor emisiuni timpurii ale lui Alexandru I asociate cu cele ale predecesorilor nu au fost atestate anterior, dar şi emisiunile moldoveneşti de secolul al XIV-lea sunt foarte rare în descoperiri.

Menţionăm câteva emisiuni medievale descoperite în cadrul săpăturilor arheologice efectuate în anul 2013 la Lăpuşna, raionul Hânceşti, precum şi cele provenite din cetatea Soroca. Aceste descoperiri vor fi publicate ulterior cu toate detaliile necesare.

În repetate rânduri ne-au fost semnalate descoperiri monetare de la Oprişeni, raionul Hliboca, regiunea Cernăuţi, unele publicate în Cronica III (Boldureanu 2009, 350). În ediţia curentă am introdus piese găsite recent pe teritoriul localităţii. Dintre acestea fac parte un dirhem de la hanul Tokta din anul 690 după Hegira, o emisiune a Hanatului Crimeii de la Mengly Girey II (880-920 AH / 1478-1515), bătută la Kirk Er, două emisiuni de jumătate de groş de la Alexandru cel Bun, un aspru otoman de la Bayezid II (886-918 AH / 1481-1512), bătut la Serez, o monedă de Lituania de 3 groşi polonezi de la Ştefan Bathory (1576-1586). Merită o atenţie deosebită falsul după un aspru otoman de la Mehmed II, din anul 848 AH bătut la Serez. Din aceeaşi zonă a Bucovinei, de la cetatea Suceava, provine un alt fals imitând o emisiune de acelaşi tip (Nicolae 2003, 60, nr.5).

Continuăm publicarea monedelor medievale atestate în împrejurimile localităţii Zguriţa. Aici a fost găsită o emisiune de la Haci Girey (823-871 AH/ 1420-1466), bătută la Kirk Er, două parale

[1] Mulţumim şi cu această ocazie doctorului Theodor Isvoreanu pentru determinarea acestei monede.

otomane din secolul XVIII şi o imitaţie după un aspru otoman de la Selim, un denar de la Matei Corvin, o emisiune locală – un groş de la Ştefan al IV-lea şi două monede poloneze, o emisiune de *3 groşi* de la Sigismund III din anul 1600 şi un groş de la August III (1733-1763), bătut pentru Coroană în anul 1753.

Descoperirile monetare înregistrate pe parcursul anului 2013 - prima jumătate a anului 2014 completează cunoştinţele noastre referitoare la descoperirile monetare de pe teritoriul Moldovei medievale, iar introducerea lor în circuitul ştiinţific va oferi cercetătorilor surse noi de documentare.

Monede antice şi bizantine

Zguriţa, raionul Ocniţa. De pe teritoriul acestei localităţi, dar şi din împrejurimi în primăvara anului 2014, au fost descoperite trei monede romane şi o emisiune bizantină anonimă. Proprietarul ne-a oferit pozele lor pentru studiu şi determinări.

IMPERIUL ROMAN

1. Septimius Severus (193-211)

Provincia Macedonia (Koinon Makedonon).
Av. AV K Λ [CЄΠ] – CЄYHPOC ΠЄ. Bustul împăratului laureat, drapat şi cuirasat, spre dreapta; cerc perlat. Grupurile HP şi ΠЄ sunt în ligatură.
Rv. [K]OINON MA – [K]ЄΔONΩN. Zeus nud spre stânga, cu mantie pe braţul stâng, ţine în mâna dreaptă întinsă un fulger, iar cu stânga se sprijină de sceptru; la stânga, vultur cu aripile desfăcute şi capul întors; cerc perlat.
Gaebler 1935, 21.

Мушмов 1912, 5899.

2. Maximian Hercule (286-305)

Aureus
Cyzicus, circa 288; perforată
Av. MAXIMIANVS AVGVSTVS; cap laureat spre dreapta.
Rv. COS – II. Împăratul călare salutând cu mâna dreaptă. Depeyrot 8/1.

3. Decentius (350-353)

Arles
Av. DN DECENTIVS ONB CAES; capul gol spre dreapta
Rv. SALVS DD NN AVG ET CAES; Christograma flancată de alfa şi omega.
RIC VIII, nr. 202.

IMPERIUL BIZANTIN

4. Anonim. Vasile II Constantin VIII şi **Roman III** (976(?)-1030/1035)

Follis, clasa A2, Constantinopol;
DOW, III, 2, 651-652, varianta 3,

Informaţie: A. Boldureanu.

Monede medievale şi moderne

Bolohani, raionul Orhei. Piesele provin dintr-o colecţie privată din Chişinău. Conform spuselor proprietarului, monedele au putut fi găsite în localitatea menţionată.

HOARDA DE AUR

Uzbek han 712-740 AH/1312-1339,
Krım, *dirhem*
1. AR ↗1,08 g, 17×17,5 mm; 714 AH? (1314-1315).

Лебедев 2000, 35, nr. 17 şi pl. 4, nr. 17.
Anonime: Canibek (1341-13570)

Puluri
Saray al-cedid, 765-766 AH.
2. AE, 1,88 g, 14,5 mm; Nicolae 2005, 1368; 1371, fig. 2/1.

3. AE, 2,20 g, 15×17 mm; Nicolae 2005, 1368; 1371, fig. 2/1.

4. AE, 1,76 g, 17 mm; Nicolae 2005, 1368; 1371, fig. 2/1.

IMPERIUL OTOMAN
Süleyman I 926-974 AH/ 1520-1566
Aspru
Dimaşk?,
7. AR, 0,61 g, 11,5 mm; grupa I, perioada 1 (1520-1534); Srećković 2003, 73.

POLONIA
Sigismund III (1586-1632)
Şilingi
Coroana, 1626
5. AR-BI ↖ 0,54 g, 17 mm.

Riga, 1617
8. AR-BI ↑0,78 g, 16,5 mm.

IMPERIUL RUS
Nicolai II (1894-1917)
10 copeici, Sankt Petersburg
6. AR ↑1,61 g, 17,5 mm.

Informaţie: L. Dergaciova şi A. Boldureanu.

Brătuleni, raionul Nisporeni. În împrejurimile localităţii au fost descoperite 22 de monede moldoveneşti din secolele XIV-XV, recuperate pe o suprafaţă de circa 20 m². Monedele au fost identificate în baza pozelor şi a informaţiilor oferite de descoperitori. Ele reprezintă un tezaur sau la o punguţă de bani compusă din monede moldoveneşti: două exemplare cu numele lui Petru I, bătute probabil de Roman I (1391-1394) (?), cinci de la Ştefan I şi zece exemplare – bătute în timpul domniei lui Alexandru I. Alte cinci monede, conform descoperitorului sunt la fel groşi moldoveneşti: un exemplar cu numele lui Petru I (cu două flori de crin în scut, legendă retrogradă scrisă cu greşeli), două piese timpurii, emise în primii ani de domnie a lui Alexandru I şi alte două piese cu atribuire neclară, dar contemporane cu cele din tezaur.
Dergaciova 2014.

Călăraşi, oraş. Un locuitor al oraşului Călăraşi a descoperit pe teritoriul gospodăriei sale un lot de monede ruseşti şi europene din secolele XVIII-XX.

PROVINCIILE UNITE
Gueldre, AE, *doit (0,125 stuiver),* 1766.

IMPERIUL RUS
½ copeică. 1914; 1 copeică: 1818, 1819, 1855 (2 ex.), 1878, 1855; *2 copeici*: 1811, 1836, 1860, 1864, 1909, 1910; *3 copeici*: 1878, 1897, 1901; *5 copeici*: 1776 1875, 1882, 1836.

ITALIA
Victor Emanuel II (1861-1878)
10 centime, 1862
Informaţie: A. Boldureanu.

Cetatea Albă (Belgorod Dnestrovskij, reg. Odesa, Ucraina). A fost comunicat un lot de mangâri otomani din perioada secolelor XV-XVII, descoperiţi în cadrul săpăturilor arheologice din interiorul Cetăţii Albe şi din afara ei în anii 1998-2007. Piesele reprezintă emisiuni de la Murad al II-lea (1421-1444, 1446-1451) – 2 ex.: Edirne (1), Bolu (1); Mehmed II (1444-1446, 1451-1481) – 18 ex.: Edirne, 857 AH (1); Edirne, 861 AH (1); Edirne, an neprecizat (2); Karahisar (3); Tyre (1); Bursa, 861 AH (2); Bursa, an neprecizat (2); Bolu (1); Amasya (2); Ancara? (1); atelier neprecizat (2). Bayezid II (1481-1512.) – 58 ex. Kostantaniye, 903 AH (33); Kostantaniye, an neprecizat (13); atelier neprecizat, 886 AH (1); atelier şi an neprecizat (11). Selim I (1512-1520) – 27 ex.: Kostantaniye, 922-923 AH (19); Kostantaniye, 918 AH (5); Kostantaniye, an neprecizat (3). Süleyman I (1520-1566) – 9 ex.: Edirne (7); atelier neprecizat (1); fels tip berrani (1). Selim I sau Süleyman I – 1 ex. Atelier neprecizat. Murad III (1574-1595) – 1 ex.: Kostantaniye. Süleyman II (1687-1691) – 12 ex.: Kostantaniye, 1099 AH (11); imitaţie, Kostantaniye, 1099 AH (1). Ahmed II (1691-1695) – 6 ex.: Kostantaniye, 1102 AH. Süleyman II sau Ahmed II – 6 ex.: Kostantaniye. Felşi de tip *tiş ayad* (1505-1597) – 6 ex. Atelier neprecizat (probabil, Kostantaniye). Emitent neprecizat (sf. sec. XV - mijl. sec. XVII) – 48 ex.: Kostantaniye (8); atelier neprecizat (40).
Богуславский, Янов 2009, 27-29.

Cişmichioi, municipiul Comrat. La 8 noiembrie 2013 ne-a fost adusă spre identificare o monedă otomană de aur, descoperită în grădina unui locuitor în anul 2002.

IMPERIUL OTOMAN
Mahmud II (1223-1255 AH / 1808-1839)
Kostantiniye
Istanbul Zeri Mahbub
AV 2,26 g; 22,9 mm. Pere 1968, 748.
Informaţie: A. Boldureanu.

Hincăuţi, raionul Edineţ. În primăvara anului 2014 cetăţeanul Ion Isac, săpând în propria grădină, a descoperit patru fragmente de cercei de tâmplă şi opt monede medievale. Piesele au fost predate Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei de secretarul Consiliului local Lilia Lupuşor.

POLONIA
Ioan Cazimir (1649-1668)
Şilingi
Coroana, 1666, Gumowski, 1645; an neprecizat.
Lituania, 1666, Gumowski, 1871.

IMPERIUL ROMANO-GERMAN
Denar
Emitent neprecizat; an neprecizat 2 ex.
Informaţie: A. Boldureanu

Lăpuşna, raionul Hânceşti. În timpul campaniei arheologice din anul 2013 la Lăpuşna, pe lângă alte artefacte, au fost descoperite şi câteva monede şi podoabe medievale.

IMPERIUL OTOMAN
Süleyman I (1520-1566)
Aspru: 1540-1566
Sidrekıpsı
1. AR 0,69 g, 14×15 mm, uşor tocită.

POLONIA
Şilingi
Sigismund III (1587-1632)
Riga, 1621
2. AR ↑ 0,50 g, 15,5 mm, deformată;
3. AR ↓ 0,44 g, 15,5 mm, tocită, ciupită din margine.

SUEDIA
Christina (1632-1654)
Riga; an neprecizat.
4. AE ↖ 0,52 g, 14,2 mm, perforată, tocită.

UNGARIA
Matei Corvin (1458-1490)

Denar, probabil 1470, Nagybanya.
5. AR ↗ 0,30 g, 15,2 mm, tocită;

Vladislav II (1490-1516)
Denar, Kremnitz, 1499
6.AR ← 0,33 g, 17 mm, batere dublă (av.-rv.).

Obiecte de podoabă din M19
Inel – 5,54 g, 26,3 mm, montură 11 mm;
Verigă – 0,92 g, 12,8 mm;
Os – 0,30 g, 13,3 mm (lungimea), 3,6 mm (lăţimea).
Ursu, Dergaciova 2014, 49.

Oprişeni, raionul Hliboca, reg. Cernăuţi, Ucraina. Pe teritoriul localităţii au fost descoperite mai multe monede din epoca medievală. Piesele ne-au fost oferite pentru studiu de către directorul şcolii medii din Oprişeni Nicolae Bodnariuc.

HOARDA DE AUR
1. Tokta (1290-1312), *Dirhem,* Kırım, Caffa sau alt centru?, an 690 AH ; Лебедев 2000, 21, fig. 1/ 7 (b).

HANATUL CRIMEEA
2. Mengly Girey II (880-920 AH. / 1478-1515), acce, Kyrk Er, an neprecizat; Ретовский, tabl. III-IV. nr. 4-94.

MOLDOVA
3. Alexandru cel Bun (1400-1432), *jumătate de groş*, tip neprecizat.

4. Alexandru cel Bun (1400-1432), *jumătate de groş*, tip neprecizat.

IMPERIUL OTOMAN
5. Bayezid II (886-918 AH / 1481-1512), *aspru*, Serez; Srećković 2000, tip B*c.

6. Imitaţie după un aspru otoman, sec. XVI.

POLONIA
7. Ştefan Bathory (1576-1586), Lituania, *3 groşi*, 1585; Gumowski 1960, nr. 762.

Informaţie: A. Boldureanu şi N. Bodnariuc.

Otaci, raionul Ocniţa. În anul 2011 în zona localităţii a fost descoperit un tezaur monetar, alcătuit din circa 900 de monede, dispersat imediat după descoperire. A cuprins groşi de Praga, ducaţi de la Vladislav al II-lea al Ţării Româneşti, groşi moldoveneşti de la Ştefan cel Mare, emisiuni tătăreşti şi tătaro-genoveze cu contramărci lituaniene şi de tip Asprokastron.
Nicolae 2009, 31-32.

Soroca, cetate. În cadrul săpăturilor arheologice efectuate de Universitatea Pedagogică de Stat „Ion Creangă", Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei şi Centrul de Arheologie al Institutului Patrimoniului Cultural al Academiei de Ştiinţe din Moldova, în anii 2012-2013, în interiorul şi exteriorul cetăţii Soroca, au fost descoperite mai multe emisiuni monetare medievale şi moderne.

2012
IMPERIUL OTOMAN
1. Bayezid al II-lea (886-918 AH /1481-1512), *aspru*, Gelibolu

POLONIA
2. Sigismund III (1586-1632), Lituania, *şiling*, 1624.

3. Georg Wilhelm (1619-1640), Prusia, *şiling*, an neprecizat;
4-5. Emitent neprecizat.

SUEDIA
6. Gustav II Adolf (1611-1632), şiling, 1634

2013
MOLDOVA
1. Bogdan III (1504-1517), groş:
2-5. Ştefan IV (Ştefăniţă) (1517-1527), groşi;
6. Imitaţie după un aspru otoman de tip Bayezid al II-lea;
7. Imitaţie după un şiling suedez de la Christina (1622-1654).

IMPERIUL OTOMAN
8. Selim I (1512-1529), aspru, Kostantaniye;

POLONIA
9. Sigismund III (1587-1632), Coroana, *1½ gros,* 1621;
10. Sigismund III (1587-1632), Coroana, *1½ gros,* 1626;
11. Sigismund III (1587-1632), Coroana, *3 groşi,* an neprecizat;
12. Sigismund III (1587-1632), Riga, şiling, 1612;
13. Ioan Cazimir (1649-1668), Lituania, *şiling*, 1665;
14. Ioan Cazimir (1649-1668), Lituania, *şiling*, 1666.

IMPERIUL ROMANO-GERMAN
15. Ferdinand I (1526-1564) Ungaria, *denar,* 1547

RUSIA
16. *1 copeică*, 1819
Informaţie: A. Boldureanu.

Tigheci, raionul Leova. În primăvara anului 2014, în împrejurimile satului au fost găsite în arătură trei monede din secolul XIX.
Austria: *3 creuzer*, 1800.
Rusia
1 copeică: 1854
2 copeici: 1810
Informaţie: A. Boldureanu.

Zguriţa, raionul Ocniţa. Ne-au fost oferite spre publicare informaţii şi poze ale câtorva monede medievale care au fost găsite pe teritoriul localităţii în primăvara anului 2014.

HANATUL CRIMEEA
1.Haci Girey (823-871 AH/ 1420-1466), *acce*, Kirk Ier; Retowski, tabl. I, 16-74.

MOLDOVA
2. Ştefan IV (Ştefăniţă) (1517-1527), *Groş*.

IMPERIUL OTOMAN
3. Mustafa III (1171-1187 / 1757-1774), *para*, Islâmbol, Pere 1968, nr. 639.

4. Abdülhamid I (1187-1203 / 1774-1789), *para*, Kostantiniye; Pere 1968, nr. 681.

5. Imitaţie după un aspru de la Selim I?.

UNGARIA
5. Matei Corvin (1458-1490), *denar*; Huszar 1979, nr. 720.

POLONIA
6. August III (1733-1763), Coroana, *Gros*, 1753; Gumowski 1960, 2136.
7. Fals după o emisiune de *3 groşi* de la Sigismund III din anul 1600.

Informaţie: A. Boldureanu.

Bibliografie

Dergaciova 2014: L. Dergaciova, Monede medievale moldoveneşti din colecţii particulare din Republica Moldova (VIII). Revista Arheologică X/1-2, sub tipar.

Gaebler 1935: H. Gaebler, Die Antiken Münzen von Makedonia und Pannonia. In: Die Antiken Münzen von Griechenlands, III (Berlin 1935).

DOW: Ph. Grierson, Dumbarton Oaks Catalogues Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Colection and in the Whittemore Collection, vol. III, Leo III to Nicephorus III, 717/1081; Part 2, Basil I to Nicephorus III (867-1081) (Washington 1973).

Huszár 1979: L. Huszár, Münzkatalog Ungarn vom 1000 bis Heute (München 1979).

Nicolae 2003: E. Nicolae, Moneda otomană în Ţările Române în perioada 1451-1512 (Chişinău 2003).

Nicolae 2005: E. Nicolae, Le monnayage en Bessarabie dans la deuxième moitié du XIVe siècle. In: (eds. C. Alfaro, C. Marcos, P. Otero) XIII Congreso Internacional de Numismática, Madrid 2003, Actes – Proceedings – Actes, I, 2005 (2006), 1367-1373.

Nicolae 2013: E. Nicolae, Din nou despre contramărcile atribuite Cetăţii Albe. In: Al XIV-lea Simpozion de Numismatică dedicat aniversării a 20-a a leului moldovenesc. Programul şi rezumatele comunicărilor, Chişinău, 25-29 septembrie 2013 (Chişinău 2013), 31-32.

Ursu, Dergaciova 2014: I. Ursu, L. Dergaciova, Descoperiri monetare în necropola medievală de la Lăpuşna. In: Conferinţa ştiinţifică cu participare internaţională. Probleme actuale ale arheologiei, etnologiei şi studiului artelor (ediţia a VI-a). Rezumatele comunicărilor (Chişinău 2014), 49.

Pere 1968: N. Pere, Osmanlılarda madenî paralar (Coins of the Ottoman Empire) (Istanbul 1968).

Pîrvulescu 2013: D. Pîrvulescu, Un tezaur de monede otomane descoperit la Tarasova, raionul Rezina. In: Al XIV-lea Simpozion de Numismatică dedicat aniversării a 20-a a leului moldovenesc. Programul şi rezumatele comunicărilor, Chişinău, 25-29 septembrie 2013 (Chişinău 2013), 48-49.

Srećković 2000: Sl. Srećković, Akches (Volume two), Mehmed II *Fatih* – Selim I *Yavuz* 848 - 926 AH (Beograd 2000).

Srećković, 2003: Sl. Srećković, Akches (Volume three), Süleyman I *Kanunî* 926-974 AH (Beograd 2003).

Богуславский, Янов 2009: Г. Богуславский, Д. Янов, Медные монеты Османской империи (из новейших находок Белгород-Тирской экспедиции). In: Al XIV-lea Simpozion de Numismatică dedicat aniversării a 20-a a leului moldovenesc. Programul şi rezumatele comunicărilor, Chişinău, 25-29 septembrie 2013 (Chişinău 2013), 27-29.

Кривенко, Дергачева 2013: А. Кривенко, Л. Дергачева, Клад солидов XVII века найденный у села Рашков. In: Al XIV-lea Simpozion de Numismatică dedicat aniversării a 20-a a leului moldovenesc. Programul şi rezumatele comunicărilor, Chişinău, 25-29 septembrie 2013 (Chişinău 2013), 46-48.

Кривенко, Гончаров 2013: А. Кривенко, Е. Гончаров, Малоазийские монеты XIII - первой четверти XV вв. из находок в Пруто-Днестровье. In: Al XIV-lea Simpozion de Numismatică dedicat aniversării a 20-a a leului moldovenesc. Programul şi rezumatele comunicărilor, Chişinău, 25-29 septembrie 2013 (Chişinău 2013), 40-41.

Лебедев 2000: В. Лебедев, Корпус монет Крыма в составе Золотой Орды. II. Анонимный чекан рубежа XIII-XIV вв. и монеты Узбек-хана (1312-1339). Нумизматика и фалеристика 2, 2000, 32-35.

Мушмов 1912: Н.А. Мушмов, Античните монети на Балканския полуостров и монети на българските царе (София 1912).

Ретовский: Монеты ханов династии Гиреев (Крымское Ханство) 1440-1783. По материалам работ О. Ретовского 1893-1905 гг. (Составитель В.П. Лебедев).

Chronicle of monetary findings (VIII)

Abstract

The author presents the finds of coins in the historical territory of Moldova, which were recorded during 2013 - the first half of 2014. There were examined three ancient coins and one Byzantine coin found in the Ocniţa District. They were minted under the emperors Septimius Severus (193-211), Maximianus Herculius (286-305) and Decentius (350-353). The Byzantine coin is class A2 anonymous follis issued during the reign of Basil II, Constantine VIII and Roman III (976(?)-030/1035).

There are presented findings of medieval coins from Bolohani, Orhei, Brătuleni (Nisporeni District), Hincăuţi, Edineţ, Lăpuşna, Hânceşti, Oprişeni (Glyboka District, Chernivtsi region of Ukraine), Zguriţa (Ocniţa District) etc.

All of them will complete the list of coin finds from Moldova and provide researchers new documentary sources.

Хроника монетных находок (VIII)

Резюме

Автор представляет находки монет на исторической территории Молдовы, которые удалось зарегистрировать на протяжении 2013 - первой половины 2014 гг. Рассматриваются три античных и одна византийская монеты, обнаруженные в Окницком районе. Они были отчеканены при императорах Септимии Севере (193-211 гг.), Максимиане Геркулии (286-305 гг.) и Децентии (350-353 гг.). Византийская монета является анонимным фоллисом класса А2, выпущенным во времена правления императоров Василия II, Константина VIII и Романа III (976(?)-030/1035 гг.).

Представлены находки средневековых монет из Болохань, Орхея, Брэтулень Ниспоренского района, Хинкэуць, Единец, Лэпушны, Хынчешть, Опришень Глыбокского района Черновицкой области Украины, Згурицы Окницкого района и др.

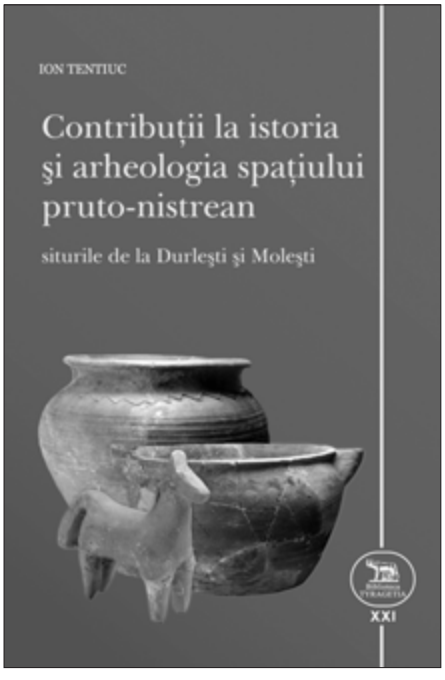
Все они дополнят список монетных находок Молдовы и обеспечат исследователям новые документальные источники.

29.07.2014

Dr. Ana Boldureanu, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August, 121-A, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: anaboldureanu@yahoo.com

Ion Tentiuc, CONTRIBUŢII LA ISTORIA ŞI ARHEOLOGIA SPAŢIULUI PRUTO-NISTREAN. SITURILE DE LA DURLEŞTI ŞI MOLEŞTI

Chişinău, 2012, 288 p. ISBN 978-9975-80-667-1



Pământ al romanităţii, măturat fără hodină de valurile nestăvilite ale diverselor seminţii nomade, pornite să ia cu asalt moştenirea cezarilor, spaţiul carpato-dunăreano-pontic a cunoscut întreaga energie dezlănţuită a stepei, cu pulsaţii pe care rareori a reuşit să le absoarbă în totalitate. Cel mai mult au avut de suferit aşezările stabile de la poalele răsăritene ale Carpaţilor până la Nistru, fluviul ce aşează hotarul cu nesfârşita întindere de păşune de la nordul Mării Negre, rămasă în agitaţie încă foarte târziu până în pragul sec. XVIII. Loc al pustietăţii, al deznădejdii în care-şi pierdeau urma cetele de haidamaci şi carele negustorilor cu călăuze viclene. Ţinutului i s-a zis până foarte târziu *Dikoe Pole* (Câmpia Sălbatică), lăsându-se îmblânzit doar de forţe la fel de sălbatice şi însetate de sânge.

Impactul stepei a împins limes-ul roman pe linia Dunării după anul 271 iar peste provincia romană Dacia s-a aşternut un mileniu de „uitare", cunoscut în general sub sintagma de „mileniul întunecat". Veştile ce răzbat dinspre aceste locuri şi sunt reţinute de cărturarii vremii privesc prioritar grupurile războinice, aflate în trecere sau staţionate la nordul Dunării pentru a porni în expediţii prădalnice spre Constantinopol sau Roma. Dintre acestea, triburile goţilor urmate de huni s-au remarcat prin cruzime şi forţă la începutul perioadei (sec. III-V), determinând căderea Imperiului Roman de Apus şi creând dificultăţi serioase la fruntariile Imperiului lui Constantin cel Mare. Finalul perioadei, marcată de invazia mongolilor din anul 1241 – ultima şi una dintre cele mai devastatoare migraţii – este anticipată de stabilirea în regiunea Dunării de Jos a triburilor pecenego-cumane, a căror furie devastatoare fusese dezlănţuită asupra cnezatelor ruseşti. După o serie de incursiuni la sudul Dunării, o parte şi-au găsit adăpost în Câmpia Panonică, alţii s-au pierdut în Balcani, iar ceilalţi s-au topit în mijlocul populaţiei stabile.

Tocmai această populaţie sedentară, în fapt romanizată, care – în virtutea unei excesive precauţii istoriografice sau adesea din grija evitării vreunei dezvoltări incomode – este identificată în mod tradiţional prin epitete de genul „populaţie locală", „autohtoni", „băştinaşi" sau „indigeni". Termeni irelevanţi, improprii, cu titlu depersonalizator folosiţi pentru populaţia stabilă, ce a supravieţuit valurilor de migratori retrăgându-se sub pavăza munţilor şi a zonelor împădurite dar şi din cronicile vremii. Dacă pentru perioada de după retragerea aureliană şi până spre sec. V-VI, s-a impus cu autoritate noţiunile de „romanici" (est-romanici) sau „populaţie romanizată", puţini se încumetă să identifice populaţia locului drept „românească" sau măcar „străromânească", „protoromânească" şi asta chiar dacă, în general, se apreciază că procesul de formare a poporului român s-a definitivat în sec. VIII.

Nu este locul dezvoltării aici a unei dezbateri atât de complexe, deşi foarte necesară în spaţiul istoriografic românesc. Până şi această complexare în faţa terminologiei este – într-o oarecare măsură – un efect al celor aproape 1000 de ani când populaţia stabilă aproape că „dispăruse" din izvoarele scrise. Din această perspectivă, investigarea *Mileniului I*, ce corespunde şi procesului de etnogeneză al poporul român, presupune o atitudine de responsabilitate sporită din partea cercetătorului. Şi aceasta pentru că „tăcerea izvoarelor" scrise este compensată de probatoriul surselor nescrise şi capacitatea de analiză a interpretului. Este o di-

recţie de cercetare capitală, una dintre priorităţile cercetării istorice, deşi nivelul de cunoaştere a acestei perioade pentru istoriografia românească, în general, se zbate deocamdată într-o etapă de început. Odată cu primele emisiuni documentare, din perioada sec. XIV-XV, se constată numeroase aşezări, o serie fiind atestări noi şi foarte multe coborâte în vechime, trădate prin expresii de genul „unde a fost curtea lui…" sau „unde este casa lui…". Acestea sunt indicii concludente care arată coborârea în timp a aşezărilor stabile.

Hrisoavele medievale păstrate, reflectă – pentru spaţiul pruto-nistrean – o anumită concentrare a aşezărilor în partea centrală, în zona Codrilor. Acolo a fost un spaţiu important de rezistenţă şi stabilitate, devenind o linie de front românesc în faţa puterii tătaro-mongole, bătută în retragere la Orheiul Vechi. Ulterior, pentru dreaptă şi credincioasă slujbă aici s-au învrednicit de mila domnească familii de mari boieri, precum Mihail de la Dorohoi, Drăgoi şi Oană de la Tulova şi chiar membri ai familiei domnitoare şi-au întins o serie de proprietăţi în regiunea actualei mănăstiri de la Căpriana.

Studiul iniţiat de Ion Tentiuc vizează două aşezări din acest spaţiu de îndelungată tradiţie istorică, respectiv, la Durleşti, astăzi intrat în componenţa municipiului Chişinău şi situl de la Moleşti, situat la 32 km sud faţă de capitala Republicii Moldova, în actualul raion Ialoveni. Investigaţiile arheologice – organizate sub egida Academiei de Ştiinţe a Moldovei – s-au desfăşurat la Durleşti în anii 1986-1988, şi la Moleşti, în intervalul 1989-1991, continuând cercetările lui G.F. Cebotarenco, din anii 1979, 1980 şi 1985. Raportat la suprafeţele perimetrelor cercetate – la Durleşti, 1642 m² şi la Moleşti, 2030 m² – se impune din capul locului varietatea şi densitatea complexelor arheologice identificate, aşternute în câteva orizonturi stratigrafice, bine definite cronologic. Situl de la Moleşti este de-a dreptul impresionant în această privinţă, fiind cercetate 166 complexe arheologice, dispuse pe straturi succesive şi cu vestigii, corespunzătoare perioadelor sec. IV-III î. Hr., sec. II-I î. Hr., sec. I-II d. Hr., sec. V-VIII, sec. X-XI, sec. XI-XII.

Volumul este publicat cu girul Academiei de Ştiinţe a Moldovei şi al Muzeului Naţional de Arheologie şi Istorie a Moldovei, în condiţii grafice şi tehnice deosebite, hârtie de foarte bună calitate, anticipând, încă de la prima atingere, o analiză ştiinţifică de calitate, susţinută de un material ilustrativ bine realizat privind complexele descoperite sau vestigiile arheologice de interes – o parte sunt reproduse în imagini color – precum şi o serie întreagă de reconstituiri, ce compun totalul celor 96 figuri, cu trimiteri intra-paginale.

Lucrarea este structurată în două capitole mari, câte unul pentru fiecare sit cercetat, cu patru, respectiv cinci subcapitole dedicate aşezărilor identificate, corespunzător fiecărei perioade cronologice. Strategia generală de organizare a expunerii transpare printr-un tipar relativ unitar al structurării subcapitolelor sau – mai bine zis – al prezentării fiecărei aşezări identificate în perimetrul cercetat, pe grupuri de complexe (locuinţe şi anexe gospodăreşti, cuptoare, gropi menajere, morminte). Fiecare expunere, deşi neanunţată în cuprinsul lucrării, este finalizată – cu câteva excepţii, cauzate de valoarea şi concludenţa nivelurilor, cum ar fi cele corespunzătoare aşezării neolitice de la Durleşti – cu o analiză generală, ce nu are atât rolul de concluzie, cât reflectă preocuparea autorului de a interconecta datele obţinute şi a extrage maximum de informaţii. Volumul reprezintă un instrument de lucru ingenios structurat, astfel încât cititorul poate urmări fiecare vatră de locuire în parte ori fiecare dintre cele două amplasamente, cu nivelurile arheologice componente, în mod distinct. Cu toate acestea, nu este afectat caracterul unitar al întregii lucrări şi – pornind de la două situri arheologice concrete şi care se impun a fi de referinţă istoriografică – să aducă noi contribuţii şi să completeze tabloul general privitor la evoluţia aşezărilor umane în timp şi spaţiu.

Conceput într-un limbaj accesibil, cu multiple conexiuni şi analogii întinse pe întreg arealul Europei Răsăritene, volumul semnat de Ion Tentiuc reuşeşte să trezească interesul şi curiozitatea unei păturii cât mai largi a cititorilor. Este cazul a sublinia aici orizontul întins al cercetării, antrenând spaţii îndepărtate, cu posibilităţi de relaţionare şi comparaţie, o analiză temeinic aşezată într-o bibliografie expusă pe un spaţiu de nu mai puţin de 22 pagini (p. 241-262). Pentru o bună înţelegere a rezultatelor cercetărilor sale, autorul deschide partea introductivă cu o succintă prezentare a cadrului geografic şi evoluţia comunităţilor umane, în spaţiul supus cercetării, începând din neolitic până în etapa premergătoare centralizării statului medieval românesc de la răsăritul Carpaţilor.

Fin cunoscător al realităţilor arheologice ale spaţiului dintre Prut şi Nistru, Ion Tentiuc anunţă valoarea investigaţiilor întreprinse la Durleşti şi Moleşti, prin posibilitatea clarificării unor probleme punctuale, cum ar fi definirea concretă a culturii materiale şi spirituale a populaţiei din partea centrală a spaţiului pruto-nistrean în intervalul sec. VIII-X şi XI-XII; încadrarea cronologică exactă a „culturii Răducăneni", precum şi influenţa grupurilor nomade sedentarizate. „*Toate acestea* – se arată în continuare – *documentează sigur continuitatea de viețuire umană pe aceleași locuri a populației locale romanice în a doua jumătate a mileniului I - primele secole ale mileniului al II-lea p. Chr.*" (p. 17, subl. - V. J.).

Pe lângă analiza şi informaţia conţinută, lucrarea se impune, în mod indiscutabil, ca un „manual de bună practică" pentru arheologia mileniului I dar şi pentru alte epoci istorice. Autorul, aflat într-o etapă de deplină maturitate profesională, este fin cunoscător al tehnicilor de amenajare a spaţiului construit, al inventarului material, al elementelor de rit şi ritual funerar reuşind să scoată în evidenţă anumite particularităţi culturale sau chiar influenţe, ca efect al convieţuirii. Merită de reţinut, în context, şi recunoaşterea procesului de sedentarizare a nomazilor, găsind elemente de cultură materială – inclusiv locuinţe – distincte, de factură nomadă, în aşezările sedentare ale romanicilor (p. 14, 205 şi *passim*). Asemenea constatare pentru populaţia sec. X-XII, regăsită şi în alte zone de la răsărit de Carpaţi până la Nistru, „reflectă clar situaţia demografică şi social-politică complexă din primele secole ale mileniului al II p. Chr. din spaţiul est-carpatic şi de la nordul Gurilor Dunării" (p. 94-95).

În context, observaţia de faţă trebuie comparată cu rezultatele cercetărilor lui L.D. Dmitrov şi A.A. Kravčenko, asupra unui sector al vetrei urbane din perimetrul glacisului de la Cetatea Albă. Locuinţele cu tandâr identificate aici au alimentat păreri care – din cel mult un cartier al aşezării cu populaţie sedentarizată – s-au grăbit să conchidă că întreaga aşezare de sec. XII-XIII, de la limanul Nistrului, avea un caracter oriental. Astfel, chiar în istoriografia de ultimă oră, imaginaţii imprudente concep migraţia (!) spontană a moldovenilor în vatra Cetăţii Albe, tocmai prin anii '70 ai sec. XIV (Красножон 2012, 16[1]), depersonalizând cu totul aşezarea de odinioară, de „specific oriental" şi aceasta „vinovată" de a fi măturat un nivel de depunere a civilizaţiei slave ce se încăpăţânează să-şi confirme arheologic existenţa.

Fără intenţia de a diminua întru câtva din valoarea cercetării arheologice şi analizei supuse atenţiei, este cazul a arăta asupra câtorva noţiuni şi concepte – încă intens discutate în istoriografia arheologică – folosite de autor, faţă de care s-ar fi impus *poate* o precauţie sporită ori eventuale clarificări pentru îmbrăţişarea anumitor poziţii. Dintre acestea, pentru conceptul de „aspect cultural" sau „varianta culturală" Răducăneni a culturii Dridu, autorul preferă să o identifice cu o cultură arheologică distinctă. Şi aceasta, în pofida faptului că nici măcar „părintele" istoriografic al acestei „culturi" est-carpatice din pragul mileniului II nu a reuşit să-i decripteze convingător valenţele identitare definitorii.

În cazul figurinelor antropomorfe/zoomorfe ar fi fost utilă o clasificare şi specificarea exactă a celor găsite în gropile de par ce compuneau structura locuinţelor sau sub vetrele de foc. Astfel, s-ar putea clarifica tipurile de reprezentări figurate preferate depunerilor magico-religioase, tradiţie perpetuată până foarte târziu – inclusiv în practicile creştinilor ortodocşi – sub aspectul *jertfei*, depusă sub talpa locuinţelor ţărăneşti (animale) ori sub absida altarului bisericii (candela aprinsă) şi sub piciorul pristolului (moaşte). Totodată s-ar putea asigura distingerea figurinelor ritualice de cele care au servit ca simple jucării ale copiilor vremii.

În fine, ar fi cazul să se elucideze noţiunea de „groapă menajeră", denumire improprie pentru gropile găsite în jurul locuinţelor, ceea ce induce falsa percepţie despre o cultură ecologică a strămoşilor noştri faţă de care s-ar ruşina până şi gospodarii de frunte ai satelor contemporane. De la neolitic până în evul mediu oamenii şi-ar fi ascuns resturile menajere în gropi special amenajate, obişnuinţă ce astăzi ar părea cu totul stinsă! Fără a insista asupra subiectului, denumirea respectivă a fost atribuită nu atât din perspectiva scopului iniţial pentru care au fost săpate, ci după modul în care sunt descoperite, fără a fi fost făcute minime relaţionări cu studiul etnografic. În întreaga Moldovă gospodarii mai obişnuiesc să depoziteze legumele în gropi anume săpate iar întregul conţinut era acoperit cu un strat de paie şi apoi pământ. Întreaga movilă primea deasupra o

[1] Autorul îl citează pe N.D. Russev.

„răsuflătoare” din stuf sau „beţe de răsărită”. Prin urmare, termenul corect ar fi acela de „gropi de depozitare” pentru iarnă şi sunt desfiinţate cel mai frecvent prin umplerea cu gunoaie. Este o regulă oricând şi oriunde verificabilă în satele din Moldova, în gospodăriile care cresc animale.

Un alt termen potrivit, în locul „gropilor menajere” ar fi arhaicul „zemnic/zămnic”, presupunând o groapă sub locuinţă sau alături, folosit pentru păstrarea alimentelor. Spre deosebire de beci, zemnicul nu avea pereţii zidiţi, era acoperit cu trunchiuri de copaci şi pământ, cu o deschidere îngustă şi se cobora cu ajutorul unei scări din lemn.

Trecând peste aceste trimiteri, neimputabile strict autorului, merită subliniat aici caracterul interdisciplinar al cercetării de faţă, astfel încât puţinele indicii arheologice să poată fi completate de alte mijloace de probă, pentru a se ajunge la o concluzie întemeiată. Doar cu titlu de exemplu, nu a fost suficientă identificarea unei seceri pentru a recunoaşte practicarea agriculturii, deşi pentru populaţia sedentară a mileniului I de la răsărit de Carpaţi, această ocupaţie de bază este admisă. S-au avut în vedere şi rezultatele cercetărilor paleobotanice, pentru a dovedi că locuitorii sec. VIII-X, cultivau câteva specii de cereale: mei, ovăz, orz, secară şi nu mai puţin de trei specii de grâu (p. 228).

În încheiere, este cea mai potrivită concluzia formulată de însuşi autorul studiului: *„Datele puse la dispoziţie de investigaţiile arheologice de la Durleşti şi Moleşti se constituie într-o importantă sursă documentară pentru reconstituirea coordonatelor evolutive ale culturii materiale şi spirituale a populaţiei locale care, în pofida nenumăratelor vicisitudini, a evoluat şi s-a consolidat”* (p. 240).

Bibliografie

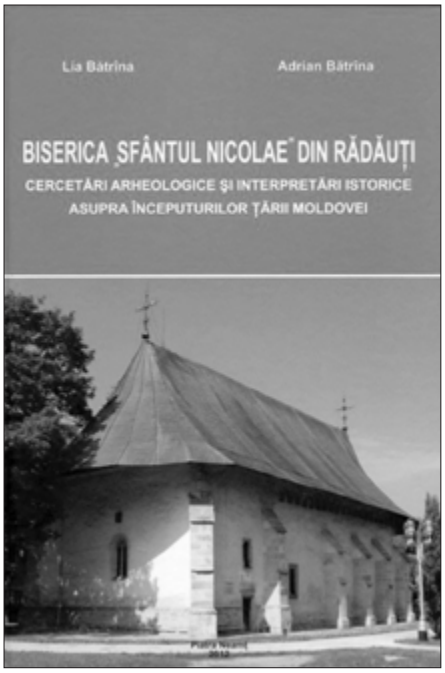
Красножон 2012: А.В. Красножон, Крепость Белгород (Аккерман) на Днестре. История строительства (Кишинэу: «Stratum plus» 2012).

4.12.2013

Dr. Vitalie Josanu, Inspectoratul de Poliţie al judeţului Neamţ, str. Eroilor nr. 16, RO-610053 Piatra Neamţ, România, e-mail : vitaliejosanu@yahoo.com

Lia Bătrâna, Adrian Bătrâna, BISERICA „SFÂNTUL NICOLAE" DIN RĂDĂUŢI. CERCETĂRI ARHEOLOGICE ŞI INTERPRETĂRI ISTORICE ASUPRA ÎNCEPUTURILOR ŢĂRII MOLDOVEI

Editor: Gheorghe Dumitroaia, Piatra Neamţ: Editura Constantin Matasă, 2012, 518 p. ISBN 978-973-7777-22-5



Studiul monografic al cunoscuţilor arheologi Lia şi Adrian Bătrâna apărut la Editura Constantin Matasă din Piatra Neamţ în anul 2012, în colecţia *Bibliotheca Memoriae Antiquitatis*, se deschide cu un *Cuvânt de suflet* al ÎPS Pimen Suceveanul, Arhiepiscop al Sucevei şi Rădăuţilor, în care se subliniază în mod deosebit „râvna şi responsabilitatea" autorilor „în faţa istoriei".

Acesta este urmat de un *Cuvânt înainte* al academicianului Răzvan Theodorescu în care studiul publicat este apreciat drept „o carte fundamentală pentru oricine se va ocupa de acum înainte de destinul istoric al ţării româneşti de la răsărit de Carpaţi", lucrare în care sunt aduse şi unele „noutăţi absolute", de rând cu alte „sugestii" care sunt doar „pline de interes", posibila, în opinia numitului academician Răzvan Theodorescu, existenţă a două „dinastii" genuine ale Moldovei.

Prefaţa Liei şi a lui Adrian Bătrâna vine să precizeze că în studiul dat se valorifică rezultatele investigaţiilor arheologice din verile anilor 1974-1977 la biserica „Sfântul Nicolae" din Rădăuţi. De la bun început autorii informează cititorul că aici, la Rădăuţi, „a fi fost şi sediul unei importante formaţiuni politice de tip voievodal". Autorii apreciază sursele arheologice de la Rădăuţi drept cel „mai important şi preţios sit arheologic pentru înţelegerea genezei statale a teritoriului românesc de la răsărit de Carpaţi". Cititorul este atenţionat şi la faptul că s-a „zăbovit în mod special asupra unor probleme neclare sau greşit înţelese în istoriografia noastră ... încercând să le explicăm mai bine cu ajutorul izvoarelor arheologice şi să obţinem reconstituiri ale unor realităţi istorice pe care izvoarele scrise, doar ele singure, nu sunt întotdeauna în măsură să ni le ofere". Fără îndoială, aşa şi este, or, secolul pus aici în discuţie, al XIV-lea, moldovenesc, este extrem de sărac în surse scrise. Totuşi, problemele „greşit înţelese în istoriografia noastră" nu se datorează investigării subiective a surselor deja cunoscute, ci puţinătăţii surselor istorice, indiferent de natura lor, scrise sau arheologice, dar şi posibilităţilor de cercetare a acestora. Evident, noile posibilităţi de cercetare a materialului osteologic uman, utilizându-se genetica moleculară şi paleogenetica umană, au permis autorilor formularea unor concluzii absolut noi, concluzii care a fost imposibil să fie trase până acum.

În Capitolul I (p. 17-23), *Cadrul geografic şi istoric al zonei depresionare Rădăuţi*, se subliniază condiţiile favorabile pentru viaţa umană, pentru practicarea agriculturii, creşterii animalelor, pomiculturii, prelucrării lemnului etc. Pe la sfârşitul secolului al XIII-lea, menţionează autorii, zona Rădăuţilor se prezenta ca fiind destul de dens locuită şi, chiar a ajuns „un stadiu de maturitate", şi „din punctul de vedere al organizării politice", nivel „exprimat prin apariţia unui organism teritorial-politic ce va juca un rol deosebit în procesul de constituire a statului feudal românesc de la răsărit de Carpaţi".

În Capitolul II (p. 25-92), intitulat *Cercetarea arheologică. Date de ordin stratigrafic*, autorii oferă un tablou complex al surselor arheologice descoperite şi succesiunea cronologică a acesto-

ra, reuşind să identifice opt niveluri de activitate umană.

Primul nivel este cuprins între sfârşitul secolului al XIII-lea şi primul sfert al secolului al XIV-lea, nivel datat în temeiul ceramicii, unor unelte, obiecte de uz casnic şi accesorii vestimentare, subliniind că nu s-a descoperit vreun complex de locuire. În pofida acestui fapt, autorii îşi exprimă convingerea fermă că „vestigiile locuinţelor din această perioadă se află pe latura de nord, vest şi sud a bisericii, acolo unde săpăturile nu au putut fi extinse". Urmează o prezentare detaliată a tipurilor de vase din ceramică, cu observaţia că tipurile de ceramică de la Rădăuţi se întâlnesc frecvent în monumentele din Transilvania, Maramureş şi Moldova. De aici, concluzia, consider obiectivă, a autorilor că Rădăuţii aparţin la o zonă bine determinată, „jumătatea de nord a Moldovei – caracterizată prin schimburi statornice cu Transilvania şi Maramureşul precum şi legăturile multiple existente între comunităţile româneşti de pe cei doi versanţi ai Carpaţilor Orientali". Descoperirea, în rând cu ceramica, a uneltelor de muncă, a obiectelor de uz casnic, a accesoriilor vestimentare îi conduc pe autori la concluzia că în segmentul cronologic indicat, „viaţa a pulsat în mod intens în cuprinsul reşedinţei feudale de la Rădăuţi, chiar înainte de ridicarea primului lăcaş de cult".

De o importanţă deosebită pentru elucidarea problemelor genezei statului feudal la Est de Carpaţi sunt descoperirile din nivelul de viețuire cuprins în segmentul cronologic între primul sfert şi ultimul sfert al secolului al XIV-lea. Examinarea materialului ceramic atestă faptul că din ceramica locală dispar vasele lucrate cu mâna, este prezentă ceramica confecţionată în centrele urbane aflate sub controlul Hoardei de Aur din regiunea centrală şi de sud a spaţiului dintre Nistru şi Prut, dar şi ceramica confecţionată de coloniştii germani în centrul urban de la Siret. De o atenţie binemeritată din partea autorilor a beneficiat lăcaşul de cult din lemn ridicat în perioada cuprinsă între sfârşitul secoluli al XIII-lea şi primul sfert al secolului al XIV-lea, lăcaş care a funcţionat până în ultimii ani ai deceniului nouă al secolului al XIV-lea, când biserica din lemn a fost înlocuită cu una de zid, şi necropola acestuia din 39 de morminte, din care, în virtutea importanţei lor deosebite, o atenţie sporită este acordată la trei morminte (M 66, M 85 și M 82).

Dintre caracteristicile esenţiale ale mormintelor menţionate:

M 66, groapă simplă, bărbat, vârsta cca 60 de ani, inel de aur ce se înscrie în seria pieselor din secolele XIII-XIV;

M 85, groapă simplă, sicriu de lemn, vârsta cca 30 de ani, garnitură din 63 de nasturi din argint aurit de la un costum feudal de ceremonie. Tipul de costum, în primul rând, şi accesoriile vestimentare permit încadrarea M 85 în deceniile 6-8 ale secolului al XIV-lea, încadrarea cronologică, conform autorilor, „este deosebit de importantă *în propunerea* (subl. - I.E.) de identificare a înhumatului"; inel de aur cu inscripţia Allah, caracteristic – inscripţia şi chenarul sunt executate stângaci, faţă de celelalte părţi componente ale inelului;

M 82, în criptă zidită din cărămizi legate cu mortar, sicriu de lemn, bărbat, vârsta cca 60 de ani, costum cavaleresc, 13 nasturi din argint aurit, 6 aplice din folie de argint ce conţin „elemente emblematice a căror cunoaştere, încadrare cronologică, atribuire asociere şi interpretare" au permis autorilor „reconstituirea unei steme", datată cca a doua jumătate a sec. al XIV-lea.

În concluziile la inventarul funerar (mătăsuri broşate cu fir de argint aurit, nasturii ajuraţi, tunica de tip *pourpoint*) din cele trei morminte autorii precizează încă odată datarea: deceniile şapte-opt ale secolului al XIV-lea.

Referindu-se la nivelul de viețuire din ultimul sfert al secolului al XIV-lea, autorii descriu pe larg vestigiile arheologice descoperite în lăcaşul de cult de zid, ridicat aproximativ între anii 1387-1391, în timpul lui Petru I, domn care, în aprecierea autorilor, a fost şi ctitorul acesteia, în necropola din interiorul şi exteriorul său etc., după care urmează prezentarea succintă a nivelurilor de locuire până în secolul al XVIII-lea.

Necropola (42 de morminte în exterior, 12 în interior) din lăcaşul de cult de zid a beneficiat de o expunere destul de detaliată din partea autorilor, subliniindu-se o „succesiune nemijlocită" între cele două necropole.

Capitolul III (p. 93-110), *Descoperiri monetare*, este consacrat prezentării celor 23 de monede (12 bătute în Moldova, 3 – în Boemia, 5 – în Polonia, 2 – în Ungaria şi un fals după un aspru otoman) depistate cu ocazia săpăturilor arheologice.

Capitolul IV (p. 111-119), *Studiu antropologic asupra osemintelor din mormintele amplasate în naosurile celor două biserici* este realizat de Nicolae Miriţoiu şi Mihai Constantinescu şi, de asemenea Capitolul V (p. 121-168) *Studiu de paleogenetică efectuat asupra osemintelor descoperite în mormintele din Biserica „Sfântul Nicolae" din Rădăuţi*, realizat de Georgeta Cardoş şi Alexander Radevald, ţin de investigaţii specifice ale materialului osteologic, în baza cărora Lia şi Adrian Bătrâna şi-au axat cercetările referitoare la identificarea înhumaţilor şi la precizarea unor momente cruciale din istoria Moldovei din secolul al XIV-lea.

În Capitolul VI (p. 169-191), *Necropolele domneşti de la Rădăuţi. Identificarea înhumaţilor*, utilizând datele obţinute în capitolele IV şi V şi, de asemenea, datele săpăturilor arheologice, inscripţiilor de pe lespezile funerare şi a surselor istorice scrise, autorii întreprind o migăloasă investigaţie în vederea identificării înhumaţilor din mormintele domneşti din interiorul celor două biserici. Cercetarea subiectului porneşte de la constatarea autorilor că „lespezile de mormânt puse din porunca lui Ştefan cel Mare sunt doar simple cenotafuri, menite să marcheze doar memoria unor înaintaşi ai săi şi nicidecum amplasamentul mormintelor în care aceştia odihnesc, chiar dacă, după cum vom vedea, marele voievod avea cunoştinţă despre aceştia". Din această constatare urmează concluzia că „lespezile funerare de la Rădăuţi, numai prin inscripţiile pe care le conţin – chiar dacă acestea sunt extrem de preţioase – nu pot permite identificarea înhumaţilor din mormintele descoperite, iar ordinea în care au fost ele dispuse în câmpul naosului nu au nici o relevanţă în stabilirea succesiunii deceselor primilor domnitori ai Moldovei, aşa cum s-a încercat în istoriografia noastră". Evident, aici rămâne fără răspuns întrebarea, de ce Ştefan cel Mare a procedat aşa – cunoştea amplasamentul mormintelor în care odihneau înaintaşii săi, dar lespezile funerare le-a aşezat cu totul altfel?

Autorii subliniază în mod special că progresele realizate de genetica moleculară şi paleogenetica umană permit „nu numai o identificare certă a tuturor personajelor înmormântate în naosurile celor două biserici de la Rădăuţi", ci şi „precizări cu privire la genealogia domnitorilor ce au stat în scaunul Moldovei în secolul al XIV-lea". Referindu-se la actul din 6 iulie 1413, act în care Alexandru cel Bun aminteşte Episcopia de la Rădăuţi şi biserica Sfântul Nicolae, „unde sunt îngropaţi moşii noştri", act care a fost utilizat de unii istorici pentru a demonstra că „necropola de la Rădăuţi aparţine şi adăposteşte trupurile membrilor unei singure dinastii", autorii consideră că actul în cauză atestă că „cel puţin unii dintre înaintaşii lui Alexandru cel Bun", domni sau membri ai familiei domneşti, au fost aici înmormântaţi, „fără, însă, să se poată deduce din aceasta că ea ar fi adăpostit în exclusivitate trupurile strămoşilor înrudiţi doar pe linie bărbătească cu voievodul amintit". Autorii amintesc şi alte acte utilizate de specialişti (din 30 august 1479, 23 august 1481, 15 martie 1490), în care sunt amintiţi înaintaşii lui Ştefan cel Mare, cu unicul scop, de a demonstra continuitatea dinastică dintre Bogdan I şi Alexandru cel Bun.

Examinând în continuare lespezile funerare şi amplasarea acestora, autorii mai subliniază încă o dată faptul că „nu există nici o legătură între amplasamentul mormintelor şi cel al lespezilor funerare, întrucât sub nici una dintre acestea nu s-a descoperit vreun mormânt". Dar, conform autorilor, această situaţie ar putea conduce la două concluzii: fie că „nu se mai cunoştea topografia exactă a mormintelor", fie că, „chiar dacă amplasamentul acestora era bine cunoscut, *din anumite considerente* (subl. - I.E.) nu s-a mai dorit a fi respectat". Plecând de la faptul că mormintele care se succed până la data săpării ultimului mormânt (1433) „nu se intersectează", autorii trag concluzia că la momentul când au fost dăltuite lespezile funerare „se cunoştea topografia celor anterioare". Mai mult chiar, autorii sunt încredinţaţi că mormintele erau acoperite cu lespezi funerare care „conţineau şi inscripţii ce menţionau cel puţin numele celor înhumaţi". Dar, fiind la nivelul pardoselii, lespezile s-au uzat, ceea ce „a constituit una din principalele cauze care a impus înlocuirea lor în timpul lui Ştefan cel Mare". Or, soluţia nou adoptată a fost doar să marcheze „memoria personajelor înmormântate dar nu şi topografia mormintelor". Amplasarea noilor lespezi pe socluri înalte a urmărit scopul să protejeze inscripţiile. Posibil, mai cred autorii, s-a ales anume această soluţie „pentru a feri mormintele de eventualii jefuitori", dar şi „pentru facilitarea slujbelor liturgice în spaţiul naosului".

Referindu-se la cele nouă morminte din naosurile celor două biserici (cu doar şapte lespezi funerare

puse la porunca lui Ștefan cel Mare), autorii stabilesc faptul că trei dintre ele (M 66, M 85, M 82) „aparţin cu certitudine" bisericii din lemn, restul de şase, bisericii de zid.

În continuare autorii revin la identificarea celor trei morminte din naosul bisericii din lemn. Dacă anterior ei considerau că este vorba de feudalul-ctitor (M 66), Bogdan (M 85) și fiul său Lațcu (M 82), studiul ADN a demonstrat „strânse legături pe linie masculină între înhumații din M 66 și M 85", iar înhumatul din M 82 „nu se află în nici o relație de înrudire pe linie masculină cu ce aflați în M 66 și M 85". Examinarea în continuare a datelor oferite de analiza ADN a permis autorilor să atribuie „cu certitudine mormântul M 66 primului domnitor al Moldovei, Bogdan I, decedat în anul 1367 la o vârstă de cca 60 de ani, iar pe cel următor, M 85, fiului său Lațcu, decedat la 1375 la o vârstă de cca 30 de ani".

Referindu-se la M 82, care nu se află în relații de rubedenie *per masculos* cu ceilalți doi, autorii subliniază că el „nici nu face parte din rândul acelora menționați pe lespezile lizibile de mormânt". Autorii continuă cu examinarea mormintelor din naosul bisericii de zid și constată faptul că pentru M 72, care ar fi aparținut celui dintâi episcop de Rădăuți, Leontie sau Lavrentie, de asemenea nu există o lespede funerară pusă la indicația lui Ștefan cel Mare. Totuși, autorii sunt încrezuți că asemenea lespezi au fost, acești „actori principali în procesul de întemeiere a tinerei creații statale românești de la răsărit de Carpați", „nu puteau cu nici un chip să fie uitați de marele voievod".

Continuând identificarea personajelor din naosul bisericii de zid, autorii constată că M 81 și M 79 adăpostesc osemintele lui Petru I și Roman I, strâns legați pe linie masculină cu M 82, ceea ce denotă că acest ultim personaj din M 82, a fost tatăl primilor doi. Având în vedere poziția M 82, situat între M 85 și M 81, identificate de autori cu cel al lui Lațcu și Petru I, și poziția similară a lui Costea voievod în *Pomelnicul de la Bistrița* și *Pomelnicul de la Voroneț*, de asemenea între Lațcu și Petru I, autorii îl identifică pe înhumatul din M 82 cu faimosul voievod Costea.

În privința mamei acestora și deci, a soției lui Costea, autorii nu au nici o îndoială: este vorba de Margareta-Mușata, amintită cu aceste două nume în sursele istorice scrise, care în realitate este una și aceeași persoană, „iar în cronici Petru I este desemnat ca fiu al Mușatei".

Concluzia autorilor este grăitoare: „Poziția înhumatului din M 82 în prima biserică de la Rădăuți, într-o necropolă de familie – fără să se înțeleagă prin aceasta că toți membrii săi se înrudeau *per masculos* – precum și calitatea sa de părinte al domnitorilor Petru I și Roman I, situează acest personaj în galeria voievozilor de la răsărit de Carpați din perioada anterioară întemeierii statale. Stăpânitor al reședinței feudale de la Rădăuți și soț al Margaretei (Mușata), el trebuie să fi fost unul dintre actorii principali ce au participat la actul întemeierii Moldovei, iar *residencia* sa a reprezentat centrul de comandă a lui Bogdan I în timpul luptelor purtate pentru eliminarea reprezentanților regalității maghiare". Cu alte cuvinte, după domnia lui Lațcu, prin Petru I, fiul Margaretei și al lui Costea, domnia Țării Moldovei revine dinastiei locale de la Est de Carpați, în așa fel întrerupându-se linia masculină a celor veniți din Maramureș.

În Capitolul VII (p. 193-208), *Genealogia și cronologia domnitorilor și a familiilor domnitoare din Moldova celei de a doua jumătăți a secolului al XIV-lea*, pentru autori este idiscutabil faptul că „Bogdan I a urcat pe tronul Moldovei printr-un sistem electiv, fiind ales de voievozii locali", pe când urmașii lui au beneficiat de, citează pe Emil Vârtosu, un „sistem mixt: electiv și ereditar". Remarcând, după Ștefan S. Gorovei, și alte condiții necesare pentru ocuparea scaunului, anume că succesorul să fie „os domnesc", faptul că femeile erau categoric îndepărtate de la domnie și că „urmașii domnițelor erau excluși de la tron", autorii afirmă că ultima aserțiune „este contrazisă de studiul de paleogenetică umană efectuat asupra osemintelor de la Rădăuți". În același timp se atenționează și la faptul, după Ștefan S. Gorovei și Constantin Rezachevici, că spre sfârșitul secolului al XVI-lea s-a recurs la alegerea domnilor din familiile boierești înrudite, prin femei, cu vechile familii domnitoare, exemplificându-se cu neamul Movileștilor.

În continuare autorii subliniază că problema care a stârnit cele mai mari controverse este problema privitoare la genealogia primilor domnitori ai teritoriului de la Est de Carpați din a doua jumătate a secolului al XIV-lea. Ei văd „cheia" care poate rezolva problema dată în „înțelegerea co-

rectă a modului în care s-a transmis coroana de la Laţcu la Petru I, precum şi stabilirea cu exactitate a relaţiilor de înrudire existente între aceşti doi domnitori". Până acum, menţionează autorii, au fost emise două opinii. Unii istorici, ca număr cei mai mulţi, acceptă discontinuitatea dinastică afirmând că după Laţcu continuitatea dinastică pe linie masculină a fost întreruptă, alţii, ca număr mai puţini, acceptă continuitatea dinastică *per masculos*, de necontestat, remarcându-l pe Ştefan S. Gorovei, drept „cel mai aprig susţinător al continuităţii dinastice". Examinând argumentele invocate de acesta, autorii îi reproşează lui Ştefan Gorovei că „probe preemptorii" pot aduce nu numai sursele scrise, ci şi cele arheologice şi afirmă că anume acestea din urmă au furnizat asemenea probe „în măsură să contrazică teoria continuităţii dinastice".

Amintind faptul că încă în 1980, în baza stemelor diferite şi atribuite, una lui Laţcu, alta lui Petru I, autorii au formulat concluzia referitoare la succesiunea dinastică, anume faptul că „între Laţcu şi Petru I neexistând nici o legătură directă pe linie bărbătească".

Beneficiind de rezultatele studiului ADN, autorii trag concluzia: „Bogdan I şi Laţcu, pe de o parte, iar Costea, Petru I, Roman I şi Ştefan I, pe de altă parte, nu se înrudesc *per masculos* şi deci, din punct de vedere genealogic, reprezintă două familii diferite sau, astfel spus, două dinastii distincte". Şi continuă autorii: „Primii doi sunt reprezentanţii *dinastiei maramureşene*, iar ceilalţi patru sunt membrii *dinastiei locale moldoveneşti*". În felul acesta, conchid autorii, „prin urcarea pe tron a lui Petru I, intervine o discontinuitate dinastică".

Constatând, după sursele scrise, faptul că numele de Muşata şi Margareta se referă la una şi aceeaşi persoană, în opinia autorilor, rezultatele ADN permit a se concluziona că „Margareta-Muşata, mama fraţilor Petru I şi Roman I, este sora uterină a lui Laţcu şi fiica lui Bogdan I, iar prin căsătoria sa cu voievodul Costea de la Rădăuţi s-a realizat înrudirea dintre cele două familii".

Rezultatele ADN din mormintele masculine au permis autorilor şi reconstituirea „profilului genetic al doamnei Margareta-Muşata (mormântul acesteia nu este la Rădăuţi) nu numai *per feminas* ci şi *per masculos*", concluzionând că ele probează „descendenţa sa din Bogdan I". Considerând că „legăturile genetice existente între Bogdan I, Laţcu şi Margareta-Muşata, pe de o parte, Costea, Petru I şi Roman I, pe de altă parte au fost clarificate în mod definitiv", autorii trag concluzia că «la moartea lui Laţcu succesiunea s-a realizat nu prin „os domnesc" ci prin „sânge domnesc", adică prin femei». La numirea în scaun a lui Petru rolul decisiv l-ar fi jucat mama sa Margareta, „personalitate extrem de puternică şi influentă", dar aceasta „va vi fost şi opţiunea lui Laţcu, pe patul său de moarte".

Utilizarea datelor ADN a permis autorilor să precizeze sau să confirme unele ipoteze anterioare referitoare la „relaţiile existente între personajele înmormântate la Rădăuţi" şi anume că Roman I, cel de al doilea fiu al voievodului Costea şi al Margaretei, iniţial a fost căsătorit cu o femeie „de origine locală, moldovenească" şi din această căsătorie a rezultat Ştefan I. A doua soţie a lui Roman I a fost lituaniana Anastasia din neamul Koriatovicilor, cu care i-a avut pe jupan Bogdan şi Alexandru cel Bun. Destl de interesante sunt şi presupunerile autorilor referitoare la anii de viaţă ai lui Bogdan I, Laţcu, Petru I, Roman I, Ştefan I, Costea voievod, despre cei doi jupani Bogdan, unul fratele lui Alexandru cel Bun, altul fiul lui Alexandru cel Bun, dar şi despre Margareta-Muşata.

Capitolul VIII (p. 209-212) continuă cu unele precizări *Despre jupanul Bogdan, fratele lui Alexandru cel Bun*. Autorii, în baza expertizei antropologice, formulează concluzia că „dispariţia jupanului Bogdan din documente nu poate fi pusă pe seama apariţiei moştenitorilor direcţi ai lui Alexandru, ci doar coincide cu aceasta, ea datorându-se în fapt decesului său, petrecut la vârsta de 15-16 ani". Pronunţându-se asupra esenţei asocierii la domnie a jupanului Bogdan, autorii consideră că „nu se poate vorbi de o stăpânire în comun, ci doar, în cel mai bun caz, de o reprezentare în comun la nivelul actelor de cancelarie". Autorilor li se pare mai verosimilă „opinia conform căreia Bogdan al II-lea a fost fiul jupanului Bogdan, fratele lui Alexandru cel Bun", dar Ştefan cel Mare l-a considerat bunic pe Alexandru cel Bun drept „semn de recunoştinţă pentru grija şi generozitatea arătate de acesta faţă de tatăl său".

Capitolul IX (p. 213-215), *Despre jupanul Bogdan, fiul lui Alexandru cel Bun,* aduce unele lămuriri asupra unui alt personaj controversat din

epocă. Prezentând succint opiniile vizavi de acest personaj (fiu nelegitim, fiu din căsătoria lui Alexandru cel Bun cu Marina, fiul Stancăi etc.), autorii, plecând de la documentele care îl amintesc pe acest Bogdan şi „din informaţia oferită de studiul antropologic în legătură cu faptul că el a decedat la vârsta de numai trei ani, vin să confirme o opinie anterioară a istoricilor, potrivit căreia jupanul Bogdan este ultimul copil al lui Alexandru cel Bun din căsătoria cu doamna Marina, născut la 1430.

Capitolul X (p. 217-231), *Consideraţii artistice cu privire la inelul descoperit în mormântul voievodului Laţcu*, autorii fac mai multe precizări la opiniile enunţate anterior asupra acestui inel din aur, apreciat drept „simbol de putere, iubire şi devotament". Autorii renunţă la opinia enunţată anterior că inelul ar fi fost realizat „de către un artist occidental într-un atelier cosmopolit de felul celor de la Pera, Cetatea Albă sau Caffa" şi, în urma unei examinări minuţioase a fiecărui element al inelului în cauză, formulează concluzia că trăsăturile de bază ale inelului cu pricina „ne trimit spre lumea islamică de coloratură persană şi ne îndreptăţesc aserţiunea că aria acesteia este şi cea în care bijuteria a fost produsă".

Capitolul XI (p. 233-240), *O mărturie arheologică despre relaţiile internaţionale ale Moldovei în vremea voievodului Laţcu*, vine să relateze despre posibilele circumstanţe în care faimosul inel a ajuns pe degetul domnului Ţării Moldovei. Autorii subliniază încă o dată faptul că chenarul şi inscripţia Allah de pe pastila din aur, „ce nu face corp comun cu restul piesei", sunt realizate mai puţin îngrijit. Din această constatare urmează concluzia că „inscripţia şi chenarul de pe pastilă nu au fost incizate de la bun început" în atelierul unde a fost realizat inelul, ele fiind executate ulterior, după ce, un anumit timp, inelul al fost purtat de vreun negustor. Abia după realizarea inscripţiei se poate vorbi „despre identitatea culturală a comanditarului" şi despre „existenţa unei relaţii certe între obiect (inelul) şi identitatea culturală a primului său purtător". Autorii exclud de la bun început posibilitatea că primul şi singurul posesor al inelului şi comanditarul inscripţiei, ar fi fost Laţcu. De aici, „concluzia certă" a autorilor: înainte de a ajunge la Laţcu, inelul a aparţinut unui „personaj înalt din societatea mongolă, cel ce a dispus incizarea pe montură a numelui lui Allah". Referindu-se la împrejurările în care acest inel ar fi putut ajunge în posesia domnului Moldovei, autorii indică trei posibilităţi: achiziţionarea de la un negustor, dobândirea în urma unei lupte, dăruirea din partea unui înalt personaj al societăţii mongole, ca simbol al alianţei dintre cei doi. Primele două ipoteze sunt respinse de autori ca nefiind fondate, Laţcu avea o cu totul altă identitate spirituală şi, desigur, el „nu putea să se afişeze cu o simplă pradă de război în faţa demnitarilor şi slujitorilor săi". Autorii acceptă cea de a treia ipoteză, alianţa cu un mare demnitar mongol ce stăpânea în regiunile vecine Moldovei, alianţă pe care domnul a păstrat-o cu fidelitate până la moarte „şi chiar după aceea" (după aceea, este problematic, nu cred că problema trebuie pusă anume în aşa fel), dovadă fiind faptul că a fost înmormântat cu inelul în cauză.

Referindu-se la problema cine putea fi acest demnitar mongol, autorii întreprind, mai ales în baza studiilor realizate de specialiştii în numismatică, o examinare minuţioasă a situaţiei din spaţiul dintre Nistru şi Prut, unde s-au perindat mai multe căpetenii tătare, Abdullah, Kutlubuga şi, în sfârşit, „principele" creştinat Dimitrie. În opinia autorilor, anume cu ultimul ar fi încheiat Laţcu o alianţă, anume acesta i-ar fi făcut cadou lui Laţcu faimosul inel. În intervalul 1367-1370 Moldova lui Laţcu se învecina la sud-est cu ţara principelui mongol creştinat, Dimitrie. Autorii explică colaborarea acestuia cu tătarii prin „toleranţa manifestată de mongoli faţă de românii ortodocşi, cât şi prin ostilitatea permanentă a acestora faţă de catolicism şi faţă de tendinţele regatului apostolic de a-şi impune dominaţia" la Est de Carpaţi.

Dar, desigur, apare întrebarea: de ce un principe tătar creştinat care, evident, avea deja „o altă identitate spirituală" decât cea islamică, dăruie aliatului său, unui alt creştin, lui Laţcu, un inel cu inscripţia Allah? Cum putea o piesă ce conţinea un mesaj islamic, numele Allah, să cimenteze alianţa între doi creştini, Dimitrie şi Laţcu? Doar faptul că creştinul Dimitrie era mongol, nu avea, pentru acele timpuri, nici o importanţă.

Capitolul XII, (p. 241-252) *Însemne heraldice ale voievodului Costea de la R*ădăuţi, este dedicat controversatului personaj Costea. Autorii atribuie „cu certitudine", unul din mormintele de la Rădăuţi (M 82), voievodului Costea. Cu regret, dar migăloasele cercetări arheologice şi analize ADN pot să confirme doar ceea ce pot, anume legăturile de rubedenie sau lipsa acestora cu celelalte

morminte din necropola respectivă, vârsta etc., lucru care a fost făcut excelent de către autori, dar nicidecum faptul că osemintele respective aparţin anume lui Costea voievod sau faptul că el, Costea, era voievod anume la Rădăuţi. De asemenea, nu putem fi siguri de faptul că cel înmormântat era voievod, „stăpânul reşedinţei feudale de la Rădăuţi". Subliniind că „accesoriul vestimentar cel mai important şi plin de semnificaţii este reprezentat de o cingătoare subţire ... decorată cu şase aplice discoidale realizate din folie de argint aurit" şi că „trei dintre acestea conţineau reprezentarea unui cap de lup redat din profil, iar restul pe cea a unui coif de tip *heaume,* redat pe trei sferturi şi împodobit cu două coarne recurbate, în formă de liră", autorii revin la aprecierea lor anterioară din anul 1980 când, reprezentările indicate mai sus au fost apreciate drept „elemente emblematice", care „permit reconstituirea unei steme", apreciere acceptată de unii specialişti (I.N. Mănescu, Dan Cernovodeanu), respinsă însă categoric de alţii (Constantin Rezachevici, Ştefan S. Gorovei). Autorii, considerând că „caracterul emblematic al acestor reprezentări nu poate fi pus la îndoială", expun încă o dată argumentele care, în viziunea lor, demonstrează acest fapt. Indicând la un argument de ordin general, anume că „reprezentările armoriale de pe aplicele de costum de la Rădăuţi" se înscriu într-un „fenomen cultural mai larg", caracteristic epocii, în continuare autorii se referă şi la altele, ce ţin de reprezentările heraldice ale lupului, pe care îl întâlnim şi pe reprezentările aplicelor costumului de la Rădăuţi, în diverse ţări europene. Constatând şi faptul „că elementele emblematice disparate – precum mobilele din scur sau ornamentele exterioare – sunt prezente în mod frecvent pe costumele de ceremonie sau militare, pe piesele de armament sau echipament militar, sau pe steaguri", autorii trag concluzia că acest fapt „permite să constatăm că şi în cazul aplicelor de la Rădăuţi ne aflăm în faţa unei mobile heraldice, redată liber pe un accesoriu vestimental", că „reprezentarea liberă a capului de lup pe aplicele voievodului Costea de la Rădăuţi se înscrie în fenomenul mai larg al transpunerii unor elemente emblematice pe accesoriile vestimentare ale cavalerilor".

Referindu-se la alte elemente ale unei steme, reprezentate de elementele exterioare, autorii indică prezenţa coifului, prezenţa „aşa-numitului cimier", care apare pe aplicele de la Rădăuţi „sub forma unei perechi de coarne cu vârfurile recurbate – în formă de liră – şi redate din faţă", autorii recurg şi la diferite exemple din diferite regiuni ale Europei, urmată de concluzia că „din analiza reprezentărilor aplicelor de la Rădăuţi reiese în chipul cel mai limpede cu putinţă că ele nu sunt altceva decât elemente emblematice ale unei steme redate liber ... pe un accesoriu vestimentar de tipul unei cingători subţiri de tunică". Lipsa scutului, în opinia autorilor, nu poate constitui o piedică în „reconstituirea stemei voievodului Costea", fiindcă chiar şi în secolul al XIV-lea, singurul scut utilizat la întocmirea stemelor a fost scutul antic, numit şi triunghiular.

Mai au autorii „o singură certitudine", anume că voievodul Costea de la Rădăuţi purta „aceste însemne heraldice" în „deceniul nouă al secolului al XIV-lea, atunci când se produse şi decesul său (1387-1388)", dar nu este exclus faptul că „ele puteau fi adoptate la o dată anterioară sau într-un moment ulterior venirii lui Bogdan în Moldova (1363)". „Prezenţa lor într-o perioadă anterioară trecerii lui Bogdan în Moldova, consideră Lia şi Adrian Bătrâna, ar putea fi susţinută de realităţile teritorial-politice din epoca premergătoare întemeierii statale", voievodul Costea va fi fost unul din conducătorii politici locali, „conducătorul românilor din zona depresionară a Rădăuţilor". Totuşi, autorii cred mai degrabă că «adoptarea unei steme de către voievodul Costea, la o dată anterioară „descălecatului", poate fi socotită doar o seducătoare ipoteză, odată cu trecerea lui Bogdan în Moldova avem convingerea că aceste însemne exterioare – capul de lup şi coiful cu coarnele recurbate – deveniseră o realitate familiară nu numai în cadrul reşedinţei feudale de la Rădăuţi, ci şi în peisajul societăţii feudale moldoveneşti». După trecerea lui Bogdan în Moldova, Costea voievod, care era ginerele său, „era (după Bogdan - I.E.) cel mai important personaj în ierarhia feudală a tinerei creaţii statale", „voievodul rădăuţean a fost acela ce a pus bazele colaborării dintre Bogdan şi opozanţii din Moldova ai politicii de hegemonie a Angevinilor şi a adăpostit la curtea sa de la Rădăuţi – devenită prima reşedinţă domnească a Moldovei – pe primul domnitor al acestui stat".

Plecând de la aceste presupuneri, autorii recurg şi la altele: ginerele său, voievodul Costea „ar fi putut fi identificat în fruntea acelor „*supremi consiliariy*" ai sfatului domnesc", iar „amprenta sigi-

liului său ar fi conţinut, nu ne îndoim, capul de lup drept mobilă heraldică".

Autorii sunt convinşi că «aceste elemente emblematice au fost purtate de Costea voievod în perioada (1377-1387) când acesta a stat ... în scaunul „Ţării Valahe", constituind în mod cert stema sa dinastică şi poate chiar a ţării pe care el o conducea», reşedinţa fiind la Cetatea Albă.

În finalul capitolului, autorii mai exprimă şi opinia că adoptarea însemnelor heraldice de către Costea voievod s-a făcut „sub influenţa heraldicii polone".

Capitolul XIII, (p. 253-274) intitulat *Enigmaticul Costea voievod şi „moştenirea" sa*, menţionează în primul rând sursele scrise care îl amintesc pe numitul voievod – Pomelnicul Mănăstiri Bistriţa, Pomelnicul Mănăstirii Voroneţ, pus în circuitul ştiinţific de Valentina Pelin, sursa din arhivele genoveze, descoperită şi relatată de Şerban Papacostea, apoi şi rezultatele săpăturilor arheologice de la necropola de la Rădăuţi, fiind posibilă stabilirea „cu maximă exactitate relaţiile de înrudire existente între acestea". Este foarte exactă aprecierea autorilor, dar tot atât de exact este şi faptul că nu avem nici cel mai mic indiciu că unul dintre personajele înhumate aici este anume voievodul Costea, amintit în sursele scrise. Şi autorii înţeleg destul de bine acest lucru: „Atunci când procedam la identificarea înhumaţilor de la Rădăuţi şi luam în discuţie înhumatul din M 82 – cel de-al treilea, în ordine cronologică ... arătam că, *oricum se va fi numit el* (subl. - I.E.), în mod cert îl reprezintă pe tatăl voievozilor Petru I (M 81) şi Roman I (M 79) şi, totodată, pe bunicul lui Alexandru cel Bun".

Alăturându-se opiniei lui Ştefan S. Gorovei că „nu a existat niciodată" un personaj cu numele Costea Muşat sau Muşatin, autorii prezintă opiniile exprimate referitoare la originea munteană, maramureşeană şi „locală, moldovenească" ale acestuia. Ţinând cont datele oferite de cercetările interdisciplinare, se admite că acestea au stabilit, pentru personajul din M 82, vremea când s-a născut (cca 1328), vârsta (cca 60 de ani), decesul (1387-1388). Având în vedere aceste date, autorii admit că Alexandru cel Bun, născut pe la 1375, „şi-a cunoscut destul de bine bunicul patern, data când a decedat, apelativul sub care era numit în familie, cât şi statutul său în cadrul ierarhiei feudale a vremii". „În aceste condiţii, concluzionează autorii, era firesc ca Alexandru cel Bun, atunci când a comandat pomelnicul ctitoriei sale de la Bistriţa, să-şi plaseze bunicul în şirul voievozilor Moldovei, între Laţcu şi Petru, dezvăluindu-ne, astfel, intervalul de timp (post 1375 – ante 1391) în care bunicul său a decedat, numele – Costea – cu care acesta era apelat în familie şi, încă mai important, calitatea sa de *voievod*".

Anume privit în lumina acestor date, cercetările arheologice, „studiile de antropologie şi paleogenetică efectuate asupra osemintelor din necropola domnească", în aprecierea autorilor, „Pomelnicul de la Bistriţa se constituie într-un document de excepţională valoare ce ne permite identificarea înhumatului din M 82 cu voievodul Costea".

Conform autorilor, Costea s-ar fi născut la Rădăuţi, pe la 1328, în familia unui feudal de vază, care, la data amintită, era „stăpânul reşedinţei feudale rădăuţene", anterioară, deci, „constituirii statului feudal de sine stătător", dar şi „ctitorul bisericii de lemn", beneficiind „de o largă autonomie politică" în raporturile cu mongolii, fiind „nucleul unei structuri teritorial-politice de tipul voievodatului, ce va juca un rol hotărâtor în actul întemeierii tinerei creaţii statale est-carpatice".

În continuare autorii relatează despre căsătoria lui Costea cu Margareta, fiica lui Bogdan, eventualele treceri ale acestuia la est de Carpaţi cu ocazia botezului nepoţilor săi.

Examinând numele Costea, întâlnit şi la Apus, şi la Vest de Carpaţi, apreciat uneori ca fiind de origine maramureşeană, autorii trag concluzia obiectivă că sursele documentare atestă faptul că numele de Costea era utilizat şi la Est, şi la Vest de Carpaţi, „motiv pentru care el nu poate fi invocat în identificarea originii unui personaj din mediul feudal românesc", subliniind încă o dată că Alexandru cel Bun l-a cunoscut bine pe bunicul său „astfel încât a fost în măsură să îl treacă corect în pomelnicul de familie bistriţean".

Autorii menţionează revolta antimaghiară din 1359 produsă în Moldova, care era „un organism politic subordonat Angevinilor, dar condus de o familie de români maramureşeni în frunte cu Dragoş" şi aderă la opinia lui Constantin Rezachevici că ultimul, adică Dragoş, „pare un om nou, un oştean ridicat de Ludovic I". Costea voievod „s-a alăturat revoltei". Este, continuă autorii, „nefiresc ca tocmai voievodul Costea", „de multă vreme ginere al lui" Bogdan, şi slujitorii săi, „să fi

absentat de la acest mare eveniment de care Bogdan nu pare a fi fost nici el străin".

Urmează descrierea marelui rol al lui Costea în crearea imaginii lui Bogdan la Est de Carpaţi, Rădăuţii fiind „capul de pod", „centrul de comandă" al lui Bogdan în lupta cu reprezentanţii regalităţii maghiare şi concluzia că anume aici a fost „prima reşedinţă domnească a Ţării Moldovei".

Autorii cred, cu toate că orice indicaţie documentară lipseşte, că Costea ar fi făcut parte din grupul boierilor din sfatul domnesc – pe timpul lui Bogdan, Laţcu, Petru I. Autorii cred explicabil şi lipsa lui Costea din actele din 1 mai 1384 şi 26 septembrie 1387 – în acest răstimp el era stăpân al unei alte formaţiuni teritorial-politice, o Ţară Valahă, din sud-estul viitoarei Moldove, unde, anterior, ar fi rezidat acel principe Dimitrie, apoi Iurie Koriatovici, urmat de Giurgiu, pentru ca apoi, aici să ajungă „protejatul lui Petru I", Costea voievod, care a stat în scaunul acestei ţări până la 1387. Această Ţară Valahă trece sub autoritatea lui Roman la momentul când Costea se stinge din viaţă, cronologic, după anul 1387. Costea, în opinia autorilor, este identic cu acel Constantin voievod din sursa genoveză, reşedinţa lui era la Cetatea Albă.

La sfârşitul capitolului, autorii reamintesc succint „datele" apreciate drept „noi" referitoare la Costea voievod, în număr de 9 (nouă). De fapt, la categoria „date" pot fi doar mormântul şi rezultatele analizelor ADN şi antropologice referitoare la respectivul schelet uman, restul sunt doar interpretări, esenţa cărora a fost prezentată mai sus.

În Capitolul XIV (p. 275-280), *Ansamblul feudal de la Rădăuţi: reşedinţă voievodală, domnească şi episcopală*, este apreciat că, „la începuturile sale ... aparţine categoriei de habitate nobiliare existente la răsărit de Carpaţi în secolele XIII-XIV". Lăcaşul de cult din lemn „fiinţa în mod cert în deceniul trei al secolului al XIV-lea", era capela unei reşedinţe feudale, „o capelă de curte", o biserică ce „a aparţinut unei familii, nu întregii comunităţi săteşti", îndeplinind această funcţie până la sfârşitul deceniului nouă al secolului al XIV-lea. Dacă numele ctitorului nu poate fi stabilit, autorii cred că urmaşul acestuia a fost voievodul Costea. Complexul feudal rădăuţean a fost iniţial o reşedinţă voievodală, după trecerea lui Bogdan la est de Carpaţi, o reşedinţă domnească a Ţării Moldovei. Primul înhumat aici a fost voievodul Bogdan, urmat de Laţcu, apoi şi de Costea, fiind în aşa fel prima necropolă domnească din Moldova. După lucrările de construcţie întreprinse în timpul lui Petru I şi construcţia unei biserici din piatră, aceasta devine a doua necropolă domnească a Ţării Moldovei, iar la începutul secolului al XV-lea reşedinţa voievodală îşi modifică funcţia, devenind sediul Episcopiei de la Rădăuţi.

Capitolul XV (p. 281-294), intitulat *Despre arhitectura bisericilor de la Rădăuţi*, examinează, în temeiul materialului arheologic păstrat, biserica din lemn de la Rădăuţi, care a funcţionat din prima treime a secolului al XIV-lea şi până spre sfârşitul aceluiaşi secol. Biserica din piatră, păstrată până astăzi, a fost construită, în prima sa fază, în ultimii ani de domnie a lui Petru I şi „se caracterizează prin planimetria sa de tip romanico-gotic adaptată cultului ortodox", de către meşteri din Transilvania, „sau poate, mai degrabă, din zona sudică a Poloniei". Acoperişul iniţial ar fi fost din foi de tablă de plumb, dar, „cel mai plauzibil, draniţă". Autorii urmăresc migălos posibilele intervenţii de construcţie sub domnii următori ai Moldovei, până la mijlocul secolului al XVIII-lea.

În Capitolul XVI (p. 295-308) *Despre organizarea spaţiului funerar în arhitectura ecleziastică din primul veac de existenţă a Ţării Moldovei*, autorii îşi propun reexaminarea problemei privind „organizarea spaţiului funerar în arhitectura ecleziastică din primul veac de existenţă a Ţării Moldovei", oprindu-se la câteva subiecte importante. Primul subiect dezbătut este *vechimea practicii înmormântărilor în lăcaşurile de cult creştine*. Datele invocate atestă că în Imperiul Bizantin deja în secolul VI era o asemenea practică, iar în Occident, din timpul lui Carol cel Mare (768-814). Examinând situaţia din spaţiul românesc (jud. Hunedoara, Cuhea Giuleşti, la sud şi est de Carpaţi), autorii observă că abia de la mijlocul secolului al XIV-lea, în lăcaşurile de cult de aici sunt efectuate primele înmormântări. Al doilea, subiect tipul de morminte, descoperirile arheologice oferă două tipuri: gropi simple şi criptele, din piatră sau cărămidă. Următorul subiect examinat de autori, încăperea cu rosturi speciale funerare, atestă faptul că această încăpere este naosul bisericii, cu unele excepţii la bisericile de la Niculiţel şi Cuhea. Referindu-se la momentul apariţiei primelor lespezi funerare şi amplasamentul lor în raport cu mormintele, în Ţara Românească sunt atestate din a doua jumătate a secolului al XIV-

lea, la Biserica de la Rădăuţi ele au fost instalate în perioada 1479-1480, abia în timpul domniei lui Ştefan cel Mare.

Capitolul XVII (p. 309-355), *Ansamblul de pictură a bisericii „Sfântul Nicolae" din Rădăuți*, stabileşte faptul că „cea mai mare parte a programului iconografic, a schemei compoziţionale şi stilistice ce ni s-au păstrat aparţin anilor 1497-1498". Autorii sunt încredinţaţi că „stilul oarecum arhaic al picturilor de la Rădăuţi ... trebuie legat de moştenirea epocii lui Alexandru cel Bun", or, „frescele ce fuseseră realizate aici în urmă cu şapte sau opt decenii erau vizibile şi constituiau în multe privinţe surse de inspiraţie sau chiar modele".

În *Concluzii* (p. 357-363) este făcut un bilanţ şi sunt subliniate principalele rezultate ale investigaţiei celor doi autori, concluzii care au fost prezentate pe paginile anterioare. Aici poate ar fi de adăugat faptul că autorii nu apreciază studiul lor ca „un capăt de drum ci doar un stadiu al cercetării ştiinţifice ce va putea fi depăşit prin sporirea bazei informaţionale".

Volumul este însoţit de un *Rezumat* detaliat (p. 365-405) în limba franceză, menit să familiarizeze şi cititorul străin cu principalele concluzii ale autorilor, de o *Listă a ilustraţiilor,* o *Listă a abrevierilor*, un *Indice onomastic şi toponimic* şi numeroase ilustraţii (p. 427-519).

Ajunşi la finalul volumului examinat, am putea evidenţia următoarea sinteză esenţială privind istoria comunităţii umane de la est de Carpaţi în secolul al XIV-lea.

Între voievodul din Maramureş Bogdan şi un stăpân feudal din Rădăuţi existau relaţii destul de bune şi la un moment cei doi au hotărât să se înrudească. În aşa fel, Margareta-Muşata, fiica voievodului maramureşean Bogdan, a fost căsătorită cu Costea, fiul stăpânului feudal de la est de Carpaţi, numele căruia nu îl cunoaştem. După decesul tatălui său, Costea a fost voievodul unei formaţiuni teritorial-politice cu centrul de reşedinţă la Rădăuţi. Ulterior, relaţiile dintre Costea şi Bogdan continuă să fie foarte bune, primul susţinând intenţia lui Bogdan de a trece la est de Carpaţi şi de a înlătura autoritatea regelui maghiar din regiunile supuse regatului. În felul acesta Rădăuţii devin principalul punct de sprijin al lui Bogdan la Est de Carpaţi. După trecerea lui Bogdan la Est de Carpaţi, Costea şi-ar fi făcut o stemă. Odată cu trecerea lui Bogdan în Moldova autorii au toată convingerea că aceste însemne exterioare – capul de lup şi coiful cu coarnele recurbate – deveniseră o realitate familiară nu numai în cadrul reşedinţei feudale de la Rădăuţi, ci şi în peisajul societăţii feudale moldoveneşti. După moartea lui Bogdan, care anterior a fost ales în fruntea Ţării Moldovei, în scaunul ţării a fost ales fiul său Laţcu, care stabileşte bune legături cu principele tătar creştinat Dimitrie. Inelul, cu mesaj islamic, purtând inscripţia Allah, ar atesta alianţa dintre doi principi creştini – Laţcu şi Dimitrie. După decesul lui Laţcu, scaunul Moldovei a fost ocupat de Petru I, fiul lui Costea şi al Margaretei-Muşata. În aşa fel, dinastia pe linie masculină a lui Bogdan I a fost întreruptă şi începe o nouă dinastie pe linie masculină, cea a localnicului rădăuţean, Costea. Costea, tatăl lui Petru I, în calitate de „protejat" al noului domn, devine, în răstimpul 1377-1387, voievodul unei Ţări Valahe din sud-estul Moldovei, cu reşedinţa la Cetatea Albă, teritorii aflate anterior sub autoritatea principelui creştinat tătar Dimitrie. După decesul lui Costea, care ar fi avut loc în anul 1387, acest teritoriu a fost alipit la Moldova, ceea ce s-a reflectat în titulatura lui Roman I, noul domn al Moldovei (*voievod al Moldovei şi moştenitor al întregii Ţări Valahe*). Costea voievod ar fi fost înmormântat în biserica Sfântul Nicolae de la Rădăuţi.

Aceasta ar fi o parte, fiindcă multe alte părţi nu sunt acoperite de cercetarea examinată aici, a versiunii privind complicata problemă a procesului de constituire a statului medieval Ţara Moldovei în viziunea celor doi arheologi, Lia şi Adrian Bătrâna. Fără îndoială, studiul este o contribuţie esenţială la elucidarea controversatului subiect, aspectele considerate de către autori rezolvate, ipotezele lor, unele destul de ispititoare, vor trezi interesul viu al specialiştilor care le vor supune unei analize minuţioase pentru a prezenta cât mai obiectiv situaţia.

29.11.2013

Dr. hab. Ion Eremia, Universitatea de Stat din Moldova, str. Mateevici 60, MD-2009 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: ion_eremia_2007@yahoo.com

PROFESORUL, SAVANTUL ŞI OMUL DE CULTURĂ GHEORGHE POSTICĂ LA 60 DE ANI

La începutul anului 2014, marea comunitate a arheologilor, istoricilor şi oamenilor de cultură din Republica Moldova a sărbătorit a 60-a aniversare a cercetătorului, profesorului şi omului de cultură Gheorghe POSTICĂ. Festivitatea s-a transformat într-un florilegiu de discursuri şi *laudatio* în care personalitatea carismatică a omagiatului a fost elogiată în toată plenitudinea manifestărilor augurale, a unei vieţi puse şi trăite în slujba neamului.

Profesorul şi savantul Gheorghe Postică s-a remarcat în toţi aceşti circa 40 de ani de viaţă publică prin alese calităţi intelectuale şi morale, prin larga deschidere către ideile novatoare ale unei lumi în perpetuă schimbare obţinând, prin tenacitate, ambiţie, har şi rigoare, rezultatele cele mai remarcabile. În toţi aceşti ani de slujire poporului, Gheorghe Postică s-a manifestat drept savantul model şi cercetătorul plenar, consecvent, obiectiv şi intransigent care, dispunând de un acut simţ al adevărului, înzestrat cu mult curaj, moralitate aleasă şi onestitate, a luptat cu dăruire pentru a susţine adevărul ştiinţific privind originea poporului din care se trage, dar şi pentru redobândirea demnităţii naţionale, în ciuda atacurilor dure, făţişe sau camuflate, ale unor pigmei ai conformismului moral, ştiinţific sau politic.

Născut la 22 ianuarie 1954, în Mereni, judeţul Chişinău, este descendent dintr-o veche familie de neam de răzeşi. Studiile preuniversitare le-a urmat în localitatea de baştină, după care se înscrie la Facultatea de Istorie din cadrul Universităţii de Stat din Moldova, fiind admis printre primii. A urmat cursurile acestei universităţi, remarcându-se încă din primii ani prin pasiune, abnegaţie şi asiduitate, dar şi prin calităţile organizatorice cu care era înzestrat, dinamizând activitatea organizaţiei ştiinţifice studenţeşti. În calitate de student al unor neîntrecuţi profesori şi distinşi cercetători ca Ion Niculiţă, Ion Hâncu, Vladimir Potlog, Alexandru Moşanu, Constantin Drahenberg, a avut şansa de a însuşi temeinice cunoştinţe în domeniul istoriei şi arheologiei universale şi naţionale, dar, totodată, şi posibilitatea de a-şi desăvârşi calităţile native cum ar fi simţul adevărului, curajul moral, intransigenţa şi conştiinţa cetăţenească.

Primele contacte cu marea sa dragoste *Arheologia* le-a avut pe şantierul-şcoală de la Hansca, condusă de profesorii Ion Hâncu şi Ion Niculiţă unde, încă student, a încercat să înţeleagă rosturile înscrise ale succesiunilor stratigrafice, ale fixării fidele a artefactelor şi transformarea lor în adevărate surse documentare istorice, capabile să reconstituie complexele faciesuri ale vieţii comunităţilor umane şi evoluţia lor în timp. Animat constant de studierea unor perioade necunoscute sau puţin cunoscute ale istoriei noastre, s-a dedicat plenar arheologiei medievale, devenind unul dintre cei mai oneşti şi pedanţi cercetători în scrierea istoriei şi unul dintre cei mai versaţi în domeniu.

La Academia de Ştiinţe a Republicii Moldova, unde a ajuns după susţinerea cu „Magna cum Laude" a tezei de licenţă, în această perioadă se declanşase cea mai acerbă şi intransigentă luptă împotriva aşa-zişilor promotori ai „*autohtonismului*", a celor care au evidenţiat în straturile materiale medievale din spaţiul pruto-nistrean elemente ale culturii populaţiei locale, ale romanicilor. Furtunile abătute asupra dascălului său, Ion Hâncu, eliberat din funcţie şi acuzat de naţio-

nalism, s-au abătut şi asupra tânărului cercetător care a fost nevoit să-şi găsească refugiu în spatele puternicelor ziduri ale Universităţii de Stat din Moldova, unde este angajat, din anul 1978, în calitate de lector-asistent la Catedra de Istorie antică şi medievală.

În anul 1988 Gheorghe Postică susţine cu succes doctoratul la Catedra Arheologie din cadrul prestigioasei Universităţi „M. Lomonosov" din Moscova, avându-l ca îndrumător pe reputatul cercetător şi profesor Leonid Kâzlasov. Şi aici, la Moscova, s-au făcut resimţite ecourile luptelor care se duceau la Chişinău pentru repunerea adevărului ştiinţific în drepturile sale, atunci când unul dintre referenţi, membru al comisiei, a învinuit disertantul de susţinerea ideilor pro-româneşti, fapt consemnat în procesul-verbal al şedinţei de susţinere a tezei de doctorat. În anul 2006 obţine titlul de doctor habilitat concomitent la două specialităţi – Arheologie (07.00.06) şi Istoria Românilor (07.00.02).

Nivelul de pregătire, cuantumul înalt al cunoştinţelor, perseverenţa şi capacităţile organizatorice i-au adus recunoaşterea, fiind învestit cu importante responsabilităţi administrative. În decursul anilor a activat ca şef al Catedrei Istoria Moldovei (1989-1990), şef al Catedrei Istorie Antică şi Medievală (1990-1991), prodecan al Facultăţii Istorie şi Etnopedagogie a Universităţii Pedagogice de Stat „Ion Creangă" din Chişinău (1988-1991), şef al Secţiei Arheologie daco-romană şi medievală şi director adjunct al Institutului de Arheologie şi Istorie Veche al Academiei de Ştiinţe din Republica Moldova (1991-1995). În anul 1992 i se conferă titlul de conferenţiar universitar şi de conducător ştiinţific de doctorate la specialitatea „Arheologie şi istoria medievală". Începând cu anii 1995-1996 este conferenţiar al Catedrei Ştiinţe Umanistice, şef al Catedrei Arheologie şi Istorie Antică (1997-1999) director al Institutului de Istorie şi Ştiinţe politice (2005-2009), vicerector pentru studii (1995-1998), iar din 1998 până în prezent este vicerector pentru ştiinţă al Universităţii Libere Internaţionale din Moldova. Profesor universitar din 2007, cercetătorul, savantul Gheorghe Postică din anul 2010 devine membru de onoare al Institutului de Arheologie al Academiei Române, filiala Iaşi.

În toţi aceşti ani marea sa pasiune a rămas *Arheologia*. Din perioada studenţiei, apoi ca tânăr cercetător ştiinţific, a participat alături de reputaţi specialişti cum ar fi dr. Ion Hâncu, dr. hab. Ion Niculiţă, dr. Emanuil Rikman, la săpăturile arheologice de la Hansca (1972-1981). Mai târziu a condus sau a coordonat importante şantiere arheologice la Bursuceni (1977), Mereni (1986-1987), Păhărniceni-Petruha (1988), Moleşti (1989), Hansca (1990-1991), Mănăstirea Căpriana (1993, 2001-2003), Mănăstirea Vărzăreşti (1993), Rudi (1995), Giurgiuleşti (1997), Maşcăuţi-Livada Boierului (1997-1998), Orheiul Vechi (1996-2001), Lăpuşna (2013) etc., a unor şantiere arheologice internaţionale la Iatrus-Krivina (Bulgaria). A avut şi mai are mulţi colaboratori tineri, care s-au format ca specialişti sub îndrumarea nemijlocită a profesorului Gh. Postică, unii devenind cercetători de marcă în domeniul arheologiei şi istoriei medievale.

Ca un rezultat firesc al investigaţiilor de teren, cărora li s-a dedicat cu dăruire şi sacrificiu, apar şi cele mai marcante realizări ştiinţifice printre care menţionăm descoperirea, în colaborare cu Ion Hâncu, a aşezării Hansca în calitate de cel mai reprezentativ sit rural din spaţiul românesc din perioada evului mediu timpuriu şi demonstrarea continuităţii populaţiei vechi româneşti pe parcursul secolelor V-XIV în arealul cuprins între Prut şi Nistru.

Gheorghe Postică este fondatorul unei noi direcţii de cercetare în Republica Moldova – *Arheologia bisericească*. Este cel care a descoperit, cercetat şi inclus în circuitul ştiinţific, prin publicare, cel mai vechi edificiu bisericesc din cadrul complexului monastic de la Căpriana, aparţinând secolului al XV-lea.

Opera ştiinţifică a domnului Gheorghe Postică este de-a dreptul impresionantă prin varietate, număr, calitate, incisivitate, spirit analitic şi critic, erudiţie şi acribie, însumând peste 260 de monografii şi studii. Remarcabilele contribuţii, în special cele referitoare la arheologia medievală, l-au impus printre cei mai autorizaţi specialişti ai domeniului din spaţiul românesc. În anul 1994 Gheorghe Postică publică monografia „Românii din codrii Moldovei în evul mediu timpuriu (studiu arheologic pe baza ceramicii din aşezarea Hansca)", lucrare care poate fi considerată, pe bună dreptate, etalon al cercetării, analizei şi sintezei materialului arheologic, un adevărat manual pentru arheologii tineri, dar şi pentru cei consacraţi,

în care a demonstrat, utilizând cele mai moderne metode şi metodologii de cercetare, continuitatea populaţiei româneşti în partea centrală a spaţiului pruto-nistrean din secolul al V-lea până în secolul al XIV-lea. Prin această lucrare a fost încununat efortul şi sacrificiul de peste patru decenii al arheologilor medievişti din Moldova de a demonstra, pe baza unor concludente şi indubitabile materiale documentare, persistenţa elementelor româneşti în spaţiul est-carpatic şi pruto-nistrean şi a unor formaţiuni politice care au rezistat vitregiilor valurilor de migratori în toată perioada evului mediu timpuriu. Lucrarea a demonstrat lipsa de temei a teoriilor pseudo-ştiinţifice despre *păstorismul* exclusivist al vlahilor/volohilor, care îi absolvea pe cercetători de sarcina de a le căuta urmele materiale în aceste teritorii. În anul 1995 publică lucrarea „Civilizaţia veche românească din Moldova", în care face o generalizare a rezultatelor cercetărilor de jumătate de secol în domeniul arheologiei medievale din Republica Moldova. În anul 1996 vede lumina tiparului cea mai documentată monografie, realizată în colaborare cu reputatul medievist de la Bucureşti dr. Nicolae Constantinescu, „Căpriana. Repere istorico-arheologice" în care se argumentează ştiinţific datarea celei mai vechi biserici monastice de la Căpriana, dar şi din spaţiul pruto-nistrean. Acribia care îi este proprie în cercetarea de teren şi capacitatea de sintetizare a materialului depistat a condus la stabilirea unei cronologii certe a cetăţilor medievale de la Orheiul Vechi, aflată în dispută de peste jumătate de secol. Cercetările multianuale în cadrul şantierului-şcoală de la Orheiul Vechi au fost încununate cu publicarea unui important volum „Orheiul Vechi: Cercetări arheologice 1996-2001" (Iaşi, 2006). Lucrarea monografică, editată la Bucureşti, „Civilizaţia medievală timpurie din spaţiul pruto-nistrean (secolele V-XIII)" (2007), este considerată, în unanimitate, drept o sinteză de indubitabilă relevanţă pentru spaţiul românesc şi al Europei de Sud-Est, fiind mult apreciată de mediul academic european şi, drept rezultat, fiind distinsă cu prestigiosul premiu „A.D. Xenopol" al Academiei Române (2009).

Sintezele publicate de Gheorghe Postică în ţară şi peste hotare au devenit lucrări de referinţă în literatura de specialitate, fiind preluate în manuale pentru învăţământul liceal şi universitar din Republica Moldova şi România, precum şi în tratatul de „Istoria Românilor", publicat la Bucureşti. Cea mai mare parte a acestor contribuţii a fost prezentată la numeroase şi importante manifestări ştiinţifice naţionale şi internaţionale la care a participat cu rapoarte şi comunicări, aducând o contribuţie deosebită pentru valorificarea şi cunoaşterea peste hotare a rezultatelor cercetărilor arheologice din Republica Moldova.

Profesorul Gheorghe Postică este unul dintre cei care, alături de Ion Hâncu, Ion Niculiţă şi alţii, a susţinut hotărât şi argumentat, fără nici un compromis, înregimentare politică sau ideologică, ideea originii române a moldovenilor basarabeni, a demonstrat continuitatea în evul mediu a elementului romanic, criticând vehement falsurile şi teoriile politizate. Gheorghe Postică a fost printre cei care a depus eforturi considerabile pentru introducerea în instituţiile de învăţământ secundar şi universitar a disciplinei „Istoria Românilor", publicând un şir de studii de specialitate, pentru care, în anul 1991, a devenit laureat al prestigiosului pe atunci cotidian „Moldova Suverană".

Această prodigioasă activitate ştiinţifică i-a adus recunoaşterea prin alegerea sa ca membru al diferitor foruri naţionale şi internaţionale. Astfel, este vicepreşedinte (din anul 1990) şi preşedinte al Comisiei Arheologice a Republicii Moldova, iar din anul 1993 este membru al Consiliului de expertiză pentru monumentele istorice al Ministerului Culturii al Republicii Moldova. Din anul 1995 este vicepreşedintele Senatului Universităţii Libere Internaţionale din Moldova şi din anul 2000 este membru al Consiliului de Expertiză al cercetării-dezvoltării de pe lângă Guvernul Republicii Moldova, iar din anul 2010 devine membru de onoare al Institutului de Arheologie al Academiei Române, filiala Iaşi.

În calitate de profesor la Universitatea de Stat din Moldova, la Universitatea Pedagogică de Stat „Ion Creangă" din Chişinău şi Universitatea Liberă Internaţională din Moldova, timp de aproape trei decenii, în calitate de cercetător ştiinţific şi conducător de doctorate, Gheorghe Postică s-a dăruit deopotrivă cercetărilor fundamentale şi educării unor tineri specialişti, cărora le-a transmis experienţă şi propriul său exemplu de atitudine obiectivă, onestă şi responsabilă faţă de istorie în general şi faţă de istoria neamului în particular. Această activitate a făcut să organizeze şi să diriguiască, în calitate de director, Centrul de Cercetări arheologice din Republica Moldova

(din 1997) și Școala de Vară „Orheiul Vechi" (din 1997), care s-au constituit într-o adevărată școală de arheologie și istorie națională.

Militând permanent pentru valorificarea rezultatelor investigațiilor științifice, publicând monografii, manuale, studii și articole în țară și peste hotare, profesorul Gheorghe Postică s-a antrenat plenar și în coordonarea edițiilor științifice. Printre cele mai prestigioase putem numi „Analele ULIM" (din 1998 până în prezent), care apare în cinci serii (Drept, Economie, Medicină, Filologie, Istorie, Inginerie), care s-a impus prin conținutul și condiția grafică drept una dintre cele mai valoroase publicații științifice din RM.

Preocuparea constantă pentru cercetarea și salvgardarea patrimoniului arheologic, istoric și cultural l-a angajat plenar în elaborarea unor legi și proiecte de legi în domeniu. Lansarea în anul 2009 în mediul guvernamental, în calitate de viceministru al Ministerului Culturii al Republicii Moldova, a fost și o recunoaștere a indubitabilelor calităților organizatorice și manageriale ale domnului Gheorghe Postică. Odată cu numirea Domniei Sale în această funcție, ordinea lucrurilor în această importantă instituție de stat s-a schimbat radical, drept rezultat fiind adoptate un șir de legi și acte normative care pun în valoare și, deopotrivă, protejează patrimoniul cultural național în diversele sale manifestări, cum ar fi: *Legea privind protejarea patrimoniului arheologic* (nr. 218 din 2010); *Legea monumentelor de for public* (nr. 192 din 2011); *Legea patrimoniului cultural mobil* (nr. 280 din 2011); *Legea patrimoniului cultural imaterial* (nr. 58 din 2012), dar și acte de politici culturale – „*Strategia de dezvoltare a culturii Republicii Moldova – Cultura 2020*" (2012). În această ordine de idei, Gheorghe Postică poate fi numit cu adevărat drept „părintele" spiritual al Agenției Naționale Arheologice, fondată în anul 2013.

Domnul Gheorghe Postică este de o generozitate exemplară, dăruit cu harul omeniei și al prieteniei, trăsături specifice spiritelor cu adevărat mari. Plin de energie și preocupări, profesorul Gheorghe Postică, la vârsta de 60 de ani, se gândește la acele aspecte ale istoriei românilor din spațiul pruto-nistrean, pe care doar el este chemat să le sintetizeze și să le valorifice. Admirabila perseverență și pasiune care îl caracterizează servește un strălucit exemplu de competență profesională căreia îi dedică fiecare clipă din viață, închinând arheologiei – disciplină căreia s-a consacrat – întreaga sa energie și capacitate creatoare.

Împreună cu toți prietenii, colegii și colaboratorii care îi poartă toată stima și considerația, îi urăm Profesorului Gheorghe Postică, cel ajuns la vârsta sintezelor și la vârsta marilor realizări, un călduros LA MULȚI ANI, fericire personală și noi realizări pe tărâmul muncii științifice, didactice și al protejării valorilor naționale.

Ion Tentiuc

Lista abrevierilor

ActaMM	Acta Moldavie Meridionalis. Anuarul Muzeului Judeţean Vaslui, Vaslui
ActaMN	Acta Musei Napocensis. Muzeul Naţional de Istorie a Transilvaniei, Cluj-Napoca
AIIA Iaşi	Anuarul Institutului de Istorie şi Arheologie „A.D. Xenopol”, Iaşi
AISC	Anuarul Institutului de Studii Clasice Cluj , Sibiu
AJA	American Journal of Archaeology, Boston
AMIT	Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan, Berlin
ArchÉrt	Archaeologiai Értesítő, Budapest
L'Anthropologie	L'Anthropologie, Paris
Apulum	Acta Musei Apulensis. Arheologie, Istorie, Etnografie
ArhMold	Arheologia Moldovei. Institutul de Arheologie, Iaşi
Athenaeum	Athenaeum. Studi Periodici di Litteratura e Storia dell'Antichità
BAI	Bibliotheca Archaeologica Iassiensis, Iaşi.
BerRGK	Bericht der Römisch-Germanischen Kommission des Deutschen Archäologischen Institutes, Frankfurt am Main
BMA	Bibliotheca Memoriae Antiquitatis, Piatra-Neamţ
BPS	Baltic-Ponties Studies, Poznan
Britannia	Britannia. A Journal of Romano-British and Kindred Studies
BSNR	Buletinul Societăţii Numismatice Române, Bucureşti
Byzantinobulgarica	Byzantinobulgarica, Sofia
Carpica	Carpica. Muzeul de Istorie şi Artă, Bacău
CAANT	Cercetări arheologice în aria nord-tracă. Institutul Român de Tracologie, Bucureşti
CCA	Cronica cercetărilor arheologice
CCDJ	Cultură şi Civilizaţie la Dunărea de Jos, Călăraşi
Chiron	Chiron. Mitteilungen der Kommission für Alte Geschichte und Epigraphik des Deutschen Archäologischen Instituts, München
Codrul Cosminului	Codrul Cosminului, Universitatea ,,Ştefan cel Mare” Suceava
Current Anthropology	Current Anthropology. Boston University, Boston
Dacia N.S.	Dacia. Nouvelle Série: Revue d'archéologie et d'histoire ancienne, Bucureşti
Eurasia Antiqua	Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens, Berlin
Hierasus	Hierasus. Acta Moldaviae Septentrionalis, Botoşani
Hyperboreus	Hyperboreus. Bibliotheca Classica Petropolitana, St. Petersburg
Historia	Historia. Zeitschrift für Alte Geschichte, Wiesbaden
Ialomiţa	Ialomiţa (Studii şi comunicări). Muzeul Judeţean Ialomiţa, Slobozia
ISM	Inscripţiile din Scythia Minor, Bucureşti
Istros	Istros, Buletinul Muzeului Brăilei, Brăila
KözlKolozsvár	Közlemények az Erdély Nemzeti Múzeum, Érem- és Régiségtárából, Kolozsvár. Cluj-Napoca
LGPN	A Lexicon of Greek Personal Names, Oxford

LIMC	Lexicon iconographicum mythologiae classicae, Zürich
MCA	Materiale şi cercetări arheologice, Bucureşti
Memoria Antiqvitatis	Memoria Antiqvitatis. Acta Musei Petrodavensis, Piatra Neamţ
MitteArchIst	Mitteilungen des Archäologischen Institutes der Ungarischen Akademie der Wissenschaften, Budapest.
Mousaios	Mousaios. Muzeul Judeţean Buzău, Buzău
Peuce	Peuce. Institutul de Cercetări Eco-Muzeale, Tulcea
Pontica	Pontica. Studii şi materiale de istorie, arheologie şi muzeografie, Constanţa
Prehistoire Europeenne	Prehistoire Europeenne. Études et Recherches Archéologiques de l'Université de Liège, Liège
Przeglad archeologiczny	Przeglad archeologiczny, Poznan
PZ	Prähistorische Zeitschrift, Berlin
Quaternaire	Quaternaire, Paris
RE	Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft
Revista arheologică	Revista arheologică. Institutul de Arheologie şi Istorie Veche, Chişinău
Revista arheologică S.N.	Revista arheologică S.N. Institutul Patrimoniului Cultural, Chişinău
Revista Muzeelor	Revista Muzeelor, Bucureşti
SAA	Studia Antiqua et Archaeologica. Universitatea „A.I. Cuza", Iaşi
SCIV(A)	Studii şi cercetări de istorie veche (şi arheologie), Bucureşti
SCN	Studii şi Cercetări de Numismatică, Bucureşti
Slovenska Archeologia	Slovenska Archeologia, Bratislava
Stratum plus	Stratum plus. Şcoala Antropologică Superioară, St.-Peterburg-Chişinău-Odessa
Thetis	Thetis. Mannheimer Beiträge zur Klassischen Archäologie und Geschichte Griechenlands und Zyperns, Mannheim
Thracia	Thracia, Sofia
Thraco-Dacica	Thraco-Dacica. Institutul Român de Tracologie, Bucureşti
Tibiscus	Tibiscus. Muzeul Banatului, Timişoara
Tyragetia	Tyragetia. Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, Chişinău
UPA	Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie, Bonn
Zargidava	Zargidava, Bacău
ZPE	Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik
Археология	Археология, София
Археологія	Археологія, Кїив
Археологические вести	Археологические вести, Москва
АИМ	Археологические исследования в Молдавии, Кишинев
АКМ	Археологическая карта Молдавской ССР, Кишинев

АО	Археологические Открытия, Москва
АСГЭ	Археологический Сборник Государственного Эрмитажа, Ленинград/Санкт Петербург
БКПЧП	Бюллетень Комиссии по изучению Четвертичного периода, Москва
ВДИ	Вестник древней истории, Москва
ЗООИД	Записки Одесского общества изучения древностей, Одесса
Карпатика	Карпатика. Институт Карпатоведения, Ужгород
КСИА	Краткие сообщения Института Археологии АН СССР, Москва
КСИИМК	Краткие сообщения Института Истории Материальной Культуры, Москва-Ленинград
КСОГАМ	Краткие сообщения Одесского Археологического Музея, Одесса
МАСП	Материалы по археологии Северного Причерноморья, Одесса
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР, Москва-Ленинград
МИАЭ МССР	Материалы и исследования по археологии и этнографии МССР, Кишинев
РА	Российская Археология, Москва
СА	Советская Археология, Москва
САИ	Свод археологических источников, Москва
ССПК	Старожитності Степового Причономор'я і Криму, Запоріжжя
Труды ГИКМ	Труды Государственного Историко-Краеведческого Музея, Кишинев
Ученые записки	Ученые записки Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР

Condiţiile de publicare în revista „Tyragetia”

Stimaţi colegi,

Revistă prevede publicarea studiilor arheologice, istorice, muzeografice, rezultatele cercetărilor ştiinţelor interdisciplinare în domeniul arheologico-istoric, ocrotirea patrimoniului.

Articolele şi alte tipuri de lucrări ştiinţifico-muzeografice vor reflecta din punct de vedere geografic spaţiul balcanico-carpato-pontic şi teritoriile limitrofe.

Articolele pot fi prezentate în limbile română, rusă, engleză, germană, franceză.

Toate materialele prezentate spre publicare urmează a fi recenzate de membrii Colegiului de redacţie precum şi de alţi specialişti în domeniu.

În cazul unui aviz negativ, Colegiul de redacţie nu este obligat să comenteze decizia sa.

Volumul manuscriselor nu va depăşi 100 mii caractere, (aproximativ 2,5 c.a.), inclusiv bibliografia, rezumatele şi ilustraţiile. Textul lucrărilor trebuie prezentat în formă de manuscris şi în format electronic: *Microsoft Word*; *Times New Roman; Font size 12; Space 1,5.*

Articolele trebuie să fie însoţite de un rezumat în trei limbi: română; rusă; engleză (germană sau franceză).

Planşele (ilustraţiile), în format A4, se vor prezenta în formă grafică clară, cu numerotarea poziţiei fiecărui obiect. Materialul ilustrativ trebuie să fie însoţit de o lista a planşelor cu o legendă exhaustivă (tradusă şi în limbile rezumatului). Planşele (TIF, JPG – nu mai puţin de 300 dpi) şi lista lor (*Microsoft Word*) se va prezenta şi în format electronic.

Notele bibliografice se prezintă în original în textul manuscrisului: (Teodor 2005, 172, fig. 7/4-6; Müller 1953, 123, Abb. 15/4-6; Петров 1999, 15, рис. 3/4-6).

Explicaţiile, comentariile, precum şi referinţele la fonduri de arhivă, muzee etc. se vor face la subsolul paginii.

Bibliografia se prezintă în ordine alfabetică, la sfârşitul textului.

Modul de citare a monografiilor:

Boardman 1988: J. Boardman, Grecii de peste mări. Colonizarea greacă şi comerţul timpuriu (Bucureşti 1988).
Козуб 1974: Ю.І. Козуб, Некрополь Ольвії V-IV ст. до н.е. (Кїив 1974).

Modul de citare a articolelor publicate în culegeri de lucrări ştiinţifice:

Behren 2005: Claudia von Behren, Sklaven und Freigelassene auf bosporanischen Grabreliefs. In: (Ed. V. Cojocaru) Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest (Iaşi 2005), 167-194.
Ванчугов 1981: В.П. Ванчугов, Поселение позднего бронзового века Ялпуг-IV в Нижнем Подунавье. В сб.: (Отв. ред. П.О. Карышковский) Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья (Киев 1981), 91-102.

Modul de citare a lucrărilor publicate în ediţii periodice (reviste, anuare etc):

Postică 2005: Gh. Postică, Complexul monumental din piatră din secolul XV descoperit în citadela Orheiului Vechi. Revista Arheologică S.N. I, 2, 2005, 371-387.
Рехо 1973: М. Рехо, Атическа рисувана керамика в тракийския погребален контекст. Наблюдения върху съдовете, открити в България. Археология 31, 2, 1973, 11-19.

Modul de citare a materialelor publicate în volumele simpozioanelor şi conferinţelor ştiinţifice:

Trohani 2004: G. Trohani, Aspects concernant des rituels de fondation chez les geto-daces. Tracians and circumpontics world. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology, Chişinău-Vadul lui Vodă, 6-11 september 2004, II, Chişinău 2004, 332-337.
Бибикова 1972: В.И. Бибикова, О доместикации лошади на Юго-Востоке Европы. Матеріали XIII конференції Інституту археології АН УРСС (Кїив, 1968), Кїив 1972, 106-110.

În cazul utilizării unor prescurtări în text, precum şi în bibliografie, se anexează o listă de abrevieri.

La sfârşitul textului se anexează date despre autor: numele, prenumele; gradul ştiinţifico-didactic; funcţia; instituţia; adresa; telefon, fax, e-mail.

Anual, termenul de prezentare a materialelor este 1 decembrie

The following conditions for publishing in the „Tyragetia" journal will apply

Dear Colleagues,

The journal provides publications on various aspects of archaeology, history, museology, results of scientific researches in interdisciplinary sciences in the field of archeology and history, protection of cultural heritage.

Contributions and other types of scientific-museological works should reflect the Balkan-Carpathian-Pontic regions and the neighboring territories from the geographic point of view.

Contributions should be submitted in Romanian, Russian, English, German and French.

All material presented for publication will follow review by the Editorial Board members and other specialists.

The Board is not obliged to comment negative reviews.

The volume of the manuscripts shouldn't exceed 100,000 signs, (approximately 2,5 ens), including bibliography, summaries and illustrations. The texts of the contributions should be submitted in the form of manuscripts and in electronic format: *Microsoft Word*; *Times New Roman; Font size 12; Space 1,5*.

Articles should be accompanied by a summary in three languages: Romanian, Russian, English (German or French).

Illustrations should be provided in A-4 format with all the objects supplied by numbers. The tables themselves should be numbered; a complete list of the tables should be offered and accompanied by relevant information (translated in the language of the summary).Tables (TIF, JPG - not less than 300 dpi) and lists (*Microsoft Word)* of illustrations should be provided in electronic format.

Bibliographical notes in the text of the manuscript should be presented in the original: (Teodor 2005, 172, fig. 7/4-6; Müller 1953, 123, Abb. 15/4-6; Петров 1999, 15, рис. 3/4-6).

Bibliography should be provided at the end of a contribution in the alphabetical order.

Monographs:

Boardman 1988: J. Boardman, Grecii de peste mări. Colonizarea greacă şi comerţul timpuriu (Bucureşti 1988).

Козуб 1974: Ю.І. Козуб, Некрополь Ольвії V-IV ст. до н.е. (Кїив 1974).

Samples of articles published in scientific collections:

Behren 2005: Claudia von Behren, Sklaven und Freigelassene auf bosporanischen Grabreliefs. In: (Ed. V. Cojocaru) Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest (Iaşi 2005), 167-194.

Ванчугов 1981: В.П. Ванчугов, Поселение позднего бронзового века Ялпуг-IV в Нижнем Подунавье. В сб.: (Отв. ред. П.О. Карышковский) Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья (Киев 1981), 91-102.

Articles published in journals:

Postică 2005: Gh. Postică, Complexul monumental din piatră din secolul XV descoperit în citadela Orheiului Vechi. Revista Arheologică S.N. I, 2, 2005, 371-387.

Рехо 1973: М. Рехо, Атическа рисувана керамика в тракийския погребален контекст. Наблюдения върху съдовете, открити в България. Археология 31, 2, 1973, 11-19.

Contributions to conference proceedings:

Trohani 2004: G. Trohani, Aspects concernant des rituels de fondation chez les geto-daces. Tracians and circumpontics world. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology, Chişinău-Vadul lui Vodă, 6-11 september 2004, II, Chişinău 2004, 332-337.

Бибикова 1972: В.И. Бибикова, О доместикации лошади на Юго-Востоке Европы. Матеріали XIII конференції Інституту археології АН УРСС (Кїив, 1968), Кїив 1972, 106-110.

If abbreviations are used, a list of them should be provided.

Personal data about the author should be provided at the end of the text: name, surname; academic degree; function; institution; address; phone and fax numbers and e-mail.

The deadline for contributions to be published: 1 December

Условия для публикации в журнале «Tyragetia»

Уважаемые коллеги,

В журнале будут опубликованы научные статьи по археологии, истории, музеологии, результаты междисциплинарных научных исследований в этих областях, а также работы по охране культурного наследия.

Статьи и другие типы научно-музееведческих работ должны отражать территорию балкано-карпато-понтийского региона и соседние территории.

Статьи могут быть представлены на румынском, русском, английском, немецком и французском языках.

Материалы представленные к публикации, рецензируются членами редакционной коллегии, а также другими специалистами.

Коллегия не обязана комментировать негативные рецензии.

Объем рукописи не должен превышать 100.000 знаков (примерно 2,5 авторских листа), включительно библиография, резюме и иллюстрации. Тексты статей должны быть представлены в виде рукописи и в электронном формате: *Microsoft Word*; *Times New Roman; Font size 12; Space 1,5*.

Статьи должны сопровождаться резюме на трех языках: румынском, русском, английском (немецком или французском).

Иллюстрации (таблицы) в формате А4 должны быть представлены в четкой графической форме с указанием номера каждого предмета. Иллюстрации должны сопровождаться списком таблиц с полной информацией (переведенным на языках резюме).

Таблицы (TIF, JPG - не менее 300 dpi) и списки (*Microsoft Word*) иллюстраций должны быть представлены в электроном формате.

Библиографические сноски представляются в тексте рукописи в оригинале согласно следующим критериям: (Teodor 2005, 172, fig. 7/4-6; Müller 1953, 123, Abb. 15/4-6; Петров 1999, 15, рис. 3/4-6).

Библиография должна быть дана в конце текста статьи, в алфавитном порядке.

Примеры для монографий:

Boardman 1988: J. Boardman, Grecii de peste mări. Colonizarea greacă și comerțul timpuriu (București 1988).

Козуб 1974: Ю.І. Козуб, Некрополь Ольвії V-IV ст. до н.е. (Кїив 1974).

Примеры для работ, опубликованных в сборниках:

Behren 2005: Claudia von Behren, Sklaven und Freigelassene auf bosporanischen Grabreliefs. In: (Ed. V. Cojocaru) Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest (Iași 2005), 167-194.

Ванчугов 1981: В.П. Ванчугов, Поселение позднего бронзового века Ялпуг-IV в Нижнем Подунавье. В сб.: (Отв. ред. П.О. Карышковский) Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья (Киев 1981), 91-102.

Примеры для работ, опубликованных в периодических изданиях:

Postică 2005: Gh. Postică, Complexul monumental din piatră din secolul XV descoperit în citadela Orheiului Vechi. Revista Arheologică S.N. I, 2, 2005, 371-387.

Рехо 1973: М. Рехо, Атическа рисувана керамика в тракийския погребален контекст. Наблюдения върху съдовете, открити в България. Археология 31, 2, 1973, 11-19.

Примеры для работ, опубликованных в материалах конференций и семинаров:

Trohani 2004: G. Trohani, Aspects concernant des rituels de fondation chez les geto-daces. Tracians and circumpontics world. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology, Chișinău-Vadul lui Vodă, 6-11 september 2004, II, Chișinău 2004, 332-337.

Бибикова 1972: В.И. Бибикова, О доместикации лошади на Юго-Востоке Европы. Матеріали XIII конференції Інституту археології АН УРСС (Кїив, 1968), Кїив 1972, 106-110.

Если в статьи использованы сокращения, тогда список сокращений прилагается.

В конце текста статьи прилагается также краткая информация об авторе: фамилия, имя, ученая степень, должность и место работы, адрес, телефон, факс, e-mail.

Ежегодно последний срок представления рукописей 1 декабря

BONS OFFICES
Casa Editorial Poligrafică

Casa editorial-poligrafică „Bons Offices”
mun. Chişinău, mun. Chişinău, str. Feredeului 4/6, MD-2005
tel/fax.: 500-894; tel.: 500-895, 500-578
e-mail: ion@bons.md